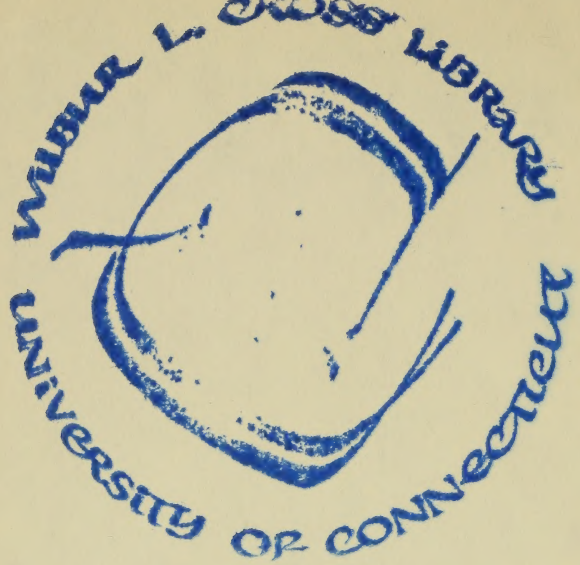

891.733
P674
1910

v. 3

BOOK 891.733.P674 1910 v.3 c.1
PISEMSKII # POLNOE SOBRANIE
SOCHINENII

3 9153 00201573 5

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
Boston Library Consortium Member Libraries

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso03pise

PG
3337
.P5
1910
t.3

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

T.3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1910.

891.733
Ф674
1910
v.3

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. просп. № 29.

КОМИКЪ.

Разсказъ.

I.

Собраніе любителей.

Нижеслѣдующая сцена происходила въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Ж. Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ, сидя въ своей прекрасной и даже богато меблированной гостиной, говорилъ долго, и говорилъ съ увлеченіемъ. Убѣдительныя слова его были, по преимуществу, направлены на сидѣвшаго противъ, высокаго, худого и косого господина, который ему возражалъ. Прочіе слушатели были: молодая дѣвица, чрезвычайно мило причесанная, — она слушала очень внимательно; помѣщавшійся невдалекѣ отъ нея толстый и плѣшивый мужчина, который тоже старался слушать, хоть и зѣвалъ по временамъ; наконецъ четвертый, — это былъ очень пріятный и очень искренній слушатель,—съ самою одобрительною улыбкою онъ внималъ то Аполлосу Михайлычу, то косому господину, смотря по тому, кто изъ нихъ говорилъ. Были, впрочемъ, еще двое собесѣдниковъ, но они совершенно не прислушивались къ общему разговору, сидѣли вдали отъ прочихъ и, должно-быть, пересмѣивали тѣхъ. Это были: молодая дама, стройная и нарядная, и молодой человѣкъ, тоже стройный и одѣтый съ большими претензіями на франтовство.

Толстый мужчина былъ мѣстный судья—Осипъ Касьянычъ Ковычевскій, человѣкъ, говорятъ, необыкновенно практическиумный и великій мастеръ играть въ коммерческія игры; пріятный слушатель—Юлій Карлычъ Вейсборъ. Онъ былъ очень любимъ всѣмъ обществомъ, но, къ несчастью, имѣлъ огромное семейство и при томъ больную жену, которая собственно родинами и истощена была: у нихъ живыхъ было семь сыновей

1/30/68

и семь дочерей; но что̀ болѣе всего жалко, такъ это то, что Юлій Карлычъ, по добротѣ своего характера, никогда и ничего не успѣлъ пріобрѣсть для своего семейства и потому очень нуждался въ средствахъ. Нарядная дама пріѣхала въ городъ лѣчиться. Это была прелестная женщина, — немного, конечно, важничала и все бредила столицею, въ которой была всего одинъ разъ, и то семи лѣтъ, но, вѣроятно, это проистекало оттого, что она имѣла значительное состояніе. Сидѣвшій рядомъ съ нею молодой человѣкъ приходился хозяину племянникомъ и служилъ въ Петербургѣ въ какомъ-то департаментѣ писцомъ, а теперь пріѣхалъ на три мѣсяца въ отпускъ. Онъ тоже очень восхищался столичною жизнью. Молодая дѣвица была его родная сестра, она воспитывалась и постоянно жила у Аполлоса Михайлыча. Что̀ касается до сего послѣдняго, то всѣ его знакомые о немъ говорили, что онъ былъ человѣкъ большого ума, чрезвычайной начитанности, высшаго образованія и весьма пріятнаго обращенія. Имѣя значительное состояніе, онъ жилъ всегда въ обществѣ, но не сходился съ нимъ въ главныхъ интересахъ; то-есть рѣшительно не игралъ въ карты, смѣялся надъ танцовальными вечерами, а занимался болѣе искусствами и сочинялъ комедіи. Ко всему этому я долженъ прибавить, что, несмотря на свой пятидесятилѣтній возрастъ, Дилетаевъ былъ еще очень любезенъ съ дамами и имѣлъ кой-какіе виды на одну вдову, Матрену Матвѣевну Рыжову. Косой господинъ былъ тоже любитель театра, но только, собственно, трагедіи и драмы. Онъ слылъ въ обществѣ за чудака, но, впрочемъ, имѣлъ порядочное состояніе, держалъ музыку и былъ холостякъ, — имя его Никонъ Семенычъ Рагузовъ.

Споръ между хозяиномъ и косымъ господиномъ зашелъ очень далеко: оба они начали даже кричать.

— Дикая и варварская мысль,—произнесъ косой гость.

— Я съ вами уже болѣе не спорю: вы неизлѣчимы,—отвѣчалъ хозяинъ:—а спрошу вашего мнѣнія, господа.

— Я совершенно съ вами согласенъ, — отвѣчалъ пріятный слушатель.

— А вы?—спросилъ Аполлосъ Михайлычъ, обращаясь къ плѣшивому мужчинѣ.

— Вы говорите насчетъ комедіи?—спросилъ тотъ.

— Да, насчетъ комедіи. Я говорю, что это тоже высшій сортъ искусства.

— Ваша правда, дѣйствительно высшій сортъ.

Косой господинъ вскочилъ.

— Драму-то вы, милостивые государи,—воскликнулъ онъ:—

куда дѣваете? Какъ вы драму-то уничтожаете съ вашей комедіей?

— Опять вы не понимаете того, что вамъ говорятъ,—возразилъ хозяинъ. — Никто и не думаетъ уничтожать вашей драмы. Мы сами очень любимъ и уважаемъ драматическіе таланты; но въ то же время понимаемъ и комедію, говоримъ, что и комедія есть тоже высокое искусство.

— Да, искусство, но только балаганное,—замѣтилъ насмѣшливо косой господинъ.

Хозяинъ покатился со смѣху.

— Ну, Никонъ Семенычъ,—сказалъ онъ, махнувъ рукою:— вы говорите такія уморительныя вещи, что вамъ даже и возражать нечего, а надобно только смѣяться.

Никонъ Семенычъ поблѣднѣлъ.

— Смѣяться я самъ умѣю громче вашего, но не смѣюсь, хотя ваши мнѣнія и дерутъ мнѣ уши,—возразилъ онъ.

— Мои мнѣнія не могутъ драть ничьихъ ушей,—перебилъ хозяинъ:—я ихъ высказывалъ въ столицахъ, и высказывалъ людямъ, понимающимъ театръ. И наконецъ: я мои мнѣнія, Никонъ Семенычъ, печаталъ и даже совѣтовалъ бы вамъ ихъ прочесть,—они во многомъ могутъ исправить ваши понятія.

— Я ужъ старъ учиться, особенно по вашимъ печатнымъ мнѣніямъ.

— Учиться никогда не поздно... Вотъ это мнѣ въ васъ и непріятно: вмѣсто того, чтобы хладнокровно разсуждать о нашемъ дѣлѣ, вы припутываете вашу личность и говорите потомъ дерзости! Я, конечно, вамъ извиняю, потому что вы человѣкъ энергическій, съ пылкими страстями и воображеніемъ, однимъ словомъ—Богъ вамъ судья—вы трагикъ, но, во всякомъ случаѣ, не мѣшайте дѣла съ бездѣльемъ.

— Кто жъ вамъ мѣшаетъ? Что вы хотите этимъ сказать?— перебилъ косой господинъ.—Вамъ самимъ было угодно пригласить меня сегодня на вечеръ, и я, кажется, сейчасъ же могу освободить васъ отъ моего присутствія.

— То-то вотъ и есть, что вы все сердитесь, а хорошенько не хотите выслушать,—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.—Дѣло наше очень просто и не головоломно: мы затѣваемъ благородный спектакль—во-первыхъ, для собственнаго удовольствія, во-вторыхъ, для удовольствія нашихъ знакомыхъ, и наконецъ, чтобы благороднымъ образомъ сблизить общество и дать возможность нѣкоторымъ талантамъ показать себя; но мы прежде всего должны вспомнить, что у насъ очень бѣдны матеріальныя средства: у насъ нѣтъ залы, мало денегъ, очень неполонъ оркестръ. Принявъ все это въ расчетъ, мы и говоримъ, что

должны играть какую-нибудь хорошую, но немногосложную комедію. Справедливо ли я, господа, говорю? — заключилъ хозяинъ, обращаясь къ слушателямъ.

Господа, за исключеніемъ косого, кивнули, въ знакъ согласія, головою.

— Играйте безсмысленные водевили, кто вамъ мѣшаетъ!— произнесъ Никонъ Семенычъ.

— Нѣтъ-съ, мы не водевили будемъ играть, но, какъ люди образованные, можемъ сыграть пьесы изъ хорошаго круга. Я предлагаю мою комедію, которую всѣ вы знаете и которая нѣкоторымъ образомъ одобрена вами, а въ заключеніе спектакля мы дадимъ нѣсколько явленій изъ «Женитьбы» Гоголя—пресмѣшной фарсъ,—я видѣлъ его въ Москвѣ и хохталъ до упаду.

— Я не могу участвовать,—сказалъ трагикъ.

— Отчего же не можете? Для васъ именно въ этомъ-то фарсѣ и есть прекрасная роль, которую вы отлично сыграете. Это роль Кочкарева — этакого живого, смѣшного чудака. Въ васъ самихъ много живости и развязности говорите вы вообще громко и рѣзко.

— Благодарю васъ за опредѣленіе моего амплуа, — перебилъ обиженно-насмѣшливымъ голосомъ трагикъ:—но только я не принимаю на себя этой чести. Дураковъ я никогда не игралъ и не понимаю ихъ, да и не знаю, стоитъ ли труда заниматься этими ролями.

— Я одного только не понимаю,—началъ хозяинъ:—о чемъ вы безпокоитесь. Я прежде вамъ говорилъ и теперь еще повторяю, что собственно для васъ мы согласны поставить сцену или двѣ изъ «Гамлета», напримѣръ — сцену его съ матерью: комната простая и небольшая; стоитъ только къ нашей голубой декораціи придѣлать занавѣсъ, за которымъ долженъ будетъ кто-нибудь лежать Полоніемъ. Дарья Ивановна сыграетъ мать, вы—Гамлета,—и прекрасно!

— Что вы такое говорите, Аполлосъ Михайлычъ, я сыграю?— спросила сидѣвшая вдали дама.

— Я говорю, что вы сыграете, въ сценѣ съ Никономъ Семенычемъ, Гертруду, мать Гамлета.

— Помилуйте, я ничего не умѣю играть! Клянусь вамъ честью, я съ перваго же слова расхохочусь до истерики.

— Вы будете смѣяться, а этотъ господинъ плакать, — это будетъ удивительно эффектно,—замѣтилъ шопотомъ сидѣвшій около нея молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, вы ужъ не извольте отказываться! Вы сыграете, и сыграете отлично,—возразилъ хозяинъ.—Ваша наружность,

ваши манеры — все это какъ нельзя лучше идетъ въ этой роли.

Трагикъ, слушавшій эти переговоры съ нахмуреннымъ лицомъ, всталъ и взялся за шляпу.

— Куда же вы?—спросилъ хозяинъ.

— Нужно-съ домой,—отвѣчалъ гость.

— Вы все сердитесь, но за что же? Для васъ ужъ есть пьеса, гдѣ вы можете себя показать.

— Я не хочу себя показывать въ какой-нибудь выдернутой сценѣ, въ которой я долженъ буду плакать, а на мои слезы станутъ отвѣчать смѣхомъ.

— Но согласитесь, любезный Никонъ Семенычъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ, что не можемъ же мы поставить цѣлую драму.

— Я противъ этого и не спорю. Нельзя поставить драму, а я не могу играть; потому что мое амплуа чисто драматическое, и потому что я съ вами никогда не соглашусь, чтобы ваша комедія была высшій сортъ искусства.

— Объ этомъ я уже съ вами говорить не хочу. Въ этомъ отношеніи, какъ я и прежде сказалъ, вы неизлѣчимы; но будемте разсуждать собственно о нашемъ предметѣ. Цѣлой драмы мы не можемъ поставить, потому что очень бѣдны наши матеріальныя средства,—сцены одной вы не хотите. Въ такомъ случаѣ составимте дивертисманъ, и вы прочтете что-нибудь въ дивертисманѣ драматическое, напримѣръ: «Братья-разбойники», или что-нибудь подобное.

— Кто же будетъ играть другихъ разбойниковъ? — спросилъ трагикъ, которому, видно, понравилась эта мысль.

— Въ разбойникахъ мы не затруднимся. Разбойниками могутъ быть и Юлій Карлычъ,—произнесъ хозяинъ, указывая на пріятнаго слушателя: — и Осипъ Касьянычъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ толстому господину: — наконецъ вашъ покорный слуга и Мишель, — заключилъ Аполлосъ Михайлычъ, кивнувъ головой на племянника.

— Эта роль безъ словъ, mon oncle? — спросилъ тотъ.

— Конечно, безъ словъ, — отвѣчалъ хозяинъ.

— Всякую безсловесную роль я принимаю на себя съ величайшимъ удовольствіемъ, и даже отлично сыграю,—отнесся молодой человѣкъ къ молодой дамѣ и захохоталъ.

— Вотъ вамъ и цѣлая коллекція разбойниковъ, — продолжалъ съ удовольствіемъ хозяинъ. — Въ задніе ряды мы даже можемъ поставить людей, чтобы толпа была помноголюднѣе.

— Дѣло не въ томъ,—возразилъ Никонъ Семенычъ.—Мнѣ кажется, что эффекту мало будетъ; неотчего ожидать этихъ прекрасныхъ драматическихъ вспышекъ.

— Что это вы говорите, — воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ:—какъ нѣтъ драматическихъ вспышекъ, когда вся пьеса есть превосходная драматическая вспышка! Сумѣйте только, почтеннѣйшій, какъ говоритъ Фамусовъ, прочесть ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

— За этимъ дѣло не станетъ. Прочитать мы прочитаемъ,— отвѣчалъ Рагузовъ:—но я боюсь еще, какъ публика пойметъ? Кто у насъ будетъ публика?

— Публика пойметъ,—отвѣчалъ хозяинъ:— потому что публика въ этомъ дѣлѣ всегда и вездѣ самый справедливый судья. Эту мысль я высказалъ даже въ моей статьѣ о В.....мъ театрѣ. Сверхъ того, у насъ будутъ люди и понимающіе нѣчто, напримѣръ: Александръ Александрычъ съ семействомъ, Веснушкинъ, чудакъ Котаевъ. Эти люди, Никонъ Семенычъ, видятъ далеко! Въ дивертисманѣ вашемъ Дарья Ивановна пропоетъ своимъ небеснымъ голоскомъ свой chef d'oeuvre — «Осѣдлаю коня»; Фанни протанцуетъ качучу.

— Я ее, mon oncle, совсѣмъ забыла, — проговорила молодая дѣвушка.

— Ты не могла ее, моя милая, забыть, — возразилъ Аполлосъ Михайлычъ:—потому что ты только прошлаго года изучила ее въ Москвѣ. Впрочемъ, застѣнчивость въ этомъ отношеніи, mon ange, даже смѣшна...

— Но, mon oncle, я не балетчица, а актриса.

— Все это я хорошо знаю, chère Fanny; но все-таки тебѣ стоитъ только вспомнить то соло, которое ты танцовала въ Москвѣ въ благородномъ балетѣ, то и этого уже будетъ весьма достаточно, а кромѣ того, ты не должна уже отказываться и потому, что это необходимо для полноты спектакля.

Трагикъ, все еще остававшійся въ дурномъ расположеніи духа, всталъ.

— Доброй ночи, — сказалъ онъ.

Хозяинъ началъ-было его упрашивать досидѣть артистическій вечеръ, но гость уѣхалъ.

— Удивительно, какого несноснаго характера!—сказалъ Аполлосъ Михайлычъ, пожавъ плечами по уходѣ трагика.—Не глупый бы человѣкъ, но съ самыми непріятными странностями— всегда и вездѣ хочетъ, чтобы дѣлалось по-его. По способностямъ своимъ—комическій актеръ, и даже актеръ недурной, а воображаетъ себя трагикомъ, и трагикомъ въ родѣ Мочалова. Когда ему начнешь что-нибудь говорить или читать, онъ никогда и ничего не слушаетъ, а требуетъ только, чтобъ его чтеніемъ восхищались. Недѣли двѣ тому, кажется, назадъ явился ко мнѣ съ своимъ Шекспиромъ—этакія маленькія си-

ненькія книжки—и началъ читать — просто, сдѣлалъ пытку! Вообразите себѣ—слушать двѣнадцать часовъ прозу, произносимую самымъ непріятнымъ прононсомъ и сопровождаемую самыми рѣзкими движеніями!

— Я говорила вамъ, mon oncle, чтобы вы его не приглашали, — замѣтила племянница.

— Нельзя, мой другъ! Во-первыхъ, его музыканты: не пригласи — осердится и не дастъ оркестра, а безъ музыки, ты сама знаешь, спектакля не бываетъ; а во-вторыхъ, онъ и актеръ порядочный. Впрочемъ, господа, лучше потолкуемте о дѣлѣ; позвольте мнѣ представить вамъ маленькій ярлычокъ.— Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и продолжалъ:— Въ пьесѣ моей роль виконта играю я; гризетку — Фанни, она эту роль прекрасно изучила; нечего конфузиться!.. Я въ этомъ дѣлѣ строгъ: дурно, такъ дурно, а хорошо, такъ хорошо... На роль маркизы я приглашу Матрену Матвѣвну — немного черезчуръ полна, но это ничего: она довольно ловка! Потомъ-съ, — нѣкоторыя сцены «Женитьбы». Вотъ тутъ маленькая заковычка: дѣйствующихъ лицъ много — нынѣшніе писатели вообще любятъ толпу, которая только въ большихъ труппахъ возможна. Между нами сказать, я бы этой пьесы никогда не поставилъ: какой-то тривіальный фарсъ... смѣшна и больше ничего; но мнѣ хочется это сдѣлать для столицы; въ Москвѣ она очень всѣхъ смѣшила; придется, можетъ-быть, своимъ знакомымъ написать, что у насъ былъ спектакль, давали «Женитьбу», тамъ этого и довольно: всѣ восхитятся! Въ этой шуткѣ я думаю раздать роли такимъ образомъ: невѣсту будетъ играть Фанни, сваху— Матрена Матвѣвна, она будетъ чуднѣйшая сваха! Экзекутора сыграете вы, Осипъ Касьянычъ.

— Нѣтъ ужъ, Аполлосъ Михайлычъ, меня, сдѣлайте милость, освободите: я, право, никогда не игрывалъ на театрахъ и вовсе никакого желанія не имѣю-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Полноте пустяки говорить, мой почтеннѣйшій, — возразилъ хозяинъ. — Роль маленькая: на какихъ-нибудь трехъ страницахъ. Моряка сыграетъ Юлій Карлычъ. Эта роль очень добрая: лицо надобно имѣть веселое, съ пріятной этакой улыбкой. Она очень будетъ вамъ по характеру. Кочкарева сыграетъ нашъ великій трагикъ, а Мишель — Анучкина.

— А тутъ, mon oncle, надо будетъ говорить? — спросилъ племянникъ.

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ слуга покорный, я рѣшительно отказываюсь отъ всѣхъ словесныхъ ролей, — отвѣчалъ Мишель.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться, если я этого хочу.

— Помилуйте, mon oncle! Вы захотите, чтобы я на канатѣ плясалъ, — возразилъ племянникъ: — такъ и долженъ я лѣзть на канатъ и сломать себѣ голову?

— И очень бы хорошо сдѣлалъ, если бы въ самомъ дѣлѣ сломалъ и досталъ бы гдѣ-нибудь поисправнѣе!.. Какъ ты можешь не хотѣть участвовать въ томъ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ все общество, въ которомъ наконецъ участвуютъ твоя сестра и дядя?

— Что жъ такое сестра и дядя? — возразилъ Мишель.

— Какъ что такое сестра и дядя?.. Ахъ, ты, безсмысленный повѣса! Для него ничего не значатъ сестра и дядя; да самъ ты что за великій человѣкъ? Не потому ли развѣ, что въ департаментѣ бумаги подшивать выучился, невѣжа глупый?

— Вы можете сердиться, сколько вамъ угодно, а я не буду играть, — сказалъ молодой человѣкъ и ушелъ въ залу.

— Дѣло въ томъ, господа, — началъ, поуспокоившись, хозяинъ:—намъ недостаетъ актера на главную роль — на Подколесина. Я вотъ третью ночь не сплю и все думаю объ этомъ; намекнулъ-было сначала на Харитонова, по наружности бы очень шелъ: толстъ, неуклюжъ, лицо этакое дряблое— очень былъ бы хорошъ; нарочно даже въ деревню къ нему ѣздилъ, но неудача: третью недѣлю въ водяной умираетъ. Хотѣлъ-было напасть на учителя ариѳметики,— тоже былъ бы приличенъ, смирный, тихій, — но отказывается, — говоритъ, что ничего не можетъ сыграть, особенно въ дамскомъ обществѣ. Хотѣлъ-было завербовать аптекаря, наружностью тоже подходитъ къ роли и играть бы согласился съ удовольствіемъ, но, къ несчастью, по-русски ужасно дурно говоритъ да и отъ природы картавъ.

— Я знаю одного актера, — заговорилъ Юлій Карлычъ: — только угодно ли будетъ вамъ его принять?

— Сдѣлайте милость!.. Почему же не принять?— возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Слабость имѣетъ большую: пьяница, говорятъ, и пьяница-то запойная.

— Что же онъ, по крайней мѣрѣ, за человѣкъ?—спросилъ хозяинъ.

— Человѣкъ онъ неважный, здѣсь въ питейной конторѣ служитъ.

— Какимъ же образомъ вы узнали, что онъ хорошій актеръ?

— Нынче лѣтомъ у меня Саша изъ гимназіи пріѣзжалъ, такъ сказывалъ, что онъ гдѣ-то на вечерѣ, подгулявъ, что ли,

читалъ имъ какое-то сочиненіе: такъ, говоритъ, уморилъ всѣхъ со смѣху. Саша даже мнѣ все его передразнивалъ.

— Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь показать его? Я бы испыталъ его на Подколесинѣ.

— Въ этомъ-то и трудность, Аполлосъ Михайлычъ; онъ ведетъ очень странную жизнь: или сидитъ дома около жены, которой, говорятъ, ужасно боится, или безобразно пьянъ.

— Господи Боже мой, какое несчастье! По крайней мѣрѣ, можно ли его какимъ-нибудь образомъ вызвать изъ дому трезваго? Не цѣлый же день онъ пьянъ?

— Вы напрасно, Юлій Карлычъ,—вмѣшался въ разговоръ Осипъ Касьянычъ:—даете Аполлосу Михайлычу такой совѣтъ. Вы, вѣроятно, говорите о Рымовѣ? Помилуйте, я его знаю: онъ человѣкъ совершенно потерянный; я полагаю, что это даже будетъ неприлично и, вѣроятно, дамамъ непріятно.

— Какъ это сказать, Осипъ Касьянычъ, — возразилъ хозяинъ: — что будетъ неприлично и непріятно дамамъ? Въ искусствѣ не должно существовать личностей.

— Какъ вамъ угодно, Аполлосъ Михайлычъ, я сказалъ только мое мнѣніе.

— Очень вамъ благодаренъ; но мы теперь разсуждаемъ не о томъ, что̀ это за человѣкъ, а какой онъ актеръ.

— Актеръ превосходный, мнѣ Сашенька сказывалъ,— подхватилъ Юлій Карлычъ.

— Много вашъ Сашенька понимаетъ, — перебилъ Осипъ Касьянычъ.

— Да я ничего и не говорю и сказалъ только свое мнѣніе. Моего Сашеньку тутъ вамъ трогать нечего.

— Васъ никто съ вашимъ Сашенькой и не трогаетъ, а говорятъ о Рымовѣ да о дамахъ, которыя не захотятъ съ нимъ играть.

— Нѣтъ, Осипъ Касьянычъ! При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что вы говорите не дѣло: наши дамы выше этихъ мелочей, — перебилъ хозяинъ.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ судья: — ваше дѣло.

Въ залу, куда ушелъ молодой человѣкъ, вскорѣ за нимъ вышла и молодая дама.

— О чемъ вы мечтаете?— спросила она, подходя къ нему.

— Я не мечтаю, но я взбѣшенъ на этого стараго хрыча.

— Не сердитесь на него, онъ васъ любитъ.

— Sacre Dieu! Что̀ мнѣ въ его любви!.. Помѣшался самъ на театрѣ и хочетъ всѣхъ сдѣлать актерами. Очень весело учить какую-нибудь дрянь наизусть, пачкать лицо и тому подобныя дѣлать глупости.

— Что жъ такое? Ничего, зато все общество будетъ вмѣстѣ. На репетиціяхъ будетъ очень пріятно: мы съ вами будемъ сидѣть, разговаривать, смѣяться.

— Да, конечно, въ такомъ случаѣ это будетъ очень пріятно, но я думалъ, что вы не захотите играть.

— Нѣтъ, отчего же не играть? Съѣзжаемся же на вечера. Роли, конечно, я не стану учить, а выйду да постою.

— Вамъ можно это дѣлать, Дарья Ивановна; но меня онъ будетъ заставлять учить и ломаться.

— А вы не учите; выйдите, постойте, да и уйдите.

— Я съ нимъ сдѣлаю штуку. На репетиціяхъ буду, а какъ надобно будетъ играть, и притворюсь больнымъ. Ахъ, только, какъ я посмотрю, какая у васъ здѣсь, противъ Петербурга, ужасная жизнь: ни вокзаловъ, ни собраній, ни гуляньевъ, а только затѣваютъ какіе-то дурацкіе театры.

— Что дѣлать! Провинція. Что нынче больше танцуютъ въ Петербургѣ?

— Передъ моимъ отъѣздомъ вошла въ моду полька tremblante.

Послѣ этого разговора дама скоро уѣхала, а молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ въ комнату.

Два собесѣдника Аполлоса Михайлыча, судья и Юлій Карлычъ, несмотря на происшедшую между ними маленькую размолвку, вмѣстѣ простились съ хозяиномъ, вмѣстѣ вышли и даже сѣли въ одинъ экипажъ.

— Ну, оттерпѣлся!—произнесъ Осипъ Касьянычъ: — даетъ же Богъ этакимъ скотамъ состояніе,—продолжалъ онъ:—вмѣсто того, чтобы тѣшить общество приличнымъ образомъ, давать бы, при этакихъ средствахъ, обѣды, вечера картежные, такъ нѣтъ, точно бѣлены объѣлся: театръ играть вздумалъ; экихъ актеровъ нашелъ; а поди, откажись, такъ еще непріятность какую-нибудь сдѣлаетъ. Вотъ сегодня надо было у Алмазова партію составить, — вотъ тебѣ и партія, просидѣлъ на дурацкомъ вечерѣ, да и только... Обоихъ бы ихъ съ Рагузовымъ на одну осину, проклятыхъ, повѣсить; тотъ хоть, по крайней мѣрѣ, самъ благуетъ, а этотъ еще другихъ ломаться заставляетъ на его потѣху. Удивительно, какое скотство!

— Ужъ не говорите лучше, Осипъ Касьянычъ,—произнесъ Юлій Карлычъ: — вонъ у меня жена больна, письмо надобно было писать; а что дѣлать — просидѣлъ вечеръ.

— Ну, ужъ и вы-то хороши съ вашимъ смѣшнымъ характеромъ: актера тамъ ему пріискали — какого-то пьяницу. Я молилъ Бога, чтобы и тѣ-то разбѣжались, а вы еще новыхъ отыскиваете.

— Нельзя, почтеннѣйшій, ей-Богу, нельзя! Войдите вы въ мое положеніе! На прошлой недѣлѣ занялъ у него триста рублей: вы сами вотъ говорите, что нельзя отказаться, потому что непріятности станетъ дѣлать.

Фанни болѣе всѣхъ сочувствовала дядѣ; она, еще при гостяхъ, ушла въ наугольную комнату и, при лунномъ свѣтѣ, начала повторять качучу, которую должна была танцовать въ дивертисманѣ.

Никонъ Семенычъ, пріѣхавъ домой, тотчасъ же взялся за поэму Пушкина: «Братья-разбойники». Сначала онъ читалъ ее про себя; потомъ, одушевившись, принялся произносить вслухъ и затѣмъ, вскочивъ, воскликнулъ:

„О, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, опасность презирая,
Мы все дѣлили пополамъ“.

Единственный зритель его декламаціи, огромная лягавая собака, смотрѣвшая сначала на господина своего какими-то ласковыми глазами, на этомъ мѣстѣ, будто бы вмѣсто аплодисмента, начала на него лаять; но трагикъ не обратилъ вниманія, продолжалъ и докончилъ всю поэму вслухъ.

II.

Комикъ и антрепренеръ.

Рымовъ, о комическомъ талантѣ котораго такъ выгодно отзывался Юлій Карлычъ, былъ такое незначительное въ городѣ лицо, что о немъ никто и нигдѣ почти не говорилъ; а если кто и зналъ его, то съ весьма невыгодной стороны: его разумѣли запойнымъ пьяницей. Въ контору и обратно онъ ходилъ почти всегда въ сопровожденіи жены, которая будто бы дома держала его на привязи; но если ужъ онъ явился на улицѣ одинъ, то это прямо значило, что загулялъ, и въ это время былъ совершенно сумасшедшій: онъ всходилъ на городской валъ, говорилъ что-то къ озеру, обращался къ заходящему солнцу и къ виднѣющимся вдали лугамъ, потомъ садился, плакалъ, заходилъ въ трактиръ и снова пилъ неимовѣрное количество всякой хмельной дряни, врывался иногда насильно въ домъ къ Нестору Егорычу, одному именитому и почтенному купцу, торгующему кожами, и начиналъ говорить ему, что онъ мошенникъ, подлецъ и тому подобное. Его, разумѣется, выталкивали, и такимъ образомъ онъ шлялся весь день, жалкій и безобразный, до тѣхъ поръ, покуда не ловила его Анна Сидоровна (его жена) и не уводила съ помощью

добрыхъ людей домой. Что она потомъ предпринимала, неизвѣстно, но только Рымовъ исправлялся и начиналъ ходить опять въ контору. Въ трезвомъ состоянiи онъ былъ очень молчаливъ и отчасти суровъ; съ товарищами и подчиненными почти не говорилъ ни слова и даже главному управляющему и самому откупщику отвѣчалъ только на вопросы.

На другой день послѣ собранiя любителей, въ самомъ отдаленномъ концѣ города, въ маленькомъ флигелькѣ, во второй его комнатѣ, на двухспальной кровати, лежалъ внизъ лицомъ мужчина, и тутъ же сидѣла очень толстая женщина и гладила мужчину по спинѣ. Это была чета Рымовыхъ.

— Витя, а Витя! Опять съ тобою, мамочка, тоска; развѣ не проходитъ отъ глаженья? У тебя прежде отъ этого проходило, — говорила Анна Сидоровна.

— Прошло... лучше... поди, Анюта, — проговорилъ Витя.

— А ты пойдешь со мной? — спросила та.

— Нѣтъ, я полежу, усталъ что-то.

— Ну, такъ и я здѣсь посижу.

— Нѣтъ, ступай! Мнѣ жарко отъ тебя.

— Завтра я, мамочка, непремѣнно схожу къ лѣкарю и попрошу у него чего-нибудь для тебя. Какъ тебѣ не стыдно такъ запускать болѣзнь?

— Ну, ладно, ступай!.. Поди, пожалуйста, сдѣлай мнѣ къ обѣду окрошки.

— Да какъ же ты, мамочка, останешься одинъ? Тебѣ будетъ скучно!

— Ничего... я полежу... Поди, Анюта!

— Да, Витя, мнѣ самой-то не хочется отъ тебя отойти.

— Послѣ насидишься, — ступай, пожалуйста.

Анюта нехотя встала, чмокнула Витю въ затылокъ и вышла.

Тотчасъ же по уходѣ ея Рымовъ всталъ, потянулся и сѣлъ. Наружность его въ самомъ дѣлѣ была комическая: на широкомъ, довольно, впрочемъ, выразительномъ и подвижномъ лицѣ сидѣлъ какой-то кривой носъ; глаза слабые, улыбка только на одной половинѣ, устройство головы угловатое и развитое на верхней части затылка.

«Еще годъ такой жизни, и я совсѣмъ сблагую: чортъ знаетъ, что такое эти женщины! Для мужчинъ хоть время, хоть возрастъ существуетъ, а для нихъ и того нѣтъ! Бабѣ давно за сорокъ, а она все нѣжничаетъ—да еще и ревнуетъ! Не глядѣлъ бы ни на что, право. Что я теперь за человѣкъ?—Пьяница и больше ничего: трезвый тоскую, а пьяный глупости творю... Опять развѣ на театръ махнуть? Нѣтъ, чортъ возьми!..

нѣтъ!.. — воскликнулъ уже вслухъ Рымовъ, махнувъ рукой, какъ бы желая отогнать отъ себя дьявольское навожденіе. — Каково было у Григорьева-то въ труппѣ? — продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой: — да и публика-то хороша, нечего сказать: мерзавкѣ Завьяловой хлопаютъ да цвѣты кидаютъ, а надъ тобой только смѣются, да еще говорятъ, что мало играешь, играй вотъ имъ въ каждомъ дурацкомъ водевилѣ, паясничай — такъ и хорошо. Что̀ тамъ ни говори, а старуха моя, право, лучше всѣхъ для меня: влюблена даже въ мою физіономію — вотъ этого, признаюсь, я никакъ не понимаю. Ну, да, вправду, и она некрасива лицомъ, а привыкъ, удивительно привыкъ!»

Анюта возвратилась и съ самою пріятною улыбкою разостлала салфетку и поставила окрошку. Все это она исполняла проворно, потому что, несмотря на полноту, была очень поворотлива и имѣла извѣстную частоступчатую походку съ небольшимъ развальцемъ, какъ обыкновенно ходятъ ожирѣвшіе сангвиники.

— Кушай, мамочка, я послѣ пообѣдаю, — проговорила она.

Витя нехотя началъ болтать въ тарелкѣ ложкою. Анна Сидоровна стала около него; одною рукою она подперлась въ бокъ, а другою обняла шею мужа, — такимъ образомъ импровизированная живая картина была очень интересна. Представьте себѣ сидящаго Рымова, съ описанною мною физіономіею, имѣющею самое мрачное выраженіе, въ засаленномъ и полуизорванномъ кашемировомъ халатѣ, и обнимающую его полную даму съ засученными рукавами. Въ положеніи Анюты было даже нѣсколько кокетства; по крайней мѣрѣ, она какъ-то чрезвычайно странно свернула голову набокъ и очень нѣжно смотрѣла своими маленькими, заплывшими глазами на мужа. Рымовъ съѣлъ нѣсколько ложекъ, потомъ взглянулъ въ висящее противъ него зеркало, улыбнулся, махнулъ рукой и всталъ.

— Что̀ же ты, Витя, всталъ?

— Не хочу больше ничего.

— А чему ты, мамочка, смѣешься?

— Такъ, ничему... Славныя мы съ тобой фигуры, — отвѣчалъ тотъ.

— Что̀ же такое, мамочка! Ты хорошъ... право, хорошъ! Вонъ у тебя, душка, какой носикъ! Дай я тебѣ его поцѣлую...

И Анюта поцѣловала носикъ.

Рымовъ сдѣлалъ гримасу.

— Странная ты баба, — проговорилъ онъ, качая головой и ложась опять на постель.

— Вотъ ужъ у тебя сейчасъ и странная: самъ странный!

— Страненъ я, только не въ томъ.

— А зачѣмъ же, когда я ѣздила въ Кузмищево, такъ ты по мнѣ тосковалъ?

— Ты почему знаешь?

— Мнѣ одинъ человѣчекъ сказывалъ.

— Совралъ тебѣ человѣчекъ!

Анюта сѣла опять на кровать, схватила Рымова за подбородокъ и вдругъ поцѣловала его.

— Перестань, сумасшедшая, выдумала съ поцѣлуями...— проговорилъ тотъ съ досадою, вставая съ постели.

— Куда же ты, мамочка?

— Да такъ... все лижешься... молоденькая какая! Пусти... я ходить хочу.

Рымовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Анна Сидоровна, сложивъ руки, слѣдовала за нимъ глазами.

— Одного у насъ, Витя, съ тобою нѣтъ, право! Кабы это было, ты бы меньше скучалъ.

— Что такое?

— Дѣтей, мамочка! Хоть бы одного въ цѣлую жизнь Богъ далъ на радость!

Рымовъ усмѣхнулся.

— Ты бы, мамочка, очень его любилъ?

Рымовъ не отвѣчалъ.

— Вдругъ, Витя, у насъ родится что-нибудь?

— Перестань, пожалуйста, болтать—мелешь Богъ знаетъ что. Бабѣ за сорокъ, а думаетъ еще родить.

— Гдѣ же, Витечка, за сорокъ?

— Сколько же?

— Тридцать два года всего,—отвѣчала, потупившись, Анна Сидоровна.

— Ахъ, ты, сумасшедшая! Сто лѣтъ замужемъ, и все ей тридцать два.

— Какъ же сто? Всего пятнадцать.

— Ну, пятнадцать! Да замужъ вышла двадцати пяти.

— Это кто вамъ сказалъ, что двадцати пяти! Всего семнадцати лѣтъ.

— Ну, ладно: отвяжись!

— Ты все, мамочка, меня обижаешь; какъ надъ какой-нибудь дурой все смѣешься. Измѣнялъ нѣсколько разъ, такъ ужъ, конечно, жена не можетъ нравиться. Не скучайте, Викторъ Павлычъ! Можетъ-быть, нынѣшнюю зиму Богъ и приберетъ меня; будете свободны—женитесь, пожалуй! Возьмите молоденькую, а я буду лежать въ сырой землѣ.

При послѣднихъ словахъ Анна Сидоровна заплакала.

— Тьфу ты, дурацкая баба! — проговорилъ Рымовъ и плюнулъ.

— Плюйте, Викторъ Павлычъ! Богъ съ вами, плюйте! Я ужъ давно вами оплеванная живу.

— Да ты хоть кого выведешь изъ терпѣнья: или цѣлуется, какъ дѣвчонка какая, или капризится. Ревность съѣла!.. Къ кому, матушка? И людей-то никого не вижу, — весь всегда передъ тобой.

— А прежде-то что ты дѣлалъ на этомъ мерзкомъ театрѣ? Прежде-то какъ измѣнялъ, — это забылъ?

— Ну, да, какъ же! Очень всѣмъ нужно было меня. Тебѣ еще мало, что меня душитъ цѣлые дни тоска, — мало этого, что бываютъ минуты хоть рѣзаться, — произнесъ Рымовъ и бросился на кровать.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Мамочка, что это ты говоришь, — начала Анна Сидоровна, вставая и подходя къ мужу. — Зачѣмъ ты это говоришь? Я думаю, страшно.

— Страшно? Нѣтъ, моя милая, не умереть, а жить, какъ я живу, страшно.

Анна Сидоровна опять сѣла на постель.

— Витечка! Что это такое? Я лучше сама за тебя умру.

Комикъ отворотился къ стѣнѣ и началъ чрезвычайно впечатлительнымъ голосомъ:

— «Умереть!.. уснуть!.. но, можетъ, станешь грезить въ томъ чудномъ снѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ пришельцевъ!..»

Анна Сидоровна сидѣла, подгорюнившись.

Послышался въ сѣняхъ сильный стукъ.

— Кто-то, должно-быть, пріѣхалъ,—воскликнула Анна Сидоровна, вскочивъ.

— О, чортъ бы дралъ! — проговорилъ Рымовъ и захлопнулъ дверь.

Въ первой комнатѣ кто-то кашлялъ.

— Поди, мамочка, какой-то мужчина, — сказала Анна Сидоровна, заглянувъ въ щелку.

Рымовъ съ досадою надѣлъ пальто и вышелъ.

Передъ нимъ стоялъ Аполлосъ Михайлычъ.

Разговоръ нѣсколько минутъ не начинался.

Дилетаевъ былъ пораженъ наружнымъ видомъ комика, который дѣйствительно былъ очень растрепанъ; стоявшіе торчкомъ во всѣ стороны волосы были покрыты пухомъ; изъ-подъ изношеннаго пальто, застегнутаго на двѣ только пуговицы,

выбивалась грязная рубашка; галстука совсѣмъ не было: брюки вздернулись и тоже всѣ были перепачканы въ пуху.

— Честь имѣю кланяться, — заговорилъ наконецъ Аполлосъ Михайлычъ: — не обезпокоилъ ли я васъ; вѣроятно, вы отдыхали послѣ обѣда?

— Да-съ, — отвѣчалъ Рымовъ.

— Не знаю, нужно ли мнѣ рекомендоваться вамъ; но, впрочемъ... Аполлосъ Михайлычъ Дилетаевъ.

Хозяинъ поклонился, гость сѣлъ и, опершись на свою палку, началъ слѣдующимъ образомъ:

— Первоначально, позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Викторъ Павлычъ.

— Вчерашній день, Викторъ Павлычъ, я имѣлъ удовольствіе слышать о васъ чрезвычайно лестные отзывы; но, предварительно, считаю нужнымъ сообщить вамъ нѣчто о самомъ себѣ. Я немного поэтъ, поэтъ въ душѣ. Поэтъ, такъ сказать, по призванію. Не служа уже лѣтъ пять и живя въ деревенской свободѣ, — я бесѣдую съ музами. Все это вамъ потому сообщаю, что и вы, какъ я слышалъ, тоже поэтъ, и поэтъ въ душѣ.

— Я ничего не пишу.

— Да... но это все равно — вы актеръ!

Рымовъ покраснѣлъ.

— Я это хорошо знаю и поэтому рѣшился обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: не угодно ли вамъ принять участіе въ благородномъ спектаклѣ, который будетъ у меня въ домѣ?

Рымова подернуло.

— Я давно ужъ отсталъ и отвыкъ, — произнесъ онъ.

— Не безпокойтесь, — я эти вещи очень хорошо понимаю: художникъ до самой смерти остается художникомъ.

— Я не знаю-съ, могу ли теперь за себя ручаться...

— Опять повторяю: не безпокойтесь! Мы имѣемъ для васъ превосходную роль. Это, знаете, этакого дикаго, застѣнчиваго мужчину въ пьесѣ «Женитьба», изъ которой дано будетъ нѣсколько явленій. Сколько могу васъ понимать, то эта роль будетъ вамъ очень по характеру, и вы отлично ее выполните.

Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ будто бы въ эту минуту рѣшалась участь его жизни. Онъ ничего не находился говорить и только перебиралъ дрожащими руками петли своего пальто.

— Я очень люблю театръ, — сказалъ наконецъ онъ.

— Это я вижу по вашему лицу, — замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ: — вы даже теперь взволнованы.

— Большой будетъ спектакль?—спросилъ хозяинъ, утирая катившійся съ лица потъ.

— Спектакль будетъ довольно большой и прекрасно составленный: въ первую голову моя комедія: «Виконтъ и гризетка, или исправленный повѣса», необыкновенно живая пьеска, изъ французскихъ нравовъ. Въ ней всего три дѣйствующія лица: молодой виконтъ, котораго я самъ буду играть и который есть чистый типъ шалуна-парижанина, и еще двѣ женщины— одна изъ нихъ гризетка, а другая маркиза. Въ первомъ дѣйствіи онъ влюбленъ въ гризетку и ненавидитъ маркизу, а во второмъ влюбляется уже въ нее. Гризетка это узнаётъ, застаетъ его у маркизы, укоряетъ его; сама маркиза надъ нимъ смѣется. Онъ сначала теряется, потомъ раскаивается и предлагаетъ гризеткѣ руку, а маркиза объявляетъ, что это ея побочная дочь. Пьеса эта, я, не хвастаясь, могу сказать, неоцѣненная вещь для благородныхъ спектаклей, потому что актеры не могутъ имѣть тѣхъ манеръ, которыя нужны для сенъ-жерменскихъ баричей. Потомъ «Женитьба»,—объ этой комедіи, если хотите, я ничего не скажу особеннаго: написана она въ очень тривіальномъ духѣ; я видѣлъ ее въ Москвѣ и, конечно, какъ знатокъ и судья строгій въ этомъ дѣлѣ, нашелъ въ ней много недостатковъ, но при всемъ томъ хохоталъ до невѣроятности. Мы ее дадимъ для райка; у меня хоть и домашній спектакль, но публика будетъ всѣхъ сортовъ, потому что я это пріятное удовольствіе хочу раздѣлить со всѣмъ городомъ, для котораго оно можетъ служить эрою воспоминаній.

— Я знаю-съ эту пьесу.

— Знаете? И прекрасно!

— Это геніальная комедія.

— Ну, ужъ и геніальная,—высоко взяли, Викторъ Павлычъ! Впрочемъ, сейчасъ видно артиста въ душѣ. Мнѣ очень пріятно это отъ васъ слышать, хотя я и не согласенъ съ вами: я классикъ и геніальными твореніями называю только классическія пьесы.

— Она классическая.

— Ну что жъ въ ней классическаго? Классическаго-то въ ней ничего нѣтъ. Во-первыхъ, главнаго правила классицизма—единства содержанія, въ ней не существуетъ; а безъ этого, батюшка, всякая комедія, какъ тѣло безъ души. Сведено нѣсколько смѣшныхъ, уродливыхъ лицъ, которыя говорятъ между собою и, конечно, заставляютъ смѣяться, но и только: эта пьеса рѣшительно не для знатоковъ. Вы, впрочемъ, пожалуйста, не принимайте этого никакъ на свой

счетъ, потому что, хоть и будете играть въ этой комедіи, но и въ ней можете показать свой талантъ—золото видно и въ грязи.

— Я очень радъ играть въ этой пьесѣ.

— А я болѣе вашего.

На этомъ мѣстѣ вышла Анна Сидоровна. Она все подслушивала. Лицо ея покрылось багровыми пятнами; кашемировый платокъ былъ надѣтъ какъ-то совсѣмъ ужъ накось. Гостю она присѣла, а на мужа взглянула: тотъ потупился.

— Итакъ,—проговорилъ Дилетаевъ, вставая:—когда же мы увидимся? Не могу ли я васъ просить пожаловать ко мнѣ сегодня вечеромъ? У меня будетъ маленькое испытательное чтеніе: мы потолкуемъ, продекламируемъ наши пьесы и прочее. Вы не повѣрите, какъ хлопотливы эти театры! Его даже по одному этому можно назвать великимъ дѣломъ. Я про себя, напримѣръ, могу сказать, что съ молодыхъ лѣтъ былъ поклонникомъ Мельпомены—знатокъ и опытенъ въ этомъ; но, признаюсь, иногда голова идетъ кругомъ, особенно трудно ладить съ участвующими; всѣмъ хочется сдѣлать по-своему, а сдѣлать-то никто ничего не умѣетъ. Есть у меня сосѣдъ и пріятель, Никонъ Семенычъ Рагузовъ, страстный театралъ; но, къ несчастью, помѣшанъ на трагедіяхъ. Вчера даже сдѣлалъ мнѣ сцену: требуетъ все драмы; успокоили только тѣмъ, что ставимъ на сцену «Братья-разбойники». Однако до свиданья,—проговорилъ гость, раскланиваясь и пожимая у комика руку. — Надѣюсь, сударыня, — прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ:—что и вы пожалуете посмотрѣть на нашъ спектакль и полюбоваться вашимъ супругомъ.

Анна Сидоровна ничего не отвѣчала; полная грудь ея колыхалась, или, лучше сказать — она вся была въ сильномъ волненіи.

Дилетаевъ заѣхалъ отъ Рымовыхъ къ Юлію Карлычу. Хозяинъ выбѣжалъ его встрѣчать на крыльцо и, поддерживая гостя подъ руку, ввелъ на лѣстницу и провелъ въ гостиную.

— Я отыскалъ вашего комика,—началъ Дилетаевъ.

— Изволили отыскать?—воскликнулъ хозяинъ. — Простите меня великодушно,—продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ:— я сейчасъ было-хотѣлъ, по вашему приказанію, ѣхать къ нему, да лѣкаря прождалъ. Клеопатра Григорьевна у меня очень нехороша.

— Ничего, я ужъ съѣздилъ. Какая однако странная семья: въ домѣ грязь... сырость... бѣдность... жена какой-то совершенный уродъ, да и самъ-то настоящій ужъ комикъ... этакой

уморительной физіономіи я и не видывалъ: оборванный, нечесанный, а неглупый человѣкъ и буфъ долженъ быть отличнѣйшій.

— Я докладывалъ вѣдь вамъ: необыкновенный, говорятъ, актеръ.

— Это видно даже по любви его къ искусству. Представьте себѣ, только-что я намекнулъ о театрѣ, поблѣднѣлъ даже весь, какъ полотно, глаза разгорѣлись, и говорить ужъ ничего не можетъ.

— Скажите, пожалуйста! Ну, да, впрочемъ, и честь для него велика—изъ какихъ-нибудь писарей быть приглашену въ благородное общество—и это не бездѣлица.

— Конечно. Пріѣзжайте обѣдать.

— Клеопатра Григорьевна очень больна.

— Ну, что же такое? Вы не поможете.

— Конечно, Аполлосъ Михайлычъ: пріѣду-съ.

Отъ Вейсбора Дилетаевъ проѣхалъ къ Матренѣ Матвѣвнѣ, о которой я уже упоминалъ и съ которой у него, говорятъ, что-то начиналось. По его назначенію, она должна была играть въ его комедіи маркизу, а въ «Женитьбѣ» сваху.

При всѣхъ своихъ свиданіяхъ, Аполлосъ Михайлычъ съ Матреной Матвѣвной имѣли всегда очень одушевленную бесѣду, потому что оба они любили поговорить и даже часто, не слушая другъ друга, торопились только высказать свои собственныя мысли.

Едва только гость появился въ залѣ, гдѣ сидѣла Матрена Матвѣвна, сейчасъ же оба вмѣстѣ заговорили.

— Вхожу въ храмъ волшебницы, съ преклоненными колѣнами, съ мольбою и просьбою, — произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Это я знаю... все знаю... согласна и рада!.. Извиняюсь только, что вчера не могла пріѣхать, потому что была въ домашнемъ маскарадѣ.

— Вы еще похорошѣли, Матрена Матвѣвна.

— А вы еще болѣе стали льстецъ!..

— Нѣтъ, какой я льстецъ—старикъ... хилый... слабый... Я могу только въ душѣ восхищаться юными розами и вдыхать ихъ дыханіе.

— Не старикъ, а волокита, льстецъ и повѣса.

— Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ, а буду умолять васъ принять на себя роли, которыя вы, конечно, превосходно сыграете, потому что отлично играете стариками. Я ихъ самъ для васъ перепишу.

— Давайте, я все выучу и сыграю. Когда вы состарѣетесь?

— Я ужъ и теперь старикъ!

Матрена Матвѣвна покатилась со смѣху.

— Ха-ха-ха... Онъ старикъ! Актеръ... поэтъ... онъ старикъ! Совсѣмъ все устроили?

— Почти совсѣмъ.

— Дарья Ивановна была?

— Да,—вчера была.

— Она играетъ?

— Должна.

— Она влюблена въ вашего Мишеля.

— Она замужемъ.

— Что жъ такое! Ахъ, какимъ постникомъ притворяется, а сами что дѣлаете?

— Я вдовый.

— Ну, да, конечно, это оправданіе. Отчего Фанечку не выдаете замужъ?

— Жениховъ нѣтъ!

— Ну, что это вы говорите,—выдавайте!.. Право, грѣшно такъ дѣвушку держать.

— Я, съ своей стороны, согласенъ хоть сейчасъ; но никого въ виду нѣтъ.

— А Рагузовъ! Онъ вамъ, право, связываетъ руки.

— Конечно, но онъ не сватается, да и чужды они какъ-то очень другъ друга; можетъ-быть, теперь сблизятся. Онъ будетъ читать «Братья-разбойники»,—пресмѣшной человѣкъ... О чемъ вы задумались?

— Такъ, что-то грустно... Что моя жизнь? Хожу, ѣмъ, сплю и больше ничего.

— Отъ васъ зависитъ...

Матрена Матвѣвна усмѣхнулась.

— Отчего жъ отъ меня?

— Вы не любите стариковъ.

— Напротивъ, я только и люблю мужчинъ пожилыхъ лѣтъ.

— Пріѣзжайте-ка къ намъ обѣдать.

— Обѣдать?.. Хорошо.

Дилетаевъ началъ прощаться. Хозяйка подала ему свою бѣлую и полную руку, которую тотъ поцѣловалъ и, расшаркавшись, вышелъ молодцомъ. Отсюда онъ завернулъ къ Никону Семенычу, котораго засталъ въ довольно странномъ костюмѣ, а именно: въ пунцовыхъ шелковыхъ шальварахъ, въ полуразстегнутой сорочкѣ и въ какой-то греческой шапочкѣ. На таліи былъ обернутъ нѣсколько разъ яхонтоваго цвѣта широкій кушакъ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ. При входѣ Аполлоса Михайлыча, онъ что-то декламировалъ.

— Разбойникъ! Совершенный разбойникъ! — проговорилъ тотъ.

— Я всю ночь все обдумывалъ: надобно большое искусство, чтобы вышло что-нибудь эффектное,—говорилъ хозяинъ, протягивая руку.

— А костюмъ-то развѣ не эффектенъ? Да вы, мой милый, поразите всѣхъ одною наружностью.

— Мнѣ хочется кое-что къ поэмѣ прибавить.

— Прибавляйте, пожалуй.

— Именно, прибавить въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

„Бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной“.

Я передѣлалъ такъ:

„Бывало, въ ночь глухую,
Тая въ груди отвагу злую,
Летимъ на тройкѣ вороныхъ,
Потѣшно сердцу удалыхъ!
Мы, мразный вѣтръ въ себя вдыхая,
О прошломъ вовсе забывая,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной“.

Это будетъ сильнѣе.

— Чудесно, право, чудесно!.. Какого, батюшка, сейчасъ актера досталъ я—чудо! Пріѣзжайте обѣдать.

— Не знаю, поутру можно ли. Я думаю много перемѣнить въ пьесѣ.

— Ну, хоть вечеромъ.

— Вечеромъ буду.

Аполлосъ Михайлычъ завернулъ также и къ судьѣ и здѣсь было-получилъ непріятное извѣстіе: Осипъ Касьянычъ рѣшительно отказывался играть, говоря, что онъ совершенно неспособенъ и даже въ театрѣ во всю свою жизнь только два раза былъ; но Дилетаевъ и слышать не хотѣлъ.

— Что вы тамъ, почтеннѣйшій Осипъ Касьянычъ, ни говорите, какъ вы ни отказывайтесь, мы вамъ не повѣримъ: вы будете играть и прекрасно сыграете, потому что вы человѣкъ умный,—это знаютъ всѣ,—и сегодняшній вечеръ пожалуйте ко мнѣ.

У судьи вытянулось лицо.

— Хоть на сегодняшній вечеръ увольте меня, Аполлосъ Михайлычъ,—проговорилъ онъ:—право, я даже всѣ мои обязанности нарушаю съ этимъ театромъ.

— Вы вашихъ обязанностей никогда не нарушали,—этого никто о васъ не смѣетъ и подумать,—рѣшилъ Дилетаевъ и, снова попросивъ хозяина не разстраивать отказомъ общее дѣло, уѣхалъ.

— Провалился бы ты съ своими вечерами! Совсѣмъ сблаговалъ, дуракъ этакій,—проговорилъ ему вслѣдъ судья.

Дома Аполлосъ Михайлычъ имѣлъ еще непріятную сцену съ племянникомъ, который тоже отказывался играть и на котораго онъ такъ разсердился, что назвалъ его безмозглымъ дуракомъ и почти выгналъ изъ кабинета.

По отъѣздѣ Дилетаева, Рымовы нѣсколько времени не говорили между собою ни слова. Комикъ сѣлъ и, схвативъ себя за голову обѣими руками, задумался. Приглашеніе Аполлоса Михайлыча его очень взволновало; но еще болѣе оно, кажется, встревожило Анну Сидоровну. Она первоначально начала утирать глаза, на которыхъ уже показались слезы, и потомъ принялась потихоньку всхлипывать.

— Это что еще такое?—сказалъ Рымовъ съ досадою.

— Такъ... ничего...—отвѣчала Анна Сидоровна:—опять!..—произнесла она и начала всхлипывать громко.

— Что опять?

— Опять!..—отвѣчала она и заревѣла.

— Ахъ, ты, дура... дура! — произнесъ, качая головой, Рымовъ, который, видно, догадывался, на что мѣтитъ жена.

Анна Сидоровна продолжала плакать.

— Разбойникъ... Душегубъ!—говорила она, рыдая: — точно бѣсъ-соблазнитель пріѣхалъ подмывать. Чтобы ни дна ни покрышки ему, окаянному—только бы имъ, проклятымъ, человѣка погубить.

Рымовъ усмѣхнулся.

— Чѣмъ же онъ меня погубитъ?

— Всѣмъ онъ васъ, Викторъ Павлычъ, погубитъ, рѣшительно всѣмъ; навѣкъ не человѣкомъ сдѣлаетъ, какимъ ужъ вы и были: припомните хорошенько, такъ, можетъ-быть, и самимъ совѣстно будетъ! Что смѣетесь-то, какъ надъ дурой! Вамъ весело, я это знаю, — цѣловаться, я думаю, будете по вашимъ закоулкамъ съ этими погаными актрисами. По три дня безъ куска хлѣба сидѣла отъ вашего поведенія. Никогда прежде не думала получить этого. Бабы деревенскія, и тѣ этакихъ непріятностей не имѣютъ!

— Все промолола?—спросилъ Рымовъ.

— Нечего мнѣ молоть! Давно я такая... давно ужъ вы въ эти дѣла-то вдались, такъ ужъ мнѣ и Богъ велѣлъ разумъ-то растерять.

— Именно, давно ужъ ты изъ ума выжила; прежде—проста была, а теперь ужъ ничего не понимаешь. Вразумишь ли тебя, что театръ мое призваніе... моя душа... моя жизнь! Чувствуешь ли ты? Понимаешь ли ты это, безумная женщина?

— У васъ все душа! Кто васъ ни позови — вамъ всякій будетъ душа, только жена не нравится.

Рымовъ махнулъ рукой.

— Въ пять лѣтъ Богъ даетъ удовольствіе, такъ и то хочетъ отнять,—началъ онъ.

Анна Сидоровна горько улыбнулась.

— Великое удовольствіе: какъ надъ дуракомъ будутъ смѣяться! Видѣла я васъ, Викторъ Павлычъ, своими глазами видѣла—и на человѣка-то не были похожи. Обманывать меня нечего, другого вамъ хочется.

— Чего же другого-то?

— Извѣстно, чего всѣ мужчины хотятъ.

— Ну да, конечно: красавецъ какой, — такъ и кинутся всѣ!

— Кидались же вѣдь прежде.

— Ахъ, ты, жалкое созданіе, въ тебѣ цѣлый дьяволъ ревности сидитъ; ты ничего не видишь, ничего не понимаешь. Это благородный спектакль,—вбей хоть это-то въ свою голову; тутъ благородныя дамы и дѣвицы. Неужели же онѣ и повѣсятся мнѣ на шею? Онѣ, я думаю, и говорить-то не станутъ со мной.

— Не хитрите, сдѣлайте милость, не хитрите, Викторъ Павлычъ! Все я очень хорошо понимаю, и понимаю, почему это вамъ такъ хочется.

— Почему мнѣ хочется? Вотъ этого-то ты, я думаю, ужъ совсѣмъ не понимаешь. Мнѣ хочется потому, что хотѣлось этого Шекспиру и Шиллеру,—потому что одинъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома, а другой не умѣлъ лѣчить—вотъ почему мнѣ хочется!

— Что вы мнѣ пріятелей-то приводите въ примѣръ. Въ Москвѣ еще я это отъ васъ слыхала. Такіе же пьяницы, какъ вы.

— Молчи, дура! Не говори, по крайней мѣрѣ, объ этихъ людяхъ своимъ мерзкимъ языкомъ.

— Ругайтесь, ругайтесь! Прибейте еще:—убить, я думаю, рады меня... Пьяница... бездомовщикъ,—уморилъ бы съ голоду, кабы не мои же родные дали мѣсто.

Анна Сидоровна начала опять ревѣть.

— Ну да,—проговорилъ Рымовъ: — я хочу играть, буду играть, хоть бы тебя на семь частей разорвало.

Послѣднія слова онъ произнесъ въ сильномъ ожесточеніи. Анна Сидоровна хотѣла-было что-то возражать.

— Молчи! — вскрикнулъ Рымовъ, ударивъ кулакомъ по столу.

III.

Вечеръ испытательнаго чтенія.

Художественный вечеръ Аполлоса Михайлыча, назначенный собственно для испытанія талантовъ, начался часовъ въ семь. Всѣ уже были почти налицо. Хозяинъ приготовлялся начать чтеніе.

— Рымовъ!—доложилъ слуга.

— А!..—произнесъ хозяинъ:—проси.

— Я чрезвычайно боюсь, не пьянъ ли онъ?—замѣтилъ Юлій Карлычъ судьѣ.

— Не безъ того. я думаю; заварите ужъ вы кашу съ вашими актерами,—проговорилъ тотъ и взглянулъ въ уголъ.

Къ удивленію многихъ, комикъ явился во фракѣ, въ бѣлой манишкѣ, съ причесанными волосами и совершенно ужъ не пьяный.

— Милости прошу!—проговорилъ хозяинъ, вставая.—Здѣсь вы видите все поклонниковъ Мельпомены, и потому знакомиться нечего; достаточно сказать это слово—и, стало-быть, всѣ мы братья. Господинъ Рымовъ!—прибавилъ Аполлосъ Михайлычъ прочимъ гостямъ, изъ коихъ нѣкоторые кивнули гостю головой, а Юлій Карлычъ подалъ ему руку.

— Прошу присѣсть,—продолжалъ Дилетаевъ, указывая на ближайшій стулъ.—Между нами нѣтъ только нашего великаго трагика Никона Семеныча. Онъ, вѣроятно, передѣлываетъ свою поэму; но мы все-таки начнемъ маленькую репетицію по ролямъ, въ томъ порядкѣ, какъ будетъ у насъ спектакль. Сначала моя комедія—«Исправленный повѣса», потомъ вы прочтете намъ нѣсколько сценъ изъ «Женитьбы», и наконецъ Никонъ Семенычъ продекламируетъ своимъ громовымъ голосомъ «Братья-разбойники»; Фанни протанцуетъ качучу, а Дарья Ивановна пропоетъ.

На такое распоряженіе хозяина никто не отвѣчалъ. Дарья Ивановна пересмѣхнулась съ Мишелемъ, судья сдѣлалъ гримасу, Юлій Карлычъ потупился, комикъ отошелъ и сѣлъ на дальній стулъ. Аполлосъ Михайлычъ роздалъ по экземпляру своей комедіи Матренѣ Матвѣвнѣ и Фанни.

— Пожалуйста, Матрена Матвѣвна, не сбивайтесь въ репликахъ, то-есть: это послѣднія слова каждаго лица, къ ко-

торымъ надобно очень прислушиваться. Это главное правило сценическаго искусства. «Театръ представляетъ богатый павильонъ на одной изъ парижскихъ дачъ». Вамъ начинать, Матрена Матвѣевна!

Вдова начала:

— Дѣйствіе первое. Явленіе первое.

— Позвольте, почтеннѣйшая! зачѣмъ ужъ это читать?— перебилъ хозяинъ.—Это всѣ знаютъ. Начинайте съ слова: «ахъ, да!»

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала Матрена Матвѣевна и снова начала:

„Ахъ, да! Всѣ говорятъ о васъ, виконтъ,
Что вы отъ свѣта стали отставать
И бродите день цѣлый подъ окномъ
Какой-то Дульцинеи...“

— Вы читаете недурно; но надобно болѣе обращаться ко мнѣ,—замѣтилъ хозяинъ и началъ самымъ развязнымъ тономъ:

„Я брожу?
Налгали вамъ, маркиза, на меня:
Я провожу весь день въ Пале-Роялѣ!
Играю, ѣмъ, курю и пью вино,
Затѣмъ, чтобъ, нагрѣшивши вдоволь,
Исправиться на вашихъ балахъ вновь“.

— Подхватывайте скорѣе, Матрена Матвѣвна!

Вдова торопливо взглянула въ книгу и зачитала:

„Смѣшно вамъ,
Смѣйтеся, маркиза, ваша воля!
Но если бъ въ самомъ дѣлѣ...“

— Attendez, madame,—воскликнулъ Аполлосъ Михайлычъ:— вы читаете мой монологъ,—какъ вы торопливы!

— Виконтъ!—сказала Матрена Матвѣевна, немного вспыхнувъ, и снова начала:

„Нѣтъ, нѣтъ, позвольте вамъ не вѣрить!
Вы страстно влюблены въ какую-то
Кухарочку, гризетку или прачку.
Смѣшно, виконтъ, мнѣ это“.—
„Смѣшно вамъ?—

подхватилъ хозяинъ:—

„Смѣйтеся, маркиза, ваша воля!
Но если бъ въ самомъ дѣлѣ я хотѣлъ
Кого-нибудь когда-нибудь любить,
Такъ не влюбился бы въ васъ, свѣтскихъ дамъ,
А сердце отдалъ бы простой крестьянкѣ“.

Матрена Матвѣвна подхватила:

„Затѣмъ, что обмануть несчастныхъ легче“.

— Вы хорошо произносите, но немного скоро и однообразно: нѣтъ перелива въ голосѣ...—замѣтилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Я теперь еще не знаю наизусть, а я выучу.

— Увѣренъ, увѣренъ, моя почтеннѣйшая, что выучите и будете превосходны. Какъ вы, Викторъ Павлычъ, находите наше чтеніе и комедію,—а?

— Стихи произносить очень трудно,—отвѣчалъ тотъ.

— Совершенно согласенъ: тутъ надобно, особенно въ комедіи, высшее классическое искусство. Я думаю, вы могли замѣтить, что я въ своемъ чтеніи много заимствовалъ у Катенина, котораго нѣсколько разъ слыхалъ и прилежно изучалъ.

Затѣмъ снова началось чтеніе. Матрена Матвѣвна часто мѣшалась въ репликахъ, но зато самъ хозяинъ необыкновенно одушевлялся, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ виконтъ высказываетъ маркизѣ, что онъ ее не любитъ, Аполлосъ Михайлычъ всталъ и декламировалъ наизусть.

— Какъ отлично Аполлосъ Михайлычъ читаютъ!—отнесся Юлій Карлычъ къ судьѣ.

Тотъ только почесалъ затылокъ; комикъ сидѣлъ насупившись; Мишель что-то шепталъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая, чтобъ удержаться отъ смѣха, зажала ротъ платкомъ. Фанни вся превратилась въ слухъ и зрѣніе и, кажется, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала, когда очередь дойдетъ до нея; наконецъ пришла эта очередь. По ходу пьесы она сидитъ одна, въ небольшой комнатѣ, шьетъ себѣ новое платье и говоритъ:

„Виконтъ! о, милый мой виконтъ!
Я для тебя спѣшу скорѣй надѣть
Тобою подаренный мнѣ нарядъ!
Ты, можетъ, будешь, другъ безцѣнный,
Любить меня еще сильнѣе въ немъ“.

Такъ читала дѣвушка, и читала съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ является виконтъ, сначала страстный, потомъ задумчивый; гризетка испугалась: она думаетъ, что онъ ее разлюбилъ; но онъ только вспомнилъ о маркизѣ, вспомнилъ, какъ она смѣялась надъ его любовью, и еще болѣе возненавидѣлъ эту женщину. Онъ разсказалъ своей возлюбленной; но она ему не вѣритъ и начинаетъ его ревновать.

Вся эта сцена очень удалась, можетъ-быть, болѣе потому, что два дѣйствующія лица не сбивались въ репликахъ и читали все на память. Дилетаевъ вставалъ, ходилъ, садился около Фанни и цѣловалъ ея руки; подъ конецъ явленія Юлій Карлычъ и Матрена Матвѣвна захлопали въ ладоши, и послѣдняя поклялась къ завтрашнему же дню такъ же твердо

выучить роль, какъ Фанни, и просила Аполлоса Михайлыча пріѣхать поутру поучить ее. Второе и послѣднее дѣйствіе было также прочитано съ большимъ одушевленіемъ со стороны Аполлоса Михайлыча и Фанни, и съ большимъ стараніемъ Матреною Матвѣвною, которая была уже не такъ однообразна, но, по торопливости характера, все-таки ошибалась иногда въ репликахъ и не совсѣмъ вѣрно выражала акцентомъ голоса мысль монолога; но Дилетаевъ слѣдилъ внимательно и очень часто дѣлалъ вдовѣ дѣльныя замѣчанія.

— Мы со сцены сходимъ,—произнесъ онъ:—теперь, Викторъ Павлычъ, ваша очередь—потѣшьте вы насъ вашимъ чтеніемъ. Мнѣ бы очень желалось, чтобы каждое дѣйствующее лицо читало за себя; но у меня книжка одна, и роли еще не списаны. Прочтите ужъ вы одни то, что я отмѣтилъ для нашего представленія, да еще васъ попрошу пропускать тѣ мѣста, которыя зачеркнуты карандашомъ. Они могутъ произвести на нашихъ дамъ непріятное впечатлѣніе.

Комикъ, слушавшій чтеніе всей комедіи Дилетаева съ грустнымъ лицомъ, всталъ.

— Посмотрите, какъ у него руки дрожатъ, должно-быть, онъ пьянъ,—замѣтилъ Мишель.

— Какой онъ странный, непріятно даже видѣть: что онъ—лакей, что ли, чей-нибудь?—спросила его Дарья Ивановна.

— Должно-быть, побочный сынъ Мельпомены.

— Перестанете ли вы меня смѣшить! Я, право, уѣду.

— Бога ради, не погубите меня... Я не буду, честное слово, не буду,—отвѣчалъ молодой человѣкъ и закурилъ папиросу.

Комикъ подошелъ къ столу и сѣлъ.

— Не любите ли вы пить воду съ сахаромъ при чтеніи?—спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ-съ, ничего; я и такъ прочту,—отвѣчалъ тотъ.

— Ему бы стаканъ водки, для смѣлости, закатить,—проговорилъ тихонько судья Юлію Карлычу.

— Ахъ, сохрани Господи! Онъ насъ всѣхъ приколотитъ,—отвѣчалъ тотъ.

— И хорошо бы сдѣлалъ, чтобы глупостями-то не занимались.

Комикъ наконецъ началъ чтеніе, по назначенію Аполлоса Михайлыча, съ того явленія, гдѣ невѣста разсуждаетъ съ теткою о женихахъ и потомъ является сваха. Съ перваго почти его слова Матрена Матвѣвна фыркнула, Аполлосъ Михайлычъ усмѣхнулся, Вейсборъ закачалъ головой, Фанни съ удивленіемъ уставила на Рымова свои глаза; даже Осипъ Касьянычъ заглянулъ ему въ лицо. Смѣхъ и любопытство за-

мѣтно начали овладѣвать всѣми. Вдова, Юлій Карлычъ и Фанни хохотали уже совершенно. Дилетаевъ слушалъ внимательно и по временамъ улыбался. Судья тоже улыбался. Мишель и Дарья Ивановна перестали говорить между собою. Чтеніе Рымова было дѣйствительно чрезвычайно смѣшно и натурально: съ монологомъ каждаго дѣйствующаго лица, не только мѣнялся его голосъ, но какъ будто бы перекраивалось и самое лицо, видѣлись: и грубоватая физіономія тетки, и сладкое выраженіе двадцатипятилѣтней дѣвицы, и наконецъ звонко ораторствовала сваха. Съ появленіемъ жениховъ всѣ уже хохотали, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жевакинъ разсказываетъ, какъ солдаты говорили по-итальянски, Аполлосъ Михайлычъ остановилъ Рымова.

— Нѣтъ, Викторъ Павлычъ, пощадите,—воскликнулъ онъ, отнимая у комика книгу.—О, Господи, даже колика сдѣлалась... Матрена Матвѣвна! не прикажете ли истерическихъ капель?

— Я не знаю, что̀ такое со мною,—отвѣчала вдова:—я просто сумасшедшая.

— Какъ вы находите, Дарья Ивановна?—отнесся хозяинъ къ молодой дамѣ.

— Très drôle, Аполлосъ Михайлычъ,—отвѣчала та.

— Живокини не уступитъ—ужасный уродъ!—шепнулъ ей на ухо Мишель.

— Я, mon oncle, никогда такъ не смѣялась... Отчего это?—сказала Фанни.

— Это, душа моя, значитъ высшее искусство смѣшить. О чемъ плачете, Юлій Карлычъ?

— Отъ смѣха, Аполлосъ Михайлычъ, ей-Богу, отъ смѣха.

— Вижу, что отъ смѣха; даже нашъ великій судья, и тотъ улыбается. Короче сказать: вы, Викторъ Павлычъ, великій актеръ.

Всѣ эти похвалы комикъ слушалъ потупившись.

— Но вотъ вѣдь, господа, въ чемъ главное дѣло,—началъ разсуждать Дилетаевъ:—что смѣялись мы, — это неудивительно: фарсъ всякій смѣшонъ; но, главное,—разнообразіе таланта Виктора Павлыча. Онъ, напримѣръ, можетъ сыграть всѣ почти лица: и сваху, и невѣсту, и тетку—это удивительно!.. Что̀ бы вы теперь могли сдѣлать въ классической комедіи?—продолжалъ онъ, обращаясь съ комику:—это выше-словъ: конечно, тутъ бы смѣяться не стали; но зато на изящный-то вкусъ какъ бы подѣйствовало, особенно въ этихъ живыхъ пассивныхъ сценахъ, на которыя съ умысломъ авторъ разсчитываетъ.

— Что вы изволите, Аполлосъ Михайлычъ, разумѣть подъ классической комедіей?—спросилъ скромно комикъ.

— Какъ что такое я разумѣю подъ именемъ классической комедіи?—возразилъ хозяинъ.—Я разумѣю подъ этимъ именемъ всѣ классическія комедіи, которыя написаны по правиламъ искусства.

— Всякая комедія, если она выражаетъ что-нибудь смѣшное ярко и естественно,—классическая комедія,—возразилъ скромно комикъ.

— Ахъ, нѣтъ: это совершенно ложная мысль! — перебилъ хозяинъ.—Смѣшного много написано: смѣшонъ водевиль, смѣшонъ фарсъ, но это не то... Классическая комедія пишется по строгимъ и особеннымъ правиламъ.

— Какія же особенныя правила, mon oncle? Теперь въ Петербургѣ даются водевили, которые гораздо лучше всѣхъ вашихъ классическихъ комедій, — вмѣшался въ разговоръ Мишель.

— Ну, mon cher, ты еще не можешь судить объ этомъ; то, что я хочу сказать, ты не совсѣмъ и поймешь.

— Да почему же вы одни только можете понимать?—возразилъ племянникъ.

— Молчи, пожалуйста! Твое дѣло галстуки повязывать да воротнички выставлять—и только. Я заговорилъ объ особыхъ правилахъ классическаго искусства — извѣстны ли они вамъ, Викторъ Павлычъ?

— Когда-то училъ-съ, но теперь ужъ совсѣмъ забылъ.

— Ну, поэтому слегка ихъ припомню вамъ; я самъ тоже давно училъ, но какъ-то врѣзалось въ память. Первое правило: единство содержанія, второе, да... второе, я полагаю, то, чтобы пьеса была написана стихами — это необходимо для классицизма, и наконецъ третье, ужъ совершенно какъ-то не помню, кажется, чтобы все кончилось благополучно... напримѣръ, свадьбою или чѣмъ-нибудь другимъ; но я, съ своей стороны, кладу еще четвертое условіе для того, чтобы комедія дѣйствовала на вкусъ людей образованныхъ: надобно, чтобы она взята была изъ образованнаго класса; а то, помилуйте, что такое нынче пишутъ? На сценѣ фигурируютъ пьяные мужики, хохлы, лакеи, какіе-то уроды-помѣщики. Такая сволочь, что не глядѣлъ бы, да и въ натурѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Возьмите вы комедіи Шаховского—букетъ изящнаго, ароматомъ пахнетъ... Я очень бы желалъ, Викторъ Павлычъ, чтобы вы прочитали мою комедію; конечно, это не вашъ родъ, но все-таки полагаю, что вы бы произнесли ее вѣрно и съ артистическимъ одушевленіемъ.

Комикъ, прислушивавшійся сначала къ разсужденіямъ Аполлоса Михайлыча съ какою-то горькою улыбкою, подъ конецъ ничего не слыхалъ и все посматривалъ на закрытую книжку «Женитьбы». Ему, кажется, очень хотѣлось еще почитать ее.

— Прочитайте-ка, Викторъ Павлычъ, мою комедію, — повторилъ хозяинъ.

— Чего-съ?—отозвался комикъ.

— Мою комедію продекламируйте.

Рымовъ немного смѣшался.

— Я не умѣю читать бѣлыхъ стиховъ,—проговорилъ онъ.

— Жаль, очень жаль,—началъ хозяинъ:—неимовѣрно жаль, что вы не получили строгаго сценическаго воспитанія! Вы бы были великій художникъ — природа ваша безцѣнна; но въ настоящее время для васъ существуетъ только извѣстный родъ пьесъ, комедіи райка; конечно, и въ нихъ много смѣшного, но ужъ чрезвычайно вульгарно. Высшій классъ тоже смѣется; но смѣяться вѣдь можно всему: мы смѣемся, напримѣръ, когда пьяный мужикъ пляшетъ подъ балалайку, но все-таки въ этомъ нѣтъ истиннаго комизма. Такъ ли я, господа, говорю?—отнесся Аполлосъ Михайлычъ къ мужчинамъ:— что вы, mesdames, скажете? — прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ. — Викторъ Павлычъ, я замѣчаю, не совсѣмъ соглашается съ моими мнѣніями.

— Мы, дамы, должны соглашаться съ вами, вы — профессоръ нашъ, мы всѣ считаемъ васъ нашимъ профессоромъ,— подхватила Матрена Матвѣвна.

Изъ мужчинъ судья только поднялъ брови — и молчалъ; Мишель сдѣлалъ гримасу и что-то шепнулъ на ухо Дарьѣ Ивановнѣ, которая ударила его по рукѣ перчаткой и опять зажала ротъ платкомъ.

— Я согласенъ съ Матреной Матвѣвной, — произнесъ Юлій Карлычъ. — Вы очень много читали, Аполлосъ Михайлычъ, да и отъ природы имѣете большое соображеніе.

— И такимъ образомъ, стало-быть, одинъ Викторъ Павлычъ не согласенъ.

— Я ничего, Аполлосъ Михайлычъ...—началъ-было Рымовъ.

— Ну, однако, какъ тамъ въ сердцѣ, въ умѣ-то своемъ: не убѣждены, что я правъ?—перебилъ хозяинъ.

— Я ничего-съ, только насчетъ райка... онъ иногда очень правильно судитъ.

— Вы думаете?..

— Да-съ, Мольеръ обыкновенно читалъ свои комедіи кухаркѣ, и если она смѣялась, онъ былъ доволенъ.

Аполлосъ Михайлычъ покачалъ головой.

— Во-первыхъ, это анекдотъ, а во-вторыхъ, что̀ такое Мольеръ?—«Классикъ! классикъ!» кричатъ французы, но и только!.. Нѣмцы и англичане не хотятъ и смотрѣть Мольера; я, съ своей стороны, тоже не признаю его классикомъ... А!.. Никонъ Семенычъ, великій трагикъ! Васъ только и недоставало,— опоздали, mon cher, и лишили себя удовольствія прослушать бо̀льшую часть нашего спектакля.

Но Никону Семенычу было ни до кого и ни до чего; онъ пріѣхалъ въ очень тревожномъ состояніи духа; волосы его были растрепаны, руки и даже лицо перепачканы въ чернилахъ.

— Я пріѣхалъ читать,—проговорилъ онъ, не кланяясь почти ни съ кѣмъ.

— Да, теперь очередь за вами, — отвѣтилъ хозяинъ, подмигнувъ судьѣ и Юлію Карлычу, отчего послѣдній потупился.

— Я много передѣлалъ и прибавилъ,—началъ Никонъ Семенычъ, садясь.—Могу?—спросилъ онъ.

— Сдѣлайте милость,—сказалъ хозяинъ.

Рагузовъ началъ:

— «Театръ представляетъ равнину на волжскомъ берегу. Разсыпана толпа разбойниковъ въ различныхъ костюмахъ; близъ одного, одѣтаго наряднѣе другихъ, сидитъ, опершись на его плечо, молодая женщина».

— Позвольте, mon cher, я васъ перебью: это, стало-быть, совершенно новое лицо?—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Новое,—оно необходимо,—отвѣчалъ торопливо Рагузовъ и продолжалъ уже наизусть:

„Насъ было двое: братъ и я!
Росли мы вмѣстѣ, нашу младость
Вскормила чуждая семья...“

На этомъ мѣстѣ, гдѣ говорится:

„...Рѣшились межъ собой
Мы жребій испытать иной“,—

онъ остановился и сказалъ:

— Тутъ говоритъ его любовница, — и продолжалъ:

Елена.

„Благословляю этотъ мигъ,
Онъ отдалъ мнѣ, мой другъ, тебя!
Ты не преступникъ, ты великъ.
Ты мой навѣкъ, а я твоя!“

— Позвольте, Никонъ Семенычъ, я васъ опять перебью; кто же будетъ играть эту роль? Надобно прежде это рѣшить.

— Я не знаю-съ, это ваше дѣло.

— Но какъ же все мое дѣло; не могу же я придумать все, что̀ придетъ вамъ въ голову. Дарья Ивановна, это ваша роль.

Дарья Ивановна насмѣшливо покачала головой.

— Почему же вы думаете, что моя? Неужели же вы находите, что я похожа на любовницу разбойника? Мнѣ это досадно!

Матрена Матвѣвна взглянула на Аполлоса Михайлыча многозначительно.

— Фанечка, эту роль ты должна играть,—отнесся онъ къ племянницѣ.

Но та, несмотря на любовь къ искусству, на этотъ разъ что-то сконфузилась.

— Я не сыграю, mon oncle,—произнесла она.

— Неправда, ma bonne amie, неправда! Матрена Матвѣвна, она вѣдь должна играть?

— Она, непремѣнно она... она молоденькая, хорошенькая, а мы всѣ старухи,—рѣшила вдова.

— Я, mon oncle, не умѣю играть драматическихъ ролей.

— Никонъ Семенычъ тебя научитъ, и я тебѣ слова два-три скажу.

— Я у васъ буду учиться, mon oncle,—отвѣчала дѣвушка.

Рагузовъ началъ читать и прервалъ этотъ разговоръ. Наконецъ онъ кончилъ.

— Стало-быть, поэма ваша, Никонъ Семенычъ, должна будетъ итти отдѣльно отъ дивертисмана?

— Непремѣнно!

— Въ такомъ случаѣ надобно ее назвать драматической фантазіей,—произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ трагикъ и всталъ.

— Ну-съ,—отнесся Дилетаевъ къ Дарьѣ Ивановнѣ:—теперь ваша очередь: во-первыхъ—пропѣть, а во-вторыхъ—сыграть качучу для Фанни на фортепіано.

— У меня горло болитъ, Аполлосъ Михайлычъ,—возразила она.

— Все равно-съ, болитъ ли оно у васъ или нѣтъ, мы этого не знаемъ; но просимъ, чтобы вы намъ пропѣли.

— Спойте, Дарья Ивановна, дайте отдохнуть душѣ,—шепнулъ ей на ухо Мишель.

Дарья Ивановна встала и сѣла за фортепіано; голосъ ея былъ чрезвычайно звученъ и довольно мягокъ: онъ поразилъ всѣхъ; одинъ только Рымовъ, кажется, остался недоволенъ полученнымъ впечатлѣніемъ.

— Каково соловей-то нашъ заливается?—отнесся къ нему Юлій Карлычъ.

— Она не понимаетъ того, что̀ поетъ,—отвѣчалъ тотъ и отошелъ.

Никонъ Семенычъ прослушалъ весь романсъ съ необыкновеннымъ восторгомъ.

— Madame, je vous supplie, faites moi l'honneur d'accepter un rôle dans ma pièce. Vous avez tant de sentiments. J'arrangerai un petit air tout exprés pour votre voix... — отнесся онъ, отъ полноты чувствъ, къ Дарьѣ Ивановнѣ на французскомъ языкѣ.

— Je n'ai jamais parlé et chanté sur la scène, — отвѣчала та небрежно и отвернулась отъ трагика.

— Прелесть! чудо!—говорилъ Аполлосъ Михайлычъ, качая головой.

— Попросите, пожалуйста, чтобы Дарья Ивановна играла въ моей пьесѣ; я напишу для нихъ романсъ. Это будетъ очень эффектно,—обратился къ хозяину трагикъ.

— Врядъ ли станетъ она играть! Дай Богъ, чтобы что-нибудь пропѣла,—отвѣчалъ Дилетаевъ.—Мишель! поди сюда!—крикнулъ онъ племянника. — Будетъ ли у насъ Дарья Ивановна играть?

— Я почему знаю; спросите ее.

— Попроси ее, мой другъ, участвовать.

— Что̀ жъ мнѣ ее просить... Я ничего у васъ не понимаю,— проговорилъ Мишель и, отошедъ отъ дяди, опять заговорилъ съ Дарьей Ивановной.

— Фанечка!—началъ хозяинъ:—что̀ же твоя качуча?

— Сейчасъ начну, mon oncle, — отвѣтила дѣвушка и убѣжала въ свою комнату за кастаньетами.

Дарья Ивановна, по просьбѣ Аполлоса Михайлыча, заиграла качучу; Фанни начала танцовать. Нельзя сказать, чтобы всѣ па ея были вполнѣ отчетливы и граціозны; но зато, во всѣхъ пассивныхъ скачкахъ, которыми исполненъ этотъ танецъ, она была чрезвычайно энергична. Аполлосъ Михайлычъ, Никонъ Семенычъ, Матрена Матвѣвна и Юлій Карлычъ хлопали ей безпрестанно; оставались равнодушными зрителями только комикъ, который сидѣлъ въ углу и, казалось, ничего не видалъ, и судья, которому, должно-быть, тоже не понравился испанскій танецъ.

«Этакое нахальство; для дѣвицы, кажется, и неприлично бы было; простая мужичка не согласится этакъ ломаться!»— сказалъ онъ про себя.

Качучею заключился вечеръ испытательнаго чтенія. Обще-

ство снова возвратилось въ гостиную. Аполлосъ Михайлычъ еще долго разсуждалъ о театральномъ искусствѣ, и у него опять начался жаркій споръ съ Рагузовымъ, который до того забылся, что даже собственную комедію Дилетаева назвалъ пустяками. Аполлосъ Михайлычъ послѣ этого пересталъ съ нимъ говорить. Комикъ раньше всѣхъ простился съ хозяиномъ, который обѣщался на другой же день прислать ему роль. Трагикъ уѣхалъ вскорѣ за нимъ. Дарью Ивановну поѣхалъ провожать Мишель. Фанни принялась читать «Женитьбу». Матрена Матвѣвна очень долго сидѣла съ хозяиномъ въ гостиной и о чемъ-то потихоньку разговаривала съ нимъ. Всѣ гости отправились, конечно, въ экипажахъ: одинъ только Рымовъ пошелъ пѣшкомъ, повѣся голову.

«Что это такое: гдѣ я былъ? Точно сумасшедшій домъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собою: — что такое говорилъ этотъ господинъ: классическая комедія, Мольеръ не классикъ, единство содержанія, «Женитьба» — фарсъ, чортъ знаетъ что такое! Столпотвореніе какое-то вавилонское!.. Хорошъ же у нихъ будетъ спектакль... И комедія хороша, нечего сказать. Вмѣсто стиховъ — рубленая солома, но главное: каковъ викентъ-то—волокита,—тьфу, ты, проклятые! Ничего подобнаго и не слыхивалъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ старуха моя права: все это глупости, и глупости-то страшныя!.. Или ужъ я очень одичалъ, такъ не понимаю ничего,—чортъ знаетъ что такое!»

Пришедъ домой, онъ засталъ жену въ постели, съ повязанной головой. Рымовъ посмотрѣлъ на нее. Анна Сидоровна отвернулась.

— Аннушка! что съ тобой?—спросилъ онъ, раздѣваясь; но она не отвѣчала.

— За что ты сердишься? Что такое я сдѣлалъ? Больна, что ли, ты?

— Да,—отвѣтила она.

— Что такое у тебя болитъ?

— Да вамъ зачѣмъ? Играйте тамъ, дайте хоть умереть спокойно.

— Опять старыя пѣсни!

— Лучше бы къ какой-нибудь поганой актрисѣ вашей отправились ночевать. Зачѣмъ меня пришли мучить?

— Тьфу ты, дура этакая. Лежи же, валяйся... теплѣнья нѣтъ никакого!

— Что жъ вы, подлецъ этакій, ругаетесь? Ступайте вонъ! Квартира моя—разбойникъ! Еще убьете ночью, пожалуй.

Рымовъ плюнулъ и ушелъ въ другую комнату, погасилъ свѣчу и легъ на голомъ диванѣ. Прошло часа два, но ни

мужъ ни жена не спали; по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить изъ того, что одинъ кашлялъ, а другая потихоньку всхлипывала. Наконецъ Анна Сидоровна встала и подошла къ дверямъ комнаты, гдѣ лежалъ мужъ.

— Витя, ты спишь?—начала она ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, а что?

— Поди ко мнѣ, мамочка, тебѣ тамъ жестко.

— Ругаться станешь.

— Нѣтъ, мамочка, я виновата.

Рымовъ всталъ и перешелъ къ женѣ на кровать.

— Не играй, Витя! Пожалуйста, не играй: погубишь ты себя и меня!

— Чѣмъ же я погублю тебя?

— Избалуешься, мамочка, опять избалуешься, еще, пожалуй, влюбишься... вы вѣдь при всѣхъ, безъ стыда, цѣлуетесь, это ужъ какое дѣло семейному человѣку.

— Отвяжись, пожалуйста; я спать хочу.

— Спи, ангелъ мой, авось тебя Богъ образумитъ.

Анна Сидоровна поцѣловала и перекрестила мужа.

IV.

Первая репетиція.

Дня черезъ два Дилетаевъ разослалъ ко всѣмъ роли; но, кромѣ того, онъ заѣхалъ къ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ и сдѣлалъ имъ, сообразуясь съ характеромъ, наставленія и убѣжденія.

Осипъ Касьянычъ, получивъ роль, пришелъ въ совершенный азартъ: онъ бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами, произведя при этомъ случаѣ такой шумъ, что проживавшая съ нимъ сестра подумала, что Богъ знаетъ что случилось, и въ большомъ испугѣ прибѣжала къ нему.

— Батюшка, Осипъ Касьянычъ! Что это такое съ вами?— спросила она.

— Чортъ, дьяволъ, бѣсъ плѣшивый,—кричалъ судья, толкая пинками роль:—ишь какъ вздумалъ дурачить людей.

— Голубчикъ братецъ, разскажите, что такое случилось?

— Вамъ еще что надобно отъ меня? Ступайте къ себѣ. Ну что вамъ надобно? Лучше бы рожу умыли,—проговорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ, и, совершенно разстроенный, уѣхалъ къ откупщику, гдѣ игралъ цѣлый день въ карты и, сверхъ обыкновенія, проигралъ пятьсотъ рублей, блѣднѣя и теряясь каждый разъ, когда его спрашивали, какую онъ будетъ играть роль. Послѣ такого рода непріятностей почтенный судья о

театрѣ, конечно, забылъ и думать, а пустился въ закавказскій преферансъ и выигралъ тьму денегъ, ограничась въ отношеніи своей роли только тѣмъ, что, когда при его глазахъ лакей, метя комнату, задѣлъ щеткой тетрадку и хотѣлъ-было ее вымести вмѣстѣ съ прочею дрянью, онъ сказалъ: «не тронь этого, пусть тутъ валяется»; но тѣмъ и кончилось.

Гораздо добросовѣстнѣе исполнялъ порученіе Дилетаева Юлій Карлычъ. Несмотря на то, что женѣ его сдѣлалось въ тотъ день еще хуже, что около него шумѣлъ и кричалъ цѣлый пятокъ различнаго возраста дѣтей, онъ тотчасъ же началъ учить роль; но, къ несчастью, память совсѣмъ отказывалась. Пробившись безъ всякаго успѣха часа три, Вейсборъ рѣшился ѣхать за совѣтомъ къ учителю исторіи въ уѣздномъ училищѣ, который, по общей молвѣ, отличался необыкновенною памятью и который дѣйствительно далъ ему нѣсколько спасительныхъ совѣтовъ: онъ предложилъ заучивать вечеромъ, но не поутру, потому что по утрамъ разумъ скоро воспринимаетъ, но скоро и утрачиваетъ; въ мѣстахъ, которыя не запоминаются, совѣтовалъ замѣчать нѣкоторые, сосѣдственные имъ, видимые признаки, такъ, напримѣръ: пятнышко чернильное, черточку, а если ничего этакого не было, такъ можно и нарочно дѣлать, то есть — мазнуть по бумагѣ пальцемъ, капнуть саломъ и тому подобное, доказывая достоинство этого способа тѣмъ, что посредствомъ его онъ выучилъ со всею хронологіею исторію Карамзина. По его словамъ, метода самого Ланкастера противу изобрѣтенной имъ методы никуда не годится. Способъ дѣйствительно, надо полагать, былъ хорошъ. Дня черезъ два, послѣ тщательнаго упражненія, Юлій Карлычъ зналъ уже четыре явленія очень порядочно.

Немалаго Аполлосу Михайлычу стоило труда уговорить и Дарью Ивановну принять на себя роль тетки въ «Женитьбѣ». Несмотря на то, что эта роль была очень маленькая, молодая дама рѣшительно отказывалась, говоря попрежнему, что она расхохочется на первомъ словѣ; но Аполлосъ Михайлычъ увѣрялъ, что если она только выйдетъ на сцену и постоитъ, такъ и то будетъ прелестно.

Трагика тоже было трудно уломать взять роль Кочкарева. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ для этого лесть, говоря, что Никону Семенычу всякая роль по плечу, и что онъ изъ грязи сдѣлаетъ брильянтъ. Тотъ наконецъ согласился и, пробѣгая роль, восклицалъ: «Этакая гадость, сальность! что-то такое мужицкое, бурлацкое», и снова началъ отказываться, но Дилетаевъ снова польстилъ, и трагикъ окончательно согласился и очень скоро выучилъ роль, хотя и была она ему не по сердцу.

Про «Братьевъ-разбойниковъ» и говорить нечего,—онъ эту поэму почти всю самъ пересоздалъ и все это время походилъ совершенно на сумасшедшаго человѣка: никого не принималъ, никуда не ѣздилъ, а все занимался по этому предмету, и въ концѣ недѣли уже прислалъ Фанни роль Елены—любовницы, совсѣмъ отдѣланную и переписанную. Фанечка тоже дѣйствовала отъ души. Роль гризетки она уже знала превосходно наизусть. Роль невѣсты выучила въ два дня и наконецъ, хотя и не съ большимъ желаніемъ, принялась за роль Елены. Качучу она уже танцовала очень мило.

Въ племянникѣ своемъ Дилетаевъ встрѣтилъ опять большое затрудненіе: Мишель никакъ не хотѣлъ играть и даже нагрубилъ ему въ такой мѣрѣ, что онъ принужденъ былъ выгнать его изъ дому, и рѣшился-было написать записку къ аптекарю и просить того, несмотря на картавый выговоръ и совершенное незнаніе русскаго языка, — сыграть Анучкина; но, впрочемъ, молодой человѣкъ, сходивъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, опомнился: взялъ роль и началъ ее изучать вмѣстѣ съ нею. Не знаю, дѣйствительно ли они учили свои роли, но только говорили безпрестанно и даже устроили какую-то странную между собой игру: — «Перестаньте, Мишель, я уйду», — говорила вдругъ Дарья Ивановна и уходила въ темный коридоръ, но Мишель слѣдовалъ за ней и въ коридоръ. — «Ну, такъ я въ мезонинъ», — говорила она. Мишель шелъ за ней и въ мезонинъ.—«Ну, будетъ... довольно... Я хочу сидѣть въ гостиной»,— говорила Дарья Ивановна и шла въ гостиную. Мишель тоже слѣдовалъ за нею.

Что касается комика, то предчувствіе Анны Сидоровны, что театръ опять собьетъ его съ панталыку, отчасти начало оправдываться. Въ тотъ же день онъ не пошелъ въ контору, а ушелъ во вторую комнату, затворилъ дверь, заставилъ ее комодомъ и принялся что-то бормотать. Не осушая глазъ, бѣдная женщина готовила въ этотъ день кушанье; но ѣсть ничего не могла. Браниться и говорить мужу тоже не хотѣла; она по опыту знала, что отъ этого не будетъ никакой пользы. Вечеромъ она отправилась ко всенощной и со слезами молилась, чтобы отвратился ея Витя отъ этой, словно съ вѣтра напущенной на него блажи.

Когда она пришла домой, Рымовъ вышелъ уже изъ своей засады. Ему, видно, стало жаль жены, и онъ хотѣлъ-было вразумить ее, но тщетно: она заткнула себѣ уши и не хотѣла ничего слушать. Комикъ разсердился и попрежнему легъ на диванъ. На этотъ разъ Анна Сидоровна не звала его уже къ себѣ, и такимъ образомъ долженъ съ грустью я сказать, что

послѣ пятилѣтней спокойной жизни супруги снова провели всю ночь на одинокихъ ложахъ, какъ это и часто случалось, когда Викторъ Павлычъ былъ въ труппѣ. На другой день Рымовъ, впрочемъ, пошелъ въ контору. Анна Сидоровна рѣшилась безъ него употребить послѣднее средство: она подсмотрѣла, куда мужъ спряталъ свою тетрадку, нашла ее, изорвала на мелкіе кусочки и сожгла. Пришедъ домой, комикъ сейчасъ же хватился своей роли, но не нашелъ и, вѣроятно, догадался о постигшей ее участи, но это для него ничего не значило: онъ тотчасъ же написалъ всю роль на память и, какъ бы въ досаду, показалъ ее Аннѣ Сидоровнѣ; но та уже и отвѣчать ничего не могла, а только вздохнула и, чтобы отплатить невѣрному, ушла на цѣлый вечеръ къ одной сосѣдкѣ и тамъ, насколько доставало у ней силы, играла равнодушно въ свои козыри; но, возвратясь домой, опять впала въ тоску и легла. Несмотря на всѣ эти отчаянные поступки жены, Рымовъ, кажется, рѣшился поставить на своемъ и не обращалъ никакого вниманія на нее, что, конечно, еще болѣе убивало Анну Сидоровну.

Семнадцатаго февраля была назначена, по распоряженію Аполлоса Михайлыча, первая репетиція. Дилетаевъ, какъ человѣкъ строгій и опытный въ театральномъ дѣлѣ, настаивалъ, чтобы репетировали въ костюмахъ, и весьма сожалѣлъ, что сцена, по многимъ мѣстнымъ неудобствамъ, не была еще окончательно готова. Передъ началомъ репетиціи Аполлосъ Михайлычъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, погруженный въ тихое раздумье. «Я и Фанни будемъ отличны,—разсуждалъ онъ про себя: — Рагузовъ будетъ эффектенъ; Рымовъ одной своей физіономіей насмѣшитъ всѣхъ; Матрена Матвѣвна будетъ тверда въ своей роли; ну, а если прочіе сыграютъ и посредственно, то все-таки спектакль сойдетъ хорошо. Главное, надобно, чтобы всѣ позаботились о костюмахъ и твердо бы знали свои роли, а тамъ ужъ музыкой и освѣщеніемъ можно будетъ пыль въ глаза бросить».

Стулья въ залѣ, въ которой должна была происходить репетиція, еще съ утра были разставлены въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то-есть: часть ихъ отдѣлена для зрителей, а два кресла были поставлены на мѣсто, назначенное для сцены; выходить должны были изъ кабинета и изъ коридора. Дѣйствующія лица собрались въ шесть часовъ. Аполлосъ Михайлычъ, Матрена Матвѣвна и Фанечка пошли одѣваться. Зрителями первой пьесы были: Рымовъ, Рагузовъ, Дарья Ивановна съ Мишелемъ и Юлій Карлычъ съ судьей: послѣдній былъ, замѣтно, въ состояніи полнаго ожесточенія и глядѣлъ совершеннымъ медвѣдемъ на всѣхъ и на все. Кромѣ этихъ зрите-

лей не было никого; несмотря на убѣдительныя просьбы нѣкоторыхъ чиновниковъ и помѣщиковъ посмотрѣть репетицію, Аполлосъ Михайлычъ отказывалъ всѣмъ и каждому наотрѣзъ, имѣя въ виду, что отъ этого потеряетъ много эффекта самый спектакль. Черезъ часъ изъ коридора вышла Матрена Матвѣвна въ напудренной прическѣ маркизы временъ Людовика XIV и въ бальномъ платьѣ; вскорѣ за ней явился и виконтъ въ бархатномъ кафтанѣ, золотомъ камзолѣ, весь въ кружевахъ, въ парикѣ, съ маленькой шляпой, въ бѣлыхъ коротенькихъ и узенькихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Въ этомъ костюмѣ Аполлосу Михайлычу никто бы не далъ пятидесяти лѣтъ; но, сверхъ того, самыя манеры его какъ будто бы измѣнились: онъ былъ живъ, рѣзокъ, вертлявъ и ловокъ, такъ что своею особою невольно бросалъ весьма невыгодный оттѣнокъ на маркизу, которая, сравнительно съ нимъ, далеко не выражала ловкой парижанки. Никонъ Семенычъ, какъ знатокъ театра, замѣтилъ это съ перваго раза. Репетиція началась и продолжалась въ полномъ порядкѣ, и только Матрена Матвѣвна, несмотря на твердое и прилежное изученіе роли, все еще сбивалась; въ этомъ виноватъ былъ отчасти суфлеръ, въ которые Аполлосъ Михайлычъ выбралъ своего управляющаго, человѣка хорошо читающаго и очень аккуратнаго; но аккуратность-то эта, именно, и вредила тутъ. Матрена Матвѣвна, какъ мы уже знаемъ, говорила очень скоро и кой-что пропускала, а суфлеръ, никакъ не успѣвавшій за нею слѣдить, когда она останавливалась на концѣ фразы, не желая, по своей аккуратности, ничего пропускать, подсказывалъ ей проговоренный монологъ, отчего и выходила путаница, которая до того разсердила Аполлоса Михайлыча, что онъ назвалъ суфлера дуракомъ. Впрочемъ, явленіе съ гризеткою выкупило все. Юлій Карлычъ пришелъ въ восторгъ, даже Рагузовъ похвалилъ; хлопали и Мишель съ Дарьей Ивановной; но они, я полагаю, дѣлали это съ насмѣшкою. «Исправленный повѣса» наконецъ былъ прорепетированъ. Матрена Матвѣвна просила Аполлоса Михайлыча еще поучить ее; онъ, конечно, обѣщался и тутъ же сдѣлалъ замѣчаніе насчетъ туалета, говоря, что, хотя бальное платье ея прелестно, но несогласно съ модою того времени, и обѣщался привезти ей рисунокъ, по которому она и должна будетъ сшить себѣ платье, вполнѣ приличное маркизѣ.

За этой пьесой слѣдовала «Женитьба»; но она вовсе не такъ была удачна, какъ первая. Сцены тетки съ невѣстой и наконецъ со свахой были очень слабы. Дарья Ивановна, никакъ не хотѣвшая надѣть настоящаго костюма, только стояла на сценѣ, и когда суфлеръ обращался къ ней, говоря: «вамъ»,

она отвѣчала: «Скажи за меня, я еще не выучила». Фанни была лучше всѣхъ, хотя, конечно, походила болѣе на барышню, нежели на купчиху; но, по крайней мѣрѣ, она знала свою роль. Матрена Матвѣвна, успѣвшая уже переодѣться, тоже знала свою роль, но и здѣсь у ней проявлялся прежній ея недостатокъ: она то говорила очень твердо, то останавливалась и, по неискусству суфлера, не могла уже скоро поправиться. Сцена жениховъ рѣшительно никуда не годилась; судья и Мишель были безъ костюмовъ. Первый, вставая, объявилъ, что онъ еще и не училъ своей роли, и потомъ сталъ, съ трудомъ разбирая, читать ее по тетрадкѣ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно читаются дѣловыя бумаги. Мишель былъ несносенъ: подобно Дарьѣ Ивановнѣ, вздумалъ-было заставлять суфлера читать за себя, но Аполлосъ Михайлычъ вышелъ изъ терпѣнія, крикнулъ на него и требовалъ, чтобы онъ непремѣнно игралъ настоящимъ манеромъ. Мишель, надувшись, началъ читать, но безъ всякаго одушевленія. Юлій Карлычъ, несмотря на все свое усердіе, былъ тоже не совсѣмъ удовлетворителенъ, потому что онъ болѣе старался, нежели игралъ. Аполлосъ Михайлычъ качалъ головой, Рагузовъ тоже качалъ головой, но только съ насмѣшкою. Рымовъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Передъ тѣмъ явленіемъ, въ которомъ Подколесинъ долженъ былъ выйти съ Кочкаревымъ, комикъ подошелъ къ Дилетаеву.

— Пьеса эта не можетъ итти, Аполлосъ Михайлычъ,—сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.

— Это отчего?

— Она очень сложна; вы лучше замѣните ее другою: мы только будемъ путать.

— Ахъ, мой почтенный, какъ вы мало это дѣло знаете! Отчего теперь путаютъ? Оттого, что не знаютъ своихъ ролей, а когда выучатъ, то пойдетъ прекрасно.

— Нѣтъ, вообще ее играютъ невѣрно.

— Согласенъ: но что же такое? Да и кромѣ того: чего же вы хотите отъ фарса; его только надобно твердо выучить, а тамъ и будетъ смѣшно. Выходите, мой милый, играйте, смѣшите насъ, а о прочемъ не безпокойтесь, это мое дѣло привести все въ порядокъ. Конечно, она не можетъ итти такъ, какъ идетъ моя комедія, но никто этого и не требуетъ: достаточно, если мы будемъ смѣяться. Выходите, почтеннѣйшій Никонъ Семенычъ, вамъ слѣдуетъ!

Никонъ Семенычъ нехотя всталъ и пошелъ съ комикомъ на сцену; но, несмотря на то, что трагикъ былъ твердъ въ своей роли, что Рымовъ скроилъ пресмѣшную физіономію, первое дѣйствіе кончилось очень слабо.

Комикъ не выдержалъ, махнулъ рукой, отошелъ и сталъ къ окну. Рагузовъ смѣялся. Мишель съ Дарьей Ивановной тоже смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ былъ въ безпокойствѣ.

— Не конфузьтесь, господа, сдѣлайте милость, не конфузьтесь: въ такомъ дѣлѣ по началу судить нельзя. Извольте начинать второе дѣйствіе. Фанечка, тебѣ, мой другъ, — говорилъ онъ.

— Mon oncle, да что, я не знаю; у насъ что-то нехорошо идетъ, — отвѣчала Фанни.

— Ничего, моя милая, начинай!

— Что вамъ за охота, Аполлосъ Михайлычъ, заставлять насъ ломаться? — замѣтилъ трагикъ.

— Не ломаться, Никонъ Семенычъ! Повѣрьте, что не ломаться: выйдетъ недурно; для полноты спектакля эта пьеса необходима: что не удастся въ ней, то наши съ вами вывезутъ. Начинай же, Фанни!

Фанечка начала. Явился потомъ Кочкаревъ, и, сверхъ ожиданія, это явленіе сошло очень недурно; но при появленіи прочихъ жениховъ опять пошла путаница, и они кое-какъ были прогнаны невѣстой. Съ уходомъ ихъ пьеса пошла даже отлично. Рымовъ въ сценѣ съ невѣстой превзошелъ всѣ ожиданія. Всѣ разразились смѣхомъ; даже Фанечка не удержалась и захохотала. Послѣдующія явленія его съ Кочкаревымъ были хороши, а послѣдній монологъ, послѣ котораго онъ выскакиваетъ въ окно, неподражаемъ. Аполлосъ Михайлычъ хлопалъ, какъ сумасшедшій, и говорилъ, что всѣ и все отлично. Но я долженъ сказать, что не все было отлично: трагикъ рѣдко попадалъ въ настоящій тонъ; Фанечка тоже; Аполлосъ Михайлычъ, впрочемъ, увѣрялъ, что это происходило оттого, что она была слишкомъ молода для этой роли. Комикъ, съ нахмуреннымъ и сердитымъ лицомъ, сѣлъ на дальній стулъ и задумался.

— Вы извините меня, Аполлосъ Михайлычъ, — сказалъ Юлій Карлычъ, подходя къ хозяину: — что я не такъ твердо знаю. Право, я совершенно не имѣю памяти.

— Ничего, Юлій Карлычъ! Терпѣніе все преодолѣваетъ; вы еще удовлетворительнѣе прочихъ.

Судья, подобно комику, усѣлся въ углу и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. Трагикъ и Фанечка скрылись. По окончаніи «Женитьбы» слѣдовала, какъ переименовалъ Рагузовъ, драматическая фантазія: «Братья-разбойники». Чрезъ полчаса изъ кабинета хозяина вышелъ Никонъ Семенычъ въ извѣстномъ уже намъ костюмѣ, т.-е. въ красныхъ широкихъ шальварахъ, перетянутый шелковымъ, изумруднаго цвѣта, куша-

комъ, въ какомъ-то легонькомъ казакинѣ, въ ухарской шапочкѣ, съ усами, набѣленный и нарумяненный.

— Гдѣ же другіе разбойники? — спросилъ онъ.

— Будутъ, будутъ, не безпокойтесь, — отвѣчалъ хозяинъ: — сегодня, конечно, не въ костюмахъ, но это ничего.

— Отчего же въ вашей пьесѣ всѣ были костюмированы? — проговорилъ съ досадою Рагузовъ.

— Какъ же вы, Никонъ Семенычъ, сравниваете мою пьесу: тамъ только три лица, а у васъ ихъ десять; кромѣ того, моя комедія уже три года, какъ готова; а ваша только еще вчера сочинилась.

— Извините, она постарше вашей; о себѣ-то вы все придумали, а о другихъ только нѣтъ.

— Я думаю обо всѣхъ и обдумалъ уже все; костюмы ваши несложны, они въ два дня поспѣютъ.

Явилась Фанни въ костюмѣ любовницы разбойника, и можно сказать, что нарядъ ея былъ очень хорошъ. На головѣ ея была тоже какая-то шапочка, станъ обхватывался коротенькимъ съ корсажемъ платьицемъ, сшитымъ на подобіе швейцарскихъ.

— Этотъ костюмъ не вѣренъ, mademoiselle, — сказалъ трагикъ, осматривая ее.

— Мнѣ дяденька его сочинилъ,—отвѣчала Фанни.

— Какъ вы, Никонъ Семенычъ, говорите — не вѣренъ! — воскликнулъ Дилетаевъ. — Сами назвали поэму драматической фантазіей, а недовольны фантастическимъ костюмомъ. На васъ самихъ костюмъ очень необыкновенный.

— У меня-то ужъ вовсе обыкновенный и самый національный.

— Ну и прекрасно, будь по-вашему; я уже себѣ далъ слово не спорить: Фанни будетъ играть въ этомъ костюмѣ. Это рѣшено.

Трагикъ насмѣшливо улыбнулся.

— А гдѣ же разбойники? — повторилъ онъ.

— Сейчасъ... Юлій Карлычъ, Мишель, Осипъ Касьянычъ, пойдемте въ разбойники,—произнесъ хозяинъ, приподымаясь.— Викторъ Павлычъ! потрудитесь и вы; мы васъ одѣнемъ старымъ подьячимъ, которые всегда присутствовали въ разбойничьихъ шайкахъ.

На этотъ призывъ хозяина поднялся только одинъ Юлій Карлычъ.

— Сдѣлайте милость, господа, — повторилъ настоятельно хозяинъ: — Мишель, ступай, кинь папиросу, точно не накуришься! Осипъ Касьянычъ, пожалуйте! Полно вамъ тамъ си-

дѣть въ углу. Викторъ Павлычъ, пойдемте, — прибавилъ хозяинъ, беря комика за руку.

Гости нехотя вышли на сцену.

— Только-то? — спросилъ Никонъ Семенычъ.

— Покуда только, а на представленіе я приготовлю лакеевъ Размѣщайте картину сообразно вашему плану.

Трагикъ началъ: на авансцену онъ посадилъ самого хозяина въ позѣ кровожаднаго эсаула. Судью, какъ онъ ни отнѣкивался, Никонъ Семенычъ положилъ на землю плашмя и велѣлъ ему дремать; Мишель былъ тоже положенъ, но съ лицомъ, обращеннымъ къ самому трагику. Комикъ посаженъ былъ на корточки; актерская натура его и тутъ не выдержала: онъ скорчилъ такую уморительную физіономію, что всѣ разбойники и дамы захохотали. Фанни посажена была около самого Никона Семеныча и должна была опираться на его плечо; она исполнила это съ большимъ надъ собою усиліемъ.

Твердо, съ одушевленіемъ и съ большою драматическою аффектаціею началъ Никонъ Семенычъ свою роль, обращаясь попеременно то къ тому, то къ другому разбойнику, которые слушали его; но онъ, по преимуществу, остался доволенъ самимъ хозяиномъ и комикомъ. Первый дѣйствительно дѣлалъ чрезвычайно звѣрскую физіономію, когда трагикъ разсказывалъ объ убогомъ и о богатомъ жидахъ, которыхъ онъ рѣзалъ на дорогѣ; второй же выражалъ другого рода чувства: робость, подлость и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже кровожадность, и былъ такъ смѣшонъ, что бывшія зрительницами Матрена Матвѣвна и Дарья Ивановна, несмотря на серьезное содержаніе пьесы, хохотали. Фанни, въ роли любовницы, была хороша, только очень мало обращалась къ своему любовнику, впрочемъ, произносила стихи съ чувствомъ. Драматическая фантазія сошла очень удовлетворительно, такъ что Аполлосъ Михайлычъ сказалъ:

— Я не ожидалъ, чтобы все это сошло такъ недурно. Вы очень хороши, Никонъ Семенычъ, въ драматической поэзіи.

Затѣмъ слѣдовала пѣсня: «Осѣдлаю коня» — Дарьи Ивановны и качуча — Фанни. Хозяинъ настоялъ, чтобъ и онѣ прорепетировали, и привелъ по этому случаю извѣстную пословицу: Repetitio est mater studiorum. Дарья Ивановна, аккомпанируя себѣ, пропѣла свой chef-d'oeuvre и привела снова въ восторгъ Никона Семеныча, который приблизился-было къ ней съ похвалою, но въ то же время подошелъ къ молодой дамѣ Мишель, и она, отвернувшись отъ трагика, заговорила съ тѣмъ. Фанечка подсѣла къ комику.

— Какъ вы хорошо играете, — сказала она: — лучше всѣхъ насъ; вы поучите меня играть?

— Наша пьеса не пойдетъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же?

— Она очень дурно выполняется.

— Но вы хорошо играете.

— Я одинъ ничего не значу.

— Фанечка, тебѣ танцовать качучу; переодѣнься, моя милая, въ другой костюмъ, — произнесъ Аполлосъ Михайлычъ.

Фанни убѣжала въ свою комнату и когда явилась, то была уже одѣта совершенно по-балетному, даже въ трико, которое нарочно купилъ для нея Аполлосъ Михайлычъ въ Москвѣ. Дарья Ивановна сѣла играть за фортепіано. Впечатлѣніе, произведенное танцами Фанни, было таково же, какъ и прежде. Трагикъ качалъ отъ удовольствія головою; Матрена Матвѣвна дѣлала ей ручкой; комикъ смотрѣлъ на дѣвушку гораздо внимательнѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Актеры разошлись очень поздно, оставивъ хозяина въ совершенномъ утомленіи. Пришедъ въ свой кабинетъ, Аполлосъ Михайлычъ бросился въ свои покойныя кресла.

«Охъ, Творецъ небесный, какъ я усталъ! — вотъ пословица говорится: охота пуще неволи; ахъ, какъ всѣ они мало искусство-то понимаютъ: просто никто ничего не смыслитъ!» — произнесъ онъ самъ съ собою и, будучи уже болѣе не въ состояніи ничего ни думать ни дѣлать, раздѣлся и бросился въ постель.

V.

Хлопоты антрепренера.

На другой день Дилетаевъ лежалъ еще въ постели, когда подали ему письмо отъ Рымова, въ которомъ тотъ отказывался играть и писалъ, что у него больна жена, и что комедія, въ которой онъ участвуетъ, такъ дурно идетъ, что ее непремѣнно слѣдуетъ исключить.

— Вотъ тебѣ на! — проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ, совершенно пораженный. — На кого была надежда, тотъ и лопнулъ. Завидно вотъ, почему моя пьеса идетъ лучше всего. Какое это дьявольское артистическое самолюбіе! Съ простыми людьми, право, легче составлять спектакли: тѣ, по крайней мѣрѣ, не умничаютъ, а исполняютъ, что велятъ. Велика фигура — мѣщанинъ какой-то, и тотъ важничаетъ!

Но и простые люди вышли не лучше комика: судья тоже

прислалъ записку, въ которой напрямикъ отказывался и увѣдомлялъ, что онъ завтра же отбудетъ въ отпускъ въ губернію.

Дилетаевъ не выдержалъ и, разорвавъ обѣ записки на мелкіе куски, бросилъ ихъ на полъ.

— Вотъ вамъ люди! — продолжалъ онъ, обращаясь къ окну, изъ котораго виднѣлась городская площадь, усыпанная, по случаю базара, народомъ: — позови обѣдать, такъ пѣшкомъ прибѣгутъ! Покровительство нужно, — на колѣни, подлецъ, станетъ, въ грязи въ ноги поклонится! А затѣй что-нибудь поблагороднѣе, такъ и жена больна, и въ отпускъ надобно ѣхать... Погодите, мои милые, дайте мнѣ только дѣло кончить: въ калитку мою вы не заглянете.

Размысливъ хорошенько, Аполлосъ Михайлычъ о судьѣ уже не жалѣлъ, потому что тотъ и по характеру былъ большой невѣжа, да и играть совершенно не умѣлъ; но комика Дилетаевъ поклялся не выпускать изъ рукъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же спросилъ себѣ одѣваться, велѣлъ закладывать лошадь и проѣхалъ прямо къ Рымову. Здѣсь онъ увидѣлъ довольно странную сцену: на стулѣ, у окна, сидѣлъ совсѣмъ растрепанный комикъ, съ лицомъ мрачнымъ и немытымъ; тутъ же на маленькой скамейкѣ, приникнувъ головой къ колѣнямъ мужа, сидѣла Анна Сидоровна, уставивъ на него свои маленькіе глаза, исполненные нѣжности. Кромѣ того она цѣловала его руку. Читатель, вѣроятно, догадывается, что подобное семейное счастье возникло вслѣдствіе отказа Рымова участвовать въ спектаклѣ.

— Виноватъ... — проговорилъ Аполлосъ Михайлычъ, попятившись назадъ.

Комикъ вскочилъ и толкнулъ жену ногою. Та вскрикнула и убѣжала.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь. Я пріѣхалъ на два слова; побраню васъ и уѣду, — проговорилъ гость, между тѣмъ какъ сконфуженный хозяинъ рѣшительно не находился, какъ бы поправить свой туалетъ.

— Позвольте, — произнесъ онъ, хватаясь за пальто и натягивая на себя.

— Опять повторяю, не безпокойтесь, — проговорилъ гость:— артистамъ другъ съ другомъ нечего церемониться. Во-первыхъ, супруга ваша не больна; во-вторыхъ, комедія идетъ безподобно; стало-быть, всѣ препятствія разбиты мною въ прахъ, и слѣдовательно вы не скроете и не закопаете вашего таланта, а блеснете имъ во всей красѣ.

— Нѣтъ-съ, я не могу играть, Аполлосъ Михайлычъ, — возразилъ комикъ.

— Вы можете и вы будете играть.

— Помилуйте, сдѣлайте милость, не безпокойтесь: мой мужъ не такъ здоровъ... зачѣмъ же ему себя изнурять, — произнесла, выходя, Анна Сидоровна, въ сильномъ волненіи.

— Мужъ вашъ, сударыня, здоровъ, вы тоже; все обстоитъ благополучно, поэтому они будутъ играть, а вы будете любоваться. Мнѣ очень совѣстно, что вы не пожаловали на нашу первую репетицію. Я, въ моихъ хлопотахъ, совершенно забылъ послать за вами экипажъ; но впередъ этого ужъ не будетъ.

— Благодарю васъ; я не охотница, — произнесла она отрывисто. — Вы, кажется, Викторъ Павлычъ, сами говорили, что больны, и кажется — не молоденькій ломаться. Что же это такое? Кто васъ ни позоветъ, вы сейчасъ соглашаетесь, — прибавила она, обращаясь къ мужу.

Комикъ стоялъ нахмурившись; Дилетаевъ вышелъ изъ терпѣнья и пожалъ плечами.

— Я имѣю, сударыня, дѣло не съ вами, а съ вашимъ мужемъ, — замѣтилъ онъ. — Не угодно ли вамъ, Викторъ Павлычъ, по крайней мѣрѣ, объяснить мнѣ, почему вы не желаете участвовать въ нашемъ спектаклѣ. Общество у меня собрано приличное и васъ никоимъ образомъ не можетъ компрометировать. Если вы недовольны пьесой, то и это опять несправедливо. Вы сами ее очень хвалили. Я, съ своей стороны, готовъ бы даже былъ уступить вамъ свою роль изъ моей комедіи, которая дѣйствительно идетъ очень хорошо. Но сами согласитесь: я авторъ и писалъ ее нарочно для себя. Кромѣ того, Викторъ Павлычъ, я позволяю себѣ вамъ замѣтить, что у меня играютъ люди благородные, которые и не сродны къ этому дѣлу и заняты другими обязанностями; но они, желая доставить мнѣ удовольствіе, играютъ. Я долженъ прямо вамъ сказать, что впослѣдствіи времени могъ бы быть полезенъ для васъ.

— Намъ, бѣднымъ людямъ, не слѣдъ мѣшаться между благородными, — возразила Анна Сидоровна.

Но Аполлосъ Михайлычъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова.

— Сдѣлайте милость, господинъ Рымовъ, объясните мое сомнѣніе, — отнесся онъ къ комику.

— Я отказываюсь потому, что эта пьеса не можетъ итти.— отвѣчалъ тотъ.

— Отчего же не можетъ?

— Оттого, что никто не играетъ.

— Вовсе нѣтъ-съ, напротивъ: всѣ играютъ, а ролей только

еще не знаютъ. Развѣ Фанни не играетъ? Развѣ Никонъ Семенычъ не отчетливо хорошъ въ Кочкаревѣ?

— Они знаютъ роли.

— И съ этимъ я не согласенъ. Они выполняютъ роли, а прочіе тоже выучатъ, — это ужъ мое дѣло!

— Прочіе даже и стоять на сценѣ не умѣютъ.

— Вы очень строго судите, милый мой,—возразилъ Аполлосъ Михайлычъ.—Не знаю, участвовали ли вы когда-нибудь въ благородныхъ спектакляхъ, но только я скажу, что это совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ публичный театръ. На насъ будутъ смотрѣть, какъ на любителей, которые, для собственнаго удовольствія, разучили нѣсколько сценъ — и только. Вы сказали, что Осипъ Касьянычъ, Юлій Карлычъ и Мишель не умѣютъ стоять на сценѣ. Это совершенно справедливо, и повѣрьте: я, имѣя это въ виду, сегодня ночью придумалъ превосходный оборотъ. Мы выкинемъ изъ пьесы всѣ сцены, гдѣ участвуютъ экзекуторъ, морякъ, офицеръ этотъ и наконецъ сваха и тетка.

— Какъ же вы это выкинете? — спросилъ комикъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Такъ, просто: какъ обыкновенно выкидываютъ.

— Тогда выйдетъ чушь, которой нельзя будетъ и понять,— возразилъ комикъ.

— Изъ фарса, г. Рымовъ, что ни дѣлай, никогда чушь не выйдетъ, потому что онъ самъ по себѣ чушь. Но эта пьеска переработается даже прекрасно, такъ что перещеголяетъ, я думаю, подлинникъ, потому что будетъ имѣть единство.

— Нельзя-съ, этого нельзя.

— Нѣтъ-съ, можно! Извольте слушать; первое явленіе: вы со слугой. Слугу буду играть я самъ. Угодно вамъ? Хотя это и не моя роль и не моего вкуса, но для театра я готовъ пожертвовать всѣмъ. Свахи нѣтъ. Является Кочкаревъ и съ нимъ вся сцена. Потомъ зачеркивается все, и начинается съ того мѣста, гдѣ невѣста разсуждаетъ о женихахъ. Приходитъ Кочкаревъ, совѣтуетъ ей брать Подколесина и приводитъ его, а тутъ опять можетъ итти все сплошь. Такимъ образомъ пьеса прекрасно начнется и отлично кончится.

Комикъ все еще недоумѣвалъ, но было замѣтно, что остроумная выходка Аполлоса Михайлыча сильно его поколебала.

— Полноте, мой любезнѣйшій Викторъ Павлычъ, нечего думать и разсуждать. Поѣдемте сейчасъ же ко мнѣ и примемся за передѣлку комедіи. Не хуже же, чортъ возьми, Рагузова мы справимся съ этимъ дѣломъ: онъ прибавляетъ, а мы будемъ убавлять. Я мастеръ на эти дѣла, если бы охота

пришла, такъ бы этакихъ фарсовъ по десятку въ ночь писалъ. Ну-съ, по рукамъ?.. — прибавилъ Дилетаевъ.

— Я такимъ образомъ согласенъ-съ,—проговорилъ комикъ.

Анна Сидоровна поблѣднѣла и задрожала. Она взглянула на мужа, но тотъ отвернулся.

— Итакъ!..—произнесъ съ восторгомъ Аполлосъ Михайлычъ.

— Сейчасъ буду готовъ, — отвѣчалъ Рымовъ и ушелъ въ сосѣднюю комнату.

Анна Сидоровна кинулась-было за нимъ, но дверь была заперта.

— Какъ я радъ, что уговорилъ вашего супруга, — отнесся къ ней гость

Но она ничего ему не отвѣтила и тотчасъ же вышла изъ комнаты, прошла въ кухню, сѣла на лавку и горько заплакала.

Рымовъ уѣхалъ съ Дилетаевымъ.

«Женитьба» въ одинъ день была передѣлана, какъ нельзя удобнѣе для сцены. Въ дальнѣйшее затѣмъ время Аполлосъ Михайлычъ работалъ неутомимо. Онъ пригласилъ городскихъ жителей всѣхъ классовъ и разослалъ нѣсколько пригласительныхъ билетовъ къ помѣщикамъ въ усадьбы. Репетиціи шли довольно ужъ твердо. Костюмы для разбойниковъ были приготовлены. Матрена Матвѣвна менѣе и менѣе ошибалась въ репликахъ. Рымовъ смѣшилъ всѣхъ до истерики; однимъ словомъ, все это было хорошо, и Дилетаева безпокоила одна только механическая часть. Представленіе должно было произойти на фабрикѣ у купца Яблочкина, производящаго полотно, который, по просьбѣ Дилетаева и по старинному съ нимъ знакомству, далъ для театра огромную залу въ своемъ заведеніи; но все-таки онъ былъ купецъ и поэтому имѣлъ большіе предразсудки, такъ, напримѣръ: залу далъ, даже фабричное производство на всю масленицу остановилъ, но требовалъ, чтобы ни одного гвоздя ни въ полъ ни въ стѣны не было вколочено. Прошу, при этакихъ условіяхъ, помѣстить всю театральную обстановку! Одна только геніальная изобрѣтательность и необыкновенное знаніе дѣла Аполлоса Михайлыча могли все это обдѣлать. Въ залѣ, предназначенной для публики, было поставлено нѣсколько рядовъ креселъ и, сверхъ того, сзади возвышался амфитеатромъ раекъ для купцовъ и мѣщанъ. Сцена была возвышенная; подзоры, очень затѣйливо нарисованные подъ пунцовыя бархатныя драпри, повѣшены. Декораціи, т.-е. голубая комната, а на другой сторонѣ желтая, и лѣсъ, были привезены изъ усадьбы Дилетаева и поставлены. Наконецъ опустился и передній занавѣсъ, — онъ былъ вновь изготовленъ. Антрепренеръ показалъ и здѣсь не-

подражаемую свою изобрѣтательность: у него были очень старинные, но прелестные французскіе обои, которые представляли маленькихъ летящихъ амурчиковъ, и еще, тоже старинной, но прекрасной работы, эстампъ, изображающій Талію. Эта-то Талія и сотни три амурчиковъ были вырѣзаны изъ своихъ мѣстъ и наклеепы на голубой коленкоръ. Талія, конечно, помѣстилась въ срединѣ и къ ней со всѣхъ сторонъ слетались амурчики; видъ былъ прелестный, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Аполлосъ Михайлычъ водилъ всѣхъ своихъ актеровъ полюбоваться своимъ изобрѣтеніемъ. Уборныя для мужчинъ и дамъ были тоже приготовлены: кавалерамъ въ холодномъ чуланѣ, для согрѣванія котораго Дилетаевъ предполагалъ въ день представленія поставить три самовара; а для дамъ въ сосѣдней сторожкѣ, которую по этому случаю оклеили обоями, а находящуюся въ ней русскую печь заставили ширмами.

Болѣе всего Аполлосъ Михайлычъ хлопоталъ съ оркестромъ. При первомъ испытаніи оказалось, что Никонъ Семенычъ вовсе не занимался музыкой и неизвѣстно для чего содержалъ всю эту сволочь. Капельмейстеръ, державшій первую скрипку, былъ лѣнивѣйшее въ мірѣ животное: вмѣсто того, чтобы упражнять оркестръ и совершенствоваться самому въ музыкѣ, онъ или спалъ, или удилъ рыбу, или наконецъ игралъ съ барской собакой на дворѣ; про прочую братію и говорить нечего: мальчишка-волторнистъ былъ такой шалунъ, что его слѣдовало бы непремѣнно разъ по семи въ день сѣчь; въ волторну свою онъ насыпалъ песку, наливалъ щей и даже засовывалъ въ широкое отверстіе ея маленькихъ котятъ. Вторая скрипка только еще другой мѣсяцъ начала учиться. На флейтѣ игралъ старичишка—глухой, вялый; онъ обыкновенно отставалъ отъ прочихъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ или на три связки, которыя и доигрывалъ послѣ; другіе и того были хуже: на віолончели бы игралъ порядочный музыкантъ, но былъ страшный пьяница, и у него чрезвычайно дрожали руки; въ барабанъ колотилъ кто придется, вслѣдствіе чего Аполлосъ Михайлычъ и принужденъ былъ барабанъ совсѣмъ выкинуть. Кадрили они играли еще сносно, конечно, флейта дѣлала грубыя ошибки, а волторнистъ отпускалъ какую-нибудь шалость; но, по крайней мѣрѣ, самъ капельмейстеръ и крѣпко запивающая віолончель дѣлали свое дѣло; однако при всемъ томъ— не кадрили же играть на спектаклѣ?

Дилетаевъ пришелъ въ ужасъ, когда разсмотрѣлъ ихъ репертуаръ: музыканты играли всего только двѣ французскія кадрили, мазурку Хлопицкаго, симфонію изъ «Калифа Баг-

дадскаго» и какую-то старую увертюру изъ «Русалки», да нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Что̀ прикажете при такой бѣдности избрать на четыре антракта? А главное: подъ какую музыку будетъ танцовать Фанни? Онъ далъ-было имъ для разученія фортепіанныя ноты качучи, но капельмейстеръ рѣшительно отказался, говоря, что онъ не умѣетъ переложить, потому что не знаетъ генералъ-баса. Дилетаевъ сказалъ въ глаза Никону Семенычу, что ему приличнѣе держать лошадиный заводъ, чѣмъ музыкантовъ; но тотъ этимъ не обидѣлся, потому что въ это время былъ занятъ своимъ дѣломъ: онъ сочинялъ еще новый монологъ въ своей драматической фантазіи.

Покорившись необходимости, Дилетаевъ съ музыкой распорядился такимъ образомъ: передъ представленіемъ, для съѣзда онъ назначилъ французскую кадриль, между первымъ и вторымъ актомъ—мазурку, которую они лучше всего исполняли; передъ «Женитьбой» — «Лучинушку» и «Не бѣлы-то ли снѣжки»; передъ драматической фантазіей симфонію изъ «Калифа Багдадскаго» и наконецъ — передъ дивертисманомъ увертюру изъ «Русалки». Фанни свою качучу должна была танцовать подъ игру Дарьи Ивановны на фортепіано.

Афишки написалъ самъ Аполлосъ Михайлычъ.

Онѣ были таковы:

184* года.

Ж . . . . . Ъ.

Спектакль любителей, составленный Аполлосомъ Михайлычемъ Дилетаевымъ.

1.

«ВИКОНТЪ И ГРИЗЕТКА, ИЛИ ИСПРАВЛЕННЫЙ ПОВѢСА».

Оригинальная комедія сочиненія Аполлоса Дилетаева.

Дѣйствующія лица:

Маркиза Монъ-Бланъ . . . . . **М. М. Рыжова.**
Виконтъ Де-Сусье . . . . . **А. М. Дилетаевъ.**
Роза, гризетка . . . . . **Ф. П. Дилетаева.**

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ царствованіе Людовика XIV, на дачѣ близъ онаго.

2.

СЦЕНЫ ИЗЪ «ЖЕНИТЬБЫ»,

комедіи, соч. Гоголя, передѣланныя и поставленныя на сцену В. П. Рымовымъ.

Дѣйствующія лица:

Подколесинъ . . . . . **В. П. Рымовъ.**
Кочкаревъ, его другъ . . . . . **Н. С. Рагузовъ.**
Невѣста . . . . . **Ф. П. Дилетаева.**
Степанъ, слуга Подколесина . . . . . **А. М. Дилетаевъ.**

3.

«БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ».

Драматическая фантазія, передѣланная изъ поэмы Пушкина того же наименованія, Н. С. Рагузовымъ, со вновь изобрѣтенными костюмами и декораціями.

Дѣйствующія лица:

Атаманъ-разбойникъ	Н. С. Рагузовъ.
Елена, его любовница	Ф. П. Дилетаева.
Разбойники	А. М. Дилетаевъ.
	М. П. Дилетаевъ.
	В. К. Вейсборъ.
	и другіе.
Старинный подъячій	В. П. Рымовъ.

Въ заключеніе данъ будетъ

ДИВЕРТИСМАНТЪ,

въ коемъ Ф. П. Дилетаева будетъ плясать качучу въ національномъ костюмѣ, а Д. И. Здруева будетъ пѣть романсъ: „Осѣдлаю коня“.

Начало въ семь часовъ. Представленіе произойдетъ на фабричномъ заведеніи г. Яблочкина. Билеты, безъ платы, могутъ получаться отъ самого г. Дилетаева. Дѣти никакимъ образомъ не могутъ быть приводимы. Входъ на сцену публикѣ запрещается.

Захлопотавшись по театру, Аполлосъ Михайлычъ чрезвычайно много надѣлалъ ошибокъ въ приглашеніи гостей и сбился въ раздачѣ билетовъ: людямъ почтеннымъ и уважаемымъ досталось въ заднихъ рядахъ, а на передніе насажалъ дрянь; другимъ, тоже очень значительнымъ семействамъ, вовсе недостало мѣста, и наконецъ хуже всего, по общему говору, было то, что онъ сзади устроилъ раскъ для черни, которая, по всѣмъ соображеніямъ, должна была произвести непріятный для другого общества воздухъ.

Рымовъ очень много помогалъ Аполлосу Михайлычу и училъ потихоньку Фанни, которая, надобно сказать, оказала большіе успѣхи. Онъ сдѣлалъ изъ нея совсѣмъ купеческую невѣсту, такъ что на одной репетиціи Аполлосъ Михайлычъ удивился.

— Вотъ что значитъ,—говорилъ онъ: -- классическое сценическое воспитаніе, которое я далъ Фанни: она сыграетъ всякую роль.

Такимъ образомъ одушевился комикъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, «Женитьба» пошла очень твердо, а во-вторыхъ, Анна Сидоровна отбыла изъ города. Какимъ образомъ это случилось, мы увидимъ дальше.

VI.

Рымовы и ихъ прошедшее.

Анна Сидоровна, которую мы оставили въ слезахъ, несмотря на страстную любовь къ мужу, пришла противъ него въ сильное ожесточеніе: она первоначально заперла ворота, вѣроятно, съ цѣлью не пускать его домой, потомъ открыла комодъ и выбросила весь гардеробъ супруга на дворъ. Вспомнивъ, что у нея есть подаренная Витею чашка, она тотчасъ же разбила ее въ дребезги и наконецъ, утомленная и истерзанная, сѣла. Въ воротахъ послышался стукъ. Анна Сидоровна все забыла. Ей представилось, что это стучится воротившійся мужъ, который, можетъ-быть, разссорился съ злодѣемъ Дилетаевымъ, отказался отъ проклятаго театра и возвращается къ ней. При всей своей полнотѣ, она скачками пробѣжала сѣни, дворъ и отворила калитку. Передъ ней стоялъ лакей въ ливреѣ. Анна Сидоровна попятилась.

— Чей ты, батюшка? — проговорила она.

— Дилетаевскій. Здѣсь Викторъ Павлычъ живетъ? — спросилъ тотъ.

— Никакого нѣтъ здѣсь для васъ Виктора Павлыча. Убирайтесь, откуда пришли.

— Имъ письмо барышня прислала,—говорилъ лакей.

— Какая барышня?

— Наша барышня.

— Дай сюда, — вскрикнула Анна Сидоровна и, вырвавъ проворно изъ рукъ лакея записку, захлопнула калитку.

Ничего не понимая, ничего не размышляя, она, тутъ же на улицѣ, начала читать письмо; это была записка отъ Фанни, которая писала:

«Приходите, Викторъ Павлычъ, сегодня вечеромъ къ намъ; но только потихоньку, чтобы дяденька не видалъ; онъ не любитъ, чтобы меня другіе учили; вы всѣ роли прочитаете. Вы мнѣ очень понравились; какъ вы славно играете. Пройдите заднимъ крыльцомъ и спросите меня».

Бѣдная женщина, прочитавъ эти роковыя строки, сдѣлалась совершенно сумасшедшей. Бросилась-было къ городничему съ намѣреніемъ пожаловаться на мужа; но тамъ ее дежурный солдатъ не пустилъ, потому что градоначальникъ въ то время спалъ, и сказалъ ей, чтобъ она пришла вечеромъ въ полицію. Возвратившись въ свою квартиру, она схватила мужнинъ фракъ, изрѣзала его вдоль и поперекъ, кинула сапоги его въ

колодецъ и, написавъ какую-то записку, положила ее на столъ, собрала потомъ нѣсколько своихъ платьевъ, перебила затѣмъ всѣ горшки въ кухнѣ и пошла сначала по улицѣ, а потомъ и за городъ. Пройдя около двухъ верстъ, она начала нанимать ѣхавшаго съ базара мужика отвезти ее въ Кузьмищево, сторговалась съ нимъ и поѣхала. Въ Кузьмищевѣ проживали двѣ благородныя старыя дѣвушки-помѣщицы, которыя принимали въ Аннѣ Сидоровнѣ большое участіе и просили ее пріѣзжать къ нимъ погостить всякій разъ, какъ закутитъ ея пьянчужка.

Рымовъ возвратился домой отъ Аполлоса Михайлыча часу въ пятомъ. Увидѣвъ разбросанное на дворѣ свое платье, онъ, кажется, не удивился и вошелъ въ квартиру. Здѣсь открылось еще болѣе: на полу валялась разбитая чашка, самоваръ былъ опрокинутъ, и наконецъ на стулѣ лежалъ изрѣзанный фракъ. Рымовъ поблѣднѣлъ.

— Этакая дура! — воскликнулъ онъ: — этакій уродъ безоразный! — продолжалъ комикъ и, сжавъ кулаки, пошелъ искать Анны Сидоровны; но, конечно, не нашелъ

— Ну, скажите, пожалуйста,—продолжалъ онъ, съ горькою улыбкою разсматривая свой фракъ:—не совсѣмъ ли это сумасшедшая женщина! Ну, голубушка, погоди! Ты у меня мѣсяца два просидишь на одномъ хлѣбѣ. Я фракъ себѣ сошью, а ты у меня поголодаешь!..

Проговоря эти слова, комикъ вздохнулъ и началъ подбирать разбросанныя вещи. Тутъ ему попалась на глаза записка Анны Сидоровны. Онъ ее прочиталъ и усмѣхнулся.

Анна Сидоровна писала такъ:

«Безпремѣнно, вы не увидите меня, я уѣхала къ моимъ благодѣтельницамъ. Оставайтесь съ вашими записочками. Дай Богъ вамъ нажить другую такую; но я скажу, ни одна не будетъ переносить столько отъ вашего пьянства и безобразія, подлый этакій человѣкъ.

«Анна Рымова».

По самому почерку и подписи фамиліи замѣтно было, что послѣднія слова были написаны въ сильномъ ожесточеніи

Для разъясненія и отчасти оправданія страннаго предубѣжденія, которое имѣла Анна Сидоровна противъ театра, я намѣренъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о прошедшемъ Рымовыхъ: происхожденіе Виктора Павлыча было очень темное, и я знаю только то, что на семнадцатомъ году у него не было ни отца, ни матери, ни родныхъ, и онъ съ третьяго класса гимназіи содержалъ себя самъ, учивъ, за столъ, квартиру и вицмундиръ, маленькаго, но богатаго гимназистика изъ перваго класса, у котораго и оставался ментором до самаго вы-

пуска. Большимъ рвеніемъ къ наукамъ Рымовъ не отличался, но замѣчателенъ былъ способностью передразнивать: онъ неподражаемо копировалъ учителей, трактирныхъ половыхъ, купцовъ, помѣщиковъ на станціяхъ; но, кромѣ того, представлялъ даже, какъ собаки лаютъ, жеребца на выводкѣ, громъ съ молніей, и все это весьма искусно, чему, можетъ-быть, много способствовало его необыкновенно подвижное лицо. Въ мѣстный театръ онъ ходилъ всякій разъ, какъ заводился въ карманѣ трехгривенный, и всѣ почти комедіи зналъ наизусть. Званіе домашняго учителя, по безпечности характера, ему очень нравилось, и потому, кончивъ курсъ гимназіи, онъ продолжалъ заниматься частными уроками, перебывалъ, по крайней мѣрѣ, въ пятнадцати губерніяхъ, попалъ наконецъ въ Москву и поступилъ къ одной старухѣ для образованія ея внучка. У старухи кромѣ того была еще воспитанница, дѣвица лѣтъ около двадцати пяти, румяная, полная и очень живая и веселая. Съ перваго же раза она начала съ молодымъ учителемъ заигрывать: то обольетъ его водой изъ окна, то пришьетъ къ простынѣ, когда онъ спитъ послѣ обѣда, раскидаетъ по полу всѣ его книги, запретъ его въ комнатѣ и унесетъ съ собою ключъ. Рымову было тогда двадцать два года; онъ началъ шалуньѣ отвѣчать тѣмъ же: напугаетъ ночью въ коридорѣ, кинетъ ей нечаянно изъ саду въ окно мячомъ, или забьется къ ней подъ кровать, когда она идетъ спать. Наконецъ игрушки ихъ зашли очень далеко. Старуха узнала и обоихъ прогнала. Бѣдные любовники поселились вмѣстѣ. Рымовъ первый опомнился въ своей необдуманности. Бѣдность была страшная: надежды впереди—никакой, но этого еще мало: приглядѣвшись къ Аннушкѣ, онъ въ ней сильно разочаровался; она была замѣтно простовата, совершенно необразована, и наконецъ связывала его, что̀ называется, по рукамъ и по ногамъ. Но не то было съ Анной Сидоровной: страсть ея день ото дня разгоралась; прямо и вкось, слезами, просьбой и бранью, она требовала, чтобы онъ женился на ней. Рымовъ долго не сдавался и, между прочимъ, началъ попивать, ничего не дѣлалъ, а только кутилъ и буянилъ. Все сносила Анна Сидоровна и настояла наконецъ на своемъ, т.-е. сдѣлалась его женой. Съ этихъ поръ судьба Рымова и даже самъ онъ—измѣнились къ лучшему: онъ нашелъ, по рекомендаціи своего стараго товарища, нѣсколько уроковъ, пересталъ пить, тосковать, и все пошло какъ нельзя лучше. Маленькія семейныя сцены выходили только изъ-за того, что Рымовъ, какъ самъ онъ выражался, ненавидѣлъ лизанья, а Анна Сидоровна была очень нѣжна и страстна. Въ это блаженное время она съ каждымъ днемъ полнѣла и

развилась до того значительнаго размѣра, въ которомъ мы ее встрѣтили. Однажды затѣялся въ одномъ домѣ, гдѣ Викторъ Павлычъ давалъ уроки, театръ; его пригласили; сначала Анна Сидоровна ничего: была даже рада и очень смѣялась, когда ея Витя игралъ какого-то старика; одно только ей не понравилось, что онъ, по ходу пьесы, поцѣловался съ одной дамой, игравшей его племянницу. Но горько бѣдная женщина послѣ оплакала эту дьявольскую затѣю. Съ другого же почти дня Рымовъ закутилъ; начали ходить къ нему какіе-то пріятели, пили, читали, одинъ изъ нихъ даже безпрестанно падалъ на полъ и представлялъ, какъ будто бы умираетъ; не меньше другихъ ломался и самъ хозяинъ: мало того, что читалъ что-то наизусть, размахивалъ, какъ сумасшедшій, руками; но мяукалъ даже по-кошачьи и визжалъ, какъ свинья, когда ту рѣжутъ; на жену уже никакого не обращалъ вниманія и только бранился, когда она начинала ему выговаривать; уроки всѣ утратилъ; явилась опять бѣдность. Все это Анна Сидоровна имѣла еще силы перенесть, бранилась, конечно, иногда и бранилась очень, но ей готовилось новое несчастье: Рымовъ подрядился въ театральную труппу. Анна Сидоровна сначала и понять не могла хорошенько, что̀ это такое, но потомъ поняла, когда они переѣхали въ одинъ губернскій городъ, и поняла очень хорошо. Дня по два она сидѣла безъ обѣда, даже не зная, гдѣ мужъ обрѣтается; наконецъ до нея дошли слухи, что онъ завелъ любовь съ одной актрисой, и этого ужъ Анна Сидоровна не въ состояніи была перенесть и занемогла горячкой. Безразсудныя дѣянія Рымова и его служба на провинціальномъ театрѣ продолжались только одну зиму. Въ Великій постъ онъ опомнился и началъ сидѣть дома, хотя дома едва только былъ насущный хлѣбъ. Оправившаяся Анюта взяла съ него клятву, чтобы онъ никогда и не думалъ играть на театрѣ.

Рымовъ поклялся. Одинъ изъ родственниковъ ея пріискалъ ему мѣсто въ питейной конторѣ. Не соображая того, что Виктору Павлычу уже сорокъ пятый годъ, Анна Сидоровна ревновала его къ встрѣчной и поперечной и даже, для этой цѣли, не держала ни одной женщины въ домѣ и сама готовила кушанье.

VII.

Спектакль.

Вожделѣнный день представленія наступилъ. Аполлосъ Михайлычъ, Рымовъ и Юлій Карлычъ отправились въ театръ часа въ два пополудни. для должныхъ приготовленій. Декора-

ціями и мебелью Дилетаевъ поручилъ распоряжаться Вейсбору, давъ ему, конечно, подробную записку, что̀ и когда нужно. Еще прежде того онъ настоялъ, чтобы Никонъ Семенычъ сдѣлалъ своимъ музыкантамъ новыя синія куртки и хорошенько намылилъ голову капельмейстеру за лѣность. Прочіе актеры съѣхались часу въ пятомъ, и приведены были лакеи, закостюмированные въ разбойниковъ. Въ чуланѣ-уборной, нагрѣваемой тремя самоварами, сдѣлалось чрезвычайно тѣсно, и потому Аполлосъ Михайлычъ распорядился, чтобы Юлій Карлычъ и Мишель въ разбойничьи костюмы одѣлись заранѣе: первый, конечно, безпрекословно повиновался, а второй, по обыкновенію, поспорилъ; но, впрочемъ, закостюмировался и даже сдѣлалъ себѣ обожженною пробкою усы, которые къ нему, по словамъ Дарьи Ивановны, очень шли. Наконецъ все болѣе или менѣе было приведено въ окончательный порядокъ. Аполлосъ Михайлычъ причесался и напудрился. Матрена Матвѣвна тоже причесалась, напудрилась и одѣлась въ богатый, составленный по особому рисунку, костюмъ маркизы. Фанни давно была уже готова.

Роковые семь часовъ уже приближались. Актеры начали испытывать волненіе: даже самъ Аполлосъ Михайлычъ былъ какъ-то встревоженъ. Матрена Матвѣвна очень боялась. Съ Фанни была лихорадка. Комикъ сидѣлъ, задумавшись. Трагикъ ходилъ по сценѣ мрачный; одинъ только Мишель любезничалъ съ Дарьей Ивановной. Засвѣтили свѣчи и кенкеты. Публика начала съѣзжаться, но, Боже мой! эта публика—неблагодарная публика, особенно въ провинціяхъ: затѣваетъ ли кто для публики балъ даже изъ послѣднихъ средствъ своихъ,—и всѣ у него, кажется, напились, наѣлись, натанцовались,—и вы думаете, что всѣ довольны? — Ничуть не бывало... непремѣнно что-нибудь найдутъ: одни скажутъ, очень было жарко, а другіе---холодно; однимъ показалась сыра рыба, другіе недовольны, что вина мало, третьи скучали, что ихъ хозяинъ заставлялъ танцовать, четвертые жаловались на монотонность, и очень немного осталось нынче на свѣтѣ такихъ простодушныхъ людей, которые были бы довольны предлагаемымъ имъ отъ своего брата удовольствіемъ; но театръ уже по преимуществу подпадаетъ, какъ говорятъ, критикѣ. Я не знаю, что̀ въ этомъ случаѣ руководствуетъ людей: зависть ли, желаніе ли выказать себя, или просто наклонность къ юмору, но только смертные очень склонны пересмѣять самыя прекрасныя, самыя безкорыстныя затѣи другого смертнаго, который и самъ, въ свою очередь, отплачиваетъ тѣмъ же другимъ смертнымъ, и всѣ эти смертные поступаютъ, надобно сказать, въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно

нелогически: сухо поклонится, напримѣръ, на балѣ какому-нибудь Алексѣю Иванычу нѣкій Дмитрій Николаичъ, котораго онъ безмѣрно уважаетъ, а онъ—Алексѣй Иванычъ — нападаетъ на хозяина и говоритъ, что у него былъ чортъ знаетъ кто и чортъ знаетъ какъ всѣ были приняты.

Въ описываемомъ мною спектаклѣ только первые два или три ряда креселъ пріѣхали въ миротворномъ расположеніи духа, и то потому только, что они нѣкоторымъ образомъ были почтены хозяиномъ; но зато задніе ряды съ перваго шага начали дѣлать насмѣшливыя замѣчанія. Одни говорили, что, вѣроятно, на сценѣ будутъ ткать; другіе, что Матрена Матвѣвна станетъ цѣловаться съ Аполлосомъ Михайлычемъ, и наконецъ третьи, будто бы Фанни протанцуетъ качучу, для легкости, босикомъ.

Раекъ для купечества и мѣщанства былъ гораздо добродушнѣе: все почти его народонаселеніе съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣло на колыхающійся занавѣсъ, испещренный амурчиками.

— Что̀ это, Дмитрій Андреичъ, на ситцѣ-то за звѣрьки?— спросила одна купчиха у мужа.

— Это модный-съ рисунокъ. Особь-статьей. должно-быть, такая матерія вышла,—отвѣчалъ тотъ.

— Привелъ, сударь ты мой, меня Богъ нынѣшней зимой въ Москвѣ видѣть настоящій театръ. Махина, я вамъ объясню, необразимая: вся наша, можно сказать, площадь уставится въ него. Одного ламповаго масла выходитъ на триста рублевъ въ день. А дровъ то-есть отпускается на нѣсколько тысячъ, — говорилъ толстый купецъ сидѣвшему съ нимъ рядомъ тоже купцу.

Въ отрицательномъ состояніи духа были, впрочемъ, и въ райкѣ.

Это пьяный столоначальникъ.

— Ничего... ладно-съ... видали-съ... скверно... нехорошо, оставь... молчать... — говорилъ онъ тихонько про себя.

Были также миротворныя лица и въ заднихъ рядахъ дворянскаго круга, а именно Прасковья Ѳедуловна, ближайшая по деревнѣ сосѣдка Аполлоса Михайлыча. Она получила отъ него, по короткому знакомству, тоже билетъ на одну свою особу; но, не понявъ хорошенько, или надѣясь на расположеніе хозяина, пріѣхала съ двумя дочерьми и тремя маленькими внучатами, и всѣхъ ихъ преспокойно разсадила около себя. Дочери, конечно, модничали, однако сидѣли смирно; но внучата тотчасъ же начали что-то болтать, указывать на все пальцами, и наконецъ одинъ изъ нихъ, самый младшій, за-

ревѣлъ. Все это, можетъ-быть, не было бы и замѣчено; но дѣло въ томъ, что на занятыя этою семьею кресла пріѣхали лица, имѣвшія на нихъ законные билеты. Произошелъ шумъ: Прасковьѣ Ѳедуловнѣ никакъ не могли втолковать незаконность ея поступка. Обстоятельство это было доведено до Аполлоса Михайлыча, который совсѣмъ уже одѣлся въ костюмъ виконта. Какъ ни непріятно было Дилетаеву выйти одѣтому на глаза публики, но дѣлать было нечего. Прикрывъ себя совершенно наглухо плащомъ, онъ вышелъ и урезонилъ наконецъ свою сосѣдку, которая, впрочемъ, обидѣлась и, оставивъ одну изъ своихъ дочерей, сама уѣхала домой съ прочими домочадцами.

Музыка заиграла французскую кадриль и проиграла ее хотя съ извѣстными недостатками, но недурно. Раекъ захлопалъ, вѣроятно, потому, что всякаго рода музыкальные звуки, худы ли они, или хороши, но на людей неизбалованныхъ, т.-е. почти никогда не слышавшихъ музыки, производятъ нѣкоторое раздраженіе въ нервахъ, а этого и довольно...

«Уши хоть дерутъ, но хмельного въ ротъ не берутъ!»—пропѣлъ басомъ, довольно громко, столоначальникъ и покачнулся. Занавѣсъ взвился. Первое впечатлѣніе было превосходно. Представьте себѣ голубую комнату, устланную коврами, украшенную драпировкою, прекрасною мебелью, съ двумя серебряными канделябрами и съ попугаемъ въ клѣткѣ. На одномъ изъ креселъ сидѣла маркиза въ своемъ пышномъ костюмѣ. Невдалекѣ отъ нея, полуразвалясь, помѣщался виконтъ, въ бархатѣ, въ золотѣ и кружевахъ.

— Прелесть, безподобно,—проговорили въ первыхъ рядахъ.

— Важно наряжены! — послышалось въ амфитеатрѣ.

Матрена Матвѣвна, впрочемъ, очень сконфузилась, хотя передъ представленіемъ, по совѣту Аполлоса Михайлыча, и выпила цѣлую рюмку мадеры.

— Ахъ, да, всѣ говорятъ о васъ, виконтъ...—начала и смѣшалась.

Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ; но вдова поправилась и, потупивъ совершенно глаза, очень тихо докончила монологъ.

Отчетливо и бойко проговорилъ свои слова виконтъ. Маркиза опять немного смѣшалась, но проговорила. Такимъ образомъ все явленіе прошло не совсѣмъ живо, и надобно сказать, что виной всему была одна Матрена Матвѣвна. Аполлосъ Михайлычъ употребилъ съ своей стороны все и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ необыкновенно эффектенъ. Для перемѣны декораціи занавѣсъ былъ на нѣсколько времени опущенъ, и по поднятіи его на сценѣ сидѣла уже Фанни, въ своей бѣд-

ной комнаткѣ. Она тоже немного сконфузилась; но явился виконтъ, и все пошло безподобно. По окончаніи перваго дѣйствія передніе ряды захлопали. Къ нимъ подсталъ, по-своему, раекъ, т.-е. захлопалъ, закричалъ и застучалъ ногами; музыканты проиграли мазурку Хлопицкаго, и проиграли бы ее довольно хорошо, если бы повѣса-волторнистъ не раскашлялся, и вмѣсто того, чтобы отвернуться, онъ кашлялъ въ волторну, отчего та, конечно, и издала какіе-то странные звуки. Въ продолженіе антракта Аполлосъ Михайлычъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній Матренѣ Матвѣвнѣ, и та поклялась не конфузиться больше и не сбиваться. Второе дѣйствіе сошло тоже хорошо. Правда, что хлопали мало: въ райкѣ слышалось сморканье и кашлянье, и въ непріязненныхъ заднихъ рядахъ нѣкто сказалъ, что Аполлосъ Михайлычъ похожъ на ощипаннаго павлина, а Матрена Матвѣвна на толстую индюшку, и что вся комедія, какъ сонные порошки, усыпляетъ. Подъ конецъ пьесы, когда виконтъ упалъ на колѣни передъ гризеткою и началъ умолять ее о прощеніи, передніе ряды креселъ захлопали, и къ нимъ опять подсталъ раекъ. Но удивительнѣе всѣхъ штуку выкинулъ столоначальникъ, котораго хмель въ жару еще болѣе разобралъ. Онъ вскочилъ на лавку и закричалъ: «Браво, г-нъ виконтъ, браво! Поди сюда, я тебѣ манжеты-то оборву». Сидѣвшій въ креслахъ городничій тотчасъ же велѣлъ его вывести. Занавѣсъ опустился. Въ переднихъ рядахъ произошло маленькое волненіе, и одинъ изъ посѣтителей отправился на сцену. Это былъ депутатъ, командированный просить у актеровъ позволенія ихъ вызвать. Аполлосъ Михайлычъ изъявилъ полное согласіе. По возвращеніи посланнаго, тотчасъ же раздался крикъ: «Дилетаева!», а потомъ: «всѣхъ!»—«Половину!»—прокричалъ кто-то басомъ. Аполлосъ Михайлычъ вывелъ за руки Матрену Матвѣвну и Фанечку и раскланялся. Это привѣтствіе публики значительно ободрило Дилетаева, который оставался не совсѣмъ доволенъ ходомъ своей комедіи. Затѣмъ слѣдовали, какъ мы знаемъ, сцены изъ «Женитьбы». Музыка заиграла: «Не бѣлы-то ли снѣжки». Явно, что эта пѣсня была по душѣ музыкантамъ, потому что они ее играли гораздо громче прочихъ пьесъ. Райку, должно-быть, тоже она понравилась, и онъ единодушно захлопалъ, но въ заднихъ рядахъ зашикали, и сидѣвшій на самомъ послѣднемъ мѣстѣ мужчина, обернувшись, сказалъ: «музыкѣ не хлопаютъ-съ».

Между тѣмъ Дилетаевъ успѣлъ уже переодѣться изъ виконта въ лакея. Онъ зачесалъ себѣ всѣ волосы напередъ, перемаралъ все лицо въ сажѣ, запряталъ брюки въ сапоги и ко всѣмъ обращался, говоря: «чово, тово, Ванюха», желая,

конечно, поддѣлаться къ тону простолюдиновъ. Дарья Ивановна сидѣла съ Мишелемъ за самой задней декораціей, въ темномъ углу. Трагикъ для Кочкарева давно уже былъ готовъ. Онъ придѣлалъ себѣ усы и завилъ въ мелкія кольца волосы, утверждая, что Кочкаревъ непремѣнно долженъ быть кудрявый. Наконецъ все было готово, занавѣсъ поднялся. Подколесинъ, какъ, можетъ-быть, небезызвѣстно читателю, лежитъ одинъ на диванѣ. Удивительное дѣло, что̀ за смѣшной актеръ былъ Рымовъ. Едва только проговорилъ онъ начальныя слова: «Вотъ какъ подумаешь этакъ самъ-то съ собою, такъ и увидишь, что дѣйствительно надобно жениться... а то живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится...»—едва только произнесъ онъ эти слова, какъ все разразилось хохотомъ. Не то, чтобы эти самыя слова его были очень смѣшны, но онъ самъ-то весь, физіономія-то его была очень уморительна. Появился лакей. Аполлосъ Михайлычъ, видимо, старался смѣшить. Вошелъ онъ какимъ-то совсѣмъ дуракомъ, началъ почесываться, покачиваться; конечно, тоже засмѣялись, но и перестали; и всѣ больше глядѣли на Рымова. Многіе, въ переднемъ ряду, рѣшительно не въ состояніи были видѣть его лица, хотя въ этомъ лицѣ не было ни одной гримасы; даже онъ не перемѣнялъ выраженія, а такъ лежалъ, какъ обыкновенно лежатъ лѣнивые люди, и отъ бездѣлья переговаривалъ съ лакеемъ, не посовѣтуетъ ли тотъ чего-нибудь ему насчетъ женитьбы. Вбѣжалъ Кочкаревъ; и онъ тоже, подобно лакею, старался играть: горячился, бѣгалъ, тормошилъ Подколесина; но не былъ смѣшонъ. Смѣхъ, конечно, не прерывался, но я долженъ прямо сказать, что производилъ его одинъ только Рымовъ. Задніе ряды креселъ хлопали ему на каждомъ словѣ. Сидѣвшій въ числѣ ихъ одинъ офицеръ отнесся къ своему сосѣду-помѣщику:

— Лучше бы этихъ старыхъ дураковъ совсѣмъ не пускали на сцену, а заставить бы играть одного этого хвата изъ питейной конторы. Кто онъ? Цѣловальникъ, что ли?

— Да, должно-быть, опытный малый... настоящій актеръ,— отвѣчалъ тотъ. — Посмотрите, mon cher, какое у него лицо смѣшное, а вѣдь нельзя сказать, чтобы фарсилъ.

— Совершенно не фарситъ, — произнесъ офицеръ.

Послѣ перемѣны декораціи явилась невѣста. Она была тоже очень хороша и премило выбирала женихов. Вбѣжалъ Кочкаревъ, и тутъ ужъ всѣ замѣтили, что Никонъ Семенычъ черезчуръ утрируетъ, и надъ нимъ ужъ никто не смѣялся; но появился Подколесинъ, и опять всѣ захохотали. Въ сценѣ съ невѣстой онъ, если можно такъ выразиться, положилъ всѣхъ

въ лоскъ; даже музыканты хохотали, и даже Дарья Ивановна и Мишель, выставившись изъ своего потаеннаго уголка, смѣялись. Аполлосъ Михайлычъ, стоявшій за декораціей, безпрестанно хлопалъ комику. Затаивъ въ себѣ всякое чувство самолюбія, онъ говорилъ, что эти сцены у нихъ идутъ лучше, чѣмъ на московскомъ театрѣ, и тотчасъ же проектировалъ въ изобрѣтательной головѣ своей — почтить талантъ Рымова; но какимъ образомъ—мы увидимъ впослѣдствіи. Раздались крики: «Рымовъ!». Занавѣсъ, по приказанію Аполлоса Михайлыча, былъ поднятъ. Публика хлопала, но другихъ никого не вызывала. Трагикъ былъ взбѣшенъ.

— Я вамъ говорилъ, что я не умѣю играть вашихъ дурацкихъ фарсовъ. Очень весело дурачиться, — сказалъ онъ Аполлосу Михайлычу, проходя въ уборную.

Фанечка съ какимъ-то благоговѣніемъ начала смотрѣть на Рымова. Дилетаевъ съ чувствомъ сжалъ ему обѣ руки.

— У сердца моего вы, батюшка, вотъ тутъ, у сердца!— говорилъ онъ, колотя рукою по груди. — Мы оцѣнимъ вашъ талантъ. Можетъ-быть, сегодня же чѣмъ-нибудь его почтимъ.

Комикъ, по обыкновенію, конфузился и сѣлъ въ самый дальній уголъ. Аполлосъ Михайлычъ вышелъ къ публикѣ. Его, конечно, сейчасъ окружили и начали привѣтствовать и хвалить.

— Каковъ комикъ? Вотъ что я хочу спросить васъ, господа!— сказалъ онъ.

— Отличнѣйшій, — произнесъ бѣлокурый господинъ: — онъ, надо полагать, изъ настоящихъ актеровъ.

— Что актеры!.. Всѣ актеры ему въ подметки не годятся,— возразилъ Аполлосъ Михайлычъ. — Я къ вамъ, господа, съ небольшимъ проектомъ. Вы — наши цѣнители и судьи, и вы должны почтить талантъ. Не угодно ли будетъ вамъ, какъ дѣлается это въ Москвѣ, презентовать нашему Рымову какой-нибудь подарокъ. Я самъ, съ своей стороны, сдѣлалъ бы это сейчасъ же; но я одинъ — не публика.

— То-есть какъ подарокъ?—спросилъ одинъ помѣщикъ

— А вотъ какъ-съ! Есть у меня цѣлковыхъ въ сорокъ накладного серебра ваза. Не угодно ли вамъ сдѣлать подписку по бездѣлицѣ — по рублю или по полтиннику. Чего недостанетъ, я беру на себя, и потомъ сегодня за ужиномъ, къ которому я имѣю честь васъ пригласить, поднесемте ее нашему таланту — Рымову. Ему это будетъ очень лестно. Онъ человѣкъ весьма небогатый.

— Это очень возможно, — проговорили многіе.

— Такъ не угодно ли вамъ взять вотъ эту бумажку и этотъ

карандашикъ и написать каждому, кто сколько жертвуетъ. Въ раекъ пускать нечего, а пусть подпишутся одни кресла. Если будетъ больше сорока рублей, это положимъ въ вазу, да и я еще прибавлю, и завтрашній же день даю вамъ честное слово написать объ этомъ въ Москву. Пусть тамошніе меценаты смакуютъ да думаютъ, увидавъ, что и среди насъ есть таланты, которые мы тоже уважаемъ.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ передалъ бумажку съ карандашикомъ и скрылся. Онъ торопился одѣваться въ костюмъ разбойничьяго эсаула. Подписка тотчасъ же началась. Съ удовольствіемъ, кажется, подписались немногіе. Иные смѣялись, другіе не понимали, въ чемъ тутъ дѣло, и спрашивали, что̀ это такое значитъ, и наконецъ третьи подписались такъ, не зная, что̀ это такое и для чего; впрочемъ, къ концу заднихъ рядовъ подписка простиралась уже до ста цѣлковыхъ: одинъ откупщикъ подмахнулъ пятнадцать рублей серебромъ.

Между тѣмъ музыка начала играть симфонію изъ «Калифа Багдадскаго». Печально завывалъ капельмейстеръ; вторила ему, хотя немного отставая, флейта, играла съ душою віолончель, но и только: — вторая скрипка, волторна и тамъ еще два какіе-то инструмента были ниже всякой посредственности, но, впрочемъ, проиграли. Никонъ Семенычъ былъ весьма недоволенъ: во-первыхъ, онъ полагалъ, что разбойниковъ въ заднихъ рядахъ будетъ гораздо больше; во-вторыхъ, они были одѣты вовсе не по-разбойничьи, а въ какіе-то охотничьи казакины. Мишель, тоже очень небрежно замаскированный, никакъ не хотѣлъ, по назначенію трагика, лежать, а говорилъ, что онъ будетъ стоять. Комикъ тоже долго отговаривался одѣваться стариннымъ подьячимъ, но Аполлосъ Михайлычъ его уговорилъ. Болѣе же всего взбѣсило трагика то, что у лѣсной декораціи не было голубыхъ подзоровъ, а висѣли тѣ же бѣлые. Какова же будетъ картина волжскаго берега: вмѣсто неба — потолокъ, тогда какъ именно на эффектность картины онъ и разсчитывалъ. По случаю этихъ упущеній Никонъ Семенычъ много наговорилъ колкостей Аполлосу Михайлычу, который ему ничего не отвѣтилъ, а только махнулъ рукой. Какъ бы то ни было, только картина составилась въ прежнемъ порядкѣ, съ тою только разницею, что вмѣсто судьи, въ позѣ спящаго разбойника, положенъ былъ всеисполняющій Юлій Карлычъ. Актеры, набранные изъ людей Дилетаева, были поставлены группою взади сцены. Для большаго эффекта Рагузовъ потребовалъ, чтобы при поднятіи занавѣса слышалась симфонія, и потому музыкантамъ снова повелѣно было играть.

Въ половинѣ симфоніи занавѣсъ поднялся. Картина была, кажется, довольна хороша: въ райкѣ послышалось нѣсколько аплодисментовъ. Музыка проиграла. Никонъ Семенычъ началъ; все шло очень твердо, такимъ образомъ и кончилось, по временамъ только смѣялись, но надъ Рымовымъ ли, который сидѣлъ молча и не шевелясь, или даже надъ самимъ трагикомъ, я не могу рѣшить. По закрытіи занавѣса нѣсколько человѣкъ негромко захлопали—кто-то прокричалъ: «всѣхъ», но скоро все смолкло. Аполлосъ Михайлычъ началъ спѣшить, онъ велѣлъ музыкантамъ скорѣе играть увертюру изъ «Русалки»; торопилъ, чтобы вносили на сцену фортепіано, и, наконецъ упросивъ Дарью Ивановну сѣсть за инструментъ, самъ поднялъ занавѣсъ. Выскочила Фанни въ трико и въ воздушномъ костюмѣ. Всѣ захлопали.

— Важно барышня откалываетъ, — произнесъ купецъ въ райкѣ.

Фанни протанцовала, поклонившись всѣмъ съ улыбкою, какъ обыкновенно кланяются балетчицы, и убѣжала. Съ Дарьей Ивановной Аполлосу Михайлычу опять были хлопоты. Проигравъ, она встала и ушла со сцены. Онъ едва умолилъ ее опять выйти и пропѣть свой романсъ. Модная дама нехотя вышла, сдѣлала гримасу и запѣла: раекъ буквально разинулъ ротъ, кресла слушали внимательно.

Дарья Ивановна, съ прежнею миною, встала и, не поклонясь публикѣ, ушла. Такимъ образомъ кончился спектакль, такъ давно задуманный и съ такимъ трудомъ составленный.

VIII.

Ужинъ артистовъ.

Всѣ кресла, приглашенныя Аполлосомъ Михайлычемъ на ужинъ, отправились къ нему; актеры должны были выйти къ прочему обществу изъ заднихъ комнатъ. Такимъ образомъ дѣйствующія лица и зрители соединились: публика привѣтствовала и хвалила то того, то другого изъ игравшихъ. Матренѣ Матвѣвнѣ одна пожилая дама сказала, что она вовсе не узнала ее въ старинной прическѣ, и очень лестно отозвалась о ея прекрасномъ платьѣ на фижмахъ. Офицеръ благодарилъ Дарью Ивановну за доставленное ему наслажденіе своимъ небеснымъ голосомъ, которымъ она съ такимъ чувствомъ пропѣла свою превосходную арію, и сравнилъ ее съ Асандри. Трагика расхвалилъ за его декламацію чудакъ Котаевъ. Даже Юлію Карлычу кто-то сказалъ, что онъ очень натурально представлялъ

спящаго разбойника. Съ комикомъ немногіе говорили, потому что его никто почти лично не зналъ; откупщикъ, впрочемъ, потрепалъ его по плечу, проговоря: «вы недурно комедіи разыгрываете, право: я никакъ этого не предполагалъ». Передъ Фанни всѣ разсыпались въ комплиментахъ. Аполлосъ Михайлычъ вызвалъ нѣкоторыхъ поважнѣе мужчинъ въ кабинетъ и что-то долго съ ними совѣщался. Наконецъ они вышли; впереди ихъ шелъ лакей съ подносомъ, на которомъ поставлена была накладного серебра ваза. Вся эта процессія прошла въ гостиную, въ которой, вмѣстѣ съ прочими, сидѣлъ комикъ. Подносъ съ вазой поставленъ былъ на столъ.

— Согласно вашему желанію, господа, — началъ хозяинъ торжественнымъ голосомъ: — я вызываю нашего великаго комика... Викторъ Павлычъ! Не угодно ли вамъ подойти сюда,— отнесся онъ къ Рымову.

Тотъ всталъ.

— Наша публика, — продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ: — питая уваженіе къ вашему таланту, который всѣмъ намъ доставилъ столько удовольствія, желаетъ презентовать вамъ этотъ маленькій подарочекъ. Ваши товарищи тоже желали имѣть участіе въ этомъ дѣлѣ. Примите мою, милѣйшій! Тутъ есть мое, Фанни, Никона Семеныча, Юлія Карлыча и наконецъ отъ всей почтенной публики.

Проговоря эти слова, Аполлосъ Михайлычъ опрокинулъ вазу, изъ которой посыпалось около сотни цѣлковыхъ; потомъ, опять поставивъ ее на подносъ, поднялъ все это и своими руками подалъ Рымову.

— Примите, мой безцѣнный, въ память нашего пріятнаго удовольствія, которое въ сердцахъ любителей останется навсегда запечатлѣннымъ,—произнесъ Дилетаевъ и поцѣловалъ комика, который стоялъ, какъ ошеломленный. Сначала онъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ; руки, ноги и даже губы его дрожали, по щекамъ текли слезы.

Господа! помилуйте... я не стою-съ... можетъ-быть, вы желаете мнѣ, какъ бѣдному человѣку... я и такъ благодаренъ... къ чему это...—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Сдѣлайте милость, примите, — проговорили многіе изъ мужчинъ.

— Пожалуйста... мы всѣ желаемъ,—сказали нѣкоторыя дамы.

— Вы всѣхъ насъ богаче,—заговорилъ опять хозяинъ:— у васъ на милліонъ таланту. Все наше—эта лепта, которую мы хотимъ принести на алтарь искусства.

Рымовъ наконецъ взялъ, но рѣшительно не находился, что ему дѣлать съ подаркомъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, — подхватилъ хозяинъ и, проворно уложивъ въ вазу всѣ деньги, велѣлъ Юлію Карлычу отнести ее въ залу и поставить на накрытый для ужина столъ.

— Пусть она,—произнесъ онъ:—за нашимъ артистическимъ ужиномъ будетъ напоминать Виктору Павлычу наше уваженіе къ его таланту.

Руководствуясь правдивостью автора, я долженъ здѣсь сказать, что, при всемъ видимомъ единодушіи, съ которымъ была поднесена комику эта ваза, при всемъ томъ, что каждый изъ гостей пожертвовалъ, по крайней мѣрѣ, рубль серебромъ, а нѣкоторые даже до десяти и болѣе цѣлковыхъ, но при всемъ этомъ произнесено было много насмѣшливыхъ и колкихъ, по этому случаю, замѣчаній: «Онъ бы лучше его самого послалъ съ тарелочкой сбирать»,—говорилъ одинъ. «Дастъ же онъ завтра себя знать въ трактирѣ на эти денежки»,—замѣтилъ другой. «Желательно знать, что будетъ онъ дѣлать съ этой вазой?—спрашивалъ третій.—Должно быть, ерофеичъ настаивать или пуншъ варитъ»,—отвѣчалъ онъ самъ себѣ. «Что это за глупыя выдумки — дарить вазу какому-то чудаку. Аполлосъ Михайлычъ совсѣмъ изъ ума выжилъ; я, какъ подписывался, такъ и не понялъ ничего»,—говорилъ одинъ помѣщикъ, разводя въ недоумѣніи руками. Но нѣтъ, мнѣ грустно передавать то, что было еще произнесено, и скажу только, что болѣе всѣхъ возсталъ Никонъ Семенычъ. Онъ увелъ даже хозяина въ кабинетъ и имѣлъ тамъ съ нимъ очень крупный разговоръ. Многіе гости слышали, какъ Рагузовъ восклицалъ: «Какъ вы позволили назвать меня? Я вамъ не мальчикъ и не лакей — вы прежде должны были объ этомъ мнѣ сказать». Слышавшіе все это гости догадались, что Никонъ Семенычъ не желалъ, по своему самолюбію, подносить вазы Рымову, и что Аполлосъ Михайлычъ наименовалъ его отъ себя безъ спросу. Трагикъ и хозяинъ вышли изъ кабинета очень красные; первый былъ въ совершенномъ волненіи и во всеуслышаніе сказалъ, что вазы онъ не подносилъ и никогда бы не поднесъ, потому что Аполлосъ Михайлычъ скоро заставитъ кучерамъ своимъ дарить вазы. Эти слова трагикъ говорилъ такъ громко, что комикъ, хотя и сидѣлъ въ гостиной, но, вѣроятно, ихъ слышалъ, потому что, разговаривая въ это время съ Фанни, которая усѣлась уже около него, онъ вдругъ, при восклицаніи Рагузова, поблѣднѣлъ и остановился. Никонъ Семенычъ, разстроенный и взбѣшенный, сѣлъ къ столу и началъ играть ножомъ.

— Вѣроятно, ему самому хотѣлось вазы,—замѣтилъ одинъ господинъ.

— Должно-быть! — отвѣчалъ разговаривавшій съ нимъ: — горячъ, косой заяцъ,—прибавилъ онъ.

Передъ ужиномъ, какъ водится, была подана водка. Лакей поднесъ ее, между прочимъ, и къ Рымову. Комикъ смотрѣлъ нѣсколько времени на судокъ съ нерѣшительностью; наконецъ проворно налилъ себѣ самую большую рюмку и залпомъ выпилъ ее. Сѣли за столъ. Рымовъ очутился противъ Никона Семеныча. Ужинъ до половины шелъ какъ слѣдуетъ и былъ довольно молчаливъ. Хозяинъ первый заговорилъ во всеуслышаніе:

— Я думаю написать и напечатать о нашемъ спектаклѣ подробный критическій разборъ. Это необходимо мнѣ, по преимуществу, хочется это сдѣлать для васъ, Викторъ Павлычъ. Я полагаю, что послѣ моей статьи васъ непремѣнно вызовутъ на столичную сцену, потому что я прямо напишу, что у насъ есть европейскій талантъ, которому необходимо дать ходъ.

Но Викторъ Павлычъ на эти лестныя слова хозяина не обратилъ должнаго вниманія, а занятъ былъ въ это время довольно страннымъ дѣломъ; онъ безпрестанно пилъ мадеру и выпилъ уже цѣлую бутылку. Хозяинъ замѣтилъ, переглянулся съ Юліемъ Карлычемъ, который очень сконфузился.

— Вдругъ мы услышимъ, — продолжалъ Аполлосъ Михайлычъ, снова обращаясь къ комику:—что нашъ господинъ Рымовъ дебютировалъ, и что аплодисментамъ не было конца. Недурно бы было, а?

— На шутовскія роли и безъ того тамъ много,—проговорилъ вполголоса трагикъ.

— На какія шутовскія роли?—заговорилъ вдругъ Рымовъ, обращаясь къ нему.

Лицо комика уже совершенно измѣнилось: онъ былъ красенъ, и глаза его налились кровью.

— На ваши роли,—отвѣчалъ Никонъ Семенычъ, не поднимая головы.

Комикъ посмотрѣлъ на него свирѣпо.

— Вы, что ли, играете не шутовскія?—произнесъ онъ, доставая себѣ новую бутылку мадеры.

— Пейте лучше мадеру,—сказалъ насмѣшливо трагикъ.

— Конечно, выпью-съ, — отвѣтилъ комикъ и, наливъ себѣ стаканъ, вдругъ всталъ.—За здоровье нашего бездарнаго трагика, — произнесъ онъ и залпомъ выпилъ.

Аполлосъ Михайлычъ поблѣднѣлъ, нѣкоторые фыркнули. Трагикъ вскочилъ.

— Милостивый государь! — проговорилъ онъ, сжимая столовый ножъ въ рукѣ.

Комикъ откинулся на задокъ стула.

— Испугать меня хотите своимъ тупымъ ножомъ. Махай, махай, великій Тальма, мечомъ картоннымъ! — продекламировалъ Рымовъ и захохоталъ.

— Викторъ Павлычъ, сдѣлайте милость, что̀ вы такое позволяете себѣ говорить,—заговорилъ наконецъ хозяинъ.—Никонъ Семенычъ, будьте хоть вы благоразумны,—отнесся онъ къ трагику.

Никонъ Семенычъ пришелъ нѣсколько въ себя и сѣлъ. Но Викторъ Павлычъ не унимался. Онъ еще выпилъ стаканъ и продолжалъ какъ бы самъ съ собою разсуждать:

— Актеры!.. театръ... комедіи пишутъ, драмы сочиняютъ, а ни уха ни рыла никто не разумѣетъ. Тутъ вонъ есть одна—Богомъ мѣченная, вонъ она!—произнесъ онъ, указывая пальцемъ на Фанни.

Хозяинъ только пожималъ плечами. Онъ рѣшительно растерялся. Трагикъ старался улыбнуться. Нѣкоторые изъ гостей, подобно хозяину, пожимали плечами, а другіе потихоньку смѣялись. Мишель, въ досаду дядѣ, хохоталъ во все горло. Юлій Карлычъ чуть не плакалъ.

— Господинъ Рымовъ, замолчите! — вмѣшался наконецъ откупщикъ. — Вы забываете, въ какомъ обществѣ сидите; здѣсь не трактиръ.

— А вамъ что̀ угодно? — произнесъ Рымовъ совершенно уже пьянымъ голосомъ.—И вамъ, можетъ-быть, угодно сочинять комедіи, драмы... пасторали... Ничего, мой повелитель, я васъ ободряю, ничего! Классицизмъ, чортъ возьми, единство содержанія, любовница въ драмѣ!.. Валяйте! Грамотѣ только надобно знать потверже. Грамотѣ-то, канальство, только подписывать фамилію умѣемъ; трухъ, трухъ, и подписалъ!—проговорилъ онъ и провелъ зигзагами рукою по тарелкѣ, вѣроятно, представляя, какъ откупщикъ подписывается.

Тотъ, конечно, вышелъ изъ себя.

— Извольте итти сейчасъ же вонъ!—сказалъ онъ.—Аполлосъ Михайлычъ, извините меня: онъ мой подчиненный, я его сейчасъ велю вывести.

— Господа, помилуйте, сдѣлайте милость, — началъ Аполлосъ Михайлычъ плачевнымъ голосомъ.—Господинъ Рымовъ, образумьтесь, почувствуйте хоть, по крайней мѣрѣ, благодарность къ обществу, которое васъ такъ почтило. Это ни на что не похоже. Юлій Карлычъ, уговорите его: вы его намъ рекомендовали.

Но Юлій Карлычъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, ничего уже не въ состояніи былъ и говорить.

— Что? Благодарность? За вазу, что ли?—заболталъ опять комикъ.—Охъ, вы, богачи! Что вы мнѣ милостыньку, что ли, подали? Хвалятъ туда же. Меня Михайла Семенычъ хвалилъ, меня самъ геній хвалилъ, понимаете ли вы это? Али только умѣете дурацкія комедіи да драмы сочинять?

На этомъ мѣстѣ Дилетаевъ не выдержалъ. Онъ всталъ изъ-за стола, подошелъ къ откупщику и, переговоривъ съ нимъ нѣсколько словъ, ушелъ въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ двое лакеевъ подошли къ Рымову и начали его брать подъ руки.

— Вамъ что надобно, скоты!—проговорилъ онъ, совершенно ужъ пьяный; но лакеи проворно подняли его со стула.— Прочь!—кричалъ онъ, толкаясь:—актеры! писатели! всѣхъ я васъ, свинопасовъ, презираю... Прочь!..—Но лакеи тащили, и далѣе затѣмъ словъ его уже не было болѣе слышно, потому что онъ былъ выведенъ на улицу. Такое непріятное и непредвидимое обстоятельство до того разстроило хозяина, что онъ болѣе получаса не въ состояніи былъ выйти изъ своего кабинета. На гостей оно подѣйствовало различно: одни смѣялись, другіе жалѣли Аполлоса Михайлыча, и наконецъ третьи обвиняли его самого и даже оскорблялись, какъ онъ позволилъ себѣ пригласить подобнаго человѣка въ ихъ общество. Послѣдніе выговаривали даже Юлію Карлычу, который первый рекомендовалъ комика. Трагикъ смѣялся надъ хозяиномъ злобнымъ смѣхомъ. Ужинъ кончился кое-какъ. Аполлосъ Михайлычъ наконецъ вышелъ къ гостямъ и началъ просить извиненія въ случившейся непріятности, которой, конечно, онъ никакъ не могъ ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ на обсужденіе общества вопросъ: что дѣлать съ вазой? По послѣднему своему поступку, Рымовъ, какъ человѣкъ, не только не стоилъ подобнаго вниманія, но даже долженъ быть презрѣнъ, а съ другой стороны, какъ актеръ, онъ заслужилъ ее, и она ему была уже подарена. Нѣкоторые говорили, чтобы пренебречь и отдать ему вазу, которая была ужъ его собственность, другіе же отрицали, говоря, что этимъ унизится общество. Аполлосъ Михайлычъ обратился къ откупщику. Тотъ объявилъ, что ему все равно, но что онъ самъ накажетъ Рымова тѣмъ, что выгонитъ его изъ службы.

— Итакъ, господа, какъ человѣкъ, онъ будетъ наказанъ, а какъ актеру, пошлемъ ему вазу,—рѣшилъ хозяинъ и тотчасъ же велѣлъ нести вазу съ деньгами къ Рымову.

Трагикъ во всемъ этомъ не принималъ никакого участія,

потому что все это было, какъ онъ выражался, гадко и глупо. Одна только Фанни жалѣла Рымова; она даже потихоньку вышла спросить къ лакеямъ, какъ они его довели. Тѣ объявили, что они довели его хорошо и сдали женѣ, которая его заперла въ чуланъ. Анна Сидоровна дѣйствительно была уже въ городѣ и, мучимая ревностью, весь вечеръ стояла у театра и потомъ у дома Аполлоса Михайлыча. Увидѣвъ, что изъ воротъ вывели человѣка, который барахтался и ругался, она тотчасъ догадалась, кто это, и побѣжала вслѣдъ за нимъ. Дома она дѣйствительно его заперла въ чуланъ. Это былъ единственный способъ вытрезвлять Рымова.

IX.

Не знаю, заинтересовалъ ли я читателя выведенными мною лицами настолько, чтобы онъ пожелалъ знать дальнѣйшую судьбу ихъ, но все-таки рѣшаюсь объяснить, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описаннаго спектакля Аполлосъ Михайлычъ женился на Матренѣ Матвѣвнѣ и послѣ этого, какъ разсказываютъ, совершенно утратилъ любовь къ театру, потому что супруга его неожиданно обнаружила, подобно Аннѣ Сидоровнѣ, отвращеніе отъ этого благороднаго занятія, и даже будто бы въ настоящемъ театрѣ она участвовала изъ одного только кокетства, съ цѣлью завлечь старика, который, въ свою очередь, женившись, сдѣлался какъ-то задумчивѣй и угрюмѣй, переѣхалъ совсѣмъ въ деревню, началъ заниматься агрономіею и писать въ этомъ родѣ статьи. Матрена Матвѣвна видимымъ образомъ осталась тою же: т.-е. бойкою, веселою дамою и большою говоруньею. По замѣчанію всѣхъ, она была очень нѣжна къ мужу и даже ревнива, потому что прогнала всѣхъ молоденькихъ горничныхъ, а набрала, вмѣсто нихъ, старыхъ, безобразныхъ и совершенно непривычныхъ. На Фанечкѣ женился Никонъ Семенычъ, и это дѣло устроила Матрена Матвѣвна, которая очень ловко умѣла влюбить Рагузова въ племянницу и заставила ту согласиться. Фанечка, вышедъ замужъ, тоже разлюбила театральное искусство: она даже всякій разъ блѣднѣла и краснѣла, когда мужъ ея начиналъ читать что-нибудь драматическое. Дарья Ивановна, послѣ спектакля, очень ужъ подружилась съ Мишелемъ, такъ что за нею пріѣзжалъ мужъ и увезъ ее съ собою въ деревню. У Юлія Карлыча, несмотря на слабое здоровье жены, родился еще сынъ, и онъ еще болѣе началъ нуждаться въ средствахъ. А комикъ мой... Богъ его знаетъ, что̀ и сказать о немъ... Выгнанный за послѣдній свой поступокъ откупщи-

комъ изъ службы, онъ, говорятъ, былъ опять нѣкоторое время на провинціальномъ театрѣ, потомъ служилъ у станового пристава писаремъ, и наконецъ теперь уже нѣсколько лѣтъ содержится въ сумасшедшемъ домѣ.

1851 г.
Апрѣля 18.

M-R БАТМАНОВЪ.

(Очерки весьма непріятной для высшаго О—го общества зимы).

I.

О—е собраніе было въ самомъ разгарѣ: танцовали, ходили, говорили, стояли — однимъ словомъ, въ главной залѣ было очень весело и отчасти душно. На хорахъ собранія было тоже весело и чрезвычайно душно. Хоры, какъ, можетъ-быть, небезызвѣстно читателю, составляютъ совершенно отдѣльный міръ отъ общества, находящагося внизу, и даже, питая къ сему послѣднему не совсѣмъ пріязненныя чувствованія, весьма колко отзываются о малодушіи танцующихъ, о жалкой физіономіи стоящихъ молча, о важности говорящихъ и тому подобныхъ человѣческихъ недостаткахъ. Нижнее общество, въ свою очередь, тоже подсмѣивается надъ обществомъ хоръ, называя его въ пику высшимъ обществомъ, бальными затворницами и другими названіями. Очень немногіе, и то по большей части изъ мужчинъ, приходятъ снизу вверхъ для того, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе или выразить болѣе нѣжное чувство какой-нибудь изъ бальныхъ затворницъ, которыя всегда остаются очень довольны подобнаго рода вниманіемъ. Общество хоръ, какъ тоже, можетъ-быть, извѣстно читателю, исключительно составляютъ дамы, которыя всегда весьма тонко скрываютъ истинную причину, почему онѣ не внизу: однѣ говорятъ, что имъ лѣнь было одѣваться; другія—что будто бы съ хоръ гораздо удобнѣе можно наблюдать; но всѣ онѣ, при этомъ случаѣ, говорятъ неправду. Истинныя причины гораздо уважительнѣе; такъ, напримѣръ: рѣшительное отсутствіе новаго платья, невниманіе танцующихъ кавалеровъ, подтвержденное трехгодичнымъ горькимъ опытомъ, какой-нибудь органическій недостатокъ, съ которымъ совсѣмъ ужъ неудобно являться въ

бальномъ платьѣ, давно минувшая потомъ молодость, и наконецъ чувство зависти къ нѣкой m-me Зориной, которая, по всѣмъ расчетамъ, должна была въ этотъ вечеръ блистать въ бѣломъ атласномъ платьѣ и превосходныхъ ліонскихъ кружевахъ, тогда какъ она глупа и кокетка.

Въ описываемый мною вечеръ, среди хорной публики, вдали отъ всѣхъ, у арки окна, сидѣла молодая дама, о которой прочими дамами сдѣлано было нѣсколько странныхъ замѣчаній.

— Qui est ça?.. — спросила толстая дама, лорнируя ее и обращаясь къ своей собесѣдницѣ.

— Наунова,—отвѣчала та.

— А!..—произнесла дама съ какимъ-то пренебреженіемъ:— она опять начала появляться.

— М-г Родичъ, — говорила горбатая дѣвушка, обращаясь къ сидѣвшему около нея краснощекому господину:—какъ вы думаете, съ какою цѣлью пріѣхала сегодня Наунова?

— Людей посмотрѣть и себя показать,—отвѣчалъ краснощекій господинъ и захохоталъ.

Горбатая дѣвица тоже захохотала. Много еще было произнесено другихъ замѣчаній, и все въ томъ же насмѣшливомъ и непріязненномъ тонѣ. Между тѣмъ m-me Наунова имѣла весьма привлекательную наружность: она была высока, стройна, брюнетка, съ роскошными черными волосами; въ выраженіи ея лица было что-то энергическое и впечатлительное; она могла не понравиться, но не замѣтить ея было невозможно. Возрастъ ея былъ загадочный, какъ и у большей части молодыхъ дамъ. При началѣ польки, по случаю которой все хорное общество обратило свое вниманіе на танцующихъ, около Науновой появился молодой человѣкъ, гладко остриженный, съ усами и съ бородой, тоже подстриженною, въ черномъ фракѣ и очень длинномъ бѣломъ жилетѣ. Онъ пришелъ снизу тотчасъ, какъ замѣтилъ, что въ аркѣ окна показался блѣдный профиль описанной мною дамы. Начавшійся между ними разговоръ съ общихъ мѣстъ вскорѣ принялъ характеръ намековъ на что-то, должно-быть, очень интересное для обоихъ собесѣдниковъ; но молодой человѣкъ вскорѣ зѣвнулъ.

— Что жъ вы не идете внизъ? Тамъ вамъ будетъ веселѣе...— сказала дама.

— Вы полагаете?.. — спросилъ молодой человѣкъ и еще разъ зѣвнулъ и вытянулъ ноги.

— Не полагаю, а увѣрена,—отвѣчала дама.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь веселѣе,—отвѣчалъ онъ и пристально взглянулъ на свою собесѣдницу.

Она отвернулась.

— Здѣсь передо мной, — продолжалъ молодой человѣкъ:— оживаетъ прошедшее; я теперь припоминаю давно минувшій вечеръ: помните ли, какъ мы сидѣли съ вами вдвоемъ на балконѣ? Луна насъ освѣщала приличнымъ свѣтомъ; не знаю, какъ вамъ, а мнѣ тогда было очень хорошо.

— Я все забыла,—отвѣчала дама и уже совершенно отвернулась: на глазахъ ея показались слезы.

— Вы плачете?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала дама и закрыла лицо руками.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Ступайте туда внизъ, Батмановъ! Тамъ васъ ждутъ... ступайте,—повторила она, подавая ему руку.

— О чемъ вы хлопочете? Я не пойду туда, а хочу сидѣть съ вами.

— Зачѣмъ?..

— Затѣмъ, что хочу.

— Что я для васъ?.. Старуха, больная, оставленная всѣми... нѣтъ... я не нужна вамъ!..

— А я вамъ тоже не нуженъ?

— Мнѣ никто не нуженъ.

— Все это очень чувствительно, но мало идетъ къ дѣлу. Меня обмануть трудно, Софья Николаевна.

— Я васъ не обманываю, а прошу только объ одномъ чтобъ вы оставили меня.

— Это очень легко; но для чего?.. Наше прошедшее такъ хорошо, что закончить его прозаическимъ забвеніемъ другъ друга, право, смѣшно.

— Чего жъ вы отъ меня хотите?

— Ничего особеннаго... любви, какъ говорятъ поэты.

— Не смѣйтесь надо мной, Михайла Матвѣичъ! Вы можете меня не уважать, но я женщина: — оскорбить меня легко; только великодушно ли это будетъ съ вашей стороны?

— Вы думаете еще выйти замужъ?—спросилъ вдругъ Батмановъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала дама.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее насмѣшливо.

— Мнѣ хочется вамъ сдѣлать маленькій экзаменъ, — сказалъ онъ:—разрѣшите нѣсколько моихъ вопросовъ?

— Спрашивайте.

— Любили ли вы когда-нибудь меня?

— Прежде я васъ любила.

— Помните ли вы ту прощальную сцену, когда васъ полумертвую посадили въ экипажъ? Притворялись вы тогда, или нѣтъ?

— Я никогда не притворяюсь.

— Но какимъ же образомъ вы, черезъ два мѣсяца, танцовали на одномъ балѣ до упаду, были веселы и любезны? Переходъ немного рѣзокъ.

— Обморокъ проходитъ въ два часа, а не въ два мѣсяца.

— А съ вами былъ только обморокъ? Я думалъ, что-нибудь серьезнѣе; но это ничего. Я васъ спрашиваю, какимъ образомъ вы, съ вашими слабыми нервами, могли быть веселы?

— Какъ мнѣ было тогда весело, это знаю только я одна.

— Но отчего жъ вы послѣ не отвѣчали ни на одно изъ моихъ писемъ?

— Не хотѣла.

— Право? Это не совсѣмъ послѣдовательно,—вы начинаете сбиваться въ вашихъ отвѣтахъ!

— Я не хотѣла къ вамъ писать,—повторила дама чрезвычайно убѣдительнымъ тономъ. — Въ этотъ годъ страдалъ мой бѣдный Жоржъ, который одинъ на свѣтѣ меня истинно любилъ, и мнѣ стыдно было около умирающаго мужа писать къ вамъ письма.

Молодой человѣкъ сомнительно покачалъ головой.

— Не смѣю не вѣрить, но сдѣлаю еще одинъ вопросъ,— сказалъ онъ: — какимъ же образомъ вы, несчастная вдова,— утративши единственнаго человѣка, васъ любившаго, — въ тотъ же годъ утѣшились господиномъ Овцынинымъ, который впослѣдствіи такъ жестоко и такъ неблагородно поступилъ съ вами?

— Что языкъ у васъ бритва, это я знаю давно, — возразила кротко дама.—Оправдываться передъ вами я не хочу и не сержусь на васъ, и скажу только: Богъ вамъ судья!—проговорила дама и встала.

— Вы уѣзжаете?—спросилъ Батмановъ.

— Да, у меня голова кружится!

— Прикажете васъ проводить?

— Нѣтъ, я сама сойду,—отвѣчала m-me Наунова и, прошедши быстро хоры, начала спускаться по винтообразной лѣстницѣ.

Батмановъ просидѣлъ нѣсколько времени насупившись; потомъ всталъ и началъ лѣниво проходить хоры.

— Bonsoir, m-r! — отнеслась къ нему горбатая дѣвица.— Vous connaissez m-me Naounove?

— Очень давно,—отвѣчалъ онъ.

— Вы постоянны на знакомство.

— Я держусь пословицы: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

— А, да! Я забыла, что вы живете прошедшимъ.

— Точно такъ-съ!—отвѣтилъ Батмановъ и ушелъ.

— Что это значитъ, что онъ сидѣлъ съ Науновой?—отнеслась горбатая дѣвица къ краснощекому господину, все еще сидѣвшему около нея.

— Во вкусахъ сошлись,—отвѣчалъ тотъ.

— Вы знаете, что онъ бредитъ Байрономъ и воображаетъ въ себѣ Чайльдъ-Гарольда?—сказала горбатая дѣвица, обращаясь къ сидѣвшей около нея дамѣ, которая отвѣчала ей улыбкой.

— Онъ бредитъ Байрономъ, а она бариномъ, — сострилъ краснощекій господинъ и покатился со смѣху.

Горбатая дѣвица и сидѣвшая около нея дама тоже засмѣялись.

Батмановъ прошелъ въ буфетъ.

— Капринскій здѣсь?—спросилъ онъ, войдя, лакея.

— Здѣсь. Сейчасъ приходили сюда трубку курить,—отвѣчалъ тотъ.

— Поди позови его!.. А между тѣмъ вели подать глинтвейну.

Проговоря эти слова, молодой человѣкъ развалился на диванѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ буфетъ быстро вошелъ, вѣроятно, тотъ господинъ, котораго Батмановъ называлъ Капринскимъ. Одѣтъ онъ былъ точь въ точь какъ его пріятель,—даже цѣпочки на часахъ у нихъ были одинаковыя,—но далеко не походилъ на него наружностью. Въ то время, какъ Михайла Матвѣичъ напоминалъ собою тѣхъ господъ, исполненныхъ глубокаго сознанія своихъ достоинствъ, которыхъ вы непремѣнно встрѣтите, проходя около 4 часовъ по Невскому проспекту или Тверскому бульвару,—Капринскій имѣлъ такого рода лицо и вообще складъ тѣла, къ которымъ рѣшительно нейдутъ джентльменскій фракъ и французскія перчатки: въ немъ и тѣни не было того, что называется породой. Въ манерахъ его проглядывало что-то кошачье, заискивающее и не внушающее никакого уваженія.

— Гдѣ ты пропадалъ?—началъ Капринскій: — я заѣзжалъ къ тебѣ—нѣтъ; завернулъ къ Жермаковымъ — тамъ меня не приняли и сказали, что ты не бывалъ; наконецъ пріѣзжаю сюда...

— Хочешь глинтвейну?—перебилъ Батмановъ.

— Вредно, mon cher,—ужасно мнѣ вредно всякое вино.

— Не пей... Иванъ! ты подашь мнѣ одному, а ему не давай, и никогда не давай, — слышишь? А если спроситъ, такъ скажи: вамъ, сударь, вредно.

— Ну, разсердился, — воскликнулъ Капринскій: — этакого гадкаго характера, какъ у тебя, я въ жизнь мою не встрѣчалъ. Съ тобой иногда говорить невозможно — вотъ до чего

ты эгоистъ! Не слушайся его, Ваня, — подай и мнѣ! На зло вамъ, милостивый государь, я буду сегодня пить!..

— Будто на зло мнѣ? Не вѣрю: напротивъ, ты мнѣ хочешь угодить... Что тамъ дѣлается въ залѣ?

— Танцуютъ кадриль. Ахъ, какъ твоя m-lle Бетси сегодня хороша,—чудо! Одѣта лучше всѣхъ, въ какомъ-то совершенно воздушномъ платьѣ.

Батмановъ сдѣлалъ гримасу.

— Ты, должно-быть, подрядился восхищаться всѣмъ, что тебѣ попадетъ на глаза,—проговорилъ онъ.

— Вотъ это милѣй всего, — возразилъ Капринскій.— Отчего же, позвольте васъ спросить, человѣкъ не можетъ восхищаться? Зачѣмъ же видѣть все въ такомъ черномъ свѣтѣ, какъ ты? По-моему, лучше пользоваться жизнью.

— Ну, Богъ съ тобой, мирная душа! Пользуйся, сколько хочешь, только, пожалуйста, про себя и не навязывай другимъ своихъ восторговъ,—право, скучно.

Въ это время подали глинтвейнъ, и оба пріятеля тотчасъ же начали его пить. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Ну, какъ, напримѣръ, не сказать, что этотъ глинтвейнъ отличный,—заговорилъ опять Капринскій.

— Онъ былъ бы превосходенъ, если бы меньше вонялъ виномъ и сандаломъ,—замѣтилъ Батмановъ.

— Желчь у тебя, mon cher, желчь, и больше ничего.

— А у тебя золотуха.

— Ну, да, конечно: это твоя любимая острота, но она довольно тупа, и потому я вамъ ее прощаю. Вы, кажется, опять впали въ вашу mauvaise humeur; только нельзя ли узнать, что такое васъ разстроило, и гдѣ вы пропадали цѣлый день?

— А тебѣ очень любопытно это знать?

— Ничего нѣтъ особенно любопытнаго—я только спрашиваю, гдѣ ты былъ.

— Изволь: во-первыхъ, я былъ цѣлый день дома и очень много спалъ. Когда ты пріѣзжалъ ко мнѣ, то, по моему приказанію, тебя не пустили; а потомъ...

— Да, а потомъ... Что ты потомъ скажешь? У тебя всегда подъ этимъ *потомъ* что-нибудь скрывается!

— Потомъ я сидѣлъ на хорахъ съ Науновой.

— Опять за старое!.. Заранѣе предчувствую, какъ ты себя велъ съ ней.

— А именно?

— Заставилъ ее расплакаться.

— Угадалъ вполовину. Плакать я ее не думалъ заставлять; но она, по собственному желанію, пролила нѣсколько слезъ.

Капринскій покачалъ головою.

— По собственному желанію!..—произнесъ онъ съ горькою улыбкою и продолжалъ: — По моему мнѣнію, это рѣшительно несчастная женщина; я ее видѣть не могу. Ты просто задалъ себѣ задачу мучить и терзать ее.

— Что дѣлать, добрая душа! Такой ужъ она субъектъ! Не я бы, такъ другой ее мучилъ. Впрочемъ, ничего: мы съ ней сегодня очень дружно разстались, я ее только немного проэкзаменовалъ.

— Воображаю... Въ чемъ же ты ее экзаменовалъ?

— Во-первыхъ, я ее спросилъ, съ котораго именно числа она влюбилась въ Овцынина, исторію котораго ты мнѣ самъ сообщилъ; долго ли его любила, сколько ему страстныхъ записокъ написала, и наконецъ, когда именно получила отъ него чистую отставку?

Капринскій вскочилъ.

— Это ужасно!.. Это превосходитъ всякое терпѣніе! — воскликнулъ онъ.—Какъ можно позволить себѣ спрашивать женщину о подобныхъ вещахъ?

— Чѣмъ же я виноватъ, что у нея были обожатели, кромѣ меня? Нельзя же мнѣ не поинтересоваться этимъ предметомъ!

— Послушай, Батмановъ, я тебѣ скажу правду, которой, кромѣ меня, никто тебѣ не скажетъ: ты поступаешь неблагородно!.. Если ты не любишь или разлюбилъ ее по какимънибудь причинамъ,—то оставь ее, но не терзай!

— Невозможно, mon ami! Я очень люблю терзать... у меня въ дѣтствѣ была нянька, которая, говорятъ, меня очень любила, а я ее любилъ кусать. Что дѣлать? Такая ужъ натура!

— Знаю я твою натуру, понимаю я твое сердце: лучше въ него и не заглядывать! Лучше бы ты совсѣмъ не говорилъ, что у тебя на душѣ!

Батмановъ въ отвѣтъ на это только улыбнулся.

— Мнѣ было восемнадцать лѣтъ,—началъ онъ, закуривая сигару и какъ бы предаваясь воспоминаніямъ:—влюбился я въ одну дѣвушку, прелестную, какъ гурія; страсти нашей не было предѣловъ: какъ только гдѣ останемся наединѣ, такъ и цѣловаться; разстались; завелась переписка, которая однако, благодаря Бога, черезъ годъ прекратилась. Въ одно прекрасное зимнее утро слышу я, что дѣвушка сія пріѣхала въ Москву съ женихомъ дѣлать приданое. Являюсь къ нимъ и, право, съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ: поздравить, пожелать ей всякаго счастья и кучу дѣтей. Но на бѣду вижу, что она очень влюблена въ своего жениха—болвана большой руки, и оба утопаютъ въ счастьѣ; а такъ какъ я терпѣть не

могу видѣть подобныхъ вещей въ смертныхъ, то и началъ ей доказывать, что она ошибается, что новый избранникъ ея сердца глупъ и тупъ. Сначала она посердилась· но потомъ я ее убѣдилъ, и ему отказали.

— Что же послѣ?

— Не знаю: я черезъ два дня уѣхалъ въ Петербургъ.

— Послушай, это чортъ знаетъ что такое! Ты потерянный человѣкъ.

— Нѣтъ, ничего: не знаю, какъ другимъ, а самому себѣ я очень нравлюсь и даже думаю, что я гораздо лучше тебя, потому что ты ужъ никуда не годишься.

— Ну, началъ дышать на все ядомъ: и на себя, и на меня, и на женщинъ, и на весь міръ! Продолжай: я слушаю.

— Человѣкъ, дай намъ еще по стакану вашего мерзкаго глинтвейну... Выпьете-съ?..

— Изволь, — отвѣчалъ мрачно Капринскій: — ты удивительно умѣешь меня возмутить, — такъ все въ душѣ и перевернется.

— Ничего, это пройдетъ со временемъ: Богъ дастъ, пожившешь, подрастешь еще, поумнѣешь немного.

— Никогда не соглашусь съ тобой!—воскликнулъ Капринскій, принимая новый стаканъ глинтвейну и ударивъ имъ по столу.—Ты мрачный и отталкивающій человѣкъ; я тебя люблю, потому что хорошо тебя знаю; ты, можетъ-быть, умнѣе меня, но все-таки вся твоя жизнь, какъ говорятъ французы, brisée.

— Такъ, любезнѣйшій Никандръ Ивановичъ, именно такъ! Ты говоришь иногда удивительныя истины, но прощай! Мнѣ еще надобно съѣздить,—сказалъ Батмановъ, приподнимаясь съ своего мѣста.

— Куда ты ѣдешь? — спросилъ съ неудовольствіемъ Капринскій.

— Нужно,—отвѣчалъ тотъ.

— Полно, не ѣзди, посидимъ здѣсь, потолкуемъ: я тебя не пущу, право, не пущу,—говорилъ Никандръ Иванычъ, отнимая у пріятеля шляпу.

Батмановъ улыбнулся.

— Покуда ты трезвъ,—началъ онъ:—такъ еще сносенъ. По крайней мѣрѣ, не мѣшаешь другимъ, а только восхищаешься; но выпивши, никуда негоденъ. Поди лучше въ залу, созерцай барышень, а потомъ поѣзжай домой и ложись спать.

— Слушаю-съ, исполню ваше приказаніе,—отвѣчалъ Капринскій:—пріѣзжай, по крайней мѣрѣ, ужинать: мнѣ безъ тебя кусокъ въ горло нейдетъ; да или нѣтъ? Если пріѣдешь,— я заранѣе распоряжусь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Батмановъ, уходя.

Никандръ Ивановичъ докурилъ сигару и всталъ.

— На Михайлу Матвѣича прикажете записать?—спросилъ его лакей.

— На него, онъ спрашивалъ,—проговорилъ скороговоркой молодой человѣкъ и проворно ушелъ.

— Пишите-съ на Батманова,—сказалъ лакей, подходя къ буфетчику.

— А этотъ, видно, все на шерамыгу?—замѣтилъ тотъ.

— Извѣстно-съ: не сегодня этимъ промышляетъ.

Батмановъ, проѣхавъ нѣсколько переулковъ, остановился у одного небольшого деревяннаго дома и довольно сильно началъ стучаться въ дверь крыльца. Ему долго не отворяли; онъ повторилъ удары сильнѣе, показалась горничная со свѣчой.

— Барыня дома?

— Должно-быть, нѣтъ-съ,—отвѣчала та нерѣшительно.

— Какъ нѣтъ, что ты лжешь? Пропусти меня.

— Право, Михайла Матвѣичъ, ихъ нѣтъ, онѣ въ собраніе уѣхали,—отвѣчала горничная.

— А вотъ посмотримъ! — проговорилъ Батмановъ и, вырвавъ у горничной свѣчу, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, сбросилъ въ лакейской шубу и вошелъ въ залу.

Тамъ никого не было. Горничная между тѣмъ чрезъ коридоръ юркнула въ заднія комнаты. Батмановъ прошелъ гостиную, спальню и еще двѣ-три комнаты, но никого не было. Въ коридорѣ онъ встрѣтился съ тою же горничною.

— Гдѣ Софья Николаевна?—спросилъ онъ.

— Да что это, сударь, вы не вѣрите! — проговорила, удерживая смѣхъ, горничная.—Ихъ, право, дома нѣтъ-съ.

— Чему жъ ты смѣешься?

— Да какъ же не смѣяться.—вы не вѣрите.

— Я буду дожидаться.

— Пожалуй, дожидайтесь: онѣ къ бабушкѣ хотѣли проѣхать ночевать.

— Къ какой бабушкѣ?

— Изъ деревни пріѣхала,—всего на два дня.

— Гдѣ жъ она живетъ?

— Не знаю-съ.

— Ну, смотри, если ты меня обманываешь,—я съ тобой раздѣлаюсь!

— Ничего вы мнѣ не сдѣлаете.

— Увидишь! Не говори Софьѣ Николаевнѣ, что я пріѣзжалъ!—проговорилъ Батмановъ и отправился опять въ собраніе.

— Софья Николавна, а Софья Николавна!..—сказала горничная, проводя гостя и подходя къ одному изъ шкаповъ.— Уѣхали-съ...

Дверь шкапа отворилась, и изъ него вышла Наунова въ спальномъ шлафрокѣ и чепчикѣ.

— Что онъ съ тобой говорилъ?

— Сначала не вѣрили-съ, я солгала и сказала, что вы къ бабушкѣ уѣхали.

— Хорошо. Дай мнѣ бумаги,—проговорила молодая дама и прошла къ себѣ въ спальню.

Горничная принесла ей бумагу.

— Зачѣмъ, Софья Николавна, — начала она:—вы ихъ такъ мучите: они въ васъ очень влюблены-съ.

— Ты почему знаешь?

— Да какъ же-съ, это видно, — третьяго-дня, въ этакій морозъ, они разъ семь пріѣзжали, Всеволодкѣ два цѣлковыхъ обѣщали, чтобъ только сказалъ, дома ли вы.

Въ собраніи между тѣмъ составлялась мазурка. Батмановъ вошелъ въ залу. Первыя попались ему навстрѣчу — пожилая дама и дѣвица, шедшія подъ руку. Дѣвица была стройная и очень миловидная блондинка. Притворно или нѣтъ, я не знаю, но только она улыбалась очень пріятно и какъ-то дѣтски-простодушно, хотя, по развитію корпуса, и не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что ей, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ двадцать; бальный костюмъ ея былъ составленъ съ безукоризненнымъ вкусомъ. Сопровождавшая ее дама принадлежала къ однѣмъ изъ тѣхъ полустарухъ, взглянувъ на которыхъ, вы тотчасъ отгадаете, что и онѣ когда-то были красавицами и жили въ иномъ кругу; но что въ настоящее время уже не то, и многое для нихъ измѣнилось противъ прежняго. Это была вдова Амалія Петровна Жермакова съ своею дочерью m-lle Бетси. Этимъ соединеніемъ французскаго слова съ англійскимъ именемъ назвала молодую дѣвушку еще бывшая у ней гувернантка,—такъ называла ее мать, а за ней и все О—е общество.

— М-г Батмановъ! Вы здѣсь?—сказала Бетси.

— Я пріѣзжалъ, уѣзжалъ и снова пріѣхалъ, — отвѣчалъ Батмановъ.—Вы танцуете съ кѣмъ-нибудь мазурку?—прибавилъ онъ, слѣдуя за дамами.

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Угодно вамъ танцовать со мной?

Бетси взглянула на мать.

— Ты еще не устала?—спросила та.

— Нѣтъ, maman.

— Угодно?—повторилъ Батмановъ.

— Извольте.

Мазурка началась. Михайла Матвѣичъ сѣлъ съ своей дамой на самое послѣднее мѣсто и молчалъ.

— Гдѣ вы все это время пропадали?—спросила она.

— Дурачился,—отвѣчалъ молодой человѣкъ

— Какъ же это вы дурачились?

— Такъ, какъ всѣ дурачатся; подробности, въ этомъ случаѣ, не могутъ быть для васъ интересны.

— Вы, говорятъ, вашу верховую лошадь застрѣлили изъ пистолета?

— Да..

— Ну, зачѣмъ это? Бѣдненькая!

— Она меня понесла и закусила удила; я ее удерживалъ,— она не слушалась; потомъ просилъ,—не внемлетъ; и поэтому я счелъ за лучшее размозжить ей голову, чѣмъ свою собственную.

— Какой вы страшный! Я васъ буду бояться.

Въ это время они должны были дѣлать фигуру, и разговоръ прекратился.

— Послушайте, m-r Батмановъ,—сказала Бетси, когда они сѣли:—я васъ хочу спросить.

— Готовъ отвѣчать.

— Неужели правда, что̀ про васъ говорятъ?

— А что̀ про меня говорятъ?

— Говорятъ, что вы дурно держите себя въ обществѣ.

— Лучше не умѣю; дальше-съ?

— Что вы очень дружны съ этимъ гадкимъ Капринскимъ.

— Онъ дѣйствительно мой другъ,

— Что...—начала дѣвушка и остановилась.

— Вы не договариваете.

— Что вы влюблены въ Наунову и хотите на ней жениться.

— Это тоже правда, но не совсѣмъ: m-me Наунова единственная для любви женщина, только въ жены не годится!

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Вопросъ, на который трудно и легко отвѣчать. Я дѣлаю это потому, что мнѣ нравится.

— Да что̀ же тутъ можетъ нравиться?

— За неимѣніемъ лучшаго.

— Вы сами не ищете ничего лучшаго.

— Мнѣ оно невозможно, мнѣ теперь не повѣрятъ. Начну съ васъ: какъ вы меня разумѣете?

— Я васъ еще не знаю.

— По крайней мѣрѣ, гадательно?

— Не знаю.

— Ну, такъ я вамъ скажу. Прежде когда-то я, можетъ-быть, былъ порядочнымъ человѣкомъ, но теперь никуда не гожусь. Любви не понимаю, чувствовать для меня смѣшно, а думать лѣнь, и вообще чрезвычайно скучно жить на бѣломъ свѣтѣ.

— Вы клевещете на себя.

— Попробуйте...

Бетси потупилась и улыбнулась.

— Знаете ли, отчего я рѣдко у васъ бываю?

— Вамъ скучно у насъ.

— Вовсе нѣтъ: я боюсь васъ видѣть и обмануть самого себя.

М-lle Бетси сдѣлалась задумчива; разговоръ ихъ продолжался въ томъ же тонѣ. Батманову замѣтила одна выбравшая его дама, что онъ distrait.

— Что съ тобой говорилъ твой мазурочный кавалеръ?—спросила Амалія Петровна, садясь съ дочерью въ возокъ.

— Обыкновенно, что говорятъ въ танцахъ...

— Пустой и дерзкій мальчишка! Какъ нынче молодые люди стали пошлы, удивительно!—проговорила мать.

Дочь молчала.

II.

На другой день поутру Батмановъ сидѣлъ въ своей спальнѣ передъ каминомъ и былъ не въ духѣ: выпитый ли глинтвейнъ, или событія вечера были тому причиной, я не могу достовѣрно сказать. Лакей подалъ ему толстый запечатанный пакетъ. Михайла Матвѣичъ посмотрѣлъ на адресъ, сдѣлалъ гримасу и распечаталъ. Изъ конверта посыпалась куча писемъ.

— Это что значитъ? — проговорилъ онъ и торопливо началъ читать одно изъ нихъ, которое, пробѣжавши, бросилъ вмѣстѣ съ приложеніями въ огонь. Прочитанное имъ письмо было отъ Софьи Николаевны, а прочія... Но мы это узнаемъ изъ содержанія перваго.

«Когда ты пріѣзжалъ вчера ко мнѣ, я была дома, но боялась тебя видѣть. Заклинаю тебя прежнею твоею любовью, оставь меня: я не могу, я не должна, я не смѣю тебя любить. Возвращаю тебѣ твои письма: они для меня ядъ. Видитъ Богъ, какъ мнѣ было тяжело оторвать отъ моего сердца это послѣднее мое сокровище. На каждомъ письмѣ твоемъ ты

найдешь слѣды моихъ слезъ. Еще разъ заклинаю тебя, забудь меня! Ты благороденъ, въ тебѣ достанетъ великодушія отказаться отъ женщины, которая не можетъ быть твоей женой. Полюби другую, женись и будь счастливъ, а я буду за тебя молиться».

Батмановъ болѣе получаса былъ въ раздумьѣ, а потомъ написалъ отвѣтъ:

«Какъ я ни лѣнивъ, какъ ни глупо писать чувствительныя посланія, но я его пишу. Съ какою цѣлью вы хотите отъ меня отторгнуться и какъ вы думаете это сдѣлать? Возвратить прежнія письма и написать плачевную записку для этого недостаточно. Я не люблю пятиться назадъ, препятствія меня только раздражаютъ. Смѣшно сказать, но я въ настоящую минуту готовъ расплакаться, такъ мнѣ досадно на васъ. Полноте, Софи, мистифицировать себя и меня; вы умная женщина и мнѣ сродни: разница между нами только та, что вы маскируетесь, а я нѣтъ. Мы созданы другъ для друга, повѣрьте! У меня въ жизни ничего нѣтъ, что̀ бы еще манило, да и у васъ небогата перспектива. Мы будемъ превосходные собесѣдники, т.-е. цѣлые дни можемъ молчать въ силу лермонтовскаго закона, что умнымъ людямъ не слѣдуетъ говорить много между собой. Неужели вы разсердились за мой экзаменъ? Я шутилъ: какое мнѣ дѣло до вашихъ ошибокъ! Сегодня въ часъ визитовъ я явлюсь къ вамъ для окончательнаго заключенія мира».

Это письмо тотчасъ же было отправлено. Пріѣхалъ Капринскій.

— Здравствуйте, желчный человѣкъ,—проговорилъ онъ ласковымъ голосомъ.

Отвѣта со стороны хозяина не послѣдовало. Капринскій сѣлъ, посмотрѣлъ ему въ лицо, потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ и закурилъ трубку. Батмановъ все молчалъ.

— Какъ ты меня вчера взбѣсилъ, mon cher!—началъ наконецъ гость: — я всю ночь не спалъ — и рѣшительно убѣдился, что ты опасный человѣкъ.

Михайла Матвѣичъ улыбнулся.

— Не для тебя ли?

— И для меня, и для женщинъ, и для всякаго, съ кѣмъ ты только сойдешься...

— За себя не бойся, невинное созданье: ты такъ спокойно проспишь на бѣломъ свѣтѣ, что тебя обухомъ не разбудишь.

— Ну, да, остри, остри, это обыкновенная твоя сфера. Однако шутки въ сторону, какъ ты вчера доконалъ вечеръ?

— Гораздо лучше, чѣмъ ты... Былъ опять въ собраніи и танцовалъ съ Жермаковой мазурку: она про тебя говоритъ, что ты гадкій.

— Я спрашиваю не о Жермаковой... Скажите лучше, какъ съ Науновой идетъ: бранитесь или миритесь?

— Ни то ни другое, торгуемся...

— Это въ чемъ?

— Въ любви.

— Какъ въ любви?.. Это какая-то еще новая оригинальность; ты, впрочемъ, имѣешь слабость къ оригинальности. На чемъ же кончили?

— Покуда еще ни на чемъ, а вотъ Бетси, хоть ты въ нее и влюбленъ, прямо сказала, что ты противный.

— Ну, хорошо, это ужъ я слышалъ; отчего самъ сидишь совой?

— Я думаю о тебѣ, милый мой, отчего ты такой добродушный? Должно-быть, отъ золотухи?..

— Да что ты все пристаешь ко мнѣ?

— Потому что я тебѣ завидую: ей-Богу, прекрасно быть такимъ невиннымъ болваномъ, какъ ты.

— Только этого недоставало, — началъ ужъ браниться: — ужасный ты, Мишель, чудакъ! Разсердится тамъ на что-нибудь и начнетъ приставать...

— Нѣтъ, мой милый, я, право, завидую, ты пресчастливый болванъ...

— Ахъ, какъ это остроумно, удивительно!.. Однако на все же есть границы, я лучше уѣду.

— Прощай...

— О, любезный, понимаю... Вѣрно, ждетъ кого-нибудь и выживаетъ... Къ чему эти штуки выкидывать? Ты можешь прямо мнѣ сказать: поѣзжай домой.

— Прямо? Изволь, мой другъ, поѣзжай домой.

— Сейчасъ уѣду; скоро увидимся?

— Нѣтъ, не скоро... Прощай.

Капринскій пожалъ плечами.

— Ты совершенный ершъ: у меня было много пріятелей, но человѣка съ такимъ характеромъ, какъ ты, не встрѣчалъ. Не гримасничай, уѣзжаю...

Проговоря эти слова, Капринскій уѣхалъ. Тотчасъ же послѣ его отъѣзда Батмановъ поѣхалъ къ Науновой. Въ передней онъ наткнулся на горничную, которая возилась съ молодымъ лакеемъ.

— Не конфузься,—сказалъ онъ:—гдѣ барыня?

— Ихъ дома нѣтъ-съ, — отвѣчала та, поправляя растрепавшіеся волосы.

— Какъ нѣтъ, опять лжешь?

— Ей-Богу, Михайла Матвѣичъ, нѣтъ: онѣ уѣхали въ рады, потомъ къ портнихѣ, а тутъ къ бабушкѣ проѣдутъ...

Не обращая вниманія на эти слова, Михайла Матвѣичъ пошелъ по всему дому и на этотъ разъ осматривалъ гораздо тщательнѣе: онъ заглянулъ подъ кровать, отворилъ всѣ шкапы, раскрылъ даже нѣкоторые незапертые сундуки, но никого не нашелъ. Хозяйки дѣйствительно не было дома. Выѣхавъ отъ Науновой, Батмановъ велѣлъ себя везти въ лавки, обошелъ ихъ всѣ, но Софьи Николаевны нигдѣ не нашелъ. Заѣхалъ потомъ къ портнихѣ — и тамъ ея не было. Ѣхавши по улицамъ, онъ заглядывалъ въ каждый дворъ, съ явною цѣлью увидѣть знакомый ему экипажъ. Терпѣніе наконецъ лопнуло.

— Къ Жермаковымъ,—сказалъ онъ кучеру на площади.

Туда и мы перейдемъ. Амалія Петровна сидѣла въ своей гостиной на среднемъ диванѣ, а дочь на угловомъ. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этой гостиной: стѣны ея были полинялыя, штофная драпировка на окнахъ такова же, прочія вещи представляли какую-то странную смѣсь очень богатаго, но уже стараго, съ очень дешевымъ: подъ трехъаршиннымъ фацетнымъ зеркаломъ въ золотой рамѣ стояли простые столики подъ орѣхъ; группа Ніобеи каррарскаго мрамора помѣщалась на дрянномъ гипсовомъ пьедесталѣ. Въ числѣ мебели было полдюжины креселъ краснаго дерева старинной работы, обитыхъ желтымъ бараканомъ, и десять креселъ простой отожженной березы. Около рояля Вирта стояла вальяжная кушетка; по сторонамъ мужского портрета прекрасной работы висѣли два мѣдныя неуклюжія бра. Съ обѣими дамами мы имѣли уже случай познакомиться въ собраніи, и потому описывать ихъ наружность считаю излишнимъ, а скажу только, что обѣ онѣ были одѣты какъ-то черезчуръ изысканно и нарядно, что̀ не совсѣмъ обычно въ губернскомъ домашнемъ быту. Мать была въ шелковомъ капотѣ съ тщательно накрахмаленными и очень бѣло вымытыми воротничками и въ совершенно еще новомъ чепчикѣ; а дочь, затянутая въ корсетъ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Обѣ онѣ молчали, и, кажется, обѣимъ было скучно. На колѣняхъ m-lle Бетси лежала какая-то развернутая книга.

— На которомъ балѣ ты была въ пу-де-суа? — спросила наконецъ Амалія Петровна, обращаясь къ дочери.

— У Прохоровыхъ,—отвѣчала та монотонно.

Разговоръ прервался.

— Я думаю такимъ образомъ сдѣлать, — начала опять

мать:—въ бѣломъ тарлатановомъ тебѣ ѣхать къ Нагинскимъ; на балъ въ собраніе надѣнешь бѣлое креповое съ кружевами; къ Фоминымъ поѣдешь въ газовомъ; къ Каранскимъ въ тюлевомъ; а тамъ опять можешь начать съ пу-де-суа.

— Какъ хотите.

— Но не скоро ли это будетъ? — возразила Амалія Петровна, подумавши.

— Да, я думаю.

— Можно сдѣлать еще легонькое.

— Фи, нѣтъ: для бала Нагинскихъ мнѣ хотѣлось бы имѣть атласное.

— Какъ это, Бетси, ты говоришь—атласное: молоденькая дѣвушка въ атласномъ!

— Почему жъ дѣвушки непремѣнно должны быть въ газовыхъ?

— Должны, потому что это принято: ты сама это понимаешь очень хорошо, и говоришь для того, чтобы мнѣ противорѣчить.

— Вы, maman, во всемъ видите противорѣчіе; я сказала такъ, а, право, не хочу ни газоваго ни атласнаго. Другія черезъ два бала являются въ старомъ.

— Другія не могутъ быть тебѣ примѣромъ.

— Отчего жъ не могутъ? Здѣсь всѣ почти богаче насъ.

— Особенной бѣдности и ты не должна чувствовать, я тебѣ еще ни въ чемъ не отказывала.

— Я, maman, не къ тому и говорю.

Амалія Петровна болѣе не возражала, но покачала головой и принялась вязать какую-то необыкновенно огромную шерстяную косынку, а дочь начала перелистывать книгу.

Лакей въ поношенной ливреѣ и въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ подалъ Амаліи Петровнѣ на маленькомъ подносикѣ письмо. Она распечатала его, прочитала и потомъ, какъ бы желая скрыть произведенное имъ впечатлѣніе, понюхала табаку.

— Отъ кого это?—спросила дочь.

— Отъ Дозорина... Очень интересныя подробности сообщаетъ,—отвѣчала Амалія Петровна.

— Что такое?

— Все объ Овцынинѣ: хочешь, прочту?

— Прочитайте.

Амалія Петровна развернула опять письмо и начала читать вслухъ:

«Ваше высокородіе, благодѣтельница наша Амалія Петровна! Вслѣдствіе душевныхъ заботъ моихъ, кои прилагаю

я денно и ночно къ благосостоянію всего вашего дома и тѣмъ самымъ паче стараюсь усугубить мою преданность, предпочтительно занявшись устройствомъ хозяйственнаго порядка, не преминулъ войти въ подробное разсмотрѣніе жизни и порядка ихъ благородія Семена Захарьича Овцынина, котораго имѣлъ честь видѣть въ воскресный день у прихода, и самъ, самолично, по засвидѣтельствованію отъ васъ почтенія, удостоился великой чести посѣтить ихъ домъ, чѣмъ самымъ и воспользовался. Насчетъ Софьи Николаевны Науновой они, какъ открылось по моему дознанію, ужъ никакого безпокойства не имѣютъ и весьма лестно ко мнѣ въ похвалахъ адресовались касательно Лизаветы Дмитревны: токмо развѣ могутъ быть въ этомъ случаѣ помѣхою домашнія потѣхи, коими они, по человѣческой слабости, по сіе время окружены. Собственно токмо говоря, эти люди, я полагаю, и привлекаютъ ихъ въ деревенскую жизнь, имѣя на то свои выгоды, такъ какъ проживаютъ въ большомъ довольствѣ».

— Будетъ, maman, что̀ это какъ онъ странно пишетъ!— перебила дочь.

— Чего жъ отъ него требовать; впрочемъ, понять можно все,—отвѣчала Амалія Петровна и спрятала письмо.

Лакей въ поношенной ливреѣ доложилъ:

— Батмановъ!..

Амалія Петровна сдѣлала гримасу.

— Проси,—проговорила торопливо Бетси и, при входѣ молодого человѣка, привстала и улыбнулась ему.

Батмановъ вошелъ медленно, небрежно поклонился и сѣлъ.

— Холодно сегодня?—спросила она.

— Свѣжо,—отвѣчалъ Михайла Матвѣичъ полунасмѣшливымъ тономъ.

— А сколько градусовъ?—вмѣшалась Амалія Петровна.

— Шестнадцать съ четвертью-съ,—отвѣтилъ гость.

— Какъ вы пунктуально погоду знаете, — замѣтила она ему.

— Это мой любимый предметъ-съ... Что̀ вы читаете?—обратился Батмановъ къ m-lle Бетси.

— Ничего,—отвѣчала она.

— У васъ въ рукахъ книга?

— Она для васъ тайна.

— Это почему?

— Вы не любите книгъ.

— А вы какъ это знаете?

— Вы сами мнѣ говорили.

— Я вамъ никогда этого не говорилъ.

— Вотъ прекрасно. Вы сами смѣялись, когда я вамъ сказала, что мнѣ нравится «Монте-Кристо».

— Право, не помню: я очень уважаю г-на Монте-Кристо: онъ очень хорошій человѣкъ. Я самъ тоже хочу сдѣлаться бичомъ пороковъ.

— Съ кого же вы начнете? Вѣрно, съ себя? — вмѣшалась опять старшая хозяйка.

— А вы думаете, что мнѣ нужно исправленіе?

— Какъ всякому мужчинѣ.

— Я—исключеніе. Я начинаю сознавать въ себѣ огромныя добродѣтели.

— Давно ли?—спросила Бетси.

— Недавно-съ, съ сегодняшняго утра во мнѣ появились такого рода убѣжденія, которыя для меня рѣшительно были непонятны. Я нынче начинаю думать, что можно любить женщину не изъ глупости, не изъ расчета, а такъ просто изъ какой-то потребности сердца предпочитать одну женщину прочимъ, и даже мечтать по цѣлымъ часамъ о ничтожномъ свиданіи и писать во имя ея стихи.

— Отчего же въ васъ вдругъ появились такія убѣжденія?

— Я заимствовалъ ихъ у своего друга и пріятеля, Никандра Ивановича Капринскаго.

— Неужели онъ имѣетъ такія убѣжденія?

— Именно такія. Вы напрасно не хотите его понять: онъ очень возвышенная натура.

— Перестаньте, пожалуйста, я видѣть его не могу, особенно когда онъ съ подвязанной щекой явится.

— Это ничего, у него иногда бываетъ флюсъ — прекрасная болѣзнь: она тоже способствуетъ возвышенію ума и сердца.

— Я полагаю, что скорѣе дама измѣнила ваши убѣжденія,—замѣтила Амалія Петровна.

— Дама?—спросилъ Батмановъ.

— Да, какая-нибудь дама... опытная въ любви: она, можетъ-быть, растолковала вамъ это чувство.

— Можетъ-быть; но какъ бы то ни было, только я другой человѣкъ: я уважаю любовь, обожаю женщинъ и скоро, какъ докладывалъ, начну писать стихи.

Амалію Петровну вызвали. Она взглянула на дочь и вышла. Та встала, подошла къ роялю и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Поете что-нибудь новенькое?—спросилъ Батмановъ, вынимая и закуривая папироску.

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка.

— Спойте что-нибудь.

— Что вамъ спѣть? Вы всегда смѣетесь надъ романсами.

— Я вамъ говорилъ, что я теперь уже не тотъ, совершенно перемѣнился. Нѣтъ ли какого-нибудь у васъ, напримѣръ: раскаянія, пробужденія, очарованія и т. п.

— Такихъ романсовъ нѣтъ,—отвѣчала дѣвушка и начала одну изъ арій Шуберта.

Музыка талантливаго композитора произвела свое магическое дѣйствіе. Бетси начала играть машинально, но увлеклась. Звуки полные, отчетливые и впечатлительные раздались въ старинной гостиной. Батмановъ тоже невольно поддался обаянію. Онъ всталъ, подошелъ къ роялю, облокотился на него и слушалъ.

— Неужели вы такъ злы?—спросила Бетси, оканчивая финалъ.—Неужели вы даже не вѣрите въ музыку?

— Я не вѣрю только женщинамъ,—отвѣчалъ онъ.

— А музыкѣ?

— Музыку я полюбилъ съ настоящей минуты.

— Опять начинаете смѣяться?

— Нѣтъ, не смѣюсь: кладя на сердце руку, скажу вамъ, что вы бы могли меня во многомъ исправить.

— Я?--спросила дѣвушка, немного сконфузившись.

— Да, вы, и однѣ только вы въ цѣломъ свѣтѣ.

— Не думаю,—сказала она, встала изъ-за фортепіано и сѣла на прежнее мѣсто.

— Есть убѣжденія,—началъ Михайла Матвѣичъ, садясь на прежнее мѣсто:—отъ которыхъ человѣку можно такъ удалиться, что если бы онъ заговорилъ объ нихъ искренно, такъ ему не повѣрятъ.

— А именно?

— А именно... Напримѣръ, я: мнѣ невозможно говорить не въ томъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно говорю я, и поэтому я ношу маску, въ которой мнѣ иногда очень неловко.

— Стало-быть, вы жалкій человѣкъ, васъ никто не пойметъ?

— Что дѣлать, но мнѣ кажется, что вы меня немного поняли.

— Нѣтъ, я васъ еще не понимаю.

— Однако, какъ я, по вашему мнѣнію, въ самомъ дѣлѣ, дурной человѣкъ?

— Вы?.. нѣтъ... вы умный человѣкъ.

— А сердце мое, какъ оно вамъ нравится?

— Сердца вашего я совсѣмъ не знаю.

Вошла Амалія Петровна, и разговоръ между молодыми людьми прекратился. Батмановъ скоро уѣхалъ.

— О чемъ онъ тутъ разсуждалъ?—спросила мать.

— Ничего... онъ очень милъ.

— Не понимаю, что̀ такое ты находишь въ немъ милаго; онъ, видно, даже никогда не живалъ въ порядочномъ кругу: фу, какъ надымилъ, невѣжа!

— Гдѣ жъ, maman, взять лучше? По крайней мѣрѣ, онъ умнѣе другихъ, умѣетъ хоть два слова сказать.

— Молодежь прежде была совсѣмъ другого тона.

— Да что̀ жъ вы все говорите: прежде? Теперь не то, да и гдѣ же мы живемъ? Онъ не глупъ, довольно мило образованъ, чего еще требовать?

— Прекратите, Бетси, этотъ разговоръ, для меня онъ очень непріятенъ: я вамъ ужъ прежде сказала, думайте и поступайте, какъ хотите.

— Я не хочу ни думать ни поступать, а говорю только, что онъ умный человѣкъ...

III.

Батмановъ былъ одинъ сынъ у матери. Отличительными чертами его дѣтства было то, что онъ никогда почти не болѣлъ никакими болѣзнями, неимовѣрно выросталъ изъ сшиваемыхъ ему шелковыхъ рубашечекъ, былъ страстный охотникъ лазить по высочайшимъ деревьямъ, разорять птичьи гнѣзда и, при удобномъ случаѣ, подставить своему брату синякъ подъ глазомъ. Когда онъ развился до курточки, то мать, какъ это ни тяжело было для нея, отдала его въ пансіонъ, для окончательнаго усовершенствованія во французскомъ языкѣ, который она ему сама еще съ пеленокъ начала внушать, и съ этихъ поръ для маленькаго Мишеля началась жизнь, какъ бы вся состоящая изъ анекдотовъ: на самыхъ почти первыхъ порахъ его поступленія въ пансіонъ, сѣдой и почтенный учитель словесности распространился однажды объ эпитетахъ и объяснялъ, что эпитеты не что̀ иное, какъ прихоть языка, и служатъ только къ украшенію слога; и, чтобы лучше разъяснить значеніе эпитетовъ, сравнилъ ихъ съ хвостомъ лисицы, который будто бы для этого животнаго не имѣетъ никакого существеннаго значенія, а только украшаетъ его. Всѣ слушали молча, но Мишель вдругъ всталъ. «А для чего у свиньи хвостикъ?»—спросилъ онъ. Наставникъ сконфузился, а классъ расхохотался. Грубіяну велѣно было стать на колѣни; онъ повиновался, но не раскаялся, и когда пришелъ содержатель пансіона и спросилъ его, за что онъ поставленъ на колѣни, Батмановъ отвѣчалъ:—«За свиной хвостикъ». Классъ опять расхохотался. Содержатель и учитель пожали только плечами. Къ

лектору французскаго языка, не совсѣмъ хорошо знакомому съ русскимъ языкомъ, но тщательно скрывавшему, изъ самолюбія, этотъ недостатокъ, Мишель безпрестанно приставалъ съ различными вопросами и, между прочимъ, разъ спросилъ:—«M-r Ляміеръ, какъ въ единственномъ числѣ ворота?»—«Вы сами это должны знать»,—отвѣчалъ уклончиво лекторъ.—«Я думаю, ворòтъ?»—подхватилъ Батмановъ.—«Ну да, ворòтъ»,—подтвердилъ простодушно m-r Ляміеръ и съ тѣхъ поръ цѣлымъ пансіономъ прозванъ былъ, вмѣсто m-r Ляміеръ, m-r Ворòтъ. Въ отношеніи товарищей, которыхъ въ пансіонѣ считали ябедниками, онъ былъ жесточайшій бичъ и тузилъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Особенно преслѣдовалъ онъ одного, Перова, ученика прилежнаго, но не понимавшаго математики.

— За что вы, Александръ Александрычъ, поставили Перову два, а мнѣ единицу? — спросилъ онъ однажды учителя алгебры.

— Онъ прилеженъ, а вы нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Я лучше его знаю и докажу это.

— Докажите.

— Я ему задамъ задачу, и онъ не рѣшитъ.

— Задайте,—проговорилъ Александръ Александрычъ, заранѣе угадывая, что Батмановъ отпуститъ какую-нибудь штуку.

— Пишите, — началъ Батмановъ, когда Перовъ, по приказанію учителя, вышелъ къ доскѣ:—Куплено въ Новгородѣ двадцать два аршина, одна половина, три четверти и сорокъ два вершка краснаго турецкаго сукна; заплачено по два съ полтиной на ассигнаціи, пять рублей золотомъ и три съ половиною полуполушки за каждые полтора съ осьмушкою аршина; спрашивается: что̀ сто̀итъ валдайскій колокольчикъ?

Перовъ написалъ всю эту галиматью и остановился: онъ въ такой мѣрѣ признавалъ себя слабымъ въ математикѣ, что даже не давалъ себѣ труда думать, когда ему что-нибудь задавали изъ нея; а потому и въ настоящемъ случаѣ проговорилъ свою обыкновенную фразу:—«Виноватъ, Александръ Александрычъ, я этого не повторилъ!» Всѣ захохотали, а учитель только махнулъ рукой и съ этихъ поръ началъ ставить Перову нуль, а Батманову два.

Пансіонскій швейцаръ, имѣвшій обыкновеніе дѣлать о каждомъ ученикѣ свой собственный приговоръ, про Батманова говорилъ: «Баринъ своебычникъ, большого толка изъ него не выйдетъ».

Мать Батманова умерла, и онъ въ одну недѣлю перессорился со всѣми своими московскими родными, которые хотѣли-

было, какъ въ сиротѣ, принять въ немъ участіе и дать ему нѣсколько наставленій, на которыя онъ отвѣтилъ по-своему, вышелъ потомъ сейчасъ же изъ пансіона и поступилъ въ кирасиры, стоявшіе въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ началъ съ того, что проигрался въ пухъ, потомъ за отличную верховую ѣзду былъ произведенъ не въ очередь въ офицеры и затѣмъ, какъ бы не зная, куда и на что растратить свою силу, вступилъ самымъ искреннѣйшимъ образомъ въ такъ называемое общество фюнфопускателей, которое состояло въ томъ, что, во время кампамента, когда офицеры постарше, измучившись на ученьи съ 4 часовъ утра, приходятъ домой и, выпивши приличное количество водки и накрѣпко пообѣдавъ малороссійскимъ борщемъ, засыпаютъ мертвымъ сномъ, нѣсколько повѣсъ, преодолѣвая собственное утомленіе, отправляются по офицерскимъ домикамъ и, высмотрѣвъ какого-нибудь штабъ-ротмистра или поручика, совсѣмъ ужъ безъ чувствъ спавшаго, и зажегши въ нарочно свернутой трубочкѣ вату, подставляютъ ему къ носу этотъ снарядъ. Тотъ втягиваетъ въ себя цѣлую струю дыма, взмахиваетъ глазами; но фюнфопускатели уже разбѣжались, онъ остается одинъ, произнося проклятія и ругательства. Все это, конечно, было ничего, покуда происходило между своими товарищами, но Батмановъ вдругъ проектировалъ сдѣлать то же самое и съ полковымъ командиромъ. Прочіе фюнфопускатели сейчасъ же отказались, но онъ взялся одинъ исполнить свой планъ и дѣйствительно, подкарауливъ, когда полковникъ вмѣстѣ съ своими денщиками храпѣлъ въ обѣ носовыя скважины, онъ, какъ индѣецъ, проползъ къ нему въ спальню и запустилъ ему жесточайшую фюнфу. Старикъ вскочилъ, какъ полоумный, и, увидѣвъ передъ собой дерзкаго корнета, бросился-было на него съ саблей, но Батмановъ выскочилъ въ окно. Командиръ хотѣлъ его посадить подъ арестъ, но Батмановъ и того не послушался, говоря, что это совершенно частное дѣло, и что если полковникъ обиженъ, то онъ можетъ его вызвать на дуэль, и онъ готовъ сейчасъ его удовлетворить. Однако его посадили насильно на гауптвахту и отдали подъ военный судъ, по рѣшенію котораго онъ и былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ на Кавказъ. Тамъ Батмановъ напросился на первую же экспедицію, хоть бы глазомъ моргнулъ, когда вокругъ него летали пули, первый зажегъ осаждаемый аулъ, отбился въ одиночку отъ нѣсколькихъ человѣкъ черкесовъ и получилъ за все это Георгія, а потомъ, какъ храбрый и образованный офицеръ, переведенъ былъ въ лучшую крѣпость; но и здѣсь опять не поладилъ съ начальствомъ: приглашенъ ли онъ былъ, или самъ насильно вошелъ

въ спальню къ женѣ коменданта, но только ему предложили выйти въ отставку, и то единственно потому, что не желали компрометировать женщину. Батмановъ, кажется, этимъ былъ очень доволенъ: онъ надѣлъ статское платье, отрастилъ бороду и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, гдѣ по преимуществу познакомился и подружился съ однимъ старикомъ-сосѣдомъ, Науновымъ, или, лучше сказать, съ его женою, очень милою и молодою дамою. Чтобы уяснить для читателя хотя нѣсколько ихъ отношенія, я передамъ, какимъ образомъ говорилъ объ нихъ самъ Батмановъ. Это было за годъ передъ началомъ моего разсказа. Въ кофейной Печкина съ нимъ обѣдали трое знакомыхъ: какой-то длинноволосый юноша, плотный господинъ, котораго лакей называлъ Дмитрій Дмитричъ, и актеръ, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ. Всѣ были навеселѣ: разговоръ зашелъ объ умѣ женщинъ.

— Я зналъ одну только умную женщину, — сказалъ Батмановъ.

— А именно?—спросилъ плотный господинъ.

— Разскажите, Батмановъ, подробно! — произнесъ юноша, взъерошивъ свои длинные волосы: на него болѣе всѣхъ подѣйствовало выпитое шампанское.

— Господинъ Батмановъ всегда очень остроумно разсказываетъ о женщинахъ,—присовокупилъ актеръ.

— Даже остроумнѣе, чѣмъ вы пишете водевили,—замѣтилъ Дмитрій Дмитричъ.

— Именно-съ,—подтвердилъ актеръ.

— Въ 44-мъ году,—началъ Батмановъ:—я жилъ у себя въ деревнѣ, въ которую пріѣхалъ наслаждаться сельской свободой и изучать умъ и сердце славянокъ, но на дѣлѣ вышло, что спился-было съ кругу. Однажды мой приказчикъ, плутъ сверхъестественный, соблазнилъ меня разсказомъ, что у одного сосѣда есть удивительная красавица-жена и превосходнѣйшая наливка. На послѣднее обстоятельство я обратилъ вниманіе потому, что мѣстная мадера и ромъ рѣшительно истерзали мой желудокъ. Я поѣхалъ и нашелъ, что хозяинъ какой-то грязный старичишка, наливка дѣйствительно отличная, но жена лучше всего; она такъ обласкала меня, что мы въ тотъ же день сдѣлались истинными друзьями: она мнѣ открылась, что умираетъ со скуки; я тоже объявилъ, что гибну въ уединеніи; и потому рѣшились подать другъ другу руку помощи. Цѣлые полгода проводили мы время очень пріятно. Старикъ сначала былъ премилый и обыкновенно спалъ послѣ обѣда часовъ по шести, но потомъ вдругъ разлюбилъ меня и, что̀ хуже того, онъ началъ бранить, вмѣсто меня, жену, а та, по

молодости лѣтъ, вздумала плакать и умолять меня, чтобы я уѣхалъ. Мнѣ сдѣлалось это скучно; я внялъ ея мольбамъ и уѣхалъ.

— Тутъ я еще не вижу никакого особеннаго ума,—замѣтилъ плотный господинъ.

— И не видьте! Васъ никто о томъ и не проситъ,—дерзко отвѣтилъ ему Батмановъ.

Плотный господинъ нѣсколько сконфузился.

— По пріѣздѣ-съ въ Москву, — продолжалъ между тѣмъ Мишель, снова обращаясь къ прочимъ своимъ слушателямъ:— мнѣ сдѣлалось еще скучнѣе, и я рѣшился выписать мою со сѣдку въ столицу; предлогъ былъ прекрасный: ей надобно было лѣчить мужа; я пошелъ на величайшее самоотверженіе и приготовился дать денегъ имъ взаймы, и написалъ къ ней по крайней мѣрѣ дюжину самыхъ убѣдительныхъ писемъ; однако она не убѣдилась и не пріѣхала, а схоронила супруга на родномъ кладбищѣ и потомъ влюбилась въ какого-то богатаго господина. Очень умная женщина, я ее никогда не забуду.

— Нѣтъ, Батмановъ, вы сегодня не въ ударѣ: разсказали что-то очень незамысловатое, — сказалъ опять плотный господинъ.

— Будто? — спросилъ Мишель какимъ-то простодушнымъ голосомъ и протягиваясь между тѣмъ во всю длину дивана.

— На все оригинальный взглядъ,—проговорилъ вполголоса актеръ, когда Батмановъ закрылъ глаза.

— Чудесный малый, я его очень люблю, — сказалъ длинноволосый юноша.

— Пересаливаетъ! — рѣшилъ Дмитрій Дмитричъ и ушелъ играть на бильярдѣ.

Проживая такимъ образомъ въ Москвѣ, Батмановъ успѣлъ сдѣлаться рѣшительно ужасомъ нѣмецкихъ и купеческихъ собраній и даже имѣлъ двѣ-три исторіи въ Англійскомъ клубѣ, и наконецъ спустился по причинамъ, ему только вѣдомымъ, въ О—е общество, гдѣ, на основаніи своей довольно пріятной наружности, столичнаго костюма, манеръ и нѣкоторой оригинальности мыслей, сразу сдѣлался однимъ изъ первыхъ молодыхъ людей и всѣми лучшими дамами былъ названъ m-r Батмановъ. Для читателя, непосвященнаго во всѣ тонкости жизни губернскаго haute-volée, можетъ-быть, покажется страннымъ, почему я упоминаю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, но въ самомъ дѣлѣ оно очень важно: m-r Минаевъ, m-r Кузьминъ, m-r Вейфутъ, m-r Девуа, называются дамами только истинно-свѣтскіе и образованные молодые люди, въ отличіе

отъ являющихся въ обществѣ другого рода юношей, которыхъ именуютъ уже просто: Михайловъ, Родіоновъ и т. п. Папеньки, маменьки и мужья большею частью безусловно раздѣляютъ, по этому предмету, мнѣнія дочерей и женъ. Доказательствомъ этому могъ служить и Батмановъ; на первомъ же балѣ онъ заинтересовалъ дамъ, и его всюду начали приглашать, и многіе весьма внимательно слушали то, что онъ говорилъ. Но Мишель какъ бы не чувствовалъ ни къ чему этому никакой благодарности: на званые вечера, даже къ губернатору, онъ очень часто являлся въ сюртукѣ, на балы обыкновенно пріѣзжалъ поздно, приглашалъ на танцы одну только m-lle Бетси, или совсѣмъ не танцовалъ, или наконецъ, точно въ насмѣшку надъ всѣми прочими дамами, выбиралъ самыхъ жалкихъ изъ нихъ. Къ нѣкоторымъ семейнымъ и скромно живущимъ людямъ, о которыхъ всему городу было извѣстно, что они ложатся въ 10 часовъ, онъ вдругъ ни съ того ни съ сего пріѣзжалъ въ концѣ десятаго и сидѣлъ до двухъ, не обращая вниманія, что безпокоитъ хозяевъ.

Но совершенно иначе и совершенно въ иномъ духѣ относился къ обществу пріятель его, Никандръ Иванычъ Капринскій: онъ ласкался ко всѣмъ и искалъ знакомства и расположенія каждаго; на всякую услугу, которой кто-нибудь требовалъ отъ него, онъ изъявлялъ всегда полную готовность. Нѣкогда, желая, конечно, какъ молодой человѣкъ, нравиться дамамъ, онъ очень много танцовалъ, и танцовалъ недурно, но только немного театрально, такъ что въ нѣкоторыхъ семействахъ даже маленькія дѣти представляли въ комическомъ видѣ, какъ онъ танцуетъ галопъ и какъ, при этомъ случаѣ, выгибается. Съ молодыми людьми перваго плана Капринскій постоянно старался сближаться: всякую зиму у него былъ непремѣнно другъ высшаго полета, которому онъ говорилъ «ты», пріѣзжалъ вмѣстѣ на балъ и входилъ съ нимъ подъ руку, и во всѣхъ сердечныхъ тайнахъ былъ его наперсникомъ. Для достиженія этой цѣли Никандръ Иванычъ дѣйствовалъ съ величайшимъ самоотверженіемъ: со всѣми друзьями онъ обыкновенно начиналъ дѣлать все, что тому хотѣлось; если пріятель выше всего въ жизни ставилъ комфортъ,—и онъ бредилъ комфортомъ; любилъ ли его пріятель покутить и сойтись съ актрисами, — и онъ дѣлался кутилою и театраломъ. Пріятелямъ-игрокамъ онъ всегда придерживалъ, или просто просиживалъ цѣлыя ночи около столовъ, на которыхъ они играли. Къ этому еще надобно прибавить, что каждому изъ друзей онъ имѣлъ необыкновенную способность льстить и восхищаться тѣмъ конькомъ, на которомъ тотъ сидѣлъ, и обыкновенно приходилъ въ

восторгъ именно отъ тѣхъ дѣвицъ и дамъ, за которыми пріятели ухаживали; отъ настоящаго своего друга, Батманова, онъ рѣшительно былъ безъ ума.

При всѣхъ этихъ стараніяхъ, Капринскій не пользовался однако въ обществѣ вѣсомъ. Солидные люди понимали его, какъ человѣка услужливаго, но очень пустого; всѣ они знали, что онъ, имѣя маленькое состояніе, не служилъ, а тянулся за всѣми, прибѣгая для этого къ различнымъ мелкимъ аферамъ: перепродавалъ съ барышомъ лошадей и экипажи, ѣздилъ, цѣлковыхъ за двѣсти, по порученіямъ отъ нѣкоторыхъ богатыхъ людей въ Петербургъ, очень любилъ дневать и ночевать у пріятелей; занималъ, кто дастъ; должалъ въ лавкахъ, мастеровымъ, домохозяевамъ и извозчикамъ; но главнымъ образомъ ему ставили въ обвиненіе то, что будто бы онъ имѣлъ наклонность посплетничать и поссорить, и послѣ — запереться. Нѣкоторые мнительные и трусливые люди даже побаивались его, такъ какъ онъ, вслѣдствіе какой-то особой способности, первый узнавалъ самыя секретныя домашнія тайны. Свѣтскія дамы и дѣвицы-невѣсты имъ очень мало интересовались и, видимо, уклонялись съ нимъ танцовать. Но самымъ сильнымъ презрѣніемъ Капринскій пользовался въ домѣ Жермаковыхъ, потому что домъ этотъ, хоть и не богатый, но по тону своему былъ самый аристократическій въ цѣломъ городѣ.

Если бы, лѣтъ 15 тому назадъ, вы, почтенный читатель, имѣли честь сдѣлать визитъ Амаліи Петровнѣ и просидѣли бы полчаса въ ея роскошной московской гостиной, то убѣдились бы вполнѣ, что эта дама создана для гостиной, а гостиная для нея, и въ этотъ же визитъ вы, вѣроятно, увидѣли бы ея прелестную, лѣтъ около десяти, дочь въ сопровожденіи чопорной англичанки. Какой бы вы ни были простой и нецеремонный человѣкъ, но непремѣнно бы сами сложились въ олицетворенное приличіе и стали бы обдумывать каждое ваше слово. Конечно, при этомъ случаѣ вамъ было бы очень неловко, и сердцемъ вашимъ овладѣло бы такое тяжелое ощущеніе, что, выѣхавши, вы непремѣнно бы сказали: «ну, слава Богу, освободился». Судьба однако не допустила Амалію Петровну сидѣть всю жизнь въ своей парадной гостиной и принимать визиты. Въ одно утро управляющій доложилъ ей, что дѣла по имѣнію очень запутались и требуютъ много хлопотъ. «Устройте тамъ какъ-нибудь»,—сказала она и кивнула головой управителю въ знакъ того, чтобы онъ удалился. Онъ удалился и дѣйствительно началъ устраивать дѣла какъ-нибудь: деревня за деревней продавались съ аукціона. Двое братьевъ Амаліи Петровны, узнавъ объ этомъ и испугавшись

за ея будущность, нарочно пріѣхали къ ней, чтобы дать полезный совѣтъ. Она внимательно ихъ выслушала и великодушно предложила заняться устройствомъ ея дѣлъ. Кузены были совершенно готовы, но, къ несчастью, у каждаго изъ нихъ было столько хлопотъ, что они рѣшительно не имѣли свободнаго времени, — о чемъ и объявили съ глубокимъ сожалѣніемъ сестрѣ. Амалія Петровна разсталась съ ними очень холодно; а между тѣмъ устраивающій какъ-нибудь дѣла управитель готовилъ новый ударъ: въ очень вѣжливомъ письмѣ онъ объяснилъ ей, что она никакъ не можетъ долѣе жить въ столицѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ ей переѣхать въ губернскій городъ О., вблизи котораго расположено было все имѣніе и, сверхъ того, въ самомъ городѣ находился принадлежащій ей прекрасный и помѣстительный домъ. Жермакова покорилась необходимости, но ужасъ овладѣлъ ею, когда она вошла въ помѣстительный домъ, который, конечно, когда-то былъ барскій, чему явнымъ доказательствомъ служили стоящіе на воротахъ два деревянные рѣзные льва, но съ тѣмъ вмѣстѣ былъ уже очень старъ, сыръ и мраченъ: штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, стекла какія-то тусклыя, грязныя, полъ клеенчатый, и наконецъ огромныя, уродливыя изразцовыя печи. Амалія Петровна очень разсердилась на управителя и при свиданіи съ нимъ высказала, что онъ ее всегда и во всемъ обманывалъ. Управляющій на другой же день просилъ уволить его и подписать ему за управленіе похвальный аттестатъ, который она подписала съ полнымъ презрѣніемъ и не удостоила управителя даже взглядомъ при его прощальномъ поклонѣ. Однимъ изъ О—хъ знакомыхъ былъ отрекомендованъ ей новый управитель, какой-то отставной чиновникъ, Егоръ Ѳомичъ Дозоринъ, человѣкъ, по словамъ знакомаго, весьма опытный и благонамѣренный въ дѣлахъ. При первомъ представленіи, онъ очень не понравился Амаліи Петровнѣ: у него былъ такой гадкій красный носъ, такіе непріятные сѣрые глаза, онъ такъ тривіально и подобострастно кланялся, и наконецъ невыносимо пахнулъ какой-то ужасной помадой, но не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ она совершенно измѣнила свое мнѣніе о новомъ управителѣ. Онъ ее совершенно успокоилъ и, обѣщавъ въ одинъ годъ все исправить, поѣхалъ, нимало не медля, въ деревню и привезъ ей оттуда двѣ тысячи рублей.

Вмѣстѣ съ Амаліей Петровною переѣхала и шестнадцатилѣтняя Бетси. М-me Жермакова, до переѣзда въ О., кажется, только знала, что у нея есть дочь. Всѣ отношенія ея съ подрастающею Бетси ограничивались тѣмъ, что она каждое утро осматривала ея костюмъ, приказывала, сообразно своему вкусу,

сдѣлать какія-нибудь перемѣны въ немъ; хмурилась на нее и гувернантку, когда дѣвочка посвободнѣе сядетъ или скажетъ что-нибудь, чего, по мнѣнію ея, не слѣдовало говорить; глядѣла на нее по нѣскольку минутъ вечеромъ, когда та разсматривала съ гувернанткой новый кипсекъ, и выходила по временамъ слушать, когда музыкальный учитель давалъ Бетси уроки на фортепіано. Впрочемъ, первый выѣздъ дочери на балъ Амалія Петровна почтила большими заботами. Болѣе двухъ недѣль она выдумывала для нея костюмъ, дѣлала его нѣсколько разъ и отмѣняла; наставленій, какъ держать себя, тоже было высказано въ достаточномъ количествѣ. На самомъ балѣ m-me Жермакова не могла скрыть безпокойства и не отводила глазъ отъ дочери; но и только... Во всемъ остальномъ Бетси была предоставлена миссъ Вильтонъ, самой классической гувернанткѣ, занимающейся воспитаніемъ дѣвицъ лѣтъ двадцать; на основаніи своихъ достоинствъ миссъ Вильтонъ привыкла, чтобы въ ней видѣли болѣе семейнаго друга, чѣмъ гувернантку, но и тѣни этого не встрѣтила она въ домѣ Жермаковой. Амалія Петровна держала ее въ самомъ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Раціональная миссъ, конечно, сейчасъ же бы отошла, но она очень полюбила дѣвочку, которая была умна, понятлива, добра и привязалась къ ней съ перваго дня. Затаивъ свое постоянно оскорбляемое самолюбіе, гувернантка осталась и начала воспитывать ученицу въ понятіяхъ, не совсѣмъ выгодныхъ для матери: внушая ей терпѣніе, послушаніе, преподавая ей всеобщую исторію, знакомя съ англійскимъ языкомъ, миссъ Вильтонъ не пропускала между тѣмъ случая объяснить нѣкоторыя свойства Амаліи Петровны, такъ что воспитанница ея постоянно слышала, что маменька у ней эгоистка, и если немного добра, то совершенно безсознательно, или, скорѣе, по слабохарактерности. Бетси было больно и грустно это слышать, но она не противорѣчила гувернанткѣ.

Переѣхали въ О.... Миссъ Вильтонъ отошла: она никакъ не могла жить въ провинціи. Бетси обливалась горькими слезами, разставаясь съ своей воспитательницей. Амалія Петровна простилась съ ней привѣтливо, но свысока. Мать и дочь, оставшись вдвоемъ, по необходимости должны были сблизиться, но — увы! — начали говорить и не понимали другъ друга; не проходило дня, чтобы онѣ въ чемъ-нибудь не поспорили: къ тому, что для Амаліи Петровны составляло авторитетъ, — Бетси была или равнодушна, или даже смѣялась надъ этимъ, но зато, если чѣмъ хоть сколько-нибудь увлекалась молодая дѣвушка, — мать находила это непозволитель-

нымъ. М-me Жермакова постоянно восхищалась тѣмъ обществомъ, въ которомъ она нѣкогда жила и блистала, и говорила, что въ О. совсѣмъ нѣтъ общества, но Бетси и на О—хъ балахъ было весело. Знакомые изъ людей пожилыхъ, которые нравились матери, — Бетси казались скучны и пошлы, а Амалія Петровна, съ своей стороны, всѣхъ молодыхъ людей почти презирала. Болѣе прочихъ она вооружалась противъ Батманова, котораго дочь отстаивала съ особеннымъ упорствомъ. Имѣть своимъ зятемъ Овцынина мать желала выше всего, а Бетси не высказывала въ этомъ случаѣ ни желанія ни нежеланія и, кажется, думала, что этого никогда не можетъ случиться; но собственно это, впрочемъ, раскроется впослѣдствіи. Въ обществѣ Бетси была любезна, разговорчива, ловка и даже немного кокетка; у ней было очень много обожателей, явныхъ и тайныхъ, и она со всѣми ими была очень привѣтлива.

IV

Отъ Жермаковыхъ Батмановъ заѣзжалъ опять къ Науновой, но и въ этотъ разъ не нашелъ ея дома и оставилъ ей записку:

«Вы несносны и утомили меня! Я не мальчишка, котораго подобныя продѣлки могутъ воспламенять и приводить въ отчаяніе. Развлеченіе я найду, — здѣсь есть m-lle Бетси, которая моложе и лучше васъ. Adieu!

«Вѣчно думающій о себѣ, а не объ васъ,

«Батмановъ».

Пріѣхавъ домой, Михайла Матвѣичъ все прислушивался къ чему-то и нѣсколько разъ спрашивалъ своего человѣка, не приходилъ ли кто-нибудь отъ Науновой, но никого не было. Слѣдующую затѣмъ недѣлю Батмановъ сидѣлъ дома, и, вѣроятно, вслѣдствіе спасительнаго уединенія, ограждающаго отъ внѣшнихъ впечатлѣній, и благодаря болѣе правильной жизни, — молодой человѣкъ, если можно такъ выразиться, умиротворился и все анализировалъ самого себя передъ постояннымъ и единственнымъ своимъ собесѣдникомъ — Капринскимъ, который, конечно, слушалъ его съ глубокимъ вниманіемъ и, съ своей стороны, дѣлалъ по временамъ умѣренныя замѣчанія.

— Послушай, — сказалъ въ одну изъ бесѣдъ Капринскій: — какой самый лучшій способъ успѣвать въ женщинахъ?

— Дерзость, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Ну какъ же дерзость? Нѣтъ, это не такъ: я это понимаю иначе. Возьмемъ въ примѣръ тебя: ты просто хорошъ собой, въ твоемъ лицѣ чрезвычайно много оригинальности,

нѣкоторыя дамы тебя находятъ красавцемъ, и я съ ними въ этомъ согласенъ.

— Скажите, какъ вы меня мажете по губамъ! Вы становитесь удивительный льстецъ, cher Капринскій.

— Нѣтъ, mon ami, я не льстецъ, особенно въ отношеніи тебя. Я тебѣ часто говорю такую горькую правду, которой никто не скажетъ, но теперь я только разбираю тебя, и разбираю, какъ человѣка.

— Я не всѣмъ женщинамъ нравлюсь, — возразилъ Батмановъ: — немногія изъ нихъ меня любили, но бо́льшая часть ненавидятъ.

— Это ничего не значитъ: онѣ тебя ненавидятъ изъ зависти, повѣрь! Въ этомъ-то твое особенное счастье и состоитъ.

— Всѣ вообще женщины, — началъ хозяинъ какимъ-то наставническимъ тономъ: — очень капризны; онѣ любятъ только то, что́ дѣйствуетъ на ихъ воображеніе, т.-е. крайности. Въ мужчинѣ онѣ обыкновенно увлекаются или дурацкою, безъ границъ, любовью, или ужъ совершеннымъ равнодушіемъ; на любовь такого рода я совершенно неспособенъ и не скрываю этого; а равнодушіе мое ихъ бѣситъ и раздражаетъ, и имъ все хочется меня пересоздать.

— Послушай, Мишель, — перебилъ Капринскій: — мнѣ пришла въ голову мысль, что если бы женщины такъ же хорошо тебя знали, какъ я, — онѣ бы побоялись тебя любить.

— Пустая тебѣ, другъ мой, пришла въ голову мысль. Женщина не побоится любить никого, даже разбойника, — а я, слава Богу, еще похожъ на всѣхъ, и если свою личность люблю болѣе всѣхъ другихъ личностей, такъ это въ наше время недостатокъ всѣхъ порядочныхъ людей, — женщинамъ не изъ кого выбирать.

— Понимаю, очень хорошо понимаю эту мысль, mon cher, но все-таки не могу согласиться, — ты самъ себя не понимаешь: ты человѣкъ необыкновенный; въ тебѣ чрезвычайно много непонятнаго. Какъ, позволь тебя спросить, растолковать твои отношенія къ Софи Науновой: любишь ты ее, или нѣтъ?

— Софи Наунова?! — произнесъ Батмановъ:—я не люблю ея и не люблю, можетъ-быть, потому только, что окончательно неспособенъ любить; послѣднее время она вздумала капризничать, мнѣ это надоѣло, и я оставилъ ее въ покоѣ; а жаль: она славная женщина.

— Ну, а m-lle Бетси?

— M-lle Бетси не моя, а твоя...

— Что́, mon cher, моя?! Гдѣ намъ... Я, какъ самъ ты говоришь, умѣю только восхищаться. Успѣхъ, ужъ конечно,

вездѣ будетъ твой; но мнѣ хочется только знать: съ какою ты именно цѣлью ухаживалъ за ней?

— Ахъ, мой добродушный другъ! — воскликнулъ Батмановъ: — я самый безцѣльный человѣкъ; въ жизнь мою никогда не имѣлъ никакой цѣли; живу, потому что живется.

— Не вѣрю, что̀ хочешь говори, не вѣрю: въ отношеніи себя ты имѣешь цѣль.

— Никогда и никакой.

Капринскій пожалъ плечами.

— Можетъ-быть. Ну, какъ же не скажешь, что ты необыкновенный человѣкъ: жить и не имѣть никакой цѣли — это непонятно.

— Да самъ ты какую имѣешь цѣль?

— Охъ, Боже мой, самъ... Конечно, трудно сказать, но я имѣю цѣль.

— А именно?

— Ну, какъ же тебѣ именно опредѣлить?.. Я живу просто для моего удовольствія... Конечно, желалъ бы я жениться, и быть семьяниномъ, и составить себѣ обезпеченное состояніе...

— А я имѣю счастье жить потому только, что родился.

— Ну, mon cher, тяжело такъ жить!

— Конечно, нелегко, — всякому свое: тебѣ хочется драгоцѣнную твою личность продолжать еще въ потомствѣ, а мнѣ и свой-то вѣкъ врядъ ли достанетъ терпѣнья дотянуть.

Капринскій покачалъ многозначительно головой.

Никандръ Иванычъ послѣ такого рода дружественныхъ бесѣдъ всегда оставался очень доволенъ самимъ собой и пріятелемъ, который не острилъ на его счетъ, не говорилъ ему колкостей, но разсуждалъ съ нимъ, что̀, впрочемъ, не всегда повторялось. На Михайлу Матвѣича, какъ увидимъ впослѣдствіи, опять находилъ бычокъ, и онъ снова съ какимъ-то ожесточеніемъ начиналъ нападать на друга. Рѣшившись оставить Наунову, Батмановъ исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на Бетси Жермаковой. По крайней мѣрѣ, я считаю себя въ правѣ это заключить изъ нижеслѣдующаго обстоятельства.

Однажды вечеромъ онъ позвалъ къ себѣ своего камердинера Сидора и задалъ ему довольно странный вопросъ: любитъ ли тотъ пить пуншъ? Сидоръ усмѣхнулся и отвѣчалъ, что любитъ.

— Возьми вотъ со стола десять рублей,—сказалъ Батмановъ:—позови жермаковскихъ лакеевъ, ступай въ трактиръ и напейся съ ними пьянъ.

Лакей выпучилъ глаза.

— Это за что-съ? Я лучше одинъ выпью...

— Слушай, — перебилъ баринъ: — ты напьешься съ ними пьянъ и разспросишь, въ кого ихъ барышня влюблена и за кого ей хочется замужъ... Понимаешь?..

— Понимаю - съ, — отвѣчалъ протяжно лакей и не замедлилъ отправиться.

Нѣсколько словъ объ немъ. Сидоръ былъ замѣчателенъ своею двойственностью: въ трезвомъ состояніи онъ имѣлъ лицо измятое, былъ довольно лѣнивъ, молчаливъ, смиренъ и всѣ свои обязанности исполнялъ флегматически; но, выпивши, совершенно перерождался: дѣлался чрезвычайно энергиченъ, лицо его какъ-то перекашивалось, являлась необыкновенная страсть говорить и разсуждать; но хуже всего было то, что въ подобномъ состояніи онъ дѣлался чрезвычайно склоненъ къ дракѣ съ своимъ братомъ; въ отношеніи же барина, который, какъ зналъ онъ на основаніи прежнихъ опытовъ, не любилъ шутить, становился чрезвычайно услужливъ и начиналъ обыкновенно, безъ всякаго приказанія, исполнять нѣкоторыя барскія привычки: подавалъ ему трубку, тогда какъ у того въ зубахъ была сигара, примащивался стаскивать съ него сапоги, увѣряя, что ему спокойнѣе будетъ раздѣвшись, и часто накрывалъ на столъ, хотя бы это былъ еще десятый часъ утра. Оканчивалось это обыкновенно тѣмъ, что Батмановъ прогонялъ Сидора въ избу, гдѣ онъ почти всегда начиналъ драку съ кучеромъ, а сей послѣдній, получивъ отъ Михайлы Матвѣича, одинъ разъ навсегда, разрѣшеніе, связывалъ буяну веревками руки и ноги и клалъ его въ такомъ положеніи на полати.

До двѣнадцати часовъ Батмановъ ожидалъ своего посланнаго. Наконецъ тотъ прибылъ, и прибылъ совсѣмъ готовый, потому что первоначально поднялъ страшный кашель въ лакейской, засвѣтилъ вдругъ въ залѣ всѣ свѣчи; потомъ опять куда-то пропалъ и, снова явившись, отправился въ буфетъ и началъ тамъ возиться. Батмановъ потерялъ терпѣнье и вошелъ въ залу.

— Что ты тамъ, болванъ, дѣлаешь? Отчего не пришелъ ко мнѣ?

— Хересъ откупориваю-съ,—отвѣчалъ лакей, завинчивая штопоръ въ пробку.

— Да кто тебя за хересомъ посылалъ?

— Я тамъ былъ-съ, а теперь въ погребокъ бѣгалъ: хересу не было-съ.

— Провались ты со своимъ хересомъ! Видѣлъ ли ты жермаковскихъ лакеевъ?

— Видѣлъ,—отвѣчалъ Сидоръ, выставившись наконецъ изъ буфета:—кланяться вамъ приказали,—прибавилъ онъ, ласково подмигнувши.

— Кто кланяться приказалъ? Лакеи, что ли?

— Кто?.. Лакеи-съ? Нѣтъ... Рыломъ еще не вышли!.. Мошенникъ народъ такой, что я и не видывалъ... И господъ ничего не боятся... Изъ трактира къ себѣ зазвали; наливки, разбойники этакіе, подбили еще купить; а въ кухнѣ такую пляску подняли, что тошно стало, и горничныя всѣ прибѣжали, а поваренокъ на торбанѣ игралъ-съ.

— Кто же мнѣ кланяться велѣлъ?

— Барышня-съ.

— Оселъ этакій, неужели же она сама приходила къ вамъ плясать?

— Горничная ихъ сходила... Изволите видѣть, господа шумъ услыхали въ избѣ да и прислали узнать, а тамъ, т.-е., и доложили, что батмановскій человѣкъ въ гости пришелъ, такъ барышня и велѣла спросить, здоровы ли вы-съ, и кланяться вамъ приказала-съ.

Батмановъ слушалъ все это, ходя взадъ и впередъ по залѣ.

— Что же ты про барышню еще спрашивалъ?

— То-есть горничная, изволите видѣть, мнѣ сама про барышню говорила и васъ хвалитъ: все разспрашивала, какъ и что, и все этакое... Дѣвчонка славная-съ, въ Москвѣ у Сихлера училась... меня сразу узнала-съ...

— Что же такое она спрашивала?

— Спрашивала, на комъ вы хотите жениться, къ нашей бы, говоритъ, барышнѣ посватался, — это, изволите видѣть, горничная-то мнѣ говорила...

— Ну, а ты что?

— А я и говорю, есть ли, говорю, у васъ приданое, изволите видѣть: за барина, говорю, въ Москвѣ богатѣющая купчиха шла. Такъ тоже гордобачатъ, голь проклятая,—и сапоговъ-то у половины дворни нѣтъ, только и есть, что рожи толсты. Разбойникъ народъ; то-есть этакихъ озорниковъ и не видывалъ: пьяница на пьяницѣ, воръ на ворѣ, то-есть извините! Я съ ними поссорился: обижать очень стали!.. «Чинъ, говорятъ, у твоего барина малъ, а ты, говорятъ, прошлую осень барскую шинель пропилъ...»—«Нѣтъ, говорю, мошенники, врете, почестнѣе васъ...»,—такъ и въ рыло. Ну, да я и самъ ловко поутюжилъ.

— Передрались, что ли, вы?—спросилъ Батмановъ.

— Было дѣло,—отвѣчалъ лакей съ нѣкоторымъ самодоволь-

ствомъ: — мнѣ поддаваться имъ не приходится,—прямо вамъ скажу-съ, не на того напали.

— Пошелъ спать,—перебилъ Батмановъ.

— Хересу прикажете?—спросилъ лакей.

— Пошелъ спать, тебѣ говорятъ.

— Я пойду, что жъ такое? А ужъ жермаковскимъ не уступлю,—извините: жирно будетъ, какъ всякая бестія станетъ куражиться...

— Пошелъ!—вскрикнулъ опять Батмановъ.

Слуга вышелъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ и захвативъ съ собой бутылку хереса.

Михайла Матвѣичъ не спалъ всю ночь. Поутру, по своему обыкновенію, къ нему заѣхалъ Капринскій: бойкій, развязный, замѣтно уважающій себя на основаніи предыдущихъ бесѣдъ съ другомъ; но на этотъ разъ онъ увидѣлъ въ хозяинѣ совершенно другого человѣка, или, лучше сказать, обычно-насмѣшливаго и холоднаго Батманова.

— Ты все еще хилишь, Мишель? — сказалъ онъ, осматривая внимательно друга.

Батмановъ ничего не отвѣчалъ.

— Начинай выѣзжать, mon cher: что ты все сидишь дома? Воздухъ тебя освѣжитъ.

— А ты, должно-быть, знаешь медицину?—проговорилъ наконецъ Михайла Матвѣичъ.

— Нѣтъ, я не знаю медицины, я не медикъ, а говорю тебѣ по моему наблюденію.

— Твои наблюденія никуда не годятся; я тебѣ давно говорю, что ты имѣешь одно только призваніе въ жизни—восхищаться барышнями.

— Опять захандрилъ... Ахъ, ты, капризный человѣкъ... тебя рѣшительно нельзя понять.

— Пожалуйста, безъ анализа; а то тебѣ жутко придется, если я вздумаю анализировать твою особу.

— Я и не думаю тебя анализировать... Не фыркайте... Поѣдемъ въ клубъ обѣдать—новый поваръ.

— Убирайся ты съ своимъ поваромъ! Лучше поѣзжай сейчасъ къ Жермаковымъ и скажи, что я боленъ и потому долго у нихъ не былъ.

— Для чего тебѣ это? Скажи, такъ и поѣду.

— Чтобы дать тебѣ какое-нибудь занятіе; а то ты шляешься безъ всякой пользы.

— Эхъ, мой милый, ты самъ живешь безъ пользы. Я, впрочемъ, съѣзжу, мнѣ самому побывать у нихъ нужно.

— Отправляйся.

Капринскій уѣхалъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ его Батмановъ получилъ письмо отъ Софьи Николаевны, которое прочитавъ, онъ тотчасъ же одѣлся, велѣлъ закладывать лошадь и началъ ходить по своей залѣ съ замѣтнымъ самодовольствомъ. Письмо, въ самомъ дѣлѣ, было довольно пріятное:

«Прости меня, Мишель, — писала молодая дама: — что я избѣгала тебя: голова моя какъ въ огнѣ, я сама не знаю, что̀ дѣлаю. Пріѣзжай ко мнѣ, пусть презираетъ меня свѣтъ, онъ давно ужъ меня не любитъ; я хочу видѣть тебя и тебя одного молить о пощадѣ. Не губи меня, дни мои сочтены, мнѣ хочется умереть около тебя. Я слышала, что ты боленъ: прости меня, другъ мой,—я все та же, твоя Софья. Я люблю тебя еще больше, но я истерзана, измучена, я больна, Мишель, страшно больна. Я сама не понимаю, что̀ со мной дѣлается: ахъ, какъ я люблю тебя! Ты не человѣкъ, человѣка такъ любить нельзя. У меня недостаетъ силъ бороться съ тобой, я твоя, я вся твоя. У меня нѣтъ ни разсудка ни жизни, ничего нѣтъ, кромѣ тебя».

Батмановъ хотѣлъ-было уже уѣхать, но явился Капринскій.

— Это куда ты снарядился?—спросилъ тотъ:—постой! Куда же ты? Дай мнѣ сказать о порученіи.

— Говори,—отвѣчалъ Батмановъ, натягивая перчатки.

— Во-первыхъ, Бетси говоритъ, что ты не боленъ, а притворяешься и къ нимъ не ѣздишь потому, что тебѣ скучно у нихъ.

— Только?

— Нѣтъ; еще велѣла тебя спросить, какъ идетъ твое перерожденіе: ты, должно-быть, опять у нихъ какую-нибудь штуку выкинулъ; я и понять хорошенько не могъ.

— Хорошо... Прощай!

— Погоди, mon cher, дай выкурить трубку.

— Кури, кто тебѣ мѣшаетъ. Вирочемъ, подай и мнѣ!— проговорилъ Михайла Матвѣичъ Сидору и сѣлъ.

— Я тебѣ на-дняхъ какъ-то говорилъ,—началъ онъ:—что на женщинъ хорошо дѣйствовать дерзостью; но есть другое средство, если первое не удастся: это выдержка.

— Что̀ такое выдержка?

— А вотъ что̀ такое, добрая душа, выдержка: если женщина начнетъ отстраняться, лавировать,—не иди за нею, не преслѣдуй, а брось, — такъ-таки совершенно оставь: въ двѣ недѣли опомнится!

— Конечно, это такъ; но, съ другой стороны, можно и ошибиться: ты бросишь, да и тебя, пожалуй, бросятъ. Ухаживанье—вѣрнѣе.

— Фу! Мерзость какая! Кто жъ нынче ухаживаетъ, кромѣ лакеевъ и лавочниковъ?

— Я говорю не про такое ухаживанье; но думаю, что преслѣдовать женщину...

— Ну, полно пустяки говорить... Ты знаешь мои отношенія къ Науновой?

— Конечно, знаю.

— Знаешь, какъ я велъ себя съ ней въ послѣднее время?

— Ты оставилъ ее.

— Да, и вотъ чѣмъ теперь все кончается... На, читай! Только не изволь никому болтать,—сказалъ Батмановъ и подалъ пріятелю письмо Софьи Николаевны. — Что, невинная душа?—говорилъ онъ, глядя на Капринскаго, у котораго разгорались глаза съ каждой строчкой. — Что, агнецъ простодушный, тактика моя недурна?..

— Это чортъ знаетъ что такое!—вскрикнулъ Капринскій:— ты такой въ женщинахъ счастливецъ, что уму невообразимо! Я бы десять лѣтъ жизни отдалъ. чтобы быть на твоемъ мѣстѣ... Что ты теперь намѣренъ дѣлать?

— Что обыкновенно дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Я знаю только одно, mon cher, — началъ Капринскій глубокомысленно: — что ты совершенно погубишь эту женщину,—вотъ что я только знаю.

— Ничего: она скоро умретъ.

— И ты это говоришь хладнокровно! И тебѣ не страшно это думать о женщинѣ, которая предана тебѣ всей душой!

— Да вотъ развѣ у тебя, чувствительная душа, позаимствую на этотъ разъ сентиментальности и даже, можетъ-быть, выжму изъ глазъ своихъ двѣ-три слезы... Ну, однако прощай! Изволь отправляться домой и не болтай.

— Сегодня повидаемся?

— Можетъ-быть.

— Повидайся и разскажи, что тамъ будетъ... Я чрезвычайно люблю слушать твои варварскія продѣлки.

Этихъ словъ Батмановъ не дослушалъ и ушелъ. Капринскій послѣдовалъ за нимъ. Пріятели поѣхали въ разныя стороны.

Въ передней Науновой Михайлу Матвѣича встрѣтила та же горничная.

— Что Софья Николаевна?—спросилъ онъ.

— Онѣ цѣлую недѣлю больны-съ: позвольте, я доложу...— проговорила горничная и проворно убѣжала.

Черезъ нѣсколько минутъ она пригласила Батманова въ наугольную.

Софья Николаевна полулежала въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ и была чрезвычайно къ лицу одѣта: одна ножка ея, живописно обутая въ бархатную туфлю, далеко вытягивалась по мягкому ковру. Зеленыя шторы на окнахъ были спущены, отъ чего комната освѣщалась какимъ-то пріятнымъ полусвѣтомъ. Запахъ пачули чувствительно щекоталъ обоняніе. При входѣ Батманова хозяйка протянула ему руку, но ни слова не проговорила, а только потупила голову и задумалась. Молодой человѣкъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: онъ вовсе не такого ожидалъ пріема; потомъ взялъ стулъ и сѣлъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Вы больны?—спросилъ наконецъ Батмановъ.

— Да, больна, — отвѣчала Софья Николаевна, глубоко вздохнувъ, и опять задумалась.

Батмановъ началъ кусать себѣ губы: ему никакъ не хотѣлось первому заговорить о главномъ предметѣ.

— Вы тоже были больны?—проговорила наконецъ хозяйка послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Тоже-съ,—отвѣчалъ гость, выходя уже окончательно изъ терпѣнья.

Хозяйка еще разъ и еще глубоко вздохнула; Батмановъ всталъ.

— Что же мы съ вами комедіи, вѣроятно, играемъ?—произнесъ онъ.

Софья Николаевна ничего не отвѣчала и только взглянула на него пристально; но, Боже мой, какъ многозначителенъ былъ этотъ взоръ, какъ ясно въ немъ высказалась мольба, укоръ, грусть, однимъ словомъ, все то, что однѣ только молодыя вдовы умѣютъ выражать своимъ взоромъ; но Наунова и этимъ не ограничилась: она вдругъ зарыдала, совсѣмъ зарыдала, какъ будто слезы давно накопились въ ея глазахъ и у нея уже не стало силъ долѣе владѣть собой. Батмановъ сдѣлалъ гримасу, укусилъ губы до крови, сѣлъ и надулся. Вдова рыдала.

— Въ вашей истерикѣ вамъ гораздо былъ бы полезнѣе докторъ, чѣмъ я,—проговорилъ наконецъ онъ, отворачиваясь въ сторону.

— Мишель, оставь меня, Бога ради, оставь, это выше силъ моихъ!—заговорила наконецъ Софья Николаевна, не переставая рыдать. — Я боюсь тебя, я боюсь себя! Уйди, Бога ради, забудь меня; проклинай, если хочешь, но только оставь.

— Слушайте, Софи,—началъ Батмановъ.—Вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ вы мной играете; но отчего жъ вы были прежде не таковы, откуда взялась эта осторожность? Испу-

гать и обмануть меня трудно: я выросъ изъ щенятъ, у меня есть когти и зубы...

— Убей меня, Мишель, убей сейчасъ, и я благословлю тебя.

— Я не палачъ, но я не оставлю васъ: у меня, ни за мной ни передо мной, кромѣ васъ, нѣтъ ничего; мнѣ нечѣмъ нравственно жить, а послѣдній грошъ человѣкъ дешево не отдаетъ.

— Ты обманываешь меня, Мишель, все обманываешь: ты страшный эгоистъ, ты хочешь только погубить меня.

Вдова закрыла лицо руками; Батмановъ всталъ, подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Софи, — началъ онъ, цѣлуя ея руку: — ты видишь на глазахъ моихъ слезы, а я никогда еще не плакалъ, никогда; даже бывши ребенкомъ, я не плакалъ, а только кричалъ.

На глазахъ молодого человѣка дѣйствительно появились слезы.

— Мишель, другъ мой, женись на мнѣ, я буду твоимъ другомъ, твоей рабой: я не оскорблю тебя взглядомъ, я только буду жить тобой и для тебя.

При этихъ словахъ Батмановъ поблѣднѣлъ и нѣсколько времени смотрѣлъ на вдову, какъ бы желая увѣриться, не съ ума ли она сошла.

— Благодарю васъ за откровенность, — началъ онъ, потупившись и отходя отъ вдовы.—Я самъ вамъ отплачу тѣмъ же; начну съ себя: я ни на васъ ни на комъ въ свѣтѣ не могу жениться, потому что буду имѣть несчастье возненавидѣть до бѣшенства всякую женщину, какъ только она назовется моей женой; а васъ мнѣ ненавидѣть не хочется. Теперь слово объ васъ: если вамъ въ самомъ дѣлѣ хочется замужъ, такъ совѣтую вамъ выбрать человѣка съ общественнымъ авторитетомъ, который своимъ именемъ позакрылъ бы пятна на вашей репутаціи.

При этомъ глубоко оскорбительномъ монологѣ, въ свою очередь, поблѣднѣла Софья Николаевна, или, лучше сказать, она позеленѣла: все лицо ея какъ-то исказилось; грустно-пріятная улыбка какъ бы мгновенно пропала, а глаза ея, эти прекрасные глаза сдѣлались ужъ ни на что непохожи: ни грусти, ни мольбы, ничего въ нихъ не стало видно; они налились кровью и стали очень похожи на глаза раненой гіены; даже волосы, эти роскошные волосы, такъ къ лицу сбитые въ букли, какъ будто бы поднялись дыбомъ, однимъ словомъ—изъ миловидной и грустной дамы, она сдѣлалась страшна.

— Идите отсюда вонъ, Батмановъ! — проговорила она,

сдерживая дыханіе. — Ступайте вонъ! Слышите ль? Я васъ велю выгнать, — закричала она и судорожно вытянулась на стулѣ.

Михайла Матвѣичъ смутился.

— Что жъ вы горячитесь? — началъ онъ, стараясь придать своему голосу спокойный тонъ. — Не могу же я жениться на всѣхъ женщинахъ, которымъ хочется замужъ?..

— Подите вонъ... подлецъ... — вскрикнула опять вдова и вскочила уже въ совершенномъ безуміи, но тотчасъ же упала опять на кресла, начала метаться и рвать на себѣ волосы.

Прибѣжала горничная и подошла-было къ госпожѣ, но та ее такъ сильно толкнула, что она едва удержалась на ногахъ. Батмановъ, пришедшій нѣсколько въ себя, плюнулъ, взялъ шляпу и ушелъ.

V.

Въ домѣ Жермаковыхъ все шло попрежнему: обѣ дамы каждое утро, одѣвшись довольно изысканно, выходили около двѣнадцати часовъ изъ своихъ комнатъ въ гостиную и, въ ожиданіи чьего-нибудь визита, переговаривали о прошлыхъ и грядущихъ балахъ, но больше всего молчали и думали про себя.

Пріѣхалъ управляющій и съ перваго же дня началъ съ Амаліей Петровной по цѣлымъ часамъ бесѣдовать въ ея кабинетѣ. Бетси рѣшительно не интересовалась знать, о чемъ они говорили. Оставаясь почти цѣлый день одна, она пристрастилась къ музыкѣ и все разыгрывала Шуберта, который такое сильное и такое благодѣтельное впечатлѣніе произвелъ на Батманова.

Въ одно утро Амалія Петровна имѣла слѣдующій разговоръ съ своимъ управляющимъ; сама она, при этомъ случаѣ, сидѣла въ креслахъ, управитель тоже сидѣлъ, но только помѣщался на самомъ кончикѣ стула; носъ его сдѣлался еще краснѣе; впрочемъ, вмѣсто гадкаго фрака, на немъ былъ уже новый сюртукъ, а въ карманѣ жилета появились даже серебряные часы на бисерной цѣпочкѣ и съ извѣстною коллекціею печатокъ.

— Я вамъ и прежде, ваше высокородіе, докладывалъ, — началъ Дозоринъ медленно и какимъ-то вкрадчивымъ и мягкимъ голосомъ: — къ успокоенію собственно вашему, ничего тутъ не предстоитъ затруднительнаго; съ вашей стороны, благодѣтельница моя, слѣдуетъ только Лизаветѣ Дмитревнѣ внушить, чтобы онѣ, по молодости своихъ лѣтъ, не поставили намъ точки съ запятой въ этомъ дѣлѣ.

— Когда же онъ сюда пріѣдетъ? — спросила Амалія Петровна.

— Двадцать восьмого февраля, — отвѣчалъ управитель: — прибудутъ они въ свое Марково, гдѣ и пробудутъ первое марта, по тому самому случаю, что это день ихъ рожденія, а тамъ и сюда пріѣдутъ. Камердинеръ ихъ, ваше высокородіе, по настоящее время мнѣ большимъ пріятелемъ состоитъ и, по наперсничеству своему, оказываетъ намъ содѣйствіе, причитая себѣ за это дѣло тысячу рублей на ассигнаціи, яко бы съ тѣмъ, чтобы изъ числа оныхъ, по прибытіи въ здѣшнее мѣстожительство, получить себѣ въ задатокъ пятьсотъ рублей, на что отъ вашего высокородія и имѣю честь испрашивать разрѣшенія.

— Для чего ты все лакеевъ примѣшиваешь, Егоръ Ѳомичъ? Ты привыкъ къ нимъ, а мнѣ гадко даже слышать.

Управитель на нѣсколько времени пріостановился.

— Ваше высокородіе, благодѣтельница моя, — заговорилъ онъ:—осмѣлюсь вамъ объяснить, это дѣло такое, что долженствуетъ начаться съ нижней дистанціи, самъ господинъ такой: съ другимъ дворяниномъ, конечно, можно бы было поступать иначе, а тутъ только съ лакеевъ и пойдетъ дѣло.

— Стало-быть, онъ и состояніе все можетъ лакеямъ отдать?

— Какъ это возможно: упаси его Богъ, онъ человѣкъ въ настоящемъ разсудкѣ. Я ихъ, ваше высокородіе, съ малолѣтства знаю: они, я вамъ объясню, выросли въ загонѣ; жалости подобно было ихъ видѣть въ прежнія времена: при этакомъ состояніи пищи дворянской не имѣли; у папеньки ихняго была тоже, съ позволенія сказать, наперсница, женщина изъ простого званья, но ехидная, наговаривала ему все въ злобу, отъ сына родного отвратила, какъ отъ звѣря лютаго, видѣть дитяти не могъ, лѣтъ до двѣнадцати его держали только-что не въ людской. Звѣзда его послѣ возсіяла тѣмъ, что въ корпусъ попалъ, а то бы совсѣмъ потерялся; когда въ офицеры вышелъ, такъ не только что какой-нибудь авантажъ, обмундироваться было не на что, свои ужъ мужички изъ жалости сложились да принесли ему 300 р.; онъ даже всплакалъ: «ну, говоритъ, братцы, ввѣкъ не забуду вашего благодѣянія». Мы, грѣшные люди, по разуму человѣческому, полагали, что старикъ и отъ наслѣдства его устранитъ: оно бы и было такъ, если бы злодѣйку самоё Богъ ранѣе другихъ не прибралъ. Вотъ вѣдь, ваше высокородіе, какія были первоначальныя обстоятельства: по характеру они человѣкъ слабый, мягкосердный; по сю пору еще помнятъ, кто къ нимъ изъ прислуги былъ поласковѣй, а тѣ этимъ самымъ случаемъ пользуются и

отводятъ его въ другую сторону. Съ Софьей Николаевной у него было тѣсное дружелюбіе, а чѣмъ кончилось!

— Мнѣ кажется, онъ просто никогда и ни на комъ не женится.

— Женится, ваше высокородіе: наше ни въ огнѣ не горитъ ни въ водѣ не тонетъ! Камердинеръ прямо сказалъ: «вы мнѣ, Егоръ Ѳомичъ, посодѣйствуйте, и я васъ не оставлю». Утомилъ я ваше высокородіе своими глупыми рѣчами. Честь имѣю пожелать вамъ здравія и благополучія на многія лѣта. Дай вамъ Богъ скорѣе внучатъ нажить и успокоить ваше материнское сердце.

— Ты развѣ совсѣмъ, Егоръ Ѳомичъ?

— Совсѣмъ, ваше высокородіе: на четверговый торгъ непремѣнно надо быть въ селѣ. Желаю вамъ благополучія. Лизавету Дмитревну не осмѣливаюсь безпокоить: онѣ, какъ я слышу, музыкой изволятъ заниматься. Добраго здравія желаемъ! — проговорилъ управитель, поцѣловалъ у своей благодѣтельницы руку и на цыпочкахъ вышелъ изъ кабинета.

— Егоръ Ѳомичъ, виноватъ-съ,—проговорилъ молодой лакей, насупившись и подавая управляющему шубу.

— То-то и есть виноватъ, безчувственныя вы животныя,— отвѣчалъ Дозоринъ, надѣвая калоши:—третьяго-дня пляску бѣсовскую изволили поднять да драку еще сочинили. За полштофа рады господъ продать.

— Онъ самъ, прохвостъ этакій, въ трактиръ насъ зазвалъ.

— Знаю я, какъ онъ васъ зазвалъ! Съ сегодняшняго дня чтобы духу его не было; да и барина не принимать, канальи этакіе: пьянство да буянство только и есть у васъ въ головѣ.

— Хорошъ и ты, красноносый! — проговорилъ лакей по уходѣ управителя.—Про себя, небось, не говоришь, какъ этта нахлестался на базарѣ, кабацкая затычка!

Пріѣхалъ Батмановъ. Это было на другой день послѣ его свиданія съ Науновой. Лакей, имѣя въ виду приказаніе управляющаго, нѣсколько времени медлилъ докладывать о его пріѣздѣ. Михайла Матвѣичъ пошелъ безъ доклада. Въ залѣ его встрѣтила Бетси.

— А!.. M-r Батмановъ!—вскрикнула она, вспыхнувъ.

— Bonjour, m-lle, — отвѣчалъ тотъ, кланяясь и тоже немного сконфузившись.

— Хотите въ гостиную?

— Ваша воля.

— Ну, такъ походимте здѣсь. Гдѣ вы пропадали?

— Сидѣлъ дома.

— Что жъ вы дѣлали дома?

— Капринскимъ занимался.

— Ну нѣтъ... Зачѣмъ это? Я на-дняхъ только его разсмотрѣла: какое у него непріятное лицо.

— Что жъ дѣлать, если около меня ничего нѣтъ лучшаго.

— А что же, какъ идетъ ваше перерожденіе: впередъ или назадъ?

— Безъ вашего вліянія оно, разумѣется, неподвижно.

— Безъ моего?

— Да, безъ вашего... Что жъ вы такъ удивились?

М-lle Бетси улыбнулась.

— Я все васъ не могу понять, m-r Батмановъ, — начала она:—растолкуйте мнѣ себя: васъ всѣ не любятъ, про васъ всѣ почти говорятъ дурно; вы сами это подтверждаете, а потомъ говорите, что носите маску.

— Вы ловите меня на словахъ; добрыя дѣла надобно дѣлать не думавши: вы можете быть моимъ врачомъ—и лѣчите меня.

— Но врачъ долженъ знать хорошо своего паціента.

— Я вамъ отчасти разсказывалъ свои недуги.

— Но вы однако сказали, что съ вами уже началось перерожденіе.

— Да.

— И его произвелъ Шубертъ?

— Положимъ, что и Шубертъ, но только при вашей игрѣ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте въ гостиную: я вамъ буду играть сколько хотите,—сказала Бетси и пошла.

Батмановъ послѣдовалъ за ней.

Игра молодой дѣвушки на этотъ разъ была еще лучше, и, должно-быть, подъ вліяніемъ еще болѣе живого внутренняго чувства Батмановъ сталъ за нею и перебиралъ нотные листы, и потомъ, въ половинѣ аріи, тихо наклонился, какъ будто бы для того, чтобы внимательнѣе слѣдить ноты, и поцѣловалъ Бетси въ плечо. Та вся вспыхнула, тотчасъ же перестала играть и встала.

— Вы въ самомъ дѣлѣ гадки,—сказала она и сѣла на диванъ.

На глазахъ ея навернулись слезы. Батмановъ покраснѣлъ, силился насмѣшливо улыбнуться, но тщетно. Сверхъ обыкновенія, онъ потерялся и рѣшительно не находился, что ему дѣлать и что сказать. Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы не вошла Амалія Петровна, которая сухо поклонилась все еще стоявшему около фортепіано гостю и принялась за вязанье. Михайла Матвѣичъ взглянулъ-было на Бетси, но она отвернулась; онъ подошелъ и сѣлъ на одинъ съ нею

диванъ; Бетси сначала отодвинулась, а потомъ встала и совсѣмъ ушла.

— Вы были больны? — спросила наконецъ Амалія Петровна.

Батмановъ кивнулъ головой и всталъ.

— Je vous salue,—проговорилъ онъ и ушелъ.

Хозяйка посмотрѣла ему вслѣдъ съ презрѣніемъ.

Бетси прошла въ наугольную, сѣла у окна и заплакала: ей было стыдно и досадно; она чувствовала, что надобно бы было сказать о дерзости Батманова матери и просить ее не принимать его въ домъ, но какимъ образомъ это сдѣлать? Она сама всегда его защищала. Молодая дѣвушка рѣшилась скрыть этотъ случай и наказать дерзкаго презрѣніемъ. Потомъ, стараясь заглушить волновавшія ее чувствованія, принялась прилежно читать французскій романъ, а за обѣдомъ очень много говорила съ Амаліей Петровной, въ чемъ ей именно ѣхать вечеромъ въ собраніе, и объявила, что хочетъ надѣть голубое креповое платье съ богатой кружевной отдѣлкой, которое было еще совсѣмъ новое и въ которомъ она была поразительно хороша.

— Зачѣмъ тебѣ надѣвать сегодня это платье? Оно очень нарядно,—замѣтила мать.

— Такъ развѣ не все равно?

— Я думаю, лучше въ немъ быть въ первый разъ на балѣ у Прохоровыхъ, чѣмъ въ собраніи, гдѣ бываетъ Богъ знаетъ кто.

— Позвольте, maman! Сегодня всѣ будутъ очень нарядны... Я лучше къ Прохоровымъ совсѣмъ не поѣду, а сегодня надѣну это платье.

— Какъ хочешь, тебя не переспоришь,—отвѣчала Амалія Петровна.

Батмановъ возвратился домой въ сильномъ раздраженіи: онъ сбросилъ шубу, шляпу, крикнулъ на подавшаго ему дурно вычищенную трубку Сидора, такъ что тотъ поблѣднѣлъ, спросилъ себѣ бутылку хереса и почти залпомъ выпилъ ее, и ушелъ въ кабинетъ.

Пріѣхалъ Капринскій и спросилъ Сидора:

— Дома?

— Дома,—отвѣчалъ тотъ.

Батмановъ, услыхавши голосъ пріятеля, вскочилъ, заперъ дверь и опять легъ.

Никандръ Иванычъ толкнулся.

— Что ты тутъ сидишь взаперти?

Михайла Матвѣичъ не отвѣчалъ.

— Отопри, mon cher, у меня къ тебѣ есть просьба.

Отвѣта не было.

— Мишель, Бога ради отопри: мнѣ нужно съ тобой переговорить.

Молчаніе.

Капринскій воротился къ Сидору.

— Что онъ тамъ сидитъ?

— Почиваютъ.

— У меня къ тебѣ, Сидорушка, просьба: дай мнѣ старый фракъ барина; меня сегодня ночью обокрали.

Сидоръ не обратилъ никакого вниманія на эти слова Капринскаго: онъ, по какому-то инстинктивному чувству, не любилъ и не уважалъ Никандра Иваныча, тогда какъ тотъ всегда обращался съ нимъ очень ласково.

— Дай поскорѣе, мнѣ пора, — повторилъ Капринскій.— Михайла Матвѣичъ не откажетъ мнѣ въ этихъ пустякахъ.

— Спросите-съ у нихъ.

— Какъ же я могу спросить, когда онъ спитъ?

Сидоръ молчалъ; Капринскій пожалъ плечами, походилъ потомъ по залѣ и опять подошелъ къ запертой двери.

— Мишель, я въ ужасномъ положеніи: меня сегодня ночью обокрали... Вечеромъ надобно ѣхать въ собраніе, а мнѣ рѣшительно не въ чемъ. Одолжи, сдѣлай милость, своего визитнаго фрака... Я сегодня былъ у моей Надежды Алексѣевны и пригласилъ ее танцовать... Пожалуйста, не откажи, онъ мнѣ впору будетъ.

— Убирайся ты,—проговорилъ наконецъ Батмановъ.

— Дай мнѣ фракъ; я уѣду.

Молчаніе.

— Рѣши чѣмъ-нибудь.

Молчаніе.

— Неужели тебѣ жаль?

— Сидоръ!—крикнулъ Батмановъ.

— Чего изволите-съ?—отозвался тотъ.

— Дай ему мой старый фракъ и выпроводи его.

Сидоръ ушелъ.

— Какой твой Сидоръ скотина, Мишель, изъ рукъ вонъ... Ты его ужасно избаловалъ,—говорилъ черезъ дверь Капринскій и потомъ, взявши фракъ, уѣхалъ.

У Никандра Иваныча фракъ не украли, но онъ, не сообразивъ, отдалъ его разутюжить своему портному, который за старый долгъ совсѣмъ его и удержалъ.

Батмановъ цѣлый день сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и даже не обѣдалъ. Часовъ въ 12 вечера онъ вышелъ изъ своей

засады и началъ сбираться въ собраніе. Сидоръ былъ немного выпивши.

— Я фракъ отдалъ-съ,—сказалъ онъ, одѣвая барина.

— Ну...

— Теперь ужъ его не выцарапаешь: пальто еще по осени взяли, по сю пору не отдаютъ.

— Что жъ ты не возьмешь?

— Я разъ двадцать ходилъ за нимъ: все на васъ ссылаются; баринъ, говоритъ, знаетъ,—а фракъ и подавно мнѣ не получить, вся ваша воля...

Когда Михайла Матвѣичъ пріѣхалъ въ собраніе, тамъ танцовали уже пятую кадриль. Кавалеромъ Бетси былъ пріѣзжій изъ Петербурга молодой человѣкъ, затмившій въ послѣднее время всю мѣстную молодежь. Она была въ своемъ новомъ платьѣ дивно хороша и очень весела.

— Я пріѣхалъ просить у васъ прощенія, — проговорилъ Батмановъ вполголоса, подходя къ ней.

Бетси какъ будто бы не слыхала и продолжала говорить съ своимъ кавалеромъ. Михайла Матвѣичъ сдѣлалъ насмѣшливую гримасу и отошелъ.

— Посмотрите, Батмановъ, какъ любезничаетъ вашъ Капринскій, — отнесся къ нему кривой, съ плутовскимъ лицомъ мужчина, по фамиліи Карповъ.

— Я его сейчасъ проучу,—отвѣтилъ Батмановъ.

Никандръ Иванычъ танцовалъ съ Надеждой Алексѣевной и дѣйствительно разсыпался въ любезностяхъ: она была единственная дама, съ которой онъ въ эту зиму танцовалъ. Надобно сказать, что молодой человѣкъ считалъ ее влюбленною въ себя и тайно самъ очень интересовался ею, хотя и отзывался объ ней весьма легко и въ насмѣшку называлъ ее: *моя Надежда Алексѣевна*, вѣроятно, потому, что она не принадлежала къ высшему губернскому кругу, а была только женою управляющаго по откупамъ. Дама эта, несмотря на тридцатипятилѣтній возрастъ, имѣла неимовѣрную страсть танцовать; поэтому можно думать, что она была благосклонна къ Капринскому не столько по какому-нибудь предосудительному чувству, сколько потому, что онъ ангажировалъ ее всегда на четыре кадрили и на мазурку каждое собраніе, въ которое она пріѣзжала. На балахъ Надежда Алексѣевна не являлась, и даже повеселиться въ собраніи ей удавалось только тогда, когда мужъ ея отбывалъ изъ города; онъ былъ ужасно необразованный человѣкъ и большой ревнивецъ.

— Я не понимаю, что вы такое говорите, — говорила Надежда Алексѣевна своему кавалеру.

— Вы не хотите меня понять; но я вамъ говорю, что танцую только съ вами.

— Не можетъ быть, вы танцуете со всѣми.

— Нѣтъ-съ, я слишкомъ старъ, чтобы любить танцовать со всѣми.

— Не говорите, что вы стары; это очень нехорошо; вы, вѣроятно, это смѣетесь.

— Нѣтъ, не смѣюсь, — отвѣчалъ Капринскій и шепнулъ своей дамѣ что-то на ухо: она улыбнулась; въ это время подошелъ къ нимъ Батмановъ.

— Вотъ, Надежда Алексѣевна, молодой человѣкъ, который смѣется совершенно надъ любовью,—сказалъ Никандръ Иванычъ, указывая дамѣ на своего пріятеля.

— Вы смѣетесь надъ любовью? — спросила Надежда Алексѣевна.

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчалъ Батмановъ. — Послушайте, Капринскій, что это вы за низости дѣлаете? — прибавилъ онъ, обращаясь съ серьезнымъ лицомъ къ Никандру Иванычу.

— Что такое?—спросилъ тотъ съ безпокойствомъ.

— Да какъ же что такое? Въ чужомъ фракѣ ѣздите въ общество!

Капринскій поблѣднѣлъ; дама его съ удивленіемъ открыла глаза и рѣшительно не понимала, что все это значитъ.

— Взялъ у меня фракъ и ѣздитъ въ немъ, — говорилъ Батмановъ, обращаясь къ Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Та покраснѣла и потупилась; Капринскій готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Что такое? Фракъ мой!—проговорилъ онъ.

— Вотъ хорошо: вы еще запираетесь? Это, милостивый государь, чортъ знаетъ на что похоже. Сейчасъ же извольте снять мое платье; pardon, m-me, что я употребляю такія средства противъ вашего кавалера: мнѣ фракъ самому нуженъ.

Надежда Алексѣевна вышла изъ кадрили.

— Послушайте, Михайла Матвѣичъ, что это такое? Я не понимаю; кажется, всѣмъ извѣстны наши дружественныя отношенія; можно шутить между собой, но въ обществѣ... — говорилъ растерявшійся Капринскій.

— Кто же васъ зналъ, что вы его присвоите себѣ?

— Но какъ же это возможно? Вы сами знаете причину: неужели вы сомнѣваетесь? Я его завтра же вамъ возвращу.

— Сдѣлайте милость, возвратите: о томъ только васъ и прошу.

Между тѣмъ всѣ почти замѣтили, что Надежда Алексѣевна

вышла изъ кадрили, и что между Батмановымъ и Капринскимъ затѣвается какая-то исторія.

— Что такое вашъ кавалеръ?—спрашивали ее многіе.

— Я и сама не знаю: онъ въ чужомъ фракѣ. Батмановъ требуетъ своего фрака,—отвѣчала она со слезами на глазахъ.

Нѣкоторые смѣялись, другіе пожимали плечами; около пріятелей образовался кружокъ.

— Помилуйте, господа, — говорилъ Батмановъ, обращаясь къ нѣкоторымъ мужчинамъ:—взялъ у меня фракъ, не присылаетъ и ѣздитъ въ немъ въ общество. Имѣю ли я право снять съ него, гдѣ мнѣ угодно?

— По-моему, кажется, имѣете, — проговорилъ вполголоса офицеръ.

— Чего тутъ кажется,—возразилъ Карповъ: — дѣло ясно: вы, Капринскій, должны сейчасъ же отдать фракъ.

— Право собственности можетъ быть вездѣ объявлено,— сказалъ штатскій молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Помилуйте, господа, вникните въ мое положеніе: я признаюсь, что фракъ ихъ, но я взялъ его на время... Прошу васъ, г. Батмановъ, прекратите вашу шутку, я благородный человѣкъ, зачѣмъ же вы хотите меня дурачить? — говорилъ Капринскій.

— Не надѣвайте чужихъ фраковъ, — во всякомъ случаѣ г. Батмановъ правъ,—замѣтилъ Карповъ.

— Извольте сейчасъ снять мой фракъ, въ противномъ случаѣ я во всеуслышаніе объявлю, что вы его у меня украли,— произнесъ твердымъ голосомъ Батмановъ.

— Но послушайте, что же это? — бормоталъ Капринскій и пошелъ изъ залы. Батмановъ вмѣстѣ съ молодыми людьми послѣдовалъ за нимъ.

— Господи Боже мой, я просто уничтоженъ!.. — вскричалъ въ отчаяніи Никандръ Иванычъ, войдя въ буфетъ и бросившись на диванъ.

— Снимайте фракъ,—повторилъ Батмановъ, ставши передъ пріятелемъ съ сложенными руками и нахмуреннымъ лбомъ.— Господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ зрителямъ:—растолкуйте ему, что онъ долженъ мнѣ сейчасъ же возвратить мою собственность, если хочетъ остаться честнымъ человѣкомъ.

— Если вы, Капринскій, рисковали надѣть чужое платье, то должны были и ожидать, что съ васъ могутъ его снять, гдѣ вздумается,—замѣтилъ штатскій молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Въ Москвѣ точно такая же была исторія,—подхватилъ Карповъ:—тамъ, въ клубѣ, одинъ пріятель снялъ съ другого сапоги.

— Такъ неужели же вы думаете, господа, что у меня нѣтъ платья?.. Гораздо болѣе, чѣмъ у него,—я самъ его одолжалъ, онъ самъ былъ мнѣ долженъ полтораста рублей, да я никогда и не говорилъ, — вскричалъ вышедшій изъ себя Капринскій.

— Вы обязывали меня и получили свое, а я теперь свое взыскиваю, — отвѣчалъ Батмановъ: — не такъ ли, господа?— прибавилъ онъ.

— Совершенно справедливо,—отвѣтили всѣ почти зрители.

— Человѣкъ, принеси сюда Никандра Иваныча шубу,— сказалъ Батмановъ. — Снимайте, cher Капринскій, что̀ намъ ссориться изъ-за пустяковъ.

Шубу принесли: Капринскій вскочилъ, какъ полоумный, сдернулъ съ себя фракъ, и, надѣвши шубу, заднимъ ходомъ выбѣжалъ изъ буфета. Хохотъ разразился между зрителями.

— Mercі, Батмановъ, вы удивительную штуку выдумали сыграть съ этимъ идіотомъ,—сказалъ молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я, признаюсь, всегда удивлялся, какъ вы можете терпѣть его около себя,—вмѣшался сидѣвшій въ буфетѣ помѣщикъ съ рыжими усами.

— Онъ и съ вами былъ друженъ,—замѣтилъ ему Карповъ.

— Очень недолго,—возразилъ тотъ.

— Какъ недолго!.. Вмѣстѣ продали Казину шестерикъ безногихъ лошадей.

— Извините, ошибаетесь, я въ этомъ совершенно не участвовалъ.

— Будто? А я, по простотѣ, думалъ, что вы вмѣстѣ обдѣлали это дѣло.

— Иванъ!—крикнулъ Батмановъ:—возьми себѣ фракъ, я не въ состояніи буду его надѣть послѣ этого болвана, и дай намъ полдюжины шампанскаго... Voulez-vous, m-rs?

— Праздновать изгнаніе Капринскаго,—замѣтилъ молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Не безпокойтесь, онъ завтра же всюду явится,—сказалъ кривой.

Собесѣдники пировали, по крайней мѣрѣ, часовъ до шести утра. Михайла Матвѣичъ разсказалъ нѣсколько своихъ происшествій въ родѣ послѣдняго. Въ прославленіе его геройскихъ подвиговъ предложенъ былъ тостъ и единодушно выпитъ.

VI.

Совершенно иначе отозвались о вышеописанной мною исторіи всѣ солидные люди. Въ продѣлкѣ Батманова они справедливо видѣли оскорбленіе общественнаго приличія, не говоря уже о

томъ, что самая выдумка была чрезвычайно пошла и глупа. Во всѣхъ почти домахъ переговорено было объ этомъ происшествіи. Бо́льшая часть молодыхъ людей держали сторону Батманова и говорили, что Капринскій именно стоилъ подобной шутки. На это имъ возражали, что въ этомъ дѣлѣ Капринскаго, какой бы онъ ни былъ, забываютъ, но въ немъ оскорблено общество. Нѣкоторыя молодыя дамы, по большей части изъ числа тѣхъ, на которыхъ Михайла Матвѣичъ не обращалъ никогда никакого вниманія, тоже были обезпокоены послѣднимъ его поступкомъ. Какъ знать, что онъ не рѣшится поставить каждую изъ нихъ въ то непріятное положеніе, въ какое поставлена была имъ Надежда Алексѣевна.

Между тѣмъ оба врага-пріятеля сидѣли по домамъ. Батмановъ чувствовалъ въ нѣкоторой мѣрѣ раскаяніе. Продѣлка его съ Капринскимъ показалась ему самому какъ-то пошла и безцѣльна. «Что́ онъ хотѣлъ этимъ показать? Осмѣять Капринскаго? Но тотъ и безъ того смѣшонъ. Выставить себя въ отношеніи этого барана — небольшая пища для честолюбія, — и наконецъ за что же? Капринскій ничего ему не сдѣлалъ...» Эти мысли Михайла Матвѣичъ высказалъ пріѣхавшимъ къ нему на другой день офицеру и молодому человѣку въ очкахъ.

— Я былъ взбѣшенъ,—говорилъ онъ:—а когда я сердитъ, то мнѣ всегда хочется на комъ-нибудь выместить досаду, а онъ тутъ подвернулся, да еще вздумалъ любезничать съ этой дурой Ахлябовой; а подобныя вещи я не могу видѣть даже въ спокойномъ состояніи равнодушно.

Капринскій первое время не могъ безъ ужаса вспомнить своего безславія. Тысячу способовъ изобрѣталъ онъ, какъ бы оправдать себя передъ обществомъ и отомстить Батманову: вызвать его на дуэль?—но для этого надобно стрѣляться, а онъ во всю жизнь пистолета не бралъ въ руки; подать на него просьбу, но въ чемъ именно на него жаловаться?—онъ взялъ только собственный свой фракъ; подкупить кого нибудь, чтобы Батманова поколотили на улицѣ ночью? — но кто на это согласится?.. Разсудивъ такимъ образомъ, онъ рѣшился избрать болѣе невинное средство: онъ поѣхалъ ко всѣмъ своимъ значительнымъ знакомымъ, разсказалъ имъ подробно все происшествіе, просилъ у нихъ защиты и тутъ же, къ слову, объяснилъ, какъ Михайла Матвѣичъ отзывается о каждомъ изъ нихъ. Всѣ почти единогласно приняли его сторону и обвиняли только за то, зачѣмъ онъ былъ знакомъ и друженъ съ этимъ буяномъ. Никандръ Иванычъ самъ признавался, что дѣлалъ это глупо, и поклялся не только что не быть съ Батмановымъ

на будущее время знакомымъ, но даже избѣгать встрѣчи съ нимъ. Прошло два дня; оба пріятеля-врага получили въ одно время по запискѣ отъ дамъ слѣдующаго содержанія. Батмановъ: «Вамъ предстоитъ опасность... сегодня въ собраніе не ѣздите... васъ хотятъ выключить, и у васъ опять можетъ выйти непріятность. Объ этомъ васъ просятъ во имя Шуберта, который на васъ прежде произвелъ такое доброе вліяніе. Мы не будемъ сегодня въ собраніи». Капринскій: «Одна дама проситъ васъ пріѣхать къ ней: у насъ съ вами общій врагъ, будемте мстить вмѣстѣ... Адресъ мой: въ Ивановской улицѣ, въ домѣ Осипова».

Обѣ записки были безъ подписей, но друзья-враги догадались: Капринскій съ перваго же взгляда увидѣлъ, что это рука Софьи Николаевны, а Батмановъ узналъ человѣка Жермаковыхъ, принесшаго записку. Обоими ими овладѣли почти одинакія чувствованія: Батмановъ пришелъ въ восторгъ; изъ письма онъ увидѣлъ, что Бетси не сердится, не смѣется надъ нимъ, но, безъ сомнѣнія, любитъ его, — иначе что бы могло заставить дѣвушку рѣшиться на подобный подвигъ? Онъ тотчасъ же рѣшился видѣть ее и поѣхалъ къ Жермаковымъ, но его не приняли; черезъ полчаса снова ѣздилъ, и снова ему отказали; въ четыре часа Батмановъ еще разъ отправился, рѣшившись войти безъ доклада, но дверь была заперта, и онъ принужденъ былъ стучаться. Ему отворилъ лакей и, проговоривъ лаконически: «дома нѣтъ-съ», тотчасъ захлопнулъ дверь. Михайла Матвѣичъ простоялъ нѣсколько времени на подъѣздѣ и потомъ, мрачный и задумчивый, возвратился домой, нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, наконецъ не выдержалъ и написалъ къ Бетси письмо:

«М-lle Бетси! Вашимъ великодушнымъ участіемъ вы пристыдили меня: я пріѣзжалъ къ вамъ разъ пять, чтобы лично испросить у васъ прощенія, но меня не принимаютъ. Я не поѣду сегодня въ собраніе потому только, что вы не будете тамъ; но на первый балъ, званый обѣдъ, родственный и семейный вечеръ, хоть бы это было въ совершенно незнакомомъ домѣ, гдѣ будете вы, я явлюсь, и меня, рады или не рады, но примутъ — въ этомъ я ручаюсь... Умоляю васъ, напишите мнѣ, гдѣ вы будете сегодня, завтра, иначе я поѣду ко всѣмъ вашимъ знакомымъ и буду спрашивать: здѣсь m-lle Бетси? Если здѣсь—войду, а нѣтъ—въ другой домъ поѣду; это не удастся—сяду у вашего крыльца на вашихъ львовъ и буду дожидаться до тѣхъ поръ, покуда меня пустятъ».

Письмо это Батмановъ велѣлъ Сидору во что бы то ни стало передать по принадлежности; но тотъ сталъ втупикъ.

— Мнѣ нельзя туда итти, Михайла Матвѣичъ, меня прикалотятъ, — проговорилъ онъ.

— Хоть бы двадцать разъ убили, такъ ступай, — рѣшилъ Батмановъ.

— Они меня совсѣмъ изобьютъ: ихъ много.

— За что же тебя изобьютъ?

— Да я, этта, какъ мы подрались, у кучера по нечаянности валькомъ весь поперекъ отшибъ — и на козлы лазить не сможетъ.

— Что же такое, и они тебя били?

— Били-съ, а теперича грозятся...

— Нечего разсуждать, пошелъ,—сказалъ Батмановъ.

— Денегъ хоть пожалуйте, я лучше ихъ въ трактиръ вызову, — благоразумно придумалъ Сидоръ.

Батмановъ далъ ему десять рублей. На этотъ разъ Сидору и деньги, видно, были не въ радость, потому что онъ, положивъ ихъ въ карманъ и надѣвъ свою шинель, махнулъ рукой и, очень разстроенный, медленнымъ шагомъ отправился въ трактиръ.

Въ этотъ день поутру къ Жермаковымъ пріѣзжалъ нѣкто Твиновъ, человѣкъ уже немолодой, но еще холостой и имѣющій большую претензію нравиться женщинамъ. Всѣхъ молодыхъ людей, являющихся въ общество, онъ терпѣть не могъ и постоянно отзывался объ нихъ очень дурно. Амаліи Петровнѣ онъ, впрочемъ, нравился, потому что нѣкоторымъ образомъ напоминалъ молодыхъ людей ея времени: строго соблюдая правила приличія и вѣжливости, онъ скорѣе бы, кажется, умеръ, чѣмъ позволилъ себѣ курить при дамахъ; въ жизнь свою не манкировалъ ни однимъ визитомъ, за что и имѣлъ въ городѣ прозваніе «визитника», и наконецъ очень любилъ употреблять въ разговорѣ французскія слова или даже цѣлыя фразы.

— Я въ ужасъ прихожу, mesdames, отъ нашего общества,— проговорилъ визитникъ.

— Что такое? — спросила Амалія Петровна.

— Я говорю про исторію Батманова: c'est affreux, mesdames.

— Да, это какія-то глупости.

— Comme de raison, mesdames, я согласенъ, что глупости, что этотъ m-r... est un fat... mais... Знаете ли вы существенную причину этому?

— Я даже и не слыхала хорошенько, — замѣтила Амалія Петровна съ пренебреженіемъ.

— Я знаю всю эту исторію en détails, она тривіальна въ

высшей степени. Батмановъ занялъ у Капринскаго par droit d'amitié полтораста рублей... вообразите, quelle grande somme; но, по обыкновенію своему, конечно, не отдавалъ. Капринскій ухитрился, выпросилъ у него на фасонъ фракъ и оставилъ у себя; voyez, comme c'est vilain, comme c'est bas; но г-ну Батманову захотѣлось возвратить свой фракъ, и онъ разсказалъ нѣкоторымъ молодымъ людямъ de sa volée, что Капринскій укралъ у него фракъ.

— Какъ это низко! — вскрикнула старшая хозяйка.

— Вполнѣ согласенъ, но... par malheur, все это справедливо,—подхватилъ Твиновъ:—распустивши такой слухъ, этотъ господинъ подходитъ къ несчастному Капринскому, который танцовалъ съ Ахлябовой, и прямо sans cérémonie говоритъ ему: «сними мой фракъ». Imaginez, mesdames, положеніе дамы: она съ тѣхъ поръ больна; но этого еще мало, — къ нему пристала цѣлая фаланга его друзей, и почти насильно увели этого бѣдняка въ буфетъ, и, pardon, mesdames, on lui a oté son frac.

Амалія Петровна пожала плечами.

— Что жъ наши старшины думаютъ, что жъ они-то дѣлаютъ?

— Теперь всѣ согласились не принимать его никуда въ дома, и если явится въ собраніе, то вывести. Я въ этомъ случаѣ долженъ признаться: первый объявилъ мое мнѣніе à haute voix.

— И прекрасно сдѣлали, — сказала мать: — это ни на что не похоже.

— Невозможно, mesdames, это общественный dérangement; послѣ этого невозможно выѣзжать дамамъ; мнѣ, конечно, Богъ съ ними, но я въ этомъ дѣлѣ принимаю участіе въ дамахъ; зачѣмъ же мы ихъ заставимъ сидѣть дома. C'est impitoyable.

Во всемъ этомъ разговорѣ Бетси не принимала никакого участія, хотя Твиновъ, разсказывая, и относился къ ней нѣсколько разъ. Наконецъ гость уѣхалъ; мать и дочь нѣсколько времени молчали.

— Какъ я рада этому, — проговорила почти сама съ собою Амалія Петровна.

— Чему же вы тутъ рады, maman? — спросила Бетси.

Въ голосѣ ея слышалась такая задушевная досада, что Амалія Петровна сначала даже нѣсколько сконфузилась и потомъ посмотрѣла на дочь.

— Что жъ вы меня такимъ образомъ спрашиваете? Я, кажется, старше васъ немного и имѣю право на болѣе вѣжливый тонъ.

— Что же я вамъ такое сказала? Я спросила только, чему вы радуетесь.

— Я радуюсь, — начала съ удареніемъ мать: — что вашего Батманова не будутъ пускать въ общество, вотъ чему я радуюсь.

— Я не вижу еще, что васъ можетъ тутъ радовать...— возразила Бетси опять.

— Нѣтъ, ты знаешь, что мнѣ тутъ пріятно, но это тебѣ не нравится, потому что мы, къ несчастью, никогда съ тобою не сходимся въ мнѣніяхъ.

— Не могу жъ я, maman, согласиться, что какой-нибудь Твиновъ — умный человѣкъ, потому только, что онъ болтаетъ по-французски и сплетничаетъ.

— Мы говоримъ не о Твиновѣ: онъ человѣкъ приличный, вѣжливый и не замаралъ себя еще ни въ одной исторіи, какъ дѣлаютъ это ваши герои, за которыхъ дѣвушкѣ не только неприлично вступаться, но даже говорить объ нихъ.

— Я еще ничего не сказала, maman, и не понимаю, за что вы сердитесь.

— Я сержусь на то, что вы находите какое-то удовольствіе спорить со мной: я больше вашего видѣла людей и лучше ихъ понимаю.

— Батмановъ уменъ, добръ и благороденъ, а что онъ шалитъ, такъ молодые люди всѣ шалятъ, — проговорила Бетси.

— Выходите за него замужъ, если онъ такъ вамъ нравится. По крайней мѣрѣ, я никогда не позволю себѣ назвать его своимъ сыномъ.

— Къ несчастью, онъ еще не сватается.

— Посватайтесь сами, это нынче въ модѣ.

— Отчего жъ не посвататься? Къ Овцынину же сватаетъ меня вашъ управляющій.

— Что же, вы хотите укорить меня этимъ?

— Я ничего не хочу.

— Какъ ничего не хотите?.. Вы желаете говорить мнѣ колкости за то, что я забочусь о вашемъ счастьѣ. Впрочемъ, вы совершенно свободны, я васъ не стѣсняю. Вы можете бѣжать, обвѣнчаться съ вашимъ Батмановымъ. Я давно вамъ не нужна. Слова мои давно не имѣютъ для васъ никакой цѣны.

На этомъ мѣстѣ Амалія Петровна остановилась — она очень разстроилась. Бетси замолчала и ничего уже не возражала матери, которая вскорѣ ушла въ свою спальню. Молодая дѣвушка, оставшись одна, сѣла-было за фортепіано, но, взявши нѣсколько аккордовъ, остановилась: ее начало мучить раскаяніе; она подошла къ спальнѣ и осторожно взглянула въ за-

мочную скважину. Амалія Петровна сидѣла задумавшись за своимъ письменнымъ столомъ.

Бетси рѣшилась попросить у ней прощенія; нѣсколько минутъ она медлила; наконецъ собрала силы и вошла. Амалія Петровна почти не взглянула на нее; Бетси сѣла противъ матери.

— За что же вы, maman, разсердились на меня. — сказала она.

Амалія Петровна ничего не отвѣчала и только понюхала табаку.

— Пустой разговоръ, и вы огорчились; я думаю, говорить можно все.

— Все можно,— отвѣчала Амалія Петровна: — можете даже съ матерью браниться.

— Какъ же, maman, браниться? Чѣмъ же вы меня ставите?

— Тѣмъ же, чѣмъ и ты меня.

— Я васъ всегда, maman, любила и уважала, — что жъ я такое сказала?

— Вы ничего не сказали, вы только говорите, что я сватаю васъ за Овцынина.

— Да развѣ это не правда, maman?

— Конечно, правда: я только удивляюсь, какъ вы больше не сказали.

— Мнѣ нечего больше сказать.

— Какъ нечего? Я бы даже совѣтовала вамъ сказать, что я васъ продаю и сбываю съ рукъ.

— Мнѣ и во снѣ этого не снилось, Богъ съ вами, — проговорила дѣвушка.

На глазахъ ея навернулись слезы.

— Отчего жъ вамъ не снилось? Вы сами такъ умны, такъ образованы, имѣете такой правильный взглядъ на вещи, что, кажется, я съ своими совѣтами вовсе вамъ не нужна,—и будемте жить такъ. Для чего вамъ слушать меня? Я отжила ужъ свой вѣкъ; конечно, я больше вашего видѣла, но видѣла все такое старое, что не могу даже судить объ людяхъ.

Въ продолженіе всего этого монолога Бетси болѣе и болѣе терялась: слезы у нея ручьемъ текли по щекамъ; она встала.

— Maman, простите меня, я виновата,— проговорила она, протягивая къ матери руки, но та сидѣла неподвижно.

— Чѣмъ же вы виноваты? — произнесла она холодно.

— Простите, maman, не сердитесь, — сказала еще разъ Бетси.

— Я не сержусь, — отвѣчала Амалія Петровна и позвонила.

Бетси тотчасъ же сѣла на дальній стулъ и торопливо обтерла слезы.

Амалія Петровна пришедшему лакею велѣла накрывать на столъ и сама вышла изъ спальни. Долго молодая дѣвушка сидѣла въ неподвижномъ положеніи, но наконецъ, тяжело вздохнувши, встала и ушла къ себѣ въ комнату и здѣсь, оставшись одна, снова залилась горькими слезами. Гнѣвъ ли матери, оскорбленное ли чувство симпатіи къ человѣку, котораго всѣ порицали и котораго она, можетъ-быть, любила, вызвали эти обильныя слезы — я не знаю, но только Бетси долго плакала, потомъ написала вышеупомянутую записку, позвала свою горничную и упросила передать ее Батманову. Обѣдать она не пошла. Въ это самое время пріѣзжалъ Батмановъ, но ему, какъ мы знаемъ, отказывали. Амалія Петровна еще ранѣе того распорядилась, чтобы его не принимали. Бетси ничего объ этомъ не знала: съ матерью она не видалась цѣлый день. Къ вечеру ей было доставлено письмо Батманова черезъ ту же горничную, которая пояснила, что къ нимъ приходилъ батмановскій лакей, пьяный, изъ трактира, съ ихъ кучеромъ и поваромъ, что баринъ ему далъ пятьдесятъ рублей, велѣлъ угостить всю ихъ дворню и попросилъ передать письмо.

Вечеромъ Бетси написала и отправила къ Батманову еще записку:

«Вы неисправимый человѣкъ! Я начинаю не шутя бояться... Искать меня не смѣйте, а пріѣзжайте въ четвергъ на горы, — тамъ устраивается катанье, и я буду. Въ другомъ мѣстѣ васъ не примутъ,—даже меня преслѣдуютъ за то, что я за васъ заступаюсь. Зачѣмъ вы затѣяли эту глупую исторію съ гадкимъ Капринскимъ?»

Капринскій между тѣмъ былъ, въ свою очередь, очень доволенъ письмомъ Софьи Николаевны: онъ понялъ его совершенно въ свою пользу и разсудилъ самъ съ собой такимъ образомъ:—«Она разлюбила Батманова, хочетъ его, вѣрно, пренебречь и отомстить ему тѣмъ, что полюбитъ меня. Можетъ-быть, я ей давно нравлюсь, это ужасно его взбѣситъ, онъ цѣлый годъ ухаживалъ и ничего не успѣлъ, а я, не хлопотавши, достигнулъ цѣли». Съ такого рода пріятными надеждами пріѣхалъ Никандръ Иванычъ къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вы узнали вашу незнакомку? — сказала хозяйка, подавая ему руку.

Она была блѣдна и очень похудѣла.

— Я прежде имѣлъ честь знать, гдѣ вы изволите жить, — отвѣчалъ Капринскій.

— Mercі, что не отказались... Садитесь, — проговорила Наунова.

Капринскій сѣлъ и устремилъ на интересную вдову нѣжный взоръ.

— Что съ вами сдѣлалъ Батмановъ? — спросила она.

Капринскій пожалъ плечами.

— Если вы изволили слышать... Я не понимаю, что такое... Онъ сумасшедшій человѣкъ.

— Вы его очень ненавидите?

— Конечно-съ... Какъ я ни мало дорожу его мнѣніемъ, но, сами согласитесь, это было въ обществѣ, хоть я и надѣюсь, что благородные люди увидятъ съ его стороны одно только глупое сумасшествіе.

— Нѣтъ, онъ не сумасшедшій; онъ имѣлъ цѣль, онъ хотѣлъ васъ навсегда уронить въ глазахъ всѣхъ.

— Что онъ это думалъ, съ этимъ я согласенъ, Софья Николаевна, потому что отъ его озлобленнаго ума ничего другого ожидать нельзя; но я увѣренъ, что наше общество давно его поняло.

— Нѣтъ, Капринскій, вы еще молоды; вы не знаете общества: оно скорѣе проститъ человѣку все, кромѣ смѣшного. Во всей этой исторіи вы были смѣшны, и довольно... Оно васъ презритъ.

Капринскій сомнительно покачалъ головой.

— Но что же мнѣ было дѣлать? Представьте себѣ, если бы я пріѣхалъ на балъ или куда-нибудь въ приличномъ видѣ, и вдругъ бы на меня кинулся сумасшедшій человѣкъ и сбилъ бы меня съ ногъ,—неужели бы общество не разсудило, что я не виноватъ?

— Оно до тѣхъ поръ вамъ не проститъ, покуда вы не расквитаетесь... Вы должны мстить...

— Я готовъ мстить, даже очень этого желаю, потому что меня самого это безпокоитъ, но какимъ образомъ?..

— Дайте ему сами пощечину молча, ни слова не говоря.

— Но, сами согласитесь, Софья Николаевна, это опять новая исторія, чего я желаю избѣгать, и полагаю, что мы, при нашихъ непріязненныхъ отношеніяхъ, нигдѣ съ нимъ не будемъ встрѣчаться.

— Найдите случай.

— Случай можно найти, но что изъ этого выйдетъ?.. Между нами произойдетъ опять глупая алярма, въ которой проиграю я, потому что онъ вдвое меня сильнѣе.

Софья Николаевна горько улыбнулась.

— Вы дайте пощечину и убѣгите, — сказала она.

— Вы, т-те, шутите: убѣжать въ подобныхъ случаяхъ невозможно и безполезно, потому что онъ ужасный человѣкъ... Онъ рискнетъ на все, а мнѣ, признаюсь, умирать для удовольствія г-на Батманова не хочется... Я считаю себя выше его; для него всякій скандалъ ничего не значитъ, потому что онъ объ этомъ только и думаетъ; но я ищу другого...

Говоря послѣднія слова, Капринскій старался придать себѣ важный и солидный видъ, вовсе не свойственный ему.

Наунова вдругъ встала.

— Прощайте!—сказала она:—извините, что я васъ побезпокоила... Я въ васъ ошиблась, я думала, что вы благородный, храбрый молодой человѣкъ, способный мстить вашему врагу; но вы... вы... даже не мужчина.

Никандръ Иванычъ покраснѣлъ.

— Софья Николаевна, я не отказываюсь отъ мести, но только придумываю, какимъ образомъ сдѣлать это удобнѣе, и нельзя ли пріискать другого средства.

— Другого средства нѣтъ... Если вы вызовете его на дуэль,—онъ васъ убьетъ. Заранѣе обдумывать нечего, будьте только готовы, а случай самъ придетъ.

— Я готовъ, — отвѣчалъ протяжнымъ голосомъ Капринскій.

Софья Николаевна нѣсколько минутъ пристально посмотрѣла на него.

— Bien obligée,—сказала она, протянувъ ему руку, которую Капринскій поцѣловалъ съ большимъ чувствомъ.

— Отчего я ранѣе не имѣлъ счастья пользоваться вашимъ драгоцѣннымъ знакомствомъ, Софья Николаевна!—сказалъ онъ. — Все это время я считаю погибшимъ для себя.

— Вы сами не хотѣли.

— Нѣтъ, тутъ были другія причины: ѣхать къ вамъ я не рѣшался, но зналъ и понималъ васъ давно и душевно страдалъ за васъ.

— А что?

— Я говорю насчетъ Батманова.

— Вы знали наши отношенія?

— Онъ мнѣ все передавалъ.

— Что же онъ вамъ говорилъ?

— Все-съ, какъ обыкновенно между друзьями бываетъ. Онъ даже показывалъ мнѣ ваши письма, и показывалъ, конечно, съ насмѣшкой. Я готовъ былъ убить его въ эту минуту. Смѣяться и хвастаться любовью дамы — по-моему— низко.

Вдова вспыхнула.

— Не говорилъ ли онъ вамъ чего-нибудь о нашемъ послѣднемъ свиданіи?

— Все говорилъ, и я, конечно, понималъ, что вы—жертва, и удивлялся, какъ вы, съ вашимъ умомъ, не можете понять этого человѣка... У него ничего нѣтъ завѣтнаго, онъ никакихъ благородныхъ чувствъ не имѣетъ...

— Я ошибалась въ немъ... Впрочемъ, онъ, я думаю, много вамъ на меня лгалъ: онъ ужасный лгунъ.

— Онъ лгунъ закоснѣлый,—подхватилъ Капринскій:—желая себя вездѣ выказать, онъ выдумываетъ и изобрѣтаетъ иногда то, чего совсѣмъ не бывало.

Бесѣда новыхъ знакомыхъ продолжалась еще часа два. Софья Николаевна замѣтно кокетничала съ Капринскимъ: она припомнила всѣ случаи, когда она его видѣла, полу-не-вѣрила ему, когда тотъ начиналъ ей разсказывать, какъ онъ думалъ объ ней безпрерывно и какъ каждый день сбирался къ ней пріѣхать и открыть ей истину про пріятеля. При прощаньи она напомнила ему объ мести.

Никандръ Иванычъ возвратился домой съ двумя совершенно противоположными чувствованіями: съ одной стороны, онъ былъ въ восторгѣ отъ молодой вдовы. Первый разъ въ жизни онъ имѣлъ такія лестныя и пріятныя отношенія съ одною изъ лучшихъ дамъ города. Но, съ другой стороны, она желала, чтобы онъ мстилъ Батманову:—«Это пустяки и рѣшительно невозможно! Съ Батмановымъ опасно быть знакомымъ, а тутъ подставляй ему свой лобъ, — слуга покорный... Какія всѣ женщины фантазерки! Теперь я съ ней познакомился, это очень хорошо: ей непремѣнно надобно растолковать, что она должна пренебречь этимъ человѣкомъ, и что, съ моей стороны, глупо рисковать на новую ссору, — это совсѣмъ не въ моемъ характерѣ. Батмановъ не кто-нибудь другой: онъ съ перваго раза, одной своей наружностью, внушилъ мнѣ страхъ. Я боялся наперекоръ слово сказать ему, а теперь давай ему пощечину. Мнѣ даже въ общество нѣкоторое время не надобно выѣзжать, а то онъ, пожалуй, узнаетъ, что я разсказалъ про него въ нѣкоторыхъ домахъ, и опять придерется. А что она говоритъ, что онъ унизилъ меня въ глазахъ всѣхъ,—пустое! Казинъ за лошадей мнѣ больше непріятностей надѣлалъ, да прошло, давно всѣ и забыли. Жениться на ней было бы недурно: Батмановъ справедливо ее хвалилъ, онъ знатокъ въ женщинахъ. Какъ ее можно сравнить съ Надеждой Алексѣевной?— та дрянь противъ нея».

VII.

Въ настоящую зиму въ О. были устроены, для удовольствія общества, горы, на которыхъ катались въ особо остроумно придуманныхъ небольшихъ саночкахъ. На эти саночки дамы обыкновенно садились, а кавалеры вставали на задокъ и имѣли возможность держаться. Вначалѣ на горы ѣздили очень многіе, но потомъ вышло нѣсколько непріятныхъ исторій: такъ, напримѣръ, подъ одной дѣвицей, на половинѣ горы, санки перевернулись, и она принуждена была скатиться внизъ головой. Другой разъ неизвѣстно кто въ продолженіе ночи выкопалъ огромную яму и весьма искусно закрылъ ее сверху тонкимъ льдомъ: нѣсколько человѣкъ проѣхали благополучно; наконецъ вздумалъ прокатиться Прохоровъ, человѣкъ почтенный, богатый и очень толстый, и на бѣду еще вмѣстѣ съ женой, дамой тоже достаточно полной: ледъ не стерпѣлъ и проломился. Надобно себѣ представить удивленіе и смѣхъ зрителей, когда всѣми уважаемые Прохоровы, очень хорошо катившіеся сверху, вдругъ провалились, или, лучше сказать, совсѣмъ пропали: наверху остались только резиновая калоша мужа и муфта супруги. Къ нимъ, конечно, бросились сейчасъ же и едва ихъ вытащили; они были сконфужены и огорчены, и оба порядочно ушиблись: у самого Прохорова была разбита губа, а супруга повредила себѣ весь лѣвый бокъ. Будь это просто яма и они бы, ѣхавши, попали въ нее,—это бы еще ничего, но эта яма нарочно выкопана и, можетъ-быть, собственно для нихъ была предназначена, это—ужасно! Прохоровъ послѣ не могъ равнодушно вспомнить объ этомъ непріятномъ случаѣ и заклиналъ всѣхъ, кого хотя немного любилъ и уважалъ, не ѣздить на горы, потому что онѣ, по его словамъ, были какія-то мошенническія логовища. Отчасти убѣдительныя слова его, отчасти и другія происшествія сдѣлали то, что лучшая часть публики оставила совершенно горы, и на нихъ катались только на собственныхъ полушубкахъ различнаго званія и рода мальчишки; но и этихъ обыкновенно будочникъ всегда прогонялъ, приговаривая: «Я вамъ, черти этакіе».

Передъ самой масленицей пріѣхала изъ Москвы къ роднымъ нѣкая молоденькая вдова, княгиня Полина Ухванская, женщина, говорятъ, совсѣмъ львица. Въ одну недѣлю она пріучила молодыхъ дѣвицъ и дамъ курить самыя крѣпкія папиросы и пить цѣлыми бокалами шампанское; затѣвала даже катанье тройками, съ тѣмъ, чтобы кучерами сидѣли дамы въ

амазонкахъ и круглыхъ мужскихъ шляпахъ, а мужчины за дамъ, говоря, что это очень мило и оригинально, и что она щегольски правитъ тройкою. Маменьки и мужья никакъ, впрочемъ, на это не согласились, находя, что подобное удовольствіе даже опасно для жизни.

— Такъ что жъ, мы должны задыхаться въ вашихъ душныхъ залахъ?—сказала Ухванская, топнувъ своей маленькой ножкой.

— По-моему, лучше опять возобновить катанье на горахъ, — проговорилъ кто-то.

— А здѣсь есть горы? — спросила княгиня: — c'est charmant, я безъ памяти люблю горы...

Сказано и сдѣлано: въ одинъ часъ она подбила все молодое поколѣніе, и, какъ ни вопіялъ Прохоровъ, катанье было назначено въ четвергъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы съѣхавшееся въ двѣнадцать часовъ на горы общество было многочисленно, — это были: княгиня съ своею кузиною, которую она ужъ совсѣмъ съ толку сбила; молодая дама въ почтенномъ положеніи, съ мужемъ, не привыкшимъ никогда и ни въ чемъ ей отказывать; дама среднихъ лѣтъ, которой мужъ тоже ничего не запрещалъ, потому что даже не считалъ за нужное знать, гдѣ она, съ кѣмъ и что дѣлаетъ; пожилая дама съ четырьмя дочерьми, пріѣхавшая въ городъ доставить дѣтямъ удовольствіе и, главное, выдать ихъ замужъ, которая вслѣдствіе этого и ѣздила всюду, куда только ее пускали и гдѣ предполагала, что будутъ молодые люди; и наконецъ гувернантка съ дѣтьми. Молодые люди были отчасти знакомые намъ, а именно: офицеръ, молодой человѣкъ въ очкахъ и еще одинъ молодой человѣкъ съ необыкновенно курчавыми волосами, котораго прочіе называли Сержъ Газаевъ. Начали кататься: Ухванская въ щегольской шубкѣ, отдѣланной соболемъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, съ папироской во рту, начала съ своею кузиною первая и сбиралась уже скатиться седьмой разъ.

Пріѣхала Бетси, одна, безъ матери, и замѣтно разстроенная.

— Bonjour, chère Бетси, — быстро проговорила княгиня, пожимая ей руку. — Смотрите, Газаевъ, — отнеслась она къ курчавому юношѣ, сѣла въ санки, махнула хлыстомъ, свистнула и покатилась.

— Маменька ваша?.. — отнеслась къ Бетси мать четырехъ дочерей.

— Она не такъ здорова, — отвѣчала Бетси.

— Я никакъ не рѣшаюсь скатиться,—проговорила съ глубокимъ сожалѣніемъ молодая дама въ почтенномъ положеніи.

Подъѣхалъ Батмановъ; Бетси измѣнилась въ лицѣ. Михайла

Матвѣичъ въ модномъ пальто, обвязанный пунцовымъ кашемиромъ, началъ взбираться по лѣстницѣ. Дама молодая, дама среднихъ лѣтъ и мать семейства, всѣ переглянулись между собой. На лицахъ всѣхъ пробѣжало неудовольствіе: мужъ молодой дамы тотчасъ сѣлъ рядомъ съ нею; мать подозвала къ себѣ всѣхъ дочерей и велѣла имъ стать ближе къ ней, говоря, что тутъ не такъ вѣтрено; Бетси одна осталась на прежнемъ мѣстѣ; Батмановъ взошелъ и слегка всѣмъ поклонился; на его поклонъ отвѣтили только мужчины и Бетси; онъ сѣлъ около нея.

— Какъ мало нужно для счастья человѣка! — началъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Что?—спросила Бетси, какъ бы не разслушавъ или не понявъ его словъ.

— Я сегодня всю ночь, все утро былъ такъ счастливъ, что готовъ заплатить за эти минуты полжизнью: мнѣ даже не вѣрится, и представляется, что все это сонъ.

— Отчего же?

— Надеждами я мало избалованъ.

— Зачѣмъ такъ? Это отъ насъ зависитъ: у меня, я не знаю, сколько надеждъ: пускай онѣ не удаются, я имъ вѣрю.

— Вы и я — два полюса.

— Зачѣмъ же вы такъ отдаляете себя: я думаю, напротивъ.

— Вы и себя и меня обманываете.

— Нѣтъ, я вѣрю въ васъ.

Въ это время появилась Ухванская, раскраснѣвшаяся, едва переводя дыханіе отъ усталости, и опять уже приготовлялась было кататься, но замѣтила Батманова.

— Кто это? — спросила она офицера.

— Батмановъ, здѣшній левъ, — отвѣчалъ тотъ.

— А... онъ недуренъ: отчего же его нигдѣ не видать?

— Его здѣсь всѣ боятся и не принимаютъ.

— Право?.. Это очень мило. Поѣдемте со мной, становитесь назадъ,—сказала она и снова усѣлась; кавалеръ помѣстился на задкѣ.

— Adieu, mesdames! — воскликнула княгиня и покатилась; но на половинѣ горы, будто ненарочно, толкнула кавалера; тотъ не устоялъ и кувыркомъ слетѣлъ съ горы, а она, заливаясь смѣхомъ, скатилась.

Всѣ хохотали, даже самъ упавшій, хотя онъ немного и прихрамывалъ.

— Княгиня, просто, неудержима,—проговорилъ онъ, всходя.

Другіе члены общества начали разъѣзжаться: молодая дама рѣшилась наконецъ прокатиться вмѣстѣ съ мужемъ, но съ

тѣмъ, чтобы тотчасъ же уѣхать домой; мать семейства и дама среднихъ лѣтъ уже отправились. Главною причиною отъѣзда этихъ особъ было присутствіе Батманова, который, съ своей стороны, ни на кого не обращалъ вниманія и сидѣлъ около Бетси. Подъѣзжали еще два-три экипажа, но сидѣвшія въ нихъ дамы, посмотрѣвъ только издали, уѣзжали: причина этому была та же. Ухванская и ея кузина катались безпрестанно: послѣдняя, какъ ни старалась совладать съ собою, но всегда съ половины горы начинала визжать, продолжая это до самаго конца. Что касается до княгини, то она, по очереди, брала молодыхъ людей, ставила на задокъ своихъ саней и потомъ неожиданно сталкивала. Никто изъ нихъ не могъ удержаться, — остался одинъ только Батмановъ.

— Угодно? — отнеслась къ нему княгиня.

Батмановъ нехотя всталъ.

— Съ тѣмъ, чтобы вы меня не сталкивали,—сказалъ онъ.

— Не знаю, я очень люблю сталкивать.

— А если вамъ не столкнуть меня? — произнесъ Михайла Матвѣичъ съ увѣренностью.

— Увидимъ, — отвѣчала княгиня: — вставайте.

Батмановъ подошелъ.

— Вы, должно-быть, сильны, — проговорила она: — и потому должны держаться одной рукой, а другою курить... вотъ вамъ папироса.

Бетси смотрѣла на всю эту сцену съ боязливымъ участіемъ, напоминающимъ участіе средневѣковыхъ дамъ, когда тѣ присутствовали на турнирахъ, откуда ихъ возлюбленные выходили или со славою побѣдителя, или — съ безчестіемъ побѣжденнаго. Между тѣмъ Батмановъ, не отвѣчая княгинѣ, взялъ у ней папиросу и сталъ назади. Поѣхали; на половинѣ горы Ухванская попробовала отдернуть его руку, но тщетно: рука какъ будто приросла; княгиня пыталась еще нѣсколько разъ, Батмановъ устоялъ и, съѣхавши, подалъ дамѣ руку. Молодые люди ему аплодировали, даже гувернантка одобрительно улыбнулась и проговорила: «gut».

Бетси была въ восторгѣ; съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила она побѣдителя и глазами указала на прежде занимаемое имъ мѣсто. Батмановъ сѣлъ.

— У васъ просто желѣзныя руки, я свои объ нихъ всѣ изломала,—проговорила княгиня и, какъ бы съ досады, толкнула молодого человѣка въ очкахъ на гору; тотъ, конечно, никакъ не могъ удержаться и покатился на ногахъ, но не устоялъ и, хлопнувшись на спину, прокатился такимъ образомъ до конца.

Княгиня, ея кузина, Бетси и дѣти вмѣстѣ съ гувернанткой хохотали.

— Устойте, чтобы я не столкнула васъ, — сказала Ухванская, обращаясь къ Батманову.

— Нѣтъ, удержаться невозможно, а на ногахъ устою, — отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя устоять, — замѣтилъ Газаевъ.

— Нѣтъ, устою-съ, — отвѣчалъ Батмановъ и всталъ.

— Посмотримъ,—проговорила княгиня и, насколько достало у ней силы, толкнула его.

Онъ быстро покатился на ногахъ, нѣсколько времени качаясь изъ стороны въ сторону. Бетси замерла и вся превратилась въ зрѣніе. Батмановъ скатился благополучно. Аплодисментъ снова раздался.

— Это удивительно, вы молодецъ, — проговорила Ухванская: — постойте, я сама попробую скатиться на ногахъ, — прибавила она и тотчасъ же пустилась, но упала: шляпка ея свалилась, она ушибла руку, — впрочемъ, ничего: встала, захохотала и, какъ ни въ чемъ не бывало, поправивши себѣ волосы, взбѣжала на верхъ горы. — Не могу больше, очень устала, довольно, — сказала она и сѣла. — Messieurs, — прибавила она:—мы всѣ устали и озябли, принесите намъ шампанскаго; mesdames, я васъ не выпущу.

— Es ist mir unmöglich, — проговорила гувернантка.

— Вы ступайте: дѣти намъ не нужны; они только послѣ болтаютъ. Я, кузина, Бетси, — вы останетесь, Бетси?

Бетси недоумѣвала, но Батмановъ взглянулъ на нее, и она согласилась. Офицеръ поѣхалъ за шампанскимъ.

— Мы должны, mesdames, раздѣлиться, — продолжала княгиня:—m-r Батманову хочется сидѣть съ Бетси, и прекрасно—сидите; къ кузинѣ командируетесь вы, m-r въ очкахъ: вы, должно-быть, ученый, любезничайте съ ней и даже можете поэкзаменовать ее, она ничего не знаетъ. Вы, Газаевъ, ко мнѣ и говорите со мной о любви.

Всѣ повиновались ей. Такимъ образомъ Батмановъ остался опять съ Бетси вдали отъ прочихъ; княгиня громко начала допрашивать своего кавалера, сколько разъ и въ кого именно онъ былъ влюбленъ, и громко хохотала, когда тотъ не совсѣмъ впопадъ отвѣчалъ.

Кузина ея, изъ подражанія, тоже громко говорила съ своимъ кавалеромъ что-то о любви. Батмановъ и Бетси начали разговаривать вполголоса.

— Какъ вы сильны! — сказала Бетси.

— Я силенъ, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Я очень люблю, когда мужчина силенъ,—это ваша принадлежность.

— Вы думаете?

— Да... Мужчина долженъ быть силенъ, храбръ и твердъ,— это необходимо: иначе онъ смѣшонъ... Нравится вамъ княгиня?

— Нѣтъ.

— Почему? Она очень мила.

— Слишкомъ бойка... У женщинъ тоже есть своя принадлежность — скромность.

— А что̀ за женщина Наунова? Вы должны ее хорошо знать, — спросила нерѣшительно Бетси.

— Она очень зла.

— Неужели это правда?

— Да... Теперь она подговариваетъ какихъ-то господъ затѣять со мной исторію.

— Съ вами? За что?

— Не знаю, такъ ей хочется.

— Зачѣмъ это, Батмановъ, вы дѣлаете?

— Я ничего не дѣлаю.

— Но если у васъ опять будетъ какая-нибудь непріятность?

— Изъ всѣхъ въ жизнь мою непріятностей я выходилъ благополучно... Авось и въ этомъ случаѣ не потеряюсь.

— Пренебрегите всѣмъ этимъ, Батмановъ, если не для себя, то для меня...—Послѣднее слово Бетси произнесла почти шопотомъ.

— Извольте, я буду уступать, сколько возможно...

— Честное слово?

— Честное слово.

Явилось шампанское.

— Très bien, m-r,—воскликнула Ухванская и велѣла непремѣнно откупорить бутылку со взрывомъ: пробка выскочила, княгиня первая подставила бокалъ, но вино разбушевалось и облило ее.—Ничего,—говорила она, отряхивая платье:—я очень люблю эти пятна... За здоровье нашего прекраснаго общества! — произнесла она торжественно. — M-r Батмановъ, какъ побѣдитель, долженъ пить первый и непремѣнно стаканами.

Батмановъ молча взялъ стаканъ и, не переводя духу, выпилъ его.

— Чудесно пьетъ, — проговорила княгиня: — я никакъ не могу такъ скоро. M-r въ очкахъ, вы что̀ же церемонитесь?

Подражательная кузина выпила тоже бокалъ; княгиня заставила и Бетси, какъ та ни отговаривалась. Ухванская, впрочемъ, этимъ не удовлетворилась: она хотѣла, чтобы дамы еще выпили по бокалу. Бетси отказалась наотрѣзъ, даже

кузина совершенно не могла, и потому княгиня ограничилась тѣмъ, что налила мужчинамъ еще по стакану и себѣ бокалъ.

— Не пейте,—проговорила Бетси своему кавалеру; но онъ уже выпилъ однимъ залпомъ.

— Превосходно пьетъ, — воскликнула княгиня: — chère Бетси, перемѣнимтесь кавалерами: мой очень смиренъ.

— Я тоже смиренъ, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Не думаю,—отвѣчала Ухванская:—но, впрочемъ, оставайтесь... Я своего, можетъ-быть, какъ-нибудь одушевлю... Выпейте еще вина, вы будете любезнѣе.

— Я теперь ужъ сталъ любезенъ,—отвѣчалъ ея кавалеръ.

— О чемъ вы задумались?—спросила Бетси Батманова.

— Мнѣ досадно на себя: — отчего я не могу быть такъ счастливъ и доволенъ собой, какъ эти господа, — отвѣчалъ онъ, указавъ глазами на прочихъ молодыхъ людей.

— Вы не должны имъ завидовать, вы выше ихъ.

Батмановъ горько улыбнулся.

— Половину жизни моей,—началъ онъ:—я прожилъ такъ.. даромъ... не дѣлая ничего... и только проматывая свой умъ, сердце и состояніе... Я бѣденъ душой и средствами... Перспектива моя домотать остальное... Встрѣча съ вами, сами вы,—все это оживило меня... Были минуты, когда я начиналъ предаваться мечтамъ, начиналъ надѣяться на возможность любить и жить хоть сколько-нибудь по-человѣчески, но это только минутныя чувства — за будущее я не ручаюсь...

Весь этотъ монологъ Бетси прослушала внимательно.

— Вы для меня загадка, — сказала она.

— Не мудрено... Я самъ себя не понимаю.

— Мнѣ все кажется, что вы клевещете на себя.

Батмановъ опять задумался.

— Пойдете ли вы за меня замужъ, если я къ вамъ посватаюсь? — спросилъ онъ, взглянувъ пристально на Бетси.

Она сконфузилась и проговорила тихимъ голосомъ:

— Исправьтесь.

— А если невозможно, если мнѣ суждено остаться на всю жизнь такимъ, каковъ я есть,—побоитесь вы сдѣлаться моей женой, или нѣтъ?

— Не знаю, — отвѣчала дѣвушка.

— Mesdames, messieurs!— воскликнула княгиня, вставая:— мы сегодня очень хорошо провели время... Поѣдемъ, кузина, намъ пора на блины къ Прохоровымъ... Merci за шампанское, оно очень вкусно... Adieu, Бетси.

Проговоря это, Ухванская уѣхала вмѣстѣ съ кузиной, а за

ними тронулись и другіе молодые люди. Батмановъ и Бетси сидѣли на прежнихъ мѣстахъ.

— Вы не хотите дать рѣшительнаго отвѣта на мой вопросъ? — началъ онъ.

— На этотъ вопросъ, Батмановъ, страшно отвѣчать... Мнѣ хотѣлось бы узнать васъ лучше и испытать васъ.

— Узнавайте, испытывайте... Испытаній я не боюсь, потому что упрямъ въ томъ, что̀ задумалъ.

— Одного упрямства мало... Однако мы одни... Прощайте...

— Когда жъ мы увидимся?

— Я напишу; исправьтесь, — проговорила Бетси и подала Батманову руку.

Сѣвши въ сани, она еще разъ оглянулась и кивнула ему привѣтливо головой.

Въ то время, какъ Батмановъ торжествовалъ на горахъ, Капринскій обнаружилъ ничѣмъ не извинительную въ молодомъ человѣкѣ трусость. Въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней онъ сидѣлъ дома во избѣжаніе непріятной встрѣчи съ прежнимъ пріятелемъ. Въ четвергъ поутру онъ получилъ отъ Софьи Николаевны записку, которой сначала обрадовался, но, прочитавъ, задумался.

«Сегодня катанье на горахъ,—писала Наунова:—тамъ будутъ всѣ: Батмановъ тоже будетъ съ своей Бетси. Вамъ непремѣнно надобно дать ему теперь же урокъ. Ожидаю васъ отмстившимъ за себя и за меня».

Нѣсколько времени Никандръ Иванычъ ходилъ въ раздумьѣ; потомъ торопливо раздѣлся, надѣлъ старый теплый халатъ, повязалъ голову, легъ въ постель и велѣлъ посланнаго Софьи Николаевны позвать къ себѣ. Тотъ явился. Это былъ огромнаго роста кучеръ, весь заросшій черными волосами.

— Потише, не стучи, — сказалъ Никандръ Иванычъ слабымъ голосомъ, какимъ говорятъ тяжко-больные.—Какъ тебя, любезный, зовутъ?

— Терентій, — пробасилъ кучеръ.

— Кланяйся, Терентьюшка, Софьѣ Николаевнѣ и скажи ей, въ какомъ ты положеніи меня видѣлъ... Сегодня ночью чуть не умеръ, отвѣта написать даже не могу, ты передай ей все это... Передашь?

— Чаво-съ?— спросилъ кучеръ, видно, не имѣвшій способности понимать съ одного разу, что̀ ему говорятъ.

— Можешь ли ты передать Софьѣ Николаевнѣ, что я болѣнъ?

— Гля-че.

— Что̀ же ты скажешь?

— Чаво-съ?

— Ты видишь, что̀ я теперь дѣлаю... что̀ я теперь дѣлаю?

— Ничего не дѣлаете.

— Не то, что ничего... я Лежу... лежу я, или нѣтъ?

Эти слова Никандра Иваныча почему-то показались кучеру очень смѣшны, и онъ, не церемонясь, захохоталъ.

— Знамо, что лежите,—проговорилъ онъ.

— Ну, такъ ты и скажи, что былъ у меня, я призывалъ тебя, и ты засталъ меня въ постели... Другой день, братецъ, ничего не ѣмъ и не сплю... Какъ только будетъ получше, — самъ пріѣду извиниться... Ты водку пьешь?

— Гля-че не пить.

— Ну, такъ въ другой разъ, когда придешь ко мнѣ, я тебѣ поднесу, а теперь ступай.

Кучеръ пошелъ.

— Терентьюшка, подожди, милый, я лучше записку напишу,—крикнулъ Капринскій.

Терентій воротился и сталъ въ дверяхъ.

— Охъ, грудь стрѣляетъ...—говорилъ Никандръ Иванычъ, вставая и подходя къ письменному столу.—Ты, милый, подожди тамъ, въ прихожей, — отнесся онъ къ посланному, но тотъ стоялъ и не двигался.—Подожди въ прихожей,—повторилъ Капринскій.

Терентій наконецъ уразумѣлъ и вышелъ. Никандръ Иванычъ написалъ:

«Милостивая государыня
«Софья Николаевна!

«На пріятное письмо ваше съ душевнымъ прискорбіемъ долженъ васъ увѣдомить, что я, послѣ незабвеннаго свиданія съ вами, прикованъ жестокимъ воспаленіемъ во всемъ моемъ существѣ къ одру болѣзни. Не могу описать, какъ я мучусь, что не могу исполнить вашего приказанія; хотя умирающій человѣкъ и долженъ прощать врагамъ, но я извѣстному вамъ человѣку за его поступки съ вами не могу простить. Очень бы хорошо, если бы вы доставили мнѣ тѣ письма, которыя онъ писалъ къ вамъ, чтобы показать его у Жермаковыхъ въ настоящемъ свѣтѣ. Вы должны имъ пренебречь, потому что онъ надъ вами всегда смѣялся, а есть люди, которые съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя. Простите изліянію моихъ чувствъ,—они невольно вылились изъ моей груди. Человѣкъ вашъ видѣлъ, въ какомъ я положеніи, и онъ вамъ скажетъ. Я теперь больной, покинутъ всѣми, и не желалъ бы никого видѣть, кромѣ васъ; но на это счастье не смѣю надѣяться».

Отдавая посланному письмо, Никандръ Иванычъ опять улегся на постель, повторилъ снова прежнее приказаніе на словахъ и наградилъ его пятиалтыннымъ.

VIII.

Неутомимая княгиня въ то же утро, которое я описывалъ, успѣла изобрѣсть еще новое удовольствіе—маскарадъ для членовъ общества, съ тѣмъ, чтобы всѣ были въ маскахъ; но чтобы кто-нибудь не явился не принадлежащій къ обществу, то каждый пріѣзжающій долженъ былъ объявлять потихоньку свою фамилію одному почтенному и совершенно скромному старшинѣ. Это новое удовольствіе она проектировала на блинахъ у Прохоровыхъ, къ которымъ пріѣхала съ катанья. Бывшимъ тутъ дамамъ вообще понравилась эта мысль. Самъ всѣми уважаемый хозяинъ нашелъ эту затѣю болѣе приличною и пріятною, нежели катанье на горахъ. Вся бывшая у него публика единогласно избрала его въ тѣ молчаливые старшины, которому должны будутъ объявлять свои фамиліи посѣтители, а дамами взята была съ него клятва не измѣнять имъ и никому не говорить ихъ именъ. Прохоровъ поблагодарилъ за сдѣланную ему честь и сказалъ, что оправдаетъ ихъ довѣренность и будетъ молчаливъ, какъ могила. Тотчасъ же были разосланы объявленія ко всѣмъ членамъ.

Амалія Петровна, получивъ эту повѣстку, встревожилась: въ маскарадѣ ей быть хотѣлось, но она съ дочерью, послѣ недавней размолвки, почти ни слова не говорила, и наконецъ когда и какой приличный костюмъ приготовить для себя и для Бетси въ такое короткое время? Пересиливъ себя, она позвала дочь и показала ей объявленіе. Бетси сначала прочитала его равнодушно, но потомъ обрадовалась.

— Мы поѣдемъ, *maman*?—спросила она.

— Я думаю,—отвѣчала мать.

— Поѣдемте.

— Но въ чемъ же мы поѣдемъ?

— У меня костюмъ готовъ: я надѣну темное шелковое платье съ мантильей и поѣду.

— Тебя узнаютъ сейчасъ.

— Мнѣ все равно; я хочу только быть.

— Надобно придумать что-нибудь позамысловатѣе.

— Придумайте.

— Мы успѣемъ сдѣлать домино,—проговорила Амалія Петровна.

— Одинакія?—спросила Бетси.

— Зачѣмъ же одинакія? Я надѣну, будто молоденькая, палевое, а ты, подъ видомъ старухи, черное.

— Если мы будемъ ходить вмѣстѣ съ вами,—насъ узнаютъ.

— Отчего же узнаютъ?

— По походкѣ.

— Ты можешь отъ меня отойти, когда войдемъ въ залу.

— Я буду ходить съ Прохоровой, тогда насъ никакъ ужъ не узнаютъ.

— Хорошо,—отвѣчала мать:—я пойду приготовлять.

Амалія Петровна ушла; Бетси тотчасъ же написала Батманову записку:

«Вы желали меня видѣть: я сегодня буду въ маскарадѣ въ черномъ домино, на рукѣ у меня будетъ пунцовая лента; пріѣзжайте, но такъ, чтобы васъ никто не узналъ; пріѣзжайте попозже и ненадолго, а то вы опять сочините исторію...»

Софья Николаевна, получивъ письмо Капринскаго, очень разсердилась: глаза ея опять начали наливаться кровью, но потомъ она расплакалась и легла въ постель. Принесли объявленіе о маскарадѣ, вдова тоже рѣшилась ѣхать и, видно, имѣла для этого какую-то особенную цѣль, потому что въ ту же минуту послала свою горничную къ единственной въ городѣ портнихѣ — m-me Сохиной, работавшей на все высшее о... общество, и велѣла узнать поподробнѣе, не присылали ли ей Жермаковы что-нибудь готовить къ маскараду для Бетси, а если присылали, то что̀ именно. Горничная разузнала и доложила барынѣ, что отъ Жермаковыхъ приносили - было передѣлывать изъ старыхъ платьевъ два домино: одно черное — для барышни, а другое палевое — для самой старухи, но что мадамъ только скроила, а шить не взялась, потому что завалена работой такъ, что теперь у ней, кромѣ своихъ ученицъ и мастерицъ, работаютъ подмастерья и нѣсколько мальчиковъ отъ знакомаго портного, но что и при всемъ этомъ врядъ ли справятся къ вечеру съ заказами.

Батмановъ узналъ о маскарадѣ изъ письма Бетси. Къ нему самъ Прохоровъ запретилъ нести повѣстку.

— Это сокровище, а не женщина,—говорилъ Мишель, перечитывая десять разъ записку. — Но что̀, если, въ самомъ дѣлѣ, эти господа вздумаютъ меня не пустить? Надобно будетъ сдѣлать исторію... но она этого не хочетъ.

Батмановъ рѣшился какъ-нибудь обмануть и тотчасъ же началъ хлопотать о костюмѣ. Первоначально онъ, подобно многимъ другимъ, отправился къ бывшему антрепренеру театра, но у того уже ничего не нашелъ, все было разобрано: послѣдній парикъ съ красными штанами былъ только-что от-

данъ кому-то за пять рублей серебромъ. Батмановъ началъ самъ сочинять нарядъ: онъ собственными руками распоролъ свой шелковый халатъ и, съ помощью Сидора, сшилъ изъ него костюмъ капуцина. У квартирной хозяйки были выпрошены черные шелковые чулки; туфли замѣнили башмаки; лицо свое Батмановъ предназначилъ прикрыть самодѣльною маскою изъ чернаго атласа.

Въ девять часовъ въ маскарадъ начали съѣзжаться, а въ десятомъ зала уже была полна. Нельзя сказать, чтобы костюмы были разнообразны: изъ дамъ было очень много мышекъ и домино, а изъ мужчинъ — нѣсколько черныхъ плащей, два кучера, черкесъ, красные штаны, но бо́льшая часть были одѣты во фракахъ, шляпѣ и маскѣ. Одинъ только Прохоровъ стоялъ у входа не замаскированный: къ каждой новопріѣзжей маскѣ онъ обращался съ вѣжливымъ, но серьезнымъ вопросомъ: «Кто вы такіе?» — Маска шептала ему на ухо свое имя; Прохоровъ, значительно улыбнувшись, протягивалъ руку по направленію къ залѣ и кланялся.

Все шло хорошо; вошелъ капуцинъ.

— Ваша фамилія?—спросилъ Прохоровъ.

— Капринскій,—отвѣчала маска.

— Вы г-нъ Капринскій?—повторилъ старшина.

— Точно такъ,—отвѣчалъ пискливымъ голосомъ капуцинъ.

Прохоровъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ недоумѣнія, поклонился и протянулъ руку.

Съѣхавшіяся маски весьма интересовались другъ другомъ, каждый старался узнать кого-нибудь: подходили, заговаривали, и заговаривали, конечно, неестественнымъ голосомъ, заглядывали подъ маски, осматривали даже руки, чтобы догадаться по кольцамъ. Удачны ли были догадки, или нѣтъ, но только всѣ узнаваемые кивали отрицательно головой и отходили. Одну только княгиню и ея кузину сейчасъ же всѣ узнали: первую потому, что она была неподражаемо-блистательно одѣта въ костюмъ Рогнѣды, въ которомъ она, какъ извѣстно было всему обществу, фигурировала въ одномъ изъ московскихъ маскарадовъ; кузину же ея узнали вслѣдствіе того, что она, хоть и на скорую руку, но была одѣта точь въ точь, какъ и княгиня, и ни на шагъ отъ нея не отходила. Черное домино съ пунцовой лентой ходило съ значительно полной маской въ костюмѣ турчанки изъ персидскихъ шалей, а палевое — съ дамой въ русскомъ нарядѣ. Вошла еще дамская маска, и маска очень интересная, — въ родѣ гречанки; лицо ея было старательно закутано бѣлой вуалью. Она обошла всю залу и съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ смотрѣла на всѣ маски

въ черныхъ домино; наконецъ остановилась невдалекѣ отъ турчанки, съ которой было все то же черное домино съ пунцовой лентой на рукѣ; домино обернулось; гречанка кивнула головой и подошла къ нему.

— Bonsoir, m-lle Бетси,—проговорила гречанка.

Домино покачало отрицательно головой.

— Два слова о Батмановѣ, — проговорила шопотомъ гречанка.

— Je ne vous comprends pas, — отвѣчало домино нерѣшительнымъ голосомъ.

Гречанка покачала головой.

— Сядемте здѣсь,—продолжала она, беря домино за руку, которое нѣсколько минутъ колебалось, но, увидѣвъ, что турчанка въ жаркомъ объясненіи съ маской въ черномъ фракѣ, отошла и сѣла возлѣ гречанки.

Читатель, вѣроятно, догадался, что это были Бетси и Наунова.

— Я хочу васъ предостеречь, васъ жестоко обманываютъ,— сказала гречанка.

— Я не знаю, кто вы?—отвѣчала Бетси.

— Возьмите эти два письма и прочитайте въ уборной. Онъ на-дняхъ писалъ ихъ къ одной женщинѣ, — сказала Наунова и сунула двѣ записки въ руку Бетси, прибавивъ:— Пойдемте со мной...

Домино и гречанка ушли изъ залы въ уборную.

Бетси тотчасъ же начала читать.

— Mercі,—проговорила она, возвращая письма Софьѣ Николаевнѣ.

— Теперь вы узнали меня?

— Да, mercі...

— Два слова еще: вы любите его?

— Нѣтъ.

— Скрываете; онъ вамъ нравится?

— Напротивъ, я смѣюсь надъ нимъ,—отвѣчала Бетси.

— А я его ненавижу.

— Потому что вы его любили.

— Прежде—да, а теперь—нѣтъ. Онъ мнѣ ненавистенъ,— забудьте и вы его.

— Я никогда объ немъ и не думала.

— Не вѣрю.

Бетси ничего не отвѣчала и сѣла на диванъ.

— Adieu, — проговорила гречанка, пожала ей руку и ушла.

Молодая дѣвушка осталась одна и долго бы, кажется, про-

сидѣла на своемъ мѣстѣ, если бы въ уборную не явилась полная турчанка въ персидскихъ шаляхъ.

— Я сбилась съ ногъ, chère Бетси, искавши васъ: que faites-vous ici?

— Je m'arrange,—отвѣчала Бетси и подала дамѣ руку.

Обѣ онѣ вышли въ залу, въ которой уже начали танцовать.

— Угодно со мной танцовать, beau masque? — спросилъ капуцинъ Бетси.

Она внимательно посмотрѣла на него, кивнула отрицательно головой и прошла далѣе.

— Что съ вами, Бетси, вы дрожите?—спросила турчанка.

— Я, должно-быть, простудилась на хорахъ,—отвѣчала та.

— Ахъ, ma chère, какъ вы неосторожны: надобно сказать Амаліи Петровнѣ...

— Ничего не говорите, пройдетъ... Пойдемте въ тѣ комнаты,—отвѣчала Бетси, торопливо уводя турчанку изъ залы...

Въ сосѣдней комнатѣ къ нимъ подошелъ Прохоровъ съ высокимъ въ шляпѣ мужчиной, глухо закутаннымъ въ шелковый плащъ.

— Головой парирую, что вы не узнаете, кто это?—сказалъ онъ турчанкѣ.

М-me Прохорова — это была она — внимательно осмотрѣла замаскированнаго, который молча ей поклонился.

— М-г Парузинъ,—проговорила она.

Маска покачала головой.

— Иванъ Кузьмичъ!

— Ни тотъ ни другой,—подхватилъ Прохоровъ.

— Г-нъ Розовъ, — сказала турчанка.

— Взгляните лучше на аграфъ плаща,—замѣтилъ скромный старшина.

Маска торопливо закрыла застежку, но m-me Прохорова уже замѣтила: въ аграфѣ былъ вставленъ огромный солитеръ, осыпанный кругомъ брильянтами.

— Ah, à présent je sais... Давно ли здѣсь?—вскрикнула она.

Замаскированный продолжалъ отрицательно качать головой.

— Не скрывайтесь, знаю, и въ восторгѣ, что вижу васъ,— говорила Прохорова, подавая ему руку.

— Пойдемте, я удивлю вами другихъ, — сказалъ Прохоровъ и увелъ маску въ залу.

Бетси, въ продолженіе всего этого разговора, не спуская глазъ, глядѣла на незнакомца.

— Кто это? — спросила она у своей спутницы.

— Не могу сказать.

— Je vous en prie.
— Не могу.
— Я знаю.
— Кто?
— Овцынинъ.
— Ну да.
— Я пойду его интриговать.
— Allez: знаете ли вы его тайны?
— Очень много, — отвѣчала Бетси.

Между тѣмъ Прохоровъ отправился уже на свой постъ; плащъ стоялъ одинъ въ залѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку,—сказала Бетси, подходя къ нему.

— Съ удовольствіемъ... Но кто вы, прекрасная маска?— отвѣчалъ тотъ, подавая ей руку.

— Догадывайся... Пойдемъ въ тѣ комнаты, я съ тобой хочу много говорить...

Они пришли въ диванную и сѣли.

— Давно ли ты пріѣхалъ?
— Я никуда не ѣздилъ отсюда.
— Не скрывайся, я тебя знаю и сейчасъ же опишу тебя.
— Сдѣлайте милость...
— Ты здѣсь счастливѣе всѣхъ: ты богатъ, добръ, благороденъ.
— Вы мнѣ льстите, маска.
— Въ маскарадахъ не льстятъ, а говорятъ всегда правду... Слушай: тебя всѣ хвалятъ, тебя всѣ любятъ, но я хочу спросить тебя: кого ты самъ любишь?
— Я люблю всѣхъ.
— Ты не понялъ моего вопроса: я тебя спрашиваю, кто та счастливица, которую ты больше всѣхъ любишь?
— Этотъ вопросъ...
— Черезчуръ нескроменъ... Ты мнѣ не хочешь довѣрить, но я сама тебѣ покажу примѣръ откровенности: хочешь узнать мою тайну?
— Очень...
— Я... — начала Бетси и остановилась: голосъ ея немного задрожалъ.—Я,—продолжала она:—люблю одного человѣка, но этого не знаетъ ни онъ, ни свѣтъ, ни близкіе мои, и здѣсь многіе думаютъ, что я влюблена въ другого...
— Кто жъ этому причиной?—спросилъ плащъ, или, откровеннѣе сказать, Овцынинъ, котораго начали, видимо, интересовать слова маски.
— Я сама скрываю, меня удерживаетъ самолюбіе; мнѣ кажется, что онъ не любитъ меня: я бѣдна; недурна собой, но

и не красавица, а за нимъ ухаживаютъ всѣ, и онъ мнѣ еще ни разу не показалъ, съ своей стороны, никакого особаго вниманія.

— Вѣроятно, это произошло отъ неувѣренности.

— Можетъ-быть; но это дурно для него и для меня: теперь ему говорятъ обо мнѣ такіе люди, которые только унижаютъ меня въ его глазахъ своимъ участіемъ,—это мнѣ досадно!..

Овцынинъ конфузился.

— Я буду умолять васъ сказать мнѣ, кто вы? — проговорилъ онъ.

— Больше того, что̀ я сказала тебѣ, ты не услышишь отъ меня: теперь твоя очередь...

Плащъ молчалъ.

— Говорите сейчасъ, или я буду раскаиваться въ своей откровенности.

— Я люблю одну дѣвушку,—началъ Овцынинъ нетвердымъ голосомъ:—и давно сдѣлалъ бы предложеніе, если бы надѣялся на взаимность.

— Тебѣ отвѣтитъ взаимностью каждая дѣвушка. Кто она? Опиши мнѣ ея наружность...

— Я не умѣю описывать, но она лучше всѣхъ, и я бы былъ очень счастливъ...

— Скажи хоть какой-нибудь одинъ признакъ ея.

— Какой же признакъ?..

— Напримѣръ, брюнетка или блондинка она?

— Блондинка.

— А брюнетку ты забылъ?

— Брюнетку?!. — повторилъ Овцынинъ.

— Да, Наунову.

— Вы смѣетесь надо мной, маска.

— Ты не хочешь быть со мной вполнѣ откровененъ, — скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, забылъ ты ее или нѣтъ?

— Забылъ.

— Прощай, не любопытствуй узнать, кто я: ты этого никогда не узнаешь; оставайся здѣсь и не преслѣдуй меня, — проговорила Бетси и оставила кавалера.

Войдя въ залу, она подошла къ Прохоровой.

— Я его ужасно заинтриговала, — сказала она. — Je vous en conjure: cachez lui mon nom.

— Soyez tranquille: il vous reconnaîtra sans cette precaution.

— Mais je vous supplie, ne lui dites pas.

— Je ne dirai pas.

— Adieu... Мы сейчасъ ѣдемъ... Если онъ намекнетъ на

меня, — увѣрьте его, что меня нѣтъ въ маскарадѣ, и что я больна.

Проговоря эти слова, Бетси оставила турка и пошла искать мать. Ее остановилъ капуцинъ.

— Я васъ узналъ: гдѣ вы пропадали?—проговорилъ онъ.

— И я васъ узнала... Какъ вы смѣшны!..

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что вы ошиблись въ расчетѣ: Бетси не позволитъ себѣ быть вашимъ развлеченіемъ,—проговорила дѣвушка и быстро отошла.

Черезъ нѣсколько минутъ черное домино и палевое уѣхали.

Батмановъ нѣсколько минутъ стоялъ, какъ окаменѣлый: онъ едва припомнилъ свое выраженіе въ письмѣ къ Науновой и, по обыкновенію, сначала разсердился на Софью Николаевну, потомъ—на Бетси, а наконецъ—на всѣхъ, и ушелъ въ буфетъ.

Въ маскарадъ пріѣхала новая маска «татаринъ». Прохоровъ, по своей обязанности, сейчасъ же отнесся съ вопросомъ:

— Ваша фамилія?

— Капринскій-съ, — отвѣчала маска вѣжливымъ голосомъ.

Прохоровъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Капринскій уже здѣсь; вы, вѣроятно, его двойникъ, — отвѣчалъ онъ, пожимая плечами: — а потому не можете пройти.

— Помилуйте, Леонидъ Николаичъ... я Капринскій... позвольте мнѣ участвовать въ общемъ удовольствіи; я велъ себя всегда прилично.... Послѣдній непріятный случай... но вы сами знаете, что я тутъ не виноватъ...

Эти слова Капринскій говорилъ уже совершенно своимъ голосомъ: не узнать его было невозможно.

— Это дѣйствительно вы, г-нъ Капринскій, но, стало-быть, подъ вашимъ именемъ кто-нибудь другой прошелъ; я обманутъ и потому прошу васъ: вы можете итти... Это ни на что непохоже, — продолжалъ Прохоровъ, обращаясь къ сидѣвшимъ около него двумъ мужскимъ маскамъ, одной очень высокой, а другой очень толстой. — Я не знаю, что эта молодежь себѣ позволяетъ: я напередъ увѣренъ, что это шутка Батманова.

— Онъ здѣсь, — отвѣчала высокая маска: — сидитъ въ буфетѣ, безъ всякаго гостюма, и пьетъ.

— Но нельзя же, господа, допускать его такимъ образомъ шутить надъ нами?

— А что съ нимъ теперь сдѣлаешь? Пускай себѣ пьетъ, — замѣтила толстая маска.

— Помилуйте, Иванъ Иванычъ, это невозможно... и первый его поступокъ съ Капринскимъ былъ изъ рукъ вонъ; но по-

ложимъ, это ужъ прошло, кончено... а сегодняшній случай... это обманъ, подлогъ...

— Я всегда говорилъ, что онъ взбалмошный человѣкъ и готовъ на всякую шалость,—проговорила первая маска.

— Что такое, Александръ Григорьичъ, шалость... за шалость наказываютъ. Исторіи съ нимъ я заводить не буду, когда вошелъ—будь: моя собственная вина,—что дѣлать, ошибся...

— Конечно, лучше отступиться: если вы что-нибудь предпримете, такъ вы же проиграете, потому что ему терять нечего,—проговорилъ Иванъ Иванычъ.

— Я полагаю, что его надобно вывести, — рѣшилъ Александръ Григорьичъ.

— Нѣтъ, вывести зачѣмъ?.. При этомъ выйдетъ непріятная сцена, для чего жъ это; но я пойду, попрошу и васъ, и замѣчу ему.

— Нѣтъ, ужъ ступайте одни, я не охотникъ съ нимъ объясняться, — возразила первая маска.

— Какъ же это такъ, господа; это дѣло общее; а вы, Иванъ Иванычъ...

— Нѣтъ, благодарю покорно... мнѣ что за дѣло...

Прохоровъ пожалъ плечами и одинъ вошелъ въ буфетъ, гдѣ дѣйствительно увидѣлъ Батманова, который сидѣлъ близъ стола насупившись и пилъ свой любимый глинтвейнъ.

— Мое почтеніе, г-нъ Батмановъ, — проговорилъ Прохоровъ.—Вы, кажется, приняли на себя другую фамилію?

— Что-съ? — спросилъ Батмановъ, не поднимая головы.

— Я говорю, что вами принятъ на себя псемонимъ.

— Псемонимъ и слова нѣтъ, а есть псевдонимъ, — отвѣчалъ Батмановъ.

Прохоровъ покраснѣлъ.

— Я пришелъ не остроты говорить съ вами, но замѣтить, что вы себя ведете не совсѣмъ прилично.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Батмановъ.

— Очень пріятно, что вамъ угодно меня слушать, и я долженъ вамъ еще, кромѣ этого, сказать, что на дальнѣйшее время мы примемъ, съ своей стороны, мѣры и не допустимъ себя обманывать.

— Слушаю-съ, — повторилъ опять Батмановъ.

— Опять повторяю, что мнѣ пріятно, что вы меня слушаете, тѣмъ болѣе, что я уже, вѣроятно, имѣю честь въ послѣдній разъ съ вами видѣться: — вамъ жить въ обществѣ неудобно.

— Слушаю-съ,—еще повторилъ Батмановъ, вставая и отдавая глубокій поклонъ Прохорову, который тоже ему поклонился и, проговоря: «до свиданія», вышелъ.

— Напѣлъ же я ему,—сказалъ онъ, входя въ залу:—ничего ужъ и не отвѣчалъ, а только говорилъ: «слушаю-съ». Ахъ, какой непріятный человѣкъ!..

Затѣмъ Прохоровъ подозвалъ къ себѣ лакея, выходившаго изъ буфета.

— Не велите буфетчику давать Батманову вина—слышишь? Иначе онъ потеряетъ мѣсто.

— Они ужъ уѣхали домой-съ, — отвѣчалъ лакей.

— А... уѣхалъ... Вытурилъ, господа, уѣхалъ, — произнесъ Прохоровъ, обращаясь къ Ивану Иванычу и Александру Григорьевичу.

Къ концу маскарадъ очень одушевился; часу съ двѣнадцатаго вдругъ начали разносить на огромныхъ подносахъ виноградъ, мороженое, лимонадъ и прочія бальныя блага, но этого еще мало: явилось шампанское, и готовился для всѣхъ посѣтителей ужинъ.

— Что̀ все это значитъ? На чей это счетъ? — спрашивали Прохорова.

— Любопытство—порокъ! Много будете знать, скоро состарѣетесь, — отвѣчалъ старшина.

Тайна, впрочемъ, скоро открылась: это угощалъ Овцынинъ, которому кто-то намекнулъ объ этомъ, и онъ, по обыкновенію, съ большимъ удовольствіемъ взялся за эту мысль и тотчасъ же привелъ ее въ исполненіе. Когда было подано шампанское, — къ нему подошла m-me Прохорова.

— Ваше, mon ami, здоровье, — сказала она: — теперь мы васъ не выпустимъ изъ города.

— Благодарю васъ; кто съ вами давеча стояла маска, скажите, Бога ради?

— А... Я знала, что это васъ заинтересуетъ,—неужели же вамъ сердце не говоритъ, кто?..

— Я не смѣю догадываться...

— Однако догадываетесь; у меня давно была эта мысль, но я только сегодня кое-что замѣтила между вами, — увѣряю васъ, — это дѣлаетъ честь вашей скромности... Я такъ рада за нее, какъ за родную дочь; и васъ можно поздравить, и вы не ошиблись въ выборѣ. У меня правило въ жизни: образованные и богатые люди должны жениться на образованныхъ и бѣдныхъ дѣвушкахъ, — говорила m-me Прохорова, ходя взадъ и впередъ съ Овцынинымъ, который слушалъ ее внимательно.

— Исполните ли вы мое правило?—спросила она рѣшительно.

— Непремѣнно-съ.

— А когда?

— Завтра же.

— Безподобно.

Гречанка уѣхала домой, какъ только переговорила съ Бетси въ уборной.

Войдя въ свою спальню, Софья Николаевна скорѣе сорвала съ себя прекрасный костюмъ, чѣмъ сняла его, и бросилась въ кресла. Она была очень разстроена и нѣсколько минутъ, какъ бы стараясь пересилить себя, удерживала дыханіе, но потомъ зарыдала. Прибѣжала горничная и подошла къ ней; молодая вдова обняла ее и продолжала рыдать.

— Софья Николаевна, перестаньте, сударыня, — говорила горничная.

— Аннушка, я все еще его люблю...

— Они сами въ васъ очень влюблены-съ.

— Кто влюбленъ?

— Михайла Матвѣичъ.

— Кто, Батмановъ? — Вдова захохотала страшнымъ смѣхомъ.—Онъ влюбленъ въ меня? Ахъ, какъ я ненавижу его!.. Я задушила бы его своими руками, Аннушка...

— Какъ это, Софья Николаевна, что̀ это вы изволите говорить! — бормотала горничная.

— Влюбленъ въ меня?— продолжала вдова.—Онъ смѣялся надо мной, онъ дурачилъ меня, онъ говоритъ, что ему стыдно на мнѣ жениться, и я выслушала это, съ моимъ самолюбіемъ, равнодушно.

— Онъ, можетъ-быть, самъ тоже разсердившись сказалъ это.

— А теперь онъ, разсердившись, влюбленъ въ другую?.. Ахъ, какъ я его ненавижу!.. Мнѣ тошно, мнѣ грустно, Аннушка... Я не знаю, что̀ со мной, мнѣ умереть хочется... А я любила его, очень любила, и одного только его въ цѣломъ мірѣ... За что же онъ меня не любитъ? Неужели я хуже его дрянной Бетси? Я бѣдна, а она развѣ богаче меня?

— Напишите, барыня, къ нему записочку!

— Никогда... Довольно я унижалась... Пусть онъ цѣлый годъ вымаливаетъ у меня прощенія, и тогда я его не прощу, или нѣтъ... я бы его сейчасъ же простила... Я до сихъ поръ люблю его...

— Вы бы къ папенькѣ съѣздили, Софья Николаевна.

— Не смѣю... Онъ сердитъ на меня; онъ считаетъ меня погибшей, онъ проклинаетъ теперь меня, — говорила Софья Николаевна.—Отчего я, Аннушка,— продолжала она, рыдая:— такъ несчастлива? Меня никто здѣсь не любитъ; былъ ли хоть одинъ человѣкъ, который бы посовѣтовалъ мнѣ, предостерегъ бы меня, — я одна и все одна... Кто пожалѣетъ теперь

меня, когда я погублю себя,—а я погублю, я теперь выйду за Капринскаго.

— Нѣтъ, барыня, не ходите, онъ очень нехорошъ изъ себя.

— Хоть бы онъ былъ чудовище, это все равно; но я хочу досадить Батманову. Онъ думаетъ, что я умираю отъ любви къ нему... Ошибается... Не отговаривай меня, ты не знаешь, сколько я страдала отъ этого человѣка, и думала, что онъ вознаградитъ всѣ мои мученія... Онъ долженъ былъ это сдѣлать, а ему только смѣшно. Поди, ложись спать, ты счастливѣе меня.

— Позвольте-съ, я завтра къ нимъ схожу... Можетъ-быть, они мнѣ что-нибудь и скажутъ.

— Не смѣй этого дѣлать... Между нами теперь все кончено... Я сказала себѣ это одинъ разъ навсегда и исполню мою слово.

Софья Николаевна всю почти ночь проговорила съ своей горничной, принимаясь нѣсколько разъ плакать, и всѣ слова ея, какъ и вышеизложенныя, были исполнены чувства, но лишены всякой послѣдовательности.

Амалія Петровна едва только проснулась на другой день, какъ ей доложили, что пріѣхалъ управляющій. Она даже встревожилась и тотчасъ вышла въ свой кабинетъ. Дозоринъ былъ уже тамъ.

— Ты здѣсь, Егоръ Ѳомичъ?— спросила Амалія Петровна.

— Здѣсь, ваше высокородіе, по самымъ экстреннымъ дѣламъ, — отвѣчалъ съ усмѣшкой Дозоринъ, подавая госпожѣ письмо, которое она начала читать, но не докончила по внутреннему волненію.

— Неужели это правда? — проговорила она.

— Собственная ихъ рука, ваше высокородіе, — отвѣчалъ управляющій: — сегодня ночью прибывъ, я поутру былъ у нихъ, удостоился видѣть лично Семена Прокофьевича: они говорили со мной откровенно и вручили письмо.

— Какъ это странно! — проговорила Амалія Петровна.

— Ничего, ваше высокородіе, дѣло рукъ человѣческихъ.

— Но какимъ же образомъ онъ ужъ вдругъ?

— Черезъ лакеевъ все обдѣлалось, черезъ лакеевъ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать?

— Объявить Лизаветѣ Дмитревнѣ...

— А если она не захочетъ и не послушаетъ меня?

— Надобно имъ надлежащее внушеніе сдѣлать, не маленькія, — разсудить могутъ.

— Что же я буду говорить?

— Вамъ надобно приказать, а не то что говорить; между

родителями и дѣтьми разговоры пустое дѣло... Я, ваше высокородіе, своихъ трехъ дѣвочекъ выдалъ: пикнуть у меня не смѣли, а теперь, слава Богу, живутъ, не смѣшатъ людей.

— Поди, скажи, чтобы ее позвали ко мнѣ.

— Желаю успѣха вашему высокородію, — проговорилъ Дозоринъ и вышелъ.

Вошла Бетси. Амалія Петровна приняла на себя холодную физіономію.

— Ты давно проснулась?

— Давно... я дурно спала.

— Я сейчасъ получила письмо отъ Овцынина.

Бетси вспыхнула.

— Онъ пишетъ насчетъ тебя: прочти.

Бетси машинально взяла письмо, прочитала и опять положила передъ матерью.

— Что же мы будемъ отвѣчать?

— Я согласна, — отвѣчала Бетси.

Амалія Петровна посмотрѣла на дочь съ удивленіемъ.

— Ты согласна? — спросила она.

— Да.

— Онъ тебѣ нравится?

— Странный, мамаша, вашъ вопросъ... Конечно, нравится.

Амалія Петровна недоумѣвала.

— Какъ же Батмановъ? Онъ будетъ въ отчаяніи.

— Съ чего это вы все думаете,—Батмановъ; я прошу васъ хоть въ эти минуты не произносить его имени, — мнѣ это очень непріятно.

— Я готова не только въ эти минуты, но всю жизнь мою не произносить его имени.

Бетси ушла.

Вошелъ опять управитель.

— Она согласна, — сказала Амалія Петровна.

Исполненіе вожделѣннаго желанія, кажется, не столько обрадовало, сколько испугало и удивило ее.

— Они будутъ ждать отвѣта, — сказалъ Дозоринъ.

— Сейчасъ напишу, — отвѣчала Амалія Петровна и написала.

— Встревожились, ваше высокородіе, — проговорилъ Дозоринъ.

— Да, — отвѣчала Амалія Петровна. — Хорошо ли мы дѣлаемъ?

— Хорошо, ваше высокородіе, вы теперь, по материнскимъ вашимъ чувствамъ, изволите безпокоиться, а ничего... Себя-то вы, ваше высокородіе, навсегда успокоите.

— А если онъ меня не будетъ уважать?

— Кого же ему, ваше высокородіе, послѣ этого уважать, какъ не васъ! Онъ мнѣ лично сказалъ: «Я, Егоръ Ѳомичъ, желаю не столько жениться на Лизаветѣ Дмитревнѣ, сколько породниться съ Амаліей Петровной». Онъ человѣкъ не хитрый и, можно сказать, добрый. Я голову на плаху кладу, если онъ не выкупитъ ваше имѣніе; вамъ стоитъ только слово сказать: примѣры были передъ глазами, — кому онъ ни давалъ денегъ!.. Смирный да богобоязливый только не обиралъ его.

— Хорошо, если твое пророчество сбудется.

— Сбудется, мои всѣ слова сбываются; такая ужъ у меня легкая рука.

— Ты о состояніи моемъ ничего тамъ не говорилъ?

— Зачѣмъ говорить... И не спрашиваетъ никто.

— Ну, а деньги на свадьбу?

— Денегъ вамъ горы привезу: не забудьте вы меня, а я объ васъ на всякъ часъ думаю.

— Ступай.

Управитель отправился.

IX.

Однажды,—это было уже въ Москвѣ,—часу въ одиннадцатомъ вечера, въ будуарѣ княгини Ухванской, съ которой мы познакомились въ О., сидѣло нѣсколько мужчинъ. Будуаръ этотъ былъ верхъ вкуса, комфорта и роскоши: различныя украшенія и мебель были такъ разнообразны, такъ затѣйливо, такъ умно придуманы, въ такомъ красивомъ безпорядкѣ разставлены, что, кажется, въ полгода изученія невозможно было бы всего запомнить. Сама хозяйка полулежала на какомъ-то фантастически-изогнутомъ диванѣ. Она на этотъ разъ была какъ-то не такъ беззаботно весела, какъ въ наше первое свиданіе съ нею въ О. Въ лицѣ ея замѣтны были утомленіе и скука. Гости ея были: гусарскій офицеръ, высокій и стройный, который ближе всѣхъ сидѣлъ къ княгинѣ и даже облокачивался на одну съ ней подушку: онъ былъ ея кузенъ въ третьемъ колѣнѣ и вмѣстѣ съ нею воспитывался. Противъ княгини помѣщался мужчина пожилыхъ лѣтъ, котораго она называла барономъ и который къ прочимъ гостямъ относился съ какимъ-то обязательнымъ тономъ и выраженіемъ своего лица какъ бы говорилъ имъ: «я, господа, не вы». Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ глухо застегнутомъ фракѣ и очень похожій на пуританина: онъ мало говорилъ, но бо-

лѣе всматривался и вслушивался; позади его и вдали отъ всѣхъ, прислонясь къ колоннѣ, стоялъ Батмановъ: одѣтъ онъ былъ съ явной замашкой на льва. Въ настоящую минуту онъ ни на кого не обращалъ вниманія и любовался висѣвшею противъ него картиною. Лицо его было мрачно, чему еще болѣе способствовали окончательно запущенные борода и усы.

— Что вы такъ задумчивы, Батмановъ? — спросила княгиня, обращаясь къ нему.

— Я смотрю на картину, — отвѣчалъ онъ.

— Женщины всегда интересуются знать, о чемъ мужчина задумается, — замѣтилъ съ улыбкой баронъ.

— Онѣ думаютъ, что весь родъ человѣческій задумывается объ нихъ, — подхватилъ гусаръ.

— Да, я поэтому и спросила,—отвѣчала княгиня.—Вы не имѣете никакихъ извѣстій о Бетси?—отнеслась она опять къ Батманову.

Онъ улыбнулся.

— Я хотѣлъ спросить васъ.

— Она замужемъ... Чудо какая милая дѣвушка... Ты, Симонъ, непремѣнно бы влюбился въ нее... Вы ее должны знать, баронъ: c'est la fille de madame Germakoff.

— Ah... vraiment, j'étais bien connu avec sa mère... elle était encore toute petite alors, — проговорилъ тотъ.

— Oui, c'est elle... — подхватила княгиня и опять обратилась къ Михайлѣ Матвѣичу: — васъ не мучитъ, Батмановъ, совѣсть?

Онъ молчалъ.

— А еще, позвольте, — m-me Фаунова?.. Лаунова?.. Вы знаете, что она чуть-было замужъ не вышла.

Батмановъ только посмотрѣлъ на княгиню.

— Да какъ же! За вашего же пріятеля Капринскаго; поѣхала уже съ нимъ даже куда-то въ одномъ экипажѣ, но потомъ вдругъ что-то разсердилась на него и высадила его на дорогѣ, такъ что онъ верстъ десять долженъ былъ пѣшкомъ итти... Но и все-таки вы во всемъ этомъ виноваты.

Батмановъ усмѣхнулся.

— Вы, княгиня, такъ хорошо прислушались ко всѣмъ о—мъ сплетнямъ, что приписываете мнѣ даже то, чего я и самъ не знаю.

— Ахъ, Боже, Боже мой, вы не знаете. Нѣтъ, Батмановъ, вы ужасный человѣкъ! Я все разскажу Ивинскому, и онъ что-нибудь намъ напишетъ... Что вы такое пишете, драмы или романы? — продолжала она, обращаясь къ молодому человѣку въ глухо застегнутомъ фракѣ.

— Я ничего не пишу, княгиня, — отвѣчалъ тотъ.

— Скрываетъ, ma bonne cousine, пишетъ, каждое утро пишетъ, — замѣтилъ гусаръ.

— Ну, да это ничего; пишете ли вы или нѣтъ, но все-таки должны написать романъ изъ жизни Батманова... Начните съ того, какъ онъ погубилъ двухъ молоденькихъ женщинъ и потомъ хотѣлъ даже погубить третью, но та еще ему не дается...

— Всѣмъ вашимъ романамъ, — началъ Батмановъ, обращаясь къ Ивинскому: — которые вы будете писать по свѣдѣніямъ княгини, смѣло можете дать заглавіе: «Сплетни».

Хозяйка покачала головой.

— Если княгиня говоритъ, — вмѣшался пожилой мужчина, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ: — то, вѣроятно, знаетъ истинныя событія вашей жизни, и для васъ это должно быть лестно...

— Событія вашей жизни, баронъ, занимательнѣе, чѣмъ мои,—возразилъ Батмановъ. — Вы очень хорошо, я полагаю, можете написать драму изъ семейной жизни...

— Вы болѣе современный человѣкъ и потому должны болѣе нравиться публикѣ своими приключеніями,— проговорилъ нехотя баронъ и отвернулся отъ Батманова. — Будутъ нынче публичныя лекціи?—отнесся онъ къ Ивинскому.

— Непремѣнно: онѣ ужъ объявлены,—отвѣчалъ тотъ.

— Развеселитесь, Батмановъ, что вы все тамъ стоите? — отнеслась къ нему княгиня:—подите и сядьте сюда поближе, полноте сердиться!

— Я не сержусь, а тоскую, княгиня,—отвѣчалъ Батмановъ.

— О чемъ?

— О Москвѣ и объ васъ...

— Это какъ?

— На-дняхъ я ѣду въ Сибирь.

— Въ Сибирь? Надолго ли?

— Самъ не знаю.

— И даже не знаете, надолго ли... Желаю вамъ...

— Кузина, упроси отца, чтобы онъ отпустилъ меня въ Пятигорскъ, — проговорилъ гусаръ.

— Тебя!.. Зачѣмъ?..

— Нужно... А зачѣмъ сама ѣздила?

— Я больна была.

— Я самъ тоже боленъ...

Батмановъ уѣхалъ раньше всѣхъ. Передъ отъѣздомъ хозяйка подала ему руку и проговорила:

— Уже совсѣмъ?

— Совсѣмъ,—отвѣчалъ онъ и, слегка кивнувъ головой всѣмъ прочимъ, ушелъ.

По уходѣ его всѣ пересмѣхнулись.

— Какъ мы жестоко шутили надъ молодымъ человѣкомъ!—началъ баронъ:—а это все вы, княгиня, виноваты.

— Онъ мнѣ очень надоѣлъ, ужасно дерзокъ... Каждый день дежуритъ у меня часа по три, по четыре, и вздумалъ еще письма писать...

— Въ какомъ же родѣ, княгиня?—спросилъ Ивинскій.

— Я и сама не понимаю, въ какомъ... какъ будто бы предложеніе дѣлаетъ...

— Вы, кузина, влюблены другъ въ друга,—замѣтилъ гусаръ.

— Перестань болтать, я на него просто зла: онъ очень дерзокъ, я видѣла его всего одинъ разъ въ О. на горахъ... вдругъ является здѣсь... разъ... два... и наконецъ каждый день...

— Интересно знать, что онъ пишетъ къ вамъ?—спросилъ опять Ивинскій.

— Не помню хорошенько выраженій... только очень глупо: я прочитала и тотчасъ же изорвала.

— Что же васъ такъ особенно оскорбило, княгиня?—спросилъ пожилой мужчина.

— Предложеніе, баронъ: какой же онъ мнѣ женихъ, и что я ему за невѣста?

Баронъ усмѣхнулся.

— Эти господа больше смѣшны, чѣмъ досадны,—замѣтилъ онъ.

— Ужасно... Какіе онъ мнѣ пресмѣшные и пренепонятные стихи сочинилъ—ужасъ, взялъ у меня потихоньку альбомъ, я почти не знала, и вдругъ приноситъ съ своими стихами, и говоритъ, что только съ нынѣшняго года, и то по моей милости, овладѣлъ имъ демонъ стихотворства; я вамъ покажу ихъ. М-г Ивинскій, потрудитесь подать со стола альбомъ.

Ивинскій подалъ; княгиня развернула и возвратила ему.

— Читайте,—проговорила она:—и читайте съ чувствомъ, вы сами поэтъ.

Ивинскій началъ:

День вечерѣлъ... въ густой изъ липъ аллеѣ
Они въ условный часъ свиданія сошлись:
Онъ былъ угрюмъ, она грустна, и вотъ, блѣднѣя
И горькими, навзрыдъ, слезами залившись,
Она произнесла признанье роковое,
И взоръ робѣющій участія молилъ:
Напрасны слезы—молчанье гробовое
Жестокій другъ упорно сохранилъ;
Лишь только на его устахъ полуоткрытыхъ
Улыбка странная скользнула, какъ змѣя,

Но чувствъ, но думъ, глубоко скрытыхъ
Въ душѣ его, по ней узнать было нельзя...
И то вопросъ, кто болѣе страдалъ межъ ними,
Она ли, бѣдная, въ волненьи и въ слезахъ,
Или спокойный онъ, съ страданьями нѣмыми,
Съ улыбкой странною на пепельныхъ устахъ.

— Стихи дурны, тяжелы и неправильны, но мысль есть, и мысль извѣстной школы, — проговорилъ онъ, кончивъ чтеніе.

— Не мучьте вы, Бога ради, меня вашими школами: стихи глупы и смѣшны; въ альбомахъ обыкновенно пишутся мадригалы.

— Вѣкъ мадригаловъ, княгиня, давно прошелъ,—замѣтилъ Ивинскій.

— Я совершенно согласенъ съ княгинею,—сказалъ баронъ.

— Мнѣ очень нравится: онъ, она, горькія слезы, пепельныя уста и змѣиная улыбка—безподобно!—сказалъ гусаръ и захохоталъ.

Княгиня наконецъ объявила, что ей ужасно надоѣло говорить о Батмановѣ, и потому разговоръ склонился на другіе предметы. Ивинскій уѣхалъ ранѣе прочихъ.

Объ немъ тоже было произнесено нѣсколько замѣчаній.

— Что такое молодой Ивинскій пишетъ? — сказалъ баронъ:—здѣсь его всѣ называютъ ученымъ и литераторомъ, и я тоже называю, но рѣшительно не знаю, что онъ такое написалъ.

— Этого никто не знаетъ,—отвѣчалъ гусаръ:—ему отецъ запрещаетъ выставлять свою фамилію; онъ, говорятъ, удивительно знаетъ философію.

— Задушили вы меня, господа, съ вашей литературой и философіей, давайте лучше сплетничать... Что, Мезеричъ совсѣмъ разошлась съ мужемъ?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ, — отвѣчалъ баронъ: — но въ очень двусмысленномъ положеніи: она живетъ вверху, а онъ внизу.

— Ты, Симонъ, ухаживаешь еще за ней?—обратилась княгиня къ гусару.

— Нѣтъ, пересталъ, ея нигдѣ не видать...

— Bonne nuit, princesse,—проговорилъ баронъ, вставая.

— Adieu, не забывайте... Поцѣлуйте за меня баронессу.

— Она сама хотѣла сегодня непремѣнно быть у васъ, но занемогла,—отвѣчалъ баронъ и раскланялся.

— Солгалъ,—проговорила хозяйка по уходѣ его:—баронесса меня ненавидитъ и ревнуетъ; если только узнаетъ, что

онъ былъ у меня сегодня, то ему сейчасъ же будетъ расправа.

— Неужели правда, что она его такъ держитъ подъ башмакомъ?—спросилъ cousin.

— Какъ ребенка.

— Я завтра же ей скажу.

— Скажи, пускай она намоетъ ему голову, онъ мнѣ наскучилъ.

Гусаръ всталъ.

— Когда вы, кузина, въ меня влюбитесь?

— Когда самъ будешь отъ меня безъ ума.

— Я и то безъ ума.

— Обманываешь. Прощай, я спать хочу.

Она подала ему руку, которую тотъ поцѣловалъ и ушелъ.

Года черезъ полтора Батмановъ сдѣлался кореннымъ сибирякомъ. Онъ управляетъ дѣлами одной пожилой и очень богатой вдовы-купчихи, живетъ у нея въ домѣ, ходитъ весь залитый въ брильянтахъ, носитъ черкесское платье, ѣздитъ по городу на кровныхъ рысакахъ и поитъ общество на убой шампанскимъ.

Чѣмъ, подумаешь, ни разрѣшалось русское разочарованіе!

1853.
Іюня 18.

ФАНФАРОНЪ

Еще разсказъ исправника.

I.

Губерніей управлялъ князь ***. Четвергъ былъ моимъ докладнымъ днемъ. Въ одинъ изъ нихъ, на половинѣ моего доклада, дежурный чиновникъ возвѣстилъ:

— Помѣщикъ Шамаевъ!

— Просите,—сказалъ князь.

Я, по обыкновенію, отошелъ за ширмы; названная фамилія напомнила мнѣ моего кокинскаго исправника, который тоже прозывался Шамаевъ. «Ужъ не сынъ ли его?»—подумалъ я.

Вошелъ высокій мужчина, довольно полный, но еще статный, среднихъ лѣтъ; въ осанкѣ его и походкѣ видна была какая-то спокойная увѣренность въ собственномъ достоинствѣ; одѣтъ онъ былъ, какъ одѣвается нынѣ бо́льшая часть богатыхъ помѣщиковъ—щеголевато и съ шикомъ, поклонился развязно и проговорилъ первую представительную фразу на французскомъ языкѣ. Князь просилъ его садиться и началъ съ того, съ чего бы началъ и я.

— Не родственникъ ли вы кокинскаго исправника Шамаева?

— Я его родной племянникъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ князь, всегда очень любезный и находчивый въ пріемѣ незнакомыхъ посѣтителей:—позвольте мнѣ начать съ того, что вашего почтеннаго родственника мы любимъ, уважаемъ, дорожимъ его службой и боимся только одного, чтобъ онъ насъ не оставилъ.

Шамаевъ поклонился.

— Мнѣ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ онъ:—остается только

благодарить за лестное мнѣніе, которое вы имѣете о моемъ дядѣ и который, впрочемъ, дѣйствительно заслуживаетъ этого, потому что опытенъ, честенъ и дѣятеленъ.

— Именно,—подтвердилъ князь.

На этомъ мѣстѣ разговоръ, кажется, могъ бы и пріостановиться; но Шамаевъ сумѣлъ перевести его тотчасъ на другой предметъ.

— Какъ хорошъ видъ изъ квартиры вашего сіятельства; здѣсь этимъ немногіе дома могутъ похвастаться, — сказалъ онъ, взглянувъ въ окно.

— Да,—отвѣчалъ князь:—особенно теперь ярмарка; площадь такъ оживлена.

— Мнѣ кажется, ваше сіятельство, эта ярмарка скорѣе можетъ навести грусть, чѣмъ доставить удовольствіе,—замѣтилъ Шамаевъ.

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Она такъ малолюдна, бѣдна.

— Что жъ дѣлать?.. Все-таки она удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ.

— Для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей достаточно нѣсколькихъ лавокъ и двухъ базарныхъ дней въ недѣлю; назначеніе ярмарокъ должно быть болѣе важно: онѣ должны оживлять край, потому что даютъ сподручную возможность мѣстнымъ обывателямъ сбывать свои произведенія и пускать въ движеніе свои капиталы, наконецъ обмѣнъ торговыхъ проектовъ, соглашеніе на новыя предпріятія... Но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ.

— Здѣшняя губернія, — возразилъ князь: — ни по своему положенію ни по своей производительности не можетъ имѣть такого важнаго торговаго значенія, чтобы вызвать ярмарку въ подобныхъ размѣрахъ.

— Напротивъ, ваше сіятельство,—возразилъ, въ свою очередь, Шамаевъ:—здѣшняя губернія могла бы имѣть огромное торговое значеніе. Край здѣшній я знаю очень хорошо, и онъ въ этомъ отношеніи представляетъ чрезвычайно любопытный фактъ для наблюденія. Одна его половина, которую я называю береговою, по преимуществу должна бы быть хлѣбопашною; поля открытыя, земля удобная, средство сбыта—Волга; а выходитъ не такъ: въ нихъ развито, конечно, въ слабой степени, фабричное производство, тогда какъ въ дальнихъ уѣздахъ, гдѣ лѣсныя дачи идутъ на неизмѣримое пространство, строятъ только гусянки, нагружаютъ ихъ дровами, гонятъ Богъ знаетъ въ какую даль, сбываютъ все это за ничтожную цѣну, а часто и въ убытокъ приходится вся эта

операція: дома же, на мѣстѣ, сажени дровъ не сожгутъ, потому что нѣтъ почти ни одной фабрики, ни одного завода.

По этимъ словамъ Шамаева я заключилъ, что онъ долженъ быть капиталистъ-помѣщикъ, который затѣваетъ какое-нибудь значительное торговое предпріятіе и поэтому пріѣхалъ объясниться съ управляющимъ губерніей. Князь былъ тоже, кажется, моего мнѣнія, потому что сейчасъ же поспѣшилъ Шамаеву предложить сигару, который, въ свою очередь, закуривъ ее, тоже не замедлилъ угадать цѣнность ея происхожденія.

— Причина этому, ваше сіятельство, — мы, владѣльцы, потому что мы все-таки еще любимъ жить по старинѣ: въ насъ совершенно нѣтъ ни коммерческаго духа ни предпріимчивости. Всѣ мы очень похожи на одного жида, котораго я зналъ въ Варшавѣ, который нажилъ огромное состояніе и подъ старость лѣтъ съ ума сошелъ: не зналъ ни счету деньгамъ ни употребленія, а только сидѣлъ въ своей кладовой и дрожалъ, чтобы его не обокрали... Такъ и мы сидимъ у своихъ дачъ, очень богатыхъ, надобно сказать, и у своихъ шкатулокъ, у кого онѣ есть, и боимся рискнуть двадцатью пятью рублями серебромъ или срубить при порубкѣ лишнее бревно; ну, какъ, думаешь, лѣсъ-то и не вырастетъ больше?

— Въ этомъ случаѣ кому-нибудь одному надобно показать примѣръ,—сказалъ князь.

— И я такъ полагалъ, ваше сіятельство, и даже взялся быть этимъ примѣромъ, и былъ жертвой. Сначала я думалъ дѣлать на акціяхъ, какъ дѣлается это въ другихъ мѣстахъ; однако у меня ихъ на сто цѣлковыхъ не раскупили. Я и на это не посмотрѣлъ; имѣя какихъ-нибудь двѣсти душъ, устраивалъ два самыхъ удобныхъ, по мѣстнымъ средствамъ, завода: сначала шло очень хорошо, а потомъ, при первыхъ же двухъ-трехъ неудачахъ, не имѣя запасныхъ капиталовъ, не выдержалъ—и со страшнымъ убыткомъ долженъ былъ бросить, тѣмъ болѣе, что постигло меня ничѣмъ незамѣняемое несчастье: лишился жены, заниматься самъ ничѣмъ не могъ.

Говоря послѣднія слова, Шамаевъ поднялъ глаза къ небу, вздохнулъ, потупился и нѣсколько времени молчалъ.

— Я, ваше сіятельство,—началъ онъ потомъ, вставая и не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—хоть до сегодняшняго моего представленія и не имѣлъ чести быть вамъ знакомъ, но, наслушавшись о вашемъ добромъ и благородномъ сердцѣ, рѣшаюсь прямо и смѣло обратиться къ вашему милостивому покровительству.

— Что такое?—спросилъ князь.

— Такъ какъ теперь, ваше сіятельство, я не имѣю никакого особеннаго занятія, а малютки-сироты (при этомъ Шамаевъ опять вздохнулъ)... сироты мои, малютки,—продолжалъ онъ:—требуютъ уже воспитанія и невольно вынуждаютъ меня жить въ городѣ съ ними, и такъ какъ слышалъ я, что ваканція старшаго чиновника особыхъ порученій при особѣ вашего сіятельства свободна, потому желалъ бы занять эту должность и, съ своей стороны, смѣю увѣрить, что оправдаю своей службой довѣріе вашего сіятельства.

Князь, какъ бо́льшая часть мягкихъ и добрыхъ людей, былъ почти неспособенъ отказывать просьбамъ, особенно такъ прямо и смѣло высказаннымъ, какъ высказалъ свою Шамаевъ, но въ то же время онъ былъ настолько опытенъ и остороженъ въ службѣ, чтобы не поддаться сразу же человѣку, совершенно не зная, кто онъ и что онъ такое.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ, подумавъ:—но я это мѣсто уже предполагалъ замѣстить другимъ, и если только онъ не будетъ желать, то...

Шамаевъ поклонился.

— Стало-быть, ваше сіятельство, я могу имѣть нѣкоторую надежду?

— Очень, очень,—отвѣчалъ князь, раскланиваясь.

Шамаевъ еще разъ, и довольно низко, поклонился и вышелъ.

Князь позвалъ меня.

— Что это за господинъ, не знаете ли вы?—спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что не знаю.

— Но, вѣроятно, его кто-нибудь знаетъ здѣсь въ городѣ, кого бы я могъ спросить?

Я отвѣчалъ, что всего лучше спросить его дядю, исправника, который, конечно, его хорошо знаетъ и скажетъ правду.

— Прекрасно,—сказалъ князь:—вы ѣдете въ Кокинъ, попросите Ивана Семеныча моимъ именемъ сообщить вамъ объ его племянникѣ всѣ подробности, какія вы найдете нужными, и все это передайте мнѣ, а тамъ увидимъ.

II.

Черезъ недѣлю я поѣхалъ въ Кокинъ.

Ивана Семеныча не было въ городѣ. Я написалъ ему записочку; онъ пріѣхалъ.

— Я къ вамъ, Иванъ Семенычъ, съ порученіемъ,—началъ я.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Во-первыхъ, передъ моимъ отъѣздомъ сюда, къ князю являлся вашъ родственникъ—штабъ-ротмистръ Шамаевъ.

— Слушаю-съ,—повторилъ Иванъ Семеновичъ.

— Во-вторыхъ, — продолжалъ я: — онъ просится на мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій.

Иванъ Семеновичъ почесалъ затылокъ.

— Въ-третьихъ, князь поручилъ мнѣ разспросить васъ о немъ какъ можно подробнѣе; вы, конечно, хорошо его знаете.

Иванъ Семеновичъ потеръ лобъ.

— Какъ не знать: очень хорошо знаю; только какъ вамъ разсказывать: правду ли говорить, или нѣтъ?

— Разумѣется, правду; а то хуже,—князь узнаетъ стороной; этимъ вы и себя скомпрометируете да и меня подведете.

— Конечно,—отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Ахъ ты, Боже ты мой! Боже ты мой милостивый!—говорилъ онъ какъ бы самъ съ собой:— немало я съ этимъ молодцомъ повозился: и сердилъ-то онъ меня, и жаль-то мнѣ его, потому что, какъ ни говорите, сынъ родного брата: этого ужъ изъ сердца не вырвешь,—кровь говоритъ.

Нѣсколько времени мы молчали.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иванъ Семенычъ, я жду,—сказалъ я наконецъ.

— Да что, сударь! Не знаю, съ чего вамъ начать,—отвѣчалъ Иванъ Семеновичъ.—Прежде всего,—продолжалъ онъ:— я хочу вамъ сказать объ его отцѣ, моемъ старшемъ братѣ, который былъ прекраснѣйшій человѣкъ: учился, знаете, отлично въ Морскомъ корпусѣ; въ отставку вышелъ капитаномъ втораго ранга, — словомъ, умница былъ мужчина. Каждое слово его имѣло вѣсъ; хозяинъ былъ такой, что этакого другого въ жизнь мою я ужъ больше не встрѣчалъ; всѣ эти нынѣшніе модные господа агрономы грошa передъ нимъ не стоятъ. Отъ какихъ-нибудь ста душъ усадьба у него отдѣлана была, какъ игрушечка: что за домикъ, что за флигеля для прислуги, какіе дворы скотные, небольшія теплички, оранжерея, красный дворъ мощеный, обсаженный подстриженными липками, — рѣшительно картинка, садись да рисуй! Скотоводство держалъ большое-съ, и поэтому земля была удобрена, пропахана, какъ пухъ; все это, знаете, при собственномъ глазѣ; рожь иные годы самъ-пятнадцать приходила, а это по нашимъ мѣстамъ не у всѣхъ бываетъ; выѣздъ у него, знаете, былъ хоть и деревенскій, но щегольской; люди одѣты всегда чисто, опрятно; разъ пять въ годъ онъ непремѣнно ночью обѣжитъ по всѣмъ избамъ и осмотритъ, чтобы никто изъ людей не валялся на полушубкахъ или на голомъ полу, и чтобы у всѣхъ были войлочные тюфяки,—вотъ до какихъ тонкостей доходилъ въ хо-

зяйствѣ! Рѣдкостный, можно сказать, былъ помѣщикъ: это я говорю не потому, что онъ мнѣ родной братъ, а это скажетъ вамъ всякій, кто только зналъ его. Женился онъ по страсти, взялъ дочку бывшаго губернскаго предводителя: состоянія за ней большого не было, впрочемъ, братъ за состояніемъ и не гнался: какое дали, и за то спасибо. Года въ два онъ такъ поправилъ мужиковъ, что любо-дорого, и часто мнѣ покойникъ, ходя этакъ со мной по усадьбѣ, говаривалъ:

«— Вотъ, братъ Иванъ, говоритъ, видишь, какъ я себя устроилъ. Кажется, все недурно, и какъ разсчитываю по теперешнимъ моимъ средствамъ, такъ, хоть семь человѣкъ дѣтей будетъ, всѣхъ смогу поднять и воспитать не хуже себя.

«Однако, видно, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: супруга его вышла... не знаю, какъ вамъ и сказать объ этой женщинѣ: осудить ее—чтобы не взять грѣха на душу, да и похвалить, пожалуй, не за что. Была бы она дама и неглупая, а ужъ добрая, такъ очень добрая: но здраваго смысла у ней какъ-то мало было; о хозяйствѣ и не спрашивай; не понимала ли она, или не хотѣла ничѣмъ заняться, только даже обѣдать приказать не въ состояніи была: деревенскую жизнь терпѣть не могла: а рядиться, по гостямъ ѣздить, по городамъ бы жить, или этакъ года бы, напримѣръ, черезъ два съѣздить въ Москву, въ Петербургъ, и прожить тамъ тысячъ десять,—къ этому въ начальные годы замужества была неимовѣрная страсть; только этимъ и бредила; ну, а братъ, какъ человѣкъ расчетливый, понималъ такъ, что въ одномъ отношеніи онъ привыкъ уже къ сельской жизни: а другое и то, что какъ тамъ ни толкуй, а въ городѣ все втрое или вчетверо выйдетъ противъ деревни, кромѣ того, — усадьбу оставить такъ,—и доходъ съ имѣнья будетъ не тотъ.

«— Въ городъ, душа моя,—говорилъ онъ ей:—переѣхать не хитро; но ты вспомни, что состояніе наше не шереметевское: какъ этакъ начнешь помахивать туда да сюда, такъ и концы съ концами не сведешь; придется занимать, а я въ жизнь мою, говоритъ, ни у кого копейкой не одолжался.

«Словомъ, не ѣхалъ-съ изъ деревни. Такъ слезы, обмороки, болѣзни—притворныя или нѣтъ, ужъ не знаю.

«— Вы, говоритъ, заѣдаете мой вѣкъ, я не такъ воспитана, я, говоритъ, человѣческаго лица здѣсь не вижу...

«И такъ далѣе. Большія, слышу, стали выходить между ними изъ-за этого семейныя непріятности; такъ что я, чтобы какъ-нибудь да посладить, началъ брату, издалека, конечно, совѣтовать, чтобы онъ хоть должность, что ли, какую-нибудь себѣ пріискалъ, и, какъ полагаю, даже успѣлъ бы его убѣдить въ

этомъ; однако на пятый ужъ почти годъ ихъ супружества она родила сына, этого самаго, котораго вы видѣли и котораго въ честь дѣда съ материнской стороны наименовали Дмитріемъ. Ну, думаю, слава Богу, не поразсѣются ли хоть этимъ? И дѣйствительно: точно переродилась женщина; въ восторгѣ, что сдѣлалась матерью, сама захотѣла кормить младенца; всѣ ночи не спитъ съ нимъ; что чуть-чуть ребенокъ побольше разреветься, въ городъ скачи за докторомъ. Я тогда еще не служилъ, жилъ въ деревнѣ, и мы часто видались. Ну, сначала, я вижу, брату пріятно было смотрѣть на эту ея материнскую нѣжность; а тутъ, какъ ребенокъ началъ подрастать, такъ, пожалуй, намъ съ нимъ стало и не нравиться. Едва успѣла отъ груди отнять, какъ стала его пичкать конфетами; къ чему мальчишка ни потянется, всего давай; таращится на огонь, на свѣчку,—никто не смѣй останавливать; онъ обожжетъ лапенку, зареветъ, а она сама пуще его въ слезы; сцарапаетъ, напримѣръ, папенькину чашку,—худа ли, хороша ли, все-таки рублей пять стоитъ, но онъ ее о полъ, ничего—очень мило. Съ нянъками тоже возня, безпрестанно мѣняетъ: та не умѣла занять ребенка, другая сердито на него смотритъ, третья собой нехороша. Мальчишка едва папу съ мамой выговариваетъ, давай гувернантку; ну, а это еще нынче легко: есть и няньки и гувернантки недорогія, а въ то время трудно было и найти; а ужъ коли нашелъ, такъ давай большую цѣну. Братъ однако ее и въ этомъ потѣшилъ: нанялъ, ни много ни мало, за восемьсотъ рублей француженку,—рябая этакая дѣвка, изъ себя нехорошая, но умная и, главное, хитрая; сразу смекнула, въ чемъ дѣло, и давай вмѣстѣ съ маменькой баловать Митеньку: ну и безподобно, значитъ; «не гувернантка, а другъ дома», разсказывается всѣмъ; другу дома, стало-быть, надобно платить вмѣсто восьмисотъ тысячу. Между тѣмъ мальчишка подрастаетъ, собой дѣлается прехорошенькій и довольно острый на словахъ, но шалунъ и рѣзвый, какъ вы только можете себѣ представить. Восьмой годъ пошелъ, а за книгу лучше и не сажай, по-французски болтаетъ бойко, а русскую грамоту читаетъ, какъ черезъ пень колоду валитъ, пишетъ каракулями, объ ариѳметикѣ и помину не было, врядъ ли и считать-то умѣлъ, но зато лакомиться, франтить—мастеръ! Цѣлое утро будетъ сидѣть и не пошевелится, только завей ему волосы. Братъ было-пробовалъ сначала говорить, да гдѣ тутъ? Она прямо ему сказала: «если ты будешь, говоритъ, кричать на Митеньку, такъ я не перенесу этого и безвременно лягу въ могилу». И не лгала въ этомъ случаѣ: я самъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены. Подавали водку, только этотъ мальчуганъ, всего еще ему было не болѣе четы-

рехъ лѣтъ, подбѣжалъ, въ минуту налилъ съ краями ровно рюмку да залпомъ всю и выпилъ. Братъ, это увидѣвши, взялъ его, такъ, больше для шутки, за ухо: «вотъ тебѣ, говоритъ, вотъ тебѣ, рано еще начинаешь», и такъ, знаете, легонько потянулъ его. Боже ты мой, какъ онъ рявкнетъ и побѣжалъ къ матери.

«— Что такое? Что такое?

«Онъ реветъ да кричитъ:

«— Ой, папаша, ой, папаша меня прибилъ.

«Унимаютъ, конфетъ обѣщаютъ, ничего не беретъ и, должно-быть, отъ слезъ да отъ водки-то поблѣднѣлъ этакъ, и дыханье у него захватило; и прошло, конечно, сейчасъ же; но надобно было видѣть, какая съ маменькой сдѣлалась истерика: глаза остолбенѣли, рыдаетъ, плачетъ, насъ обоихъ бранитъ; видимъ, что она сама не вольна надъ своими чувствами. Изъ этой кроткой, можно сказать, женщины точно тигрицей какой сдѣлалась; и это, сударь, каждый разъ повторялось, какъ только что коснется до Митеньки».

Тутъ Иванъ Семеновичъ пріостановился немного.

— Слабоватъ, видно, характеромъ былъ вашъ братъ, или ужъ очень любилъ свою супругу,—замѣтилъ я ему.

— Любилъ онъ, конечно, ее любилъ, — отвѣчалъ онъ: — но не слѣпо: въ другихъ случаяхъ, какъ я вамъ и докладывалъ, не все дѣлалъ по-ней; а что до характера его касается, такъ совершенно напротивъ, — въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящій семьянинъ: твердый, настойчивый, любилъ порядокъ; смолоду привыкъ, чтобы все дѣлалось по-немъ, а тутъ ничего не могъ сдѣлать... Эхъ, милостивый государь, — продолжалъ Иванъ Семеновичъ, покачавъ головою: — я могу вамъ при этомъ повторить слова того же покойнаго моего брата: «супружество,—говаривалъ онъ:—есть корабль, который чтобъ провести благополучно между всѣми подводными камнями, лоцману нужна не только опытность, но и счастье». Не знаю, конечно, успѣлъ ли бы онъ впослѣдствіи повести по-своему, потому что Богъ вѣку долгаго не далъ.

— Померъ онъ?

— Да-съ; дѣйствовали ли на него эти душевныя непріятности, которыя онъ скрывалъ больше на сердцѣ, такъ что изъ постороннихъ никто и не зналъ ничего, или ужъ время пришло,—ударъ хватилъ; сидѣлъ за столомъ, упалъ, ни слова не сказалъ и умеръ. Этотъ проклятый параличъ какая-то у насъ общая помѣщичья болѣзнь; отъ лѣнивой жизни, что ли, она происходитъ; ѣдятъ-то много, а другой еще и выпиваетъ; а моціону нѣтъ; кровь-то и накопляется.

— Что же, какъ вдова осталась? — перебилъ я, желая перейти къ главному сюжету разсказа.

— Очень была огорчена, — продолжалъ Иванъ Семеновичъ.— «Одинъ, говоритъ, Митенька только привязываетъ меня къ землѣ, а если бы его не было, такъ и жить бы безъ моего друга не хотѣла».

«Меня покойникъ назначилъ попечителемъ до совершенно-лѣтія малолѣтка. Выждалъ я первое время, но потомъ слышу, что француженка отъ Мити отходитъ, поссорилась съ маменькой. Въ чемъ это, думаю, у нихъ вышло? Впрочемъ, та, отошедши, заѣзжаетъ ко мнѣ. Спрашиваю ее:

«— Что такое у васъ?

«— Помилуйте, говоритъ, Иванъ Семенычъ, я въ столькихъ домахъ жила, мнѣ вездѣ дѣтей поручали въ полное распоряженіе, и нигдѣ еще я не употребляла во зло этой довѣренности, но, вы сами знаете, какой же я была гувернанткой въ домѣ Настасьи Дмитріевны? Я скорѣе была рабой ея Митеньки, и видитъ Богъ, что силъ моихъ больше недоставало. Этотъ мальчикъ до того ужъ простеръ свою дерзость ко мнѣ, что на-дняхъ нарочно облилъ все мое новенькое платье деревяннымъ масломъ, и я просила Настасью Дмитріевну позволить мнѣ только поставить его въ уголъ; она и этого не хотѣла сдѣлать и мнѣ же насказала самыхъ обидныхъ колкостей.

«Я только покачалъ головой. Что прикажете дѣлать съ подобной маменькой? Ѣду къ ней, и первое ея слово:

«— Замѣчаете ли вы, братецъ, какъ Митенька у меня растетъ? Не правда ли, какой красавчикъ?

«И говоритъ это, знаете, при самомъ мальчикѣ, который тутъ стоитъ и которому, какъ замѣтно по лицу, очень пріятны эти слова; носенокъ такъ вверхъ и деретъ.

«— Вижу, говорю, сестрица, и радуюсь; но вѣдь это что же? Ростъ Богъ даетъ всѣмъ, а теперь, по-моему, главное надобно подумать о воспитаніи его. Гувернантка отъ васъ отошла, учителя тоже никакого нѣтъ, не пора ли его пристроить въ казенное заведеніе?

«— Ахъ, нѣтъ, говоритъ, братецъ, я теперь и думать объ этомъ не смѣю: вы не повѣрите, какъ онъ слабъ здоровьемъ; прежде я должна его здоровье еще поправить.

«Я усмѣхнулся: малый, какъ кровь съ молокомъ, здоровѣе меня.

«— Я, говорю, сестрица, не вижу, чтобы онъ былъ особенно слабъ или нездоровъ; это пустяки, тебѣ такъ мерещится, и не знаю, извѣстно ли тебѣ, что покойный братъ его записалъ въ Морской корпусъ, куда онъ, вѣроятно, скоро

и будетъ принятъ: а потому я совѣтовалъ бы отправить его въ Петербургъ, хоть покуда приготовить немного.

«Вся поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, братецъ, я рѣшительно не хочу отдать его въ корпусъ: при его комплекціи... Тамъ такая строгость!

«— Да что же такое, говорю, моя милая, комплекція и строгость! Тамъ воспитываются дѣти понѣжнѣй и получше нашихъ съ тобою.

«— Ни за что на свѣтѣ: долженъ будетъ поступить въ военную службу; куда-нибудь зашлютъ, пошлютъ въ сраженіе, убьютъ; у меня при одномъ воображеніи объ этомъ дѣлается лихорадка.

«— Эти еще сраженія, говорю, сударыня, далеко, впереди, а теперь надобно хлопотать, чтобъ онъ не остался безграмотнымъ недорослемъ.

«— Братецъ, — перебила она: — позволь мнѣ тебя просить предоставить мнѣ самой думать о воспитаніи моего сына. Худа ли, хороша ли, но я мать, и ты, какъ мужчина, не можешь понять материнскихъ чувствъ. Я рѣшилась во всю мою жизнь не разставаться съ нимъ; въ этомъ мое единственное блаженство. Теперь я наняла для него гувернера.

«Меня это ужъ взорвало, знаете.

«— Желаю, говорю, тебѣ, сударыня, наслаждаться этимъ блаженствомъ. Съ твоими гувернерами смотри только не выняньчай себѣ на шею болвана.

«— Равнымъ образомъ, братецъ, болванами могутъ быть и ваши дѣти,—говоритъ она мнѣ наоборотъ, чтобы уколоть меня.

«Уѣзжаю я. Гувернеръ, говорятъ, пріѣхалъ, французъ какой-то. У насъ въ городѣ пробылъ двое сутокъ и все это время въ нашемъ дрянномъ трактиришкѣ, съ двумя выгнанными приказными, пилъ и игралъ на бильярдѣ; и тѣ его на прощанье отдули кіями, потому что онъ проигрался, напилъ, наѣлъ, а расплатиться нечѣмъ. Славный, вижу, малый, но такъ какъ невѣстушка на меня изволитъ сердиться—ни сама не ѣздитъ, ни пишетъ, ни людямъ не велитъ заходить, — стало-быть, я ничего не могъ сдѣлать. Однако, черезъ годъ или меньше послѣ этого времени, вдругъ она пріѣзжаетъ ко мнѣ съ Митенькой, которому, замѣтьте, уже лѣтъ четырнадцать стукнуло. Очень радъ, конечно.

«— Я, говоритъ, братецъ, Митеньку въ гимназію везу.

«— Доброе, говорю, дѣло; нынче въ гимназіяхъ очень хорошо учатъ. А что же, прибавляю, гувернеръ твой?

«— Ахъ, говоритъ, братецъ, не говорите мнѣ про этого человѣка. Это чудовище какое-то! Какъ я за нимъ вначалѣ

ни ухаживала—лелѣяла его, можно сказать, онъ ничего этого не оцѣнилъ. Вообрази, мой дружокъ: онъ Митю, который именно какъ младенецъ еще невиненъ, началъ по ночамъ возить съ собой на мужицкія посѣдки. Я какъ узнала, такъ и обмерла; и какъ, надобно сказать, ребенокъ кротокъ и благороденъ: онъ никакъ мнѣ про своего учителя не хотѣлъ открыть этого.

«Я разсмѣялся.

«— Славный, говорю, наставникъ.

«— Ужасный, говоритъ, братецъ, человѣкъ! Но это еще не все: ты посмѣйся, онъ даже мнѣ вздумалъ дѣлать куры.

«— Вотъ видишь ли, говорю, сестрица: ты тогда на меня сердилась, а, значитъ, я говорилъ правду. Хорошіе гувернеры дороги, да къ тебѣ въ деревню и не поѣдутъ, а шарлатаны эти добру не научатъ.

«— Вижу, говоритъ, голубчикъ мой, все теперь вижу и потому рѣшилась отдать Митю въ гимназію, пускай тутъ учится; наймемъ квартиру, и сама съ нимъ буду жить.

«— Зачѣмъ же сама-то жить? Это ужъ, говорю, по-моему, и лишнее бы.

«— Отчего же, говоритъ, дружокъ мой, лишнее? Чей же, говоритъ, надзоръ можетъ быть лучше, какъ не самой матери?

«— Это такъ, говорю, только не твой, моя милая сестрица, я знаю напередъ; Митенька, напримѣръ, залѣнится въ классъ итти, а ты, вмѣсто того, чтобы принудить его, еще сама его оставишь, будешь ко всѣмъ учителямъ ѣздить да кланяться: а онъ на это станетъ надѣяться, а потому учиться-то не будетъ и станетъ шалить.

«— Что это, братецъ, ты всегда былъ для меня какимъ-то злымъ пророкомъ; Богъ съ тобой! Я этого перемѣнить не могу, такъ ужъ рѣшилась!

«— Ваше дѣло, говорю: какъ знаете, такъ и дѣлайте.

«Отправились. Живутъ тамъ. Мой старшій сынъ Петруша, ровесникъ Дмитрію-то, тоже тогда въ гимназіи учился. Спрашиваю его, когда этакъ на каникулы пріѣзжаетъ:

«— Каково племянничекъ подвизается?

«— Да что, говоритъ, папенька, все въ третьемъ еще только классѣ: два года не перешелъ.

«— Что же, говорю, способностей, что ли, у него нѣтъ, или лѣнится?

«— Нѣтъ, какое, говоритъ, способностей нѣтъ, ничего не занимается, потому что некогда: все по маскарадамъ да по баламъ маменька возитъ, танцуетъ какъ большой, одна шуба, говоритъ, у него, папенька, лучшая во всей гимназіи — хорь-

ковая, съ бобровымъ воротникомъ, у директора этакой нѣтъ; на вицмундирѣ сукно меньше какъ въ двадцать рублей не носитъ, а штатскаго-то платья сколько! Все въ сюртукахъ да во фракахъ щеголяетъ. Лошадь у него отличная, чухонскія сани съ полостью, и, когда въ гимназію ѣдетъ, всегда самъ правитъ.

«Вотъ тебѣ и собственный надзоръ маменькинъ, думаю; хорошъ!» Ну, однако съ теченіемъ времени Петруша мой кончаетъ своимъ порядкомъ курсъ и поступаетъ въ Демидовское, и пишетъ мнѣ, между прочимъ, что Дмитрій Никитичъ тоже не хочетъ учиться въ гимназіи и поступаетъ въ Демидовское изъ четвертаго класса; самолюбіе, знаете, разыгралось! Не хочется отъ сверстниковъ отстать; только дурно, что прямо не принимаютъ, надо напередъ приготовиться. Нанимаетъ ему маменька самаго лучшаго профессора за тысячу рублей. Ради этихъ расходовъ, бо́льшая часть имѣнія закладывается. Годъ проходитъ, тысяча заплачена; но наступаетъ экзаменъ, и малый нашъ хоть бы въ одномъ предметѣ выдержалъ. Демидовское, значитъ, не годится: переѣзжаютъ въ Москву, въ университетъ поступать; ждемъ, не будетъ ли тамъ толку, но и тамъ не понравилось. Получаю я отъ нея преотчаянное письмо; пишетъ, что Митенька учиться больше не желаетъ, потому что ходилъ въ университетъ вольнымъ слушателемъ, и что все ужъ узналъ, чему тамъ учатъ, а что теперь намѣренъ поступить въ военную службу, въ гусары. «Представьте, братецъ, мое ужасное положеніе, — прибавляетъ она: — чего всегда прежде опасалась, то должно исполниться; только и надежда на Бога да на васъ. Не напишете ли вы Митенькѣ письмо, не отсовѣтуете ли вы ему итти въ военную службу, а поступить въ депутатское собраніе?»

«Подумалъ я, поразсудилъ, потолковалъ съ женою. «Что же, думаемъ, отсовѣтовать, для чего и для какой цѣли!» — и отвѣтилъ ей такимъ образомъ, что по желанію твоему, милая сестрица, я не пишу Дмитрію, ибо это совершенно безполезно. Онъ отъ самаго своего рожденія никого и ни въ чемъ еще не послушался; а за намѣреніе его итти въ военную службу надобно благодарить Бога, потому что тамъ его, по крайней мѣрѣ, повымуштруютъ и порастрясутъ ему матушкины вотрушки; но полагалъ бы только съ своей стороны лучшимъ— поступить ему въ пѣхоту, такъ какъ въ кавалеріи служба дорога; записывать же его въ депутатское собраніе — значитъ продолжать баловство и давать возможность ему бить баклуши. Думалъ, что за это письмо она, по обыкновенію, разсердится; однако нѣтъ. Нежданно-негаданно прикатила сама изъ

Москвы, заѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ, что, возложивши упованіе на Господа Бога, она рѣшилась отпустить Митю въ службу и потому ѣдетъ съ нимъ въ Малороссію, гдѣ и думаетъ пожить, а «такъ какъ, говоритъ, имѣніе остается безъ всякаго надзора, то умоляю тебя, другъ мой, принять его въ свое распоряженіе». Я только развелъ руками.

«— Безразсудная, говорю, ты женщина, сестрица. Зачѣмъ же ты сама-то ѣдешь за этакую даль въ твои лѣта? И какъ ты будешь жить съ сыномъ-юнкеромъ, и гдѣ: по деревнямъ, что ли, съ нимъ, или въ казармахъ? Знаешь ли ты, какого рода эта жизнь?

«Заткнула уши и слушать не хочетъ. Просидѣла какъ на иголкахъ одинъ вечеръ и куда-то скрылась, больше ужъ и не видалъ; а сказывали, что цѣлымъ обозомъ уѣхала куда-то за Москву. Имѣніе однакожъ принялъ и потомъ, видѣвши большія во всемъ запущенія, только, знаете, хотѣлъ-было немного поустроить,—не тутъ-то было: черезъ мѣсяцъ какой-нибудь получаю отъ нихъ письмо, умоляютъ, чтобы прислалъ тысячу рублей серебромъ. Что угодно, пишутъ, могу изъ имѣнія продать, только, Бога ради, не остановить, потому что безъ этого Митеньку въ полкъ не принимаютъ. Дѣлать нечего: взялъ и продалъ лучшую отхожую ихъ пустошь, выслалъ имъ тысячу рублей. Думаю, по крайней мѣрѣ теперь поугомонятся. Ничего не бывало; какъ начали, сударь мой, почти чрезъ каждую почту жарить меня: «Безцѣнный братецъ, многоуважаемый дядюшка: вышлите денегъ, соберите оброки, или займите гдѣ-нибудь». Только въ томъ и письма состоятъ. Выслалъ еще раза два; терпѣніе наконецъ лопнуло, написалъ имъ предерзкое письмо. «Вѣроятно, вы,—пишу имъ:—не умѣете считать, что ожидаете оброковъ, когда они получены мною уже за цѣлый годъ впередъ; а если вы, мои милые, думаете, что въ вашей усадьбѣ или въ какой-нибудь изъ деревень вашихъ открыты золотые рудники, такъ вы ошибаетесь. Нѣтъ у меня про васъ больше денегъ». Осердились. Получаю на это отвѣтъ отъ одного ужъ племянника, очень вѣжливый, но холодный. Извиняется, что обезпокоили меня управленіемъ имѣнія, и потому его нынѣ поручаютъ своему старостѣ. Ну, думаю, мнѣ же лучше: кума съ возу, куму легче. Прошло такимъ дѣломъ года четыре—ни слуху ни духу отъ моей родненьки; только одинъ разъ прогуливаюсь я по нашему базару, вдругъ, вижу, идетъ мнѣ навстрѣчу ихъ ключница, Марья Алексѣевна, въ своей, по обыкновенію, заячьей китайской шубкѣ, маленькой косынкой повязанная: любимая, знаете, изъ всѣхъ людей покойнымъ братомъ женщина, и въ самомъ дѣлѣ этакая преданная

всему ихъ семейству, скопидомка большая въ хозяйствѣ, неглупая и очень непрочь поговорить и посудить о господахъ, съ кѣмъ знаетъ, что можно.

«— Марья Алексѣевна, говорю, мое вамъ почтенье.

«Она подошла ко мнѣ и, какъ водится, поцѣловала меня въ плечо.

«— Зачѣмъ и про что изволили пожаловать къ намъ въ городъ?

«— Запасовъ, сударь, говоритъ, кой-какихъ пріѣхала закупить: чаю, кофею, сахару для дому.

«— Да что, сама, что ли, вздумала чайничать да кофейничать?

«— Никакъ нѣтъ, сударь, для госпожи, говоритъ.

«— Какъ для госпожи? Барыня развѣ здѣсь?

«— Какъ же, сударь, говоритъ, мѣсяца полтора, какъ прибыли.

«— Хорошо, говорю, а мнѣ и вѣсточки не дадите.

«— Не можемъ, сударь, этого ничего знать, говоритъ, воля господская.

«— Надолго ли же, говорю, пріѣхала сестра?

«— Да надо полагать, что на житье изволили прибыть.

«— Что же за причина этому, и какъ она съ своимъ Митенькой рѣшилась разстаться?

«Марья Алексѣевна только покачала головой.

«— На это, говоритъ, было большое желаніе Дмитрія Никитича, такъ какъ они поступили уже въ офицерскій чинъ, стали маменьку просить, чтобъ, чѣмъ жить тамъ при нихъ и проживаться, лучше ѣхать въ деревню и скопить что-нибудь для нихъ, но барыня и послѣ этихъ словъ еще, по своей привязанности, долго не рѣшалась; а потомъ ужъ, видѣвши, что отъ нихъ стало большое настояніе, сдѣлать не по-ихнему не хотѣли, поѣхали-съ. Не съ теперешнихъ, батюшка Иванъ Семенычъ, поръ, — прибавляетъ она: — всякое слово Дмитрія Никитича законъ для Настасьи Дмитревны было, сами изволите знать.

«— Какъ не знать, говорю, только въ этотъ разъ, пожалуй, она и хорошо сдѣлала, что послушалась. Тамъ, я думаю, въ этой кочевой жизни немало намаялись.

«— Не безъ того, сударь; много было слуховъ, и до васъ, можетъ, доходили. Когда густо, а когда и пусто. Полковые господа — молодые! При деньгахъ, такъ запотроевъ много, а нѣтъ, такъ денекъ-другой въ кухнѣ и огня не разводятъ: готовить нечего, сами куда-нибудь въ гости уѣдутъ, а старушка дома сидитъ и терпитъ; но какъ я, по моему глупому разуму,

думаю, такъ онѣ и этимъ бы не потяготились, тѣмъ, что теперь, какъ все это на нашихъ глазахъ, такъ онѣ въ разлукѣ съ нимъ больше убиваются. Если которая почта отъ Дмитрія Никитича писемъ нѣтъ, такъ мы, ей-Богу, не знаемъ, что и дѣлать: такъ плачутъ, такъ плачутъ, что, Господи, откуда у нихъ только эти слезы берутся. Разстраиваютъ свое здоровье, ни на что не похоже.

«Жалко мнѣ стало мою невѣстушку, слушая эти разсказы.

«— Нехорошо, говорю, очень нехорошо... Да что она на меня все сердится, что ли?

«— Ахъ, нѣтъ, сударь, говоритъ, какъ изволите вы знать ея ангельскую доброту, на кого онѣ могутъ сердиться? Скорѣе, осмѣлюсь вамъ доложить, онѣ полагаютъ, что вы на нихъ гнѣваетесь

«— Ну, такъ вотъ что, говорю, Марья Алексѣевна, когда ты пріѣдешь домой, кланяйся ей отъ меня и скажи, что я завтра пріѣду.

«— Ахъ, батюшка Иванъ Семенычъ, сдѣлайте такую божескую милость; ужъ я и не знаю, какъ онѣ вамъ рады будутъ. Утѣшьте вы ихъ, поразсѣйте хоть немного; ну что съ нами однѣми—какіе разговоры? Все одна да одна, голубушка моя, не глядѣла бы на нее.

«Поѣхалъ я на другой день. Еще когда подъѣзжалъ къ усадьбѣ, у меня замерло сердце; представьте себѣ, послѣ этакого устройства, какое было при братѣ, вижу я, что флигеля развалились, садъ заглохъ, аллейка эта срублена, сломана, а съ дома тесъ даже ободранъ, которымъ былъ обшитъ; внутри не лучше: въ залѣ штукатурка обвалилась, полъ качается: сама хозяйка помѣстилась въ одной маленькой комнатѣ, потому что во всѣхъ прочихъ холодъ страшный. Мнѣ обрадовалась, бросилась на шею, прослезилась.

«— Такъ-то, говорю, сестрица, вотъ и вы возвратились; я пріѣхалъ провѣдать васъ.

«— Благодарю, дружокъ мой, благодарю, благодѣтель мой, что вы меня вспомнили, или нѣтъ, погодите... Не хочу съ вами ни говорить ни слушать васъ, а напередъ покажу вамъ письмо Митеньки, которое вчера только получила.

«И такъ, знаете, проворно соскочила съ дивана къ комоду, отпираетъ, у самой руки дрожатъ, подала наконецъ

«— Каково, братецъ, краснорѣчіе, слогъ-то какой? Умница онъ у меня.

«— Очень, говорю, хорошо.

«А чего очень хорошо, ничего особеннаго нѣтъ, обыкновен-

ное письмо молодого человѣка: описываетъ разные пустяки; почеркъ больше этакій ученическій.

«— По письму еще вы, братецъ, не можете судить,— продолжала она:—а если бы вы его самого видѣли! Этакой восхитительной наружности мужчину вообразить трудно; что за ловкость, что за обращеніе! Принятъ въ самыхъ лучшихъ домахъ; любимъ всѣми, уважаемъ. Дмитрія нѣтъ, танцы не составляются, потому что барышни съ другими кавалерами танцовать не хотятъ. Онъ пріѣхалъ, — ожило: старичковъ въ карты усадитъ, молодежь у него сейчасъ затанцуетъ. И я вотъ нѣсколько потомъ разъ замѣчала: все, что есть въ обществѣ солиднаго, умнаго, все это за Дмитріемъ ходитъ по слѣдамъ и ловитъ его каждое слово.

«Слушаю ее и внутренно усмѣхаюсь.

«— Это, говорю, сестрица, хорошо; только какъ служба-то у него — исправно ли идетъ?

«— Ахъ, братецъ, говоритъ, про службу вы ужъ мнѣ лучше и не говорите. Я боюсь одного, что онъ на этой службѣ все здоровье растеряетъ. Что жъ, говоритъ, конечно, цѣнятъ, очень цѣнятъ. Генералъ пріѣзжаетъ ко мнѣ передъ самымъ отъѣздомъ сюда. «Настасья Дмитріевна, говоритъ, чѣмъ мы васъ можемъ благодарить, что сынъ вашъ служитъ у насъ въ дивизіи! Это примѣрный офицеръ; какъ только у меня выбудетъ старшій адъютантъ, я сейчасъ его беру къ себѣ, и это будетъ во всей арміи первый адъютантъ».

«— Слава Богу, если такъ все хорошо идетъ, говорю.

«А самъ почти навѣрное знаю, что на дѣлѣ совершенно не то, и, признаюсь, невольно задумался, до чего можетъ доводить слѣпая материнская любовь. Во всемъ другомъ, напримѣръ, женщина всегда была довольно правдивая, а тутъ явно лжетъ, выдумываетъ, чтобъ какъ-нибудь своего Митеньку пораскрасить. Обѣдать сѣли мы втроемъ: попадья у нея была еще тутъ въ гостяхъ. Гляжу: мнѣ положена ложка серебряная, а у нихъ у обѣихъ деревянныя. «Что такое, думаю, неужели трехъ серебряныхъ ложекъ недостало?» Спросить было совѣстно, промолчалъ. Однако послѣ обѣда, вышедши прогуляться, вижу, что Марья идетъ изъ погреба.

«— Что это, мать моя,—говорю ей:—у васъ деревянныя ложки ужъ стали къ столу подавать?

«— Что, сударь Иванъ Семенычъ, говоритъ, намъ дѣлать, былъ-было у насъ при Никитѣ Семенычѣ домикъ, какъ полная чаша, а теперь вотъ барынина ложечка, что вы изволили кушать, да двѣ чайныхъ, больше и не спрашивайте, только и есть серебра.

«— Куда жъ оно дѣвалось? У брата было пропасть серебра.

«— Куда три было, если не больше; все туда въ полкъ увезено. И кто говоритъ, что въ употребленіи, а другіе сказываютъ, что продано, или тамъ заложено.

«— Славно, говорю, и усадьбу-то довели хорошо, нечего сказать. Каналья этотъ староста, кабы воля моя была, я бы съ нимъ раздѣлался.

«— Нѣтъ, говоритъ, Иванъ Семенычъ, тамъ какъ вамъ угодно, вся воля ваша есть, а только на старосту изволите приходить напрасно, на все были приказы отъ самого Дмитрія Никитича, только и пишутъ: ничего не жалѣй, да денегъ мнѣ вышли. Ранжереи проданы по ихъ письму, мельница тоже-съ, съ дому тесъ — и тотъ по ихъ приказанію сколоченъ и проданъ.

«Взорвало меня, знаете.

«— Такъ что, говорю, твоя старая-то дура, барыня, сидитъ да думаетъ и позволяетъ этому оболтусу все зорить и губить? Доживетъ, что на старости лѣтъ ѣсть будетъ нечего: съ голоду помретъ

«— Сами, сударь, видимъ, говоритъ, что не умно дѣлаютъ, даромъ, что госпожа. Вотъ хоть бы и по нашей братьѣ посудить, что̀ ужъ мы, темные люди: у меня у самой дѣтки есть; жалостливо, кто говоритъ, да все ужъ не на эту стать: иной разъ потѣшишь, а другой разъ и остановишь, какъ видишь, что неладно. А у нашей Настасьи Дмитріевны этого не жди: дѣлайся все по командѣ Дмитрія Никитича, а будто спасибо да почтенье большое?

«— А что̀ же?—говорю.

«— Небольшое, сударь; больше бы имъ надо маменьку свою жалѣть. Сударушка пріѣхала сюда въ этакій морозъ въ одномъ старомъ салопишкѣ, на ножкахъ ботиночекъ не было, а валеные сапоги, какъ у мужичка; платье, что̀ видите на ней, только и есть, къ себѣ ужъ и не зовите лучше въ гости: не въ чемъ пріѣхать. Не дорогого бы стоило искупить всѣ эти вещи, да, видно, и на то не хватило: на дѣло такъ нѣтъ у насъ, а на пустяки тысячи кидаютъ.

«— Грустно, говорю, Марья, грустно мнѣ слушать это.

«— Ахъ, сударь Иванъ Семенычъ, развѣ легко намъ это разсказывать. Посмотрѣли бы вы, какъ вся дворня, отъ мала до большого, всѣ мужички горькими обливаются слезами, вспоминая стараго барина, хотя, конечно, грѣхъ сказать и про Дмитрія Никитича, чтобы они этакіе были строгіе или ужъ чрезъ мѣру взыскательные.

«— Что же говорю, простъ, что ли, онъ, или, между нами сказать, глупъ?

«— Какое, сударь, глупы; подите-ка, какой говорунъ, на словахъ города берутъ, а на дѣлѣ, пожалуй, и ваше слово— слабъ разсудкомъ. Покойникъ вашъ братецъ, изволите, я думаю, помнить, не любилъ много говорить, да много дѣлалъ; а они совсѣмъ другое дѣло: а до денегъ, осмѣлюсь вамъ доложить, такой охотникъ, что, кажется, у нихъ только и помысловъ, что какъ бы ни быть, да денегъ добыть. Теперь собираются жениться, и сказываютъ, что часто этакъ хвастаютъ: «женюсь, говоритъ, непремѣнно на красавицѣ и на богачкѣ».

«— Какъ же, говорю, много про него припасено!

«И не сталъ больше разспрашивать: хорошаго, видно, не услышишь. Ночевавши ночь, сбираюсь домой, только вижу, что моя Настасья Дмитріевна какъ-то переминается и наконецъ говоритъ:

«— Братецъ, говоритъ, не можете ли вы мнѣ одолжить взаймы полтораста рублей? Мнѣ теперь крайняя нужда; а я, говоритъ, какъ только соберу оброки, сейчасъ вамъ выплачу.

«— Слушай, говорю, сестра, ты знаешь, у меня денегъ у самого немного, но такъ какъ я вижу, что ты дѣйствительно въ крайности, то я тебѣ дамъ полтораста рублей съ однимъ условіемъ, чтобы ты изъ нихъ гроша не посылала Дмитрію, а издержала все на себя. Посмотри, до чего ты себя довела и на что похоже ты живешь: у тебя, какъ говорится, ни ложки ни плошки нѣтъ; въ домѣ того и гляди, что убьетъ тебя штукатурка: сама ты въ рубищѣ ходишь.

«Зарыдала.

«— Изволь, говорю, взять у меня денегъ и непремѣнно устрой себя и около себя.

«— Непремѣнно, говоритъ, дружокъ мой, устрою. Мнѣ самой становится тяжело такъ жить.

«Далъ ей полтораста цѣлковыхъ и, поѣхавши домой, раздумался.

«Не утерпитъ, думаю, она — подѣлится съ Митенькой.

«Съ этими мыслями и завернулъ къ почтмейстеру.

«— Сдѣлайте, говорю, милость, если будетъ моя невѣстка посылать къ сыну денегъ, увѣдомьте меня.

«И я не ошибся въ своемъ предположеніи. Въ первую же почту тотъ даетъ мнѣ знать, что отправлено сто сорокъ серебромъ. Для себя только десять цѣлковыхъ оставила. Такъ это меня взорвало. Сейчасъ же поѣхалъ къ ней. Она—знаетъ ужъ кошка, чье мясо съѣла: какъ увидѣла, такъ и поблѣднѣла.

«— Братецъ, голубчикъ мой, говоритъ, я передъ тобой ви-

новата, но что же дѣлать? Онъ въ такой теперь нуждѣ, что невозможно его не поддержать. Я здѣсь перебьюсь какъ-нибудь, много ли мнѣ надо?

«— Слушай, говорю, Настасья Дмитріевна; я оборвалъ себя и отдалъ тебѣ свои послѣднія деньги на твою нужду. Ты меня обманула, и съ этихъ поръ ты о гривенникѣ взаймы не заикайся мнѣ; живи, какъ хочешь; у меня про твоего вѣтрогона Дмитрія Никитича банкъ не открытъ: бездонную кадку не нальешь!»

На этомъ мѣстѣ Иванъ Семеновичъ опять пріостановился.

— Фу, усталъ даже, — проговорилъ онъ и потомъ, помолчавъ нѣкоторое время, снова продолжалъ:

— Года черезъ полтора, знаете, этакъ пріѣхалъ я изъ округа, усталъ; порастрясло, конечно; вдругъ докладываютъ, что какой-то офицеръ ко мнѣ пріѣхалъ. Я-было сначала велѣлъ извиниться и сказать, что не такъ здоровъ и потому принять не могу, однако онъ съ моимъ посланнымъ обратно мнѣ приказываетъ, что онъ мнѣ родственникъ и весьма желаетъ меня видѣть. Дѣлать нечего, принимаю. Входитъ молодой офицерикъ, стройный, высокій, собой хорошенькій, мундиръ съ иголочки, сапоги лакированные, въ лайковыхъ перчаткахъ, надушенъ, напомаженъ.

«— Вы, говоритъ, дядюшка, вѣроятно, не узнали меня?

«— Да, говорю, извините меня; припоминаю немного, но боюсь ошибиться.

«— Я, говоритъ, такой-то, Дмитрій Шамаевъ.

«— Ахъ, Боже мой, Митенька!—невольно, знаете, вскрикнулъ и потомъ, поодумавшись, говорю: — Извините, говорю, милый племянничекъ, что такъ васъ попрежнему назвалъ.

«— Помилуйте, дядюшка, говоритъ, напротивъ, мнѣ это очень пріятно: это показываетъ, что вы не утратили еще ко мнѣ вашего родственнаго расположенія, которымъ я всегда такъ дорожилъ и цѣнилъ.

«— Очень, говорю, вамъ благодаренъ, что вы такъ меня разумѣете. Надолго ли, говорю, пріѣхали побывать въ наши мѣста?

«— На двадцать восемь дней, говоритъ, дядюшка.

«— Что же такъ мало? Матушка, я думаю, глаза проглядѣла, васъ ожидая, а теперь въ этакое короткое время и наглядѣться на васъ не успѣетъ.

«— Что жъ дѣлать, говоритъ, дядюшка, долго ли, коротко ли, все разстаться придется. Повидаюсь съ ней, поустрою хоть нѣсколько имѣніе.

«— Да-съ, говорю, милый Дмитрій Никитичъ, и это не мѣ-

шаетъ: имѣніе ваше будетъ скоро никуда негодно, такъ вы его разорили.

«Онъ вздохнулъ, знаете, пожалъ плечами и говоритъ:

«— Что жъ, дядюшка, говоритъ, дѣлать! Теперь я самъ сознаю мои ошибки, но кто же въ молодости не имѣлъ ихъ? Отъ маменьки въ этомъ отношеніи я не имѣлъ никакихъ наставленій; напротивъ, еще онѣ ободряли всѣ мои глупости; но, поживши и испытавши на опытѣ, иначе начинаю смотрѣть на вещи.

«Тутъ входитъ моя жена.

«— Ну-те-ка, говорю, молодой человѣкъ, узнаёте ли, кто это такая дама?

«— Какъ же, говоритъ, не узнать добрую, милую тетушку, которая всегда мнѣ такія красивыя конфеты дарила!

«Жена его тоже сейчасъ узнала, привѣтствовала, и стали они перекидываться между собою словами: супруга моя, напримѣръ, удивляется, какъ онъ ее узналъ, потому что она, вотъ видите, очень постарѣла, а онъ, наоборотъ, даетъ такой тонъ, что если ему и трудно было узнать ее, такъ это потому собственно, что она похорошѣла... Говорятъ они такимъ манеромъ, а я между тѣмъ присматриваюсь къ моему племянничку и думаю самъ съ собою:—«Что же ужъ очень я нападалъ на него и представлялъ его себѣ совсѣмъ пустымъ человѣкомъ. Малый хоть куда: говоритъ умненько, складненько». Далѣе, потомъ-съ, послѣ обѣда сошлись, по обыкновенію, въ моемъ кабинетѣ. Я сѣлъ въ кресло вздремнуть немного, вдругъ сквозь сонъ этакъ слышу, что гость мой ходитъ по комнатѣ и что-то съ жаромъ говоритъ; открываю я глаза, прислушиваюсь: разсказываетъ онъ, что будто бы тамъ, гдѣ они стоятъ, живутъ все богатые помѣщики и живутъ отлично, и что будто бы тамъ жениться на богатой невѣстѣ такъ же легко, какъ выпить стаканъ воды. Эти слова его, знаете, и напомнили мнѣ, что говорила о немъ Марья.

«— Не знаю, говорю, милый мой Дмитрій Никитичъ, какъ нынче, а прежде я тамъ тоже бывалъ, живутъ такъ же, какъ и мы грѣшные: есть богатые, есть и бѣдные; и богатыя невѣсты, слышно, выходятъ больше или за богатыхъ, или за чиновныхъ, а на вашу братью — небогатыхъ субалтернъ-офицеровъ—не очень-то смотрятъ.

«— Ну нѣтъ-съ; нынче тамъ не такъ-съ.—возражаетъ онъ мнѣ.—Нынче, если вы понравились дѣвушкѣ, то она, будь у ней хоть милліонъ, полюбя васъ, выйдетъ за васъ замужъ.

«— Можетъ-быть-съ, говорю, только вотъ прежде надобно понравиться чѣмъ-нибудь.

«Онъ прошелся этакъ по комнатѣ, усмѣхнулся.

«— Уважаю васъ, дядюшка, говоритъ, какъ почтеннаго дядю, спорить съ вами я не смѣю, тѣмъ болѣе, что про себя лично въ этомъ случаѣ мнѣ разсказывать довольно щекотливо, и замѣчу одно, что тамошнія женщины всѣ прекрасно образованы, очень богаты и потому избалованы. Встрѣчая молодого человѣка, если онъ имъ нравится, онѣ знать не хотятъ, богаты ли вы, бѣдны, чиновны, или нѣтъ.

«— Ну, вотъ видите,—говорю я:— вы разсказываете намъ точно про какую-нибудь новооткрытую Америку; все тамъ не по-нашему дѣлается.

«— Вамъ, я вижу, дядюшка, это кажется смѣшно и неправдоподобно, но я могу доказать примѣрами: въ прошломъ году у насъ женился майоръ и взялъ сто тысячъ чистогану— это ужъ фактъ!

«— Такъ майоръ же, говорю, а не прапорщикъ.

«— Позвольте-съ, — перебиваетъ онъ меня: — если вамъ угодно успѣхъ этотъ отнести къ чину майора, такъ вотъ вамъ другіе два примѣра: предъ самымъ моимъ отъѣздомъ, одинъ нашъ прапорщикъ, и одинъ даже юнкеръ, оба бѣдняки, женились и получили въ приданое: первый небольшое состояньице съ десятью тысячами серебромъ годового дохода, а второй хватилъ полмилліона. Конечно, они оба хорошаго очень рода, молодцы, щегольски говорятъ по-французски, но и только; кромѣ этого, въ нихъ ничего особеннаго нѣтъ: прапорщикъ даже очень недалекъ; а умѣли понравиться дѣвушкамъ.

«— Дай Богъ, конечно, говорю, этакого счастья всякому, но только вотъ видите ли, Дмитрій Никитичъ, что я въ жизнь мою наблюдалъ: васъ, охотниковъ жениться на богатыхъ невѣстахъ, смѣло можно считать тысячами, а богатыхъ невѣстъ—десятками, такъ на всѣхъ, пожалуй, и недостанетъ.

«— Зачѣмъ же на всѣхъ? На счастливцевъ выпадаетъ! Но... если удается нѣкоторымъ, то почему не искать и каждому? Возьмите вы молодого человѣка въ моемъ положеніи и скажите мнѣ откровенно, чѣмъ другимъ я могу поправить мою карьеру; а поправить ее мнѣ очень нужно: я очень небогатъ, но и по моему воспитанію и по тому кругу, въ которомъ я жилъ, по всему этому я привыкъ жить порядочно.

«— Какая вамъ, говорю, еще надобна карьера? Служите усерднѣе, вы красивы изъ себя, молоды, здоровы, человѣкъ, какъ понимаете себя, образованный; выслужитесь: карьера сама собою придетъ со временемъ.

«— А денежныя средства?—возражаетъ онъ мнѣ.

«— Что же,—возражаю я ему въ свою очередь:—денежныя

средства? По-моему, ваши денежныя средства вовсе недурны: жалованья вы получаете около трехсотъ рублей серебромъ, имѣніе... хоть вы и разстроили его, но поустройте немного,— и одной оброчной суммы будете получать около шестисотъ серебромъ; изъ этихъ денегъ я бы на вашемъ мѣстѣ триста рублей оставилъ матери: вамъ грѣхъ и стыдно допускать жить ее въ такой нуждѣ, какъ жила она эти два года. Извините, я говорю прямо.

«— Все это, дяденька, я очень хорошо самъ знаю, но въ такомъ случаѣ, говоритъ, я не могу служить.

«— Отчего же не можете? У васъ будетъ шестьсотъ рублей годового дохода: на эти деньги очень, кажется, можно жить молодому офицеру.

«Онъ вдругъ засмѣялся.

«— Шестьсотъ рублей, говоритъ, для кавалерійскаго офицера! Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, видно, вы совершенно не знаете службы.

«— А когда, говорю, мало вамъ въ кавалеріи, переходите въ пѣхоту, служба вездѣ вся равна.

«— Если бы и такъ. — отвѣчаетъ онъ мнѣ на это:—такъ и въ такомъ случаѣ мнѣ нечѣмъ будетъ жить.

«— Да что же такое? — вспылилъ ужъ, знаете, я: — все вамъ мало да мало, а спросили бы вы: какъ служилъ вашъ отецъ и я? Жалованья мы получали вдвое меньше вашего, изъ дома ни копейки, кромѣ развѣ матушка тихонько отъ отца пришлетъ бѣлья, а мы однако прослужили: я двѣнадцать лѣтъ, а братъ пятнадцать.

«— Если такъ разсуждать, такъ вы, конечно, говоритъ, дядюшка, правы; но вы забыли, что нынче не тѣ ужъ времена и не такое мы съ дѣтства получаемъ воспитаніе. Кто говоритъ! Если бъ я выросъ въ деревнѣ, ничему бы не учился...

«(Онъ-то, изволите видѣть, многому учился, думаю я; однакожъ слушаю).

«— Роскоши бы, продолжаетъ, не видалъ, въ обществѣ не былъ принятъ, это другое дѣло, я бы стоялъ тамъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, ѣлъ бы кашу да говядину съ картофелемъ, пилъ бы водку — и прекрасно! Но это для меня ужъ невозможно. Тамъ у насъ недѣля не проходитъ безъ бала.

«— Эхъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, танцуя, цѣлый вѣкъ не проживешь.

«— Кто жъ, говоритъ, дядюшка, съ этимъ споритъ? Неужели вы думаете, что я въ этихъ балахъ вижу цѣль моей жизни? Вовсе нѣтъ! Я хочу только жить между людьми, рав-

ными мнѣ, и въ обществѣ хоть сколько-нибудь образованномъ; но предположимъ, что я поступлю буквально по вашему совѣту, т.-е. ничего не буду предпринимать и смиренно удовольствуюсь доходами съ имѣнія; въ такомъ случаѣ, какъ я и прежде вамъ объяснилъ, службу я долженъ оставить и слѣдовательно поселиться въ деревнѣ, въ нашей прекрасной Бычихѣ; но что жъ потомъ я стану дѣлать? Въ чемъ и какого рода могутъ быть у меня развлеченія? Ѣздить по деревнямъ на бесѣды да въ села на базары!

«— Кто васъ, говорю, заставляетъ ѣздить по бесѣдамъ? Занятія можно найти: хозяйничайте; а если захотите развлечься, зимой поѣзжайте въ губернскій городъ; у насъ здѣсь веселятся больше по городамъ.

«— Благодарю васъ, дядюшка, покорно на вашихъ городскихъ удовольствіяхъ, — говоритъ онъ и кланяется мнѣ въ поясъ.—Бывалъ я прежде, продолжаетъ, былъ и теперь проѣздомъ въ вашемъ губернскомъ собраніи. Что это такое, помилуйте, только-что не горятъ сальныя свѣчки да не подаютъ квасу: скука, натянутость во всемъ, какъ на купеческой вечеринкѣ, и что всего милѣе: я, напримѣръ, въ маскарадѣ ангажирую одну дѣвушку, она мнѣ вдругъ прямо говоритъ: «Pardon, m-r, я съ незнакомыми не танцую». Я отвернулся и не сталъ больше говорить. Это чортъ знаетъ что такое! Она видѣла, что я въ мундирѣ. Какъ, тетушка, скажете вы, оправдаете поступокъ этой дѣвицы, или нѣтъ? — обращается онъ къ женѣ моей; а та, знаете, чтобъ немного побѣсить его:

«— Что жъ, говоритъ, она, вѣрно, не хотѣла съ вами танцовать.

«Онъ только на это пріосанился и ничего не сказалъ.

«— Ну, какъ, говорю, не хотѣла; она просто глупо поступила.

«— Не глупо, говоритъ, дядюшка, а это дичь какая-то. Но тамъ, Боже ты мой, что это за женщины! Знакомы вы, или не знакомы—она сейчасъ васъ опривѣтствуетъ, пойдетъ съ вами одна подъ руку въ садъ, въ поле; сама вызоветъ васъ на интересный разговоръ, — и все это свободно, умно, ловко! Вы, дядюшка, улыбаетесь; вамъ, какъ человѣку пожилыхъ лѣтъ, можетъ-быть, смѣшны мои слова, но я говорю справедливо.

«— Нѣтъ-съ, говорю, я не тому, а очень ужъ вы хвалите тамошнія мѣста; видно, тамъ зазнобушка есть, такъ и кажется все въ иномъ свѣтѣ.

«— Ну, дядюшка, говоритъ, что это за слово—зазнобушка,

очень ужъ оно неблагозвучно...—И потомъ, подумавши, прибавляетъ:—Дѣйствительно, говоритъ, я имѣю тамъ виды на одну дѣвушку.

«— Что жъ, и жениться думаете?

«— Конечно-съ, тѣмъ болѣе, что это такая партія, о которой я не смѣлъ бы подумать, если бы не случай.

«— Дай Богъ, говорю, Дмитрій Никитичъ, только смотри, есть поговорочка, которую твой покойный отецъ часто говаривалъ: «дѣвушки хороши, красныя пригожи; ахъ, откуда же берутся злыя жены?»

«— Эта поговорка, говоритъ, дядюшка, никоимъ образомъ не можетъ отнестись ко мнѣ!

«— Не хвастай, говорю, понравится сатана лучше яснаго сокола; въ тѣхъ мѣстахъ женщины на это преловкія, часто вашу братью, молоденькихъ офицеровъ, надуваютъ; а если ты думаешь жениться, такъ выбери-ка лучше здѣсь, на родинѣ, невѣсту; въ здѣшней палестинѣ мы о каждой дѣвушкѣ знаемъ — и семейство ея, и родъ-то весь, и состояніе, и характеръ, пожалуй.

«— Очень вамъ благодаренъ, говоритъ, дядюшка, за вашъ совѣтъ и вполнѣ увѣренъ, что вами руководствуетъ желаніе мнѣ добра, но вы меня совсѣмъ не поняли. Обмануться я не могу, потому что я женюсь съ расчетцемъ. Нынче ужъ, говоритъ, дядюшка, надъ любовью смѣются, а всѣмъ надобно злата, злата и злата. Точно такъ и я. У меня все предусмотрѣно: кромѣ ея прекраснаго воспитанія, ума, доброты ангельской, кромѣ наконецъ обыкновеннаго приданаго, у ней милліонное наслѣдство — въ дѣлѣ. Много ли у васъ такихъ невѣстъ?

«— Въ дѣлахъ-то, пожалуй,—смѣюсь я ему:— и у нашихъ лежатъ милліоны, да дѣла-то вещь темная...

«— А вотъ какая, говоритъ, дядюшка, темная вещь, это мнѣ говорилъ одинъ тамошній стряпчій-законникъ, который на этихъ дѣлахъ зубы пріѣлъ. Онъ говорилъ, что на охотника за это дѣло сейчасъ можно дать двѣсти тысячъ.

«— Хорошо, говорю, значитъ, дѣло. Только когда и скоро ли оно кончится?

«— Въ этомъ-то, говоритъ, и фортель весь заключается: старикъ засидѣлся въ деревнѣ, облѣнился; ему страшно подумать тронуться въ Петербургъ, и дѣло такимъ образомъ стоитъ, не двигается; но если оно попадетъ въ руки человѣка съ энергіей, такъ ему будетъ недурно. Вотъ видите, говоритъ, дядюшка, какъ у меня далеко все разсчитано... Стало-быть, я не слѣпой обожатель!

«— Вижу, говорю, что у васъ въ головѣ все разсчитано, а на дѣлѣ-то, мнѣ кажется, такъ васъ либо надуваютъ, либо дурачатъ.

«— Время-съ, говоритъ, все это покажетъ.

«— Конечно, говорю, время покажетъ...

«И ужъ мнѣ, знаете, сталъ надоѣдать этотъ споръ.

«— Кончимъ, говорю, мой милый Дмитрій Никитичъ, наши пренія, которыя ни къ чему не поведутъ. Мнѣ тебя не убѣдить, да и ты меня тоже не переувѣришь; останемся каждый при своемъ.

«Такъ мы съ нимъ и поспорили; вижу, что мои замѣчанія ему не очень понутру: нахмурился, ушелъ и съ полчаса ходилъ молча по залѣ. Вечеромъ однако пріѣхала одна дама съ дочерьми, онъ сейчасъ съ ними познакомился и сталъ любезничать съ барышнями, сѣлъ потомъ за фортепіано, очень недурно имъ сыгралъ, спѣлъ, словомъ, опять развеселился. Послѣ ужина, впрочемъ, сталъ прощаться, чтобъ ѣхать домой. Я останавливаю его ночевать.

«— Нѣтъ ужъ, говоритъ, дядюшка, отпустите меня: я пріѣхалъ на такое короткое время, надо съ матушкой побыть.

«— А, въ такомъ случаѣ, говорю, не смѣю останавливать, поѣзжайте.

«— У меня, впрочемъ, говоритъ, дядюшка, до васъ просьба есть.

«Согрѣшилъ: думаю, вѣрно, хочетъ денегъ просить.—Какая же это просьба?—говорю не совсѣмъ ужъ этакимъ пріятнымъ голосомъ.

«— Я, говоритъ, дядюшка, желаю остальную свободную часть имѣнія заложить, и какъ это зависитъ отъ здѣшнихъ судовъ, такъ нельзя ли вамъ похлопотать, чтобъ мнѣ скорѣе это сдѣлали?

«— Это, говорю, Дмитрій Никитичъ, ты такимъ-то манеромъ думаешь устраивать имѣніе?

«— Невозможно, говоритъ, дядюшка, при такомъ случаѣ, какъ женитьба, о которой я вамъ говорилъ; не могу же я быть совершенно безъ денегъ.

«— Послушай, говорю, Дмитрій Никитичъ, исполни ты хоть одинъ разъ въ жизни мою просьбу и повѣрь, что самъ за то послѣ будешь благодарить: не закладывай ты имѣнія, а лучше перевернись какъ-нибудь. Залогъ для хозяевъ, которые на занятыя деньги покупаютъ имѣнія, благодѣтеленъ; но заложить и деньги прожить — это хомутъ, въ которомъ рано ли, поздно ли, ты затянешься. О тебѣ я не говорю: ты мужчина, проживешь какъ-нибудь; но я боюсь за мать твою, ты оставишь ее безъ куска хлѣба.

«— Помилуйте, дядюшка, неужели, говоритъ, я не понимаю священной обязанности сына!

«— Вѣрю, говорю, другъ мой, что понимаешь, но скажу тебѣ откровенно, потому что желаю тебѣ добра и вижу въ тебѣ сына моего родного брата, что ты еще молодъ, мотовать и вѣтренъ.

«— Очень грустно, дядюшка, слышать, что вы меня такъ понимаете,—возражаетъ онъ мнѣ.

«— Ну, мой милый, говорю, хоть сердись на меня, хоть нѣтъ, а я говорю, что думаю, и не буду тебѣ содѣйствовать въ залогѣ имѣнія: дѣлай помимо меня, а я умываю руки.

«На эти слова мои онъ распаркался и уѣхалъ. Впрочемъ, я, разсчитавъ, знаете, что скоро ему къ отъѣзду, и какъ бы въ родѣ того, чтобъ заплатить визитъ, ѣду къ нимъ. Подъѣзжаю и вижу, что дорожная повозка у крыльца ужъ стоитъ: укладываются; спрашиваю:

«— Гдѣ барыня?

«— Въ спальнѣ у себя, не такъ здорова.

«— А молодой баринъ?

«— У нихъ сидятъ-съ.

«Вхожу. Она сидитъ на постели, а онъ у окошка. Я чуть не вскрикнулъ: представьте себѣ, въ какіе-нибудь эти полтора года, которые я ея не видалъ, изъ этакой полной и крѣпкой еще женщины, вижу худую, сморщенную, беззубую старушонку.

«Ахъ, ты, Боже мой! — думаю: — и все это сдѣлалось отъ разлуки съ Митенькой».

«— Мать ты моя, говорю, сестрица, что это съ тобой сдѣлалось? Тебя узнать нельзя.

«— Все больна, говоритъ, братецъ, это время была. Митенька-то мой, братецъ!

«— Знаю, говорю, сестрица, мы съ нимъ знакомы. Молодецъ у тебя сынъ; мы съ женой не налюбовались имъ, какъ онъ былъ у насъ,—говорю ей, чтобы потѣшить ее.

«— Слава Богу, говоритъ, батюшка!

«А сама взглянула на образъ и перекрестилась. Такъ что-то даже жалко сдѣлалось ее въ эту минуту.

«— Ѣдетъ ужъ, говоритъ, братецъ, а я здѣсь остаюсь, — проговорила, знаете, этакимъ плачевнымъ голосомъ, да и въ слезы.

«— Что же, говорю, сестрица, дѣлать! Сынъ—не дочь, не можетъ сидѣть все при васъ.

«— Вы, говоритъ, маменька (вмѣшивается Дмитрій), вашими слезами меня наконецъ въ отчаяніе приводите. Если

вамъ угодно, я исполню ваше желаніе, останусь здѣсь: брошу службу, брошу мою выгодную партію; но ужъ въ такомъ случаѣ не пеняйте на меня. Я долженъ погибнуть совершенно, потому что или сопьюсь, или что-нибудь еще хуже изъ меня выйдетъ.

«— Я, Митенька, другъ мой, ничего, ей-Богу, ничего. Я такъ только поплачу; нельзя же, говоритъ, не поплакать!

«— Поплакать, говорю, сестрица, можно, да ты плачешь-то не по-людски. Родительская любовь, моя милая, должна состоять въ томъ, чтобы мы желали видѣть дѣтей нашихъ умными, хорошими людьми, полезными слугами отечества, а не въ томъ, чтобы они торчали передъ нами.

«Между тѣмъ какъ я такимъ манеромъ разсуждаю, онъ вдругъ всталъ. Она какъ увидѣла это, такъ и помертвѣла; а плакать однако не смѣетъ и шепчетъ мнѣ:

«— Батюшка братецъ, мнѣ бы благословить его хотѣлось.

«— Ну что жъ, говорю, это хорошо. Маменька ваша, говорю, Дмитрій Никитичъ, желаетъ васъ благословить.

«Онъ мнѣ вдругъ мигаетъ и тоже шепчетъ:

«— Нельзя ли, говоритъ, дядюшка, чтобъ не было этого благословенія, а то опять слезы и истерики. Ей-Богу, я измучился, силъ моихъ ужъ нѣтъ.

«— Ну, что дѣлать, говорю, братецъ, нельзя старуху этимъ не потѣшить.

«Далъ ей образъ, сталъ онъ передъ ней на колѣни, слезы вижу и у него на глазахъ; благословила его, знаете, но какъ только образъ-то принялъ у нея, зарыдала, застонала; онъ ту же секунду драла... въ повозку, да и маршъ; остался я, дѣлать нечего, при старухѣ.

«— Помилуй, говорю, сестрица, что ты такое дѣлаешь!

«— Батюшка братецъ, говоритъ, не могу я безъ него моего друга, жить.

«Да какъ заладила это: «не могу я безъ него жить», плачетъ день, плачетъ другой... я-было ее къ себѣ, въ городъ, лѣкаря пригласилъ, тотъ съ недѣлю посмотрѣлъ и говоритъ: «Если ее оставить въ этомъ положеніи, такъ она съ ума сойдетъ». Какъ послѣ этого прикажешь съ ней быть?

«— Что же вы, говорю, сестрица, такъ ужъ убиваетесь? Поѣзжайте, когда такъ, за нимъ.

«— Не смѣю, батюшка братецъ. Ну, какъ ему это будетъ непріятно?

«— Что это, говорю, за вздоръ—непріятно! Что это тебѣ пришло въ голову,—поѣзжай!

«А самъ между тѣмъ къ нему, молодцу, написалъ особое

письмецо. Пишу, что «мать ваша, Дмитрій Никитичъ, не можетъ жить безъ васъ и ѣдетъ къ вамъ, но она имѣетъ, къ удивленію моему, страшное опасеніе, что вамъ это будетъ непріятно, чего, конечно, надѣюсь, не встрѣтитъ, ибо вы сами хорошо должны знать, какъ много вы еще должны заплатить ей за всю ея горячую къ вамъ любовь...» и такъ далѣе, знаете, написалъ умненькое этакое письмецо съ заковычками небольшими; хотѣлось ему объяснить, что онъ обязанъ къ матери быть благодаренъ и почтителенъ. Старуха моя, какъ только я утвердилъ ее въ этой мысли, точно ожила: сама укладывается, сбирается, мнѣ только-что не въ ноги кланяется. Уѣхала наконецъ и вскорѣ потомъ пишетъ: благодаритъ за участіе и объясняетъ, что Митенька обрадовался ей безъ души, и что еще бо́льшая для нея радость та, что общее ихъ желаніе исполняется: онъ женится на красавицѣ и богачкѣ. Я сначала и повѣрилъ, а потомъ люди ихъ стали болтать, что, когда она туда прибыла, такъ онъ ей нанялъ особую маленькую квартиру, и что ни къ невѣстѣ ни къ ея роднѣ даже и не представлялъ, и что будто бы даже старуха и на свадьбу не была приглашена, и что ужъ послѣ сама молодая, узнавши, что у ней есть свекровь, поѣхала и познакомилась, и что тесть и теща ему за это очень пеняли. Какъ это ни скверно съ его стороны, однако отвергать не могу: мать-де стара да бѣдна, не такъ, можетъ-быть, образована, какъ нынѣшнія дамы, такъ и стыдно. Фанфаронъ, и большой фанфаронъ, какъ вы это увидите и изъ послѣдующей его жизни. Этакихъ господъ, надобно сказать, не одинъ онъ на свѣтѣ. Чего бы, кажется, должно совѣститься, деньги, напримѣръ, брать въ долгъ да не платить,—имъ ничего. А что́, по-нашему, вздоръ: въ старой бы шинелькѣ если ему пришлось пройти по улицѣ, такъ со стыда сгоритъ, прятаться за углы станетъ, чтобы только его не увидѣлъ кто-нибудь... Сколько прошло потомъ времени послѣ женитьбы моего Дмитрія Никитича, теперь ужъ хорошенько не помню. Только прогремѣла наконецъ у насъ по уѣзду такая молва, что бычихинскій баринъ вышелъ въ отставку и изволилъ съ маменькой и съ молодой супругой прибыть въ свое помѣстье и очень-де ишбко принимаются за хозяйство. Я, знаете, на правахъ дяди, ожидаю хоть бы и визита себѣ, — не ѣдутъ; мнѣ немножко это и обидно. Думаю: видно, въ самомъ дѣлѣ племянникъ разбогатѣлъ, когда и знать не хочетъ. Однако получаю съ нарочно посланнымъ отъ него письмо, въ которомъ приноситъ тысячу извиненій, что до сихъ поръ самъ не былъ и жены не представилъ; причина тому та, что, пріѣхавши въ

усадьбу, не нашелъ ни одной годной для выѣзда лошади. «Препятствіе это, милый племянникъ, — отвѣчаю я ему: — весьма легко устранить». И съ этимъ же, знаете, посланнымъ посылаю за ними карету шестерикомъ, чтобы и они спокойно доѣхали, да и себя чтобы тоже не уронить. «На-мо! говорю, знай нашихъ!» Пріѣзжаютъ-съ. Онъ ужъ въ штатскомъ платьѣ, щеголь этакій, раздобрѣлъ немного, усы, бакенбарды, осанка этакая, какъ и вы, можетъ-быть, замѣтили, графская—залюбованье, по наружности, мужчина. Она очень еще молоденькая, довольно высокая, стройная, собой хорошенькая, только худа что-то очень и вообще какая-то воздушная: дунешь, кажется, такъ она упадетъ, не то что вотъ наши барышни—коренастыя, краснощекія. Нѣмочкой она мнѣ показалась на первый разъ. Одѣта, конечно, по послѣдней модѣ, такъ что у моей супруги глаза даже разгорѣлись; всю ночь послѣ мнѣ толковала, какое на ней все это дорогое и со вкусомъ. Рекомендуетъ онъ ее намъ.

«— Прошу, говоритъ, дядюшка и тетушка, почтить мою жену такимъ же родственнымъ расположеніемъ, которымъ и я всегда пользовался отъ васъ.

«Она тоже проситъ полюбить.

«Мы говоримъ, что это наша обязанность.

«— Не скучаете ли вы, говорю, сударыня, въ деревнѣ, въ нашихъ мѣстахъ?

«— Нѣтъ-съ, говоритъ, съ мужемъ и дѣтьми зачѣмъ же скучать?

«— А дѣти ваши велики? — спрашиваетъ жена моя.

«— Старшему, говоритъ, два года, а младшему шесть мѣсяцевъ.

«— Сами кормите?

«— Нѣтъ, говоритъ, перваго я сама кормила, но потомъ была больна, и второго докторъ мнѣ запретилъ: такъ это мнѣ грустно!

«— Вотъ, говоритъ (вмѣшался ужъ это мой племянникъ), тетушка и дяденька, побраните для перваго знакомства вашу племянницу,—хандритъ часто: что немного не по себѣ, а она ужъ Богъ знаетъ что воображаетъ... никакъ и ничѣмъ себя не хочетъ поразсѣять.

«Я посмотрѣлъ, знаете, на нее: цвѣтъ лица, кажется бы, блѣдный, а между тѣмъ румянецъ, какъ два врѣзанные розовые листа, играетъ. «Ну, пожалуй, думаю, судя по этому, есть отъ чего и похандрить»; однако не высказалъ этого, а, напротивъ, еще говорю:

«— Нехорошо, говорю, молодой дамѣ о болѣзни думать.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не думаю, а ей-Богу, говоритъ, иногда себя очень нехорошо чувствую.

«И такъ далѣе бесѣдуемъ. Но такъ какъ они хоть и не первый годъ женаты, а для насъ все еще будто молодые, и потому я затѣялъ для нихъ обѣдецъ; кое-кого изъ знакомыхъ позвалъ. Съѣхались тѣ. Вижу, мой Дмитрій Никитичъ себя держитъ свысока. Что-то насчетъ стола заговорили, и онъ тотчасъ же намъ началъ разсказывать: какой нынче долженъ быть порядочный, какъ онъ выразился, столъ, перечислилъ названія кушаньямъ, — все иностранныя, такъ что мы, его слушающіе, этакихъ и не слыхивали, и все это, знаете, очень подробно—точно самъ поваръ! Потомъ объ экипажахъ коснулся разговоръ. Онъ сталъ доказывать, что если ужъ покупать экипажи, такъ никакъ не менѣе восьмисотъ рублей серебромъ, потому что такой экипажъ будетъ гораздо выгоднѣе дешеваго, прослуживши десять-пятнадцать лѣтъ безъ починки, и вслѣдъ за этимъ началъ смѣяться надъ нѣкоторыми нашими помѣщиками, которые собираютъ экипажцы дома, хозяйственно.

«— Кто, — говорю я ему на это: — Дмитрій Никитичъ, не знаетъ, что коляска въ восемьсотъ рублей серебромъ лучше, чѣмъ дома собранная въ двѣсти рублей ассигнаціями; да вѣдь всякій по одежкѣ протягиваетъ ножки; надобно напередъ, чтобы восемьсотъ-то рублей въ карманѣ были.

«— О, дядюшка, что̀ это за вздоръ: велики деньги восемьсотъ рублей!

«Словомъ, я вижу, что онъ немного корчитъ изъ себя барича; къ супругѣ своей въ то же время очень внимателенъ, безпрестанно, знаете, обращается къ ней на французскомъ языкѣ. Она ему также отвѣчаетъ по-французски. Я-то не понимаю, а только жена мнѣ послѣ сказывала, что она это, какъ называется, произноситъ совершенно какъ француженка. Далѣе потомъ вышли какъ-то и мы и гости всѣ наши въ залу. Онъ, увидѣвши тутъ фортепіано, вдругъ говоритъ моей женѣ:

«— Такъ какъ я знаю, тетушка, что вы любительница музыки, такъ не угодно ли вамъ заставить жену мою сыграть что-нибудь: она, говоритъ, концерты давала.

«Супруга моя, конечно, начала просить. Она-было сначала отнѣкивалась, говоритъ, что давно не играла; однако упросили. Сѣла и сыграла штучки двѣ хорошо, очень хорошо, и бойко и съ чувствомъ; потомъ романсъ сыграла, а онъ спѣлъ. Я и понялъ, что онъ хочетъ пыль въ глаза пустить образованіемъ, знаете, своей супруги; ну, и это еще ничего,—извинительно. При разставаньи я говорю, что я и жена на слѣдующей недѣлѣ постараемся имъ заплатить визитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не извольте вы безпокоить ни себя ни тетушку, потому что у меня теперь хаосъ; все ломается и передѣлывается. Я буду васъ просить, когда все это приведется въ порядокъ, и тогда надѣюсь, что въ состояніи буду принять васъ прилично.

«— Какъ хочешь, говорю, намъ все равно, но что же такое ты передѣлываешь: домъ, что ли?

«— Все, говоритъ, дядюшка: всю усадьбу поднимаю съ подошвы.

«— Ну, доброе дѣло: только не спѣшилъ бы, а исподоволь бы все устраивалъ: это будетъ и дешевле и прочнѣе.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, я не такого характера: я люблю, чтобы у меня все кипѣло.

«И въ самомъ дѣлѣ, видно, у него закипѣло. Люди безпрестанно ѣздятъ въ городъ, то матеріаловъ закупить, то мастеровыхъ нанять. Къ намъ заходятъ тоже, спрашиваю ихъ:

«— Баринъ, я говорю, видно, при деньгахъ?

«— При деньгахъ-съ,—отвѣчаютъ мнѣ.

«Слава Богу, думаю, радуюсь. Наконецъ онъ и самъ является и, только-что поздоровался, сейчасъ же подводитъ меня къ окну.

«— Не угодно ли, говоритъ, дядюшка, взглянуть на новокупокъ моихъ.

«Гляжу. Стоитъ новомодная коляска и щегольскихъ четверня вороныхъ лошадей.

«— Недурны кони?—спрашиваетъ.

«— Да, говорю; у кого же ты это купилъ?

«— У Архипова-съ, говоритъ.

«Я невольно, знаете, пожалъ плечами. У Архипова точно, надобно сказать, отличный конскій заводъ, но дѣло въ томъ, что у него, какъ я знаю, меньше трехсотъ серебромъ лошади нѣтъ.

«— Что же, говорю, Дмитрій Никитичъ, ты платилъ за нихъ?

«— Вздоръ, говоритъ, дядюшка, просто шаль,—полторы тысячи цѣлковыхъ за четверку.

«— Деньги хорошія, говорю, и полторы тысячи цѣлковыхъ не очень дешево.

«— Помилуйте, дядюшка, — возражаетъ онъ мнѣ: — да вы разсудите: лошади все кровныя, одна другой вершкомъ ни выше ни ниже, масть въ масть; а какъ съѣзжены, вы посмотрѣли бы! Мнѣ вчера только привели ихъ, сегодня я заложилъ и поѣхалъ. Повѣрьте мнѣ, говоритъ, дядюшка, я кавалеристъ и въ лошадяхъ знатокъ; стоитъ мнѣ только эту четверку въ

Москву свести, я за нее меньше четырехъ тысячъ серебромъ не возьму.

«— Можно взять и меньше,—говорю я на это, и тутъ же къ слову спрашиваю:—А что это, Дмитрій Никитичъ, говорю, какой у тебя кучеръ? Я что-то его не знаю. Изъ женинаго имѣнія, что ли?

«— Нѣтъ, говоритъ, это нанятой, чудный малый; одна посадка, посмотрите, чего стоитъ... толстякъ-то какой!

«— Что же ты, говорю, ему платишь?

«— Десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

«— Да, говорю, десять же однако цѣлковыхъ!.. Цѣна петербургская; а кажется, для деревни это лишнее. У покойнаго отца твоего хорошій былъ кучеръ и къ лошадямъ очень привязанный.

«— Ну, что это, дядюшка, за кучеръ? Ему на косульницахъ ѣздить, а не на кровныхъ лошадяхъ. Онъ къ этимъ львамъ и подойти не посмѣетъ, да и дуракъ какой-то. Я ему велѣлъ возить солому да воду въ хлѣвъ.

«Не хотѣлъ его тутъ оспаривать, потому что онъ ужъ не молоденькій офицеръ, а женатый, мужъ, семьянинъ.

«— А я, говоритъ, дядюшка, къ вамъ съ требованіемъ обѣщаннаго визита; мнѣ ужъ теперь не стыдно принять васъ въ свой домишко.

«— Будемъ, говорю, когда прикажешь, тогда и будемъ.

«— Я бы, говоритъ, въ будущую пятницу васъ просилъ; оно немножко и кстати, потому что что-то такое въ родѣ именинъ моей жены.

«— Очень, говорю, кстати. Если бы я зналъ, я бы и безъ зову пріѣхалъ.

«— Тетушка тоже, говоритъ, будетъ?

«— Будетъ, говорю.

«— Стало-быть, эта статья рѣшенная,—продолжаетъ онъ:— по мнѣ бы еще хотѣлось пригласить кой-кого изъ городскихъ, и потому прощайте.

«— Для чего же тебѣ это хочется?—спрашиваю я.

«— Такъ, говоритъ, дядюшка,—нельзя же: могутъ случиться дѣлишки по судамъ; лучше, какъ позакормишь; изъ сосѣдей нѣкоторые пріѣдутъ, такъ ужъ вмѣстѣ.

«— Что же это такое: обѣдъ, что ли, будетъ у тебя?

«— Нѣтъ, такъ, позывочка; нельзя же не сблизиться. Между нами сказать: нынѣшнимъ предводителемъ, кажется, не очень довольны; черезъ годъ баллотировка, мало ли что можетъ случиться.

«— Это значитъ, ты въ предводители думаешь?

«— Да не то, чтобы я думалъ, а если дворянству угодно будетъ предложить мнѣ эту честь, не буду смѣть отказаться.

«Я взялъ да, знаете, ему и поклонился низенько.

«—Въ такомъ случаѣ, говорю, не оставьте, батюшка Дмитрій Никитичъ, вашей предводительской милостью вашего бѣднаго родственника-исправника.

«Смѣется.

«— Только, говоритъ, дядюшка, пожалуйста, чтобъ это осталось между нами. Тутъ ничего еще опредѣленнаго нѣтъ, и я такъ говорю съ вами, какъ съ родственникомъ.

«— Смѣю ли, говорю, я, маленькій человѣчекъ, что-нибудь говорить, когда вы не приказываете.

«— О, говоритъ, дядюшка, вѣчно поддѣнете меня и шпильку мнѣ поставите; лучше, говоритъ, не забудьте пятницы.

«— Слушаю-съ, говорю, ваше высокородіе, слушаю-съ.

«Пришла потомъ пятница. Отправляемся мы съ супругой, а за нами, смотримъ, почти полгорода: всѣ почти чиновники, худые и хорошіе. Пріѣзжаемъ мы этой гурьбой. Домъ, вижу я, отдѣланъ такъ, что узнать нельзя противъ прежняго: все это выбѣлено, вычищено, рамы въ три стекла, столъ ужъ накрытъ огромнѣйшимъ глаголемъ, и на немъ, знаете, вазы серебряныя съ шампанскимъ, хрустальныя вазы съ фруктами; лакеи въ бѣлыхъ галстукахъ, бѣлыхъ жилетахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; короче сказать, такъ парадно, хоть бы и отъ тысячи душъ. Хозяинъ тоже по формѣ—во фракѣ, встрѣчаетъ насъ въ залѣ и ведетъ въ гостиную. Мы, какъ водится, поздравляемъ племянницу съ днемъ ангела; а она, бѣдненькая, едва сидитъ, такъ блѣдна и худа, что ужасъ.

«— Что это, говорю, милая племяненка, вы все, кажется, хвораете; хоть бы для именинъ своихъ эту дурную вашу привычку оставили.

«Усмѣхнулась.

«— Богъ бы съ ними, дядюшка, съ моими именинами; не очень я имъ рада,—говоритъ мнѣ это негромко.

«Значитъ, это празднество ей не очень по душѣ, но, переговоривъ съ нею, дѣлаю, разумѣется, поклонъ прочимъ гостямъ. Глядь, это все наши уѣздные богатые помѣщики, уѣздовъ съ трехъ, кажется, собраны; и когда онъ это успѣлъ объѣхать ихъ и познакомиться съ ними, не понимаю, и такъ какъ, знаете, отъ нашего брата земскаго исправника до этихъ большихъ баръ большой скачокъ, такъ я и удалился въ нагольную, гдѣ нахожу мою старушку-сестрицу. Сидитъ она, знаете, въ блондовомъ чепцѣ, въ шелковомъ платьѣ, пре-

чопорная и, какъ видно, очень довольная. Здороваюсь я съ ней, она вдругъ отвѣчаетъ мнѣ:

«— Здравствуй, мой родной, здравствуй!—И какимъ-то этакимъ, знаете, обязательнымъ тономъ.

«Мнѣ это, признаться, показалось нѣсколько и досадно. Видѣвши, что тутъ кой-кто сидитъ изъ гостей, захотѣлось мнѣ ей и понапомнить кое-что.

«— Какъ я радъ, говорю, сестрица, что я въ вашей Бычихѣ нахожу не развалины, а все устраивается и приводится въ новый видъ, — начинаетъ походить на прежнюю Бычиху, какъ была она при покойномъ братѣ.

«Она поняла мои слова и сейчасъ же гораздо спустила важности.

«— Да, мой дружокъ, слава Богу, слава Богу, говоритъ.

«— Да, — продолжаю я: — должна благодарить Бога, тѣмъ болѣе, какая у тебя прекрасная невѣстка! Не ошибся Дмитрій Никитичъ въ выборѣ: и сама по себѣ, да и состояніе, кажется,— одно другому отвѣчаетъ.

«— Слава Богу, слава Богу,—повторяетъ она.—Я день и ночь, говоритъ, молю Творца за милости ко мнѣ. Хотя, конечно, Митя былъ такой женихъ, что ему много предстояло партій блистательныхъ и богатыхъ, но эта дороже всѣхъ, потому что по сердцу.

«— Богъ съ ними, съ богатыми и блистательными, какія бы еще вышли: лучше намъ не надобно,—говорю я.

«Пока мы такимъ манеромъ со старухой бесѣдовали, кушать просятъ. Садимся. Обѣдъ, по нашимъ мѣстамъ, оказывается превосходный, только птичьяго молока нѣтъ. Уха изъ мѣрныхъ стерлядей, этотъ модный потомъ ростбифъ; даже трудно понять, гдѣ онъ досталъ этакой говядины: въ нашихъ мѣстахъ рѣшительно нельзя такой найти, вѣроятно, посылалъ нарочнаго въ Ярославль. Вина, которыхъ я хоть и не пью, но вижу, что съ золотыми да съ серебряными головками, значитъ, не нашенскія; шампанскимъ просто обливаетъ; мужчины, кажется, по бутылкѣ на брата выпили. Послѣ обѣда, конечно, картежи. Онъ, изъ вѣжливости, составилъ тремъ своимъ знатнымъ гостямъ партію въ преферансъ, по двугривенному фишка, и въ двѣ пульки проигралъ около ста цѣлковыхъ. Наконецъ кончилось торжество, часовъ въ девять разъѣхалась вся эта братія. Меня съ женой не пускаютъ, оставили ночевать, но я, видѣвши, что хозяинъ утомился:

«— Не церемонься, говорю, Дмитрій Никитичъ, ступай отдохни.

«— Да, говоритъ, дядюшка: пойдемте въ кабинетъ; я одѣнусь во что-нибудь попросторнѣе.

«— Хорошо.

«Пошли мы. Онъ, какъ только вошелъ, сбросилъ съ себя фракъ и кинулся на диванъ.

«— Ахъ, говоритъ, дядюшка, какъ я измучился сегодня: съ пяти часовъ утра я не присѣлъ; до сихъ поръ куска во рту не бывало, а теперь ужъ и ѣсть ничего не могу.

«— Вижу, говорю, мой милый, вижу: впрочемъ, что же,— своя охота.

«— Нельзя, говоритъ, дядюшка; нынче въ свѣтѣ обѣдъ играетъ важную роль: обѣдомъ составляются связи, а связи послѣ денегъ самая важная вещь въ жизни; обѣдами наживаются капиталы, потому что пріобрѣтается кредитъ. Обѣдъ! обѣдъ! Это такая глубокомысленная вещь, надъ которой стоитъ подумать. Однако скажите-ка лучше мнѣ: порядочно все было у меня?

«— Чего же, говорю, лучше?

«— А поваръ, говоритъ, дядюшка: какъ вы находите, недуренъ?

«— Очень хорошъ, говорю; бралъ, что ли, у кого?

«— Фи, дядюшка, повара брать! Это, по-моему, все равно, что надѣть чужой фракъ: это значитъ всенародно признаться, что, господа, я ѣмъ, какъ ѣдятъ порядочные люди, только при гостяхъ; какъ же это возможно? Я не могу себѣ представить жизни безъ хорошаго повара. Насчетъ этого есть очень умная фраза: «скажи мнѣ, какъ ты ѣшь, а я тебѣ скажу, кто ты».

«— Что жъ, онъ у тебя, вѣрно, нанятой?—спрашиваю я.

«— Нанятой.

«— А вотъ этотъ камердинеръ твой, что входилъ сюда, тоже, кажется, нанятой?

«— Нанятой тоже. Васъ, я вижу, дядюшка, нѣсколько удивляетъ, что у меня все нанятые люди: но что же мнѣ дѣлать? Никого своихъ нѣтъ! Говорили, что эта ключница Марья Алексѣевна у насъ *очень хорошая;* а на-дняхъ я заставилъ ее подварить наливку, и она приготовила величайшую дрянь, тогда какъ я могу пить только такія наливки, которыя густы какъ ликеръ. Богъ знаетъ, что за прислуга была у отца: одинъ другого хуже: глупые, неопрятные, лѣнивые; ну, а я, признаюсь, не могу этого сносить, это ножъ острый для меня.

«— Прихотничаешь, говорю, Дмитрій Никитичъ. Впрочемъ, если средства есть, такъ отчего же и не потѣшить себя и не сдѣлать, какъ нравится?

«Онъ молчитъ. А мнѣ все, знаете, хочется выпытать изъ

него, форситъ ли онъ только, или въ самомъ дѣлѣ богатъ, но прямо сказать какъ-то неловко, и потому я рѣшился щупать его съ боковъ. Немного помолчавъ, опять навожу на этотъ предметъ:

«— Ты, я говорю, тогда, Дмитрій Никитичъ, какъ еще офицеромъ въ отпускъ пріѣзжалъ, такъ говорилъ, что имѣніе твоей теперешней супруги въ дѣлѣ; выиграно оно или нѣтъ еще?

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, тянется еще.

«— Что жъ, говорю, хлопотать надобно. Смотри, не пропусти сроковъ.

«— Успѣю еще, не уйдетъ оно отъ меня. Теперь мнѣ, главное, хочется устроить себя здѣсь поосновательнѣе.

«— Въ чемъ же, говорю, именно будетъ состоять твое устройство?

«— Да какъ вамъ сказать, говоритъ, прожектовъ у меня въ головѣ много, потому что хоть и вы мнѣ говорили и многіе другіе, что покойный мой отецъ былъ хорошій хозяинъ, но, виноватъ, не вижу этого рѣшительно ни въ чемъ. Если у него и было хозяйство, то маленькое, ничтожное, женское, какъ говорится.

«— Какое же это мужское-то хозяйство?—спрашиваю я.

«— А вотъ-съ, напримѣръ,—начинаетъ онъ:—усадьба Бычиха, съ полевыми, лѣсными, сѣнокосными дачами и угодьями, на пространствѣ необозримомъ,—въ одинъ день не обойдешь; но какой же, позвольте васъ спросить, доходъ отъ нея? Никакого, кромѣ расхода; намолотится хлѣба, наготовится соломы, накосится сѣна, и все это, повидимому, въ громадныхъ размѣрахъ, но посмотришь къ концу года, все это уничтожится дворней, которая ничего не дѣлаетъ, лошадьми, на которыхъ невозможно выѣхать, и коровами, отъ которыхъ пятнадцати пудовъ въ годъ масла не получается. Какъ хотите, дядюшка, подобный хозяйственный расчетъ смѣшонъ.

«— Что же дѣлать, говорю, мой любезный Дмитрій Никитичъ? Скотина держится потому, что хлѣбъ не станетъ родиться. Въ здѣшней полосѣ землю не удобришь, такъ и сѣмянъ не соберешь, а дворовые люди въ прислугѣ.

«— Не сорокъ же человѣкъ, дядюшка, какъ, напримѣръ, въ моей дворнѣ, изъ которыхъ у меня ни одного нѣтъ въ прислугѣ.

«— Это ужъ, говорю, твое распоряженье, а они очень могли бы быть въ прислугѣ; ну, а прочіе въ этомъ числѣ, конечно, старый да малый, тутъ, я думаю, старые слуги и служанки твоего отца или ихъ дѣти, куда ихъ дѣвать? Или

потомъ мужикъ какой-нибудь безсемейный отъ старости или за хворостью обѣднѣетъ, его берутъ въ дворню; вотъ вѣдь какъ дворни большія составляются: почти по необходимости.

«— Стало-быть, дядюшка, это богадѣльня?

«— Какъ хочешь, говорю, называй, только не тяготись дворней. Это, по-моему, грѣхъ; не разбогатѣешь этимъ.

«— Однако, говоритъ, дядюшка, при двухстахъ душахъ, богадѣльня на 40 человѣкъ велика. Впрочемъ, я о полевомъ хозяйствѣ упомянулъ только для примѣра, чтобы показать вамъ, какъ оно при отцѣ было безрасчетно; я на него и вниманія не буду обращать, не стоитъ труда; пусть оно идетъ, какъ шло, лишь бы денегъ отъ меня не требовало. Но у меня другое въ виду: здѣсь золотое дно — фабричное производство; вотъ здѣсь въ чемъ капитальная сила имѣнія заключается.

«— У отца твоего, говорю, былъ кирпичный заводъ, была и мельница, ты же все это уничтожилъ.

«— Ну, что, дядюшка, объ этомъ вздорѣ говорить: кирпичный заводъ, на которомъ пять тысячъ кирпичу выдѣлывалось, и мельница, приносившая въ годъ сто рублей и сто разъ въ годъ ломавшаяся... Тутъ можетъ быть устроено что-нибудь посерьезнѣе!

«— Что же такое, говорю, посерьезнѣе?

«— Сію секунду-съ объясню, — отвѣчаетъ онъ мнѣ съ этакимъ одушевленіемъ, такъ что даже всталъ съ дивана и началъ ходить по комнатѣ. — Извѣстно ли, говоритъ, вамъ, почтеннѣйшій дядюшка, что у меня двѣ тысячи десятинъ лѣсу? Это вѣдь капиталъ, согласны съ этимъ? Но какіе же проценты получаю съ этого капитала не угодно ли вамъ знать? Ни больше ни меньше, какъ со старыхъ моихъ сапоговъ.

«— Что же дѣлать, говорю, сплавовъ здѣсь нѣтъ.

«— О, Боже мой, сплавовъ! Мнѣ и не нужно сплавовъ. Ко мнѣ на домъ всѣ пріѣдутъ и купятъ; извольте замѣтить, что у меня двѣ тысячи десятинъ. Въ здѣшней полосѣ лѣсъ растетъ до самой нормальной величины 25 лѣтъ; слѣдовательно, если я разобью свою дачу на 25 просѣкъ, то каждый годъ могу, безконечное число лѣтъ, вырубать 80 десятинъ лѣсу и свободно сжечь его для какого угодно вамъ фабричнаго дѣла.

«— Это, говорю, такъ; но на фабричное дѣло, любезный Дмитрій Никитичъ, надобно прежде положить капиталъ.

«— Будутъ-съ капиталы! Всякому купцу, который думаетъ завести фабрику около Москвы, гдѣ онъ долженъ будетъ платить по четыре рубля серебромъ за сажень дровъ, конечно, выгоднѣе будетъ устроить фабрику у меня въ имѣніи, гдѣ я

поставлю ему за рубль серебра сажень, или, лучше сказать, я не дамъ этого никому, я самъ устрою заводъ, — стеклянный, хрустальный, бумажный, какой вздумается, и наперед знаю, что буду получать огромные барыши.

«— Ну, барыши еще впереди, ягнять по осени считаютъ; а прежде всего смотри, понимаешь ли ты хоть сколько-нибудь самъ эти дѣла?

«— Это вздоръ; за пятьсотъ-шестьсотъ цѣлковыхъ въ годъ вы можете нанять превосходнаго фабриканта, химика, машиниста, какого только вамъ надо. Вотъ бы что, дядюшка, отцу моему слѣдовало давно затѣять, такъ имѣніе бы стоило чего-нибудь.

«Слушаю я его, и такого-то, знаете, тумана напустилъ онъ мнѣ въ глаза этимъ разговоромъ: говоритъ, пожалуй, ладно и неладно. Ѣхавши домой, переговариваю я объ этомъ съ моей супругой.

«— Изъ нашего Дмитрія Никитича,—говорю я: — вышелъ какой-то прожектеръ.

«— Да,—отвѣчаетъ она мнѣ:—только всѣ его эти прожекты, кажется, Еленѣ Петровнѣ (т.-е. его супругѣ) очень непріятны, потому что, когда въ гостиной онъ тоже объ этомъ разсказывалъ, такъ она ему при всѣхъ сказала: «Дай Богъ, говоритъ, чтобы все это было такъ выгодно, какъ ты, Митенька, разсчитываешь», а онъ, сконфузившись, не нашелся на это ничего сказать, а только подошелъ и поцѣловалъ ее въ голову.

«— Не знаю, говорю, подождемъ, что будетъ дальше.

«Дальше однакожъ предпріятія его шире и шире распространяются. Заводъ устраивается хрустальный, подъ присмотромъ англичанина, который нарочно изъ Москвы нанятъ; въ судѣ онъ у меня, знаете, билетъ заявлялъ, тутъ я его и видѣлъ. Одѣтъ чисто, богатый, должно-быть; и ужъ не дешево, конечно, взялъ. Но заводъ еще не все; слышу я о многомъ и другомъ; слышу, что Дмитрій Никитичъ почтовую станцію снялъ; мосты тогда строились по большому тракту, два или три моста, довольно капитальные, тѣ взялъ на подрядъ, подбился ко всѣмъ этимъ, знаете, тузамъ, которые у него кушали, и выпросилъ у нихъ залоговъ; у двухъ купцовъ нашихъ вывернулъ какъ-то свидѣтельства на дома. Ко мнѣ-было, знаете, адресовался съ той же просьбой, однако я говорю, что человѣкъ я мнительный, торговыхъ дѣлъ не понимаю, да и имѣнія свободнаго нѣтъ. Отошелъ, знаете, отвертѣлся кое-какъ. На зиму онъ вздумалъ въ городъ къ намъ переѣхать. Сказываетъ мнѣ объ этомъ.

«— Милости, говорю, просимъ, мы рады; компанія намъ будетъ.

«— Помѣщеніе, говоритъ, дядюшка, только меня затрудняетъ.

«— Что же, говорю, помѣщеніе... Найми стараго судьи домъ—свѣтленькій, чистенькій и теплый очень.

«— Фу, дядюшка, что жъ вы говорите! Гдѣ жъ я помѣщусь съ моей семьей въ этихъ конурахъ? Нѣтъ ужъ, говоритъ, я хочу свой выстроить, или, лучше сказать, рѣшился купить эти погорѣлыя стѣны на площади... Мѣсто тутъ прекрасное; отдѣлаю ихъ, какъ мнѣ надо.

«— Не совѣтовалъ бы, говорю, тебѣ, Дмитрій Никитичъ, ни строить ни покупать здѣсь дома, потому что здѣсь въ домахъ, какъ самъ пересталъ жить, такъ капиталъ и мертвый.

«— Что же такое? Когда будетъ не нуженъ, тогда продамъ.

«— Нѣтъ, говорю, не продашь, нескоро ты найдешь здѣсь покупателя.

«— Въ такомъ случаѣ будетъ ходить у меня въ залогахъ, а въ наемъ отдамъ подъ какой-нибудь трактиръ или харчевню, по контракту, лѣтъ на десять, вотъ вамъ и проценты съ капитала.

«И только-что переговорилъ такимъ манеромъ со мной, смотрю, стѣны ужъ куплены, и постройка пошла, а мѣсяца въ четыре и домъ готовъ. Я иногда, гуляя, заходилъ посмотрѣть, какъ строится, и вижу, что чортъ знаетъ что такое. Все это черновое основаніе никуда негодно: стѣны погорѣлыя, значитъ, растрескались, но ихъ не только что не переклали, даже желѣзомъ не связали, а все только замазали. Но зато, какъ начисто пошла работа, Дмитрій Никитичъ ничего не жалѣетъ и самъ съ утра до ночи присматриваетъ. Прелесть какъ отдѣлали по наружности. Посмотрѣть — маленькій дворецъ; потомъ, конечно, надобно меблировать домъ: деревенская мебель, очень хорошая и тоже новая, не годится, выписывается особенная изъ Петербурга. Какъ, знаете, этакому баричу, какъ господинъ Шамаевъ, таскать мебель изъ деревни въ городъ и изъ города въ деревню — скучно очень! Впрочемъ, это еще и такъ и сякъ походило на что-нибудь; но чѣмъ онъ меня поразилъ, такъ это — умеръ тутъ у насъ соборный протопопъ, очень богатый, ученый и одинокій. Всю движимость онъ назначилъ, чтобъ продать, а деньги въ церковь. Въ числѣ этой движимости была довольно большая библіотека и этотъ, какъ по-ученому называется, минералогическій кабинетъ. Въ уѣздномъ судѣ составился аукціонъ. Захожу я туда полюбопытствовать, кто что купилъ, однако

аукціонъ ужъ кончился; но я заглянулъ въ опись и вижу, что библіотека и минералогическій кабинетъ остались за штабъ-ротмистромъ Шамаевымъ. Господи помилуй, думаю: зачѣмъ это ему? И потомъ, встрѣтившись съ нимъ:

«— Батюшка, говорю, Дмитрій Никитичъ, давно ли вы изволили въ ученые записаться, что библіотеками и кабинетами заводитесь?

«— Да, дядюшка, говоритъ, купилъ, купилъ.

«— Для какой же это, я говорю, надобности? Изъ камней ты, вѣроятно, и назвать ни одного не умѣешь, а играть ими, какъ игрушками — старъ для этого; въ библіотекѣ тоже, по-моему, не нуждаешься. Сколько я тебя здѣсь ни знаю, ты, кромѣ газетъ, врядъ ли какую-нибудь книгу и развертывалъ.

«— Что жъ вы меня, дядюшка, говоритъ, такимъ профаномъ считаете? Небольшая хорошенькая библіотека въ домѣ очень не лишнее, а каменья эти въ красивыхъ шкапчикахъ поставлю я въ моемъ кабинетѣ, тоже очень будетъ мило, а главное, дешево: за все про все какіе-нибудь триста цѣлковыхъ.

«Я только махнулъ рукой, вижу, не перерезонишь его; на все у него свои расчеты. Вскорѣ послѣ этого начинается его переѣздъ въ городъ, и вы, можетъ-быть, не повѣрите, а ей-Богу, ни одинъ губернаторъ, не то, что ужъ изъ бѣдненькихъ, а изъ богатыхъ, такимъ парадомъ не пріѣзжалъ. Трактъ имъ проѣзжать шелъ, надобно сказать, мимо моего дома, и я цѣлое утро сидѣлъ и любовался. Исторія начинается, представьте вы себѣ, съ того, что два кучера подъ уздцы ведутъ его четверню вороныхъ въ попонахъ, гривы заплетены, хвосты тоже; кучера, — все это, вѣроятно, по его приказанію, — въ плисовыхъ поддевкахъ, въ сломленныхъ какихъ-то шапочкахъ; далѣе экипажи городскіе везутъ подъ чехлами, потомъ кухня слѣдуетъ, и тоже съ умысломъ, конечно, посуда вся эта открыта и разложена въ плетеныхъ корзинахъ. Смотрю, что такое очень ужъ во внутренности у ней блеститъ? И послѣ мнѣ ужъ объяснили это, что-де у Дмитрія Никитича посуда не луженая, какъ у насъ грѣшныхъ, а серебряная внутри. За этимъ слѣдуетъ-съ въ родѣ польской брики съ поварами, съ горничными, мальчишками; затѣмъ тарантасъ съ дѣвичьимъ штатомъ, и наконецъ самъ Дмитрій Никитичъ съ своей семейкой въ дормезѣ шестерномъ на разгонныхъ, какъ онъ называлъ, вятскихъ лошадкахъ. Переѣхавши такимъ образомъ, онъ задалъ намъ сначала парадное новоселье; а потомъ и пошли обѣдецъ за обѣдцемъ, вечерокъ за вечеркомъ. И что вѣдь досадно, знаете: все это дѣлалось, по моему наблюде-

нію, не отъ доброты: гостепріимства и радушья въ немъ совершенно не было; въ деревнѣ сосѣдей, которые побѣднѣе, не принималъ даже; изъ маленькихъ чиновниковъ тоже, — придутъ къ нему, рюмки водки не подастъ, не посадитъ; а зато ужъ кто немного повыше, ничего не пожалѣетъ. Кто бы изъ губерніи ни пріѣхалъ, этакъ повиднѣй или къ губернатору поближе, сейчасъ обѣды съ шампанскимъ и трюфелями. Прислали разъ изъ Петербурга по одному дѣлу чиновника очень не изъ важныхъ, а этакого, состоящаго при департаментѣ. Я, по обязанности моей, явился къ нему, выхожу и вижу, что Дмитрій Никитичъ мой подъѣхалъ.

«— Ты, я говорю, мой милый, зачѣмъ?

«— Къ старому знакомому, дядюшка,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

«И вижу, что лжетъ.

«Потомъ заѣзжаетъ ко мнѣ.

«— Пріѣзжайте, говоритъ, сегодня на вечерокъ.

«— Что такое у тебя сегодня?—спрашиваю

«— Ничего особеннаго; третьяго-дня позвалъ кой-кого... въ карты поиграемъ,—отвѣчалъ онъ

«И опять вижу, что лжетъ и дѣлаетъ этотъ вечеръ для чиновника.

«— Супруга твоя, говорю, Дмитрій Никитичъ, послѣднее время ходитъ, а у тебя все эти вечера.

«— Нѣтъ, говоритъ, дядюшка, не совсѣмъ еще послѣднее время.

«Поѣхалъ я: вмѣсто «въ карты поиграемъ» оказывается балъ съ музыкой. Племянницы нѣтъ въ гостиной, сидитъ одна только старуха.

«— А молодая хозяйка, спрашиваю, гдѣ?

«— У себя, говоритъ, дружокъ мой, въ комнатѣ, прихворнула что-то.

«— Мудрено ли, говорю, въ ея положеніи прихворнуть!

«И вышелъ трубку себѣ спросить. У него, знаете, на вечерахъ заведено было по-модному—сигары и папиросы курить, а трубки убирались въ заднія комнаты; только вижу я, что горничныя что-то суются, а больше всѣхъ Марья Алексѣевна. Спрашиваю ее:

«— Что вы тамъ бѣгаете?

«— Чего, сударь,—отвѣчаетъ она:—молодой барынѣ время приспѣло.

«Вотъ тебѣ и сюрпризъ!

«Возвращаюсь я въ гостиную и нахожу, что сынокъ съ матушкой преспокойно совѣщаются, кого съ кѣмъ въ карты посадить.

«— Дмитрій Никитичъ, говорю, не стыдно ли тебѣ: въ то

время, какъ ты долженъ стоять предъ образомъ и молиться, у тебя эти пиры да банкеты проклятые!

«— Что же дѣлать, говоритъ, дядюшка, никакъ этого не ожидалъ. Впрочемъ, что же? Домъ у меня большой, акушерка пріѣхала.

«— Ничего, говоритъ, дружокъ мой Митенька, не безпокойся,—успокоиваетъ его маменька: — только надобно, чтобы никто изъ постороннихъ не зналъ; а Богъ милостивъ, Леночка всегда легко это переноситъ.

«Такъ мнѣ, знаете, оба они показались противны, что я не въ состояніи былъ даже вечера досидѣть, уѣхалъ. Между тѣмъ на Дмитрія Никитича что-то стали съ нѣкоторыхъ поръ взыскательницы поступать по судамъ, частью еще старыя—полковыя, а частью и здѣшнія. Заводъ, по слухамъ, идетъ плохо и въ большомъ объемѣ, только, изволите видѣть, отъ англичанина, а нашъ молодецъ всего въ восьмой части; лѣсъ губится, какъ только возможно: вмѣсто одной, по предположенію, просѣки въ годъ, валятъ по пяти, мужиковъ, съ этой заготовкой и подвозкой дровъ, отъ хлѣбопашества отвели, платятъ имъ за это чистыми деньгами, они эти деньги пропиваютъ. Выстроенные мосты тоже не принимаютъ: по свидѣтельству оказалось, что вмѣсто желѣзныхъ болтовъ вбиты деревянные; мастеровыхъ по разнымъ и постройкамъ больно плохо раздѣлываютъ: кому пять, кому десять рублей не додается. Купецъ у насъ тутъ есть, всякой всячиной изъ съѣстныхъ припасовъ торгуетъ, пріятель мнѣ немножко, приходитъ разъ ко мнѣ.

«— Я, говоритъ, Иванъ Семенычъ, къ тебѣ съ жалобой.

«— Что такое?—говорю.

«— Да вотъ видишь, говоритъ, твой племянничекъ задолжалъ у меня въ лавкѣ на тысячу рублей, да и не платится; посылалъ-было этта къ нему парня со счетомъ, такъ далъ только двадцать пять рублей, а малаго-то разругалъ да велѣлъ еще прогнать. Это вѣдь, говоритъ, нехорошо!

«— Какое, говорю, хорошо!

« — То-то, говоритъ, поговори ты ему, а не то я и въ полицію на него пойду.

«Говорю я объ этомъ Дмитрію Никитичу.

«— О, дядюшка, это такая скотина,—отвѣчаетъ онъ мнѣ:— что представить трудно. Я очень сожалѣю, что у него кредитовался, потому что у него все дрянь — гнилое и тухлое. Я теперь все буду изъ Ярославля выписывать.

«— Это, говорю, какъ ты хочешь, дѣлай, да старое-то надобно отдать.

«— Подождетъ; у меня денегъ теперь нѣтъ. Отдамъ, когда будутъ.

«По моему разговору у него, значитъ, нѣтъ денегъ. Но тѣмъ временемъ, извольте замѣтить, губернаторъ къ намъ на ревизію сбирается. Какъ ему такой случай пропустить! И тутъ же, не выходя изъ комнаты, вдругъ мнѣ говоритъ:

«— Я, говоритъ, дядюшка, ѣхалъ къ вамъ не за этими пустяками, а за дѣломъ посерьезнѣе. Гдѣ вы, говоритъ, губернатора думаете принять?

«— Квартира, говорю, у головы отведена, приготовлена.

«— Ахъ, говоритъ, дядюшка, какъ же это возможно? Въ этакой грязи принять начальника губерніи... Это неприлично, невѣжливо. Я хочу его просить остановиться у меня. Человѣкъ онъ мнѣ знакомый, очень милый, и вамъ, говоритъ, дядюшка, будетъ не лишнее; все-таки у родного племянника остановится.

«— Если, я говорю, для меня, такъ не хлопочи.

«— Ничего, говоритъ, дядюшка, не мѣшаетъ; только вотъ досадно, что я теперь совершенно безъ денегъ: эти торговые обороты обобрали меня на время совершенно. Не можете ли вы одолжить на мѣсяцъ или на два пятьсотъ-шестьсотъ цѣлковыхъ?

«— Нѣтъ, говорю, Дмитрій Никитичъ; хоть зарѣжь, теперь у меня въ домѣ только десять рублей серебромъ, а если ты занимаешь для пріема губернатора, такъ не совѣтую, — безъ тебя дѣло сдѣлается; никого не удивишь.

«Онъ мнѣ ничего на это не сказалъ и только понадулся на отказъ въ деньгахъ. Ну, я думаю, что отложитъ свое намѣреніе на этотъ разъ, однако нѣтъ-съ. Встрѣчаю я губернатора обыкновенно на границѣ; спросилъ онъ меня о чемъ слѣдуетъ и говоритъ потомъ:

«— А что, говоритъ, Дмитрій Никитичъ Шамаевъ въ городѣ, или нѣтъ?

«— Въ городѣ, говорю, ваше превосходительство.

«— Везите меня, пожалуйста, прямо къ нему. Онъ меня просилъ остановиться у него, и я не хочу ему отказать въ этомъ; онъ такъ обязателенъ, — говоритъ онъ мнѣ и потомъ обращается къ своему чиновнику, который съ нимъ ѣхалъ.— Вообразите, говоритъ, у жены собачка, которую и вы знаете, померла нынче зимой; Дмитрій Никитичъ какъ-то былъ въ это время у насъ, и вдругъ, не знаю ужъ гдѣ могъ достать, презентуетъ намъ превосходнѣйшую левретку и, что мнѣ очень совѣстно, чрезвычайно дорогую; знатоки цѣнятъ ее во сто цѣлковыхъ.

«Прослушалъ все это я и везу, куда мнѣ было приказано; но вышло такъ, что Дмитрій Никитичъ встрѣчаетъ насъ, вмѣстѣ съ городничимъ, еще на чертѣ города, повторяетъ свой зовъ, губернаторъ благодаритъ и приглашаетъ его съ собой въ коляску; поѣхали по городу. Мы, чиновники, руки по швамъ, прильпе языкъ къ гортани моей; а Дмитрій Никитичъ нашъ сидитъ съ губернаторомъ рядомъ да поговариваетъ, и вижу, что ему это чрезвычайно лестно. Тутъ, конечно, обѣдъ-съ. На другой вечеръ балъ, человѣкъ сорокъ было, но изъ чиновниковъ, замѣтьте, только предводитель и я-съ, больше никого не звалъ, а все набралъ помѣщиковъ побогатѣе, пріятелей, знаете, своихъ, какъ онъ ихъ называлъ... Очень мнѣ интересно знать, откуда онъ денегъ добылъ. Начинаю узнавать стороной, и по справкамъ оказывается, что умолилъ, уклонялъ свою супругу отдать ему приданые брильянты для погашенія какого-то экстреннаго дѣла, которые вмѣсто того заложилъ, да на эти деньги и справилъ пиръ. А между тѣмъ на той же, кажется, почтѣ получается изъ губернскаго правленія указъ объ описи имѣнія штабъ-ротмистра Шамаева за неплатежъ опекунскому совѣту. Я поѣхалъ сообщить ему эту новость; только дома, говорятъ, нѣтъ — въ Петербургъ-де уѣхалъ.

«— Какъ, говорю, въ Петербургъ уѣхалъ, — и не простившись? А барыни гдѣ?

«— Старая, говорятъ, барыня не такъ здорова, тоскуетъ о Дмитріѣ Никитичѣ.

«Ну, Богъ съ ней, думаю, пускай ее тоскуетъ; мнѣ ужъ наскучило ее въ этомъ горѣ утѣшать, и прошелъ къ Аленѣ Петровнѣ.

«— Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ укатилъ въ Петербургъ: ради чего собрался такъ скоро?

«— По дѣлу, говоритъ, дяденька, уѣхалъ.

«— Дѣла, кажется, всѣ у него здѣсь; развѣ, говорю, по вашему наслѣдственному иску, о которомъ онъ прежде говаривалъ?

«— Да, говоритъ, по этому.

«— Какого же рода, говорю, это наслѣдство, скажите мнѣ, пожалуйста.

«Она этакъ усмѣхнулась.

«— Право, говоритъ, дяденька, я не знаю хорошенько. Слышала, что намъ какое-то идетъ довольно большое наслѣдство; папенька сначала хлопоталъ о немъ, а потомъ бросилъ. Дмитрій Никитичъ, когда на мнѣ женился, сталъ папенькѣ говорить, чтобы онъ продалъ ему эту тяжбу; папенька и говоритъ:

«Продавать я тебѣ не хочу, а хлопочи. Выиграешь, такъ все твое будетъ».

«— И Дмитрій Никитичъ надѣется выиграть?

«— Непремѣнно; онъ очень въ этихъ случаяхъ легковѣренъ.

«— Черезчуръ ужъ, говорю, легковѣренъ. Въ его лѣта и при его семействѣ это, пожалуй, и непростительно. Я давно, говорю, милая племяненка, хотѣлъ поговорить съ вами и спросить васъ: скажите мнѣ откровенно, богаты вы, или нѣтъ?

«— Тоже, говоритъ, дяденька, не знаю. Если какъ Дмитрій Никитичъ увѣряетъ, такъ богаты, а если...

«И не докончила, знаете.

«— Послушайте, говорю, Елена Петровна, я съ вами буду говорить еще откровеннѣе: когда Дмитрій на васъ женился, обстоятельства его были очень разстроены; откуда онъ потомъ взялъ денегъ?

«— Ахъ, дяденька, говоритъ, какъ откуда! Онъ за мной въ приданое получилъ тридцать тысячъ серебромъ.

«— И на эти деньги онъ, конечно, и помахивалъ и, конечно, ужъ ихъ поубавилъ!

«— Поубавилъ? (смѣется). Врядъ ли не всѣ издержалъ!

«— Зачѣмъ же, я говорю, вы свои деньги, имѣя уже дѣтей, давали такъ транжирить?

«— Ахъ, дяденька, да что же я понимала? Вышла за него семнадцати лѣтъ, была влюблена въ него до безумія, каждое слово его считала закономъ для себя. Вы лучше скажите: какъ онъ папеньку уговорилъ? У насъ три сестры выданы, и онъ ни одному еще зятю не отдѣлилъ приданыхъ денегъ, а Дмитрію Никитичу до копейки всѣ отдалъ. Онъ его какъ-то убѣдилъ, что ѣдетъ въ Москву покупать подмосковную съ хрустальнымъ заводомъ, показывалъ ему какія-то письма; вмѣстѣ все они разсчитывали, какъ это будетъ выгодно. Съ этимъ мы въ Москву и ѣхали.

«— Отчего же, говорю, не купили? За чѣмъ дѣло стало?

«— Да мы никакой подмосковной и не видали,—отвѣчаетъ она. — Дмитрій Никитичъ, пріѣхавъ, нанялъ огромную квартиру, познакомилъ меня съ очень многими, сталъ давать вечера, заставлялъ меня безпрестанно ѣздить въ театръ, въ собранія, а папенькѣ написалъ, что все куплено, и старикъ до сихъ поръ воображаетъ, что у насъ семьдесятъ душъ подъ Москвой и заводъ. Теперь, какъ я начну писать къ папенькѣ, такъ онъ и умоляетъ, чтобъ я не проговорилась какъ-нибудь— такой смѣшной!

«— Не смѣшной онъ, говорю, сударыня, а досадный, гу-

бить себя и свое семейство. Блажь какая-то у него все еще въ головѣ.

«— Именно, говоритъ, дяденька; о себѣ я не забочусь; что бы тамъ докторъ ни говорилъ, а я очень хорошо знаю, что мнѣ недолго жить.

«— Къ чему же, говорю, моя милая Елена Петровна, такія мрачныя мысли имѣть? Въ ваши лѣта о смерти и думать еще не слѣдуетъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, дяденька, у меня есть вѣрное предчувствіе.

«И сама заплакала. Потомъ вдругъ, помолчавъ немного, беретъ меня за руку; слезы градомъ.

«— Дяденька, говоритъ, если я умру, не оставьте моихъ сиротъ и будьте имъ второй отецъ! Папенька далеко. Митя прекрасный, умный и благородный человѣкъ. Но онъ мало о дѣтяхъ будетъ думать.

«— Полноте, говорю, сударыня, что это за глупыя фантазіи!

«Ну, и, знаете, утѣшаю ее, какъ умѣю, однако она весь вечеръ почти проплакала и послѣ этого разговора еще болѣе съ нами сблизилась, почти каждый день видался: то она у насъ, либо мы у нея. Отъ Дмитрія Никитича — проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой, проходитъ третій — ни строчки; въ домѣ, замѣтьте, не оставилъ ни копейки. Она мнѣ говоритъ объ этомъ.

«— Что мнѣ, говоритъ, дяденька, дѣлать?

«— Дѣлать, говорю, то, что возьмите у меня пятьдесятъ цѣлковыхъ.

«Далъ ей; а дальше не знаемъ, какъ и жить будемъ, хотя продавать экипажи; однако вдругъ, совершенно неожиданно, присылаютъ сказать, что Дмитрій Никитичъ пріѣхалъ и желаетъ меня видѣть. Ѣду. Нахожу его въ семьѣ своей между супругой, дѣтьми и матушкой, съ очень довольнымъ лицомъ, въ щегольскомъ этакомъ халатѣ — китайской, что ли, матеріи, бархатомъ весь отдѣланный, точно какъ вотъ, знаете, на модныхъ картинкахъ видалъ. Обнялись мы съ нимъ, поцѣловались. Ну, сначала то и се: когда выѣхалъ? когда пріѣхалъ? Маменькѣ, конечно, при семъ удобномъ случаѣ нельзя не похвалить сынка.

«— Ужъ именно, говоритъ, Митенька жизни не щадитъ для своего семейства. Послѣ всѣхъ петербургскихъ хлопотъ скакалъ день и ночь, чтобы поскорѣе съ нами увидѣться.

«Что и говорить, думаю, про твоего Митеньку! А самъ, знаете, осматриваю комнату и вижу, что наставлены ящики,

чемоданы, предъ дѣтьми цѣлый столъ игрушекъ, — дорогія, должно-быть: колясочки этакія, куклы на пружинахъ; играютъ они, но, такъ какъ старшему-то было года четыре съ небольшимъ, успѣли одному гусару ужъ и голову отвернуть

«— Это, я говорю, видно, подарочки дѣтямъ, Дмитрій Никитичъ?

«— Да, говоритъ, нельзя не потѣшить. Впрочемъ, говоритъ, позвольте...

«Всталъ, знаете, и подалъ мнѣ какой-то ящикъ.

«— Не угодно ли, говоритъ, взглянуть?

«Открываю, вижу бритвенный приборъ: двѣнадцать англійскихъ бритвъ, серебряная мыльница, бритвеница, ящикъ чернаго дерева, серебромъ кругомъ выложенъ.

«— Какъ вамъ, дядюшка, это нравится?

«— Хорошъ, говорю.

«— Очень, говоритъ, хорошъ, изъ англійскаго магазина. А такъ какъ, къ удовольствію моему, онъ вамъ приглянулся, а потому не угодно ли принять его въ подарокъ?

«— Что это, говорю, Дмитрій Никитичъ, какъ не совѣстно тебѣ? Да ты, говорю, и меня-то конфузишь. Это вещь сторублевая; а мнѣ тебя такимъ подаркомъ отдарить, пожалуй, и силъ не хватитъ.

«— Ну, говоритъ, дядюшка, этого нельзя сказать: я вамъ столько обязанъ, что мнѣ долго еще не отдариться. Вотъ вы, говоритъ, и въ теперешнее отсутствіе мое обязали мою жену. Повѣрьте, говоритъ, все это чувствую и умѣю цѣнить.

«Убѣдилъ меня такимъ манеромъ; принялъ я.

«— Когда ужъ о подаркахъ рѣчь зашла, — продолжалъ онъ: — такъ, говоритъ, обращаясь къ супругѣ своей: — похвастайся и ты, другъ мой, и покажи, какіе тебѣ привезъ.

«Она взглянула на меня и потупилась, однако велѣла горничной подать. Приносятъ: первое — шляпка; я такихъ, ей-Богу, и не видывалъ ни прежде ни послѣ: точно воздушная, а цвѣты — совершенно какъ живые, такъ бы и понюхалъ; тутъ бурнусъ очень какой-то нарядный, кусковъ пять или шесть матерій разныхъ на платье. Осматриваю я все это.

«— Хорошо, говорю, очень хорошо.

«— А вотъ, говоритъ, кой-что и для дома, дядюшка: вотъ, говоритъ, очень любопытныя вещи.

«И самъ своими руками раскрываетъ одинъ изъ ящиковъ. Я сначала и не понялъ, что такое: какія-то тарелочки, вазочки, умывальникъ.

«— Это, говоритъ, дядюшка, нынче изобрѣли; изъ бумаги все дѣлаютъ. А вотъ, говоритъ, тоже новое изобрѣтеніе.

«И опять открылъ другой ужъ ящикъ.

«— Это, говоритъ, тисненая жесть, а потомъ бронзированная, для драпировки великолѣпная, не отличишь отъ золота, и если бы вы знали, какъ все это дешево — просто даромъ.

«— Неимовѣрно дешево, — поддакиваетъ ему маменька и потомъ продолжаетъ: — а что же ты, говоритъ, Митенька, подарокъ мнѣ не хочешь показать!

«— Покажите, говоритъ, маменька.

«Старуха сама, знаете, пошла и съ торжествомъ приноситъ бархатную мантилью и шелковый капотъ, совсѣмъ сшитый. Я все, конечно, хвалю.

«— Да, дяденька, вы вотъ все хвалите, а женѣ все не нравится, — замѣчаетъ онъ.

«— Почему же ты думаешь, — говоритъ та: — что не нравится? Я говорю только, что лишнее; у меня и безъ того много платьевъ.

«— Мало ли, много ли, а все-таки вы должны меня поцѣловать, — возражаетъ онъ и беретъ ее, знаете, за руку и цѣлуетъ.

«— Это все хорошо, говорю, Дмитрій Никитичъ; только ты вотъ покупокъ-то накупилъ, а въ опекунскій совѣтъ, чай, не навѣдался. Имѣніе твое, говорю, описано, и всѣ ужъ бумаги отосланы.

«— Навѣдывался, говоритъ, дядюшка, только заплатить не успѣлъ. Небольшая сумаа, — восемьсотъ девять рублей серебромъ, съ первою же почтой вышлю отсюда.

«— То-то, говорю, не забудь какъ-нибудь.

«А между тѣмъ этимъ своимъ пріѣздомъ онъ опять защекоталъ мое любопытство. Смертельно хочется узнать, въ какихъ онъ обстоятельствахъ.

«— Ты, Дмитрій Никитичъ, процессъ-то, видно, выигралъ?— говорю я ему, оставшись съ нимъ вдвоемъ.

«— И нѣтъ и да, дядюшка; двинулъ по крайней мѣрѣ и сдалъ одному господину хлопотать, — отвѣчаетъ онъ мнѣ и какъ-то замялъ этотъ разговоръ.

«Но на эти почти самыя слова входитъ человѣкъ и проситъ у него на что-то денегъ. Онъ вынимаетъ бумажникъ, развертываетъ. Смотрю, полнехонекъ набитъ.

«— Ого, сколько у тебя государственныхъ-то! — невольно, знаете, воскликнулъ я.

«— Да, говоритъ, деньжонки есть.

«И съ этими словами начинаетъ выкидывать ассигнаціи, серіи, банковые билеты; тысячъ на десять серебромъ выкинулъ.

«— Откуда, говорю, любезный, столько пріобрѣлъ?

«— По разнымъ сдѣлкамъ, отвѣчаетъ, получилъ. У насъ всегда, говоритъ, будутъ деньги, потому что мы знаемъ, гдѣ онѣ водятся, да и дома ихъ не держимъ долго взаперти, не такъ, какъ вотъ нашъ почтенный дядюшка (это значитъ я), который, говорятъ, накопилъ кубышку и закопалъ ее въ землю; а мы сейчасъ все въ ходъ пускаемъ: вотъ эти тоже не засидятся долго дома, только теперь надобно обдумать, какъ бы съ ними поумнѣй и повыгоднѣй распорядиться.

«— Да, говорю, надобно ужъ разсчитать какъ-нибудь получше. Отъ обѣдовъ да отъ вечеровъ, ты хоть и разсчитываешь на нихъ, а врядъ ли получишь какіе-нибудь барыши, кромѣ убытка!

«— Нѣтъ ужъ, говоритъ, дядюшка, баста, будетъ, выучили. Никто изъ этихъ господъ куска хлѣба теперь не увидитъ. Я ихъ поилъ, кормилъ; они видѣли, какъ я живу; а когда меня встрѣтила нужда, такъ они мнѣ въ тридцати цѣлковыхъ имѣли духу отказать.

«— Это ужъ, говорю, въ свѣтѣ такъ ведется; скажи-ка лучше мнѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь дѣлать на эти деньги?

«— Имѣніе, говоритъ, хочу пріискать и купить; заводъ уничтожу, англичанина этого прогоню, потому что онъ только ладитъ, какъ бы себѣ карманъ набить, и стану, говоритъ, хлѣбопашествомъ заниматься. Хлѣбъ пахать — этотъ доходъ всегда вѣрнѣй.

«— А я бы, говорю, Дмитрій Никитичъ, совѣтовалъ тебѣ не то: имѣніе ты покупай, это хорошо, но только оброчное; усадьба у тебя есть прекрасная, чего тебѣ еще больше заводить хлѣбопашества...

«И говорю ему, знаете, такимъ манеромъ, потому что съ хлѣбопашествомъ, думаю, онъ начнетъ опять какія-нибудь выдумки, которыя такъ только выдумками и останутся у него, а толку ничего не выйдетъ.

«— Я думаю, говоритъ, такъ и сдѣлать.

«— А если, говорю, ты это думаешь, такъ я, пожалуй, тебѣ и имѣніе пріищу; у меня есть подобное на примѣтѣ.

«— Хорошо, говоритъ, дядюшка, очень вамъ благодаренъ буду.

«Такъ мы съ нимъ на этомъ и положились. Однако случилось у меня тутъ очень много дѣлъ; кромѣ того, губернаторъ въ другой уѣздъ командировалъ разбойниковъ ловить, такъ что я мѣсяца три дома и не бывалъ. Возвращаюсь потомъ и вдругъ слышу, что Дмитрій Никитичъ мой ужъ съ покупочкой.

И какого же рода эта покупочка вышла-съ? Нѣсколько лѣтъ назадъ появился у насъ одинъ господинъ въ уѣздѣ, по фамиліи Курка, выходецъ, должно-быть, какой-нибудь, не русскій, маленькій, сутулый, обликъ лица какой-то свиной, глаза узенькіе — все внизъ смотрятъ, волосы черные, густые, стриженые, точно ермолка на головѣ; но умная и претонкая штука, оборотами тоже различными занимается, какъ и нашъ Дмитрій Никитичъ, только гораздо повыгоднѣй для себя. Купилъ онъ тутъ за безцѣнокъ пятнадцать душъ съ большими, впрочемъ, угодьями, къ которымъ еще присоединилъ и развелъ тутъ скотный дворъ, — животинъ триста началъ держать, чтобы дѣлать сыры, сырный заводъ устроилъ. Но, какъ дальновидный плутъ, въ половинѣ этакъ, знаете, лѣта, сообразивши, что ни сѣна ни хлѣба въ тотъ годъ не родится, пригласилъ Дмитрія Никитича къ себѣ въ гости, показалъ ему во всемъ блескѣ свое хозяйство, да и предложилъ купить. Тотъ сейчасъ же изъявилъ готовность и за семь тысячъ пріобрѣлъ. Я съ перваго раза, конечно, понялъ всю эту продѣлку, но говорить ужъ не сталъ, — не поможешь. Затѣмъ наступаетъ, сударь мой, у насъ въ губерніи голодъ. Хлѣбъ поднялся до двухъ съ полтиной пудъ, сѣно пятиалтынный и двугривенный, соломы ржаной и яровой десять-двѣнадцать рублей овинъ, да еще и не найдешь. У Дмитрія Никитича въ новомъ имѣніи съ 1 октября ни хлѣба ни корму; значитъ, надобно на все денежки; а денежки Дмитрію Никитичу на другое нужны. Пріѣхалъ тогда въ городъ одинъ богатый московскій баринъ, охотникъ до скачекъ лошадиныхъ, устроилъ у насъ бѣгъ; Дмитрію Никитичу, конечно, нельзя утерпѣть. Сейчасъ же завелъ двухъ рысаковъ, гоняется, держитъ съ тѣмъ пари и, конечно, всегда проигрываетъ, потому что у того лошади съ московскаго бѣга наѣзженныя. Обѣдцы и вечера, хоть и закаивался, продолжаютъ итти прежнимъ порядкомъ. Ну, и пока мы такимъ манеромъ пріятно съ нимъ зиму проводимъ, новокупленнымъ нашимъ коровкамъ не такъ было, видно, весело: всю зиму, по новому изобрѣтенію, кормили ихъ чѣмъ-то въ родѣ паренихъ щепокъ, а подъ ноги стлали, вмѣсто соломы, тоже по новой выдумкѣ, — ельнику. Какъ пришла весна-матка, ни одна изъ трехсотъ животинъ и со двора не идетъ, едва столкали; а чуть какъ съ зимняго-то голоду отавы хватили, сначала одна ножки вздернула, потомъ другая, и сильнѣйшій падежъ, такъ что я не успѣлъ даже вызвать ветеринара, въ недѣлю — ни одной животины. А вслѣдъ же за этимъ хлопъ извѣстіе, что имѣніе въ опекунскомъ совѣтѣ продано; онъ и не думалъ посылать недоимки, о которыхъ я ему говорилъ, забылъ. Вотъ онъ какой

печный и коммерческій человѣкъ. Ѣду я къ нему. онъ въ отчаяніи.

«— Дядюшка, говоритъ, я разорился... я погубилъ все семейство... всѣ пойдутъ теперь по міру.

«Кричитъ этакъ на весь домъ, хватаетъ себя за волосы, кидается на диванъ, бѣгаетъ по комнатѣ.

«Бѣдная Елена Петровна сидитъ съ нимъ, плачетъ; старуха тоже въ отчаяніи, потому что Митенька встревоженъ, такъ боится, чтобъ не заболѣлъ.

«Сталъ-было я его уговаривать.

«— Полно, говорю, Дмитрій Никитичъ, бѣсноваться. Пожалѣй ты хоть сколько-нибудь свою супругу и мать.

«Ничего не слушаетъ, а тутъ еще... надобно же, впрочемъ, такое стеченіе непріятныхъ обстоятельствъ... приносятъ вдругъ письмо къ Еленѣ Петровнѣ отъ отца, въ которомъ онъ ее почти бранитъ. Во-первыхъ, узналъ, что подмосковной его обманывали, а главное, за процессъ, который, оказывается, что Дмитрій Никитичъ по полной отъ тестя довѣренности хлопотать, продать и заложить, не будь глупъ, возьми да и продай одному адвокату за десять тысячъ все право. Эти-то самыя денежки изъ Петербурга и привезъ. «Я,—пишетъ старикъ:—довѣрилъ ему хлопотать для себя, а не продавать родового достоянія въ чужія руки». И заключаетъ тѣмъ, что пишетъ дочери: «если ты, говоритъ, навѣчно не хочешь лишиться моего родительскаго благословенія, такъ брось своего мужа и пріѣзжай съ дѣтьми ко мнѣ; иначе онъ васъ всѣхъ погубитъ». Что дѣлать въ этомъ случаѣ бѣдной женщинѣ? Мужа, какой бы онъ ни былъ, все-таки она любитъ и любитъ истинно, а съ другой стороны отецъ, который, видно, старикъ съ гоноромъ. Къ несчастью, все это время она была беременна, и такъ все это ее поразило, что въ ту же ночь разрѣшилась неблагополучно мертвымъ младенцемъ. Ну, а этакій случай и здоровыя женщины не всѣ переносятъ, а ей много ли надо: мѣсяца два потомилась и Богу душу отдала. Это новое несчастье срѣзало его, какъ говорится, окончательно, и онъ совершенно упалъ духомъ. Съ полгода никуда не ѣздилъ и къ себѣ никого, кромѣ меня, не принималъ. А дѣла между тѣмъ пошли все хуже и хуже: денегъ ни копейки, модные экипажи и щегольскія четверки сплыли за полцѣны въ разныя руки; домъ въ городѣ отовладѣли кредиторы, и такимъ образомъ дошло до того, что принужденъ былъ переѣхать въ свое имѣнье на пятнадцать душъ съ почти слѣпой отъ слезъ матерью и съ тремя малютками, гдѣ и живетъ теперь. Распустилъ кой-кого изъ людей на оброки да отдалъ

свои угодья въ кортомы, только и доходу въ томъ-съ. И такая теперь бѣдность, что я какъ-то по веснѣ заѣзжалъ къ нему въ эту его маленькую усадебку, такъ и не глядѣлъ бы; но больше всего надсадили мое сердце эти трое несчастныхъ сиротокъ: бѣгаютъ безъ всякаго присмотра по улицѣ съ ребятишками, оборванные, неумытые. До сихъ поръ никакъ не могу отъ него добиться, чтобы онъ выхлопоталъ имъ метрическое свидѣтельство и прочіе документы, чтобы какъ-нибудь ихъ въ казенныя-то заведенія можно было похлопотать. Въ настоящемъ положеніи дать ему мѣсто—истинное благодѣяніе. Разскажите князю все, что я вамъ говорилъ, и попросите, чтобы онъ явилъ эту милость. Хоть, по крайней мѣрѣ, для семейства»,—заключилъ Иванъ Семеновичъ.

— Очень хорошо,—сказалъ я: — но вотъ въ чемъ, Иванъ Семенычъ, маленькое затрудненіе: какъ мнѣ говорить объ его бѣдности, когда онъ являлся къ князю одѣтымъ по послѣдней модѣ?

Иванъ Семеновичъ усмѣхнулся.

— Знаю-съ,—отвѣчалъ онъ:—въ прошломъ мѣсяцѣ послѣднее имѣньишко заложилъ и сдѣлалъ себѣ гардеробъ. Такой ужъ у насъ съ нимъ характеръ: хоть въ желудкѣ и щелкъ, а на себѣ всегда будетъ шелкъ.

III.

Возвратившись, я пересказалъ князю все, что слышалъ, и передалъ просьбу Ивана Семеновича. Шамаеву дано было мѣсто. Но не больше какъ черезъ годъ у меня опять случился докладъ, и опять дежурный чиновникъ возвѣстилъ: «Старшій чиновникъ особыхъ порученій Шамаевъ».

— Подождать, — сказалъ князь, нахмурившись, и потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—вашъ общій съ Иваномъ Семенычемъ протеже славный чиновникъ вышелъ.

— Что такое?—спросилъ я.

— Ужасъ, что такое,—отвѣчалъ князь:—онъ исполнялъ у меня порученія не больше полугода, и самыя пустыя, но первый же его шагъ состоялъ въ томъ, что онъ всѣмъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ началъ предписывать, и когда я ему замѣтилъ это, онъ мнѣ пренаивно объяснилъ въ оправданіе свое, что, бывъ представителемъ моимъ въ уѣздѣ, онъ считалъ себя въ правѣ это дѣлать. Потомъ наконецъ, какъ хотите, собираетъ тамъ чиновниковъ, говоритъ имъ торжественные спичи. Ко мнѣ обыкновенно пишетъ, по всѣмъ дѣламъ, коротенькія, дружественныя записочки, безграмотныя,

безтолковыя, и я хоть не формалистъ, но въ то же время, помилуйте, эти бумаги останутся при дѣлахъ. и преемникъ мой, увидѣвши ихъ, будетъ имѣть полное право сказать: «что за чудакъ былъ губернаторъ, который съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій велъ дружескую переписку по дѣламъ?» И въ заключеніе всего послалъ помимо меня въ Петербургъ нелѣпѣйшій проектъ объ измѣненіи полиціи, который, конечно, не давши ему никакого хода, возвратили ко мнѣ; однако не менѣе того все-таки видѣли, какого гуся я держу около себя.

Проговоря эти слова, князь задумался. Видно, что онъ былъ очень сердитъ на Шамаева и собирался съ духомъ его распечь.

— Г-нъ Шамаевъ! — проговорилъ онъ наконецъ, подойдя къ дверямъ.

Шамаевъ вошелъ и первый началъ:

— Я, ваше сіятельство, явился донести вамъ, что всѣ возложенныя на меня порученія мною кончены.

— Знаю-съ, — отвѣчалъ князь: — знаю даже, что вы вашу служебную дѣятельность распространили за предѣлы прямыхъ вашихъ обязанностей. Вотъ вашъ проектъ,—продолжалъ онъ, подавая Шамаеву толстую тетрадь.—Во-первыхъ, вы не должны были его посылать помимо меня; а во-вторыхъ, чтобы писать о чемъ-нибудь проекты, надобно знать хорошо самое дѣло и руководствоваться здравымъ смысломъ, а въ вашемъ ни того ни другого нѣтъ.

Шамаевъ покраснѣлъ.

— Изъ словъ вашего сіятельства и изъ послѣднихъ предписаній я вижу, что не успѣлъ угодить вамъ моей службой; впрочемъ, сколько имѣлъ усердія и по способностямъ моимъ...— началъ-было онъ.

— По вашимъ способностямъ,—перебилъ князь:—я нахожу, что служба чиновника особыхъ порученій слишкомъ тѣсна и ограничена.

Шамаевъ еще больше вспыхнулъ.

— Завтрашній день я буду имѣть честь представить вашему сіятельству прошеніе объ отставкѣ,—сказалъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ князь.

Шамаевъ слегка поклонился и гордо вышелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ былъ концертъ пріѣхавшихъ изъ Москвы цыганъ. Я поѣхалъ, Шамаева нахожу тамъ же. Послѣ концерта затѣяли ужинъ съ цыганами, на расходы котораго составилась подписка; Шамаевъ былъ однимъ изъ первыхъ подписавшихся. А потомъ, какъ водится, начался кутежъ; онъ, очень грустный. задумчивый и, повидимому, не раз-

дѣлявшій большого удовольствія, однако на моихъ глазахъ раскупорилъ бутылки три шампанскаго, и когда послѣ ужина Аксюша, предметъ всеобщаго увлеченія, закативши подъ самый лобъ свои черные глаза и съ замирающимъ отъ страсти голосомъ пропѣла: «Душа ль моя, душенька, душа ль, милъ сердечный другъ», и когда при этомъ одинъ господинъ, достаточно выпившій, до того исполнился восторга, что выхватилъ изъ кармана цѣлую пачку ассигнацій и бросилъ ей на колѣни, и когда она, не ограничившись этимъ, пошла съ тарелочкой собирать посильную дань и съ прочихъ, Шамаевъ, не задумавшись, бросилъ ей двадцать рублей серебромъ.

«Фанфаронъ! фанфаронъ!» — повторилъ я мысленно, глядя на него, слова Ивана Семеновича.

По извѣстіямъ, дошедшимъ до меня въ послѣднее время, Шамаевъ выбранъ директоромъ одной изъ такъ блистательно идущихъ акціонерныхъ компаній, и выбранъ собственно для спасенія дѣла. Надо полагать, что поправитъ и спасетъ его.

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?

Записки.

I.

Мнѣ было двадцать два года. Я перешелъ на четвертый курсъ математическаго отдѣленія *). Освоившись съ факультетомъ, мнѣ очень легко стало заниматься: свободнаго времени начало у меня оставаться очень довольно, но куда его дѣвать и чѣмъ наполнить, даже въ многолюдной Москвѣ, небогатому и одинокому студенту? Я жилъ одинъ, знакомыхъ не имѣлъ никого, и единственнымъ моимъ развлеченіемъ было часа по два, по три ходить по Тверскому бульвару и Богъ знаетъ чего ни передумать. Однажды я встрѣтилъ молодого человѣка, который прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Не знаете ли кого-нибудь изъ вашихъ товарищей, кто бы приготовилъ меня въ университетъ?

Я посмотрѣлъ на него пристально: на видъ ему было лѣтъ восемнадцать, одѣтъ онъ былъ небрежно, въ пріемахъ его видна была безпечность. Лицо выразительно и съ глубокимъ оттѣнкомъ меланхоліи.

— Если вамъ угодно, я могу это взять на себя,—отвѣчалъ я.

— Пожалуйста, мнѣ надобно приготовиться изъ математики. Вы какого факультета?

— Математикъ.

— Это хорошо, а вы почемъ возьмете за урокъ?

Этотъ прямой вопросъ меня сконфузилъ.

— Обыкновенную цѣну—рубль серебромъ,—отвѣчалъ я.

Молодой человѣкъ подумалъ.

— Хорошо, это я могу дать. Ваша фамилія? — проговорилъ онъ.

---

*) Московскаго университета.

Я сказалъ, онъ мнѣ назвалъ свою, далъ адресъ квартиры и просилъ прійти на другой день въ 7 часовъ вечера.

— Вы живете одни или съ семействомъ?—спросилъ я.

— Съ матерью, есть и сестры,—отвѣчалъ онъ.

Мы разстались.

Я возвратился домой, очень довольный этой встрѣчей: мнѣ давно хотѣлось имѣть урокъ — не для денегъ, которыхъ хотя было у меня и немного, но доставало на мои умѣренныя желанія, но мнѣ желалось учить, хотѣлось имѣть право передавать другому свои знанія, убѣжденія, а того и другого было въ моей головѣ довольно въ запасѣ.

На другой день я отправился еще за полчаса до назначеннаго срока. Домъ, который отыскалъ по адресу, былъ барскій; стоялъ онъ на дворѣ, по бокамъ тянулись огромныя каменныя прислуги, кругомъ почти цѣлый кварталъ обхватывала желѣзная рѣшетка. Я долго путался въ огромныхъ сѣняхъ, наконецъ вошелъ въ бельэтажѣ въ главныя двери. Лакей въ ливреѣ на вопросъ мой: «здѣсь ли живетъ Леонидъ Николаичъ Ваньковскій?», отвѣчалъ довольно грубо: «ступайте на самый верхъ, направо». Наверху въ передней я никого не нашелъ, въ залѣ тоже; изъ сосѣдней комнаты слышался разговоръ, я началъ кашлять, выглянула молодая дѣвушка. Я поклонился ей.

— Вамъ, вѣрно, брата Леонида нужно? — проговорила она и ушла назадъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ мой ученикъ.

— Bonsoir, пойдемте въ кабинетъ, — проговорилъ онъ, подавая мнѣ руку.

Мы вошли въ довольно большую комнату, которая, видно, дѣйствительно была нѣкогда богатымъ кабинетомъ, но въ настоящее время представляла страшный безпорядокъ: стѣны подъ мраморъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были безбожно исколочены гвоздями, въ углу стоялъ красивый, но съ изломанною переднею рѣшеткою каминъ; на картинѣ масляной работы висѣла шинель. Хозяинъ спалъ на кушеткѣ, на которой еще лежали неубранныя простыня и подушки. Мягкая мебель, обитая бархатомъ, была переломана и изорвана. На огромномъ краснаго дерева столѣ лежали кипами бумаги, книги и ноты. Мы сѣли около этого стола.

— Съ чего жъ мы начнемъ?—заговорилъ я серьезнымъ тономъ наставника.

— Съ чего хотите,—отвѣчалъ ученикъ небрежно.

— Я желалъ бы,—продолжалъ я въ томъ же тонѣ:—прежде испытать, въ какой мѣрѣ вы знакомы съ математикою, и просилъ бы позволить мнѣ проэкзаменовать васъ.

— Хорошо.

— Первую часть ариѳметики, вѣроятно, вы знаете?

— Знаю.

— А вторую?

— Кажется, знаю; впрочемъ, можетъ-быть, и забылъ.

Я взялъ листъ бумаги и хотѣлъ написать задачу, но оказалось, что изъ дюжины торчавшихъ въ чернильницѣ перьевъ ни одно не писало, да и чернилъ почти не было.

— У васъ перья не совсѣмъ въ порядкѣ,—замѣтилъ я.

— Да, я самъ не умѣю чинить; вотъ вамъ карандашъ,— отвѣчалъ ученикъ, поднимая съ полу карандашъ и подавая мнѣ его.

Для перваго испытанія я задалъ ему сложеніе десятичныхъ дробей; онъ взялъ и положилъ съ какою-то насмѣшливою улыбкою листъ передъ собою, подумалъ немного, провелъ нѣсколько линій карандашомъ по бумагѣ и, отодвинувъ ее отъ себя, проговорилъ:

— Нѣтъ, не знаю, позабылъ.

Я задалъ ему сложеніе простыхъ дробей, но онъ и въ тѣхъ спутался; потомъ объ алгебрѣ признался, что совсѣмъ ея не знаетъ, а геометріи немного. Я принялся экзаменовать его въ геометріи, на повѣрку вышло, что и въ геометріи нуль. Я нахмурился.

— Вы очень слабы въ математикѣ; съ вами надобно проходить сначала,—сказалъ я.

— Лучше сначала, а то я все перезабылъ.

— Стало-быть, мы начнемъ со второй части ариѳметики,— рѣшилъ я.

Ваньковскій, въ знакъ согласія, кивнулъ головой. Я былъ убѣжденъ, что съ нимъ слѣдовало бы начать съ первой части ариѳметики, но высказать ему это мнѣ на первый разъ было совѣстно.

Въ продолженіе часа я толковалъ съ увлеченіемъ, и въ то время, какъ окончательно хотѣлъ объяснить пріемъ дѣленія дробей, ученикъ мой во все горло зѣвнулъ и спросилъ меня:

— Вы курите?

Мнѣ сдѣлалось стыдно за себя и досадно на него.

— Курю,—отвѣчалъ я.

— Хотите трубку или сигару?

— Позвольте трубку.

Леонидъ всталъ, наложилъ мнѣ самъ трубку, а себѣ закурилъ сигару, и, когда я хотѣлъ снова обратиться къ толкованію, онъ сказалъ:

— Будетъ, больше часа прошло, не хочется что-то сегодня.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ надобно очень много заниматься, чтобы выдержать экзаменъ,—произнесъ я съ удареніемъ.

— Займусь,—я хочу на юридическій.

— Все равно; надобно выдержать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ,—отвѣчалъ я.

— Что тебѣ, Лида? — спросилъ Леонидъ, обращаясь къ дверямъ.

— Вы здѣсь будете пить чай или туда придете?—раздался женскій голосъ.

Я обернулся; это была прежняя дѣвушка.

— Туда придемъ,—отвѣчалъ Леонидъ.

Дѣвушка скрылась. Я взялся за фуражку.

— Куда же вы? Посидите, пойдемте, я познакомлю васъ съ нашими.

Я положилъ фуражку; онъ провелъ меня въ гостиную. Въ большихъ креслахъ сидѣла высокая, худощавая дама, лѣтъ сорока пяти; рядомъ съ нею помѣщался, должно-быть, какой-нибудь помѣщикъ, маленькій, толстенькій, совсѣмъ бѣлокурый, съ жиденькими, сильно нафабренными усами, закрученными вверхъ, съ лицомъ одутловатымъ и подозрительно-краснымъ. Лидія разливала чай, около нея сидѣли чопорно на высокихъ дѣтскихъ креслахъ двѣ маленькія дѣвочки.

Ученикъ мой подвелъ меня къ дамѣ и отрекомендовалъ.

— Матушка моя,—отнесся онъ ко мнѣ.

Г-жа Ваньковская кивнула мнѣ слегка головою и, проговоря съ обязательною улыбкою: «очень пріятно познакомиться», указала мнѣ глазами на ближайшій стулъ.

Я сѣлъ.

— Вы давно въ университетѣ?—спросила она меня.

— Четвертый годъ.

— Имѣете батюшку, матушку?

— Имѣю-съ мать.

— Какъ, я думаю, ей пріятно, что вы въ университетѣ, я это сужу по себѣ: мнѣ очень хочется, чтобы Леонидъ поступилъ поскорѣе въ студенты,—проговорила г-жа Ваньковская.— Онъ, я думаю, ничего не знаетъ,—прибавила она, взглянувъ на сына.

Леонидъ ничего на это не возражалъ, а только нахмурился и сѣлъ за чайный столъ около сестры.

— Это не такъ трудно: если займется, такъ скоро приготовится,—отвѣчалъ я.

— Вы, пожалуйста, будьте съ нимъ построже, у него прекрасныя способности, только онъ очень лѣнивъ: это говорила

всѣ его учителя,—сказала г-жа Ваньковская и, найдя, конечно, что достаточно обласкала меня, обратилась къ помѣщику:

— Какія у васъ прекрасныя лошадки, Иванъ Кузьмичъ, я всегда ими любуюсь.

— Очень пріятно слышать,—отвѣчалъ тотъ.

— Премиленькія, небольшія, а очень красивенькія.

— Вятки-съ.

— А, такъ это вятки! Я и не знала.

— Вятки-съ. Онѣ у меня возятъ воду и воеводу. Я на нихъ въ городъ ѣзжу и въ дорогахъ верстъ по семидесяти дѣлаю, не кормя.

— Какъ это много! Онѣ, я думаю, очень устаютъ?

— Нѣтъ-съ, ничего. Эта порода сноснва: имъ часа два дайте вздохнуть и опять ступай смѣло на семьдесятъ верстъ; только чтобъ горячихъ не напоить.

— Зачѣмъ же вы въ городѣ всегда шагомъ ѣздите?—сказалъ вдругъ Леонидъ, взглянувъ насмѣшливо на Ивана Кузьмича.

— Здѣсь нельзя шибко ѣздить, Леонидъ Николаичъ,—возразилъ тотъ.—На мостовой снѣгъ хуже песку; здѣсь одинъ Кузнецкій проѣхать на рысяхъ, такъ лошадь надорвешь.

— Другіе же ѣздятъ?

— Отъ другихъ и мы не отстанемъ, давайте вашихъ коурыхъ, потягаемся!

— Стану я съ вами тягаться; я васъ на одной верстѣ обгоню на двѣ версты.

— Шутите, а я бы съ вами поспорилъ.

— Что тутъ спорить: всѣ знаютъ, что у васъ лошади дрянь, и вы жалѣете ихъ больше себя.

— Ну, ужъ это, Леонидъ Николаичъ, вы ошибаетесь; у меня хоть лошади недорогія, а не дрянь, и я не жалѣю ихъ и ѣзжу, гдѣ можно.

Этотъ споръ Леонида, кажется, былъ очень непріятенъ матери.

— Лида! Что же чаю?—отнеслась она къ дочери.

— Сейчасъ—отвѣчала Лидія и сама подала матери чашку.

Та прихлебнула, сдѣлала гримасу и проговорила:

— Опять сладко; никакъ ты не можешь примѣниться къ моему вкусу.

— Позвольте, я разбавлю.

— Оставь ужъ,—возразила Ваньковская: въ голосѣ ея слышалась досада.

— А Ивану Кузьмичу чаю?—сказала мать.

— Онъ готовъ,—отвѣчала дочь, указывая глазами на стаканъ чаю, стоявшій на краю стола.

— Виноватъ-съ,—перебилъ Иванъ Кузьмичъ, быстро вставая и беря стаканъ, и, какъ-то особенно расшаркавшись передъ Лидой, пробормоталъ ей что-то.

Она съ своей стороны ничего не отвѣчала.

Мнѣ и Леониду подалъ чай лакей. Леонидъ закурилъ себѣ сигару и подалъ другую мнѣ. Я отказался.

— Что же ты, Леонидъ, Ивану Кузьмичу не предложишь трубку?—сказала мать.

Леонидъ нахмурился.

— Хотите?—спросилъ онъ Ивана Кузьмича.

— Прошу васъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Подай сюда трубку,—сказалъ Леонидъ человѣку.

Я между тѣмъ сталъ внимательно смотрѣть на молодую дѣвушку, которая поила маленькихъ сестеръ чаемъ. Чѣмъ болѣе я въ нее вглядывался, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась. Она была далеко не красавица, но въ то же время въ ней было что-то необыкновенно милое и доброе, что невольно влекло къ ней съ перваго раза. Чайный столъ наконецъ былъ убранъ, разговоръ какъ-то не клеился; мать говорила вполголоса съ Иваномъ Кузьмичомъ; Лидія Николаевна сѣла за работу; мой ученикъ молчалъ и курилъ. Я хотѣлъ-было уйти домой, но Леонидъ всталъ, раскрылъ стоявшій тутъ рояль и, не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ и началъ играть. Я невольно сталъ вслушиваться; въ игрѣ его, кромѣ мастерского пріема, слышалось что-то энергическое, задушевное. Молодая дѣвушка, умышленно или нѣтъ, не знаю, пересѣла рядомъ со мною. Леонида слушали внимательно всѣ: Иванъ Кузьмичъ придалъ лицу грустное выраженіе, мать потупилась, даже маленькія дѣвочки перестали между собою болтать.

— Какъ братъ хорошо играетъ, — сказала мнѣ Лидія Николаевна.

— А вы любите музыку?

— Очень.

— А сами музыкантша?

— Да... Но нѣтъ, я гораздо хуже его играю.

Леонидъ вдругъ на половинѣ пьесы остановился, всталъ, сѣлъ около меня и опять нахмурился.

Въ остальную часть вечера Иванъ Кузьмичъ принимался нѣсколько разъ любезничать съ Лидіей Николаевной; она болѣе отмалчивалась. Леонидъ безпрестанно говорилъ ему колкости, на которыя онъ не только не отвѣчалъ тѣмъ же, но какъ будто бы даже не понималъ ихъ

Возвратившись домой, я все думалъ о моихъ новыхъ знакомыхъ; болѣе всѣхъ мнѣ понравились Лидія Николаевна и

Леонидъ. Старшая Ваньковская, Марья Виссаріоновна, какъ назвалъ мнѣ ее Леонидъ, произвела на меня какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, а этотъ Иванъ Кузьмичъ—плоховатъ. И что онъ такое тутъ? Родня, знакомый, женихъ?

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Ваньковскими, жизнь моя сдѣлалась какъ-то полнѣе. Всѣ вечера, послѣ уроковъ, я проводилъ у нихъ. Говоря откровенно, я, самъ того не замѣчая, влюбился въ Лидію Николаевну. Каждый день я болѣе и болѣе съ мучительнымъ нетерпѣніемъ началъ ожидать шести часовъ, чтобы отправиться въ завѣтный домъ на Смоленскомъ рынкѣ, и всю дорогу меня занимала одна мысль — дома ли Лидія, или куда-нибудь уѣхала? увижу я ее, или нѣтъ? Проходилъ я обыкновенно прямо къ Леониду въ кабинетъ и въ продолженіе часа, занимаясь съ нимъ, все прислушивался: не долетитъ ли до меня звукъ ея голоса. Я зналъ ея походку, чувствовалъ шелестъ ея платья, и потомъ, когда мы, кончивъ занятія, входили въ гостиную,—если не было ея тамъ, мной овладѣвала невыносимая тоска: я садился, задумывался и ни слова не говорилъ; но она входила, и я оживалъ, дѣлался вдругъ веселъ, болтливъ. Не знаю, замѣчалъ ли это кто-нибудь, но только Лида была ко мнѣ очень ласкова: вообще молчаливая, со мной всегда заговаривала первая и всякій разъ, когда я собирался уходить домой, говорила мнѣ вполголоса: «Куда вы? Посидите, еще рано!»

Марья Виссаріоновна—добрая женщина, но рѣшительно не умѣетъ держать себя съ дѣтьми: Леонида она любитъ болѣе всѣхъ, хотя и споритъ съ нимъ постоянно, и надобно сказать, что въ этихъ спорахъ онъ всегда правѣе; съ маленькими дѣвочками она ни то ни се, или почти ими не занимается, но съ Лидіей Николаевной обращается въ высшей степени дурно. Бѣдная дѣвушка поставлена въ такое положеніе, что скорѣе походитъ на приживалку, чѣмъ на дочь. Она занимается всѣмъ хозяйствомъ, учитъ и няньчитъ маленькихъ сестеръ и, несмотря на все это, получаетъ отъ матери безпрерывныя замѣчанія за всевозможные пустяки. Ко мнѣ Марья Виссаріоновна привыкла. Иванъ Кузьмичъ отрекомендовался мнѣ, сказавъ, что онъ калужскій помѣщикъ Марасѣевъ, и просилъ обязать его пріятнымъ моимъ знакомствомъ. Онъ очень недалекъ и, кажется, къ Лидіи Николаевнѣ неравнодушенъ, Марью Виссаріоновну уважаетъ, а Леонида боится. Что касается до сего послѣдняго, то онъ попрежнему ничего не дѣлаетъ, но, сблизившись съ нимъ, я

увидѣлъ въ немъ очень умнаго человѣка, въ высшей степени честнаго по своимъ убѣжденіямъ и далеко не по лѣтамъ развитого. Я день ото дня все болѣе къ нему привязывался, и онъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣ, что полюбилъ меня.

Къ Ваньковскимъ ѣздила еще одна дама, нѣкто Лизавета Николаевна Піонова, и ѣздила почти каждый день, — рыжая, рябая, съ огромнымъ ртомъ, влажными сѣрыми глазами и, повидимому, очень хитрая: къ Марьѣ Виссаріоновнѣ она обнаруживала пламенную дружбу, а отъ Ивана Кузьмича приходила въ восторгъ и всегда про него говорила: «чудный человѣкъ! превосходный человѣкъ!». За Леонидомъ она, кажется, приволакивалась, а онъ говорилъ ей на каждомъ шагу дерзости и показывалъ явное пренебреженіе. Разъ она, не зная, о чемъ бы съ нимъ заговорить, попросила его дать ей какую-нибудь книгу почитать. Сначала онъ ей отвѣчалъ:—«у меня никакихъ нѣтъ книгъ». Она приступила.—«Да какую вамъ надобно книгу?»— наконецъ спросилъ онъ ее. — «Какую-нибудь поинтереснѣе». Онъ пошелъ и принесъ ей календарь. Она надулась. Когда она обращалась къ нему съ просьбою сыграть на фортепіано, онъ садился и начиналъ казачка. Досаднѣе всего, что эта госпожа обходилась съ Лидіей Николаевной свысока и едва ее замѣчала.

Однажды я пришелъ на урокъ. Леонида дома не было,—это съ нимъ часто случалось. Я прошелъ въ кабинетъ. Мимо растворенныхъ дверей промелькнула горничная, потомъ другой разъ, третій—и наконецъ вошла въ кабинетъ.

— Что вы изволите сидѣть одни-съ, барышня дома,—сказала она.

— Гдѣ же Лидія Николаевна?—спросилъ я не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Въ гостиной, пожалуйте туда-съ; я докладывала ооъ васъ.

Я прошелъ въ гостиную. Лидія Николаевна сидѣла за пяльцами.

— Братъ сейчасъ пріѣдетъ, онъ поѣхалъ съ маменькой,— сказала она.

Я сѣлъ. Говорить съ Лидіей Николаевной было для меня величайшимъ наслажденіемъ, но мнѣ это рѣдко удавалось. Я рѣшился воспользоваться настоящимъ случаемъ.

— Какую вы огромную картину вышиваете,—сказалъ я.

Приличнѣе этого мнѣ ничего не пришло въ голову.

— Эта еще не такъ велика... Посмотрите, какое славное лицо у старика,—отвѣчала Лидія Николаевна, показывая узоръ, на которомъ былъ изображенъ старикъ съ сѣдою бородою, съ арфою въ рукахъ; возлѣ него сидѣлъ курчавый мальчикъ и

лежала собака; вдали былъ извѣстный ландшафтъ съ деревцами, горами и облаками.

— Надо имѣть истинно-женское терпѣніе, чтобы все это вышить,—продолжалъ я, разсматривая узоръ.

— Нѣтъ, это не терпѣніе, а такъ... отъ-нечего-дѣлать...— отвѣчала Лидія Николаевна. — Хорошо, если бы женщины должны были имѣть терпѣніе только вышивать подушки, которыя потомъ запачкаются и бросятся,—прибавила она, вздохнувъ.

— А гдѣ же имъ оно еще нужно? — спросилъ я съ ударе-ніемъ.

— Въ жизни.

— Это, я полагаю, нужно мужчинамъ и женщинамъ.

— Мужчинамъ? О, нѣтъ! Они гораздо свободнѣе; они могутъ быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ, а мы бываемъ тѣмъ, чѣмъ намъ велятъ.

«Милая дѣвушка, какъ она умна!»—подумалъ я.

— Мнѣ кажется,—началъ я вслухъ:—что женщины въ наше время довольно свободны...

— Чѣмъ же свободны? Можетъ ли, напримѣръ, женщина выйти или не выйти замужъ?

— Конечно, можетъ.

— Нѣтъ, не можетъ, потому что надъ ней сейчасъ станутъ смѣяться, назовутъ старою дѣвушкою, скажутъ, что она зла; родные будутъ сердиться, тяготиться: на это недостанетъ никакого терпѣнія.

— Необходимость выйти замужъ для каждой дѣвушки сдѣлается пріятною: стоитъ только выйти за того, кого полюбишь.

— А если никого не любишь?

— Надобно дожидаться; для всякой женщины придетъ пора когда она полюбитъ.

— Не думаю, я первая никогда и никого не полюблю.

— Это почему вы думаете?

— Такъ. Полюбишь одного, а выдадутъ за другого: лучше ужъ никого не любить

Интересный разговоръ нашъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ пріѣздомъ Леонида съ матерью.

Мы ушли съ нимъ въ кабинетъ.

Въ этотъ разъ я не совсѣмъ добросовѣстно исполнялъ обязанность наставника. Теорію неопредѣленныхъ уравненій растолковалъ такъ неопредѣленно, что это даже замѣтилъ мой воспитанникъ, хотя и слушалъ меня, по обыкновенію, очень невнимательно.

— Вы что-то сегодня совсѣмъ непонятно разсказываете,— сказалъ онъ съ обыкновенною своею откровенностью.

— Мнѣ нездоровится, —отвѣчалъ я.

— Ну, такъ оставьте, и мнѣ надоѣло. Пойдемте въ гостиную.

Я только того и ждалъ и далъ себѣ слово во что бы то ни стало возобновить съ Лидіей Николаевной прежній разговоръ; но на бѣду мою несносный Иванъ Кузьмичъ былъ уже тутъ и сидѣлъ рядомъ съ нею. Марья Виссаріоновна разсказывала какую-то длинную исторію про одну свою родственницу, которой предстояла прекрасная партія и которую она сначала не хотѣла принять, но потомъ, желая исполнить волю родителей, вышла, и теперь счастлива такъ, какъ никто; что наконецъ дѣти, которыя слушаются своихъ родителей, бываютъ всегда благополучнѣе тѣхъ, которыя дѣлаютъ по-своему. Говоря это, она переглядывалась съ Иваномъ Кузьмичомъ, который ей поддакивалъ, и взглядывала на дочь; та сидѣла потупившись и ни слова не говорила. Леонидъ слушалъ мать съ насмѣшливою улыбкою. Мнѣ бы, вѣроятно, цѣлый вечеръ не удалось переговорить съ Лидіей Николаевной, но пріѣхала Піонова. Съ нѣжностью поздоровалась она съ Марьею Виссаріоновною, издала радостное восклицаніе при видѣ Ивана Кузьмича, который у ней поцѣловалъ руку, и тотчасъ же начала болтать, а потомъ, прищурившись, взглянула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Леонидъ, и проговорила сладкимъ голосомъ:

— Вы здѣсь, Леонидъ Николаичъ, я васъ и не вижу... Здравствуйте!

Тотъ не пошевелился и ни слова не сказалъ; меня и Лидію Николаевну она, по обыкновенію, не замѣтила. Лида вышла наконецъ въ залу, я тоже послѣдовалъ за нею, благословляя въ душѣ пріѣздъ Піоновой. Когда я вошелъ, Лидія сидѣла на небольшомъ диванѣ, задумавшись. Увидѣвъ меня, она улыбнулась и проговорила:

— Я ушла, тамъ очень жарко, посидимте здѣсь.

Я сталъ около нея.

— Вы будете у насъ завтра?—спросила она.

— Буду.

— А послѣзавтра?

— Послѣзавтра воскресенье, урока у меня нѣтъ.

— Ничего, приходите обѣдать и на цѣлый день.

Я обмеръ отъ радости.

— Завтра я не буду цѣлый день дома,—прибавила Лидія.

— Гдѣ жъ вы будете?—спросилъ я.

— Въ пансіонѣ у m-me Жарве. Тамъ завтра актъ и вечеромъ балъ.

— Стало-быть, вы завтра будете веселиться?

— Какое веселье!.. Я не люблю баловъ, но я тамъ училась: начальница меня очень любила: сама пріѣзжала и просила, чтобъ мамаша меня отпустила; она очень добрая!

— Я зналъ одну изъ воспитанницъ m-me Жарве; та непохожа на васъ и, кажется, очень любитъ балы.

— Кто такая?

— Вѣра Базаева, которая мнѣ еще какъ-то кузиной приходится.

— Вѣрочка Базаева? Она вамъ кузина! Это наша пансіонская красавица. Скажите, гдѣ она и что дѣлаетъ?

— Я думаю, танцуетъ и кокетничаетъ.

— Право? Она, впрочемъ, всегда была немного кокетка,— а какая хорошенькая! Сначала я была съ ней дружна, а потомъ разсталась холодно: она тогда зиму жила здѣсь, очень много выѣзжала, и мы почти не видались.

— У меня съ нею почти были такія же отношенія: на первыхъ порахъ мы съ ней очень скоро подружились, или, по крайней мѣрѣ, она увѣряла меня, что ей очень ловко танцовать со мною вальсъ, а я находилъ, что она очень хороша собою.

— Вы не были въ нее влюблены?

— Нѣтъ.

— Не можетъ быть.

— Отчего же не можетъ быть?

— Оттого, что она такъ мила, что нравится всѣмъ.

— На первый взглядъ, можетъ-быть, а потомъ, вглядѣвшись, увидишь, что красотѣ ея многаго недостаетъ.

— Чего жъ недостаетъ?

— Мысли, чувства, души.

Лида не возражала.

— Вы напрасно думаете,—продолжалъ я: — чтобъ я могъ быть влюбленъ въ Базаеву; по моимъ понятіямъ, женщина должна имѣть совершенно другого рода достоинства.

— А именно?

— Вы желаете знать.

— Очень.

— Женщина должна быть не суетна, а семьянинка, кротка, но не слабохарактерна, умна безъ педантства, великодушна безъ рисовки, не сентиментальна, но способна къ привязанности искренней и глубокой,—отвѣчалъ я.

Въ головѣ моей давно уже приготовленъ былъ для Лидіи Николаевны этотъ очеркъ идеала женщины.

— А наружность?—спросила она.

— Наружности я и опредѣлять не хочу. Эти нравственныя качества, которыя я перечислилъ, такъ одушевятъ даже не-

правильныя черты лица, что она покажется лучше первой красавицы въ мірѣ.

— Такихъ женщинъ нѣтъ.

— Нѣтъ, есть.

— Вы, стало-быть, встрѣчали?

— Можетъ-быть.

— Желала бы я посмотрѣть на такую женщину.

Я ничего не отвѣчалъ. Дѣло въ томъ, что подъ этимъ идеаломъ я разумѣлъ ее самоё. Нѣсколько времени мы молчали.

— Вы, Лидія Николаевна, говорили, что никогда и никого не полюбите?—началъ я.

— Да.

— Стало-быть, вы никогда и замужъ не пойдете?

— Нѣтъ, пойду.

— По расчету?

— Да, по расчету, — отвѣчала она.

И мнѣ показалось, что, говоря это, она горько улыбнулась.

— Я не ожидалъ отъ васъ этого слышать.

— Отчего жъ не ожидали: это очень покойно; по крайней мѣрѣ, если мужъ разлюбитъ, то не такъ будетъ обидно.

— Перестаньте такъ говорить, я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, правда

— Правда?..—началъ-было я.

— Постойте,—вдругъ перебила меня Лидія Николаевна:— тамъ, кажется, говорятъ про меня.

— Что такое васъ встревожило?—спросилъ я.

— Такъ, ничего,—отвѣчала Лидія Николаевна.—Ахъ, какая эта Піонова несносная! — прибавила она какъ бы про себя.

— Lydie, où êtes-vous?—раздался голосъ Маріи Виссаріоновны изъ гостиной.

— Ici, maman,—отвѣчала Лидія.

— Venez chez nous.

— Посидите тутъ, я скоро возвращусь,—это ужасно!—проговорила она и ушла.

По крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ я, напрягая слухъ, чтобы услышать, что говорится въ гостиной, но тщетно; подойти къ дверямъ и подслушивать мнѣ было совѣстно. Наконецъ послышались шаги, я думалъ, что это Лидія Николаевна, но вошелъ Леонидъ, нахмуренный и чѣмъ-то сильно разсерженный.

— Что вы тутъ сидите: пойдемте въ кабинетъ,—сказалъ онъ.

Я пошелъ за нимъ, въ надеждѣ—не узнаю ли чего-нибудь.

— Піонова сегодня что-то много говоритъ,—началъ я.

— Мерзавка!.. Чортъ знаетъ, какъ всѣ эти женщины нелѣпы.

— А что же?

Леонидъ ничего не отвѣчалъ; разспрашивать его, я зналъ, было безполезно.

— А математика идетъ плохо,—началъ я съ другого.

— Скверно. Какъ мнѣ хочется на воздухъ! Поѣдемте прокататься; я васъ довезу до дому; у меня лошадь давно заложена.

— Хорошо. Можно проститься съ вашими?

— Ступайте; а я покуда одѣнусь.

Въ гостиной я засталъ странную сцену: у Марьи Виссаріоновны были на глазахъ слезы; Піонова, только-что переставшая говорить, обмахивала себя платкомъ; Иванъ Кузьмичъ былъ краснѣе, чѣмъ всегда; Лидія Николаевна сидѣла вдали и какъ будто похудѣла въ нѣсколько минутъ. Я раскланялся.

Леонидъ подвезъ меня къ моей квартирѣ. Во всю дорогу онъ ни слова не проговорилъ и только, когда я вышелъ изъ саней, спросилъ меня:

— Вы будете завтра дома?

— Буду.

— Я завтра приду къ вамъ.

— Приходите.

III.

На другой день, только-что я всталъ, Леонидъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, закурилъ трубку, разлегся на диванѣ и молчалъ; онъ не любилъ скоро начинать говорить.

— Ваши здоровы?—спросилъ я.

Меня заботило, что такое у нихъ вчера было.

— Не знаю хорошенько; матери не видалъ, а сестра больна.

— Чѣмъ?

— Голова болитъ.

— Вы вчера поздно воротились?

— Нѣтъ, прокатился только.

— А гости еще у васъ долго сидѣли?

— Не знаю; я не входилъ туда. Кажется, что долго,— отвѣчалъ нехотя Леонидъ.

Онъ былъ очень не въ духѣ.

— Скажите, пожалуйста, Леонидъ Николаичъ, — началъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — что это за человѣкъ Иванъ Кузьмичъ?

— Что за человѣкъ онъ, я не знаю и даже сомнѣваюсь, человѣкъ ли онъ? А что глупъ, какъ бревно, такъ это вѣрно.

— Однако онъ принятъ у васъ, какъ свой?

— Не отвяжешься отъ него, хотя я и давно объ этомъ стараюсь.

— Почему жъ?

— Онъ главный кредиторъ нашъ.

— А развѣ у васъ есть долги?

Леонидъ усмѣхнулся.

— Есть немного.

— Сколько же?

— Тысячъ триста серебромъ.

— Триста тысячъ?.. А состояніе велико ли?

— Около тысячи душъ.

— Состояніе прекрасное.

— Хорошо, только въ итогѣ ставь нуль.

— Отчего же это?

— Дѣла разстроены. Отецъ у меня былъ очень умный человѣкъ и когда женился на матери, у него ничего не было, а у нея промотанныхъ двѣсти душъ, но въ пять лѣтъ онъ составилъ тысячу, а умеръ—и пошло все кривымъ колесомъ: сначала фабрика сгорѣла, потомъ взяты были подряды, не выполнили, залоги лопнули; а потомъ стряпчіе появились и остальное доконали.

— Какимъ же образомъ Иванъ Кузьмичъ попалъ въ число кредиторовъ?

— Получилъ отъ родного брата по наслѣдству, съ которымъ отецъ имѣлъ дѣла.

— А великъ его вексель?

— Тысячъ въ тридцать серебромъ.

— Кто жъ теперь управляетъ всѣмъ этимъ: и дѣлами и имѣніемъ вашимъ?

— Судьба.

— А матушка ваша предпринимаетъ же что-нибудь?

— Едва ли. Она то плачетъ и говоритъ, что несчастнѣйшая въ мірѣ женщина, а потомъ, побесѣдовавши съ Піоновою, увѣряетъ всѣхъ, что ничего, что все прекрасно устроилось. Я ничего не понимаю.

— Во всякомъ случаѣ, она, мнѣ кажется, женщина умная.

— Умна, только прежде была очень избалована жизнью. При дѣдушкѣ жила въ богатомъ домѣ и знала только на балы выѣзжать, при отцѣ тоже: онъ ей въ глаза глядѣлъ и окружалъ ее всевозможною роскошью. Вы бывали у насъ въ бельэтажѣ?

— Нѣтъ.

— Жаль. Я вамъ покажу когда-нибудь. Тамъ есть кабинетъ, нарочно для нея отдѣланный; онъ одинъ стоитъ десять

тысячъ серебромъ, а теперь и нѣтъ ничего, да еще хлопоты по дѣламъ, и растерялась.

— Поэтому теперь лежитъ обязанность на васъ устроить какъ-нибудь дѣла.

— А что я такое? Мальчишка, да и по характеру одинъ изъ тѣхъ пустѣйшихъ людей, которые ни на что негодны. Я отъ лѣни по цѣлымъ днямъ хожу не умывшись и не обѣдавши; у меня во всю мою жизнь недоставало еще терпѣнія дочитать ни одной книги.

— Однако вы музыкантъ, и музыкантъ замѣчательный.

— Музыка и дѣла—двѣ вещи разныя; музыку я люблю,— отвѣчалъ Леонидъ.

Несмотря на то, что онъ все это говорилъ, повидимому, равнодушно, но видно было, что семейное разстройство его сильно безпокоило. Мнѣ было болѣе всего досадно, что Марасѣевъ былъ въ числѣ кредиторовъ.

— Вѣроятно, Иванъ Кузьмичъ по хорошему знакомству не безпокоитъ васъ своимъ векселемъ?—сказалъ я.

— Напротивъ, несноснѣе всѣхъ,—отвѣчалъ Леонидъ.

— Неужели же онъ такъ неделикатенъ?

— Не очень. Все сватается къ сестрѣ и говоритъ, что если она выйдетъ за него, такъ онъ сейчасъ же изорветъ вексель.

Сердце у меня замерло.

— А Лидіи Николаевнѣ онъ нравится?—спросилъ я.

— Еще бы ей нравился! Она не совсѣмъ еще съ ума сошла.

— А Марья Виссаріоновна желаетъ этого брака?

— Очень.

— Неужели же Марья Виссаріоновна не видитъ въ немъ ни разницы лѣтъ ни разницы воспитанія съ Лидіей Николаевной, неужели наконецъ не понимаетъ личныхъ его недостатковъ? Я увѣренъ, что ей самой будетъ неловко имѣть такого зятя: у него ничего нѣтъ общаго съ вашимъ семействомъ.

Леонидъ молчалъ.

— И какъ вы думаете, бракъ этотъ состоится?—прибавилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

— Я думаю. Матушка желаетъ и говоритъ, что отъ этого зависитъ участь всей семьи.

— Какая же участь? Тридцать тысячъ не все ваше состояніе.

— Кажется, а Лида вѣритъ.

— Но какъ же это?

— А такъ же вѣритъ. Вы не знаете этой дѣвушки: она олицетворенная доброта. Матушкѣ стоитъ только выразить ма-

лѣйшую ласку, и она не знаю на что рѣшится. Досаднѣе всего, что я ее ужасно люблю, не оттого, что она мнѣ сестра, этс Богъ бы съ ней, а именно потому, что она чудная дѣвушка.

— Мнѣ самому Лидія Николаевна чрезвычайно нравится, даже въ наружности ихъ есть что-то особенно привлекательное.

— Нѣтъ, наружность что̀? Она собою нехороша, но у ней чудный характеръ, кроткій, ровный.

Эти слова Леонидъ говорилъ съ бо̀льшимъ противъ обыкновеннаго своего тона одушевленіемъ.

— Я безъ ужаса вообразить не могу, — продолжалъ онъ, вставая и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ: — что такая славная женщина достанется въ жены какому-нибудь Марасѣеву.

— Тѣмъ болѣе, Леонидъ Николаевичъ, вы должны этому противодѣйствовать всѣми средствами.

— Ничего не сдѣлаешь. Неужели вы думаете, что я не дѣйствовалъ? Я нѣсколько разъ затѣвалъ съ нимъ исторію и почти въ глаза называлъ дуракомъ, чтобы только разсердить его и заставить перестать ѣздить; говорилъ наконецъ матери и самой Лидѣ,—и все ничего.

— Но онѣ возражали же что-нибудь вамъ?

— Ничего не возражали; мать сердится и говоритъ, что я еще мальчишка и ничего не понимаю, а Лида плачетъ.

— Во всякомъ случаѣ это слабость характера со стороны Лидіи Николаевны.

— Вовсе не слабость, когда она два года борется и въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ ей говорятъ безпрестанно одно и то же, безпрестанно толкуютъ, что этотъ человѣкъ влюбленъ въ нее, что лучшаго жениха ей ожидать нельзя, потому что нехороша собою, — что она неблагодарная, капризная, и что хочетъ собою только отягощать мать. Я бы на ея мѣстѣ давно убѣжалъ изъ дома и нанялся бы гдѣ-нибудь въ ключницы, чѣмъ сталъ бы жить въ такомъ положеніи.

— А Иванъ Кузьмичъ богатъ?

— Въ томъ все и дѣло, что хочетъ уничтожить нашъ вексель, а кромѣ того Піонова увѣряетъ, что у него триста душъ, и что за невѣстою онъ ничего не проситъ и даже приданое хочетъ сдѣлать на свой счетъ, и наконецъ по всѣмъ дѣламъ матери берется хлопотать. Я вамъ говорю, что тутъ такія подлыя основанія, по которымъ выдаютъ эту несчастную дѣвушку, что вообразить трудно.

— Я, право, все еще не вѣрю, чтобы Марья Виссаріоновна могла имѣть такія побужденія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ дочери.

— У ней никакихъ нѣтъ побужденій, потому что нѣтъ никакихъ убѣжденій. Въ этомъ случаѣ ее рѣшительно поддуваетъ Піонова; не будь этой совѣтчицы, мать бы задумала... опять передумала... потомъ, можетъ-быть, опять бы задумала. и такъ бы время шло, покуда не нашелся бы другой женихъ, за котораго Лида сама бы пожелала выйти.

— Неужели же вліяніе этой пустой женщины такъ сильно, что вы не можете ее отстранить, и наконецъ на чемъ основано это вліяніе?

— На томъ, что она унижается передъ матерью, восхищается ея умомъ, увѣряетъ ее, что она до сихъ поръ еще красавица, клянется ей въ безпредѣльной дружбѣ, — вотъ и основанія всѣ, а та очень самолюбива. Прежде, когда она была богата и молода, ей льстили многіе, а теперь всѣ оставили; Піонова же держитъ себя попрежнему и, значитъ, неизмѣнный другъ.

— Но та—какую цѣль имѣетъ?

— Можетъ-быть, деньги взяла за сватанье, и вѣроятно, да и Лиду ей уничтожить хочется: она ее ненавидитъ.

— За что же?

— За то, за что мерзавцы вообще ненавидятъ хорошихъ людей, которые для нихъ живое обличеніе.

— Мнѣ кажется, что Піонова неравнодушна къ вамъ?

— Какъ же! Влюблена въ меня; сама признавалась мнѣ, что она дорожитъ нашимъ семействомъ только для меня.

— Вотъ бы вы это и сказали матушкѣ.

— Говорилъ.

— Что жъ она?

— Смѣется.

Такимъ образомъ Леонидъ раскрылъ предо мною всю семейную драму. Мы долго еще съ нимъ толковали, придумывали различные способы, какъ бы поправить дѣло, и ничего не придумали. Онъ ушелъ. Я остался въ грустномъ раздумьѣ. Начинавшаяся въ сердцѣ моемъ любовь къ Лидіи Николаевнѣ была сильно поражена мыслью, что она должна выйти замужъ и выйти скоро. Мнѣ сдѣлалось грустно и досадно на Лиду.

Въ первыя минуты я написалъ къ ней письмо, которое вышло у меня такого содержанія:

«Я, можетъ-быть, слишкомъ много беру себѣ права, что осмѣливаюсь писать къ вамъ; но разубѣжденіе, которое мнѣ суждено въ васъ испытать, такъ болѣзненно отозвалось въ моемъ сердцѣ, что я не въ состояніи совладѣть съ собою. Я нѣкогда, если вы только это помните, говорилъ вамъ объ идеалѣ женщины, и нужно ли говорить, что всѣ его прекрас-

ныя качества я видѣлъ въ васъ; но—Боже мой!—какъ много вы спустились съ высоты того пьедестала, на которомъ я, ослѣпленный безумецъ, до сихъ поръ держалъ васъ въ своемъ воображеніи. Вы выходите замужъ, я это знаю, и знаю также, что вашъ умъ, и ваше сердце, и свободу вы приносите двумъ-тремъ стамъ мужнина состоянія. Не говорите тутъ о необходимости, о самоотверженіи. Подобное пренебреженіе, чтобъ не сказать — неряшество въ собственномъ счастіи, я убѣжденъ, выше силъ женщины и служитъ признакомъ, знаете ли чего?—страшно сказать:—бездушія, безстрастности, что признать въ васъ мнѣ все-таки не хочется, и я все-таки еще желаю оставить вамъ настолько нравственныхъ качествъ, что напередъ вамъ предсказываю много горя и страданій, если вы только сдѣлаете этотъ неосторожный шагъ».

Написавъ все это, я предполагалъ въ тотъ же день снести Лидѣ самъ мое письмо; но, вспомнивъ, что говорилъ Леонидъ, мнѣ стало жаль ее.

«Нѣтъ, она не такъ виновна,—подумалъ я:—Богъ съ ней: пускай она выходитъ замужъ, я останусь ей преданъ и, по возможности, друженъ и близокъ съ нею».

Рѣшившись такимъ образомъ изъ пламеннаго обожателя преобразовать себя въ смиреннаго и нетребовательнаго друга, я задалъ себѣ вопросъ: что за человѣкъ Марасѣевъ? Можетъ-быть, Леонидъ сильно противъ него предубѣжденъ; можетъ-быть, онъ только не очень уменъ, но добрый въ душѣ человѣкъ; можетъ-быть, онъ точно любитъ Лидію Николаевну, доказательства этому отчасти есть: онъ жертвуетъ для нея тысячами. Изъ него, можетъ-быть, выйдетъ хорошій семьянинъ, и онъ въ состояніи будетъ если не сдѣлать Лидію Николаевну вполнѣ счастливою, то по крайней мѣрѣ станетъ покоить ее.

Мое намѣреніе было: на другой же день съѣздить къ Марасѣеву и посмотрѣть на него въ домашней жизни; это было мнѣ и кстати сдѣлать, потому что онъ былъ у меня недѣли двѣ тому назадъ, а я ему еще не заплатилъ визита.

IV.

Иванъ Кузьмичъ жилъ въ Грузинахъ. Я ѣхалъ къ нему часа два съ половиною, потому что долженъ былъ проѣхать около пяти верстъ большими улицами и изъѣздить, по крайней мѣрѣ, десятокъ маленькихъ переулковъ, прежде чѣмъ нашелъ его квартиру: это былъ полуразвалившійся домъ, ходъ со двора; я завязъ почти въ грязи, покуда шелъ по этому двору, на которомъ впрочемъ, стояли новыя конюшни и сарай. Я сей-

часъ догадался, что Иванъ Кузьмичъ выбиралъ квартиру съ большими удобствами для лошадей, чѣмъ для себя. Въ маленькой темной передней встрѣтилъ меня лакей и, проворно захлопнувъ дверь въ залу, сталъ передо мною, какъ бы желая загородить мнѣ дорогу.

— Дома Иванъ Кузьмичъ? — спросилъ я.

Лакей замялся.

— Я не знаю-съ, они дома, да не почиваютъ ли! Позвольте, я доложу-съ,—отвѣчалъ онъ и ушелъ въ залу, опять притворивъ дверь.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, неся въ рукахъ подносъ съ пустымъ графиномъ и объѣдками пирога. Поставивъ все это, бѣгомъ побѣжалъ въ сѣни и возвратился оттуда съ умывальникомъ и полотенцемъ и прошелъ въ залу. Положеніе мое становилось несносно; я стоялъ, не снимая ни шинели ни калошъ, въ полутемнотѣ и посреди удушливаго запаха, который происходилъ отъ висѣвшихъ тутъ хомутовъ, смазанныхъ недавно ворванью. Лакей еще нѣсколько разъ прибѣгалъ за сапогами, сюртукомъ, головною щеткою, которые хранились тутъ же въ передней, и наконецъ разрѣшилъ мнѣ входъ. Иванъ Кузьмичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, обнялъ и крѣпко поцѣловалъ. Не ожидая такой нѣжности, я попятился и съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо: оно не только было красно, но пылало, и глаза были уже совсѣмъ безсмысленные. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ толстѣйшій и высочайшій мужчина, какихъ когда-либо я видалъ, съ усищами до ушей, съ хохломъ, съ огромнымъ животомъ, такъ что довольно толстый Иванъ Кузьмичъ и я не совсѣмъ маленькій — казались противъ него ребятами, однимъ словомъ, на первый взглядъ страшно было смотрѣть. Онъ мнѣ расшаркался, и при этомъ закачался весь полъ. Иванъ Кузьмичъ поздоровался со мною и облокотился на печку.

— Очень радъ, — началъ онъ, едва переминая языкъ: — прошу познакомиться,—прибавилъ онъ, указывая на огромнаго господина: — мой пріятель, Сергѣй Николаичъ, а они учитель Марьи Виссаріоновны. Очень радъ... Извините, пожалуйста, я не ожидалъ васъ: недавно проснулся, будьте великодушны, извините... Сдѣлайте милость, господа, пожалуйте въ гостиную. Сергѣй Николаичъ! Что жъ ты церемонишься? Мы съ тобою не сегодня знакомы; ты свинтусъ послѣ этого... Сдѣлайте милость, простите великодушно; мы съ нимъ по-пріятельски, — болталъ хозяинъ и наконецъ пошелъ въ гостиную, шатаясь изъ стороны въ сторону. Не оставалось никакого сомнѣнія,

что онъ былъ мертвецки пьянъ. Мы пошли за нимъ, громадный господинъ былъ тоже сильно выпивши, только ему было это ничего: у него все выходило испариною, которая крупными каплями выступала на лбу и которую онъ безпрестанно обтиралъ, но она снова появлялась.

Въ такъ названной гостиной, въ которой былъ какой-то деревянный диванъ и нѣсколько стульевъ, сидѣлъ молодой офицеръ и курилъ трубку. Онъ мнѣ особенно бросился въ глаза тѣмъ, что имѣлъ чрезвычайно худощавое лицо, покрытое сплошь желчными пятнами.

Иванъ Кузьмичъ опять принялся за рекомендацію.

— Позвольте васъ познакомить: поручикъ Дановичъ—учитель Марьи Виссаріоновны; прошу полюбить другъ друга.

Зачѣмъ онъ насъ просилъ, чтобы мы полюбили другъ друга,—неизвѣстно.

Я потупился, поручикъ усмѣхнулся, однако мы раскланялись.

— Очень, право, радъ. ко мнѣ вотъ сегодня пріѣхалъ Сергѣй Николаичъ, потомъ господинъ Дановичъ пришелъ... потомъ вы пожаловали; благодарю... только извините, пожалуйста; я такой человѣкъ, что всѣмъ радъ, извините... — проговорилъ Иванъ Кузьмичъ и потупилъ голову.

Поручикъ качалъ головою; толстый господинъ не спускалъ съ меня глазъ. Мнѣ сдѣлалось непріятно и неловко.

— Вы кого у Марьи Виссаріоновны учите? Леонида или маленькихъ дѣвочекъ? — спросилъ онъ меня необыкновенно густымъ басомъ.

— Леонида, — отвѣчалъ я.

Сергѣй Николаичъ откашлялся.

— Славный малый Леонидъ, — продолжалъ онъ: — только ко мнѣ не ѣздитъ, да и самъ я давно не бывалъ у нихъ: съ годъ!.. Все нездоровится.

«Ему нездоровится»,—подумалъ я и внутренно разсмѣялся; скорѣе въ молодомъ слонѣ можно было предположить какую-нибудь болѣзнь, чѣмъ въ немъ.

— Жена моя часто у нихъ бываетъ; видали тамъ мою жену? — отнесся опять ко мнѣ Сергѣй Николаичъ.

— Вашу супругу? — спросилъ я, не отгадывая еще, кто этотъ господинъ.

— Да, Піонову; я имѣю честь быть господиномъ Піоновымъ, а г-жа Піонова моя нѣжнѣйшая супруга, вѣрная жена и подруга дней моихъ печальныхъ.

— Видалъ-съ, — отвѣчалъ я.

Такъ вотъ кто былъ супругъ Піоновой; недаромъ она не возитъ его къ Ваньковскимъ и говоритъ, что онъ домосѣдъ.

— Хорошо, что я вспомнилъ о женѣ,—продолжалъ Піоновъ, обращаясь къ хозяину. — Она меня поѣдомъ ѣстъ за твоего бурку; говоритъ: зачѣмъ купилъ, не нравится. Да полно, что ты нахмурился?

— Бурку?.. — отозвался Иванъ Кузьмичъ: — бурка, братъ, славная лошадь; если бы мнѣ такая попалась, я сейчасъ далъ тысячу цѣлковыхъ.

— Возьми назадъ, я за полтысячи уступлю.

— Давай: возьму!.. Что жъ, развѣ не возьму?

— Бери, мнѣ самому жаль. Какъ бы не барыня, я бы съ ней не разстался.

Поручикъ взглянулъ на меня и усмѣхнулся.

— Барыня... барыня, — говорилъ Иванъ Кузьмичъ: — твоя барыня, братъ, милая; я у ней ручку поцѣлую, а ты въ лошадяхъ ничего не смыслишь; ты что говорилъ про бѣлогриваго жеребца?

— Что говорилъ?

— Что говорилъ! Не помнишь? Ты говорилъ: выкормокъ, вотъ онъ тебѣ и показалъ себя! Зачѣмъ же ты его на заводъ ладилъ? Выкормки, братъ, на заводъ не идутъ; что ты мнѣ говоришь!

Піоновъ ничего не возражалъ. Я всталъ съ тѣмъ, чтобы уѣхать.

— Прощайте, Иванъ Кузьмичъ,—сказалъ я, раскланиваясь.

— Сдѣлайте милость, прошу васъ покорнѣйше, посидите,— возразилъ онъ, разведя руками:—извините меня великодушно, вамъ, можетъ-быть, скучно у меня, а я душевно радъ. Позвольте мнѣ хоть трубку вамъ предложить; будьте такъ добры, выкурите хоть трубку.

— Позвольте, — отвѣчалъ я и сѣлъ.

— Ѳомка! — крикнулъ Иванъ Кузьмичъ:—трубку подай!

— Очень радъ, что вы пожаловали, только извините меня; я сегодня нездоровъ что-то,—насморкъ, что ли?

Между тѣмъ Піоновъ всталъ, какъ-то особенно кашлянулъ и вышелъ въ другую комнату; впрочемъ, онъ не совсѣмъ ушелъ, какъ видѣлъ я въ зеркалѣ, а остановился въ дверяхъ и началъ дѣлать Ивану Кузьмичу знаки и манить его рукою, но тотъ не замѣчалъ.

— Васъ зовутъ, Иванъ Кузьмичъ,—сказалъ поручикъ.

Иванъ Кузьмичъ поднялъ голову и, замѣтивъ пріятеля, всталъ и едва попалъ въ дверь; тотъ началъ ему шептать что-то на ухо, а онъ только моталъ головою, и наконецъ оба ушли.

— Какъ наклюкались,—проговорилъ имъ вслѣдъ поручикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Что такое у нихъ сегодня? — спросилъ я.

— Не знаю-съ, я пришелъ, они ужъ были готовы; у нихъ, впрочемъ, часто это бываетъ. Вы давно знакомы съ Иваномъ Кузьмичомъ?

— Нѣтъ, я у него сегодня только въ первый разъ; скажите, пожалуйста, хорошій онъ человѣкъ?

— Человѣкъ онъ добрый, только слабъ ужасно. Въ одномъ полку со мной служилъ; полковникъ прямо ему предложилъ, чтобы онъ по своей слабости оставилъ службу. Товарищи стали обижаться,—ремарку дѣлаетъ на весь полкъ.

Холодный потъ выступилъ у меня, слушая поручика; хотя по желчному лицу его и можно было подозрѣвать, что онъ о себѣ подобныхъ не любитъ отзываться съ хорошей стороны, но въ этомъ случаѣ говорилъ, видимо, правду.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ въ Москвѣ?—спросилъ я.

— Да ничего не дѣлаетъ, кутитъ. Говорятъ, жениться хочетъ. Не знаю, какая идетъ за него дѣвушка, а большой рискъ съ ея стороны.

— Если онъ добрый человѣкъ и будетъ любить жену, то, можетъ-быть, и перестанетъ кутить,—замѣтилъ я.

— Врядъ ли-съ! Привычку сдѣлалъ большую, — возразилъ поручикъ.

— Но еще скажите мнѣ, сдѣлайте милость, богатъ онъ или нѣтъ?

— Состояніе есть; ему послѣ брата много досталось, безалаберно только живетъ очень. Одинъ этотъ толстый Піоновъ его лошадьми да картами въ годъ тысячи на двѣ серебромъ надуетъ.

— А они пріятели?

— Какъ же-съ; друзья по графину.

Вотъ почему Піонова такъ хлопочетъ за Ивана Кузьмича. Боже мой! Неужели мы съ Леонидомъ не успѣемъ разбить ихъ козней? Я было-хотѣлъ еще разспросить поручика, но Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ возвратились. Они, вѣроятно, еще клюкнули. Силъ моихъ не было оставаться долѣе. Я опять началъ прощаться, Иванъ Кузьмичъ не отпускалъ.

— Обяжите меня, сдѣлайте милость, посидите; я васъ, кажется, ничѣмъ не обидѣлъ, а если что... Извините меня, выкушайте, по крайней мѣрѣ, шампанскаго, что же такое; я имѣлъ честь познакомиться съ вами у Марьи Виссаріоновны, которую люблю и уважаю. Вотъ Сергѣй Николаичъ знаетъ, какъ я ее уважаю, а что если... такъ виноватъ. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ.

— Мнѣ надобно, Иванъ Кузьмичъ, ѣхать на лекціи.

— Вы и поѣзжайте, Христосъ съ вами, дай вамъ Богъ добраго здоровья, а шампанскаго выпьемъ: извините, это уже нельзя.

— Благодарю васъ, я не пью. Позвольте мнѣ уѣхать, — сказалъ я рѣшительно.

Иванъ Кузьмичъ обидѣлся.

— Богъ съ вами, поѣзжайте, что жъ! Вы человѣкъ ученый, а мы люди простые, что жъ? Богъ съ вами, а что если...

Я не дождался конца его рѣчи и пошелъ.

— Позвольте хотя проводить, что же такое?.. — говорилъ онъ и пошелъ за мною.

Какъ я ни торопился надѣть шинель, онъ однакожъ успѣлъ меня на крыльцѣ нагнать и, желая подать мнѣ руку, пошатнулся и, конечно, хлопнулся бы въ грязь, если бы не подхватилъ его подъ руку лакей.

Я возвратился домой, возмущенный до-нельзя. Леонидъ правъ! Говорятъ, онъ добръ; но что же изъ этого, когда онъ пьяница, и пьяница безобразный и глупый. Вечеромъ я поѣхалъ къ Леониду, чтобы передать ему все, что видѣлъ, и засталъ его въ любимомъ положеніи, т.-е. лежащимъ въ кушеткѣ.

— Я сегодня былъ у Ивана Кузьмича,—началъ я.

— Зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хотѣлось узнать его хорошенько.

— Что же вы узнали?

Я разсказалъ ему, чему былъ свидѣтелемъ и что говорилъ мнѣ поручикъ.

Леонидъ слушалъ молча, и только выступившія на лицѣ его красныя пятна заставляли догадываться, каково ему было все это слышать. Мнѣ сдѣлалось даже жаль, зачѣмъ я ему разсказалъ.

— Во всякомъ случаѣ,—заключилъ я:—мы все это должны передать вашей матушкѣ и Лидіи Николаевнѣ.

— Теперь ужъ поздно, вчера дали слово ему, Лида согласилась.

— Леонидъ Николаевичъ! — воскликнулъ я: — это будетъ съ нашей стороны жестоко и безчестно скрыть подобныя вещи.

— Лидѣ нечего теперь говорить, а матери, пожалуй, скажемъ.

— Когда же?

— Да хоть теперь пойдемте.

— Мнѣ говорить?

— Нѣтъ, я буду отъ себя.

Въ передней намъ сказали, что пріѣхала Піонова.

— Ловко ли будетъ?—замѣтилъ я.

— Ничего, еще лучше,—рѣшилъ Леонидъ.

Мы вошли. Марья Виссаріоновна, должно-быть, о чемъ-

нибудь совѣщалась съ своею пріятельницею. При нашемъ входѣ онѣ обѣ замолчали. Піонова, увидѣвъ Леонида, закатила глаза и бросила на него такой взглядъ, что мнѣ сдѣлалось стыдно за нее.

— Вотъ онъ сейчасъ былъ у Ивана Кузьмича, — началъ тотъ прямо, показывая на меня.

Обѣ дамы переглянулись съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онъ это говоритъ.

— Вашъ мужъ былъ тоже тамъ,—прибавилъ онъ Піоновой.

— Вы видѣли мужа?—отнеслась она ко мнѣ.

— Видѣлъ-съ.

— Познакомились съ нимъ?

— Познакомился.

— Очень рада. Онъ чрезвычайно любитъ молодыхъ людей— это его страсть.

— А теперь онъ дома?—спросилъ Леонидъ.

— Дома.

— Я думалъ, что онъ еще у Ивана Кузьмича; они тамъ пьютъ съ утра; Иванъ Кузьмичъ такъ напился, что на ногахъ не стоитъ,—отрѣзалъ онъ.

Марья Виссаріоновна поблѣднѣла. Піонова вспыхнула.

— Перестаньте, Леонидъ, врать, — начала мать строгимъ голосомъ. — Я тебѣ давно приказывала, чтобы ты не смѣлъ такъ говорить о человѣкѣ, котораго я давно знаю и уважаю.

— Напился пьянъ... на ногахъ не стоитъ... Я не понимаю даже этого и не знаю, что̀ такое было у Ивана Кузьмича; можетъ-быть, какой-нибудь завтракъ, а мужъ пріѣхалъ вовсе не пьяный. Мнѣ слышать подобную клевету даже смѣшно, — проговорила Піонова.

Я хотѣлъ-было отвѣчать ей, но Леонидъ перебилъ меня.

— Говорятъ не о вашемъ мужѣ, а объ Иванѣ Кузьмичѣ, который у насъ рюмки сладкой водки не пьетъ, а дома тянетъ по цѣлому штофу. Что̀ вамъ говорилъ про него прежній его товарищъ?—отнесся онъ ко мнѣ.

— Я вамъ передавалъ,—отвѣчалъ я.

— Изъ прежнихъ его товарищей никто ничего про него не скажетъ дурного: его всѣ товарищи обожали въ полку; мой мужъ служилъ съ нимъ съ юнкеровъ, такъ намъ лучше знать Ивана Кузьмича, чѣмъ кому-нибудь другому.

— Вы всегда его хвалите, а за что же его изъ службы выгнали?

— Какъ выгнали?

— Такъ выгнали.

Піонова засмѣялась принужденнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! чего ни выдумаютъ. Ивана Кузьмича выгнали! Ивана Кузьмича!.. — воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто бы это было такъ же невозможно, какъ самому себѣ сѣсть на колѣни.—Слышите, Марья Виссаріоновна, что еще сочинили? Вы хорошо знаете причину, по которой Иванъ Кузьмичъ оставилъ службу, и его будто бы выгнали! Ха-ха-ха...

— Сочиняете болѣе всѣхъ вы!—возразилъ Леонидъ.

Піонова только пожала плечами.

— Леонидъ Николаичъ какое-то особенное удовольствіе находитъ говорить мнѣ дерзости. Не знаю, чѣмъ подала я поводъ,—сказала она, покачавъ грустно головою.

— Ты выводишь наконецъ меня изъ терпѣнія, Леонидъ!—проговорила грозно Марья Виссаріоновна.—Царь небесный! Что я за несчастная женщина, всю жизнь должна отъ всѣхъ страдать,—прибавила она и начала плакать.

— Успокойтесь, Марья Виссаріоновна, умоляю васъ, пощадите вы себя для маленькихъ вашихъ дѣтей. Леонидъ Николаичъ такъ только сказалъ, онъ не будетъ болѣе васъ разстраивать.

— Разстраиваете вы, а не я,—перебилъ тотъ.

— Перестань, Леонидъ!—воскликнула опять Марья Виссаріоновна.—Душечка Лизавета Николаевна, скажите ему, чтобъ онъ ушелъ; онъ меня въ гробъ положитъ.

— Cher Léonide, ayez pitié de votre mère, — произнесла Піонова своимъ отвратительнымъ голосомъ, которому старалась придать умоляющее выраженіе.

Леонидъ всталъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ, оставивъ меня въ самомъ щекотливомъ положеніи. Марья Виссаріоновна продолжала плакать. Піонова ее утѣшала. Я такъ растерялся, что рѣшительно не находился, оставаться ли мнѣ или уйти. Вдругъ дверь отворилась, явился Иванъ Кузьмичъ, и явился, какъ ни въ чемъ не бывало: кромѣ красноты глазъ и небольшой опухлости въ лицѣ, и слѣда не оставалось утренней попойки. Піонова сначала сконфузилась, но, увидѣвъ, что Марасѣевъ въ обыкновенномъ состояніи, насмѣшливо взглянула на меня. Марья Виссаріоновна отерла слезы и ласково поклонилась гостю. Иванъ Кузьмичъ, раскланявшись съ дамами, подалъ мнѣ дружески руку. Не помню, какъ я просидѣлъ еще нѣсколько времени, какъ поклонился всѣмъ и пошелъ къ Леониду, котораго засталъ сидящимъ за столомъ. Онъ схватилъ себя за голову и, кажется, плакалъ. Я не хотѣлъ его еще болѣе волновать и потому молча простился съ нимъ и уѣхалъ.

V.

Наступилъ май мѣсяцъ; мнѣ предстоялъ выпускной экзаменъ; скоро я долженъ былъ проститься и съ университетомъ, и съ Москвою, и съ моими Ваньковскими. Судьба Лидіи Николаевны рѣшена окончательно: она помолвлена за Марасѣева, хотя объ этомъ и не объявляютъ. Свадьба, вѣроятно, будетъ скоро, потому что готовятъ уже приданое. Піонова торжествуетъ и пріѣзжаетъ разъ по семи въ день.

Марья Виссаріоновна еще болѣе подчинилась пріятельницѣ; какъ проснется, такъ и посылаетъ за нею. Марасѣевъ, говорятъ, нанялъ щегольскую квартиру; онъ рѣшительно цвѣтетъ и цѣлые дни у Ваньковскихъ. Лицо его сдѣлалось менѣе опухло и красно. Лидія Николаевна не принимаетъ никакого участія въ хлопотахъ о своей свадьбѣ, но съ женихомъ ласкова. Иногда мнѣ досадно на нее, а чаще жаль; мы съ ней почти не видимся, хоть я и бываю у нихъ почти каждый день; она какъ будто бы избѣгаетъ меня. Леонидъ по наружности спокоенъ. Меня очень радуетъ, что онъ началъ заниматься, и тутъ только я увидѣлъ, какими блестящими способностями онъ надѣленъ былъ отъ природы. Въ двѣ недѣли онъ прошелъ съ самыми легкими отъ меня пособіями весь гимназическій курсъ математики и зналъ его весьма удовлетворительно. О свадьбѣ сестры онъ говорилъ мало. Я разъ его спросилъ, передавалъ ли онъ Лидіи Николаевнѣ, что мы узнали о ея женихѣ,—онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и просилъ меня не проговориться; а потомъ разсказалъ мнѣ, что Иванъ Кузьмичъ знаетъ отъ Піоновой весь нашъ разговоръ объ немъ и по этому случаю объяснился съ Марьей Виссаріоновной, признался ей, что дѣйствительно былъ тогда навеселѣ; но далъ ей клятву во всю жизнь не брать капли вина въ ротъ, и что одинъ изъ ихъ знакомыхъ, по просьбѣ матери, ѣздилъ къ бывшему его полковому командиру и спрашивалъ объ немъ, и тотъ будто бы увѣрялъ, что Иванъ Кузьмичъ добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Все бы это было хорошо, только, кажется, Леонидъ мало этому вѣрилъ, да и у меня лежало на сердцѣ тяжелое предчувствіе; внутренній голосъ говорилъ мнѣ: быть худу, быть бѣдамъ!

Марья Виссаріоновна, сердившаяся на сына, сердилась и на меня. Во все это время она со мною не кланялась и не говорила; но вдругъ однажды, когда я сидѣлъ у Леонида, она прислала за мною и просила, если я свободенъ, прійти къ ней. Леонидъ усмѣхнулся. Я пошелъ. Она приняла меня съ

необыкновеннымъ радушіемъ и, чего прежде никогда не бывало, сама предложила мнѣ курить.

— Я васъ давно хотѣла спросить,—начала она:—что Леонидъ, видно, совсѣмъ отъ меня хочетъ отторгнуться?

— Почему же вы это думаете?—спросилъ я ее наоборотъ.

— Потому что я его совсѣмъ не вижу: что онъ этимъ хочетъ показать?

— Онъ думаетъ, что вы сердитесь на него за послѣднее объясненіе, въ которомъ и я участвовалъ.

— Я не могла тогда не разсердиться: онъ слишкомъ забылся.

— Чѣмъ же онъ забылся? Онъ говорилъ только по искреннему желанію добра Лидіи Николаевнѣ.

— По искреннему желанію добра Лидіи Николаевнѣ? Да чѣмъ же вы, господа, послѣ этого меня считаете? Неужели же я менѣе Леонида и васъ желаю счастья моей дочери, или я такъ глупа, что ничего не могу обсудить? Никто изъ моихъ дѣтей не можетъ меня обвинить, чтобы я для благополучія ихъ не забывала самой себя, — проговорила Марья Виссаріоновна съ важностью.

Я увѣренъ, что этотъ монологъ сочинила ей Піонова и всѣ эти мысли подобнаго материнскаго самодовольства она ей внушила.

— Я удивляюсь, — продолжала Марья Виссаріоновна: — я прежде никогда въ поступкахъ Леонида не замѣчала ничего подобнаго и не знаю, откуда онъ пріобрѣлъ такія правила.

Я понялъ, что это было сказано на мой счетъ.

— Вы съ нимъ дружны, — отнеслась она потомъ ко мнѣ прямо: — растолкуйте ему, что такъ поступать съ матерью грѣшно.

— Леонидъ Николаичъ и безъ моихъ наставленій васъ любитъ и уважаетъ, — возразилъ я.

— Отчего жъ онъ убѣгаетъ отъ меня? Вы сами имѣете матушку, каково бы ей было, если бы вы не захотѣли видѣть ее? И что это за фарсы? Сидитъ въ своемъ кабинетѣ, какъ запертый, болѣе мѣсяца не выходитъ сюда. Мнѣ совѣстно всѣхъ своихъ знакомыхъ. Всѣ спрашиваютъ: что это значитъ, что его не видать? И что же я могу на это сказать?

«Не всѣ знакомые, а только Піонова спрашиваетъ тебя объ этомъ, потому что ей скучно безъ Леонида», — подумалъ я.

— Леонидъ Николаичъ придетъ сейчасъ, если вы ему прикажете,—сказалъ я вслухъ.

— А если не придетъ?

— Придетъ-съ.

— Нѣтъ, я вижу, вы его не знаете; онъ очень упрямъ. Поспоримте, что не придетъ.

— Извольте.

— Сходите сами и увидите.

Я пошелъ, сказалъ Леониду, и онъ, какъ я ожидалъ, тотчасъ же пришелъ со мною. Марьѣ Виссаріоновнѣ было это пріятно, отчасти потому, что, любя сына, ей тяжело было съ нимъ ссориться, а болѣе, думаю, и потому, что она исполнила желаніе своего друга Піоновой и помирилась съ Леонидомъ. Однако удовольствіе свое она старалась скрыть и придала своему лицу насмѣшливое выраженіе.

— Я сейчасъ о тебѣ спорила,—начала она.

Леонидъ молчалъ.

— Я говорила, что ты не придешь.

— Нѣтъ-съ, я пришелъ,—отвѣчалъ Леонидъ.

— Отчего же ты такой нахмуренный? Все еще изволишь на меня гнѣваться?

— Я не гнѣваюсь, а вступался только за сестру. За что надобно на меня сердиться — вы ничего, а гдѣ я не виноватъ—сердитесь.

— Я ни за что на тебя не могу сердиться. Тебѣ стыдно быть въ отношеніи меня такимъ неблагодарнымъ.

Леонидъ молчалъ.

— Я не могу понять,—продолжала Марья Виссаріоновна:— съ чего ты взялъ такъ о Лидѣ безпокоиться: она сама выбрала эту партію.

— Никогда бы она не выбрала, если бы вы два года не настаивали и не требовали бы отъ нея этой жертвы.

— Оставимъ, Леонидъ, этотъ разговоръ; если ты пришелъ сердить меня, такъ лучше было бы тебѣ не приходить.

— Я васъ и не думаю сердить, а только говорю и всегда скажу, что выдать Лиду за этого человѣка — значитъ погубить ее.

Марья Виссаріоновна усмѣхнулась.

— Онъ глупъ... пьянъ,—продолжалъ Леонидъ:—состояніе у него никто не знаетъ какое... пугаетъ насъ своимъ векселемъ, который при нашихъ дѣлахъ ничего не значитъ; а если наконецъ нужно съ нимъ расплатиться, такъ пусть лучше продадутъ все, только бы съ нимъ развязаться.

Желая поддержать Леонида, я тоже вмѣшался.

— За Ивана Кузьмича выдать не только Лидію Николаевну, но и всякую дѣвушку есть рискъ: это мнѣніе объ немъ общее,— мнѣніе, которое мнѣ высказалъ его товарищъ, въ первый разъ меня увидѣвшій.

Марья Виссаріоновна молчала. Наши представленія начинали ее колебать, инстинктъ матери говорилъ за насъ, и, можетъ-быть, мы много бы успѣли передѣлать, но Піонова подоспѣла во-время. Марья Виссаріоновна еще издали слышала ея походку и сразу измѣнилась: ничего намъ не отвѣтила и, когда та вошла, тотчасъ же увела ее въ спальню, боясь, конечно, чтобы мы не возобновили нашего разговора.

На другой день я спросилъ Леонида, нѣтъ ли какихъ послѣдствій нашего объясненія.

— Никакихъ; со мною мать ласкова,—отвѣчалъ онъ.

— А объ Лидіи Николаевнѣ что говоритъ?

— Поетъ старыя пѣсни; ничего тутъ не сдѣлаешь.

Я съ своей стороны тоже убѣдился, что дѣйствовать на Марью Виссаріоновну было совершенно безполезно; но что же наконецъ сама Лидія Николаевна, что она думаетъ и чувствуетъ? Хотя Леонидъ просилъ меня не говорить съ нею о женихѣ, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ если не разспросить ее, то, по крайней мѣрѣ, заговорить и подмѣтить, съ какимъ чувствомъ она относится къ предстоящему ей браку; наружному спокойствію ея я не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что она худѣла съ каждымъ днемъ.

Экзаменъ кончился, оставалась всего недѣля до моего отъѣзда изъ Москвы. Я пришелъ къ Леониду съ ранняго утра и обѣдалъ у него. Часу въ седьмомъ Марья Виссаріоновна съ женихомъ уѣхала на Кузнецкій мостъ. Леонидъ пошелъ въ гостиную, я за нимъ: онъ сѣлъ за рояль и началъ одну изъ сонатъ Бетховена. Я часто слыхалъ его игру и вообще любилъ ее, но никогда еще она не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія; Леонидъ игралъ въ этотъ разъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ будто бы наболѣвшее сердце его хотѣло все излиться въ звукахъ. Вошла Лидія Николаевна.

— Я пришла послушать брата,—сказала она и сѣла около меня.

Леонидъ продолжалъ играть и не обращалъ на насъ вниманія.

— Вы скоро ѣдете? — спросила меня Лидія Николаевна вполголоса.

— Чрезъ недѣлю.

— Не забывайте насъ; мнѣ жаль брата, онъ очень васъ любитъ и станетъ скучать безъ васъ.

— Что дѣлать, будемъ хотя изрѣдка переписываться,—сказалъ я.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Вы слышали, я замужъ выхожу?—начала Лидія Николаевна совсѣмъ тихимъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Вамъ нравится мой выборъ?

Я молчалъ.

— Онъ очень хорошій человѣкъ.

Я молчалъ.

— Я ему давно нравлюсь.

— Еще бы вы ему не нравились,—сказалъ я наконецъ.

Въ голосѣ моемъ противъ воли слышалась досада.

— Скоро свадьба?—прибавилъ я.

— Не знаю.

— Гдѣ вы будете постоянно жить?

— Тоже не знаю, ничего не знаю... За что маменька сердится на брата?

— За васъ.

— Ахъ, Боже мой! Я это предчувствовала. Уговорите его, пожалуйста, чтобы онъ ея не сердилъ: у нея горя много и безъ насъ.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ; я на его мѣстѣ сдѣлалъ бы больше,—возразилъ я.

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы на васъ сталъ дѣйствовать.

— А если бы я васъ не послушалась?

— Не думаю.

— Нѣтъ, не послушалась бы; я бы, можетъ-быть, согласилась съ вами, но не послушалась бы, потому что не могу собой располагать.

Мы опять молчали.

— Сколько я преданъ вашему семейству, — началъ я: — какъ искренно люблю вашего брата и какъ желаю вамъ счастья, это видитъ Богъ!.. И увѣренъ, что изъ васъ выйдетъ кроткая, прекрасная семьянинка, но будущаго вашего мужа не знаю.

— Онъ любитъ меня.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? И наконецъ, любите ли вы сами его?

— Я привыкла къ мысли—быть его женою и уважаю его за постоянную дружбу къ намъ.

— Лидія Николаевна, не обманываете ли вы себя? Иванъ Кузьмичъ вамъ не пара: когда-то вы мнѣ сказали, что выйдете замужъ по расчету, потому что это удобнѣе, тогда я не повѣрилъ вашимъ словамъ.

— Какъ вы все помните.

— Это нетрудно, потому что вижу подтвержденіе вашихъ словъ, хотя все-таки не могу допустить той мысли, чтобы вами руководствовало столь ничтожное чувство.

— Отчего же?

— Оттого, что оно прилично только самымъ пустымъ женщинамъ, которыя сами неспособны любить, да и ихъ никто не полюбитъ.

— А если я именно такая женщина?

— Если вы такая женщина, то смотрите — остерегитесь и не ошибитесь въ расчетѣ.

— Нѣтъ, я не такая: не обвиняйте меня, вы многаго не знаете.

— Все знаю,—возразилъ я:—и все-таки васъ обвиняю...— хотѣлъ-было я добавить, но, взглянувъ на Лидію Николаевну, остановился; у ней были полные слезъ глаза. Леонидъ тоже взглянулъ на насъ, пересталъ играть, всталъ и увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Что вы такое говорили съ Лидой?—спросилъ онъ.

Я разсказалъ ему отъ слова до слова: ему было непріятно.

— Зачѣмъ? Не говорите ей болѣе: будетъ съ нея и безъ нашихъ словъ,—сказалъ онъ и вздохнулъ.

VI.

Я видѣлъ послѣ этого Лидію Николаевну всего одинъ разъ и то на парадномъ вечерѣ, который хотя и косвенно, но идетъ къ главному сюжету моего разсказа. Получивъ приглашеніе, я сначала не хотѣлъ ѣхать, но меня уговорилъ Леонидъ, отъ котораго мать требовала, чтобы онъ непремѣнно былъ тамъ.

Мы пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ и застали довольное число гостей. Квартиру Иванъ Кузьмичъ нанялъ дѣйствительно щегольскую и прекрасно ее меблировалъ. Надобно сказать, что я человѣкъ вовсе не щепетильный, бывалъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ провинціи, живалъ въ столицѣ въ номерахъ, посѣщалъ очень незавидные трактиры, но такихъ странныхъ гостей, какихъ созвалъ Иванъ Кузьмичъ, я рѣдко встрѣчалъ. Дамы были какія-то особеннаго свойства; не говоря уже о предметахъ ихъ разговоровъ, о способѣ выраженія, самая наружность ихъ и костюмы были удивительные: у одной, напримѣръ, дамы среднихъ лѣтъ на лицѣ было до восьми бородавокъ; другая, должно-быть, дѣвица, была до того худа, что у ней, между собственною ея спиною и спинкою платья, имѣлся необыкновенной величины промежутокъ, какъ будто бы спина была выдолблена. Третья, повидимому,

ея пріятельница, высокая, набѣленная, нарумяненная, дама или дѣвица, трудно догадаться, сидѣла молча, вытянувшись, какъ будто бы проглотила аршинъ, и только обводила всѣхъ большими сѣрыми глазами. Мужчины тоже не лучше: особенно обратилъ на себя мое вниманіе одинъ господинъ, гладко причесанный, съ закругленными висками и сильно надушенный пачулями. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и чрезвычайно внимательно разсматривалъ столовые бронзовые часы, карманные часы, стоявшіе въ футлярѣ на столикѣ, горку съ серебромъ, поставленную въ гостиной, даже оглядывалъ бронзовый замокъ у двери и пробовалъ рукою доброту матерій на драпировкѣ, и кромѣ того безпрестанно пилъ лимонадъ, какъ бы желая успокоить взволнованную созерцаніемъ цѣнныхъ вещей кровь. «Что такое и для чего онъ это дѣлаетъ?»— подумалъ я, и мнѣ пришло въ голову смѣшное подозрѣніе, что онъ разсматриваетъ съ цѣлью украсть что-нибудь. Въ числѣ гостей имѣлся и купецъ, какъ можно было это заключить по длиннополому сюртуку, бородѣ и прическѣ въ скобку, но купецъ не русскій, потому что его черные, курчавые волосы и черное лицо напоминали цыганскій типъ. Съ нимъ толковалъ вполголоса маленькій, плѣшивый, въ потертомъ фракѣ, господинъ и толковалъ съ большимъ одушевленіемъ; онъ то шепталъ ему на ухо, то высчитывалъ по пальцамъ, то взмахивалъ руками и становился фертомъ; но купецъ, видно, мало сдавался на его убѣжденія; физіономія его какъ будто бы говорила: «охота тебѣ, баринъ, надсажаться, меня не своротишь, я свое знаю и безъ тебя».

Бо́льшая часть этихъ гостей обращалась съ хозяиномъ безъ всякой церемоніи и даже называли его разными родственными именами: дама съ бородавками именовала его племянникомъ, худощавая дѣвица — кузеномъ, нарумяненная дама или дѣвица—кумомъ, чиновникъ—сватомъ, господинъ, осматривавшій цѣнныя вещи—братомъ.

Я началъ разспрашивать обо всѣхъ этихъ господахъ бывшаго тутъ же желтолицаго поручика, который попрежнему курилъ и попрежнему ядовито на всѣхъ посматривалъ. Онъ, впрочемъ, зналъ только троихъ и объяснилъ мнѣ, что купецъ—лошадиный барышникъ, высокая дама или дѣвица, называющая Ивана Кузьмича кумомъ, будто бы многимъ кума, и удивился, почему я ея не знаю, тогда какъ у нея есть шляпный магазинъ. Посреди этого общества Піонова была рѣшительно лучше всѣхъ. Разряженная какъ на балъ, она, должно-быть, никакъ не ожидала, что Иванъ Кузьмичъ назоветъ такихъ неинтересныхъ гостей; сначала она всѣхъ огля-

дывала, дѣлала гримасы и наконецъ заключила тѣмъ, что не стала обращать ни на кого вниманія и уставила, не отводя глазъ, томный взоръ на сидѣвшаго въ углу Леонида. Мужъ ея, какъ колоссъ родосскій, возвышался надъ всѣми въ сосѣдней комнатѣ; онъ игралъ тамъ въ карты. Ваньковская съ дочерью пріѣхали довольно поздно. Иванъ Кузьмичъ ввелъ ихъ въ гостиную съ торжествомъ. Марья Виссаріоновна, какъ и Піонова, осмотрѣла всѣхъ, переглянулась съ пріятельницею и усѣлась рядомъ съ нею. Затѣмъ послѣдовала смѣшная и досадная сцена: дама съ бородавками, худощавая дѣвица и господинъ во фракѣ вдругъ вздумали рекомендоваться Ваньковскимъ, и не Марьѣ Виссаріоновнѣ, а Лидіи Николаевнѣ—съ просьбою, чтобы она ихъ полюбила и не оставила на будущее время своимъ знакомствомъ и расположеніемъ. Бѣдная дѣвушка переконфузилась и не знала, что ей отвѣчать и куда глядѣть.

Вскорѣ за Ваньковскими, Иванъ Кузьмичъ привелъ еще новаго гостя, но этотъ былъ совсѣмъ другого рода: мужчина лѣтъ тридцати, прекрасно сложенный, съ матовымъ цвѣтомъ лица, брюнетъ, но съ голубыми глазами, одѣтый франтомъ, однимъ словомъ, совсѣмъ красавецъ.

— Петръ Михайлычъ,—проговорила при входѣ его Лидія.

— Ахъ, m-r Курдюмовъ! Давно ли вы здѣсь?—воскликнула Марья Виссаріоновна.

— Не болѣе двухъ часовъ какъ въѣхалъ въ заставу; былъ сейчасъ у васъ, — отвѣчалъ гость, садясь около Лидіи Николаевны.

— И тамъ, вѣроятно, вамъ сказали, что Марья Виссаріоновна у меня,—вмѣшался Иванъ Кузьмичъ.

— Да,—отвѣчалъ гость и отнесся къ Леониду: — Bonsoir, cher Léonide!

Леонидъ кивнулъ ему головой.

— Вы теперь откуда?—спросила его Марья Виссаріоновна.

— Теперь изъ Петербурга.

— Долго тамъ изволили быть?—вмѣшался опять Иванъ Кузьмичъ.

— Нѣтъ, нѣсколько дней.

— Гдѣ жъ вы были этотъ годъ?—сказала Марья Виссаріоновна.

— Въ деревнѣ.

— И не скучали?—спросила Лидія.

— Я скучалъ въ томъ отношеніи, что мои милые сосѣди не жили въ деревнѣ.

— Намъ нынче хотѣлось, очень хотѣлось пожить въ ва-

шихъ мѣстахъ, но никакъ невозможно было по моимъ несноснымъ дѣламъ,—подхватила Марья Виссаріоновна.

— У васъ такъ много занятій, что вамъ, я думаю, и безъ сосѣдей не скучно,—замѣтила Лидія.

— Нѣтъ, я скучалъ,—отвѣчалъ Курдюковъ.

«Такъ это сосѣдъ Ваньковскихъ»,—подумалъ я, а на первый взглядъ онъ мнѣ показался иностранцемъ. Я ожидалъ, что это какой-нибудь итальянскій пѣвецъ, музыкантъ, или французъ-путешественникъ, потому что въ произношеніи его и въ самыхъ оборотахъ рѣчи слышалось что-то не русское, какъ будто бы онъ думалъ на какомъ-то иностранномъ языкѣ, а на русскій только переводилъ.

Затѣмъ пошло все обыкновеннымъ порядкомъ. Піонова, должно-быть, видѣла Курдюмова въ первый разъ и, желая его заинтересовать собою, начала къ нему безпрестанно обращаться съ различными фразами и вопросами на французскомъ языкѣ, дѣлая страшныя ошибки и несносно произнося. Курдюмовъ отвѣчалъ ей вѣжливо, но коротко, и все заговаривалъ или съ Лидіей, или съ Марьей Виссаріоновной. Иванъ Кузьмичъ былъ тоже очень смѣшонъ въ обращеніи съ Курдюмовымъ: онъ безпрестанно его угощалъ то чаемъ, то конфетами, то сигарами, и тотъ отъ всего отказывался.

Ужинъ былъ накрытъ на маленькихъ столикахъ; я съ Леонидомъ случайно очутился за однимъ столомъ съ Піоновымъ, его партнерами и желтолицымъ поручикомъ. Здѣсь я въ первый разъ въ жизнь мою видѣлъ на Піоновѣ, сколько одинъ человѣкъ можетъ выпить безъ всякихъ признаковъ опьянѣнія. Въ продолженіе вечера, находясь, по его выраженію, подъ дирекціею супруги, онъ постничалъ и выпилъ только рюмокъ пять доппелькюмеля, но за ужиномъ вознаградилъ себя сторицею. Насмѣшливый поручикъ замѣтилъ ему, что на столѣ мало вина, котораго стояло четыре бутылки.

— Мало, самъ вижу, что мало. Благодарю васъ, молодой человѣкъ, что вы меня понимаете. Въ старые годы не такъ бывало: мы выпивали, что̀ глазомъ окинешь, а нынче подадутъ, что̀ одною рукою поднимешь, да и думаютъ, что угостили хорошо. Это, какъ я вижу, все конфеты; ну, конфетами мы послѣ займемся,—отвѣчалъ Сергѣй Николаичъ.—Эй, ты, севильскій цырюльникъ,—отнесся онъ къ офиціанту:—подай-ка сюда господина квартирмейстера—ромашки,—и затѣмъ, объяснивъ, что ромъ онъ называетъ квартирмейстеромъ потому, что онъ въ желудкѣ приготовляетъ квартиру къ воспріятію дальнѣйшаго, выпилъ залпомъ стаканъ квартирмейстера, крякнулъ и съѣлъ кусокъ хлѣба.

— Теперь хорошо: испаринка началась, теперь можно и поѣсть,—продолжалъ онъ и, отваливъ себѣ на тарелку три звена бѣлорыбицы, съѣлъ все это въ минуту, какъ яйцо всмятку.

Леонидъ началъ угощать Сергѣя Николаича и налилъ ему стаканъ хересу; это онъ дѣлалъ, какъ я увѣренъ, въ досаду Піоновой.

— Развѣ ужъ для тебя, душа?.. Изволь, не могу отказать, ты малый отличный, я тебѣ пророчу, что изъ тебя выйдетъ со временемъ превосходный пьяница,—отвѣчалъ Піоновъ и выпилъ хересъ.

Поручикъ и партнеры Піонова просили его выпить и для нихъ.

— И для васъ? Извольте, я готовъ услужить каждому, а себѣ въ особенности,—порѣшилъ Сергѣй Николаичъ и еще выпилъ отъ каждаго по стакану и началъ ѣсть.

— Вы, господа,—говорилъ онъ:—сами не пейте, вы люди молодые; это можетъ войти въ привычку, въ обществѣ это не принято; я самъ тоже терпѣть не могу вина и, когда увижу его, тотчасъ стараюсь уничтожить, что̀ я и сдѣлаю съ этимъ мато-марго.

И дѣйствительно сдѣлалъ: бутылки какъ не бывало. Вошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Господа, пожалуйста, кушайте. Что̀ ты, Сергѣй Николаичъ, выпилъ бы чего-нибудь,—сказалъ онъ.

— Да что̀, братъ, пить? Пить-то у тебя нечего: вотъ на столѣ поставлены были четыре бутылки; молодые люди все выпили, а мнѣ старику ничего и не досталось.

— Я велю сейчасъ подать.

— Да, да, вели; не щади меня, душа моя, я не сто̀ю твоего сожалѣнія. А самъ-то что̀?.. Хоть бы понюхалъ, братецъ. На̀, понюхай, славно вѣдь пахнетъ.

— Не могу, братецъ, нынче,—отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и ушелъ, чтобы приказать еще подать вина.

Піоновъ продолжалъ пить и ѣсть, толкуя въ то же время, что рюмками не слѣдуетъ пить, такъ какъ это сосудъ для женщинъ, потому что онѣ съ тоненькими таліями и женскаго рода.

Его никто уже не слушалъ. Мы переглянулись съ Леонидомъ и вышли въ залу, гдѣ ужинали дамы. Курдюмовъ сидѣлъ рядомъ съ Лидіей Николаевной и что-то ей разсказывалъ; Иванъ Кузьмичъ стоялъ у нихъ за стульями. Послѣ ужина Піонова вдругъ сѣла рядомъ съ Леонидомъ.

— Леонидъ Николаичъ, довезите меня домой; Сержъ, вѣроятно, останется въ карты играть, а я ужасно устала.

— Я съ нимъ пріѣхалъ,—отвѣчалъ Леонидъ, указывая на меня.

— Онъ, вѣроятно, будетъ такъ добръ, что доѣдетъ съ кѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ, нельзя, я къ нему ѣду.

— Вы все попрежнему нелюбезны, неисправимый человѣкъ,—проговорила она и задумалась.

Леонидъ отошелъ отъ нея.

Ваньковскія вскорѣ уѣхали; ихъ провожали Иванъ Кузьмичъ и Курдюмовъ; послѣдній пожалъ дружески руку Лидіи Николаевны и застегнулъ ея манто.

— Курдюмовъ, видно, хорошо знакомъ съ вашими?—сказалъ я Леониду, когда мы сѣли въ экипажъ.

— Знакомъ: въ деревнѣ часто къ намъ ѣздилъ... Не люблю я его.

— А что?

— Антипатиченъ, а поетъ недурно.

— Поетъ недурно?

— Да...

Леонидъ у меня ночевалъ. На другой день я совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы; онъ меня провожалъ до заставы; мы братски съ нимъ обнялись и разстались.

VII.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я думалъ уѣхать изъ Москвы навсегда, а лѣтъ черезъ пять случилось опять въ нее вернуться и вернуться на житье. Въ продолженіе этого времени я переписывался съ Леонидомъ; онъ меня увѣдомлялъ, что желаніе Піоновой исполнилось: Лида вышла за Марасѣева, что дѣла ихъ по долгамъ поправляются плохо, что онъ поступилъ въ университетъ, но ничего не дѣлаетъ; вообще тонъ его писемъ, а особенно послѣднихъ, былъ грустенъ, въ одномъ изъ нихъ была даже слѣдующая фраза: «опасенія наши сбываются, Лидѣ нехорошо!».

Пріѣхавъ въ Москву, я не засталъ его: онъ съ Марьей Виссаріоновной и съ маленькими сестрами уѣхалъ въ деревню, а Лидія съ мужемъ жила въ Сокольникахъ; я тотчасъ же къ нимъ отправился. Они нанимали маленькій флигель; въ первой же послѣ передней комнатѣ я увидѣлъ Лидію Николаевну, она стояла, задумавшись, у окна и при моемъ приходѣ обернулась и вскрикнула. Я хотѣлъ взять у ней ручку, чтобы поцѣловать; она мнѣ подала обѣ; ей хотѣлось говорить, но у ней захватывало дыханіе; я тоже былъ неспокоенъ.

— Сейчасъ заѣзжалъ къ Леониду, но его нѣтъ въ Москвѣ,— началъ я.

— Да, онъ уѣхалъ съ маменькой въ деревню. Ахъ, Боже мой, я все еще не вѣрю глазамъ своимъ!.. Что же мы стоимъ?.. Садитесь!.. Не хотите ли чего-нибудь: чаю, кофею?

— Ничего покуда, хочу только насмотрѣться на васъ... А Иванъ Кузьмичъ?

— Его нѣтъ дома; онъ очень будетъ вамъ радъ, мы почти каждый день вспоминаемъ васъ, а надъ Леонидомъ даже смѣемся, что онъ въ васъ влюбленъ.

— Какъ влюбленъ?

— Рѣшительно влюбленъ; онъ слышать не можетъ, если кто-нибудь скажетъ объ васъ дурно.

— Кто же это говоритъ обо мнѣ дурно?

— Конечно, Піонова.

— Она все еще знакома съ вами?

— Да, у маменьки бываетъ часто, а ко мнѣ не ѣздитъ; Иванъ Кузьмичъ, впрочемъ, бываетъ у нихъ... Она меня, вы знаете, не любитъ,—отвѣчала Лидія.

И снова взяла меня за руку и крѣпко пожала. На глазахъ у ней навернулись слезы.

— Скажите же что-нибудь про себя,—продолжала она:— гдѣ вы были, что вы дѣлали? Я нѣсколько разъ спрашивала Леонида, онъ мнѣ ничего подробно не разсказывалъ, такой досадный!

— Я былъ во многихъ мѣстахъ и служилъ.

— Я думала, что вы ужъ женились.

— Это почему вы думали?

— Такъ, мнѣ казалось, что вы непремѣнно женитесь на Вѣрочкѣ Базаевой.

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Сама не знаю, а часто объ этомъ думала!

— Ошибались,—я ни на Вѣрѣ Базаевой и ни на комъ не женился, а вы вотъ вышли замужъ, и потому не вамъ бы меня, а мнѣ васъ слѣдовало спрашивать.

— Развѣ я не при васъ вышла замужъ?

— Кажется.

— Ахъ, да, я и забыла, это уже было такъ давно; вы однако знали, что я выхожу за Ивана Кузьмича.

— Догадывался.

— Нѣтъ, вы знали, вы даже говорили мнѣ объ этомъ, и я никогда не забуду вашихъ словъ.

— Я уѣхалъ до вашей свадьбы.

— Теперь вспомнила: вы уѣхали на другой день послѣ вс-

чера у Ивана Кузьмича. Какъ я была тогда сердита на себя; я никакъ не думала, что вы уѣдете, не простясь съ нами, я хотѣла вамъ сказать многое послѣ этого вечера.

— Скажите теперь.

— Теперь уже нечего говорить.

— Стало-быть, теперь для васъ бури промчались, гроза миновалась?

— Не совсѣмъ: бури, кажется, еще только начинаются... Вы гдѣ живете?

— На Тверской.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Переѣзжайте въ Сокольники.

— У меня дѣла есть въ Москвѣ.

— Ну, что дѣла!.. Отсюда можно ѣздить, переѣзжайте. Богъ дастъ, пріѣдетъ Леонидъ, намъ будетъ очень весело. Переѣзжайте.

Я согласился.

— А сегодня у насъ отобѣдаете?

— Если вамъ угодно.

— Да, непремѣнно, я васъ познакомлю съ моею belle-soeur, сестрою Ивана Кузьмича.

— Она не въ родѣ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ у него на вечерѣ?

— О, нѣтъ; то родня его съ отцовской стороны, а эта совсѣмъ другая; очень умная дѣвушка, она вамъ понравится.

Такъ говорила Лидія Николаевна, и я не спускалъ съ нея глазъ. Она мнѣ очень обрадовалась, но въ то же время видно было, что къ этой радости примѣшивалось какое-то безпокойство. Въ ея, повидимому, безпечномъ разговорѣ было что-то лихорадочное, какъ будто бы она хотѣла заговорить меня и скрыть то, что у ней лежало на сердцѣ. Подозрѣнія мои еще болѣе подтвердились, когда она потомъ вдругъ задумалась и какъ-то мрачно задумалась, такъ что тяжело и грустно было видѣть ее въ этомъ положеніи. Я началъ между тѣмъ осматривать комнату, въ которой сидѣлъ. Квартира была слишкомъ небогатая, несмотря на то, что, повидимому, были употреблены всѣ усилія, чтобъ скрыть ея недостатки и хоть сколько-нибудь принарядить бѣдное помѣщеніе. На грязныхъ и невысокихъ окнахъ стояли прекрасные цвѣты; мебель, врядъ ли обитую чѣмъ-нибудь, покрывали изъ толстаго коленкора бѣлые чехлы; некрашенный полъ былъ вымытъ какъ стеклышко.

Вошла бѣлокурая дѣвушка въ локонахъ, собою нехороша и не молода, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ голубомъ поясѣ и съ книгою въ рукахъ. Я тотчасъ же догадался, что это m-lle Марасѣева, и не ошибся. Лидія Николаевна познакомила насъ

и сказала, что я другъ Леонида и былъ съ нею очень друженъ, когда она была еще въ дѣвушкахъ. М-lle Марасѣева жеманно поклонилась мнѣ, сѣла и развернула книгу.

— У насъ никто не былъ? — спросила она.

— Нѣтъ, никто, — отвѣчала Лидія Николаевна.

— Ужасная тоска; я вчера отъ скуки принималась нѣсколько разъ хохотать и плакать.

— Сейчасъ кто-то подъѣхалъ,—сказалъ я, увидѣвъ, что на дворъ въѣхалъ красивый фаэтонъ.

М-lle Марасѣева вскочила и взглянула въ окно.

— Петръ Михайлычъ, — проговорила она; голосъ ея дрожалъ.

Я взглянулъ на Лидію Николаевну, она тоже вспыхнула.

— Курдюмовъ? — спросилъ я ее.

— Да; ахъ, какая досада! Я не одѣта.

— А онъ развѣ здѣсь же живетъ?

— Да, въ Сокольникахъ. Прими его, Надина; я уйду. Какъ рано ѣздитъ, — проговорила Лидія Николаевна и ушла.

Курдюмовъ вошелъ изъ противоположныхъ дверей, онъ былъ въ легонькомъ пальто, галстукѣ болотнаго цвѣта, въ пестрыхъ невыразимыхъ и превосходномъ бѣльѣ. Еще болѣе сталъ походить на иностранца.

— Bonjour, mademoiselle Nadine, — проговорилъ онъ, подавая ей руку.

— Bonjour, — отвѣчала та, пожимая его руку съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Madame est à la maison? — спросилъ онъ.

— Elle va venir à l'instant.

Усѣвшись, Курдюмовъ началъ оглядывать свое пальто, сапоги, которые точно удивительно блестѣли; потомъ натянулъ еще плотнѣе на правой рукѣ перчатку и наконецъ, прищурившись, началъ внимательно разсматривать висѣвшій на стѣнѣ рисунокъ, изображающій травлю тигровъ.

— Comme il fait beau aujourd'hui, — сказала Надина.

— Oui,—отвѣчалъ Курдюмовъ, не измѣняя своего положенія.

«Зачѣмъ этотъ господинъ живетъ въ Сокольникахъ и ѣздитъ, какъ видно, довольно часто къ Ивану Кузьмичу,—думалъ я:— не можетъ быть, чтобы онъ находилъ удовольствіе въ сообществѣ съ хозяиномъ; но если предположить, что онъ это дѣлаетъ по старому знакомству, или просто отъ-некуда-дѣваться, то врядъ ли старое знакомство можетъ имѣть цѣну въ глазахъ его, а чтобы ему некуда было дѣваться въ Москвѣ, тоже невозможно. Обѣ дамы ожидали его пріѣзда и обѣ, каждая посвоему, встревожились».

— Вы вчера не были на гуляньи? — сказала Надина.

— Non, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А зачѣмъ же третьяго-дня вы обѣщали?

— Que faire donc, j'avais des lettres à écrire pour la compagne... Васъ тоже не было, вы ѣздили въ Москву.

— Одна только Лида, а я цѣлый день была дома и ужасно скучала, на гулянье пошла злая-презлая... Къ счастію, попался Занатскій, и мы съ нимъ пересмѣяли всѣхъ. Онъ очень милый молодой человѣкъ, и я начинаю его съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе любить.

— О!.. любить!.. Это немножко досадно, — проговорилъ Курдюмовъ; въ голосѣ его слышалась скрытая насмѣшка.

— Вамъ досадно? Не вѣрю, для васъ не можетъ быть это досадно, — возразила Надина.

— Отчего же не можетъ быть? — спросилъ Курдюмовъ съ удареніемъ и протяжно.

— А!.. Если это такъ, такъ это очень лестно,—воскликнула m-lle Марасѣева: — вы знаете, я очень самолюбива и начинаю думать, что вы завидуете Занатскому, который имѣетъ счастье мнѣ нравиться.

— Можетъ-быть.

— Ваши *можетъ-быть* — несносны; я ненавижу ничего неопредѣленнаго; для меня *можетъ-быть* — хуже, чѣмъ *нѣтъ*.

— Какой вы имѣете рѣшительный характеръ.

— О, да; и не я одна; мы всѣ, женщины, гораздо рѣшительнѣе васъ, господъ мужчинъ, присвоившихъ себѣ, не знаю къ чему, имя героевъ, характеръ твердый, волю непреклонную; мы лучше васъ, мы способны глубже чувствовать, постояннѣе любить и даже храбрѣе васъ.

Курдюмовъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ разсматривать картину.

— Вопросъ, кто лучше — мужчины или женщины — довольно старый,— вмѣшался я.

— Однако онъ еще не рѣшенъ,—отозвалась Надина.

— Всякій рѣшаетъ его по-своему, — отвѣчалъ я.

— Вы думаете? Ахъ, позвольте! Мнѣ это напомнило очень смѣшной анекдотъ: когда я жила въ Калугѣ, мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ цѣлый вечеръ спорили объ этомъ до того, что начали сердиться другъ на друга. Вдругъ пріѣзжаетъ докторъ — чудо, какой умный человѣкъ и ужасный острякъ. Я обращаюсь къ нему почти со слезами на глазахъ и говорю: «Иванъ Васильевичъ! Бога ради! Скажите намъ скорѣе, кто хуже: мужчины или женщины?» Онъ вдругъ не задумавшись и очень серьезно отвѣчаетъ: «оба хуже!». Я покатилась со

смѣху, молодой человѣкъ тоже, а за нами всѣ, и цѣлый вечеръ повторяли: оба хуже!

М-lle Марасѣева изъ этой маленькой сцены сдѣлалась для меня совершенно понятна. Многимъ, конечно, случалось встрѣчать въ нѣкоторыхъ домахъ гувернантокъ, по-своему не глупыхъ, очень бойкихъ и чрезвычайно самолюбивыхъ, которыя любятъ говорить, спорить, острить; ѣздятъ всегда въ маскарады, ловко интригуютъ и вообще съ мужчинами обращаются чрезвычайно свободно, и сверхъ того имѣютъ три рѣзкіе признака: не совсѣмъ пріятную наружность, достаточное число лѣтъ и необыкновенное желаніе составить себѣ партію; та быстрота и та энергія, съ которою онѣ стремятся завоевать сердце избраннаго героя, напоминаетъ полетъ орла, стремящагося на добычу, но—увы!—эта энергія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, почти всегда истрачивается безполезно. Золовка Лидіи Николаевны на первый взглядъ показалась мнѣ въ этомъ же родѣ. Я видѣлъ, что она преслѣдуетъ Курдюмова, но неужели и онъ ею интересуется? Странно!

Лидія Николаевна наконецъ вышла; она одѣлась очень къ лицу, такъ что я никогда не видалъ ее столь интересною. Курдюмовъ поклонился ей съ улыбкою; въ лицѣ его отразилось удовольствіе. Кланяясь съ гостемъ, Лидія опять какъ будто вспыхнула и сѣла около меня.

— Мнѣ все не вѣрится, что вы пріѣхали, — начала она:— Аннушка моя вамъ такъ обрадовалась, точно сумасшедшая, ничего даже мнѣ не приготовила; я вовсе не знала, что она васъ такъ любитъ.

Эта Аннушка была та самая горничная, которая нѣкогда пригласила меня изъ кабинета Леонида въ гостиную къ барышнѣ.

— Мы съ Петромъ Михайлычемъ сейчасъ поссорились, — заговорила Надина: — онъ меня просто выводитъ изъ терпѣнія своими двусмысленными отвѣтами, а ты знаешь, какъ я не люблю таинственности.

— Вы часто ссоритесь, — отвѣчала Лидія Николаевна.

— M-lle Nadine на меня сердится, а я нѣтъ, — сказалъ Курдюмовъ.

— Я сержусь, но я и прощаю, а кто прощаетъ, тотъ искупаетъ все, потому что раскаивается, — возразила Надина. — Въ этой книгѣ я нашла одну прекрасную мысль, она мнѣ очень понравилась. По-французски теперь не помню, а по-руски: легче снести брань и побои грубаго простолюдина, чѣмъ холодный эгоизмъ свѣтскаго человѣка. Это справедливо.

— Et vous, madame, avez-vous lu le petit ouvrage, que je

vous ai recommandé? — отнесся Курдюмовъ къ Лидіи Николаевнѣ.

— Pas encore, — отвѣчала та.

— C'est dommage, car il est plein d'esprit et de sentiment.

— Не вѣрьте ей — прочла, она взяла его у меня и вчера вечеромъ все читала.

— Гдѣ же читала? Я такъ только развернула, — возразила Лидія.

— Не скрывай, читала; а если ты не читаешь, такъ я у тебя опять возьму. Я видѣла, тутъ есть отмѣтки? Это ваши отмѣтки?

— Мои, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Очень рада; непремѣнно изучу ихъ. По отмѣткамъ въ книгахъ можно судить о характерѣ человѣка, а мнѣ очень хочется разгадать вашъ характеръ.

Подали завтракъ, и завтракъ довольно прихотливый. Курдюмовъ началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Лидія Николаевна предложила мнѣ, но я отказался; мнѣ кусокъ не шелъ въ горло; вся обстановка, посреди которой я ее встрѣтилъ, мнѣ очень не нравилась: тутъ что-нибудь да скрывается.

Надина вышла въ залу, сѣла за фортепіано и начала брать аккорды.

— Иванъ Кузьмичъ рано уѣхалъ въ городъ? — спросилъ Курдюмовъ, уставивъ глаза на Лидію Николаевну.

— Да, рано, — отвѣчала она, потупившись.

— А пріѣдетъ домой сегодня?

— Я думаю.

— Вы здоровы?

— Нѣтъ, не совсѣмъ; мало спала.

— У васъ прекрасный цвѣтъ лица.

— Не знаю, — отвѣчала Лида: — я поутру чувствовала себя нехорошо, но вотъ онъ — мой старый другъ — пріѣхалъ, — прибавила она, беря меня за руку: — и я такъ обрадовалась, что все забыла.

Курдюмовъ покачнулъ головой.

— Петръ Михайлычъ, угодно вамъ пѣть? — проговорила изъ залы Надина.

— Je mange, mademoiselle, — отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Спойте, — сказала Лидія Николаевна.

— Я, думаю, наскучилъ вамъ своимъ пѣніемъ; я такъ много пою у васъ, что нигдѣ столько не пѣлъ.

— Вы такъ хорошо поете, васъ такъ пріятно слушать, что никогда не наскучитъ... Спойте!

— A l'instant, — отвѣчалъ Курдюмовъ и пошелъ въ залу.

Лидія тоже встала и пошла, я послѣдовалъ за нею.

— Вы попрежнему, Лидія Николаевна, любите музыку?

— Да, очень; мнѣ легче на душѣ, когда я слышу хорошую музыку: Петръ Михайлычъ прекрасно поетъ.

Курдюмовъ подошелъ и сѣлъ за рояль.

Надина кокетливо ему улыбнулась и стала у него за стуломъ, Лидія Николаевна сѣла на дальній стулъ; я не вышелъ изъ гостиной, а сталъ у косяка, такъ что видѣлъ Лидію Николаевну, а она меня—нѣтъ. Курдюмовъ запѣлъ: «Зачѣмъ сидишь ты до полночи у растворенаго окна!». Онъ дѣйствительно имѣлъ довольно сильный и пріятный баритонъ, хорошую методу и нѣкоторую страстность, но въ то же время въ его пѣніи недоставало ощутительно того, чего такъ много было въ игрѣ Леонида — задушевности.

Надина приняла театральную позу, глаза подняла вверхъ и руки вытянула, какъ бы желая представить изъ себя олицетворенный восторгъ; Лидія Николаевна сидѣла, задумавшись, и слушала съ большимъ чувствомъ. Какъ хотите, это недаромъ; пѣніе Курдюмова вовсе не было такъ ужъ увлекательно, откуда же такая симпатія?

— Какъ милъ этотъ романсъ, — заговорила Надина: — это твой любимый, Лидія, и я даже знаю, почему ты сама такъ любишь сидѣть у окна по вечерамъ.

— Съ чего ты взяла? Я никогда не сижу...

— Ахъ, mon Dieu! Никогда! Каждый вечеръ.

Курдюмовъ запѣлъ какую-то трудную итальянскую арію, но вдругъ остановился.

— Иванъ Кузьмичъ пріѣхалъ, — проговорилъ онъ и всталъ.

Лидія проворно пошла въ лакейскую навстрѣчу мужу, гдѣ и говорила съ нимъ довольно тихо въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Курдюмовъ нахмурился. Надина смотрѣла съ безпокойствомъ на дверь въ прихожую. Наконецъ Лидія Николаевна возвратилась, а за нею и Иванъ Кузьмичъ, одѣтый въ какую-то венгерку, съ взъерошенными волосами и весь въ пыли. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня.

— Здравствуйте! Вотъ ужъ, ей-Богу, неожиданный гость... совсѣмъ нечаянный... сначала не повѣрилъ, ей-Богу, не повѣрилъ: какими, думаю, судьбами? А если... Очень радъ, прошу покорнѣйше садиться,—говорилъ Иванъ Кузьмичъ, садясь. — Здравствуйте!—отнесся онъ къ Курдюмову; тотъ молча подалъ ему руку.

— Здоровы ли вы?—спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Благодарю, здоровъ,—отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А вы здоровы?—отнесся Иванъ Кузьмичъ съ насмѣшливою улыбкой къ сестрѣ.

— Здорова,—отвѣчала Надина, а потомъ съ гримасою прибавила: — посмотрите, какъ вы запылились, хоть бы велѣли себя почистить.

— Запылился! Что дѣлать?.. Извините; пыли много, я не виноватъ; пыль не сало, потеръ, такъ и отстало; а ужъ чего оттереть нельзя, скверно. Стараго молодымъ нельзя сдѣлать,— отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и засмѣялся. — Я очень радъ, что вы здоровы; Петръ Михайлычъ тоже здоровъ... очень радъ,— продолжалъ онъ и потомъ вдругъ отнесся ко мнѣ:—Какъ проводили время въ деревнѣ?

Я ему объяснилъ, что въ деревнѣ я не жилъ, потому что служилъ.

— А! вы служили? Я и не зналъ: по статской или военной изволили продолжать службу?

— По статской.

— Это, т.-е., выходитъ по гражданской части; я самъ хочу итти по гражданской, въ военной бы слѣдовало, и привыкъ, да устарѣлъ; ноги вотъ пухнутъ—не могу. Какъ здоровье вашего батюшки и матушки?

Я снова объяснилъ ему, что у меня только мать, а отецъ умеръ, что ему и прежде было извѣстно. Иванъ Кузьмичъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ; онъ былъ если не такъ пьянъ, какъ я видѣлъ его нѣкогда, то по крайней мѣрѣ очень навеселѣ.

— Запамятовалъ, совсѣмъ запамятовалъ; а очень радъ,— говорилъ онъ: — вотъ только у насъ Марья Виссаріоновна уѣхала съ Леонидомъ; они вамъ будутъ очень рады, и Лидія Николаевна вамъ рада; она очень васъ любитъ. Лидія Николаевна! Вы ихъ любите?

— Я тебѣ это говорила,—отвѣчала она.

— Говорила, и я не ревную; я не ревнивъ, — заключилъ Иванъ Кузьмичъ и взглянулъ на жену исподлобья.

Лидія Николаевна распорядилась объ обѣдѣ и безпрестанно торопила слугу, чтобы накрывалъ скорѣе на столъ. Иванъ Кузьмичъ отправился-было въ буфетъ; я догадался, что онъ хотѣлъ еще выпить, но Лидія Николаевна пошла за нимъ и помѣшала ему, потому что онъ возвратился оттуда нахмуренный, а она встревоженная. Чрезъ четверть часа мы сидѣли за столомъ. Иванъ Кузьмичъ былъ очень непріятенъ. Въ продолженіе всего обѣда онъ глупо и неблагопристойно шутилъ съ женою и подтрунивалъ надъ сестрою и Курдюмовымъ. Изъ словъ его можно было понять, что онъ намекаетъ на ихъ взаим-

ную любовь. Послѣ обѣда онъ извинился передъ мною и отправился спать. Между Курдюмовымъ, Надиною и Лидіей Николаевной завязалось какое-то совѣщаніе. Надина говорила настойчиво, Курдюмовъ ее поддерживалъ, а Лидія полуотговаривалась. Дѣло объяснилось тѣмъ, что они затѣвали кататься, и Лидія просила меня не уходить, говоря, что они очень скоро вернутся; но я отозвался надобностью быть въ Москвѣ; впрочемъ, проводилъ ихъ. Мнѣ желалось видѣть: какого рода ихъ катанье. Оказалось, что Лидія Николаевна сѣла съ Курдюмовымъ въ тильбюри, а Надина верхомъ.

VIII.

Я переѣхалъ въ Сокольники и первое время бывалъ у Лидіи Николаевны довольно часто, но потомъ рѣже; мнѣ тяжело было ее видѣть. Иванъ Кузьмичъ дуритъ: дня по два, по три онъ совсѣмъ пропадаетъ изъ дома, и гдѣ бываетъ—неизвѣстно. Лидія Николаевна груститъ и страдаетъ, но со мною неоткровенна, а у меня недостаетъ духу заговорить съ нею объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Надина неутомимо преслѣдуетъ Курдюмова; онъ почти каждый день бываетъ у нихъ. Понять не могу этого господина, точно онъ влюбленъ въ свои длинные ногти и лакированные сапоги; цѣлые дни, кажется, способенъ ими любоваться. Поетъ по просьбѣ дамъ онъ довольно часто и этимъ ихъ очень интересуетъ, а впрочемъ, скучнѣйшій, по-моему, человѣкъ; говоритъ вообще мало, но зато очень любитъ насвистывать различныя аріи и дѣлаетъ это довольно нецеремонно, когда только ему вздумается.

Однажды утромъ пришелъ ко мнѣ отъ имени Ивана Кузьмича человѣкъ и просилъ вечеромъ пріѣхать. Я пошелъ и, не входя еще въ домъ, услышалъ изъ открытыхъ оконъ говоръ нѣсколькихъ голосовъ. Вхожу; полна зала гостей, и все старые знакомые: лошадиный барышникъ, гладко причесанный братъ и еще двое какихъ-то господъ, очень дурно одѣтыхъ. Всѣ играли въ карты; сильный запахъ рома давалъ знать, что пили пуншъ; Иванъ Кузьмичъ былъ уже пьянъ и сильно встревоженъ; онъ игралъ съ Піоновымъ, который, увидѣвъ меня, выразилъ большое удовольствіе и тутъ же остроумно объяснилъ о вновь изобрѣтенномъ напиткѣ, состоящемъ въ томъ, что онъ сначала выпьетъ рюмку рому, потомъ захлебнетъ чаемъ, встряхнетъ желудокъ, а тамъ и сдѣлается пуншъ.

Лидія Николаевна сидѣла одна въ гостиной. Я прошелъ къ ней. На глазахъ ея видны были замѣтные слѣды недавнихъ слезъ.

— Что вы у насъ такъ давно не были? Богъ съ вами,—сказала она.

— Я былъ не такъ здоровъ,—отвѣчалъ я.

Вошелъ лакей.

— Водку прикажете подавать? — спросилъ онъ Лидію Николаевну.

— Еще девятый часъ,—возразила она.

— Спрашиваютъ-съ.

— Всего девятаго половина.

Лакей ушелъ.

— Я тоже больна,—продолжала Лидія Николаевна, обратившись ко мнѣ: — голова все болитъ, хочу пройтись, да не съ кѣмъ; Надина уѣхала къ знакомымъ. Пойдемте!

— Очень радъ,—отвѣчалъ я.

Лидія Николаевна надѣла шляпку, бурнусъ, и мы, никѣмъ не замѣченные, вышли заднимъ крыльцомъ. Она попросила мою руку и оперлась на нее. Дойдя до большой дорожки, Лидія Николаевна остановилась, и мы сѣли на ближайшую скамейку.

— Что это у васъ за вечеръ сегодня?—началъ я.

— Мужъ затѣялъ. Такъ мнѣ это непріятно!.. Ничего меня не слушаетъ,—отвѣчала Лидія Николаевна.

— А давно ли у васъ такія вечеринки?—спросилъ я.

— Съ нынѣшняго лѣта. Онъ гораздо хуже сталъ, какъ уѣхали братъ и маменька. Если бы вы знали, что я переношу!

— Знаю и даже ожидалъ этого, когда вы еще выходили замужъ.

Лидія Николаевна закрыла лицо руками и нѣсколько времени пробыла въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ взяла мою руку.

— Вамъ жаль меня?—спросила она.

— Неужели же вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ. Скажите мнѣ, научите меня, что дѣлать? Я такъ поглупѣла, такъ растерялась, что ничего не могу сообразить.

— Что мнѣ вамъ посовѣтовать? — возразилъ я. — Совѣтовать — или очень легко, если хочешь отдѣлаться одною фразою, или ужь очень трудно... Какъ можно было выходить за подобнаго человѣка?

— Нѣтъ, я должна была выйти за него. Послушайте, теперь я съ вами могу говорить откровенно. Знаете ли, что мы ему до свадьбы были должны сто тысячъ, и если бы ему отказали, онъ хотѣлъ этотъ долгъ передать одному своему знакомому, а тотъ обѣщалъ посадить мать въ тюрьму. Неужели же я не

должна была пожертвовать для этого своею судьбою? Я бы стала послѣ этого презирать себя.

— Но кто же вамъ говорилъ объ этомъ долгѣ и обо всемъ?

— Мнѣ говорила это Піонова.

— И вамъ не совѣстно было вѣрить этой женщинѣ?

— Этому нельзя было не вѣрить... она ко мнѣ точно не расположена, но мать она любитъ, и говорила мнѣ объ этомъ съ горькими слезами; наконецъ сама мать говорила объ этомъ.

Я только пожалъ плечами.

— Объ этомъ что̀ ужъ говорить, — продолжала Лидія Николаевна:—теперь ужъ этого измѣнить нельзя, все кончено.

«Конечно, ужъ кончено»,—согласился я мысленно.

— Добръ ли, по крайней мѣрѣ, Иванъ Кузьмичъ по характеру? И любитъ ли васъ?—спросилъ я, помолчавъ.

— Добръ и любитъ, когда этого мерзкаго вина не пьетъ, а какъ закутитъ, совсѣмъ другой человѣкъ. Ко мнѣ теряетъ всякое уваженіе, начинаетъ за все сердиться... особенно послѣднее время, пріѣзжая изъ Москвы... тамъ кто-нибудь его противъ меня вооружаетъ.

— Я думаю, тѣ же Піоновы.

— Да, и Піоновы, но они не столько; тутъ есть, говорятъ, другая дрянная женщина—старинная его привязанность. Я бы и не знала, да мнѣ Аннушка показала ее разъ здѣсь на гуляньи.

— Кто же она такая?

— Не знаю, магазинщица какая-то.

— Высокая, прямая?

— Да.

Это была не кто иная, какъ названная кума, которая у Ивана Кузьмича была на вечерѣ. Лидія Николаевна это забыла, а напомнить ей я не счелъ за нужное.

— Самое лучшее: не давайте ему пить,—сказалъ я.

— Дома я ему не даю, такъ старается какъ-нибудь потихоньку,—наскучитъ быть вѣчно на стражѣ; а не то̀ уѣдетъ въ Москву.

— Не отпускайте.

— Какъ его не отпустишь, не маленькій ребенокъ. Я и то стараюсь всегда съ нимъ ѣздить, такъ не беретъ. Говоритъ, что ему надобно въ присутственныя мѣста. Какъ же удержать человѣка, когда онъ хочетъ что-нибудь сдѣлать! Сначала я тосковала, плакала, а теперь и слезъ недостаетъ. Я его очень боюсь пьянаго, особенно когда онъ ночью пріѣзжаетъ; начнетъ шумѣть, кричать на людей, на меня: ревнивъ и жаденъ дѣлается до невѣроятности. Теперь все укоряетъ, что потерялъ для меня сто тысячъ.

— Злой и низкій человѣкъ, больше ничего.

— Нѣтъ, когда не пьянъ, совсѣмъ другой; проситъ, чтобы все забыла, цѣлуетъ руки, часа по два на колѣняхъ стоитъ, такъ что непріятно видѣть.

— Вы бы его больше бранили, — что дѣлать? Противъ подобныхъ людей надобно употреблять грубыя средства.

— Я не въ состояніи. Сестра Надина въ этомъ случаѣ мнѣ помогаетъ. Она читаетъ ему нотаціи по цѣлымъ днямъ. Первое время это была рѣшительно моя спасительница; онъ ее какъ-то побаивался, а теперь и на ту не смотритъ; какъ попадетъ въ голову, сейчасъ начнетъ смѣяться и бранить ее почти въ глаза; она, бѣдная, все терпитъ.

— А вы съ нею дружны?

— Да, я люблю ее. Она меня тоже очень полюбила. Прежде она никогда не жила съ братомъ вмѣстѣ, а теперь живетъ для меня.

— Полно, такъ ли, Лидія Николаевна? Вы слишкомъ довѣрчивы! Вы готовы вѣрить въ любовь каждаго, кто хоть немного васъ приласкаетъ. Я думаю, Надина имѣетъ другую, болѣе эгоистическую цѣль.

— Можетъ-быть, ей хочется и въ Москвѣ пожить!

— Именно въ Москвѣ жить, и жить затѣмъ, чтобы побѣдить сердце Курдюмова.

— А вы развѣ ужъ замѣтили?

— Еще бы! Для этого надобно имѣть не большую проницательность.

— Странная: я ее не понимаю; она очень умная дѣвушка, но въ этомъ отношеніи смѣшна: она влюбилась въ него на другой же день, какъ увидѣла его.

— Это немудрено; онъ такъ хорошъ собою и имѣетъ столько другихъ достоинствъ, что можетъ и не Надину увлечь.

— Но, какъ бы ни былъ хорошъ мужчина, все-таки надобно узнать его сколько-нибудь, чтобы полюбить.

— А вы сами лично знаете Курдюмова?

— Да, я его знаю; онъ человѣкъ очень благородный, и у него прекрасное сердце.

— Вотъ какъ! Даже и сердце прекрасное! Кто же объ этомъ вамъ сказалъ? Не самъ ли онъ?

— Ну, нѣтъ; что вы смѣетесь! Онъ, право, хорошій человѣкъ, немного свѣтскій, но непохожъ на другихъ. Посмотрите, сколько у него души въ пѣніи!

— Нисколько; счастливый голосъ и рутина.

— Полноте, вы несправедливы къ нему! За что вы его не любите?

— Я его не люблю за то, что его не любитъ вашъ братъ, и я въ этомъ случаѣ Леониду вѣрю безусловно.

— Нѣтъ, Леониду нельзя вѣрить; онъ чудный человѣкъ, но капризный. Изъ всѣхъ знакомыхъ онъ любитъ только одного васъ, а прочихъ никого.

— Если Леонидъ Николаичъ черезчуръ исключителенъ въ своихъ привязанностяхъ, то вы совершенно противоположны ему въ этомъ отношеніи. Любить и быть дружнымъ надобно осторожно, особенно женщинамъ, чтобы не испытать потомъ поздняго и тяжелаго разочарованія.

— Но зачѣмъ же видѣть людей въ такомъ черномъ цвѣтѣ? И безъ того въ жизни много горькаго, а что жъ будетъ, если никому не станешь вѣрить и никого не будешь любить? Это ужасно!—отвѣчала Лида, встала и подала мнѣ руку.

Мы пошли; я видалъ, что ей не хотѣлось продолжать нашъ разговоръ.

У женщинъ, мыслящихъ и чувствующихъ, есть своего рода ложныя сердечныя убѣжденія, измѣнить которыя такъ же трудно, какъ и измѣнить натуру ихъ сердца, и противорѣчія которымъ горьки и обидны для нихъ. Такъ было и съ Лидою; но я не стѣснился этимъ и рѣшился высказать ей самую горькую правду.

— Не знаю, Лидія Николаевна,—началъ я: — съ чего вы предполагаете въ Курдюмовѣ прекрасное сердце! По-моему, онъ человѣкъ свѣтскій, т.-е. человѣкъ внѣшнихъ достоинствъ. Пріѣзжая къ вамъ, онъ насилуетъ себя; ему нуженъ иной кругъ, ему неловко въ вашей маленькой гостиной, и всѣмъ этимъ, вы, конечно, понимаете, онъ жертвуетъ не для Ивана Кузьмича, на котораго не обращаетъ никакого вниманія, и не для Надины, отъ которой отыгрывается словами, — а для васъ.

Когда я говорилъ послѣднія слова, то чувствовалъ, что рука Лидіи дрожала, но я не остановился и продолжалъ:

— Вы въ самомъ удобномъ положеніи, чтобы за вами ухаживать; вы женщина умная, вы несчастливы, быть вашимъ утѣшителемъ пріятно, и незамѣтно можно достигнуть своей цѣли.

— Довольно, будетъ, — перебила Лидія Николаевна: — вы безжалостны и несправедливы. Я къ нему чувствую только дружбу и была бы очень довольна, если бы онъ женился на Надинѣ.

— Вы знаете, что этого никогда не случится. Будьте къ себѣ строже, Лидія Николаевна, повѣрьте свои чувства и остерегитесь, когда еще можно.

— Неужели же вы обвиняете меня и за дружбу? Я и съ

вами дружна, но не влюблена же въ васъ, — возразила она съ достоинствомъ.

Мнѣ это сравненіе показалось нѣсколько обидно.

— Дай Богъ, чтобы вы питали къ этому человѣку то же чувство, какъ и ко мнѣ, но что наши чувствованія въ отношеніи васъ совершенно различны, въ томъ я готовъ дать клятву. Не скрою, что первое время нашего знакомства и я смотрѣлъ на васъ иными глазами, но съ той минуты, когда узналъ, что вы выходите замужъ, я овладѣлъ собою, съ той минуты вы сдѣлались для меня родною сестрою — и только. Курдюмовъ дѣйствовалъ, кажется, совершенно иначе; на васъ — дѣвушку—онъ врядъ ли обращалъ какое-нибудь вниманіе, а заинтересовался вами, когда вы сдѣлались дамою.

— Довольно, кончимте этотъ разговоръ. Вы безжалостны, съ вами иногда страшно говорить; вы способны убить въ женщинѣ вѣру и въ самоё себя и въ другихъ.

— Я сказалъ только правду, какъ я ее понимаю.

Говоря это, мы подошли къ дому и опять съ задняго крыльца прошли въ гостиную; тамъ нашли Курдюмова. Лидія взглянула на меня и потупилась.

— Vous... vous êtes promené?

Лида кивнула головою и сѣла. Я взглянулъ въ залу; тамъ была возмутительная сцена: игроки перестали играть и закусывали. Всѣ они были навеселѣ и страшно шумѣли и спорили. Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ еще играли. У перваго лицо было совершенно искажено, онъ, вѣрно, проигрался. Піоновъ хохоталъ своимъ громаднымъ голосомъ на цѣлый домъ.

— Ну, дама, такъ дама!.. Извините, сударыня, и васъ пришибемъ. А валетъ? Эхъ, братъ Иванъ, говорилъ: не надѣйся на валета. Ну, тузъ твой, твой?.. Али нѣтъ! Десяточка-касаточка, не выдай, — не выдала! Баста! — проговорилъ Піоновъ, всталъ и подошелъ къ столу съ закускою.

— Эге, господа, вы тутъ ловко распорядились: все чисто. Эй, ты, кравчій! Подай, братъ, за ту же цѣну подливки, а мы покуда мадеркой займемся. Вы, господа, на мадерку-то и вниманія не обратили, да она и не стоитъ — дрянь; я ужъ такъ, отъ-нечего-дѣлать, по смиренству своему, займусь ею. Эй, Иванъ Кузьмичъ! Позабавься хоть мадеркою, раскуражь себя. Это вѣдь ничего, виноградное, оно не дѣйствуетъ.

Иванъ Кузьмичъ всталъ и подошелъ къ столу. Піоновъ налилъ ему полный стаканъ; онъ выпилъ, закурилъ трубку, прошелся по залѣ нетвердыми шагами, вошелъ въ гостиную, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, сѣлъ на стулъ и началъ кусать губы, потомъ взглянулъ сердито на жену.

— Отчего вы не велѣли давать намъ закуски? — спросилъ онъ ее, ероша себѣ волосы.

Лидія Николаевна не отвѣчала.

— Вы не велѣли, а я велѣлъ, — извините, — продолжалъ онъ: — гдѣ моя сестрица?

Лидія Николаевна молчала.

— Отчего же вы со мною не хотите говорить? Я васъ спрашиваю: гдѣ моя сестрица?

— Она уѣхала,—отвѣчала Лидія.

— А! Уѣхала! Очень жаль... Петръ Михайловичъ, ваша m-lle Надина уѣхала, — сказалъ Иванъ Кузьмичъ и замолчалъ на нѣсколько минутъ.

— Отчего жъ вы не велѣли подавать закуску? — отнесся онъ опять къ женѣ.

— Я ничего не говорила, меня дома не было... я гуляла.

— А! вы гуляли! Вы все гуляете, и я гуляю... Что же такое?

Курдюмовъ блѣднѣлъ; я не въ состояніи былъ взглянуть на Лидію, такъ мнѣ было ее жаль.

— Вы проиграли или выиграли? — отнесся я къ Ивану Кузьмичу, желая хоть какъ-нибудь перемѣнить разговоръ.

— Проигралъ-съ, — отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: — тысячу цѣлковыхъ проигралъ, ничего-съ; я свое проигрываю... я ни у кого ничего не беру.

Лидія встала и пошла.

— Куда же вы? Посидите съ нами, мы сейчасъ будемъ ужинать, — сказалъ ей Иванъ Кузьмичъ.

— Я не хочу,—отвѣчала Лидія и проворно ушла.

— Это значитъ, дамы не ужинаютъ. Покойной ночи, а мы будемъ ужинать и пить; а вы тоже не ужинаете?—отнесся онъ насмѣшливо къ Курдюмову.

— Не ужинаю, — отвѣчалъ тотъ, всталъ и, поклонившись, ушелъ.

— Ну, такъ и вамъ покойной ночи, — сказалъ хозяинъ: — вы тоже дама, у васъ бѣленькія ручки. Прощайте; я вѣдь глупъ, я ничего не понимаю, въ васъ m-lle Надина влюблена. Знаю, я хоть и дуракъ, а знаю, кто въ васъ влюбленъ; я только молчу, а у меня все тутъ — на сердцѣ... Мнѣ все наплевать. Я вѣдь дуракъ, у меня жена очень умна.

Я всталъ и тоже хотѣлъ уйти. Иванъ Кузьмичъ тутъ только замѣтилъ мое присутствіе.

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не ходите, я васъ люблю; самъ не знаю, а люблю; а этотъ Курдюмовъ — вотъ онъ у меня гдѣ, — тутъ на сердцѣ, я его когда-нибудь поколочу. Вы

останьтесь, поужинайте, я васъ люблю; мнѣ и объ васъ то же говорятъ, я не вѣрю.

— Что ты тутъ сидишь? Пора, братецъ, ужинать,—сказалъ Піоновъ, войдя.

— Не смѣю: мнѣ жена не велитъ ужинать... говоритъ: вредно... Она боится, что я умру. Ха-ха-ха... — засмѣялся Иванъ Кузьмичъ. — А я не боюсь... я хоть сейчасъ умру; не хочу я жить, а хочу умереть. Поцѣлуй меня, толстый.

— Изволь! — проревѣлъ Піоновъ и, прижавъ голову Ивана Кузьмича къ своей груди, произнесъ: — «лобзай меня, твои лобзанья мнѣ слаще мирра и вина».

Я воспользовался этою минутою и ушелъ. Господи, что такое тутъ происходитъ и чѣмъ все это кончится!

IX.

Какъ хотите, Лидія Николаевна болѣе чѣмъ дружна съ Курдюмовымъ. Она непремѣнно передала ему послѣдній мой разговоръ съ нею о немъ, потому что прежде онъ со мною почти не говорилъ ни слова, а тутъ вдругъ началъ во мнѣ заискивать.

— У васъ свободенъ вечеръ? — сказалъ онъ мнѣ однажды, когда мы вмѣстѣ съ нимъ выходили отъ Ивана Кузьмича.

— Свободенъ, — отвѣчалъ я.

— Заѣдемте ко мнѣ.

Я согласился. Мнѣ самому хотѣлось хотя сколько-нибудь съ нимъ сблизиться. Онъ нанималъ небольшую, но очень красивую по наружности дачу; внутреннее же убранство превзошло всѣ мои ожиданія. Пять комнатъ, которыя онъ занималъ, по одной ужъ чистотѣ походили скорѣй на модный магазинъ изящныхъ вещей, чѣмъ на жилую квартиру: драпировка, мраморныя статуйки, пейзажи масляной работы, портреты, бронзовыя вещи, мебель, ковры, всего этого было пропасть, и все это, кажется, было разставлено съ величайшей предусмотрительностью, такъ что, можетъ-быть, нѣсколько дней обдумывалось, подъ какимъ угломъ повѣсить такую-то картинку, чтобы сохранить освѣщеніе, какимъ образомъ поставить китайскую вазу такъ, чтобы каждый посѣтитель могъ ее тотчасъ же замѣтить, и гдѣ расположить какой-нибудь угловой диванъ, чтобы онъ представлялъ полный уютъ. Видѣть столько лишнихъ пустяковъ, разставленныхъ съ такимъ глубокимъ вниманіемъ въ квартирѣ мужчины, какъ хотите, признакъ мелочности. Кто не знаетъ, какъ непріятно бывать въ гостяхъ, когда знаешь, что хозяинъ тебя въ душѣ не лю-

битъ и не уважаетъ, но по наружности, для своихъ видовъ, насилуя себя, старается въ тебѣ заискивать. Точно въ такомъ положеніи я очутился у Курдюмова. Болѣе часу сидѣли мы съ нимъ или молча, или переговаривали избитыя фразы о погодѣ, о мѣстоположеніи; наконецъ онъ, какъ бы желая хоть чѣмъ-нибудь занять меня, началъ показывать различныя свои занятія. Прежде я думалъ, что онъ только пѣвецъ, но оказалось, что онъ и рисуетъ, и лѣпитъ, и гальванопластикою занимается, и даже точитъ изъ дерева, кости, серебра, и точитъ очень хорошо. Всѣ его работы я, разумѣется, насколько доставало во мнѣ притворства, хвалилъ; наконецъ и эти предметы истощились, и мы снова замолчали. Къ концу вечера, впрочемъ, я рѣшился затронуть за его чувствительную, какъ полагалъ, струнку и заговорилъ о семействѣ Марьи Виссаріоновны. Курдюмовъ отвѣчалъ слегка и такъ же слегка спросилъ меня: давно ли я знакомъ съ ними? И когда я сказалъ, что еще училъ Леонида, и похвалилъ его, онъ проговорилъ покровительственнымъ тономъ:

— Oui, il a beaucoup de talent pour la musique.

Въ отношеніи Лидіи Николаевны больше отмалчивался и только назвалъ ее милою дамою, а Надину—умною дѣвушкою; говоря же объ Иванѣ Кузьмичѣ, сдѣлалъ гримасу.

Возвратившись домой, я засталъ у себя нечаяннаго гостя. Леонидъ возвратился въ Москву и уже часа два дожидался меня на моей квартирѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ тотчасъ, какъ вышелъ изъ дорожнаго экипажа, не заходя даже домой, но, здороваясь со мною, не обнаружилъ большой радости, а только проговорилъ:

— Хорошо, что пріѣхали, а то все это время была такая скука.

— Кончили курсъ? — спросилъ я.

— Да.

— Кандидатомъ?

— Да.

— Много занимаетесь?

— Нѣтъ; все было не до того... У сестры бываете?

— Какъ же.

— Что она, здорова?

— Не совсѣмъ, кажется.

— А что благовѣрный ея?

— Тоже прихварываетъ, только своего рода болѣзнью.

— Опять разрѣшилъ, — проговорилъ Леонидъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Курдюмовъ часто тамъ бываетъ?

— Каждый день, — отвѣчалъ я.

Онъ нахмурился.

— Я познакомился тамъ еще съ новымъ лицомъ, съ сестрою Ивана Кузьмича, — сказалъ я.

— Она все еще гоститъ? — проговорилъ Леонидъ.

— Гоститъ и не думаетъ уѣзжать.

— Что жъ она тутъ дѣлаетъ?

— Ничего: пламенѣетъ страстью къ Курдюмову.

Леонидъ ничего не отвѣчалъ, но еще болѣе нахмурился и нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы говорили съ сестрою? — спросилъ онъ вдругъ меня.

Я догадался, о чемъ онъ спрашиваетъ.

— Говорилъ одинъ разъ.

— А что именно?

Я передалъ ему слово въ слово разговоръ мой съ Лидіей Николаевной: споръ нашъ о Курдюмовѣ и визитъ къ сему послѣднему.

— Курдюмовъ какой-то всеобщій художникъ!—замѣтилъ я.

Леонидъ вышелъ изъ себя.

— О, чортъ, художникъ,—воскликнулъ онъ: — у человѣка недостаетъ душонки, чтобы съ толкомъ спѣть романсъ, а вы называете его художникомъ... Токарь онъ, можетъ-быть, хорошій, но никакъ не художникъ.

Я не возражалъ Леониду, потому что былъ совершенно согласенъ съ нимъ. Онъ у меня ночевалъ, а на другой день мы оба пошли обѣдать къ Лидіи Николаевнѣ. Она только-что пріѣхала отъ матери и очень обрадовалась брату, бросилась къ нему на шею и разрыдалась. Иванъ Кузьмичъ боленъ. Сначала я думалъ, что это послѣдствія похмелья, но оказалось, что онъ боленъ серьезнѣе. Вмѣстѣ почти съ нами пріѣхалъ къ нему докторъ, котораго я зналъ еще по университету,—старикъ добрый и простой. Когда онъ вышелъ отъ больного, я нагналъ его въ передней и спросилъ:

— Какого рода болѣзнь у Ивана Кузьмича?

— А что, батенька,—отвѣчалъ старикъ:—подагрица разыгралась и завалы въ печени нажилъ. Алкоголю много глоталъ.

— И въ сильномъ развитіи?

— Будетъ съ него; если нашего снадобья не покушаетъ да діэты не подержитъ, такъ на осень, пожалуй, и водянка разыграется.

— У меня есть къ вамъ просьба, Семенъ Матвѣичъ,—началъ я:—семейство здѣшнее я очень люблю и хорошо знаю.

— Ну, что же такое?

— И потому я просилъ бы васъ Лидіи Николаевнѣ ничего

не говорить о состояніи болѣзни Ивана Кузьмича, а ему скажите и объясните, какія могутъ быть послѣдствія, если онъ не будетъ воздерживаться.

— Напугаешь, батенька; ты самъ, можетъ, знаешь, въ чемъ вся наша медицина состоитъ: ножъ, теплецо, голодокъ и душевное спокойствіе.

— Напугать — необходимо; иначе онъ не будетъ ни лѣчиться ни воздерживаться.

— Эка какой человѣкъ-то; спасибо, что сказалъ. Я его мало знаю, вижу, что пьяница. Охъ, ужъ эти мнѣ желудочныя болѣзни, хуже грудныхъ: тѣ хотя отъ Бога, а эти отъ себя,— проговорилъ докторъ и уѣхалъ.

Обѣдъ и время послѣ обѣда прошли у насъ невесело: Леонидъ былъ скученъ, Лидія Николаевна, какъ и при первой встрѣчѣ со мною, старалась притворяться веселою и безпечною, но не выдерживала роли, часто задумывалась и уходила по временамъ къ мужу. Надина переходила отъ окна къ окну; я догадался, кого она ждетъ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхала Марья Виссаріоновна съ двумя младшими дочерьми и съ Піоновой, которая у Лиды не бывала болѣе года, но, поздоровавшись, сейчасъ объяснила:

— Ахъ, chère Лидія Николаевна, я давнымъ-давно собиралась быть у васъ, да все это время была нездорова. Нѣсколько разъ просила Сережу взять меня съ собою, не беретъ. Полно, говоритъ, mon ange, ты едва ноги таскаешь, гдѣ тебѣ ѣхать въ Сокольники за такую даль. Такъ скучала, такъ скучала все это время. Сегодня говорятъ: Марья Виссаріоновна пріѣхала, а я и не вѣрю; раза три переспрашивала человѣка, правду ли онъ говоритъ. Сейчасъ собралась и поѣхала; думаю, насмотрюсь на мою милую Марью Виссаріоновну и повидаюсь съ Лидіей Николаевной.

«Что это за безстыдная женщина,— подумалъ я:— какъ не совѣстно говорить, что едва бродитъ, когда у ней здоровье брызжетъ изъ лица, и она вдвое растолстѣла съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ. Видно, ужъ у ней общая съ мужемъ привычка—ссылаться на болѣзнь». Страсть ея къ Леониду еще не угасла, потому что, когда тотъ вошелъ въ гостиную изъ другой комнаты, она, поздоровавшись съ нимъ, завернулась въ шаль и придала своему лицу грустное и сентиментальное выраженіе.

Ожиданія Надины сбылись: Курдюмовъ часовъ въ восемь явился. Войдя въ гостиную, онъ немного оторопѣлъ, увидя гостей, но скоро оправился и началъ говорить съ Марьей Виссаріоновной, относился потомъ нѣсколько разъ къ Піоно-

вой и разговаривалъ съ Леонидомъ. Лидіи Николаевнѣ онъ едва поклонился, но съ Надиною былъ болѣе обыкновеннаго любезенъ; та, въ свою очередь, пришла въ какое-то восторженное состояніе. Я не могу слово въ слово передать теперь ихъ разговоръ, потому что занятъ былъ болѣе Лидою, но сколько припоминаю, то Надина вдругъ, совсѣмъ не кстати, спросила Курдюмова: былъ ли онъ влюбленъ? По прежней тактикѣ я думалъ, что онъ не отвѣтитъ ей, но онъ отвѣтилъ:

— Былъ.

— А теперь?

— И теперь влюбленъ.

— Вы должны сказать: въ кого?

— Подобныхъ вещей не говорятъ.

— Говорятъ, особенно друзьямъ; вѣдь мы друзья?

— Если позволите.

— Съ восторгомъ разрѣшаю, и потому говорите.

— Вы сами напередъ посвятите меня въ вашу тайну!

— Охъ, какіе вы требовательные! Вы хотите, чтобы съ вами были откровенны прежде, чѣмъ вы сами откровенны, и у васъ недостаетъ даже великодушія оставить намъ, женщинамъ, право скромности. Вы сами не рискуете шагу сдѣлать, но ожидаете, сидя спокойно въ креслахъ, чтобы къ вамъ подошла бѣдная женщина и разсказала всѣ свои тайные помыслы,—проговорила Надина и пошла въ томъ же родѣ.

Надобно сказать, что когда разговоръ касался любви и вообще чувствъ, то она заговаривалась. Вначалѣ въ ея словахъ былъ еще нѣкоторый смыслъ, но потомъ, чѣмъ болѣе хотѣла она высказаться, чѣмъ болѣе желала выразить свои мысли, тѣмъ больше начинала нести вздоръ, такъ что ужъ и сама себя, вѣроятно, переставала понимать.

Въ этотъ разъ повторилось то же: болѣе получаса она говорила совершенную галиматью и потомъ вдругъ перемѣнила разговоръ и начала Курдюмова просить спѣть что-нибудь; онъ сейчасъ согласился и пошелъ въ залу. Надина послѣдовала за нимъ; она, вѣроятно, съ тою цѣлью и вызвала его въ залу, чтобы остаться съ нимъ наединѣ. Это очень не понравилось Марьѣ Виссаріоновнѣ.

— Что это за обращеніе!—отнеслась она къ Піоновой.

Та покачала головой.

— И зачѣмъ она живетъ здѣсь? Мнѣ очень непріятно, что у тебя подобная компаньонка, — прибавила Марья Виссаріоновна дочери.

Лида потупилась.

Вообще Марья Виссаріоновна въ эти два года постарѣла,

похудѣла и сдѣлалась очень раздражительна, такъ что съ нею говорить было невозможно; она все споритъ или принимаетъ на свой счетъ, на дѣтей безпрестанно сердится. Въ продолженіе этого вечера она сказала нѣсколько самыхъ обидныхъ колкостей Лидѣ; на двухъ младшихъ дочерей, которыя вышли погулять и погуляли не болѣе получаса, крикнула, зачѣмъ онѣ смѣли такъ долго гулять, и даже Леониду, которому она всегда болѣе другихъ уступала и который обыкновенно спорилъ съ нею очень смѣло, въ одномъ пустомъ разговорѣ велѣла замолчать.

X.

Я не былъ у Лидіи Николаевны нѣсколько дней. Леонида тоже не видалъ, онъ живетъ по дѣламъ въ Москвѣ. Въ четвергъ или въ пятницу, теперь уже не помню, въ Сокольникахъ бываетъ общее гулянье. Я пришелъ на это гулянье съ единственною цѣлью встрѣтить Лидію Николаевну; но ея не было. Надина была тутъ. Это нѣсколько меня удивило: онѣ обыкновенно всегда гуляли вмѣстѣ, но еще болѣе показалось мнѣ страннымъ, что Надина, встрѣтившись со мной, отвернулась. Сама она была въ необыкновенно тревожномъ состояніи: соломенная шляпа была у ней совсѣмъ набоку, локоны распустились и падали въ безпорядкѣ длинными прядями; она брала всѣхъ попадавшихъ ей навстрѣчу знакомыхъ подъ руку, говорила имъ что-то такое съ большимъ жаромъ, потомъ оставляла ихъ, переходила къ другимъ, и наконецъ совсѣмъ скрылась.

Кто живалъ въ Сокольникахъ, тотъ знаетъ, что къ концу лѣта они дѣлаются очень похожими на маленькій уѣздный городокъ. Всѣ узнаютъ другъ о другѣ до малѣйшихъ подробностей: узнаютъ, кто какого характера, съ кѣмъ знакомъ и на какомъ основаніи знакомъ, кто что дѣлаетъ, и наконецъ кто что ѣстъ. Маленькій комеражъ, у кого-нибудь случившійся, дѣлается предметомъ толковъ и вырастаетъ въ одинъ день до огромныхъ размѣровъ. Начавшіяся здѣсь новыя знакомства, особенно между дамами, часто развиваются къ 1 сентября въ тѣсную дружбу, и наоборотъ: хорошо знакомыя семейства, переселившіяся вмѣстѣ на дачу съ единственною цѣлью, чтобы чаще видаться, уѣзжая отсюда, совсѣмъ ужъ не видятся.

Пройдя раза два по главной аллеѣ, я сѣлъ рядомъ на скамейку съ однимъ господиномъ изъ Ярославля, тоже дачнымъ жителемъ, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ и котораго прозвали въ Сокольникахъ *воздушнымъ*, не потому, чтобы въ наружности его было что-нибудь воздушное, — нисколько: онъ

былъ мужчина плотный и коренастный, — а потому, что онъ, какая бы ни была погода, цѣлые дни былъ на воздухѣ: часовъ въ пять утра онъ пилъ ужъ чай въ бесѣдкѣ, до обѣда переходилъ со скамейки на скамейку, развлекая себя или чтеніемъ «Сѣверной Пчелы», къ которой чувствовалъ особенную симпатію, или просто оставался въ созерцательномъ положеніи; обѣдалъ тоже на воздухѣ, а послѣ обѣда ложился гдѣ-нибудь въ тѣни, на коврѣ, а часовъ въ семь опять усаживался на скамейку и наблюдалъ гуляющихъ. Услышавъ новость, самому разсказать таковую же и вообще поговорить былъ большой охотникъ. Всѣмъ почти проходящимъ мимо него знакомымъ онъ говорилъ:

— Что вы ходите? Присядьте! Нѣтъ ли чего новенькаго? Повѣдайте.

Когда я сѣлъ около него, онъ остался этимъ очень доволенъ и ласково кивнулъ мнѣ головой.

— Что, и вы пришли воздухомъ подышать? Здѣсь славно! Чувствуете ли, какъ смолой пахнетъ? Самый здоровый запахъ.

Я хоть ничего не чувствовалъ, но согласился, что пахнетъ смолой.

— А, да, кстати! — продолжалъ воздушный ярославецъ:— вы знакомы съ Ваньковской, или, какъ его, забылъ фамилію, съ зятемъ ея?

— Знакомъ,—отвѣчалъ я.

— Скажите на милость, что у нихъ такое надѣлалось?

— Я ничего не слыхалъ.

— Будто? А тутъ разсказываютъ цѣлую исторію. У этого зятя живетъ, говорятъ, сестра... живетъ вѣдь?

— Живетъ,—отвѣчалъ я.

— Сухощавая этакая дѣвица, сейчасъ была здѣсь.

— Что жъ изъ этого?

— А я вотъ давеча, послѣ обѣда, — видите вонъ этотъ бугорокъ подъ большой сосной, — я вотъ давеча лежалъ тутъ и заснулъ почти, а тутъ подходитъ, какъ его, забылъ фамилію, почтамтскій чиновникъ, что ли,—знаете, я думаю?

— Нѣтъ, не знаю.

— Э, какъ не знаете, вѣрно, знаете, въ самый жаръ еще гуляетъ: говоритъ, что декохтъ пьетъ,—непремѣнно знаете.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ, — отвѣчалъ я и просилъ разсказать, что такое случилось у Ваньковскихъ.

— Я думалъ, что вы знаете; онъ тутъ мнѣ и разсказалъ, сначала попросилъ у меня огня и разсказалъ... съ нимъ былъ еще какой-то молодой человѣкъ... того ужъ не знаю. Они мнѣ и разсказали.

— Да что жъ такое они вамъ разсказали?—перебилъ я съ досадой.

— Разсказали, что сестра у нихъ живетъ, ну, и къ нимъ часто ѣздилъ Курдюмовъ. Курдюмова, конечно, знаете? Онъ мнѣ старый знакомый, нашъ ярославецъ... богатые люди прежде были, теперь не знаю.

Никакого терпѣнія у меня недоставало; несносный болтунъ, точно съ умысломъ, пыталъ меня.

— Я васъ рѣшительно не понимаю; что же изъ этого слѣдуетъ?—сказалъ я ему.

— Слѣдуетъ, что онъ къ нимъ ѣздилъ, ну, и здѣсь былъ слухъ, что онъ на этой сестрѣ женится, а вышло вздоръ. Она была, знаете, только, какъ я придумалъ, громовой отводъ, а интригу-то онъ велъ съ этой молодой барыней, дочерью Ваньковской: я ее не знаю, должно-быть, хорошенькая, а съ отцомъ хорошо былъ по клубу знакомъ: человѣкъ былъ умный, оборотливый; мать тоже знаю, видалъ въ одномъ домѣ.

То, что я предполагалъ, была дѣйствительно правда, и молва объ этомъ огласилась уже на всѣ Сокольники: что бы тамъ ни было,—подумалъ я, — но я долженъ хоть сколько-нибудь поколебать правдоподобность этихъ слуховъ. Собесѣдникъ мой показался удобнымъ для этого средствомъ; онъ станетъ встрѣчному и поперечному толковать pro и contra, какъ его направишь; я рѣшился его разубѣдить.

— Это нелѣпыя сплетни,—началъ я: — я бываю въ этомъ домѣ каждый день и очень хорошо знаю, что Курдюмовъ бывалъ тутъ безъ всякой цѣли.

— Говорятъ...

— Мало ли что говорятъ; нельзя всему вѣрить. Эта молодая женщина слишкомъ далека отъ подобныхъ отношеній, и какимъ же образомъ могло это открыться вдругъ, тогда какъ онъ знакомъ съ ними болѣе шести лѣтъ?

— Видно, какъ-то открылось, я не знаю хорошенько. Я васъ хотѣлъ спросить, не знаете ли вы? Вотъ посижу еще здѣсь: можетъ-быть, пройдетъ кто-нибудь, кто знаетъ. Любопытно, очень любопытно узнать.

— Все это вздоръ!

— Не спорьте; сестра отъ нихъ переѣхала, не захотѣла съ ними жить, стало—не вздоръ,—возразилъ ярославецъ.—Эй, Николай Лукичъ, а Николай Лукичъ! Куда вы бѣжите? Присядьте, — крикнулъ онъ проходящему мимо него господину въ сѣромъ пальто.—Вотъ мы спросимъ Николая Лукича, онъ все знаетъ.

Но Николай Лукичъ только обернулся, сдѣлалъ ручкой и, проговоривъ: «въ минуточку вернусь», побѣжалъ далѣе.

— Погодите, онъ придетъ и все намъ разскажетъ,—отнесся ко мнѣ мой собесѣдникъ, но я не хотѣлъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій и отошелъ.

Противъ Лидіи Николаевны я почувствовалъ рѣшительную ненависть. «Неужели эта женщина,—думалъ я: — всю жизнь будетъ меня обманывать: въ то время, какъ я считалъ ее чистою и невинною, въ которой видѣлъ несчастную жертву судьбы, она выходитъ самая коварная интриганка; но положимъ, что она могла полюбить Курдюмова, я ей это прощаю, но зачѣмъ скрыла отъ меня, своего друга, который Богъ знаетъ какъ ей преданъ и съ которымъ, не могу скрыть этого, какъ замѣчалъ по многимъ даннымъ, она кокетничала; и наконецъ какъ неблагородно поступила съ бѣдною Надиною. Сама, вѣроятно, завлекла и сдѣлала изъ нея ширмы своей интриги». Я рѣшился итти къ ней и сорвать съ нея маску. Я засталъ ее въ маленькомъ кабинетѣ; она сидѣла въ креслахъ, опустивши голову на руки. Увидѣвъ меня, она вздрогнула и проговорила:

— Это вы?

— Да, я,—отвѣчалъ я сурово.

Лида посмотрѣла на меня такимъ грустнымъ и печальнымъ взоромъ, что рѣшимость моя быть строгимъ очень поколебалась.

— Гдѣ Леонидъ?—спросила она.

— Онъ въ Москвѣ, а вы однѣ дома?

— Одна.

— А вашъ больной Иванъ Кузьмичъ?

— Ему лучше; онъ уѣхалъ; у насъ много перемѣнъ надѣлалось.

— Я слышалъ.

— Ужъ слышали? Что же такое вы слышали?

— Слышалъ, что Надина отъ васъ переѣхала, потому что надежды ея на Курдюмова лопнули; онъ, говорятъ, ухаживалъ за вами.

— И это ужъ говорятъ?

— Да, говорятъ, и говорятъ на гуляньи.

— Что жъ: пускай говорятъ! Это правда.

— Не дай Богъ, чтобъ все была правда; говорятъ не только, что онъ за вами ухаживалъ, но что у васъ была интрига, и Надина была громовымъ отводомъ, который обезпечивалъ ваши отношенія. Неужели и это правда?

— Ну да, правда; вы этому вѣрите, что жъ еще спрашиваете?

— За что же вы сердитесь на меня? Если вамъ непріятно мое участіе...

— Мнѣ ничьего не нужно участія; участь моя рѣшена,— возразила Лида.

— Но чѣмъ же рѣшена? Вы напрасно такъ отчаиваетесь.

— Я не отчаиваюсь, а смѣюсь. Я потерянная женщина, мужъ меня бросилъ, тутъ отчаяніе не поможетъ.

— Конечно, не поможетъ. Лучше хладнокровно обдумать, и тогда еще можно найти какое-нибудь средство продолжить обманъ на годъ, на два.

Лида посмотрѣла на меня.

— Какой обманъ? — спросила она.

— Въ родѣ громоваго отвода, которымъ была сдѣлана Надина. Курдюмовъ, при всемъ своемъ тупоуміи, на эти вещи изобрѣтателенъ. Онъ пріищетъ еще другой какой-нибудь способъ, чтобъ погубить васъ окончательно.

— Не онъ меня губитъ, а другіе. Онъ прекрасный человѣкъ и преданъ мнѣ такъ, какъ, можетъ-быть, никто,—возразила Лида.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ это странно слышать. — продолжала она: — а вы не знаете, что когда меня, глупую, выдали замужъ, такъ всѣ кинули, всѣ позабыли: мать и слушать не хотѣла, что я страдаю день и ночь, Леонидъ только хмурился, вы куда-то уѣхали, никому до меня не стало дѣла; одинъ только онъ, у котораго тысячи развлеченій, пренебрегъ всѣмъ, сидѣлъ со мной цѣлые дни, какъ съ больнымъ ребенкомъ; еще бы мнѣ не вѣрить въ него!

— Къ чему тутъ тратить много словъ. Лидія Николаевна; вы влюблены въ него, и этого довольно, — проговорилъ я съ досадой.

— Я не влюблена въ него, а люблю его, это вы можете сказать моему мужу, матери, брату, цѣлому свѣту: мы не вольны въ нашихъ чувствахъ.

— Только этого недоставало, чтобъ вы меня понимали такъ, — возразилъ я, берясь за шляпу.

Лида молчала.

— Не мало, но, можетъ-быть, слишкомъ много и безъ всякихъ правъ претендовалъ я на участіе къ вамъ,—продолжалъ я почти со слезами на глазахъ: — извиняюсь же вашимъ выраженіемъ: мы не вольны въ нашихъ чувствахъ.

Лида отвернулась отъ меня.

Я снова продолжалъ:

— Искренно желаю, чтобы вы не ошиблись въ вашихъ надеждахъ на избраннаго вами человѣка и чтобы не страдали впослѣдствіи раскаяніемъ. Измѣнить своему долгу, на

какомъ бы то ни было основаніи, проступокъ для женщинъ, за который ихъ осудитъ и общественное мнѣніе и собственная совѣсть.

Проговоря эти слова, я вышелъ изъ кабинета, рѣшившись совсѣмъ уйти, но сдѣлать этого былъ не въ состояніи, а прошелъ въ гостиную и сѣлъ, ожидая, что Лида меня вернетъ. Прошло нѣсколько минутъ: я превратился весь въ слухъ,— Лида меня не звала, но я слышалъ, что она рыдала. Я не выдержалъ и снова вошелъ въ кабинетъ.

— О чемъ же вы плачете?—спросилъ я, садясь противъ нея.

— Простите меня,—отвѣчала Лида, протягивая мнѣ руку:— я оскорбила васъ, я сама не знаю, что̀ говорю... Если бы вы знали, какъ я страдаю... Не вѣрьте мнѣ, я многое вамъ говорила неправду.

Я вздохнулъ свободнѣе.

— Дай Богъ, — возразилъ я: — но все-таки вы держали себя неосторожно съ Курдюмовымъ.

— Неосторожно, — повторила Лида грустнымъ голосомъ: — еще надобно быть осторожнѣй, я ужъ и не знаю.

— Да, слѣдовало бы, — замѣтилъ я.

— Можетъ-быть, но что̀ жъ мнѣ дѣлать, если я такая глупенькая, если я такъ слабохарактерна, вы это и прежде мнѣ говорили,—проговорила Лида и залилась горькими слезами.

Мнѣ стало отъ души ея жаль. Будь она, кажется, во сто разъ виновнѣе, я не въ состояніи быть строгимъ ея судьею и буду участвовать и помогать ей, насколько во мнѣ достанетъ силъ и возможности.

— Что̀ же у васъ такое вышло теперь? — спросилъ я.

Лида нѣсколько времени не отвѣчала.

— Третьяго-дня, — начала она, съ трудомъ переводя дыханіе: — Курдюмовъ говорилъ мнѣ разныя разности. Надина подслушала, потомъ онъ прислалъ мнѣ письмо, она перехватила его и показала мужу, въ этомъ все и произошло.

— Что̀ жъ Иванъ Кузьмичъ?

Лида глубоко вздохнула.

— Сначала онъ хотѣлъ меня убить, потомъ гналъ, чтобы я шла къ Курдюмову, потомъ плакалъ, — это ужаснѣе всего, а теперь уѣхалъ и не хочетъ со мной жить. Если бы вы только слышали, что̀ онъ мнѣ говорилъ! Надина тоже такъ разсердилась, что я думала, что она съ ума сойдетъ; вдвоемъ на меня и напали, я даже теперь не могу вспомнить объ этомъ равнодушно. Посмотрите, какъ я дрожу, а первое время у меня даже голова тряслась.

Сердце кровью облилось у меня, слушая разсказъ Лиды.

— Что вы теперь думаете дѣлать? — спросилъ я ее.

— Сама не знаю; я очень боюсь Леонида и маменьки, — что, если они услышатъ, — а оправдываться я не могу. Они Богъ знаетъ что подумаютъ.

— За Леонида я вамъ ручаюсь, онъ васъ очень любитъ, я ему разскажу все.

— Пожалуйста. Впрочемъ,—Господи!—я сдѣлала еще одну глупость: послѣ этой сцены, когда Иванъ Кузьмичъ и Надина такъ меня разобидѣли, я съ отчаянія написала къ Курдюмову письмо, все ему разсказала и написала, что онъ одинъ остался у меня на свѣтѣ, и что вся моя надежда на него.

— Что жъ онъ вамъ отвѣчалъ на это письмо?

— Умолялъ, чтобъ я съ нимъ бѣжала, хотѣлъ увезти меня за границу. Мнѣ такъ послѣ этого сдѣлалось досадно и стыдно за себя. Неужели я такая потерянная женщина, что въ состояніи бросить мужа? Иванъ Кузьмичъ ко мнѣ былъ очень нехорошъ, но пусть онъ будетъ въ тысячу разъ хуже, пусть будетъ каждый день меня терзать, я все-таки хочу съ нимъ жить.

— Другого вамъ нечего и дѣлать! Крестъ вашъ тяжелъ, но вы его взяли и несите.

— Я знаю... Послушайте: съѣздите, пожалуйста, къ мужу, упросите его, чтобы онъ не дѣлалъ этихъ глупостей и пріѣхалъ бы домой, и, Бога ради, успокойте его о Курдюмовѣ.

При послѣднихъ словахъ я нарочно смотрѣлъ Лидѣ въ глаза, но и тѣни притворства не было въ кроткомъ выраженіи ея лица.

— Гдѣ жъ я могу найти Ивана Кузьмича? — спросилъ я.

— Онъ или у Піоновыхъ, или у той магазинщицы. Они все и вооружаютъ его; если онъ дольше еще у нихъ останется, то совсѣмъ меня броситъ.

Я хотѣлъ-было тотчасъ же ѣхать, но Лида меня остановила и просила остатокъ вечера провести у ней. Она боялась, что пріѣдетъ Курдюмовъ, и онъ въ самомъ дѣлѣ пріѣзжалъ, но его, по общему нашему распоряженію, не приняли.

XI.

На другой день я чѣмъ-свѣтъ написалъ къ Леониду письмо и отправилъ его по городской почтѣ. Я подробно ему описалъ все, что случилось съ Лидіей Николаевной, мое свиданіе съ ней и порученіе, которое она мнѣ сдѣлала. Ивана Кузьмича я поѣхалъ отыскивать часу въ десятомъ. У Піоновыхъ его не было; я далъ ихъ лакею полтинникъ, чтобы вызвать его на от-

кровенность, и сталъ разспрашивать; онъ мнѣ сказалъ, что Иванъ Кузьмичъ заѣзжалъ къ нимъ наканунѣ поутру и разговаривалъ очень долго съ господами, запершись въ кабинетѣ. а потомъ уѣхалъ вмѣстѣ съ бариномъ, который возвратился домой уже утромъ и очень пьяный, а барыня чѣмъ-свѣтъ сегодня поѣхала къ Марьѣ Виссаріоновнѣ.

Отъ Піоновыхъ я отправился въ магазинъ, о которомъ мнѣ нѣкогда говорилъ желтолицый поручикъ, и отыскалъ его очень скоро по вывѣскѣ, на которой было написано: «Махазинъ лучихъ французкихъ цвитовъ, Анны Ивановой». Я вошелъ по грязной лѣстницѣ и отворилъ дверь прямо въ большую комнату. Въ ней былъ шкапъ и столъ, за которымъ, впрочемъ, никто не работалъ. Маленькая, запачканная дѣвочка мела полъ; у открытаго окна сидѣли двѣ, какъ я полагаю, старшія мастерицы, изъ которыхъ одна была худая и бѣлокурая, а другая толстая, маленькая, черноволосая и съ одутловатымъ лицомъ. При входѣ моемъ онѣ переглянулись и засмѣялись.

— Что вамъ надобно? — спросила бѣлокурая.

— Здѣсь мой хорошій знакомый, Иванъ Кузьмичъ. Я желалъ бы его видѣть, — отвѣчалъ я.

— А вы чьи такіе? — спросила черноволосая.

— Я знакомый его, — повторилъ я.

— Да кто такіе? Мы ихнихъ знакомыхъ очень хорошо знаемъ.

— Тебѣ что за безпокойство? Суешься не въ свое дѣло,— перебила ее бѣлокурая.

— Что мнѣ за безпокойство, такъ спрашиваю.

— Гдѣ я могу видѣть Ивана Кузьмича? — отнесся я къ бѣлокурой.

— Онъ тамъ — вонъ въ этой комнатѣ... Матреша! — спросила она дѣвочку: — Иванъ Кузьмичъ всталъ?

— Всталъ-съ.

— Позвать, что ли, вамъ его?

— Нѣтъ, я самъ пойду,—отвѣчалъ я и, боясь, что Иванъ Кузьмичъ ко мнѣ не выйдетъ, отворилъ дверь, на которую бѣлокурая мнѣ показывала, и вошелъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, передъ нимъ стоялъ графинъ водки и морсъ. Комната была разгорожена ширмами, съ дверцами, которыя при моемъ появленіи захлопнулись. Увидѣвъ меня, Иванъ Кузьмичъ ужасно смѣшался, привсталъ, говорить ничего не могъ и весь дрожалъ. Онъ былъ очень истощенъ и болѣзнью и, вѣроятно, недавнею попойкою.

Я началъ прямо.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, Иванъ Кузьмичъ, отъ Лидіи Николаевны: она проситъ васъ возвратиться домой.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ покорно, не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе... Я старъ—мной играть... я не игрушка. Домой мнѣ не зачѣмъ ѣхать: я здѣсь живу... Что жъ такое, я всѣмъ скажу, что здѣсь живу, я квартиру здѣсь нанимаю, и кончено...

— Вы этимъ компрометируете Лидію Николаевну, неужели васъ совѣсть не упрекаетъ за нее?

Иванъ Кузьмичъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Вы сердитесь на нее и сами не знаете за что, — продолжалъ я. — Мнѣ все извѣстно: письмо Курдюмова никакъ не можетъ служить обвиненіемъ для Лидіи Николаевны. Ни одна въ мірѣ женщина не поручится, чтобы какой-нибудь господинъ не рѣшился ей написать подобнаго письма. Между вами или одно недоразумѣніе, или вы хотите только сдѣлать зло вашей женѣ,—и за что же наконецъ? Неужели за то, что она въ продолженіе пяти лѣтъ терпѣла всѣ ваши недостатки, скрывала ихъ отъ знакомыхъ, отъ родныхъ, а вы пустую записку обращаете ей въ преступленіе.

— Я не то-съ, мнѣ это что... я не за это.

— Такъ за что же?

— Такъ, ничего-съ: мимо ѣхали, — отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ, выпилъ стаканъ водки и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Коли такъ больна и не любитъ меня, такъ зачѣмъ же замужъ выходила, шла бы, въ кого влюблена; а я вѣдь дуракъ... я ничего не понимаю, — говорилъ онъ какъ бы самъ съ собой.

— Она сначала васъ уважала, но послѣ вы сами ее вооружили противъ себя, — возразилъ я.

— Я вооружилъ, да-съ, я же виноватъ, коли мужъ къ женѣ, а она въ сторону... Можетъ-быть, по-вашему, образованному — ничего, очень хорошо, а мы люди простые. Что жъ такое? Я прямо скажу, я мужчина, за неволю сдѣлаешь что-нибудь... У нихъ рюмку водки выпьешь, такъ сейчасъ и пьяница; ну, пьяница, такъ пьяница, будь по-ихнему. Теперь меня всего обобрали... я нищій сталъ... у меня тутъ тридцать тысячъ серебромъ ухнуло,—ну и виноватъ, значитъ! Мы вѣдь дураки, ничего не понимаемъ, учились на мѣдныя деньги, въ университетахъ не были.

— Не совѣстно ли вамъ, Иванъ Кузьмичъ, говорить это? Не вы ли сами предложили, какъ доказательство любви вашей, уничтожить этотъ вексель?

— Я не корю. Дай имъ Богъ счастья, а мнѣ проживать на нихъ нечего, я все прожилъ.

Видя, что Иванъ Кузьмичъ былъ такъ настроенъ противъ Лидіи Николаевны, что невозможно было ни оправдать ее предъ нимъ ни возбудить въ немъ чувство состраданія къ ней, я рѣшился, по крайней мѣрѣ, попугать его и намекнулъ ему, что у ней есть родные — мать и братъ, которые не допустятъ его безславить несчастную жертву, но и то не подѣйствовало.

Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ничего я не боюсь; плевать я на всѣхъ хочу,—что они мнѣ сдѣлаютъ?

Тѣмъ мое свиданіе и кончилось.

Я уѣхалъ.

«Нѣтъ, Лида не должна жить съ этимъ человѣкомъ. Онъ совсѣмъ потерялся,—подумалъ я.—Это еще и лучше, что онъ самъ ее оставилъ. Пусть она живетъ съ матерью: разскажу все Леониду, и мы вмѣстѣ какъ-нибудь это устроимъ. Больше всѣхъ я ожидалъ сопротивленія отъ самой Лиды: врядъ ли она на это рѣшится!»

Я заѣхалъ къ ней, чтобы передать ей малоуспѣшность своей поѣздки и сообщить новое мое предположеніе насчетъ дальнѣйшей ея участи, но не засталъ ея дома: она была у матери, которая присылала за ней. Что-то тамъ происходитъ? Отъ Леонида не было никакого извѣстія. Возвратившись домой, я цѣлое утро провелъ въ раздумьѣ, ѣздилъ потомъ къ Курдюмову, чтобы растолковать, какое зло принесъ онъ любимой имъ женщинѣ, и прямо просить его уѣхать изъ Москвы, заѣзжалъ къ Надинѣ растолковать ея ошибку, но обоихъ не засталъ дома, или меня не приняли, а между тѣмъ судьба готовила новый ударъ бѣдной Лидѣ.

Поздно вечеромъ, когда ужъ я улегся въ постель, вдругъ вошелъ ко мнѣ Леонидъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Откуда это? — спросилъ я его.

— Въ вокзалѣ былъ и пріѣхалъ къ вамъ ночевать.

— Очень радъ.

— Вы меня положите въ кабинетѣ.

— Отчего же не въ спальнѣ—со мной?

— Такъ, я завтра рано уѣду.

Я предложилъ-было ему ужинать, но онъ отказался и просилъ только дать ему вина.

— Мнѣ хочется сегодня хорошенько выспаться, отъ какого вина лучше спишь?

— Отъ всякаго крѣпкаго: хересу, портвейну,

— Дайте, какое у васъ есть.

Я велѣлъ подать ему хересу, онъ выпилъ цѣлый стаканъ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, поцѣловалъ меня, ушелъ въ кабинетъ, заперся тамъ и тотчасъ же погасилъ огонь.

Вообще онъ былъ какъ-то страненъ и чрезвычайно грустенъ. Объ Лидіи Николаевнѣ не сказалъ ни слова, какъ будто бы не получалъ моего письма, а я не успѣлъ и не рѣшился заговорить объ ней. Мнѣ не спалось, изъ кабинета слышался легкій шумъ, я всталъ потихоньку и заглянулъ въ замочную скважину. Ночь была лунная. Леонидъ сидѣлъ у стола и что-то такое, кажется, писалъ впотьмахъ карандашомъ.

XII.

Понять не могу, что̀ такое дѣлается: Леонидъ, кажется, всю ночь не спалъ. Я самъ заснулъ почти на-утрѣ, но, когда проснулся, его ужъ не было у меня: въ шесть часовъ утра, какъ сказалъ мнѣ мой человѣкъ, за нимъ заѣзжалъ молодой человѣкъ въ каретѣ, въ которой они вмѣстѣ и уѣхали. Тяжелое предчувствіе сдавило мнѣ сердце. Я рѣшился, не теряя минуты, ѣхать къ Леониду въ Москву, ожидая или найти его дома, или узнать по крайней мѣрѣ тамъ, куда и зачѣмъ онъ могъ уѣхать. Проѣзжая Мясницкую, я услышалъ, что меня кто-то зоветъ по имени; я обернулся: это былъ человѣкъ Ваньковскихъ, который кричалъ мнѣ во все горло и махалъ фуражкой. Я остановился. Онъ подбѣжалъ.

— Что̀ такое?—спросилъ я.

— Къ вамъ, сударь, бѣжалъ; у насъ несчастье приключилось: Леонидъ Николаичъ очень нездоровы.

— Какъ, чѣмъ нездоровъ?—спросилъ я, сажая его къ себѣ на пролетку и велѣвъ извозчику ѣхать какъ можно скорѣе.

— Сами не можемъ знать хорошенько; ночевать они дома не изволили, а сегодня на-утрѣ ихъ привезли въ безпамятствѣ, всѣ въ крови; надобно полагать такъ, что изъ пистолета, видно, ранены.

«Только этого недоставало»,—подумалъ я и очень хорошо все понялъ. Вчера онъ получилъ мое письмо о Лидѣ, а сегодня у него была, вѣрно, дуэль съ Курдюмовымъ. И какъ мнѣ, тупоумному, было не догадаться еще вчера, что онъ замышляетъ что то недоброе. Остановить его—я имѣлъ тысячу средствъ: я бы не пустилъ, уговорилъ, наконецъ помирилъ бы ихъ.

— Куда онъ раненъ и опасно ли? — спросилъ я человѣка.

— Богъ ихъ, батюшка, знаетъ; слышалъ, что кровь-то одо-

лѣваетъ, докторъ при нихъ, не знаемъ, что будетъ. Они, какъ немного почувствовались, сейчасъ приказали, чтобъ за вами шли, я и побѣжалъ. Этакое на насъ божеское посѣщеніе,— баринъ-то какой! Этакого, кажись, и не нажить другого. Ну, какъ что случится, сохрани Богъ, старая барыня не снесетъ этого: кричитъ теперь, какъ полоумная, на весь домъ.

Пріѣхавъ, я встрѣтилъ въ залѣ молодого человѣка, товарища Леонида—нѣкоего Гарновскаго, котораго видѣлъ у него нѣсколько разъ и котораго, какъ я замѣтилъ, онъ держалъ въ полномъ у себя подчиненіи. Я догадался, что это былъ секундантъ.

— Живъ ли?—спросилъ я его.

— Живъ еще-съ,—отвѣчалъ онъ.

— Не стыдно ли было вамъ участвовать въ подобномъ дѣлѣ, не предувѣдомивъ ни родныхъ ни меня,—сказалъ я ему.

— Что жъ мнѣ было дѣлать, онъ взялъ съ меня клятву; въ этакихъ случаяхъ нельзя отказываться, — отвѣчалъ онъ со слезами на глазахъ.

— Очень можно. Это была не дуэль, а подлое убійство. Леонидъ во всю жизнь пистолета не бралъ въ руки, вы это знали,—такъ друзья не дѣлаютъ.

Молодой человѣкъ заплакалъ.

Я прошелъ въ кабинетъ. Леонидъ лежалъ на своей кушеткѣ вверхъ лицомъ, уже блѣдный, какъ мертвецъ, но въ памяти. Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся.

— Здравствуйте! Я васъ давно жду,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я взялъ и незамѣтно пощупалъ пульсъ, который былъ неровенъ, но довольно еще силенъ. У изголовья стоялъ растерявшійся полковой медикъ, котораго пригласили изъ ближайшихъ казармъ. Я спросилъ его потихоньку о состояніи больного; онъ отвѣчалъ, что рана въ верхней части груди, пуля вышла, но кровотеченіе необыкновенно сильно, и врядъ ли не повреждена сонная артерія. Я просилъ его съѣздить къ университетскимъ врачамъ, чтобы составить консиліумъ. Изъ дальнихъ комнатъ слышались стоны и рыданія Марьи Виссаріоновны. Ее, по распоряженію врача, не пускали къ сыну.

— Сядьте около меня,—сказалъ Леонидъ, когда мы остались одни.

Я сѣлъ.

— Я скрылъ отъ васъ мою продѣлку,—началъ онъ слабымъ голосомъ:—вы бы мнѣ помѣшали... а мнѣ очень хотѣлось проучить этого негодяя... Не думалъ, что такъ кончится серьезно...

Я просилъ его не говорить и успокоиться.

— Ничего... часомъ раньше... часомъ позже... все равно... Не послали ли Лидѣ сказать; я этого не хочу... не сказывайте ей дольше... какъ можно дольше... Вы не оставьте ея... я на васъ больше всѣхъ надѣюсь... мать тоже не оставьте... Ой, зачѣмъ это она такъ громко рыдаетъ, мнѣ тошно и безъ того.

Я не въ состояніи былъ владѣть собой и заплакалъ.

— И вы туда же! Стыдно быть такимъ малодушнымъ,— продолжалъ Леонидъ.—Теперь мать будетъ за меня проклинать Лиду; вразумите ее и растолкуйте, что та ни въ чемъ не виновата. Она вчера, говорятъ, такъ ее бранила, что ту полумертвую увезли домой. Тамъ въ моей шкатулкѣ найдете вы записку, въ которой я написалъ, чтобы Лидѣ отдали всю слѣдующую мнѣ часть изъ имѣнія; настойте, чтобы это было сдѣлано, а то она, пожалуй, безъ куска хлѣба останется. Ой! Что-то хуже, слабъ очень становлюсь... Попросите мать.

Я пошелъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ; она лежала на диванѣ, металась, рвала на себѣ волосы, платье; глаза у ней бѣгали, какъ у сумасшедшей, въ лицѣ были судороги. Около нея сидѣла Піонова, тоже вся въ слезахъ.

— Леонидъ Николаичъ васъ проситъ къ себѣ,—сказалъ я.

— Что, онъ умеръ?.. умеръ?..—спросила Марья Виссаріоновна, вскочивъ.

— Напротивъ, имъ лучше, они желаютъ только васъ видѣть.

Она быстро пошла, Піонова послѣдовала за ней.

— Позвольте и мнѣ; мнѣ нельзя ее оставить въ такомъ положеніи,—отнеслась она ко мнѣ.

Я ей ничего не отвѣчалъ. Мы всѣ вмѣстѣ вошли въ кабинетъ. Марья Виссаріоновна бросилась-было къ сыну на шею, но онъ ее тихо отвелъ.

— Нѣтъ, тутъ кровь, замараетесь,—сказалъ онъ.

— Кровь!.. Да, тутъ кровь,— проговорила она безумнымъ голосомъ и, упавъ къ нему на ноги, начала ихъ цѣловать.

На лицѣ Леонида изобразилась тоска.

— Марья Виссаріоновна! Вы ихъ безпокоите,—сказалъ я, подходя къ ней.

— Chère amie! Да вы сядьте,—произнесла Піонова.

— Да... да... я ничего... я сяду,—отвѣчала она и сѣла.

Я и Піонова стали около нея; Леонидъ закрылъ глаза. Прошло около четверти часа убійственнаго молчанія, Марья Виссаріоновна рыдала потихоньку.

Вдругъ... во всю жизнь мою не забуду я этой сцены: умирающій открылъ глаза, двинулся всѣмъ корпусомъ, сѣлъ и началъ пристально глядѣть на мать. Выраженіе лица его было какое-то торжественно-спокойное.

— Не плачьте, а простите меня: я много противъ васъ виноватъ, — началъ онъ: — моею смертью васъ Богъ наказываетъ за Лиду... вы погубили ее замужествомъ... За что?.. Это нехорошо. Родители должны быть равны къ дѣтямъ.

Марья Виссаріоновна упала на руки Піоновой; въ лицѣ Леонида промелькнула какъ бы улыбка.

— Вы женщина умная, добрая, благородная; отецъ, умирая, просилъ васъ объ одномъ: не предаваться дружбѣ и любить всѣхъ дѣтей одинаково. Онъ хорошо зналъ ваши недостатки; вы ни того ни другого не исполнили.

Марья Виссаріоновна начала сильнѣе рыдать.

— Загладьте хоть теперь,—началъ опять Леонидъ, голосъ у него прерывался: — устройте Лиду... съ мужемъ ей нельзя жить, онъ ее замучитъ... отдайте ей все мое состояніе, я этого непремѣнно хочу... А вы тоже оставьте ее въ покоѣ,—отнесся онъ къ Піоновой:—будетъ вамъ ее преслѣдовать... Она вамъ ничего не сдѣлала... Матери тоже жениховъ не сватайте; ей поздно ужъ выходить замужъ.

Піонова обратила къ нему умоляющій взоръ; Леонидъ грустно покачалъ головой.

— Я все знаю,—продолжалъ онъ:—какъ вамъ покажется,— обратился онъ ко мнѣ:—Лизавета Николаевна сватала матери своего родного брата, мальчишку двадцати двухъ лѣтъ, и увѣряла, что онъ влюбленъ въ нее, въ пятидесятилѣтнюю женщину; влюбленъ! Какое дружеское ослѣпленіе!

Съ Марьей Виссаріоновной сдѣлался настоящій обморокъ, Піонова тоже опустилась въ кресла. Леонидъ замолчалъ, легъ и обернулся къ стѣнѣ.

— Пора мнѣ и съ собой разсчитаться... Священника!— проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

Я позвалъ горничныхъ женщинъ и съ помощью ихъ вынесъ безчувственную Марью Виссаріоновну; Піонову тоже вывели въ двои руки. Пришелъ священникъ, Леонидъ очень долго исповѣдывался, причастился и ни слова уже потомъ не говорилъ. Пріѣхали медики, но было безполезно: онъ умеръ.

Печальныя хлопоты о похоронахъ я принялъ на себя и пригласилъ въ нихъ участвовать Гарновскаго, который все сидѣлъ въ залѣ и обливался горькими слезами. Онъ мнѣ разсказалъ подробности дуэли: наканунѣ пріѣхалъ къ нему Леонидъ и повезъ его съ собой въ вокзалъ; когда пріѣхали, то Леонидъ все кого-то искалъ. Встрѣтившись съ Курдюмовымъ, онъ остановилъ того, и они вмѣстѣ ушли въ дальнія комнаты. Возвратившись, Леонидъ отвелъ Гарновскаго въ сторону и, предварительно обязавъ его клятвою не говорить того, что

онъ ему откроетъ, сказалъ, что у него дуэль, и просилъ его быть секундантомъ; онъ согласился, и на другой день Леонидъ назначилъ ему заѣхать за нимъ ко мнѣ въ шесть часовъ утра. Когда пріѣхали къ назначенному мѣсту, Курдюмовъ уже былъ тамъ. Онъ или боялся, или не желалъ дуэли: съ нимъ даже не было секунданта; онъ нѣсколько разъ просилъ у Леонида прощенія, но тотъ отвѣчалъ, что онъ обиженъ не лично и потому простить не можетъ. Когда противники были поставлены, то Курдюмовъ хотѣлъ выстрѣлить на воздухъ, но Леонидъ, замѣтивъ это, требовалъ, чтобы онъ стрѣлялъ какъ слѣдуетъ, а въ противномъ случаѣ обѣщалъ продолжать дуэль цѣлый день. Курдюмовъ повиновался, раздался выстрѣлъ, Леонидъ пошатнулся, самъ тоже выстрѣлилъ, но на воздухъ, и упалъ. Увидѣвъ, что онъ раненъ, Курдюмовъ бросился къ нему, высасывалъ у него пулю, перевязывалъ рану и безпрестанно спрашивалъ, что онъ чувствуетъ? Когда безчувственнаго Леонида повезли домой, онъ просилъ позволенія проводить его и всю дорогу рыдалъ, какъ ребенокъ, и когда того привезли, онъ не вышелъ изъ экипажа и велѣлъ себя прямо везти къ коменданту.

«Да будетъ святая воля Бога,—подумалъ я.—Какъ знать, что бы принесла Леониду жизнь, особенно если взять въ расчетъ его прекрасную, но все-таки странную натуру».

Я очень боялся за Лиду; мнѣ казалось, что ниспосланное ей испытаніе свыше силъ ея. Приказаніе Леонида — скрыть отъ нея случившееся—не исполнили. Кто-то изъ людей отправился къ ней въ то же утро и все разсказалъ до малѣйшихъ подробностей; она пріѣхала, но Леонидъ лежалъ уже на столѣ. Тутъ только я увидѣлъ, какими огромными нравственными силами обладала эта, повидимому, слабая женщина. Какъ должна была огорчить ее смерть брата, котораго она страстно любила и который умеръ за нее, объ этомъ и говорить нечего; но она не рыдала, не рвалась, какъ Марья Виссаріоновна, а тихо и спокойно подошла и поцѣловала усопшаго; потомъ пошла-было къ матери, но скоро возвратилась: та съ ней не хотѣла говорить.

Въ продолженіе трехъ дней и трехъ ночей она не отходила отъ тѣла, провожала его въ церковь, выстояла всю службу, хотя, конечно, видѣла и понимала, что была предметомъ неприличнаго любопытства. Одни называли ее по имени, другіе указывали на нее, третьи разсказывали исторію дуэли, но никто ея не пожалѣлъ, никто въ ней не поучаствовалъ; зато Марья Виссаріоновна, какъ говорится, надсадила всѣхъ. Ее внесли рыдающую на креслахъ, за ней шла, тоже рыдая,

Піонова, а при концѣ службы съ ними обѣими сдѣлалось дурно. Я и Лида подошли первые и простились съ покойникомъ. Иванъ Кузьмичъ тоже явился на похороны истерзанный и больной; за панихидой онъ разрыдался, подошелъ потомъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ, утѣшалъ ее, а женѣ даже не поклонился и какъ будто бы не замѣтилъ ея. Онъ, какъ мнѣ сказывали, отобралъ отъ нея всѣ вещи, экипажи, людей, и Лида осталась съ одной своей горничной Аннушкой.

Курдюмовъ содержится на гауптвахтѣ и очень, говорятъ, тоскуетъ. Все это передалъ мнѣ Гарновскій, который неимовѣрно ласкается ко мнѣ и каждый почти день бываетъ у меня. Онъ, кажется, очень боится, чтобы ему не досталось чего-нибудь за дуэль.

XIII.

Иванъ Кузьмичъ доконалъ себя. Вскорѣ послѣ смерти Леонида онъ тяжко заболѣлъ и сошелся съ женою. Лида все ему простила и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ была его сидѣлкой, въ полномъ значеніи этого слова. Старикъ-докторъ не ошибся: водяная дѣйствовала быстро. Грустно и отрадно было его видѣть въ этотъ предсмертный періодъ жизни: разумъ его просвѣтлѣлъ, самосознаніе и чувство совѣсти къ нему возвратились; онъ оцѣнилъ наконецъ достоинства Лиды и привязался къ ней, какъ малый ребенокъ, никуда ее не отпускалъ отъ себя, цѣловалъ у нея безпрестанно руки и все просилъ прощенія за прошедшую жизнь. Піоновыхъ рѣшительно не хотѣлъ видѣть; они пріѣзжали нѣсколько разъ, и какъ Лида ни просила, чтобы принять ихъ, хоть для приличія, онъ не соглашался; родныхъ своихъ также не велѣлъ пускать, да они и сами не пріѣзжали, за исключеніемъ Надины, которая была одинъ разъ и съ которой онъ ни слова не сказалъ; зато Анна Ивановна ѣздила каждый день, но ее, это ужъ по приказанію Лиды, тоже не пускали. Впрочемъ, она разъ сказала объ ея посѣщеніи Ивану Кузьмичу, онъ вдругъ закричалъ: «вонъ ее, вонъ ее!». Говорятъ, онъ далъ ей значительный вексель, который она и подала ко взысканію. Умеръ онъ тихо. Лидія Николаевна осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни и даже во время его болѣзни она жила только тѣмъ, что продавала кой-какія свои брильянтовыя вещи. Марья Виссаріоновна не только не обезпечила, по завѣщанію Леонида, дочери, несмотря на всѣ мои настоянія, но даже не принимала ее и называла ее при всѣхъ убійцею сына. Отъ меня Лида тщательно скрывала свою бѣдность, но я зналъ, что она начинала жить только своей работой, и потому под-

сылалъ къ ней различныхъ торговокъ и закупалъ все по возможно дорогой цѣнѣ.

Однажды, это было мѣсяцевъ шесть спустя послѣ смерти Ивана Кузьмича, я познакомился съ однимъ довольно богатымъ домомъ. Меня пригласили, между прочимъ, бывать по субботамъ вечеромъ; въ одну изъ нихъ я поѣхалъ, и когда вошелъ въ гостиную, тамъ сидѣло небольшое общество: старикъ серьезной наружности, мужъ хозяйки — огромнаго роста блондинъ, дама-старуха въ очкахъ, дама очень молоденькая и наконецъ сама хозяйка. Между всѣми этими лицами шелъ довольно оживленный разговоръ. Я сѣлъ и началъ прислушиваться.

— Мнѣ очень жаль, очень жаль Курдюмова, — говорилъ старикъ: — человѣкъ онъ умный, образованный, хорошаго круга, влюбился въ эту интриганку, выдержалъ за нее дуэль и наконецъ погубилъ себя теперь такимъ образомъ.

— Ея мать съ малолѣтства боялась, съ малолѣтства видѣла въ ней дурныя наклонности; эта женщина, какъ я слышу объ ней, совершенная Лафаржъ,—говорила отрывисто старуха въ очкахъ.

— Я безъ грусти не могу вообразить ея брата. Говорятъ, еще очень молоденькій мальчикъ, и умереть въ такія лѣта, это ужасно! Какъ должна ее самоё мучить совѣсть! Я удивляюсь, какъ она до сихъ поръ еще жива, — вмѣшалась молоденькая дама и покраснѣла отъ неувѣренности, не сказала ли чего-нибудь глупаго.

— О! Ей ничего: подобнымъ женщинамъ ничего не бываетъ. Скажите лучше, какъ мать жива! Вотъ этой несчастной жертвѣ я удивляюсь,—возразила старуха.

— Очень хорошо тутъ дурачили эту старую дѣву, сестру мужа, — сказалъ хозяинъ: — они ее увѣряли, что Курдюмовъ влюбленъ въ нее. Я тогда жилъ въ Сокольникахъ и очень хорошо помню, что о ней кто-то сказалъ: «это громовый отводъ, или новое средство скрывать любовь».

Старикъ пожалъ плечами.

— Одно, что можетъ ее извинить, что она вышла за человѣка, котораго не любила. Будь она къ нему привязана, такъ на многое бы не рѣшилась, — замѣтила хозяйка и взглянула съ нѣжностью на мужа, который отвѣчалъ ей улыбкой.

— Ничто не можетъ служить ей оправданіемъ, — началъ старикъ диктаторскимъ голосомъ. — Она дурная дочь, какъ говорила Алена Александровна. Она вышла замужъ точно за дрянного человѣка, я его знаю, онъ у меня служилъ подъ начальствомъ, но это ее нисколько не оправдываетъ, а, напротивъ, еще хуже рекомендуетъ ея сердце. Для чего она это дѣлала? Или

по расчету, или по нестерпимому желанію выйти за кого-нибудь, и наконецъ, ужъ если вышла, такъ должна была исправить недостатки мужа, а не доводить его до того, что онъ съ кругу спился и померъ отъ того; потомъ она завлекла молодого человѣка, отторгнула его совершенно отъ общества, — послѣднее время его нигдѣ не было видно,—и, чтобы скрыть свою интригу, сдѣлала изъ родной сестры своего мужа, какъ говоритъ Алексѣй Иванычъ, громовый отводъ, или средство скрывать любовь. Поведеніемъ своимъ была причиной смерти брата и въ заключеніе всего вошла въ связь съ какимъ-то господиномъ, который у нея бываетъ каждодневно, чтобъ не сказать больше. Неужели послѣ всего этого можно оправдать ее?

Въ продолженіе этихъ словъ старуха кивала утвердительно головой, да и прочіе, кажется, всѣ безусловно соглашались. Я не вытерпѣлъ.

— Исторію объ этой дамѣ разсказываютъ совсѣмъ не такъ, какъ она была, — началъ я въ тонѣ же старика, вставая: — она точно вышла не по любви, но по усиленнымъ настояніямъ матери. Мужъ ея несчастному пороку пьянства былъ преданъ еще холостой, остановить его не было никакой возможности. Курдюмовъ въ отношеніи ея былъ только навязчивый искатель. Сестру мужа ей и въ голову не приходило дѣлать умышленно громовымъ отводомъ, но та сама влюбилась въ Курдюмова. Съ господиномъ, который бываетъ у ней ежедневно, существуютъ только самыя святыя, чистыя, дружественныя отношенія; это я могу утвердительно сказать, потому что господинъ этотъ я самъ.

Всѣ сконфузились, старикъ нахмурился, я скоро уѣхалъ.

Надобно сказать, что у меня съ Лидой въ послѣднее время были какія-то неопредѣленныя отношенія. Что я любилъ ее, что я желалъ сдѣлаться ея мужемъ, въ этомъ, конечно, нечего было и сомнѣваться, но не рѣшался еще, будучи, съ одной стороны, не увѣренъ, любитъ ли она меня, а съ другой—боясь оскорбить въ ней чувство горести о потерѣ брата и мужа. Ѣздилъ къ ней я дѣйствительно очень часто, она и была рада моимъ посѣщеніямъ, и отчасти стѣснялась ими. Послѣдній случай окончательно утвердилъ меня въ моемъ намѣреніи. «Лида одна, оставлена всѣми, безъ денегъ, порицаемая общественнымъ мнѣніемъ: медлить нечего, что будетъ—то и будетъ», подумалъ я и написалъ ей письмо, въ которомъ признался ей въ любви, откровенно высказалъ ей, какимъ образомъ толкуютъ наши отношенія, и молилъ ее согласиться быть моей женой; въ противномъ случаѣ мы должны разстаться, чего, увѣренъ я, и она не желаетъ.

Лида не отвѣчала мнѣ цѣлые два дня; нетерпѣніе меня мучило. Я самъ было-хотѣлъ ѣхать къ ней, но мнѣ принесли отъ нея письмо. Передаю его въ подлинникѣ:

«Прости меня, я такъ долго не отвѣчала на твое письмо, мой добрый и единственный другъ, позволь мнѣ назвать тебя этимъ именемъ хоть за дружбу къ тебѣ моего безцѣннаго Леонида. Ты пишешь, что любишь меня давно. Я давно это знаю, но у меня недостало присутствія духа сказать тебѣ, просить тебя, чтобы ты не любилъ меня; видишь, какая я кокетка и какая коварная! Ты возмутился за обвиненія, которыми караютъ меня въ обществѣ, но какъ ты ошибался, писавши эти строки,—это общество гораздо лучше меня знаетъ, чѣмъ ты: развѣ я такъ любила мужа, какъ должно? развѣ я, видѣвши безразсудство Надины, предостерегла ее? а братъ мой, бѣдный братъ: развѣ не за меня онъ померъ, и развѣ Курдюмовъ... Я все тебя, мой другъ, обманывала объ немъ... Я любила его... Я принадлежала ему всѣмъ сердцемъ, всей душой моей... Я для него забыла Бога, совѣсть,—видишь, какая я падшая женщина,—и только твое строгое присутствіе и тѣнь брата, ставшая между нами, дала мнѣ и теперь силу отторгнуться отъ этого человѣка. Быть женой твоей я не *хочу* и не *могу*: я не достойна того! Мать меня простила и позволила быть при ней. Она больна. Я буду за ней ходить, и приведи Богъ хоть этимъ искупить мои проступки».

Лида сама произнесла надъ собой приговоръ; но въ самомъ дѣлѣ: *виновата ли она?*

1855 г.
Января 3-го.

СТАРАЯ БАРЫНЯ.

Разсказъ.

Въ селѣ В...ѣ была послѣдняя станція, на которую пріѣхалъ я въ родные предѣлы свои на почтовыхъ, и потому велѣлъ себя везти на постоялый дворъ. Его держала знакомая старуха, по прозванію Грачиха и воръ-баба, какъ обыкновенно прибавляли знающіе ее—и баре и мужики: небольшого роста, съ лицомъ багровымъ, какъ изъ красной мѣди, толстая, но еще проворная, услужливая, говорунья безъ умолку, особенно когда навеселѣ, а навеселѣ почти цѣлый день съ утра до полуночи. Подъѣхалъ я ночью, перезябъ, какъ водится, до костей. Ощупью вошелъ по знакомой лѣсенкѣ и отворилъ калитку въ сѣни. Въ полумракѣ мерцала тоненькая сальная свѣчка въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, воткнутомъ въ столбъ, да изъ длинной трубы самовара вырывалось пламя отъ зажженной лучины; смутно виднѣвшаяся лошадиная морда старательно грызла перила, отдѣляющія сѣни отъ двора. Изъ отворенныхъ дверей избы валилъ паръ клубами.

— Хозяйка, старый хрѣнъ, господа пріѣхали!—крикнулъ я.

— Ай, батюшки! Господа и есть,—послышался голосъ старухи, а затѣмъ она и сама появилась.

— Въ горницу пожалуйте, сударики, сюда, сюда, господа честные!—говорила она.

Я вошелъ. Сильно нагрѣтымъ и удушливымъ воздухомъ такъ и обдало меня.

— Старая, у тебя угарно!—сказалъ я.

— Нѣтъ, сударикъ, нѣту, съ утра еще топлено,—отвѣчала старуха, а сама, впрочемъ, засунула жирную руку въ отдушину и вытаскивала оттуда вьюшки.

Я между тѣмъ раздѣвался.

— Батюшки!—воскликнула старуха, всплеснувъ руками:—

нà-ка, баринъ-то знакомый, а я, старая дура, и не признала, нà-ка! Откуда изволишь ѣхать?

— Изъ Питера.

— Ну, вотъ откуда. Не узнала я, не узнала, раздобрѣлъ больно, какой дюжій сталъ. Иванъ Петровичъ, сударь, недавно проѣзжали.

— Какой Иванъ Петровичъ?—спросилъ я.

— Иванъ Петровичъ Сорокинъ, чтой-то, словно не знаешь, благопріятели, чай?

Никакого Ивана Петровича Сорокина и во снѣ не видывалъ, но, догадываясь, что старуха хочетъ что-нибудь разсказывать про Ивана Петровича, притворился.

— А что же?—спросилъ.

Старуха только махнула рукой.

— Ой, не говори ужъ лучше, такая у нихъ эта пановщина была съ барыней-то, что хоть до нехорошаго... Мирила-мирила ихъ, да и полно!

— Повздорили?—замѣтилъ я.

— Шибко,—отвѣчала старуха:—въ грошовомъ колачѣ дѣло вышло, баринъ-то скупенекъ, самъ, вонъ, кузовья покупаетъ, чтобъ хоть копейку какую выторговать; ну и принесъ съ базара грошовый колачъ, да и потчуетъ барыню, а той не нравится, изъ того и пошло: «ты, говоритъ, мнѣ все дѣлаешь напротивъ», а та стала корить: «ты, говоритъ, душенька, меня только мякиной и кормишь», ну и почали, согрѣшила я, грѣшная, съ ними.

— И что же?—спросилъ я.

— Ничего, побранились, — отвѣчала старуха; и потомъ, вдругъ перемѣнивъ насмѣшливое выраженіе на грустное, произнесла печальнымъ голосомъ: — тетенька-то твоя, батюшка, Марья Николаевна,—померла.

— Какая тетенька Марья Николаевна?—спросилъ я.

— Ой, да Ометкина-то, чтой-то въ Питерѣ-то всѣхъ перезабылъ.

— Ну, бабушка, провралась, такой тетки у меня не бывало,—проговорилъ я.

— Нà, аль взаправду это не тебѣ тетка-то? Такъ, такъ, такъ... Николаю Егоровичу Бекасову, вотъ вѣдь чья она тетка-то, — вывернулась старуха. — Похороны, сударь, были богатѣющія, совершали, какъ должно, не жалѣючи денегъ. Что было этого духовенства, что этой нищей братіи!.. — продолжала она, поджимая руки и приготовляясь, кажется, къ длинному разсказу. Но въ это время изъ сосѣдней комнаты послышался трескъ, и закричалъ сиплый голосъ:

— Пусти меня, кто меня смѣетъ вязать. Ванька... хозяинъ мой... подлецъ, дай водки! Пусти меня,—и снова трескъ.

— Успокойте себя, Владимиръ Васильичъ, просимъ васъ покорнѣйше, сосните хоть немножко, право слово, вамъ легче будетъ!—отвѣчалъ фистулой другой голосъ.

— Легче? Легости мнѣ не надо. Я, значитъ, гуляю, а ты подлецъ, — вотъ весь мой разговоръ съ тобой, и кончено! — произнесъ сиплый голосъ и потомъ запѣлъ:

„Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ!“

— Кто тамъ такой?—спросилъ я.

— Охотникъ, батюшка... мужички въ рекруты везутъ сдавать за себя... охотникъ загулялъ,—отвѣчала хозяйка.

— Что же трещитъ тамъ такое?

— Ну, да хмеленъ уже очень, такъ посвязали его... опасаются тоже, чтобы чего не случилось, сюда-то ужъ пріѣхалъ до зелена змѣя пьяный, да и здѣсь еще полштофа выпилъ, ну, такъ и опасаются, посвязали.

— Въ такомъ случаѣ, тетка, пусти меня въ избу, здѣсь угарно, да и пьяный,—сказалъ я, вставая.

— Батюшка, да въ избѣ-то тараканы, морозила-морозила, не переводятся окаянные, да и только.

— Нѣтъ, ничего, я не боюсь таракановъ.

— Ну, какъ изволишь,—отвѣчала старуха и стала провожать меня, бормоча:

— Опасаются тоже, пятьсотъ рублевъ ужъ прогулялъ, пожалуй, еще облопается—и пропали денежки.

Изба, куда я вошелъ, была большая и обрядная, стѣны струганныя, печь бѣлая, перегородка отъ нея дощаная, лавки и полицы чисто вымытыя. Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ старикъ съ бритой бородой, съ двумя сѣдыми клочками волосъ на вискахъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ и, какъ видно, слѣпой. Одѣтъ онъ былъ въ синій, стариннаго покроя, суконный сюртукъ, изъ-подъ котораго виднѣлась манишка съ брыжжами и кашемировый полосатый жилетъ, тоже, должно-быть, очень старинный. Весь этотъ ветхій костюмъ его былъ чистъ и сбереженъ наперекоръ, кажется, самому времени. Рядомъ съ нимъ помѣщалась тоже очень опрятная и благообразная старушка, въ худенькомъ, старомъ капорѣ и въ ситцевомъ, ватномъ капотѣ. На первый взглядъ я подумалъ, что это бѣдные дворяне. При входѣ моемъ старушка сейчасъ встала, сказала что-то старику, тотъ приподнялся, и оба поклонились мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста, мѣсто будетъ,—сказалъ я.

— Ничего, сударь,—отвѣчала старушка какимъ-то жеманнымъ голосомъ, отодвигая свои скудные пожитки въ мѣшечкѣ.

— Сидите, пожалуйста,—повторилъ я.

Старикъ прислушался къ моимъ словамъ и, ощупавъ съ осторожностью слѣпца лавку, сѣлъ, а потомъ, опершись на свою клюку, уставилъ на меня свои мутные глаза; старушка не садилась и продолжала стоять въ довольно почтительной позѣ. Я догадался, что это не дворяне.

— Куда ѣдете, любезные?—спросилъ я.

— Въ губернскій городъ, милостивый государь,—отвѣчалъ старикъ печальнымъ голосомъ.

— Дѣдушки, батюшка, охотника этого; провожаютъ его... дѣдушки,—подхватила хозяйка, ставившая на столъ самоваръ.

— Дѣды этого молодца?—сказалъ я.

— Дѣды,—отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ, старикъ и потупилъ свою сѣдую голову.

— А званья какого?

— Мѣщане, ваше высокородіе.

— Изъ роду мѣщане?

— Никакъ нѣтъ-съ, напредь того были господскіе люди.

— Не въ экомъ бы мѣстѣ внуку Якова Иваныча надо быть,—вмѣшалась хозяйка: — вотъ при немъ, при старичкѣ говорю,—продолжала она:—въ свою пору былъ большой человѣкъ, куражливый. Пріѣдетъ, бывало, на квартиру, такъ знай хозяйка что дѣлать, не подавай вчерашняго кушанья или самоваръ нечищенный.

Старикъ горько улыбнулся.

— Не думали и мы, сударыня, что наше родное дѣтище будетъ такимъ,—проговорила старушка своимъ жеманнымъ и нѣсколько плаксивымъ тономъ.

— Что говорить, мать моя, что говорить!—подхватила хозяйка, тоже плачевнымъ тономъ.

— Остался послѣ дочери моей родной, — продолжала старушка:—словно ненаглядный брильянтъ для насъ: думали, утѣхой да радостью будетъ въ нашемъ одиночествѣ да старости; обучали какъ дворянскаго сына; отпустили въ Москву по торговой части къ людямъ, кажется, хорошимъ.

— Что говорить, что говорить, мать моя,—подхватила еще разъ хозяйка.

— Что же, загулялъ тамъ?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ, сударь, какъ сказать, хозяева ли обижали, или самъ себя не поберегъ,—отвѣчала старушка.

Старикъ горько улыбнулся и перебилъ жену:

— Онъ еще съ дѣтства себя не берегъ, оттого, что въ

баловствѣ родился и выросъ; другіе промышленники по этому же дѣлу, еще въ мальчикахъ живши, въ дома присылаютъ, а нашъ все изъ дому пишетъ да требуетъ: посылали-посылали, наконецъ сами въ разоренье пришли. А тутъ слышимъ, что по такимъ дѣламъ пошелъ, что, пожалуй, и въ острогъ попадетъ. Стали писать и звать, такъ только черезъ два года явился: пришелъ нагъ и босъ. Обули, одѣли, думая, что въ нашихъ глазахъ исправленье будетъ, а вмѣсто того съ первой же недѣли потащилъ все изъ дому въ кабакъ...

Съ каждымъ словомъ въ голосѣ старика слышалось болѣе и болѣе строгости, а на глазахъ старушки навернулись слезы.

— Чьихъ же вы господъ были?—спросилъ я, чтобы прекратить этотъ, видимо, тяжелый для нихъ разговоръ.

— Господъ мы были: госпожи гофъ-интендантши Пасмуровой,—отвѣчалъ слѣпецъ внушительно.

— Гофъ-интендантши Пасмуровой, — повторилъ я, припоминая, что мнѣ еще матушка разсказывала что-то такое о гофъ-интендантшѣ Пасмуровой, какъ о большой по-тогдашнему барынѣ.

— Ваша госпожа была здѣсь довольно знатное и извѣстное лицо?—сказалъ я.

При этомъ вопросѣ лицо старика окончательно просвѣтлѣло.

— Госпожа наша, — началъ онъ, не торопясь и съ удареніемъ: — можетъ, была наипервая особа въ Россіи: только званье имѣла, что женщина была; а что супротивъ ихъ ни одинъ мужчина говорить не могъ. Какъ ими сказано, такъ и быть должно. Умнѣйшаго ума были дама.

— Хорошо, говорятъ, жила, открыто?—спросилъ я.

— По-царски, или какъ бы фельдмаршалшѣ какой подобаетъ. Своей братьи помѣщиковъ круглый годъ неразъѣздная была. Въ домѣ сорокъ комнатъ, и то по годовымъ праздникамъ тѣсно бывало. Словно саранчи налетитъ съ мамками, съ дѣтками, съ нянъками, всѣмъ пріемъ былъ, — заключилъ старикъ какимъ-то чехвальнымъ тономъ.

Я понялъ, что передо мной одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ баръ, которые росли и старѣлись, съ одной стороны, въ модномъ, по-тогдашнему, тонѣ, а съ другой — подъ палкой...

— Ты, вѣрно, управителемъ былъ?—спросилъ я.

— Я былъ, сударь, — отвѣчалъ старикъ, зажимая глаза и какъ бы сбираясь съ мыслями: — былъ, по-нашему, по-старинному сказать, главный дворецкій; одно дѣло — вся лакейская прислуга,—а ихъ было человѣкъ двадцать съ музыкантами,—всѣ подъ моей командой были, а паче того серви-

ровка къ столу; покойная госпожа наша не любила, чтобы попросту это было, каждый день парадъ! А другое: зрѣніе онѣ слабое имѣли, и по той причинѣ письма подъ диктовку ихъ писалъ; по дѣламъ тоже въ присутственныхъ мѣстахъ хожденіе имѣлъ, такъ какъ я грамотѣ хорошо обученъ и хоть законовъ доподлинно не знаю, а все съ чиновниками могъ разговаривать, умѣлъ, какъ и что̀ сказать; до пятидесяти лѣтъ, сударь, моей жизни, окромѣ шелковыхъ чулковъ и тонкаго англійскаго сукна фрака, другого платья не нашивалъ. Дай Богъ царство небесное, пользовался милостями госпожи моей!

— Нынче ужъ такихъ господъ нѣтъ,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, да и быть, сударь, не можетъ. Не имѣю чести знать, кто вы такіе, а по слѣпотѣ моей и лица вашего не вижу: такихъ господъ ужъ нѣтъ!—отвѣчалъ старикъ, какъ бы удерживаясь говорить со мною откровенно.

— Я здѣшній помѣщикъ, и мнѣ бы очень хотѣлось разспросить тебя о старыхъ господахъ.

Старикъ вздохнулъ.

— Девяносто седьмой годъ, сударь, живу на свѣтѣ и большую вижу во всемъ перемѣну: старые господа, такъ надо сказать, противъ нынѣшнихъ орлы передъ воробьями! — проговорилъ онъ, значительно мотнувъ головою.

— Отчего же это?—спросилъ я.

Старикъ въ раздумьѣ развелъ руками.

— Первое дѣло, — началъ онъ: — что всѣ состояніемъ-то какъ-то разстроились, да и духу ужъ такого не имѣютъ; у нынѣшнихъ господъ какъ-то ужъ совсѣмъ поведенье другое, а прежде жили просто; всего было много: хлѣба, скота, винная сѣдка тоже своя, однѣхъ наливокъ—такъ бочками заготовлялось, медовъ этихъ, брагъ сладкихъ! Веселились да гуляли; или теперь, бывало, этихъ шутовъ и шутихъ свезутъ всѣхъ вмѣстѣ у кого-нибудь на праздникѣ да и напустятъ другъ на дружку, тѣ и дерутся, забавляютъ господъ, а нынче дворянство какъ-то и компаніи другъ съ другомъ мало ведутъ, все больше въ книгахъ забаву имѣютъ.

На этомъ мѣстѣ старикъ пріостановился, но потомъ вдругъ началъ съ одушевленіемъ:

— Да и много ли нынче господъ по усадьбамъ проживаютъ? Развѣ какой старый да хворый, а то всѣ, почесть, на службѣ состоятъ, а ужъ изъ этакихъ-то большихъ персонъ, такъ и нѣтъ никого; хошь бы теперь взять: госпожа наша гофъ-интендантша,—продолжалъ онъ почти съ умиленіемъ:— какой она гоноръ по губерніи имѣла: по-старинному намѣст-

ника, а по-нынѣшнему—губернатора новаго назначаютъ, онъ еще въ Петербургѣ, а она ужъ тамъ своимъ знакомымъ министрамъ и сенаторамъ пишетъ, что такъ какъ ѣдетъ къ намъ новый губернаторъ, вы скажите ему, чтобы онъ меня зналъ, и я его знать буду,—а какъ теперь дали ей извѣстіе, что пріѣхалъ, сейчасъ изволитъ кликать меня. Я являюсь, дѣлаю мой реверансъ. «Слушай, говоритъ, Яковъ Ивановъ!—въ носъ всегда изволили немного выговаривать:—слушай! Пріѣхалъ новый губернаторъ, возьми ты лучшую тройку, поѣзжай ты въ Кострому, ступай ты къ такому-то золотыхъ дѣлъ мастеру, возьми по моей запискѣ серебряную лахань, отыщи ты, гдѣ хочешь, самолучшихъ мѣрныхъ стерлядей, а еще пріятнѣе того—живого осетра, явись ты отъ моего имени къ губернатору, объяви объ себѣ: что такъ и такъ, госпожа твоя гофъ-интендантша, по слабости своего здоровья, сама пріѣхать не можетъ, но заочно дѣлаетъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и, какъ обывательница здѣшняя, кланяется ему, вмѣсто хлѣба-соли, рыбой въ лахани». Тотъ принимаетъ, мнѣ сейчасъ отличнѣйшее угощеніе дѣлаютъ, госпожѣ нашей изволятъ они писать письмо.

— Дружелюбіе, значитъ, и началось,—замѣтилъ я въ тонъ старику.

— Именно, что дружелюбіе, слово ваше справедливое! — подхватилъ онъ:—по той причинѣ, что какъ теперь его превосходительство начальникъ губерніи изволятъ на ревизію поѣхать, такъ и къ намъ въ гости, и наѣзды бывали богатѣющіе: нынѣшніе вотъ губернаторы, какъ видали и слыхали, съ форсомъ тоже ѣздятъ, пріема и уваженія себѣ большого требуютъ, страхъ хоша бы маленькимъ чиновникамъ отъ нихъ великій бываетъ, но, знавши все это по старинѣ, нынѣшніе противъ того ничего не значатъ.

— А прежде что жъ?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ пригнулъ на нѣкоторое время голову на сторону и началъ:

— Прежде, сударь, бывало, губернаторъ по губерніи ѣхалъ, аки владыка земной: что однихъ чиновниковъ этихъ при особѣ его состояло, что этого дворянства по дорогѣ пристанетъ. Одинъ былъ, не смѣю имени его наименовать, такъ съ супругой еще всегда изволили по губерніи ѣздить, а тѣ, съ позволенія сказать, по женской своей слабости, къ собачкамъ пристрастіе имѣли. Про собачекъ этихъ особый экипажъ шелъ, а для охраненія ихъ нарочный исправникъ ѣхалъ, да какъ-то, по нечаянности, одну собачку и потерялъ, такъ ея превосходительство губернаторша, невзирая на свой великій

санъ, по щекѣ его ударила при всей публикѣ да изъ службы еще за то выгнали,—времена какія были-съ.

— Хорошія были времена, простыя!—замѣтилъ я.

— Просто было-съ,—заключилъ Яковъ Ивановъ, потомъ, подумавъ, продолжалъ:—бывало, сударь, вся эта компанія наѣдетъ къ намъ, сутки трои, четыре, недѣлю гостятъ, и теперь какую бы губернаторъ въ домѣ вещь ни похвалилъ: часы ли, картину ли, мису ли серебряную, я ужъ заранѣе такой приказъ имѣю, что какъ вечеръ, такъ и несу къ нимъ въ опочивальню, докладываю, что госпожѣ нашей очень пріятно, что такая-то вещь имъ понравилась, и просятъ принять ее.

— Неужели же старуха все это изъ чехвальства дѣлала?— спросилъ я.

— Чехвальство чехвальствомъ, — отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—конечно, и самолюбіе онѣ большое имѣли, но паче того и выгоды свои изъ того извлекали: примѣрно такъ доложить, по губернскому правленію имѣнье теперь въ продажу идетъ, и госпожа наша хоть бы по дружественному расположенію начальниковъ губерніи, на какое только окомъ своимъ взглянутъ, то и будетъ наше. Коли хоша я, повѣренный госпожи Пасмуровой, пришелъ на торги въ присутствіе, никто ужъ изъ покупателей не сунется: всякъ знаетъ, что начальникъ губерніи того не желаетъ. Поблагодаришь кого и чѣмъ слѣдуетъ; а за имѣнье, что̀ дали, то и ладно. Бѣлогривское имѣнье намъ, сударь, этакъ попало по сто двадцати рублей въ тѣ времена, а я пріѣхалъ принимать вотчину да по двѣсти рублей съ мужиковъ старой недоимки собралъ, и извольте считать: во что оно намъ пришло!

Яковъ Ивановъ потупился и вздохнулъ.

— Старикъ! Вѣдь это грѣхъ, вѣдь это то же воровство! — воскликнулъ я.

— Грѣхъ, сударь; въ нищенствѣ и слѣпотѣ моей все теперь вижу и чувствую. Въ заповѣди Господней сказано: не пожелай дома ближняго твоего, ни села его, ни раба его, а старушка наша имѣла къ тому зависть, хотя и то надобно сказать, всѣ люди, всѣ человѣки не безъ слабости.

На послѣднія слова онъ сдѣлалъ болѣе сильное удареніе.

— Выгодчики были съ барыней-то своей, еще какіе!—вмѣшалась вдругъ возившаяся около печки Грачиха: — про имѣнье разсказываешь, — нѣтъ, ты лучше разскажи, какъ вы дворянина за свою вотчину въ рекруты отдали, — продолжала она, выходя изъ-за перегородки и вставая подъ полати, при чемъ взялась одной рукой за брусъ, а другою уперлась въ жирный бокъ свой.

Яковъ Ивановъ немного нахмурился.

— Какъ дворянина?—спросилъ я.

— А и сдали,—отвѣчала Грачиха:—не любила, сударь, ихъ госпожа генеральша мужиковъ своихъ подъ красную шапку отдавать, всѣ ей были нужны да надобны, такъ дворянинъ на ту пору небогатенькій прилучился: дурашный этакій съ роду, маленькаго, что ли, изурочили, головища большая, плоская была, а разума очень мало имѣлъ: ни счету ни дней, ничего не зналъ. Ну, а дворянствомъ своимъ занимался тоже, разумѣлъ это. Вотъ соколики эти и подъѣхали къ нему и стали его уговаривать:—«Ты, говорятъ, баринъ, а живешь работникомъ у мужиковъ, лучше бы въ службу шелъ. Теперь, говорятъ, ты грамотѣ не поученъ, и тебя по дворянскому роду не примутъ, а ступай за нашу вотчину, а послѣ и объявишь объ себѣ, тебя какъ дворянина и поведутъ». Тотъ сдуру-то: родныхъ тоже никого не было, чтобы разговорить да посовѣтовать, а они его винищемъ поили да пряниками кормили, сдуру и согласился. Привели баринка въ присутствіе, объявили за простого мужика, крикнули: «лобъ!», надѣли лямку, и ступай, значитъ, маршъ заодно съ рекрутами. Года черезъ три али четыре тотъ и заявляетъ своему начальнику:—«Я, говоритъ, дворянинъ». — «Какой, говорятъ, ты дворянинъ...» — попугалъ его маленько, а онъ все свое: дворянинъ да и только, и пошелъ къ начальству выше, объявляетъ то же. Тѣ смотрятъ по бумагамъ — видятъ— мужикъ, отрапортовали его ужъ какъ надо. Сердечный баринокъ нашъ видитъ, что, какъ о дворянствѣ объявитъ, хлещутъ, — взялъ да и отступился, оттрубилъ за ихъ вотчину тридцать пять годковъ. Документщики какіе были! Може, за эти выдумки родной кровью своей теперь и платится!—заключила Грачиха вполголоса, указавъ глазами на Якова Иванова, который, въ свою очередь, весь ея разсказъ слушалъ, потупивъ голову и ни слова не возражая. Я постарался опять перемѣнить разговоръ и спросилъ старика:

— Кому жъ имѣніе госпожи вашей досталось? Я видѣлъ, усадьба какая-то разоренная, запущенная, домъ развалился...

— Въ опекѣ, сударь, наше имѣніе состоитъ, — отвѣчалъ онъ, видимо довольный этимъ переходомъ. — Ну, и опекуны тоже люди чужіе: либо заняться ничѣмъ не хотятъ, либо себѣ въ карманъ тащатъ, не то, что ужъ до хозяйства что касается, а оброчниковъ и тѣхъ въ порядкѣ не держатъ: пьяницы да мотуны живутъ безъ страха, а которые дома побогатѣе были, къ тѣмъ прижимы частые: то сына, говорятъ, въ рекруты отдадимъ, то самого во дворъ возьмемъ.

— И откупайся, значитъ, мужичокъ. Прежде-то ужъ вы больно много денегъ нажили, — подхватила Грачиха.

Яковъ Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на ея слова и продолжалъ:

— Противъ чиновниковъ тоже вотчина никакой заступы не имѣетъ. Прежде, бывало, при покойной госпожѣ, дворовые наши ребята ужъ точно что народъ буйный... храмового праздника не проходило, чтобы буйства не сдѣлали, цѣлые базары разбивали, и тутъ начальство, понимаючи, чьи и какой госпожи эти люди, больше словомъ, что̀ упросятъ, то и есть; а нынче небольшой бы, кажется, человѣкъ нашъ становой приставъ, командуетъ, наказуетъ у насъ по деревнямъ. все изъ интересу этого поганаго, къ которому, кажется, такое пристрастіе имѣетъ, что тотъ самый день считаетъ въ жизни своей потеряннымъ, въ который выгоды не имѣлъ по службѣ. Я какъ-то разъ, встрѣтивши его въ городѣ, говорю:—«За что и за какія вины, говорю, сударь, вы такъ ужъ очень вотчину покойной госпожи моей обижаете?»—«Ахъ, говоритъ, старецъ почтенный, гдѣ нынче намъ, земской полиціи, стало поначальствовать, какъ не въ опекунскихъ имѣніяхъ; времена пошли строгія; за дѣла брать нельзя, а что̀ безъ дѣла сорвешь, то и поживешь», смѣется-съ!

— Того и сто̀ите; на крапиву надобенъ и морозъ, а то бы она долго жглась,—проговорила, подмигнувъ глазомъ, Грачиха.

— На какомъ же основаніи имѣніе ваше въ опекѣ, за долги, что ли?—спросилъ я.

— Малолѣтнихъ, сударь, теперь наше имѣніе. За малолѣтними, за правнуками госпожи нашей числится оно,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ.

— А сыновья и внучата гдѣ же?

— Сынъ ихъ единородный,—началъ старикъ съ грустною, но внушительною важностью: — единая ихъ утѣха и радость въ жизни, паче всего тѣмъ, что, бывши еще въ молодыхъ и цвѣтущихъ лѣтахъ, а уже въ большихъ чинахъ состояли, и службу свою продолжали больше въ иностранныхъ земляхъ, гдѣ, надо полагать, лишившись тѣмъ временемъ супруги своей, потеряли первоначально свой разсудокъ, а тутъ и жизнь свою кончили, оставивши на рукахъ нашей старушки свою дочь, а ихъ внуку; но и той Господь Богъ, по волѣ Своей, не далъ долгаго вѣку.

Съ каждымъ словомъ старика я видѣлъ, что лицо Грачихи больше и больше принимало насмѣшливое выраженіе.

— Эхъ, полно, полно, Яковъ Иванычъ, не ты бы говорилъ, не я бы слушала!—воскликнула она, махнувъ рукою.

У слѣпца какъ будто бы уши поднялись при этомъ восклицаніи.

— Что жъ вамъ такъ слова мои не по нраву пришли? — проговорилъ онъ.

— А то не по нраву, что не люблю, коли говорятъ неправду, — отвѣчала Грачиха: — не отъ Бога ваши молодые господа померли, про сынка, пускай ужъ, не знаемъ, въ Питерѣ дѣло было, хоть тоже слыхали, что изъ-за денегъ все вышло: онъ думалъ такъ, что маменька богата, не пожалѣетъ для него, взялъ да казеннымъ денежкамъ глаза и протеръ, а выкупу за него не сдѣлали. За неволю съ ума спятишь, може, не своей смертью и померъ, а принялъ что-нибудь, — слыхали тоже и знаемъ!

— Вотъ вы что знаете, чего и мы не знаемъ, — возразилъ Яковъ Ивановъ.

— Шалишь, дѣдушка, знаешь и ты, только не сказываешь. А что про вашу барышню, такъ ужъ это, батюшка, извини, на нашихъ глазахъ было, какъ старая ваша барыня во гробъ ее гнала, подсылы дѣлала да съ мужемъ ссорила и разводила, пошто вотъ вышла не за такого, за какого я хотѣла; а чѣмъ баринъ былъ худъ? Изъ себя красивый, въ рѣчахъ складный, какъ быть служащій.

Яковъ Ивановъ насильно улыбнулся.

— По вашему, сударыня, женскому разсудку, можетъ-быть, и такъ, — произнесъ онъ съ полупрезрительной миной: — а что какъ мы понимаемъ, такъ этотъ господинъ былъ нашей барышнѣ не пара.

— Знаемъ, сударь Яковъ Иванычъ, — перебила Грачиха: — понимаемъ, батюшка, что вы со старой госпожой вашей мнѣніемъ своимъ никого себѣ равнаго не находили. Фу ты, ну ты, на, смотри: руки въ боки, глаза въ потолоки себя носили, а какъ по-другому тоже посудить, такъ все ваше чванство въ богатствѣ было, а деньги, любезный, дѣло нажитое и прожитое: ты вотъ былъ больно богатъ, а сталъ бѣденъ, дочку за купца выдавалъ-было, а внукъ подъ красную шапку поспѣлъ.

При этомъ намекѣ все молчавшая до того старушка, жена Якова Иванова, вспыхнула и проговорила:

— И вамъ, сударыня, не сказано, какъ вѣкъ проживете: теперь вотъ при состояніи, а можетъ, тоже не лучше насъ дойдете.

— Да что мнѣ знать-то? Знать мнѣ, матушка Алена Игнатьевна, нечего: коли по міру итти — пойду, мнѣ ничего! Э! Не такая моя голова, завивай горе веревочкой: лапотницей

была, лапотницей и стала! А ужъ кто, любезная, изъ салоповъ и бархатовъ надѣлъ поневу, такъ ужъ нѣтъ, извини: тому тошно, ахъ, какъ тошно!—отрѣзала Грачиха и ушла изъ избы, хлопнувъ дверью.

Алена Игнатьевна еще болѣе покраснѣла; старый дворецкій продолжалъ насильно улыбаться. Мнѣ сдѣлалось его жаль; понятно, что плутовка Грачиха въ прежнія времена не стала бы и не посмѣла такъ съ нимъ разговаривать. Нѣсколько времени мы молчали; но тутъ я вспомнилъ тоже разсказы матушки о томъ, что у старухи Пасмуровой было какое-то романическое приключеніе, что внучка ея влюбилась въ молодого человѣка и бѣжала съ нимъ ночью. Интересуясь узнать подробности, я началъ издалека:

— Что эта дура Грачиха вретъ, что барыня ваша заѣла внучкинъ вѣкъ!—сказалъ я будто къ слову.

— На вѣтеръ лаять все можно, — отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—а коли человѣкъ въ разсудкѣ, такъ онъ никогда сказать того не можетъ, чтобъ госпожа наша внучки своей не любила всѣмъ сердцемъ; только конечно, что по своей привязанности къ нимъ ожидали, что какой-нибудь принцъ или графъ будетъ имъ супругомъ, и сколь много у нашей барышни ни было жениховъ по губерніи, всѣмъ генеральша одно отвѣчала: «ищите себѣ другой невѣсты, а Оленька моя вамъ не пара: если быть ей въ замужествѣ, такъ быть за придворнымъ». И было бы такъ: невѣста наша была не заурядная, хоть бы насчетъ состоянія, полторы тысячи душъ впереди, сама ученая по-французски, по-нѣмецки, изъ себя красавица.

— Красоты, кажется, была такой, — вмѣшалась Алена Игнатьевна:—что рѣдкостно на картинкахъ такихъ красавицъ изображаютъ. Пріѣхала тогда изъ ученья изъ Петербурга къ бабенькѣ: молоденькая, розовая, румяная, платья тогда, постаринному сказать, носили безъ юбокъ, перетянутся, волосы уберутъ, причешутъ, — братецъ мой родной, парикмахеръ, былъ нарочно для того выписанъ изъ Петербурга,—заглядѣнье для насъ, рабынь, было: словно солнце выйдетъ поутру изъ своихъ комнатъ.

— За кого же она вышла?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ при этомъ вопросѣ только покачалъ головой.

— Сосѣдка тутъ была около насъ, бѣдная дворянка, — отвѣчалъ онъ:—такъ за сына ея изволила выйти, молодого офицера, всего еще въ прапорщичьемъ чинѣ, и такъ какъ крестникомъ нашей старой госпожѣ приходился, пріѣхалъ тогда въ отпускъ, является: «маменька да маменька крестная, не

оставьте вашими милостями, позвольте бывать у васъ». Ну, и генеральша наша принимала, разумѣя такъ, что еще мальчикъ. «Поди, Ѳеденька, подай моську, позови Якова, вели давать чай»... Почесть что держала на посылкахъ, а онъ вообразилъ себѣ другое. Барышнѣ нашей, по молодости ея лѣтъ, также приглянулся... дѣвица была еще неопытная, хотя въ богатствѣ родилась и выросла, а людей тоже мало видала.

— Какъ же у нихъ все это шло, хотѣлось бы мнѣ знать?— сказалъ я.

— Вначалѣ я и не знаю хорошенько, безъ меня это было, въ Петербургѣ тогда цѣлый годъ по дѣламъ госпожи хлопоталъ,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ:—вонъ она вамъ лучше разскажетъ, на ея глазахъ все это происходило,—прибавилъ онъ, указавъ головой на жену.

— Какъ же это, Алена Игнатьевна, а? — обратился я къ старушкѣ.

Она потупила жеманно голову и начала:

— Дѣло, сударь, происходило: ѣздилъ да ѣздилъ къ намъ молодой баринъ Ѳедоръ Гаврилычъ, и сердце сердцу вѣсть подаетъ — не то, что въ барскомъ родѣ, а и въ нашемъ холопскомъ. Барышня наша, такъ доложить, на фортепіанахъ была большая музыкантша, а Ѳедоръ Гаврилычъ на флейтѣ играли, ну и стали тѣшить себя, играли вмѣстѣ, старушка даже часто сама приказывала: «подите, дѣти, побрянчите что-нибудь», или когда вечеромъ музыкантамъ прикажутъ играть, а ихъ заставитъ танцовать разные мазурки и лекосезы, а не то въ карты займутся, либо книжку промежъ собой читаютъ. Садъ былъ тоже у насъ большой, аллеи темныя, въ другую солнце круглый день не заглянетъ; бабенька послѣ обѣда лягутъ почивать, а они по аллеямъ этимъ пойдутъ гулять съ глазу на глазъ, очень было замѣтно даже для насъ, для прислуги,—всѣ почесть видѣли и знали.

— Если бы я тѣмъ временемъ дома былъ, дѣло бы не пошло такъ далеко; я на первыхъ бы порахъ доложилъ госпожѣ,— перебилъ Яковъ Ивановъ.

— Докладывать госпожѣ, Яковъ Иванычъ, какъ бы еще изволили онѣ принять; сами знаете, не любили, чтобъ ихъ учили, а больше того и барышню за ихъ ангельскую доброту и кротость жалѣли,—возразила вполголоса Алена Игнатьевна и снова потупила свои мягкіе и добрые глаза.

— Какимъ же образомъ открылось?—спросилъ я.

— Черезъ маменьку Ѳедора Гаврилыча, Аграфену Григорьевну,—продолжала Алена Игнатьевна:—люди ихъ тоже послѣ разсказывали, такъ какъ стала она говорить сыну: — «Пріі-

ѣхалъ ты черезъ кои вѣки къ матери на побывку, а все свое время проводишь у Катерины Евграфовны»; а онъ ей на это говоритъ:—«Я долженъ вамъ сказать, что мнѣ очень нравится Ольга Николаевна, а также и я имъ». Аграфена Григорьевна очень тому обрадовалась.

— Еще бы,—замѣтилъ съ насмѣшкою Яковъ Ивановъ: — по пословицѣ: залетѣли вороны въ большія хоромы! Только бы прежде надо было подумать, что̀ такое они значатъ и что̀ значитъ наша барышня.

— Свое дѣтище, Яковъ Иванычъ, до кого ни доведись, всякому дорого и мило, — скромно и съ почтеніемъ возразила Алена Игнатьевна и потомъ снова обратилась ко мнѣ:—Думавши, можетъ-быть, такъ, что госпожа наша Ѳедора Гавриловна изволятъ ласкать и принимать, онѣ и понадѣялись.

Старый дворецкій, какъ бы не утерпѣвшій съ досады, опять перебилъ жену:

— Деревня, деревня и есть: барыня эта Аграфена Григорьевна только-что изъ дворянскаго рода шла, а женщина была самаго деревенскаго бабьяго разсудку.

— Что̀ жъ они, сватались?—спросилъ я.

— Какъ же-съ,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ, и лицо его окончательно приняло какое-то озлобленное выраженіе.—Въ самый, кажется, лѣтній Николинъ день пріѣхала къ намъ эта Аграфена Григорьевна, и что-то ужъ очень нарядная. Генеральша наша и смѣется ей:—«Что̀ это, мать моя, какъ расфрантилась?» Она поцѣловала у ней ручку и говоритъ:—«Какъ же, говоритъ, ваше превосходительство, мнѣ въ этакій домъ ѣхать не нарядной». Сѣвши послѣ этихъ словъ, по приглашенію нашей госпожи, въ кресла, заводитъ разговоръ о сынѣ своемъ.—«Очень, говоритъ, Катерина Евграфовна, вами благодарна, что вы моего Ѳеденьку изволите такъ принимать».—«Отчего,—говоритъ на это госпожа наша:—мнѣ его не принимать: чѣмъ ему у тебя тамъ по глупымъ вашимъ посѣдкамъ по избамъ бѣгать, пускай лучше у меня бываетъ, по крайней мѣрѣ насчетъ обращенія чѣмъ-нибудь заняться можетъ, а онъ мальчикъ неглупый и, кажется, добрый». Похвалила, знаете, больше изъ жалости, а это еще больше придало гонору этой госпожѣ Аграфенѣ Григорьевнѣ.—«Да, говоритъ, матушка Катерина Евграфовна, должна я, грѣшница, благодарить Бога: хотя въ супружествѣ большого счастья не имѣла (потому что, съ позволенія доложить, покойный мужъ ея, занимаясь самъ хмелемъ, черезъ два дня въ третій билъ ее за ея глупость). Весь свой вѣкъ изжила въ горестяхъ и недостаткахъ (простѣе того сказать, на постныхъ щахъ круглый годъ); но зато, го-

воритъ, за все это въ сынѣ моемъ имѣю теперь утѣшеніе. Службу свою, по желанію моему, онъ оставляетъ и будетъ жить при мнѣ, и теперь бы такое съ нимъ наше намѣреніе, чтобы онъ женился». Госпожа наша только плечами пожала и, такъ какъ просто и строго съ этакими маленькими и необразованными дворянами изволила обращаться, прямо ей и говоритъ:—«Что ты, глупая фефела, вздумала? Малый безъ году недѣля изъ яйца вылупился, а она ужъ изъ службы его взяла и женить хочетъ. Да развѣ нищихъ разводить и безъ васъ мало! И кто теперь, какая дура за него пойдетъ?» Ну, и кабы эта безразсудная барыня Аграфена Григорьевна имѣла хоть сколько-нибудь разуму, ей бы и замолчать, а она стала продолжать разговоръ и ужъ прямо:—«Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, дѣло уже сдѣлано, и теперь бы для насъ было большое счастье, если бы Ѳеденька мой удостоился получить руку вашей Ольги Николавны». Старушка наша, по своему великодушію, и тутъ стерпѣла и только уставила на нее свои очки, покачала головой и тихо сказала:—«Ахъ, ты, говоритъ, дурища набитая; понимаешь ли ты, что ты говоришь? Твоему отродью жениться на моей Оленькѣ? Да какъ вы осмѣлились такія мысли имѣть!» Но глупому человѣку, видно, хоть колъ на головѣ теши, ему все равно. Аграфена Григорьевна и этого ничего не поняла и все продолжаетъ свое:—«Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, какъ намъ этакихъ мыслей не имѣть, когда ваша Ольга Николавна дали ужъ Ѳеденькѣ слово, а если, говоритъ, насчетъ состоянія, такъ онъ не нищій, у него послѣ моей смерти будетъ двадцать душъ». Удивить и плѣнить чѣмъ госпожу нашу думала! Я тогда чай подавалъ и только обмеръ, видѣвши, что у старушки нашей и пѣнка ужъ на губахъ выступила. «Господи, что только будетъ», думаю; но онѣ и тутъ себя сдержали, стукнули своей клюкой и только крикнули:—«Вонъ изъ моего дома!». Сваха, какъ сидѣла, такъ и вскочила, накинула себѣ на голову свою шаль и почесть что безъ салопу уѣхала; мы, лакеи, ужъ и не провожали, и этого почету даже не отдали.

Проговоря это, старикъ утомился и замолчалъ, и только по выраженію его лица можно было догадаться о волновавшей его глубокой досадѣ на то, что все шло и дѣлалось не такъ, какъ разсчитывала и желала госпожа его и онъ.

— Вотъ, я думаю, гроза-то разразилась надъ бѣдной вашей барышней?—сказалъ я, обращаясь болѣе къ Аленѣ Игнатьевнѣ.

— Не безъ того, сударь, — отвѣчала она, взглянувъ на мужа и какъ бы желая угадать, нравятся ли ему ея слова.—

Сами мы не слыхали, — продолжала Алена Игнатьевна вполголоса:—а болтали тоже послѣ, что Ольга Николавна прямо бабенькѣ сказали, что ни за кого, кромѣ Ѳедора Гаврилыча, не пойдутъ замужъ, и что будто бы, не знаю, правда или нѣтъ, старушка, такъ оченно разсердившись, ударила ихъ по щекѣ.

Послѣднія слова Алена Игнатьевна произнесла ужъ почти шопотомъ и потомъ снова начала прежнимъ голосомъ:

— Пришедши послѣ того въ гостиную, смотримъ: Катерина Евграфовна ушла въ свою моленную, а барышня лежитъ середь полу безъ всякихъ чувствъ. Словно мертвую, отнесли мы ихъ въ мезонинъ, а отъ Катерины Евграфовны слышимъ такой приказъ, чтобы и ходить за ними никто не смѣлъ; но, видѣвши ихъ въ такомъ положеніи, я осталась при нихъ, стала имъ голову уксусомъ примачивать. Поопамятовались, узнали меня.—«Гдѣ я, говоритъ, Аленушка, и что со мной было?» Я имъ докладываю.—«Ахъ, говоритъ, Аленушка, зачѣмъ я, несчастная, ожила опять на бѣлый свѣтъ», а сами всплеснули ручками да такъ и залились слезами. Я стою у нихъ въ ножкахъ у кровати, и что вѣдь мы, сударь, рабы—дуры, какіе наши разговоры могутъ быть... сказки мои Ольга Николавна любили слушать!—«Не прикажете ли, говорю, сударыня, сказочку вамъ разсказать?» Онѣ сначала разсмѣхнулись и только головкой помотали, а потомъ опять заплакали. Чѣмъ ихъ утѣшать да уговаривать—и сама не знаю! Взяла да Ѳедора Гаврилыча и похвалила, что уменъ и хорошъ онъ очень, такъ не повѣрите, сударь, словно барышня моя ожила, дыханье даже перевести хорошенько не могутъ.—«Нравится, говоритъ, онъ тебѣ, Аленушка?»—«Нравится, говорю, сударыня, и вся наша прислуга ихъ любитъ и хвалитъ».—«Вотъ видишь, говоритъ, вы—служанки, а хвалите его, а бабушка такъ нѣтъ... Видно, она, говоритъ, не хочетъ моего счастья, а хочетъ уложить меня въ могилу,—Богъ съ ней».—«Полноте, говорю, сударыня, какъ это можетъ быть: бабенька васъ любятъ и такъ только, можетъ-быть, на первыхъ порахъ изволили разгнѣваться, а послѣ сердце ихъ отойдетъ. Коли, говорю, Ѳедоръ Гаврилычъ вамъ милъ, что жъ ей тому препятствовать».—«Ахъ, нѣтъ, говоритъ, Аленушка, онъ бѣдный и незнатный, а бабушка моя гордая».

— Что же старая ваша барыня?—спросилъ я.

— Старушка съ виду ничего не показывали: скрытны чрезвычайно были-съ!—отвѣчала Алена Игнатьевна. — Барышня пролежали въ постели цѣлый день, на другой день тоже: пищи никакой не принимаютъ, что ни на есть чашка чаю, такъ и

той въ день не выкушаютъ, сами изъ себя худѣютъ, блѣднѣютъ, а бабенька хоть бы спросили, точно ихъ совсѣмъ и на свѣтѣ не бывало; по тому только и примѣтно, что сердце ихнее болѣло, что еще, кажется, больше прежняго строги стали къ намъ, прислугѣ. Старая дѣвица за ними ходила, любимица ихняя; бывало, всѣхъ насъ дѣвушекъ кличкой кликали, а ту всегда по имени и отчеству называли; и на ту изволили за что-то разгнѣваться и сослали со своихъ глазъ въ скотную; приказчику тоже — что-то неладно на докладѣ доложилъ, того изъ своихъ рукъ изволили клюкой поучить. Мы ужъ, горничныя дѣвушки, не знаемъ, какъ и ступить, того и ждемъ, что надъ кѣмъ-нибудь гнѣвъ сорвутъ.

— Все бы это ничего, ничего бы дальше этого не пошло, если бы не эта мерзкая дѣвчонка, фрейлина нашей барышни: отъ ней весь сыръ-боръ потомъ и загорѣлся,—перебилъ рѣзкимъ тономъ Яковъ Ивановъ.

Въ старческомъ дрожащемъ его голосѣ такъ и слышалась накипѣвшая желчь.

— Что жъ тутъ горничная сдѣлала?—спросилъ я.

— Передатчицей стала,—отвѣчалъ Яковъ Ивановъ прежнимъ тономъ:—записки стала переносить туда и оттуда къ барышнѣ—вѣтреная, безнравственная была дѣвчонка, и теперь, сударь, сердце кровью обливается, какъ подумаешь, что барышня наша была передъ тѣмъ, истинно сказать, почтительной и послушной внукой, какъ слѣдуетъ истинной христіанкѣ, а тутъ что изъ нея вдругъ стало: сама къ бабенькѣ не является, а пишетъ письмо, что либо бѣгутъ съ своимъ нареченнымъ женихомъ, либо руки на себя наложатъ. Каково было старушкѣ читать эти строки! Конечно, что онѣ и тутъ своего геройскаго духа не потеряли. При мнѣ это было, стукнули своей табакеркой золотой по столу: «такъ не бывать же, говорятъ, ни тому ни другому», а надобно спросить, что чувствовала ихъ душа, зная, что онѣ дѣлали, и видя, чѣмъ имъ за это платятъ. Ваше высокоблагородіе сами, можетъ-быть, имѣете дѣтей и можете понять, сколь легка была для ихъ родительскаго сердца неблагодарность за всѣ объ нихъ попеченія. Можетъ-быть, до сей поры кости нашей госпожи и благодѣтельницы содрогаются въ могилѣ отъ этого!

Старикъ произнесъ послѣднія слова эти съ какой-то драматическою торжественностью и снова поникнулъ головою, но губы его шевелились, и, какъ мнѣ казалось, онъ шепталъ молитву за упокой души его благодѣтельницы. Я между тѣмъ смотрѣлъ внимательно на Алену Игнатьевну. Лицо у ней горѣло, и она сидѣла, потупивъ свои добрые глаза. Я видѣлъ,

что нравственное участіе ея было на сторонѣ барышни Ольги Николавны, и она не смѣла только возражать мужу, но, кажется, думала иначе, какъ онъ думаетъ. А между тѣмъ, вспомнилось мнѣ, у этихъ стариковъ на плечахъ ихъ собственный внукъ, пропившійся и продавшійся въ солдаты; но они объ немъ какъ будто бы и забыли, какъ забываютъ на минуту старую и давно терзающую болѣзнь. При этой мысли мнѣ сдѣлалось какъ-то совѣстно разспрашивать ихъ о господахъ, и бесѣда наша, вѣроятно бы, прекратилась, но спасибо Грачихѣ; какъ и когда она вернулась въ избу, я не видалъ, только вдругъ опять явилась изъ-за перегородки и съ лицомъ, еще болѣе покраснѣвшимъ.

— Подъ карауломъ барышню держали, словно арестантку какую,—начала она съ какой-то циничеcкой усмѣшкой:—три старухи были приставлены въ надсмотрщицы, чтобы, коли одна спитъ али дремлетъ, такъ чтобъ другая стерегла; на молодыхъ ужъ не надѣялись: горничную дѣвушку ея на поселенье присудили-было сослать.—При послѣднихъ словахъ Грачиха кивкомъ головы указала на Якова Иванова.—Да та тоже не глупа дѣвка, хвостъ имъ показала, черезъ двадцать лѣтъ ужъ послѣ въ скитахъ нашли. Немало сраму было на весь околотокъ, и сколь, кажется, ни скрытно дѣлали, а тоже всѣ знали и всѣ молодую барышню и Ѳедора Гаврилыча жалѣли.

— Всѣ жалѣли,—подтвердила шопотомъ Алена Игнатьевна, вздохнувъ и поднявъ глаза кверху.

— Какъ, мать, не жалѣть-то!—подхватила Грачиха:—хоть бы нашъ баринъ Михайла Максимычъ любилъ Ѳедора Гаврилыча: какъ въ городъ ѣхать, все ужъ вмѣстѣ, и у покойнаго тятеньки кажинный разъ приставали. Я еще молода-молодехонька была, а тоже помню: покойный Михайла Максимычъ все вѣдь со мной запгрывалъ, ну и тотъ разъ, какъ треснетъ меня по спинѣ, да и говоритъ: «Катюшка, говоритъ, научи насъ, какъ намъ изъ Богородскаго барышню украсть?»—«А я, говорю, почемъ знаю».—«Али, говоритъ, дура, тебя не воровывали, а ты все своей волей ходишь?»—«Все, говорю, своей волей хожу»; такъ оба и покатились со смѣху. Врунья я смолоду была, да, пожалуй, и теперь такая.

— И теперь такая,—подтвердилъ я:—впрочемъ, ты про себя не разсказывай, а говори, какъ барышню украли, если знаешь.

— Знаю, все знаю, не такой человѣкъ Грачиха, чтобъ она чего не знала,—отвѣчала толстуха, ударивъ себя рукой по жирной груди. — Украли! — продолжала она, встряхнувъ головой и приподнявъ брови:—хитрое было дѣло экимъ госпо-

дамъ украсть. Старикъ правду говорилъ, что прежніе баре были соколы. Какъ бы теперь этакъ они на фатеру пріѣхали, не стали бы стариковскія сказки слушать, а прямо— нѣтъ ли гдѣ бесѣды, молодыхъ бабенокъ да дѣвушекъ оглядывать. Барину нашему еще бы не украсть, важное дѣло... Какъ сказалъ онъ:—«Другъ Ѳеденька! надѣйся на меня, я тебѣ жену украду и перваго сына у тебя окрещу!» — какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

— Сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ. Семь крестовъ носилъ онъ за свое молодечество... въ полку дали! Тройка лошадей у него была отличнѣющая, курьеркой такъ и звалась... «Моя, говоритъ, курьерка изъ воды сухого, изъ огня непаленнаго вынесетъ»—и вынашивала! Кучерёнко, Мишутка былъ тогда, на семь верстъ свисталъ, слышно было; подъѣхали къ Богородскому ночнымъ временемъ, а мятелица, вьюга поднялась, такъ вьетъ и вьетъ, какъ въ котлѣ кипитъ. Мишутка самъ послѣ разсказывалъ: свиститъ разъ, другой—нѣтъ толку, вѣтромъ относитъ. Свѣчка, глядятъ, горитъ еще въ мезонинѣ; а уговоръ такой съ барышней былъ, что какъ свѣчка погаснетъ, значитъ, она на крыльцо вышла. Баринъ нашъ какъ шаркнетъ его по шиворотку. «Свисти, говоритъ, каналья, по-настоящему, по-разбойничьи!» Мишутка какъ верескнетъ, только грачи въ рощѣ съ гнѣздъ поднялись и закаркали. Глядь, свѣчка потухла; Ѳедоръ Гаврилычъ сейчасъ изъ пошевней вонъ, суметомъ черезъ садъ на красный дворъ и въ сѣни. Глядитъ, барышня выскочила въ одномъ капотчикѣ. «Ахъ, говоритъ, душенька Оленька, какъ это вы безъ теплаго платья!» Сейчасъ долой съ своихъ плечъ свою медвѣжью шубу, завернулъ въ нее свою миленькую съ ручками и съ ножками, поднялъ, какъ малаго ребенка, на руки и въ пошевни. «Пошелъ!»—говорятъ. Мишутка тронулъ-было сразу, коренная хватила, трахъ, обѣ завертки пополамъ.—«Батюшка баринъ, говоритъ, завертки выдали!» Баринъ нашъ только вскочилъ на ноги, выхватилъ у него возжи да какъ крикнетъ: «Курьерка, грабятъ!»—и каковы только эти лошади были: услыхавъ его голосъ, двѣ выносныя три версты цѣликомъ по сумету несли, а тамъ ужъ, смотрятъ, народъ изъ усадьбы высыпалъ верхомъ и съ кольями, не тутъ-то было: баре наши въ первый приходъ въ церковь и повѣнчанье сдѣлали: здравствуйте, значитъ, честь имѣемъ васъ поздравить.

— Славно, старуха, разсказала!—воскликнулъ я.

— Э!—воскликнула въ свою очередь Грачиха: — ты разбери-ка еще эту старуху; меня всѣ баре любятъ, ей-Богу!

— Постой, погоди, — перебилъ я:—священникъ, значитъ, былъ уже подговоренъ?

— Не знаю, чего не знаю, такъ не скажу, не знаю,—отвѣчала Грачиха.

— Какое, сударь, подговоренъ, — началъ Яковъ Ивановъ, какъ бы погруженный, повидимому, въ свои размышленія, но, кажется, не пропустившій ни слова изъ нашего разговора.—Зная нашу госпожу,—продолжалъ онъ:—кто бы изъ духовенства рѣшился на это, — просто силой взяли. Баринъ ихній, Михайла Максимычъ, буянъ и самодуръ былъ извѣстный.

— Буянъ не буянъ, а вашей барынѣ, сколь ни обидчица она была, не уступалъ, извините насъ на томъ. Тягаться тоже съ нимъ за Полянскіе луга вздумала, много взяла! Шалишь-мамонишь, на грѣхъ наводишь! Ничего, говоритъ, ваша взяла, только смотрите, чтобы послѣ рыло не было въ крови...

— Кому-нибудь одному ужъ, сударыня, рѣчь вести, либо вамъ, либо мнѣ,—возразилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства старикъ.

— Перестань, Грачиха, — прикрикнулъ я: — разсказывай, Яковъ Иванычъ.

— Что, сударь, разсказывать,—продолжалъ онъ:— не вѣнчанье, а грѣхъ только былъ. Село Вознесенское, можетъ-быть, и вы изволите знать, такъ тамъ это происходило; вбѣжалъ этотъ баринъ Михайла Максимычъ къ священнику. Отецъ Александръ тогда былъ, Крестовоздвиженскій прозывался, священникъ изъ простыхъ, ненаучный, а жизни хорошей и смирной.—«Молебенъ, батюшка, говоритъ, желаю отслужить, выѣзжаю сейчасъ въ Петербургъ, такъ сдѣлайте милость, пожалуйте въ Божій храмъ». Священникъ, никакого подозрѣнія не имѣвши, идетъ и видитъ, что церковь отперта, у клироса стоитъ какая-то дама, платкомъ сглуха закутанная, и Ѳедоръ Гаврилычъ. Какъ только они вошли, Ѳедоръ Гаврилычъ двери церковныя на замокъ и ключъ кладетъ себѣ въ карманъ, а Михайла Максимычъ вынимаетъ изъ кармана пистолетъ и прямо говоритъ:—«Ну, говоритъ, отецъ Александръ, что вы желаете: сто рублей желаешь получить, али вотъ этого? Вы, говоритъ, должны сейчасъ обвѣнчать Ѳедора Гаврилыча на Ольгѣ Николавнѣ, а безъ того мы васъ изъ церкви живого не выпустимъ». Что тутъ священнику прикажете передъ экимъ страхомъ дѣлать? Сталъ первоначально усовѣщевать — ничего во вниманіе не берутъ, только пуще еще грозятъ.

Тутъ старый слуга пріостановился, покачалъ нѣсколько разъ головой, вздохнулъ и снова продолжалъ:

— Отецъ Александръ на другой же день пріѣзжалъ послѣ

того къ нашей госпожѣ и чуть не въ ноги ей поклонился. «Матушка, говоритъ, Катерина Евграфовна, не погубите, вотъ что со мной случилось, и сколь ни прискорбно вашему сердцу, я, какъ пастырь церкви, прошу милости новобрачнымъ: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ, молодые завтрашній день желаютъ быть у васъ». Генеральша наша на это ему и сказала:—«Васъ, говоритъ, отецъ Александръ, я не виню, но какъ поступить мнѣ съ моей внукой, я ужъ это сама знаю».

— Что жъ, молодые пріѣзжали?—спросилъ я.

Яковъ Ивановъ усмѣхнулся.

— Какъ же-съ,—отвѣчалъ онъ:—пріѣзжали, прямо явиться не смѣли, около саду все колесили, человѣка напередъ себя прислали съ письмомъ отъ Ольги Николавны, но только ошиблись немного въ расчетѣ. Старушка даже и не прочитала его, а приказала черезъ меня сказать, что какъ Ольга Николавна ихъ забыли, такъ и онѣ имъ той же монетой платятъ, хотя, конечно, сердце ихъ родительское никогда не забывало. Это, можетъ-быть, знаетъ одинъ только Богъ, темныя ночи да я, ихъ довѣренный слуга. Ольгѣ Николавнѣ за то, что онѣ свою бабушку за всю ихъ любовь разогорчили и, можно сказать, убили, не далъ тоже Богъ счастья въ ихъ семейной жизни.

— Неправда, неправда, грѣхъ на душу, старичокъ, берешь, коли такъ говоришь!—воскликнула вдругъ Грачиха:—молодые господа начали жить, какъ голубь съ голубкой, кабы не бѣдность да не нужда!

— А очень бѣдно они жили?—перебилъ я.

— Еще бы не бѣдно! На какіе капиталы было жить?—отвѣчала съ озлобленнымъ смѣхомъ Грачиха.—Старушка, матъ Ѳедора Гаврилыча, вѣстимо, все имъ отдала, сама ужъ въ своей усадьбишкѣ почесть что съ людишками въ избѣ жила спала и ѣла. Имѣніе небогатое было, всего-на-все три оброчника, да и тѣ по міру ходили. Больше все нашъ баринъ всп моществованія дѣлалъ и квартиру имъ въ городѣ нанималъ отоплялъ ее, запасу домашняго, что было, посылалъ зачастую Ольгу Николавну онъ больно ужъ любилъ и послѣ часто го варивалъ:—«Я бы, говоритъ, самъ женился на Ольгѣ Нико лавнѣ, да ужъ только бабушка ея мнѣ противна, и она по любила другаго». Баринъ нашъ простой вѣдь былъ и къ нам мужикамъ милостивый—только гулящій.

— Жизнь ужъ самая бѣдная молодыхъ господъ была,—вмѣшалась Алена Игнатьевна:—голубушка наша Ольга Нико лавна рукодѣльемъ своимъ даже стали промышлять, кружев изволили плести и въ пяльцахъ вышивали, и продавали эт

другимъ господамъ; дѣтей тоже изволила двойниковъ родить на первый годъ, сами обоихъ и кормили; какъ еще силъ ихъ хватило, на удивленье наше!

— За чѣмъ пошла, то и нашла! — замѣтилъ Яковъ Ивановъ.

— Мало ли, любезный, кто за чѣмъ ходитъ, да не всѣ то находятъ!—возразила ему Грачиха, разводя руками.—Ѳедоръ Гаврилычъ попервоначалу ни за чѣмъ дурнымъ не ходилъ, и все его стараніе было, чтобы хоть какую-нибудь службу дали, да ужъ только заранѣе струменты были всѣ подведены. Баринъ нашъ все вѣдь намъ разсказывалъ. Думалъ - было также онъ, чтобы исправникомъ Ѳедора Гаврилыча сдѣлать, ну и дворянство обѣщать обѣщали, а какъ пришло дѣло къ баллотировкѣ, и не выбрали: генеральши ихней испугались, чтобы въ противность ей не сдѣлать! Покойный Михайла Максимычъ пыталъ на себѣ волосы рвать и прямо дворянству сказалъ:—«Послѣ того вы хуже мужиковъ, коли этой, согрѣшила, грѣшная, старой вѣдьмы испугались». Каменнаго сердца человѣкъ госпожа ваша была, хоть ты и хвалишь ее больно; губила ни за что ни про что молодыхъ баръ, а вы, прислуга, въ угоду ей, тоже противъ ихъ ехидствовали,—заключила Грачиха и опять ушла изъ избы.

— И пить-то ужъ не мы ли его заставили, коли ужъ вы все на насъ сворачиваете? — проговорилъ ей вслѣдъ Яковъ Ивановъ съ обычнымъ своимъ покачиваніемъ головы.

— А онъ попивать началъ?—спросилъ я.

— До безобразія: вмѣсто того, чтобы въ бѣдности и недостаткахъ поддержать себя, онъ первоначально въ карты ударился, а тутъ знакомство свелъ съ самыми маленькими чиновниками; пьянство да дебоширство пошло, а можетъ, и другое прочее, и генеральша наша дѣйствительно, слышавши все это самое, призываетъ меня, и прежде, бывало, съ ближайшими родственниками никогда не изволила говорить объ Ольгѣ Николавнѣ, имя даже ихъ въ домѣ произносить запрещено было, тутъ вдругъ прямо мнѣ говоритъ:—«Яковъ Ивановъ, наслышана я, что внучка моя очень несчастлива въ семейной жизни, и я желаю, чтобы она была разведена со своимъ мужемъ».—«Слушаю, говорю, ваше превосходительство, но только какимъ манеромъ вы полагаете это сдѣлать?» — «Это ужъ не твое дѣло, ты долженъ исполнять, что тебѣ будетъ приказано». Я кланяюсь.—«Поѣзжай, говоритъ, сейчасъ въ городъ и проси ко мнѣ пріѣхать сегодня же городничаго». Я ѣду, и такъ какъ господинъ этотъ городничій почесть что нашей госпожой былъ опредѣленъ и угождалъ ей во всемъ,—сейчасъ пріѣзжаетъ, и

какой промежъ ихъ разговоръ былъ—я не знаю, потому что не былъ къ тому допущенъ.

— А тутъ и дѣло пошло?—сказалъ я.

Яковъ Ивановъ нѣсколько позамялся, впрочемъ, продолжалъ:

— Дѣло пошло такого рода, что такъ какъ Ѳедоръ Гавриловичъ сталъ любить ужъ очень компаній, былъ онъ на одномъ мужскомъ вечерѣ, кажется, у казначея, разгулялись, въ слободѣ тутъ дѣвушки разныя жили и пѣсни пѣли хорошо, а тѣмъ временемъ капустница была, капусту дѣвушки и молодыя женщины рубятъ и пѣсни поютъ. Вся компанія туда и отправилась, и что ужъ тамъ было — неизвѣстно, только Ѳедоръ Гавриловичъ очень былъ пьянъ, другіе господа разъѣхались, а онъ остался у хозяйки, у которой была молодая дочь. Городничій въ то время, получа донесеніе, что въ такой поздній часъ въ такомъ-то домѣ происходитъ шумъ, приходитъ туда съ дозоромъ и находитъ, что Ѳедоръ Гавриловичъ спятъ на диванѣ, и дочка хозяйская лежитъ съ нимъ обнявшись, и такъ какъ отъ генеральши нашей поступило по этому предмету прошеніе, то и составленъ былъ въ городническомъ правленіи протоколъ—дѣло съ того и началось.

Въ продолженіе всего этого разсказа я глазъ не спускалъ съ старика, и хоть онъ ни въ словѣ не проговорился, но по оттѣнкамъ въ тонкихъ чертахъ лица его очень легко было догадаться, что все это дѣло обдумывалъ и устраивалъ онъ, вмѣстѣ съ городничимъ. Предугадывая, что и на дальнѣйшіе мои разспросы онъ станетъ хитрить и лавировать въ отвѣтахъ, я началъ болѣе вызывать на разговоръ Алену Игнатьевну.

— Что же Ольга Николавна? — спросилъ я, прямо обращаясь къ ней.

Алена Игнатьевна, по обыкновенію, потупилась; Яковъ Ивановъ улыбнулся и сказалъ женѣ:

— Разсказывайте!

— Ольга Николавна, — начала Алена Игнатьевна, глядя на концы своихъ еще красивыхъ пальцевъ:—ничего не знали и не понимали, видѣвъ только, что Ѳедоръ Гавриловичъ попиваютъ, дома не ночевали, сидятъ подъ окномъ и плачутъ. На ту пору, словно на грѣхъ, приходитъ мать-протопопица, женщина добрая, смиряя и къ господамъ нашимъ привязанная. Видѣвши Ольгу Николавну въ слезахъ, по неосторожности своей и говоритъ:—«Матушка, говоритъ, Ольга Николавна, что такое у васъ съ супругомъ вышло?»—«Что, говоритъ, такое у меня съ супругомъ вышло? У меня никогда съ мужемъ выйти ничего не можетъ». Скрывали тоже и стыдились, что бы тамъ

сердце ихъ ни чувствовало, а протопопица эта и говоритъ: «Матушка, болтаютъ, аки бы отъ васъ подано на супруга въ полицію прошеніе, и супругъ вашъ найденъ въ такомъ-то домѣ и съ такой-то женщиной...» Голубушка Ольга Николавна, какъ услыхала это, поблѣднѣли, какъ мертвая, выслали эту протопопицу отъ себя, ударили себя въ грудь.—«Когда, говоритъ, такъ, такъ знать я его не хочу. Сейчасъ, говоритъ, ѣду съ дѣтьми къ бабенькѣ, кинусь ей въ ноги, она меня проститъ, а съ нимъ съ развратникомъ жить не желаю». Наняли ей кой-какого извозчика, и въ простыхъ санишкахъ, въ одномъ холодномъ на ватѣ салопчикѣ,—мѣховой ужъ былъ въ закладѣ,—на дѣточкахъ тоже ничего теплаго не было, такъ завернули ихъ въ овчинные полушубочки, да и тѣ выкланяла у квартирной хозяйки,—да такъ и пріѣзжаетъ къ намъ въ усадьбу, входитъ прямо въ лакейскую. Старушка, какъ услыхала ихъ голосъ, сейчасъ встала съ креселъ и скорымъ этакъ шагомъ пошли имъ навстрѣчу, и такое, сударь, было промежъ ихъ это свиданіе и раскаяніе, что, можетъ-быть, только заклятые враги будутъ такъ встрѣчаться на страшномъ судѣ Божьемъ. Ольга Николавна ничего ужъ и говорить не могла, пала только къ бабенькѣ на грудь, а старушка прижала ихъ одной рукой къ сердцу, а другой внучатъ ловятъ; мы всѣ, горничная прислуга, какъ стояли тутъ, такъ ревомъ и заревѣли. «Бабенька,—говоритъ Ольга Николавна: — простите ли вы меня?»—«Ничего, говоритъ, другъ мой, ни противъ тебя ни противъ дѣтей твоихъ я не имѣю, во всѣхъ васъ течетъ моя кровь, только объ злодѣѣ этомъ слышать не могу».—«Бабушка, говоритъ, я сама объ немъ слышать не могу».

Послѣднія слова жены старикъ сопровождалъ одобрительнымъ киваньемъ головы; на его мутныхъ зрачкахъ и покраснѣлыхъ вѣкахъ показались даже слезы.

— И надо, сударь, было видѣть,—почти воскликнулъ онъ дребезжащимъ голосомъ:—радость нашей генеральши: только въ золото не одѣла своихъ правнуковъ. Призываютъ тутъ меня сейчасъ къ себѣ и заставляютъ писать въ Петербургъ, чтобы самая лучшая мадамъ француженка была выслана: за Ольгой Николавной, какъ самая усердная рабыня, стали ходить. Узнавъ, что онѣ ночи не изволятъ почивать, въ свою спальню ихъ перевела, и какъ только Ольга Николавна вздохнутъ или простонутъ, на босу ножку старушка вставали съ своей постели и только спрашивали:—«Что такое, Оленька, дружокъ мой, что такое съ тобой?» Но ничѣмъ этимъ, видно, передъ Ольгой Николавной не могли онѣ заслужить; никто имъ, видно, не былъ милѣй Ѳедора Гавриловича.

— Что жъ она дѣлала?—спросилъ я.

— А дѣлала то, что черезъ недѣлю же стала говорить и поступать все вопреки бабушкѣ,—отвѣчалъ порывисто Яковъ Ивановъ:—что бы тѣ ни предприняли и ни сдѣлали, все имъ было непріятно; что есть подарки, такъ и за тѣ не то чтобы какъ слѣдуетъ поблагодарили, а въ руки даже взять не хотѣли хорошенько и все кидкомъ да швыркомъ.

— Не отъ грубости хоть бы это дѣлали Ольга Николавна,— скромно возразила Алена Игнатьевна.

— Отчего жъ?—спросилъ я.

Алена Игнатьевна опять уставила глаза на свои пальцы и отвѣчала:

— Тосковать ужъ очень стали объ Ѳедорѣ Гаврилычѣ. Сколь, можетъ-быть, онъ ни виноватъ былъ противъ ихъ, но онѣ, кажется, больше жизни своей его любили, ну, и Ѳедоръ Гаврилычъ тоже разъ десять, можетъ, приходили пѣшкомъ къ нашей усадьбѣ, чтобъ только свиданье съ супругой своей имѣть. Цѣлые дни, сидючи въ полѣ, проплакивали, такъ какъ приказаніе отъ старушки было, чтобъ ихъ на красный дворъ даже не допускать, не то что ужъ въ комнаты. Ольга Николавна, все это слышавши и знавши тоже, въ какой они бѣдности проживаютъ, призовутъ, бывало, тайкомъ мужичковъ, которые побогатѣе:—«Милые мои, говоритъ, дайте мнѣ хоть сколько-нибудь денегъ, я вамъ послѣ отдамъ». Ну, и мужички кто синенькую, кто рубль серебромъ, четвертачокъ, полтинничекъ дадутъ имъ по своему состоянію; онѣ сейчасъ ихъ пошлютъ Ѳедору Гаврилычу, но тѣ тоже не принимали этихъ денегъ.—«Если, говоритъ, мое сокровище Оленьку у меня отняли, мнѣ ничего не надо. Я буду ходить по міру и подъ окномъ собирать милостыню».

Яковъ Ивановъ при послѣднихъ словахъ взглянулъ на жену своими слѣпыми глазами сердито и прямо обратился ко мнѣ:

— Про деньги генеральша наша ничего бы не сказала, напротивъ, я самолично возилъ Ѳедору Гаврилычу двадцать пять тысячъ въ своемъ карманѣ, чтобъ только онъ али бы въ Сибирь, или хоть въ иностранныя земли уѣхалъ, но онъ и того не почувствовалъ. Нашей госпожи было одно желаніе: чтобъ только онъ не былъ мужемъ нашей барышни, такъ какъ онъ недостоинъ того.

При послѣднихъ словахъ Грачиха какъ изъ-подъ земли выросла и появилась.

— Да кто можетъ мужа-то съ женой судить али разлучать?—начала она своимъ рѣзкимъ тономъ:—что вы это гово-

рите, грѣховодники? Гдѣ Богъ-то у васъ былъ втѣпоры? Баринъ нашъ, какъ тогда изъ Питера пріѣхалъ и услыхалъ, и только руками всплеснулъ. «Какъ!»—говоритъ, и сейчасъ же за Ѳедоромъ Гаврилычемъ лошадей въ городъ.—«Ѳедя! дуракъ, какъ у тебя жену отняли?» Тотъ, сердечный, только всплакалъ, смирный вѣдь баринъ былъ, а отъ дѣловъ-то ихнихъ словно и разуму лишился.

Яковъ Ивановъ вздохнулъ.

— Доброму и хорошему наставлялъ и научалъ его вашъ баринъ. Дай ему Богъ царство небесное, вѣкъ его поминаемъ,— проговорилъ онъ.

— Да научилъ же, на̀ вотъ вамъ! Изъ-подъ носу-было опять украли Ольгу Николавну, — подхватила Грачиха.

— Разбойники еще и не такія дѣла дѣлаютъ, и людей рѣжутъ, — возразилъ Яковъ Ивановъ.

— Что̀ такое разбойники? — спросилъ я.

Старикъ съ грустною улыбкою покачалъ головой.

— И разсказывать, сударь, — началъ онъ: — такъ вы, можетъ-быть, не повѣрите, судя по нынѣшнему, что̀ дѣлалось въ прежнія времена. Нельзя и старину за все похвалить: безурядицы много было; разбойникъ тогда по губерніи сталъ ходить, по имени Иванъ Ѳадденичъ, и разбойникъ сильнѣющій: можетъ-быть, болѣе трехсотъ человѣкъ шайка его была, словно въ непріятельскихъ земляхъ разъѣзды дѣлалъ и грабилъ по Волгѣ и другимъ судоходнымъ рѣкамъ. На большихъ дорогахъ тоже: почесть что проѣзду не стало, и не то чтобъ одиночниковъ изъ простого народа обиралъ, а ладилъ, нельзя ли экипажъ шестерикомъ, восьмерикомъ, даже самыя почты остановить, или къ помѣщикамъ, которые побогатѣе, наѣдетъ съ шайкой въ усадьбу и сейчасъ денегъ требуетъ; если господинъ не даетъ или запирается, просто дѣлали муки адскія: зажгутъ вѣники и горячими этими прутьями парятъ. По всѣмъ деревнямъ, гдѣ бы ни захотѣлъ, пріемъ ему былъ, какъ въ своей вотчинѣ. Начальство тоже, Богъ его знаетъ, подкуплено ли было, али боялось, только года три воинская команда не могла его изловить и арестъ ему сдѣлать. Страхъ былъ на всѣхъ великій, и такимъ дѣломъ сидятъ господа наши — генеральша съ Ольгой Николавною и своими внучатами—вечеромъ, въ своей малой гостиной, горятъ передъ ними двѣ восковыя свѣчи, а прочія комнаты почесть что не освѣщены, окромя нашей офиціантской и дѣвичьихъ комнатъ. Вдругъ слышимъ свистъ, гагайканье въ полѣ. Что̀ такое? И первоначально думали, что пьяные мужики съ базару ѣдутъ. Однако глядимъ—въ окнахъ зарево, выбѣжали на крыльцо: овины наши

горятъ. Всѣ мы, лакеи, бросились, конечно, туда, усадебный народъ тоже бѣжитъ. Господа, слышавши шумъ, изволятъ спрашивать:—«Что такое? Что случилось?» На эти ихъ слова ружейный выстрѣлъ, разъ, два, рамы въ ихней самой гостиной затрещали, зазвенѣли, вламываются въ окна двое мужчинъ, въ поддевкахъ, съ бородой и съ усами. Старушка наша, по своему геройству, встаютъ.—«Кто вы такіе?» — говоритъ. Одинъ изъ этихъ мужчинъ отвѣчаетъ ей:—«Я Иванъ Ѳаддейчъ, и вы, госпожа генеральша, пожалуйте вашу внуку, которую вы у мужа отняли». Ну, и старушка, пообслабнувши, конечно, опустилась въ кресло и только вскрикнула:—«Люди, гдѣ вы?» А Ольга Николавна, прижавшись тѣмъ временемъ съ дѣтьми за бабенькины плечи, видятъ, что у одного изъ мужчинъ борода и усы спали, — глядь, это Ѳедоръ Гаврилычъ. Какъ вскрикнула:—«Ахъ!», да такъ и пала замертво. Невзирая на это, Ѳедоръ Гаврилычъ хватаютъ ихъ на свои руки, а другой мужчина — вернулись-было двѣ горничныя дѣвицы и лакей— какъ рѣзнетъ ихъ всѣхъ наотмашь кулакомъ, такъ тѣ головами назадъ въ двери и улетѣли, и послѣ оба опять въ окошко, и слѣдъ простылъ. Я ужъ и самъ не знаю, какъ очутился въ комнатахъ, слышу только, что Ольгу Николавну украли. Генеральша безъ памяти, дѣти плачутъ, и только ужъ на другой день, когда старушка изволили прійти нѣсколько въ себя, получаю я отъ нихъ такое приказаніе, чтобъ ѣхать сейчасъ въ уѣздный городъ, на квартиру Ѳедора Гаврилыча, и если Ольга Николавна тамъ, то вручить ей письмо, въ противномъ же случаѣ подать въ подлежащій земскій судъ законное объявленіе обо всемъ случившемся. Я пріѣзжаю, выходитъ ко мнѣ Ѳедоръ Гаврилычъ.—«Поздно, говоритъ, Яковъ Иванычъ, опоздали вы съ вашей барыней, Оленька моя лежитъ на столѣ, а вмѣстѣ съ ней и я лягу». — «Ну, говорю, Ѳедоръ Гаврилычъ, вы себѣ сами все это предуготовили — сами и отвѣчайте за то Богу».

— Отчего же она такъ вдругъ ужъ и умерла? — перебилъ я старика.

— Въ тягости онѣ изволили быть, ну, и съ этакихъ страховъ и ужасовъ выкинули... и не перенесли ужъ потомъ того...

— Неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, съ разбойникомъ съ Иваномъ Ѳадденчемъ пріѣзжалъ?—спросилъ я.

Грачиха на это всплеснула руками.

— Нѣту, батюшка, нѣту; что онъ, старая лиса, говоритъ!— воскликнула она. — Ну, просто тебѣ сказать, нашъ баринъ шутку хотѣлъ спутить. Онъ самъ этимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадденчемъ и наряженъ былъ; кто зналъ, что экій грѣхъ

будетъ. Чѣмъ бы старухѣ со страху окостенѣть, а тутъ на-ка, молодая барыня лишилась отъ того жизни. Баринъ нашъ тогда, послѣ похоронъ, пріѣхалъ и словно съ ума спятилъ: три недѣли пилъ мертвую, изъ пистолета себя все хотѣлъ застрѣлить. Трое лакеевъ такъ и ходили по слѣдамъ его, чтобъ чего не сдѣлалъ надъ собой, только и утѣшеніе было, что на могилу къ Ольгѣ Николавнѣ ѣздить; пріѣдетъ туда да головой себя объ памятникъ и начнетъ колотить. А что ужъ на Ѳедора Гаврилыча приходитъ, такъ это извини, не онъ будетъ отвѣчать Богу, а вы, вы, вы... вотъ вамъ что — да! Вмѣсто того, чтобы вамъ съ вашей старой барынѣй дѣлать поминовеніе за упокой праведной души Ольги Николавны, вы по начальству пошли и стали доказывать, аки бы Ѳедоръ Гаврилычъ съ настоящимъ разбойникомъ Иваномъ Ѳадденчемъ пріѣзжалъ, деньги всѣ обралъ и внучку укралъ. Баринъ нашъ пыталъ заявлять всѣмъ начальникамъ, что это не разбойникъ какой, а онъ пріѣзжалъ: — «Ну, когда я виноватъ, говоритъ, такъ и спрашивай съ меня...»—такъ и вѣры, паря, никто не хотѣлъ имѣть. Что ужъ тутъ говорить: самъ Иванъ Ѳадденчъ, разбойникъ бы, кажись, такъ и тотъ, передъ кобылой стоявши, говорилъ:—«Православные, говоритъ, христіане, можетъ-быть, мнѣ живому изъ-подъ кнута не встать, въ семидесяти душахъ человѣческихъ убитыхъ я покаянье сдѣлалъ, а что, говоритъ, у генеральши въ Богородскомъ не бывалъ и барина Ѳедора Гаврилыча не знаю».

— Этого, сударыня, мы не знаемъ и знать того не могли,— возразилъ Яковъ Ивановъ:—не мы его судили, а законъ.

— Сами вы, любезный, законы-то хорошо знали да подводили... На-ка, какой законъ нашелъ! Присудили хоть бы Ѳедора Гаврилыча ни за что ни про что, за одно только смиренство его, присудили на поселенье,—экіе, паря, законы нашли.

— Того и стоилъ, туда ему и дорога была, — произнесъ Яковъ Ивановъ, какъ бы самъ съ собой.

— Богъ знаетъ, кому туда дорога-то шла,—возразила Грачиха: — не тотъ, можетъ, только туда попалъ. Старой вашей барынѣ на нашихъ глазахъ еще въ сей жизни плата Божья была. Не въ мою мѣру будь сказано, какъ померла, такъ языкъ на два аршина вытянулся, три раза въ гробу повертывалась, не скроешь этого дѣла-то; похоронъ совершать, почесть, не могли по-должному, словно колдунью какую предавали землѣ, страхъ и ужасъ былъ на всѣхъ.

При этихъ словахъ Грачихи избеная дверь съ шумомъ растворилась, стоявшій на полочкѣ около задней стѣны штофъ повалился и зазвенѣлъ, дремавшій на голбцѣ котъ фыркнулъ,

махнулъ однимъ прыжкомъ черезъ всю избу и спрятался подъ лавку. Мы всѣ невольно вздрогнули. Яковъ Ивановъ поблѣднѣлъ. Въ полумракѣ въ дверяхъ показалась фигура съ растрепанными волосами, съ истощеннымъ лицомъ, въ пальто сверху, а подъ нимъ въ красной рубашкѣ, въ плисовыхъ штанахъ и въ козловыхъ съ высокими голенищами сапогахъ. За нимъ выступала другая физіономія, съ рыжеватой, клинообразной бородой и съ плутоватыми, уплывшими внутрь глазами, и одѣтая въ аккуратно подпоясанную бекешку.

— Ой, чтобъ васъ, псы, испугали!—воскликнула Грачиха.

— Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?—осипло проговорила растрепанная фигура.

Я догадался, что это былъ охотникъ съ хозяиномъ.

— Пошелъ, пошелъ въ свое мѣсто; господа здѣсь,—проговорила Грачиха.

Охотникъ обвелъ избу своими воспаленными глазами и остановилъ ихъ на мнѣ; потомъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, проговорилъ:

— Честь имѣю явиться: гусарскаго Ермаланскаго полка рядовой! Здравствуйте, дѣдушка и бабушка!—прибавилъ онъ и потомъ опустился на лавку около старушки, схватилъ ее за руку и поцѣловалъ; при этомъ у него навернулись слезы.

— Дѣдушка у меня умная голова—министръ! Дѣдушка мой министръ! — говорилъ, хватая себя за голову и съ какой-то озлобленной улыбкой, гуляка. — Вы дуракъ, хозяинъ мой, подай торбанъ, — продолжалъ онъ и, тотчасъ же обратившись ко мнѣ, присовокупилъ: — Позвольте мнѣ поиграть на торбанѣ.

Клинообразный мужикъ стоялъ въ недоумѣніи.

— Пошелъ! Маршъ!—крикнулъ охотникъ.

Хозяинъ ушелъ.

— Дѣдушка мой, министръ, изволилъ приказанье отдать, чтобъ быть ему по торговой части: «галстуки, платки, помада самолучшія; пожалуйте сюда, господинъ, сдѣлайте милость, пожалуйте сюда!» — говорилъ охотникъ, вставъ и представляя, какъ купцы зазываютъ въ лавку: — плутовать, народъ, значитъ, обманывать,—не хочу! Володька Топорковъ пьяница, но плутомъ вотъ этакимъ не бывалъ, — воскликнулъ онъ, указывая одною рукою на дѣдушку, а другой на возвращающагося хозяина, который смиренно подалъ ему торбанъ. — Мы у Мясницкихъ воротъ въ трактирѣ жили, — продолжалъ онъ:— тамъ наверху, въ собачьей конурѣ, ничего — играть можемъ, а ужъ плутовать не станемъ, — шалишь! А сыграть — сыграемъ, — заключилъ онъ и дѣйствительно взялъ нѣсколько

ловкихъ аккордовъ, а потомъ, пожимая плечами, запѣлъ осиплымъ голосомъ:

„Куманекъ, побывай у меня,
Разголубчикъ, побывай у меня!
Что жъ такое побывать у тебя,
У тебя, кума, вороты скрипучи,
Скрипучи, пучи, пучи, пучи, пучи“.

— Ну, паря, хороша пѣсня, эку выучилъ! У насъ пьяный мужикъ лучше того споетъ,—отозвалась Грачиха.

— Погоди, постой, слушай!— произнесъ мрачно Топорковъ и потомъ опять, сдѣлавъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

„Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ,
Все по собственнымъ дѣламъ;
Шелъ по Невскому проспекту
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,
Что за чудная столица,
Распрекрасный Питемургъ“.

— Хорошо?— спросилъ Топорковъ, остановясь.

— Нѣтъ, и это нехорошо, на балалайкѣ хорошо играешь, а поешь нескладно!—отвѣчала Грачиха.

— Постой, садись около меня, — проговорилъ гуляка и, взявъ Грачиху за руку, посадилъ рядомъ съ собой. — Слушай,—произнесъ онъ и началъ заунывнымъ тономъ:

„Туманы сѣдые плывутъ
Къ облакамъ,
Пастушки младыя спѣшатъ
Къ пастушкамъ“.

Но эта пѣсня ужъ, кажется, и самому Топоркову не понравилась: по крайней мѣрѣ онъ всталъ, подалъ съ пренебреженіемъ торбанъ хозяину и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Позвольте на тіатрѣ разыграть?

И потомъ, не дожидаясь отвѣта, снова всталъ въ позу трагиковъ и началъ:

„Спи, стая псовъ!
Спи сномъ непробуднымъ до Страшнаго Суда,
Тогда воскресни и прямо въ адъ, измѣнники,
И Богъ на русскую державу ополчился!
Онъ попустилъ холопей нечестивыхъ
Торжествовать надъ русскою землей“.

Говоря послѣднія слова, Топорковъ опять указалъ на дѣда своего и на хозяина.

— Экъ его благуетъ, словно лѣшій, — замѣтила Грачиха, покачавъ только головой.

Топорковъ посмотрѣлъ на нее мрачно, опустился на скамейку около бабушки и положилъ къ ней голову на плечо;

потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, ударилъ себя по лбу и проговорилъ, какъ бы больше самъ съ собой:

— Гдѣ мои деньги? Кто мнѣ смѣетъ водки не давать?

— Батюшка Володюшка, тебѣ вредно,—говорила старуха, приглаживая растрепанные волосы внука:—деньги твои у меня, да я тебѣ не даю, тебѣ на службѣ пригодится.

— Бабушка! Не у тебя деньги!—воскликнулъ Топорковъ:— я знаю, у кого деньги, ну, Богъ съ нимъ! Меня продали, Богъ съ нимъ. Іосифа братья тоже продали, Богъ съ нимъ; не надо мнѣ денегъ!—заключилъ гуляка и потомъ, ударивъ себя въ грудь, запѣлъ:

„Русской грудью и душою
Служить Богу и царямъ,
Кротокъ въ мірѣ, но средь бою
Страшенъ, пагубенъ врагамъ".

Оглушенный этимъ пѣніемъ и монологами, я, впрочемъ, не переставалъ глядѣть на слѣпца. Ни мои разспросы ни колкіе намеки Грачихи, ничто не могло такъ поколебать его спокойствія, какъ безобразіе внука. Съ каждой минутой онъ начиналъ болѣе и болѣе дрожать и потомъ вдругъ всталъ, засунулъ дрожащую руку за пазуху, вытащилъ оттуда бумажникъ и, бросивъ на столъ, проговорилъ своимъ ровнымъ тономъ:

— На-те, возьмите ваши деньги!.. Алена Игнатьевна, уведите меня отсюда куда-нибудь, уведите,—проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Будто?—произнесъ съ насмѣшкою внукъ.

Старикъ ничего ему не отвѣтилъ и, не ощупавъ даже палкою, перешагнулъ черезъ скамью и быстро пошелъ по избѣ. Алена Игнатьевна послѣдовала за мужемъ.

— Покойной ночи, королева!—проговорилъ имъ вслѣдъ Топорковъ.

Грачиха съ своей неизмѣнной правдой начала тотчасъ же бранить его.

— Пошто, песъ, дѣдушекъ обижаешь и печалишь? Балда, балда и есть, не дастъ тебѣ Богъ счастья и въ службѣ, коли стариковъ не почитаешь, пьяный дуракъ!

Топорковъ слушалъ ее, понуривъ голову.

— Деньги вы возьмете, или мнѣ прибрать прикажете?— спросилъ клинобородый хозяинъ.

— Самъ приберу,—проговорилъ Топорковъ и спряталъ бумажникъ въ карманъ.—Іосифа братья продали, а я эти деньги бабушкѣ отдамъ. Хозяинъ-дуракъ, пойдемъ, куда сказано.

— Пойдемте-съ,—проговорилъ смиренно мужикъ, и они ушли.

Я тоже ушелъ въ свою комнату. Изъ-за дощаной перего-

родки въ сосѣднемъ номерѣ слышались, вмѣсто крикливыхъ возгласовъ гуляки, истовыя слова молившагося старика:

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Боже, очисти грѣхи мои и помилуй!

И затѣмъ все смолкло, и только по временамъ долеталъ до меня голосъ бранящейся или просто разговаривающей Грачихи съ подъѣхавшими мужиками-обозниками. Черезъ четверть часа заложили моихъ лошадей, и Грачиха содрала съ меня денегъ сколько только могла, и когда я ей замѣтилъ:

— Старая, много берешь.

— Полно-ка, полно: много берешь; ишь во какихъ енотахъ ходишь, а я вонъ цѣлый вѣкъ въ полушубчишкѣ бѣгаю. Много съ него взяла, — отвѣчала она и, впрочемъ, усадила меня съ почтеніемъ въ сани, а когда я поѣхалъ, она только-что не перекрестила меня вслѣдъ.

1857 г.

МѢЩАНЕ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ Большомъ театрѣ давали «Травіату». Примадонна была восхитительна. Въ переднемъ ряду, между все почти военными, сидѣлъ одинъ статскій. Въ его фигурѣ, начиная съ курчавой, значительно посѣдѣвшей головы и весьма выразительнаго, подвижнаго лица, до посадки всего тѣла, проглядывало что-то гордое и осанистое. Онъ сидѣлъ, опершись своими красивыми руками на дорогую палку. Костюмъ его весь состоялъ изъ одноцвѣтной матеріи. По окончаніи перваго акта, когда статскій всталъ съ своего мѣста и обернулся лицомъ къ публикѣ, къ нему обратился съ разговоромъ широкоплечій генералъ съ золотымъ аксельбантомъ и началъ разсказывать, по мнѣнію генерала, вѣроятно, что-нибудь очень смѣшное. Статскій выслушалъ его весьма внимательно, но въ отвѣтъ генералу ничего не сказалъ и даже на лицѣ своемъ ничего не выразилъ. Тотъ, замѣтно этимъ нѣсколько обидѣвшись, отвернулся отъ статскаго и, слегка поддувая подъ свои нафабренные усы, сталъ глядѣть на ложи. Въ это время съ другой половины креселъ стремился къ статскому другой военный, ужъ какой-то длинновязый, съ жиденькими усами и бакенбардами, съ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, съ ученымъ значкомъ на груди и въ полковничьихъ эполетахъ. Онъ давно со вниманіемъ заглядывалъ на статскаго и, когда тотъ повернулъ къ нему лицо свое, военный, какъ-то радостно воскликнувъ:—«Боже мой, это Бѣгушевъ!»—началъ, шагая черезъ ноги своихъ сосѣдей, быстро пробираться къ нему.

— Александръ Ивановичъ, вы ли это? — произнесъ онъ, останавливаясь наконецъ передъ Бѣгушевымъ.

Что-то въ родѣ привѣтливой улыбки промелькнуло на губахъ того.

— Ахъ, Янсутскій, здравствуйте! — проговорилъ онъ, протягивая военному руку и какъ бы нѣсколько обязательнымъ тономъ.

Послѣ того Янсутскій нѣкоторое время переминался передъ Бѣгушевымъ, видимо отыскивая подходящій предметъ для разговора.

— Но какимъ же образомъ вы на оперѣ Верди? — придумалъ онъ наконецъ.

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Что васъ такъ удивляетъ это? Я очень люблю эту оперу,—отвѣчалъ онъ.

— Но знатоки, кажется, вообще не слишкомъ высоко ставятъ Верди?—больше спросилъ Янсутскій.

— Я не особенный знатокъ...—протянулъ Бѣгушевъ.

— Ну, какъ вы не знатокъ!—возразилъ Янсутскій и затѣмъ прибавилъ: — Какъ однако много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь познакомиться съ вами за границей... Лѣтъ пятнадцать, кажется?

— Да,—протянулъ и на это Бѣгушевъ.

Янсутскій придалъ затѣмъ печальное выраженіе своему лицу.

— А Наталья Сергѣевна, какъ я слышалъ, кончила жизнь.

Лицо Бѣгушева окончательно омрачилось.

— Она умерла,—проговорилъ онъ.

Послѣ этого оба собесѣдника опять на нѣкоторое время замолчали.

— А вы тоже въ Москвѣ живете? — сказалъ Бѣгушевъ какъ бы затѣмъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Я собственно больше живу въ вагонахъ, на желѣзной дорогѣ. Я занимаюсь коммерціей: распорядитель въ нѣсколькихъ компаніяхъ и самъ тоже имѣю подряды. Нельзя, знаете: въ годъ тысчонокъ 60, 80 иногда зашибешь; пріятно это и соблазнительно...—объяснилъ Янсутскій.

— Но какимъ же образомъ вамъ позволяютъ носить вашъ военный мундиръ? — спросилъ Бѣгушевъ явно удивленнымъ голосомъ.

— Да... ну, это что же!.. Я собственно схлопоталъ и сохранилъ себѣ эту форму больше для апломба. Вѣсу она, знаете, какъ-то больше даетъ между разнымъ этимъ мужичьемъ: подрядчиками... купцами... Россія-матушка еще страна варварская: боится и уважаетъ палку и свѣтленькій позументикъ!

Бѣгушевъ на это молчалъ.

— Вы, если я не ошибаюсь, домъ свой въ Москвѣ имѣете?— допрашивалъ его Янсутскій.

— Свой-съ!—отвѣчалъ ему лаконически Бѣгушевъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ быть у васъ,—продолжалъ Янсутскій, слегка кланяясь: — у меня тоже здѣсь свой домъ, который и вы, можетъ-быть, знаете: на Тверской, противъ церкви; хатка этакая небольшая, на три улицы выходитъ... Самъ я, впрочемъ, не живу въ немъ, такъ какъ бываю въ Москвѣ на время только...

Бѣгушевъ и на это совершенно промолчалъ.

— Буду имѣть честь явиться къ вамъ!—заключилъ Янсутскій и, расшаркавшись, отошелъ отъ Бѣгушева; но, проходя мимо широкоплечаго съ аксельбантомъ генерала, почти въполспины поклонился ему. Генералъ протянулъ ему два пальца. Янсутскій пожалъ ихъ и, замѣтно оставшись очень доволенъ этимъ, вышелъ съ нѣкоторою гордостью на средній проходъ, гдѣ, пріостановившись, взглянулъ на одну изъ бельэтажныхъ ложъ, въ которой сидѣла одна-одинехонька совершенно бабочкѣподобная дама, очень богато разодѣтая, съ цѣлымъ ворохомъ волосъ на головѣ, съ лицомъ блѣднымъ и матовымъ, съ свѣтлыми, веселыми глазками и съ маленькимъ, вздернутымъ носикомъ. Въ продолженіе всего акта она совершенно не слушала оперы, сидѣла даже, отвернувшись отъ сцены, очень часто зѣвала и прислонялась головкой къ спинкѣ креселъ, какъ бы затѣмъ, чтобы заснуть. Единственнымъ развлеченіемъ ея была стоявшая на перилахъ ложи бонбоньерка, изъ которой она безпрестанно таскала конфеты, нехотя сосала, жевала ихъ и нѣкоторыя даже выкидывала изъ своего хорошенькаго рта. Увидавъ Янсутскаго, дама сдѣлала ему приглашительный знакъ рукою. Тотъ кивнулъ ей въ свою очередь головой и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ ней въ ложу.

— На, съѣшь конфетку!—начала она, какъ только-что онъ усѣлся рядомъ съ ней.

— Подите, не хочу!—отвѣчалъ Янсутскій.

— Съѣшь!.. съѣшь непремѣнно!—повторила настойчиво дама и почти насильно сунула ему въ руку огромную конфету.

Янсутскій улыбнулся, пожалъ плечами; но дѣлать нечего: началъ ѣсть конфету.

— Съ кѣмъ ты съ послѣднимъ мужчиной говорилъ?—спросила дама.

— Съ Бѣгушевымъ.

— А ты развѣ знакомъ съ нимъ?

— Давнымъ-давно,—отвѣчалъ Янсутскій.

Дама послѣ того, прищуривъ свои хорошенькіе глазки, начала внимательно смотрѣть на Бѣгушева.

— А онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошъ собой!—проговорила она, съ живостью повертывая свою головку къ Янсутскому.

Бѣгушевъ въ это время все еще стоялъ лицомъ къ публикѣ и дѣйствительно, по благородству своей фигуры, былъ какъ отмѣнный соболь между всѣми.

— Чѣмъ же особенно хорошъ? Наконецъ онъ не молодъ очень, старикъ почти!—возразилъ Янсутскій.

— А онъ богатъ?—продолжала разспрашивать дама.

— Богатъ!

— Говорятъ, онъ очень умный и ученый, что ли?

— А чортъ его знаетъ, умный ли онъ и ученый,—произнесъ ужъ съ нѣкоторою досадливостью Янсутскій:—но кто жъ тебѣ говорилъ все это про него?

— Домна Осиповна, разумѣется!.. Кто жъ больше!..

Янсутскій при этомъ усмѣхнулся.

— Значитъ, это правда, что она съ нимъ сошлась?

— Еще бы не правда!..—воскликнула дама. — Вчера была ея горничная Маша у насъ. Она сестра моей Кати и все разсказывала, что господинъ этотъ каждый вечеръ бываетъ у Домны Осиповны, и только та очень удивляется:—«Что это, говоритъ, Маша, гость этотъ такъ часто бываетъ у меня, а никогда тебѣ ничего не подаритъ?»

Янсутскій снова на это усмѣхнулся.

— Какъ же это такъ случилось? Домна Осиповна всегда себя за такую смиренницу выдавала!—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, смиренницу какую нашелъ! — произнесла насмѣшливо его собесѣдница: — она когда и съ мужемъ еще жила, такъ я не знаю со сколькими кокетничала!..

— Но тогда она это дѣлала, какъ сама мнѣ говорила, для того, чтобы ревность въ мужѣ возбудить и чтобы хоть этимъ удержать его около себя.

— Ну да, такъ!.. Для этого только!.. — горячилась дама:— кокетничала, потому что самой это пріятно было; но, главное, досадно, зачѣмъ притворничать? Я какъ-то посмѣялась ей на счетъ этого Бѣгушева, она вдругъ надулась: «я вовсе, говоритъ, не такъ скоро и вѣтрено дарю мои привязанности!..» Знаешь, мнѣ хотѣла этимъ маленькую шпильку сказать!

— И за дѣло!.. Зачѣмъ же вызывать на такіе разговоры, когда кто ихъ самъ не начинаетъ...

— Я ихъ теперь и не начну больше никогда съ ней!..— сказала дама и при этомъ отъ досады сдѣлала движеніе рукою, отъ котораго лежавшая на перилахъ афиша полетѣла внизъ.—

Ахъ! — воскликнула при этомъ дама совершенно дѣтскимъ голосомъ и очень громко, такъ что Янсутскій вздрогнулъ даже немного.

— Что такое?—спросилъ онъ.

— Посмотри, я афишу уронила,—продолжала дама, загибая голову внизъ: — вонъ она летитъ и прямо-прямо одному старичку на голову; а онъ и не чувствуетъ ничего, ха-ха-ха!

И дама, откинувшись на задокъ кресла, начала хохотать.

— Перестань, Лиза; развѣ можно такъ держать себя въ театрѣ!—унималъ ее Янсутскій.

— Не могу, не могу удержаться!..—говорила дама.

Янсутскій покачалъ только съ неудовольствіемъ головой и, вставъ со стула, началъ поправлять ремень у своей сабли.

— А ты развѣ не ко мнѣ поѣдешь ужинать? У меня папа будетъ и привезетъ устрицъ!—проговорила дама.

— Богъ съ нимъ, съ твоимъ папа, и съ его устрицами... мнѣ еще нужно въ одномъ мѣстѣ быть.

— Такъ вотъ что... — начала дама, и голосъ ея какъ бы измѣнилъ своей обычной веселости: — каретникъ опять этотъ являлся; ему 800 рублей надобно заплатить.

Что-то въ родѣ кислой гримасы пробѣжало по лицу Янсутскаго.

— Заплатилъ ужъ я ему,—отвѣчалъ онъ съ явной досадой.

— И потомъ...—продолжала дама, голосъ ея все еще оставался какимъ-то нетвердымъ:—изъ магазина Леонъ тоже приходили, и ты, пожалуйста, скажи имъ, чтобы они и не ходили ко мнѣ... я объ этихъ противныхъ деньгахъ терпѣть не могу и разговаривать.

— А вещи когда берешь, это любишь?—замѣтилъ ей ядовито Янсутскій.

— Вещи я, конечно, люблю, а потомъ я хотѣла тебѣ сказать, сердись ты на меня или не сердись, но изволь непремѣнно на нынѣшнее лѣто въ Петергофѣ дачу нанять, или за границу уѣдемъ... Я этихъ московскихъ дачъ видѣть не могу.

— Успѣемъ еще это сдѣлать, — отвѣчалъ Янсутскій, уходя.

— Непремѣнно же!—крикнула ему вслѣдъ дама.

Въ продолженіе всего этого разговора генералъ съ золотымъ аксельбантомъ не спускалъ бинокля съ ложи бабочки подобной дамы и, когда Янсутскій ушелъ отъ нея, онъ обратился къ стоявшему около него молодому офицеру, вѣроятно адъютанту своему:

— Это m-me Мѣрова, если я не ошибаюсь?

— Да-съ!—отвѣчалъ адъютантъ.

— И въ ея ложѣ, по обыкновенію, Янсутскій!.. — продолжалъ генералъ.

— Какъ всегда!—отвѣчалъ съ улыбкой адъютантъ:—очень, говорятъ, она дорого ему стоитъ! — прибавилъ онъ негромко.

— Дорого?—полюбопытствовалъ генералъ.

— Тысячъ двадцать пять въ годъ!—объяснилъ адъютантъ.

— Ого, сколько!..—произнесъ негромко, но замѣтно одобрительнымъ тономъ генералъ.

При разъѣздѣ Бѣгушевъ снова въ сѣняхъ встрѣтился съ Янсутскимъ, который провожалъ m-me Мѣрову. Янсутскій поспѣшилъ взаимно представить ихъ другъ другу. Бѣгушевъ поклонился m-me Мѣровой съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ бы не понимая, зачѣмъ его представляютъ этой дамѣ, а m-me Мѣрова кинула только пристальный, но короткій на него взглядъ и пошла, безбожнѣйшимъ образомъ волоча длинный хвостъ своего дорогого платья по грязному полу сѣней... Отъ разсѣянности ли она это дѣлала, или отъ какихъ-нибудь мыслей, на минуту забѣжавшихъ въ ея голову, сказать трудно!

Къ подъѣзду первая была подана карета m-me Мѣровой, запряженная парой сѣрыхъ, въ яблокахъ, жеребцовъ. M-me Мѣрова какъ птичка впорхнула въ карету. Ливрейный лакей захлопнулъ за ней дверцы и вскочилъ на козлы. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ фаэтонъ Янсутскаго уже на вороныхъ, кровныхъ рысакахъ.

— Кто это именно дама, съ которой вы меня познакомили?—спросилъ его Бѣгушевъ,

— Это одна моя очень хорошая знакомая,—отвѣчалъ Янсутскій съ нѣкоторой лукавой усмѣшкой: — нельзя, знаете, я человѣкъ неженатый. Она, впрочемъ, изъ очень хорошей здѣшней фамиліи, и больше это можно назвать, что par amour! Честь имѣю кланяться! — И затѣмъ, сѣвъ въ свой экипажъ и приложивъ руку къ фуражкѣ, онъ крикнулъ:—Въ Яхтъ-клубъ!

Кровные рысаки черезъ мгновеніе скрыли его изъ глазъ Бѣгушева.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Янсутскій и m-me Мѣровою, и ея каретою съ жеребцами, и своимъ экипажемъ, и даже возгласомъ: «въ Яхтъ-клубъ!», хотѣлъ произвесть нѣкоторый эффектъ въ глазахъ Бѣгушева. Онъ, можетъ-быть, ожидалъ даже возбудить въ немъ нѣкоторое чувство зависти; но тотъ на всѣ эти блага не обратилъ, кажется, никакого вниманія и совершенно спокойно сѣлъ въ свою, тоже очень хорошую карету.

Кучеръ его, выбравшись изъ ряда экипажей, обернулся къ нему и спросилъ:

— За Москву-рѣку прикажете ѣхать?

— Туда!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Кучеръ поѣхалъ.

II.

На Таганкѣ передъ большимъ домомъ, украшеннымъ всевозможными выпуклостями, Бѣгушевъ остановился. Въ домѣ передъ тѣмъ виднѣлся весьма слабый свѣтъ; но когда Бѣгушевъ позвонилъ въ колокольчикъ, то по всему дому забѣгали огоньки, и весь фасадъ его освѣтился. На все это, разумѣется, надобно было употребить нѣкоторое время, такъ что Бѣгушевъ принужденъ былъ позвонить другой разъ. Наконецъ ему отворили. Онъ вошелъ и сдѣлалъ невольно гримасу отъ кинувшагося ему въ носъ запаха только-что зажженнаго фотогена. Три пріемныя комнаты, черезъ которыя проходилъ Бѣгушевъ, представляли въ себѣ какъ-то слишкомъ много золота: золото въ обояхъ, широкія золотыя рамы на картинахъ, золото на лампахъ и на держащихъ ихъ неуклюжихъ рыцаряхъ; потолки пестрѣли тяжелою лѣпною работою; ковры и салфетки, покрывавшія столы, были съ крупными, затѣйливыми узорами; драпировки на окнахъ и дверяхъ яркихъ цвѣтовъ... Словомъ, во всемъ чувствовалась какая-то неизящная и очень недорогая роскошь. Въ этихъ комнатахъ не было никого; но въ четвертой комнатѣ, представляющей что-то въ родѣ женскаго кабинета, Бѣгушевъ нашелъ въ домашнемъ туалетѣ молодую даму, сидѣвшую за круглымъ столомъ въ покойныхъ креслахъ, съ глазами, опущенными въ книгу. Это была та самая Домна Осиповна, о которой упоминала m-me Мѣрова. При входѣ гостя Домна Осиповна взмахнула глаза на него, нѣжно улыбнулась ему и, протягивая свою красивую руку, проговорила какъ бы не совсѣмъ искреннимъ голосомъ:

— А я-было и ждать васъ совсѣмъ перестала,—досадный этакій!

— Виноватъ, опоздалъ: я въ театрѣ былъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ, довольно тяжело опускаясь на кресло, стоявшее противъ хозяйки. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма внимательно взглянулъ на нее и спросилъ:—Вы все еще больны?

— Да, у меня здѣсь вотъ очень болитъ,—сказала Домна Осиповна, показывая себѣ на горло, кокетливо завязанное батистовымъ платкомъ.

— Но что же докторъ, какъ объясняетъ вашу болѣзнь?—продолжалъ Бѣгушевъ уже съ безпокойствомъ.

— А Богъ его знаетъ: никакъ не объясняетъ!—отвѣчала Домна Осиповна. Она, впрочемъ, врядъ ли и больна была, а только такъ это говорила, зная, что Бѣгушеву нравятся бо

лѣющія женщины. — Главное, досадно, что курить не позволяютъ!—присовокупила она.

— Ну, это еще бѣда небольшая! — замѣтилъ ей Бѣгушевъ.

— Да, я знаю, вы даже рады этому!—сказала Домна Осиповна.—Однако что же я не спрошу васъ: вы чаю, можетъ-быть, хотите?

— Ежели есть онъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— О, конечно, — проговорила Домна Осиповна и, проворно вставъ, вышла въ сосѣднюю комнату. Тамъ она торопливымъ голосомъ сказала своей горничной:—Чаю, Маша, сдѣлай и не изъ того ящика, изъ котораго я пью, а который получше, знаешь?

— Знаю-съ,—подхватила смѣтливая горничная.

— На стаканъ или на два, не больше! — прибавила Домна Осиповна.

— Понимаю-съ!—снова подхватила горничная.

Бѣгушевъ между тѣмъ сидѣлъ, понуривъ немного голову и какъ бы усмѣхаясь самъ съ собой. Будь онъ менѣе погруженъ въ свои собственныя мысли, онъ, можетъ-быть, замѣтилъ бы нѣкоторые маленькіе, но тѣмъ не менѣе характерные факты. Онъ увидѣлъ бы, напримѣръ, что между сидѣньемъ и спинкой дивана затиснутъ былъ грязный батистовый платокъ, передъ тѣмъ только покрывавшій больное горло хозяйки, и что чистый надѣтъ уже былъ теперь, лишь сію минуту; что подъ развернутой книгой журнала, и развернутой, какъ видно, совершенно случайно, на какой Богъ привелъ страницѣ, такъ что предыдущіе и послѣдующіе листы передъ этой страницей не были даже разрѣзаны, скрывались крошки чернаго хлѣба и не совсѣмъ свѣжей колбасы, которую кушала хозяйка и почти вышвырнула ее въ другую комнату, когда раздался звонокъ Бѣгушева.

Возвратившись въ кабинетъ, Домна Осиповна снова усѣлась въ свое кресло, приложила ручку къ виску и придала нѣсколько нѣжный оттѣнокъ своему взгляду, словомъ — замѣтно рисовалась... Она была очень красивая собой женщина, хотя въ красотѣ ея было черезчуръ много эффектнаго и какого-то мертво-эффектнаго, мазочнаго: она, кажется, нѣсколько и притиралась. Взглядъ ея черныхъ глазъ былъ уменъ, но въ то же время того, что дается образованіемъ и вращеніемъ мысли въ болѣе высшихъ сферахъ человѣческихъ знаній и человѣческихъ чувствованій, въ ней не было. Несомнѣнно, что Домна Осиповна думала и чувствовала много, но только все это происходило въ области самыхъ низшихъ людскихъ горестей и радостей. Самая глубина ея взгляда скорѣе говорила о лу-

чавствѣ, затаенности и терпѣливости, чѣмъ о нѣжности и деликатности натуры, способной глубоко чувствовать.

Бѣгушевъ приподнялъ наконецъ свою голову; улыбка все еще не сходила съ его губъ.

— Сейчасъ я ѣхалъ-съ,—началъ онъ:—по разнымъ вашимъ Якиманкамъ, Таганкамъ; меня обогнало болѣе сотни экипажей, и все это, изволите видѣть, ѣхало сюда изъ театра.

— Ахъ, отсюда очень многіе ѣздятъ! — подхватила Домна Осиповна:—весь абонементъ итальянской оперы почти составленъ изъ Замоскворѣчья.

Бѣгушевъ развелъ только руками.

— И такимъ образомъ,—сказалъ онъ съ грустной усмѣшкой: — Таганка и Якиманка безапелляціонные судьи актера, музыканта, поэта; о, печальныя времена!

— Что жъ, изъ нихъ очень много образованныхъ людей, прекрасно все понимающихъ!—возразила Домна Осиповна.

— Вы думаете?—спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Да, я даже знаю очень много примѣровъ тому: моего мужа взять, онъ очень любитъ и понимаетъ всѣ искусства...

Бѣгушевъ нѣсколько нахмурился.

— Можетъ быть-съ, но дѣло не въ людяхъ, — возразилъ онъ: — а въ томъ, что силу даетъ этимъ господамъ, и какую еще силу: совѣсть людей становится въ рукахъ Таганки и Якиманки; разные ваши либералы и демагоги, шапки обыкновенно не хотѣвшіе поднять ни передъ какимъ абсолютизмомъ, съ наслажденіемъ говорятъ, съ восторгомъ пріемлютъ разныя субсидіи и службишки отъ Таганки!

— Но кто же это? Нѣтъ!—не согласилась Домна Осиповна.

— Есть!.. Есть!..—воскликнулъ Бѣгушевъ:—разсказываютъ даже, что нѣмцы въ Москвѣ, болѣе прозорливые, нарочно принимаютъ православіе, чтобы только угодить Якиманкѣ и на благосклонности оной сотворить себѣ честь и благостыню, и созидаютъ оное, созидаютъ! — повторилъ онъ нѣсколько разъ,

Домна Осиповна на это только усмѣхнулась: она видѣла, что Бѣгушевъ началъ острить, а потому все это, конечно, очень мило и смѣшно у него выходило; но чтобы что-нибудь было серьезное въ его словахъ, она и не подозрѣвала.

Бѣгушевъ замѣтно одушевился.

— Это безсмыслица какая-то историческая! — восклицалъ онъ:—разные рыцари, что бы тамъ про нихъ ни говорили, и всевозможные воины ломали себѣ ребра и головы, утучняли цѣлыя поля своею кровью, чтобы добыть своей родинѣ какую-нибудь новую страну, а Таганка и Якиманка поѣхали туда и нажили себѣ тамъ денегъ... Великіе мыслители изсушили свои

тяжеловѣсные мозги, чтобы дать міру новыя открытія, а Таганка, эксплоатируя эти открытія и обсчитывая при этомъ работника, зашибла и тутъ себѣ копейку и теперь комфортабельнѣйшимъ образомъ разъѣзжаетъ въ вагонахъ перваго класса и поздравляетъ своихъ знакомыхъ по телеграфу со всякимъ вздоромъ... Наконецъ самъ Бетховенъ и божественный Рафаэль какъ будто бы затѣмъ только и горѣли своимъ вдохновеніемъ, чтобы развлекать Таганку и Якиманку, или, лучше сказать, механически раздражать ихъ слухъ и зрѣніе и услаждать ихъ чехвальство.

При послѣднихъ словахъ Домна Осиповна придала серьезное выраженіе своему лицу и возразила почти глубокомысленнымъ тономъ:

— Почему же для Таганки одной? Я думаю, и другіе могутъ этимъ пользоваться и наслаждаться.

— Да другихъ-то, къ несчастью, не стало-съ!—отвѣчалъ съ многознаменательностью Бѣгушевъ:—я совершенно убѣжденъ, что всѣ ваши московскіе Сенъ-Жермены, т.-е. Тверскіе бульвары, большія и малыя Никитскія, о томъ только и мечтаютъ, къ тому только и стремятся, чтобы какъ-нибудь уподобиться и сравниться съ Таганкой и Якиманкой.

— Богаты ужъ очень Таганка и Якиманка! Всѣ, разумѣется, и желаютъ себѣ того же,—замѣтила Домна Осиповна:—въ чемъ, впрочемъ, и винить никого нельзя: жизнь сдѣлалась такъ дорога.

— А, если бы вопросъ только о жизни былъ, тогда и говорить нечего; но тутъ хотятъ шубу на шубу надѣть, сразу хапнуть, какъ екатерининскіе вельможи дѣлали: въ десять лѣтъ такія состоянія наживали, что послѣ три-четыре поколѣнія мотаютъ-мотаютъ и все-таки промотать не могутъ!..

Въ это время горничная принесла Бѣгушеву чай.

— Поставь это на столъ и сама можешь уйти!—сказала ей Домна Осиповна.

Горничная исполнила ея приказаніе и ушла.

Бѣгушевъ, вѣроятно, очень мучимый жаждою, сразу было-хотѣлъ выпить цѣлый стаканъ, но вдругъ пріостановился, поморщился немного, поставилъ стаканъ снова на столъ и даже поотодвинулъ его отъ себя: чай хоть и былъ приготовленъ изъ особаго ящика, но не совсѣмъ, какъ видно, ему понравился. Домна Осиповна замѣтила это и постаралась вниманіе Бѣгушева отвлечь на другое.

— Постойте, постойте! — начала она какъ бы слегка укоризненнымъ тономъ:—я васъ сейчасъ поймаю; положимъ, дѣйствительно многіе, какъ вы говорите, ѣздятъ, чтобы только физически раздражать свои органы слуха и зрѣнія; но зачѣмъ

вы-то, все ужъ, кажется, видѣвшій и изучившій, ѣздили сегодня въ театръ?

— Я?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да, вы!.. Мнѣ не на шутку досадно было: я больна, скучаю, а вы не ѣдете ко мнѣ.

— Очень просто, я слушалъ «Травіату»! — объяснилъ Бѣгушевъ.

Лицо Домны Осиповны при этомъ мгновенно просіяло.

— А!—сказала она и потомъ присовокупила тихо, нѣжнымъ голосомъ:—что же, по той все причинѣ, что Травіата напоминаетъ вамъ меня?

— Не по иной другой-съ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ вмѣстѣ шутливо и съ чувствомъ.

— Ужъ именно! — подтвердила Домна Осиповна: — я не меньше Травіаты выстрадала: первые годы по выходѣ замужъ я очень часто больна была, и въ то время, какъ я въ сильнѣйшей лихорадкѣ лежу у себя въ постели, у насъ, слышу, музыка, танцы, маскарады затѣваются, и въ заключеніе супругъ мой дошелъ до того, что возлюбленную свою привезъ къ себѣ въ домъ...

Бѣгушевъ, сидѣвшій все потупившись, при этомъ вдругъ приподнялъ голову и уставилъ пристальный взглядъ на Домну Осиповну.

— Скажите: вы очень любили вашего мужа?—спросилъ онъ.

— Очень! — отвѣчала Домна Осиповна: — и это чувство во мнѣ, право, до какой-то глупости доходило, такъ что, когда я совершенно ясно видѣла его холодность, все-таки никакъ не могла удержаться, и разъ ему говорю: «Мишель, я молода еще...» Мнѣ всего тогда было двадцать три года... «Я хочу любить и быть любимой! Кто жъ мнѣ замѣнитъ тебя?...»—«А любой, говоритъ, кадетъ, если хочешь...»

— Дуракъ!—произнесъ, какъ бы не утерпѣвъ, Бѣгушевъ и повернулся въ своемъ креслѣ.

Домна Осиповна покраснѣла; она поняла, что черезчуръ приподняла передъ Бѣгушевымъ завѣсу съ своихъ семейныхъ отношеній.

— Конечно, это такъ глупо было сказано, что я даже не разсердилась тогда, — поспѣшила она прибавить съ улыбкой.

Но Бѣгушевъ остался серьезнымъ.

— И что же, вы жили съ нимъ послѣ этого? — проговорилъ онъ.

— Да!..

— Странно!—сказалъ Бѣгушевъ, снова потупляя свое лицо. Ему какъ будто бы совѣстно было за Домну Осиповну.

— Но я еще любила его, пойми ты это! — возразила она ему: — даже потомъ, гораздо послѣ, когда я наконецъ отъ его безпутства уѣхала въ деревню, и когда мнѣ написали, что онъ въ нашу квартиру, въ мою даже спальню, перевезъ свою госпожу. «Что же это такое, думаю: домъ принадлежитъ мнѣ, комната моя; значитъ, это мало, что неуваженіе ко мнѣ, но профанація моей собственности».

При словѣ «профанація» Бѣгушевъ поморщился.

Домна Осиповна, привыкшая замѣчать малѣйшій оттѣнокъ на его лицѣ и не совсѣмъ понявшая, что ему собственно не понравилось, продолжала уже нѣсколько робкимъ голосомъ:

— И вообрази, при моемъ слабомъ здоровьѣ, я на почтовыхъ проскакала въ какія-нибудь сутки триста верстъ, вхожу въ домъ и дѣйствительно вижу, что въ моей комнатѣ передъ моимъ трюмо причесывается какая-то госпожа... Что я ей сказала, сама не помню, только она мгновенно скрылась...

Бѣгушевъ наконецъ усмѣхнулся.

— Воображаю, какая ей пѣсня была пропѣта, — проговорилъ онъ.

— Ужасная, кажется... — продолжала Домна Осиповна: — я даже не люблю себя за это: я очень мало умѣю себя сдерживать.

— Въ этомъ случаѣ, я думаю, нечего и сдерживать себя было: въ васъ говорило простое и законное чувство, — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Да, но все нехорошо!.. Потомъ мужъ пріѣхалъ... Ему тоже досталось; отъ него, по обыкновенію, пошли мольбы, просьбы о прощеніи, цѣлованіе ручекъ, ножекъ, увѣренія въ любви, и я, дура, опять повѣрила.

— Общее свойство всѣхъ женщинъ! — сказалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, кажется, въ этомъ случаѣ я самая глупая женщина: ну чего могла я ожидать отъ моего супруга послѣ всего, что онъ дѣлалъ противъ меня? Конечно, ничего, какъ и оказалось потомъ: черезъ недѣлю же послѣ того я стала слышать, что онъ всюду съ этой госпожой ѣздитъ въ коляскѣ, что она является то въ одномъ дорогомъ платьѣ, то въ другомъ... одинъ молодой человѣкъ семь шляпокъ мнѣ у ней насчиталъ, такъ что въ этомъ даже отношеніи я не могла соперничать съ ней, потому что мужъ мнѣ все говорилъ, что у него денегъ нѣтъ, и какіе-то гроши выдавалъ мнѣ на туалетъ; наконецъ терпѣніе мое истощилось... я говорю ему, что такъ нельзя, что пусть оставитъ меня совершенно; но онъ и тутъ было: «зачѣмъ, для чего это?». Однако я такой ему сдѣлала адъ изъ жизни, что онъ не выдержалъ и самъ уѣхалъ отъ меня.

— Адъ сдѣлали? — спросилъ съ злымъ удовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Рѣшительный адъ!.. Что жъ, я не скрываю этого теперь!.. — отвѣчала Домна Осиповна: — я вотъ часто думаю, — продолжала она:—что неужели же я должна была послѣ такой ужасной семейной жизни умереть для всего и не позволить себѣ полюбить другого... Счастье мое, конечно, что я въ первое время, при такомъ моемъ ожесточенномъ состояніи, не бросилась прямо, какъ супругъ мнѣ предлагалъ, на шею какому-нибудь дрянному господину: а потомъ насъ же, женщинъ, обыкновенно винятъ, почему мы не полюбимъ хорошаго человѣка. Господи! Я думаю, каждая женщина больше всего желаетъ, чтобы ее полюбилъ хорошій человѣкъ, но много ли ихъ на свѣтѣ? Я теперь ужъ очень стала разочарована въ людяхъ: даже когда тебя полюбила, такъ боялась, что стоишь ли ты того!

— А можетъ-быть, и я не стою твоей любви? — спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, ты стоишь, въ этомъ я теперь убѣждена,—отвѣчала Домна Осиповна и, вставъ, подошла къ Бѣгушеву, обняла его и начала цѣловать. — Ты паинька у меня, вотъ кто ты!— проговорила она ласковымъ голосомъ, а потомъ тутъ же, сейчасъ, взглянувъ на часы, присовокупила:—однако, другъ мой, тебѣ пора домой!

— Пора?—повторилъ Бѣгушевъ.

— Да, а то люди, пожалуй, послѣ болтать будутъ, что ты сидишь у меня до свѣта: второй уже часъ.

— Уже? Дѣйствительно пора!—сказалъ Бѣгушевъ, приподнимаясь съ креселъ и отыскивая свою шляпу.

— Но только, какъ я тебѣ говорила, я пока такъ остерегаюсь, а потомъ, когда разныя дрязги у меня кончатся, я вовсе не намѣрена скрывать моихъ чувствъ къ тебѣ; напротивъ: я буду гордиться твоею любовью.

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Какъ итальянка Майкова: «гордилась ли она любви своей позоромъ».

— Именно, я буду гордиться любви моей позоромъ, — подхватила Домна Осиповна.

Бѣгушевъ послѣ того крѣпко пожалъ ей руку, поцѣловалъ ее и, мотнувъ привѣтливо головой, пошелъ своей тяжеловатой походкой.

Домна Осиповна замѣтно осталась очень довольна всѣмъ этимъ разговоромъ; ей давно хотѣлось объяснить и растолковать себя Бѣгушеву, что и сдѣлала она, какъ ей казалось,

довольно искусно. Услышавъ затѣмъ, что дверь за Бѣгушевымъ заперли, Домна Осиповна встала, прошла по всѣмъ комнатамъ своей квартиры, сама погасила лампы въ залѣ гостиной кабинетѣ, и скрылась въ полутемной спальнѣ.

III.

Бѣгушевъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ свой домъ, который въ цѣломъ околоткѣ оставался единственнымъ въ томъ видѣ, какимъ былъ лѣтъ двадцать назадъ. Онъ былъ деревянный, съ мезониномъ; выкрашенъ былъ сѣрою краскою и отличался только необыкновенною соразмѣрностью всѣхъ частей своихъ. Сзади дома были службы и огромный садъ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Бѣгушева пытались-было доказывать ему, что нельзя въ настоящее время въ Москвѣ держать домъ въ подобномъ видѣ.

— Въ какомъ же прикажете? — спрашивалъ онъ уже со злостью въ голосѣ.

— Его надобно иначе расположить, надстроить, выштукатурить, украсить этими прекрасными фронтонами,—объясняли знакомые.

— Это не фронтоны-съ, а коровьи соски, которыми изукрасилась ваша Москва!—восклицалъ почти съ бѣшенствомъ Бѣгушевъ.

Знакомые пожимали плечами, удивляясь, какимъ образомъ всѣ эти прекрасныя украшенія могли казаться Бѣгушеву коровьими сосками.

— Но наконецъ,—продолжали они:—это варварство въ столицѣ оставлять десятины двѣ земли въ такой непроизводительной формѣ, какъ садъ вашъ.

— Что жъ мнѣ, огородъ, что ли, тутъ разбить? Я люблю цвѣты, а не овощи!—возражалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, вы постройтесь тутъ и отдавайте внаймы: предпріятіе это нынче очень выгодно,—доказывали знакомые.

— Я дворянскій сынъ-съ, мое дѣло конемъ воевать, а не торгомъ торговать,—отвѣчалъ на это съ какимъ-то даже удальствомъ Бѣгушевъ.

— Ну, продайте эту землю кому-нибудь другому, если сами не хотите,—урезонивали его знакомые.

— Чтобы тутъ какой-нибудь каналья на рубль капитала наживалъ полтину процента, никогда!—упорствовалъ Бѣгушевъ.

Въ домѣ у него было около двадцати комнатъ, которыя Бѣгушевъ занималъ одинъ-одинехонекъ съ своими пятью лакеями и толстымъ поваромъ Семеномъ, великимъ мастеромъ

своего дѣла, котораго переманивали къ себѣ всѣ клубы и не могли переманить: очень ужъ Семену покойно и прибыльно было жить у своего господина. Убранство въ домѣ Бѣгушева, хоть и очень богатое, было все старое: болѣе десяти лѣтъ онъ не покупалъ ни одной вещички изъ предметовъ роскоши, увѣряя, что на нынѣшнихъ рынкахъ даже бронзы порядочной нѣтъ, а все это крашеная мѣдь.

Разъ, часу во второмъ утра, Бѣгушевъ сидѣлъ, по обыкновенію, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ своихъ, поджавъ ноги на диванѣ, пилъ кофе и курилъ изъ длинной трубки съ очень дорогимъ янтарнымъ мундштукомъ: сигаръ Бѣгушевъ не могъ курить по крѣпости ихъ, а папиросы презиралъ. Его сѣдоватые, но еще густые волосы были растрепаны, усы по-казацки опускались внизъ. Борода у Бѣгушева была коротко подстрижена. Онъ былъ въ широкомъ шелковомъ халатѣ нараспашку и въ туфляхъ; изъ-подъ бѣлой, какъ снѣгъ, батистовой рубашки выставлялась его геркулесовски-высокая грудь. Въ этомъ нарядѣ и въ своей нѣсколько азіатской позѣ Бѣгушевъ былъ еще очень красивъ.

На другомъ диванѣ (комната уставлена была диванами и даже называлась диванною) помѣщался господинъ, по наружности совершенно противоположный хозяину: высокій, въ коротенькомъ пиджакѣ, весьма худощавый, гладко остриженный, съ длинными, тщательно расчесанными и какого-то пепельнаго цвѣта бакенбардами, съ физіономіей умною, но какою-то прокислою, какія обыкновенно бываютъ у людей, самолюбіе которыхъ смолоду было сильно оскорбляемо, и при этомъ онъ старался держать себя какъ-то черезчуръ прямо, какъ бы топорщась даже. Видимо, что отъ природы ему не дано было никакой важности, и онъ уже впослѣдствіи старался воспитать ее въ себѣ. Господинъ этотъ былъ нѣкто Ефимъ Ѳедоровичъ Тюменевъ, другъ и сверстникъ Бѣгушева по дворянскому институту, а теперь тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь и одно изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Петербургѣ.

Пріѣзжая въ Москву, Тюменевъ всегда останавливался у Бѣгушева, и при этомъ обыкновенно спорамъ и разговорамъ между ними конца не было. Въ настоящую минуту они тоже вели весьма задушевную бесѣду между собой.

— И что же, эта привязанность твоя серьезная?—спрашивалъ Тюменевъ съ легкой усмѣшкой.

— Разумѣется!.. Намѣреніе мое такое, чтобы и дни мои закончить около этой госпожи,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Она, значитъ, женщина умная, образованная?—продолжалъ разспрашивать Тюменевъ.

— То-есть она умна и даже очень отъ природы, но образованія, конечно, поверхностнаго...

— А собой, вѣроятно, хороша?

— Да-съ, насчетъ этого мы можетъ похвастать!..—воскликнулъ Бѣгушевъ.—Я сейчасъ тебѣ портретъ ея покажу,—присовокупилъ онъ и позвонилъ. Къ нему однако никто не шелъ. Бѣгушевъ позвонилъ другой разъ, опять никого. Наконецъ онъ такъ дернулъ за сонетку, что звонокъ уже раздался на весь домъ: послышались затѣмъ довольно медленные шаги, и въ дверяхъ показался камердинеръ Бѣгушева, очень немолодой, съ измятою, мрачною физіономіей и съ какими-то глупо подвитыми на самыхъ только концахъ волосами.

— Принеси мнѣ изъ кабинета большой портретъ Домны Осиповны,—сказалъ ему Бѣгушевъ.

Камердинеръ не трогался съ своего мѣста...

— Портретъ Домны Осиповны, — сказалъ ему еще разъ Бѣгушевъ.

Лицо камердинера сдѣлалось при этомъ еще мрачнѣе.

— Да онъ-съ виситъ тамъ,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Ну, да, виситъ!—повторилъ Бѣгушевъ.

— Надъ столомъ-съ!.. На столъ надо лѣзть! — продолжалъ камердинеръ.

— На столъ, конечно!—подтвердилъ Бѣгушевъ.

Камердинеръ, придавъ своему лицу выраженіе, которымъ какъ бы хотѣлъ сказать: «нечего вамъ, видно, дѣлать», пошелъ.

Въ продолженіе всей этой сцены Тюменевъ слегка усмѣхался.

— Прокофій твой не измѣняется, — сказалъ онъ, когда камердинеръ совсѣмъ ушелъ.

— Измѣняется, но только къ худшему!.. — отвѣчалъ Бѣгушевъ: — скотина совершенная сталъ: третьяго-дня у меня обѣдали кой-кто... я только-что заикнулся ему, что мы всѣ ѣсть хотимъ, ну, и кончено: до восьми часовъ и не подалъ обѣда.

Тюменевъ при этомъ покачалъ головой.

— Охота же тебѣ держать подобнаго дурака, — проговорилъ онъ.

— Но кто жъ его возьметъ безъ меня? — возразилъ Бѣгушевъ: — у него вотъ пять человѣкъ ребятишекъ; онъ съ супругой занимаетъ у меня четыре комнаты... наконецъ я ему говорю: «Не дѣлай ничего, пользуйся почетнымъ покоемъ, лакей и безъ тебя есть!» Ничуть не бывало: все хочетъ дѣлать самъ... глупо... лѣниво... безтолково!

— Это можетъ хоть кого вывести изъ терпѣнія!—замѣтилъ Тюменевъ.

— И выводить: я пускивалъ въ него чернильницу и бритвеницу... боюсь, что съ бѣшенымъ моимъ характеромъ я убью его когда-нибудь до смерти. А онъ еще разсмѣется обыкновенно въ этакихъ случаяхъ и преспокойно себѣ уйдетъ.

— Онъ знаетъ, — протянулъ Тюменевъ: — что ты же придешь къ нему просить прощенія.

— Въ томъ-то и дѣло!—воскликнулъ Бѣгушевъ:—мало что прощенья просить, да денегъ еще дамъ.

На этихъ словахъ онъ остановился. потому что Прокофій возвратился съ портретомъ въ рукахъ, который онъ держалъ задомъ къ себѣ и глубокомысленно смотрѣлъ на него.

— Петля вонъ тутъ лопнула, на которой онъ висѣлъ,—доложилъ онъ, показывая портретъ барину.

— Потому что ты не снялъ его, а сдернулъ,—сказалъ тотъ.

— Да кто жъ до него дотянется туда! — почти крикнулъ Прокофій.

— Ну, пожалуйста, не оправдывайся!—остановилъ его Бѣгушевъ.

Прокофій на это насмѣшливо только мотнулъ головой и ушелъ.

Бѣгушевъ передалъ портретъ Тюменеву, который сталъ на него смотрѣть сначала простымъ глазомъ, потомъ черезъ пенсне, наконецъ въ кулакъ, свернувши его въ трубочку.

Бѣгушевъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ услышать его мнѣніе.

— Elle est très jolie et très distinguée, — произнесъ наконецъ Тюменевъ.

— Да!.. такъ!—согласился съ удовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Что она?..—При этомъ Тюменевъ нахмурилъ нѣсколько свои брови:—замужняя, разводка?

— Разводка!

— Формальная?

— Нѣтъ!

Тюменевъ снова началъ смотрѣть въ кулакъ на портретъ.

— Знаешь,—началъ онъ, придавъ совсѣмъ глубокомысленное выраженіе свсему лицу: — черты лица правильныя, но складъ губъ и выраженіе рта не совсѣмъ пріятны.

— Это есть отчасти!—подтвердилъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ того, знаешь, — продолжалъ Тюменевъ нѣсколько сладкимъ голосомъ:—нѣтъ этого добраго, кроткаго и почти ангельскаго выраженія, котораго, напримѣръ, такъ много было у твоей покойной Наталіи Сергѣевны.

— Экъ куда хватилъ! Наталій Сергѣевенъ развѣ много на свѣтѣ! — воскликнулъ Бѣгушевъ, и глаза его при этомъ не-

вѣдомо для него самого мгновенно наполнились слезами.—Ты вспомни одно—семью, въ которой Натали родилась и воспитывалась: это были образованнѣйшіе люди съ Петра Великаго; интеллигенція въ ихнемъ родѣ въ плоть и въ кровь вѣлась. Гдѣ жъ нынче такіе?

— То-есть какъ гдѣ же?—возразилъ съ важностью Тюменевъ:—вольно тебѣ поселиться въ Москвѣ, гдѣ дѣйствительно, говорятъ, порядочное общество исчезаетъ; а въ Петербургѣ, я убѣжденъ, оно есть; наконецъ я лично знаю множество семей и женщинъ.

— Гм! Петербургъ! Нашелъ чѣмъ хвастать! Изящныхъ женщинъ въ цѣломъ мірѣ не стало! — сказалъ съ удареніемъ Бѣгушевъ и, вставъ съ своего мѣста, началъ ходить по комнатѣ: — хоть бы взять съ того, курятъ почти всѣ! Вотъ эта самая госпожа, — продолжалъ онъ, показывая на портретъ Домны Осиповны: — какъ вахмистръ какой-нибудь уланскій сосетъ!.. Наконецъ самая одежда женщинъ, что это такое? Надѣнетъ въ полпуда ботинки, да еще хвастаетъ, поднимая ногу: «смотрите, какія у меня толстыя подошвы!», а ножища-то тоже точно у медвѣдицы какой. Все-съ сплошь и кругомъ превращается въ мѣщанство!

— Старая любимая пѣсня твоя! — произнесъ Тюменевъ.

— Да, — продолжалъ Бѣгушевъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — я эту пѣсню началъ пѣть послѣ лондонской еще выставки, куда всѣ чудеса искусствъ и изобрѣтеній свезли и стали ихъ показывать за шиллингъ... Я тутъ же сказалъ: «умерли и поэзія, и мысль, и искусство»... Ищите всего этого теперь на кладбищахъ, а живые люди будутъ только торговать тѣмъ, что наслѣдовали отъ предковъ.

— Но что жъ изъ этого! — сказалъ съ усмѣшкою Тюменевъ: — искусство, правда, нѣсколько пооослабло; но зато прогрессъ совершенно въ другомъ отношеніи: происходятъ огромные политическіе перевороты.

— Какіе, какіе?—перебилъ его почти съ азартомъ Бѣгушевъ.

Тюменевъ придалъ недовольное выраженіе своему лицу.

— Любезный другъ, мы столько съ тобой спорили и говорили объ этомъ, — возразилъ онъ.

— И вѣчно буду спорить, вѣчно! — горячился Бѣгушевъ: — не могу же я толкотню пигмеевъ признать за что-то великое.

— Почему пигмеи, и когда, по-твоему, были великаны? — продолжалъ Тюменевъ: — люди, я полагаю, всегда были одинаковы; если дѣйствительно въ настоящее время существуетъ нѣсколько усиленное развитіе торговли, такъ это еще хорошо: торговля всегда способствовала цивилизаціи.

— «Торговля способствовала цивилизаціи»... Ахъ, эти казенныя фразы, которыхъ я слышать не могу! — кричалъ Бѣгушевъ, зажимая даже уши себѣ.

— Стало-быть, ты въ торговлѣ отрицаешь цивилизующую силу, — взъерошился немного въ свою очередь Тюменевъ.

— Не знаю-съ, есть ли въ ней цивилизующая сила; но знаю, что мнѣ ваша торговля сдѣлалась противна до омерзѣнія. Все стало продажно: любовь, дружба, честь, слава! И вотъ что меня, по преимуществу, привязываетъ къ этой госпожѣ, — говорилъ Бѣгушевъ, указывая снова на портретъ Домны Осиповны: — что она обезнеченная женщина, и поэтому ни я у ней ни она у меня не находимся на содержаніи.

Тюменевъ усмѣхнулся.

— Но женщины были во всѣ времена у всѣхъ народовъ на содержаніи; подъ различными только формами дѣлалось это, — проговорилъ онъ.

— Извините-съ! извините! — возразилъ опять съ азартомъ Бѣгушевъ: — еще въ первый мой пріѣздъ въ Парижъ были гризетки, а теперь тамъ все лоретки, а это разница большая! И вообще, Господи! — воскликнулъ онъ, закидывая голову назадъ: — того ли я ожидалъ и надѣялся отъ этой пошлой Европы?

— Чего ты ждалъ отъ Европы, я не знаю, — сказалъ Тюменевъ, разводя руками: — и полагаю, что зло скорѣй лежитъ въ тебѣ, а не въ Европѣ: ты тогда былъ молодъ, все тебѣ нравилось, все поселяло вѣру, а теперь ты сталъ брюзгливъ, старъ, недовѣрчивъ.

— Что я вѣрилъ тогда въ человѣка, это справедливо, — произнесъ съ нѣкоторою торжественностью Бѣгушевъ: — и что теперь я не вѣрю въ него и особенно въ нынѣшняго человѣка, это еще бо́льшая правда! Смотри, что съ міромъ сдѣлалось: реформація и первая французская революція страшно двинули и возбудили умы. Геній творчества облеталъ всѣ лучшія головы: электричество, паръ, рабочій вопросъ—все въ идеяхъ предъявлено было человѣчеству; но стали эти идеи реализировать, и кто на это пришелъ? Торгашъ, ремесленникъ, дрянь разная, шваль, и однако они теперь герои дня!

— Совершенно вѣрно! — подхватилъ Тюменевъ: — но время ихъ пройдетъ, и людямъ снова возвратится творчество.

— Откуда?.. Я не вижу, откуда оно ему возвратится!.. Что все вокругъ глупѣетъ и пошлѣетъ, въ этомъ ты не можешь со мной спорить.

— Болѣе чѣмъ спорить, я доказать тебѣ даже могу противное: хоть бы тотъ же рабочій вопросъ, развѣ въ настоя-

щее время такъ онъ нераціонально поставленъ, какъ въ 48-мъ году?

— Рабочій-то вопросъ? Ха-ха-ха!—воскликнулъ Бѣгушевъ и захохоталъ злобнымъ смѣхомъ.

Тюменевъ, въ свою очередь, покраснѣлъ даже отъ досады.

— Смѣяться, конечно, можно всему, — продолжалъ онъ: — но я приведу тебѣ примѣры: въ той же Англіи существуютъ уже смѣшанные суды, на которыхъ разрѣшаются всѣ споры между работниками и хозяевами, и я убѣжденъ, что съ теченіемъ времени они совершенно мирнымъ путемъ столкуются и сторгуются между собой.

— И работникъ, по-твоему, обратится въ такого же мѣщанина, какъ и хозяинъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Непремѣнно, но только того и желать надобно — отвѣчалъ Тюменевъ.

— Ну, нѣтъ!.. нѣтъ!..—заговорилъ Бѣгушевъ, замотавъ головой и какимъ-то трагическимъ голосомъ:—пусть лучше сойдетъ на землю огненный дождь, потомъ лопнетъ кора земная, но я этой курицы во щахъ, о которой мечталъ Генрихъ IV, міру не желаю.

— Но чего же ты именно желаешь, любопытно знать? — сказалъ Тюменевъ.

— Бога на землю! — воскликнулъ Бѣгушевъ: — пусть сойдетъ снова Христосъ и обновитъ души, а иначе въ человѣкѣ все порядочное исчахнетъ и издохнетъ въ смрадѣ вашихъ матеріальныхъ благъ.

— Постой!.. Пріѣхалъ кто-то? Звонятъ! — остановилъ его Тюменевъ.

Бѣгушевъ прислушался.

Звонокъ повторился

— По обыкновенію, никого нѣтъ! Эй, что же вы и гдѣ вы?— заревѣлъ Бѣгушевъ на весь домъ.

Послышались въ залѣ быстрые и пробѣгающіе шаги.

Бѣгушевъ и Тюменевъ остались въ ожидающемъ положеніи.

IV.

Въ передней между тѣмъ происходила довольно оригинальная сцена: Прокофій, подавъ барину портретъ, усѣлся въ залѣ подъ окошкомъ и началъ, по обыкновенію, читать газету. Понималъ ли онъ то, что читалъ, это для всѣхъ была тайна, потому что Прокофій никогда никому ни слова не говорилъ о прочитанномъ имъ. Вдругъ къ подъѣзду дома Бѣгушева подъѣхалъ военный въ коляскѣ, взбѣжалъ на лѣстницу и по-

звонилъ. Прокофій при этомъ и не думалъ подниматься съ своего мѣста, а только перевелъ глаза съ газеты въ окно и сталъ смотрѣть, какъ коляска отъѣхала отъ крыльца и поворачивалась. Военный позвонилъ въ другой разъ, и раздался крикъ Бѣгушева. На этотъ зовъ изъ заднихъ комнатъ выбѣжалъ молодой лакей; тогда Прокофій всталъ съ своего мѣста.

— Ну, да, поспѣлъ... не отворятъ пуще безъ тебя! — проговорилъ онъ тому.

Молодой лакей, дѣлать нечего, ушелъ назадъ, а Прокофій отправился въ переднюю и отворилъ наконецъ тамъ дверь.

Вошелъ Янсутскій.

— Дома Александръ Ивановичъ? — спросилъ онъ сначала очень бойко.

— Дома-съ! — отвѣчалъ ему явно насмѣшливымъ голосомъ Прокофій.

— Принимаетъ? — продолжалъ Янсутскій нѣсколько смиреннѣе.

— Не знаю-съ, — отвѣчалъ Прокофій.

— Но кто же знаетъ, любезный? — спросилъ онъ тоже, въ свою очередь, насмѣшливо.

Прокофій нахмурился.

— Ваша какъ фамилія? — сказалъ онъ.

— Полковникъ Янсутскій, — отвѣчалъ Янсутскій съ ударенiемъ на словѣ полковникъ.

Но на Прокофія это нисколько не подѣйствовало.

— А имя ваше и отчество?—продолжалъ онъ разспрашивать.

— Петръ Евсигнеичъ!—отвѣчалъ Янсутскій, нѣсколько удивленный такимъ любопытствомъ.

Прокофій подумалъ нѣкоторое время.

— У нихъ гость теперь изъ Петербурга, у насъ и остановился, — объяснилъ онъ наконецъ.

— Кто жъ такой? — спросилъ Янсутскій.

— Тайный совѣтникъ Тюменевъ, — сказалъ Прокофій.

Янсутскій при этомъ вспыхнулъ немного въ лицѣ.

— Это статсъ-секретарь? — сказалъ онъ.

— Статсъ-секретарь! — повторилъ за нимъ Прокофій.

Янсутскій нѣсколько минутъ остался въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

— Я его немножко знаю; но, можетъ-быть, Александръ Ивановичъ занятъ съ нимъ и не приметъ меня? — проговорилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Снимите шинель-то! — почти приказалъ ему Прокофій.

Янсутскій повиновался.

Прокофій пошелъ медленно и, войдя въ кабинетъ, не сей-

часъ доложилъ, а сначала началъ прибирать кофейный приборъ, такъ что Бѣгушевъ самъ его спросилъ:

— Кто тамъ звонилъ? Пріѣхалъ, что ли, кто?

— Полковникъ Янсутскій спрашиваетъ: примете ли вы его,— пробормоталъ себѣ почти подъ носъ Прокофій.

Бѣгушевъ взглянулъ на Тюменева.

— Тебя не стѣснитъ этотъ господинъ?—отнесся онъ къ нему.

— Нисколько.

— Прими! — сказалъ Бѣгушевъ Прокофію, а тотъ опять пошелъ медленно и неторопливо.

Янсутскій, въ продолженіе всего этого времени, охорашивался и причесывался передъ зеркаломъ.

— Пожалуйте-съ! — разрѣшилъ ему Прокофій.

При входѣ въ диванную Янсутскій замѣтно былъ сконфуженъ, такъ что у него едва хватило духу поклониться первоначально хозяину, а не Тюменеву.

— Я воспользовался вашимъ позволеніемъ быть у васъ!— проговорилъ онъ какъ-то жеманно.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ ему вѣжливо Бѣгушевъ и затѣмъ проговорилъ Тюменеву: — г-нъ Янсутскій!

Янсутскій мгновенно жъ и очень низко поклонился тому, но руку не рѣшился протянуть.

— Пріятель мой Тюменевъ! — объявилъ ему Бѣгушевъ.

Тюменевъ при этомъ едва только кивнулъ головой, а руки тоже не двинулъ нисколько, и лицо его при этомъ выражало столько холодности и равнодушія, что Бѣгушеву даже сдѣлалось немножко жаль Янсутскаго.

Усѣлись всѣ.

Янсутскій, впрочемъ, скоро овладѣлъ собой.

— Какъ ваше здоровье? — отнесся онъ къ хозяину.

— Благодарю, здоровъ! Что̀ сегодня: холодно? — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Свѣжо! — отвѣчалъ Янсутскій.

Тюменевъ сдѣлалъ движеніе, которымъ явно показалъ, что онъ хочетъ говорить.

— Скажи, — обратился онъ прямо и исключительно къ одному только Бѣгушеву: — правду ли говорятъ, что въ Москвѣ послѣднія десять лѣтъ сдѣлалось холоднѣе, чѣмъ было прежде?

— То-есть, какъ тебѣ сказать: перемѣнчивѣе какъ-то погода стала, дуютъ какіе-то безпрестанно глупые вѣтры, — проговорилъ тотъ.

— И дѣйствительно ли причина тому та, — продолжалъ Тюменевъ: — что по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ вырубаютъ очень много лѣсовъ?

— Непремѣнно эта причина! — подхватилъ Янсутскій, очень довольный тѣмъ, что можетъ вмѣшаться въ разговоръ: — лѣса, какъ извѣстно, задерживаютъ влагу, а влага умѣряетъ тепло и холодъ, и при обилiи ея въ воздухѣ рѣзкихъ перемѣнъ обыкновенно не бываетъ.

— Истина совершеннѣйшая! — подтвердилъ Бѣгушевъ: въ тонѣ его голоса слышался легкій оттѣнокъ насмѣшки, но Янсутскій, кажется, не замѣтилъ того.

— Этого весьма печальнаго, конечно, истребленія лѣсовъ, можетъ-быть, со временемъ избѣгнутъ, — снова заговорилъ онъ: — въ наше время наука дѣлаетъ столько открытій, что возможно всего ожидать!.. Вотъ взять, напримѣръ, эту руку (Янсутскій показалъ при этомъ на свою руку)... Когда она находится въ покоѣ, то венозная кровь, проходя черезъ нее, сохраняетъ въ себѣ 7½ процентовъ кислорода, но разъ я ее двинулъ, привелъ въ движеніе (Янсутскій въ самомъ дѣлѣ двинулъ рукой и сжалъ даже пальцы въ кулакъ), то въ ней уже не осталось ничего кислорода: онъ весь поглощенъ углеродомъ крови, а чтобы освободить снова углеродъ, нужна работа солнца; значитъ: моя работа есть результатъ работы солнца, или, точнѣе сказать: это есть тоже работа солнца, перешедшая черезъ извѣстныя тамъ степени!..

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго довольно внимательно и только держалъ голову потупленною; но Тюменевъ явно показывалъ, что онъ его не слушаетъ: онъ поднималъ лицо свое вверхъ, зѣвалъ и наконецъ взялъ въ руки опять портретъ Домны Осиповны и сталъ разсматривать его.

Янсутскій между тѣмъ, видимо, разгорячился.

— Въ желѣзнодорожномъ двигателѣ почти то же самое происходитъ, — говорилъ онъ, кинувъ мелькомъ взглядъ на этотъ портретъ: — тутъ нужна теплота, чтобы превратить воду въ пары; этого достигаютъ, соединяя углеродъ дровъ съ кислородомъ воздуха; но чтобы углеродъ былъ въ дровахъ и находился въ свободномъ состоянiи, для этого нужна опять-таки работа солнца, поэтому насъ и на пароходахъ и въ вагонахъ везетъ тоже солнце. Теорiя эта довольно новая и, по-моему, весьма остроумная и справедливая.

— Не особенно новая, она у меня даже есть! Красненькая книжка этакая, переводъ лекцiй Рейса, 70-го года, кажется!— произнесъ какъ бы совершенно невиннымъ голосомъ Бѣгушевъ.

Янсутскій немного смутился.

— Я не знаю, есть ли переводъ, но я слушалъ это въ германскихъ университетахъ, когда года два тому назадъ я

ѣздилъ за границу и хотѣлъ нѣсколько возобновить свои свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ.

— Всѣ эти открытія, я думаю, для эксплоататоровъ не суть важны... — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ-съ! Напротивъ, напротивъ!—воскликнулъ Янсутскій:—потому что, какъ говорятъ газеты, справедливо ли это, я не знаю, но сдѣлано уже примѣненіе этой теоріи... Прямо собираютъ солнечные лучи въ резервуаръ и ими пользуются.

— Но какой же результатъ этого будетъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Тотъ, что удешевится перевозка!—подхватилъ Янсутскій.

— А тарифъ останется все тотъ же!—продолжалъ Бѣгушевъ.

— Тарифъ, можетъ-быть, останется и тотъ же!—отвѣчалъ Янсутскій и засмѣялся.

— Да, вотъ съ этой стороны я понимаю! — произнесъ Бѣгушевъ.

— Что же!.. — возразилъ ему Янсутскій, пожимая плечами и нѣкоторымъ тономъ философа: — таково свойство людей...

На этомъ мѣстѣ Тюменевъ положилъ портретъ въ сторону и снова заявилъ желаніе говорить.

— Вѣроятно, на передвиженіи дороги, будь оно производимо дровами или прямо солнцемъ, многаго не наживешь; но люди составили себѣ состоянія, строя дороги!—отнесся онъ опять больше къ Бѣгушеву.

— То-есть когда давали по полутораста тысячъ на версту, а она стоила всего пятьдесятъ... — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Ну, положимъ, что и побольше,—возразилъ Янсутскій.— Я-съ эти дѣла знаю очень хорошо: я былъ и производителемъ работъ, и начальникомъ дистанціи, и подрядчикомъ, и директоромъ въ настоящее время нѣсколькихъ компаній, и вотъ, кладя руку на сердце, долженъ сказать, что точно: вначалѣ эти дѣла были превосходныя, но теперь этой конкуренціей они испорчены до послѣдней степени.

— Напротивъ, я полагаю, поправлены нѣсколько, — сказалъ Бѣгушевъ:—нельзя же допускать, чтобы люди въ какіе-нибудь мѣсяцы наживали себѣ милліоны,—это явленіе безнравственное!

— Я говорю, испорчены собственно въ коммерческомъ смыслѣ, — объяснилъ Янсутскій: — но наконецъ, почему жъ безнравственное явленіе, — присобокупилъ онъ, пожимая плечами:—это лотерея... счастье. Вы берете билетъ: у одного онъ попадаетъ въ тиражъ, другому выигрываетъ 25 тысячъ, а третьему 200 тысячъ.

— Но только въ вашемъ дѣлѣ это нѣсколько повѣрнѣе, на

большее число благопріятныхъ случаевъ разсчитано, если не цѣликомъ они одни только и взяты! — отнесся Тюменевъ на этотъ разъ уже къ Янсутскому.

— Никакъ этого, ваше превосходительство, невозможно сдѣлать,— возразилъ тотъ самымъ почтительнымъ тономъ: — извольте вы взять однѣ земляныя работы. У васъ гора, вамъ надобно ее срыть или провести сквозь нее туннель; въ верхнихъ слояхъ, которые вы можете изслѣдовать, она или суглина, или супесокъ, а пошли внутрь, тамъ кремень, а это разница огромная въ стоимости!.. Болото теперь у васъ на пути: вы въ него, положимъ, разсчитали вбить двѣ тысячи свай; а вамъ, можетъ-быть, придется вбить ихъ двадцать тысячъ. Потомъ-съ цѣны на хлѣбъ въ прошломъ году были однѣ, а нынче вдвое; на желѣзо и кирпичъ тоже.

— Ну, — перебилъ его Тюменевъ: — на все это, я думаю, прикинуто довольно.

— Гдѣ жъ прикинуто! Изъ чего, когда по 40 тысячъ на версту берутъ!—воскликнулъ невеселымъ тономъ Янсутскій.— Я вотъ имѣю капиталы и опытность въ этихъ дѣлахъ, но рѣшительно кидаю ихъ, потому что добросовѣстно и честно при такихъ цѣнахъ выполнить это дѣло невозможно: я лучше обращусь къ другимъ какимъ-нибудь предпріятіямъ.

На эти слова Янсутскаго собесѣдники его ничего не возразили, и только у обоихъ на лицахъ какъ бы написано было: «Мошенникъ ты, мошенникъ этакій, еще о честности и добросовѣстности говоришь; мало барышей попадаетъ въ твою ненасытную лапу, вотъ ты и отворачиваешь рыло отъ этихъ дѣлъ!»

— Я бы вотъ даже, — снова заговорилъ Янсутскій, оборачиваясь къ Тюменеву:—осмѣлился спросить ваше превосходительство, если это не будетъ большою нескромностью: то предпріятіе, по которому я имѣлъ смѣлость безпокоить васъ, какъ оно и въ какомъ положеніи?

— Провалилось! — отвѣчалъ съ явнымъ удовольствіемъ Тюменевъ.

Янсутскій покраснѣлъ.

— Очень жаль,—сказалъ онъ съ гримасой и пожимая плечами: — но какая же причина тому?

— Очень оно фантастично, черезчуръ фиктивно!—отвѣчалъ съ усмѣшкой Тюменевъ.

— На какихъ же данныхъ такой взглядъ на него могъ установиться? — продолжалъ Янсутскій.

— На самыхъ точныхъ данныхъ, которыя были собраны о немъ,—отвѣчалъ ему Тюменевъ и обратился къ Бѣгушеву.—

Въ послѣдній вѣнскій кризисъ... можетъ, это и выдумка, но во всякомъ случаѣ очень хорошо характеризующая время... Положимъ, можно изобрѣсть предпріятіе на разработку какого-нибудь вещества, котораго мало въ извѣстной мѣстности находится... изобрѣсть предпріятіе на разработку предмета, совершенно не существующаго въ этой мѣстности, — но тамъ открылось предпріятіе, утвержденное правительствомъ, и акціи котораго превосходнѣйшимъ образомъ разошлись, но въ которомъ поименованной мѣстности совсѣмъ не существовало на всемъ земномъ шарѣ; вотъ и ваше дѣло нѣсколько въ этомъ родѣ, — заключилъ онъ, относясь къ Янсутскому.

— Я не думаю-съ!—возразилъ тотъ съ прежней гримасою въ лицѣ.—Я, впрочемъ, тутъ только денежнымъ образомъ участвую, паи имѣю!

— Да, но паи могутъ быть проданы!.. Я говорю это не лично про васъ, но бываютъ случаи, что люди, знающіе хорошо подкладку дѣла, сейчасъ же продаютъ свои паи, и продаютъ очень выгодно, а люди, не вѣдающіе того, покупаютъ ихъ и потомъ плачутся,—проговорилъ насмѣшливо Тюменевъ.

— Нѣтъ-съ, я не продалъ бы моихъ паевъ, я дѣло понимаю иначе, — сказалъ съ достоинствомъ Янсутскій и затѣмъ обратился къ Бѣгушеву:— А я-было, Александръ Ивановичъ, пріѣхалъ къ вамъ попросить васъ откушать ко мнѣ, я собственно живу здѣсь нѣсколько на бивуакахъ, но тутъ существуютъ прекрасные отели, можно недурно пообѣдать, — проговорилъ онъ заискивающимъ голосомъ.

Бѣгушевъ нахмурился.

— Но когда вамъ это угодно? — спросилъ онъ.

— Въ среду, въ шесть часовъ, въ Hôtel de France. Я именинникъ, и хочется немножко отпраздновать этотъ день... Будутъ нѣкоторые мои знакомые и дамы, между прочимъ.

— Дамы? — переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да! Вотъ эта m-me Мѣрова, а потомъ наша общая съ вами знакомая, Домна Осиповна Олухова, портретъ которой я, кажется, и вижу у васъ!.. — объяснилъ Янсутскій, показывая глазами на портретъ.

Бѣгушевъ при этомъ немного смутился и вмѣстѣ съ тѣмъ переглянулся съ Тюменевымъ.

— Вы знакомы, значитъ, съ Домной Осиповной? — спросилъ онъ.

— О, Боже мой, сколько лѣтъ!—воскликнулъ Янсутскій.— Я началъ знать ее съ первыхъ дней ея замужества и могу сказать, что это примѣрная женщина въ наше время... идеалъ, если можно такъ выразиться...

— А что за господинъ ея мужъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

Янсутскій пожалъ плечами.

— Это купеческій сынокъ, человѣкъ очень добрый, который умѣетъ только проматывать, но никакъ не наживать... Домна Осиповна столько отъ него страдала, столько перенесла, потому что каждоминутно видѣла и мотовство и прочее все... Она цѣплялась за все и употребляла всѣ средства, чтобы какъ-нибудь сохранить и удержать свою семейную жизнь, но ничто не помогло.

Бѣгушевъ слушалъ Янсутскаго съ какимъ-то мрачнымъ вниманіемъ.

— Безъ лести можно сказать,—продолжалъ тотъ съ чувствомъ:—не этакого человѣка любви была достойна эта женщина... Когда я ей сказалъ, что, можетъ-быть, будете и вы, она говоритъ:—«Ахъ, я очень рада! Скажите Александру Ивановичу, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ».

— Я буду-съ, — произнесъ съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ Бѣгушевъ.

— Ваше превосходительство. — отнесся уже къ Тюменеву Янсутскій и вставая при этомъ на ноги: — я осмѣлился бы покорнѣйше просить и васъ посѣтить меня.

— Благодарю васъ, но я въ этотъ день думаю уѣхать изъ Москвы.

— Но день можно перемѣнить; я именины могу раньше отпраздновать,—подхватилъ Янсутскій.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, я вовсе не желаю васъ такъ стѣснять,—проговорилъ Тюменевъ, нѣсколько сконфуженный и удивленный такою смѣшною угодливостью отъ человѣка, которому онъ сейчасъ только говорилъ колкости.

— Что за вздоръ, уѣдешь! — вмѣшался Бѣгушевъ: — оставайся до четверга, и поѣдемъ!

— Ты желаешь этого? — спросилъ Тюменевъ.

— Очень; я тебя, кстати, познакомлю тутъ съ Домной Осиповной,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Извольте-съ, я буду!—обратился Тюменевъ къ Янсутскому.

— Очень вамъ благодаренъ!—произнесъ тотъ дѣйствительно обрадованнымъ голосомъ, а потомъ раскланялся и ушелъ.

— И это вотъ тоже герой дня, хорошъ? — спросилъ съ грустью Бѣгушевъ, разумѣя, конечно, Янсутскаго.

— Да,—подтвердилъ Тюменевъ:—но я сильно подозрѣваю, что Домну Осиповну онъ для тебя пригласилъ.

— Конечно!..—воскликнулъ Бѣгушевъ:—хотя, въ сущности, онъ это удовольствіе доставляетъ мнѣ изъ-за тебя!

— Изъ-за меня? — спросилъ не безъ удивленія Тюменевъ.

— Изъ-за тебя! Каждый разъ, какъ ты у меня погостишь, нѣсколько этакихъ каналій-толстосумовъ являются ко мнѣ для изъявленія почтенія и уваженія. Хоть и либеральничаютъ на словахъ, а хамы въ душѣ, трепещутъ и благоговѣютъ передъ государственными сановниками!

— Трепещутъ?— спросилъ Тюменевъ, проникнутый тайнымъ удовольствіемъ.

— Сильно! — подтвердилъ Бѣгушевъ.

V.

Въ тотъ же день сводчикъ и ходатай по разнаго рода дѣламъ, Григорій Мартыновичъ Гроховъ, сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ грязномъ и темноватомъ кабинетѣ, передъ окнами котораго вплоть до самаго неба вытягивалась нештукатуренная, грязная каменная стѣна: а внизу на улицѣ кричали, стучали и перебранивались безпрестанно ѣдущіе и везущіе всевозможные товары ломовые извозчики. Это было въ одномъ изъ переулковъ между Варваркой и Ильинкой.

Гроховъ былъ нѣсколько слонообразной наружности, имѣлъ глаза, налитые кровью, губы толстыя и отчасти воспаленныя, цвѣтъ лица красноватый. Происходя изъ ничтожныхъ сенатскихъ писцовъ, Гроховъ ѣздилъ въ настоящее время на рысакахъ и имѣлъ, говорятъ, огромныя деньги, что, впрочемъ, онъ тщательно скрывалъ, такъ что, когда его видали иногда покупающимъ на биржѣ тысячъ на сто, на полтораста бумагъ и при этомъ спрашивали: «что, это ваши деньги, Григорій Мартыновичъ?»—онъ съ сердцемъ отвѣчалъ:—«нѣтъ-съ, порученныя». Несмотря на свое адвокатское званіе, Гроховъ рѣдко являлся въ судъ, особенно новый; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по общимъ слухамъ, велъ дѣла крупныя между купечествомъ и рѣшалъ ихъ больше самъ, силою своего характера: возьметъ, напримѣръ, какое ни на есть дѣло, поѣдетъ сначала къ противнику своему и напугаетъ того; а если тотъ очень упрется, такъ Гроховъ пугнетъ кліента своего; затѣмъ возьметъ съ обоихъ деньги и помиритъ ихъ. Предсѣдательствовалъ также Гроховъ во многихъ конкурсахъ, любилъ завѣдывать имѣніемъ малолѣтнихъ и хлопоталъ иногда для людей достаточныхъ по дѣламъ бракоразводнымъ. При такого рода значительной дѣятельности, у Грохова была одна прореха: будучи человѣкомъ одинокимъ, онъ впадалъ иногда въ загулы; ну, тогда и дѣла запускалъ, и деньжищъ чортъ знаетъ сколько просаживалъ, и крѣпкое здоровье свое отчасти колебалъ, да вдобавокъ еще страху какого-то дурацкаго себѣ наживалъ недѣли на двѣ.

Настоящая минута для него была именно одною изъ такихъ минутъ; изъ всего вчерашняго дня, вечера и ночи Гроховъ только и помнилъ двѣ голыя женскія ноги и больше ничего! Можетъ-быть, онъ набуянилъ гдѣ-нибудь, избилъ кого-нибудь, убилъ, пожалуй,—ни за что не могъ поручиться! Потъ даже холодный прошибалъ при этихъ мысляхъ Грохова. Но дверь кабинета отворилась, и вошелъ письмоводитель его въ поношенномъ пальто, нечесанный, съ опухшимъ лицомъ и тоже должно-быть, вчера бывшій сильно пьянъ.

— Г-жа Олухова къ вамъ пріѣхала,—проговорилъ онъ совершенно охриплымъ голосомъ.

Гроховъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы вспомнить, кто такая это была г-жа Олухова, что за дѣло у ней, и странное явленіе: одинъ только вчерашній вечеръ и ночь были закрыты для Григорія Мартыныча непроницаемой завѣсой, но все прошедшее было совершенно ясно въ его умѣ, такъ что онъ, вставъ, сейчасъ же нашелъ въ шкапу бумаги съ заголовкомъ: «*Дѣло г. Олуховыхъ*», и положилъ ихъ на столъ, отперъ потомъ свою конторку и, вынувъ изъ нея толстый пакетъ съ надписью: «*деньги г-жи Олуховой*», положилъ и этотъ пакетъ на столъ; затѣмъ поправилъ нѣсколько передъ зеркаломъ прическу свою и, пожевавъ, чтобъ не такъ сильно пахнуть водкой, жженаго кофе, нарочно для того въ карманѣ носимаго, опустился на свой деревянный стулъ и, обратясь къ письмоводителю, разрѣшилъ ему принять пріѣхавшую госпожу.

Вошла Домна Осиповна въ бархатномъ платьѣ со множествомъ цѣпочекъ на груди и дорогими кольцами на пальцахъ. Въ грязномъ кабинетѣ Грохова Домна Осиповна казалась еще красивѣе.

— Честь и мѣсто!—сказалъ Гроховъ, стараясь улыбнуться и показывая на кресло противъ себя.

Домна Осиповна сѣла. Она замѣтно была взволнована.

— Я вчера еще была у васъ,—начала она.

— Знаю-съ!.. Я вчера очень занятъ былъ,—перебилъ ее Гроховъ.

Чѣмъ онъ собственно занятъ былъ, мы отчасти знаемъ.

— Вы были въ Петербургѣ? — продолжала Домна Осиповна.

— Какъ же-съ!—отвѣчалъ-было Гроховъ, но у него въ это время страшно закружилась голова, а передъ глазами только и мелькали двѣ вчерашнія женскія ноги.

Домна Осиповна ожидала, что онъ будетъ что-нибудь далѣе говорить; но Гроховъ только въ упоръ смотрѣлъ на нее, такъ что она даже покраснѣла немного.

— Что жъ мужъ эту бумагу, о которой я просила васъ, далъ вамъ?—сказала она.

— Выдалъ-съ!—отвѣчалъ Гроховъ и, отыскавъ въ дѣлѣ Олуховыхъ сказанную бумагу, подалъ ее Домнѣ Осиповнѣ и при этомъ дохнулъ на нее струею такого чистаго спирта, что Домна Осиповна зажала даже немножко носъ рукою. Бумагу она, впрочемъ, взяла и съ начала до конца очень внимательно прочла ее и спросила:

— Что же, съ этимъ видомъ я могу теперь вездѣ свободно жить?

— Конечно-съ!.. безъ сомнѣнія,—едва достало силы у Грохова отвѣтить ей.

Ему все труднѣй и труднѣй становилось существовать; но вдругъ... таково было счастливое свойство его организма: вдругъ онъ почувствовалъ легкую испарину, и голова его начала нѣсколько освѣжаться.

— Очень можете-съ, очень! — повторилъ онъ значительно оживленнымъ голосомъ.

Домна Осиповна нѣсколько мгновеній какъ бы собиралась съ мыслями.

— А насчетъ обезпеченія меня,—проговорила она и при этомъ отъ волненія приложила дрожащій свой пальчикъ къ губамъ, какъ бы желая кусать ноготь на немъ.

— И это устроилъ-съ!—отвѣчалъ Гроховъ: испарина все болѣе и болѣе у него увеличивалась, и голова становилась яснѣй.—Я сначала, какъ и вы тоже желали, сказалъ, что вы намѣрены пріѣхать къ нему и жить съ нимъ.

— Интересно, какъ это онъ встрѣтилъ,—замѣтила Домна Осиповна.

— Испугался очень!.. точно я изъ пушки въ него выстрѣлилъ!—отвѣчалъ Гроховъ.

Домна Осиповна вспыхнула вся въ лицѣ.

— Какъ лестно это слышать,—произнесла она.

— Кричитъ, знаете, этой госпожѣ своей,—продолжалъ Гроховъ:—«Глаша, Глаша, ко мнѣ жена хочетъ воротиться...» Та прибѣжала, тоже кричитъ:—«Это невозможно!.. нельзя...»—«Позвольте, говорю, господа, законъ не лишаетъ Михайлу Сергѣича права потребовать къ себѣ Домну Осиповну; но онъ также даетъ и ей право пріѣхать къ нему, когда ей угодно, тѣмъ болѣе, что она ничѣмъ не обезпечена!»—«Какъ, говоритъ, не обезпечена: я ей домъ подарилъ».

— Вотъ хорошо!—почти воскликнула Домна Осиповна:— онъ мнѣ домъ подарилъ, когда я еще невѣстой его была.

— Ну, когда бы тамъ ни было, но онъ все-таки подарилъ

вамъ...—началъ-было Гроховъ, но при этомъ вдругъ раскашлялся, принялся харкать, плевать; лицо у него побагровѣло еще больше, такъ что Домнѣ Осиповнѣ сдѣлалось гадко и страшно за него.

— Это все госпожа его натолковываетъ ему,—проговорила она, когда Гроховъ позатихъ немного.

— Нѣтъ-съ, ошибаетесь!.. совершенно ошибаетесь,—возразилъ онъ, едва приходя въ себя отъ трепки, которую задалъ ему его расходившійся катарръ:—госпожа эта напротивъ... когда онъ написалъ потомъ ко мнѣ... О, тѣ, чортъ поганый, уняться не можетъ!—воскликнулъ Гроховъ, относя слова эти къ начавшему снова бить его кишлю:—и когда я передалъ ему вашу записку... что вы тамъ желаете получить отъ него лавки, капитала 50 тысячъ... Ну, тѣ, дьяволъ, какъ мучитъ!..—заключилъ Гроховъ, продолжая кашлять.

— Какъ однако вы простудились,—замѣтила ему съ состраданіемъ Домна Осиповна.

— Страшно простудился... ужасно!..—говорилъ Гроховъ и затѣмъ едва собрался съ силами, чтобы продолжать разсказъ:—супругъ вашъ опять-было на дыбы, но она прикрикнула на него:—«Неужели, говоритъ, вамъ деньги дороже меня, но я минуты съ вами не останусь жить, если жена ваша вернется къ вамъ»... О, Господи, совсѣмъ здоровье расклеилось.

И Гроховъ, какъ бы въ отчаяніи, схватилъ себя за голову.

— Это, я думаю, все отъ вашихъ усиленныхъ занятій,—проговорила попрежнему съ состраданіемъ Домна Осиповна:—но что же однако, мужъ мой выдалъ вамъ какой-нибудь документъ?—поспѣшила она прибавить, потому что очень хорошо видѣла и понимала, какъ Грохову трудно было съ ней вести объясненіе, и даже почему именно было трудно.

— Выдалъ-съ! Сейчасъ вотъ вамъ передамъ все: это вотъ-съ купчая крѣпость на лавки, а это ваши деньги,—говорилъ онъ, пододвигая то и другое къ Домнѣ Осиповнѣ.

Она купчую крѣпость тоже прочла весьма внимательно и начала потомъ считать деньги, раскладывая ихъ сначала на сотни, а потомъ на тысячи.

— Тутъ всего тридцать тысячъ!—произнесла она недоумѣвающимъ голосомъ.

— Тридцать-съ!—отвѣтилъ сначала очень коротко Гроховъ; но, видя, что Домна Осиповна все еще остается въ недоумѣніи, онъ присовокупилъ:—Все имущество я цѣню въ 200 тысячъ, хотя оно и больше стоитъ... десять процентовъ мнѣ, значитъ, двадцать тысячъ, а тридцать вамъ!

Слова эти окончательно озадачили Домну Осиповну.

— Но десять процентовъ, кажется, берется, когда дѣло ведутъ, — произнесла она съ какой-то перекошенной и злой улыбкой.

— А я развѣ не велъ дѣла?—возразилъ ей Гроховъ:—но кромѣ того, мы уговорились такъ съ вами... У меня вашей руки письмо есть на то.

— Но я полагала, что дѣло дойдетъ до суда,—говорила съ той же злой улыбкой Домна Осиповна.

— Ну, за это вы благодарите Бога, что дѣло до суда не дошло,—произнесъ съ удареніемъ и тряхнувъ головой Гроховъ:—по суду бы супругъ вашъ шишъ вамъ показалъ.

— Какъ же шишъ... и какъ это деликатно съ вашей стороны такъ выражаться!—сказала, вся вспыхнувъ, Домна Осиповна.

— Такъ, шишъ!—повторилъ еще разъ Гроховъ:—въ законахъ дѣйствительно сказано, что мужья должны содержать своихъ женъ, но какихъ?—не имѣющихъ никакого своего имущества, а мужъ вашъ прямо скажетъ, что у васъ есть домъ.

— Но домъ я,—возразила Домна Осиповна съ прежней непріятной улыбкой:—сейчасъ могу продать!

— А тогда онъ скажетъ, что у васъ деньги есть.

— Деньги я тоже могу прожить, подарить, потерять...

Гроховъ усмѣхнулся при этомъ.

— Да, какъ же, обманешь кого-нибудь этими побасенками: нынѣшніе судьи не слѣпо судятъ и прямо говорятъ, что они буквы закона держатся только въ дѣлахъ уголовныхъ, а въ гражданскихъ, такъ какъ надо же въ чью-либо пользу рѣшить, допускаютъ толкованія, и, конечно, въ вашемъ дѣлѣ въ вашу пользу не растолковали бы, потому что вы еще заранѣе болѣе чѣмъ обезпечены были отъ вашего мужа...

Всѣхъ этихъ словъ Грохова Домна Осиповна и не слушала, а молча и съ замѣтно недовольнымъ лицомъ укладывала бумаги и деньги въ карманы своего платья.

— Вы потрудитесь во всемъ этомъ дать мнѣ расписочку,— сказалъ Гроховъ, пододвигая Домнѣ Осиповнѣ бумагу и перо.

— Что же я написать должна?—спросила та.

— Напишите-съ, что документы и деньги, переданные мнѣ вашимъ мужемъ, вы сполна получили, а я напишу, что слѣдующія мнѣ по дѣлу сему деньги вами тоже уплачены!..—отвѣчалъ Гроховъ и написалъ, что говорилъ.

— Ну, не очень я деньги сполна получила, — говорила Домна Осиповна, начиная писать расписку.

— Не знаю-съ, по-моему, вы сполна ихъ получили,—сказалъ Гроховъ и на лицѣ своемъ весьма ясно изобразилъ же-

ланіе, чтобы кліентка его поскорѣе убиралась отъ него, но Домна Осиповна не поднималась съ своего мѣста.

— Но какихъ мнѣ бумагъ купить на эти деньги, рѣшительно недоумѣваю,—проговорила она, кусая свои розовыя губки.

Гроховъ догадался, что этотъ вопросъ былъ адресованъ къ нему.

— Изъ бумагъ вамъ лучше всего купить Хмуринскія акціи,—отвѣчалъ онъ.

— Но онѣ очень высоко стоятъ,—произнесла грустнымъ голосомъ Домна Осиповна.

— На биржѣ ихъ нечего и покупать, тамъ приступу нѣтъ, но нельзя ли вамъ какъ-нибудь ихъ достать отъ самого господина Хмурина; даетъ, говорятъ, онъ нѣкоторымъ знакомымъ по номинальной даже цѣнѣ... Нѣтъ ли у васъ человѣка, вхожаго къ нему?

Домна Осиповна нѣкоторое время соображала.

— Янсутскаго развѣ попросить; онъ вчера былъ у меня,— сказала она опять какъ бы больше сама съ собой.

— Чего же лучше... пріятели ни въ чемъ не отказываютъ другъ другу.

— Его попрошу!..—продолжала Домна Осиповна тѣмъ же размышляющимъ голосомъ.—Но самыя акціи вѣрны ли?

При этомъ вопросѣ Гроховъ даже разсмѣялся.

— Вотъ еще!.. Вѣрны ли акціи...—произнесъ онъ.

Домна Осиповна наконецъ поднялась.

Гроховъ тоже всталъ съ своего стула.

— До свиданья!—сказала она довольно сухо ему.

— До свиданья-съ!—повторилъ и онъ ей, склоняя свою голову къ столу и начиная внимательно смотрѣть на немъ бумаги.

Домна Осиповна ушла.

Гроховъ послѣ того опять сейчасъ же сѣлъ.

— Ну, барынька... выжига порядочная! — произнесъ онъ, утирая градомъ катившійся со лба потъ. Отъ всѣхъ этихъ объясненій съ кліенткою похмелья у него какъ будто бы и не бывало.

Отъ Грохова Домна Осиповна проѣхала въ одну изъ банкирскихъ конторъ. Тамъ въ первой же со входа комнатѣ, за проволочной рѣшеткой, точно птица какая, сидѣлъ жидъ съ сильными слѣдами на лицѣ и на рукахъ проказы; несмотря на это, Домна Осиповна очень любезно поклонилась ему и даже протянула ему въ маленькое отверстіе рѣшетки свою

руку, которую жидъ, въ свою очередь, съ чувствомъ и довольно сильно пожалъ.

— А я къ вамъ денегъ еще привезла положить на чекъ,— сказала она веселымъ и развязнымъ тономъ.

— А и прекрасно, что привезли!—подхватилъ тоже весело жидъ.

Домна Осиповна положила передъ нимъ на прилавокъ деньги и расчетную книжку.

Жидъ разсмотрѣлъ сначала книжку, пересчиталъ потомъ деньги и, положивъ ихъ въ ящикъ, произнесъ, стараясь пріятно улыбнуться:

— Къ прежнимъ пятидесяти тысячамъ вы кладете еще тридцать?

— Еще!—отвѣчала Домна Осиповна съ той же веселой улыбкой; эти пятьдесятъ тысячъ она скопила, когда еще жила съ мужемъ и распоряжалась всѣмъ его хозяйствомъ, о чемъ сей послѣдній, конечно, не вѣдалъ.

— Но вотъ еще что... вѣроятно, я скоро возьму у васъ всѣ свои деньги,—прибавила Домна Осиповна жиду.

Тотъ почтительно склонилъ передъ ней свою голову.

— О, когда только вамъ угодно будетъ!—произнесъ онъ, придавъ своимъ глазамъ какое-то даже сентиментальное выраженіе, а затѣмъ, написавъ въ книжкѣ, что нужно было, передалъ ее съ нѣкоторою ловкостью Домнѣ Осиповнѣ.

Та, взглянувъ на написанную въ книжкѣ цифру денегъ, поблагодарила жида наипріятнѣйшей улыбкой.

— Скажите,—начала она, приближая уже почти къ самой рѣшеткѣ свое лицо и весьма негромкимъ голосомъ:—Хмуринскія акціи вѣрны или нѣтъ?

— Какъ то, что завтра солнце взойдетъ!—отвѣчалъ ей жидъ.

— Такъ вѣрны?—переспросила Домна Осиповна.

— Такъ вѣрны!—повторилъ жидъ.

— Mercі,—сказала на это Домна Осиповна и, пожавъ еще разъ пораженную проказой руку жида, ушла.

VI.

Елизавета Николаевна Мѣрова, въ широчайшемъ утреннемъ капотѣ, обшитомъ кругомъ кружевами и оборками, сидѣла на небольшомъ диванчикѣ, вся утонувъ въ него, такъ что только и видно было ея маленькое личико и ея маленькія обнаженныя ручки, а остальное все какъ будто бы была кисея. Квартира Елизаветы Николаевны, весьма небольшая, въ противоположность дому Домны Осиповны, представляла въ своемъ

убранствѣ замѣчательное изящество и простоту; въ ней ничего не было лишняго, а если что̀ и было, такъ все очень красивое и, вѣроятно, очень дорогое. Квартира ея такимъ образомъ была убрана, конечно, на деньги Янсутскаго; но собственно вкусъ, руководствовавшій всѣмъ этимъ убранствомъ, принадлежалъ родителю Елизаветы Николаевны, графу Николаю Владимировичу Хвостикову, нѣкогда блестящему камергеру, а теперь, какъ онъ самъ даже про себя выражался, аферисту и прожектеру.

Графъ въ это время сидѣлъ у дочери. Онъ былъ уже старикъ, но совершенно еще стройный, раздушенный, напомаженный, съ бородой à la Napoleon III и въ безукоризненно модной сюртучной парѣ.

— Какъ же, chère amie, ты это утверждаешь!..—говорилъ онъ (даже въ русской рѣчи графа Хвостикова слышалось что-то французское).—Какъ женщина, ты не можешь даже этого понимать!..

— Я, можетъ-быть, и не понимаю; но Петръ Евстигнеичъ говоритъ, что все это одна фантазія, вздоръ!..—возразила ему Елизавета Николаевна.

— Какъ вздоръ!—спросилъ графъ и отъ досады переломилъ даже находящійся у него въ рукахъ бисквитъ и кусочки его положилъ себѣ въ ротъ: онъ только-что передъ тѣмъ пилъ съ дочерью шоколадъ.

— Такъ, вздоръ,—повторила та:—Петръ Евстигнеичъ говоритъ, что надобно сначала первое дѣло покончить.

— Но оно уже кончено... съ недѣлю, какъ оно разсмотрѣно и разрѣшено...—сказалъ съ увѣренностью графъ.

— А если кончено, такъ и прекрасно!.. А другое предпріятіе, Петръ Евстигнеичъ говоритъ, надобно подождать...

— Для тебя, chère amie, каждое слово твоего Петра Евстигнеича... Oh, diable!.. отъ одного отчества его языкъ переломишь!.. Тебѣ онъ, по твоимъ чувствамъ къ нему, представляется Богомъ какимъ-то, изрекающимъ однѣ непреложныя истины, но другіе, можетъ-быть, понимаютъ его иначе!

Графъ Хвостиковъ собственно самъ и свелъ дочь съ Янсутскимъ, воспользовавшись ея вѣтреностью и тѣмъ, что она осталась вдовою, и сдѣлалъ это не по какому-нибудь свободному взгляду на сердечныя отношенія, а потому, что c'est une affaire avantageuse, предпріятіе не безвыгодное, а выгодными предпріятіями графъ въ послѣднее время бредилъ.

— Въ сущности, твой Петръ Евстигнеичъ кулакъ и привыкъ только считать гроши! — присовокупилъ онъ вполголоса.

— Пожалуйста, папа, не говорите такъ, — остановила его

дочь.—Я люблю этого человѣка и не позволю никому о немъ дурно отзываться.

Говоря это, Елизавета Николаевна вся вспыхнула даже.

— Что жъ, это семейный разговоръ былъ... — возразилъ было графъ.

— А я и семейнаго разговора такого не желаю имѣть, — подхватила дочь.

Графъ замолчалъ.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхала Домна Осиповна. Елизавета Николаевна очень ей обрадовалась.

— Ахъ, вотъ кто это! — воскликнула она, увидавъ входящую подругу, и, вскочивъ, какъ козочка, съ дивана, бросилась обнимать ее.

Графъ Хвостиковъ тоже сейчасъ всталъ и поклонился гостьѣ; при этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что поклониться такъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ сохраненіемъ собственнаго достоинства, какъ сдѣлалъ это графъ, врядъ ли многіе умѣли въ Москвѣ.

— Ты однако,—начала Елизавета Николаевна, переставъ наконецъ цѣловать Домну Осиповну: — опять въ обновкѣ, въ бархатномъ платьѣ!

— Да, я съ болѣзнью моею и поѣздкою за границу такъ истрепала мой туалетъ, что рѣшительно теперь весь возобновляю его!..—отвѣчала та не безъ важности.

— Постой, постой!... — останавливала между тѣмъ Мѣрова пріятельницу, не давая ей садиться и осматривая ее съ головы до ногъ:—но знаешь, ma chère, платье это тяжело на тебѣ сидитъ.

— Я не нахожу этого,—отвѣчала Домна Осиповна, не совсѣмъ, видимо, довольная этимъ замѣчаніемъ.

— Тяжело,—повторила Мѣрова: — не правда ли, папа? — отнеслась она къ отцу.

Графъ Хвостиковъ лукаво усмѣхнулся.

— «Въ мои ль лѣта свое сужденіе имѣть!»—произнесъ онъ уклончиво.

— Какъ вы ни молоды, графъ, но все-таки, я полагаю, свое мнѣніе вы можете имѣть!..—отнеслась къ нему съ улыбкою Домна Осиповна:—скажите, тяжело это платье?

— Pardon, madame, je ne comprends pas ce que cela signifie: тяжело! Тяжело только то, что трудно поднять, но вамъ, я надѣюсь, не тяжело носить ваше платье, а пріятно.

Графъ, видимо, хотѣлъ этимъ что-то такое сострить.

— Даже очень пріятно. оно такое теплое, въ немъ такъ уютно,—подтвердила Домна Осиповна.

— Но оно не платье, chère amie,—силилась доказать Мѣрова:—а драпировка какая-то.

— Хорошо сказано, хорошо!.. О, ты дочь, достойная меня!—подхватилъ графъ (онъ еще смолоду старался слыть за остряка, и даже теперь въ обществѣ называли его «тупымъ шиломъ»).

— Поэтому вы, — отнесся онъ къ Домнѣ Осиповнѣ: — прекрасная дорическая колонна, а платье ваше драпри... Vous êtes une dame aux draperies!..

— Не знаю... Я что-то колоннъ въ драпировкахъ не видала, — произнесла та, нѣсколько уже обидѣвшись и садясь на кресло.

Графъ Хвостиковъ тоже сѣлъ.

— Ну, что, пустяки, колонна!..—подхватила Мѣрова, также усаживаясь около пріятельницы. — Я убѣждена, — продолжала она:—что это тебѣ, по обыкновенію, шила твоя Дарья Петровна.

— Конечно, Дарья Петровна, которая никакъ не хуже шьетъ твоей m-me Минангуа, и разница вся въ томъ, что та вдвое беретъ за фасонъ и вдвое матеріи требуетъ,—возразила Домна Осиповна.

— Какъ же это возможно!—произнесла почти съ плачемъ въ голосѣ Мѣрова.—Папа, развѣ правда это?—обратилась она опять къ отцу.

— Я не знаю фасоновъ m-me Минангуа; но въ окнахъ у ней я только видалъ прелестные цвѣтки,—отвѣчалъ графъ.

— А развѣ она дѣлаетъ цвѣты?—спросила Домна Осиповна.

— Нѣтъ, онъ все глупости говоритъ: засматривался тамъ на хорошенькихъ мастерицъ!—перебила съ досадой Мѣрова и снова обратилась къ главному предмету, ее занимающему:—ты спрашиваешь, отчего тяжело, но зачѣмъ такія широкія складки?—сказала она, показывая на одну изъ складокъ на платьѣ Домны Осиповны.

Та пожала при этомъ плечами.

— Ты, значитъ, не видала послѣднихъ фасоновъ; есть у тебя какой-нибудь модный журналъ?—спросила она.

— Два даже! — воскликнула Мѣрова и, проворно сходивъ, принесла оба журнала.

— Смотри: узенькая это складка или широкая? — говорила Домна Осиповна, показывая съ торжествомъ на одну изъ картинокъ.

М-me Мѣрова вспыхнула при этомъ: она чувствовала себя прямо уличенною.

— Знаю я это! Но пусть на картинкахъ это такъ и будетъ; носить же и надѣвать на себя такое платье я никогда бы не хотѣла,—произнесла она капризнымъ голосомъ.

— Погоди,—остановила ее Домна Осиповна: — а этотъ капотъ, который на тебѣ, развѣ не такъ же сдѣланъ?

— Да что̀ капотъ! Ей-Богу, какъ ты говоришь, — почти выходила изъ себя Мѣрова:—это глупая какая-то блуза, которую мнѣ шила бѣлошвейка.

— Attendez, mesdames, я васъ помирю!..—сказалъ, поднимая знаменательно свою руку, графъ Хвостиковъ:—каждая изъ васъ любитъ то, что̀ требуетъ ея наружность!.. М-me Олухова брюнетка, къ ней идетъ всякій блескъ, всякій яркій цвѣтъ, а Лиза существо эѳира: ей надобно небо и легко облегающій газъ!..

— Да, если это такъ, то конечно!.. — согласилась съ нимъ Домна Осиповна, но дочь нѣтъ, и продолжала отрицательно качать своею головкою.

Въ это время послышались звуки сабли.

— Петръ Евстигнеичъ, кажется,—проговорилъ графъ Хвостиковъ.

Мѣрова заботливо взглянула на дверь.

Вошелъ дѣйствительно Янсутскій, пріѣхавшій прямо отъ Бѣгушева и бывшій очень не въ духѣ. Несмотря на то, что Гюменевъ и Бѣгушевъ дали слово у него обѣдать, онъ инстинктивно чувствовалъ, что они весьма невысоко его третировали и почти-что подсмѣивались надъ нимъ, тогда какъ самъ Янсутскій, вслѣдствіе нахапанныхъ всякаго рода процѣлками денегъ, считалъ себя чуть не геніальнымъ человѣкомъ.

Войдя въ комнату, онъ къ первой обратился Домнѣ Осиповнѣ.

— Очень радъ, что я васъ здѣсь засталъ, — сказалъ онъ, крѣпко пожимая ей руку.

— И я отчасти потому пріѣхала, что надѣялась встрѣтить васъ здѣсь,—сказала она.

Янсутскій затѣмъ мотнулъ головой m-me Мѣровой и ея папа, снялъ саблю и сѣлъ. Елизавета Николаевна пристально посмотрѣла на него.

— Что̀ вы такой сегодня, фу, точно котъ Васька, сердитый?—спросила она его.

— Нисколько не сердитый,—отвѣчалъ сй небрежно Янсутскій и снова отнесся къ Домнѣ Осиповнѣ:—Бѣгушевъ будетъ меня обѣдать.

— Будетъ?—повторила та съ удовольствіемъ.

— Будетъ,—отвѣчалъ Янсутскій и обратился уже къ графу Хвостикову:—у Бѣгушева я встрѣтилъ Тюменева; можетъ, вы знаете его?

— О, Боже мой! Это одинъ изъ лучшихъ моихъ знакомыхъ!—произнесъ графъ, поднимая при этомъ немного глаза вверхъ.

— И онъ мнѣ сказалъ, что наше предпріятіе дѣйствительно разсматривалось, но что оно провалилось окончательно.

Графъ Хвостиковъ при этомъ поблѣднѣлъ.

— Что такое провалилось?—спросилъ онъ, какъ бы не поняв этой фразы.

— А то провалилось, что не утверждено, — отвѣчалъ ему насмѣшливо и со злостью Янсутскій.

— Вотъ видишь, папа, какъ ты всегда говоришь!—сказала также и дочь графу, погрозя ему укоризненно пальчикомъ:— вѣрно все... рѣшено... кончено!

— Но мнѣ писали объ этомъ!—бормоталъ графъ, совсѣмъ, какъ видно, опѣшенный.

— Не знаю-съ, кто вамъ это писалъ, — возразилъ ему с явнымъ презрѣніемъ Янсутскій:—но оно никогда не было да и не могло быть рѣшено въ нашу пользу. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать, чтобы позволили на воздухѣ строить домъ.

— Гдѣ жъ на воздухѣ, — продолжалъ кроткимъ голосомъ графъ:—развѣ credit mobilier не то же самое?

— Вотъ еще что выдумали: credit mobilier! — воскликнулъ насмѣшливо Янсутскій:—предпріятіе, чортъ знаетъ когда существовавшее, и гдѣ же?—въ Парижѣ! при содѣйствіи императора, и то лопнувшее—хорошъ примѣръ! Я просто сгорѣлъ отъ стыда, когда Тюменевъ сталъ расписывать Бѣгушеву это наше дурацкое дѣло!

Графъ на это ничего ужъ и не возражалъ.

Дочери, кажется, сдѣлалось жаль его.

— Хотите завтракать?.. — спросила она Янсутскаго, зная по опыту, что когда онъ поѣстъ, такъ бываетъ подобрѣе.

— Нѣтъ, не хочу!..—отвѣчалъ отрывисто Янсутскій (на дменный видъ Тюменева никакъ не могъ выйти изъ его головы).—А у меня еще гость будетъ, этотъ Тюменевъ,—прибавилъ онъ.

— Ахъ, это отлично! Мнѣ очень хочется посмотрѣть на него, — воскликнула Мѣрова. — Что онъ такое: генералъ-адъютантъ?..

— То-есть, пожалуй, генералъ-адъютантъ, штатскій только. онъ статсъ-секретарь! — отвѣчалъ не безъ важности Янсутскій.—Я собственно позвалъ этого господина, — отнесся он какъ бы больше къ графу:—затѣмъ, что онъ хоть и надута этакая скотина, но все-таки держаться къ этакимъ людям поближе не мѣшаетъ.

— О, безъ сомнѣнія! — подвердилъ тотъ невеселымъ голосомъ.

Положеніе графа было очень нехорошее: если бы изобр

тенное имъ предпріятіе было утверждено, то онъ все-таки нѣсколько надѣялся втянуть Янсутскаго въ новую аферу и такимъ образомъ, заинтересовавъ его въ двухъ большихъ дѣлахъ, имѣлъ нѣкоторое нравственное право занимать у него деньги, что было совершенно необходимо для графа, такъ какъ своихъ доходовъ онъ ниоткуда не получалъ никакихъ, и въ настоящее время, напримѣръ, у него было въ карманѣ всего только три цѣлковыхъ, а ему сегодняшнимъ вечеромъ нужно было приготовить по крайней мѣрѣ рублей сто для одной своей любовницы: несмотря на свои 60 лѣтъ, графъ сильно еще занимался всякого рода любовницами. Но гдѣ взять эти сто рублей!.. Не у Янсутскаго же просить взаймы послѣ всѣхъ дерзостей, которыя онъ позволилъ себѣ сказать: графъ все-таки до нѣкоторой степени считалъ себя джентльменомъ.

— Этотъ Тюменевъ очень много разсказывалъ интересныхъ вещей,—снова началъ Янсутскій.

Графъ Хвостиковъ при этомъ взглянулъ на него.

— А именно?—спросилъ онъ.

— Да разныя тамъ разности!—отвѣчалъ Янсутскій:—о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, предполагаемыхъ въ министерствѣ... о своихъ бесѣдахъ съ разными высокопоставленными лицами... объ ихъ взглядахъ на Россію! (Но болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, что ему разсказывалъ Тюменевъ, Янсутскій не могъ вдругъ придумать: какъ человѣкъ практическій, онъ владѣлъ весьма слабымъ воображеніемъ). Въ такія откровенности пустился, что Боже упаси!.. Понравился, видно, я ему очень!—заключилъ онъ, вставая и беря свою саблю.

— А мнѣ еще, Петръ Евстигнеичъ, надобно съ вами два слова сказать!..—проговорила при этомъ Домна Осиповна.

— Вашъ слуга покорный!—отвѣчалъ ей Янсутскій.

— Но только по секрету!..—присовокупила Домна Осиповна.

— И по секрету могу!—подхватилъ Янсутскій.

Они оба пошли.

— Вы не ревнуете?—спросила Домна Осиповна, оборачиваясь къ Мѣровой.

— Немножко ревную!—отвѣчала та.

Въ слѣдующей комнатѣ Домна Осиповна и Янсутскій сѣли.

— Послушайте, — начала она заискивающимъ голосомъ:— у меня есть теперь свободныя деньги... Я бы желала на нихъ пріобрѣсть акціи Хмурина: гдѣ бы мнѣ ихъ достать?

— На биржѣ сколько угодно.

— Да, но на биржѣ онѣ дороже своей цѣны...

— Еще бы, и главное, что съ каждымъ днемъ поднимаются и будутъ еще подниматься.

— Вы думаете?—проговорила Домна Осиповна, и глаза ея при этомъ блеснули какимъ-то особеннымъ блескомъ.

— Увѣренъ въ томъ!.. А на какую сумму вамъ нужно этихъ акцій?

— Я еще этого не опредѣлила точно!—отвѣчала уклончиво Домна Осиповна:—акціи Хмурина, конечно, теперь очень хорошо стоятъ, но онѣ могутъ и понизиться, все-таки это рискъ!.. У Хмурина, говорятъ, много еще ихъ на рукахъ, и онъ ихъ даетъ нѣкоторымъ знакомымъ по номинальной цѣнѣ.

— Кому жъ онъ даетъ?.. Лицамъ, отъ которыхъ самъ въ зависимости. Впрочемъ, Хмуринъ будетъ у меня на обѣдѣ... Попробуйте, скажите ему объ этомъ! — проговорилъ Янсутскій:—онъ нѣженъ съ дамами.

— Нѣженъ?—спросила, усмѣхнувшись, Домна Осиповна.

— Очень даже. Вы сначала, будто шутя, попросите у него, а потомъ и серьезно скажите.

— Понимаю; но и вы словечко замолвите ему съ своей стороны; онъ, говорятъ, вамъ ни въ одной просьбѣ не отказываетъ!..

Янсутскій пожалъ плечами.

— Пока еще не отказывалъ ни въ чемъ; извольте, я ему скажу!

— Пожалуйста!

У графа Хвостикова въ это время тоже шелъ о деньгахъ разговоръ съ дочерью.

— У тебя нѣтъ рублей двухсотъ-трехсотъ?.. — спросилъ онъ будто случайно и совершенно небрежнымъ тономъ.

— Нѣтъ, папа, на вотъ хоть возьми ключъ и посмотри самъ!—отвѣчала та совершенно, какъ видно, искренно.

Графъ нѣкоторое время переминался.

— А этакъ заложить мнѣ что-нибудь не можешь ли дать?

— Ни за что папа!.. ни за что!..—воскликнула точно даже испуганная этой просьбой Мѣрова:—Петръ Евстигнеичъ и за браслетъ тогда меня бранилъ очень, бранилъ и тебя также.

— Какъ же онъ меня бранилъ? — имѣлъ неосторожность спросить Хвостиковъ.

— Просто подлецомъ тебя называлъ, — объяснила откровенно дочь.

Янсутскій и Домна Осиповна возвратились и вскорѣ затѣмъ оба уѣхали, а графъ Хвостиковъ, желая сберечь свои единственные три рубля, какъ ни скучно ему то было, остался у дочери обѣдать.

VII.

Петръ Евстигнеевичъ Янсутскій въ день именинъ своихъ, часовъ еще въ 10 утра, пріѣхалъ въ одинъ изъ очень доро-

гихъ отелей и объявилъ тамъ, что онъ человѣкамъ восьми желаетъ дать обѣдъ; потомъ, заказавъ самый обѣдъ, выбралъ для него лучшее отдѣленіе отеля и распорядился, чтобы тутъ сейчасъ же начали накрывать на столъ. Затѣмъ онъ съѣздилъ, привезъ и собственными руками внесъ въ избранное имъ отдѣленіе монстры-ананасы, которые, когда уложили ихъ на вазы, доставали своею зеленью чуть не до потолка. Янсутскій остался этимъ очень доволенъ; но зато въ ужасъ пришелъ, когда увидѣлъ приготовленные для обѣда канделябры, ни дать ни взять какіе бываютъ на похоронныхъ обѣдахъ. Онъ немедля приказалъ ихъ взять къ чорту, послалъ въ магазинъ и велѣлъ оттуда принести прежде еще имъ видѣнные тамъ четыре очень дорогіе, изъ бѣлой бронзы, многосвѣчные шандалы и купилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ отпразднованія, они были отправлены къ m-me Мѣровой. По случаю пыли на драпировкѣ, коврахъ и на мебели, у него вышла цѣлая исторія съ хозяиномъ отеля. Янсутскій требовалъ, чтобы позвали обойщика и все бы это выбили, вычистили. Хозяинъ-французъ, съ своей стороны, увѣрялъ, что у него все выбито, чисто; а Янсутскій кричалъ, что у него все не чисто. Французъ вспыхнулъ отъ гнѣва, и только надежда—получить съ г-на полковника порядочный барышъ — удержала его въ границахъ приличія, и онъ даже велѣлъ все исполнить по желанію Янсутскаго, который потомъ прямо изъ отеля поскакалъ къ Мѣровой. Онъ засталъ ее чуть не въ одномъ бѣльѣ, раскричался на нее жесточайшимъ образомъ за то, что она наканунѣ, на какомъ-то дурацкомъ вечерѣ, просидѣла часовъ до пяти и теперь была съ измятой, какъ тряпка, кожею, тогда какъ Янсутскій никогда въ такой степени не желалъ; какъ сегодня, чтобы она была хороша собою.

Домна Осиповна, въ свою очередь, тоже немало хлопотала по случаю предстоящаго обѣда. Она еще заранѣе сказала Бѣгушеву, что хочетъ пріѣхать на обѣдъ съ нимъ вмѣстѣ и даже въ его экипажѣ. Бѣгушева нѣсколько удивило это.

— Но ловко ли будетъ?—спросилъ онъ.

— Очень ловко!.. Я съ сегодняшняго дня вовсе не намѣрена скрывать нашихъ отношеній,—пояснила Домна Осиповна.

Мы знаемъ, что она передъ тѣмъ только покончила съ мужемъ всѣ дѣла свои.

Бѣгушевъ промолчалъ, но въ сущности такое ея намѣреніе ему не понравилось. По его понятіямъ, женщинѣ не стараться скрывать подобныхъ отношеній не слѣдовало, потому что это показывало въ ней нѣкоторое отсутствіе стыдливости.

— И, пожалуйста, заѣзжайте за мной въ вашемъ новомъ фаэтонѣ и на вашихъ вороныхъ лошадяхъ, а не на противныхъ гнѣдыхъ!—дополнила Домна Осиповна.

— Но вороныя,—возразилъ было Бѣгушевъ:—ужасно рѣзвы: на нихъ того и гляди или себѣ голову сломишь, или задавишь кого-нибудь. Я хочу велѣть ихъ продать.

— Не смѣйте этого и думать!—почти прикрикнула на него Домна Осиповна. — Я обожаю этихъ лошадей, и на нихъ извольте заѣхать за мной.

Бѣгушеву и это желаніе ея показалось довольно страннымъ.

Въ самый день обѣда Домна Осиповна съ двѣнадцати часовъ затворилась въ своей уборной и стала себѣ «дѣлать лицо». Для этого она прежде всего попритерлась нѣсколько, а затѣмъ начала себѣ закопченной шпилькой выводить линіи на вѣкахъ; потомъ насурмила себѣ нѣсколько брови, сгладила ихъ и подкрасила розовой помадой свои губы. «Сдѣлавъ лицо», Домна Осиповна принялась причесываться, что сопровождалось почти драматическими сценами. Парикмахеръ, какъ видно, не совсѣмъ искусный, дѣлалъ по-своему, а Домна Осиповна требовала, чтобы онъ передѣлывалъ по-ея. Парикмахеръ передѣлывалъ, но все-таки выходило не такъ. Домна Осиповна сердилась, кричала, плакала и наконецъ прогнала парикмахера, велѣвъ, впрочемъ, ему дожидаться въ передней. Оставшись одна, она, для успокоенія нервовъ, нѣсколько времени ходила по комнатѣ; а потомъ, снова поправивъ себѣ лицо, позвала опять парикмахера и съ нимъ наконецъ общими силами устроила себѣ прическу, которая вышла какъ-то вся на сторону; но это-то больше всего и нравилось Домнѣ Осиповнѣ; она видѣла въ этомъ выраженіе какого-то удальства, качество, которое въ послѣднее время стало нравиться нѣкоторымъ дамамъ. Платье Домна Осиповна надѣла ярко-зеленое со множествомъ дорогихъ вещей.

Когда Бѣгушевъ заѣхалъ за ней и увидѣлъ ее въ полномъ нарядѣ, то не могъ удержаться и произнесъ:

— Что это, какія вы сегодня зеленыя!

— Это самый модный цвѣтъ!—объяснила ему Домна Осиповна.

Бѣгушевъ невольно потупился: всю молодость свою провелъ онъ въ свѣтѣ; кромѣ того родился, выросъ въ очень достаточномъ семействѣ, но такихъ яркихъ цвѣтовъ на платьяхъ дамъ что-то не помнилъ. Впрочемъ, онъ и это явленіе отнесъ, по своей привычкѣ, къ бездарности вѣка, не умѣющаго даже придумать хоть сколько-нибудь сносный туалетъ для дамъ.

Сѣвъ въ фаэтонъ съ Бѣгушевымъ, Домна Осиповна сказала кучеру:

— Пожалуйста, поскорѣй!

Тотъ, желая ей угодить, понесся на всѣхъ рысяхъ, такъ что на первыхъ порахъ Бѣгушевъ едва опомнился и только на Тверской взглянулъ на Домну Осиповну. Онъ въ первый еще разъ видѣлъ ее разряженною и ѣдущею въ щегольскомъ экипажѣ. Полученное имъ на этотъ разъ впечатлѣніе было окончательно непріятное. На Домнѣ Осиповнѣ оказалась высокая шляпка съ какимъ-то глупо болтающимся вверху цвѣткомъ. Сама Домна Осиповна сидѣла съ неописанной важностью и закинувъ ногу на ногу, и вмѣстѣ съ тѣмъ она съ явнымъ презрѣніемъ смотрѣла на всѣхъ, идущихъ пѣшкомъ. Бѣгушевъ, весь свой вѣкъ ѣздившій въ экипажахъ, подозрѣвать даже не могъ переживаемаго въ настоящія минуты удовольствія его дамою, далеко не пользовавшеюся въ молодости довольствомъ средствъ.

Въ отелѣ между тѣмъ m-me Мѣрова сидѣла въ качествѣ хозяйки въ маленькой гостиной взятаго отдѣленія, а Янсутскій въ полной мундирной формѣ ртомъ и мѣхами раздувалъ уголья въ находящемся тутъ каминѣ, чтобы скорѣе они разгорѣлись и дали изъ себя пріятную теплоту.

Пріѣхали Домна Осиповна и Бѣгушевъ.

— А Тюменевъ что же... не будетъ?—спросилъ послѣдняго Янсутскій съ безпокойствомъ.

— Не знаю; вѣроятно, пріѣдетъ,—отвѣчалъ тотъ ему довольно сухо.

Дамы, какъ водится, увидавъ другъ друга, издали легкія восклицанія, поцѣловались и, съ быстротой молніи осмотрѣвъ другъ на другѣ туалеты, усѣлись.

Домна Осиповна нашла, что m-me Мѣрова, бывшая въ платьѣ изъ сѣраго фая съ высокимъ лифомъ, слишкомъ бѣдно одѣлась для такого парадnаго случая; а Мѣровой, напротивъ, показалось, что Домна Осиповна черезчуръ разрядилась. Мыслей этихъ онѣ, конечно, не высказали.

— Какъ здѣсь мило и уютно, — начала разговоръ первая Домна Осиповна.

— Очень мило,—подхватилъ Янсутскій.

Бѣгушевъ, усѣвшійся нѣсколько въ сторонѣ, у окна, тоже окинулъ глазами комнату и рѣшительно не понималъ, что въ ней было милаго.

— А какъ красиво сервированъ столъ! — продолжалъ Янсутскій, показывая Домнѣ Осиповнѣ на накрытый въ залѣ столъ.

Она, чтобы разсмотрѣть хорошенько, надѣла даже пенсне и съ своей стороны подтвердила:

— Очень хорошо.

М-me Мѣрова въ это время вскидывала на мгновеніе свои глазки на Бѣгушева. Она тоже, кажется, подобно ему не находила ничего особенно краситаго и милаго въ трактирномъ убранствѣ.

Явился графъ Хвостиковъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Боже мой, сколько лѣтъ не видались! — воскликнулъ было онъ, растопыривая передъ Бѣгушевымъ руки и какъ бы желая заключить его въ свои объятья.

Но тотъ однако не пошевелился съ своего мѣста и прогорилъ только:

— Здравствуйте!

— Каждый день я къ вамъ сбирался, каждый день!—продолжалъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ и на это промолчалъ.

Графъ, понявъ, что ему тутъ ничего не вытанцовать, расшаркался передъ дамами

— Je vous salue, masdames,—и, сейчасъ же усѣвшись на креслѣ, рядомъ съ Домной Осиповной, началъ отдуваться. По рѣшительному отсутствію денегъ, графъ издалека пришелъ пѣшкомъ.

— Вы устали?—спросила его Домна Осиповна.

— Сидя около васъ, я не могу сказать, что я у стали; скорѣй я у золота,—отвѣчалъ онъ.

Домна Осиповна поняла его остроту и искренно засмѣялась.

Бѣгушевъ при этомъ нахмурился.

Графъ между тѣмъ устремилъ свой взглядъ вдаль.

— Однако я такъ проголодался, что попрошу у тебя позволенія выпить рюмку водки и съѣсть что-нибудь,—проговорилъ онъ Янсутскому и, вставъ, прямо отправился въ залу къ разнообразнѣйшей закускѣ, приготовленной тамъ на особомъ, довольно большомъ столѣ.

Янсутскій принялся внимательно слѣдить за нимъ.

Графъ съѣлъ икры, семги, рыбокъ разныхъ, омаровъ маринованныхъ, такъ что Янсутскій не выдержалъ и, подойдя къ нему, тихо, но со злостью сказалъ:

— Пожалуйста, не портите всѣхъ тарелокъ, а съ которыхъ возьмете, велите, по крайней мѣрѣ, перемѣнить ихъ на свѣжія!

Графа смутило нѣсколько такое замѣчаніе.

— Je comprends, mon cher!—отвѣчалъ онъ тоже негромко и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая ѣсть, а потомъ, накушавшись,

строго приказалъ лакею пять разоренныхъ тарелокъ перемѣнить на новыя; наканунѣ Хвостикову удалось только въ цѣлый день три раза пить кофе: ни на обѣдъ ни на ужинъ онъ не попалъ ни къ одному изъ своихъ знакомыхъ!

— А я теперь былъ у Хмурина; у него Офонькинъ; они сейчасъ сюда пріѣдутъ,—сказалъ графъ Янсутскому, возвращаясь въ гостиную.

— Знаю это я! — отвѣчалъ тотъ ему небрежнымъ тономъ.

Вошедшій быстро лакей доложилъ, что пріѣхалъ Тюменевъ. Янсутскій опрометью бросился въ коридоръ. Онъ заранѣе еще распорядился, чтобы его немедля извѣстили о прибытіи Тюменева.

— Здѣсь, ваше превосходительство, сюда пожалуйте,—говорилъ онъ, раболѣпно встрѣчая почетнаго гостя и вводя его въ свое отдѣленіе.

Тюменевъ былъ въ трехъ звѣздахъ.

— Не узнаёте?— спросилъ его тотчасъ же графъ Хвостиковъ, останавливаясь передъ нимъ.

Тюменевъ изобразилъ на лицѣ своемъ нѣкоторое недоумѣніе.

— Графъ Хвостиковъ,—объяснилъ ему тотъ.

— А!—произнесъ довольно вѣжливо Тюменевъ, протягивая ему руку.

— Мы всю молодость, если вы помните, провели съ вами въ одномъ кругу!..—продолжалъ Хвостиковъ.

— Да, но вы были тогда такой левъ Петербурга,—сказалъ Тюменевъ.

— Зато теперь вы левъ! — подхватилъ Хвостиковъ, показывая на звѣзды Тюменева.

— Какой я левъ, — скромно выразилъ тотъ, но врядъ ли, впрочемъ, въ настоящія минуты не считалъ себѣ львомъ, потому что очень топорщился и поднималъ голову какъ только могъ высоко.

Янсутскій, сіявшій удовольствіемъ отъ посѣщенія Тюменева, ввелъ его въ гостиную и поспѣшилъ представить дамамъ, или, точнѣе сказать, поспѣшилъ дамъ представить ему.

Тюменевъ молча поклонился имъ и сѣлъ. Съ Бѣгушевымъ они кивнули другъ другу головами.

Въ маленькой передней послѣ того раздались снова голоса и смѣхъ вновь пріѣхавшихъ гостей. Янсутскій тоже поспѣшно встрѣтилъ ихъ.

Вошелъ совсѣмъ русскій купецъ, въ скобку подстриженный, напомаженный, съ расчесанною сѣдою бородою и въ длинноломъ, изъ очень дорогого сукна, сюртукѣ. На видъ онъ, какъ кажется, былъ очень низкопоклонливъ. За нимъ слѣдовалъ

другой господинъ, уже во фракѣ и въ весьма открытомъ жилетѣ, изъ-подъ котораго виднѣлось дорогое бѣлье съ брильянтовыми запонками, господинъ съ лицомъ корявымъ и съ какою-то совершенно круглою головою, плотно посаженною въ высокіе, крѣпко накрахмаленные воротнички. Въ противоположность товарищу своему, онъ держалъ себя очень гордо; но Янсутскій замѣтно встрѣтилъ съ большимъ почетомъ купца и его перваго рекомендовалъ Тюменеву.

— Господинъ Хмуринъ! — сказалъ онъ.

— Знаетъ меня его превосходительство! Знакомы мы тоже маненечко! — говорилъ Хмуринъ, низко и по-мужицки кланяясь Тюменеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ однако протягивая ему руку, которую тотъ съ своей стороны счелъ за нужное пожать.

— Господинъ Офонькинъ! — добавилъ Янсутскій, показывая на господина во фракѣ, которому Тюменевъ только издали кивнулъ головой.

Офонькинъ тоже весьма немного наклонилъ свою голову впередъ: онъ, вѣроятно, въ нѣкоторомъ отношеніи былъ вольнодумецъ.

— Господинъ Хмуринъ, — объяснилъ Янсутскій дамамъ.

Тѣ любезно улыбнулись старику, который и имъ тоже низко и по-мужицки поклонился.

— Извините, сударыни, не умѣю, какъ дамамъ представляться и шаркаться, — сказалъ онъ и затѣмъ указалъ на своего товарища: — вонъ Василій Иванычъ у насъ... тоже, надо сказать, вмѣстѣ мы съ нимъ на шоссе воспитаніе получили... Ну, а вѣдь на камнѣ да на щебнѣ немного хорошимъ манерамъ научишься,—такъ вотъ онъ недавно танцмейстера бралъ себѣ и теперь какъ есть настоящій кавалеръ, а я-съ какъ былъ земляникъ, такъ и остался.

— Вы не шутите! — проговорилъ еще первое слово Василій Ивановичъ и сразу обнаружилъ свое бердичевское происхожденіе.

— Не угодно ли вамъ будетъ присѣсть?—сказалъ Хмурину Янсутскій.

— Благодарю васъ покорно!—отвѣчалъ тотъ, и ему низко кланяясь; а потомъ хотѣлъ-было сѣсть на одно изъ креселъ, въ которомъ, впрочемъ, врядъ ли бы и умѣстился, но въ это время поспѣшила встать съ дивана Домна Осиповна.

— Не угодно ли вамъ лучше здѣсь сѣсть? — сказала она Хмурину.

Онъ сначала было-растопырилъ руки.

— Нѣтъ, сударыня, извините, не могу этого...

— Очень можете, — перебила его Домна Осиповна: — вы

человѣкъ пожилой, почтенный и непремѣнно должны сидѣть на диванѣ.

Хмуринъ затѣмъ поклонился еще разъ ей, сѣлъ и принялъ такую позу, которою явно показалъ, что онъ нисколько не стѣсняется и совершенно привыкъ сидѣть передъ дамами, передъ всякими статсъ-секретарями и даже руководствовать всей бесѣдой.

— Сейчасъ я читалъ въ газетахъ, — началъ онъ совершенно развязно и свободно, между тѣмъ какъ другъ его Офонькинъ дѣлалъ надъ собой страшное усиліе, чтобы занять все кресло, а не сидѣть на краешкѣ его: — читалъ въ газетахъ, — продолжалъ Хмуринъ: — что, положимъ, тамъ жена убила мужа и затѣмъ сама призналась въ томъ, судъ ее оправдалъ, а публика еще денегъ ей дала за то. Бывали вѣдь такіе случаи, по старинной это выходитъ поговоркѣ русской:—«милость на судѣ хвалится»—прекрасно-съ, отлично!.. Читаю я далѣе-съ: одинъ тамъ изъ монахъ подрядчиковъ, мужичонка глупый, выругалъ, что ли, повариху свою, которая про артель ему стряпала и говядины у него украла, не всю сварила... повариха въ обиду вошла и къ мировому его, и г-нъ мировой судья приговариваетъ мужика на десять дней въ тюрьму. Значитъ, убивать можно, потому что еще денегъ за это даютъ, а побранить нельзя: наказываютъ; странно что-то!

— Это потому, — началъ ему возражать Янсутскій: — что поводомъ къ убійству могутъ быть самыя благородныя побужденія; но мужчинѣ оскорбить женщину—это подло и низко. Въ этомъ случаѣ строгія наказанія только и могутъ смягчать и цивилизовать нравы!

Хмуринъ склонилъ голову, чтобы внимательнѣе выслушать и лучше понять, что говорилъ Янсутскій.

— Только это-съ? — спросилъ онъ его какимъ-то плутовато насмѣшливымъ голосомъ.

— Конечно, — подтвердилъ Янсутскій: — даже въ нашихъ предпріятіяхъ, вы, конечно, хорошо это знаете, ни подрядчики ни мы сами въ настоящее время не станемъ такъ строго обращаться съ подчиненными, какъ это бывало прежде.

— Это отчего-съ? Я нынче такъ же строго держу... еще строже даже!.. — возразилъ Хмуринъ.

— Поэтому вы рискуете быть наказаннымъ, — замѣтилъ ему Янсутскій.

— Да хоть бы двадцать разъ меня наказывали!.. Въ нашемъ дѣлѣ безъ строгости нельзя-съ!

— Что жъ, вы и терпѣли наказаніе? — спросилъ Хмурина Тюменевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ тотъ съ усмѣшкой: — и терпѣть даже никогда не буду, потому я богатъ... Ну, когда тоже очень этакъ не остережешься, призовешь послѣ этого «пострадавшее лицо», какъ нынче ихъ, окаянныхъ, именуютъ, сунешь ему въ зубы рублей тридцать, онъ же тебѣ въ ноги поклонится.

— Ну, не всякій вамъ поклонится, извините! — возразилъ ему опять Янсутскій.

— Не всякій? — повторилъ насмѣшливо Хмуринъ: — я даже... не для огласки это будь молвлено... генерала было-одного «оскорбилъ дѣйствіемъ»—прибавилъ онъ, видимо, зная всѣ юридическіе термины изъ новой судебной практики и сильно ихъ не любя.

— Генерала? — спросилъ не безъ удивленія Тюменевъ.

— Точно такъ-съ! — отвѣтилъ Хмуринъ: — кирпичу я ему поручилъ для меня купить, тысячъ на сто, а онъ тутъ и сплутовалъ сильно; я этого не стерпѣлъ, соскочилъ съ пролетокъ, да съ плетью за нимъ... Ну, думаю, пропалъ совсѣмъ!.. А выходитъ, что на другой день онъ самъ же пришелъ ко мнѣ: добрый, значитъ, этакій ужъ человѣкъ, и до сей поры мы пріятели!..

Говоря это, Хмуринъ все почему-то старался смотрѣть въ окно, а графъ Хвостиковъ тоже какъ-то глядѣлъ въ совершенно противоположную сторону, и сильно можно было подозрѣвать, что врядъ ли эта исторія была не съ нимъ.

— Сильвестръ Кузьмичъ любитъ и выдумывать на себя, — отозвался вдругъ Офонькинъ на своемъ бердичевскомъ нарѣчіи.

— Пошто жъ мнѣ выдумывать?.. Не выдумываю!—отвѣчалъ ему какъ бы совершенно равнодушнымъ тономъ Хмуринъ: — а говорю только къ тому, что я суда мирового не боюсь.

— Прекрасно-съ, но въ этомъ случаѣ вы вините общество, а не судъ,—началъ снова съ нимъ препираться Янсутскій.— Въ давешнемъ же спорѣ нашемъ вы смѣшали два совершенно разные суда: одинъ судъ присяжныхъ, которые считаютъ себя въ правѣ судить по совѣсти и оправдывать, а въ другомъ судитъ единичное лицо, судья.

— Позвольте-съ! Позвольте!—перебилъ его Хмуринъ, какъ-то отстраняя даже рукою его доказательства. — Господину мировому судьѣ законъ тоже позволяетъ судить по совѣсти, разъ!.. Второе, коли убійцу какого-нибудь или вора судятъ присяжные, суди и драчуна присяжные: судъ для всѣхъ долженъ быть одинакій!

— Я не нахожу существенной разницы въ обоихъ этихъ судахъ,—вмѣшался въ разговоръ Тюменевъ:—какъ тутъ, такъ и тамъ судятъ лица, выбранныя обществомъ.

Хмурнъ на это засмѣялся.

— Ахъ, ваше превосходительство, — воскликнулъ онъ: — изволите вы жить въ Питерѣ: видно, это оченно высоко и далеко, и ничего вы не знаете, какъ на Руси дѣла дѣлаются: развѣ одинако выбираются люди на мѣста, на которыхъ жалованья платятъ, или на мѣста, гдѣ одна только страда и трудъ? На безденежное мѣсто тоже больше стараются упрятать человѣка маленькаго, смирнаго, не горлопана; ну, а гдѣ деньгами пахнетъ, такъ тамъ, извините, каждый ладитъ или самъ сѣсть, а коли самъ сѣсть не хочетъ, такъ посадитъ друга и пріятеля, а не то, чтобы думали: каковъ есть внутри себя человѣкъ. Вы мнѣ про эти дѣла и выборы наши лучше не говорите: вотъ они гдѣ у меня, въ сердцѣ моемъ сидятъ и кровь мою сосутъ!..

И Хмуринъ при этомъ указалъ себѣ на грудь.

— Такъ надо сказать-съ,—продолжалъ онъ, явно разгорячившись:—тутъ кругомъ всего этого стѣна каменная построена: кто попалъ за нее и узналъ тамошніе порядки, ну и сиди, благоденствуй: сору только изъ избы не выноси да гляди на все сквозь пальцы, а ужъ свѣжаго человѣка не пустятъ туда. Вотъ теперь про себя мнѣ сказать: уроженецъ я какой бы то ни было тамъ губерніи; у меня нѣтъ ни роду ни племени; человѣкъ я богатый, хотѣлъ бы, можетъ, для своей родины невѣсть сколько добра сдѣлать, но мнѣ не позволятъ того!

— Какъ не позволятъ?—спросилъ Тюменевъ съ удивленіемъ.

— Не позволятъ-съ!—продолжалъ Хмуринъ:—потребуютъ,— то прежде устрой, другое, гдѣ лапу запускать удобнѣе, а я, согрѣшилъ грѣшный, смолоду не привыкъ по чужой дудкѣ плясать, такъ и не дѣлаю ничего!.. Словомъ, стѣна каменная кругомъ всего поставлена, а кто ее разобьетъ?.. развѣ громъ небесный!

— Сердится все за то, что его въ головы не выбираютъ!— шепнулъ графъ Хвостиковъ Офонькину.

— Да,—согласился тотъ, кинувъ на графа лукавый взглядъ.

— И во всемъ этомъ нашемъ разговорѣ,—развивалъ далѣе свою мысль Хмуринъ:—выходитъ, что нѣмецъ—плутъ, купецъ— дуракъ, али, правильнѣе сказать, прикидывается дуракомъ, потому что ему около своихъ дѣловъ ходить выгоднѣе, а баринъ — бахвалъ или тоже плутъ!

— Отличное опредѣленіе сословныхъ элементовъ!—воскликнулъ при этомъ Бѣгушевъ, все время сидѣвшій, потупя голову, и довольно внимательно прислушивавшійся къ словамъ Хмурина.

— Вѣрно-съ опредѣлено!—подтвердилъ тотъ съ своей сто-

роны: — хоть теперь тоже это дѣло (называть я его не буду: сами вы догадаетесь—какое), пишутъ они бумагу, по-ихнему, очень умную, а по-нашему, очень глупую; шлютъ туда и завѣряютъ потомъ, что тамъ оскорбились, огорчились; а все это вздоръ, разсмѣялись только... видятъ, что—сказать это такъ, по-мужицки:—лѣзутъ парни къ ставцу, когда ихъ и не звали къ тому.

— Это совершенно справедливо!—подхватилъ Тюменевъ.

— Да какъ же, помилуйте? Я у васъ же, у вашего превосходительства, былъ вскорѣ послѣ того. Вы меня спрашиваете: «что это такое?», я говорю: — публикѣ маненечко хочетъ показать себя, авось другой сдуру подумаетъ: «ахъ, моська, знать, сильна, коль лаетъ на слона!» — какъ писалъ г-нъ Крыловъ.

— Ну нѣтъ-съ, я съ этимъ рѣшительно не согласенъ! — началъ-было Янсутскій, но въ это время къ нему подошелъ лакей и доложилъ, что стерляжья уха разлита и подана.

Янсутскій даже поблѣднѣлъ при этомъ.

— А что же свѣчи не засвѣчены? — спросилъ онъ почти съ бѣшенствомъ.

— Сейчасъ засвѣчу-съ!—отвѣчалъ лакей, показывая ему имѣвшуюся у него въ рукахъ спичку.

— Прежде это надобно было сдѣлать!—говорилъ Янсутскій, выходя съ лакеемъ въ залу, гдѣ, выхвативъ у него спичку, зажегъ ее и приложилъ къ сѣрной ниткѣ, проведенной черезъ всѣ свѣчи; такой способъ зажженія Янсутскій придумалъ для произведенія большаго эффекта,—и дѣйствительно, когда всѣ свѣчи почти разомъ зажглись, то дамы даже легонько вскрикнули, а Хмуринъ потупилъ голову и произнесъ:

— Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!

Но Бѣгушевъ при этомъ не могъ удержаться и презрительно засмѣялся.

Янсутскій между тѣмъ съ довольнымъ лицомъ возвратился въ гостиную.

— Отличная вещь изобрѣтена, — это мгновенное освѣщеніе!—сказалъ онъ.

— Это ниткой особенной дѣлается?—спросилъ его глубокомысленно Офонькинъ.

— Ниткой! Однако прошу покорно вести поскорѣе дамъ къ столу; иначе простынетъ уха! — говорилъ Янсутскій.

Тюменевъ сейчасъ же подалъ руку m-me Мѣровой; онъ былъ уже предувѣдомленъ Бѣгушевымъ, въ какихъ она находится отношеніяхъ съ Янсутскимъ, и, можетъ-быть, вслѣдствіе того на нее Тюменевъ довольно смѣло и весьма нѣжно взгля-

дывалъ; но она, напротивъ, больше продолжала вскидывать весьма коротенькіе взгляды на Бѣгушева. Графъ Хвостиковъ хотѣлъ-было вести Домну Осиповну, но она отстранила его и отнеслась къ Хмурину.

— А я съ вами пойду, вы позволите мнѣ это? — сказала она ему.

— Если вамъ угодно! — проговорилъ тотъ, складывая руку свою кренделемъ: — а я вѣдь, признаться, и не хаживалъ съ дамами къ столу.

— Ну, полноте, пожалуйста, не притворяйтесь,—возразила Домна Осиповна, засовывая свою руку въ его руку.

— Право, не хаживалъ,—повторилъ лукаво Хмуринъ.

VIII.

За обѣдомъ усѣлись слѣдующимъ образомъ: m-me Мѣрова на мѣстѣ хозяйки; по правую руку ея Тюменевъ, а по лѣвую Бѣгушевъ. Домна Осиповна сѣла рядомъ съ Хмуринымъ, а графъ Хвостиковъ съ Офонькинымъ. Самъ Янсутскій почти не садился и былъ въ отчаяніи, когда дѣйствительно уха оказалась нѣсколько остывшею. Онъ каждаго изъ гостей своихъ, глядя ему въ ротъ, спрашивалъ:

— Холодна? холодна?

— Напротивъ, уха какъ слѣдуетъ подана,—успокоилъ его наконецъ Тюменевъ.

— Вина теперь, господа, не угодно ли? — воскликнулъ вслѣдъ затѣмъ Янсутскій, показывая на бутылки съ золотыми ярлыками:—это мадера-мальвуази. Для ухи ничего не можетъ быть лучше... правда?—спросилъ онъ всѣхъ.

Всѣ согласились, что правда.

— Вино-съ это исторію имѣетъ!.. — произнесъ Янсутскій, обращаясь болѣе къ Тюменеву:—оно еще существовало, когда англичане брали Гибралтаръ. Какъ вы находите его?—заключилъ онъ, относясь уже къ Бѣгушеву.

— Мадера недурна,—отвѣчалъ тотъ совершенно равнодушно.

— Очень хороша!—отозвался съ своей стороны Офонькинъ.

— Она цѣльная и къ цѣли прямо ведущая, — сострилъ графъ Хвостиковъ.

— Отчего жъ вы не угощаете вашего кавалера?—спросилъ Янсутскій, подходя къ Домнѣ Осиповнѣ и указывая ей на Хмурина.

— Ахъ, позвольте, я вамъ налью, — проговорила та, поспѣшно беря со стола бутылку и наливая изъ нея огромную рюмку для Хмурина.

Тотъ поблагодарилъ ее улыбкою. Бѣгушевъ при этомъ внимательно посмотрѣлъ на Домну Осиповну.

За ухой слѣдовала говядина. Янсутскій и тутъ началъ приставать къ своимъ гостямъ:

— Хороша? Хороша?

— Да, хороша!.. Полно юлить тебѣ!—сказалъ ему наконецъ Хмуринъ.

— Нельзя, братецъ, въ россейскихъ отеляхъ того и гляди, что подадутъ страшную мерзость, — возразилъ Янсутскій.

— Никогда не подадутъ, если деньги заплатишь хорошія,— замѣтилъ Хмуринъ и снова принужденъ былъ поклониться Домнѣ Осиповнѣ, потому что она опять подлила ему вина, которое Хмуринъ выпивъ, пришелъ въ замѣтно пріятное настроеніе духа.

— А у меня еще просьба къ вамъ, Сильвестръ Кузьмичъ,— начала Домна Осиповна, усмѣхаясь нѣсколько.

Хмуринъ при этомъ склонилъ къ ней нѣсколько голову свою.

— Видите что̀... Послѣднее время я все состояніе перевела на деньги и теперь должна на нихъ жить...

— Что̀ жъ, это дѣло хорошее!—подхватилъ Хмуринъ: — на деньги еще жить можно; вотъ безъ денегъ, такъ точно что затруднительно, какъ примѣрно теперь графу Хвостикову, — шепнулъ онъ, кивнувъ головой на сего послѣдняго: — колькій годъ тоже, сердешный, онъ мается этимъ.

— Но женщинѣ и съ деньгами затруднительно,— возразила Домна Осиповна: — капиталъ, разумѣется, прожить легко; но надобно стараться жить процентами.

— Это такъ - съ, совершенно справедливо, — согласился Хмуринъ.

— Вина этого, конечно, вы выпьете! — перемѣнила вдругъ разговоръ Домна Осиповна, беря изъ рукъ Янсутскаго красное вино, по бутылкѣ котораго онъ раздавалъ каждому изъ гостей своихъ, пояснивъ, что это вино изъ садовъ герцога Бургундскаго.

Хмуринъ выпилъ налитый ему Домной Осиповной стаканъ и придалъ такое выраженіе своему лицу, которымъ показалъ, что онъ ее слушаетъ.

— И я бы, вотъ видите,—продолжала она: — желала акцій вашихъ пріобрѣсть по номинальной цѣнѣ — тысячъ на восемьдесятъ.

Голосъ ея при послѣднихъ словахъ слегка дрогнулъ.

— По номинальной цѣнѣ-съ? — переспросилъ Хмуринъ.

— Да! — отвѣчала ему робко Домна Осиповна.

— Но ихъ нѣтъ по номинальной цѣнѣ, — сказалъ-было Хмуринъ.

— Нѣтъ на биржѣ, но у васъ онѣ есть, — пояснила Домна Осиповна.

— У меня-то есть, — произнесъ протяжно Хмуринъ: — но мнѣ ихъ продавать по такой цѣнѣ словно бы маненечко въ убытокъ будетъ!

— Что вамъ?.. Что значитъ этотъ убытокъ, все равно, что ничего!

— Ну, какъ-съ ничего! Все деньги тоже, — продолжалъ Хмуринъ.

— Какія это для васъ деньги? Вы сравните свое состояніе и мое: у меня 80 тысячъ, а вы милліонеръ; я нищая противъ васъ, кромѣ того, я женщина одинокая, у меня никого нѣтъ, ни помощниковъ ни совѣтниковъ.

— А супругъ вашъ гдѣ же? — перебилъ се Хмуринъ.

— Я съ мужемъ не живу; мы врозь съ нимъ.

Хмуринъ выпучилъ глаза отъ удивленія.

— Скажите, не слыхалъ я этого!

— Болѣе уже года, — продолжала Домна Осиповна.

— Но что же за причина тому? — спросилъ Хмуринъ.

Домна Осиповна грустно усмѣхнулась.

— Не сошлись характерами, какъ говорятъ... Кутилъ онъ очень и другихъ женщинъ любилъ,—проговорила она и вздохнула.

— Поди ты, какое дѣло! — произнесъ какъ бы съ участіемъ Хмуринъ:—значитъ, ради сиротчества вашего надобно вамъ сдѣлать уступочку эту! — присовокупилъ онъ, усмѣхаясь.

— Ради сиротчества моего мнѣ уступите,—повторила Домна Осиповна тоже съ улыбкою.

Хмуринъ еще разъ усмѣхнулся.

— Только дѣло такое, сударыня, по номинальной цѣнѣ я не могу вамъ продать, прямо выходитъ двадцать тысячъ убытку; значитъ, разобьемте грѣхъ пополамъ: вы мнѣ накиньте десяточекъ тысячъ, и я вамъ уступлю десятокъ.

— Ни за что, ни за что! — полувоскликнула Домна Осиповна: — я такъ рѣшилась, чтобы непремѣнно по номинальной цѣнѣ!

— Что жъ рѣшились? — возразилъ, опять усмѣхаясь и съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ, Хмуринъ: — мало ли на что человѣкъ рѣшится, что ему выгодно.

— Нѣтъ, кромѣ того, серьезно, меня обстоятельства вынуждаютъ къ тому. Ваши бумаги сколько даютъ дивиденду?

— Прошлый годъ дали по 15 на акцію.

— Поэтому я всего буду получать двѣнадцать тысячъ, а мнѣ изъ нихъ по крайней мѣрѣ тысячъ семь надобно отправить къ мужу, въ Петербургъ...

— Развѣ у него своего ничего ужъ нѣтъ?—спросилъ Хмуринъ.

— Ни рубля!.. Ну, пожалуйста, добрый, почтенный Сильвестръ Кузьмичъ, продайте! — упрашивала Домна Осиповна.

— Да дайте по крайней мѣрѣ за восемьдесятъ-то—восемьдесятъ пять,—отвѣчалъ ей тотъ, продолжая усмѣхаться.

— Но у меня и денегъ такихъ нѣтъ — понимаете?

— Это что же, разсчитаемъ: не хитро.

— Нѣтъ, пожалуйста, умоляю васъ, — перебила Хмурина Домна Осиповна.

Тотъ покачалъ головой.

— Дѣлать нечего-съ! — сказалъ онъ не совсѣмъ, кажется, довольнымъ голосомъ:—пріѣзжайте завтра въ контору.

— Можно?—спросила съ нескрываемымъ восторгомъ Домна Осиповна.

— Пріѣзжайте-съ, — повторилъ еще разъ Хмуринъ.

— Мегсі! Я за это пью здоровье ваше!—продолжала Домна Осиповна и, чокнувшись съ Хмуринымъ, выпила все до дна.

Въ продолженіе всего этого разговора Бѣгушевъ глазъ не спускалъ съ Домны Осиповны. Онъ понять не могъ, о чемъ она могла вести такую одушевленную и длинную бесѣду съ этимъ жирнымъ боровомъ.

Вскорѣ подали блюдо, наглухо закрытое салфеткой.

Янсутскій сейчасъ же при этомъ всталъ съ своего мѣста.

— Это трюфели à la serviette, — сказалъ онъ, подходя къ Бѣгушеву, съ котораго лакей началъ обносить блюдо.

Бѣгушевъ на это кивнулъ головой.

— Благодарю васъ, я трюфели ѣмъ только какъ приправу,— проговорилъ онъ.

— Но въ этомъ видѣ они въ тысячу разъ сильнѣе дѣйствуютъ... Понимаете?.. — воскликнулъ Янсутскій.

Бѣгушевъ и на это отрицательно покачалъ головой.

Янсутскій наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— Насчетъ любви они очень помогаютъ!.. Пожалуйста, возьмите!

— Нѣтъ-съ, я рѣшительно не могу ихъ въ этомъ видѣ ѣсть! — сказалъ Бѣгушевъ.

Янсутскій, дѣлать нечего, перешелъ къ Тюменеву.

— Надѣюсь, ваше превосходительство, что вы по крайней мѣрѣ скушаете, — проговорилъ онъ: — насчетъ любви они помогаютъ! — присовокупилъ онъ и тому на ухо.

— Будто? — произнесъ Тюменевъ.

— Отлично помогаютъ! — повторилъ Янсутскій.

Тюменевъ взялъ двѣ-три штучки.

— Et vous, madame? — обратился онъ къ Мѣровой.

— Елизаветѣ Николаевнѣ мы сейчасъ положимъ, — подхватилъ Янсутскій и положилъ ей нѣсколько трюфелей на тарелку.

— Но я не хочу столько, куда же мнѣ?..—воскликнула та.

— Извольте все скушать,— почти приказалъ ей Янсутскій.

— Трюфели, говоритъ г. Янсутскій, возбуждаютъ желаніе любви, — сказалъ m-me Мѣровой Тюменевъ, устремляя на нее масляный взглядъ.

— Какимъ же это образомъ? — спросила она равнодушно.

— Т.-е., вѣроятно, дѣйствуютъ на нашу кровь, на наше воображеніе, — старался ей растолковать Тюменевъ.

— А, вотъ что! — произнесла Мѣрова.

— Что жъ вы такъ мало скушали?.. Стало-быть, вы не желаете исполниться желаніемъ любви?—приставалъ къ ней Тюменевъ.

— Нисколько! — отвѣчала Мѣрова.

— Почему же?.. Можетъ-быть, потому, что сердце ваше и безъ того полно этой любовью?

— Можетъ-быть! — проговорила Мѣрова.

— Интересно знать, кто этотъ счастливецъ, поселившій въ васъ это чувство? — спросилъ Тюменевъ, хотя очень хорошо зналъ, кто былъ этотъ счастливецъ.

— Ахъ, этотъ счастливецъ далеко теперь, — сказала съ притворнымъ вздохомъ m-me Мѣрова.

— Гдѣ жъ именно? — полюбопытствовалъ Тюменевъ.

— Да на томъ свѣтѣ, или въ Японіи. Что дальше?

— Тотъ свѣтъ, полагаю, дальше.

— Ну, такъ онъ на томъ свѣтѣ.

— Трюфели-съ! Трюфели! — говорилъ въ это время Янсутскій, идя за лакеемъ, подававшимъ это блюдо Хмурину.

— Отворачивайте, батюшка! Идите съ Богомъ!.. Стану я эти поганки есть?.. — отозвался тотъ.

Янсутскій обратился къ Офонькину.

— Voules-vous? — сказалъ онъ.

— Oui, — отвѣчалъ тотъ тоже по-французски.

— А вамъ, конечно, все остальное? — спросилъ Янсутскій графа Хвостикова.

— Но не отсталое, замѣть!.. — сострилъ, по обыкновенію, графъ Хвостиковъ.

Лакей поставилъ передъ нимъ все блюдо. Графъ принялся съ жадностью ѣсть. Онъ, собственно, и научилъ заказать это блюдо Янсутскаго, который сколько ни презиралъ Хвостикова, но въ гастрономическій его вкусъ и свѣдѣнія вѣрилъ.

Домна Осиповна между тѣмъ все продолжала любезничать

съ Хмуринымъ, и у нихъ шелъ даже довольно задушевный разговоръ.

— Я супруга вашего еще въ рубашечкѣ зналъ... У дѣдушки своего, сибиряка, онъ воспитывался,—говорилъ Хмуринъ.

— А вы и дѣдушку, значитъ, знаете? — спросила довольно стремительно Домна Осиповна.

— Господи, пріятели изстари... Старикъ знатный... Самодуроватъ только больно!

— Это есть немножко! — подхватила Домна Осиповна.

— Какое немножко!.. Въ Сибири-то живетъ, привыкъ, словно медвѣдь въ лѣсу, по пословицѣ: гнетъ дуги — не паритъ, сломаетъ — не тужитъ... Вашему, должно-быть, супругу отъ него все наслѣдство пойдетъ? — спросилъ Хмуринъ.

— Вѣроятно, ему, онъ самый ближайшій наслѣдникъ его... Впрочемъ, ему и этого состоянія ненадолго хватитъ.

— Чтой-то этакой-то уймы... Вамъ ужъ надобно его попридержать.

— Какъ же я могу попридержать его, когда я не живу съ нимъ, — возразила съ грустною улыбкою Домна Осиповна.

— Сойдетесь! Мало ли люди сходятся и расходятся. Вы, какъ я имѣю честь васъ видѣть, дама умная этакая, расчетливая, вамъ грѣхъ даже противъ старика будетъ, онъ наживалъ-наживалъ, а тутъ все прахомъ пойдетъ.

— Ничего я теперь не могу сдѣлать!—сказала Домна Осиповна рѣшительнымъ тономъ.

— И что же, дѣдушка теперь знаетъ, что вы въ разводѣ?

— Не думаю! По крайней мѣрѣ я къ нему не писала, а мужъ... не знаю.

— Тотъ не напишетъ, побоится, а то бы старикъ давно его къ себѣ призвалъ и палкой отдулъ.

Въ это время обѣдъ кончился. Лакеи подали кофе и на столѣ оставили только ликеры и вина.

— Mesdames!—воскликнулъ Янсутскій:—угодно вамъ, какъ дѣлаютъ это англійскія дамы, удалиться въ другую комнату или остаться съ нами?

— Я желаю остаться здѣсь!—отозвалась первая Домна Осиповна: — вы остаетесь, ma chère? — спросила она Мѣрову.

— Мнѣ все равно! — отвѣчала та.

Янсутскій затѣмъ принялся неотступно угощать своихъ гостей ликерами и виномъ. Самъ онъ, по случаю хлопотъ своихъ и безпокойства, ничего почти не ѣлъ, но только пилъ, и поэтому замѣтно охмелѣлъ: въ этомъ видѣ онъ былъ еще отвратительнѣе и все лѣзъ къ Тюменеву и подлизывался къ нему.

— Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство, за

ваше посѣщеніе, — говорилъ онъ, беря стулъ и садясь между нимъ и Мѣровой.

Тюменевъ молча ему на это поклонился.

— Я, знаете... Вотъ и она вамъ скажетъ... — продолжалъ Янсутскій, указывая на Мѣрову: — чортъ знаетъ, сколько бы тамъ ни было дѣла, но люблю повеселиться; между всѣми нами, т.-е. людьми одного дѣла, кто этакій хорошенькій обѣдецъ затѣетъ и дастъ?..—я! Кто любитъ и владѣетъ хорошенькой женщиной?..—я! По-моему, скупость есть величайшая глупость! Жизнь дана человѣку, чтобы онъ пользовался ею, а не деньги наживалъ.

— Правду это говоритъ онъ про себя? — спросилъ Тюменевъ Мѣрову съ нѣсколько ядовитой улыбкой.

— Нѣтъ, не правду: прескупой, напротивъ! — отвѣчала та.

— Ну, гдѣ же скупой? — возразилъ, немного покраснѣвъ, Янсутскій.

— Конечно, скупой! — повторила Мѣрова.

— Вовсе не скупой!.. Вонъ Офонькинъ дѣйствительно скупъ: вообразите, ваше превосходительство, ему разъ въ Петербургѣ, для небольшихъ этихъ чиновничковъ, но людей весьма ему нужныхъ, надо было дать обѣдецъ, и онъ ихъ въ лѣтній, жаркій день позвалъ, какъ вы думаете, куда?.. Къ Палкину въ трактиръ, рядомъ съ кухней почти, и сверхъ того еще накормилъ гнилой соленой рыбой въ ботвиньѣ; съ тѣми со всѣми послѣ того сдѣлалась холера... они, разумѣется, разсердились на него и напакостили ему въ дѣлѣ. По-моему, это мало что свинство, но это даже не расчетъ коммерческій: сдѣлай онъ обѣдъ у Дюссо, пусть онъ ему стоитъ полторы, двѣ тысячи, но устрой самое дѣло, которое, можетъ-быть, впослѣдствіи будетъ приносить ему сотни тысячъ.

— Какимъ же образомъ маленькіе чиновники могутъ повредить или устроить какое бы ни было дѣло? — спросилъ Тюменевъ, повидимому, нѣсколько обидѣвшись на такой разсказъ.

— Ге!.. маленькіе чиновники!.. Маленькіе чиновники дѣло великое!—воскликнулъ Янсутскій (будь онъ въ болѣе нормальномъ состояніи, то, конечно, не сталъ бы такъ откровенничать передъ Тюменевымъ):—маленькіе чиновники и обѣды управляютъ всей Россіей!..

— Можетъ-быть, вы и меня угощаете обѣдомъ, чтобы подкупить на что-нибудь?—замѣтилъ ядовито Тюменевъ.

— О, ваше превосходительство, могъ ли бы я когда-нибудь вообразить себѣ это!—произнесъ Янсутскій, даже испугавшись такого предположенія Тюменева.

— И не совѣтую вамъ,—продолжалъ тотъ:—потому что пообѣдать—я пообѣдаю, но буду еще строже послѣ того.

— О, совершенно вѣрю! — продолжалъ восклицать Янсутскій: — а я вотъ пойду позубоскалю немного надъ Офонькинымъ,—проговорилъ онъ, сочтя за лучшее перевести разговоръ на другой предметъ, и затѣмъ, подойдя къ Офонькину и садясь около него, отнесся къ тому:—Василій Ивановичъ, когда же вы дадите намъ обѣдъ?

— Чего-съ? — отозвался тотъ, какъ бы не понявъ даже того, о чемъ его спрашивали. Его очень заговорилъ графъ Хвостиковъ, который съ самаго начала обѣда вцѣпился въ него и все толковалъ ему выгоду предпріятія, на которое онъ не могъ поймать Янсутскаго. Сынъ Израиля дѣлалъ страшное усиліе надъ своимъ мозгомъ, чтобы понять, гдѣ тутъ выгода, и ничего не могъ уразумѣть изъ словъ графа.

— Когда жъ вы намъ обѣдъ дадите? — крикнулъ ему на ухо во все горло Янсутскій.

— Не дамъ никогда!—крикнулъ и съ своей стороны громко Офонькинъ и немедля же повернулся слушать графа Хвостикова.

— Господинъ Офонькинъ разговора даже объ этомъ не любитъ,—замѣтилъ Тюменевъ.

— О, у меня есть его тысяча рублей! — произнесъ Янсутскій: — послѣзавтра же затѣваю обѣдъ отъ его имени и издерживаю всю эту тысячу.

— А я все-таки ее съ васъ взыщу,—возразилъ ему, смѣясь, Офонькинъ.

— Какъ же вы ее взыщете, когда у васъ никакого документа на нее нѣтъ?

— А это будетъ неблагородно съ вашей стороны,—сказалъ, попрежнему смѣясь, Офонькинъ.

— Неблагородно, но вкусно!.. Не правда ли, графъ? — отнесся Янсутскій къ Хвостикову, который на этотъ разъ и сострить ничего не могъ, до того былъ занятъ разговоромъ о своемъ предпріятіи.

Домна Осиповна обратила наконецъ вниманіе на то, что Бѣгушевъ, мало что все молчалъ, сидѣлъ насупившись, но у него даже какое-то страданіе было написано на лицѣ. Она встала и подошла къ нему.

— Отчего вы сегодня такой сердитый и недовольный?— спросила она его ласково.

— Не всѣмъ же быть такимъ счастливымъ и довольнымъ, какъ вы,—отвѣчалъ онъ ей.

Домна Осиповна посмотрѣла при этомъ на него довольно пристально.

— Но и печалиться, кажется, особенно нечему, — проговорила она.

Въ отвѣтъ на это Бѣгушевъ ничего ей не сказалъ и, вставъ, обратился къ Тюменеву.

— Ты хочешь ѣхать со мной?—спросилъ онъ его.

— Да, мнѣ пора!..—отвѣчалъ тотъ, вставая.

Домна Осиповна, при такой выходкѣ Бѣгушева, измѣнилась нѣсколько въ лицѣ.

— А какъ же я-то?—спросила она его.

— Вы, вѣроятно, долго еще здѣсь пробудете, но мнѣ васъ дожидаться некогда; а экипажъ я за вами пришлю,—проговорилъ Бѣгушевъ скороговоркой, ища свою шляпу.

Домна Осиповна видѣла, что онъ взбѣшенъ на нее до послѣдней степени, но за что именно, она понять не могла. Неужели онъ приревновалъ ее къ Хмурину?.. Это было бы просто глупо съ его стороны... Она, конечно, могла настоять, чтобы Бѣгушевъ взялъ ее съ собою, и дорогою сейчасъ же бы его успокоила; но для Домны Осиповны, по ея характеру, дѣла были прежде всего, а она находила нужнымъ заставить Хмурина повторить еще разъ свое обѣщаніе дать ей акцій по номинальной цѣнѣ и потому, какъ кошки ни скребли у ней на сердцѣ, но она выдержала себя и ни слова больше не сказала Бѣгушеву.

Янсутскій, услыхавъ о намѣреніи двухъ своихъ гостей уѣхать, принялся ихъ останавливать.

— Будетъ, будетъ ужъ, достаточно вы подкупили насъ вашимъ обѣдомъ,—подтрунивалъ надъ нимъ Тюменевъ.

Янсутскій окончательно струсилъ.

— Ваше превосходительство, неужели вы могли подумать?— говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу.

Тюменевъ началъ раскланиваться съ m-me Мѣровой и при этомъ явно сдѣлалъ чувствительные глаза.

— Вы, если я не ошибаюсь, постоянная жительница Москвы!— говорилъ онъ, крѣпко-крѣпко пожимая ея руку.

— Нѣтъ, вовсе... конечно, когда мои знакомые... то-есть пока живетъ здѣсь папа мой...—отвѣчала m-me Мѣрова, совершенно смутившись и при этомъ чуть не проговорившись: «пока Янсутскій здѣсь живетъ». — Лѣтомъ, впрочемъ, я, вѣроятно, буду жить въ Петергофѣ...

— Надѣюсь, что вы тогда дадите мнѣ знать о себѣ,—продолжалъ Тюменевъ, все еще не выпуская ея руки.

— Непремѣнно, непремѣнно!—отвѣчала m-me Мѣрова; ей, кажется, былъ немножко смѣшонъ этотъ старикашка.

Домнѣ Осиповнѣ Тюменевъ поклонился довольно сухо; въ

дѣйствительности онъ нашелъ ее гораздо хуже, чѣмъ она была на портретѣ; въ своемъ зеленомъ платьѣ, она просто показалась ему какой-то птицей расписной. Домна Осиповна, въ свою очередь, тоже едва пошевелила головой. Сановникъ петербургскій очень ужъ ей не понравился своимъ важничаньемъ. Бѣгушевъ ушелъ за Тюменевымъ, едва поклонившись остальному обществу. Янсутскій проводилъ ихъ до самыхъ сѣней отеля и возвратившись, разстегнулъ свой мундиръ и проговорилъ довольнымъ голосомъ:

— Чортъ съ ними!.. Очень радъ, что убрались! Сейчасъ таперъ явится: попоемъ, потанцуемъ! Дамъ только мало! А что если бы пригласить вашихъ знакомыхъ: Эмму и Терезу? — присовокупилъ онъ, взглянувъ вопросительно на Хмурина и Офонькина.

Хмуринъ только усмѣхнулся и потрясъ головой, но Офонькинъ замѣтно этому обрадовался.

— О, да это весело бы было!—сказалъ онъ.

— Но какъ это дамамъ нашимъ понравится? — спросилъ негромко графъ Хвостиковъ.

— Ничего, я думаю!—отвѣчалъ Янсутскій.—Елизавета Николаевна, — обратился онъ къ Мѣровой: — вы не оскорбитесь, если мы пригласимъ сюда двухъ француженокъ, немножко авантюристокъ?

— Что жъ, я сама авантюристка!—отвѣчала та наивно.

— А вы, Домна Осиповна? — обратился Янсутскій къ Олуховой.

— Ахъ, пожалуйста, я совершенно безъ всякихъ предразсудковъ.

— Графъ, сходите,—сказалъ Янсутскій Хвостикову.

Тотъ при этомъ все-таки сдѣлалъ маленькую гримасу, но пошелъ, и вслѣдъ затѣмъ, черезъ весьма короткое время, раздались хохотъ и крикъ француженокъ.

— Hop!—воскликнула одна изъ нихъ, вскакивая въ комнату, а затѣмъ присѣла и раскланялась, какъ присѣдаютъ и раскланиваются обыкновенно въ циркахъ, и при этомъ проговорила:—Bonsoir, mesdames et messieurs!

— Hop!—повторила за ней и другая, тоже вскакивая и тоже раскланиваясь по образцу товарки.

— Guten Abend, meine Herren und meine Damen! — произнесла, входя скромно, третья. Она была нѣмка, и графъ захватилъ ее для какихъ-то ему одному извѣстныхъ цѣлей.

— Прежде всего вина!—воскликнулъ Янсутскій и вкатилъ сразу каждой изъ вновь прибывшихъ дамъ стакана по три шампанскаго.

— Nous allons danser! — воскликнули радостно француженки, увидя входящаго и садящагося за рояль тапера.

— Danser!—повторилъ за ними и Янсутскій.

— А я съ вами, вы отъ меня не спасетесь, — говорила Домна Осиповна, подходя и подавая руку Хмурину.

— Ходить, сударыня, могу, а танцовать не умѣю, — отвѣчалъ тотъ.

Мѣрову взялъ Офонькинъ, нѣмку графъ Хвостиковъ, а Эмму, француженку, Янсутскій. Танцы начались очень шумно. Оставшаяся свободною француженка Тереза принялась въ углу танцовать одна, пожимая плечами и поднимая нѣсколько свое платье.

— Такъ я завтра же непремѣнно заѣду къ вамъ за акціями,— говорила Домна Осиповна, водя своего кавалера за руку, такъ какъ онъ совершенно не зналъ кадрили.

— Завтра же, сударыня, и пріѣзжайте,—говорилъ онъ, выхаживая передъ ней, какъ медвѣдь.

Домну Осиповну это очень развеселило, и она принялась танцовать съ большимъ увлеченіемъ.

Послѣ кадрили послѣдовалъ бурнѣйшій вальсъ. Домна Осиповна летала то съ Янсутскимъ, то съ Офонькинымъ, наконецъ, раскраснѣвшаяся, распылавшаяся, съ прическою совсѣмъ на сторонѣ, она опустилась въ кресло и начала граціозно отдыхать. Въ это время подали ей письмо. Она немножко съ испугомъ развернула его и прочла. Ей писалъ Бѣгушевъ:

«Посылаю вамъ экипажъ; когда вы возвратитесь домой, то пришлите мнѣ сказать или сами пріѣзжайте ко мнѣ: я желаю очень много и серьезно съ вами поговорить».

Домна Осиповна поняла, что надобно спѣшить тушить пожаръ. Она немедля собралась.

— Куда же вы?—спросили всѣ ее съ удивленіемъ.

— Нужно-съ!—отвѣчала она коротко и уѣхала.

Мѣрова тоже вскорѣ послѣ того начала проситься у Янсутскаго, чтобы онъ отпустилъ ее домой. Ей наконецъ стало гадко быть съ оставшимися дамами. Янсутскій послѣ нѣсколькихъ возраженій разрѣшилъ ей уѣхать.

— Вы, смотрите, не долго же здѣсь оставайтесь, а то вы, пожалуй, Богъ васъ знаетъ, чего ни надѣлаете съ этими вашими дамами, — говорила она Янсутскому, когда онъ провожалъ ее въ переднюю.

— Не останусь долго! — успокаивалъ онъ ее во всеуслышаніе, но однако еще нескоро пріѣхалъ, и танцы съ француженками продолжались часовъ до шести утра, и при этомъ у всѣхъ трехъ дамъ кавалеры залили виномъ платья и, чтобы искупить свою вину, подарили каждой изъ нихъ по двѣсти рублей.

IX.

Бѣгушевъ принадлежалъ къ тому все болѣе и болѣе начинающему у насъ рѣдѣть типу людей, про которыхъ, пожалуй, можно сказать, что это «люди не практическіе, люди слова, а не дѣла»; но при этомъ мы все-таки должны сознаться, что это люди очень умные, даровитые и, что̀ дороже всего, люди въ нравственномъ и умственномъ отношеніи независимые: Бѣгушевъ, конечно, тысячекратно промолчалъ и не высказалъ того, что̀ думалъ, но зато ни разу не сказалъ, чего не чувствовалъ. Ни въ единый моментъ своей жизни онъ не былъ рабомъ и безусловнымъ поклонникомъ чьей-либо чужой мысли, такъ какъ самъ очень хорошо понималъ, что̀ умно и что̀ не умно, что̀ красиво и что̀ безобразно, что̀ временно, случайно и что̀ вѣчно!.. Но да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что я въ Бѣгушевѣ хочу вывести «прекраснаго» человѣка или, по крайней мѣрѣ, лицо «поучительное»!.. Ни то ни другое: онъ былъ только человѣкъ совершенно непохожій на тѣхъ людей, посреди которыхъ ему послѣднее время привелось жить, и кто изъ нихъ лучше: онъ ли съ своимъ отвлеченнымъ міросозерцаніемъ, или окружающіе его люди, полные практической, кипучей дѣятельности, это я предоставляю судить вкусу каждаго. По происхожденію своему, Бѣгушевъ былъ дворянинъ и изъ людей весьма достаточныхъ. Воспитывался онъ сначала въ дворянскомъ институтѣ, потомъ въ московскомъ университетѣ и, кончивъ курсъ первымъ кандидатомъ, поступилъ въ военную службу, будучи твердо убѣжденъ, что эта служба у насъ единственная, хоть сколько-нибудь облагороженная въ смыслѣ товарищей, по крайней мѣрѣ: память о декабристахъ тогда была очень еще жива въ обществѣ. Но на первыхъ же порахъ своей служебной дѣятельности Бѣгушевъ получилъ разочарованіе: прежде всего ему стало понятно, что онъ не родился для этихъ смотровъ и парадовъ, которыхъ было очень много и на которыхъ очень строго спрашивалось; потомъ это постоянное выдвиганье впередъ и быстрыя повышенія разныхъ господъ Ремешкиныхъ затрогивали и оскорбляли самолюбіе Бѣгушева... Все это наконецъ до того отвратило его отъ службы, что онъ, переставъ совершенно ею заниматься, сдѣлался исключительно свѣтскимъ человѣкомъ и здѣсь въ благовонной «сферѣ бала» встрѣтилъ нѣкую Наталью Сергѣевну—прелесть женскаго ума, сердца, красоты, — такъ что всякій, кто приближался къ ней, дѣлался, или, по крайней мѣрѣ, старался сдѣлаться возвышеннѣй, благороднѣй и умнѣе. Время молодости Бѣгу-

шева въ Россіи можно было бы въ нѣкоторой степени назвать временемъ какого-то боготворенія женщинъ. Стихи: «къ глазкамъ», «къ губкамъ», «къ кудрямъ женскимъ», «она», «къ ней!», писались тысячами. Умные старики того времени приходили въ недоумѣніе и почти въ негодованіе. «Помилуйте!—восклицали они:—прежде Державинъ писалъ оду «Богъ», «Посланіе къ Фелицѣ», описывалъ «Водопадъ», а нынѣшніе поэты все описываютъ намъ ножки и волосы своихъ знакомыхъ дамъ!» Но какъ бы то ни было, Бѣгушевъ въ этотъ періодъ своей жизни былъ совершенно согласенъ съ поэтами и женщинъ предпочиталъ всему на свѣтѣ: въ Наталью Сергѣевну онъ безумно влюбился. Она ему отвѣтила тѣмъ же. Взаимная страсть ихъ очень скоро была замѣчена въ обществѣ. Пожилой и очень важный генералъ (мужъ Натальи Сергѣевны) вызвалъ поручика на дуэль, и поручикъ его сильно ранилъ, за что разжалованъ былъ въ солдаты и посланъ на Кавказъ. Наталья Сергѣевна бросила мужа-генерала и уѣхала на Кавказъ за солдатомъ. Лѣтъ пять Бѣгушевъ былъ рядовымъ; наконецъ смиловались надъ нимъ: дали ему возможность отличиться и вслѣдъ затѣмъ возвратили ему прежніе чины. Бѣгушевъ сейчасъ же вышелъ въ отставку и выхлопоталъ себѣ даже разрѣшеніе уѣхать за границу для излѣченія полученной имъ раны. Наталья Сергѣевна опять послѣдовала за нимъ. Самъ старый мужъ ея хлопоталъ, чтобы ей дозволили это. Бѣгушевъ уѣхалъ въ чужіе края съ большой ненавистью къ Россіи и съ большой любовью къ Европѣ и вѣрою въ нее. Тамъ дѣйствительно приближалось довольно любопытное время. Бѣгушевъ съ лихорадочнымъ волненіемъ былъ свидѣтелемъ парижской революціи 48-го года; но онъ былъ слишкомъ уменъ и наблюдателенъ, чтобы тутъ же не замѣтить, что она наполовину состояла не изъ истинныхъ революціонеровъ, а изъ статистовъ революціи. Имперія Наполеона и повсемѣстный разгромъ революціонныхъ попытокъ въ Германіи окончательно разбили его мечты. Вѣра въ Европу и ея политическій прогрессъ въ немъ сильно поколебалась... Бѣгушевъ почувствовалъ даже какое-то отвращеніе къ политикѣ и весь предался искусствамъ и наукамъ: онъ долго жилъ въ Римѣ, ѣздилъ по германскимъ университетскимъ городамъ и проводилъ въ нихъ цѣлые семестры; ученые, поэты, художники собрались въ его салонъ и, подъ благодушнымъ вліяніемъ Натальи Сергѣевны, благодушествовали. За это время Бѣгушевъ очень многому научился и дообразовалъ себя, и врядъ ли оно было не самое лучшее въ его жизни; но счастья прочнаго нѣтъ: надъ Бѣгушевымъ раз-

разился ударъ съ той стороны, съ которой онъ никакъ не ожидалъ. Наталья Сергѣевна, глубоко скрывая отъ Бѣгушева на душѣ, сильно страдала отъ своего все-таки щекотливаго положенія: тогда женщины еще не гордились подобными положеніями! Деликатная натура ея наконецъ не выдержала: она заболѣла и, умирая, призналась Бѣгушеву въ своихъ тайныхъ мукахъ. Можно судить, что сталось съ нимъ: не говоря уже о потерѣ дорогого ему существа, онъ вообразилъ себя убійцей этой женщины, и только благодаря своему сильному организму онъ не сошелъ съ ума и черезъ годъ физически совершенно поправился; но нравственно, видимо, былъ сильно потрясенъ: заниматься чѣмъ-нибудь онъ совершенно не могъ, и для него началась какая-то безсмысленная скитальческая жизнь: безпрерывные переѣзды изъ города въ городъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь себя занять и развлечь; каждодневное читанье газетной болтовни; химическимъ способомъ приготовленные обѣды въ отеляхъ; плохіе театры съ ихъ не смѣшными комедіями и смѣшными драмами, съ ихъ высокоцѣнными операми, въ которыхъ постоянно появлялись то какая-нибудь дива-примадонна съ инструментальнымъ голосомъ, то необыкновенно складные станомъ тенора (послѣднихъ по большей части женская половина публики года въ три совсѣмъ порѣшала). Такимъ образомъ въ Европѣ для Бѣгушева ничего не оставалось привлекательнаго и заманчиваго. Мысль, что тамъ все мало-по-малу превращается въ мѣщанство, болѣе и болѣе въ немъ укоренялась. Всякій европейскій человѣкъ ему казался лавочникомъ, и онъ съ клятвою увѣрялъ, что отъ каждаго изъ нихъ носомъ даже чувствовалъ запахъ мѣдныхъ пятаковъ. Вообще всѣ сужденія его объ Европѣ отличались злостью, остроуміемъ и, пожалуй, справедливостью, доходящею иногда до пророчества: еще задолго, напримѣръ, до франко-прусской войны онъ говорилъ: «пусть гг. Кошуты и Мадзини сходятъ со сцены: имъ тамъ нѣтъ болѣе мѣста,—изъ-за заднихъ горъ показывается каска Бисмарка!» Послѣ парижскаго разгрома, который ему былъ очень досаденъ, Бѣгушевъ, всегда любившій романскія племена больше германскихъ, напился даже пьянъ и въ бѣшенствѣ, ударивъ по столу своимъ могучимъ кулакомъ, воскликнулъ:—«Вздоръ-съ! Этому не быть долго: нѣмцы не могутъ управлять Европой; это противорѣчило бы эстетикѣ исторіи!..»

Въ продолженіе всей своей заграничной жизни Бѣгушевъ очень много сближался съ русской эмиграціей, но она какъ-то на его глазахъ съ каждымъ годомъ все ниже и ниже падала: вмѣсто людей умныхъ, просвѣщенныхъ, дѣйствительно гони-

мыхъ и несправедливо оскорбленныхъ, къ числу которыхъ Бѣгушевъ отчасти относилъ и себя, стали появляться господа, которыхъ и видѣть ему было тяжело.

Наскучавшись и назлившись въ Европѣ, Бѣгушевъ пробовалъ нѣсколько разъ возвращаться въ Россію, проживалъ мѣсяца по два, по три, по полугоду въ Петербургѣ, блестящимъ образомъ говорилъ въ салонахъ и Англійскомъ клубѣ, а затѣмъ снова уѣзжалъ за границу, потому что и на родинѣ у него никакого настоящаго, существеннаго дѣла не было; не на службу же государственную было поступать ему въ 50 лѣтъ и въ чинѣ поручика въ отставкѣ!.. Что касается до предложенія нѣкоторыхъ друзей его итти по выборамъ и сдѣлать изъ себя представителя земскихъ силъ, Бѣгушевъ только ядовито улыбался и отвѣчалъ:—«Старъ я-съ и мало знаю мою страну!». Въ сущности же онъ твердо былъ убѣжденъ, что и сдѣлать тутъ ничего нельзя, потому что на ложку дѣла всегда бываетъ цѣлая бочка болтовни и хвастовства! Въ Россію Бѣгушевъ еще менѣе даже, чѣмъ въ Европу, вѣрилъ и совершенно искренно соглашался съ тѣмъ мнѣніемъ, что она есть огромное пастбище второстепенныхъ племенъ. При такомъ пессимистическомъ взглядѣ на все, въ Бѣгушевѣ не изсякла однако жажда какой-то поэзіи, и поэзіи не въ книгахъ только и образцахъ искусства, а въ самой жизни: ему мерещилось, что онъ встрѣтитъ еще женщину, которая полюбитъ его искренно и глубоко, и что онъ ей отвѣтитъ тѣмъ же. Человѣку рѣдко не удается хоть отчасти осуществить постоянно и упорно имъ лелѣемую мечту. Въ одинъ лѣтній сезонъ Бѣгушевъ пріѣхалъ на воды; общество было тамъ многочисленное и наполовину состояло изъ русскихъ, и по преимуществу женщинъ. Всѣ онѣ хорошо знали Бѣгушева и безконечно его уважали, какъ постояннаго жителя Европы. Его еще молодцоватую и красивую фигуру безпрестанно видѣли то въ тѣхъ, то въ другихъ кружкахъ, самъ же Бѣгушевъ врядъ ли чувствовалъ большое удовольствіе отъ этого общества; но вотъ съ нѣкотораго времени онъ началъ встрѣчать молодую даму, болѣзненную на видъ, которая всегда являлась одна и почти глазъ не спускала съ Бѣгушева; это наконецъ его заинтересовало. Сойдясь однажды съ нею въ курзалѣ, гдѣ кромѣ нихъ никого не было другихъ посѣтителей, онъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Вы русская?

— Русская,—отвѣчала дама и вся покраснѣла при этомъ.

— Ваше семейство?—продолжалъ Бѣгушевъ.

— Я одна! Семьи у меня даже въ Россіи нѣтъ!..

— Вы дама или дѣвица?

— Я замужемъ, но я не живу съ мужемъ!—сказала дама и при этомъ окончательно уже пылала въ лицѣ.

— И что же, вамъ прописанъ курсъ здѣшнихъ водъ? — разспрашивалъ ее Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я такъ!.. Отъ скуки больше, для развлеченія...

— Болѣзнь, значитъ, у насъ съ вами общая: я тоже скучаю.

— Ну, это незамѣтно! Вы, кажется, здѣсь предметъ такого общаго вниманія.

— То-есть меня знаютъ всѣ, и я тоже всѣхъ знаю,—отвѣчалъ Бѣгушевъ, и лицо его при этомъ покрылось оттѣнкомъ грусти.

Дама посмотрѣла на него внимательно. Далѣе потомъ на вопросъ Бѣгушева объ ея имени и отчествѣ она отвѣчала, что имя ея очень прозаическое: «Домна Осиповна», а фамилія и еще хуже того: «Олухова». О фамиліи самого Бѣгушева она не спрашивала и сказала, что давно его знаетъ.

Тотъ же вечеръ Бѣгушевъ провелъ уже у Домны Осиповны, а затѣмъ ихъ всюду стали видѣть вдвоемъ: робко и постоянно кидаемые взгляды Домною Осиповною на Бѣгушева, а наконецъ и его жгучіе глаза, съ какимъ-то упорствомъ и надолго останавливаемые на Домнѣ Осиповнѣ, ясно говорили о начинавшихся между ними отношеніяхъ. Первымъ основаніемъ для чувства Домны Осиповны къ Бѣгушеву было нѣкоторое чехвальство: онъ ей показался великосвѣтскимъ господиномъ, имѣющимъ большой успѣхъ между женщинами, котораго она какъ бы отнимала у всѣхъ. Бѣгушевъ же видѣлъ въ ней слабое, кроткое существо, разбитое въ жизни негодяемъ-мужемъ, о чемъ Домна Осиповна разсказала Бѣгушеву съ первыхъ же свиданій. Согрѣть своимъ дыханіемъ и снова возвратить это существо къ жизни—ему было несказанно пріятно!..

X.

Пріѣхавъ съ обѣда и отправивъ письмо къ Домнѣ Осиповнѣ, Бѣгушевъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. У него даже глаза налились кровью отъ гнѣва. По натурѣ своей онъ былъ очень вспыльчивый и бѣшеный человѣкъ и только воспитаніемъ своимъ сдерживалъ себя. Послышался негромкій звонокъ. Бѣгушевъ догадался, конечно, кто пріѣхалъ; но онъ не пошевелился, чтобы поторопить своего Прокофія, который, разумѣется, и отперъ дверь не очень поспѣшно. Въ эти мгновенія Бѣгушевъ кусалъ свои ногти. Наконецъ раздались негромкіе шаги, и вошла Домна Осиповна, ласково и кротко улыбаясь. Она,

какъ бы ничего не случилось, сняла свою шляпку и, подойдя къ Бѣгушеву, поцѣловала его въ лобъ. Онъ и тутъ не пошевелился, а только насмѣшливо посмотрѣлъ на снятую ею шляпку. Домна Осиповна послѣ того сѣла напротивъ него.

— Ты сердитъ на меня за что-то, я вижу, — сказала она.

— Очень сердитъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но за что?

— За все!.. За весь сегодняшній день!.. — отвѣчалъ Бѣгушевъ, нервно постукивая ногой.

— За весь день?—спросила съ удивленіемъ Домна Осиповна.

— За весь!.. Что бы вы тамъ ни говорили, какъ бы ни ссылались на моды, но въ такія платья одѣваться нельзя!.. Такія шляпки носить и такъ причесываться невозможно.

Домна Осиповна окончательно была удивлена.

— Почему же нельзя и невозможно? — спросила она почти насмѣшливо.

— Потому-съ,—почти крикнулъ Бѣгушевъ:—что такъ могутъ одѣваться только первобытныя женщины... дикія, изъ лѣсовъ вышедшія... Вонъ смотрите, ваша же подруга Мѣрова—она, по всему видно, лучше въ этомъ отношеніи васъ воспитана!.. Посмотрите, какъ она скромно, умно и прилично была одѣта!

Домна Осиповна вспыхнула при этомъ. Бѣгушевъ не подозрѣвалъ, какое глубокое оскорбленіе нанесъ онъ ей этими словами. Домна Осиповна, какъ мы знаемъ, постоянно спорила и почти пикировалась съ Мѣровой касательно туалета и, считая ее дурочкой, твердо была увѣрена, что та рѣшительно не умѣетъ одѣваться, а тутъ вдругъ что же она слышала, какое мнѣніе отъ любимаго ею человѣка?

— Madame Мѣрова вообще, я вижу, вамъ больше нравится, чѣмъ я!.. Что жъ, займитесь ею: она, можетъ-быть, предпочтетъ васъ Янсутскому, — проговорила она съ навернувшимися слезами на глазахъ.

— Пожалуйста, не переходите на почву ревности!.. Вы сами хорошо знаете, что я слишкомъ васъ люблю, слишкомъ старъ, чтобы увлечься другой женщиной, — не говорите въ этомъ случаѣ пустыхъ фразъ! — возразилъ ей Бѣгушевъ.

— Какъ же мнѣ не говорить, — продолжала Домна Осиповна: — за то, что я какъ-то не по вкусу твоему одѣлась, ты дѣлаешь мнѣ такія сцены и говоришь оскорбленія.

— Ты-то ужъ меня очень оскорбила сегодня... очень! — перебилъ ее Бѣгушевъ съ запальчивостью. — Чувствовала ли ты, какъ ты сидѣла, когда мы ѣхали съ тобой въ коляскѣ?

Домна Осиповна склонила при этомъ голову.

— Даже и то не по-немъ, какъ я сидѣла въ коляскѣ, — проговорила она.

— Очень не по-мнѣ: ты сидѣла, какъ бы сидѣла самая пошлѣйшая камелія.

— Это терпѣнья никакого нѣтъ выслушивать такія сравненія!.. — сказала Домна Осиповна и окончательно заплакала.

Бѣгушеву сейчасъ сдѣлалось жаль ея.

— Но пойми ты это, — заговорилъ онъ, ударяя себя въ грудь: — я желалъ бы, чтобы ты никогда не была такая, какою ты была сегодня. Всегда я видѣлъ въ тебѣ скромную и прилично держащую себя женщину, очень мило одѣтую, и вдругъ сегодня является въ тебѣ какая-то дама червонная!.. Неужели этотъ дурацкій вкусъ замоскворѣцкихъ купчихъ повліялъ на тебя?

— Хорошо, я впередъ буду такъ одѣваться, какъ за границей одѣвалась, — сказала покорно Домна Осиповна. — Что же, въ этомъ все твое неудовольствіе?

— Нѣтъ-съ, не въ этомъ, — отвѣчалъ опять Бѣгушевъ съ запальчивостью: — я этого мерзавца Янсутскаго совсѣмъ не зналъ, но вы его, какъ самъ онъ говорилъ, давно знаете; какимъ же образомъ вы, женщина, могли поѣхать къ нему на обѣдъ?

— Какимъ же образомъ ваша приличная madame Мѣрова поѣхала къ нему на обѣдъ? — спросила, въ свою очередь, съ ядовитостью Домна Осиповна.

— Что жъ мнѣ за дѣло до madame Мѣровой; она можетъ ѣхать, куда ей угодно... говорить, что хочетъ и какъ умѣетъ...

— Но главное, — возразила Домна Осиповна, пожимая плечами: — на обѣдѣ у Янсутскаго ничего такого не было, что бы могло женщину шокировать!.. Все было очень прилично!

— Прилично! — воскликнулъ Бѣгушевъ и захохоталъ саркастическимъ смѣхомъ. — Прилично очень!.. Когда этотъ мерзавецъ за каждымъ кускомъ, который глоталъ его гость, лѣзъ почти въ ротъ къ нему и спрашивалъ: «хорошо?.. хорошо?»... Наконецъ онъ вралъ непроходимо: съ какой наглостью и дерзостью выдумалъ какую-то мадеру-мальвуази, существовавшую при осадѣ Гибралтара, и вино изъ садовъ герцога Бургундскаго! Чѣмъ же онъ насъ послѣ того считаетъ? Пѣшками, болванами, которые изъ-за того, что ихъ покормятъ, будутъ выслушивать всякую галиматью!

— Не мнѣ же было ему возражать и спорить съ нимъ; это вамъ, мужчинамъ, слѣдовало, — проговорила Домна Осиповна.

— Никто отъ васъ и не требуетъ, чтобы вы ему возражали, но вы должны были оскорбиться.

Домна Осиповна рѣшительно не понимала, чѣмъ она тутъ могла оскорбиться.

— И тотчасъ же уѣхать послѣ обѣда, если имѣли неосторожность попасть на такую кабацкую попойку, — добавилъ Бѣгушевъ.

Попойки кабацкой, по мнѣнію Домны Осиповны, тоже совершенно не было, а были только всѣ немного выпивши; но она любила даже мужчинъ навеселѣ; они всегда въ этомъ случаѣ бываютъ какъ-то любезнѣе. Впрочемъ, возражать что-либо Бѣгушеву, Домна Осиповна видѣла, что совершенно безполезно, а потому, скрѣпя сердце, молчала.

— Или эти милыя остроты дуралея Хвостикова, которыми вы такъ восхищались!.. — не унимался между тѣмъ тотъ, не могшій равнодушно вспомнить того, что происходило за обѣдомъ.

Домна Осиповна и на это молчала, что еще болѣе поднимало въ Бѣгушевѣ желчь, накопившуюся въ продолженіе дня

— Но все это, разумѣется, блѣднѣетъ передъ тѣмъ, — заключилъ онъ съ ядовитой усмѣшкой: — что вы... молодая женщина порядочнаго круга, въ продолженіе двухъ часовъ вели задушевнѣйшую бесѣду съ мужикомъ, плутомъ, свиньей.

Домна Осиповна подняла наконецъ голову.

— Вотъ видишь, какъ несправедливы всѣ твои обвиненія,— сказала она: — я съ этимъ мужикомъ разговаривала о дѣлахъ моихъ, по которымъ у меня хлопотать некому, кромѣ меня самой.

— Нѣтъ-съ, вы мало что разговаривали съ нимъ, вы съ нимъ любезничали, чокались бокалами!.. Удивляюсь какъ брудершафтъ не выпили!

— Нельзя же съ человѣкомъ, говоря о какомъ-нибудь дѣлѣ своемъ, говорить грубо.

— Вы никакъ не должны были съ нимъ говорить!.. Онъ хоть человѣкъ не глупый, но слишкомъ неблаговоспитанный!.. Если у васъ есть съ нимъ какое-нибудь дѣло, то вы должны были повѣреннаго вашего послать къ нему!.. На это есть стряпчіе и адвокаты.

— Но я никого изъ этихъ адвокатовъ не знаю.

— Въ такомъ случаѣ извольте мнѣ поручить ваши дѣла и разскажите, въ чемъ они состоятъ: я буду съ г. Хмуринымъ разговаривать за васъ.

Предложеніе это смутило Домну Осиповну. Она не хотѣла, чтобы Бѣгушевъ подробно зналъ ея состояніе, и обыкновенно говорила ему только, что она женщина обезпеченная.

— Не хочу я тебя безпокоить моими дѣлами, — возразила она: — ты самъ говоришь, что мы не должны обременять другъ

друга ничѣмъ, и что пусть насъ связываетъ одна нравственная привязанность!

Говоря это, Домна Осиповна будто бы отъ жару сняла свои букли и распустила немного косу и разстегнула нѣсколько пуговицъ у платья. Маневромъ этимъ она, видимо, хотѣла произвести пріятное впечатлѣніе на Бѣгушева и достигнула этого.

— Посмотри, пожалуйста! — воскликнулъ онъ: — не въ тысячу ли разъ ты въ этомъ видѣ прелестнѣе, чѣмъ давеча была?

— Неужели же я растрепанная лучше, чѣмъ одѣтая? — спросила Домна Осиповна.

— Гораздо, потому что природа у тебя прекрасная, но вкуса нѣтъ.

Домна Осиповна при этомъ опять покраснѣла.

— Ну, хоть въ такомъ видѣ люби меня. Ты не сердишься больше на меня? Скажи! — говорила она, вставая и подходя къ Бѣгушеву.

— Я не сержусь, но я огорченъ!.. Я желалъ бы, чтобы ты была лучше всѣхъ въ мірѣ, или, по крайней мѣрѣ, умнѣе въ каждомъ поступкѣ твоей жизни.

— Въ такомъ случаѣ учи меня, — продолжала Домна Осиповна, цѣлуя его въ лобъ: — что же дѣлать, если я такая глупенькая родилась на свѣтъ!

— Ты не глупенькая, а тебѣ надобно гувернантку хорошую нанять.

— Найми гувернантку мнѣ! — сказала покорнымъ голосомъ Домна Осиповна.

Въ это время, безъ всякой осторожности, явился Прокофій, такъ что Домна Осиповна не успѣла даже прервать поцѣлуя своего, не то что поотойти отъ Бѣгушева.

— Подано кушать-съ! — сказалъ Прокофій почти повелительнымъ голосомъ.

Разсердясь на барина, никогда почти не ужинавшаго, а тутъ вдругъ ни съ того ни съ сего приказавшаго готовить затѣйливый ужинъ, Прокофій строжайшимъ образомъ распорядился, чтобы поваръ сейчасъ же начиналъ все готовить, а молодымъ лакеямъ велѣлъ накрывать столъ.

— Хотите скушать чего-нибудь? — сказалъ Бѣгушевъ, уже начавъ Домнѣ Осиповнѣ говорить: «вы».

— Хорошо, — отвѣчала та, поправляя прическу у себя.

Они прошли въ столовую.

— Я нарочно велѣлъ приготовить пулярдку съ трюфелями, чтобы вамъ показать, какіе могутъ быть настоящіе трюфели, сравнительно съ тѣми пробками, которыми насъ угощалъ сегодня нашъ амфитріонъ.

И Бѣгушевъ самъ наложилъ Домнѣ Осиповнѣ пуляpды и трюфелей.

Она скушала ихъ всѣ.

— Есть, надѣюсь, разница? — спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Да! — согласилась Домна Осиповна, но въ самомъ дѣлѣ она такъ не думала, и даже врядъ ли тѣ трюфели не больше ей нравились.

— Теперь позвольте вамъ предложить и краснаго вина, которое, надѣюсь, повыше сортомъ вина изъ садовъ герцога Бургундскаго!

И Бѣгушевъ налилъ Домнѣ Осиповнѣ дѣствительно превосходнаго краснаго вина.

— О, это гораздо лучшее вино! — согласилась Домна Осиповна, все-таки не чувствуя въ винѣ никакого особеннаго превосходства. Въ слѣдующемъ за тѣмъ маседуанѣ она обнаружила наконецъ нѣкоторое пониманіе.

— Какъ хорошо это пирожное; его никакъ нельзя сравнить съ давешнимъ!.. — начала уже она сама.

— Это изъ свѣжихъ фруктовъ, а то изъ сушеной дряни. Мѣщане!.. Они никогда не будутъ порядочно ѣсть!.. — заключилъ Бѣгушевъ.

Послѣ ужина гостья и хозяинъ снова перешли въ кабинетъ и, по поводу коснувшагося разговора о Хмуринѣ и Янсутскомъ, Бѣгушевъ сталъ толковать Домнѣ Осиповнѣ, что эти дрянные люди суть продуктъ капитала, самой пагубной силы настоящаго времени; что существовавшее нѣкогда рыцарство, по своему деспотизму, ничто въ сравненіи съ капиталомъ. Кромѣ того, это кулачное, рыцарское право было весьма ощутимо; стоило только противъ него набрать тоже кулаковъ,— и его не стало! Но пусть теперь попробуютъ бороться съ капиталомъ, съ этими милліардами денежныхъ знаковъ! Это вода, которая всюду просачивается и которую ничѣмъ нельзя остановить: въ одномъ мѣстѣ захватятъ, въ другомъ просочится!

Домна Осиповна, по наружности, слушала Бѣгушева весьма внимательно; но въ душѣ скучала и недоумѣвала: «Богъ знаетъ, что такое онъ это говоритъ; деньги — зло, пагубная сила!» — думала она про себя и при этомъ была страшно утомлена, такъ что чрезвычайно обрадовалась, когда наконецъ, часу въ четвертомъ утра, экипажъ Бѣгушева повезъ ее на Таганку. Легши въ такой поздній часъ, Домна Осиповна однако проснулась на другой день часовъ въ девять, а въ десять совсѣмъ была одѣта, и у крыльца ея дожидалась наемная извозчичья карета, сѣвъ въ которую, Домна Осиповна велѣла себя везти въ знакомую намъ банкирскую контору и при

этомъ старалась какъ можно глубже сѣсть въ экипажъ: она, кажется, боялась встрѣтить Бѣгушева и быть имъ узнанной.

Въ конторѣ она нашла того же жида, который въ нѣсколько минутъ заплатилъ ей по чеку восемьдесятъ тысячъ. Уложивъ эти деньги въ нарочно взятый для нихъ саквояжъ, Домна Осиповна отправилась въ контору Хмурина, гдѣ сидѣлъ всего одинъ артельщикъ, который, когда Домна Осиповна сказала, что пріѣхала купить акціи, проворно всталъ и проговорилъ: «Пожалуйте-съ; отъ Селивестра Кузьмича былъ ужъ приказъ!». Домна Осиповна подала ему свой саквояжъ съ деньгами, сосчитавъ которыя, артельщикъ выдалъ ей на восемьдесятъ тысячъ акцій. Домна Осиповна, сѣвъ въ карету съ этими акціями, сначала велѣла себя везти въ банкъ, но потомъ, передумавъ, приказала извозчику ѣхать въ прежнюю банкирскую контору.

— Я заѣхала къ вамъ спросить, почемъ теперь хмуринскія акціи стоятъ, которыя я сейчасъ купила, — отнеслась она къ тому же жиду.

— Еще на десять рублей повысились со вчерашняго дня,— отвѣчалъ тотъ, махнувъ рукой.

Домна Осиповна нѣкоторое время оставалась въ недоумѣніи.

— Ужъ я не знаю, не продать ли мнѣ поэтому ихъ, — проговорила она.

— Что жъ, продайте, купимъ! — подхватилъ жидъ.

— А послѣ гдѣ же я ихъ возьму? — продолжала Домна Осиповна прежнимъ нерѣшительнымъ тономъ.

— У насъ же купите, когда онѣ упадутъ въ цѣнѣ.

— Ну, купите ихъ у меня! — произнесла Домна Осиповна какимъ-то робкимъ голосомъ и подавая мѣшокъ съ акціями жиду. Тотъ что-то долго вычислялъ на бумажкѣ.

— Сто шесть тысячъ вамъ слѣдуетъ.

Домна Осиповна при этомъ радостно вспыхнула въ лицѣ: ровно двадцать шесть тысячъ она наживала себѣ лишнихъ.

— Деньгами ли прикажете, или какими-нибудь бумагами?— спрашивалъ ее жидъ.

— Дайте бумагами, которыя только повѣрнѣе.

— Пятипроцентными?

— Хорошо,—согласилась Домна Осиповна.

Затѣмъ, получивъ пятипроцентныя и отвезя ихъ въ банкъ на храненіе, она разсуждала сама съ собой:—«А Бѣгушевъ бранилъ меня, что я полюбезничала съ Хмуринымъ; за такіе подарки, я думаю, можно полюбезничать!.. Право, иногда умные люди въ нѣкоторыхъ вещахъ бываютъ совершенные дураки!»

XI.

Прошло мѣсяца два. Часовъ въ одиннадцать утра Домна Осиповна хотя уже и проснулась, но продолжала еще нѣжиться на своей мягкой и эластической постели. Она вообще очень любила и въ постелькѣ поваляться, и покушать не столько хорошо и тонко, сколько много, и погулять на чистомъ воздухѣ, и покупаться въ свѣжей водѣ, и быть въ многолюдномъ обществѣ, а болѣе всего потанцовать до упаду и до бѣшенства, можетъ-быть, потому, что Домна Осиповна считала себя очень граціозною въ танцахъ. По происхожденію своему она была дочь экзекутора изъ какого-то присутственнаго мѣста, и безъ преувеличенія можно сказать, что на ворованныя деньги отъ метелъ, отъ песку, отъ дровъ была рождена, возращена и воспитана. Въ началѣ жизни своей такимъ образомъ Домна Осиповна, кромѣ красиваго личика, стройнаго стана и разнообразной практической изворотливости, ничего не имѣла. Родители ея, несмотря на скудость средствъ, вывозили ее по всевозможнымъ публичнымъ собраніямъ и маскарадамъ, смутно предчувствуя, что она воспользуется этимъ... Такъ и случилось. Домна Осиповна въ очень недолгомъ времени сумѣла плѣнить господина Олухова, молодого купчика (теперешняго супруга своего), и, понявъ юнымъ умомъ своимъ, сколь выгодна была для нея эта партія, не замедлила сего послѣдняго женить на себѣ, и были даже слухи, что, по поводу этого обстоятельства, родителями Домны Осиповны была взята съ господина Олухова нѣсколько принудительнаго свойства записочка; но какъ бы то ни было, бѣдность и нужда, вслѣдствіе этого, остались сзади Домны Осиповны, и она вынесла изъ нея только неимовѣрную расчетливость, доходящую до дрожанія надъ каждымъ кускомъ, надъ всякой копейкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненасытимую жажду къ пріобрѣтенію. Даже въ настоящія минуты Домна Осиповна обдумывала: какимъ бы образомъ ей весь, передъ тѣмъ только сдѣланный, туалетъ не очень въ убытокъ продать и заказать себѣ весь новый у madame Минангуа. Тогда она и посмотритъ, какъ съ нею будетъ ровняться стрекоза Мѣрова; слова Бѣгушева объ ея нарядѣ на обѣдѣ у Янсутскаго не выходили изъ головы Домны Осиповны.

Вошла ея горничная.

— Господинъ Гроховъ пріѣхалъ къ вамъ,—доложила она.

Домна Осиповна почти обмерла, услышавъ имя своего адвоката. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ Богъ знаетъ за что стянулъ

съ нея двадцать тысячъ, она стала его ненавидѣть и почти бояться.

— Но я еще не одѣта совсѣмъ,—проговорила она.

— Онъ говоритъ, что ему телеграмму надобно сегодня посылать въ Петербургъ,—присовокупила горничная.

«Что такое, телеграмму въ Петербургъ?»—Домна Осиповна понять этого не могла, но тѣмъ не менѣе все-таки чувствовала страхъ.

— Куда жъ ты его приняла, гдѣ посадила?—спросила она, вставая и начиная одѣваться.

— Они въ гостиной-съ теперь,—объяснила горничная.

Гроховъ дѣйствительно находился въ гостиной и, усѣвшись тамъ на одно изъ креселъ, грустно-сентиментальнымъ взоромъ глядѣлъ на висѣвшую противъ него огромную масляную картину, изображающую Психею и Амура. На этотъ разъ онъ былъ совершенно трезвъ. Послѣ того похмелья, въ которомъ мы въ первый разъ встрѣтили его, онъ не пилъ ни капли и былъ здравъ, свѣжъ и не столь мраченъ.

Хозяйка наконецъ вышла: она была еще въ блузѣ и, не успѣвъ голову причесать хорошенько, надѣла чепчикъ и въ этомъ нарядѣ была очень интересна; но Гроховъ вовсе не замѣтилъ этого и только, при ея приходѣ, всталъ и очень почтительно раскланялся съ ней.

— Здравствуйте! Что скажете хорошенькаго?—проговорила Домна Осиповна, садясь на диванъ и не безъ трепета въ голосѣ.

Гроховъ тоже сѣлъ и, наклонивъ нѣсколько голову свою внизъ, началъ съ разстановкой:

— Я-съ... получилъ... отъ вашего супруга письмо!

Домна Осиповна немного поблѣднѣла при этомъ.

— До меня касающееся?—спросила она.

— До васъ,—отвѣчалъ Гроховъ, опять нѣсколько протяжно.

— Что жъ такое угодно ему писать обо мнѣ? — спросила Домна Осиповна, стараясь придать насмѣшливый оттѣнокъ своему вопросу.

— Позвольте мнѣ прочесть вамъ самое письмо,—сказалъ ей на это Гроховъ.

— Пожалуйста,—отвѣчала Домна Осиповна.

Гроховъ вынулъ изъ кармана письмо и принялся читать его ровнымъ и монотоннымъ голосомъ:

«Почтеннѣйшій Григорій Мартыновичъ! Случилась чортъ знаетъ какая оказія: третьяго-дня я получилъ отъ дѣда изъ Сибири письмо ругательное, какъ только можно себѣ вообразить, и все за то, что я разошелся съ женой, и если, пишетъ,

я не сойдусь съ ней, такъ онъ лишитъ меня наслѣдства, а эта штука, какъ самъ ты знаешь, стоитъ милліоновъ пять серебромъ. Съѣзди, Бога ради, къ Домнѣ Осиповнѣ и упроси ее, чтобы она позволила пріѣхать къ ней жить, и жить только для виду. Пусть старый хрычъ думаетъ, что мы дѣлаемъ по-его».

Прочитавъ это, Гроховъ пріостановился ненадолго, видимо, желая услышать мнѣніе Домны Осиповны. Она же, въ свою очередь, сидѣла блѣдная, какъ полотно.

— Нѣтъ, это невозможно!—произнесла она рѣшительно.

— Отчего жъ? — спросилъ ее почти нѣжно и съ живымъ участіемъ Гроховъ.

Вопросъ этотъ, повидимому, удивилъ Домну Осиповну.

— Съ какой же стати я опять съ нимъ буду жить? — сказала она

— Да вѣдь для виду только! — объяснилъ ей Гроховъ.

— Сдѣлайте милость, для виду, — воскликнула Домна Осиповна, голосъ ея принялъ какой-то даже ожесточенный тонъ:— знаю я его очень хорошо,—онъ теперь говоритъ одно, а послѣ будетъ говорить совсѣмъ другое.

Лицо Домны Осиповны горѣло при этомъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи она сохранила довольно сильныя и непріятныя воспоминанія.

— Нѣтъ-съ, онъ пишетъ—для виду только... — повторилъ Гроховъ.

Домна Осиповна взяла себя за голову и долгое время думала.

— Кто жъ дѣдушкѣ написалъ, что мы живемъ врозь?.. — спросила она.

— Старикъ пишетъ въ письмѣ, что Хмуринъ, богачъ этотъ здѣшній, пріятель его,—отвѣчалъ Гроховъ.

Домна Осиповна прикусила язычокъ. Значитъ, она сама и виновата была во всемъ, потому что очень разоткровеннича-лась съ Хмуринымъ.

— Если вы не съѣдетесь, пяти милліоновъ вашъ супругъ лишится, а это не бездѣлица!..—проговорилъ многозначительно Гроховъ.

Домна Осиповна перевела при этомъ тяжелое дыханіе.

— Ненадолго хватитъ ему этихъ пяти милліоновъ, когда получитъ!.. Скоро ихъ промотаетъ на разныхъ госпожъ своихъ!— проговорила она.

— О, нѣтъ-съ... Зачѣмъ же?.. — возразилъ ей Гроховъ, какъ бы проникнувшій въ самую глубь ея мыслей.—Прежде всего онъ имѣетъ въ виду васъ обезпечить! — присовокупилъ онъ и снова началъ читать письмо:—«Ежели Домна Осиповна

окажетъ мнѣ эту милость, то я сейчасъ же, какъ умретъ старый хрѣнъ, выдѣлю ей изъ его денегъ пятьсотъ тысячъ».

Услыхавъ это, Домна Осиповна, какъ ни старалась, не могла скрыть своего волненія: у ней губы дрожали и грудь волновалась.

— Нѣтъ, это невозможно, — повторила она еще разъ, беря себя за голову, но, замѣтно, уже не столь рѣшительнымъ тономъ.

— Отчего же невозможно?—спросилъ ее опять съ нѣкоторою нѣжностью Гроховъ. Онъ какъ будто бы самъ влюбленъ въ нее былъ и умолялъ ее не быть къ нему жестокою.

— А если ужъ я люблю другого? Я женщина, а не камень! — отвѣтила Домна Осиповна, гордо взмахнувъ передъ нимъ голову свою.

— Такъ что жъ такое!.. Ну, и Господь съ вами, любите!— успокаивалъ ее Гроховъ.

— Какъ, любите другого?—спросила его со строгостью Домна Осиповна.

— Такъ-съ, любите! — сказалъ нисколько не смущенный ея вопросомъ Гроховъ: — супругъ вашъ предусмотрѣлъ это: «надѣюсь,—пишетъ онъ:—что она позволитъ мнѣ привезти мою Глашу, и я тоже ни въ чемъ ее не остановлю: пусть живетъ, какъ хочетъ!»

— Еще бы онъ меня остановилъ!.. — проговорила Домна Осиповна и усмѣхнулась не совсѣмъ естественнымъ смѣхомъ.

Самый простой, здравый смыслъ и даже нѣкоторое чувство великодушія говорили Домнѣ Осиповнѣ, что на такихъ условіяхъ она должна была сойтись съ мужемъ, во-первыхъ, затѣмъ, чтобы не лишить его, все-таки близкаго ей человѣка, пяти милліоновъ; а что дѣдъ, если они не послушаются его, дѣйствительно исполнитъ свою угрозу, — въ этомъ она не сомнѣвалась; а потомъ зачѣмъ же и самой ей терять пятьсотъ тысячъ? При мысли объ этихъ тысячахъ у ней голова даже начинала мутиться, въ глазахъ темнѣло, и точно звѣздочки свѣтлыя мелькала передъ ней цифра — пятьсотъ тысячъ; но препятствіемъ ко всему этому стоялъ Бѣгушевъ. Домна Осиповна предчувствовала, что это на него произведетъ страшное и убійственное впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ послѣдней, происшедшей между ними размолвки, она убѣдилась, что Бѣгушевъ вовсе не считалъ ея за такое высокое и всесовершенное существо, въ которомъ не было бы никакихъ недостатковъ; напротивъ, онъ находилъ ихъ много, а съ теченіемъ времени, вѣроятно, найдетъ еще и больше!.. (Домна Осиповна была опытна и прозорлива въ жизни).

«Что жъ въ итогѣ потомъ будетъ?—продолжала она быстро соображать:—что, во имя какой-то не вполнѣ вселяющей довѣріе любви, она пренебрежетъ громаднѣйшимъ состояніемъ, а что это глупо и неблагоразумно, скажетъ, конечно, всякій». Но тутъ передъ Домной Осиповной являлась и другая сторона медали: положимъ, что это сближеніе ея съ мужемъ такъ поразитъ и такъ взбѣситъ Бѣгушева, что онъ броситъ ее и покинетъ совершенно. Что онъ человѣкъ довольно неудержимаго характера, она видѣла этому два-три опыта.—«Ну что же, если и броситъ,—говорилъ въ Домнѣ Осиповнѣ умъ.—Богъ съ нимъ, значитъ, онъ не любитъ ея!»—«Нѣтъ, напротивъ, это-то и покажетъ, что онъ ее безумно и страстно любитъ»,—возражало сердце Домны Осиповны и при этомъ начинало ныть до такой степени, что бѣдная женщина теряла всякую способность разсуждать далѣе.

Гроховъ всю эту борьбу въ ней подмѣтилъ.

— Можетъ-быть, вы желаете поразмыслить нѣсколько о предложеніи вашего супруга,—сказалъ онъ.

— Да!.. Я, конечно, должна подумать!—отвѣчала она.

— Поразмыслите и поразсудите!..—одобрилъ Гроховъ.

— И что же, мужъ, вѣроятно, предполагаетъ внизу у меня въ домѣ жить?—спросила Домна Осиповна.

— Безъ сомнѣнія, внизу-съ! Зачѣмъ его вамъ наверхъ къ себѣ пускать?

— И что же,—продолжала Домна Осиповна, лицо ея снова при этомъ покрылось сильнымъ румянцемъ:—госпожа эта тоже будетъ жить вмѣстѣ съ нимъ въ моемъ домѣ?

— Ай, нѣтъ! Сохрани отъ этого Богъ, — воскликнулъ Гроховъ и замахалъ даже руками: — надобно сдѣлать такъ для виду, что вы будто бы какъ настоящій мужъ съ женой живете... Дѣдушка старикъ лукавый... онъ провѣдывать непремѣнно будетъ, а эту госпожу пусть супругъ вашъ поселитъ гдѣ хочетъ, посекретнѣе только, и пускай къ ней ѣздитъ.

— Но какъ же она смотритъ, что онъ хочетъ сойтись со мной?—спросила Домна Осиповна.

— Какъ смотритъ? Не сумасшедшая!.. Поняла, что нельзя человѣка изъ пустой ревности лишать пяти милліоновъ наслѣдства.

— Да, ну, прекрасно, — продолжала Домна Осиповна, окончательно овладѣвшая собой: — я вотъ, подумать страшно, на какую ужасную жизнь себя обреку... Можетъ-быть, всѣмъ здоровьемъ моимъ пожертвую тутъ, а мужъ, получивъ наслѣдство, вдругъ раскапризничается, опять предложитъ мнѣ жить отдѣльно, не вознаградивъ меня ничѣмъ.

— Но онъ пятьсотъ тысячъ вамъ обѣщаетъ! — возразилъ Гроховъ.

— Обѣщать обѣщаетъ, но можетъ и передумать,—произнесла Домна Осиповна.

Гроховъ понялъ, куда она бьетъ.

— Мы-съ бумагу съ него возьмемъ, обяжемъ его условіемъ, что вотъ, въ случаѣ полученія имъ наслѣдства, онъ долженъ выдать вамъ пятьсотъ тысячъ; въ противномъ случаѣ обязанъ заплатить неустойку.

Домна Осиповна выслушала его со вниманіемъ, какъ обыкновенно она выслушивала всякій дѣловой разговоръ.

— А вы потомъ опять съ меня десять процентовъ возьмете за это дѣло?—замѣтила она съ злобной улыбкой.

— Я съ васъ ничего не возьму, ни копеечки! — успокоилъ ее Гроховъ:—а того барина щипну маленько. Чѣмъ же намъ кормиться! До свиданья,—заключилъ онъ, вставая.

— До свиданья! — сказала Домна Осиповна, тоже вставая.

— Когда же мнѣ прикажете ждать отъ васъ рѣшительнаго отвѣта?—продолжалъ Гроховъ.

Домна Осиповна подумала нѣкоторое время.

— Завтра я вамъ отвѣчу!—сказала она.

— Слушаю-съ!.. — сказалъ Гроховъ и затѣмъ, поцѣловавъ у ней руку и неуклюже расшаркавшись, ушелъ.

Оставшись одна, Домна Осиповна впала въ мучительное раздумье, хоть въ сущности она уже окончательно рѣшила въ мысляхъ своихъ сойтись съ мужемъ, потому что лишиться пятисотъ тысячъ было выше всякихъ нравственныхъ силъ ея и почти равнялось бы самоубійству; но вопросъ для нея состоялъ въ томъ, какъ ей поступить въ этомъ случаѣ съ Бѣгушевымъ? Прямѣе всего было бы разсказать ему, какъ дѣло есть!.. Будь другой человѣкъ на мѣстѣ Бѣгушева, болѣе благоразумный и практическій, Домна Осиповна такъ бы съ тѣмъ и поступила; тотъ бы понялъ ее; но она знала очень хорошо, что Бѣгушевъ, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, былъ еще мечтатель и безумецъ; чего добраго, онъ, пожалуй, насильно ей свяжетъ руки, посадитъ въ экипажъ и увезетъ за границу. Она очень хорошо помнила его бѣснованіе при первомъ объясненіи въ любви, когда она хотѣла его немного повыдержать. «Лучше всего,—сказала себѣ мысленно Домна Осиповна:—въ отношеніи подобныхъ людей дѣйствовать такъ, что сначала сдѣлать окончательно, что̀ имъ непріятно, а потомъ и сказать: они побѣсятся, поволнуются, покричатъ, но и успокоятся же когда-нибудь»,—тѣмъ болѣе, что Домна Осиповна будетъ ему говорить и можетъ даже ясно доказать, что она живетъ съ

мужемъ только для виду. Принявъ такое намѣреніе, она однако протерзалась и проплакала цѣлый день и всю ночь. Проснувшись на другой день съ зеленымъ цвѣтомъ лица и съ распухнувшими отъ слезъ глазами, она все-таки пересилила себя и написала Грохову: «Телеграфируйте мужу, что онъ можетъ пріѣхать ко мнѣ». По отправленіи этого письма, Домной Осиповной овладѣлъ новый страхъ: ну, какъ мужъ пріѣдетъ въ то время, какъ у нея сидитъ Бѣгушевъ, и по своей болтливости прямо воскликнетъ:—«Благодарю тебя, душенька, что ты позволила пріѣхать къ тебѣ!». А она желала, чтобы это навсегда осталось тайною для Бѣгушева, и чтобы онъ полагалъ, что мужъ возвратился къ ней нахрапомъ, безъ всякаго согласія съ ея стороны. Изобрѣтательность женская помогла въ этомъ случаѣ Домнѣ Осиповнѣ. Воспользовавшись тѣмъ, что у нея начали перекрашивать въ дѣвичьей полъ, она написала Бѣгушеву такое письмо: «Мой дорогой другъ, позволь мнѣ переѣхать къ тебѣ на нѣсколько дней, у меня выкрашена дѣвичья, и я умираю отъ маслянаго запаху». На это она получила отъ Бѣгушева восторженный отвѣтъ: «Пріѣзжайте, сокровище мое, и оживите, какъ свѣтозарное свѣтило, мою келью!». А вечеромъ въ тотъ же день Домна Осиповна была уже въ домѣ Бѣгушева.

XII.

Надобно было имѣть силу характера Домны Осиповны, чтобы, живя у Бѣгушева цѣлую недѣлю и все почти время проводя вмѣстѣ съ нимъ, скрывать отъ него волнующія ее мысли и чувствованія, тѣмъ болѣе, что самъ Бѣгушевъ былъ очень веселъ, разговорчивъ и безпрестанно фантазировалъ, что вотъ онъ, съ наступленіемъ зимы, увезетъ Домну Осиповну въ Италію, въ которой она еще не бывала, познакомитъ ее съ антиками, раскроетъ передъ ней тайну искусствъ, и Домна Осиповна ни однимъ словомъ, ни однимъ звукомъ не выразила, что она ожидаетъ совершенно иначе провести грядущую зиму; напротивъ, изъявляла удовольствіе и почти восторгъ на всѣ предложенія Бѣгушева. Прокофій въ эти дни превзошелъ самого себя: онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на Домну Осиповну и даже кушанья за обѣдомъ сначала подавалъ барину, а потомъ ужъ ей, такъ что Бѣгушевъ наконецъ прикрикнулъ на него:—«Начинай съ Домны Осиповны!». Прокофій сталъ начинать съ нея; но и тутъ — то забудетъ ей подать салату, горчицы, то не поставитъ передъ ней соли. Изъ женской прислуги у Бѣгушева была

всего только одна жена Прокофія, по имени Минодора, женщина благоразумная и неглупая. Она, разумѣется, озаботилась на дамской половинѣ дома приготовить для Домны Осиповны, въ особой отдѣльной комнатѣ, постель, и, когда та пришла въ эту комнату, Минодора не замедлила явиться къ ней, чтобы помочь ей раздѣться. Прокофій, по этому поводу, спросилъ на другой день жену суровымъ голосомъ:

— Ты зачѣмъ ходила эту гостью раздѣвать, у ней у самой нѣтъ развѣ рукъ?

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ этакій! — сказала Минодора:— какая бы госпожа ни пріѣхала къ барину, я должна служить, а ужъ Домнѣ Осиповнѣ и подавно: это все равно, что барыня наша теперь!

— Хороша барыня!—воскликнулъ Прокофій, у него при этомъ перекосило даже ротъ отъ злости:—похожа она на барыню!— присовокупилъ онъ, и очень возможно, что въ мысляхъ своихъ сравнивалъ Домну Осиповну съ Натальей Сергѣевной, о которой Прокофій всегда съ какимъ-то благоговѣніемъ отзывался.

Онъ все время житья Бѣгушева за границей былъ при немъ и даже немножко говорилъ по-французски и по-нѣмецки.

Въ одно утро Прокофій выкинулъ новую штуку. Бѣгушевъ, какъ только пріѣхала къ нему Домна Осиповна, всей прислугѣ приказалъ никого не принимать, пока гоститъ она у него, и первые три дня прошли благополучно; но на четвертый поутру, когда Домна Осиповна, совсѣмъ еще неодѣтая, сидѣла у Бѣгушева въ диванной и пила съ нимъ чай, вдругъ раздался довольно слабый звонокъ.

— Кто-то, кажется, позвонилъ? — произнесла Домна Осиповна и хотѣла-было уйти.

— Не примутъ! — успокоилъ ее Бѣгушевъ.

Но Домна Осиповна явственно начала слышать мужскіе шаги, которые все болѣе и болѣе приближались къ диванной, такъ что она поспѣшила встать, и только-что успѣла скрыться въ одну изъ дверей во внутреннія комнаты, какъ изъ противоположныхъ дверей появился графъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ побагровѣлъ отъ злости. Онъ убѣжденъ былъ, что графа принялъ Прокофій, и принялъ съ умысломъ, а не просто. Первымъ его движеніемъ было итти и избить Прокофія до полусмерти, но отъ этого онъ, какъ и всегда, удержался, только лицо его оставалось искаженнымъ отъ гнѣва. Графъ Хвостиковъ, замѣтившій это и относя неудовольствіе хозяина къ себѣ, сконфузился и почти испугался.

— Pardon, mon cher!.. Я, можетъ-быть, обезпокоилъ тебя?— пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, ничего! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Не занятъ ли ты чѣмъ-нибудь? Я и въ другое время могу зайти къ тебѣ! — продолжалъ графъ.

— Ничего, оставайтесь! — повторилъ еще разъ Бѣгушевъ.

Графъ сѣлъ на диванъ и, закинувъ голову назадъ, началъ добрымъ и въ то же время сохраняющимъ достоинство тономъ:

— Какъ мнѣ пріятно было войти въ твой домъ!.. Такъ вотъ и видишь въ этихъ маленькихъ, отдѣльныхъ комнаткахъ, что это была какая-нибудь моленная твоей матушки, а это, можетъ-быть, комнатка сестеръ твоихъ, а это уголокъ дальняго родственника, пригрѣтаго бѣдняка!..

Бѣгушевъ не безъ удивленія выслушалъ эти элегическія изліянія графа и сначала объяснить себѣ не могъ, зачѣмъ онъ имъ предавался.

Графъ между тѣмъ продолжалъ:

— Ты все это, mon cher, сохранилъ, и потому честь и хвала тебѣ за то великая, а мы все это растеряли, уничтожили!

— Кто жъ васъ заставлялъ это дѣлать? — произнесъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Вѣтреность и глупость наша! — подхватилъ графъ: — и это бы еще ничего... Конечно, это священныя воспоминанія, которыя пріятно сохранять каждому!.. Но мы надурили больше того: мы растратили и промотали все наше состояніе.

Бѣгушевъ на это промолчалъ. Онъ начиналъ смутно уразумѣвать, куда разговоръ клонился.

— А ты, cher ami, скажи, все состояніе твое капитализировалъ, кажется? — перешелъ ужъ прямо къ дѣлу графъ.

— Нѣтъ!.. — пробурчалъ Бѣгушевъ.

— Но, разумѣется, если бы ты это сдѣлалъ, то у тебя огромный бы капиталъ составился.

— Не знаю, не разсчитывалъ... не считалъ!.. — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Счастливый человѣкъ! — воскликнулъ графъ: — имѣетъ такое состояніе, что даже не считаетъ, а мы и рады бы считать, да нечего!

Презрительная улыбка промелькнула на губахъ Бѣгушева.

— Да-съ, да! — не унимался графъ: — три тысячи душъ, батюшка, я прожилъ, по милости женщинъ и картъ, а теперь на старости лѣтъ и приходится аферами заниматься!

— Что жъ, на этомъ поприщѣ ты можешь отлично поправить твои дѣла, — произнесъ не безъ ядовитости Бѣгушевъ.

— Непремѣнно поправлю, сомнѣнія нѣтъ никакого! — воскликнулъ радостно графъ: — но все-таки, согласись, нравственно тяжело. Я былъ камергеръ, человѣкъ придворный:

теперь же опутился какимъ-то купцомъ, такъ что не далѣе, какъ въ прошломъ январѣ, на балѣ во дворцѣ великіе князья меня спрашиваютъ, чѣмъ я занимаюсь? «Pardon, Altesse, говорю, я занимаюсь теперь аферами!» Хотѣлъ, знаешь, объяснить имъ мое положеніе, потому что, какъ ты хочешь, правительству слѣдовало бы немножко поддерживать насъ, хоть и безумцевъ, но все-таки людей ему преданныхъ; хоть бы службишку дали какую-нибудь или пенсіишку небольшую, а то ничего, никакого участія!..

— За что тебѣ дать пенсію, когда ты самъ говоришь, что только и дѣлалъ, что по женщинамъ ѣздилъ и въ карты игралъ?

— Я про себя не говорю! — возразилъ графъ: — а говорю вообще про дворянство; я же, слава Богу! Вотъ у меня явилась способность писать проекты; я ихъ болѣе шести написалъ, одинъ изъ нихъ уже и утвержденъ, такъ что я недѣли черезъ двѣ пятьдесятъ тысячъ за него получу; но комизмъ, или, правильнѣе сказать, драматизмъ заключается въ томъ, что черезъ мѣсяцъ я буду имѣть капиталъ, котораго, вѣроятно, хватитъ на всю остальную мою жизнь; но теперь сижу совершенно безъ денегъ, и взять ихъ неоткуда: у дочери, какой былъ маленькій капиталецъ, перебралъ весь; къ этимъ же разнымъ торгашамъ я обращаться не хочу, потому что люблю ихъ держать въ почтительномъ отдаленіи отъ себя, чтобы они мнѣ были обязаны, а не я имъ!

Бѣгушеву было отвратительно и омерзительно слушать вранье графа Хвостикова. Онъ очень хорошо зналъ, что графъ въ ноги бы готовъ былъ каждодневно кланяться этимъ торгашамъ, если бы только они ему денегъ давали.

— Не можешь ли ты дать мнѣ взаймы тысячи три на весьма короткое время? — хватилъ Хвостиковъ, желая сразу ошеломить Бѣгушева.

— Нѣтъ, не могу! — отвѣчалъ тотъ.

— Отчего?

— Много очень, сумма велика.

— Въ такомъ случаѣ дай хоть двѣ тысячи, по крайней мѣрѣ.

— И то много!—повторилъ Бѣгушевъ монотоннымъ голосомъ.

— Ну, тысячу, чортъ возьми, — произнесъ, какъ бы даже смѣясь, графъ.

— И это велика сумма! — какъ кукушка куковалъ Бѣгушевъ.

— Что жъ за деньги: тысяча... велики ли это? — воскликнулъ съ удивленіемъ графъ.

Бѣгушевъ на это молчалъ.

— Но какою же собственно суммою, не стѣсняя себя, ты

можешь ссудить меня? — продолжалъ графъ съ какою-то уже тоскою въ голосѣ.

— Я не знаю! — отвѣчалъ съ убійственнымъ равнодушіемъ Бѣгушевъ.

— Пятьсотъ рублей тебя не стѣснитъ?

— Стѣснитъ.

— А двѣсти стѣснитъ?

— Стѣснитъ!

— Но неужели даже ста рублей ты не можешь мнѣ дать?.. — заключилъ графъ.

Бѣгушевъ на это нѣкоторое время молчалъ.

— Сто, пожалуй, могу! — умилостивился онъ наконецъ: — но только не взаймы, а такъ дамъ, безъ уплаты.

— Какъ безъ уплаты? — спросилъ графъ, повидимому, совершенно счастливый тѣмъ, что ему и сто даютъ: — это, знаешь, немного выйдетъ щекотливо!

— Какъ хочешь, у меня правило: взаймы никому не давать, а такъ помогать, сколько могу, помогаю!

— Это, конечно, очень великодушно съ твоей стороны, но все-таки согласись, что принять такимъ образомъ... хоть мы и товарищи старые... обстоятельства мои, конечно, ужасны; я теперь тебѣ прямо скажу, что я нищій, ѣздящій въ каретѣ, потому что каретникъ мнѣ вѣритъ еще, но въ мелочныхъ лавочкахъ не даютъ ни на грошъ!

Бѣгушевъ на это молчалъ.

— Ну, дай хоть безъ уплаты, если не хочешь мѣнять своего правила, — проговорилъ наконецъ графъ Хвостиковъ.

Бѣгушевъ вынулъ бумажникъ и подалъ графу сторублевую бумажку.

— Mercі, mon cher. mercі!.. До конца дней моихъ не забуду твоего одолженія.

У графа даже слезы на глазахъ навернулись при этомъ.

— Не смѣю тебя больше безпокоить, — продолжалъ онъ, вставая и берясь за шляпу. — Еще разъ тебя благодарю, — заключилъ онъ и, дружески пожавъ руку Бѣгушеву, пошелъ отъ него весьма гордой походкой.

По уходѣ графа Бѣгушевъ поднялъ кулакъ на небо и заскрежеталъ зубами.

— О, негодяй! О, мерзавецъ! — заревѣлъ онъ на весь домъ, такъ что находившаяся въ сосѣдней комнатѣ Домна Осиповна съ испугомъ вбѣжала къ нему.

— Что такое съ тобой, Александръ? — спросила она.

— Мерзавецъ!.. Негодяй! — продолжалъ Бѣгушевъ свое, потрясая кулаками.

— Графъ Хвостиковъ это, вѣроятно, мерзавецъ? — говорила Домна Осиповна, видѣвшая въ зеркалѣ изъ сосѣдней комнаты, кто былъ у Бѣгушева.

— Мнѣ въ глаза каналья говоритъ, что онъ три тысячи душъ промоталъ, тогда какъ у него трехъ сотъ душонокъ никогда не бывало; на моихъ глазахъ всю молодость былъ на содержаніи у старыхъ барынь; за лакейство и за цѣлованіе ручекъ и ножекъ у начальства терпѣли его на какой-то службѣ, а теперь онъ оскорбляется, что ему еще пенсіи не дали. До какой степени въ людяхъ нахальство и лживость могутъ доходить!.. За это убить его можно.

— Ахъ, Александръ, какъ тебѣ не совѣстно сердиться на такіе пустяки! — произнесла Домна Осиповна, дѣйствительно не понимавшая, что такое тутъ могло вывести Бѣгушева изъ себя. — Но зачѣмъ же собственно онъ пріѣзжалъ къ тебѣ?

— Затѣмъ, разумѣется, чтобы денегъ просить, — отвѣчалъ скороговоркой Бѣгушевъ.

— И ты далъ, конечно?

— Но это чортъ съ нимъ, далъ не взаймы только, а такъ! Главное, зачѣмъ это ломанье и коверканье передо мной! Это, навѣрное, изволилъ пустить его Прокофій! Ну, я наконецъ раздѣлаюсь съ нимъ! Эй!.. Прокофья ко мнѣ!

— Саша, умоляю тебя не безпокоиться и плюнуть на все это!.. — упрашивала его Домна Осиповна.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, довольно этотъ господинъ надругался надо мной!.. Прокофья!..

Прокофій наконецъ явился. Лицо его было совершенно покойно.

— Кто принималъ графа Хвостикова? — спросилъ почти страшнымъ голосомъ Бѣгушевъ.

— Я-съ, — отвѣчалъ мрачно и угрюмо Прокофій.

— Для чего жъ ты это сдѣлалъ?—спросилъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя:—ты, значитъ, окончательно рѣшился не исполнять ни одного моего приказанія?

— Никакъ нѣтъ-съ; я всѣ ваши приказанія исполняю, — отвѣчалъ Прокофій и явно уже разсмѣялся.

— А это вотъ недавнее мое приказаніе, когда я сказалъ, чтобы ты никого не принималъ, а ты принялъ графа.

— Я не принималъ его.

— Какъ же сейчасъ сказалъ, что принялъ, а теперь не принималъ.

— Не принималъ-съ! — повторилъ Прокофій:—онъ спрашиваетъ: дома ли вы-съ? Я говорю: «дома!», и хотѣлъ сказать, что вы не принимаете, а онъ и пошелъ самъ!.. Не за волосы же мнѣ его хватать и останавливать!

— Развѣ такъ слѣдовало отвѣчать?.. Ты долженъ былъ прямо сказать, что дома нѣтъ: а то дома и не принимаетъ! Я не министръ еще пока: этимъ могутъ обидѣться.

Прокофій злобно усмѣхнулся.

— Обидятся!.. Какъ же!.. Мало еще ихъ ѣздитъ! — произнесъ онъ.

Бѣгушевъ ужъ и не зналъ, сердиться ли ему на Прокофья или нѣтъ.

— Ты былъ дуракъ, есть дуракъ и будешь имъ до смерти!— проговорилъ онъ.

У Прокофія еще больше перекосила злоба ротъ.

— У васъ, извѣстно, я во всемъ виноватъ; вотъ теперь горничная ихняя,—продолжалъ онъ, замѣтно возвышая голосъ и показывая на Домну Осиповну:—сидитъ у насъ въ кухнѣ и просится сюда, я и въ томъ виноватъ?

— Какъ горничная? — произнесли въ одинъ голосъ Бѣгушевъ и Домна Осиповна.

— Горничная-съ!.. Супругъ ихній пріѣхалъ къ нимъ и требуютъ ихъ къ себѣ,—продолжалъ Прокофій.

— Мужъ? — произнесла Домна Осиповна, какъ бы совершенно удивленная и потупляя въ землю глаза.

— Это что такое значитъ?—спросилъ ее тоже удивленный и пораженный Бѣгушевъ.

— Не знаю, я сейчасъ пойду и разспрошу горничную,—проговорила Домна Осиповна и хотѣла-было итти.

— Лучше позовите ее сюда, я тоже хочу знать и разспросить ее,—остановилъ Домну Осиповну запальчиво Бѣгушевъ.— Позови сюда горничную!—приказалъ онъ затѣмъ Прокофію.

Тотъ пошелъ и почти громкимъ голосомъ произнесъ:

— То вотъ зови у нихъ, то нѣтъ!

Но Бѣгушевъ и Домна Осиповна, подъ вліяніемъ услышанной новости, и не слыхали этого.

— Онъ писалъ вамъ, что будетъ и пріѣдетъ сюда?—спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Ничего не писалъ! — едва достало силы у Домны Осиповны отвѣтить ему.

Пришла горничная.

Домна Осиповна поспѣшила разспрашивать ее.

— Михайла Сергѣичъ пріѣхалъ?

— Да-съ!—отвѣчала та.

— Одинъ?

Горничная нѣсколько позамялась.

— Да говори, все говори... Не одинъ?—настаивала Домна Осиповна.

— Не одинъ-съ!.. Съ этой дамой какой-то.

— Гдѣ жъ они?.. У меня въ домѣ?

— У насъ внизу.

— И поэтому Михайла Сергѣичъ тебя послалъ за мной?

— Никакъ нѣтъ-съ, они только спросили, что могутъ ли васъ видѣть? Я имъ сказала, что вы уѣхали, а потомъ переговорила съ кухаркой, та и говоритъ: «съѣзди за барыней!».

— Мнѣ надобно ѣхать!—сказала Домна Осиповна.

— Если нужно, то конечно,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но вы вечеромъ пріѣзжайте узнать эту загадку!.. Я вовсе не намѣрена стѣснять себя для господина Олухова,— проговорила Домна Осиповна и, торопливо надѣвъ шляпу, уѣхала вмѣстѣ съ горничной.

Бѣгушевъ остался одинъ, какъ громомъ пришибленный. Онъ все задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ пріѣхалъ мужъ къ Домнѣ Осиповнѣ? Она нѣсколько разъ и особенно послѣднее время говорила ему, что у нея съ ея супругомъ прерваны всякія человѣческія сношенія. Но, можетъ-быть, по какому-нибудь совершенно случайному обстоятельству онъ заѣхалъ сюда на короткое время? Однако онъ пріѣхалъ съ какой-то госпожой своей, это что значитъ? Тутъ Бѣгушевъ терялъ всякую нить къ объясненію. Чтобы сократить время до вечера, онъ гулялъ по Тверскому бульвару, ранѣе обыкновеннаго отобѣдалъ, выпилъ больше вина, чтобы заснуть послѣ обѣда, и все-таки не заснулъ. Какой-то и на что-то мучительный гнѣвъ терзалъ его. Наконецъ, дождавшись вожделѣнныхъ семи часовъ, Бѣгушевъ поѣхалъ къ Домнѣ Осиповнѣ. Подъѣзжая къ дому ея, онъ увидѣлъ, что верхній и нижній этажи его были освѣщены. На звонокъ Бѣгушева горничная сейчасъ же отворила ему дверь. Онъ прямо прошелъ въ извѣстный намъ кабинетъ. Тамъ сидѣла Домна Осиповна и была вся въ слезахъ. Понявъ всю тяжесть подвига, на который обрекала себя, она тоже страдала не менѣе Бѣгушева и тутъ только узнала, до какой степени любила его!.. Что если онъ оставитъ и покинетъ ее?.. Какъ и чѣмъ ей тогда будетъ наполнять жизнь! Очертя голову и не зная, чѣмъ все это разрѣшится, она ждала его. Бѣгушевъ, почти не поздоровавшись съ ней, сѣлъ на свое обычное кресло.

— Что жъ, объяснилось, что это такое?—спросилъ онъ.

— Объяснилось!—отвѣчала Домна Осиповна и утерла платкомъ свои запекшіяся губы.

— Онъ надолго пріѣхалъ?

— Да.

Бѣгушевъ, по обыкновенію, побагровѣлъ въ лицѣ.

— Съ какой же цѣлью?

— Съ цѣлью, что... — начала Домна Осиповна, овладѣвъ нѣсколько собой:—я тебѣ говорила, кажется, что у мужа есть дѣдъ, сибирякъ, богачъ?

— Говорила.

— Онъ тамъ черезъ кого-то узналъ, что мужъ не живетъ со мной... вдругъ пишетъ ему, что онъ лишитъ его наслѣдства пяти милліоновъ, если онъ не сойдется со мной.

— Да, вотъ какая причина!..

И Бѣгушевъ сердито постучалъ ногою.

— Причина очень важная,—произнесла съ грустной усмѣшкой Домна Осиповна.

— Для кого какъ!—подхватилъ Бѣгушевъ.

— Мужа такъ это поразило; онъ умоляетъ теперь меня, чтобы я позволила ему это сдѣлать! — продолжала Домна Осиповна.

Бѣгушевъ еще больше побагровѣлъ.

— И вы позволили ему?—спросилъ онъ.

— Я не сочла себя въ правѣ не позволить,—отвѣчала Домна Осиповна.

Она была велика въ эти минуты по степени той борьбы, которую переживала внутри, и той власти, какую обнаруживала надъ собой.

Бѣгушевъ провелъ рукой по своей довольно еще густой гривѣ волосъ.

— Наши отношенія поэтому должны быть кончены?—спросилъ онъ съ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Зачѣмъ же кончены? — спросила съ кроткой усмѣшкой Домна Осиповна:—я схожусь съ мужемъ для виду только; мы будемъ только жить съ нимъ подъ одной кровлей. Я даже ему сказала, что люблю тебя!

Бѣгушевъ при этомъ поглядѣлъ ей пристально въ лицо.

— Главное, — снова продолжала она: — что я мужу всѣмъ обязана: онъ взялъ меня изъ грязи, изъ ничтожества; все, что я имѣю теперь, онъ сдѣлалъ; чувство благодарности, которое даже животныя имѣютъ, заставляетъ меня не лишать его пяти милліоновъ наслѣдства, тѣмъ болѣе, что у него своего теперь ничего нѣтъ, кромѣ какъ на рукахъ женщина, которую онъ любитъ... Будь я мужчина, я бы возненавидѣла такую женщину, которая бы на моемъ мѣстѣ такъ жестоко отнеслась къ человѣку, когда то близкому къ ней.

Бѣгушевъ понималъ, что въ словахъ Домны Осиповны была, пожалуй, большая доля правды, только правда эта была изъ какого-то совершенно иного міра, ему чуждаго, и при этомъ

почему-то, невѣдомо для него самого, пронесся передъ нимъ образъ Натальи Сергѣевны. Бѣгушевъ припомнилъ, какъ она пріѣхала къ нему на гауптвахту, когда онъ содержался тамъ за дуэль съ ея мужемъ, припомнилъ, какъ она жила съ нимъ въ лагерѣ на Кавказѣ и питалась одними сухарями съ водой. Отъ окончательно прилившей крови къ головѣ, Бѣгушевъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Домна Осиповна ожидала, что сейчасъ вотъ разразится надъ ней буря, и трепетала всѣми нервами; но Бѣгушевъ только сѣлъ на довольно отдаленное кресло и понурилъ голову. Домна Осиповна видѣла, что онъ сильно страдаетъ.

— Я не знаю, собственно, что̀ тебя такъ сильно можетъ тутъ тревожить?—спросила она тихимъ-тихимъ голосомъ.

— Меня? — переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да.

— Ложь всеобщая, круговая, на которой должна устроиться вся будущая жизнь наша!—проговорилъ онъ.

— Сходясь съ замужней женщиной, надобно было быть готовымъ на это! — сказала Домна Осиповна опять тихимъ голосомъ.

— Но я полагалъ, что ты не имѣешь къ мужу никакихъ обязательствъ: ни нравственныхъ ни денежныхъ!..

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ горничной, которая доложила Домнѣ Осиповнѣ, что Михайла Сергѣичъ проситъ позволенія прійти къ ней.

— Хорошо, я тебѣ сейчасъ скажу!—отвѣтила ей торопливо Домна Осиповна.

Горничная ушла.

— Мужъ можетъ прійти ко мнѣ? — спросила Домна Осиповна Бѣгушева.

— Конечно!.. — разрѣшилъ тотъ.

Домна Осиповна вышла и что-то приказала горничной.

Супругъ ея вскорѣ явился. Оказалось, что онъ почти еще молодой человѣкъ (Олуховъ былъ ровесникъ женѣ своей), очень недуренъ собой, весьма приличный въ манерахъ. Онъ вошелъ замѣтно сконфуженный. Домна Осиповна познакомила его съ Бѣгушевымъ.

— Мужъ мой!.. Александръ Ивановичъ Бѣгушевъ, — сказала она.

Тотъ и другой поклонились другъ другу.

— Какъ я вамъ благодаренъ,—началъ Олуховъ первый:— жена разсказывала мнѣ, что за границей вы были такъ добры къ ней, приняли такое въ ней участіе, когда она была больна...

Бѣгушевъ на это молчалъ. Въ воображеніи его опять но-

силась сцена изъ прошлой жизни. Онъ припомнилъ старика-генерала, мужа Натальи Сергѣевны, и его свирѣпое лицо, когда тотъ подходилъ къ барьеру во время дуэли, припомнилъ его крикъ, который вырвался у него, когда онъ падалъ окровавленный: «сожалѣю объ одномъ, что я не убилъ тебя, злодѣя!».

Домна Осиповна видѣла необходимость ужъ со своей стороны поддержать разговоръ.

— Я и нынѣшнее лѣто непремѣнно поѣду за границу, — сказала она какъ будто бы мужу.

— Что жъ, можно, — отвѣчалъ тотъ: — а я останусь по дѣламъ въ Москвѣ...

— Вы на постоянное жительство переѣхали въ Москву?— спросилъ его Бѣгушевъ.

Олуховъ замѣтно растерялся.

— Не думаю, чтобы совсѣмъ! Отъ обстоятельствъ это будетъ зависѣть... — проговорилъ онъ и затѣмъ обратился къ женѣ: — я пришелъ къ тебѣ, чтобы ты приписала въ письмѣ моемъ къ дѣдушкѣ.

— Давай,—сказала Домна Осиповна и, взявъ у мужа приготовленное имъ письмо къ дѣду, подошла къ своему столику и принялась писать.

Бѣгушевъ и Олуховъ сидѣли молча.

Домна Осиповна спѣшила дописать письмо, чтобы снова поддержать бесѣду; но когда она кончила, то Бѣгушевъ уже взялся за шляпу. Домна Осиповна обмерла.

— Куда же вы такъ рано?—сказала она, подавая небрежно письмо мужу.

— Я усталъ, и при томъ нездоровится, — произнесъ Бѣгушевъ сколько только могъ ласковымъ голосомъ, потомъ онъ раскланялся съ Олуховымъ и пошелъ.

Домна Осиповна пошла проводить его.

Въ гостиной она его остановила.

— Послушай, ты сердитъ на меня, ты взбѣшенъ? — спросила она задыхающимся голосомъ.

— Нѣтъ же! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но отчего ты такой ужасный, страшный?..

— Оттого, что, какъ я тебѣ говорилъ, ложь воцарится во всѣхъ насъ, какъ это и было нынѣшній вечеръ!—отвѣчалъ ей знаменательно Бѣгушевъ.

— Это ничего, все устроится!—полувоскликнула Домна Осиповна:—люби только меня, а я тебя безумно, страстно люблю! Пріѣдешь завтра?..

— Пріѣду! — отвѣчалъ Бѣгушевъ и снова пошелъ.

Домна Осиповна закрыла себѣ сначала глаза рукой, провела потомъ этой рукой по лицу и, со свойственной ей силою характера овладѣвъ наконецъ собою, возвратилась въ кабинетъ.

Бѣгушевъ, выйдя на улицу, не сѣлъ въ экипажъ свой, а пошелъ на противоположный тротуаръ и прямо заглянулъ въ освѣщенныя окна кабинета Домны Осиповны. Онъ увидѣлъ, что Олуховъ подошелъ къ женѣ, сказалъ ей что-то и какъ будто бы хотѣлъ поцѣловать у ней руку. Бѣгушевъ поспѣшилъ опустить глаза въ землю и взглянулъ въ нижній этажъ: тамъ онъ увидѣлъ молодую женщину, которая въ домашнемъ костюмѣ разбирала и раскладывала вещи. Бѣгушеву отъ всего этого сдѣлалось невыносимо грустно, тошно и гадко!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло четыре дня, а Бѣгушевъ не пріѣзжалъ къ Домнѣ Осиповнѣ. Напрасно она, пока было свѣтло, сидѣла у окна и безпрестанно взглядывала въ маленькое зеркальце, придѣланное съ улицы къ косяку и обращенное въ ту сторону, откуда Бѣгушевъ долженъ былъ прійти или пріѣхать, напрасно прислушивалась къ малѣйшему шуму въ передней, въ ожиданіи услышать его голосъ,—надежды ея не исполнялись. Терпѣнія у Домны Осиповны болѣе недостало. Она велѣла себѣ привести извозчика и сама поѣхала къ Бѣгушеву съ намѣреніемъ сдѣлать ему хорошенькую сцену, потому что такъ поступать, какъ онъ поступалъ, по ея мнѣнію, было не только что жестоко съ его стороны, но даже неблагородно!

Подъѣхавъ къ крыльцу Бѣгушева, Домна Осиповна судорожно и громко позвонила. Ей неторопливо отворилъ дверь Прокофій, лицо котораго было на этотъ разъ еще мрачнѣе обыкновеннаго и какое-то даже исхудалое.

— Александръ Иванычъ дома?—спросила она.

— Они нездоровы-съ очень, — отвѣчалъ ей Прокофій протяжно.

— Что жъ вы мнѣ не прислали сказать? — проговорила Домна Осиповна.

Прокофій не счелъ за нужное отвѣчать ей на это, и тайная мысль его была такова: «ну да, какъ же, до васъ было!».

— Онъ у себя въ спальнѣ?..—продолжала Домна Осиповна.

— У себя-съ... Гдѣ же имъ быть? — говорилъ Прокофій, снимая съ нея салопъ.

Домна Осиповна прошла въ спальню.

Бѣгушевъ лежалъ на своей кровати, отвернувшись къ стѣнѣ, и былъ съ закрытыми глазами. Жаръ такъ и пылалъ отъ него на всю комнату.

«Господи, онъ умираетъ!» — пришло въ голову Домнѣ Осиповнѣ, и она готова была разрыдаться, но удержалась однако и сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ больного.

Въ спальню вошла тихими шагами Минодора, а вслѣдъ за ней въ дверяхъ выглянула и физіономія Прокофія.

— Минодорушка, что такое съ Александромъ Иванычемъ?— отнеслась къ ней Домна Осиповна.

— Пріѣхали тогда отъ васъ, всю ночь, должно-быть, не почивали, а поутру стали мучиться... метаться... — объяснила ей та.

— Кто же его пользуетъ?

— Никто... Прокофій хотѣлъ-было сбѣгать за докторомъ,— не приказали!

— Но это невозможно!—полувоскликнула Домна Осиповна.

Бѣгушевъ при этомъ открылъ глаза.

— Ахъ, это вы?—проговорилъ онъ.

Минодора поспѣшила выйти изъ комнаты.

Домна Осиповна подошла къ Бѣгушеву, наклонилась къ нему и стала его цѣловать.

— Другъ мой, это я все виновата, что вы больны!—шептала она.

Бѣгушевъ чувствовалъ, какъ ея горячія слезы падали ему на лицо.

— Чѣмъ же вы?—сказалъ онъ.

Домнѣ Осиповнѣ показалось, что онъ едва говоритъ.

— Другъ мой, какъ вы хотите, но я сейчасъ же поѣду за докторомъ. Вы будете лѣчиться, не правда ли?

— Если это васъ успокоитъ, — произнесъ Бѣгушевъ.

— О, да!.. Я очень скоро возвращусь.

Съ этими словами Домна Осиповна поспѣшно пошла въ переднюю; Прокофій тоже пошелъ за ней.

— За докторомъ? — спросилъ онъ ее съ несвойственнымъ ему любопытствомъ.

— Да, за докторомъ!..—отвѣчала Домна Осиповна и, выйдя на улицу, она наняла извозчика, сказавъ ему, чтобы онъ взялъ, что хочетъ, только бы скорѣе ѣхалъ.

Извозчикъ поскакалъ благимъ матомъ.

Домна Осиповна проѣхала къ своему доктору, Ивану Иванычу Перехватову, котораго, къ великому горю своему, не застала дома.

— Я этого ожидала...—произнесла она почти въ отчаяніи, но въ этомъ случаѣ ей помогла ея практическая сообразительность.

— Вѣроятно, онъ теперь въ Англійскомъ клубѣ?—спросила она лакея, отворившаго ей дверь.

— Надо-быть, что тамъ!—подтвердилъ тотъ.

Домна Осиповна поскакала въ Англійскій клубъ.

Старикъ-швейцаръ удивился даже, когда въ его передней появилась дама.

— Докторъ Перехватовъ, Иванъ Иванычъ, здѣсь въ клубѣ?—спросила она его стремительно.

— Здѣсь-съ, здѣсь!..—отвѣчалъ швейцаръ.

— Вызовите его, пожалуйста!.. Скажите, что его проситъ дама... Олухова.

— Олухова? — переспросилъ се швейцаръ, привыкшій къ болѣе аристократическимъ фамиліямъ.

Самъ онъ, разумѣется, не пошелъ, а послалъ одного изъ лакеевъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ Домнѣ Осиповнѣ вышелъ Перехватовъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, очень красивый собою, и, по случайному, конечно, стеченію обстоятельствъ, въ красотѣ его было нѣчто схожее съ красотою Домны Осиповны: тоже что-то мазочное, хотя онъ вовсе не притирался, какъ дѣлала это она. Одѣтъ докторъ былъ безукоризненнымъ франтомъ.

— Бога ради, поскорѣе къ одному больному, самому близкому моему другу...—говорила стремительно Домна Осиповна, беря доктора за обѣ руки и пожимая ихъ.

— Къ вашимъ услугамъ!.. Сію минуту... посажу только кого-нибудь за себя въ карты играть!—сказалъ тотъ и ушелъ.

Домна Осиповна, оставшись въ передней одна съ швейцаромъ, была, видимо, подъ вліяніемъ сильнаго безпокойства. Старикъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ.

— Что же, это вашъ сродственникъ, или супругъ заболѣлъ?—спросилъ онъ.

— Родственникъ! — отвѣчала отрывисто Домна Осиповна и, когда докторъ возвратился, поспѣшно прибавила тому: —У меня экипажъ есть, вы со мной и поѣдете.

— Если вамъ угодно!—согласился докторъ.

Затѣмъ они сѣли на извозчика Домны Осиповны, который и поскакалъ съ ними.

— Кто жъ это другъ вашъ? — спросилъ докторъ, не безъ удовольствія придерживая Домну Осиповну за ея стройный станъ, чтобы она какъ-нибудь не упала отъ быстрой ѣзды изъ саней.

— Бѣгушевъ,—отвѣчала она.

— Это извѣстный Бѣгушевъ?—переспросилъ докторъ.

— Онъ!—подтвердила Домна Осиповна.

— О, это очень пріятно съ нимъ познакомиться, по слухамъ, онъ очень умный человѣкъ!

— Умный и превосходный человѣкъ! — подхватила Домна Осиповна.

— А какихъ онъ лѣтъ?

— Около пятидесяти.

— Уже?.. А дамамъ, говорятъ, все-таки еще нравится, — замѣтилъ докторъ: онъ совершенно догадался, въ какихъ отношеніяхъ находилась Домна Осиповна съ Бѣгушевымъ, и даже припомнилъ кой-какіе городскіе разсказы объ этомъ.

— Еще бы онъ не нравился,—произнесла она самодовольнымъ тономъ.

Въ это время они пріѣхали. Домна Осиповна повела доктора прямо въ спальню больного.

— Какой старинный барскій домъ!—говорилъ онъ, идя за ней.

Перехватовъ имѣлъ привычку прежде всего окинуть взглядомъ обстановку каждаго своего новаго паціента, чтобы судить, съ какимъ субъектомъ онъ будетъ имѣть дѣло. Вообще онъ былъ врачъ не столько ученый и кабинетный, сколько практическій, и здѣсь я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько болѣе подробныхъ словъ о немъ, такъ какъ онъ, подобно другимъ описываемымъ мною лицамъ, представлялъ собою истиннаго сына вѣка. Чтобы составить себѣ въ Москвѣ практику, врачу существуетъ въ настоящее время два пути: одинъ, болѣе вѣрный, это заслужить вниманіе и любовь кого-либо изъ университетскихъ боговъ-врачей, обильно и щедро раздающихъ практику всѣмъ истинно-вѣрующимъ въ нихъ; второй же, болѣе рискованный и трудный, быть самому ловкимъ и не брезговать никакими средствами... Перехватову не удалось заслужить любви никого изъ боговъ; значитъ, самому пришлось пробивать себѣ дорогу, и онъ употребилъ для этого довольно распространенные за послѣднее двадцатилѣтіе между врачами пріемы. Родомъ изъ сибиряковъ, неизвѣстно какъ и на что существовавши въ университетѣ, Перехватовъ тѣмъ не менѣе однако, кончивъ курсъ, успѣлъ гдѣ-то добыть себѣ пять тысячъ; можетъ-быть, занялъ ихъ у кого-нибудь изъ добрыхъ людей, или ему помогла въ этомъ случаѣ его красивая наружность... На деньги эти онъ нанялъ щегольскую квартиру, отлично меблировалъ ее, потомъ съѣздилъ за границу, добился тамъ, чтобы въ газетахъ было напечатано: «О работахъ молодого русскаго врача Перехватова», сдѣлалъ затѣмъ въ нѣкоторыхъ медицинскихъ обществахъ рефераты; затѣмъ, возвратившись въ Москву, за-

велъ себѣ карету, сталъ являться во всѣхъ почти клубахъ, гдѣ замѣтно старался заводить знакомства, и злые языки (изъ медиковъ, разумѣется) къ этому еще прибавляли, что Перехватовъ нарочно заѣзжалъ въ Московскій трактиръ ужинать, дружился тамъ съ половыми и, одѣливъ ихъ карточками своими, поручалъ имъ, что если кто изъ публики спроситъ о докторѣ, такъ они на него бы указывали желающимъ и подавали бы эти вотъ именно карточки, на которыхъ подробно было обозначено время, когда онъ у себя принимаетъ и когда дѣлаетъ визиты.

Къ Домнѣ Осиповнѣ Перехватовъ попалъ въ домашніе врачи тоже довольно непонятнымъ образомъ: она послала дворника за своимъ обычнымъ старымъ докторомъ, и дворникъ, сказавъ, что того доктора не засталъ, пригласилъ къ ней Перехватова, кучеръ котораго, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ большой пріятель этому дворнику. Домна Осиповна, впрочемъ, рада была такой замѣнѣ. Перехватовъ ей очень понравился своею наружностью и тѣмъ, что говорилъ нѣсколько витіевато, а она любила это свойство въ людяхъ и полагала, что сама не безъ краснорѣчія.

Въ результатѣ всей вышеизложенной дѣятельности молодого врача, онъ съ каждымъ годомъ начиналъ все болѣе и болѣе оперяться и въ настоящее время имѣлъ уже маленькій капиталецъ.

Когда Перехватовъ вошелъ въ спальню Бѣгушева, то сей послѣдній лежалъ вверхъ лицомъ, съ совершенно открытыми и даже блистающими глазами, и своей внушительной фигурой произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на него. Перехватовъ въ первый еще разъ видѣлъ Бѣгушева.

— Господинъ докторъ! — сказала ему Домна Осиповна, показывая на Перехватова.

Бѣгушевъ слегка и молча мотнулъ головою, приподнявъ ее немного съ подушки, Перехватовъ, въ свою очередь, тоже не безъ апломба усѣлся въ кресла и первоначально сталъ тереть свои красивыя руки, чтобы согрѣть ихъ, а потомъ взялъ Бѣгушева за пульсъ.

— Жаръ у васъ довольно сильный! — проговорилъ онъ и, придавъ серьезнѣйшее выраженіе лицу своему, принялся тщательно считать удары артеріи.

По лицу Бѣгушева пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Но что же вы еще, кромѣ жару, чувствуете?—заключилъ Перехватовъ.

— Злость,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ доктора.

— Конечно, злость хоть и считаютъ за чувство нравственное, но, пожалуй, оно настолько же и физическое!—произнесъ онъ, желая въ одно и то же время явить изъ себя идеалиста и матеріалиста.—Печень у васъ, вѣроятно, раздражена; вы позволите васъ освидѣтельствовать?

Бѣгушевъ и на это только молча кивнулъ головой. Домна Осиповна поняла, что ей нельзя было оставаться въ спальнѣ, и вышла въ другую комнату; она очень успокоилась, видя, что Бѣгушевъ боленъ не опасно, а скорѣе только нравственно потрясенъ.

Въ этой же комнатѣ, прислонясь головой къ косяку дверей, идущихъ въ спальню Бѣгушева, стоялъ и Прокофій, съ которымъ рѣшительно случилась невѣроятная перемѣна: съ самой болѣзни Бѣгушева онъ сдѣлался ему вдругъ очень услужливъ, не спалъ почти всѣ ночи и все прислушивался, что̀ дѣлается въ спальнѣ больнаго; на жену свою онъ безпрестанно кричалъ: «Ну, ты копытами-то своими завозилась!», и самъ все ходилъ на цыпочкахъ. Жаль ли ему было Бѣгушева, или онъ просто испугался за себя, смутно сознавая, что если Бѣгушевъ умретъ, то кто же его, этакого скота, со столькими дѣтьми возьметъ къ себѣ въ услуженіе. Стоя у дверей, онъ уха не отнималъ и внимательнѣйшимъ образомъ прислушивался къ тому, что̀ говорилъ Бѣгушеву докторъ, но врядъ ли однако что-нибудь понялъ изъ ихъ бесѣды.

— Вотъ теперь я совершенно діагностировалъ васъ,—говорилъ Перехватовъ, выслушавъ и постукавъ у Бѣгушева во всевозможныхъ мѣстахъ.

— Какая же мнѣ польза отъ того, что вы меня діагностировали?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Такая, что я могу васъ сознательно лѣчить.

Бѣгушевъ слегка усмѣхнулся.

— Лѣчить, я знаю, что вы можете, но вылѣчить—другой вопросъ!

На это уже докторъ усмѣхнулся.

— Разумѣется,—началъ онъ:—въ медицинѣ бываетъ и такъ, что дважды-два выходитъ пять; но въ отношеніи васъ я утвердительно могу сказать, что дважды-два выйдетъ четыре, и что я васъ навѣрное вылѣчу!

— Чѣмъ?

— Пропишу вамъ курсъ довольно сильныхъ водъ.

Бѣгушевъ захохоталъ.

— Этимъ меня безъ всякихъ постукиваній лѣтъ тридцать лѣчатъ,—проговорилъ онъ.

— Васъ лѣчили, вѣроятно, врачи, хорошо знающіе вашъ

организмъ; мнѣ же надобно было познакомиться: наука наша строжайшимъ образомъ предписываетъ намъ дѣлать подобныя изслѣдованія!

— Наука!.. Нашли какую науку! — повторилъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

Перехватовъ навострилъ уши.

— Значитъ, вы медицину не считаете за науку? — спросилъ онъ.

— Я считаю ее искусствомъ, а еще болѣе того шарлатанствомъ.

Доктора нѣсколько передернуло, но онъ постарался скрыть это.

— Приговоръ очень рѣзкій, — проговорилъ онъ, продолжая улыбаться.

У Перехватова было не въ характерѣ и не въ привычкахъ возражать своимъ паціентамъ и волновать ихъ ни къ чему не ведущими спорами.

— Неужели вы думаете, — продолжалъ Бѣгушевъ все болѣе и болѣе раздражительнымъ тономъ: — что медицина на крупицу можетъ увеличить ту жизненную силу, которая дана мнѣ при моемъ зарожденіи?

— Совершенно справедливо, что мы не можемъ увеличить этой силы, — началъ уже серьезно возражать докторъ: — но человѣкъ можетъ уменьшить ее, и наша обязанность предостерегать его отъ этого и уклонять отъ него всякаго рода вредныя вліянія.

— Знаю я, какъ вы уклоняете: къ вамъ приходитъ чиновничекъ, получающій рублей пятнадцать въ мѣсяцъ жалованья, и вы ему говорите: «вамъ надобно жить въ сухихъ квартирахъ, употреблять здоровую, питательную пищу!», а у него едва хватаетъ денегъ пріютиться въ конурѣ какой-нибудь и питаться протухлой колбасой. «Но всего полезнѣе для васъ, — совѣтуете вы: — поѣзжайте въ теплый, благорастворенный климатъ!»

Докторъ при этомъ расхохотался самымъ веселымъ смѣхомъ, какъ бы услыхавъ величайшую нелѣпость.

— Кто жъ это говоритъ бѣднымъ чиновникамъ?.. Это обыкновенно говорятъ людямъ, у которыхъ средства на то есть; вотъ, напримѣръ, какъ врачу не сказать вамъ, что кухня и ваше питанье повредило вашему, по наружности, гигантскому здоровью, — проговорилъ онъ, показывая Бѣгушеву на два большіе прыща, которые онъ замѣтилъ на груди его изъ-подъ распахнувшейся рубашки.

— Вы думаете, что я безъ кухни и питанья могъ бы жить и существовать? — спросилъ тотъ.

— Питанье питанью рознь; позвольте васъ спросить: вы пьете вино?

— Пью и много!

— А сколько?

— Бутылки по три въ день краснаго вина.

Лицо доктора исполнилось удивленія.

— Теперь позвольте мнѣ разсчитать, — началъ онъ съ знаменательнымъ видомъ: — въ годъ, значитъ, вы выпиваете около тысячи бутылокъ; раздѣлите это число бутылокъ на ведра, и мы получимъ семьдесять ведеръ; это цѣлое море!

Въ глазахъ Бѣгушева отразилась досада.

— А вы не пьете ничего? — спросилъ онъ съ своей стороны доктора.

— Ничего почти не пью! — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, а мяса вы ѣдите и по скольку? — продолжалъ его допрашивать Бѣгушевъ.

— Мяса я ѣмъ фунта три въ день, — отвѣчалъ докторъ.

— Неправда: больше съѣдите, фунта четыре, а потому въ годъ вы проглотите около пятидесяти пудовъ; это почти два быка!

— О, то совсѣмъ другое дѣло! — воскликнулъ Перехватовъ.

— Совершенно одно и то же, и какъ вы не понимаете, что все, что поглощается нами въ теченіе времени, въ теченіе этого времени и растрачивается? Я убѣжденъ, что ваше остроумное исчисленіе пришло только сію минуту вамъ въ голову, такъ что вы не успѣли хорошенько обдумать, какъ оно неосновательно...

Всѣ эти слова Бѣгушевъ произнесъ почти строго—наставническимъ тономъ.

Перехватовъ не зналъ, сердиться ли ему на своего новаго паціента или внутренно смѣяться надъ нимъ, и, сочтя послѣднее за лучшее, не выразилъ даже въ лицѣ никакого неудовольствія.

— Чрезвычайно вы строги въ вашихъ приговорахъ, — проговорилъ онъ: — и, какъ видно, сильно не любите докторовъ.

— Настолько же, какъ и другихъ людей, хоть убѣжденъ, что докторская профессія есть самая лживая изъ всѣхъ человѣческихъ профессій!

— Мысль для меня совершенно новая, — сказалъ насмѣшливо докторъ.

— Мысль весьма простая, — не унимался Бѣгушевъ:—скажите, сколько разъ въ день вы солжете умышленно передъ вашими больными?

Если бы Перехватовъ видѣлъ Бѣгушева въ другой, болѣе бѣдной обстановкѣ, то, можетъ-быть, наконецъ обидѣлся бы

при такомъ вопросѣ; тутъ же опять успокоилъ себя тѣмъ, что на слова людей болѣющихъ и раздражительныхъ не стоитъ обращать вниманія.

— Очень много!—отвѣчалъ онъ откровенно:—но мы это дѣлаемъ для блага: ложь часто бываетъ во спасеніе!

— Согласенъ, что во спасеніе, только все-таки согласитесь, что каждый день лгать скучно!

— Да, скучно!—не оспаривалъ докторъ и поднялся съ креселъ, чтобы закончить свой визитъ.—А рецептикъ вамъ позвольте прописать!—присовокупилъ онъ.

— Противъ чего?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Противъ желчи!.. Очень ея у васъ много накопилось!.. Въ брюшной полости вашей, должно-быть, сильное раздраженіе!

— У меня тамъ адъ!

— Вотъ видите!.. — проговорилъ докторъ и прописалъ рецептъ: — угодно вамъ будетъ принимать или нѣтъ предлагаемое мною средство, это дѣло вашей воли, а я свой долгъ исполнилъ!.. Завтра прикажете васъ провѣдать?

— Пожалуйста!.. — произнесъ мрачно Бѣгушевъ.

Докторъ раскланялся съ нимъ и вышелъ. Въ слѣдующей комнатѣ къ нему обратилась Домна Осиповна.

— У Александра Иваныча, значитъ, ничего нѣтъ серьезнаго? — спросила она съ оттѣнкомъ нѣкотораго безпокойства.

Докторъ пожалъ плечами.

— И есть и нѣтъ!.. Мизантропія въ высшей степени. Вы, я думаю, слышали нашъ разговоръ: каждое слово его дышало ядомъ.

— Но въ этомъ ничего нѣтъ опаснаго?

— Опаснаго, конечно, нѣтъ; но ему самому, вѣроятно, очень тягостна жизнь.

Эти слова доктора нисколько не обезпокоили Домну Осиповну: она твердо была увѣрена, что вся мизантропія Бѣгушева (что такое собственно за болѣзнь мизантропія, Домна Осиповна хорошенько не понимала), вся его мизантропія произошла отъ того, что къ ней пріѣхалъ мужъ.

— Отъ этой болѣзни я надѣюсь вылѣчить его,—сказала она.

— Безъ сомнѣнія!..—воскликнулъ Перехватовъ:—женщины въ этомъ случаѣ гораздо полезнѣе докторовъ! Кто любитъ и любимъ, тотъ не можетъ скучать и хандрить!

Домна Осиповна нисколько не оскорбилась на такое откровенное замѣчаніе доктора, который, все еще находясь подъ вліяніемъ бесѣды съ Бѣгушевымъ и какъ бы не удержавшись, присовокупилъ:

— Какой однако чудакъ господинъ Бѣгушевъ: я лѣчу во

многихъ барскихъ и купеческихъ домахъ, но и тамъ даже между людьми самыми отсталыми не встрѣчалъ такихъ оригиналовъ по мысли.

— Оттого, что онъ умнѣе этихъ людей,—замѣтила Домна Осиповна.

— Конечно, оттого! — подтвердилъ докторъ, но врядъ ли втайнѣ думалъ это.

Въ передней Домна Осиповна, подавая ему на прощанье руку, вмѣстѣ съ тѣмъ передала и десятирублевую бумажку, цѣнность которой Перехватовъ очень точно опредѣлилъ по одному осязанію и мысленно остался не совсѣмъ доволенъ такой платой. «Хотя бы за массу ругательствъ на докторовъ, которую я отъ господина Бѣгушева выслушалъ, слѣдовало бы мнѣ заплатить пощедрѣе!» — подумалъ онъ.

— Баринъ скоро выздоровѣетъ? — спросилъ вдругъ какимъ-то дикимъ голосомъ Прокофій, тоже провожавшій доктора.

— Вѣроятно, скоро! — успокоилъ его тотъ.

Физіономія Прокофія просіяла.

Когда Домна Осиповна возвращалась къ Бѣгушеву, странная мысль мелькнула у нея въ головѣ: что какимъ образомъ она возвратитъ отъ него сейчасъ только отданную ею изъ собственныхъ денегъ десятирублевую бумажку. Бѣгушевъ, впрочемъ, самъ заговорилъ объ этомъ:

— Что же вы не взяли денегъ дать доктору?

— Я дала ему десять рублей, — отвѣчала Домна Осиповна.

— Мало это!.. Они нынче очень жадны! — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Совершенно довольно, а то вы его избалуете; онъ и съ насъ, грѣшныхъ, будетъ того же требовать.

Домна Осиповна не любила ни своихъ ни чужихъ денегъ тратить много.

— Въ такомъ случаѣ возьмите со стола сторублевую и расплачивайтесь съ нимъ, какъ знаете.

Домна Осиповна съ удовольствіемъ исполнила это приказаніе и, беря деньги, увидала рецептъ.

— Послать надо это? — спросила она.

— Да! — произнесъ не совсѣмъ охотно Бѣгушевъ.

Домна Осиповна немедля отправила Прокофія въ аптеку, а сама подошла къ кровати Бѣгушева и даже стала передъ нимъ на колѣни.

— Ты не сердишься теперь больше на меня? — говорила она нѣжнымъ голосомъ и, поймавъ руку Бѣгушева, начала ее цѣловать. — Ахъ, какъ я люблю тебя! — шептала она.

Бѣгушевъ тоже умилился душой.

— Дѣйствительно, — сказалъ онъ, — надобно, чтобы женщина меня очень любила: я сознаю теперь, какой я злой и пустой человѣкъ!

— Ты не злой, но очень ты уменъ! — замѣтила Домна Осиповна.

— Поглупѣй лучше бы было?

— Лучше! — отвѣчала Домна Осиповна. — А докторъ, скажи, какъ тебѣ понравился?

— Пролазъ, должно-быть, великій!

— Но собой, не правда ли, какъ онъ хорошъ?

— Красота придворнаго лакея, — опредѣлилъ Бѣгушевъ.

— Ахъ, да, это вѣрно! — подхватила Домна Осиповна.

Въ самомъ дѣлѣ докторъ напоминалъ ей нѣсколько придворнаго лакея, но, впрочемъ, она любила въ мужчинахъ подобную красоту.

Бѣгушевъ между тѣмъ сдѣлался опять серьезенъ.

— У меня просьба къ тебѣ: напиши отъ меня, подъ мою диктовку, письмо къ Тюменеву, — проговорилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ! — сказала Домна Осиповна и сѣла за письменный столъ.

Бѣгушевъ сталъ диктовать ей:

«Любезный другъ! Я боленъ и это письмо пишу къ тебѣ рукою Домны Осиповны. Пріѣзжай ко мнѣ на святкахъ погостить; мнѣ нужно поговорить и посовѣтоваться съ тобою объ очень серьезномъ для меня дѣлѣ». — «О какомъ это серьезномъ дѣлѣ?» — подумала Домна Осиповна, заканчивая письмо.

— А какія могутъ быть у васъ серьезныя дѣла съ Тюменевымъ? Можетъ-быть, какая-нибудь старая любовь, про которую онъ знаетъ? — спросила она Бѣгушева какъ бы шутя.

— Вовсе не любовь, а хочу съ нимъ посовѣтоваться о наслѣдствѣ послѣ себя, — объяснилъ Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ, не вѣрю, — продолжала Домна Осиповна въ томъ же шутливомъ тонѣ, а потомъ, когда она ѣхала отъ Бѣгушева въ его каретѣ домой, то опять довольно странная мысль промелькнула въ ея головѣ: «Что неужели же Бѣгушевъ, если онъ будетъ дѣлать духовную, то обойдетъ ее и не завѣщаетъ ей хоть этой, напримѣръ, кареты съ лошадьми!» Но мысль эту Домна Осиповна постаралась отогнать отъ себя.

— О, Господи, пусть онъ живетъ; онъ единственное сокровище мое, — прошептала она и нѣсколько даже разсердилась на себя, но что дѣлать: «гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!»

II.

Тюменевъ былъ человѣкъ, по наружности, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно сухой и черствый, «прямолинейный», какъ называлъ его обыкновенно Бѣгушевъ, и единственнымъ нѣжнымъ чувствомъ сего государственнаго сановника до послѣдняго времени можно было считать его дружбу къ Бѣгушеву, который могъ ему говорить всякія оскорбленія и причинять безпокойства; видаться и бесѣдовать съ Бѣгушевымъ было наслажденіемъ для Тюменева, и онъ, несмотря на свое большое самолюбіе, прямо высказывалъ, что считаетъ его рѣшительно умнѣе себя. Откуда проистекало все это, опредѣлить трудно; можетъ-быть, въ силу того, что сухія и завядшія растенія любятъ влагу и только въ ней оживаютъ. Получивъ письмо Бѣгушева, Тюменевъ, не дождавшись даже праздниковъ, поѣхалъ къ нему въ Москву. Онъ очень встревожился, увидавъ, до какой степени Бѣгушевъ пожелтѣлъ и похудѣлъ.

— Что такое съ тобой? — было первое его слово.

— Итогъ подводится: старѣюсь!.. — отвѣчалъ сначала уклончиво Бѣгушевъ, но потомъ вскорѣ же перешелъ къ тому, что послѣднее время, по преимуществу, занимало и мучило его. — Ничего не можетъ быть отвратительнѣе жизни старѣющихся людей, подобныхъ мнѣ! — началъ онъ.

Тюменевъ приподнялъ нѣсколько свои брови отъ удивленія.

Бесѣда эта между пріятелями, по обыкновенію, происходила въ диванной, куда перебрался Бѣгушевъ изъ спальни, хотя и былъ еще не совсѣмъ здоровъ.

— Я такой же старѣющійся человѣкъ и такой же холостякъ, какъ и ты, однако не чувствую этого, — возразилъ ему Тюменевъ, полагая, что Бѣгушевъ намекалъ на свою холостую, бездѣтную жизнь...

— Ты гораздо лучше меня!—полувоскликнулъ Бѣгушевъ:— ты имѣешь право не презирать себя, а я нѣтъ.

— Какъ презирать себя!.. Что за вздоръ такой!.. — тоже почти воскликнулъ Тюменевъ: — за что ты можешь презирать себя, и чѣмъ я лучше тебя?

— Всѣмъ: ты всю жизнь служилъ, и служилъ трудолюбиво; теперь ты занимаешь весьма важный постъ, въ массѣ дѣлъ, передѣланныхъ тобою, конечно, есть много пустяковъ, пожалуй, даже вреднаго; но есть и полезное... А что же я творилъ всю жизнь?—Ничего!..

— Ты мыслилъ, говорилъ; слова такое же дѣло, какъ и другое!

— Печатное, да!.. Можетъ-быть, и дѣло; но проболтанное

только языкомъ—ничего!.. Пыль... прахъ, разлетающійся въ пространствѣ и перестающій существовать, и, что̀ унизительнѣе всего, между нами, русскими, сотни такихъ болтуновъ, какъ я, которые никогда никакого настоящаго дѣла не дѣлали и только разговариваютъ и поучаютъ, забывая, что если бы слова Христа не записали. такъ и христіанства бы не существовало

— Но почему же ты знаешь?.. Можетъ-быть, кто-нибудь изъ слушателей и записалъ твои слова!.

— Ну да, какъ же!.. Какія великія истины я изрекалъ,— и хорошъ расчетъ: надѣяться, что другіе запишутъ!.. Нѣтъ!.. Попробуй-ка самъ написать на бумагѣ, что̀ за часъ только передъ тѣмъ съ величайшимъ успѣхомъ болталъ, и увидишь, что половина мыслей твоихъ или пошлость, или безсмыслица; сверхъ того и языкомъ говорилъ неправильнымъ и пустозвоннымъ!

— Постой однако! — возразилъ Тюменевъ: — въ парламентахъ устныя рѣчи многихъ ораторовъ записываются слово въ слово стенографами и представляютъ собой образецъ краснорѣчія и правильности!

— Тамъ другое дѣло! — перебилъ его съ досадой Бѣгушевъ:—тамошніе ораторы хоть и плуты большіе, но говорить и мыслить логически умѣютъ... кромѣ того, сама публика держитъ ихъ въ границахъ, какъ лошадь на уздѣ; если онъ въ сторону закинется, такъ ему сейчасъ закричатъ: «къ дѣлу!», а мы обыкновенно пребываемъ въ пустомъ пространствѣ: неси высокопарную чепуху о чемъ хочешь: о финансовомъ разстройствѣ, объ общинѣ, о православіи, а тутъ еще барынь разныхъ насажаютъ въ слушательницы... Тѣ ахаютъ, восхищаются и сами тоже говорятъ хорошія слова!

— Въ Петербургѣ этого меньше!—замѣтилъ Тюменевъ.

— Вѣроятно, потому, что Петербургъ умнѣй Москвы! — подхватилъ Бѣгушевъ.

— Ты думаешь?—спросилъ не безъ удовольствія Тюменевъ.

— Я всегда это думалъ!.. Одно чиновничество, котораго въ Петербургѣ такъ много и которое, конечно, составляетъ самое образованное сословіе въ Россіи... Литература петербургская, худа ли, хороша ли она, но довольно уже распространенная и разнообразная; все это даетъ ему перевѣсъ; а здѣсь что̀?.. Хорошаго маленькіе кусочки только, остальное же все Замоскворѣчье наголо, что̀ въ переводѣ значитъ: малосольная бѣлужина, принявшая на время форму людей.

— Малосольная бѣлужина, принявшая на время форму человѣка! — повторилъ, усмѣхаясь, Тюменевъ, готовый насла-

ждаться всякой фразой Бѣгушева: — меня, впрочемъ, очень заинтересовала твоя мысль о нашихъ дебатахъ, — говорилъ онъ далѣе:—мы дѣйствительно не умѣемъ диспутировать, наши частные разговоры отличаются болѣе отвлеченностью, чѣмъ знаніемъ и умомъ... Къ несчастью, это свойство перешло и на наши общественныя учрежденія: мнѣ случалось бывать на нѣкоторыхъ собраніяхъ, и какое столпотвореніе вавилонское я тамъ встрѣчалъ, повѣрить трудно!.. Точно всѣ говорятъ на разныхъ языкахъ, никто никого не хочетъ ни слушать ни понимать!

Тюменевъ, какъ человѣкъ порядка, давнымъ-давно терпѣть не могъ всѣ наши общественныя учрежденія.

Бѣгушевъ слушалъ его мрачно.

— Но мнѣ бы хотѣлось добраться до причины всего этого,— продолжалъ Тюменевъ:—нельзя же все объяснять переходнымъ временемъ, незрѣлостью нашею. Растемъ-растемъ и все вырасти не можемъ.

— Причинъ много... — сказалъ Бѣгушевъ: — прежде всего наше безтолковое образованіе: мы все знаемъ и ничего не знаемъ; потомъ непривычка къ правильному постоянному труду, отсутствіе собственной изобрѣтательности, вслѣдствіе того всюду и во всемъ слѣпое подражаніе, а главное, сытый желудокъ и громаднѣйшее самолюбіе; схвативши верхушки кой-какихъ знаній, мы считаемъ униженіемъ для собственнаго достоинства дѣлать какія-нибудь обыкновенныя вещи, которыя дѣлаютъ люди заурядные, и хотимъ создать восьмое чудо, но въ результатѣ явимъ, какъ я, напримѣръ, пятидесятилѣтнюю жизнь тунеядца.

— Пятьдесятъ лѣтъ не Богъ знаетъ какіе года; ты теперь можешь начать работать, если такъ ясно созналъ свою ошибку, и которая дѣйствительно была твоею ошибкой.

— Что ты говоришь: теперь... Работать можно начинать лишь въ молодости, когда человѣкъ вѣритъ въ себя и во многое, а я ужъ не вѣрю ничему!

Тюменевъ пожалъ плечами.

— По-моему, ты совершенно неправильно объясняешь самъ себя, — началъ онъ: — ты ничего осязательнаго не сдѣлалъ не по самолюбію своему, а потому, что идеалъ твой былъ всегда высокъ, и ты по натурѣ своей брезгливъ ко всякой пошлости. Наконецъ, чортъ возьми! — и при этомъ Тюменевъ какъ будто бы даже разгорячился: — неужели всякій человѣкъ непремѣнно обязанъ служить всему обществу? Достаточно, если онъ послужилъ въ жизни двумъ-тремъ личностямъ: ты вотъ женщинъ всегда очень глубоко любилъ, не какъ мы вѣтреники!

— Что же я этимъ женщинамъ какое добро и пользу сдѣлалъ?

— Ты имъ доставилъ нѣсколько такихъ счастливыхъ годовъ, какихъ онѣ, вѣроятно, не встрѣтили бы съ другими мужчинами!

Бѣгушевъ при этомъ злобно засмѣялся.

— Однако одна изъ нихъ отъ этихъ счастливыхъ годовъ ужъ умерла, — сказалъ онъ.

— Это ты вообразилъ, что она умерла оттого...

— Нѣтъ, не я; она мнѣ сама это сказала.

— Мало ли что человѣкъ говоритъ въ предсмертныя минуты, когда онъ, можетъ-быть, и сознаніе потерялъ!

— Нѣтъ, она это въ полномъ сознаніи говорила, и потомъ любить женщинъ? Что такое это за высокое качество? Конечно, всѣ люди, большіе и малые, и начиная съ идіота до генія первой величины, живутъ подъ вліяніемъ двухъ главнѣйшихъ инстинктовъ: это сохраненіе своей особы и сохраненіе своего рода,—изъ послѣдняго чувства и вытекаетъ любовь со всѣми ея поэтическими подробностями, но сохранить свой родъ—не все еще для человѣка: онъ обязанъ заботиться о цѣломъ обществѣ и даже будто бы о всемъ человѣчествѣ.

— Это слишкомъ большія требованія, и я опять повторяю, что чортъ возьми съ этими далекими вѣхами, до которыхъ, я думаю, никто еще не добѣгалъ!.. Скажи мнѣ лучше, что твоя Домна Осиповна? — заключилъ Тюменевъ.

Этимъ переходомъ разговора на Домну Осиповну онъ полагалъ доставить Бѣгушеву пріятный предметъ для разговора и тѣмъ отвлечь его отъ мрачныхъ мыслей.

— Мучится и страдаетъ тоже, благодаря моему характеру и недугамъ моимъ! — отвѣчалъ тотъ.

— Постой!.. Мнѣ кто-то говорилъ... да, Хмуринъ этотъ, что она сошлась съ мужемъ? — спросилъ неосторожно Тюменевъ.

Лицо Бѣгушева мгновенно и очень сильно омрачилось.

— Она сошлась только для виду! — проговорилъ онъ. — У мужа ея есть дѣдъ богатый, который написалъ имъ, что если они не сойдутся, то онъ лишитъ ихъ пяти милліоновъ наслѣдства! Они хоть и живутъ въ одномъ домѣ, но у него существуетъ другая женщина... Не сдѣлать этого они нашли очень нерасчетливымъ!

Когда говорилъ это Бѣгушевъ, то у него лицо пылало: видно, что ему совѣстно было произносить эти слова. Тюменевъ же нашелъ совершенно раціональнымъ такой поступокъ Олуховыхъ.

— Конечно, было бы нерасчетливо! — подтвердилъ онъ.

— Лѣтомъ, вѣроятно, я уѣду съ Домной Осиповной за границу, и уѣду надолго! — добавилъ Бѣгушевъ.

— Отлично сдѣлаешь! — одобрилъ его Тюменевъ: — а ты еще считаешь себя несчастнымъ человѣкомъ и за что-то чувствуешь презрѣніе къ себѣ!.. Сравни мое положеніе съ твоимъ... Меня ни одна молоденькая, хорошенькая женщина не любила искренно, каждый день я долженъ бывать на службѣ...

Послышался звонокъ.

Пріѣхала Домна Осиповна. Она, въ продолженіе всей болѣзни Бѣгушева, пріѣзжала къ нему обѣдать и оставалась затѣмъ у него на весь день. Утро обыкновенно Домна Осиповна проводила, тщательно скрывая это отъ Бѣгушева, въ бесѣдѣ со своимъ мужемъ, разспрашивая того о всѣхъ дѣлахъ его, даже объ его возлюбленной, и по поводу взбалмошнаго характера послѣдней давала ему разные благоразумные совѣты... О своихъ же отношеніяхъ къ Бѣгушеву она хоть и сказала тому, что будто бы прямо объявила мужу, что любитъ его, но въ сущности Домна Осиповна только намекнула, что въ настоящее время она, можетъ-быть, въ состояніи будетъ полюбить одного человѣка; словомъ, отношеніямъ этимъ старалась придать въ глазахъ Олухова характеръ нерѣшенности еще...

Встрѣтивъ у Бѣгушева Тюменева, Домна Осиповна очень ему обрадовалась, предчувствуя, какъ оживительно бесѣды съ другомъ подѣйствуютъ на больного.

— Вотъ это очень хорошо, что вы пріѣхали къ намъ въ Москву! — сказала она, дружески и крѣпко пожимая руку Тюменеву.

— А съ вашей стороны очень нехорошо, что вы допустили Александра Ивановича такъ расхвораться — отвѣчалъ ей тотъ.

Домна Осиповна замѣтно сконфузилась; она подумала, что Бѣгушевъ разсказалъ Тюменеву о главной причинѣ своей болѣзни.

— Что дѣлать!.. Не въ моей то волѣ... — сказала она неопредѣленно и потупляя глаза.

— Она одна и спасла меня!.. — подхватилъ Бѣгушевъ, желая снять всякое подозрѣніе съ Домны Осиповны въ своей болѣзни, и при этомъ опять покраснѣлъ, смутно сознавая, что онъ сказалъ неправду.

— Кушанье готово!.. — возвѣстилъ явившійся Прокофій во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, напомаженный, завитой и, видимо, хотѣвшій торжествовать выздоровленіе барина.

Пошли въ столовую. Въ концѣ обѣда Домна Осиповна отнеслась къ Бѣгушеву:

— Меня все графъ Хвостиковъ умоляетъ, чтобы я позволила ему пріѣхать и навѣстить тебя!

Домна Осиповна уже не стѣсняясь говорила Бѣгушеву при Тюменевѣ «ты».

— Пусть его пріѣзжаетъ; кто ему мѣшаетъ! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Кромѣ того, madame Мѣрова желаетъ у тебя быть, а можетъ-быть, даже и Янсутскій, — присовокупила Домна Осиповна.

Послѣднему она хотѣла, за его услугу по хмуринскимъ акціямъ, отплатить такой же услугой, т.-е. дать ему возможность встрѣтиться съ Тюменевымъ, чѣмъ тотъ, какъ она предполагала, очень дорожилъ.

— О, madame Мѣрову и я прошу принять! — воскликнулъ Тюменевъ.

— Я знала, что вамъ это пріятно будетъ!.. — подхватила съ удареніемъ Домна Осиповна.

По своей житейской опытности она сразу же на обѣдѣ у Янсутскаго замѣтила, что madame Мѣрова произвела пріятное впечатлѣніе на Тюменева.

Когда встали изъ-за стола, Домна Осиповна собралась уѣхать.

— Куда вы? — спросилъ ее Бѣгушевъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Мнѣ мужа надобно проводить: онъ уѣзжаетъ въ Сибирь, къ дѣду! — объяснила она.

— Уѣзжаетъ? — спросилъ удивленнымъ тономъ Бѣгушевъ, и между тѣмъ удовольствіе замѣтно выразилось на его лицѣ.

— Да!

— И надолго?

— Конечно, надолго!.. Я сегодня же и извѣщу всѣхъ этихъ господъ, что они могутъ къ тебѣ пріѣхать?

— Извѣсти,—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Непремѣнно сегодня!.. — подхватилъ Тюменевъ.

Домна Осиповна лукаво посмотрѣла на него.

— Для васъ собственно я приглашу одну только madame Мѣрову, — сказала она ему.

— Почему же одну madame Мѣрову?

— Потому, что я знаю почему!..

— Но однако мнѣ начинаютъ становиться очень любопытны ваши слова.

— Любопытство смертный грѣхъ!

— Я готовъ даже итти на смертный грѣхъ ради того, чтобы вы разъяснили ваши намеки!

Тюменеву пришло въ голову, что не открылась ли madame Мѣрова Домнѣ Осиповнѣ въ томъ, что онъ очень ей понравился!

— Никогда я вамъ не разъясню этихъ намековъ! — объяснила Домна Осиповна. Затѣмъ она сказала Бѣгушеву, протягивая ему руку:—прощай!

— А сама пріѣдешь ужо? — спросилъ тотъ, цѣлуя ея руку.

— Непремѣнно!.. ранешенько! — отвѣчала Домна Осиповна и, кивнувъ привѣтливо головой Тюменеву, ушла.

Всю эту сцену она вела весело и не безъ кокетства, желая нѣсколько поконкурировать съ madame Мѣровой въ глазахъ Тюменева, чего отчасти и достигнула, потому что, какъ только Домна Осиповна уѣхала, онъ не удержался и сказалъ Бѣгушеву:

— Домна Осиповна сегодня прелестна!. Гораздо лучше, чѣмъ была на обѣдѣ у Янсутскаго, гдѣ она, въ чемъ тебѣ я признаюсь теперь, была не того...

— Очень даже не того! — согласился Бѣгушевъ.

— Но вотъ еще маленькій вопросъ относительно madame Мѣровой, — продолжалъ Тюменевъ: — она до сихъ поръ еще en liaison съ Янсутскимъ?

— Кажется!

— Что ей за охота любить такую дрянь?.. И я не думаю, чтобы она хранила ему вѣрность?

— Не вѣдаю того: духовникомъ ея не былъ!

Тюменевъ въ это время зѣвнулъ во весь свой ротъ.

— Ты, можетъ-быть, уснуть хочешь, усталъ съ дороги? — спросилъ его Бѣгушевъ

— Желалъ бы: я не спалъ всю ночь, и кромѣ того послѣ твоихъ затѣйливыхъ обѣдовъ всегда едва дышишь!..

— Ступай, тебѣ все тамъ готово!

— Знаю! — проговорилъ Тюменевъ и, зѣвнувъ еще разъ, ушелъ къ себѣ въ комнату.

Бѣгушевъ, оставшись одинъ, прикурнулъ тоже на диванѣ къ подушкѣ головой и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ. Его очень успокоили и обрадовали слова Домны Осиповны, что Олуховъ уѣзжаетъ надолго въ Сибирь. Странное дѣло: Бѣгушевъ, не сознаваясь даже самому себѣ, ревновалъ Домну Осиповну къ мужу, хотя не имѣлъ къ тому никакихъ данныхъ!

III.

Часовъ въ восемь вечера Бѣгушевъ и Тюменевъ снова сидѣли въ диванной.

— Я хочу посовѣтоваться съ тобой о наслѣдствѣ послѣ меня,—говорилъ Бѣгушевъ:—состояніе мое не огромное, но совершенно ясное и не запутанное. Оно двухъ свойствъ: родовое и благопріобрѣтенное... Родовое я желаю, чтобы шло въ родъ и первоначально, разумѣется, бездѣтной сестрѣ моей Аделаидѣ Ивановнѣ, а изъ благопріобрѣтеннаго надо обезпечить Прокофія съ семьей, дать по небольшой суммѣ молодымъ лакеямъ

и тысячи три повару; онъ хоть и воровалъ, но довольно еще умѣренно... Остальныя всѣ деньги Домнѣ Осиповнѣ...

— Велика сумма?—спросилъ Тюменевъ.

— Тысячъ около ста.

Домна Осиповна, значитъ, напрасно думала, что Бѣгушевъ можетъ забыть ее въ своей духовной, и какъ бы радостно забилось ея сердце, если бы она слышала эти слова его, и какъ бы оцѣнила ихъ.

— Домъ этотъ,—продолжалъ Бѣгушевъ:—который ты всегда любилъ, я, со всею мебелью, картинами, библіотекою, желаю оставить тебѣ.

— Зачѣмъ онъ мнѣ, милый мой! — возразилъ Тюменевъ, даже весь вспыхнувшій при послѣднихъ словахъ пріятеля.

— Можетъ-быть, когда-нибудь и поживешь въ немъ: какъ ни высоко твое служебное положеніе, но и Суворовъ жилъ въ деревнѣ.

— Наконецъ этого сдѣлать нельзя! Домъ твой, я знаю, родовой; а потому вмѣстѣ съ родовымъ и долженъ итти... — продолжалъ возражать Тюменевъ.

— Испроси высочайшее повелѣніе... Я просьбу готовъ написать объ этомъ государю!..—стоялъ на своемъ Бѣгушевъ.

Тюменевъ пожалъ плечами.

— Странный ты человѣкъ, Александръ Ивановичъ, отъ маленькой и ничтожной болѣзни вообразилъ, что можешь умереть и что долженъ спѣшить дѣлать духовную, — проговорилъ онъ.

О тайномъ намѣреніи Бѣгушева закрѣпить за Домной Осиповной этой духовною часть своего состоянія—Тюменевъ не догадывался.

— Ничего я не вообразилъ, — сказалъ тотъ съ досадой: — а хочу, если я въ жизни не сдѣлалъ ничего путнаго, такъ, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти еще чего-нибудь не наглупить, и тебя, какъ великаго юриста, прошу написать мнѣ духовную на строгихъ законныхъ основаніяхъ.

— Это изволь, я напишу, но насчетъ дома, пожалуйста, отмѣни твое желаніе завѣщать его мнѣ,—произнесъ Тюменевъ съ кислой гримасой.

Желаніе это въ самомъ дѣлѣ было очень ему непріятно: по своему замѣчательному безкорыстію, Тюменевъ былъ извѣстенъ всему Петербургу; онъ даже наградъ денежныхъ никогда отъ правительства не бралъ.

— Ни за что не отмѣню, ни за что!—отрѣзалъ Бѣгушевъ.

Вскорѣ пріѣхала Домна Осиповна, очень веселая и весьма къ лицу одѣтая.

— Проводила мужа?—спросилъ ее Бѣгушевъ.

— Проводила!

— Плакала?

— Очень много!.. Изошла вся слезами!.. Madame Мѣрова будетъ непремѣнно!.. Сама вышла къ моей посланной и сказала ей это!..—отнеслась Домна Осиповна къ Тюменеву.

— Заранѣе восхищаюсь, что увижу ее!.. — произнесъ онъ съ улыбкой.

— Конечно, восхищаетесь!.. Что тутъ притворяться!..

Слѣдующій гость былъ докторъ. Онъ постоянно въ этотъ часъ пріѣзжалъ къ Бѣгушеву и на этотъ разъ замѣтно былъ чѣмъ-то сконфуженъ, не въ обычномъ своемъ спокойномъ расположеніи духа. Разспросивъ Бѣгушева о состояніи его здоровья и убѣдившись, что все идетъ къ лучшему, докторъ сѣлъ и какъ-то разсѣянно задумался.

Домна Осиповна первая это замѣтила.

— Что вы такой грустный сегодня? — обратилась она къ нему.

— Рѣшительно ничего. На практикѣ усталъ! — поспѣшилъ онъ ей отвѣтить и потомъ, какъ бы не утерпѣвъ, вслѣдъ же затѣмъ продолжалъ:—Москва—это удивительная сплетница: поутру я навѣщалъ одного моего больного биржевика, который съ ужасомъ мнѣ разсказалъ, что на биржѣ распространилась паника, можетъ-быть, совершенно ложная, а онъ между тѣмъ на волосъ отъ удара... Вотъ и лѣчи этихъ биржевиковъ!..

— Какая же паника и отчего? — спросила Домна Осиповна.

— Говорятъ... конечно, всего вѣроятнѣе, что это враки... что какой-то Хмуринъ обанкротился, а вмѣстѣ съ нимъ и банкъ «Безкорыстная дѣятельность», который ему кредитовалъ.

Говоря это, докторъ скрылъ, что онъ очень хорошо зналъ, кто именно этотъ Хмуринъ, и даже мечталъ въ свободное время по ночамъ, когда не спалось, что какъ бы ему пробраться лѣчить къ Хмурину.

— Это банкротство весьма вѣроятное: въ Петербургѣ давно ходили объ этомъ слухи,—подтвердилъ Тюменевъ.

— Не думаю, чтобъ это была правда!—настаивалъ докторъ, какъ бы стараясь насильственно отклонить отъ себя подобную мысль: у него у самого были скоплены восемь тысячъ и положены въ банкъ «Безкорыстная дѣятельность».

— Я всегда очень радъ этого рода крахамъ, — произнесъ Бѣгушевъ: — потому что тутъ всегда наказывается какой-нибудь аферистъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько дураковъ корыстолюбивыхъ.

— Вкладчиковъ, вы хотите сказать?.. Отчего жъ они корыстолюбивые?—спросилъ докторъ.

— Оттого, что суютъ свои деньги разнымъ банкамъ и торговымъ конторамъ для большого процента.

— Но что же тогда прикажете съ деньгами дѣлать? — воскликнулъ докторъ.

— Устраивайте на нихъ сами что-нибудь.

— А если человѣку, по другимъ его обязанностямъ, некогда что-либо предпринимать?

— Тогда пользуйтесь маленькимъ, казеннымъ процентомъ.

— Это совершенно все вѣрно и справедливо, что говоритъ Александръ Ивановичъ, — подхватила Домна Осиповна:—но скажите, акціи Хмурина, вѣроятно, упадутъ?—обратилась она къ доктору.

— Онѣ ужъ и упали съ двухсотъ рублей на пятьдесятъ,— отвѣчалъ докторъ съ горькой усмѣшкой.

Домна Осиповна самодовольно улыбнулась.

«Какая же я умница, что продала эти акціи!»—подумала она про себя.

— На биржѣ даже не могутъ понять, какимъ образомъ Хмуринъ могъ обанкротиться!..—говорилъ докторъ.

— Очень понятно это!.. — вмѣшался опять въ разговоръ Тюменевъ:—онъ бралъ предпріятіе за предпріятіемъ, одно не успѣетъ еще кончить, берется за другое, чтобы и тамъ успѣть захватить деньги; надобно же было этому кончиться когда-нибудь!

— Но по общей молвѣ Хмуринъ, извините вы меня, никогда не былъ такимъ,—возразилъ довольно рѣзко докторъ.

Онъ не зналъ собственно. кто такой былъ Тюменевъ. Бѣгушевъ, знакомя ихъ, назвалъ только фамиліи, а не пояснилъ званія того и другого.

— Напротивъ, онъ никогда инымъ не былъ,—продолжалъ Тюменевъ:—мнѣ самому весьма часто приходилось обсуждать въ совѣтѣ самыя нелѣпыя, кривыя и назойливыя его ходатайства.

Тутъ Перехватовъ понялъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, и мгновенно исполнился уваженія къ Тюменеву.

Въ это время въ диванную впорхнула madame Мѣрова.

— Я непремѣнно хотѣла быть у васъ, — заговорила она своимъ дѣтскимъ голосомъ и крѣпко пожимая и потрясая своей маленькой ручкой могучую руку Бѣгушева.—Папа тоже непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною; но сегодня съ утра еще куда-то ушелъ и до сихъ поръ нѣтъ. Я думаю, Богъ съ нимъ, и поѣхала одна.

— Благодарю васъ за участіе,—говорилъ ей Бѣгушевъ.

Мѣрова, повернувшись, увидала Тюменева и почти вскрикнула отъ удивленія.

— Вы никакъ, вѣроятно, не ожидали встрѣтить меня?— проговорилъ тотъ, протягивая ей съ замѣтною радостью руку.

— Никакъ!—отвѣчала она, пожимая его руку.

Съ Домной Осиповной Мѣрова дружески поцѣловалась.

Всѣ усѣлись. Прокофій внесъ на серебряномъ подносѣ въ старинномъ сервизѣ чай. Печенья отъ Бартольса было наложено масса. Принялись пить чай, но бесѣда была очень вяла, такъ что Домна Осиповна не удержалась и спросила:

— А что, мы сегодня въ карты будемъ играть?

Съ тѣхъ поръ какъ Бѣгушевъ сталъ поправляться, у него каждый вечеръ устраивались карты. Играли онъ самъ, докторъ и Домна Осиповна. Послѣдняя находила, что больного это очень развлекало, развлекало также и ее, а отчасти и доктора. Они обыкновенно всякій разъ обыгрывали Бѣгушева рублей на 20, на 30.

— А вы будете тоже играть?—прибавила она Тюменеву, вспомнивъ объ немъ.

— Я не играю,—отвѣтилъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ и мы не будемъ играть!—проговорила Домна Осиповна, взглянувъ на Бѣгушева.

— Нѣтъ, отчего же, играйте!.. Пожалуйста, играйте!—упрашивалъ Тюменевъ.—Я даму буду имѣть: вы, конечно, тоже не станете играть?—отнесся онъ къ Мѣровой.

— Да, я не играю!—отвѣтила та.

— Въ такомъ случаѣ я буду занимать васъ и буду вашимъ cavalier servant.

— Будьте!

— Вы позволите мнѣ вашу руку?

Мѣрова подала ему руку и почувствовала, что рука самого Тюменева слегка дрожала; все это начало ее немножко удивлять.

— Вы незнакомы съ убранствомъ дома Александра Ивановича?—продолжалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Угодно вамъ взглянуть?.. Оно замѣчательно по своему вкусу.

— Хорошо!—согласилась Мѣрова.

Они пошли въ залу.

— Тюменевъ, я васъ понимаю!..—крикнула имъ вслѣдъ Домна Осиповна, усаживаясь съ Бѣгушевымъ и докторомъ за карточный столъ.

Тюменевъ на этотъ разъ ничего ей не отвѣтилъ и только усмѣхнулся.

— Въ чемъ Домна Осиповна понимаетъ васъ?—спросила его Мѣрова.

— О, она цѣлый день надо мной подтруниваетъ и, можетъ-быть, права въ этомъ случаѣ!—произнесъ Тюменевъ съ сентиментально-горькой усмѣшкой.

Въ это время они проходили уже гостиную.

— Посмотрите: это настоящій Калямъ!—говорилъ Тюменевъ, показывая на одну изъ картинъ и, видимо, желая привести свою даму въ нѣсколько поэтическое настроеніе.

— Калямъ?—повторила равнодушно Мѣрова.

— Да!..—протянулъ Тюменевъ и довольно сильно пожалъ локтемъ ея руку.

Мѣрова поспѣшила освободить отъ него свою руку.

— А эта женская головка,—продолжалъ, не унывая, Тюменевъ и показывая на другую картину:—сколько въ ней нѣги, граціи... Какъ, вѣроятно, былъ счастливъ тотъ, кто имѣлъ право цѣловать эту головку.

— А можетъ-быть, ея никто и не цѣловалъ!—возразила Мѣрова.

— Нѣтъ, непремѣнно цѣловалъ!—воскликнулъ Тюменевъ.— Я неисправимый поклонникъ женской красоты,—присовокупилъ онъ, и что-то въ родѣ вздоха вылетѣло изъ его груди.

— Вы?—переспросила его Мѣрова.

— Я!.. И убѣжденъ, что человѣкъ, который имѣлъ бы право васъ цѣловать, о! онъ былъ бы счастливъ безконечно.

Тюменевъ, какъ мы видимъ, не совсѣмъ искусно и тонко любезничалъ и съ Домной Осиповной и съ Мѣровой; привычки не имѣлъ на то: все некогда было, служба!

— Не полагаю, чтобы былъ счастливъ!—возразила Мѣрова.

Въ маленькой гостиной они усѣлись рядомъ на диванѣ.

— Знаете что,—началъ Тюменевъ, окончательно развернувшійся:—въ молодости я ужасно былъ влюбленъ въ одну женщину!.. (Никогда онъ во всю жизнь свою не былъ очень влюбленъ). Эта женщина, — продолжалъ онъ, дѣлая сладкіе глазки и устремляя ихъ на Мѣрову:—какъ двѣ капли воды походила на васъ.

— На меня!.. Но что же изъ этого?—спросила она.

— То, что вы поэтому мой идеалъ! — больше какъ бы прошепталъ Тюменевъ.

— Вотъ какъ!.. Это очень лестно! — проговорила Мѣрова негромко.

— Лестно, но и только?—спросилъ Тюменевъ.

— Чего же вамъ еще?—отвѣчала Мѣрова.

— Маленькаго участія, маленькаго сожалѣнія!—говорилъ Тюменевъ нѣжнымъ голосомъ.

Сильно можно подозрѣвать, что надъ всѣмъ этимъ объясне-

ніемъ Мѣрова въ душѣ смѣялась; но, по наружности, была совершенно серьезна.

— Фи!.. сожалѣнія..—произнесла она съ маленькой гримасой.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ чувство ваше,—шепталъ Тюменевъ.

— Если оно будетъ!—отвѣчала Мѣрова, пожимая своими плечиками.

Послышался звонокъ; Прокофій поспѣшилъ отворить дверь. Мѣрова прислушалась, кто именно пріѣхалъ.

— Это, должно-быть, Петръ Евстигнеевичъ,—проговорила она и, проворно вставъ съ дивана, пошла къ играющимъ въ карты.

Мѣрова по опыту знала, что если бы ея Петръ Евстигнеевичъ увидѣлъ, что она вдали отъ прочаго общества сидитъ вдвоемъ съ мужчиной, такъ не поблагодарилъ бы ея; разрѣшая себѣ всевозможныя шалости, онъ не позволялъ ей малѣйшаго кокетства съ кѣмъ бы то ни было.

Опѣшенный такимъ быстрымъ уходомъ, Тюменевъ тоже послѣдовалъ за ней.

Пріѣхалъ дѣйствительно Янсутскій, а вмѣстѣ съ нимъ и графъ Хвостиковъ.

Всѣ замѣтили, что на обоихъ лица не было, особенно на Янсутскомъ, который позеленѣлъ даже.

— Извините, Александръ Ивановичъ,—началъ онъ:—я нѣсколько опоздалъ, дѣла меня задержали, но я все-таки непремѣнно желалъ навѣстить васъ, а потомъ вотъ и за ней заѣхалъ!

На послѣднихъ словахъ Янсутскій указалъ головой на Мѣрову, которая смотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принялась глазами отыскивать свою шляпку.

Тюменеву Янсутскій сначала было-издали поклонился; но тотъ на этотъ разъ самъ протянулъ ему руку. Янсутскій объяснилъ эту благосклонность Тюменева тѣмъ, что онъ покормилъ его обѣдомъ.

Докторъ, бывшій тоже домашнимъ врачомъ Янсутскаго, не выдержалъ и спросилъ его:

— Правда, что Хмуринъ обанкрутился?

— Совершенная правда!..—отвѣчалъ Янсутскій: — мы сейчасъ отъ него.

— Что же онъ говоритъ?.. Какъ самъ объясняетъ свое банкротство?—разспрашивалъ докторъ.

— Какъ онъ объясняетъ? Добьешься толку отъ этого ку-

лака и мошенника!.. — бранился Янсутскій. — По-его все отъ Бога произошло: «Богъ, говоритъ, далъ, Богъ и взялъ!»... А у васъ его акціи еще на рукахъ? — спросилъ онъ Домну Осиповну.

— Ни одной нѣтъ: я тогда же ихъ отправила къ мужу въ Петербургъ, а онъ ихъ тамъ продалъ!—мгновенно придумала та и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала аккуратнѣйшій счетъ своему выигрышу, такъ какъ пулька кончилась.

— Счастливица!—произнесъ Янсутскій.

— А васъ Хмуринъ зацѣпилъ немножко? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Не немножко!.. Напротивъ, очень множко... Россія—это такая подлая страна, что... — Янсутскій, не докончивъ своей мысли, обернулся къ Мѣровой: — Если вы хотите, такъ поѣдемте!

— Да, я поѣду! — отвѣчала та, надѣвая шляпку, которую уже держала въ рукахъ.

Несмотря на свою непрактичность, Мѣрова однако поняла, что съ Янсутскимъ что-то такое очень нехорошее случилось.

— Вамъ лучше въ Петербургъ ѣхать... Тамъ главныя операціи Хмурина... Очень можетъ быть, что онъ фальшивый банкротъ!—посовѣтовалъ Тюменевъ Янсутскому.

— Это даже навѣрное можно сказать!—подхватилъ тотъ съ окончательно искаженнымъ лицомъ. — Я на-дняхъ же переѣзжаю совсѣмъ туда!

— А вы?—обратился Тюменевъ къ Мѣровой.

— Не знаю!—отвѣчала она.

— Конечно, переѣдетъ! Нельзя при такомъ положеніи дѣлъ жить на двухъ квартирахъ,—объяснилъ откровенно Янсутскій и черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Мѣровой.

Вслѣдъ за нимъ поднялся и докторъ, получившій, по обыкновенію, отъ Домны Осиповны десять рублей за визитъ, каковой платой онъ остался болѣе чѣмъ когда-либо недоволенъ.

— Тамъ банки лопаются, въ которыхъ теряешь послѣднее, а они платятъ все по десяти рублей! — проговорилъ онъ, садясь въ карету и съ досадою засовывая бумажку въ карманъ.

Остатокъ вечера у Бѣгушева провели въ разговорахъ о Хмуринѣ.

— Его крахъ васъ тоже, кажется, поразилъ? — спросилъ Тюменевъ графа Хвостикова.

— Очень!.. Я съ нимъ большія дѣла имѣлъ! — отвѣчалъ тотъ, хотя въ сущности онъ никакихъ съ Хмуринымъ дѣлъ не имѣлъ, а получалъ отъ него иногда небольшія порученія, за которыя и попадало ему рублей пятьдесятъ-сто.

Графъ Хвостиковъ сидѣлъ послѣ того около часа. Онъ все дожидался, не оставятъ ли его ужинать, но Бѣгушевъ не оставилъ, и графъ, дѣлать нечего, невесело простился и невесело побрелъ пѣшкомъ на свою скудную квартиру.

По уходѣ его Домна Осиповна тоже начала собираться и сказала Бѣгушеву, что она забыла въ его кабинетѣ одну вещь. Бѣгушевъ понялъ ее и провелъ въ свой кабинетъ. Тамъ Домна Осиповна объявила ему, что ей цѣлый вечеръ хотѣлось поцѣловать его, что̀ она и намѣрена исполнить, и дѣйствительно исполнила, начавъ цѣловать Бѣгушева въ губы, щеки, глаза, лобъ. Онъ никогда почти не видалъ ея такою страстною.

Домна Осиповна очень счастлива была, во-первыхъ, тѣмъ, что мужъ уѣхалъ, а потомъ оттого, что она не попалась на хмуринскихъ акціяхъ.

IV.

Бѣгушевъ хоть и выздоровѣлъ совершенно, но сдѣлался окончательно мраченъ и угрюмъ характеромъ: не говоря уже о постоянно и тайно питаемомъ презрѣніи къ самому себѣ, онъ сталъ къ другимъ людямъ еще болѣе подозрителенъ. Домна Осиповна въ этомъ случаѣ тоже не избѣгнула его взгляда, или, лучше сказать, этотъ взглядъ Бѣгушевъ по преимуществу устремилъ на нее. Разъ они ѣхали вмѣстѣ въ городъ. Проѣзжая мимо Иверской, Бѣгушевъ сказалъ Домнѣ Осиповнѣ:

— Заѣдемте помолиться!

— Что̀ за пустяки? — возразила она, будучи вполнѣ убѣждена, что Бѣгушевъ совершеннѣйшій богоотступникъ.

Тотъ посмотрѣлъ на нее сурово, и вечеромъ когда Домна Осиповна пріѣхала къ нему, онъ ее спросилъ, почему она не хотѣла заѣхать помолиться.

— А развѣ ты желалъ этого?

— Желалъ.

— Для чего?

— Для того, что слезъ и горя тамъ излито много, много горячихъ молитвъ вознесено къ Богу. Въ такихъ мѣстахъ мнѣ представляется, что самый воздухъ пропитанъ святыней и благочестіемъ.

Домна Осиповна ничего не поняла изъ этихъ словъ Бѣгушева.

— А въ церковь вы иногда ходите?—вывѣдывалъ онъ ее.

Домна Осиповна замѣтила это и сдѣлалась осторожнѣе въ отвѣтахъ.

— Конечно, хожу! — отвѣчала она.

— Почему же вы церковь предпочитаете часовнѣ?

— Ахъ, Боже мой, въ церкви насъ вѣнчаютъ, причащаютъ, крестятъ, отпѣваютъ...

Изъ такого мнѣнія Домны Осиповны Бѣгушевъ заключилъ, что настоящаго религіознаго чувства въ ней совсѣмъ не было, и что она, не отдавая себѣ отчета, признавала религію только съ формальной и утилитарной стороны, а это, по его мнѣнію, было хуже даже, чѣмъ безвѣріе нигилистовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, вѣруютъ въ самый принципъ безвѣрія. Самъ Бѣгушевъ, не признавая большой разницы въ религіяхъ, въ сущности былъ пантеистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Бога живого, вездѣсущаго и даже въ громахъ и славѣ царствующаго любилъ, вѣрить. Представленіе это онъ вынесъ еще изъ дѣтства: Бѣгушевъ выросъ и воспитывался въ благочестивомъ и нравственномъ семействѣ.

— А когда умирать придется, тутъ какъ? — вздумалъ онъ попугать Домну Осиповну.

— Умру, какъ и другіе умираютъ, — отвѣчала она, даже разсмѣявшись.

— А страхъ, что̀ будетъ тамъ, «въ безвѣстной сторонѣ, откуда нѣтъ возврата, нѣтъ пришельцевъ»?..—прочиталъ ей Бѣгушевъ тираду изъ «Гамлета».

— Я никогда не думаю, что̀ будетъ тамъ, — объяснила съ своей стороны Домна Осиповна:—скорѣе всего, что ничего! Я желаю одного: чтобы меня въ жизни любили тѣ люди, которыхъ я люблю, и уважали бы въ обществѣ.

«Идеалъ не высоконькій!» — сказалъ самъ себѣ Бѣгушевъ и въ то же время рѣшилъ въ своихъ мысляхъ, что у Домны Осиповны ни на копейку не было фантазіи, и что она, по теоріи Бенеке, могла итти только до той черты, до которой способенъ достигать умъ, а что̀ за этой линіей было, для нея ничего не существовало.

Невдолгѣ послѣ этого разговора Домна Осиповна привезла Бѣгушеву довольно странную новость.

— Ты слышалъ, — начала она, едва успѣвъ усѣсться: — Янсутскій бросилъ Мѣрову.

Бѣгушевъ первоначально выслушалъ это извѣстіе весьма равнодушно.

— Откуда ты это знаешь?—спросилъ онъ.

— Графъ Хвостиковъ пріѣзжалъ ко мнѣ... Онъ въ отчаяніи и разсказываетъ про Янсутскаго такія вещи, что повѣрить трудно: конечно, Янсутскій потерялъ много состоянія въ дѣлахъ у Хмурина, но не разорился же совершенно, а между

тѣмъ онъ до такой степени сталъ мало выдавать Лизѣ денегъ, что у нея какихъ-нибудь шести цѣлковыхъ не было, чтобы купить себѣ ботинки... Кормилъ ее Богъ знаетъ какой дрянью... Она не выдержала наконецъ, переѣхала отъ него и будетъ существовать въ номерахъ...

— Подѣломъ! Не торгуй собой... — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Она не торговала собой!.. Янсутскаго Лиза любила, это я навѣрное знаю!..—возразила Домна Осиповна.

Бѣгушевъ молчалъ: ему казалось невозможнымъ, чтобы какая-нибудь женщина могла любить Янсутскаго.

— Но тутъ интереснѣе всего то,—продолжала Домна Осиповна. — Графъ Хвостиковъ мнѣ по секрету сказалъ, что Лизѣ теперь очень покровительствуетъ Тюменевъ.

Бѣгушевъ встрепенулся.

— Какъ Тюменевъ? — воскликнулъ онъ. — Съ какой стати ему покровительствовать ей и въ какомъ отношеніи?

— Деньгами, конечно, ей помогаетъ!

— Но у него ихъ вовсе не такъ много, чтобы онъ могъ поддерживать постороннюю ему женщину!

— Можетъ-быть, она ужъ не совсѣмъ посторонняя ему женщина! Онъ давно влюбленъ въ нее: съ первой же встрѣчи на обѣдѣ у Янсутскаго.

— Что вы такое говорите! Тюменевъ влюбленъ...

— По крайней мѣрѣ, онъ здѣсь, въ вашемъ домѣ, въ маленькой гостиной, объяснялся Лизѣ въ любви. Она передъ отъѣздомъ въ Петербургъ разсказала мнѣ это.

Бѣгушевъ былъ окончательно сбитъ съ толку.

— Что жъ, и она отвѣтила на его чувство?—спросилъ онъ.

— О, тогда, конечно, нѣтъ! Но теперь—вѣроятно! Разумѣется, не въ смыслѣ любви: кто же этого безобразнаго и сладчаваго старика полюбитъ?.. А уступила его исканіямъ потому, что...

— Но неужели же она такая вѣтреная и пустая? — перебилъ Домну Осиповну Бѣгушевъ.

— Отчасти и вѣтрена!.. Собственно говоря, я, при всей пустотѣ Лизы, очень ее люблю и чрезвычайно буду рада, если все это такъ устроится, какъ я предполагаю!..

— А какъ вы предполагаете, что это устроится? — спросилъ Бѣгушевъ; въ его голосѣ слышалась иронія.

— А такъ, — отвѣчала Домна Осиповна: — Тюменевъ, конечно, не такой эгоистъ и не съ такимъ дурнымъ характеромъ, какъ Янсутскій; по всему вѣроятію, онъ привяжется къ Лизѣ, обезпечитъ ее совершенно, и она хоть немного успокоится; ей надобно подумать и о здоровьѣ своемъ: у ней, говорятъ, чахотка!

Бѣгушевъ много бы могъ возразить Домнѣ Осиповнѣ, начиная съ того, что пріятеля своего Тюменева онъ издавна зналъ за весьма непостояннаго человѣка въ отношеніи женщинъ, а потому жалѣлъ въ этомъ случаѣ дурочку Мѣрову, предчувствуя, что врядъ ли ей приведется надолго успокоиться; кромѣ того, самое мнѣніе Домны Осиповны, касательно успокоенія Мѣровой подобнымъ способомъ, коробило Бѣгушева. «Какъ эта городская, столичная жизнь,—подумалъ онъ съ досадой:—понижаетъ нравственное чутье въ женщинахъ и дѣлаетъ ихъ всѣхъ какими-то практическими набойками!..»

Домна Осиповна, въ свою очередь, тоже втайнѣ сердилась на Бѣгушева. Поводомъ къ ея гнѣву было такое обстоятельство, котораго Бѣгушевъ во всю бы жизнь не отгадалъ. Разъ какъ-то въ разговорѣ онъ проговорился Домнѣ Осиповнѣ, что на-дняхъ ему прислали десять тысячъ выкупной ссуды, и что онъ не знаетъ даже, что̀ ему дѣлать съ этими деньгами. Домна Осиповна ничего на это не сказала; но досада шевельнулась въ ея душѣ. Съ самаго начала любви своей къ Бѣгушеву она все ожидала, что онъ сдѣлаетъ ей какой-нибудь цѣнный подарокъ: простая вѣжливость этого требовала!.. И, чтобы навести его на эту мысль, Домна Осиповна неоднократно высказывала ему, что ей очень бы хотѣлось имѣть свою дачу. Бѣгушевъ какъ будто бы мимо ушей это пропускалъ.

При разсказѣ его о выкупной ссудѣ, Домнѣ Осиповнѣ невольно подумалось, что чего бы лучше ему подарить ей эти лишнія для него десять тысячъ... Можетъ-быть,—утѣшала она себя,—онъ ждетъ дня ея рожденія, который долженъ былъ наступить черезъ недѣлю и на который она заранѣе его пригласила. Но день рожденія пришелъ, а отъ Бѣгушева никакого подарка не было!.. Въ продолженіе всего обѣда Домна Осиповна употребляла надъ собой большое усиліе, чтобы не сидѣть надутой. Она нѣсколько разъ порывалась, особенно когда Бѣгушевъ немного подвыпилъ, прямо сказать ему, чтобы онъ купилъ ей дачу, и, будь на его мѣстѣ другой обожатель, тому бы она сказала или даже приказала. Бѣгушевъ же, она знала это напередъ, подарить ей дачу—сейчасъ подаритъ, но при этомъ, пожалуй, ввернетъ такую ядовитую фразу, что и не проглотишь ея, а Домна Осиповна все еще хотѣла высоко стоять въ его глазахъ.

Раздоръ, какъ и любовь, растутъ быстро; между Домной Осиповной и Бѣгушевымъ произошла наконецъ до нѣкоторой степени явная ссора. Однажды Домна Осиповна пріѣхала къ Бѣгушеву съ лицомъ сильно разсерженнымъ.

— Научи меня, что̀ мнѣ дѣлать съ этой госпожой... («госпожой этой» Домна Осиповна обыкновенно называла возлюбленную мужа). Она живетъ еще въ моемъ домѣ...

— Но вы мнѣ говорили, что она будетъ жить на другой квартирѣ,—замѣтилъ мрачно Бѣгушевъ.

— Она и жила бы, но мужъ не успѣлъ ее пристроить и уѣхалъ къ дѣду, а теперь она... я рѣшительно начинаю понимать мужчинъ, что они презираютъ женщинъ... она каждый вечеръ задаетъ у себя оргіи..., Мужъ, разсказываютъ, безпрестанно присылаетъ ей деньги, она на нихъ пьянствуетъ и даже завела себѣ другого поклонника.

Бѣгушевъ еще болѣе нахмурился: эта возня Домны Осиповны съ своимъ супругомъ была ему противнѣе всего.

— Но вамъ какое до всего этого дѣло?—возразилъ онъ съ тоскою въ голосѣ.

— То, что она сожжетъ мой домъ: она кутитъ до пяти, до шести часовъ утра... Наконецъ она профанируетъ человѣка, который ей всѣмъ пожертвовалъ!—воскликнула Домна Осиповна.

— Какого человѣка профанируетъ и чѣмъ? — проговорилъ Бѣгушевъ, котораго слово «профанируетъ», по обыкновенію, ударило какъ плетью по уху.

— Мужа моего измѣной своей ему!—отвѣчала съ рѣзкостью Домна Осиповна.

Бѣгушевъ еще болѣе обозлился.

— Откровенно говоря, — началъ онъ съ разстановкой: — я никогда не воображалъ встрѣтить такую женщину, которая бы говорила, что она *не любитъ мужа* и, по ея словамъ, *любитъ другого*, и въ то же время такъ заботилась бы объ мужѣ, какъ, я думаю, немного нѣжныхъ матерей заботятся о своихъ *балованныхъ сыновьяхъ!*

Всѣ подчеркнутыя слова Бѣгушевъ подчеркивалъ тономъ своего голоса.

— Я забочусь потому, что мужъ мнѣ, я ужъ вамъ это говорила, далъ все: положеніе въ свѣтѣ и возможность существовать, а другіе—ничего!

Бѣгушевъ понялъ ея намекъ; гнѣву его предѣловъ не было: до того слова Домны Осиповны показались ему несправедливыми и оскорбительными.

— Другимъ нечего было и дѣлать, когда вы все получили отъ мужа! — произнесъ онъ, сдерживая себя сколько могъ: — и, по-мнѣ, совсѣмъ другая причина вашего вниманія къ мужу: вы еще любите его до сихъ поръ!

— Нисколько!.. Нисколько!..—воскликнула Домна Осиповна совершенно искренно.

— Нѣтъ, вы любите его!—повторилъ Бѣгушевъ:—не помню, какой-то французскій романистъ доказывалъ, что женщины сохраняютъ на всю жизнь любовь къ тѣмъ, кого онѣ перваго полюбили, а ко второй любви вы отнеслись такъ себѣ!

— Эта вторая любовь тоже отнеслась ко мнѣ такъ себѣ!

— А какіе факты на это? — спросилъ Бѣгушевъ.

— О, ихъ много!—произнесла Домна Осиповна, хоть сама сознавала, что у ней всего одинъ былъ фактъ: то, что Бѣгушевъ, имѣя средства, не дарилъ ей дачи; но какъ это было высказать! Кромѣ того, она видѣла, что очень его разсердила, а потому поспѣшила перемѣнить свой тонъ. — Пощади меня, Александръ: ты видишь, какъ я сегодня раздражена!—произнесла она умоляющимъ голосомъ. — Ты знаешь ли, что возлюбленная мужа способна отравить меня, потому что это очень выгодно для нея будетъ!

Послѣдними словами Домна Осиповна сильно подѣйствовала на Бѣгушева. Подозрительность его немедленно подшепнула ему, что это весьма возможно, и что подобныя негодяйки изъ-за денегъ способны на все рѣшительно!

— Тогда прогоните ее сейчасъ же, сію минуту! — началъ онъ настойчиво:—или, лучше всего, переѣзжайте ко мнѣ, и мы уѣдемъ совсѣмъ за границу! Я могу, безъ всякихъ вашихъ средствъ, жить съ вами совершенно обезпеченно!

Бѣгушевъ въ первый еще разъ произнесъ эти страшныя въ настоящемъ положеніи дѣла для Домны Осиповны слова: «уѣдемъ за границу!». Она уѣхать бы, конечно, желала; но какъ было оставить ей безъ ближайшаго наблюденія пять милліоновъ, находящіеся почти въ рукахъ ея мужа? Это до такой степени было близко ея сердцу, что она не удержалась и сказала объ этомъ Бѣгушеву.

— Я много разъ говорила, что пока я не могу кинуть мужа безъ надзора; ты долженъ понимать, что онъ ребенокъ, а у него дѣдъ умираетъ, оставляя ему въ наслѣдство громадное состояніе, которое безъ меня все прахомъ разлетится! А вотъ, Богъ дастъ, я все это устрою, и пусть тогда онъ живетъ, какъ знаетъ: я весь свой нравственный долгъ исполню тогда въ отношеніи его!

— «Славься симъ, Максимъ Петровичъ, славься, нѣжная къ намъ мать!»—продекламировалъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Я буду такой же нѣжной матерью и въ отношеніи васъ, если только обстоятельства потребуютъ того! Вспомните вашу недавнюю болѣзнь: я тутъ мало думала о себѣ,—такой ужъ глупый нравъ мой!..

Бѣгушевъ, вспомнивъ свою болѣзнь и то, съ какою горяч-

ностью за нимъ ухаживала Домна Осиповна, поутихъ нѣсколько ему совѣстно сдѣлалось очень язвить ее... У Домны Осиповны не свернулось это съ глазу, и она очень была довольна, что поуспокоила «своего тигра», какъ называла Домна Осиповна иногда въ шутку Бѣгушева.

— Я только теперь не знаю,—продолжала она, какъ бы опять спрашивая его совѣта: — писать ли мое моему безалаберному супругу о продѣлкахъ его Глаши... (Слово «безалаберный» Домна Осиповна съ умысломъ присоединила къ имени мужа, чтобы доставить тѣмъ удовольствіе Бѣгушеву).

— Ни слова!.. Ни звука!.. — воскликнулъ тотъ: — это ихъ дѣло: свои люди, разберутся. Но сама переѣзжай ко мнѣ, если боишься, что она отравитъ тебя.

— О, отравы ея я нисколько не боюсь, — произнесла Домна Осиповна (она въ самомъ дѣлѣ нисколько этого не боялась, а сказала затѣмъ только, чтобы напугать Бѣгушева, и напугала, какъ мы видѣли). — Но я не могу оставить домъ, потому что она навѣрное его обокрадетъ! (Послѣдняго обстоятельства Домна Осиповна дѣйствительно боялась).

По отъѣздѣ ея Бѣгушевъ впалъ въ мрачное раздумье. Мечты его о поѣздкѣ за границу и о полномъ обладаніи Домною Осиповною рушились: жди, пока она покончитъ всѣ дѣла мужа! Какъ ему ничтожно показалось бытіе человѣка! «О, хоть бы умереть поскорѣй!»—сказалъ онъ и прослезился.

Въ то время, какъ Бѣгушевъ страдалъ отъ какихъ-то чисто вымышленныхъ, по мнѣнію Домны Осиповны, страданій, на нее сыпались дѣла самаго серьезнаго свойства, вызывающія на серьезныя безпокойства: мужу она, несмотря на запрещеніи Бѣгушева, все-таки написала довольно подробно о поведеніе его возлюбленной, потому что Глаша дѣйствительно послѣднее время допилась почти до чортиковъ; любовниковъ у нея былъ ужъ не одинъ, а сколькимъ только угодно было: натура чухонско-петербургской кокотки въ ней проснулась во всей своей прелести!

Отъ мужа Домна Осиповна навѣрное ожидала получить бранчивый отвѣтъ и нисколько этого не боялась, такъ какъ считала для себя священнымъ долгомъ говорить ему во всѣхъ случаяхъ жизни правду. Присланный отвѣтъ однако оказался нѣжнымъ: «Безцѣнный другъ мой Додоша,—писалъ Олуховъ:— несказанно благодарю тебя за увѣдомленіе о поведеніи моей прелестной Глашки; я заранѣе это предчувствовалъ: она при мнѣ еще пила и прочее другое. Церемониться съ ней нечего: потрудись ее немедленно вытурить съ квартиры; пусть существуетъ, какъ ей угодно!» И въ концѣ письма онъ прибавлялъ, что дѣдъ не сегодня, такъ завтра издохнетъ.

Прочитавъ все это, Домна Осиповна впала въ раздумье: приказать такъ сдѣлать, конечно, легко, но исполнить это приказаніе—дѣло иное!.. Надобно было посовѣтоваться съ настоящимъ умнымъ человѣкомъ. Бѣгушева она на подобнаго рода дѣла считала совершенно непригоднымъ; лучше бы всѣхъ, конечно, былъ Янсутскій, но того въ Москвѣ не было; оставался поэтому одинъ Гроховъ, но тутъ Домна Осиповна невольно вспомнила, до какой степени этотъ человѣкъ былъ жаденъ на деньги. Разсудивъ, впрочемъ, она рѣшилась заранѣе назначить ему цѣну, выше которой онъ потомъ не будетъ смѣть требовать; съ этою цѣлью она въ тотъ же день послала ему записку, написанную нѣсколько свысока: «Я вамъ заплачу двѣ тысячи рублей, если вы поможете мнѣ по двумъ моимъ дѣламъ, которыя я объясню вамъ при личномъ свиданіи. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, какъ можно пораньше, часовъ въ десять». Въ назначенный срокъ Гроховъ явился. Домна Осиповна немедленно приняла его, сохраняя важный видъ, дабы выбить изъ корыстолюбивой головы адвоката всякую мысль о томъ, что онъ ей очень необходимъ.

— Мужъ мой, — начала она небрежнымъ тономъ: — далъ мнѣ странное порученіе! Госпожа его все еще продолжаетъ жить въ моемъ домѣ... дуритъ Богъ знаетъ какъ... Михайлѣ Сергѣичу написали объ этомъ... (На послѣднихъ словахъ Гроховъ на мгновеніе вскинулъ глаза на Домну Осиповну). Онъ меня проситъ теперь вытурить ее изъ моей квартиры; я очень рада этому, но какимъ способомъ—недоумѣваю; чрезъ квартальнаго, что ли?

Гроховъ нѣкоторое время подумалъ.

— Какъ она у васъ живетъ: по найму, по контракту?.. — спросилъ онъ.

— Никакого нѣтъ ни найма ни контракта, — отвѣчала Домна Осиповна.

Гроховъ еще немного подумалъ.

— Въ такомъ случаѣ не сочтете ли вы болѣе удобнымъ, чтобы я сходилъ и переговорилъ съ ней предварительно? — произнесъ онъ своимъ дѣловымъ тономъ.

— Пожалуй! — согласилась Домна Осиповна.

— Это лучше будетъ!.. Я схожу къ ней и переговорю, — сказалъ Гроховъ и поднялся-было.

— О, нѣтъ, нѣтъ, это еще не все!.. Я, какъ писала вамъ, пригласила васъ по двумъ дѣламъ, за которыя и заплачу вамъ съ удовольствіемъ двѣ тысячи рублей, если вы только устроите ихъ въ мою пользу, а если нѣтъ, такъ ничего!.. Дѣдъ умираетъ и оставляетъ мужу все наслѣдство, то какъ же мнѣ отъ мужа получить пятьсотъ тысячъ?

— О, вы получите съ Михайлы Сергѣича даже больше! Вы видите, какъ все идетъ въ вашу пользу... — сказалъ Гроховъ: онъ понималъ хорошо людей!

— Но вы все-таки будете требовать съ меня только двѣ тысячи?

— Только-съ!.. Какія вы нынче мнительныя стали!

— Будешь мнительна, по пословицѣ: кто обжегся на молокѣ, станетъ дуть и на воду, — кольнула его Домна Осиповна; но Гроховъ, какъ будто бы совершенно не понявъ ея, раскланялся и ушелъ.

Черезъ весьма короткое время Домна Осиповна получила отъ него визитную карточку съ надписью: «Все устроено благополучно!». А къ вечеру она увидѣла подъѣхавшую фуру Шиперки для перевозки мебели изъ квартиры Глаши. Когда Домна Осиповна спросила дворника, куда эта госпожа переѣзжаетъ, тотъ отвѣчалъ ей, что въ Грузины, въ домъ господина Грохова, незадолго передъ тѣмъ имъ купленный. Глашу онъ, по обыкновенной своей методѣ, пугнулъ, сказавъ ей, чтобы она немедленно съѣзжала съ квартиры Олуховой, тогда онъ обѣщался помирить ее съ Михайлой Сергѣичемъ, отъ котораго Глаша тоже получила письмо понятнаго содержанія; но когда она не послушается его, объяснялъ ей Гроховъ, такъ онъ плюнетъ на нее, и ее выгонятъ черезъ мирового.

V.

Въ подтвержденіе петербургскихъ слуховъ касательно Мѣровой и Тюменева, Бѣгушевъ получилъ отъ сего послѣдняго письмо такого пылкаго содержанія, что развелъ отъ удивленія руками.

«Любезный другъ,—писалъ Тюменевъ своимъ красивымъ, но замѣтно взволнованнымъ почеркомъ:—не могу удержаться, чтобы не передать тебѣ о моемъ счастіи: я полюбилъ одну женщину и ею любимъ. Предчувствую заранѣе, что ты, по своей безпощадной откровенности, скажешь мнѣ, что это ложь, старческая сентиментальность, но ошибаешься!.. Прежде, дѣйствительно, я покупалъ женскую любовь, но теперь мнѣ ее дали за то, что я самъ люблю! Кто эта особа, ты, вѣроятно, догадываешься: это прелестная madame Мѣрова, которая для меня бросила Янсутскаго».

На этомъ мѣстѣ Бѣгушевъ отъ досады пріостановился читать письмо.

— Мѣрова для него бросила Янсутскаго?.. Полно, не Янсутскій ли бросилъ ее?..—воскликнулъ онъ и хотѣлъ съ этой мысли начать отвѣтъ пріятелю, но передумалъ: — Пускай его

обманывается, развѣ я не такъ же обманывался, да обманываюсь еще и до сихъ поръ, — сказалъ онъ самъ себѣ и рѣшился лучше ничего не писать Тюменеву.

Вечеромъ Бѣгушевъ поѣхалъ къ Домнѣ Осиповнѣ, чтобы похвалить ее за проницательность. Онъ цѣлые три дня не былъ у ней. Послѣднее время они замѣтно рѣже видались. Домну Осиповну Бѣгушевъ засталъ дома, и такъ какъ были сумерки, то сначала и не замѣтилъ, что она сидѣла не причесанная, не одѣтая и вообще сама на себя не походила. Усѣвшись, Бѣгушевъ не замедлилъ разсказать ей содержаніе письма Тюменева. Домна Осиповна слегка улыбнулась.

— Я вамъ говорила это!—сказала она.

— А что же мечты моего друга о томъ, что ему подарили чувство, справедливы?—началъ ее вывѣдывать Бѣгушевъ.

Домна Осиповна отрицательно покачала головой.

— Не думаю!—проговорила она:—по крайней мѣрѣ Лиза, разсказывая мнѣ объ объясненіи въ любви Тюменева, смѣялась надъ нимъ.

— Однако онъ лгуномъ никогда не былъ, и если пишетъ, что ему дали любовь, такъ его, конечно, увѣряли въ этомъ.

— Будешь увѣрять во всемъ, какъ нужда заставитъ,—сказала веселымъ голосомъ Домна Осиповна: — мы, женщины, такія несчастныя существа, что намъ ничего не позволяютъ дѣлать и, если мы хлопочемъ немножко сами о себѣ, насъ называютъ прозаичными, безсердечными; а если очень понадѣемся на мужчинъ, нами тяготятся!

Бѣгушевъ понялъ, что въ этихъ словахъ и ему поставлена была шпилька, но прямо на нее онъ ничего не возразилъ, видя, что Домна Осиповна и безъ того была чѣмъ-то разстроена, и только, улыбаясь, замѣтилъ ей, что она сама очень еще недавно говорила, что ей понятно, почему мужчины не уважаютъ женщинъ.

— Да, дрянныхъ женщинъ!.. Но не всѣ же онѣ такія!.. — возразила она и затѣмъ, безъ всякой паузы, объявила, что мужъ ея вернулся изъ Сибири.

Лицо Бѣгушева мгновенно омрачилось.

— Когда?—спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Третьяго-дня!—отвѣчала Домна Осиповна.

— Что же, дѣдъ простилъ его?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Дѣдъ умеръ!

— И господинъ Олуховъ потому сдѣлался наслѣдникомъ пяти милліоновъ?

— Не знаю, собственно пяти ли милліоновъ, но состояніе огромное, хоть и въ дѣлахъ все.

— По которымъ хлопотать вамъ придется?

— Конечно, и мнѣ будутъ хлопоты.

Далѣе Бѣгушевъ не разспрашивалъ и перенесъ разговоръ на другое.

— А съ своею привязанностью господинъ Олуховъ помирился?

— Нѣтъ, кажется!

— И она не живетъ больше въ вашемъ домѣ?

— Давно!.. Я тогда же черезъ полицію почти просила ее удалиться...

И объ этомъ Бѣгушевъ не сталъ болѣе разспрашивать.

Вскорѣ раздался звонокъ.

— Это мужъ вашъ, конечно? — проговорилъ Бѣгушевъ и взглянулъ мелькомъ на свою шляпу, какъ бы затѣмъ, чтобы взять ее и убраться во-свояси.

— Не думаю!.. Скорѣй это докторъ; мужъ уѣхалъ къ нашему адвокату и нескоро вернется, — отвѣчала Домна Осиповна.

Пріѣхалъ въ самомъ дѣлѣ докторъ Перехватовъ. Отъ потери восьми тысячъ въ банкѣ «Безкорыстная дѣятельность» онъ нѣсколько утратилъ свѣжесть своего превосходнаго румянца.

Войдя въ кабинетъ, Перехватовъ первоначально поклонился почтительно Бѣгушеву, а потомъ отнесся къ самой хозяйкѣ.

— Какъ сегодня ваше здоровье? — говорилъ онъ, беря ее за руку и, по обыкновенію, щупая пульсъ:—сегодня поспокойнѣе!.. гораздо поспокойнѣе!..

— Развѣ вы были больны? — спросилъ Бѣгушевъ Домну Осиповну.

— Такъ, не особенно,—отвѣчала та.

— Какой не особенно, — обличилъ ее докторъ: — я десять лѣтъ практикую, а такихъ истерикъ не встрѣчалъ.

— Онѣ у меня часто бываютъ, — объяснила Домна Осиповна.

— Не вѣрю... — возразилъ докторъ: — если бы онѣ у васъ въ такой степени часто повторялись, вы давно бы съ ума сошли!

— Фантазіи какія! Съ ума сошла!—произнесла Домна Осиповна.

Бѣгушевъ внимательно прислушивался къ этому разговору. Ему страннымъ казалось, что Домна Осиповна не прислала ему сказать, что она больна. — и отчего съ ней могла случиться такая сильная истерика?.. «Ужъ не произошло ли у ней что-нибудь непріятное съ мужемъ?»—пришло ему въ голову.

— Когда же вы именно захворали?—спросилъ онъ ее.

— Вчера только!—отвѣчала Домна Осиповна и постаралась весело улыбнуться.

Бѣгушевъ не ошибался въ своемъ предположеніи: у Домны Осиповны дѣйствительно была непріятность съ мужемъ! Дѣло въ томъ, что Олухову его Глаша своей выпивкой, отъ которой она и дурнѣла съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе дѣлалась противна, а вмѣстѣ съ тѣмъ, видя, что Домна Осиповна къ нему добра, ласкова, и при этомъ узнавъ отъ людей, что она находится съ Бѣгушевымъ вовсе не въ идеальныхъ отношеніяхъ, онъ началъ завидовать тому и мало-помалу снова влюбляться въ свою жену. Домна Осиповна, еще до поѣздки его въ Сибирь, видѣла, что онъ все какъ-то ласкался къ ней, цѣловалъ безъ всякаго повода ея руки; тогда это не смущало ее; она даже была отчасти довольна такого рода его вниманіемъ, разсчитывая черезъ то сохранить на него болѣе сильное вліяніе.

Возвратясь же изъ Сибири и сдѣлавшись обладателемъ пяти милліоновъ, Олуховъ, несмотря на ничтожность своего характера, увѣровалъ однако въ одно, что когда у него денегъ много, такъ онъ можетъ командовать людьми, какъ хочетъ! Первоначальное и главное его намѣреніе было заставить Домну Осиповну бросить Бѣгушева, котораго Олуховъ началъ считать единственнымъ разрушителемъ его семейнаго счастья.

Въ первый день пріѣзда мужа Домна Осиповна успѣла только замѣтить, что онъ былъ сверхъ обыкновенія важенъ и гораздо солиднѣе, чѣмъ прежде, держалъ себя, чему она и порадовалась; но на другой день Олуховъ пріѣхалъ домой къ обѣду послѣ завтрака въ «Славянскомъ Базарѣ» и былъ сильно выпивши. Усѣвшись съ прежнею важностью за столъ, онъ прямо объявилъ Домнѣ Осиповнѣ, что желаетъ съ ней жить, какъ мужъ съ женой:—«Будетъ ужъ, — присовокупилъ Олуховъ:—довольно подурачились и вы и я». Слова эти, точно стрѣлы, пропитанныя ядомъ, пронзили все существо Домны Осиповны. Олуховъ ей былъ противенъ до омерзѣнія.

— Нѣтъ, это невозможно... — произнесла она тихо, и передъ ней мелькнули пятьсотъ тысячъ, которыя Домна Осиповна, впрочемъ, надѣялась получить отъ мужа и черезъ судъ, если бы онъ не сталъ ихъ отдавать, а изъ прочаго его состоянія ей ничего не надо было,—такъ, по крайней мѣрѣ, она думала въ настоящую минуту. Озадаченный отвѣтомъ жены, Олуховъ, въ свою очередь, поблѣднѣлъ: самодуръ-дѣдъ въ немъ отчасти жилъ еще!

— Въ такомъ случаѣ я увезу васъ съ собою въ Сибирь:

намъ тамъ надобно быть у нашихъ дѣлъ!..—проговорилъ онъ съ дрожащими губами.

— Я не поѣду съ вами!—возразила ему твердо Домна Осиповна:—у меня есть отъ васъ бумага, по которой я могу жить, гдѣ хочу.

— Я бумагу эту уничтожу! — воскликнулъ Олуховъ и ударилъ кулакомъ по столу.

— А когда вы такъ, — начала Домна Осиповна (она съ своими раздувшимися ноздрями и горящими глазами была въ гнѣвѣ пострашнѣй мужа):—то убирайтесь совсѣмъ отъ меня!.. Домъ мой!.. Заплатите мнѣ пятьсотъ тысячъ и ни ногой ко мнѣ!

— Пятисотъ копеекъ вы отъ меня не получите!.. — кричалъ Олуховъ и, вставъ изъ-за стола, ушелъ къ себѣ внизъ.

Послѣ этого разговора съ Домной Осиповной и сдѣлался припадокъ истерики.

Олуховъ между тѣмъ, выспавшись, почувствовалъ робость въ отношеніи жены, очень хорошо сознавая, что безъ ея участія въ дѣлахъ ему одному ничего не сдѣлать. Придя къ ней вечеромъ, какъ только съ ней кончилась истерика, и она, совершенно еще ослабѣвшая, лежала въ постели, онъ сталъ просить у ней прощенія. На это ему Домна Осиповна сказала:

— Оставь меня совершенно на свободѣ и слушайся только, что̀ я тебѣ буду совѣтовать.

Олуховъ на все согласился и уѣхалъ въ «Эрмитажъ», чтобы хоть тамъ разсѣяться послѣ сибирской скуки.

Покорность мужа не очень успокоила Домну Осиповну. Она знала, какіе экспромты отъ него бываютъ, по прежней своей жизни съ нимъ. Что̀ касается Бѣгушева, такъ она и подумать о немъ боялась, зная напередъ, что съ нимъ бороться ей гораздо будетъ труднѣе, чѣмъ съ мужемъ... Словомъ, она находила себя очень похожей на слабый челнъ, на который со всѣхъ сторонъ напираютъ волны и которому единственное спасеніе — скользить какъ-нибудь посреди этого и не падать духомъ.

— Мужъ мнѣ сказывалъ,—продолжала она занимать своихъ гостей и обращаясь болѣе къ доктору:—что въ дѣлѣ Хмурина открылись уголовныя преступленія, и что будто бы онъ арестованъ!

— Объ этомъ въ газетахъ есть!..—сказалъ Перехватовъ.— Хоть бы что-нибудь съ этими господами дѣлали!.. — продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему озлобленіемъ: — нельзя же имъ позволять грабить людей, честно добывающихъ себѣ копейку и сберегшихъ ее.

Въ это время вдругъ вошелъ Олуховъ, а за нимъ и Гроховъ.

— Это откуда ты и отчего не звонилъ?.. — спросила несовсѣмъ дружелюбно мужа Домна Осиповна.

— Мы прямо снизу, съ моей половины, по черной лѣстницѣ прошли,—отвѣчалъ ей Олуховъ тоже довольно сурово и помѣстился на самое отдаленное кресло: съ Бѣгушевымъ онъ почти не поклонился.

— Какъ это пріятно ходить по грязнымъ чернымъ лѣстницамъ!..—сказала Домна Осиповна.

Ей очень не понравилось такое нечаянное появленіе мужа, которое потомъ онъ и повторять, пожалуй, будетъ!

Грохова она представила Бѣгушеву и доктору, назвавъ его: «адвокатъ Гроховъ».

— Онъ хлопочетъ и по вашимъ дѣламъ? — спросилъ ее докторъ тихо.

— Да!

Докторъ сдѣлалъ знаменательную мину и неодобрительно качнулъ головой.

Гроховъ неуклюже раскланялся Бѣгушеву и доктору.

Домна Осиповна пригласила его садиться.

Гроховъ сѣлъ. Выраженіе лица его и вообще вся посадка его были исполнены самодовольства. Домна Осиповна очень хорошо понимала причину этого самодовольства и заранѣе предчувствовала, что за дѣло, которое думала она предложить ему, онъ страшную цѣну заломитъ; но она дала себѣ слово не очень ему поддаваться.

Начавшійся затѣмъ разговоръ опять перешелъ на Хмурина.

— Не извѣстно ли вамъ, какъ человѣку, ближе насъ стоящему къ судебному вѣдомству, за что арестованъ Хмуринъ?— спросилъ докторъ Грохова.

На лицѣ того появилась насмѣшливая улыбка.

— Арестовалъ его еще пока только прокурорскій надзоръ!— проговорилъ онъ.

— Но прокурорскій надзоръ, конечно, сдѣлалъ это на основаніи какихъ-нибудь фактовъ!.. Факты эти вы знаете?

— Знаю!—отвѣчалъ, ядовито усмѣхаясь, Гроховъ.

— Какіе же они?—допрашивалъ докторъ.

— А такіе,—продолжалъ Гроховъ:—что будто бы найдены въ банковскомъ портфелѣ господина Хмурина векселя съ фальшивыми подписями отъ людей уже умершихъ, и фальшивыми, замѣтьте, по мнѣнію только экспертизы, а какова наша экспертиза, это знаетъ все русское общество!.. Далѣе, прокурорскій надзоръ разсказываетъ, что существуютъ подложныя накладныя отъ фирмы господина Хмурина, подложные счеты

для залога товаровъ... Спрашивается: стоило ли такому богачу, какъ Селиверстъ Кузьмичъ, заниматься подобнымъ вздоромъ!.. Вотъ-съ вамъ факты прокурорскаго надзора!..

На прокурорскій надзоръ Гроховъ главнымъ образомъ былъ сердитъ за то, что самъ его очень побаивался, по случаю своей собственной дѣятельности.

— Но какой же богачъ вашъ Селиверстъ Кузьмичъ, когда онъ банкротомъ сдѣлался!— воскликнулъ докторъ: — разорилъ цѣлый банкъ, а съ нимъ и тысячи людей?

— Банкротомъ онъ сдѣлался послѣднее время и то по политическимъ причинамъ, а векселя и накладныя гораздо раньше существовали, и наконецъ... Это невѣроятно даже... Прокурорскій надзоръ дошелъ до того, что обвиняетъ господина Хмурина, какъ бы вы думали въ чемъ? Въ убійствѣ-съ, ни больше ни меньше, какъ въ убійствѣ одного изъ своихъ кредиторовъ, съ которымъ онъ случайно пообѣдалъ въ трактирѣ, и тотъ вскорѣ послѣ того померъ!.. Значитъ, господинъ Хмуринъ убилъ его?

— Эта исторія была вовсе не такъ, — продолжалъ горячиться докторъ:—вовсе!.. Я ее слышалъ подробно: господинъ Хмуринъ нѣсколько временн и весьма усердно упрашивалъ этого кредитора своего отобѣдать съ нимъ, говоря, что тутъ онъ и получитъ отъ него расчетъ... Взялъ для этого обѣда самый отдаленный номеръ... Въ номерѣ этомъ нѣкоторые изъ публики слышали крикъ, и когда спрашивали половыхъ: «что такое тамъ?», имъ отвѣчали, что кущы одни разгулялись. а послѣ этого кредиторъ этотъ, не выходя изъ трактира, умеръ, и при немъ ни векселя ни денегъ не найдено,

На такой разсказъ Гроховъ громко расхохотался.

— Романъ-съ!.. Романъ!—сказалъ онъ:—и какъ это правдоподобно: убить, или отравить, что ли, тамъ человѣка средь бѣлаго дня... въ трактирѣ... при стеченіи публики.

— Мнѣ самой это кажется невѣроятнымъ! — поддержала Грохова и Домна Осиповна.—Впрочемъ, что мы все говоримъ о чужихъ дѣлахъ; пора намъ о своемъ дѣлѣ потолковать, — прибавила она, взглянувъ на Бѣгушева, который все время сидѣлъ, потупя голову.

— Именно-съ, лучше о своихъ дѣлахъ намъ толковать! — согласился съ ней Гроховъ.

Докторъ при этомъ всталъ.

— До свиданья!—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— До свиданья! — проговорила Домна Осиповна, всовывая ему въ руку пятирублевку.

Она очень рада была, что докторъ уѣзжаетъ, разсчитывая,

что совѣщаніе ея съ Гроховымъ и мужемъ недолго продолжится, что тѣ тоже уѣдутъ скоро, и она останется съ Бѣгушевымъ вдвоемъ.

— Извините, Александръ Ивановичъ, я черезъ минуту вернусь къ вамъ,—отнеслась Домна Осиповна къ тому.

Бѣгушевъ ни слова ей не отвѣтилъ и, когда Домна Осиповна, Олуховъ и Гроховъ ушли, онъ сталъ съ понуренной головой и мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ прислушиваться къ довольно оживленному разговору, начавшемуся между ними въ сосѣдней комнатѣ. Гроховъ говорилъ:

— Прежде всего-съ надобно, чтобы духовная была утверждена, а потомъ ходатайствовать о вводѣ во владѣніе!

— Но кто же это сдѣлаетъ?.. Кто?..—настойчиво спрашивала Домна Осиповна.

— Я-съ, если это вамъ угодно!..—отвѣчалъ Гроховъ.

— А что же это будетъ стоить со всѣми казенными расходами и съ платой вамъ?—любопытствовала Домна Осиповна.

— Стоить будетъ порядочно, но, слава Богу, найдется потомъ изъ чего заплатить!..—объяснилъ Гроховъ.

— Да, но эта неопредѣленность хуже всего!.. — произнесла Домна Осиповна: — и потомъ какъ же и отъ кого я получу слѣдующія мнѣ собственно пятьсотъ тысячъ?

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ ей Гроховъ:—возьмите вы довѣренность отъ Михайлы Сергѣевича и хлопочите сами, тогда не будетъ для васъ никакой «неопредѣленности».

Домна Осиповна видѣла, что онъ обидѣлся, и сочла за лучшее нѣсколько уступить ему.

— Сама хлопотать я не могу, вы это знаете... Хлопотать вы будете, и только возьмите за это къ тѣмъ двумъ тысячамъ, которыя я вамъ должна, еще три, и выйдетъ пять! — проговорила она.

— А дорога въ Сибирь ваша?—спросилъ Гроховъ.

— Нѣтъ ужъ все ваше!—отвѣчала Домна Осиповна.

— Какъ это можно: дорога должна быть наша! – произнесъ еще первое слово Олуховъ, припомнившій, сколько онъ самъ просадилъ денегъ по дорогѣ въ Сибирь и оттуда и напиваясь на каждой станціи шампанскимъ.

— Вотъ поди ты и разговаривай съ барынями! — сказалъ, усмѣхнувшись и мотнувъ ему головой, Гроховъ.

— Что жъ съ барынями?.. Адвокатовъ нынче много, не первое время...—замѣтила Домна Осиповна.

— Но много ли добросовѣстныхъ?..—спросилъ Гроховъ.

— Есть и добросовѣстные! Извольте: дорога наша...—раскошелилась Домна Осиповна.

— Слушаю-съ!—произнесъ не безъ удовольствія въ голосѣ Гроховъ.

— Итакъ, по рукамъ, значитъ?—сказала Домна Осиповна.

— Да-съ, по рукамъ!..—подхватилъ Гроховъ, и они въ самомъ дѣлѣ ударили рука въ руку.

Послѣ этого Гроховъ и Олуховъ стали собираться уѣзжать... Послѣднему смертельно хотѣлось въ «Эрмитажъ», чтобы тамъ такъ же разсѣяться, какъ и вчера; но только у него въ карманѣ денегъ не было ни копейки.

— Дай мнѣ, пожалуйста, рублей двѣсти!—шепнулъ онъ женѣ.

Та съ удовольствіемъ подала ему изъ своего портмоне просимую имъ сумму и при этомъ тоже очень тихо сказала ему:

— Вы, пожалуйста, когда возвратитесь, то проходите къ себѣ внизъ: я знаю, какіе вы явитесь!

— Понимаю я это!—отвѣчалъ тотъ и не замедлилъ уѣхать вмѣстѣ съ Гроховымъ.

Бѣгушевъ изъ всего предыдущаго разговора, конечно, слышалъ только половину, но и того было очень достаточно!

Домна Осиповна возвратилась къ нему съ лицомъ добрымъ, любящимъ и, повидимому, совершенно покойнымъ. По ея мнѣнію, что ей было скрывать передъ нимъ?.. То, что она хлопотала по своимъ дѣламъ,—но это очень натурально, а что въ отношеніи его она была совершенно чиста, въ этомъ онъ не долженъ былъ бы сомнѣваться!

Бѣгушевъ, когда она усѣлась около него, все еще не поднималъ головы. Домна Осиповна сама уже взяла и поцѣловала его руку, тогда только онъ взмахнулъ на нее глазами.

— Ну вотъ, наконецъ начинаетъ все понемногу устраиваться,—сказала она:—черезъ какіе-нибудь полгода я уѣду съ вами надолго... надолго...

— Никогда ты не уѣдешь со мной надолго!..—проговорилъ Бѣгушевъ.—Полгода еще ждать!—воскликнулъ онъ:—но какъ же я эти полгода буду существовать посреди того общества, въ которое вы меня поставили?

— Въ какое я тебя общество поставила?—спросила съ удивленіемъ Домна Осиповна.

— А въ такое, какое сегодня у васъ было!

— Ахъ, Боже мой, ты можешь совсѣмъ не видать этого общества; я къ тебѣ буду ѣздить, а ты ко мнѣ и не заглядывай.

У Бѣгушева на языкѣ вертѣлось сказать ей:—«А сама ты развѣ не такая, какъ окружающее тебя общество?»

— Но какъ же ты хочешь, чтобы мы устроили жизнь нашу?—спросила его Домна Осиповна.

— Не знаю какъ!..—отвѣчалъ Бѣгушевъ:—я захочу устроить такъ, а твои дѣла потребуютъ другого!

Домнѣ Осиповнѣ показалось, что Бѣгушевъ отбояривается отъ нея, и что она ему надоѣла; но, взглянувъ на мученическое выраженіе лица его, она убѣдилась, что онъ любитъ ее, и глубоко любитъ!

— Ты сегодня не въ духѣ, и я не въ духѣ; не будемъ больше объ этомъ говорить; дай я тебя поцѣлую!..

И она начала его цѣловать, но Бѣгушевъ сидѣлъ, какъ истуканъ, и потомъ, вдругъ поднявшись, сказалъ:

— Прощай!

Домна Осиповна начала-было умолять его, чтобы онъ посидѣлъ, но Бѣгушевъ, отрицательно мотнувъ головой, поцѣловалъ ее, и она замѣтила при этомъ, что глаза его были полны слезъ.

Домна Осиповна хотѣла-было проводить его, по обыкновенію, до передней; Бѣгушевъ не позволилъ ей того.

— Не провожайте меня!.. Для чего это?—проговорилъ онъ досадливымъ голосомъ и быстро ушелъ.

Домна Осиповна опустилась тогда на свое кресло и, услыхавъ, что за Бѣгушевымъ горничная заперла дверь, она взяла себя за голову и произнесла съ рыданіемъ въ голосѣ:—«Несчастная, несчастная я женщина, никто меня не понимаетъ!». Ночь Домна Осиповна всю не спала, а на другой день ее ожидала еще новая радость: она получила отъ Бѣгушева письмо, въ которомъ онъ писалъ ей: «Прощайте, я уѣзжаю!.. Я ли васъ мучилъ, вы ли меня, не знаю!.. Но намъ вмѣстѣ жить нельзя! Всякія человѣческія отношенія между нами должны быть покончены навсегда!» Домна Осиповна затрепетала отъ ужаса и сейчасъ же поѣхала къ Бѣгушеву, но тамъ ее Прокофій не принялъ и сказалъ, что баринъ уѣхалъ или въ Петербургъ, или за границу—неизвѣстно. У Домны Осиповны едва достало силы возвратиться домой, гдѣ съ ней опять сдѣлалась истерика. Олуховъ, бывшій въ это время дома, поспѣшилъ послать за Перехватовымъ, который незамедля пріѣхалъ и остался у Домны Осиповны до глубокой ночи: постигшій ее на этотъ разъ припадокъ былъ еще сильнѣе прежняго.

Бѣгушевъ, когда пріѣзжала къ нему Домна Осиповна, былъ дома и только заранѣе еще велѣлъ всѣмъ говорить, что онъ уѣхалъ изъ Москвы. Послѣ ея звонка и когда Прокофій не принялъ ея, Бѣгушевъ усмѣхнулся, но такъ усмѣхаться не дай Богъ никому! Черезъ недѣлю онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ за границу.

VI.

Парижъ, освѣщенный полдневнымъ солнцемъ, блисталъ бѣлизной своихъ зданій. Къ театру Большой Оперы подходили съ противоположныхъ сторонъ два человѣка и, сойдясь у передняго фаса, они оба произнесли на русскомъ языкѣ довольно радостныя восклицанія.

— Кузенъ!..—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Ваше превосходительство!—отвѣчалъ другой.

Это были Бѣгушевъ и тотъ широкоплечій генералъ, котораго мы нѣкогда встрѣтили въ Москвѣ. Они были нѣсколько сродни и считались кузенами.

Генералъ на этотъ разъ былъ, по заграничному обычаю, въ статскомъ платьѣ и отъ этого много утратилъ своей воинственности. Оказалось, что плечи его въ мундирѣ были ваточныя, грудь тоже понастегана; коротенькое пальто совершенно не шло къ нему и неловко на немъ сидѣло, но при всемъ томъ маленькая рука генерала и съ высокимъ подъемомъ нога, а болѣе всего мягкія манеры, говорили объ его чистокровномъ аристократическомъ происхожденіи. Фамилія генерала была Траховъ.

— Не правда ли, какъ хорошъ этотъ театръ!—говорилъ онъ Бѣгушеву.

— Нѣтъ, нехорошъ!—отвѣчалъ тотъ.

Генералъ былъ удивленъ такимъ мнѣніемъ.

— Чѣмъ?—спросилъ онъ.

— Пестро и линій ломаныхъ много!

— Да, но согласитесь, что и видъ сундука, какъ у нашихъ театровъ, не очень пріятенъ!

Бѣгушевъ на это ничего не отвѣтилъ и пошелъ еще разъ обходить кругомъ театръ. Генералъ тоже послѣдовалъ за нимъ но ему скоро сдѣлалось это скучно.

— Гдѣ вы завтракаете?—спросилъ онъ Бѣгушева.

— Гдѣ придется,—отвѣчалъ тотъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте вотъ тутъ недалеко къ Адольфу Пеле, въ недавно открытый ресторанчикъ: прелесть что такое.

Бѣгушевъ согласился.

Въ ресторанчикѣ Адольфа Пеле, должно-быть, очень хорошо знали генерала и безконечно его уважали, потому что сейчасъ же отвели ему маленькое, но особое отдѣленіе. Усѣвшись тамъ съ Бѣгушевымъ, онъ произнесъ, съ удовольствіемъ потирая руки:

— Вы, конечно, ничего не будете имѣть противъ спинки молодого барашка?— сказалъ онъ Бѣгушеву.

— Напротивъ, я всегда за это блюдо!

Генералъ приказалъ приготовить сказанную спинку, пояснивъ при этомъ главному гарсону, что другъ его, Бѣгушевъ, такой же, если не большій гастрономъ, какъ и самъ генералъ.

— О, одинъ видъ monsieur... (фамилію Бѣгушева французъ не запомнилъ сразу) видъ monsieur говоритъ это.

Баранья спинка скоро была подана. Генералъ съ классическимъ мастерствомъ разрѣзалъ ее и одну половинку положилъ Бѣгушеву на тарелку, а другую себѣ.

— Вы согласны, что парижская баранина лучшая въ мірѣ?— говорилъ онъ.

— Кавказская, по-моему, лучше!..—сказалъ Бѣгушевъ.

— Такъ!.. такъ!.. Виноватъ, я и забылъ это!—воскликнулъ генералъ:—вообще, mon cher, я очень счастливъ, что встрѣтилъ васъ,—продолжалъ онъ, удовлетворивъ первое чувство голода.

Бѣгушевъ поблагодарилъ его.

— Я чрезвычайно люблю всѣхъ москвичей, даже самую Москву, грязноватую, конечно, но въ которой въ то же время есть что-то родное, близкое сердцу каждаго русскаго человѣка!

— Можетъ-бытъ, эта самая грязь и есть намъ родное! — произнесъ, усмѣхаясь, Бѣгушевъ.

— Можетъ-быть, — согласился генералъ: — но, какъ бы то ни было, я Москву люблю!

— А я, напротивъ, всегда считалъ васъ заклятымъ петербуржцемъ,—продолжалъ Бѣгушевъ съ прежней усмѣшкой.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!..—возразилъ генералъ:—особенно послѣднее время, особенно!.. когда всѣ тамъ какъ-то перессорились...

Бѣгушевъ вопросительно взглянулъ на него.

— Чего лучше было нашихъ отношеній съ вашимъ другомъ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Тюменевымъ, — объяснялъ генералъ, разводя своими небольшими руками: — онъ каждую недѣлю у насъ обѣдалъ... Жена моя, вы знаете, была въ постоянномъ восторгѣ отъ него и говорила, что это лучшій человѣкъ, какого она когда-либо знала,—а теперь мы не кланяемся.

Бѣгушевъ усмѣхнулся.

— Изъ-за службы, вѣроятно, что-нибудь вышло? — спросилъ онъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Изъ-за службы, если хотите... Впрочемъ, прежде надобно рыбу заказать: барбю, конечно?

— Хорошо,—одобрилъ Бѣгушевъ.

— Барбю съ этимъ... моимъ соусомъ! — сказалъ генералъ гарсону.

— Oui, monsieur!—отвѣчалъ тотъ.

Генералъ снова приступилъ къ своему разсказу.

— Прошлой зимой съ письмомъ отъ Ефима Ѳедоровича вдругъ является ко мнѣ... вы непремѣнно знаете его... является графъ Хвостиковъ.

— Хвостиковъ съ письмомъ отъ Тюменева?—переспросилъ Бѣгушевъ.

— Да!.. съ письмомъ, гдѣ Ефимъ Ѳедоровичъ проситъ меня опредѣлить графа Хвостикова на одно вакантное мѣсто. Я давнымъ-давно знаю графа лично... всегда разумѣлъ его за остроумнаго бонмотиста и человѣка очень пріятнаго въ обществѣ, но тутъ вышелъ такой случай, что лѣтъ 15 тому назадъ онъ уже служилъ у меня и занималъ именно это мѣсто, котораго теперь искалъ, и я вынужденнымъ былъ... хоть никогда не слылъ за жестокаго и безсердечнаго начальника... былъ принужденъ заставить графа выйти въ отставку.

— За что?—спросилъ Бѣгушевъ.

Генералъ пожалъ плечами.

— Онъ растратилъ у меня казенныя деньги!..

Послѣднія слова генералъ хотя и говорилъ по-русски во французскомъ ресторанѣ, но все-таки счелъ за лучшее сказать почти шопотомъ Бѣгушеву.

— Такъ что я, спасая уже честь моего вѣдомства, внесъ за него, и внесъ довольно значительную сумму, — понимаете?

— Понимаю,—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Графу я, конечно, не напомнилъ объ этомъ и только сухо и холодно объявилъ ему, что мѣсто это обѣщано другому лицу, но въ то же время, дорожа дружбой Ефима Ѳедоровича, я рѣшился тому прямо написать, и вотъ вамъ слово въ слово мое письмо: «Ефимъ Ѳедоровичъ,—пишу я ему: — зная ваше строгое и никогда ни передъ чѣмъ не склоняющееся безпристрастіе въ службѣ, я представляю вамъ факты...» И подробно описалъ ему самый фактъ... «и спрашиваю васъ: бывъ въ моемъ положеніи, взяли ли бы вы опять къ себѣ на службу подобнаго человѣка?»

— Очень хорошо сдѣлали, что такъ прямо поставили Тюменеву вопросъ; онъ, вѣроятно, и не зналъ этой продѣлки Хвостикова,—сказалъ Бѣгушевъ.

— А вышло, cher cousin, нехорошо!..—продолжалъ генералъ грустнымъ голосомъ: — Ефимъ Ѳедоровичъ страшно на меня обидѣлся и, встрѣтясь вскорѣ послѣ того со мной въ Англійскомъ клубѣ, онъ повернулся ко мнѣ спиной и даже ушелъ изъ той комнаты, гдѣ я сѣлъ обѣдать, а потомъ, какъ водится, это стало отражаться и на самой службѣ: теперь, какое бы то ни было представленіе отъ моего вѣдомства. Ефимъ Ѳедоро-

вичъ всегда противъ и своей неумолимой логикой разбиваетъ все въ пухъ...

На этомъ мѣстѣ генералъ былъ отвлеченъ отъ своего разговора: принесли барбю съ дымящимся соусомъ. При видѣ этого блага, нѣчто въ родѣ легкаго, радостнаго ржанія послышалось изъ груди генерала. Онъ забылъ въ одно мгновеніе Тюменева, всѣ служебныя дрязги, и принялся ѣсть.

— Эта рыба, я вамъ говорю, какъ бархатъ мягкій, щекотитъ пріятно во рту. А соусъ какъ вы находите?

— Хорошъ!—одобрилъ Бѣгушевъ.

— Изобрѣтатель его я!—произнесъ генералъ съ гордостью, указывая на себя.

— Виватъ вамъ!—сказалъ Бѣгушевъ, улыбаясь.

Генералъ потомъ обратился къ стоявшему невдалекѣ гарсону.

— Французской публикѣ нравится мой соусъ?—спросилъ онъ.

— Oui, monsieur! — воскликнулъ тотъ и, съ свойственной французамъ льстивостью, объяснилъ, что весь Парижъ въ восторгѣ отъ этого соуса.

Генералъ самодовольно улыбнулся.

— Но почему вы, — сказалъ ему Бѣгушевъ:—еще разъ не написали Тюменеву, или даже просто не подошли къ нему и не спросили у него, за что онъ такъ сильно на васъ разсердился?

— Ну, cher cousin, согласитесь, что это было бы очень щекотливо для моего самолюбія; кромѣ того, оказалось бы, вѣроятно, и безполезно...—Тутъ генералъ пріостановился какъ бы въ нерѣшительности, говорить ли то, что онъ хотѣлъ говорить. — Но только, пожалуйста, чтобы это было entre nous, и не проговоритесь какъ-нибудь Тюменеву,—началъ онъ:—мнѣ разсказали... вотъ ужъ именно какъ справедливо говорятъ, что если гдѣ выйдетъ непріятность, такъ прежде всего надо спрашивать: какую тутъ роль женщина играла?.. разсказали, что madame Мѣрова, дочь графа Хвостикова, которую, можетъ-быть, вы видали?..

— Видалъ!—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Она очень хорошенькая и, главное, чрезвычайно пикантная, что весьма рѣдко между русскими женщинами; онѣ или совсѣмъ больныя, или толстыя... Madame Мѣрова прежде была въ интимныхъ отношеніяхъ съ Янсутскимъ, котораго вы тоже, вѣроятно, встрѣчали въ обществѣ?

— Встрѣчалъ,—отвѣчалъ съ презрительной улыбкой Бѣгушевъ.

— А кстати, онъ здѣсь, въ Парижѣ, и хотѣлъ сюда прійти завтракать со мной.

Бѣгушевъ нахмурился.

— Я не охотникъ до него!—произнесъ онъ.

— Я самъ имѣлъ его прежде на очень худомъ счету, но вотъ, встрѣтясь въ Парижѣ съ нимъ, убѣдился, что онъ человѣкъ очень услужливый, расторопный, и все мнѣ жаловался на madame Мѣрову, говорилъ, что она такая мотовка, что невозможно!.. Послѣднее время сотни тысячъ она стала изъ него тянуть.

— Вретъ онъ все, негодяй!—воскликнулъ Бѣгушевъ:—послѣднее время онъ не кормилъ ея даже!

Генералъ былъ пораженъ.

— Pourquoi?—спросилъ ужъ онъ по-французски.

— Чортъ его знаетъ pourquoi; отдѣлаться, видно, хотѣлъ отъ нея,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Скажите,—произнесъ генералъ:—но мнѣ потомъ разсказывали,—прибавилъ онъ негромко:—что madame Мѣрова составляетъ предметъ страсти Тюменева,—вы слышали это?

— Слышалъ что-то такое,—проговорилъ Бѣгушевъ.

— И вы не придаете этому никакого значенія большого?

— Совершенно никакого!

— Ну-съ, а я вамъ на это скажу, что Ефимъ Ѳедоровичъ влюбленъ въ эту дамочку до безумія, до сумасшествія... до дурачества... Это въ Петербургѣ всѣ знаютъ и всѣ говорятъ.

— До какихъ дурачествъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— До разныхъ!.. Дѣлать можно многое; но, понимаете, приличіе во всемъ! Еще Пушкинъ сказалъ: «свѣтъ не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ!». А Ефимъ Ѳедоровичъ сдѣлался очень неосторожень... причину его ссоры со мной, конечно, всѣ очень скоро отгадали, и это бросило на него сильную тѣнь... Потомъ... только опять умоляю, чтобы все это осталось между нами!.. Онъ живетъ теперь въ Петергофѣ на одной дачѣ съ madame Мѣровой, ихъ постоянно видятъ вмѣстѣ на пароходѣ и на желѣзной дорогѣ; они катаются, гуляютъ вдвоемъ, а въ Петергофѣ, какъ нарочно, нынѣшнее лѣто очень много поселилось сенаторовъ, членовъ государственнаго совѣта... всѣ они знакомы съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ и, встрѣчая его съ этой авантюристкой, удивляются, шокируются!.. Жена моя, которая тоже живетъ въ Петергофѣ, просто въ отчаяніи и не знаетъ: принимать ли ей Ефима Ѳедоровича, или нѣтъ, когда онъ пріѣдетъ къ ней.

— Фу ты, Боже мой, какая строгость!—воскликнулъ Бѣгушевъ:—мало у васъ этого въ Петербургѣ!

— Безъ сомнѣнія!.. Но Ефиму Ѳедоровичу не слѣдовало бы это дѣлать; къ нему какъ-то это нейдетъ! Жена моя, понимаете, никакъ не можетъ помириться съ этою мыслью и прямо

мнѣ пишетъ, что она ото всѣхъ людей ожидала подобнаго рода жизни, но не отъ Тюменева.

— Мало ли чего женщины ожидаютъ и не ожидаютъ отъ мужчинъ!..—замѣтилъ не безъ намека Бѣгушевъ.

— Разумѣется!.. особенно жена моя, которая черезчуръ уже prude!..—подхватилъ генералъ и потомъ, послѣ короткаго молчанія, присовокупилъ:—а что, мы не выпьемъ ли съ вами бутылку шампанскаго? Я русскій человѣкъ, не могу безъ шампанскаго!

Бѣгушевъ не отказался.

— Шампанскаго!—приказалъ генералъ гарсону.

— Frappé à la glace?—спросилъ тотъ.

— Un tout petit peu!—отвѣчалъ генералъ.

Шампанское подали, которое оказалось не frappé à la glace и очень плоховатаго качества, но какъ бы то ни было, выпивъ его стакана два, генералъ рѣшительно пришелъ въ умиленное состояніе.

— Какія иногда странныя мысли приходятъ въ голову человѣка! Мнѣ вотъ, сидя въ этомъ маленькомъ кабачкѣ, припомнилось, какъ мы съ вами, cousin, служили на Кавказѣ и стаивали на бивуакахъ... Для васъ, конечно, это было очень тяжелое время!

— Напротивъ, я никогда не былъ такъ счастливъ, какъ тогда!—возразилъ Бѣгушевъ.

— И это возможно!.. Очень возможно!..—согласился генералъ.—Одна молодость сама по себѣ, и то уже счастье!.. Я послѣ васъ долго оставался на Кавказѣ, и вы оставили по себѣ очень хорошую память, главное, какъ о храбромъ офицерѣ!

— Что за особенно храбрый я былъ!—возразилъ Бѣгушевъ скромно.

— Очень храбрый!.. Товарищи и начальники ваши тогда искренно сожалѣли, что вы оставили военную службу, для которой положительно были рождены; даже покойный государь Николай Павловичъ...—эти слова генералъ началъ опять говорить потише: — который, надо говорить правду, не любилъ васъ, но нашему полковому командиру, который приходился мнѣ и вамъ дядей, говорилъ нѣсколько разъ: «Какой бы изъ этого лѣнтяя Бѣгушева... извините за выраженіе... вышелъ боевой генералъ!..» Потому что дѣйствительно, когда вы на вашемъ десятитысячномъ конѣ ѣхали впереди вашего эскадрона, которымъ вы, замѣтьте, командовали въ чинѣ корнета, что было тогда очень рѣдко, то мнѣ одна изъ grandes dames... не Наталья Сергѣевна, нѣтъ, другая говорила, что вы ей напоминаете рыцаря средневѣковаго.

Бѣгушевъ при этомъ поднялся.

— Куда же вы?.. Подождите Янсутскаго, всѣ бы вмѣстѣ день и провели,—останавливалъ его генералъ.

— Нѣтъ, я имѣю дѣло!—сказалъ ему рѣшительно Бѣгушевъ, главнымъ образомъ спѣшившій оставить ресторанъ, чтобы не встрѣтиться съ Янсутскимъ.

— Еще одно слово, cher cousin,—воскликнулъ генералъ:—напишите, пожалуйста, если можно, завтра къ Тюменеву, что я ни въ чемъ передъ нимъ не виноватъ, что я не зналъ даже ничего, отказывая графу Хвостикову.

Генералъ главнымъ образомъ боялся Тюменева по службѣ!

— Хорошо, напишу,—отвѣчалъ ему съ улыбкой Бѣгушевъ и, расплатившись за завтракъ, ушелъ.

Генералъ дожидался Янсутскаго часовъ до трехъ, наконецъ тотъ явился тоже въ статскомъ платьѣ, съ окончательно пожелтѣлой, перекошенной и какъ бы оглоданной рожей.

— Гдѣ вы были это?—спросилъ его генералъ.

— Въ разныхъ мѣстахъ!..—отвѣчалъ Янсутскій.—Дюжину устрицъ!..—прибавилъ онъ гарсону.

— Какъ можно въ маѣ мѣсяцѣ ѣсть устрицы!—остановилъ его генералъ.

— Отчего не ѣсть?—спросилъ Янсутскій.

— Устрицы въ маѣ любятъ, а у нихъ четыре сердца, и вообразите, какія онѣ должны быть исхудалыя,—разъяснилъ генералъ.

— Въ такомъ случаѣ я ничего не хочу... Дайте мнѣ кофе и коньяку!—сказалъ Янсутскій гарсону.

Тотъ подалъ ему требуемое.

Янсутскій, приливъ значительное количество коньяку въ кофе, началъ прихлебывать его: видимо, что онъ чѣмъ-то былъ очень встревоженъ и разстроенъ.

— Я завтра уѣзжаю въ Петербургъ,—объявилъ онъ генералу.

— Зачѣмъ?—спросилъ тотъ съ удивленіемъ и нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

— Вызываютъ по дѣлу Хмурина,—отвѣчалъ Янсутскій съ окончательно перекошеннымъ ртомъ.

— Хмурина?..—повторилъ генералъ еще съ бо́льшимъ удивленіемъ.

— Въ качествѣ свидѣтеля, не больше!—поспѣшилъ сказать Янсутскій; но втайнѣ онъ думалъ, что не въ качествѣ свидѣтеля, а ожидалъ чего-нибудь похуже.—Это въ одной только Россіи могутъ такъ распоряжаться... вдругъ вызываютъ человѣка черезъ посольство, чтобы непремѣнно пріѣхалъ... Спроси

бумагой, если что̀ нужно, я имъ отвѣчу, а они меня отрываютъ отъ всѣхъ моихъ дѣлъ, когда у меня здѣсь, въ Парижѣ, и заказовъ пропасть по моимъ дѣламъ, и многое другое!

— Но что̀ жъ было общаго между вами и Хмуринымъ?—спросилъ генералъ.

— Между нами, крупными дѣятелями, всегда очень много общаго! Офонькина вонъ тоже тянутъ, того даже изъ Египта, съ его виллы, гдѣ онъ проживалъ.

— Это жида этого Офонькина?—сказалъ презрительно генералъ.

— Положимъ, онъ жидъ, но онъ человѣкъ очень богатый и чрезвычайно честный!..—возразилъ Янсутскій: — не чета этому подлецу Хмурину.—Прежде, когда Янсутскій обдѣлывалъ дѣла съ Хмуринымъ, то всегда того хвалилъ больше, чѣмъ Офонькина, а теперь, начавъ съ Офонькинымъ оперивать, превозносилъ его до небесъ!

— Такъ наша поѣздка въ Елисейскія поля, можетъ-быть, не состоится?—произнесъ генералъ невеселымъ голосомъ.

— Отчего же не состоится?.. Нисколько!.. — воскликнулъ повеселѣвшимъ голосомъ Янсутскій; онъ въ время выпилъ еще чашку кофе съ коньякомъ.—Я, что̀ касается до удовольствій, особенно парижскихъ, передъ смертной казнью готовъ итти на нихъ.

— Въ такомъ случаѣ жаль, что я Бѣгушева не пригласилъ на нашу прогулку,—продолжалъ генералъ:—онъ сейчасъ здѣсь со мной завтракалъ!..

— Съ Бѣгушевымъ, слуга покорный!.. я никуда не поѣду!

— Но что̀ такое у васъ съ нимъ?—спросилъ генералъ съ любопытствомъ:—онъ какъ-то этакъ... да и вы тоже!..

— Рѣшительно ничего!.. Просто не любимъ другъ друга, взаимныя антипатіи!—сказалъ Янсутскій, начавшій окончательно ненавидѣть Бѣгушева, потому что Домна Осиповна, послѣ разрыва съ послѣднимъ, въ порывѣ досады на него, разсказала Янсутскому, какъ Бѣгушевъ бранилъ ее за обѣдъ у него и какъ даже бранилъ самого Янсутскаго!

— Между прочимъ, Бѣгушевъ мнѣ сказалъ, что онъ зналъ madame Мѣрову?—продолжалъ разспрашивать генералъ.

Онъ очень любилъ разговаривать о молоденькихъ и хорошенькихъ женщинахъ, чего дома ему рѣшительно не позволялось дѣлать

— Какъ ему не знать... она близкая пріятельница его бывшей пріятельницы.

— Это madame Олуховой, если я не ошибаюсь...

— Сей самой-съ!—подхватилъ Янсутскій.

— Но она ужъ больше не пріятельница Бѣгушева?—спросилъ генералъ.

— Нѣтъ!.. Напротивъ, врагъ его!.. Исторію эту вашему превосходительству такъ надо разсказать... Существовали въ Москвѣ два гражданскіе брака: мой съ Мѣровой и Бѣгушева съ Олуховой, и оба въ очень недолгомъ времени одинъ послѣ другого расторглись по прочинамъ далеко не схожимъ.

— А именно?—любопытствовалъ генералъ.

— Я-съ долженъ былъ разстаться, потому что, какъ говорилъ вамъ, когда приливъ денегъ былъ большой, тогда можно еще было удовлетворять желанія госпожи Мѣровой, но когда ихъ уменьшилось, такъ что же тутъ сдѣлаешь?..

— Гм! — произнесъ генералъ, припомня слова Бѣгушева по этому поводу.—А какая же причина у Бѣгушева?..—спросилъ онъ.

— Нѣсколько иная!.. Домна Осиповна главнымъ образомъ возмущалась тѣмъ, что Бѣгушевъ оказался скупцомъ великимъ!

— Бѣгушевъ!—даже воскликнулъ генералъ, зная всегда кузена за человѣка весьма тароватаго.

— То-есть не въ смыслѣ жизни для себя, нѣтъ, а для другихъ!

— И то неправда!—сказалъ генералъ:—онъ мнѣ кузенъ, его щедрость извѣстна въ нашемъ родственномъ кругу!

Янсутскій, по обыкновенію, ненадолго опѣшилъ: онъ не зналъ, что Бѣгушевъ былъ родня генералу.

— По крайней мѣрѣ, въ отношеніи Домны Осиповны Александръ Ивановичъ былъ таковъ. Онъ ей, въ продолженіе всей ихъ любви, не подарилъ даже какой-нибудь ленты рублевой,—проговорилъ онъ.

Генералъ сдѣлалъ небольшую гримасу. Онъ рѣшительно недоумѣвалъ, зачѣмъ Домнѣ Осиповнѣ была нужна рублевая лента?

Янсутскій, какъ бы понявъ его, выразился точнѣе.

— Конечно, дѣло не въ лентѣ рублевой, но Домна Осиповна, что очень натурально и свойственно женщинамъ, желала, чтобы Александръ Ивановичъ подарилъ ей что-нибудь ну, хоть какую-нибудь дачку тысячъ въ пять, въ шесть!

— Она сама богата! Сама бы могла купить себѣ дачу!—замѣтилъ генералъ.

— Но Домна Осиповна желала получить отъ него, потому что кто же къ богатству не стремится присоединить еще большаго богатства: это общее свойство людей! Кромѣ того, въ подаркѣ Бѣгушева Домна Осиповна увидѣла бы доказательство любви его.

Генералъ понималъ, что женщину, не имѣющую средствъ, мужчина долженъ на послѣднія средства поддерживать, понималъ, что женщина можетъ разорить мужчину: его самого въ молодости одна танцовщица такъ завертѣла, что онъ только женитьбой поправилъ состояніе; но чтобы достаточной женщинѣ ждать подарковъ отъ своего ami de coeur... это казалось генералу чувствомъ горничныхъ.

— За то, что Бѣгушевъ не подарилъ madame Олуховой дешевенькой дачки, она и подала ему карету?—спросилъ онъ съ несвойственной ему ядовитостью.

— За то,—отвѣчалъ Янсуескій, которому вовсе это было не удивительно въ Домнѣ Осиповнѣ.—По крайней мѣрѣ, она сама мнѣ говорила, что это одна изъ главныхъ причинъ!— присовокупилъ онъ.

Хорошо, что сѣдовласый герой мой не слыхалъ, что̀ разсказывалъ Янсутскій въ настоящія минуты о немъ и о Домнѣ Осиповнѣ. О, какъ бы возненавидѣлъ онъ ее, а еще болѣе самого себя, за то, что любилъ подобную женщину!

Вечеромъ Бѣгушевъ еще разъ встрѣтилъ генерала. Томимый скукою, онъ шелъ съ понуренной головой по бульварамъ, среди многолюдной толпы, идущей, разговаривающей, смѣющейся, ѣвшей, пившей въ открытыхъ кофейняхъ, и, совершенно случайно, взмахнувъ глазами въ сторону, увидалъ небыстро ѣдущее ландо, въ которомъ на задней скамейкѣ сидѣли двѣ молодыя дамы, а на передней Янсутскій и генералъ. Оба кавалера разговаривали съ своими дамами самымъ развязнымъ и веселымъ образомъ. О томъ, какого сорта были эти особы, сомнѣваться нечего!.. Бѣгушевъ, попавъ въ лучъ зрѣнія кузена и вспомнивъ сужденія его о Тюменевѣ, погрозилъ ему пальцемъ.

Генералъ довольно громко крикнулъ ему по-русски:

— Я въ Парижѣ, а не въ Петербургѣ! — и затѣмъ приложилъ пальцы своей руки къ губамъ, давая тѣмъ знать Бѣгушеву, что онъ касательно этой встрѣчи долженъ всю жизнь носить замо̀къ на устахъ своихъ!

VII.

Все, что̀ ни говорилъ генералъ Траховъ о Тюменевѣ, была правда. Ефимъ Ѳедоровичъ, какъ бы забывъ все въ мірѣ, предавался идилліи и жилъ на прелестнѣйшей дачѣ въ Петергофѣ вмѣстѣ съ madame Мѣровой; при нихъ также обиталъ и папаша ея, графъ Хвостиковъ. Съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ случилось явленіе, весьма часто повторяющееся между грубой

половиной человѣческаго рода, мужчинами. Вначалѣ онъ предполагалъ войти въ легкія и кратковременныя отношенія съ madame Мѣровой. Ефимъ Ѳедоровичъ, какъ мы знаемъ, не испытывалъ ни разу еще такъ называемыхъ благородныхъ интригъ и не вѣдалъ ни розъ ни терній оныхъ: на первыхъ порахъ madame Мѣрова совершенно его очаровала, и только благодаря своему благоразумному темпераменту онъ не надѣлалъ окончательныхъ дурачествъ.

Въ одно утро Тюменевъ сидѣлъ на широкой террасѣ своей дачи и пилъ кофе, который наливала ему Мѣрова. Тюменевъ рѣшительно являлъ изъ себя молодого человѣка: на немъ была соломенная шляпа, лѣтній пиджакъ и узенькія брючки. Что̀ касается до madame Мѣровой, то она была одѣта небрежно, и нельзя сказать, чтобы похорошѣла, напротивъ, похудѣла и постарѣла. Напившись кофе, Тюменевъ сталъ просматривать газету, а madame Мѣрова начала глядѣть задумчиво вдаль. Вдругъ она увидѣла подъѣхавшую къ ихъ дачѣ пролетку, въ которой сидѣлъ Бѣгушевъ.

— Боже мой, кого я вижу! — воскликнула Мѣрова съ неподдѣльнымъ удовольствіемъ и, соскочивъ съ террасы, бросилась навстрѣчу Бѣгушеву, обняла и даже поцѣловала его.

За ней слѣдовалъ и Тюменевъ. Онъ былъ очень доволенъ этою искреннею радостью Мѣровой пріѣзду его друга.

— Откуда? — спрашивалъ онъ, тоже обнимая и цѣлуя Бѣгушева.

— Изъ-за границы! — отвѣчалъ тотъ.

— Но какъ же тебѣ не грѣхъ было не отвѣтить мнѣ на мое весьма важное для меня письмо, да и потомъ ни строчки!

— Я къ тебѣ и прежде не часто писалъ! — произнесъ себѣ подъ носъ Бѣгушевъ и при этомъ потупился.

— Знаю я... Этимъ только и успокоивалъ себя... Но гдѣ же Домна Осиповна?.. Отчего ты не привезъ ее къ намъ?

Мѣрова взглянула при этомъ на Бѣгушева.

Домна Осиповна давно увѣдомила ее о разрывѣ своемъ съ нимъ и при этомъ описала его въ самыхъ черныхъ краскахъ, называя его эгоистомъ, скупцомъ, злецомъ. Мѣрова объ этомъ письмѣ ничего не говорила Тюменеву.

— Домны Осиповны, вѣроятно, здѣсь нѣтъ! Я не знаю даже, гдѣ она, — объяснилъ ему Бѣгушевъ.

Тюменевъ исполнился удивленія.

— Даже не знаешь!.. — проговорилъ онъ.

— Даже не знаю! — отвѣчалъ Бѣгушевъ съ удареніемъ.

Во все это время Мѣрова чрезвычайно внимательно смотрѣла на него.

— А за границей вы лѣчились? — спросила она его.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но ты однако очень перемѣнился... совсѣмъ посѣдѣлъ... похудѣлъ!.. — сказалъ ему Тюменевъ.

— Ужасно!.. невѣроятно!..—подхватила съ участіемъ Мѣрова.

Бѣгушевъ при этомъ улыбнулся.

— Въ природѣ все мѣняется: таковъ ея законъ!—сказалъ онъ.

Затѣмъ Тюменевъ началъ - было его разспрашивать объ Европѣ, объ ея литературныхъ, художественныхъ, политическихъ новостяхъ, и при этомъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что Бѣгушевъ какъ бы никого тамъ не видалъ и ничего не читалъ.

— Но гдѣ же ты собственно былъ? — спросилъ онъ его въ заключеніе.

— Въ Парижѣ.

— И что жъ тамъ дѣлалъ?

— Спалъ.

Тюменевъ расхохотался.

— Господи... въ Парижѣ спать?.. — воскликнула Мѣрова, припоминая, какъ она, бывши тамъ съ Янсутскимъ, бѣгала по красивымъ парижскимъ улицамъ въ какомъ - то ражѣ, почти въ сумасшествіи.

Вслѣдъ затѣмъ она, такъ какъ ей пора было дѣлать туалетъ, оставила террасу, взявъ напередъ слово съ Бѣгушева, чтобы онъ никуда-никуда не смѣлъ отъ нихъ уѣзжать.

Когда пріятели остались вдвоемъ, между ними сейчасъ же начался болѣе откровенный разговоръ.

— Я все-таки, любезный другъ, желаю знать опредѣлительно, что неужели же между тобой и Домной Осиповной совершенно и навсегда все кончено?

— Совершенно и навсегда!

— По какому поводу?

— По какому... — отвѣчалъ Бѣгушевъ неторопливо: — не скрываю, что я, можетъ-быть, не правъ: по поводу того, что она пошлянка и мѣщанка!

Тюменевъ махнулъ рукою.

— Ну, да, понимаю! — сказалъ онъ: — а съ ея стороны?

— Съ ея стороны, я не знаю! Впрочемъ, она меня не оставляла, а я ее оставилъ.

Тюменевъ покачалъ неодобрительно головой.

— Капризникъ ты величайшій,—вотъ что я тебѣ скажу.

— Не спорю! — согласился Бѣгушевъ: — но самъ ты счастливъ вполнѣ съ madame Мѣровой? — добавилъ онъ.

Что-то въ родѣ кислой улыбки проскользнуло на губахъ Тюменева.

— Полнаго счастья въ жизни нѣтъ; но, насколько оно возможно, я счастливъ, — отвѣчалъ онъ.

— А противъ тебя тутъ вопіетъ все общество за твою любовь, — продолжалъ Бѣгушевъ.

— Кто тебѣ это говорилъ?

— Кузенъ мой, Траховъ.

— А, генералъ отъ кухни!.. — произнесъ Тюменевъ съ явнымъ озлобленіемъ.

— Онъ умоляетъ тебя простить его за то, что имъ не былъ принятъ на службу графъ Хвостиковъ, хоть ты и ходатайствовалъ за него, — говорилъ Бѣгушевъ съ полуулыбкой.

— Твой кузенъ этотъ—такой дуракъ, — началъ Тюменевъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — и дуракъ неблагодарный: я дѣлалъ ему тысячи одолженій, а онъ не захотѣлъ взять къ себѣ больного, голодающаго старика на какое-то пустѣйшее мѣсто, которое тотъ ужъ и занималъ прежде.

— Но графъ на этомъ мѣстѣ проворовался, — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Вздоръ-съ, выдумки все это! — воскликнулъ Тюменевъ. Хвостиковъ съ божбой и клятвой успѣлъ его увѣрить, что онъ никогда ничего подобнаго не дѣлалъ.

— Тутъ, главное, то досадно, — продолжалъ Тюменевъ: — что у этого кухоннаго генерала половина чиновниковъ хуже графа, а онъ еще ломается, благородничаетъ!.. Впрочемъ, будемъ говорить о чемъ-нибудь болѣе пріятномъ... Скажи, madame Мѣрову ты хорошо знаешь? — заключилъ онъ.

— Нѣтъ; слыхалъ только, что она добрая.

— Ну, а еще что̀ слышалъ? Пожалуйста, говори откровенно.

— Слышалъ еще, что мотовка великая.

Объ этомъ свойствѣ Мѣровой Бѣгушеву натвердила Домна Осиповна и очень всегда обвиняла за то пріятельницу.

— Это есть отчасти, мотовата! — подтвердилъ Тюменевъ:— но полагаю, что отъ этого недостатка всякую женщину можно отучить убѣжденіями и разъясненіями.

Бѣгушевъ на лицѣ своемъ какъ будто бы выразилъ, что: «пожалуй, можно; а пожалуй, и нельзя!»

— Ты не предполагаешь жениться на Мѣровой?.. Она вдова! — сказалъ онъ.

При этомъ вопросѣ Тюменева даже всего подернуло.

— Что̀ за странная мысль пришла тебѣ въ голову; развѣ это возможно! — проговорилъ онъ.

— Отчего же невозможно?

Тюменевъ пожалъ плечами.

— Жена моя,—сказалъ онъ:—должна бывать во дворцѣ, но Елизавету Николаевну туда не пригласятъ, потому что прошедшее ея слишкомъ небезупречно, сверхъ того и характеръ ея!.. Характеръ ея во всякомъ случаѣ меня остановилъ бы.

— Что жъ, она капризна, зла?

— Не то что зла, — взбалмошна! — отвѣчалъ Тюменевъ и, вставъ, притворилъ дверь съ террасы на дачу. — Нагляднѣе всего это можно видѣть изъ нашихъ сердечныхъ отношеній,— продолжалъ онъ: — то иногда она сама начнетъ теребить, тормошить меня, спрашивать: «люблю ли я ее?». Я, конечно, въ восторгѣ, а потомъ, когда я спрошу ее: «Лиза, любишь ты меня?», она то проговоритъ: «да, немножко!», или комическимъ образомъ продекламируетъ: «люблю, люблю, безумно! пламенно!». А вотъ на-дняхъ такъ ужъ прямо, не церемонясь, объявила мнѣ, что я, по моимъ лѣтамъ, ничего отъ нея не имѣю права требовать, кромѣ уваженія, а потомъ задумалась и сдѣлалась мрачна, какъ я не знаю что! Разумѣется, я очень хорошо понимаю, что все это какое-то школьничество, рѣзвость, но все-таки, при отсутствіи другихъ данныхъ, необходимыхъ для семейной жизни, жениться мнѣ на Лизѣ страшновато!

Madame Мѣрова возвратилась и была, какъ слѣдуетъ на дачѣ, очень мило и просто одѣта. Бѣгушевъ, взглянувъ на часы, предложилъ-было ѣхать въ Петербургъ обѣдать къ Донону, но Тюменевъ, подъ вліяніемъ своего идиллическаго настроенія, не согласился.

— Нѣтъ, отобѣдаемте здѣсь, на чистомъ воздухѣ; у насъ есть превосходная зелень, свѣжее молоко, грибы, вообще ты встрѣтишь, благодаря хозяйству Елизаветы Николаевны, обѣдъ недурной, — проговорилъ онъ.

Но—увы!—обѣдъ оказался очень плохъ, такъ что Тюменевъ принужденъ былъ объяснить Бѣгушеву, что кухарка у нихъ очень плохая.

— Да и хозяйка такая же!.. — созналась откровенно Мѣрова.

— О, нѣтъ! — хотѣлъ возразить ей Тюменевъ, но въ это время проходившій мимо дачи почтальонъ подалъ Елизаветѣ Николаевнѣ письмо, прочитавъ которое, она поблѣднѣла.

— Отъ кого это и что такое? — спросилъ ее Тюменевъ, обезпокоенный ея видомъ.

— Я не знаю, что такое?.. Ничего не понимаю!.. Прочтите!.. — говорила она трепетнымъ голосомъ и подала письмо Тюменеву: глаза ея были полны слезъ.

Тюменевъ, пробѣжавъ бѣгло письмо, тоже, какъ видно, былъ пораженъ. Мѣрова между тѣмъ начала уже рыдать.

— Папа, мой бѣдный папа! — восклицала она.

— Померъ, что ли, графъ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, это бы еще было въ порядкѣ вещей; но онъ сегодня уѣхалъ въ Петербургъ и пишетъ теперь, что арестованъ.

Бѣгушевъ тоже удивился.

— За что?

— Будто бы за знакомство съ Хмуринымъ, но за знакомство по политическимъ только дѣламъ арестуютъ... боюсь, чтобы со стороны графа не было болѣе серьезнаго проступка!

— Какой у него можетъ быть серьезный проступокъ! — воскликнула madame Мѣрова, продолжая рыдать: — вѣроятно, взялъ чьи-нибудь чужія деньги и прожилъ ихъ... Это все я, гадкая, скверная, виновата... Я мало ему помогала послѣднее время. Въ Москвѣ онъ мнѣ самъ говорилъ, что по нѣскольку дней ему ѣсть было нечего! Я сейчасъ поѣду къ нему въ Петербургъ!

— Что жъ вы поѣдете, — остановилъ ее Тюменевъ: — себя еще больше разстроите и никакой пользы не принесете. Лучше я поѣду, все тамъ узнаю и поправлю, сколько возможно!

— Ничего вы не поправите!.. Очень нуженъ вамъ мой отецъ! — капризничала Мѣрова.

— Не отецъ вашъ, но ваше спокойствіе мнѣ нужно! — замѣтилъ ей тотъ съ нѣкоторою строгостью.

— Что же вы сдѣлаете? Попросите ли, чтобы его выпустили?

— Можетъ-быть, выпрошу, что и выпустятъ. Я поѣду прямо къ прокурору!.. — говорилъ Тюменевъ, беря шляпу и пальто:— ты, пожалуйста, останься съ Елизаветой Николаевной, а то она одна тутъ истерзается!.. — сказалъ онъ Бѣгушеву.

— Да, душенька Александръ Ивановичъ, останьтесь со мной! — умоляла Мѣрова, беря его за руку.

— Останусь! — отвѣчалъ тотъ.

Тюменевъ послѣ того остановилъ ѣхавшаго порожнякомъ извозчика, нанялъ его и уѣхалъ.

— Бѣдный папа, бѣдный! — начала-было снова восклицать Мѣрова и рыдать при этомъ.

— Зачѣмъ вы заранѣе такъ себя тревожите? Весьма вѣроятно, что все это кончится ничѣмъ, пустяками! — сказалъ ей Бѣгушевъ.

— Вы думаете, что пустяками? — переспросила его Елизавета Николаевна, сразу успокоенная немного этими словами его.

— Конечно, пустяками! — повторилъ Бѣгушевъ. — Что вы такая нѣжная дочь, это, разумѣется, хорошо!

— Ахъ, нѣтъ, я дурная дочь!.. — перебила его Мѣрова.

Въ это время къ террасѣ подошелъ молодой человѣкъ и приподнялъ свою шляпу.

— Здравствуйте, Мильшинскій!.. — сказала ему еще сквозь слезы Мѣрова.

Мильшинскій приподнялъ свою шляпу также и Бѣгушеву; тотъ ему отвѣтилъ тѣмъ же.

— А вы за нами, вѣроятно?.. Думаете, что мы пойдемъ гулять...—сказала плачевнымъ голосомъ Мѣрова.

— Вы вчера это изволили говорить! — произнесъ вѣжливо молодой человѣкъ.

— Ахъ, да; вчера—другое дѣло; но сегодня со мной несчастье случилось, страшное, ужасное.

— Какое? — спросилъ молодой человѣкъ съ замѣтнымъ участіемъ.

— Послѣ скажу!—отвѣчала скороговоркой Мѣрова.

Молодой человѣкъ постоялъ еще нѣсколько времени около рѣшетки.

— А Ефимъ Ѳедоровичъ?—спросилъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ!—отвѣчала Мѣрова.

Молодой человѣкъ все-таки не отходилъ отъ рѣшетки, и Бѣгушеву показалось, что какъ будто бы сей юноша и Мѣрова кидали другъ на друга какіе-то робкіе взгляды, и когда тотъ, сказавъ: — до свиданья! — пошелъ, то Елизавета Николаевна крикнула ему:

— Вы куда теперь?

— Въ Петергофъ иду пѣшкомъ!—отвѣчалъ ей молодой человѣкъ съ доброй улыбкой, и Мѣрова долго-долго слѣдила за нимъ, пока онъ совсѣмъ не скрылся изъ виду. Всѣ эти мелочи породили много мыслей въ проницательномъ умѣ Бѣгушева.

— Кто этотъ молодой человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Это Мильшинскій, онъ служитъ у Ефима Ѳедоровича,— отвѣчала небрежно Елизавета Николаевна, потомъ, помолчавъ, присовокупила нѣсколько нерѣшительнымъ голосомъ: — Александръ Ивановичъ, вы не разсердитесь на меня, если я васъ спрошу, какъ вы разстались съ Домной Осиповной?

— Въ какомъ смыслѣ вы хотите знать, какъ я съ ней разстался?—спросилъ тотъ.

— Въ такомъ, что много она плакала?

— Не знаю, я ея потомъ не видалъ.

— И объясненія между вами никакого не было?

— Никакого.

— Это, впрочемъ, лучше!—произнесла Мѣрова и взяла себя за голову.—Что тутъ объясняться? Зачѣмъ?

Бѣгушевъ молчалъ.

— А вы ее очень любили?—продолжала она.

— Любилъ!

— Можетъ-быть, и теперь ее любите?

— Не знаю!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но тогда для чего же вы ее покинули? Она васъ любила, вы ее любили: изъ-за чего все это произошло?

— Изъ-за многаго!—сказалъ Бѣгушевъ, не хотѣвшій Елизаветѣ Николаевнѣ объяснять поводы къ разлукѣ съ Домной Осиповной и полагавшій, что она не пойметъ ихъ.

— Домна Осиповна больна была очень послѣ того и писала мнѣ отчаянное письмо, гдѣ она называла вашъ поступокъ безчеловѣчнымъ; я тоже согласна съ ней: вотъ другое дѣло, если бы вы не любили ея!.. — заключила, или, лучше сказать, какъ-то оборвала свои слова Мѣрова.

— Госпожа Олухова и до сихъ поръ больна? — спросилъ протяжно Бѣгушевъ.

— О, нѣтъ...—воскликнула Мѣрова:—теперь она совершенно здорова и весела. Папа недавно былъ въ Москвѣ и заѣзжалъ къ ней. Онъ говоритъ, что она опять сошлась съ мужемъ, формально сошлась, живетъ въ одномъ домѣ съ нимъ, у него нѣтъ никакихъ привязанностей... она заправляетъ всѣми его дѣлами... разъѣзжаетъ съ нимъ по городу въ щегольской колескѣ... Янсутскій строитъ имъ домъ огромный, тысячъ въ пятьсотъ... Каждую недѣлю у нихъ обѣды и балы!

Складъ губъ Бѣгушева при этомъ разсказѣ выразилъ чувство гадливости.

— И папа еще сказывалъ (у него обыкновенно ничего не сорвется съ глазу),—продолжала Мѣрова:—что за Домной Осиповной докторъ ея очень ухаживаетъ.

— Перехватовъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да... красавецъ московскій, херувимъ съ вербы,—развѣ тутъ что-нибудь не произойдетъ ли? — проговорила Мѣрова.

Начавъ разговаривать о пріятельницѣ, она, кажется, совсѣмъ забыла объ отцѣ.

Гадливость все болѣе и болѣе отражалась на лицѣ Бѣгушева.

— А сами вы ни въ кого не влюбились?—полюбопытствовала Мѣрова.

— Зачѣмъ же влюбляться?.. Развѣ это непремѣнная обязанность!..—произнесъ онъ.

— Не обязанность, но вы, я убѣждена, можете еще полюбить, если только какая-нибудь счастливица удостоится чести понравиться вамъ...

Бѣгушевъ при этихъ словахъ взглянулъ на Елизавету Николаевну: у ней что-то странное выражалось въ глазахъ.

— Нѣтъ, не могу!—сказалъ онъ.

– Рѣшительно не можете? — переспросила его еще разъ Мѣрова.

— Рѣшительно!

Странное выраженіе глазъ оставалось у Елизаветы Николаевны.

— А какъ вы сблизились съ моимъ другомъ, Ефимомъ Ѳедоровичемъ?—спросилъ ее въ свою очередь Бѣгушевъ.

Вопросъ этотъ на первыхъ порахъ смутилъ нѣсколько Елизавету Николаевну.

— Сблизилась,—начала она съ маленькой гримасой: — онъ мнѣ сдѣлалъ признаніе въ любви... сталъ принимать во мнѣ большое участіе... съ Янсутскимъ я тогда уже разссорилась и жила въ номерахъ.

— Но сами вы его любите теперь? — допытывался Бѣгушевъ

Мѣрова еще болѣе смутилась и потомъ, вдругъ поднявъ свои глазки на Бѣгушева, пристально посмотрѣла на него.

— Я бы вамъ призналась, но вы разскажете Ефиму Ѳедоровичу,—произнесла она какимъ-то почти дѣтскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не разскажу,—успокоилъ ее Бѣгушевъ.

— Поклянитесь, что не разскажете?

— Зачѣмъ же клясться? Если я говорю, что не скажу, то и не скажу.

— Ну, хорошо. Ефима Ѳедоровича я уважаю только; любить его нельзя, онъ очень старъ, какой-то невеселый и при этомъ нѣжничаетъ еще, фи!..

«Бѣдный другъ мой!»—подумалъ про себя Бѣгушевъ.

— Моя жизнь очень тяжела,—продолжала Мѣрова: — я по наружности только смѣюсь и болтаю, а спросили бы меня, что я чувствую... Доктора вонъ говорятъ, что у меня чахотка; а я все не могу умереть!

При этихъ ея словахъ Бѣгушеву сдѣлалось ужъ ея жаль. Понятно, что Елизавета Николаевна нисколько не любила Тюменева.

— Неужели же Янсутскій лучше Ефима Ѳедоровича? — сказалъ онъ.

— Я не говорю этого, но Янсутскій больше развлекалъ меня: мы почти каждый вечеръ ѣздили то въ театръ, то въ собраніе, то въ гости, а Ефимъ Ѳедоровичъ все сидитъ дома и читаетъ мнѣ стихи Лермонтова!

Послѣднее занятіе, повидимому, было болѣе всего непріятно Мѣровой.

Бѣгушевъ при этомъ невольно улыбнулся, воображая, какъ его высокопочтенный другъ передъ своей юной подругой чи-

талъ съ чувствомъ и удареніемъ: «Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ, межъ утесистыхъ громадъ!»

Елизавета Николаевна наконецъ встала: безпокойство и досада видѣлись въ ея хорошенькихъ глазкахъ.

— Какой досадный этотъ Тюменевъ: до сихъ поръ не ѣдетъ!—произнесла она раздраженнымъ голосомъ.—Пойдемте, пожалуйста, въ Петергофъ пѣшкомъ ему навстрѣчу, чтобы мнѣ поскорѣе узнать о папа!

Бѣгушевъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ заподозрѣлъ, что не одно желаніе узнать поскорѣе объ участи отца заставляло Мѣрову придумать эту прогулку, и что въ этомъ скорѣе таилась надежда встрѣтиться съ молодымъ человѣкомъ, ушедшимъ именно по этой дорогѣ.

Предположеніе его врядъ ли было не справедливо, потому что Мѣрова, какъ только издалека еще видѣла идущаго имъ навстрѣчу мужчину, то сейчасъ же, прищуривъ глазки, начинала смотрѣть на него, и когда оказывалось, что это былъ совсѣмъ незнакомый ей, она дѣлала досадливую мину и обращалась съ разговоромъ къ Бѣгушеву. Въ Петергофѣ имъ пришлось ожидать поѣзда цѣлый часъ. Чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, они ходили по Петергофскому саду, взбирались на его горы, глядѣли на фонтанъ Самсонъ. Бѣгушевымъ отъ всѣхъ этихъ далеко не новыхъ ему видовъ овладѣла невыносимая скука, madame Мѣрова была озабочена своими собственными мыслями. Наконецъ въ половинѣ восьмого они направились къ вокзалу и едва успѣли войти въ него, какъ Мѣрова, шедшая подъ руку съ Бѣгушевымъ, явно-радостнымъ голосомъ произнесла: «Ахъ, и вы тутъ!». Бѣгушевъ обернулся и увидѣлъ, что около нихъ стоялъ Мильшинскій. Подозрѣніе его окончательно утвердилось. «Бѣдный другъ мой!»—повторилъ онъ еще разъ и хотѣлъ заняться внимательнымъ наблюденіемъ за Мѣровой и ея знакомымъ, но въ это время раздался свистъ подходящаго поѣзда. Елизавета Николаевна стремглавъ бросилась на платформу, такъ что Бѣгушевъ едва поспѣлъ за нею, и черезъ нѣсколько минутъ изъ вагона перваго класса показался Тюменевъ, а за нимъ шелъ и графъ Хвостиковъ. Мѣрова съ рыданьями бросилась отцу на шею. У графа Хвостикова тоже появились слезы на глазахъ.

— Тебя выпустили, папа!—говорила она.

— Послѣ!.. послѣ!.. — перебилъ ее тотъ и обратился къ Бѣгушеву.

— Вы видите передъ собой преступника и арестанта!..

И при этомъ графъ съ горечью показалъ на себя.

Когда всѣ вошли въ залу, то Мильшинскій былъ еще тамъ

и, при проходѣ мимо него Тюменева, почтительно ему поклонился, а тотъ ему на его поклонъ едва склонилъ голову: очень ужъ Мильшинскій былъ ничтоженъ по своему служебному положенію передъ Тюменевымъ! На дачу согласились итти пѣшкомъ. Тюменевъ пошелъ подъ руку съ Мѣровой и графъ Хвостиковъ съ Бѣгушевымъ. Графъ шелъ съ наклоненной головой и очень печальный. Бѣгушеву казалось неделикатнымъ начать его разспрашивать о причинѣ ареста, но тотъ, впрочемъ, самъ заговорилъ объ этомъ.

— Блаженъ, блаженъ, кто не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ!—началъ онъ мелодраматическимъ голосомъ:—пока я не водился съ мошенниками, было все хорошо; а повелся, самъ оказался мошенникомъ.

— Въ чемъ же васъ обвиняютъ?.. Неужели въ знакомствѣ только?

— Обвиняютъ меня въ ужасной вещи, въ гадкой... Вы знаете, я занимался у Хмурина дѣлами, главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что въ трудныхъ случаяхъ, когда его собственной башки не хватало, помогалъ ему совѣтами. Разъ онъ мнѣ поручилъ продать на биржѣ нѣсколько векселей съ его бланковыми надписями, которыя потомъ оказались фальшивыми; спрашивается, могъ я знать, что онѣ фальшивыя?

— Конечно, могли и не знать!—сказалъ Бѣгушевъ, думая про себя, что «если бы ты, голубчикъ, и зналъ это, такъ все-таки продалъ бы векселя изъ угожденія Хмурину!».—Однако васъ выпустили: доказательство, что въ поступкѣ вашемъ не видятъ ничего важнаго!—прибавилъ онъ вслухъ.

— Пока выпустили!.. Я не знаю, какъ Тюменевъ это устроилъ!..—проговорилъ графъ Хвостиковъ нѣсколько страннымъ голосомъ:—меня тутъ больше всего безпокоитъ, что Лизу, говорилъ мнѣ Ефимъ Ѳедоровичъ, очень это огорчило.

— Очень!—подтвердилъ Бѣгушевъ.

— О, она любитъ меня... я видѣлъ много тому доказательствъ,—произнесъ съ чувствомъ графъ, и слезы у него снова навернулись на глазахъ.

Отъ старости и отъ разнаго рода житейскихъ передрягъ Хвостиковъ становился наконецъ слезливъ.

— Какъ я тебѣ благодарна, что ты спасъ отца,—говорила въ это время Мѣрова.

Тюменевъ ничего ей на это не отвѣтилъ.

— Ты, я думаю, какъ только пріѣхалъ и попросилъ тамъ, его сейчасъ же и выпустили.

— Да, я съѣздилъ къ прокурору!..—проговорилъ протяжно Тюменевъ и съ нѣсколько кислой улыбкой на губахъ: въ

сущности, онъ обязался внести залогу пять тысячъ рублей за графа Хвостикова. — Только чтобы родитель вашъ не улизнулъ куда-нибудь, тогда я за него въ отвѣтѣ буду! — объяснилъ онъ.

— Куда жъ ему улизнуть?—воскликнула Мѣрова: — у него денегъ нѣтъ доѣхать даже до Петербурга!

— И не давайте, пожалуйста, ему теперь денегъ!—объявилъ Тюменевъ.

Проводя друзей своихъ до дачи, Бѣгушевъ распрощался съ ними и отправился обратно въ Петербургъ. Невозможно описать, какая тоска имъ владѣла. Отчего это происходило: отъ разстройства ли брюшныхъ органовъ или отъ встрѣчаемаго всюду и вездѣ безобразія, онъ самъ бы не могъ отвѣтить.

Войдя въ свой просторный номеръ, Бѣгушевъ торопливо спросилъ себѣ бутылку хереса и почти залпомъ выпилъ ее. Послѣднее время онъ довольно часто сталъ прибѣгать къ подобному развлеченію.

XIII.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Хмурина графъ Хвостиковъ не былъ обозначенъ. Тюменевъ успѣлъ кому слѣдуетъ растолковать, до какой степени графъ глупъ и какой онъ нищій. Сей послѣдній, конечно, не зналъ этого и былъ въ восторгѣ, что спасся отъ бѣды. По наружности, впрочемъ, графъ Хвостиковъ сохранилъ довольно гордый и спокойный видъ и всѣмъ говорилъ: «Я зналъ это! Совершенно увѣренъ былъ въ томъ!..» А между тѣмъ, скрывая отъ всѣхъ, онъ ходилъ въ Казанскій соборъ, когда тамъ никакого не было народу, становился на колѣни передъ образомъ Казанской Божьей Матери и горячо молился: «Богородица, Богородица, я въ Тебя не вѣрилъ прежде, а теперь вѣрую и исповѣдаю Тя! — говорилъ онъ, колотя себя въ грудь и сворачивая нѣсколько въ славянскій тонъ:—дай мнѣ только прокормиться въ жизни и не умереть съ голоду, заступница и хранительница всѣхъ неимущихъ!..»—шепталъ онъ далѣе.

Когда начался судъ по дѣлу Хмурина, графъ, выпросивъ позволеніе у Тюменева переѣхать въ городъ на его квартиру, являлся на каждое засѣданіе, а потомъ забѣгалъ къ Бѣгушеву въ гостиницу и питался у него. По самой пустотѣ своей, Хвостиковъ не былъ злой человѣкъ, но и онъ въ неистовство приходилъ, разсказывая Бѣгушеву, какъ Янсутскій и Офонькинъ вывертывались у слѣдователя на судебномъ слѣдствіи.

— Это такіе, я тебѣ скажу, мошенники, — говорилъ онъ,

ходя съ азартомъ по комнатѣ въ то время, какъ Бѣгушевъ полулежалъ на диванѣ и съ любопытствомъ слушалъ его: — такіе, что... особенно Янсутскій. (На послѣдняго графъ очень злился за дочь). Всѣ знаютъ, что онъ вмѣстѣ обдѣлывалъ разныя штуки съ Хмуринымъ, а выходитъ чистъ, какъ новорожденный младенецъ... Слѣдователь, надобно отдать ему честь, умѣлъ читать душу у всѣхъ насъ; но Янсутскій и тому отводилъ глаза: на все у него нашлось или расписочка отъ Хмурина, или приказъ Хмурина!

— Онъ полякъ, должно-быть! — замѣтилъ Бѣгушевъ, не мѣняя своей позы.

— Вѣрное замѣчаніе!.. Непремѣнно полякъ!..—согласился Хвостиковъ: — но это бы еще не бѣда!.. Я самъ человѣкъ французскаго воспитанія... Даже болѣе того: французъ по происхожденію.

— Это съ какой стати? воскликнулъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ немного позамялся.

— Эта исторія, я думаю, извѣстна всѣмъ: я сынъ не графа Хвостикова, а эмигранта французскаго, бѣжавшаго въ Россію послѣ первой революціи, который былъ гувернеромъ моихъ старшихъ братьевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ le bien aimé моей матери...

«Этакій болванъ,—подумалъ Бѣгушевъ:—для вздорной болтовни не щадитъ и матери».

— Но я все-таки русакъ—продолжалъ Хвостиковъ.

По какому-то отдаленному чутью онъ предугадывалъ, что въ послѣднее время бить въ эту сторону стало недурно!

— Офонькинъ тоже, должно-быть, на слѣдствіи красивъ: перепугался, вѣроятно, до-нельзя!..—сказалъ Бѣгушевъ.

— Въ началѣ очень, а теперь нѣтъ. Отлично отлынивается; у него всѣ дѣла вотъ какъ переплетены были съ дѣлами Хмурина!..—говорилъ графъ и при этомъ пальцы одной руки положилъ между пальцами другой: — но по дѣлу выходитъ, что ничего, никакой связи не было.

— Онъ жидъ!—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Чистѣйшій!.. Безъ отмѣтины!.. — продолжалъ Хвостиковъ:—такъ что, я вижу, присяжные даже злятся, что отчего же эти господа не на скамьѣ подсудимыхъ, потому что они хуже тѣхъ, которыхъ судятъ!.. О, я тебѣ скажу, у насъ вездѣ матери Митрофаніи: какое дѣло ни копни, мать Митрофанія № 1-й, мать Митрофанія № 2-й и 3-й!

Бѣгушевъ расхохотался, послѣдняя мысль графа ему очень понравилась. Тотъ это подмѣтилъ и продолжалъ:

— Сатирикомъ ужъ я сдѣлался!.. Впрочемъ, говорятъ, что я давно на Вольтера походилъ.

— Только на беззубаго,—поумѣрилъ его Бѣгушевъ.

— Это такъ! — согласился Хвостиковъ: — ни одного своего зуба нѣтъ: всѣ вставленные.

— А какъ Хмуринъ себя держитъ на судѣ? — полюбопытствовалъ Бѣгушевъ.

— Великолѣпно, гордо, спокойно, осанисто, и когда эти шавки Янсутскій и Офонькинъ начнутъ его щипать, онъ только имъ возражаетъ: «Попомните Бога, господа, такъ ли это было? Не вы ли мнѣ это совѣтовали, не вы ли меня на то и на другое науськивали!» — словомъ, какъ истинный русскій человѣкъ!

Графъ Хвостиковъ, по преимуществу, за то былъ доволенъ Хмуринымъ, что тотъ, какъ только его что-либо при слѣдствіи спрашивали относительно участія графа въ дѣлѣ, махалъ рукой, усмѣхался и говорилъ:—«Графъ тутъ не при чемъ! Мы ему ничего серьезнаго никогда не объясняли!». И Хвостиковъ простодушно воображалъ, что Хмуринъ его хвалилъ въ этомъ случаѣ.

Въ одно утро графъ вошелъ въ номеръ Бѣгушева въ сильныхъ попыхахъ и задыхаясь.

— Я за тобой,—сказалъ онъ:—Тюменевъ и Елизавета Николаевна стоятъ у подъѣзда, они ѣдутъ въ судъ; поѣдемъ и ты съ нами: сегодня присяжные выносятъ вердиктъ.

Бѣгушевъ сначала-было не хотѣлъ, но потомъ надумалъ: очень ужъ ему скучно было! Сойдя вмѣстѣ съ графомъ на улицу, Бѣгушевъ увидѣлъ, что Елизавета Николаевна и Тюменевъ сидѣли въ коляскѣ, и при этомъ ему невольно кинулось въ глаза, что оба они были съ очень сердитыми лицами. Бѣгушевъ сказалъ имъ, чтобы они ѣхали, и что онъ пріѣдетъ одинъ. Графъ Хвостиковъ проворно вскочилъ въ коляску и захлопнулъ дверцы ея. Бѣгушевъ послѣдовалъ за ними на извозчикѣ. Въ судѣ начальство хотѣло-было провести и посадить Тюменева на одно изъ почетныхъ мѣстъ; но онъ просилъ позволить ему сѣсть, гдѣ приведется, вмѣстѣ со своими знакомыми; такимъ образомъ онъ и все прочее его общество очутились на самой задней и высокой скамейкѣ... публики было—яблоку упасть негдѣ... Передъ глазами нашихъ посѣтителей виднѣлись всюду мундиры, а мѣстами и звѣзды, фраки, пиджаки, головы плѣшивыя, сѣдыя, рыжія, черныя, бѣлокурыя, дамскіе уборы красивые и безобразные. Моментъ этотъ былъ величественный. Хмуринъ, попрежнему щеголевато одѣтый въ длинный сюртукъ и съ напомаженной головой, началъ говорить свое послѣднее оправдательное слово. Болѣе мелкіе подсудимые (все почти приказчики; было, впрочемъ, два-три жидка

и одинъ заштатный чиновникъ), всѣ они еще ранѣе сказали свое слово. Тишина въ залѣ царствовала полнѣйшая.

— Господа присяжные! — говорилъ Хмуринъ звучнымъ и яснымъ голосомъ: — я человѣкъ простой, лыкомъ, какъ говорится, шитый; всякъ меня опутывалъ и обманывалъ, не погубите и вы меня вдосталь, оправдайте и отпустите на вольную волюшку, дайте мнѣ еще послужить нашей матушкѣ Россіи!

Слова эти въ нѣкоторой части публики вызвали слезы, а въ другой усмѣшку, и даже раздалось довольно громкое восклицаніе: «Ванька Каинъ въ тюрьмѣ точно такъ же причитывалъ!».

Предсѣдатель обратилъ-было глаза въ ту сторону, откуда это послышалось; но узнать, кто именно сказалъ, было невозможно.

— Я старикъ старый,—продолжалъ подсудимый:—и не отъ міра сего жить желаю, а чтобы въ добрѣ и чести, какъ жилъ я до окаяннаго моего разоренія, покончить дни мои!..

Проговоривъ это, Хмуринъ вдругъ за своей рѣшеткой поклонился въ землю, явно желая тѣмъ выразить, что онъ кланяется въ ноги присяжнымъ.

Это всѣмъ не понравилось, а больше всѣхъ графу Хвостикову.

— Oh! diable! Я бы никогда этого не сдѣлалъ!—произнесъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ.

Предсѣдатель затѣмъ объявилъ, что присяжные могутъ удалиться. Тѣ пошли въ комнату. Судебный приставъ заперъ ихъ тамъ. Въ публикѣ поднялся легкій шумъ: стали приходить, уходить, негромко разговаривать. «Обвинятъ, непремѣнно обвинятъ!..»—бормоталъ адвокатъ Хмурина, съ русской физіономіей и съ выпученными, испуганными глазами.—«Но почему вы думаете это?»—спросилъ его другой адвокатъ, съ сильнымъ польскимъ акцентомъ.—«Присяжные все нѣмцы и чиновники»,—объяснилъ адвокатъ Хмурина. — «А отчего же вы не отвели ихъ?»—возразилъ ему третій адвокатъ, съ жидовской физіономіей.—«А кого мнѣ было предпочесть имъ; нынче весь составъ ихъ таковъ!..»—воскликнулъ уже довольно громко хмуринскій адвокатъ. При этомъ стоявшій невдалекѣ отъ него судебный приставъ взглянулъ на него, а потомъ, подойдя къ одному изъ своихъ товарищей, шепнулъ ему, показывая головой на адвоката:

— Какъ боится, что обвинятъ: тогда половина только гонорара попадетъ ему въ карманъ!

— Доберетъ еще за кассаціонную жалобу, тогда не помилуетъ!..—отвѣчалъ тотъ съ грустью.

Янсутскій и Офонькинъ были тоже въ залѣ и вели себя

омерзительно. Они смѣялись, переглядывались съ какими-то весьма подозрительнаго тона дамами. Графъ Хвостиковъ видѣлъ все это и старался смотрѣть на нихъ тигромъ. Къ довершенію картины, изъ открытыхъ оконъ залы слышался то гулъ проѣзжавшаго экипажа, то крикъ: «говяжій студень! говяжій студень!», то перебранка жандарма съ извозчиками: «Я тѣ, чортъ, дамъ! Куда лѣзешь!»—«Я не лѣзу-съ!»—отвѣчалъ извозчикъ и все-таки ѣхалъ. Наконецъ жандармъ трахъ его по спинѣ ножнами сабли; извозчикъ тогда уразумѣлъ, что ѣхать нельзя тутъ, и повернулъ лошадь назадъ. Прошелъ такимъ образомъ часъ, два, три; всѣ начали чувствовать сильное утомленіе; наконецъ раздался звонокъ изъ комнаты присяжныхъ. Хмуринъ, сидѣвшій все время неподвижно и съ опущенною головою, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Присяжные начали выходить. Впереди шелъ предсѣдатель ихъ, человѣхъ пожилой и строгой наружности.

— Этотъ, кажется, не помилуетъ! — замѣтилъ Бѣгушевъ тихо Тюменеву.

— Вѣроятно! Я его знаю, онъ очень умный и честный человѣкъ!—отвѣчалъ тотъ.

На всѣ вопросы: «виновенъ ли Хмуринъ въ томъ-то и въ томъ то?»—было отвѣчено: «Да, виновенъ!».

Хмуринъ опустился на спинку своего стула. Графъ Хвостиковъ заплакалъ и поспѣшилъ утереть глаза платкомъ, который оказался весь дырявый.

Бѣгушевъ, болѣе не вытерпѣвъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ Тюменеву вслухъ:

— Судъ хоть и необходимая вещь, но присутствовать на немъ изъ простого любопытства—безнравственно.

Затѣмъ онъ пошелъ.

— Ты ужъ уходишь?—спросилъ его Тюменевъ.

— Да.

— Домой?

— Домой!

При выходѣ къ Бѣгушеву отнесся адвокатъ Хмурина, весь даже дрожавшій.

— Я слышалъ, что вы сказали; благодарю!—проговорилъ онъ.

Бѣгушевъ, не совсѣмъ хорошо понявши, за что собственно тотъ его благодарилъ, отвѣтилъ ему молчаливымъ поклономъ и, выйдя изъ зданія суда, почувствовалъ, что какъ будто бы онъ изъ ада вырвался.

— Люди тѣ же шакалы, тѣ же!—повторялъ онъ мысленно, идя къ своей гостиницѣ, хотя передъ тѣмъ только еще поутру думалъ: «Хорошо, если бы кого-нибудь изъ этихъ каналій, въ

примѣръ прочимъ, на каторгу закатали!» — а теперь что онъ говорилъ?.. По уму онъ былъ очень строгій человѣкъ, а сердцемъ добрый и чувствительный.

Передъ самымъ обѣдомъ, когда Бѣгушевъ хотѣлъ-было сходить внизъ, въ залу за табльдотъ, къ нему вошли въ номеръ Тюменевъ и графъ Хвостиковъ.

— Мы къ тебѣ съ наяномъ! — сказалъ первый: — какъ хочешь, накорми насъ обѣдомъ.

— Отлично сдѣлали! — сказалъ Бѣгушевъ съ удовольствіемъ и немедля распорядился, чтобы обѣдъ на три прибора подали къ нему въ номеръ и къ оному приличное число краснаго вина и шампанскаго.

— Виновница тому, — началъ Тюменевъ: — что мы у тебя такъ нечаянно обѣдаемъ, Елизавета Николаевна, которая, выходя изъ суда, объявила намъ, что на дачѣ у насъ ничего не готовлено, что сама она поѣдетъ къ своей модисткѣ и только къ вечеру вернется въ Петергофъ; зачѣмъ ей угодно было предпринять подобное распоряженіе, я не вѣдаю! — заключилъ онъ и сдѣлалъ злую гримасу. Видимо, что эта выходка Мѣровой ему очень была непріятна.

— Когда женщины думаютъ о нарядахъ, онѣ забываютъ все другое и теряютъ всякую логику! — сказалъ графъ Хвостиковъ, желая оправдать дочь свою въ глазахъ Тюменева.

Обѣдъ хоть и былъ очень хорошій и съ достаточнымъ количествомъ вина, однако не развеселилъ ни Тюменева ни Бѣгушева, и только графъ Хвостиковъ, выпившій стакановъ шесть шампанскаго, принялся врать, на чемъ свѣтъ стоитъ: онъ разсказывалъ, что отецъ его, т.-е. гувернеръ-французъ, по боковой линіи происходилъ отъ Бурбоновъ, и что поэтому у него въ гербѣ бѣлая лилія, вмѣсто черной собаки, рисуемой обыкновенно въ гербѣ графовъ Хвостиковыхъ.

Собесѣдники графа, конечно, не слушали его, а Бѣгушевъ все продолжалъ взглядывать на Тюменева внимательно, который начиналъ ужъ безпокоить его своимъ озлобленнымъ видомъ.

— А когда ты въ Москву уѣзжаешь? — спросилъ между тѣмъ тотъ.

— На-дняхъ! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— На-дняхъ! — воскликнулъ почти съ испугомъ графъ Хвостиковъ: съ отъѣздомъ Бѣгушева изъ Петербурга ему прекращалась всякая возможность перекусить гдѣ-нибудь и что-нибудь, когда онъ пріѣзжалъ съ дачи въ городъ.

— Зачѣмъ такъ скоро? — проговорилъ Тюменевъ.

— Номерная жизнь надоѣла! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Ему въ самомъ дѣлѣ прискучили, особенно въ послѣднюю

поѣздку за границу, отели, съ ихъ табльдотами, кельнерами. Ему даже начинала улыбаться мысль, какъ онъ войдетъ въ свой московскій прохладный домъ, какъ его встрѣтитъ глупый Прокофій, и какъ поваръ его, вмѣсто фабрикованнаго трактирнаго обѣда, изготовитъ ему что-нибудь пооригинальнѣе, хоть при этомъ онъ не могъ не подумать: «А что же сверхъ того ему дѣлать въ Москвѣ?»—«То же, что и вездѣ: страдать!»—отвѣчалъ себѣ Бѣгушевъ.

Тюменевъ, отобѣдавъ, вскорѣ собрался ѣхать на дачу: должно-быть, его тамъ что-то такое очень безпокоило. При прощаніи онъ взялъ съ Бѣгушева честное слово завтра пріѣхать къ нему въ Петергофъ на цѣлый день. Бѣгушевъ обѣщалъ. Когда графъ Хвостиковъ, уѣзжавшій тоже съ Тюменевымъ вмѣстѣ, садясь въ коляску, пошатнулся немного, благодаря выпитому шампанскому, то Тюменевъ при этомъ толкнулъ его еще ногой: злясь на дочь, онъ вымѣщалъ свой гнѣвъ и на отцѣ.

Утро на другой день оказалось довольно свѣжее и сѣроватое. Бѣгушевъ для своей поѣздки въ Петергофъ велѣлъ себѣ привести парную коляску: онъ рѣшилъ ѣхать по шоссе, а не по желѣзной дорогѣ, которая ему не менѣе отелей надоѣла; въ продолженіе своей жизни онъ проѣхалъ по нимъ десятки тысячъ верстъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онѣ вошли въ общее употребленіе, для него вся прелесть путешествія пропала: «такъ птицъ только можно возить, а не людей!»—говорилъ онъ почти каждый разъ, входя въ узенькое отдѣленіе вагона.

Выбравшись съ петербургской мостовой, извозчикъ поѣхалъ довольно быстрой рысью. Бѣгушевъ не безъ удовольствія покачивался въ спокойномъ фаэтонѣ: въ настоящія минуты онъ былъ хоть и не въ веселомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ довольно покойномъ расположеніи духа, и мысли его мало-по-малу устремились на воспоминаніе о Домнѣ Осиповнѣ: то, что она теперь дѣлала и какого рода жизнь вела, ему и вообразить было противно; но у него существовало прошедшее съ Домной Осиповной, и хорошее прошедшее. Если бы эта прежняя Домна Осиповна въ настоящую минуту сидѣла около него въ экипажѣ, пусть бы даже такъ же глупо, какъ сидѣла она нѣкогда, ѣхавши съ нимъ по Москвѣ на обѣдъ къ Янсутскому, то Бѣгушеву и тогда было бы пріятно. До ссоры съ Домной Осиповной онъ видѣлъ въ ней единственную цѣль всей своей жизни, а теперь что же у него осталось?—Ничего!..

Когда Бѣгушевъ подъѣхалъ къ дачѣ Тюменева, то былъ немного удивленъ, что на террасѣ никого не было. Обыкновенно въ этотъ часъ Тюменевъ и Мѣрова всегда сидѣли на ней. Онъ хотѣлъ черезъ дверь террасы пройти во внутреннія

комнаты, но она оказалась запертою. Бѣгушевъ пошелъ черезъ дворъ.

— Господа дома? — крикнулъ онъ мывшей тамъ посуду кухаркѣ, должно-быть, чухонкѣ и безобразнѣйшей на видъ.

— Не знаю, спросите курьера: онъ тамъ! — отвѣчала она, показывая мочалкой на входъ съ крыльца.

Бѣгушевъ вошелъ въ эту дверь. Тамъ его дѣйствительно встрѣтилъ курьеръ.

— Ефимъ Ѳедоровичъ у себя? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Сейчасъ доложу-съ!.. Потрудитесь пожаловать въ гостиную! — отвѣчалъ курьеръ и указалъ на смежную комнату. Бѣгушевъ вошелъ туда. Это была пріемная комната, какія обыкновенно бываютъ на дачахъ. Курьеръ скоро возвратился и просилъ Бѣгушева пожаловать къ Ефиму Ѳедоровичу наверхъ. Тотъ пошелъ за нимъ и засталъ пріятеля сидящимъ около своего письменнаго стола въ халатѣ, что̀ весьма рѣдко было съ Тюменевымъ. Къ озлобленному выраженію лица своего Тюменевъ на этотъ разъ присоединялъ важничанье и обычное ему топорщенье.

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ! — сказалъ онъ, съ замѣтнымъ чувствомъ пожимая руку Бѣгушеву.

Тотъ сѣлъ напротивъ него.

— Ты одинъ на дачѣ? — спросилъ онъ.

— Одинъ!

— А гдѣ же Елизавета Николаевна?

— Елизавета Николаевна сбѣжала отъ меня, — отвѣчалъ съ презрительной улыбкой Тюменевъ.

— Куда?

— Не знаю!

— Но жива ли она? Не случилось ли съ ней чего-нибудь?— проговорилъ съ безпокойствомъ Бѣгушевъ.

— Ничего не случилось! — произнесъ Тюменевъ.

Презрительная и злая усмѣшка не сходила съ его рта.

— Стало-быть, она и ночевать не пріѣзжала? — разспрашивалъ Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я ее ждалъ въ одиннадцать часовъ, въ двѣнадцать, въ два часа, въ четыре часа!.. Можешь себѣ представить, что̀ я перечувствовалъ... Наконецъ, утомленный, только-что задремалъ, какъ получилъ отъ нея телеграму...

При этихъ словахъ Тюменевъ пододвинулъ къ Бѣгушеву лежавшую на столѣ телеграмму.

Тотъ прочелъ.

Мѣрова коротко телеграфировала: «Не ищите меня: я полюбила другого».

— Во-первыхъ, какое безстыдство телеграфировать о себѣ подобныя извѣстія, — продолжалъ Тюменевъ: — и потомъ, кого она могла полюбить другого?.. кого?

— Можетъ-быть, и полюбила кого-нибудь!.. — сказалъ Бѣгушевъ: — у тебя кто часто бывалъ на дачѣ?

— Кромѣ тебя, никого!

— А молодой человѣкъ, Мильшинскій, бывалъ у васъ?

— Мильшинскій?.. — переспросилъ Тюменевъ, и мозгъ его какъ бы освѣтился уразумѣніемъ. — Онъ тутъ часто торчалъ у рѣшетки, но на дачу я его не принималъ. Къ чему однако ты сдѣлалъ этотъ вопросъ?

— Такъ, ни къ чему! — отвѣчалъ Бѣгушевъ; ему стало совѣстно, — точно онъ сплетничаетъ.

— Постой однако, ты далъ мнѣ путеводную нить! — сказалъ Тюменевъ и позвонилъ.

Вошелъ курьеръ.

— Сходи на дачу 8-й номеръ и спроси: тамъ ли еще живетъ Мильшинскій?.. — приказалъ Тюменевъ.

Курьеръ пошелъ. Тюменевъ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ поджидалъ его. Курьеръ, впрочемъ, очень скоро воротился и доложилъ, что Мильшинскій переѣхалъ съ дачи въ Петербургъ.

Тюменевъ злобно засмѣялся и махнулъ курьеру рукой, чтобы онъ уходилъ.

Курьеръ скрылся.

— Какъ вамъ это покажется... а?.. Хороша?.. — обратился Тюменевъ къ Бѣгушеву. — На-дняхъ только я выпустилъ этого негодяя изъ службы и очень радъ былъ тому, такъ какъ онъ былъ никуда и ни на что негодный чиновникъ; но, признаюсь, теперь жалѣю: останься онъ у меня, я давнулъ бы его порядкомъ за эту продѣлку!

Послѣднія слова Тюменева очень не понравились Бѣгушеву.

— Что это, какая мелочность!—произнесъ онъ.

— Будешь мелоченъ! — воскликнулъ Тюменевъ, и у него при этомъ маленькая бѣлая пѣнка показалась по краямъ губъ.— Но онъ еще чортъ съ нимъ! Я его меньше виню... Главное, Мѣрова!.. Чего я для нея ни дѣлалъ?.. Я жертвовалъ для нея всѣми приличіями, деньгами, временемъ, хлопоталъ о ея негодяѣ-родителѣ... она ничего этого не оцѣнила и предпочла мнѣ кого же?.. Дрянь какую-то, ничтожество... Говоря откровенно, я очень радъ, что она избавила меня отъ себя, потому что, кромѣ того, что нравственно, но она физически меня мучила: готова была швырнуть въ меня чѣмъ ни попало... царапала меня!.. Послѣднее время я цѣлыя ночи не спалъ и долженъ былъ или препираться съ ней, или успокаивать ее!

Бѣгушевъ слушалъ пріятеля молча: онъ очень хорошо понималъ, что въ Тюменевѣ не столько было огорчено чувство любви, сколько уязвлено самолюбіе.

— А гдѣ же отецъ ея, графъ Хвостиковъ? — спросилъ онъ.

— Уѣхалъ отыскивать ее въ Петербургъ!.. Любопытно, гдѣ онъ ее найдетъ? Въ домѣ терпимости, можетъ-быть, какомъ-нибудь!.. Скоро, вѣроятно, вернется и разрѣшитъ наши сомнѣнія!—проговорилъ Тюменевъ и потомъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ: — ты знаешь, я уѣзжаю за границу на воды!

— Но не поздно ли теперь на воды? — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Можетъ-быть, и поздно; но мнѣ неловко оставаться здѣсь, а особенно, если Мѣрова убѣжала съ Мильшинскимъ!.. Это, конечно, извѣстно во всемъ министерствѣ, и я въ глазахъ всѣхъ являюсь какимъ-то дуракомъ!.. Пускай хоть время немного попройдетъ!

— Не старикомъ ли скорѣй, чѣмъ дуракомъ!.. — замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Но и то не лестно!.. — отвѣчалъ Тюменевъ.

Къ обѣду возвратился графъ Хвостиковъ. На него жаль было смотрѣть: онъ какъ сѣлъ на поставленный ему стулъ передъ приборомъ на столѣ, такъ сейчасъ же склонилъ свою голову на руки и заплакалъ.

— Разыскали? — спросилъ Тюменевъ безжалостнымъ и грубымъ тономъ.

— Да!

— Въ Петербургѣ она?

— Нѣтъ!.. Уѣхала!

— Одна?

— Съ этимъ чиновникомъ, Мильшинскимъ.

— Куда?

— Не знаю.

— Прелестнѣйшая женщина!.. Превосходная!.. — говорилъ Тюменевъ.

Гнѣвъ снова воскресъ въ его душѣ.

Графъ Хвостиковъ ничего ужъ не говорилъ на этотъ разъ въ защиту дочери.

Тюменевъ послѣ того отнесся къ Бѣгушеву:

— Значитъ, мы въ одно время уѣдемъ изъ Петербурга: ты покатишь въ Москву, а я за границу!

Слова эти графъ Хвостиковъ прослушалъ, какъ бы приговоренный къ смертной казни, и когда Бѣгушевъ взялся за шляпу, чтобы уѣзжать, онъ, съ замѣтнымъ усиліемъ надъ собой, подошелъ къ нему и робко спросилъ его:

— Не довезете ли вы меня, Александръ Ивановичъ до

Петербурга?.. Мнѣ надобно тамъ сдѣлать распоряженіе объ оставленномъ по разнымъ мѣстамъ гардеробѣ дочери!

Тотъ, конечно, не отказалъ ему. При прощаньи Тюменевъ съ Бѣгушевымъ нѣжно расцѣловался, а графу протянулъ только руку и даже не сказалъ ему: «до свиданья!». По отъѣздѣ ихъ онъ немедленно ушелъ въ свой кабинетъ и сталъ внимательно разбирать свои бумаги и вещи: прямолинейность и плотный мозгъ Ефима Ѳедоровича совершенно уже восторжествовали надъ всѣми ощущеніями. Графъ Хвостиковъ, ѣдучи въ это время съ Бѣгушевымъ, опять принялся плакать.

— Перестаньте! Что за малодушіе, — сказалъ тотъ не безъ досады.

— Но вы поймите мое положеніе, — началъ графъ: — Тюменевъ уѣзжаетъ за границу, да если бы и не уѣзжалъ, такъ мнѣ оставаться у него нельзя!.. Это не человѣкъ, а вотъ что!.. — и Хвостиковъ постучалъ при этомъ по желѣзной пластинкѣ коляски. — Я вполнѣ понимаю дочь мою, что она оставила его, и не укоряю ея нисколько за то; однако что же мнѣ съ собой осталось дѣлать?.. Пріѣхать вотъ съ вами въ Петербургъ и прямо въ Неву!

Бѣгушеву сдѣлалось жаль его.

— Зачѣмъ же въ Неву?.. Поѣзжайте лучше со мной въ Москву и поживите у меня!.. — проговорилъ онъ.

— Неужели?.. Нѣтъ?.. Не можетъ быть?.. — воскликнулъ графъ, и у него голосъ даже захлебывался отъ радости.

— Только вы на меня не претендуйте, я самъ тоже старикъ и капризенъ! — прибавилъ ему Бѣгушевъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Мнѣ быть на васъ въ претензіи за всѣ ваши благодѣянія, когда всѣ меня кинули, всѣ!..

И слезы, какъ ихъ ни старался удержать графъ, снова заискрились на его глазахъ, и онъ только старался поскорѣе ихъ смигнуть, чтобы не сердить ими Бѣгушева. Собственно подъ распоряженіемъ по гардеробу дочери Хвостиковъ разумѣлъ то, что, собравъ оставленныя ею вещи и платья въ городской квартирѣ Тюменева, продалъ ихъ за безцѣнокъ!

IX.

Черезъ нѣсколько дней на станцію московской желѣзной дороги къ вечернему экстренному поѣзду пріѣхалъ Бѣгушевъ вмѣстѣ съ графомъ Хвостиковымъ, и когда онъ сталъ-было брать два билета, графъ вдругъ воскликнулъ:

— Пожалуйста, берите одинъ билетъ, а я возьму себѣ!

— Что за вздоръ! — возразилъ тотъ.

— Ну, если непремѣнно хотите, такъ возьмите мнѣ, по крайней мѣрѣ, во второмъ классѣ, въ немъ ѣдетъ мой знакомый, и мнѣ съ нимъ переговорить нужно!

Бѣгушевъ взялъ графу во второмъ классѣ, не понимая, отчего въ томъ вдругъ такая расчетливость явилась. Графъ Хвостиковъ, получивъ билетъ, мгновенно скрылся изъ вокзала.

Все это скоро объяснилось: когда Бѣгушевъ послѣ второго звонка вошелъ въ вагонъ, то на самыхъ первыхъ шагахъ увидалъ кузена своего, генерала Трахова. Понятно, что графъ Хвостиковъ, сообразившій, что Траховъ непремѣнно поѣдетъ въ первомъ классѣ, отъ него удиралъ, считая генерала злѣйшимъ врагомъ себѣ за то, что тотъ откровенно написалъ о немъ Тюменеву. Встрѣтя кузена, Бѣгушевъ сначала сдѣлалъ довольную мину; но потомъ перемѣнилъ ее на сердитую, вслѣдствіе того, что вмѣстѣ съ генераломъ ѣхала и супруга его, madame Трахова... Здѣсь я долженъ оговориться, что этимъ именемъ сію даму никто никогда не называлъ, и всѣ именовали ее Татьяной Васильевной, даже мужу ея давали иногда титулъ не генерала Трахова, а мужа Татьяны Васильевны,— до такой степени она была лицо распространенное.

Какъ ни было непріятно Бѣгушеву, однако онъ усѣлся рядомъ съ своими родственниками. Татьяна Васильевна сначала осмотрѣла его съ головы до ногъ, а затѣмъ не преминула обратиться къ нему съ упрекомъ:

— Я васъ тысячу лѣтъ не видала и только мелькомъ иногда слышу объ васъ!

— Ужъ не тысячу же лѣтъ, — возразилъ Бѣгушевъ.

— Немного меньше!.. Впрочемъ, нынѣшній годъ мы не видимся даже и съ вашимъ другомъ, Ефимомъ Ѳедоровичемъ Тюменевымъ.

— Теперь, вѣроятно, вы будете опять скоро видаться съ нимъ, — проговорилъ съ улыбкой Бѣгушевъ.

— Вы думаете?.. — спросилъ съ радостью генералъ: — поэтому вы говорили ему, убѣдили его?

— Нѣтъ, но по другимъ обстоятельствамъ я это предполагаю.

Татьяна Васильевна внимательно прислушивалась къ ихъ разговору.

Если бы Бѣгушева спросили, чтобы онъ сказалъ, какая, по его мнѣнію, самая противная и несносная женщина въ Россіи, то онъ, конечно бы, не задумавшись, указалъ на свою кузину, которая тоже, въ свою очередь, не приглюбливала его. По происхожденію своему Татьяна Васильевна была дочь нѣкогда извѣстнаго масона, богача и скупца, и въ молодости она до приторности сладкимъ языкомъ писала сентиментально-нрав-

ственныя повѣсти. Сдѣлавшись дамою, Татьяна Васильевна пыталась-было играть роль въ нашихъ государственныхъ и дипломатическихъ кружкахъ, но тутъ у ней не вытанцовывалось, и она, перейдя въ оппозицію, устремилась въ православіе: устроила у себя домовую церковь, наняла священника и ежедневно выстаивала заутреню, обѣдню и даже вечерню. Послѣднее время Татьяна Васильевна, по преимуществу, витала въ области спиритизма. Благодаря всѣмъ этимъ штучкамъ, она слыла въ обществѣ за женщину очень умную и въ высокой степени нравственную, хотя въ этомъ отношеніи, кажется, никогда не могло и быть ей опасности, такъ какъ Татьяна Васильевна съ самыхъ юныхъ лѣтъ одновременно походила на лягушку и на сову, вѣчно была съ флюсомъ то на одной щекѣ, то на другой, вѣчно пахнула какими-то аптекарскими травами, мазями, и вообще, какъ говорилъ про нее Бѣгушевъ, она принадлежала не къ женщинамъ, а къ какимъ-то безполымъ существамъ, потому что не представляла въ себѣ никакихъ женскихъ признаковъ. Будь на мѣстѣ генерала другой человѣкъ, онъ давно бы убѣжалъ отъ Татьяны Васильевны на край свѣта, утопился бы, удавился, но онъ, въ силу своего превосходнаго пищеваренія, какъ будто бы не видѣлъ ея безобразія, не чувствовалъ ея злого характера, и только одно его очень уѣдало: это ея философствованіе. Что касается до Тюменева, то почти положительно можно сказать, что Татьяна Васильевна была влюблена въ него, или, по крайней мѣрѣ, она долгое время и съ большимъ увлеченіемъ считала его идеаломъ всѣхъ мужчинъ. Тюменевъ же, дѣйствительно весьма часто бывавшій у Траховыхъ, дѣлалъ это вначалѣ чисто по служебному расчету, чтобы показывать себя въ извѣстномъ, высшемъ слоѣ общества, а потомъ у него это обратилось въ привычку; кромѣ того Татьяна Васильевна очень ужъ ему и льстила.

— Вы, кузенъ, предполагаете, что Тюменевъ опять будетъ посѣщать насъ; но онъ сказалъ вамъ, *за что* я на него сердита? — спросила Татьяна Васильевна, сдѣлавъ сильное удареніе на словѣ *за что*.

— Мужъ вашъ мнѣ говорилъ, что вы сердитесь на Тюменева за его дурное поведеніе.

— Болѣе, чѣмъ дурное, ужасное, совершенно непонятное для меня въ немъ; но, безъ сомнѣнія, вы въ этомъ случаѣ не будете со мной согласны!

— Совершенно несогласенъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ и, видя, что кузина начинаетъ посерживаться, рѣшился еще болѣе ее разозлить: — а мы тогда, кузенъ, съ вами въ Парижѣ очень

недурно позавтракали у Адольфа Пеле!..—отнесся онъ вдругъ къ генералу.

— Отлично!.. Превосходно!.. — подхватилъ-было тотъ съ одушевленіемъ, но, вспомнивъ о присутствіи супруги, мгновенно смолкъ.

Татьяна Васильевна терпѣть не могла гастрономическихъ восторговъ мужа и съ отвращеніемъ всегда говорила, что онъ не для того ѣстъ, чтобы жить, но для того живетъ, чтобы ѣсть. Съ приближеніемъ къ Любаньской станціи, генералъ, впрочемъ, не вытерпѣлъ и, какъ-то особеннымъ образомъ встрепенувшись и взявъ Бѣгушева за руку, проговорилъ ему почти нѣжнымъ голосомъ:

— Вы пойдете со мной поужинать?

— Непремѣнно! — утѣшилъ его тотъ.

Когда поѣздъ остановился, они отправились въ вокзалъ.

— Пришли мнѣ чаю!—приказала Татьяна Васильевна мужу.

— А хлѣба бѣлаго хотите?..—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я съ просфорой буду пить!

Войдя въ вокзалъ, генералъ прежде всего исполнилъ приказаніе супруги и отправилъ къ ней въ вагонъ огромный чайникъ чая съ приличнымъ количествомъ сахара.

— Татьяна Васильевна попрежнему любитъ чай?—спросилъ его Бѣгушевъ.

— Цѣлыя ведра его выпиваетъ съ своими монахами,—отвѣчалъ генералъ, махнувъ рукой, и быстро устремился къ главному буфетчику.

— Готово?—спросилъ онъ.

— Готово-съ! — отвѣчалъ тотъ, показывая на стоявшее особнякомъ закрытое блюдо.

Генералъ и Бѣгушевъ сѣли около этого блюда. Оказалось, что тамъ была мѣрная, жирная, разварная стерлядь.

— Когда вы успѣли заказать это? — поинтересовался Бѣгушевъ.

— По телеграфу!.. Выѣзжая, далъ знать, чтобы заранѣе приготовили: нельзя же ѣсть эту дрянь, которая стоитъ у нихъ на столахъ!—отвѣчалъ генералъ.

По возвращеніи въ вагонъ, они нашли Татьяну Васильевну, выпившую чашки четыре крѣпчайшаго чая и потому пришедшую нѣсколько въ экзальтированное состояніе.

— Александръ Ивановичъ, сядьте со мной рядомъ, а мужъ пусть пересядетъ къ окну!—распорядилась она.

Бѣгушевъ поуперся-было, но генералъ, согласно приказанію супруги, занялъ его мѣсто, такъ что Бѣгушевъ, по необходимости, долженъ былъ сѣсть рядомъ съ Татьяной Ва-

сильевной и при этомъ тщательно старался, чтобы ни одной точкой своего платья не прикоснуться къ ней. Татьяна Васильевна хотѣла серьезно побесѣдовать съ Бѣгушевымъ, потому что хоть и не любила его, но все-таки считала за человѣка далеко не дюжиннаго, напротивъ, за очень даже умнаго, много видѣвшаго, но, къ сожалѣнію, не просвѣщеннаго истинно; и съ какимъ бы удовольствіемъ она внесла въ его душу лучъ истиннаго просвѣщенія, если бы только онъ самъ захотѣлъ того!

Прежде всего она начала съ нимъ разговаривать объ Европѣ.

Татьяна Васильевна обыкновенно никогда не говорила: Парижъ, Лондонъ, Франція, Германія,—все это было для нея безразлично, и она, совершенно соглашаясь съ довольно ходячимъ мнѣніемъ, считала, что весь Западъ гніетъ или даже уже сгнилъ.

— Былъ въ этой Европѣ, — отвѣчалъ ей насмѣшливо Бѣгушевъ.

Онъ, какъ мы знаемъ, далеко не былъ большимъ поклонникомъ Европы, но передъ Татьяной Васильевной, на зло ей, хвалилъ безусловно все существующее тамъ.

— Удивляюсь вамъ!—сказала она.

— Отчего жъ вы мужу вашему не удивляетесь?—замѣтилъ Бѣгушевъ:—онъ тоже былъ за границей и еще дольше меня.

Генералъ сдѣлалъ Бѣгушеву легонькій знакъ рукой и глазами, но тотъ какъ будто бы этого не видѣлъ.

— Я на мужа давно махнула рукой!—произнесла Татьяна Васильевна.

Она, въ самомъ дѣлѣ, давно считала генерала за дурака набитаго и безвозвратно падшаго нравственно.

— Но неужели же Москва, куда мы теперь ѣдемъ, лучше большихъ европейскихъ городовъ? — поддразнивалъ ее Бѣгушевъ.

— Москва!.. Наша Москва! — воскликнула Татьяна Васильевна:—это городъ святыни нашей... городъ народа!..

— Но такихъ святыхъ и народныхъ городовъ, по-своему, конечно, и въ Европѣ много!

— И вы полагаете, что мы и европейцы одно и то же?

— Полагаю!.. Съ той только разницей, что тѣ племена постарше насъ, поумнѣй и больше нашего сдѣлали!

— Тѣ?..—произнесла Татьяна Васильевна и далѣе говорить не могла: у ней прервался голосъ.

— Тѣ!..—повторилъ Бѣгушевъ, и хоть въ это время генералъ ужъ толкалъ его ногой, умоляя не сердить больше

Татьяны Васильевны, онъ однако продолжалъ: — Насчетъ этого существуютъ довольно мѣткіе афоризмы.

— Какіе?—спросила Татьяна Васильевна.

— Такіе, что... гдѣ нѣмецъ, тамъ интрига...

Татьяна Васильевна въ знакъ согласія мотнула головой.

— Гдѣ французъ, тамъ фраза!

Татьяна Васильевна и на это одобрительно кивнула головой.

— Гдѣ полякъ, тамъ лесть!

Татьяна Васильевна и это выслушала благосклонно.

— Гдѣ англичанинъ, тамъ лукавство и корысть!

— Такъ!.. Такъ!..—произнесла она съ восторгомъ.—И послушайте, вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ священникъ, — продолжала она съ одушевленіемъ: — разъ его призвали къ умирающему человѣку, очень хорошему, честному, самобытному, но, къ несчастью, невѣрующему... — Тутъ Татьяна Васильевна сдѣлала на груди небольшое крестное знаменіе... — Священникъ сталъ увѣщевать его и говорить ему: «Причаститесь, иначе вы лишитесь царствія небеснаго!»—«Царствія небеснаго нѣтъ!»—закричалъ несчастный.—Татьяна Васильевна снова слегка перекрестилась. — «А если бы оно было, такъ англичане давно бы туда пробрались и заняли бы всѣ мѣста!» Не правда ли, что какъ ни безумны эти слова, но они ярко и вѣрно характеризуютъ англичанъ.

— Да, конечно! — отвѣчалъ вѣжливо Бѣгушевъ: — но вы позволите однако мнѣ продолжать мои афоризмы.

— Даже прошу васъ о томъ! — разрѣшила ему Татьяна Васильевна.

— Гдѣ итальянецъ, тамъ le soleil и far niente!

— Такъ!.. — согласилась и съ этимъ Татьяна Васильевна.

— Гдѣ русскій...

— Слушаю!.. Слушаю!..—произнесла Татьяна Васильевна, навастривая уши.

— Гдѣ русскій, тамъ либо терпи, либо авось!

Татьяна Васильевна задумалась надъ отвѣтомъ Бѣгушева: главнымъ образомъ она недоумѣвала, что это такое: порицаніе или сожалѣніе?

— Что вы хотѣли сказать послѣднимъ афоризмомъ?—спросила она.

— Право, не знаю, не я авторъ этихъ изреченій, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Ну, это неправда, вы авторъ; во всякомъ случаѣ я все-таки вижу, что Россія, по-вашему, лучше Европы!

— Нѣтъ, хуже!—возразилъ Бѣгушевъ.

— Чѣмъ?

— Хоть бы тѣмъ, что тотъ же спиритизмъ, это великое открытіе послѣдняго времени... (Бѣгушевъ прежде еще слышалъ, что Татьяна Васильевна сильно ударилась на эту сторону)—развѣ Россія, а не Европа выдумала его?

— Но и не Европа, а Америка! — воскликнула Татьяна Васильевна; къ Америкѣ она была еще нѣсколько благосклонна и даже называла американцевъ, по примѣру своихъ единомышленниковъ: «наши заатлантическіе друзья».

— Но Америка та же Европа. Это все переселенцы европейскіе!—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Да, но какіе переселенцы! — произнесла Татьяна Васильевна, прищуривая свои золотушные глаза.—Это все сектанты, не хотѣвшіе, чтобы церковь была подчинена государству, не признававшіе ни папы ни Лютера!

— Я скорѣе полагаю, что это просто были люди безпорядка, антигосударственники.

— А вы думаете, что я за государство? Что я государственница? — спросила Татьяна Васильевна какимъ-то ужъ торжественнымъ тономъ. — Впрочемъ, объ этомъ не время и не мѣсто говорить!

— Кажется!—произнесъ, грустно усмѣхаясь, генералъ.

— Но зато, вотъ видите, мужъ вашъ чистѣйшій государственникъ!—указалъ на генерала Бѣгушевъ.

— Онъ, я думаю, ни то ни другое!—отозвалась съ презрительной гримасой Татьяна Васильевна.

— Нѣтъ, я государственникъ!—возразилъ генералъ, начинавшій не на шутку сердиться на Бѣгушева, что тотъ болталъ всю эту чепуху съ его супругой, которую Траховъ, въ свою очередь, тоже считалъ дурой, но только ученой и начитанной. Въ настоящій моментъ, когда разговоръ коснулся государства, генералъ болѣе всего боялся, чтобы рѣчь какъ-нибудь не зашла о Петрѣ Великомъ, пунктъ, на которомъ Татьяна Васильевна была почти помѣшана и обыкновенно во всеуслышаніе объявляла, что она съ дѣтскихъ лѣтъ все, что писалось о Петрѣ Великомъ, обыкновенно закалывала булавкою и не читала. «Поэтому вы не знаете дѣяній Петра?»— осмѣливались ей замѣчать нѣкоторые.—«Знаю!»—восклицала Татьяна Васильевна и затѣмъ начинала говорить часа два-три... На этотъ разъ она, слава Богу, о Петрѣ не вспомнила, можетъ-быть, потому, что въ головѣ ея вдругъ мелькнула мысль, что нельзя ли Бѣгушева обратить къ спиритизму, такъ какъ онъ передъ тѣмъ только сказалъ, что это ученіе есть великое открытіе нашего времени!

— А что, скажите, какъ поживаетъ спиритизмъ въ Парижѣ?—спросила она сначала издалека и какъ бы въ шутку.

— Не знаю, я что-то тамъ съ нимъ не встрѣчался! — отвѣчалъ Бѣгушевъ. — Не правда ли, кузенъ, мы не встрѣчались въ Парижѣ съ спиритизмомъ? — обратился онъ къ генералу.

Тотъ обмеръ.

— Нѣтъ, я тамъ бывалъ на нѣсколькихъ сеансахъ спиритовъ,—пробормоталъ онъ.

— Онъ бывалъ на сеансахъ... — повторила за мужемъ Татьяна Васильевна.—Разскажи, что ты тамъ видѣлъ?

Генералъ былъ поставленъ въ отчаянное положеніе: онъ, какъ справедливо говорилъ Бѣгушевъ, нигдѣ не встрѣчался съ спиритизмомъ, но, возвратясь въ Россію и желая угодить женѣ, разсказалъ ей все, что пробѣгалъ въ газетахъ о спиритическихъ опытахъ, и, разумѣется, только то, что говорилось въ пользу ихъ.

— Что ты видѣлъ, разсказывай! — повторила Татьяна Васильевна.

— Видѣлъ я женскую руку и плечи,—началъ онъ.

— Женскихъ рукъ и плечъ мы съ вами, кузенъ, много видѣли; но, сколько помнится, все это были живыя и на землѣ существующія!—замѣтилъ Бѣгушевъ.

Генералъ чуть не провалился на мѣстѣ.

— Бѣгушевъ, не забывайтесь: вы знаете, что я терпѣть не могу этого!—сказала строго Татьяна Васильевна.

— Чего этого?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Ну, будетъ! Пожалуйста, не развивайте далѣе. Говори, что ты еще видѣлъ!—повторила она мужу.

— Еще видѣлъ я... видѣлъ летающія гитары! — бухнулъ тотъ на-авось.

— Нѣтъ, постойте, этого вы не могли, кузенъ, видѣть: это было въ Лондонѣ!—остановилъ его Бѣгушевъ.

— Точно то же было и въ Парижѣ!—вздумалъ-было возразить генералъ.

— Не говори неправды: это было только въ Лондонѣ! — объявила ему супруга.

— Я наконецъ перезабылъ, гдѣ и что видѣлъ, — этому столько времени прошло!—произнесъ генералъ съ досадой.

— И подобныя вещи можно забывать!.. Забывать могутъ!.. — воскликнула Татьяна Васильевна. — Стыдись... Это простительно такому невѣрующему ни во что, какъ Бѣгушевъ, а не тебѣ!

Генералъ постоянно притворялся передъ женой и выдавалъ себя за искренняго послѣдователя спиритизма.

— Почему же вы меня считаете совершенно невѣрующимъ? — спросилъ Бѣгушевъ, по наружности, смиреннымъ и покорнымъ голосомъ.

— Потому что спиритизмъ отыскиваетъ сердца пр стыя, а не такія, какъ ваше!

— Мое сердце точно такое же, какъ у Тюменева!—возразилъ Бѣгушевъ.

— Теперь да, оно такое же, но прежде сердца ваши были разныя! — произнесла знаменательно Татьяна Васильевна. — Ефимъ Ѳедоровичъ вѣритъ искренно въ спиритизмъ!

Тюменевъ, въ самомъ дѣлѣ, всегда очень терпѣливо выслушивалъ Татьяну Васильевну, когда она по цѣлымъ часамъ развивала передъ нимъ всевозможныя объясненія спиритическихъ явленій.

— Если бы я и невѣрующій былъ, то согласитесь, что могу сдѣлаться и вѣрующимъ: увѣровалъ же Савлъ во Христа,—говорилъ Бѣгушевъ, какъ бы угадывая тайное намѣреніе Татьяны Васильевны посвятить его въ адепты спиритизма.

Золотушные глаза той при этомъ заблистали.

— Вы правду это говорите или нѣтъ?—спросила она.

— Какъ кажется мнѣ, что правду, — отвѣчалъ Бѣгушевъ уже уклончиво.

— Въ такомъ случаѣ вотъ видите что,—произнесла Татьяна Васильевна, энергически повертываясь лицомъ къ Бѣгушеву на своемъ длинномъ креслѣ, на которомъ она до того полулежала, вся обернутая пледами, и при этомъ ея поворотѣ отъ нея распространился запахъ камфоры на весь вагонъ. — Поѣдемте вмѣстѣ со мной на будущее лѣто по этой ненавистной мнѣ Европѣ: я васъ введу во всѣ спиритическія общества, и вы, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ увѣруете!..

— Пожалуй!.. — согласился Бѣгушевъ, бывшій, какъ мы видѣли, въ этотъ вечеръ въ давно уже небываломъ у него веселомъ настроеніи и даже не на шутку подумавшій, что было бы очень забавно прокатиться по Европѣ съ смѣшной кузиной и поближе посмотрѣть спиритовъ. Онъ этого новаго шарлатанства человѣчества не зналъ еще въ подробностяхъ.

— Не вѣрь, та chère, не поѣдетъ!.. Онъ въ Парижѣ даже скучалъ, а поѣдетъ онъ съ тобой!..—неосторожно проговорился генералъ: онъ по опыту зналъ, каково было путешествовать съ его супругой.

— Съ тобой онъ скучалъ, а со мной не будетъ! Не правда ли?—спросила Татьяна Васильевна Бѣгушева.

— Конечно, — подтвердилъ тотъ и потомъ вдругъ всталъ: ему ужъ надоѣло дурачиться.

— До свиданья!—сказалъ онъ.

— Куда же вы? — спросила Татьяна Васильевна почти съ испугомъ.

— Спать хочу!

— При такомъ интересномъ разговорѣ... спать итти,—возразила обиженнымъ голосомъ Татьяна Васильевна.

— Разговоръ очень интересенъ, но спать все-таки надо.

— А если вы такой любитель сна, то я васъ не возьму съ собой въ Европу!

— Очень жаль!—сказалъ Бѣгушевъ и перешелъ на самое отдаленное кресло.

Генералъ въ душѣ благодарилъ Бога, что разговоръ между Бѣгушевымъ и его супругой кончился, не принявъ черезчуръ остраго характера.

Бѣгушевъ, улегшись на кресло, притворился, что заснулъ, а Татьяна Васильевна начала читать духовный журналъ, чѣмъ она постоянно утѣшала себя, встрѣчая въ людяхъ или неблагодарность, или непониманіе.

Поутру генералъ, отличнымъ образомъ проспавши всю ночь и видя, что Татьяна Васильевна, измученная чтеніемъ, наконецъ заснула, пошелъ пить кофе и даже разбудилъ для этого Бѣгушева.

Тотъ пошелъ съ нимъ.

— Вы до Москвы только ѣдете?—спросилъ Бѣгушевъ генерала, когда они усѣлись за столъ.

— Нѣтъ, до Троицы: жена тамъ говѣть будетъ.

— И вы будете говѣть?

— Буду, конечно!

Все это генералъ говорилъ очень невеселымъ голосомъ.

Въ московскомъ вокзалѣ Татьяну Васильевну встрѣтили: грязный монахъ съ трясущейся головой, къ которому она подошла къ благословенію и потомъ поцѣловала его руку, квартальный надзиратель, почтительно приложившій руку къ фуражкѣ, и толстый мужикъ — вѣроятно, деревенскій староста; всѣ они сообща ее и генерала усадили въ карету. Съ кузеномъ своимъ Татьяна Васильевна даже не простилась: до того она разсердилась на него за быстро прерванный имъ наканунѣ разговоръ.

X.

Вскорѣ по возвращеніи Бѣгушева въ Москву, у него въ домѣ, сверхъ графа Хвостикова, появилась еще новая жилица. Въ самый первый день, какъ онъ пріѣхалъ, и едва только

успѣлъ немного отдохнуть съ дороги, къ нему вошелъ Прокофій и съ глубокомысленнымъ видомъ проговорилъ:

— Ваша сестрица Аделаида Ивановна здѣсь!

— Ты почему знаешь?

— Онѣ съ мѣсяцъ еще тому назадъ заѣзжали и приказывали, чтобы, когда вы пріѣдете, прислать имъ сказать.

— Гдѣ жъ она живетъ?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да тутъ... такъ... въ какихъ-то комнаткахъ, у дьячка.

— У какого дьячка?

— Какъ этотъ приходъ, не помню... недалеко отъ насъ... Зеленая этакая церковь... — безтолково объяснилъ Прокофій.

— Но зачѣмъ сестра пріѣхала сюда?

Прокофій придалъ еще болѣе глубокомысленное выраженіе своему лицу.

— Надо-быть, для свиданья съ вами, и тамъ тоже... Мало ли что онѣ говорили, развѣ ихъ разберешь!

— Поздравляю!.. Словъ человѣческихъ начинаешь не понимать!..—сказалъ Бѣгушевъ:—поди, позови ко мнѣ Минодору, она толковѣй тебя разскажетъ.

Прокофій, по обыкновенію, обидѣлся.

— Что жъ толковѣй!.. Развѣ женщина можетъ быть супротивъ мужчины,—повторилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Позови,—проговорилъ свое приказаніе Бѣгушевъ.

Прокофій нехотя пошелъ.

— Поди, баринъ тебя зоветъ,—сказалъ онъ женѣ и, когда та пошла, произнесъ ей насмѣшливо вслѣдъ: — докладчицу какую нашелъ себѣ, ишь ты!

Минодора объяснила Бѣгушеву, что Аделаида Ивановна пріѣхала въ Москву по дѣламъ своимъ.

— Я недавно у нихъ была, — разсказывала она:—и Аделаида Ивановна сами мнѣ говорили, что онѣ въ хозяйствѣ своемъ очень разстроились: запашку, какая у нихъ была, мужики не слушаются, не запахиваютъ; домъ тоже очень ветхъ... боятся, чтобы полъ или потолокъ не провалился.

— Отчего она въ мою усадьбу не переѣдетъ... тамъ все новое.

— Церемонятся!.. Не желаютъ васъ стѣснить... Окромя того, это ужъ ихъ Маремьяша по секрету мнѣ сказала, что Аделаида Ивановна пріѣхала сюда долги собирать: имъ очень многіе должны!

— Охъ, ужъ мнѣ эти долги ей! — произнесъ съ досадой Бѣгушевъ и застучалъ ногой.

— И здѣсь живя, очень нуждаются,—заключила Минодора.

Бѣгушевъ продолжалъ стучать ногою.

— Такъ какъ ты знаешь, гдѣ сестра живетъ, то послѣ обѣда вели заложить карету и поѣзжай за ней.

— Слушаю-съ!—сказала Минодора и ушла.

Аделаида Ивановна, родная сестра Бѣгушева, была лѣтъ на десять старше его. Онъ ее очень любилъ, но въ то же время она выводила его иногда совершенно изъ терпѣнія: изъ очень значительнаго родительскаго наслѣдства, Бѣгушевъ отдѣлилъ Аделаидѣ Ивановнѣ втрое болѣе, чѣмъ ей слѣдовало, и впослѣдствіи благодарилъ Бога, что не отдалъ ей половины, какъ онъ думалъ вначалѣ; Аделаидѣ Ивановнѣ нисколько бы это не послужило въ пользу! По всему существу своему, Аделаида Ивановна была кротчайшее и добрѣйшее существо въ мірѣ: хорошо для своего времени образованная, чувствительная, сентиментальная, превосходная музыкантша и не по ученью, а по природному дарованію, она очень также любила поля, луга, цвѣты, ручейки и всѣхъ почти животныхъ. Замужъ Аделаида Ивановна не пошла, хоть и были у ней женихи, не потому, чтобы она ненавидѣла мужчинъ, о, нѣтъ!—она многихъ изъ нихъ уважала, съ большимъ удовольствіемъ и не безъ нѣкотораго кокетства бесѣдовала съ ними, но въ то же время какъ-то побаивалась, а еще болѣе того стыдилась ихъ. Главною же страстью Аделаиды Ивановны было ея стремленіе къ знакомству и даже къ дружбѣ хоть и съ захудалыми, но все-таки аристократическими семействами. Это болѣе всего бѣсило Бѣгушева. «Какой ты интересъ видишь въ этой затхлой средѣ?»—восклицалъ онъ, когда она начинала безконечно длинное повѣствованіе о комъ-нибудь изъ своихъ друзей.

При такомъ восклицаніи брата Аделаида Ивановна вспыхивала, конфузилась очень... «Il était hors de lui dans ce moment»,—говорила она потомъ по секрету нѣкоторымъ своимъ подругамъ. Собственно для этихъ знакомыхъ Аделаида Ивановна жила по зимамъ въ Москвѣ, сама ихъ посѣщала, они ее посѣщали, увѣряли въ уваженіи и любви и вмѣстѣ съ тѣмъ занимали у ней деньги. Аделаида Ивановна съ наслажденіемъ отсыпала имъ все, сколько у нея было, и въ прежнее время нѣкоторые изъ этихъ знакомыхъ возвращали ей вполнѣ всю сумму, а другіе аккуратно платили проценты, при чемъ Аделаида Ивановна отнѣкивалась, зажимала себѣ уши, и ее почти силою надо было заставить взять деньги; но съ отмѣною крѣпостного права, этого единственнаго источника благосостоянія для многихъ дворянъ, она не стала получать отъ своихъ высоко-благородныхъ знакомыхъ ни капиталовъ ни процентовъ, а между тѣмъ въ этихъ розданныхъ ею деньгахъ заключалось почти все ея состояніе, такъ что Аделаида Ивановна

вынужденною нашлась на безукоризненно-правильномъ французскомъ языкѣ и въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ напомнить своимъ должникамъ объ уплатѣ ей хотя частички, но ни отъ кого изъ нихъ она и отвѣта даже не получила. Брату Аделаида Ивановна долго не объясняла своего положенія, наконецъ рѣшилась и написала ему все откровенно. Бѣгушевъ, заранѣе это предчувствовавшій, выслалъ ей денегъ, присовокупивъ къ тому, что если и впредь она будетъ нуждаться, такъ не стѣснялась бы и относилась къ нему; но Аделаида Ивановна рѣдко его обременяла и перебивалась кое-какъ... Изъ словъ Минодоры Бѣгушевъ понялъ, что у сестры очень тонко, и ему пришло въ голову взять къ себѣ Аделаиду Ивановну и поселить ее въ своемъ московскомъ домѣ до конца дней. Графа Хвостикова онъ тоже рѣшился держать до конца дней.

Часовъ въ восемь Минодора привезла въ каретѣ Аделаиду Ивановну, которая, послѣ ѣзды на тряскихъ извозчичьихъ пролеткахъ, съ удовольствіемъ проѣхалась въ покойномъ экипажѣ. Минодора, выскочивъ первая, почтительно высадила ее изъ кареты. Аделаида Ивановна, хоть и совершенно уже была старушка, но еще довольно свѣжая, благообразная, нѣсколько похожая на брата, росту небольшого, кругленькая, съ бѣлыми пухленькими ручками, которыя всѣ унизаны были на пальцахъ кольцами, носимыми по разнымъ дорогимъ для нея воспоминаніямъ: одно кольцо было покойной матери, другое тетки, третье подруги, четвертое отъ раки Митрофанія. Одѣта Аделаида Ивановна была нѣсколько по-старинному, но чопорно и со вкусомъ. Минодора хотѣла-было вести ее подъ руку на лѣстницу.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка, не трудись!—сказала кроткимъ голосомъ Аделаида Ивановна.

То, что она становится стара и слаба, Аделаида Ивановна тщательно скрывала отъ всѣхъ, не желая никому быть въ тягость.

Встрѣченная Бѣгушевымъ въ гостиной, она бросилась ему на шею и начала цѣловать его.

— Братъ и другъ, какъ я счастлива, что вижу тебя!— повторяла она неоднократно.

Бѣгушевъ поспѣшилъ ее усадить въ покойное кресло.

— Ну что, здоровъ ли ты? — говорила старушка, ласково-ласково смотря на него.

— Здоровъ!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Но похудѣлъ и, знаешь, значительно похудѣлъ, но это хорошо, повѣрь мнѣ!.. Полнота не здоровье!.. Я это чувствую по себѣ!.. Но ты еще молодецъ, смотри какой молодецъ!.. Чудо что такое!

Брата своего Аделанда Ивановна находила полнѣйшимъ совершенствомъ по уму, по благородству чувствъ и по наружности... О, наружность его была неотразима!.. По этому поводу она многое видѣла и слышала.

— Отчего ты не остановилась у меня въ домѣ, а гдѣ-то у дьячка?—спросилъ ее Бѣгушевъ.

Аделанда Ивановна при этомъ слегка покраснѣла.

— Какъ же у тебя?.. Тебя не было!.. Ты человѣкъ холостой!.. Пріѣхалъ бы, и я могла стѣснить тебя.

— Никогда ты не можешь меня стѣснить ни въ чемъ! Завтра же извольте переѣзжать ко мнѣ. Я тебѣ отведу твою прежнюю половину.

— Ахъ, помню я ее,—сказала Аделанда Ивановна и пріостановилась ненадолго, какъ бы не рѣшаясь докончить то, что ей хотѣлось сказать:—у меня со мной горничная здѣсь, Маремьяша, и ты, я думаю, знаешь, что мы не можетъ жить ни я безъ нея, ни она безъ меня,—объяснила она наконецъ.

— Переѣзжай, конечно, и съ Маремьяшей!—разрѣшилъ ей Бѣгушевъ, всегда, впрочемъ, терпѣть не могшій эту Маремьяшу и хорошо знавшій, что это за птица.

— Вотъ за это merci, grand merci!—произнесла старушка:—но это еще не все, — продолжала она и при этомъ ужъ засмѣялась добродушнѣйшимъ смѣхомъ:—со мной также и мои болонки... ихъ цѣлый десятокъ... прехорошенькія все!.. Я боюсь, что онѣ тебя будутъ безпокоить!

— Чѣмъ онѣ могутъ меня безпокоить,—вели только ихъ держать на твоей половинѣ!

— Конечно, на моей,—подхватила Аделанда Ивановна:—куда жъ ихъ, дурочекъ, сюда пускать, хоть я увѣрена, что, когда ты ихъ увидишь, особенно Партушку, ты полюбишь ее... она всеобщая любимица... я ее потому Парту и прозвала... comprenez-vous? Всюду и вездѣ.

Бѣгушеву отчасти становилось ужъ и скучно слушать сестру, но та, ободренная его ласковымъ пріемомъ, разболталась до безконечности.

— А Натали-то, Натали!—говорила она, грустно покачивая головой:—кто бы могъ подумать: какая цвѣтущая, здоровая... у меня до сихъ поръ сохранился ея портретъ.—Аделанда Ивановна нѣкогда принимала самое живое и искреннее участіе въ первой любви брата. — Если ты такъ добръ,—продолжала она далѣе: — что приглашаешь меня жить у тебя, то я буду съ тобой совершенно откровенна: я пріѣхала сюда, чтобы попугать нѣкоторыхъ господъ и госпожъ!—Лицо старушки приняло при этомъ нѣсколько лукавое выраженіе.—И теперь вотъ

именно, въ сію минуту мнѣ пришла мысль... Не знаю, одобришь ли ты ее!..—разсуждала она:—я думаю пригласить ихъ сюда, къ тебѣ въ домъ, и въ присутствіи твоемъ спрошу ихъ, что когда же они мнѣ запматятъ?.. Что они тогда отвѣтятъ, любопытно будетъ!..

Лицо Аделаиды Ивановны при этомъ дышало окончательнымъ лукавствомъ; она сама въ себѣ, въ совѣсти своей считала себя очень лукавою, въ чемъ и каялась даже священнику, который каждый разъ ее успокаивалъ, говоря: «какія-съ вы лукавыя, не подобаетъ вамъ думать того!»

— Отвѣтятъ то же, что и не въ моемъ присутствіи, то-есть обманутъ тебя! — возразилъ ей Бѣгушевъ

— О, нѣтъ, это не такіе люди!.. Въ нихъ point d'honneur очень силенъ; кромѣ того, тебя побоятся... Они очень тебя уважаютъ и все разсказывали мнѣ, что часто встрѣчали тебя за границей, и что на водахъ, гдѣ они видѣли тебя, ты будто бы постоянно гулялъ съ какой-то прехорошенькой дамой!

И старушка засмѣялась стыдливымъ смѣхомъ.

На этихъ словахъ Аделаиды Ивановны вдругъ точно изъподъ земли выросъ графъ Хвостиковъ, который съ самаго еще утра, какъ только успѣлъ умыться и переодѣться съ дороги, отправился гулять по Москвѣ.

Въ этомъ отношеніи графъ Хвостиковъ представлялъ собою весьма любопытное психическое явленіе: гдѣ бы онъ ни поселялся, или, точнѣе сказать, гдѣ бы ни поставлена была для него кровать: въ собственной ли квартирѣ, въ гостиницѣ ли, или въ какомъ постороннемъ пріютившемъ его домѣ, онъ немедля начиналъ въ этомъ мѣстѣ чувствовать скуку непреодолимую и нестерпимое желаніе уйти куда-нибудь въ гости.

Въ настоящемъ случаѣ Хвостиковъ прямо продралъ на Кузнецкій мостъ, гдѣ купилъ себѣ дюжину фуляровыхъ платковъ съ напечатанными на нихъ нимфами, поглазѣлъ въ окна магазиновъ живописи, зашелъ потомъ въ кондитерскую къ Трамбле, выпилъ тамъ чашку шоколада, пробѣжалъ наскоро двѣ-три газеты и началъ ломать голову: куда бы ему пробраться съ визитомъ. Зайти къ кому-нибудь изъ мужчинъ онъ нѣсколько стѣснялся, заранѣе предчувствуя, что тѣ, вѣроятно, слышавшіе о его все-таки прикосновенности къ дѣлу Хмурина, будутъ сухи съ нимъ. Гораздо пріятнѣе было бы къ дамѣ какой-нибудь! «Къ Домнѣ Осиповнѣ, чего же лучше!»— пришла ему вдругъ счастливая мысль, и онъ, не откладывая времени, вышелъ изъ кондитерской, взялъ извозчика и покатилъ въ Таганку; но тамъ ему сказали, что Домна Осиповна переѣхала на Никитскую въ свой большой домъ. Графу Хвости-

кову было немножко это досадно, но онъ рѣшился поставить на своемъ и на томъ же извозчикѣ отправился на Никитскую. Его приняли. Проходя новое помѣщеніе Домны Осиповны, Хвостиковъ увидѣлъ, что оно было гораздо больше и съ лучшимъ вкусомъ убрано, чѣмъ прежде. Квартиру эту для Олуховыхъ планировалъ, отдѣлывалъ и даже меблировалъ, по своему усмотрѣнію, Янсутскій. Домна Осиповна сидѣла въ гостиной разодѣтая и подкрашенная. Графу Хвостикову Домна Осиповна почему-то очень обрадовалась.

— Здравствуйте, графъ, садитесь и разсказывайте! — говорила она голосомъ, исполненнымъ любопытства, и показывая ему на кресло возлѣ себя.

Графъ сѣлъ и въ первыя минуты не зналъ, какъ себя держать: веселымъ или печальнымъ.

— Послушайте, — начала Домна Осиповна: — мнѣ Янсутскій писалъ, не знаю даже, вѣрить ли тому, что будто бы Лиза скрылась отъ Тюменева?

Графъ понялъ, что ему приличнѣе быть печальнымъ.

— Да-съ! — отвѣтилъ онъ и вздохнулъ.

— И полюбила другого?

— Другого!

— Кого?

— Одного мальчишку... не имѣющаго даже мѣста.

— Сумасшедшая! — произнесла съ оттѣнкомъ негодованія Домна Осиповна.

— Хуже, чѣмъ сумасшедшая! Она крестъ мой! — сказалъ на это графъ: — я столько послѣднее время перестрадалъ...

— Въ одномъ отношеніи она, по-моему, права, — перебила его Домна Осиповна: — что любить молодого человѣка пріятнѣе, чѣмъ такого противнаго старикашку, какъ Тюменевъ; но что же дѣлать?.. Въ ея положеніи надобно было подумать и о будущемъ!

— О будущемъ Лиза никогда не думала, — подхватилъ графъ, самъ-то пуще всего думавшій когда-нибудь о будущемъ.— Но ваше какъ здоровье? — спросилъ онъ Домну Осиповну.

— Такъ себѣ, ничего!.. Дрязги у меня опять разныя начались.

— Съ кѣмъ?

— Семейныя! — Болѣе этого Домна Осиповна ничего не объяснила и сама спросила графа: — Зачѣмъ вы въ Москву пріѣхали и гдѣ живете?

Графъ грустно улыбнулся.

— Гдѣ жъ мнѣ жить кромѣ Москвы, а обитаю я у Бѣгушева, вмѣстѣ съ нимъ и пріѣхалъ изъ Петербурга.

— У Бѣгушева?.. — повторила Домна Осиповна не безъ любопытства.

— У него!.. Его благодѣяніями существую... Это такой благородный и добрѣйшій человѣкъ!

На это замѣчаніе графа Домна Осиповна сдѣлала небольшую гримасу.

— Что онъ человѣкъ благородный—это можетъ быть, но чтобы добрѣйшій былъ, не думаю!

— И добрый!.. Его надобно хорошо узнать!

— Я его знала хорошо, но доброты въ немъ не замѣчала,— возразила съ усмѣшкой Домна Осиповна и потомъ какъ бы совершенно случайно присовокупила: — мнѣ, не помню, кто-то разсказывалъ, что послѣднее время онъ посѣдѣлъ и постарѣлъ.

— То и другое есть!.. Страшно хандритъ... невѣроятно.

Домнѣ Осиповнѣ хотѣлось спросить, о чемъ именно хандритъ Бѣгушевъ, однако она удержалась; но, когда графъ Хвостиковъ сталъ-было раскланиваться съ ней, Домна Осиповна оставила его у себя обѣдать и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, которые тотъ еще оставался у ней, она нѣсколько разъ принималась разспрашивать его о разныхъ пустякахъ, касающихся Бѣгушева. Графъ ясно изъ этого понялъ, что она еще интересуется прежнимъ своимъ другомъ, и не преминулъ начать разглагольствовать на эту тему.

— Бѣгушевъ удивительный человѣкъ!.. Натура особенная!.. Не намъ, дюжиннымъ людямъ, чета.

— Въ чемъ же эта особенность его видна? — спросила Домна Осиповна.

— Во всемъ-съ! Я, въ Петербургѣ живя, каждый день почти видѣлся съ нимъ и, замѣчая, что онъ страдаетъ и мучится, сталъ наконецъ усовѣщевать его: «какъ тебѣ, говорю, не грѣхъ роптать на Бога: ты у всѣхъ въ почетѣ... ты богатъ, и если съ тобой бывали непріятные случаи въ жизни, то они постигаютъ всѣхъ и каждаго!»—«И каждый,—говоритъ онъ: — принимаетъ эти случаи различно: на однихъ они нисколько не дѣйствуютъ, а у другихъ почеркиваютъ сразу всю ихъ жизнь!». Согласитесь вы, сказать такую мысль можетъ только человѣкъ съ байроновски-глубокой душой.

Домна Осиповна слушала это, задумчиво глядя на красивые ногти своей руки.

— Словомъ, человѣкъ страдаетъ о прошедшемъ и оплакиваетъ его! — заключилъ графъ.

Домна Осиповна на мгновеніе взяла себя за лобъ.

— Очень жаль, если это такъ! Но только этого прошедшаго не воротишь! — проговорила она.

— Почему? — спросилъ ее графъ.

— Такъ, не воротишь! — повторила Домна Осиповна и не стала больше ни слова говорить о Бѣгушевѣ, но Хвостиковъ все-таки вынесъ изъ этого разговора твердое убѣжденіе, что можно воротить это прошедшее, и что онъ былъ бы очень радъ способствовать тому.

Возвратясь домой и увидѣвъ сидящую съ Бѣгушевымъ старушку, графъ нѣсколько удивился.

— Это сестра моя Адель! — пояснилъ ему Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ при этомъ почему-то сконфузился, но потомъ сейчасъ же и поправился.

— Еще одна минута, и я бы догадался, съ кѣмъ имѣю честь встрѣтиться, такъ вы мало измѣнились!.. — говорилъ онъ, беря и цѣлуя руку Аделаиды Ивановны: — извините, я по-старинному.

Старушка сначала тоже не узнала его.

— Графъ Хвостиковъ! — объяснилъ и ей Бѣгушевъ.

— А, графъ Хвостиковъ!.. — произнесла своимъ добрымъ голосомъ Аделаида Ивановна, не безъ труда припоминая, что въ одну изъ давнишнихъ зимъ, когда она жила въ Москвѣ, графъ довольно часто у ней бывалъ и даже занялъ у ней двѣсти рублей, о которыхъ она, по незначительности суммы, никогда бы, разумѣется, не рѣшилась ему сказать, но графъ, тоже не забывшій этого обстоятельства, все-таки счелъ за лучшее подольститься къ старушкѣ.

— Ну, что ваша музыка?—спросилъ онъ.

— Музыка? — переспросила не безъ удовольствія Аделаида Ивановна: — играю еще... Фортепіанъ только у меня хорошихъ нѣтъ.

— Здѣсь Виртъ превосходный! — говорилъ Хвостиковъ, показывая рукой на стоявшій рояль: — надѣюсь, что вы подарите намъ нѣсколько вашихъ волшебныхъ звуковъ!

— Да, поиграю какъ-нибудь, — отвѣчала Аделаида Ивановна, очень довольная любезничаньемъ графа.

Въ это время вошла Минодора и доложила ей:

— Ваша Маремьяша прислала сына дьячка сказать вамъ, что пора домой; затемнѣетъ очень, и вы будете бояться ѣхать!

— Да, да, пора!.. — заторопилась старушка.

— Но карета готова ли? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Подана-съ... у крыльца, — отвѣчала Минодора.

Аделаида Ивановна расцѣловалась съ братомъ и при этомъ говорила:

— Какова Маремьяша моя? Каково усердіе ея?

«Хороша, нечего сказать!» — думалъ про себя Бѣгушевъ, а вслухъ проговорилъ Минодорѣ:

— Адель завтра же переѣзжаетъ ко мнѣ!.. Скажи ты это Маремьяшѣ этой!

— Скажу-съ! — отвѣчала та.

Старушка пошла. Графъ Хвостиковъ провожалъ ее. Она было-хотѣла не позволить ему этого, но онъ слѣдовалъ за ней и посадилъ ее подъ руку въ карету.

Въ продолженіе всего остального вечера графъ Хвостиковъ не рѣшался заговорить съ Бѣгушевымъ о Домнѣ Осиповнѣ, но за ужиномъ, выпивъ стакана два краснаго вина, отважился на то.

— Я сегодня, между прочимъ, былъ и даже обѣдалъ у Домны Осиповны, которая переѣхала близехонько сюда, на Никитскую, въ свой новый домъ.

— Для чего вы такъ поспѣшили? Я не зналъ, что вы такіе съ ней друзья! — замѣтилъ Бѣгушевъ, немного вспыхнувшій отъ словъ графа.

— Мы давно съ ней дружны, — отвѣчалъ тотъ: — и я убѣдился... Впрочемъ, я не знаю, позволишь ли ты мнѣ быть съ тобою совершенно откровеннымъ...

— Будь! — разрѣшилъ ему Бѣгушевъ.

Краска все болѣе и болѣе появлялась въ лицѣ его.

— Я убѣдился, — продолжалъ графъ: — что она тебя до сихъ поръ любитъ!

Бѣгушевъ окончательно вспыхнулъ.

— А при этомъ другихъ двухъ любитъ и сверхъ того супруга обожаетъ! — проговорилъ онъ съ ядовитостью.

— Кого жъ она любитъ?.. Неправда! — воскликнулъ графъ.

— Но ты самъ же разсказывалъ дочери твоей! — уличилъ его Бѣгушевъ.

— Я только говорилъ, что за Домной Осиповной ухаживаютъ, можетъ-быть, даже не двое, а и больше... она такъ еще интересна! — вывернулся графъ: — но что я наблюдалъ и замѣтилъ въ послѣднее свиданье, то меня рѣшительно убѣждаетъ, что любитъ собственно она тебя.

— Изъ чего ты это наблюдалъ и замѣтилъ? — спросилъ его какъ бы съ неудовольствіемъ Бѣгушевъ.

— Словъ ея я тебѣ не могу передать!... Ихъ, если ты хочешь, и не было; но эти улыбки, полугрустный трепетъ въ голосѣ, явное волненіе, когда она о тебѣ что-нибудь разспрашивала...

— Но что жъ она разспрашивала обо мнѣ? — допытывался Бѣгушевъ: ему въ одно и то же время досаденъ и пріятенъ былъ этотъ разговоръ.

— Опять-таки тоже многое и, пожалуй, ничего не разспрашивала!

— Фантазеръ! — воскликнулъ Бѣгушевъ и, вставъ со своего стула, такъ какъ ужинъ въ это время уже кончился, пошелъ-было.

— Нѣтъ, я тебѣ это докажу: хочешь? — говорилъ ему вслѣдъ Хвостиковъ.

— Чѣмъ?.. — спросилъ Бѣгушевъ, обертываясь къ нему лицомъ.

— Тѣмъ, что помирю васъ.

Бѣгушевъ махнулъ только на это рукой и ушелъ къ себѣ въ спальную.

Графъ Хвостиковъ, оставшись одинъ, допилъ все красное вино и рѣшился непремѣнно привести въ исполненіе то, что задумалъ.

XI.

Вещи Аделаиды Ивановны, какъ приказалъ Бѣгушевъ, на другой же день стали переносить къ нему въ домъ. Прежде всего самъ дьячокъ, у котораго она квартировала, сынишка его и сторожъ церковный притащили на рукахъ божницу съ довольно дорогими образами, и при этомъ дьячокъ просилъ доложить Бѣгушеву, что всѣ они поздравляютъ Александра Ивановича съ пріѣздомъ сестрицы; но Минодора не пошла докладывать, а сама поднесла дьячку и сторожу по огромному стакану водки, которую оба они съ удовольствіемъ выпили, крякнули и пожелали закусить. Минодора дала имъ и закусить холодной барской кулебяки съ налимами и осетровыми печенками, а маленькому семинаристу насыпала цѣлый карманъ сладкаго печенья. Затѣмъ вещи начали подносить одинъ ужъ сторожъ и два поденщика съ дикими, звѣрообразными лицами. Поденщики наши, какъ извѣстно, смирный народъ, но съ виду очень страшны, и, главное, опредѣлить совершенно невозможно, во что они, по большей части, бываютъ одѣты: на старшемъ, напримѣръ, изъ настоящихъ поденщиковъ были худыя резиновыя калоши на босу ногу и дырявый полушубокъ, а на другомъ лапти и коротенькая визитка. Первоначально они притащили на головахъ ванны Аделаиды Ивановны, ножныя, поясныя, и огромный умывальникъ: mademoiselle Бѣгушева любила очень полоскаться въ водѣ и каждый день почти все утро употребляла на это. За умывальникомъ былъ принесенъ попугай въ клѣткѣ старымъ лакеемъ Аделаиды Ивановны, Дормидонычемъ, тоже обитавшимъ при ней и о которомъ она не рѣшалась и упомянуть брату. Дормидонычъ, по приказанію госпожи своей, прежде всего велѣлъ спросить

Александра Ивановича, что позволитъ ли онъ ей взять съ собой попугая, а равно и его, Дормидоныча. Бѣгушевъ на это сказалъ, что она можетъ всѣхъ и все перевозить къ нему. За попугаемъ вскорѣ прибыла Маремьяша, пожилая горничная дѣвушка, съ лицомъ точно татуированнымъ и испещреннымъ черными пятнышками, но въ шляпкѣ, новомъ бурнусѣ, въ перчаткахъ и даже съ зонтикомъ въ рукахъ. Она привела съ собой на сворѣ десять болоночекъ, которыя, вбѣжавъ въ свое новое помѣщеніе, сначала-было залаяли, завизжали, но послѣ окрика Маремьяши и послѣ того, какъ она налила имъ на блюдечко принесеннаго съ собой въ пузырькѣ молока, онѣ принялись лакать его и сейчасъ же стихли. Маремьяша, сколько можно это судить по ея изжелта-зеленымъ и безпрестанно бѣгающимъ изъ стороны въ сторону глазамъ, была дѣвка неглупая и очень плуговатая. Аделаиду Ивановну, когда та была богата, она обкрадывала сколько возможно и въ настоящее время, имѣя уже довольно значительный капиталецъ, не теряла надежды поувеличить его съ полученіемъ Аделаидою Ивановною долговъ ея. Вскорѣ за Маремьяшей сторожъ и поденщики, опять-таки на головахъ, принесли огромныя перины и цѣлый ворохъ подушекъ для Аделаиды Ивановны и для Маремьяши: объ онѣ спали всегда очень мягко!

На всю эту сцену переноски Прокофій глядѣлъ молча, но когда Дормидонычъ спросилъ Минодору, что гдѣ же ему можно будетъ пріютиться, и когда та отвѣтила ему: «въ комнаткѣ около кухни», Прокофій не выдержалъ и воскликнулъ: «Али здѣсь въ домѣ?.. Будетъ, что про васъ еще и клеушковъ осталось». Молодые лакеи при этомъ захохотали. Дормидоныча это оскорбило.

— Не смѣйтесь, господа, можетъ-быть, и самимъ вамъ придется въ клеушкахъ жить,—проговорилъ онъ.

Прокофій, собственно, Аделаиду Ивановну уважалъ, какъ сестру барина, но прислугу ея считалъ за чистую сволочь.

Вскорѣ прибыла въ каретѣ Бѣгушева и сама Аделаида Ивановна. Она все утро объѣзжала чудотворныя иконы и разные монастыри и вездѣ со слезами благодарила Бога, что Онъ далъ ей такого друга и брата, съ которымъ по пріѣздѣ облобызавшись, прямо отправилась въ свое отдѣленіе размѣщать и разставлять тамъ вещи. За этой работой она провела часа три и такъ утомилась, такой сдѣлалась замарашкой, что не рѣшилась даже выйти къ обѣду и просила къ себѣ въ комнату прислать чего-нибудь. Покушавъ, Аделаида Ивановна легла почивать и заснула сномъ младенца. Вечеромъ Аделаида Ивановна, почувствовавъ себя послѣ сна бодрой, пріодѣлась

и вышла на мужскую половину, гдѣ застала брата, по обыкновенію, въ диванной, а вмѣстѣ съ нимъ и графа Хвостикова, нарочно цѣлый день не уходившаго для нея изъ дому, чтобы еще болѣе къ ней приласкаться. Какъ только Аделаида Ивановна появилась, онъ сейчасъ же разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ: разсказалъ ей нѣсколько городскихъ новостей и слуховъ, разсмѣшилъ ее двумя-тремя обветшалыми каламбурами, а затѣмъ прямо свелъ рѣчь на музыку.

— Умоляю васъ хоть сегодня сыграть намъ что-нибудь,— говорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ... Нѣтъ!.. Я сегодня еще такая усталая, — отнѣкивалась старушка жеманно.

— Вы нисколько не усталая, нисколько! — воскликнулъ графъ и подалъ Аделаидѣ Ивановнѣ руку.

Она усмѣхнулась, но отказаться не могла и пошла съ Хвостиковымъ въ гостиную къ роялю.

Аделаида Ивановна едва только дотронулась до клавишей, какъ мгновенно же увлеклась, тѣмъ болѣе, что на такомъ хорошемъ и отлично настроенномъ инструментѣ она давно не играла: изъ-подъ ея маленькихъ и пухленькихъ пальчиковъ полились звуки тихіе, мягкіе. Что собственно Аделаида Ивановна играла, она сама не помнила и часто фантазировала; слушая ее, графъ Хвостиковъ безпрестанно схватывалъ себя за голову и восклицалъ на французскомъ языкѣ: «божественно, превосходно!».

Все это онъ продѣлывалъ, кромѣ той цѣли, чтобы заставить Аделаиду Ивановну забыть о деньгахъ, которыя онъ ей долженъ былъ, но онъ, разсчитывая на ея безконечную доброту и женское самолюбіе, мечталъ снова занять у ней: изобрѣтательность и смѣтка графа Хвостикова доходили въ этомъ случаѣ до геніальности! Бѣгушевъ между тѣмъ, сидя одинъ, думалъ о Домнѣ Осиповнѣ. Разсказъ графа Хвостикова, что будто бы она еще любитъ его, не выходилъ у него изъ головы, и онъ все проводилъ параллель между нею и madame Мѣровой. Развѣ Домна Осиповна сдѣлала что-нибудь подобное въ отношеніи его, что сдѣлала та противъ Тюменева? Развѣ она мучила его хоть сколько-нибудь капризами? Напротивъ! Домна Осиповна всегда старалась его умѣрить, когда онъ впадалъ въ раздраженіе!.. Наконецъ развѣ ея вина, что судьба заставила ее жить въ дрянной средѣ, изъ которой, можетъ-быть, Домна Осиповна нѣсколько и усвоила себѣ; но не его ли была обязанность растолковывать ей это постепенно, не вдругъ, съ кротостью и настойчивостью педагога, а не рубить вдругъ и сразу прекратить всякія отношенія. Какой

мастеръ былъ Бѣгушевъ обвинять себя въ большей части случаевъ жизни, мы видѣли это изъ предыдущаго. Желаніе узнать, что если ли хоть сотая доля правды въ томъ, что наболталъ ему Хвостиковъ, которому онъ мало вѣрилъ, узнать, по крайней мѣрѣ, пообстоятельнѣе, какъ Домна Осиповна живетъ, гдѣ бываетъ, съ кѣмъ видается, овладѣвало Бѣгушевымъ все болѣе и болѣе, а между тѣмъ сестра его Аделаида Ивановна на другой день немножко прихворнула. Онъ почти обрадовался ея болѣзни, сообразивъ, что это отличный предлогъ ему пригласить Перехватова и выспросить его о Домнѣ Осиповнѣ.

— Я сейчасъ пошлю за докторомъ!—сказалъ онъ Аделаидѣ Ивановнѣ.

Та, думая, что она все-таки обременяетъ этимъ брата, сначала-было и руками и ногами противъ приглашенія доктора.

— Пріѣздъ доктора, кромѣ твоей болѣзни, меня успокоитъ, потому что онъ мнѣ скажетъ, чѣмъ ты собственно больна! — возразилъ Бѣгушевъ.

Аделаида Ивановна глубоко сердцемъ поняла брата и друга и болѣе ему не возражала. Перехватовъ въ то же утро пріѣхалъ къ Бѣгушеву на его пригласительную записку. Онъ пополнѣлъ нѣсколько и сдѣлался еще представительнѣе. Румянецъ попрежнему горѣлъ на его щекахъ. Досадливаго выраженія въ лицѣ, которое у него было послѣ потери имъ въ банкѣ восьми тысячъ, слѣда не было, можетъ-быть, потому, что Перехватовъ вполнѣ успѣлъ пополнить практикой этотъ убытокъ. Костюмъ его на этотъ разъ состоялъ изъ вицмундира и Владимира третьей степени на шеѣ. Несмотря на свои молодыя лѣта, Перехватовъ былъ ревизоромъ какихъ-то больницъ и, получа въ послѣднее время сей почти генеральскій крестъ, началъ въ немъ ѣздить къ своимъ кліентамъ, изъ которыхъ многіе (по большей части купцы) сразу же сочли нужнымъ возвысить ему плату до десяти рублей за визитъ.

Войдя къ Бѣгушеву и зная оригинальность того, Перехватовъ не спѣшилъ его разспрашивать о томъ, чѣмъ онъ боленъ, и сказалъ только:

— Вы недавно изъ за-границы?

— Мѣсяца полтора.

— Лѣчились тамъ?

— Нѣтъ.

На лицѣ Перехватова выразилось маленькое недоумѣніе: зачѣмъ же собственно его Бѣгушевъ пригласилъ къ себѣ.

— Не я боленъ, но у меня живетъ сестра родная: она заболѣла!—проговорилъ ему тотъ.

— А!—произнесъ докторъ:—гдѣ же я могу видѣть больную?

Бѣгушевъ, самъ проводивъ Перехватова до комнаты сестры, просилъ его зайти къ нему и разсказать, что̀ такое съ нею.

— Непремѣнно!—отвѣчалъ докторъ и, пробывъ весьма недолгое время у Аделаиды Ивановны, онъ прошелъ къ Бѣгушеву.

— Ничего,—сказалъ онъ: — маленькая гастрическая лихорадка... Старушка, вѣроятно, діэты не соблюдала.

Аделаида Ивановна дѣйствительно, послѣ скуднаго обѣда, который она брала отъ дьячка, попавъ на изысканный столъ Бѣгушева, съ большимъ аппетитомъ и очень много кушала: несмотря на свое поэтическое и сентиментальное міросозерцаніе, Аделаида Ивановна, подобно брату своему, была нѣсколько обжорлива. Бѣгушевъ не спѣшилъ платить доктору. Тотъ отчасти изъ этого, а потомъ и по другимъ признакамъ догадался, что ему не слѣдовало уѣзжать, ради чего, не кладя, впрочемъ, шляпы, сѣлъ.

— А вы, собственно, совершенно здоровы, или попрежнему злитесь?—спросилъ онъ Бѣгушева.

— Нѣтъ, теперь хандрю только и адски скучаю! — отвѣчалъ тотъ.

— Неужели же и Европа не поразвлекла васъ нисколько?

— Напротивъ, еще бо̀льшую нагнала хандру.

— Ахъ, вы, обезпеченные господа!—воскликнулъ докторъ:— ей-Богу, какъ посмотришь на васъ... у меня много есть подобныхъ вамъ паціентовъ... такъ даже мы, доктора, въ нашей каторжной, работящей жизни живемъ лучше!

— Вѣроятно!—согласился Бѣгушевъ, бывшій подъ вліяніемъ своей главной мысли и почти не слушавшій то, что̀ ему проповѣдывалъ Перехватовъ.

Разговоръ на нѣкоторое время прекратился: но Бѣгушевъ наконецъ не вытерпѣлъ.

— А кого вы изъ нашихъ общихъ знакомыхъ видаете? — спросилъ онъ.

— То-есть кого же общихъ?.. — спросилъ докторъ, смутно, впрочемъ, догадывавшійся, что вопросъ этотъ исключительно касался Домны Осиповны.

О томъ, что какъ и изъ-за чего она разсталась съ Бѣгушевымъ, онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей по разсказамъ самой Домны Осиповны, сдѣлавшейся съ нимъ послѣ разлуки съ Бѣгушевымъ очень дружною.

— Видаюсь я,—продолжалъ докторъ:—между прочимъ, съ Янсутскимъ, съ madame Олуховой.

При послѣднемъ имени докторъ бросилъ коротенькій взглядъ на Бѣгушева.

— Какъ же она существуетъ? — спросилъ тотъ, почти за-

дыхавшійся отъ любопытства, или, лучше сказать, отъ болѣе сильнаго чувства и желавшій, чтобы ему разсказывали скорѣе и скорѣе. Но докторъ началъ довольно издалека:

— Она была нѣкоторое время больна; но потомъ поправилась-было совершенно...

— А теперь что жъ, опять больна?

— Нѣтъ, но у нея пошли снова дрязги съ ея мужемъ. Это ужасный человѣкъ! Ужасный! — повторилъ два раза докторъ.

— Напротивъ, онъ мнѣ казался такимъ смиреннымъ и покорнымъ Домнѣ Осиповнѣ,—замѣтилъ Бѣгушевъ.

— Не дай Богъ никому такихъ покорныхъ мужей! — воскликнулъ докторъ.

— Что же собственно онъ дѣлаетъ?—спросилъ Бѣгушевъ, бывшій втайнѣ очень доволенъ, что Домна Осиповна ссорится съ мужемъ.

— Кутитъ!.. безобразничаетъ!.. Этотъ ходатай по ихъ дѣламъ, Гроховъ, опять свелъ его съ прежнею привязанностью. Они всѣ втроемъ пьянствуютъ: у Олухова два раза была бѣлая горячка... Я по нѣскольку дней держалъ его въ сумасшедшей рубашкѣ! Можете вообразить себѣ положеніе Домны Осиповны: она только было-поустроила свою семейную жизнь, какъ вдругъ пошло хуже, чѣмъ когда-либо было. Я просто совѣтую ей уѣхать за границу, какъ и сдѣлала она это прежде.

Этому совѣту доктора Бѣгушевъ вначалѣ тоже обрадовался, такъ какъ ему пришла въ голову безразсудная мысль гнаться за Домной Осиповной, куда бы только она ни поѣхала, и молить ее возвратить ему прошедшее.

— Я очень люблю и уважаю Домну Осиповну,—продолжалъ докторъ какъ бы совершенно безпристрастнымъ голосомъ:— и прямо ей говорю, что подъ вліяніемъ такихъ непріятныхъ и каждодневно повторяющихся впечатлѣній она можетъ окончательно разбить свое здоровье.

— И что жъ она... никуда не выѣзжаетъ?

— Нѣтъ!.. Выѣзжаетъ!

— Куда?

— Ѣздитъ иногда въ Дворянское собраніе, гдѣ устраиваются очень хорошенькіе вечера, потомъ бываетъ въ театрѣ, гуляетъ по бульварамъ, которые отъ нея два шага!

Всѣ эти слова доктора Бѣгушевъ хорошо запомнилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей подозрительности, подумалъ, что зачѣмъ Перехватовъ, ухаживая, какъ говорятъ, за Домной Осиповной, отправляетъ ее за границу: онъ, можетъ-быть, какъ нѣкогда сдѣлать и самъ Бѣгушевъ хотѣлъ, предпола-

гаетъ увезти ее отъ мужа. Перехватовъ, въ самомъ дѣлѣ, желалъ удалить Домну Осиповну, но только не отъ мужа, а отъ начавшаго за ней ухаживать Янсутскаго.

— А вы, скажите, бывали за границей? — спросилъ Бѣгушевъ, желая позондировать доктора въ этомъ отношеніи.

— Былъ... Я въ тамошнихъ университетахъ собственно и готовился на степень доктора.

— Но опять съѣздить не думаете?

— Очень бы хотѣлось, но какъ это сдѣлать: практика у меня большая, на кого ее оставить?

Бѣгушевъ понялъ, что ему отъ доктора больше ничего не добиться. Тому тоже пора было ѣхать по другимъ визитамъ. Онъ раскланялся.

Со слѣдующаго дня Бѣгушевъ повелъ совершенно несвойственную ему жизнь. Онъ всѣ утра, часовъ съ одиннадцати до пяти, гулялъ по бульварамъ, а вечеромъ обыкновенно бывалъ въ обоихъ театрахъ, Большомъ и Маломъ. Явно, что Бѣгушевъ ожидалъ гдѣ-нибудь изъ этихъ мѣстъ встрѣтить Домну Осиповну. Ему хотѣлось хоть разъ еще въ жизни видѣть ея красивое лицо; судьба наконецъ надъ нимъ сжалилась. Просматривая однажды газету, Бѣгушевъ наткнулся на напечатанное крупными буквами объявленіе объ имѣющемъ быть въ скоромъ времени танцовальномъ вечерѣ въ залѣ Дворянскаго собранія.

Бѣгушевъ порывисто позвонилъ. Вошелъ молодой лакей.

— Графъ дома? — спросилъ его съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ Бѣгушевъ.

— Дома-съ!—отвѣчалъ тотъ.

— Зови его ко мнѣ сію минуту!

Лакей быстро побѣжалъ наверхъ къ графу, который, по рѣшительному отсутствію денегъ, нѣсколько дней не выходилъ изъ дома, а время употреблялъ на то, что читалъ скабрезные французскіе романы, открытые имъ въ библіотекѣ Бѣгушева. На приглашеніе хозяина онъ немедленно сошелъ къ нему.

— Mon cher, — сказалъ ему почти нѣжнымъ голосомъ Бѣгушевъ: — въ четвергъ балъ въ Дворянскомъ собраніи: мнѣ хочется быть тамъ; вы тоже поѣдете со мной. Будьте такъ добры, поѣзжайте въ моихъ саняхъ, возьмите два билета: себѣ и мнѣ.

Бѣгушевъ при этомъ подалъ графу пятидесятирублевую бумажку.

— Но, mon cher,—воскликнулъ графъ въ свою очередь:— кромѣ билета, мнѣ туалетъ мой не позволяетъ бывать на балахъ.

— Сдѣлайте себѣ туалетъ новый; вотъ вамъ къ этимъ деньгамъ еще сто рублей!..—говорилъ Бѣгушевъ.

— Mercі, тысячу разъ mercі!.. — говорилъ графъ Хвостиковъ, съ удовольствіемъ засовывая деньги въ карманъ.

— Ну, и потомъ...—продолжалъ Бѣгушевъ, совершенно потупляясь: — не зайдете ли вы къ вашему другу, Домнѣ Осиповнѣ, и не узнаете ли: будетъ она въ собраніи?..

— Непремѣнно зайду!.. Я самъ это думалъ! — подхватилъ графъ, хотя вовсе не думалъ этого дѣлать, на томъ основаніи, что онъ еще прежде неоднократно забѣгалъ къ Домнѣ Осиповнѣ, заводилъ съ ней разговоръ о Бѣгушевѣ, но она ни звука не произносила при этомъ: тяжело ли ей было говорить о немъ, или просто скучно, графъ не зналъ, какъ рѣшить.

— Только, пожалуйста, вы не скажите ей, что я васъ подсылаю!

— О, mon cher, что жъ, ты меня за ребенка такого считаешь,—отвѣчалъ графъ и уѣхалъ прямо къ Домнѣ Осиповнѣ, а въ пять часовъ явился аккуратно къ обѣду Бѣгушева и имѣлъ торжествующій видъ.

— Будетъ!—сказалъ онъ лаконически, такъ какъ стѣснялся присутствіемъ Аделаиды Ивановны.

— Благодарю!—отвѣчалъ ему лаконически и Бѣгушевъ.

Но у старушки не прошли мимо ушей эти фразы. Она почти догадывалась, о комъ они были сказаны.

Аделаида Ивановна давно интересовалась узнать объ отношеніяхъ ея брата къ madame Олуховой, и когда ея Маремьяша, успѣвшая вывѣдать у людей Бѣгушева все и про все, сказала ей, что Александръ Ивановичъ разссорился съ этой дамой, Аделаидѣ Ивановнѣ было это чрезвычайно непріятно: она очень не любила, когда люди ссорились!

XII.

Передъ баломъ въ Дворянскомъ собраніи Бѣгушевъ былъ въ сильномъ волненіи. «Ну, какъ Домна Осиповна не будетъ?»— задавалъ онъ себѣ вопросъ и почти въ ужасъ приходилъ отъ этой мысли. Одѣваться на балъ Бѣгушевъ началъ часовъ съ семи, и нельзя умолчать, что къ туалету своему приложилъ сильное и давно имъ оставленное стараніе: онъ надѣлъ превосходное парижское бѣлье, лондонскій фракъ и даже слегка надушился какими-то тончайшими духами. Графу Хвостикову Бѣгушевъ объявилъ, чтобы тотъ непремѣнно былъ готовъ къ половинѣ девятаго.

— Но зачѣмъ же такъ рано?—возразилъ-было графъ.

— Я всегда люблю рано пріѣзжать! — сказалъ ему сурово Бѣгушевъ, но въ сущности онъ спѣшилъ быть въ собраніи, чтобы не прозѣвать Домны Осиповны, а то, пожалуй, онъ разойдется съ ней и не встрѣтится цѣлый вечеръ.

Пріѣхавъ съ графомъ Хвостиковымъ въ собраніе, Бѣгушевъ остановился въ первой же со входа комнатѣ и сѣлъ на стулъ около самыхъ входныхъ дверей.

— Ты тутъ останешься?—спросилъ его графъ, начинавшій догадываться о тайной мысли Бѣгушева.

— Тутъ!—отвѣчалъ тотъ.

Графъ въ своемъ освѣженномъ туалетѣ пошелъ бродить по совершенно еще пустымъ заламъ. Публика начала съѣзжаться только въ концѣ десятаго часа. Бѣгушевъ все это время глазъ не спускалъ со входныхъ дверей и еще издали увидалъ входящую Домну Осиповну въ сопровожденіи Янсутскаго. Одѣта она была къ лицу, со вкусомъ и богато. Бѣгушевъ поспѣшилъ пройти въ большую залу и сталъ около колонны, опять потому же, что Домна Осиповна непремѣнно должна была пройти мимо него. Она дѣйствительно прошла и уже подъ руку съ Янсутскимъ, шедшимъ гордо и почти презрительно смотрѣвшимъ на всю публику. Съ Бѣгушевымъ Домна Осиповна была нѣсколько мгновеній почти лицомъ къ лицу и вначалѣ замѣтно взволновалась, но потомъ сейчасъ же овладѣла собой и взглянула въ сторону. Янсутскій не поклонился Бѣгушеву; тотъ ему тоже не пошевелилъ головой. Затѣмъ Янсутскій что-то такое шепнулъ Домнѣ Осиповнѣ. Она сдѣлала при этомъ небольшую гримасу и ничего ему не отвѣтила. Бѣгушевъ попрежнему оставался у колонны и принялъ какъ бы спокойный видъ; его порадовало весьма маленькое обстоятельство: Домна Осиповна, отойдя довольно далеко, обернулась и очень пристально взглянула на него.

Поданъ былъ сигналъ къ началу танцевъ. Передъ Бѣгушевымъ неожиданно предсталъ вырвавшійся изъ тѣсной толпы графъ Хвостиковъ.

— Она здѣсь!—произнесъ онъ радостно-задыхающимся голосомъ.

— Я видѣлъ ее! — отвѣчалъ Бѣгушевъ, стараясь попрежнему оставаться спокойнымъ.

— Я приглашу ее сейчасъ на кадриль и повыспрошу! — объяснилъ графъ и опять юркнулъ въ толпу.

Бѣгушевъ затѣмъ все вниманіе и зрѣніе свое устремилъ на танцующихъ, потому что посреди нихъ замѣтилъ Домну Осиповну. Она танцовала съ Янсутскимъ и ходила, какъ гордая пава, что было нѣсколько смѣшно, но Бѣгушеву не показалось

это смѣшнымъ. Во время пятой фигуры сзади его раздался голосъ:

— Александръ Ивановичъ, вотъ гдѣ я васъ встрѣчаю!..

Бѣгушевъ оглянулся. Это говорилъ молодой русскій художникъ, съ закинутой назадъ гривой волосъ и во фракѣ, изъ котораго онъ замѣтно выросъ.

— Ту картину мою, которую вы видѣли у меня въ Римѣ и одобряли, я кончаю!.. — говорилъ художникъ, простодушно воображавшій, что весь міръ болѣе всего озабоченъ его картиной. — Не заѣдете ли ко мнѣ въ мастерскую взглянуть на нее... Я помню, какіе прекрасные совѣты вы мнѣ давали...

— Если будетъ время, заѣду!—отвѣчалъ ему сухо Бѣгушевъ.

Ему ужасно было досадно, что художникъ, стоя передъ нимъ, совершенно закрывалъ ему своею косматою головой Домну Осиповну; но тотъ, разумѣется, этого не понималъ и продолжалъ ласково смотрѣть на Бѣгушева.

— Какое у васъ прекрасное лицо, Александръ Ивановичъ!— сказалъ онъ:—сколько въ немъ экспрессіи... Вотъ если бы вы когда-нибудь позволили мнѣ написать съ васъ портретъ, какое бы это удовольствіе для меня было!

Бѣгушевъ молчалъ.

Художникъ наконецъ поотодвинулся съ своего мѣста и далъ ему возможность снова наблюдать Домну Осиповну, хоть и ненадолго, такъ какъ танцы кончились и ея не видать стало. Въ продолженіе всего своего наблюденія Бѣгушевъ замѣтилъ къ удовольствію своему, что Домна Осиповна почти не разговаривала съ Янсутскимъ, но въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ, вскидывала по временамъ глаза.

Слѣдующую кадриль Домна Осиповна танцовала съ графомъ Хвостиковымъ. Бѣгушевъ видѣлъ, что графъ со своей, хотя нѣсколько и старческой ловкостью немедля началъ занимать Домну Осиповну. Она внимательно прислушивалась къ его словамъ, что же означало выраженіе лица ея, опредѣлить было трудно. Кажется, оно болѣе всего дышало грустью; словомъ, надежды моего пятидесятилѣтняго героя все болѣе и болѣе росли, но вдругъ ему кинулся въ глаза докторъ Перехватовъ, стоявшій на противоположной сторонѣ боковой эстрады въ щегольскомъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, туго-натянутыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, и къ нему прямо направилась Домна Осиповна. Увидавъ ее, Перехватовъ, спустившись съ двухъ-трехъ ступенекъ эстрады, подошелъ къ ней и подалъ ей руку. Затѣмъ они ушли въ другія залы. Все это точно ножомъ кольнуло Бѣгушева въ сердце. Утомившись наконецъ стоять, онъ опустился на одну изъ ближайшихъ красныхъ скамеекъ и поту-

пилъ голову. Ему припомнилось, что въ этой же залѣ и онъ когда-то ходилъ съ Домной Осиповной подъ руку, ходилъ бы, можетъ-быть, и до сей поры, если бы самъ всего, въ своемъ бѣшеномъ безумствѣ, не разломалъ и не исковеркалъ!

Графъ Хвостиковъ между тѣмъ на срединѣ освободившейся отъ толпы залы разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, совершенно сѣдымъ, очень высокимъ, худымъ и сутуловатымъ, съ глазами какъ бы нѣсколько помѣшанными и въ то же время съ очень доброй и пріятной улыбкой. Господинъ этотъ что-то съ увлеченіемъ объяснялъ графу. Тотъ тоже съ увлеченіемъ отвѣчалъ ему; наконецъ они оба подошли къ Бѣгушеву.

— Все идетъ отлично! Оставайся непремѣнно ужинать, — шепнулъ прежде всего графъ Бѣгушеву; а потомъ присовокупилъ, показывая на товарища своего:—господинъ Долговъ желаетъ возобновить свое старое знакомство съ вами!

Бѣгушевъ, какъ ни разстроенъ былъ, но узналъ Долгова, своего стараго товарища по пансіону и по университету.

— Здравствуйте!—сказалъ Бѣгушевъ, привѣтливо пожимая его руку.

Онъ любилъ Долгова за его хоть и безтолковое, но все-таки постоянно идеальное направленіе. Долговъ въ каждый моментъ своей жизни былъ увлеченъ чѣмъ-нибудь возвышеннымъ: видѣлъ ли онъ, какъ это было съ нимъ въ молодости, искусную танцовщицу на сценѣ, онъ всюду кричалъ, что это не женщина, а оживленная статуя греческая; прочитывалъ ли какую-нибудь книгу, пришедшуюся ему по вкусу, онъ дни и ночи бредилъ ею и даже прибавлялъ къ ней свое, чего тамъ вовсе и не было; захватывалъ ли во Франціи власть Людовикъ-Наполеонъ, Долговъ приходилъ въ отчаяніе и говорилъ, что это узурпаторъ, интриганъ; рѣшался ли у насъ крестьянскій вопросъ, Долговъ ожидалъ обновленія всей русской жизни. Въ искренность всѣхъ этихъ увлеченій Долгова Бѣгушевъ вѣрилъ, но въ силу—нѣтъ: очень ихъ было много и чрезвычайно они были разнообразны! Долговъ сѣлъ рядомъ съ Бѣгушевымъ на скамейку, а графъ опять къ кому-то убѣжалъ. Долговъ, подобно Бѣгушеву, также склонилъ свою голову; видимо, что жизнь сильно помяла его.

— Вы въ деревнѣ живете?—спросилъ Бѣгушевъ: онъ давнымъ-давно не видалъ Долгова.

— Жилъ-было въ деревнѣ, — отвѣчалъ тотъ: — хотѣлъ настоящимъ фермеромъ сдѣлаться, самъ работалъ, вонъ мозоли какіе на рукахъ натеръ!—и Долговъ показалъ при этомъ свои руки, дѣйствительно покрытыя мозолями: — но долженъ былъ бросить все это.

— Отчего?

— Семья подросла! Семью надо было воспитывать.

— А велика?

— Слава Богу, четыре сына и три дочери, но средства очень ограниченныя... Мнѣ бы весьма желалось пріѣхать къ вамъ и побесѣдовать, знаете, этакъ по душѣ, какъ прежде бесѣдовали.

— Пріѣзжайте!—сказалъ Бѣгушевъ.

Снова явившійся графъ Хвостиковъ прервалъ ихъ бесѣду.

— Надо ужинать итти!.. Наши знакомые отправились!.. — сказалъ онъ съ удареніемъ.

Бѣгушевъ понялъ его и поднялся съ своего мѣста.

— Пойдемте, поужинаемъ вмѣстѣ!—отнесся онъ къ Долгову.

— Хорошо!—согласился тотъ.

Когда Бѣгушевъ пришелъ въ столовую, то Домна Осиповна, Янсутскій, докторъ Перехватовъ, а вмѣстѣ съ ними и Офонькинъ, сидѣли уже за отдѣльнымъ небольшимъ столомъ.

Графъ Хвостиковъ тоже потребовалъ, чтобы и для ихъ компаніи дали отдѣльный столъ.

Когда они размѣстились, то мимо нихъ прошелъ волосатый художникъ.

— Присядьте къ намъ ужинать! — сказалъ ему Бѣгушевъ, желавшій его немного вознаградить за свою недавнюю сухость къ нему.

Художникъ нѣсколько замялся: у него ни копейки не было въ карманѣ денегъ.

— Это Александръ Ивановичъ даетъ ужинъ своимъ друзьямъ!..—поспѣшилъ ему пояснить графъ Хвостиковъ, очень хорошо вѣдавшій на себѣ эту болѣзнь.

Художникъ сѣлъ къ столу.

Нельзя вообразить себѣ людей, болѣе непохожихъ между собой, какъ тѣ, которые сидѣли съ Домной Осиповной, и тѣ, которые окружали Бѣгушева: они, по нравственному складу, какъ будто бы были существами съ разныхъ планетъ, и только графъ Хвостиковъ могъ витать между этими планетами и симпатизировать той и другой.

Вскорѣ въ столовой желающихъ ужинать все болѣе и болѣе стало прибывать: нѣкоторые изъ нихъ прямо садились и начинали ѣсть, а другіе пока еще ходили, разговаривали, и посреди всего этого голосъ Янсутскаго раздавался громче всѣхъ. Онъ спорилъ съ Офонькинымъ.

— Русскія женщины, увѣряю васъ, самыя лучшія въ мірѣ!..— говорилъ онъ, мелькомъ взглядывая на Домну Осиповну.

— Есть еврейки очень хорошенькія!..—возражалъ ему тотъ съ любострастной улыбкой.

— Подите вы съ вашими еврейками! Особенно онѣ хороши у насъ въ Виленской, Ковенской губерніи, одинъ видъ ихъ такъ брр!.. (Этимъ сотрясеніемъ губъ своихъ Янсутскій хотѣлъ выразить чувство омерзѣнія). У нашей же русачки глаза съ поволокою, рѣсницы длинныя! — говорилъ онъ, опять-таки взглядывая на Домну Осиповну, у которой въ самомъ дѣлѣ были рѣсницы длинныя, глаза съ поволокою:—румянецъ...—натуральный, вѣроятно, онъ предполагалъ сказать, но остановился.

— Вѣроятно, во всѣхъ странахъ есть хорошенькія женщины и дурныя!—выразила свое мнѣніе Домна Осиповна.

— Да!.. да!—подтвердилъ Офонькинъ.

Бѣгушевъ, сверхъ обыкновенія, ничего почти не ѣвшій, исподлобья, но безпрерывно взглядывалъ на Домну Осиповну. Она тоже ничего не кушала и только прихлебывала нѣсколько разъ вина изъ рюмки. Болтовню Янсутскаго, который перешелъ ужъ на неблагопристойные анекдоты, она не слушала и очень часто обращалась съ разговоромъ къ сидѣвшему рядомъ съ ней доктору. Хоть слова ея, почти всѣ долетавшія до Бѣгушева, были совершенно пустыя, но ему и то не понравилось.

Передъ жаренымъ, когда на томъ и другомъ столѣ было подано шампанское, Хвостиковъ наклонился къ Бѣгушеву и шепнулъ ему:

— Я предложу тостъ за дамъ: ты встань, подойди къ Домнѣ Осиповнѣ и выпей за ея здоровье!

— Я тебя убью, если ты сдѣлаешь это!—произнесъ почти со скрежетомъ зубовъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ мысленно пожалъ плечами: Бѣгушевъ ему казался робкимъ мальчишкой... школьникомъ; да и Домна Осиповна была ему странна: когда онъ говорилъ съ нею въ кадрили о Бѣгушевѣ, или, лучше сказать, объяснялъ ей, что Бѣгушевъ любитъ ее до сихъ поръ безъ ума, она слушала его внимательно, но сама не проговорилась ни въ одномъ словѣ.

Къ концу ужина Янсутскій, какъ водится, значительно выпилъ и, забывъ, что онъ не поклонился даже Бѣгушеву, подошелъ къ нему и, подпершись обѣими руками въ бока, сказалъ:

— А мы съ вами, Александръ Ивановичъ, развѣ не разопьемъ бутылочки?

— Нѣтъ, не разопьемъ! — проговорилъ тотъ.

— Почему?

— Я не пью вина! — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

Янсутскій передъ тѣмъ только видѣлъ, что онъ пилъ вино.

— Гмм! — произнесъ язвительно Янсутскій и, повернувшись на одной ногѣ, отправился на прежнее мѣсто.

— Шампанскаго! — крикнулъ онъ.

Домна Осиповна что-то не громко, но строго ему сказала.

— Не могу! Я сегодня въ экзальтированномъ состояніи, — отвѣчалъ Янсутскій.

Домна Осиповна насмѣшливо улыбнулась.

— А вамъ смѣшно это? — спросилъ ее Янсутскій.

— Не смѣшно, а удивляюсь только! — отвѣчала, слегка пожимая плечами, Домна Осиповна.

— И мнѣ тоже удивительно, — подхватилъ злобно Янсутскій.

При всемъ этомъ разговорѣ докторъ на лицѣ своемъ не выражалъ ничего; онъ даже всталъ изъ-за стола и направился къ Бѣгушеву.

— Начали наконецъ и вы немножко развлекаться? — сказалъ онъ ему.

— Если вы находите, что быть въ этой духотѣ и толкотнѣ наслажденіе, такъ, пожалуй, я развлекаюсь!.. — отвѣчалъ рѣзко и насмѣшливо Бѣгушевъ: онъ на доктора еще болѣе злился, чѣмъ на Янсутскаго.

Перехватовъ послѣ того отошелъ отъ него и сталъ ходить по столовой, встрѣчаясь, здороваясь и перекидываясь словами со множествомъ своихъ знакомыхъ.

Домна Осиповна смотрѣла то на него, то на Бѣгушева, у котораго за столомъ начался между Долговымъ и молодымъ художникомъ горячій споръ.

— Микель - Анджело гигантъ!.. Великанъ!.. — восклицалъ Долговъ, разгоряченный виномъ, котораго обильно ему подливалъ графъ Хвостиковъ.

— Я согласенъ, что онъ гигантъ, но не для нашего времени! — возражалъ ему, тоже горячась, молодой художникъ.

— Для всѣхъ временъ и для всѣхъ вѣковъ! — восклицалъ Долговъ: — вотъ это-то и скверно въ нынѣшнихъ художникахъ: они нарисуютъ три - четыре удачныя картинки, и для нихъ ужъ никакихъ преданій, никакой исторіи живописи не существуетъ!

— Нѣтъ, существуетъ, — пѣтушился не менѣе его художникъ: — скорѣе для такихъ судей, какъ вы, не существуетъ школы современныхъ художниковъ, потому что вы ничего не видали!

— Я все видѣлъ! — закричалъ-было Долговъ и остановился, потому что Бѣгушевъ въ это время порывисто всталъ изъ-за стола. Никто не понималъ, что̀ такое съ нимъ. Дѣло въ томъ, что докторъ, пройдя нѣсколько разъ по столовой, подошелъ

опять къ Домнѣ Осиповнѣ и сказалъ ей негромко нѣсколько словъ. Она въ отвѣтъ ему кивнула головой и поднялась со стула.

— Развѣ вы не со мной ѣдете? — спросилъ ее громко на всю залу Янсутскій.

— Нѣтъ, я ѣду съ Перехватовымъ.

— Предпочтеніе!.. Доколотить хотите меня! — проговорилъ со злобою и съ перекошеннымъ ртомъ Янсутскій.

— Не очень, я думаю, этимъ доколочу васъ! — сказала Домна Осиповна и пошла.

Докторъ послѣдовалъ за ней.

Бѣгушевъ, какъ бы не дающій себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, тоже шелъ за ними.

Въ той комнатѣ, гдѣ раздаютъ платье, онъ увидѣлъ, что Домна Осиповна и докторъ вмѣстѣ потребовали свои шубы, и затѣмъ у надѣтаго Домною Осиповною капора, который къ ней очень шелъ, Перехватовъ завязывалъ ленты, и она ему за это улыбалась ласково...

Если бы Бѣгушевъ не прислонился въ эту минуту къ стѣнѣ, то навѣрное бы упалъ, потому что у него вся кровь бросилась въ голову: ему все сдѣлалось понятно и ничего не оставалось въ сомнѣніи. Домна Осиповна, обернувшись и увидавъ Бѣгушева, въ свою очередь, вспыхнула, какъ будто ей сдѣлалось стыдно его; съ лѣстницы она стала спускаться медленно. Докторъ слѣдовалъ за ней: на лицѣ его виденъ былъ чуть замѣтный оттѣнокъ насмѣшки. Сѣвъ въ карету съ докторомъ, Домна Осиповна вся спряталась въ уголъ ея и ни слова не говорила. Докторъ тоже молчалъ и только у самаго почти ея дома спросилъ ее: «Вы, кажется, нехорошо себя чувствуете?»— «Немножко!» — отвѣчала она, и когда карета наконецъ подъѣхала къ крыльцу, Перехватовъ еще разъ спросилъ Домну Осиповну: «Вы не позволите къ вамъ зайти?»—«Нѣтъ! — проговорила она: — я очень устала». Докторъ пожалъ торопливо поданную ему Домною Осиповною руку и уѣхалъ. Она же быстро поднялась по лѣстницѣ, прошла черезъ всѣ парадныя комнаты въ спальню свою и бросилась на диванъ.

— Маша, дай мнѣ ножницы!.. Поскорѣй!.. Меня очень душитъ!.. — вскричала она.

Испуганная горничная прибѣжала съ ножницами.

— Разрѣзывай мнѣ платье и корсетъ! — продолжала задыхающимся голосомъ Домна Осиповна.

Горничная дрожащими руками то и другое частью разстегнула, а частью разрѣзала, такъ что платье, вмѣстѣ съ корсетомъ, спало съ Домны Осиповны, и она осталась въ одномъ бѣльѣ. На-

кладные волосы прически Домна Осиповна своими руками сорвала съ головы и бросила ихъ.

— Ступай, оставь меня! — приказала она горничной; та, не убравъ ничего, ушла.

Глаза Домны Осиповны, хоть все еще въ слезахъ, загорѣлись рѣшимостью. Она подошла къ своему письменному столу, взяла листъ почтовой бумаги и начала писать: «Мой дорогой Александръ Ивановичъ, вы меня еще любите, сегодня я убѣдилась въ этомъ, но разлюбите; забудьте меня, несчастную, я не стою больше вашей любви...» Написавъ эти строки, Домна Осиповна остановилась. Падавшія обильно изъ глазъ ея слезы мгновенно изсякли.

— Нѣтъ, — сказала она, закидывая рукою свои красивые, распустившіеся волосы. О, какъ въ этомъ видѣ всегда любилъ ее Бѣгушевъ! — Нѣтъ, я не буду съ нимъ совершенно откровенна!.. Онъ очень оскорбилъ мое самолюбіе, когда я еще ни въ чемъ не была передъ нимъ виновата!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Съ наступленіемъ Великаго поста, Аделаида Ивановна каждый день начала ходить къ заутренѣ и къ обѣднѣ. Въ старомъ салопчикѣ, старомъ капорѣ, ведомая подъ руку Маремьяшей, она, часовъ въ шесть утра, направлялась по грязной, но подмерзшей мостовой въ свой приходъ. Сухой, великопостный звонъ раздавался по всей Москвѣ; солнце въ это время уже всходило, и вообще въ воздухѣ становилось хорошо; по голымъ еще вѣтвямъ деревьевъ сидѣли, какъ черныя кучи, грачи. Бѣгушевъ, не спавшій ночи почти напролетъ, наблюдалъ все это изъ окна. Какъ онъ въ эти минуты завидовалъ сестрѣ и желалъ хоть день прожить ея безыскусственною жизнью!

Въ одно утро Аделаида Ивановна, выходя со своей половины, чтобы отправиться къ заутренѣ, вдругъ увидала Бѣгушева совсѣмъ одѣтымъ и даже въ бекешѣ. Старушка перепугалась.

— Что это, другъ мой, ты такъ рано поднялся? — спросила она.

— Я съ тобой отправляюсь въ церковь, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Ахъ, это хорошо!.. Очень хорошо!.. — подхватила съ

удовольствіемъ Аделаида Ивановна: ей одно только не нравилось въ братѣ, что онъ мало молился.

Церковь въ приходѣ Бѣгушева была маленькая, приземистая. Она точно присѣла и поушла въ землю; при входѣ внутрь ея надобно было перешагнуть ступеньку не вверхъ, а внизъ; иконостасъ блисталъ сусальнымъ золотомъ и ярко-малиновымъ цвѣтомъ бакана. Стѣнная живопись, съ подписями внизу на славянскомъ языкѣ, представляла для Бѣгушева, по крайней мѣрѣ, довольно непонятныя изображенія: онъ только и узналъ между ними длинную и совершенно бѣлую фигуру воскресающаго Лазаря. Заутрени наши состоятъ почти исключительно изъ чтенія. Псаломщикъ, въ пальто, стриженый и болѣе похожій на пожилого приказнаго, чѣмъ на причетника, читалъ бойко и громко; но уловить изъ его чтенія какую-нибудь мысль было совершенно невозможно: онъ точно съ умысломъ останавливался не на запятыхъ, выкрикивалъ слова ненужныя и проглатывалъ тѣ, въ которыхъ былъ главный смыслъ, и дѣлалъ, кажется, это, во-первыхъ, потому, что самъ плохо понималъ, что̀ читалъ, а потомъ и надоѣло ему чрезвычайно это занятіе. Маремьяша, стоявшая около Аделаиды Ивановны, безпрерывно крестилась и при этомъ, для выраженія своего усердія, она руку свою закидывала нѣсколько на спину, чтобы сдѣлать такимъ образомъ крестное знаменіе больше, и потомъ быстро, какъ бы на шарнирѣ, сгибалась и точно такъ же быстро выпрямлялась.

Аделаида Ивановна, по слабости ногъ своихъ, молилась сидя и перебирала своими пухленькими ручками четки. У Бѣгушева тоже, черезъ весьма короткое время, невыносимѣйшимъ образомъ заломило ноги, и онъ невольно опустился на ближайшій стулъ. Вышелъ священникъ и, склонивъ голову немного внизъ, началъ возглашать: «Господи, Владыко живота моего!». Бѣгушевъ очень любилъ эту молитву, какъ одно изъ глубочайшихъ лирическихъ движеній души человѣческой, и, сверхъ того, высоко цѣнилъ ее по силѣ слова, въ которомъ вылилось это движеніе; но когда онъ наклонился вмѣстѣ съ другими въ землю, то подняться затруднился, и ужъ Маремьяша подбѣжала и помогла ему: красенъ онъ при этомъ сдѣлался какъ ракъ и, не рѣшившись повторять болѣе поклона, опять сѣлъ на стулъ. Скука овладѣла имъ невыносимая. Отправляясь съ сестрой въ церковь, Бѣгушевъ надѣялся богомольемъ хоть сколько-нибудь затушить огонь, раздирающій его душу, въ которой одновременно бушевали море злобы и море любви; онъ думалъ даже постоянно ходить въ церковь, но на первомъ же опытѣ убѣдился, что не могъ и не умѣлъ молиться!..

Въ немъ слишкомъ много было рефлексіи; онъ слишкомъ много зналъ религій и понималъ ихъ суть!.. По окончаніи заутрени псаломщикъ вошелъ въ алтарь и сказалъ священнику, «что господинъ Бѣгушевъ, этотъ богатый изъ большого дома, что на дворѣ, баринъ, желаетъ съ нимъ переговорить».

— Сюда пожалуетъ? — спросилъ священникъ.

— Да-съ!

— Очень радъ!.. Я всегда готовъ къ услугамъ Александра Ивановича, — произнесъ священникъ.

У Бѣгушева въ домѣ каждый праздникъ обыкновенно принимали священниковъ съ ихъ славленіемъ и щедро имъ платили; только онъ самъ рѣдко къ нимъ выходилъ, и мѣсто его заступали прежде Прокофій и Минодора, а теперь Аделаида Ивановна, а иногда и графъ Хвостиковъ.

Войдя въ алтарь, Бѣгушевъ пожалъ священнику руку, и тотъ ему тоже пожалъ.

— У меня къ вамъ, батюшка, покорнѣйшая просьба, — началъ Бѣгушевъ: — вамъ, конечно, извѣстны бѣдные прихожане ваши. Я желалъ бы имъ помочь, особенно многосемейнымъ, больнымъ и старымъ!

Такого рода просьбы священникъ никакъ не ожидалъ. Сначала онъ откашлянулся, а потомъ проговорилъ:

— Мы, признаться, не всѣхъ нашихъ прихожанъ знаемъ: я вотъ поспрошу кой-у-кого.

— У меня братъ-съ родной очень бѣдный чиновникъ безъ мѣста!.. — проговорилъ псаломщикъ.

— Грѣхъ тебѣ, Иванъ Степановичъ, говорить это!.. — возразилъ ему священникъ: — братъ твой могъ бы питаться!..

— И питался прежде, — перебилъ его дерзко псаломщикъ:— а тутъ какъ почти годъ въ Титовкѣ продержали...

— За что жъ его въ Титовкѣ продержали? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Невинно, безъ всякой причины, — отвѣчалъ псаломщикъ.

Священникъ и на это махнулъ рукой.

— Какъ безъ причины?.. У Иверскихъ воротъ аблокатствовалъ: наплутовалъ тамъ невѣсть сколько, а ты говоришь — безъ причины... — сказалъ онъ.

— Плутуютъ и у алтарей Господнихъ! — возразилъ опять дерзко псаломщикъ.

Бѣгушевъ ожидалъ, что они разбранятся.

— Такъ вы, батюшка, узнаете мнѣ?.. — поспѣшилъ онъ отнестись къ священнику.

— Непремѣнно развѣдаю, у кого лишь можно, хоть все-

таки совѣтую вамъ справиться и въ кварталѣ, ибо тамъ доскональнѣе это должны знать.

— Въ кварталѣ? — спросилъ съ удивленіемъ Бѣгушевъ.

— Въ кварталѣ... Потому что мы, священники, что̀ жъ? Придемъ въ домъ со славой, повлавимъ и уйдемъ, а полицейскій во всякое время вхожъ въ домъ и имѣетъ право войти.

— Совершенная противоположность Англіи: тамъ пасторъ имѣетъ право войти всегда въ домъ, а полисменъ никогда!

— Англія страна просвѣщенная,—возразилъ священникъ:— а у насъ, особенно послѣднее время, стало очень трудно жить духовенству; въ нашемъ, примѣрно, приходѣ всѣ почти дома скупили либо нѣмцы, либо жиды, дворянство почти не живетъ въ Москвѣ... купечество тоже сильно ослабло въ вѣрѣ.

— Нынче причту помогать надо, вотъ кому! — замѣтилъ псаломщикъ.

— Пожалуй, что и такъ,—согласился съ нимъ на этотъ разъ священникъ.

Бѣгушевъ очень хорошо понялъ, что у священнослужителей лично для себя разгорѣлись глаза на его карманъ; а потому, сочтя за лишнее съ ними долѣе разговаривать, онъ раскланялся и ушелъ. На паперти, впрочемъ, его нагналъ трапезникъ: это ужъ былъ совсѣмъ отставной солдатъ съ усами, бакенбардами и даже въ штанахъ съ краснымъ полинялымъ кантомъ.

— Ваше превосходительство, не пожертвуете ли чѣмъ-нибудь бѣдному трапезнику! — больше какъ бы отрапортовалъ онъ.

— Вы изъ духовнаго званія? — спросилъ его Бѣгушевъ.

— Сынъ протопопа, ваше превосходительство, и по несчастію... въ трапезникахъ теперь очутился.

— Отчего?

— Оттого, что я тутъ маленько слабъ!..

И трапезникъ щелкнулъ себя по галстуку.

— Тутъ много заливаете? — повторилъ Бѣгушевъ.

— Много-съ! — подтвердилъ трапезникъ.

Такая откровенность его понравилась Бѣгушеву: онъ далъ ему три рубля серебромъ. Трапезникъ быстро, такъ что Бѣгушевъ не успѣлъ остеречься, поцѣловалъ у него руку.

— А это ужъ глупо! — сказалъ ему съ досадой Бѣгушевъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ трапезникъ, прикладывая руки по швамъ.

Въ тотъ же самый день, часовъ въ одиннадцать утра, Бѣгушевъ рѣшился сходить и въ кварталъ, въ надеждѣ, что тамъ не узнаетъ ли чего-нибудь о бѣдныхъ.

Выйдя изъ дому пѣшкомъ, онъ обратился къ первому же городовому.

— Гдѣ третій кварталъ помѣщается?... — спросилъ онъ.

— Недалеко тутъ, ваше благородіе, налѣво и во второй переулокъ направо, — отвѣчалъ городовой.

— Ты мнѣ, любезный, не такъ отвѣчай, а скажи, въ какомъ именно по названію переулкѣ и въ чьемъ домѣ?

— Дому фамиліи, ваше высокородіе, я не запомню; переулка тоже!

— Въ такомъ случаѣ проводи меня, или, можетъ-быть, и самъ не найдешь?

Городовой разсмѣялся добродушно.

— Какъ не найти, ваше благородіе; только мнѣ нельзя: я на посту!

— Но у кого же мнѣ узнать? — разспрашивалъ терпѣливо Бѣгушевъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе, я кликну! — отвѣчалъ городовой и, побѣжавъ къ будкѣ, крикнулъ:—Самойловъ!

На этотъ зовъ изъ будки выскочилъ другой городовой въ рубашкѣ и съ кускомъ пирога во рту.

— Въ чьемъ домѣ кварталъ и какъ тутъ переулокъ этотъ зовутъ?.. Баринъ спрашиваетъ! — сказалъ ему первый городовой.

— Въ Загрябовскомъ переулкѣ, домъ Друшелева, — отрѣзалъ тотъ бойко и прожевывая въ то же время пирогъ.

Бѣгушевъ пошелъ въ Загрябовскій переулокъ, прошелъ его нѣсколько разъ, но дома Друшелева нигдѣ не было; наконецъ онъ совершенно случайно увидѣлъ въ одномъ изъ дворовъ, въ самомъ заду его, дощечку съ надписью: «3-й кварталъ». Домъ же принадлежалъ Дреймеру, а не Друшелеву, какъ назвалъ его городовой. Когда Бѣгушевъ вошелъ въ ворота, то на него кинулись двѣ огромныя, шаршавыя и, видимо, некормленыя собаки и чуть-было не схватили за пальто, такъ что онъ, отмахиваясь только палкой, успѣлъ добраться до квартала.

Квартальный, молодой еще человѣкъ, при входѣ его поспѣшилъ встать.

— Что это у васъ въ общественномъ мѣстѣ такія собаки, что пройти невозможно?.. — сказалъ ему Бѣгушевъ.

Квартальный пожалъ плечами.

— Что дѣлать-съ!.. Вы не повѣрите, всѣхъ городовыхъ почти перекусали.

— Но чьи же онѣ?

— Жильца одного... адвоката безъ практики...

— Говоритъ, что онъ очень мнителенъ и держитъ собакъ, чтобы не обокрали его!.. — замѣтилъ старшій письмоводитель.

— Да что у него украсть; ему и самому съ собаками ѣсть нечего! — возразилъ другой письмоводитель помоложе.

— Но полиція имѣетъ же противъ этого какія-нибудь средства? — сказалъ Бѣгушевъ.

— Какія же средства, — отвѣчалъ квартальный: — должны составлять акты и представлять мировому судьѣ, а тотъ самъ собачникъ; напишетъ резолюцію, чтобы обязать владѣльца собакъ подпискою не выпускать собакъ изъ квартиры.

— Онъ въ свою квартиру и не пускаетъ ихъ... все бѣгаютъ по чужимъ кухнямъ, — замѣтилъ опять старшій письмоводитель.

— Этта тутъ поваръ изъ большой квартиры ловко огрѣлъ эту сѣрую собачонку: цѣлую кастрюлю кипятку кувырнулъ на нее!—разсказалъ письмоводитель помоложе.

Квартальный и вся прочая канцелярія его засмѣялись.

Бѣгушевъ тѣмъ временемъ сѣлъ.

— Вамъ угодно что-нибудь приказать мнѣ? — спросилъ его квартальный, попрежнему стоя на ногахъ.

— Просьба моя вся состоитъ въ томъ, чтобы вы мнѣ сказали: есть у васъ списки бѣдныхъ вашего квартала? — проговорилъ Бѣгушевъ.

Вопросъ этотъ такъ же удивилъ квартальнаго, какъ и священника.

— У насъ только паспорты записываются, — объяснилъ онъ: — мы стараемся наблюдать, чтобы просрочекъ не было, и чтобы вся прислуга имѣла чернорабочіе билеты.

— Только!.. — протянулъ Бѣгушевъ: — но кварталъ, вѣроятно, вы обходите каждодневно и знаете всѣхъ его жителей?

— Извините, господинъ Бѣгушевъ, если я не ошибаюсь?..

— Бѣгушевъ, — подтвердилъ тотъ: — меня вотъ вы знаете!

— Я видалъ васъ часто въ театрѣ, когда бывалъ дежурнымъ, а кварталъ я не могу весь знать, потому что поступилъ сюда недавно.

— Но вашъ помощникъ, можетъ-быть, знаетъ?

— Не думаю: онъ тоже недавно перешелъ.

— А вы не знаете? — обратился Бѣгушевъ къ писарямъ.

— Мы вотъ съ ними поступили, — отвѣчали тѣ, показывая на квартальнаго.

— Въ такомъ случаѣ, предмѣстникъ вашъ не знаетъ ли? — отнесся Бѣгушевъ къ сему послѣднему.

— И того не думаю!.. Онъ также былъ тутъ недолго. Но для какой собственно надобности вамъ нужны списки о бѣдныхъ? — проговорилъ квартальный.

— Я желалъ бы помогать имъ немного!.. — пробормоталъ Бѣгушевъ.

Писаря при этомъ всѣ переглянулись между собою.

— Для этого вамъ всего лучше обратиться въ благотворительный дамскій комитетъ... тамъ всѣ свѣдѣнія есть объ этомъ!.. — посовѣтовалъ квартальный.

— Не пойду я туда! — отозвался сердито Бѣгушевъ.

«Вотъ вамъ вселюбящая церковь наша и всевѣдущая полиція!—разсуждалъ онъ, идя домой, а затѣмъ ругнулъ всю Россію и больше всѣхъ самого себя:—задумалъ я дѣлать, чего совсѣмъ не умѣю; захотѣлъ вдругъ полюбить человѣчество, тогда какъ всю жизнь никого не любилъ, кромѣ самого себя!»

Дома Бѣгушевъ, какъ нарочно, наскочилъ на довольно непріятную сцену.

Усѣвшись въ своемъ кабинетѣ, онъ услыхалъ, что въ гостиной раздавался чей-то мало знакомый ему мужской голосъ, и спросилъ подававшаго ему кофе лакея:

— Кто у насъ?

— Князь Мамелюковъ пріѣхалъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ,— отвѣчалъ тотъ.

Бѣгушевъ сдѣлалъ недовольную мину. Князь Мамелюковъ былъ одинъ изъ должниковъ Аделаиды Ивановны, которая, будучи почти каждодневно пилима Маремьяшей: «что когда же вы, сударыня, будете собирать долги?.. когда жъ?..» — написала наконецъ циркуляръ ко всѣмъ своимъ должникамъ, приглашая ихъ пріѣхать къ ней и поговорить съ ней, въ присутствіи ея брата. Князь Мамелюковъ явился первый. Бѣгушевъ, знавшій его немного по обществу, всегда его презиралъ. Князь, при своей гордой и благородной наружности, былъ отъявленный аферистъ и прожектеръ, только не такой невинный, какъ графъ Хвостиковъ. Онъ тоже писалъ проекты, но умѣлъ ихъ и проводить. Аделаидѣ Ивановнѣ онъ долженъ былъ тысячъ сорокъ и, конечно, давнымъ бы давно могъ ей выплатить, но князь очень просто разсчиталъ, что старушка, по своей добротѣ, никогда не рѣшится подать на него вексель ко взысканію. Время пройдетъ, десятилѣтняя давность минуетъ, старушка, Богъ дастъ, умретъ, и эти сорокъ тысячъ останутся у него въ карманѣ. Прибывъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ, князь началъ съ того, что поцѣловалъ ее въ плечо, а затѣмъ, слегка упомянувъ объ ея письмѣ, перешелъ къ воспоминаніямъ о томъ, какъ покойная мать его любила Аделаиду Ивановну и какъ, умирая, просила ее позаботиться объ оставляемыхъ ею сиротахъ, а въ томъ числѣ и о немъ, князѣ. Старушка сильно начала поддаваться его вліянію, какъ вдругъ

появился Бѣгушевъ. Князь Мамелюковъ былъ нѣсколько озадаченъ его приходомъ; Аделаида же Ивановна очень обрадовалась, что братъ ея и другъ пришелъ къ ней на помощь. Бѣгушевъ и Мамелюковъ весьма сухо раскланялись между собою. Послѣдній снова сталъ продолжать прежній разговоръ съ Аделаидой Ивановной и какъ бы совершенно случайно объяснилъ, что старшій братъ его—атташе при посольствѣ. «Знаю, знаю!»—говорила старушка. — «А младшій, Петя, ея любимецъ, вѣроятно, скоро будетъ полковникомъ!» — «Вотъ какъ,—очень рада!»—произнесла она, мелькомъ взглядывая на брата, которому начинало сильно надоѣдать слушать эту ни къ чему не ведущую болтовню.

— Вы къ сестрѣ по дѣлу вашему, конечно, пріѣхали? — спросилъ онъ князя.

— Да, такъ, по маленькому, — отвѣчалъ тотъ съ легкой улыбкой.

Онъ не полагалъ даже, что Бѣгушевъ зналъ объ его долгѣ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Что жъ, вамъ угодно будетъ заплатить ей деньги? — продолжалъ Бѣгушевъ.

Князь немного покраснѣлъ.

— Къ сожалѣнію, теперь я не могу: я въ совершенномъ безденежьѣ!.. — сказалъ онъ.

— Тогда мы представимъ вексель ко взысканію?.. — отнесся Бѣгушевъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Да,—едва достало духу у той проговорить: она почти вся дрожала.

— Но я именно о томъ бы и просилъ Аделанду Ивановну, чтобы она мнѣ отсрочила, — продолжалъ князь, окончательно смутившись: — если угодно, я перепишу ей вексель?

— Сестрѣ деньги-съ нужны, а не векселя! — сказалъ ему рѣзко Бѣгушевъ.

— Но Аделаида Ивановна сейчасъ была почти согласна!..— замѣтилъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу согласиться!.. Я столько времени живу безъ копейки, благодѣяніемъ только брата!

— Александру Ивановичу есть, я думаю, изъ чего поддерживать васъ!.. — проговорилъ съ усмѣшкой князь.

— Считать въ моемъ карманѣ, я полагаю, вы не можете, какъ не считаю я въ вашемъ! — проговорилъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя.

— Нѣтъ, вы считаете нѣкоторымъ образомъ, убѣждая Аделаиду Ивановну непремѣнно взыскать съ меня деньги.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, это я сама! — повторила еще разъ старушка, хоть и трепетнымъ голосомъ.

— Очень жаль, — проговорилъ князь, вставая и натягивая перчатки: — что ни старое знакомство, ни дружба, ничто не можетъ васъ убѣдить подождать.

Не будь брата, Аделаида Ивановна непремѣнно бы сказала, что подождать она можетъ, только недолго, но тутъ промолчала, потому что Бѣгушевъ на нее сурово смотрѣлъ.

Князь, раскланявшись, уѣхалъ.

— Князь, должно-быть, очень, очень запутался въ своихъ дѣлахъ! — начала Аделаида Ивановна глубокомысленнымъ голосомъ: — а въ душѣ онъ благородный человѣкъ.

— Не серди ты меня, пожалуйста, этимъ *благородный человѣкъ*!.. Ты спроси, что о немъ говорятъ въ Петербургѣ?.. Его считаютъ тамъ за первѣйшаго плута въ Россіи, а у насъ, слава Богу, плутовъ довольно, и есть отличные!

— Ну, ты очень строгъ! — возразила ему кротко Аделаида Ивановна.

— А ты очень добра. Векселъ мнѣ извольте сегодня же прислать, я его подамъ ко взысканію, — проговорилъ Бѣгушевъ и ушелъ.

Аделаида Ивановна осталась въ совершенно разстроенномъ состояніи: брата не послушаться она боялась, но и взыскивать съ князя ей было совѣстно и жаль его; отъ всего этого у ней такъ разболѣлась голова, что она не въ состояніи даже была выйти къ столу.

Бѣгушевъ рѣшился допечь князя до послѣдней степени и посадить его, если это нужно будетъ, даже въ тюрьму. Хлопотать по этому дѣлу онъ предположилъ самъ, разсуждая, что помогать ему истинно несчастнымъ врядъ ли удастся; по крайней мѣрѣ онъ будетъ наказывать негодяевъ, и это въ своемъ родѣ доброе дѣло.

Вечеромъ у Аделаиды Ивановны произошло еще новое свиданіе съ однимъ изъ ея должниковъ. Часовъ въ восемь Бѣгушевъ сидѣлъ съ графомъ Хвостиковымъ, и тотъ ему показывалъ фокусы изъ картъ; ловкость Хвостикова въ этомъ случаѣ была невѣроятна: онъ съ одной изъ картъ произвелъ такую штуку, что Бѣгушевъ воскликнулъ: «какъ вы могли ее украсть изъ-подъ моего носа?» — «Карта, это что! А вотъ если бы Богъ привелъ къ осени украсть гдѣ-нибудь шубу!» — сострилъ Хвостиковъ. — «Не воруйте, къ осени я вамъ подарю шубу!» — утѣшилъ его Бѣгушевъ. Графъ усмѣхнулся и внутренно былъ очень доволенъ, зная, что если Бѣгушевъ сказалъ, такъ и сдѣлаетъ это. Вдругъ раздался звукъ тяжело въѣхавшей во дворъ кареты.

— Кто бы это могъ быть? — спросилъ Бѣгушевъ.

Графъ Хвостиковъ поспѣшилъ встать, пойти и справиться.

— Сенаторша Круглова прислала къ Аделаидѣ Ивановнѣ внучка своего съ гувернеромъ,—проговорилъ онъ, вернувшись.

Бѣгушевъ разсмѣялся.

— Младенцевъ ужъ начинаютъ подсылать. — проговорилъ онъ.

Передъ Аделаидой Ивановной, между тѣмъ опять-таки принявшей своихъ посѣтителей въ гостиной, стоялъ прехорошенькій собой мальчикъ, лѣтъ десяти, и за нимъ мозглый и бѣлобрысый гувернеръ его.

— Бабушка больна, она не можетъ къ вамъ пріѣхать, — лепеталъ на французскомъ языкѣ ребенокъ: — и она вамъ прислала!—заключилъ онъ, показывая большой пакетъ.

— C'est l'argent!—подхватилъ гувернеръ.

— О, благодарю, благодарю,—воскликнула на первыхъ порахъ радостнымъ голосомъ старушка.

Гувернеръ, взявъ у ребенка пакетъ, разорвалъ его и началъ считать деньги.

— Dix, trente, cinquante... cent roubles! — сосчиталъ онъ.

Лицо у Аделаиды Ивановны нѣсколько вытянулось.

— Что жъ это, проценты? — произнесла она тихимъ-тихимъ голосомъ.

— Je n'en sais rien, madame,—отвѣчалъ гувернеръ.

Аделаида Ивановна, впрочемъ, сейчасъ же помирилась и на этой суммѣ.

— Благодари, душенька, бабушку, очень благодари,—говорила она, цѣлуя ребенка:—но мнѣ надобно дать вамъ записочку, что я получила деньги, — отнеслась она къ гувернеру.

— Non, non, c'est inutile, madame,—отвѣчалъ гувернеръ и пояснилъ, что сенаторша не приказала брать никакихъ расписокъ отъ Аделаиды Ивановны.

Стукъ четырехмѣстной кареты вскорѣ возвѣстилъ, что они уѣхали.

Проводивъ гостей своихъ, Аделаида Ивановна вошла къ брату, стараясь имѣть довольное лицо.

— А вотъ подруга моя, Оля, не такъ поступила, какъ князь: помнишь, я думаю, жену покойнаго сенатора Круглова?.. Она мнѣ часть долга уплатила!

Бѣгушевъ ужъ и не спросилъ сестру, какъ велика была эта часть.

— Главное, она, бѣдная, очень больна,— продолжала Аделаида Ивановна, желая разжалобить брата въ пользу своей пріятельницы: — и присылала своего внучка, это тоже очень мило съ ея стороны.

Бѣгушевъ молчалъ.

Аделаида Ивановна чувствовала, что онъ былъ недоволенъ ею.

— А вексель на князя Мамелюкова я тебѣ принесла!.. Съ него ты взыщи!.. — проговорила она, подавая ему вексель и думая хоть тѣмъ измѣнить въ его глазахъ свою слабость въ отношеніи сенаторши Кругловой.

Бѣгушевъ велѣлъ ей сдѣлать на векселѣ бланковую надпись и положилъ его въ карманъ себѣ.

Когда Аделаида Ивановна возвратилась въ свою комнату, Маремьяша немедленно же спросила, сколько заплатила ей сенаторша; Аделаида Ивановна призналась, что всего сто рублей. Маремьяша принялась ее точить.

— Что̀ это, сударыня,—затрещала она озлобленнымъ голосомъ:—старушонка эта смѣется, что ли, надъ вами! Мы, мужички, да и то не позволимъ такъ съ собой дѣлать!.. — И кончила свои выговоры тѣмъ, что взяла себѣ полученныя Аделаидой Ивановной деньги въ счетъ жалованья.

— Вы знаете хорошо князя Мамелюкова? — спросилъ Бѣгушевъ графа Хвостикова, когда сестра вшла.

— Очень хорошо.

— Что̀, онъ богатъ, или только дутый пузырь?

— О, нѣтъ, напротивъ!—воскликнулъ графъ:—и что̀ ужасно обидно: я и князь въ одно и то же время начали заниматься одной и той же дѣятельностью,—онъ въ сотняхъ тысячъ очутился, а я нищій!

«Потому что тотъ уменъ, а ты дуракъ!» — подумалъ Бѣгушевъ.

На другой день онъ отправился подать вексель князя Мамелюкова ко взысканію. Ему обѣщали, что недѣли черезъ двѣ онъ можетъ надѣяться взыскать по этому векселю, а если должникъ не заплатитъ, то посадить его въ тюрьму.

Бѣгушевъ былъ очень этимъ доволенъ, но ненадолго: въ ближайшихъ номерахъ одной газеты онъ прочелъ, что дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мамелюковъ отправился на цѣлый годъ за границу.

— Поди, ищи его тамъ! — воскликнулъ Бѣгушевъ и разорвалъ газету на мелкіе куски.

II.

Вскорѣ та же газета принесла снова извѣстіе, поразившее Бѣгушева и его сожильцевъ. За однимъ изъ утреннихъ чаевъ, который они сходились пить вмѣстѣ и по большей части всѣ молчали: Бѣгушевъ — потому, что послѣднее время онъ

какъ будто бы разучился говорить, графъ Хвостиковъ былъ, видимо, чѣмъ-то серьезнымъ занятъ: онъ цѣлыя утра писалъ, а потомъ послѣ обѣда пропадалъ на всю ночь; Аделаида Ивановна грустила, понявъ наконецъ всю лживость и безстыдство своихъ кредиторовъ: не говоря уже о поступкѣ князя Мамелюкова, но даже ея другъ, сенаторша Оля, когда Аделаида Ивановна пріѣхала къ ней навѣстить ее въ болѣзни и, уже прощаясь, скромно спросила, что когда же она можетъ отъ нея, милушки, получить хоть сколько-нибудь въ уплату,—сенаторша разсердилась и прикрикнула на нее:

— Chère Adèle, я вамъ такъ недавно уплатила, что вы не имѣете даже права снова требовать этого.

Возвратясь домой, Аделаида Ивановна тихонько проплакала цѣлый день: ее не столько огорчило то, что сенаторша не хочетъ ей платить денегъ, какъ то, что она видаться съ ней, вѣроятно, не будетъ послѣ того.

Когда хотѣли-было уже расходиться изъ-за чайнаго стола, Прокофій подалъ Бѣгушеву газету; тотъ сердито отстранилъ ее рукой, но графъ взялъ газету и, пробѣжавъ ее, воскликнулъ во все горло:

— Скажите, какое происшествіе!—и затѣмъ торопливо прочелъ: «3-го мая въ номера трактира «Донъ» пріѣхалъ почетный гражданинъ Олуховъ съ дѣвицею Глафирою Митхель. Оба они были въ нетрезвомъ видѣ и, взявъ номеръ, потребовали себѣ еще вина, послѣ чего раздался крикъ дѣвицы Митхель. Вбѣжавшій къ нимъ въ номеръ лакей увидѣлъ, что Олуховъ, забавляясь и выставляясь изъ открытаго окна, потерялъ равновѣсіе и, упавъ съ высоты третьяго этажа, разбилъ себѣ черепъ на три части. Онъ былъ найденъ на тротуарѣ совершенно мертвымъ».

— Mon Dieu! Mon Dieu!.. — произнесла съ ужасомъ Аделаида Ивановна.

— Дуракъ этакій!—проговорилъ Бѣгушевъ какъ бы равнодушно, а между тѣмъ у него щеки и губы дрожали.

— Не уменъ, не уменъ!.. — подхватилъ графъ: — однако я сейчасъ же поѣду къ Домнѣ Осиповнѣ, — прибавилъ онъ, вставая.

Бѣгушевъ на этотъ разъ ничего не сказалъ противъ его намѣренія и только, когда графъ совсѣмъ уходилъ, онъ спросилъ его:

— А вы, по обыкновенію, поздней ночью воротитесь?

— Нѣтъ, какъ только узнаю подробности, такъ и возвращусь,—отвѣчалъ графъ.

— Кто же это такой Олуховъ?—спросила хитрая Аделаида

Ивановна, очень хорошо знавшая черезъ Маремьяшу, кто такой былъ Олуховъ.

— Купецъ одинъ знакомый намъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ неохотно.

Аделаидѣ Ивановнѣ хотѣлось бы спросить еще, что почему же графъ Хвостиковъ принялъ такое живое участіе въ его смерти, но этого уже она не посмѣла, да и стыдно было!

Бѣгушевъ послѣ того ушелъ къ себѣ въ диванную. Нетерпѣніе отражалось во всемъ существѣ его: онъ то садился на диванъ, то ложился на немъ, то вставалъ и ходилъ по комнатѣ, заглядывая каждоминутно въ окна: не было никакого сомнѣнія, что такъ нетерпѣливо онъ поджидалъ графа Хвостикова. Тотъ наконецъ вернулся.

— Это ужасъ, что такое тамъ происходитъ!—воскликнулъ онъ, пожимая плечами:—но прежде всего, пожалуйста, заплатите извозчику: я его бралъ взадъ и впередъ.

— Заплатятъ; разсказывайте!

— Вообрази!—продолжалъ графъ: — посреди великолѣпной залы лежитъ этотъ несчастный: голова у него связана серебряной проволокой, губы, щеки, носъ, все это обезображено!.. Тутъ съ одной стороны полицейскіе... съ другой попы!..

— А Домну Осиповну ты видѣлъ?.. Огорчена она? — перебилъ его Бѣгушевъ.

— Очень!.. — отвѣчалъ графъ, но потомъ. спохватившись, прибавилъ:—натурально, что любви къ мужу у ней не было, но ее, сколько я могъ замѣтить, больше всего возмущаетъ позоръ и срамъ смерти: женатый человѣкъ пріѣзжаетъ въ сквернѣйшій трактиришко съ пьяной женщиной и въ заключеніе дѣлаетъ какой-то глупый salto mortale!.. Будь у меня половина его состоянія, я бы даже совсѣмъ не умеръ, а развѣ живой бы взятъ былъ на небо, и то противъ воли!

На этихъ словахъ графъ остановился: онъ замѣтилъ, что на глазахъ Бѣгушева навернулись слезы, изъ чего и заключилъ, что онѣ были вызваны участіемъ того къ Домнѣ Осиповнѣ.

— Вообще, mon cher, — снова продолжалъ графъ: — я бы совѣтовалъ тебѣ съѣздить къ новой вдовицѣ, по словамъ священнаго писанія: «въ горѣ бѣ, и посѣтисте мене!».

Бѣгушевъ ничего не отвѣчалъ на перевранное графомъ Хвостиковымъ изреченіе священнаго писанія, а всталъ и нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ.

Графъ Хвостиковъ глядѣлъ на него внимательно.

Наконецъ Бѣгушевъ, растирая себѣ грудь, глубоко вздохнулъ.

— Я поѣду къ ней!—произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ты истинно-христіанское дѣло сдѣлаешь! — подхватилъ Хвостиковъ: у него снова закрадывалась надежда помирить Бѣгушева съ Домной Осиповной и даже женить его на ней.

— А когда похороны Олухова будутъ?—спросилъ тотъ.

— Завтра! — отвѣчалъ Хвостиковъ и на другой день еще съ ранняго утра уѣхалъ изъ дому.

Бѣгушевъ дожидался его часовъ до двухъ ночи.

Графъ пріѣхалъ сильно пьяный. Бѣгушевъ все-таки велѣлъ его позвать къ себѣ и сталъ разспрашивать. Графъ и разсказать хорошенько не могъ: болталъ, что похороны были великолѣпныя, что полиція палками разгоняла народъ, такое множество набралось, и что все это, по его соображенію, были раскольники.

— А кто похоронами распоряжался?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Мерзавецъ этотъ, Янсутскій!

— Перехватовъ тоже былъ?

— Былъ!.. Онъ все время около Домны Осиповны юлилъ: она почти безъ чувствъ была!..

Но потомъ графъ измѣнилъ это показаніе и объяснилъ, что Домна Осиповна въ продолженіе всей церемоніи держала себя съ замѣчательной твердостью духа.

— Гдѣ вы напились такъ?—поинтересовался Бѣгушевъ.

— Да такъ, тутъ, съ пѣвчими... Шампанскаго, я тебѣ, братецъ, скажу, пропасть было... рѣкой лилось!.. Я буду некрологъ писать Олухова... Домна Осиповна желаетъ этого... Онъ былъ во многихъ отношеніяхъ человѣкъ замѣчательный...— бормоталъ графъ.

— Богъ знаетъ, до чего вы договорились, ступайте спать,— сказалъ ему Бѣгушевъ.

— Пора!.. Пора!.. А ты долженъ непремѣнно навѣстить Домну Осиповну, непремѣнно!—заключилъ графъ и нетвердой походкой отправился къ себѣ на верхъ.

Три дня и три ночи Бѣгушевъ прожилъ въ мучительной нерѣшительности: каждое утро онъ приказывалъ закладывать экипажъ, чтобы ѣхать къ Домнѣ Осиповнѣ, и черезъ нѣсколько времени отмѣнялъ это приказаніе. Онъ все обдумывалъ, что будетъ говорить съ Домной Осиповной и какъ объяснитъ ей свой визитъ:—«Я пріѣхалъ,—скажетъ онъ:—навѣстить васъ въ вашемъ неисправимомъ горѣ! А что подобное горе,—онъ знаетъ это по опыту,—поражаетъ людей безвозвратно!»,—но все это скоро показалось Бѣгушеву глупымъ, лживымъ и почти насмѣшкой надъ Домной Осиповной, такъ какъ онъ совершенно былъ увѣренъ, что смерть мужа вовсе не была для нея горемъ, а только безпокойствомъ, и потомъ ему

хотѣлось вовсе не то ей выразить, а прямо сказать, что онъ еще любитъ ее, и любитъ даже сильнѣе, чѣмъ прежде, что теперешніе ея поклонники не сумѣютъ да и не захотятъ ее такъ любить! На четвертый день Бѣгушевъ пересилилъ себя и поѣхалъ къ Домнѣ Осиповнѣ; пространство до ея дома ему показалось очень короткимъ. Ему легче бы, кажется, было, если бы она жила дальше отъ него; но когда онъ позвонилъ у ея подъѣзда, то ему захотѣлось, чтобы какъ можно скорѣе отворили дверь; оказалось, что и звонить было не надо: дверь была не заперта. Ее распахнулъ передъ нимъ швейцаръ въ траурной формѣ, а вмѣстѣ съ нимъ встрѣтилъ и лакей въ черномъ фракѣ.

— У себя госпожа ваша? — проговорилъ Бѣгушевъ, чувствуя, что у него ноги въ это время подкашивались.

— Онѣ нездоровы!—отвѣчалъ лакей.

— Это я знаю, но вы все-таки скажите Домнѣ Осиповнѣ, что я пріѣхалъ навѣстить ее,—вотъ вамъ моя карточка!

Лакей пригласилъ его войти. Бѣгушевъ вошелъ и сѣлъ на первый же попавшійся ему стулъ въ передней. Наверхъ вела мраморная лѣстница, уставленная цвѣтами и теперь покрытая чернымъ сукномъ; лакей убѣжалъ по этой лѣстницѣ и довольно долго не возвращался; наконецъ онъ показался опять на лѣстницѣ. Бѣгушевъ думалъ, что въ эти минуты у него лопнетъ сердце, до того оно билось. Лакей доложилъ, что Домна Осиповна никакъ не могутъ принять господина Бѣгушева, потому что очень больны, но что онѣ будутъ писать ему.

Бѣгушевъ поднялся съ мѣста, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ домой. Слова Домны Осиповны, что она напишетъ ему, сильно его заинтересовали. «Для чего и что она хочетъ писать мнѣ?»— задавалъ онъ себѣ вопросъ. Въ настоящую минуту ему больше всего желалось устроить въ душѣ полнѣйшее презрѣніе къ ней, но, къ стыду своему, Бѣгушевъ чувствовалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать. За обѣдомъ онъ ни слова не сказалъ графу Хвостикову, что ѣздилъ къ Домнѣ Осиповнѣ, и только замѣтилъ ему по случаю напечатаннаго графомъ некролога Олухова:

— А вы не утерпѣли, настрочили хвалебный гимнъ Олухову!

— Нельзя было, невозможно,—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

Нельзя это собственно проистекало изъ того, что Домна Осиповна заплатила графу Хвостикову за этотъ некрологъ триста рублей.

— Но какъ же у васъ достало духу написать, что Олуховъ

умышленно убилъ себя вслѣдствіе нервнаго разстройства отъ умственныхъ занятій.

— De mortuis aut bene, aut nihil,—отвѣтилъ графъ.

Бѣгушевъ справедливо полагалъ, что Домна Осиповна вовсе не была очень огорчена смертью мужа, но что она только была напугана и истерзана послѣдующими сценами: привозомъ трупа, криками и воплями Агаши, гробовщиками, цѣлыми толпами, набѣжавшими на дворъ, процедурой похоронъ; когда же все это кончилось, она замѣтно успокоилась. Пріѣздъ Бѣгушева къ Домнѣ Осиповнѣ удивилъ ее и сильно польстилъ ея самолюбію. Первоначально она хотѣла принять его и напомнить ему, какъ онъ виноватъ передъ ней; но она предположила, что это будетъ непріятно «одному человѣку», и не сдѣлала того; а рѣшилась только написать письмо къ Бѣгушеву которое вышло приблизительно такого содержанія: «Александръ Ивановичъ! Вы пріѣзжали ко мнѣ... благодарю васъ; я никакъ не ожидала этого, потому что вы мнѣ писали, что между нами все и навсегда должно быть кончено... Неужели вы потому посѣтили меня, что я сдѣлалась вдовою, и что вы не встрѣтите у меня того гадкаго общества, которое васъ такъ устрашало? Александръ Ивановичъ, «какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ быть чувства мелкаго рабомъ»!—приплела Домна Осиповна стихъ Пушкина, полагая, что онъ очень подходитъ къ ея теперешнему положенію...—Вы забыли, Александръ Ивановичъ, что я женщина, и самолюбивая женщина... Любя, мы все готовы переносить отъ того, кому принадлежимъ; но когда намъ скажутъ, что насъ презираютъ, то что же намъ другое остается дѣлать, какъ не вырвать изъ души всякое чувство любви, хоть бы даже умереть для того пришлось. Эти немногія строки я прошу васъ, какъ благороднаго человѣка, сохранить въ совершенной тайнѣ и забыть меня *навсегда*; насъ раздѣляетъ теперь много пропастей, и я хотѣла только поблагодарить васъ за прошлое, котораго *никогда* не забуду».

Слова *навсегда* и *никогда* Домна Осиповна по два раза подчеркнула.

Въ письмѣ этомъ Бѣгушева больше всего возмутила фраза Домны Осиповны: «когда намъ скажутъ, что насъ презираютъ!..»

— Зачѣмъ же она лжетъ... Когда я говорилъ, что презираю ее!—вскрикнулъ онъ одинъ на одинъ и какъ бы вопрошая стѣны:—она сама, развратная женщина, очень довольна что освободилась отъ меня, а обвиняетъ другихъ!...

И затѣмъ пошелъ и пошелъ все въ томъ же тонѣ! Попасться къ нему въ эти минуты въ лапы нельзя было поже

лать никому; но судьба, какъ бы ради насмѣшки, подвела подъ его удары самыхъ невинныхъ людей!

Послышался звонокъ. Бѣгушеву подумалось, что не опять ли новое письмо отъ Домны Осиповны: ну, тогда онъ рѣшился тоже отвѣтить ей письмецомъ, и письмецомъ хорошимъ,— однако никакого письма не несли.

— Кто же это пріѣхалъ?—заревѣлъ Бѣгушевъ на весь домъ.

Вошелъ быстро Прокофій, тотъ даже испугался на этотъ разъ барскаго голоса.

— Это къ графу Хвостикову какой-то Долговъ, — сказалъ онъ.

Бѣгушевъ еще болѣе обозлился, непремѣнно ожидая, что Долговъ и къ нему придетъ, что въ самомъ дѣлѣ черезъ часъ какой-нибудь и случилось. Первый вступилъ въ диванную своей сутуловатой и расшатанной походкой Долговъ, а за нимъ и графъ Хвостиковъ.

Оба они переминались и, повидимому, чувствовали неловкость.

— Вы все хандрите, сказывалъ мнѣ графъ Хвостиковъ,— началъ наконецъ Долговъ.

— Зато онъ все веселится,—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

По такому отвѣту графъ Хвостиковъ очень хорошо понялъ, что большого толку не будетъ изъ того объясненія, которое онъ и Долговъ предположили имѣть съ Бѣгушевымъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—продолжалъ Долговъ, даже не слыхавшій словъ Бѣгушева:—я къ вамъ съ однимъ серьезнымъ предложеніемъ...

Бѣгушевъ молчалъ.

— Согласитесь, что въ Россіи... теперь это можно сказать... время глупыхъ увлеченій печатнымъ словомъ прошло... въ Россіи нѣтъ настоящей, русской газеты...

Бѣгушевъ взмахнулъ на Долгова глазами и проговорилъ:

— А какія же онѣ у насъ?.. французскія, что ли?

— Конечно, не французскія,—отвѣчалъ тотъ:—но я хочу этимъ сказать, что хорошей газеты у насъ нѣтъ ни одной: одинъ издатель похожъ на лавочника, который сидитъ съ своими молодцами и торгуетъ... Другой, какъ флюгеръ, становится подъ вѣтеръ и каждый годъ мѣняетъ свое направленіе... Третій какой-то попъ... Четвертый въ шовинизмъ ударился... Словомъ, настоящей, честной газеты нѣтъ!

— А вы думаете, что есть гдѣ-нибудь такая?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Да тѣ же французскія газеты,—воскликнулъ Долговъ:—

я беру газету и понимаю, что это органъ клерикаловъ, это легитимистовъ...

Бѣгушевъ захохоталъ.

— Какое же вы удовольствіе чувствуете отъ того, что сначала вамъ одинъ лакей доложитъ объ интересахъ своего патрона, потомъ другой?

— Въ этомъ выражается борьба партій.

— А что такое за благополучіе партіи?.. Припомните: древняя Грецiя пала и разрушилась по милости партій.

— Разрушиться все на свѣтѣ должно, и неужели, по-вашему, Людовикъ XIV, говорившій, что «l'Etat c'est moi», лучше партій?

Бѣгушевъ замоталъ головой.

— Лучше, гораздо лучше!—произнесъ онъ раздраженнымъ голосомъ и готовый, вслѣдствіе озлобленнаго состоянія духа, спорить противъ всего, что бы ему ни сказали:—и какимъ образомъ вы, Долговъ, человѣкъ умный, не поняли, что газета есть язва, гангрена нашего времени, все разъѣдающая и все опошляющая.

— Какъ гангрена?.. Что она разъѣла, что опошлила?—спрашивалъ Долговъ, пораженный удивленіемъ.

— Она загрызла искусства!..—началъ ужъ кричать Бѣгушевъ:—потому что сдѣлала критику невѣжественною и продажною; она понизила науку, стремясь къ мерзѣйшей популярности; она путаетъ правительства, сбиваетъ съ толку дипломатію; въ странахъ деспотическихъ она придавлена, застращена, въ другихъ лжива и продажна!..

Долговъ, никакъ не ожидавшій слышать отъ Бѣгушева подобнаго варварскаго мнѣнія, тоже сталъ кричать:

— Но вы забываете, сколько благодѣяній газета принесла человѣчеству!.. Она всю потаенную гадость среднихъ вѣковъ вывела наружу!.. Она врагъ и обличительница всякой тиранiи, всякаго злоупотребителя; она оглашаетъ каждое доброе и честное дѣло, каждую новую мысль.

— Ни больше ни меньше, какъ свѣтоносный Аполлонъ, облетающій землю!—подхватилъ насмѣшливо Бѣгушевъ.

— Да, Аполлонъ!.. выраженіе очень мѣткое!.. прекрасное!—восклицалъ Долговъ.

— Газеты... à dire vrai, имѣютъ свои недостатки!..—скромно замѣтилъ графъ:—но ихъ надобно стараться исправить... отрицать же самую форму...

И графъ, не докончивъ, пожалъ слегка плечами.

— Интересно знать, какъ и чѣмъ можно исправить эти недостатки, — говорилъ Бѣгушевъ прежнимъ насмѣшливымъ тономъ.

— Ближе всего, чтобы этимъ дѣломъ стали заниматься люди добросовѣстные, и вотъ ради этого я и графъ Хвостиковъ рѣшились издавать честную, русскую и правдивую газету,—объяснилъ Долговъ.

Бѣгушевъ не могъ удержаться и засмѣялся.

Долговъ этимъ обидѣлся.

— Чему вы смѣетесь?—спросилъ онъ.

— Такъ, своему смѣху! Что жъ, дай вамъ Богъ успѣха!—отвѣчалъ ему Бѣгушевъ.

— Благодарю за желаніе,—пробормоталъ Долговъ:—но мы отъ васъ ожидали болѣе живого участія.

— Какого?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Мы ожидали, — продолжалъ Долговъ:—что вы поработаете съ нами; я такъ предположилъ раздѣлить занятія: вамъ иностранный отдѣлъ, я беру внутренній, а графъ Хвостиковъ фельетонъ, критику и статьи объ искусствахъ!

— Нѣтъ, я не могу принять на себя иностранный отдѣлъ!—проговорилъ Бѣгушевъ, въ то же время думая про себя, что «эти два шута совершенно ужъ, видно, рехнулись».

— Отчего же не можете?—воскликнулъ искреннимъ голосомъ Долговъ:—съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ и вашимъ знаніемъ Европы!..

— Я потому и не могу, что у меня сохранился еще нѣкоторый умишко и добросовѣстность!—перебилъ его Бѣгушевъ, въ голосѣ котораго продолжало слышаться раздраженіе.

Графъ Хвостиковъ, хорошо уже знавшій бѣшеный нравъ своего благодѣтеля, внутренно обмиралъ отъ страха и молилъ Бога объ одномъ, чтобы Долговъ лучше и не договаривалъ своей послѣдней и самой главной просьбы; но тотъ договорилъ:

— Не захотите ли вы, по крайней мѣрѣ, участвовать капиталомъ тысячъ въ десять-пятнадцать въ нашемъ дѣлѣ?

Графъ Хвостиковъ даже поблѣднѣлъ немного въ ожиданіи отвѣта Бѣгушева.

— Не захочу!—проговорилъ тотъ тихо:—въ этомъ случаѣ вамъ гораздо лучше обратиться къ купцамъ здѣшнимъ: они охотно даютъ деньги на затѣваемыя въ ихъ пользу газеты.

— Были, у нѣсколькихъ человѣкъ были!—признался Долговъ:—не даютъ: говорятъ, что дѣла у нихъ очень плохи!

— Вы бы ихъ дѣла стали поддерживать вашей газетой, печатая статьи, гдѣ бы расхваливали ихъ товары, оглашали въ тысячахъ экземплярахъ ихъ фальшивые банковые балансы, поддерживали высокій тарифъ, доказывали бы, что они ядро Россіи, соль земли русской!

— Да это Богъ съ ними; пускай бы присылали какія угодно

статьи, дали бы только мнѣ возможность другое, дорогое для меня проводить,—проговорилъ Долговъ.

— Что же это такое дорогое для васъ?—спросилъ Бѣгушевъ, едва сдерживая себя.

Графъ Хвостиковъ всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ: онъ сохранялъ еще маленькую надежду, что самой идеей газеты Бѣгушевъ будетъ привлеченъ въ ихъ пользу.

— Дорого для меня,—началъ Долговъ торжественнымъ тономъ:—поднять духъ народа, восполнить историческую связь между древней Россіей и новой, которая прервана: напомнить Россіи, что она есть!..

Въ лицѣ Бѣгушева явно отражалось недовѣріе, которое какъ бы говорило: «врешь, мой милый, дорогое для тебя совсѣмъ не то, а тебѣ кушать надобно на что-нибудь, и ты на газетѣ хочешь поправить свои дѣлишки».

— И вы съ графомъ Хвостиковымъ надѣетесь все это сдѣлать?—произнесъ онъ насмѣшливо.

— Надѣемся!—отвѣчалъ съ рѣшительностью Долговъ.

— Сомнѣваюсь, или даже увѣренъ, что вы не сотворите сего чуда!..—сказалъ Бѣгушевъ.

— Увидите!.. увидите!..—восклицалъ Долговъ:—отрицать заранѣе ничего нельзя.

— Можно напередъ это отрицать: вы затѣваете газету, глубоко уважая эту форму... Я не охотникъ до газетъ; но все-таки становлюсь ихъ заступникомъ: для этого рода дѣятельности прежде всего нужна практическая смѣтка, а вы человѣкъ далеко не практическій!

— Какой я практическій, но у насъ практикъ графъ Хвостиковъ!—возразилъ Долговъ.

— Хорошъ практикъ!—произнесъ почти со злобою Бѣгушевъ:—кромѣ того, вы, я и сотни другихъ русскихъ людей носятъ въ себѣ еще другой недостатокъ: мы ничего не знаемъ! ничего!.. кромѣ самыхъ отвлеченныхъ понятій и пустозвонныхъ фразъ, а графъ Хвостиковъ и тѣхъ даже не вѣдаетъ!..

Онъ, по преимуществу, хотѣлъ донять того, предполагая, что замыселъ издавать газету принадлежитъ графу.

— Я буду только фельетонистомъ, не больше какъ фельетонистомъ!—объяснилъ графъ Хвостиковъ.

— И какой еще будетъ фельетонистъ! Вы читали его фельетоны? Прелесть!—подхватилъ Долговъ.

— Сочиненные имъ некрологи я читалъ, а другого нѣтъ!—отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Другого я ничего и не писалъ!—солгалъ графъ Хвостиковъ изъ опасенія попасть на зубокъ къ Бѣгушеву по этой

части; но въ самомъ дѣлѣ онъ, пристроившись къ одной газеткѣ, очень много писалъ и даже зарабатывалъ себѣ порядочныя деньжонки.

— Если вы нуждаетесь въ дѣятельности и считаете себя еще способнымъ къ ней, такъ вамъ гораздо лучше искать службы, чѣмъ фантазировать о какой-то неисполнимой газетѣ!.. Вы, сколько я помню, были мировымъ судьей!..—сказалъ Бѣгушевъ Долгову.

— Былъ, и первое время все шло отлично; но потомъ все это испортилось, и я къ выборамъ не намѣренъ болѣе обращаться никогда!

— Что же васъ такъ обидѣло тамъ?

— Э, разсказывать даже тяжело!—произнесъ Долговъ, махнувъ рукою.

— Нѣтъ, вы разскажите! — посовѣтовалъ ему графъ Хвостиковъ: — Александру Ивановичу интересно будетъ узнать: есть ли у насъ возможность заниматься чѣмъ-нибудь, исключая свободныхъ профессій!

— Разсказать очень просто,—продолжалъ Долговъ:—служилъ я усердно, честно; но вдругъ устроилась противъ меня цѣлая интрига и комплотъ! (Неумѣлость свою Долговъ имѣлъ привычку объяснять всегда какими-то тайными махинаціями, противъ него устраиваемыми). Былъ у меня письмоводитель очень умный, дѣльный, котораго я любилъ, холилъ; но они сумѣли его вооружить противъ меня.

— Кто они?—проговорилъ Бѣгушевъ съ досадой.

— Я не знаю, собственно, кто,—отвѣчалъ Долговъ:— но знаю, что по всей губерніи начали трубить, что я, когда мнѣ вздумается, рву протоколы моихъ засѣданій, а потомъ пишу новые.

— А этого не бывало?—полюбопытствовалъ Бѣгушевъ.

— Было одинъ разъ, — не скрылъ Долговъ:—протоколы у меня обыкновенно лежали на столѣ въ кабинетѣ; заболѣлъ мой младшій ребенокъ холериной, а около насъ была сильная холера; я перепугался, растерялся, схватилъ первую попавшуюся мнѣ бумагу, намазалъ на нее горчичникъ и приставилъ къ желудочку ребенка; бумага эта оказалась протоколомъ!..

Бѣгушевъ невольно усмѣхнулся. Положеніе Долгова, впрочемъ, его тронуло. «Неряха этакій, безъ средствъ, съ семьею и, вѣроятно, глупой семьею; но какъ тутъ помочь? Дать ему денегъ на газету, но это все равно, что ихъ въ печку бросить; онѣ у него уплывутъ неизвѣстно куда и на что»,—думалъ онъ и сказалъ вслухъ.

— Въ такомъ случаѣ начните государственную службу.

— Гдѣ жъ государственную службу?—проговорилъ Долговъ.

— Тюменева вы знаете и помните?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Еще бы, Господи!—воскликнулъ Долговъ.—Подите, куда пролѣзъ этотъ господинъ, а не Богъ знаетъ что такое!—прибавилъ онъ.

— Тюменевъ человѣкъ цѣлостный, а не такой размазня, какъ мы съ вами!—сказалъ Бѣгушевъ:—хотите, я напишу ему объ васъ?

— Пожалуйста, сдѣлайте милость!—произнесъ обрадованнымъ голосомъ Долговъ.

— Напишу, только впередъ уговоръ: если вы поступите къ Тюменеву на службу, то протоколовъ не рвите на горчичники: онъ вамъ не проститъ этого!

— Что объ этомъ говорить!.. Это была случайность,—возразилъ Долговъ; но въ самомъ дѣлѣ это была вовсе не случайность. Онъ не одни протоколы, а цѣлыя дѣла затеривалъ и писалъ такія рѣшенія, что мировой съѣздъ, по неясности ихъ, почти постоянно отмѣнялъ.

Отъ Бѣгушева Долговъ уѣхалъ, уже разсчитывая на служебное поприще, а не на литературное. Графъ Хвостиковъ, подмѣтившій въ немъ это настроеніе, нарочно поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и всю дорогу старался убѣдить Долгова плюнуть на подлую службу и не оставлять мысли о газетѣ, занять денегъ для которой у нихъ оставалось тысячи еще шансовъ, такъ какъ въ Москвѣ много богатыхъ людей, къ которымъ можно будетъ обратиться по этому дѣлу.

Написанные графомъ нѣсколько фельетоновъ, которые были замѣчены въ публикѣ, вскружили ему голову, какъ нѣкогда заставляли его бредить финансовые проекты.

— Что это за время омерзительное, — сказалъ Бѣгушевъ, оставшись одинъ: — даже изъ такого благороднѣйшаго пустомели, какъ Долговъ, сдѣлало чуть не жулика!

III.

Величію и славѣ Домны Осиповны, въ продолженіе всего наступившаго лѣта, предѣловъ не было. На большей части дачъ, особенно въ паркѣ и Сокольникахъ, было переговорено, что она теперь владѣтельница пятимилліоннаго послѣ мужа состоянія. Домна Осиповна дѣйствительно, сблизясь опять съ мужемъ, послѣ разлуки съ Бѣгушевымъ, успѣла отъ Олухова взять домашнее духовное завѣщаніе на все его состояніе. Тогда она сдѣлала это подъ величайшимъ секретомъ, но въ настоящее время духовная эта была уже утверждена судомъ.

Каждый хорошій вечеръ Домна Осиповна каталась въ Петровскомъ паркѣ на парѣ англизированныхъ лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и съ лакеемъ въ круглыхъ шляпахъ, съ перекинутыми на задокъ козелъ ихъ шинелями. Домна Осиповна за границей видѣла такую моду, и ей очень она понравилась. Сама она одѣта была въ глубокій трауръ. Около ея экипажа часто, какъ два адъютанта, скакали верхомъ Янсутскій и Перехватовъ. Домна Осиповна очень томно и тонно кивала головой встрѣчающимся знакомымъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Домну Осиповну сопровождалъ одинъ только Янсутскій, который сидѣлъ съ ней въ коляскѣ и былъ, сверхъ обыкновенія, очень молчаливъ и мраченъ.

— Вы не желаете пройтись?—сказалъ онъ, когда выѣхали на шоссе къ Петровскому-Разумовскому.

— Пожалуй!..—сказала Домна Осиповна и не совсѣмъ охотно вышла изъ экипажа.

Они пошли по тропинкѣ. Домна Осиповна замѣтно старалась не опереживать своей коляски и не отставать отъ нея.

Янсутскій сначала ни слова не говорилъ и только кусалъ свои жиденькіе усы.

— Домна Осиповна,—произнесъ онъ наконецъ:—я не очень вамъ противенъ?

Домна Осиповна обратила на него удивленные глаза.

— Къ чему этотъ вопросъ? — проговорила она и вмѣстѣ съ этимъ вспыхнула.

— Во-первыхъ, вы знаете, къ чему этотъ вопросъ, — отвѣчалъ Янсутскій:—я человѣкъ практическій, большихъ разглагольствованій не люблю, и если что говорю, такъ прямо и правду.

— Ну, не всегда, я думаю, правду!.. — замѣтила Домна Осиповна.

— Всегда!.. во всѣхъ случаяхъ моей жизни!..—продолжалъ Янсутскій:—и прежде всего скажу, что какъ ни чувствительно жиганулъ меня Хмуринъ, но я въ порядочномъ денежномъ положеніи, почти въ милліонѣ.

«Съ перваго же слова и солгалъ!»—подумала Домна Осиповна, потупляясь. Она отъ многихъ слышала, что Янсутскій, напротивъ, сильно разстроился въ дѣлахъ своихъ.

— Холостая жизнь мнѣ надоѣла,—объяснялъ онъ далѣе:—я желаю завести семейный уголокъ!.. Вы мнѣ давно чрезвычайно нравитесь!.. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ и оныхъ обстоятельствъ, я и прошу васъ сказать: согласны ли вы отдать мнѣ вашу руку и сердце?

Янсутскій хотъ и старался говорить комическимъ тономъ, но видно было, что внутри у него кипѣло.

— Нѣтъ, несогласна, — не замедлила отвѣтомъ Домна Осиповна, произнося эти слова твердымъ голосомъ.

— По какой причинѣ?

— По многимъ!

— Желательно бы знать хоть одну изъ нихъ.

— Главная та, что вы человѣкъ не нѣжный, а я прежде всего желаю, чтобы мужъ былъ нѣженъ со мною и деликатенъ!..

— Изъ чего вы заключаете, что я не нѣженъ?

— Господи, я достаточно видѣла, какъ вы обращались съ Лизой Мѣровой!

— Вотъ еще кого привели въ примѣръ: Мѣрову!.. дуру набитую, которую я никогда и не любилъ, доказательствомъ чему служитъ то, что я не женился на ней!.. Что мнѣ мѣшало?

— Мѣшало вамъ не то, а другое...

— Что такое другое?

— То, что она бѣдна!

Янсутскаго передернуло.

— А вамъ я дѣлаю предложеніе, вы полагаете, оттого, что вы богаты?

— Конечно, отчасти и оттого!

Янсутскій на нѣкоторое время замолчалъ и опять сталъ кусать свои усы. Видно, что онъ соображалъ, какъ ему далѣе вести атаку.

— Но замужъ вы, конечно, выйдете и, вѣроятно, скоро?— спросилъ онъ.

— Можетъ-быть,—отвѣчала равнодушнымъ голосомъ Домна Осиповна.

— Я даже знаю, за кого!—подхватилъ Янсутскій.

— И то можетъ быть!

— За Перехватова, такъ?

— Почему же именно за Перехватова?..—полувоскликнула Домна Осиповна и засмѣялась.

— Не за Бѣгушева же? — говорилъ Янсутскій совсѣмъ съ перекошеннымъ ртомъ.

— За Бѣгушева я вышла бы, но онъ самъ не женится на мнѣ!

— Къ чему такое отчаяніе?.. Попробуйте опять заманить его въ свои сѣти!

— Пробовала и ничего не вышло.

— Пробовали ужъ?

— Да!

Янсутскій на нѣсколько мгновеній былъ сбитъ съ толку.

— Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но я не совѣтовалъ бы вамъ пренебрегать мною!..—проговорилъ онъ мрачнымъ голосомъ.

— Я вами и не пренебрегаю, а если не иду за васъ замужъ, то потому, что вы мнѣ не нравитесь настолько, чтобы сдѣлаться вашей женой.

— А Олуховъ вамъ когда-то нравился настолько? — спросилъ Янсутскій.

— Нравился!

— А между тѣмъ вы очень скоро начали кокетничать съ другими молодыми людьми!

Домна Осиповна обидѣлась: она никогда еще и ни отъ кого не слыхала подобной дерзости.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія вещи!.. — сказала она, и у ней при этомъ губы немного дрожали и ноздри раздувались.

— Что я вамъ такое сказалъ? Вы меня хуже окрестили отъявленнымъ корыстолюбцемъ, однако я выслушалъ!

— Большая разница: вы мужчина, а я женщина!.. Вы не можете позволять себѣ говорить мнѣ то, что могу я вамъ!

— Это что еще за новыя правила выдумали!..—возразилъ Янсутскій и засмѣялся.—Полноте, пожалуйста, — продолжалъ онъ:—мы съ вами давно знаемъ другъ друга: если я люблю деньги, такъ и вы не меньше моего ихъ любите!.. Мы ровня съ вами!

— Не желаю быть ровней вашей ни въ чемъ!.. Одно мнѣніе общества, которое о васъ существуетъ!..—говорила Домна Осиповна, начинавшая совсѣмъ выходить изъ себя.

— Да и вы не знаете, какое о васъ мнѣніе!.. Можетъ-быть, хуже, чѣмъ обо мнѣ!..—подхватилъ нагло Янсутскій.

Домна Осиповна отвернулась отъ него и прямо ничего не отвѣтила.

— Хорошъ бы бракъ у насъ былъ!.. Еще только заговорили о немъ, тиграми какими-то стали другъ противъ друга!— произнесла она какъ бы больше сама съ собой.

— Тогда, можетъ-быть, лучше бы было!.. столковались бы какъ-нибудь!..—сказалъ Янсутскій, ядовито усмѣхаясь:—а вы напрасно меня отталкиваете; по старой дружбѣ я еще разъ вамъ повторяю: раскаетесь!..—заключилъ онъ съ удареніемъ.

— Никогда!.. Наоборотъ, увѣрена, что всю жизнь буду хвалить себя!—воскликнула Домна Осиповна.

— Увидите!—пригрозилъ ей Янсутскій и круто повернулъ назадъ къ парку.

— Вы не желаете, чтобы я васъ довезла? — спросила его Домна Осиповна.

— Нѣтъ, дорогу я знаю!.. — отвѣтилъ онъ грубо и быстро пошелъ.

Домна Осиповна сѣла въ коляску. Лицо у ней было очень сердитое; губы надулись, глаза покрылись туманомъ гнѣва, хотя въ одномъ отношеніи она была довольна этимъ объясненіемъ: оно окончательно развязывало ее съ Янсутскимъ, ужасно ей надоѣдавшимъ своимъ ухаживаньемъ.

Въ паркъ Домна Осиповна не возвращалась, чтобы не встрѣтиться опять съ Янсутскимъ, и проѣхала въ Москву черезъ Бутырскую заставу.

— Иванъ Ивановичъ Перехватовъ не заѣзжалъ ко мнѣ?— былъ первый ея вопросъ, когда она вошла въ свою великолѣпную квартиру.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ ей вѣжливо красивый изъ себя лакей.—Чай готовъ!—прибавилъ онъ негромко.

— Я подожду Ивана Ивановича,—отвѣчала величественно Домна Осиповна.

День этотъ былъ днемъ установленныхъ вечеровъ Олуховыхъ, которые Домна Осиповна возобновила по истеченіи шестимѣсячнаго траура; на вечерахъ этихъ, впрочемъ, одинъ только бывалъ Перехватовъ, который вскорѣ и явился.

— Пойдемте пить чай! — сказала ему Домна Осиповна, непродолжительно, но крѣпко пожавъ ему руку.

— Съ удовольствіемъ!—подхватилъ докторъ.

Когда Домна Осиповна, въ сопровожденіи его, проходила въ столовую, то въ ея походкѣ, въ ея богатомъ туалетѣ, въ убранствѣ чайнаго стола, на которомъ блестѣлъ серебряный самоваръ, такъ и чувствовалось пятимилліонное состояніе. Домна Осиповна сѣла на особо-приготовленное для нея кресло.

Докторъ помѣстился очень близко къ ней и тоже на довольно покойный стулъ. Домна Осиповна налила ему стаканъ, а себѣ небольшую чашку; докторъ выпилъ чай и съѣлъ при этомъ массу печенья.

Домна Осиповна, наливъ ему еще стаканъ, откинулась на задокъ креселъ и стала на него томно смотрѣть.

За этимъ стакаиомъ докторъ выпилъ третій, четвертый, продолжая пожирать сухари, бисквиты, а также и стоящіе на столѣ фрукты: онъ былъ большой чаепіецъ и сладкоѣшка!

Домна Осиповна не переставала на него смотрѣть.

— Вы знаете, что сегодня Янсутскій дѣлалъ мнѣ предложеніе,—начала она, закуривая пахитоску.

Получивъ въ обладаніе милліоны, Домна Осиповна начала курить вмѣсто папиросъ пахитосы; сдѣлала это она, припомнивъ слова Бѣгушева, который какъ-то сказалъ, что если женщины непремѣнно хотятъ курить, такъ курили бы, по крайней мѣрѣ, испанскія пахитосы, а не этотъ тошнотворный та-

riland doux. Домна Осиповна вообще очень часто припоминала замѣчанія Бѣгушева; а еще болѣе того употребляла его мысли и фразы въ разговорахъ.

— Янсутскій былъ поэтому у васъ?—спросилъ докторъ неторопливымъ, но не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Былъ у меня, обѣдалъ, напросился, чтобы я взяла его съ собой ѣхать въ паркъ, надоѣлъ мнѣ до невозможности!— говорила Домна Осиповна, помахивая кокетливо своей пахитоской.

Докторъ при этомъ обратилъ свое вниманіе на ея кольцо.

— Однако у васъ это новинка,—сказалъ онъ, указывая на прелестный перстень съ брильянтомъ, надѣтый на указательный палецъ Домны Осиповны.

— Я у мужа въ вещахъ нашла этотъ брильянтикъ и велѣла себѣ сдѣлать кольцо... Онъ воды очень хорошей.

— Вода и грань превосходныя! — подтвердилъ докторъ.

— Хотите взять его на память себѣ? — спросила Домна Осиповна.

— Но оно мнѣ и на мизинецъ не взойдетъ!.. У васъ ручка такая тоненькая, — произнесъ докторъ, усмѣхаясь.

— Повѣсьте его какъ брелокъ!.. Дайте мнѣ вашу цѣпочку!..

И Домна Осиповна, снявъ съ руки своей перстенекъ, сама навѣсила его доктору на цѣпочку.

Перехватовъ послѣ того схватилъ обѣ ея руки и началъ ихъ цѣловать. Домна Осиповна смотрѣла ужъ на него страстно.

— И что же, — воскликнулъ докторъ: — Янсутскій у васъ здѣсь дѣлалъ вамъ предложеніе или дорогой?

— Дорогой!.. Но, милѣй всего, съ такимъ нахальствомъ, какъ будто бы онъ увѣренъ былъ, что я буду въ восторгѣ отъ его предложенія... Я, разумѣется, засмѣялась на первыя же слова его, и надобно было видѣть, какъ онъ обозлился. Бѣгушевъ въ сравненіи съ нимъ кроткій ягненокъ.

Докторъ отрицательно покачалъ головой.

— Не думаю, чтобы Бѣгушевъ въ сравненіи съ кѣмъ бы ни было могъ быть кроткимъ ягненкомъ.

— Но ты забываешь, — обмолвилась Домна Осиповна: — Бѣгушевъ человѣкъ свѣтскій, образованный; онъ можетъ женщину язвить, убить даже, но говорить сальныя дерзости не станетъ!

— Полагаю, что станетъ и онъ! — сказалъ докторъ.

Въ душѣ онъ Бѣгушева больше даже ненавидѣлъ, чѣмъ Янсутскаго.

— Однако кто-то пріѣхалъ,—проговорила Домна Осиповна,

прислушавшись своимъ чуткимъ ухомъ.—Неужели Янсутскій?—прибавила она уже испуганнымъ тономъ.

Но пріѣхалъ не Янсутскій, а графъ Хвостиковъ, который привезъ съ собой Долгова. На послѣдняго Домна Осиповна и докторъ взглянули съ недоумѣніемъ: они его совершенно не узнали.

Сіи два странника, послѣ неудачной попытки у Бѣгушева, цѣлую недѣлю ѣздили по Москвѣ и все старались занять денегъ на задуманную ими газету. Къ Домнѣ Осиповнѣ графъ Хвостиковъ привелъ Долгова, какъ къ послѣднему рессурсу; не ссудитъ она, все дѣло пропало,—а потому рѣшился дѣйствовать напроломъ. Что касается Долгова, то онъ совсѣмъ былъ утомленъ, совсѣмъ разбитъ: его славянская натура не имѣла такого мѣднаго лба, какъ кельтическая кровь графа Хвостикова; онъ очень хорошо началъ сознавать всю унизительность этихъ поѣздокъ. Сверхъ того, Долговъ въ этотъ день утромъ заѣзжалъ къ Бѣгушеву, чтобы узнать отъ него, не получилъ ли онъ отвѣта отъ Тюменева. Бѣгушева онъ не засталъ дома и попросилъ у Прокофія позволенія подождать барина. Прокофій позволилъ ему и даже провелъ его въ кабинетъ, гдѣ Долговъ около получаса сидѣлъ и отъ-нечего-дѣлать, блуждая глазами съ предмета на предметъ, увидѣлъ на столѣ письмо и въ письмѣ этомъ свою фамилію; не было никакого сомнѣнія, что оно было отъ Тюменева. Долговъ не удержался и прочелъ письмо, которое оказалось ужаснымъ для него. Тюменевъ прямо-напрямо бранилъ Бѣгушева, что какъ ему не стыдно рекомендовать на службу подобнаго пустоголова, какъ Долговъ, и при этомъ присовокуплялъ, что Долговъ самъ неоднократно просилъ его о мѣстѣ письмами, написанными съ такой синтаксической неправильностью, съ такими орѳографическими ошибками, что его развѣ въ сторожа только можно взять...

Тутъ же невдалекѣ лежалъ и начатый отвѣтъ Бѣгушева, который Долговъ тоже пробѣжалъ. Бѣгушевъ писалъ: «Ты—пропитанный насквозь чернилами бюрократъ: для тебя скудная ясность изложенія и наша спорная грамотность превыше всего; и какимъ образомъ ты могъ оскорбляться, когда Траховъ не принялъ къ себѣ на службу тобою рекомендованнаго господина, уже изобличеннаго въ плутовствѣ, а Долговъ пока еще человѣкъ безукоризненной честности».

На этомъ мѣстѣ Бѣгушевъ остановился писать и вышелъ изъ дому, чтобы поумѣрить нѣсколько свой пылъ.

Долговъ, прочитавъ письма, рѣшился лучше не дожидаться хозяина: ему совѣстно было встрѣтиться съ нимъ. Проходя,

впрочемъ, переднюю и вспомнивъ, что въ этомъ домѣ живетъ и графъ Хвостиковъ, спросилъ, дома ли тотъ? Ему отвѣчали, что графъ только-что проснулся. Долговъ прошелъ къ нему. Графъ лежалъ въ постели, совершенно въ позѣ безпечнаго юноши, и съ перваго слова объявилъ, что имъ непремѣнно надобно ѣхать вечеромъ еще въ одно мѣсто хлопотать по ихъ дѣлу. Долговъ согласился.

— Позвольте вамъ представить Василія Илларіоновича Долгова, — говорилъ графъ, подводя своего друга къ Домнѣ Осиповнѣ, которая, не приподнимаясь съ мѣста, но довольно привѣтливо мотнула имъ головой.

Оба они усѣлись.

— Вы видите, Домна Осиповна, передъ собой одного изъ образованнѣйшихъ людей Россіи, — началъ графъ, указывая на Долгова.

Домна Осиповна, для выраженія чего-то, опять мотнула головой.

— Начну съ языковъ: Василій Илларіоновичъ знаетъ въ совершенствѣ латинскій, греческій, говоритъ по-испански, по-французски, по-англійски...

— Нѣтъ, я по-англійски плохо знаю!..—отвѣчалъ Долговъ.

— Однако вы читаете Шекспира въ подлинникѣ,—сказалъ графъ Хвостиковъ: — и такой человѣкъ у насъ безъ всякой дѣятельности существуетъ; сидитъ у себя въ деревнѣ и свиститъ въ ноготокъ!

— Это очень жаль! — сказала съ величавымъ участіемъ Домна Осиповна.

— Въ Россіи все истинно-хорошее, истинно-русское должно гибнуть!.. — проговорилъ Хвостиковъ.

На послѣднюю фразу его Долговъ одобрительно кивнулъ головой и, зажегши папиросу не съ того конца, съ котораго слѣдуетъ, началъ курить ее и въ то же время отплевываться отъ попадающаго ему въ ротъ табаку.

— Вы, конечно, патріотка! — продолжалъ Хвостиковъ.

— Разумѣется! — отвѣчала Домна Осиповна величаво.

— Такъ поддержите насъ въ одномъ истинно-патріотическомъ дѣлѣ: дайте намъ взаймы тысячъ пятьдесятъ на газету, которую мы предполагаемъ издавать! — хватилъ графъ.

— Пятьдесятъ много, достаточно десяти, — поуменьшилъ Долговъ.

Домна Осиповна сначала не поняла, что̀ они такое говорятъ, и взглянула на доктора, который сидѣлъ и выкладывалъ изъ сухарныхъ крошекъ зигзаги.

— Деньги намъ нужны на газету; ссудите! — подхватилъ Хвостиковъ.

— Я не имѣю такихъ денегъ, — проговорила Домна Осиповна: — онѣ у меня у самой теперь всѣ въ дѣлахъ!

Графъ Хвостиковъ, а еще болѣе того Долговъ, поникли головами.

Наступили затѣмъ тяжелыя и непріятныя для всѣхъ минуты. Долговъ и графъ Хвостиковъ начали прихлебывать чай; главнымъ образомъ они не знали: уѣхать ли имъ или оставаться? Сейчасъ отправиться было какъ-то черезчуръ грубо; оставаться же безполезно и стѣснительно.

Хозяйкѣ тоже было не совсѣмъ ловко, и она уже снова закурила пахитосу. Докторъ продолжалъ выдѣлывать изъ сухарей зигзаги.

Графъ Хвостиковъ, впрочемъ, болѣе пріятеля сохранившій присутствіе духа, принялся доказывать доктору, что Россія самая непредпріимчивая страна, что у насъ никто не заинтересуется дѣломъ за его идею, а всякому дорогъ лишь свой барышъ! Докторъ съ легкой улыбкой соглашался съ нимъ; Домна же Осиповна держала свои глаза устремленными на Долгова, который сидѣлъ, совсѣмъ понуривъ голову. Наконецъ гости увидѣли, что имъ есть возможность уѣхать, и уѣхали.

— Что это такое... а?.. что такое? — спрашивала Домна Осиповна доктора.

— Юродивые какіе-то! — опредѣлилъ тотъ.

— Но неужели кто-нибудь и дастъ имъ денегъ?

— Можетъ-быть, найдется такой дуракъ! — отвѣтилъ докторъ и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: — Ну, мнѣ еще надобно къ больнымъ!

— Охъ, мнѣ эти больные ваши! — произнесла Домна Осиповна съ досадой: — если бы воля моя была, я взяла бы ихъ всѣхъ вылѣчила, или всѣхъ уморила!

— Что они вамъ такъ помѣшали?—проговорилъ съ усмѣшкой Перехватовъ.

— Они отнимаютъ тебя у меня! — сказала томно-нѣжнымъ голосомъ Домна Осиповна. — Шутки въ сторону: мнѣ рѣшительно нѣкогда съ тобой поговорить! — прибавила она.

— Но до конца мы все-таки не договоримся съ вами, хоть бы и было когда говорить, — возразилъ ей докторъ.

На лицѣ Домны Осиповны отразилось маленькое неудовольствіе.

— Иванъ Ивановичъ, неужели вамъ мало того, чѣмъ я для васъ пожертвовала? — спросила она стыдливо.

— Не мало, но все это пока еще неопредѣленно и непрочно! — проговорилъ докторъ

— Jean! — воскликнула Домна Осиповна: — нельзя же все это вдругъ сдѣлать!.. Ты послушай, что и теперь про меня говорятъ!

— Васъ не пугало однако, когда говорили про васъ и про Бѣгушева!

— Тогда другое было дѣло! Тогда я прикрывалась именемъ мужа!

Перехватовъ, какъ и Янсутскій, со вдовства Домны Осиповны началъ сильно желать, чтобы она, сверхъ сердца, отдала ему и руку свою; но у Домны Осиповны по этому поводу зародились свои собственныя соображенія: какъ владѣтельницѣ огромнаго состоянія, ей стала казаться эта партія слишкомъ низменною; Перехватовъ все-таки былъ выскочка!.. (вотъ ужъ куда стала бить Домна Осиповна). Выйдя за него замужъ, она будетъ докторшею; титулъ не громкій!.. Домна Осиповна не слыхала даже, чтобы какая-нибудь докторша играла въ свѣтѣ роль, чего въ настоящія минуты Домнѣ Осиповнѣ хотѣлось пуще всего! Были минуты, когда она думала, что если выходить еще разъ замужъ, такъ лучше было бы за Бѣгушева. Домна Осиповна очень хорошо понимала, что въ Бѣгушевѣ всѣ искали, а докторъ, напротивъ, самъ заискивалъ во всѣхъ; но въ то же время, за красоту доктора и его покорное обращеніе съ ней, она была влюблена въ него, какъ кошка (въ этомъ отношеніи въ ней появилось что-то ужъ старческое и чувственное). Борьба, въ силу этихъ противорѣчій, внутри ея происходила немалая.

— Будемъ ждать-съ! — сказалъ докторъ.

Домна Осиповна видѣла, что онъ разсердился на нее.

— Ты меня не понимаешь! — сказала она и, еще болѣе пододвинувшись къ доктору, положила ему руки и голову на плечо. — Я готова быть твоей женой, но я боюсь тебя.

Будь докторъ болѣе тонкій психическій наблюдатель, онъ почувствовалъ бы, что въ голосѣ ея было что-то вынужденное и недосказанное.

— Но чего же вы боитесь? — спросилъ онъ ее, цѣлуя въ голову.

— Боюсь, что ты мало меня любишь, не такъ, какъ я тебя!

— Точно такъ же, какъ и вы!

— Нѣтъ, не такъ! Ты даже ни разу не приревновалъ меня, — говорила Домна Осиповна: по самолюбію своему, она любила, чтобы ее ревновали, особенно, если сама была ни въ чемъ неповинна!

— А Бѣгушевъ развѣ васъ ревновалъ?—спросилъ докторъ.

— Ужасно! — отвѣтила Домна Осиповна. — Даже, когда я

разъ съ этимъ Хмуринымъ поговорила ласково по одному дѣлу, такъ онъ чуть не убилъ меня!

— Хорошее доказательство любви!.. А сами вы Бѣгушева ревновали?

— Что же его было ревновать? Онъ не отходилъ отъ меня и былъ олицетворенная вѣрность!.. Но тебя я ревную.

— Это отчего? — спросилъ, усмѣхаясь, Перехватовъ.

— Оттого, что ты докторъ, и еще дамскій докторъ: когда я выйду за тебя, ты непремѣнно долженъ бросить практику.

Послѣднее требованіе смутило доктора.

— Это безуміе съ вашей стороны ставить мнѣ такое условіе! — сказалъ онъ.

— Вовсе не безуміе! — возразила Домна Осиповна: — состоянія у насъ достаточно, чтобы намъ даже роскошно жить!..

— Дѣло не въ состояніи, — возразилъ докторъ: — но вы забываете, что я служитель и жрецъ науки, что практикой своей я приношу пользу человѣчеству: неужели я мое знаніе и мою опытность долженъ зарыть въ землю и сдѣлаться тунеядцемъ?.. Такой цѣной нельзя никакихъ благъ міра купить.

Домна Осиповна слушала его молча: она сама до нѣкоторой степени сознавала неблагоразуміе своего требованія.

— Въ такомъ случаѣ лѣчи однихъ мужчинъ!—сказала она.

Докторъ разсмѣялся.

— Вы говорите, какъ ребенокъ. Развѣ это возможно? Позовутъ меня къ мужчинѣ, я ѣду; позовутъ къ дамѣ, не ѣду! Почему?.. Потому что жена не пускаетъ?..

Домна Осиповна глубоко вздохнула и, переложивъ свои руки съ плеча доктора на столъ, склонила на нихъ свою голову. Прошло довольно продолжительное молчаніе.

— Съ какимъ же рѣшеніемъ я сегодня уѣду отъ васъ?.. — проговорилъ докторъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

— Я выйду за васъ!.. — отвѣчала Домна Осиповна и съ величественной позой протянула доктору руку; тотъ поцѣловалъ ея руку. — Но только смотрите, Перехватовъ: васъ Богъ накажетъ, если вы обманете меня!.. Я слишкомъ многимъ для любви моей къ вамъ жертвую!..

— Не за что будетъ Богу наказывать меня! — подхватилъ докторъ и, еще разъ поцѣловавъ у Домны Осиповны руку, уѣхалъ.

Черезъ весьма непродолжительное время по Москвѣ огласилось, что Домна Осиповна вышла замужъ за доктора Перехватова. Въ средѣ медиковъ это произвело толки и замѣчанія такого рода: «Молодецъ этотъ Хваталкинъ (такъ начали называть въ послѣднее время Перехватова): кромѣ практики, и жену съ милліонами подцѣпилъ!»

Свадьба Домны Осиповны съ докторомъ была отпразднована роскошно: пригласительныя карточки на послѣдующій балъ были даже посланы къ Янсутскому, Бѣгушеву и графу Хвостикову. Первые двое не пріѣхали, но послѣдній явился и въ ближайшемъ номерѣ той газеты, гдѣ сотрудничалъ, описалъ торжество брачнаго пиршества, объяснивъ читателямъ, что «молодой и молодая блистали красотою, молодостью и свѣжестью»—*нѣсколько подкрашенною*,—смертельно хотѣлось прибавить графу относительно Домны Осиповны, но онъ не прибавилъ этого, потому что она обѣщала ему за этотъ фельетонъ сто цѣлковыхъ.

IV.

Въ конторѣ Грохова, попрежнему грязной и темной, сидѣли самъ Гроховъ и Янсутскій. Оба они очень измѣнились: Гроховъ оплѣшивѣлъ, обеззубѣлъ и былъ съ багрово-желтымъ цвѣтомъ лица, а Янсутскій еще болѣе похудѣлъ и походилъ на оглоданную, загрязненную кость; но энергіи своей нисколько не утратилъ.

— Совершенная случайность открыла мнѣ это!.. — говорилъ онъ, какъ и всегда, быстро и бойко: — ѣхалъ я прошлой весной изъ Казани на пароходѣ съ нѣкоторыми сибиряками... обѣдали вмѣстѣ, выпивали, конечно... Вотъ, батюшка, пить-то здоровы и, главное, все коньякъ дуютъ!.. Болтаемъ о томъ, о семъ, только одинъ изъ нихъ, какъ видно, купецъ этакій солидный и не враль, спрашиваетъ меня, что не знаю ли я въ Москвѣ г. Олухова. «Имѣю, говорю, это счастье!»—«А правда ли, говоритъ, что онъ померъ?»—«Такая же, говорю, правда, что я живъ!» Купецъ поежился. «Кто жъ, говоритъ, теперь по ихъ дѣламъ отвѣтчикъ долженъ быть?»—«По какимъ, говорю, дѣламъ?» —«Да какъ же-съ, говоритъ, старикъ Олуховъ, кабы не умеръ, долженъ былъ бы объявить себя несостоятельнымъ!» Что такое за вздоръ, думаю. «На чемъ же, говорю, онъ могъ прогорѣть?»—«У него, говоритъ, болѣе половины состоянія въ дѣлахъ Хмурина лопнуло, а потомъ онъ и свое большое колесо не на чистыя деньги велъ... всему почесть Сибирю долженъ: мелкимъ капиталистамъ — кому тысячу, кому три, кому десять!»—«Вы, говорю, тоже кредиторъ его?»—«Да-съ, говоритъ, и намъ бы очень желалось эти маленькія взысканія наши продать кому-нибудь въ однѣ руки».—«А на сколько, говорю, ихъ?»—«Да, полагать надо, на милліонъ!»—«Но какая же, говорю, при ликвидаціи дѣла можетъ быть по нимъ уплата?»—«Болѣе, говоритъ, семидесяти пяти копеекъ нельзя получить!»—

А вы, чай, просите за нихъ гривенъ по шести?»— «Нѣтъ, говоритъ, хорошо, если бы дали по полтинничку!»

Все это Янсутскій уже зналъ, сватаясь за Домну Осиповну, и предполагалъ тогда, сдѣлавшись ея мужемъ, скупить за безцѣнокъ всѣ эти маленькія взысканія и такимъ образомъ сдѣлаться главнымъ ея кредиторомъ, но теперь онъ рѣшился употребить этотъ планъ какъ орудіе мести противъ Домны Осиповны. Къ Грохову онъ обратился, потому что ему извѣстно было, что Домна Осиповна съ прежнимъ своимъ повѣреннымъ совершенно разссорилась, такъ какъ во время кутежа ея мужа съ Гроховымъ написала сему послѣднему очень бранчивое письмо, на которое Гроховъ, спьяна, написалъ ей такого рода отвѣтъ, что Домна Осиповна не рѣшилась даже никому прочесть этого посланія, а говорила только, что оно было глупое и чрезвычайно оскорбительное для нея.

— Свѣдѣнія сіи, согласитесь, — продолжалъ Янсутскій: — любопытны, и я вотъ пріѣхалъ къ вамъ посовѣтоваться и спросить васъ: правда ли это, и возможно ли банкротство Олуховыхъ?.. Вы занимались ихъ дѣлами... Домна Осиповна, сколько я помню, и вводъ во владѣніе мужа поручила вамъ.

— Поручать она мнѣ поручала, — отвѣчалъ Гроховъ, немножко сконфузившись: — но я тогда заболѣлъ и передалъ все помошнику... Васъ что же такъ интересуютъ дѣла Олуховыхъ?..—присовокупилъ онъ послѣ короткой паузы.

— Интересуютъ по чувству жалости,—отвѣчалъ Янсутскій, пожимая плечами: — вообразите: сколько несчастныхъ маленькихъ кредиторовъ будутъ обобраны въ конкурсѣ, если онъ только учредится...

Такому филантропическому движенію Янсутскаго Гроховъ, конечно, не повѣрилъ и даже усмѣхнулся при этомъ.

— Потомъ, выгодная афера можетъ быть! — поспѣшилъ подхватить тотъ, чувствуя и самъ, что проврался немного: — расчетъ тутъ очень легко сдѣлать: если тысячъ на полтораста, на двѣсти скупить милліонъ векселей, по которымъ уплатятъ, положимъ, по шестидесяти копеекъ за рубль — это четыреста тысячъ въ карманѣ!

— Ужъ и въ карманѣ!.. Прежде еще надобно узнать и сдѣлать инвентарь всему состоянію! — возразилъ Гроховъ.

— Инвентарь не Богъ знаетъ что!.. Дѣло рукъ человѣческихъ.

— Узнать наконецъ съ точностью количество долговъ законныхъ... — продолжалъ Гроховъ.

— И то можно!.. Они уже всѣ, какъ сказывалъ мнѣ купецъ, стеклись въ тамошнемъ губернскомъ правленіи.

— Знаю, что можно; но какихъ денегъ это будетъ стоить!..— твердилъ свое Гроховъ.

— Деньги вздоръ, по пословицѣ: когда дрова рубятъ, щепокъ не жалѣютъ... Я въ этомъ отношеніи человѣкъ не трусливый и рѣшился купить этотъ процессъ: съѣзжу самъ въ Сибирь, узнаю все тамъ до точности и вамъ теперь предлагаю адвокатуру по этому дѣлу... Предпочитаю я васъ другимъ вашимъ товарищамъ вслѣдствіе того, что вы человѣкъ умный, дѣльный, а не пустой краснобай, и дѣла купеческія давно ведете. Плата вамъ, конечно, будетъ приличная и своевременная... — отчеканивалъ Янсутскій.

— Благодарю васъ за предложеніе, но я все болѣю, — произнесъ нерѣшительнымъ голосомъ Гроховъ.

Онъ дѣйствительно болѣлъ: ужасная и внезапная смерть Олухова сильно поразила его, такъ какъ онъ самъ въ пьяномъ видѣ очень легко могъ чортъ знаетъ откуда и чортъ знаетъ зачѣмъ кувырнуться внизъ головой. Гроховъ понялъ, что довольно дурить, и, сразу переставъ пить, послалъ за докторомъ, который, найдя у него въ ногахъ опухоль, объявилъ, что это предвѣстіе грядущей водянки. Гроховъ испугался и разъ по десяти въ день началъ снимать съ себя сапоги и наблюдать, не поднимается ли опухоль выше; докторъ сказалъ ему, что какъ опухоль дойдетъ до сердца, такъ и капутъ!

— Какое вы болѣете, распустили только себя! — успокаивалъ его Янсутскій.

— Нѣтъ, — сказалъ со вздохомъ Гроховъ: — выѣзжать совсѣмъ не могу: — одышка, опухоль въ ногахъ...

— Другіе за васъ будутъ ѣздить, а вы, какъ главный телеграфистъ, сидите у себя въ комнатѣ и наигрывайте на клавишахъ... Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ денежнаго интереса, есть нравственный: Домна Осиповна,—полагаю, что вы не будете спорить противъ того,—очень дрянная женщина.

— Дрянная! — подтвердилъ Гроховъ.

— Скупая, жадная, — продолжалъ Янсутскій: — а главное, неблагодарная, лукавая и туда же фуфырится еще... Напакостить ей было бы для меня величайшимъ наслажденіемъ.

— И для меня тоже! — сознался Гроховъ.

— Значитъ, и будемъ работать въ этомъ направленіи...

— Начинайте, а тамъ увидимъ...

По отъѣздѣ Янсутскаго Гроховъ долгое время сидѣлъ, погруженный въ размышленія, а затѣмъ позвонилъ.

Вошелъ артельщикъ.

— Скажи кучеру, чтобы онъ съѣздилъ за Яковомъ Ивановичемъ, — приказалъ онъ тому.

Яковъ Ивановичъ вскорѣ явился. Это былъ извѣстный намъ письмоводитель Грохова, повышенный имъ въ помощники. Яковъ Ивановичъ велъ образъ жизни лучше своего патрона и былъ теперь въ новой триковой парѣ, напомаженный, причесанный: по мѣрѣ того, какъ Гроховъ прибавлялъ ему жалованья, Яковъ Ивановичъ все меньше и меньше загуливалъ и, уже два года бывъ женатъ, совершенно почти ничего не пилъ.

— Садитесь! — сказалъ ему Гроховъ.

Яковъ Ивановичъ сѣлъ.

— Какъ велико было объявлено состояніе Олуховыхъ при вводѣ во владѣніе? — спросилъ Гроховъ.

— Въ разныхъ мѣстахъ это было... миллионовъ около шести.

— А долговъ?

— Тоже много!.. — отвѣчалъ Яковъ Ивановичъ.

— У меня сейчасъ былъ одинъ баринъ, — проговорилъ Гроховъ послѣ недолгой остановки: — и говорилъ, что старикъ Олуховъ на волоскѣ держался отъ банкротства.

— Говорили и мнѣ это въ Сибири; но не думаю, чтобы такъ это было.

— На какомъ основаніи вы не думаете?

— Да помилуйте!.. — воскликнулъ Яковъ Ивановичъ: — я своими глазами видѣлъ въ главной конторѣ двѣсти тысячъ, въ другой пятьдесятъ; а тамъ гдѣ десять, гдѣ тридцать.

— Наличными?

— Наличными!.. — продолжалъ восклицать Яковъ Ивановичъ: — и въ нѣкоторыхъ конторахъ чистымъ даже золотомъ... все новенькіе полуимперіалы, точно рыжички блестятъ.

— Деньги эти теперь, я думаю, всѣ растащены, — замѣтилъ Гроховъ.

— Кромѣ денегъ-съ, — продолжалъ Яковъ Ивановичъ съ явнымъ удивленіемъ: — дома во сколькихъ городахъ... фабрики такія, что трубищи до самаго неба...

— И всѣ въ ходу? — полюбопытствовалъ Гроховъ.

— Всѣ... Я былъ на многихъ, свѣтятся ночью какъ дворцы... Машины на нихъ все англійскія... точно черти какіе, шумятъ, стучатъ...

Гроховъ слушалъ, нахмурившись, это краснорѣчивое описаніе разныхъ имуществъ Олухова.

— Главное состояніе старика было въ земляхъ, я знаю,— проговорилъ онъ.

— На земли однихъ плановъ три шкапа, — воскликнулъ Яковъ Ивановичъ.

Потолковавъ еще нѣкоторое время съ своимъ помощникомъ, Гроховъ наконецъ отпустилъ его и самъ снова предался раз-

мышленіямъ: практическая его предусмотрительность и опытность ясно ему говорили, что въ этомъ огромномъ и запутанномъ дѣлѣ много бы, какъ въ мутной водѣ рыбы, можно было наловить денегъ: скупить, какъ справедливо говоритъ Янсутскій, по дешевой цѣнѣ нѣкоторую часть векселей, схлопотать конкурсъ; самому сѣсть въ предсѣдатели... назначить себѣ содержанія тысячъ двадцать пять... подобрать согласненькихъ куратороvъ, а тамъ отдача фабрикъ въ аренды, хозяйственная продажа отдѣльныхъ имѣній, словомъ, золотой бы дождь можно было устроить себѣ въ карманъ; но вмѣстѣ съ этими соображеніями Гроховъ вспомнилъ о своихъ недугахъ и подумалъ, что ему, можетъ-быть, скоро ничего не надобно будетъ на землѣ, и что на гробъ да на саванъ немного потребуется!

Эта мысль такъ его разстроила, что онъ былъ не въ состояніи оставаться долѣе въ своей конторѣ и уѣхалъ домой. Тамъ его встрѣтила Агаша, взятая имъ послѣ смерти Олухова, аки бы въ качествѣ экономки, но въ сущности совершенно на томъ же положеніи, на какомъ она была и у того. Гроховъ прошелъ въ свою спальню и легъ въ постель.

Янсутскій въ это время, побывавъ въ мѣстахъ двадцати, обѣдать прибылъ въ Англійскій клубъ, гдѣ въ обѣденной залѣ увидалъ генерала Трахова, который сидѣлъ уже за столомъ и просматривалъ меню. Янсутскій, разумѣется, не преминулъ поспѣшно подойти къ генералу и попросилъ позволенія сѣсть рядомъ съ нимъ. Генералъ очень любезно позволилъ ему это.

— Вы однако довольно часто изволите посѣщать Москву?..— сказалъ Янсутскій.

— Да, — протянулъ генералъ: — теперь я пріѣхалъ квартиру для жены нанять, но не знаю гдѣ: въ отеляхъ грязно и безпокойно...

— Здѣсь есть отличныя шамбръ-гарни съ мебелью, столомъ, прислугою, сервировкою... Если вы прикажете, я сегодня же объѣду ихъ нѣсколько и узнаю, гдѣ есть свободныя отдѣленія, какой величины и въ какую цѣну.

— Но мнѣ очень совѣстно безпокоить васъ этимъ! — произнесъ генералъ и обязательно пожалъ Янсутскому руку.

— Напротивъ,— воскликнулъ Янсутскій: — это не безпокойство, а величайшее удовольствіе: завтра же явлюсь къ вамъ, чтобы донести обо всемъ. Вы, вѣроятно, въ Славянскомъ Базарѣ остановились?

— Тамъ! — подтвердилъ генералъ.

Читатель, конечно, замѣтилъ, что Янсутскій въ настоящемъ свиданіи съ генераломъ былъ въ отношеніи того гораздо по-

чтительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ: онъ по опыту зналъ, что господа, подобные Трахову, только за границей умаляютъ себя, а какъ вернутся въ Россію, такъ сейчасъ же облекаются въ свою павлинью важность.

— Какъ вамъ, ваше превосходительство, нравятся обѣды здѣшняго клуба?.. Не правда ли, они гораздо хуже обѣдовъ петербургскаго Англійскаго клуба?...— продолжалъ Янсутскій поддѣлываться къ генералу.

— О, да!.. Tiens!.. рубцы!.. что это за блюдо, и чеснокомъ еще пахнетъ, — отвѣчалъ тотъ, дѣлая презрительную гримасу.

— Оно, впрочемъ, довольно вкусно,— скромно возразилъ Янсутскій: — а какъ вы, ваше превосходительство, находите эти знаменитые англійскіе супы изъ черепахи и изъ бычачьихъ хвостовъ: они мнѣ показались микстурами аптекарскими, а не кушаньемъ.

— Надобно, чтобы это по-французски было приготовлено... У меня поваръ мой отлично дѣлаетъ супъ изъ бычачьихъ хвостовъ: не жирно, тонко и въ мѣру пикантно.

— У васъ, говорятъ, поваръ одинъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ?..— спросилъ Янсутскій.

— Да, недуренъ,— отвѣчалъ генералъ и налилъ изъ своей бутылки Янсутскому вина.

Тотъ поспѣшилъ ему тоже налить изъ своей бутылки.

— По-заграничному чокнемтесь! — проговорилъ генералъ.

— Именно по - заграничному! — подхватилъ Янсутскій, очень довольный, что генералъ становится съ нимъ на заграничную ногу.

— Скажите, — продолжалъ тотъ вполголоса, когда имъ и Янсутскимъ еще было выпито по стакану вина: — эта madame Олухова овдовѣла и вышла снова замужъ за какого-то доктора?..

Все, что случалось съ молодыми женщинами, генералъ всегда ужасно интересовался узнавать до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

— Вышла замужъ!..— отвѣчалъ Янсутскій съ злой усмѣшкой.

— Но такая партія для нея, мнѣ кажется, очень иньобильна.

— Прежняя связь! — объяснилъ Янсутскій.

Генералъ сдѣлалъ удивленные глаза.

— Que me dites-vous là?.. А Бѣгушевъ какъ же? — спросилъ онъ.

— И при немъ еще это существовало... Нынче женщины менѣе трехъ любовниковъ въ одно и то же время не имѣютъ!..— произнесъ Янсутскій.

— Но она, мнѣ сказывали, сдѣлалась послѣ мужа милліонеркой,— замѣтилъ генералъ.

— Эти милліоны пока еще въ воздухѣ!.. — воскликнулъ Янсутскій: — очень можетъ быть, что эти милліоны пообрѣжутъ у ней.

— Пообрѣжутъ?..— переспросилъ генералъ.

— И очень сильно!.. Тутъ какой казусъ вышелъ: госпожа Домна Осиповна сама имѣетъ свое состояніе тысячъ въ триста, но она приняла наслѣдство и послѣ мужа, а мужъ, принявшій наслѣдство послѣ дѣда, оказался несостоятельнымъ должникомъ... Слѣдовательно госпожа Олухова все, что не доплатится по конкурсу, должна доплатить своими денежками.

— Ахъ, бѣдная!.. — произнесъ генералъ съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія.— Но правда ли, что она очень красива собой?

— Была, а теперь тряпка, вымытая въ соляной кислотѣ: подмазывается... румянится.

Послѣ обѣда генералъ и Янсутскій перешли вмѣстѣ въ говорильную комнату, велѣвъ себѣ туда подать шампанскаго. Тамъ они нашли Долгова, читающаго газету, который обыкновенно, за неимѣніемъ денегъ платить за обѣдъ, пріѣзжалъ въ клубъ послѣ своего болѣе чѣмъ скромнаго обѣда, въ надеждѣ встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ и потолковать по душѣ. Янсутскій, взглянувъ на Долгова, сейчасъ припомнилъ, что онъ видѣлъ его въ собраніи ужинающимъ вмѣстѣ съ Бѣгушевымъ.

Когда подано было шампанское и генералъ съ Янсутскимъ выпили еще по стакану, то сей послѣдній началъ бесѣду съ Траховымъ совершенно какъ съ ровней.

— А въ Москвѣ, ваше превосходительство, нельзя такъ пріятно провести время, какъ въ Парижѣ! — говорилъ онъ.

— Нельзя, — подтвердилъ генералъ.

— Припомните Клемансъ!.. Что за прелесть дѣвочка!..

Генералъ приподнялъ глаза къ небу, и у него вырвался изъ груди легкій вздохъ.

Чтобы скрыть волнующія его чувствованія, онъ началъ усиленно курить свою дорогую сигару. Жена послѣдній годъ рѣшительно объявила ему, что онъ русскій человѣкъ и потому долженъ жить въ Россіи. Напрасно генералъ жаловался на ожирѣніе сердца, на подагру. Татьяна Васильевна на все отвѣчала ему: «вздоръ, ты совсѣмъ здоровъ!».—и простымъ механическимъ способомъ не давала генералу денегъ на поѣздку за границу. Ссориться же съ ней окончательно изъ-за этого генералъ не хотѣлъ, да и было бы это для него очень

нерасчетливо: оставшись на одномъ жалованьи, хорошо не покупаешь!

Вспомнивъ о заграничной, или, правильнѣе сказать, парижской бульварной жизни и сравнивая ее съ настоящей своей жизнью, генералъ впалъ въ грустное настроеніе духа и, молча прислушиваясь къ своему пищеваренію, продолжалъ сосать сигару, такъ что Янсутскій, не любившій ни на минуту оставаться безъ какой-нибудь дѣятельности, обратился съ разговоромъ къ Долгову.

— Есть что-нибудь интересное въ газетѣ? — спросилъ онъ.

Долговъ чрезвычайно обрадовался его вопросу, разсчитывая поговорить.

— Очень многое! — отвѣчалъ онъ съ повеселѣвшимъ взоромъ: — въ Герцеговинѣ возстаніе; это начинающійся пожаръ!

— Читалъ про это возстаніе! — воскликнулъ, въ свою очередь, Янсутскій, разваливаясь на диванѣ: — но только пожара пока еще не видать.

— Пожаръ!.. — повторилъ громогласнымъ голосомъ Долговъ.

— Почему вы такъ увѣрены въ этомъ? — спросилъ его генералъ мягко вѣжливымъ теноромъ и въ то же время, наливъ и пододвинувъ Долгову бокалъ шампанскаго, присовокупилъ: — не угодно ли вамъ вина?

— Благодарю! — сказалъ тотъ и залпомъ выпилъ вино, не разбирая даже того, что̀ онъ пьетъ: — съ кѣмъ имѣю я честь говорить? — прибавилъ онъ.

— Я Траховъ, а это господинъ Янсутскій! — отрекомендовалъ генералъ.

— А я Долговъ! — воскликнулъ Долговъ. — Пожаръ оттого...— продолжалъ онъ безъ перерыва: — теперь Герцеговина... тамъ Черногорія... Сербія... Румынія... словомъ, весь славянскій міръ съ Россіей во главѣ...

— Но зачѣмъ же Россіи тутъ ввязываться? — перебилъ его Янсутскій.

— Для того,— закричалъ уже Долговъ: — что это историческое призваніе ея!.. Пришло время рѣзко опредѣляющихъ себя народностей: славяне, германцы, романскія племена, англосаксы. Это выдумалъ Наполеонъ III и предугадалъ.

— Чортъ съ нимъ съ его предугадываніемъ!.. Онъ лучше бы предугадалъ не драться съ нѣмцами, и Франція не поплатилась бы милліардами...— возразилъ Янсутскій.

— Я самъ Наполеона всегда ненавидѣлъ и говорилъ, что онъ ничтожество, что въ немъ капли нѣтъ крови Наполеона Перваго, но въ этомъ онъ правъ: Россія должна обособить славянскій міръ! — кричалъ Долговъ.

— Позвольте-съ! — тоже воскликнулъ не тише его Янсутскій: — какую же выгоду Россія получитъ черезъ это?

— Выгоду торжества духа! — воскликнулъ Долговъ.

— Это вѣрно! — поддакнулъ ему генералъ.

— Но еще восторжествуемъ ли мы?.. Бабушка надвое сказала: либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ!..— не уступалъ Янсутскій.

— Восторжествуемъ!.. Турція — гнилой, разлагающійся трупъ... страна невѣжества... деспотизма... страна узаконеннаго распутства! — валялъ на всѣхъ парахъ Долговъ.

— А мнѣ такъ это узаконенное распутство очень нравится,— подзадоривалъ его Янсутскій: — а вы какъ, ваше превосходительство, полагаете? — отнесся онъ къ генералу.

Тому не совсѣмъ понравился этотъ вопросъ.

— Полагаю, что многоженство есть одно изъ величайшихъ золъ Турціи,— проговорилъ онъ явно недовольнымъ тономъ.

— Но почему, я не вижу! — воскликнулъ Янсутскій.

— Да потому,— старался придумать генералъ: — что оно отнимаетъ у турокъ время, разслабляетъ ихъ умственныя способности, наконецъ безпокоитъ ихъ этими каждодневными, вѣроятно, ссорами въ сералѣ между женами.

— Армія турецкая голодна, не обута, не одѣта... солдаты ихъ возбуждаются только опіумомъ и водкой, а въ душѣ они всѣ трусъ на трусѣ, хвастунъ на хвастунѣ!..— крикнулъ между тѣмъ Долговъ, не слышавшій даже разговора своихъ собесѣдниковъ, какъ совершенно не входящаго въ кругозоръ его собственныхъ мыслей.

— Это неправда!.. совершенная неправда!..— началъ ужъ покрикивать и генералъ: — я съ турками самъ въ севастопольскую кампанію дрался: это храбрѣйшіе солдаты!..

— То было прежде, а теперь въ Турціи все деморализовано и все расшатано! — не унимался Долговъ.

— Но откуда вы это знаете?.. Вы были въ Турціи?.. путешествовали тамъ? — допрашивалъ его Янсутскій.

«Былъ!..» — чуть-было не хватилъ Долговъ, но удержался.

— Я не былъ тамъ, но я читалъ это и слышалъ отъ множества достовѣрныхъ людей! — сказалъ онъ.

— Ну-съ, а я былъ въ славянскихъ земляхъ и въ Турціи, и скажу вамъ достовѣрнѣе вашихъ достовѣрныхъ людей, что турки честный народъ, а славяне, по большей части, плутишки.

У Долгова отъ послѣдней фразы Янсутскаго голосъ даже перехватило.

— Нѣтъ, вы не были тамъ!.. вы это врете! — произнесъ онъ совершенно низовой октавой.

Янсутскій дѣйствительно вралъ: онъ не былъ въ Турціи и только однажды проѣхалъ по желѣзной дорогѣ славянскія земли, и то ночью.

— Вру не я, а вы врете!..— говорилъ онъ, уже вставая и озлобленно засмѣявшись.

Генералу все болѣе и болѣе начинала становиться непріятною эта сцена: онъ ожидалъ, что, чего добраго, спорящіе договорятся до дуэли.

— До свиданья, ваше превосходительство! — сказалъ ему Янсутскій фамильярно.

— Прощайте!..— отвѣтилъ генералъ и въ протянутую руку Янсутскаго положилъ только два пальца.

Съ Долговымъ Янсутскій совершенно не поклонился и ушелъ.

— Всѣхъ этихъ раціональниковъ и близорукихъ консерваторовъ народъ русскій долженъ былъ бы растерзать на части! — вскрикнулъ ему вслѣдъ Долговъ.

Генералъ усмѣхнулся: хоть все говоримое Долговымъ было совершенно то же самое, что̀ говорила и Татьяна Васильевна, чего генералъ, какъ мы знаемъ, переносить равнодушно не могъ, тѣмъ не менѣе Долговъ ему понравился; онъ показался генералу поэтомъ, человѣкомъ съ поэтической душой.

— Когда жена переѣдетъ въ Москву, я попрошу васъ познакомиться съ ней: она очень рада будетъ съ вами побесѣдовать! — сказалъ онъ ему.

— Благодарю... непремѣнно!..— отвѣчалъ Долговъ.

Генералъ поднялся, чтобы уѣхать.

Долговъ проводилъ его до передней.

— Au revoir!..— простился съ нимъ генералъ, привѣтливо кивнувъ головою.

— Я явлюсь къ вашей супругѣ! — повторилъ еще разъ Долговъ, не спросивъ даже, когда супруга генерала переѣдетъ въ Москву и гдѣ она будетъ жить; а затѣмъ онъ пошелъ бродить по заламъ клуба, высматривая себѣ кого-нибудь въ слушатели.

V.

Траховъ прямо изъ Англійскаго клуба проѣхалъ къ Бѣгушеву. Прокофій, отворившій ему дверь, обрадовался генералу. Онъ любилъ, когда барина его посѣщали знатныя особы.

— Дома?..— спросилъ Траховъ.

— У себя-съ... пожалуйте!..— поспѣшно отвѣтилъ Прокофій.

Генералъ пошелъ-было.

— У насъ же живетъ и Аделаида Ивановна,— счелъ за нужное присовокупить Прокофій.

— Ахъ, я очень радъ, что увижу кузину,— говорилъ генералъ, идя въ знакомую ему диванную.

Бѣгушева онъ засталъ играющимъ въ шахматы съ графомъ Хвостиковымъ, который, какъ и на желѣзной дорогѣ, хотѣлъ было удрать, увидавъ Трахова; но удержался, тѣмъ болѣе, что генералъ, поздоровавшись, или, лучше сказать, расцѣловавшись съ Бѣгушевымъ, поклонился и графу довольно вѣжливо. Графъ, съ своей стороны, тоже отвѣтилъ ему, съ сохраненіемъ собственнаго достоинства, почтительнымъ поклономъ.

Всѣ усѣлись.

— А съ вами, кузенъ, живетъ и кузина Аделаида Ивановна? — сказалъ генералъ Бѣгушеву.

— Со мной!..— проговорилъ тотъ.

— Но какъ ея здоровье?

— Такъ себѣ, ничего!.. скрипитъ.

— Мы нынче всѣ скрипимъ кое-какъ!..— произнесъ генералъ, проведя рукой по животу своему, и при этомъ парижскіе бульвары припомнились ему во всей своей прелести.

— Именно всѣ скрипимъ!..— подтвердилъ графъ Хвостиковъ, не могшій удержаться, чтобы не заговорить съ Траховымъ; а потомъ, говоря правду, онъ и скрипѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо; денежныя обстоятельства его были даже болѣе обыкновеннаго плохи; изданіе газеты съ Долговымъ окончательно не удалось; та газета, гдѣ онъ фельетонствовалъ, отказала ему за то, что онъ сильно налгалъ въ одномъ изъ фельетоновъ, и его даже тянули въ судъ за оскорбленіе.

— Какъ поживаетъ ваша жена? — спросилъ Бѣгушевъ, чтобы о чемъ-нибудь заговорить съ кузеномъ.

— Благодарю!.. — отвѣчалъ генералъ: — она нынѣшнюю зиму думаетъ мѣсяца на два, на три совсѣмъ переѣхать въ Москву.

— Это ради чего? — воскликнулъ Бѣгушевъ.

— Ради того, что она въ Петербургѣ очень скучаетъ!.. Ей тамъ дышать нравственно нечѣмъ! — объяснилъ генералъ.

— А Тюменевъ опять сталъ бывать у васъ? — проговорилъ Бѣгушевъ съ нѣкоторой насмѣшкой.

— Рѣдко!.. Камешекъ раздора съ той и съ другой стороны брошенъ.

— Чѣмъ же въ Москвѣ будетъ нравственно жить Татьяна Васильевна? — пожелалъ узнать Бѣгушевъ.

— Тѣмъ, чему я сейчасъ былъ свидѣтелемъ въ Англійскомъ

клубѣ: тутъ такой горячій споръ шелъ о славянахъ и о Турціи, а теперь въ этомъ, какъ выражается Татьяна Васильевна, вся поэзія ея жизни...

— Между кѣмъ былъ споръ?.. — полюбопытствовалъ уже графъ Хвостиковъ.

— Между Янсутскимъ и Долговымъ!

— Долговъ, конечно, былъ за славянъ? — подхватилъ графъ.

— Долговъ за славянъ, а Янсутскій за турокъ!

Графъ Хвостиковъ пожалъ плечами.

— Только такой человѣкъ, какъ Янсутскій, можетъ быть за турокъ, — сказалъ онъ.

— Это тоже въ какомъ смыслѣ,—замѣтилъ генералъ:—Долговъ говоритъ, напримѣръ, что турки трусы; это вздоръ, а Янсутскій увѣряетъ, что славяне плуты...

— Охота вамъ повторять, что говорятъ Янсутскіе, да и Долговъ, пожалуй! — произнесъ съ досадою Бѣгушевъ.

— Это такъ: сегодня я убѣдился вполнѣ, что Янсутскій болтунъ и сплетникъ большой... Про эту бывшую madame Олухову онъ такихъ мнѣ невѣроятныхъ вещей насказалъ...— говорилъ генералъ.

При имени Олуховой Бѣгушевъ немного вспыхнулъ.

— Какихъ же именно невѣроятныхъ? — спросилъ графъ Хвостиковъ.

— Онъ утверждалъ, что она должна разориться совершенно: она тамъ... я не понялъ даже хорошенько... приняла какое-то наслѣдство послѣ мужа, а тотъ банкротъ, и ей придется отвѣчать за его долги.

Графъ Хвостиковъ хотѣлъ-было что-то такое возразить генералу; но въ это время по дому раздалось бѣганье, затѣмъ шлепанье башмаковъ и въ заключеніе лай, по крайней мѣрѣ, пяти собачьихъ голосовъ.

— Qu'est ce que cela? — сказалъ генералъ.

— Это сестра пріѣхала со своими собаками изъ старушечьяго маскарада, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— А, понимаю! — произнесъ генералъ: — милая Аделаида Ивановна до сихъ поръ не утратила своей страсти къ собакамъ?

— За неимѣніемъ другихъ страстей хранитъ пока эту!..— сказалъ Бѣгушевъ.

Вскорѣ въ диванную предстала Маремьяша, красная, пылающая и издающая изъ себя легкій паръ, пропитанный запахомъ березовыхъ вѣниковъ. Она доложила, что Аделанда Ивановна, узнавъ, что у Александра Ивановича кузенъ ихъ, генералъ Траховъ, умоляетъ его прійти къ ней, чтобы поскорѣй на него взглянуть.

Генералъ на это приглашеніе немедля отправился въ сопровожденіи Маремьяши въ отдѣленіе Аделаиды Ивановны, которое, чѣмъ долѣе жила въ немъ старушка, все болѣе и болѣе принимало оригинальный или почти историческій характеръ: оно состояло изъ маленькаго, крытаго шатромъ и освѣщаемаго цвѣтнымъ фонаремъ прохода; потомъ очень большой комнаты, изъ которой одна дверь, краснаго дерева, вела въ спальню Аделаиды Ивановны, а другая, совершенно ей подобная, прикрывала собой шкапъ, хранящій маленькую библіотеку mademoiselle Бѣгушевой. Библіотека эта исключительно состояла изъ книгъ духовнаго содержанія и изъ множества альбомовъ, въ которыхъ были и стихи, и проза, и наклеенные засохшіе цвѣтки, и рисунки акварелью, карандашомъ, перомъ. Мебель вся была во вкусѣ ренессансъ и довольно покойная. Запахъ одеколона наполнялъ всю комнату. Стѣны почти сплошь были увѣшаны картинами въ потускнѣлыхъ золотыхъ рамахъ. Прежде всего кидался въ глаза огромный портретъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда-то изъ своихъ рукъ возложившей на Аделаиду Ивановну, при выпускѣ ея изъ Смольнаго монастыря, шифръ первой ученицы. Далѣе тоже довольно большой портретъ суроваго на видъ старика въ генеральскомъ екатерининскихъ временъ мундирѣ, съ подзорной трубкой въ рукѣ и съ развернутою передъ нимъ картою; это былъ прадѣдъ Бѣгушевыхъ. Направо отъ него висѣлъ портретъ матери Аделаиды Ивановны, дамы съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и съ буклями на вискахъ, а налѣво головка совершенно ангелоподобной дѣвочки; то была сестра Аделаиды Ивановны, умершая въ дѣтствѣ. Надъ диваномъ, на которомъ старушка по преимуществу сидѣла, красовался, почти въ натуральную величину, фотографическій снимокъ Александра Ивановича, очень похожій на него, но въ то же время весь какой-то черный, а также виднѣлись зимній русскій пейзажъ, изображающій, какъ отецъ Бѣгушева, окруженный крѣпостными охотниками, принималъ медвѣдя на рогатину, и другой, уже лѣтній пейзажъ, представляющій ихъ главную, родовую усадьбу съ садомъ, съ рѣкой, съ мельницей и церковью вдали. Все это Аделаида Ивановна отчасти привезла съ собой, а частью собрала изъ другихъ комнатъ братнина дома. Кромѣ картинъ она перетащила къ себѣ много и другихъ вещей, дорогихъ ей по воспоминаніямъ; такъ, напримѣръ: на подзеркальномъ столикѣ, выложенномъ бронзою, помѣщались у нея стариннѣйшіе сфероидальной формы часы съ стоящимъ надъ ними Сатурномъ, подъ ногами котораго качался маятникъ; нѣсколько выступовъ

изразцовой печи были устланы фарфоровыми куколками пастушковъ, пастушекъ, французскаго гренадера, опирающагося на ружье, босоногаго франциscанца и даже русскаго мужичка съ балалайкой въ рукѣ.

При появленіи генерала произошелъ весьма пустой случай, но который ужасно сконфузилъ Аделаиду Ивановну: едва только Траховъ переступилъ порогъ, какъ сидѣвшій въ клѣткѣ попугай тарарахнулъ яснымъ и отчетливымъ образомъ: «дуракъ!».

Генералъ сначала попятился-было назадъ; но потомъ сообразилъ:

— Это вашъ попка такъ меня привѣтствуетъ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, онъ пренесносный; я велю скоро его продать,—говорила Аделаида Ивановна, не знавшая, что̀ дѣлать и куда глядѣть.

«Дуракъ!»—повторилъ еще разъ попугай, когда хозяйка и гость уже усѣлись.

Маремьяша, чтобы заставить замолчать глупую птицу, поспѣшила накинуть покрышку на клѣтку попугая.

— Извините меня, мой другъ, хоть вы и видите, какая я,— говорила Аделаида Ивановна, собравшаяся нѣсколько съ духомъ и показывая на себя: она дѣйствительно была въ спальномъ капотѣ, ночномъ чепцѣ и пылала не меньше своей горничной: — но мнѣ такъ хотѣлось васъ видѣть, — проговорила она.

— И я, кузина, желалъ васъ видѣть! — говорилъ генералъ: — а вы тутъ отлично помѣстились, — присовокупилъ онъ, невольно обративъ вниманіе на семейно-историческое убранство комнатъ Аделаиды Ивановны.

— Ахъ, какъ отлично, какъ безподобно!.. — полувоскликнула она: — Александръ, вы знаете, онъ хоть и серьезенъ, но ангелъ доброты!.. Одно, что хвораю я все послѣднее время; брату ужъ и не говорю, а хвораю!

— За границу бы вы, кузина, съѣздили и полѣчились тамъ,— посовѣтовалъ ей генералъ, полагавшій, что какъ только пустятъ человѣка за границу, такъ онъ и выздоровѣетъ непремѣнно, что̀ лично съ генераломъ въ самомъ дѣлѣ и случалось.

— Не на что, cousin, состояніе мое совершенно разстроилось, — отвѣчала Аделаида Ивановна.

— Какимъ образомъ? — спросилъ генералъ съ удивленіемъ.

— Деньги всѣ выпросили у меня мои друзья, а теперь мнѣ и платятъ понемножку!.. — посмягчила - было свое положеніе Аделаида Ивановна.

— Ничего вамъ, сударыня, не платятъ, — уличила ее Ма-

ремьяша, стоявшая около Аделаиды Ивановны и намачивавшая ей по временамъ одеколономъ голову.

Генералу немножко не понравилось вмѣшательство въ разговоръ горничной.

— Но кто жъ именно эти друзья ваши? — отнесся онъ къ Аделаидѣ Ивановнѣ.

— Первый — князь Мамелюковъ!.. Вы знаете, cousin, какая почти родственная любовь существовала между нашими семействами: я его воспринимала отъ купели, хотя и была еще молоденькой дѣвушкой!.. Какъ мнѣ совѣстно тогда было... — И старушка, махнувъ рукой, еще болѣе покраснѣла, а Миодора поспѣшила налить ей на голову цѣлую пригоршню одеколона: — князь мнѣ долженъ сорокъ тысячъ и не платитъ: мнѣ это такъ удивительно!

Генералъ нахмурился.

— И мнѣ тоже: князь богатый человѣкъ!.. — проговорилъ онъ.

— Очень богатый!.. Братъ схлопоталъ-было, чтобы съ князя взыскалъ судъ... каково мнѣ это было, посудите, кузенъ!.. Князь точно что очень испугался суда и уѣхалъ за границу..

Генералъ продолжалъ быть нахмуреннымъ.

— Все это тѣмъ болѣе непріятно слышать, что князь у меня и служитъ, — проговорилъ онъ.

— О, тогда, cousin, попросите его, чтобы онъ хоть часть мнѣ заплатилъ... vous comprenez, что мнѣ тяжело жить все и во всемъ на счетъ брата... Конечно, Александръ ангелъ: онъ мнѣ ни въ чемъ не отказываетъ; но какъ бы то ни было, меня это мучитъ...

— Je comprends très bien!.. — подхватилъ генералъ, хорошо вѣдавшій, какъ тяжело иногда бываетъ жить на чужія деньги, даже на деньги жены. — Я не попрошу князя, а прикажу ему заплатить вамъ!.. — заключилъ онъ рѣшительнымъ тономъ.

— Пожалуйста! — проговорила старушка и затѣмъ сказала своей горничной: — ты, Маремьяша, можешь итти пить чай.

Та не совсѣмъ охотно воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ: ее очень интересовалъ начавшійся разговоръ о должникахъ барыни.

— Я нарочно Маремьяшу услала, — продолжала Аделаида Ивановна лукавымъ голосомъ: — она и братъ Александръ непремѣнно хотятъ посадить князя въ тюрьму... Вы его попугайте, что вотъ что̀ ему угрожаетъ... Пусть бы онъ хоть часть мнѣ уплатилъ, а остальное я подожду.

— Напишу и непремѣнно заставлю его заплатить вамъ! — повторилъ генералъ.

По натурѣ своей онъ былъ очень услужливый человѣкъ и стремился каждому сдѣлать пріятное; но только въ результатѣ у него почти всегда выходило, что онъ никому ничего не дѣлалъ.

— Я вамъ, cousin, признаюсь еще въ одномъ, — пустилась въ откровенности Аделаида Ивановна: — мнѣ тоже должна довольно порядочную сумму сотоварка моя по Смольному монастырю, сенаторша Круглова. Она сначала заплатила мнѣ сто рублей!.. Меня это, натурально, нѣсколько огорчило... Послѣ того она сама пріѣхала ко мнѣ больная, расплакалась и привезла въ уплату триста рублей, умоляя отсрочить ей прочій долгъ на пять лѣтъ, я и отсрочила!..

Проговоря послѣднія слова, старушка грустно разсмѣялась.

— Это напрасно!.. напрасно! — замѣтилъ ей генералъ.

— Теперь ужъ и сама каюсь, но что жъ дѣлать?—продолжала Аделаида Ивановна: — только вы, Бога ради, не скажите объ этомъ нашемъ разговорѣ брату: это его очень разсердитъ и обезпокоитъ.

— Для чего жъ я ему стану говорить! — произнесъ генералъ, уже слегка позѣвнувъ отъ бесѣды съ кузиной, и затѣмъ, распрощавшись съ ней, возвратился къ Бѣгушеву. Тамъ онъ нашелъ бутылку шампанскаго и вазу съ грушами-дюшесъ: Бѣгушевъ зналъ, чѣмъ угощать кузена!

— Ваше превосходительство, вы, какъ европеецъ, конечно, не пьете чаю, — сказалъ онъ.

— Терпѣть его не могу, — отвѣчалъ Траховъ.

— А потому не угодно ли вамъ сего благороднаго напитка,— продолжалъ Бѣгушевъ, наливая стоявшіе на столѣ три стакана.

— Сегодня я много пилъ! — отнѣкивался-было сначала генералъ, но потомъ жадно и залпомъ выпилъ весь стаканъ; графъ Хвостиковъ и Бѣгушевъ также послѣдовали его примѣру.

Снова повторено было наполненіе стакановъ, и такимъ образомъ бутылки какъ бы не бывало. Хозяинъ велѣлъ подать новую. Траховъ, попробовавъ груши, воскликнулъ:

— Хоть бы въ Парижѣ такія груши!

— Въ Парижѣ нѣтъ такихъ, — подхватилъ Хвостиковъ.

Выпитая затѣмъ еще бутылка окончательно воодушевила бесѣдующихъ.

— Знаете, cousin, — началъ вдругъ генералъ: — если у насъ начнется война, я непремѣнно пойду: мнѣ смертельно надѣла моя полуштатская и полувоенная служба.

— Всѣмъ надобно итти, всѣмъ! — рѣшилъ графъ.

— А вы, cousin, не тряхнете стариной, не пойдете? Вамъ надобно послужить еще отечеству! — продолжалъ генералъ.

— Можетъ-быть, пойду, — отвѣчалъ Бѣгушевъ протяжно и какой-то совершенно низовой октавой.

Послѣ того разговоръ перешелъ на скандалезные анекдоты, которыхъ графъ Хвостиковъ зналъ множество и передавалъ ихъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Траховъ хохоталъ до слезъ, Бѣгушевъ тоже посмѣивался, между тѣмъ спрошена была еще бутылка, выпита; словомъ, и старики куликнули порядочно. Траховъ наконецъ тяжело поднялся со стула, чтобы ѣхать домой. Графъ Хвостиковъ напросился проводить его и, конечно, провезъ генерала куда-нибудь въ недоброе мѣсто. Бѣгушевъ остался въ грустно-сентиментальномъ настроеніи. Онъ думалъ о Домнѣ Осиповнѣ. «Что, если это разореніе, о которомъ говорили, въ самомъ дѣлѣ постигнетъ ее? Она не перенесетъ этого. Бѣдная, бѣдная»,—разсуждалъ Бѣгушевъ, и какъ ему досадно было, что онъ, подъ вліяніемъ чисто каприза, разошелся съ ней и тѣмъ погубилъ ее и себя!.. Закравшаяся мысль итти на войну, буде она разгорится, стала ему казаться единственнымъ исходомъ изъ своего мучительнаго и безцѣльнаго существованія.

Графъ Хвостиковъ, возвратившіися домой почти на утрѣ, тоже думалъ о Домнѣ Осиповнѣ, но только совершенно противоположное; ему нетерпѣливо хотѣлось передать ей, что благовѣстилъ про ея дѣла Янсутскій. Желаніе это онъ исполнилъ на слѣдующее утро. Доступъ къ Домнѣ Осиповнѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, сдѣлался еще труднѣе: графа сначала опросилъ швейцаръ и далъ знать звонкомъ о прибывшемъ гостѣ наверхъ, оттуда сошедшій лакей тоже опросилъ графа, который на всѣ эти разспросы отвѣчалъ терпѣливо: онъ привыкъ дожидаться въ передняхъ! Извѣщеніе о пріѣздѣ графа пришло въ довольно поэтическую для Домны Осиповны минуту: она сидѣла въ кабинетѣ у мужа на диванѣ, рядомъ съ нимъ, и держала его руку въ обѣихъ рукахъ своихъ; взоръ ея дышалъ нѣжностью и томностью. Перехватовъ только-что вернулся съ практики и былъ замѣтно утомленъ.

— Графъ Хвостиковъ? — переспросила гордо Домна Осиповна доложившаго ей лакея.

Тотъ почтительнымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ свое донесеніе.

— Пускай войдетъ!.. — сказала почти презрительно Домна Осиповна лакею и, когда тотъ ушелъ, она выпрямилась на

диванѣ и приняла величественную позу, а докторъ, очень довольный, кажется, что освободилъ свою руку изъ рукъ супруги, пересѣлъ къ своему письменному столу, уставленному богатыми принадлежностями.

Графъ явился, какъ самый преданнѣйшій и доброжелательствующій другъ дома, и принесъ тысячу извиненій, что такъ давно не бывалъ. Хозяева отвѣчали ему улыбками, а Перехватовъ, сверхъ того, пододвинулъ ему слегка стулъ и, когда графъ сѣлъ, онъ предложилъ ему изъ своей черепаховой, отдѣланной золотомъ сигарочницы высокоцѣнную сигару.

— Но не обезпокою ли я Домны Осиповны?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ, я сама курю!.. Jean, дай мнѣ огня!—сказала та нѣжно-повелительно мужу.

Перехватовъ подалъ ей огня, а затѣмъ, закуривъ свою сигару, передалъ спичечницу графу Хвостикову.

Вскорѣ довольно сильный дымъ отъ зажегшихся любимцевъ современнаго человѣчества наполнилъ комнату.

— Вы все еще существуете у Бѣгушева?—спросила Домна Осиповна Хвостикова.

Перехватовъ сдѣлалъ недовольную мину: онъ не любилъ, когда Домна Осиповна почему бы то ни было упоминала имя Бѣгушева. Графъ тоже обидѣлся употребленнымъ ею глаголомъ: *существуете*.

— Съ нимъ живу, — отвѣчалъ онъ, думая про себя: «Погодите, madame, я сейчасъ вамъ поднесу букетъ, не совсѣмъ пріятно для васъ благоухающій!..»

— Онъ, говорятъ, все спитъ теперь,—сказала насмѣшливо Домна Осиповна: ей на-дняхъ разсказалъ мужъ, что Бѣгушевъ только и дѣлаетъ, что ѣстъ, пьетъ и спитъ.

— Ему нѣкогда все спать; у насъ очень много бываетъ...— возразилъ графъ.

— Кто жъ именно?.. — спросила величественно Домна Осиповна.

— Многіе! — отвѣчалъ графъ, тоже не безъ величія откидываясь на спинку креселъ и пуская синеватую струю дыма отъ сигары:—вчера у насъ цѣлый вечеръ сидѣлъ его cousin, генералъ Траховъ, который, между прочимъ, разсказалъ, что ему въ клубѣ говорили, будто бы надъ вами по долгамъ покойнаго старика Олухова виситъ банкротство, для чего я и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы предупредить васъ...

Послѣднія слова Хвостиковъ адресовалъ прямо къ Домнѣ Осиповнѣ.

Та первоначально переглянулась съ мужемъ, потомъ засмѣялась.

— Что̀ за пустяки такіе: генералъ Траховъ разсказываетъ, что надо мной виситъ банкротство!..—произнесла она.

Но Перехватовъ не смѣялся; онъ еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ слышалъ отъ одной дружественной ему дамы, которую онъ давнымъ-давно лѣчилъ, легкіе намеки на нѣчто подходящее къ этой непріятной новости.

— Интереснѣе всего знать,—продолжала Домна Осиповна, сохраняя со свойственною ей твердостью присутствіе духа:—кто первый выдумалъ и повѣсилъ надо мной банкротство, не Траховъ же, который меня совершенно не знаетъ?

— Конечно, не Траховъ,—отвѣчалъ Хвостиковъ.

— Можетъ-быть, Бѣгушевъ говоритъ это про меня? — продолжала Домна Осиповна.

— Бѣгушевъ не только этого, но и ничего теперь про васъ не говоритъ!—уязвилъ ее графъ Хвостиковъ.

— Въ такомъ случаѣ Янсутскій? — подхватила Домна Осиповна.

— Вотъ это такъ, отгадали; онъ повѣдалъ объ этомъ Трахову,—подтвердилъ графъ.

Домна Осиповна злобно, но, повидимому, искренно усмѣхнулась: Перехватовъ тоже улыбнулся.

— Теперь это понятно!—произнесли они оба въ одинъ голосъ.

Въ отвѣтъ на это графъ Хвостиковъ имѣлъ въ своемъ лицѣ выраженіе невиннаго агнца, ничего не понимающаго, и, поднеся такимъ образомъ Домнѣ Осиповнѣ букетъ, не совсѣмъ пріятно для нея благоухающій, уѣхалъ.

Супруги, оставшись вдвоемъ, вскорѣ пошли обѣдать. Каждый изъ нихъ старался показать, что новость, сообщенную графомъ Хвостиковымъ, считаетъ за совершеннѣйшій вздоръ; но въ то же время у Домны Осиповны сразу пропала нѣжность и томность во взорѣ; напротивъ: онъ сдѣлался сухъ и черствъ; румяное и почти всегда улыбающееся лицо доктора тоже затуманилось, и за обѣдомъ онъ не такъ много поглотилъ сладкаго, какъ обыкновенно поглощалъ. Вставъ изъ-за стола, Перехватовъ велѣлъ закладывать карету, чтобы ѣхать по визитамъ, чего онъ никогда почти не дѣлалъ и выѣзжалъ обыкновенно изъ дому часовъ въ восемь вечера.

— Ты куда такъ рано?—спросила его Домна Осиповна.

— Заѣду въ клубъ, чтобы узнать тамъ, что̀ такое это за болтовня!—сказалъ Перехватовъ.

Домна Осиповна на этотъ разъ не кнюксила и не упрашивала мужа, чтобы онъ посидѣлъ еще съ ней и не спѣшилъ къ своимъ больнымъ.

— Да, поѣзжай и узнай, пожалуйста!.. Я предчувствую, что

многое тутъ надобно будетъ предпринять!.. — проговорила она.

Докторъ ничего ей не отвѣтилъ и уѣхалъ.

У Домны Осиповны дѣйствительно многое тѣснилось въ головѣ: состояніе дѣда она точнымъ образомъ не знала, а слышала только, что онъ очень богатый человѣкъ. Главноуправляющаго по имѣніямъ въ Сибири Домна Осиповна нѣсколькими письмами вызывала къ себѣ, однако тотъ, подъ разными предлогами, не являлся, и очень возможно было, что совсѣмъ не явится къ ней. Послать какого-нибудь адвоката въ Сибирь Домна Осиповна боялась, такъ какъ въ послѣднее время къ ней со всѣхъ сторонъ доходили повѣствованія о томъ, какъ адвокаты обманываютъ своихъ кліентовъ, и особенно женщинъ, что отчасти она испытала и на себѣ, въ лицѣ Грохова. Самой ѣхать въ Сибирь? Но ея здоровье, и безъ того уже потрясенное разными житейскими волненіями, пожалуй, не выдержитъ; кромѣ того, Домна Осиповна считала невозможнымъ оставить и мужа, котораго она ревновала, какъ сама выражалась, ко всѣмъ его противнымъ дамамъ.

Вообразивъ все это, Домна Осиповна начала плакать и нисколько не старалась пересилить въ себѣ начинающуюся истерику, что она дѣлала первые мѣсяцы по выходѣ замужъ. Она хотѣла хорошенько напугать мужа, чтобы онъ прiискалъ человѣка, котораго можно было бы отправить въ Сибирь: ему легче это сдѣлать; у него знакомыхъ пропасть; а то пусть и самъ ѣдетъ въ Сибирь: у него все-таки не будетъ тамъ паціентовъ. Перехватовъ, сидя въ своей щегольской каретѣ, тоже былъ въ весьма безпокойномъ настроеніи духа: «Чортъ знаетъ этихъ купцовъ, — размышлялъ онъ: — сегодня у него милліоны, а завтра ничего!». Пріятная перспектива открывалась умственному взору красиваго врача: разоренная супруга, подержаная, больная, капризная и ревнивая!

VI.

Дня черезъ два, черезъ три, Бѣгушевъ, по обыкновенію, вышелъ довольно рано изъ дому, чтобы бродить по Москвѣ. Проходя мимо своей приходской церкви, онъ встрѣтилъ выходящаго изъ нея священника, только-что кончившаго обѣдню.

— Здравствуйте! — пробасилъ тотъ, протягивая Бѣгушеву руку.—Вотъ вы желали помогать бѣднымъ, — продолжалъ священникъ тѣмъ же басовымъ и монотоннымъ голосомъ:—вчер.

я ходилъ причащать одну даму... вѣроятно, благороднаго происхожденія, и живетъ она, умирающая, безъ всякой помощи и средствъ, у поганой некрещеной жидовки.

— А въ какомъ это домѣ? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Въ большомъ угольномъ домѣ, противъ части, въ подвальномъ этажѣ.

Бѣгушевъ, поблагодаривъ священника за извѣстіе, прямо отправился въ указанный ему домъ. Онъ очень былъ доволенъ возможности найти существо, которому пріятно будетъ ему помогать. Въ этихъ стремленіяхъ преслѣдовать злыхъ и помогать именно несчастнымъ людямъ въ Бѣгушевѣ отражалось чисто-прирожденное ему рыцарство характера: онъ еще въ школѣ всегда заступался за слабыхъ и смиренькихъ товарищей и тузилъ немилосердно, благодаря своей силѣ и мощности, нахаловъ, буяновъ и подлецовъ: затрещины, которыя онъ имъ задавалъ, носили даже особое названіе: «бѣгушевская затрещина».

Чтобы пробраться въ подвальный этажъ бѣлаго угольнаго дома, надобно было пройти черезъ дворъ, переполненный всякаго рода зловоніями, мусоромъ, грязью, и спуститься ступеней десять внизъ, что сдѣлавъ, Бѣгушевъ очутился въ совершенной темнотѣ и, схвативъ наугадъ первую попавшуюся ему подъ руку скобку, дернулъ дверь къ себѣ. Та отворилась, издавъ рѣзкій, дребезжащій звонокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ шлепнулся стоящій у дверей и умѣвшій еще только ходить около стѣнъ, черномазый, курчавый жиденокъ и заревѣлъ благимъ матомъ. Сверхъ того Бѣгушеву невольно, сквозь слабо мерцающій свѣтъ въ комнатѣ, показался лежащій въ углу, въ навозной кучѣ, маленькій ягненочекъ, приготовляемый, вѣроятно, къ торжеству агнца пасхальнаго. На раздавшійся ревъ и звонокъ выскочила тоже курчавая, черноволосая и грязная жидовка. Схватывая ребенка на руки, она прокричала визгливымъ голосомъ:

— Кого вамъ надо?

— У васъ тутъ одна больная дама живетъ?.. Я хочу ее видѣть!

— Она вонъ тутъ, въ этой комнаткѣ лежитъ... — отвѣчала гораздо вѣжливѣй жидовка и зажимая ребенку роть, чтобы онъ не оралъ.

Несмотря на темноту въ комнатѣ, дочь Израиля разсмотрѣла на Бѣгушевѣ дорогое пальто и поняла тотчасъ, что это, должно-быть, важный господинъ.

— Я ужъ, сударь, не знаю, что мнѣ съ ней и дѣлать, — продолжала она:—хоть въ полицію объявлять; живетъ третій

мѣсяцъ, денегъ мнѣ не платитъ... Умретъ, на что мнѣ ее хоронить... Пусть ее берутъ, куда хотятъ!

— Вамъ все заплатятъ... — сказалъ Бѣгушевъ и подалъ жидовкѣ десять рублей.

Точно кошка рыбью головку, подхватила жидовка своими костлявыми пальцами деньги.

— На этомъ, сударь, благодарю васъ покорно! — воскликнула она.

По-русски дочь Израиля, какъ мы видимъ, говорила почище любой великорусской торговки: у ней звяканья даже въ произношеніи никакого не чувствовалось.

— Пожалуйте, сударь, вотъ тутъ порожекъ маленькій, не оступитесь!.. — разсыпалась она передъ Бѣгушевымъ, вводя его въ комнату больной жилицы, гдѣ онъ увидѣлъ... чему сначала глазамъ своимъ не повѣрилъ... увидѣлъ, что на худой кроватишкѣ, подъ дырявымъ, изношеннымъ бурнусомъ, лежала Елизавета Николаевна Мѣрова; худая она была, какъ скелетъ; на лицѣ ея виднѣлось тупое отчаяніе.

— Бѣгушевъ! — воскликнула она, взмахнувъ на него все еще хорошенькіе свои глазки.

— Елизавета Николаевна, давно ли вы въ Москвѣ?—говорилъ тотъ, самъ не сознавая хорошенько, что̀ такое онъ говоритъ.

— Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Зачѣмъ?—спрашивала Мѣрова, горя вся въ лицѣ.

Бѣгушевъ молчалъ

— А, чтобы посмѣяться надо мной!.. Полюбопытствовать, въ какомъ я положеніи... Написать объ этомъ другу вашему Тюменеву!.. Хорошо, Александръ Ивановичъ, хорошо!.. Спасибо вамъ!..

И Мѣрова, упавъ лицомъ на подушку, зарыдала.

У Бѣгушева сердце разрывалось отъ жалости.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать, что отецъ вашъ живетъ у меня!..—проговорилъ онъ, опять-таки не зная, зачѣмъ онъ это говоритъ.

— Отецъ мой... у васъ?.. — спросила Мѣрова, приподнявшись съ подушки.

— У меня, — съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Петербурга.

Мѣрова поникла головой.

— Тюменевъ прогналъ его, я это предчувствовала...—проговорила она.

Бѣгушевъ между тѣмъ сѣлъ на ближайшій къ ней стулъ.

— Вотъ что̀, голубушка,—началъ онъ и слегка положилъ было свою руку на руку Мѣровой.

— Не дотрагивайтесь до меня!.. Это невозможно! — воскликнула она, какъ бы ужаленная и затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

— Хорошо!.. — проговорилъ Бѣгушевъ, отнимая руку. — Я теперь пойду домой и предувѣдомлю поосторожнѣй вашего отца, и мы перевеземъ васъ на хорошую, удобную квартиру.

Сначала Мѣрова слушала молча и довольно спокойно, но на послѣднихъ словахъ опять встрепенулась.

— Нѣтъ, Бѣгушевъ, не на квартиру, а въ больницу... Я не стою большаго... — произнесла она.

— Если хотите, и въ больницу! — не спорилъ съ ней Бѣгушевъ и поднялся, чтобы поскорѣе возвратиться домой и послать графа къ дочери.

— Вы уже уходите?—произнесла Мѣрова, и глаза ея мгновенно, какъ бываетъ это у дѣтей, наполнились слезами.—Зачѣмъ же тогда и приходили ко мнѣ? — присовокупила она почти отчаяннымъ голосомъ.

— Я останусь, когда вы желаете этого!.. — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— Да...—почти приказала ему Мѣрова.

Несмотря на то, что у Елизаветы Николаевны, за исключеніемъ хорошенькихъ глазокъ и роскошныхъ густыхъ волосъ, никакихъ уже прелестей женскихъ не существовало, но она, полураздѣтая, полуоборванная, произвела сильное раздражающее впечатлѣніе на моего пожилого героя, и странное дѣло: по своимъ средствамъ Бѣгушевъ, конечно, давно бы могъ половину театральнаго кордебалета побѣдить, однако онъ ни на кого изъ тамошнихъ гурій и не глядѣлъ даже, а на Мѣрову *глядѣлъ*.

— Мильшинскій этотъ, помните, — сказала вдругъ она: — въ тюрьмѣ сидитъ!

— За что?

— Укралъ казенныя деньги въ банкѣ. Хорошо, что я тогда, какъ пріѣхала съ нимъ въ Кіевъ, такъ и бросила его; а то сказали бы, что онъ на меня ихъ промоталъ...— проговорила Мѣрова.

Но гдѣ она потомъ жила и, вѣроятно, съ кѣмъ-нибудь жила, Бѣгушевъ старался какъ бы забыть и не думать объ этомъ.

Елизавета Николаевна отъ напряженія при разговорѣ сильно раскашлялась. Бѣгушевъ, чтобы не дать ей возможности затруднять себя, началъ самъ ей разсказывать.

— А здѣсь безъ васъ много новостей случилось...

— Какія?—спросила Мѣрова.

— Самая крупная та, что мужъ Домны Осиповны пьяный

оборвался съ третьяго этажа изъ окна и расшибся до смерти.

Мѣрова широко раскрыла свои хорошенькіе глазки.

— Для чего онъ оборвался? — спросила она съ удивленіемъ.

— Это его спросить надобно!

— А Домна Осиповна огорчена была этимъ?

— Не знаю, слышалъ только, что получила отъ него въ наслѣдство все состояніе.

— Ну, да, непремѣнно!..—подхватила Мѣрова:—она всегда мечтала о томъ, чтобы какъ-нибудь себѣ въ ручку хапъ!.. хапъ!.. Впрочемъ, это и лучше!..

Проговоря послѣднія слова, Елизавета Николаевна вдругъ обѣими руками взяла себя за лѣвый бокъ и стала метаться на постели.

— Что такое съ вами? — спросилъ ее испугавшійся Бѣгушевъ.

— Тутъ очень болитъ, точно ножами рѣжетъ, — отвѣчала она.

— И давно вы чувствуете эту боль?

— Давно, но нынче она сдѣлалась гораздо сильнѣй... Я въ послѣдній годъ вина очень много пила!..

Такое признаніе Елизаветы Николаевны покоробило Бѣгушева.

— Но что теперь дѣлаетъ Домна Осиповна? — продолжала больная, едва переводя дыханіе.

— Она вышла замужъ за доктора Перехватова, — сказалъ Бѣгушевъ.

Елизавета Николаевна опять приподнялась немного на постели и проговорила:

— Ахъ, она дура этакая, глупѣе меня даже!

— Что жъ тутъ глупаго?—возразилъ Бѣгушевъ:—докторъ молодъ, красивъ, влюбленъ въ нее...

— Нѣтъ, какое красивъ!.. Онъ гадокъ!.. Онъ кучеръ, форейторъ смазливый... Я знала его еще студентомъ, онъ тогда жилъ на содержаніи у одной купчихи и все ѣздилъ на рысакѣ въ двухколескѣ!.. Самъ всегда, какъ мужики это дѣлаютъ, правилъ. Мы тогда жили въ Сокольникахъ на дачѣ и очень всѣ надъ нимъ смѣялись!

— Однако вамъ вредно такъ много говорить! — остановилъ ее Бѣгушевъ.

— Вредно!—сказала Елизавета Николаевна замѣтно ослабнувшимъ голосомъ.—Душенька, поѣзжайте и пришлите ко мнѣ отца. Мнѣ хочется передъ смертью видѣть его.

— Онъ сейчасъ будетъ у васъ,—отвѣчалъ Бѣгушевъ, вставая, и, кивнувъ головой Елизаветѣ Николаевнѣ, хотѣлъ-было уйти, но она вдругъ почти вскрикнула:

— Нѣтъ, поцѣлуйте меня, поцѣлуйте!

Бѣгушевъ наклонился къ ней и съ искреннимъ удовольствіемъ поцѣловалъ ее, но на концѣ поцѣлуя Елизавета Николаевна сильно оттолкнула его отъ себя.

— Ну, будетъ! Не цѣлуйте больше, это нельзя...—говорила она и опять затрепетала всѣмъ тѣломъ.

Въ темной передней Бѣгушева, при его уходѣ, встрѣтила жидовка.

— Что это такое? — спросилъ онъ, когда она совала ему въ руку какую-то бумажку.

— Счетъ на Елизавету Николаевну! Я тутъ копейки лишней не приписала, — говорила жидовка, слышавшая изъ сосѣдней комнатки, какъ ласково и почтительно обращался этотъ знатный господинъ съ ея нищей постоялкой.

Бѣгушевъ взялъ у нея счетъ. Въ продолженіе всего пути до дому лицо его отражало удовольствіе; тысячи самыхъ отрадныхъ плановъ проходили въ его сѣдовласой головѣ: онъ мечталъ, что, какъ только Елизавета Николаевна поправится нѣсколько въ своемъ здоровьѣ, онъ увезетъ ее за границу, въ Италію. Бѣгушевъ самъ лично былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ излѣченій отъ чахотки въ тамошнемъ климатѣ. Елизавета Николаевна молода еще и впала въ болѣзнь свою чисто отъ внѣшнихъ причинъ. Къ этимъ планамъ присоединилась уже... мнѣ совѣстно даже передавать разсудительнымъ и благоразумнымъ читателямъ,—присоединилась мысль жениться на Елизаветѣ Николаевнѣ. Несмотря на то, что онъ зналъ про нее, и то, чего еще не зналъ, но что, вѣроятно, существовало, она, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, казалась ему безконечно выше Домны Осиповны и даже Натальи Сергѣевны. Тѣ обѣ были слишкомъ русскія женщины, очень апатичны, тогда какъ Мѣрова — вся энергія, вся импульсъ! Тюменевъ справедливо думалъ, что Бѣгушевъ останется до конца дней своихъ мечтателемъ и утопистомъ.

Придя домой, герой мой направился наверхъ къ графу Хвостикову, который въ это время, приготовляясь сойти къ обѣду, сидѣлъ передъ зеркаломъ и брился.

Увидѣвъ Бѣгушева, Хвостиковъ исполнился удивленія. Тотъ въ первый еще разъ удостоилъ посѣтить его комнату.

— Александръ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ, спѣша обтереть со щеки мыло.

Бѣгушевъ, не снимая ни пальто ни шляпы, сѣлъ на стулъ,

— Я вамъ принесъ довольно пріятную новость,—я встрѣтилъ вашу дочь, Елизавету Николаевну.

— Гдѣ?—спросилъ графъ и чуть не выронилъ бритвы изъ рукъ: видимо, что это извѣстіе болѣе испугало его, чѣмъ обрадовало.

— Она живетъ тутъ недалеко... въ домѣ Хворостова, въ подвальномъ этажѣ, и очень больна. Вотъ вамъ деньги на уплату ея долга хозяйкѣ; возьмите мою карету и перевезите ее въ самую лучшую больницу,—продолжалъ Бѣгушевъ и подалъ графу и деньги и счетъ.

— Благодѣтель всей нашей семьи! — воскликнулъ графъ Хвостиковъ, вскакивая, и хотѣлъ-было обнять Бѣгушева.

— Пожалуйста, безъ нѣжностей и чувствительностей, — произнесъ тотъ, отстраняя графа рукою: — а гораздо лучше, поѣзжайте сейчасъ въ моей каретѣ и исполняйте то, что я вамъ сказалъ.

— Конечно!.. Конечно!..—согласился графъ и, когда Бѣгушевъ отъ него ушелъ, онъ, наскоро собравшись и одѣвшись, сошелъ внизъ, гдѣ, впрочемъ, увидавъ приготовленныя блага къ обѣду, не могъ удержаться и, выпивъ залпомъ двѣ рюмки водки, закусилъ ихъ огромными кусищами икры и сыру и, захвативъ потомъ съ собою около пятка пирожковъ, отправился. Графъ очень ясно сообразилъ, что матеріальную сторону существованія его дочери Бѣгушевъ обезпечитъ, слѣдовательно въ этомъ отношеніи нечего много безпокоиться; что касается до болѣзни Елизаветы Николаевны, такъ тутъ что жъ, ничего не подѣлаешь, воля Божья! Но какъ бы то ни было, при встрѣчѣ съ ней онъ рѣшился разыграть сцену истерзаннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадованнаго отца, нашедшаго нечаянно дочь свою.

Въѣхавъ съ большимъ трудомъ въ каретѣ на дворъ дома Хворостова, графъ отъ кинувшагося ему въ носъ зловонія поморщился; ему, конечно, случалось живать на отвратительныхъ дворахъ, однако на такомъ еще не приходилось! Найдя, какъ и Бѣгушевъ, случайно дверь въ подвальный этажъ, Хвостиковъ отмахнулъ ее съ тѣмъ, чтобы съ сценически-драматическою поспѣшностью войти къ дочери; но сдѣлать это отчасти помѣшалъ ему лежащій въ передней ягненочекъ, который, при появленіи графа, почему-то испугался и бросился ему прямо подъ ноги. Графъ, вообразивъ, что это собачонка, толкнулъ ягненка въ бокъ, такъ что бѣдняга взлетѣлъ на воздухъ, не произведя, по своей овечьей кротости, никакого даже жалобнаго звука.

Графъ проникъ наконецъ въ комнату дочери и, прямо бросившись къ ней, заключилъ ее въ свои объятія.

— Дочь моя!.. Дочь моя!.. — воскликнулъ онъ фальшиво-трагическимъ голосомъ, но, разсмотрѣвъ наконецъ, что Елизавета Николаевна болѣе походила на трупъ, чѣмъ на живое существо, присовокупилъ искренно и съ настоящими слезами:

— Лиза, другъ мой, что̀ такое съ тобою? Что̀ такое?

Мѣрова, закрывъ себѣ лицо рукой, рыдала.

— Сейчасъ въ карету!.. Я пріѣхалъ за тобой въ каретѣ!.. Одѣвайся, сокровище мое!..—говорилъ графъ, подсобляя дочери приподняться съ постели.

Когда Елизавета Николаевна съ большимъ усиліемъ встала на ноги, то оказалось, что вмѣсто башмаковъ на ней были какіе-то опорки, платьишко она вынула изъ-подъ себя: оно служило ей вмѣсто простыни, но по покрою своему все-таки было щеголеватое.

— Какое у тебя платье ужасное,—тебѣ всего прежде надобно сшить платье,— говорилъ графъ.

— Я, какъ переѣхала сюда, все заложила и продала,— произнесла Елизавета Николаевна, торопливо и судорожно застегивая небольшое число переломленныхъ пуговицъ, оставшихся на лифѣ.

— Но что̀ же сверху?—спросилъ графъ.

Елизавета Николаевна показала на свой худой бурнусишко, сшитый изъ легонькаго лѣтняго трико, а на дворѣ между тѣмъ было сыро и холодно.

— Это невозможно!—воскликнулъ графъ и надѣлъ на дочь сверхъ платья валявшійся на полу ея утренній капотъ, обернулъ ее во всѣ, какія только нашелъ въ комнатѣ, тряпки, завязалъ ей шею своимъ носовымъ платкомъ и, укутавъ такимъ образомъ, повелъ въ карету. Вдругъ выскочила жидовка.

— А что̀ же деньги?—взвизгнула она.

— Заплатятъ! — отвѣчалъ ей графъ, не переставая вести дочь.

— Да когда же заплатятъ?—визжала жидовка.

— Когда захочу!—отвѣтилъ графъ, неторопливо усаживая дочь въ карету.

— Караулъ!..—закричала жидовка.

Разгребавшій грязь дворникъ разсмѣялся при этомъ.

— Вотъ тебѣ твой счетъ и твои деньги! — сказалъ графъ Хвостиковъ, сѣвъ уже въ карету и подавая жидовкѣ то и другое.

Она обмерла: графъ выдавалъ ей только двадцать пять рублей, вмѣсто полутораста, которые жидовка поставила въ счетѣ.

— Что же это такое?—произнесла она съ пѣной у рта.

— А то, — возразилъ ей Хвостиковъ: — что я еще въ Вильнѣ, когда былъ гусаромъ, на вашей братьѣ переѣзжалъ черезъ грязь по улицѣ.

— Заплати ей, папа, заплати!.. — воскликнула дочь и, вырвавъ у отца изъ рукъ еще двадцатипятирублевую бумажку, бросила ее жидовкѣ.

Та подхватила ассигнацію на лету.

— Пошелъ!—крикнулъ графъ кучеру.

Тотъ, съ отвращеніемъ смотрѣвшій на грязную, растрепанную и вѣдьмѣ-подобную жидовку и на ея безобразныхъ, полунагихъ жиденятъ, выскочившихъ изъ своей подвальной берлоги въ количествѣ трехъ-четырехъ существъ, съ удовольствіемъ и быстро тронулъ лошадей.

Жидовка, все еще оставшаяся недовольная платой, схватилась-было за рессору, но споткнулась и упала.

Разгребавшій грязь дворникъ снова засмѣялся. Жидовка, поднявшись на ноги, кинулась на него.

— Ты для чего отпустилъ? Для чего?..—визжала она.

— Отвяжись...—отвѣчалъ ей дворникъ.

— Я не отвяжусь... Вотъ что!.. Не отвяжусь!..—наступала на него жидовка.

— А я тѣ лопатой по рожѣ съѣзжу! — возразилъ ей дворникъ, показывая, въ самомъ дѣлѣ, лопату:—ты не держи на квартирѣ всякой сволочи; а то у тебя, что ни день, то новая прописка жильцовъ.

— Это не сволочь, а благородная дама; ты не ври этого... да!.. не ври!.. — говорила жидовка, спускаясь уже въ свой подвалъ.

Она сообразила, что ей лучше всего отыскать того господина, который первый къ ней приходилъ и котораго она, сколько ей помнилось, видѣла разъ выходящимъ изъ одного большого дома на дворѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, и жилъ. Жидовка рѣшилась отправиться въ этотъ домъ.

Когда графъ Хвостиковъ проѣзжалъ съ дочерью по Театральной площади мимо дома Челышева, Елизавета Николаевна вдругъ закрыла себѣ лицо рукой и зарыдала.

— Лиза, о чемъ это?—спросилъ графъ.

— Я тутъ въ этомъ домѣ и погибла совсѣмъ, папа!..—отвѣчала она, показывая на ту часть дома, которая прилегала къ Кремлевской стѣнѣ.

Графъ не разспрашивалъ болѣе; онъ хорошо понялъ, что хотѣла сказать дочь.

На одной изъ значительныхъ улицъ, передъ довольно боль-

шимъ каменнымъ домомъ графъ велѣлъ экипажу остановиться: тутъ жилъ попечитель той больницы, въ которую онъ вознамѣрился помѣстить дочь. Сказавъ ей, чтобы она сидѣла спокойно, графъ вошелъ въ переднюю попечителя и приказалъ стоявшему тамъ швейцару доложить господамъ, что пріѣхалъ графъ Хвостиковъ *по вопросу о жизни и смерти*. Швейцаръ, или, говоря точнѣе, переодѣтый больничный сторожъ, хоть господа и кушали, пошелъ и отрапортовалъ, что пріѣхалъ какой-то графъ просить о чемъ-то!.. Старикъ-попечитель, совсѣмъ дряхлый, больной и вздрогнувшій при нечаянномъ появленіи швейцара, вмѣсто того, чтобы ложкой, которой онъ ѣлъ супъ, попасть въ ротъ, ткнулъ ею себѣ въ глазъ и облилъ все лицо свое.

— Ахъ, Жоржъ, какъ ты всегда неосторожень! — воскликнула супруга попечителя, очень еще бодрая и свѣжая старуха, и, проворно вставъ со стула, начала мужа обтирать салфеткой.—Пригласи графа,—прибавила она затѣмъ швейцару.

Графъ Хвостиковъ, войдя, прямо обратился къ ней.

— Madame! Вы, какъ женщина, лучше поймете меня, чѣмъ вашъ мужъ!—произнесъ онъ.

Мужъ дѣйствительно врядъ ли что̀ могъ понять: все стараніе было устремлено на то, чтобы какъ-нибудь удержать свою голову въ покоѣ и не дать ей черезчуръ трястись.

— Къ вашимъ услугамъ, monsieur le comte!—отвѣчала попечительша: — не угодно ли вамъ пожаловать въ гостиную и объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло.

Графъ послѣдовалъ за нею.

— Madame!—началъ онъ своимъ трагическимъ тономъ:—я потерялъ-было дочь, но теперь нашелъ ее; она больна и умираетъ... Нанять мнѣ ей квартиру не на что... я нищій... Я молю васъ дать моей дочери помѣщеніе въ вашей больницѣ. Александръ Ивановичъ Бѣгушевъ, благодѣтель нашей семьи, заплатитъ за все!

— Ахъ, cher comte, стоило ли такъ безпокоиться и просить меня; я сейчасъ же напишу предписаніе смотрителю!—проговорила попечительша и, написавъ предписаніе на бланкѣ, отнесла его къ мужу своему скрѣпить подписью. Ветхій деньми попечитель началъ вараксать по бумагѣ перомъ и вмѣсто буквъ ставить какія-то палочки и каракульки, которыя попечительша своей рукой передѣлала въ нужныя буквы и, прибавивъ на верху предписанія: *къ немедленному и точному исполненію*, передала его графу. Она давно уже и съ большимъ успѣхомъ заправляла всей больницей.

Вооружившись этой бумагой, графъ Хвостиковъ прибылъ

въ пріютъ немощствующихъ съ большимъ апломбомъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ смотрителя, замѣтилъ тому, что тотъ черезчуръ долго не являлся, и наконецъ, объявивъ, что онъ графъ Хвостиковъ, отдалъ предписаніе попечителя.

Такой пріемъ графа и самая бумага сильно пугнули смотрителя: онъ немедленно очистилъ лучшую комнату, согналъ до пяти сидѣлокъ, которыя раздѣли и уложили больную въ постель. А о томъ, чѣмъ собственно дочь больна и въ какой мѣрѣ опасна ея болѣзнь, графъ даже забылъ и спросить уже вызваннаго съ квартиры и осмотрѣвшаго ее дежурнаго врача, но какъ бы то ни было, графъ, полагая, что имъ исполнено все, что надлежало, и очень обрадованный, что дочь начала немного дремать, поцѣловалъ ее, перекрестилъ и уѣхалъ.

Чтобы вознаградить себя за свои родительскіе труды, онъ завернулъ въ первый попавшійся ему на пути хорошій ресторанъ, гдѣ наскочилъ на совсѣмъ пьянаго Янсутскаго.

Графъ первоначально не поклонился ему и скромно спросилъ себѣ заурядный обѣдъ съ полбутылкой краснаго вина, но Янсутскій, надоѣвшій своей болтовней всей прислугѣ, самъ подошелъ къ графу.

— Что вы на меня дуетесь?.. за что?..—сказалъ онъ.

— Вы знаете, за что!..—отвѣчалъ ему съ удареніемъ Хвостиковъ.

— Э, повѣрьте, на свѣтѣ все трынъ-трава!—произнесъ Янсутскій, усаживаясь около графа:—выпьемте лучше!.. Шампанскаго!..—крикнулъ онъ.

Графъ, подобно генералу Трахову, очень любилъ шампанское и не могъ отъ него отказаться; усталый и мучимый жаждой, онъ съ величайшимъ наслажденіемъ выпилъ стаканъ шампанскаго, два, три.

— А гдѣ Лиза теперь? — спросилъ вдругъ Янсутскій, наклоняясь немного къ графу.

— Она въ больницѣ и умираетъ,—отвѣчалъ тотъ мрачнымъ голосомъ.

— Эхъ, обидно, чортъ возьми! — воскликнулъ Янсутскій и схватилъ себя за небольшое число оставшихся волосъ на головѣ.—Отдайте мнѣ ее опять—она у меня опять будетъ здорова,—прибавилъ онъ.

— Ни за что, никогда!..—сказалъ рѣшительно и съ благородствомъ графъ:—теперь ужъ я ея никуда отъ себя не пущу.

— Глупо!.. очень глупо!.. Я самъ, впрочемъ, скоро въ трубу вылечу, если не устрою одной штуки; что жъ, ничего! пожито: хоть и спинушкѣ больно, но погулено довольно! — говорилъ

несвязно Янсутскій.—Пойдемте на бильярдѣ играть!—предложилъ онъ потомъ.

Графъ мастерски игралъ на бильярдѣ, о чемъ Янсутскій въ опьянѣніи забылъ.

— Но по какой цѣнѣ мы будемъ играть?—спросилъ Хвостиковъ невиннымъ голосомъ.

— По три рубля за партію,—отвѣчалъ Янсутскій съ обычнымъ ему форсомъ.

Графъ согласился, думая про себя: «Я тебя, каналья, обработаю порядкомъ за всѣ твои гадости и мерзости, которыя ты дѣлалъ противъ меня!»

Пока такимъ образомъ опечаленный отецъ проводилъ свое время, Бѣгушевъ ожидалъ его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; наконецъ, часу въ девятомъ уже, онъ, благодаря лунному свѣту, увидѣлъ въѣзжавшую на дворъ свою карету. Бѣгушевъ сначала обрадовался, полагая, что возвратился графъ, но когда карета, не останавливаясь у крыльца, проѣхала къ сараю, Бѣгушевъ не могъ понять этого и въ одномъ сюртукѣ выскочилъ на морозъ.

— Гдѣ же графъ?—крикнулъ онъ кучеру.

— Въ гостиницѣ у Тверскихъ воротъ остались,—отвѣтилъ тотъ.

— А больная, за которой я его послалъ?

— Больную-съ отвезли въ больницу.

Кучеръ назвалъ больницу.

— Хорошо тамъ ее помѣстили?—разспрашивалъ Бѣгушевъ, не чувствовавшій даже холода.

— Графъ сказалъ, что хорошо, и сначала велѣлъ-было мнѣ дожидаться у гостиницы, а опосля вышли и сказали, чтобъ я ѣхалъ домой.

— Онъ пьянъ, конечно?

Кучеръ усмѣхнулся.

— Должно-быть, маненько выпивши,—отвѣтилъ онъ.

— О, скотина, о, мерзавецъ!..—восклицалъ Бѣгушевъ.

Въ это время нежданно-негаданно предстала предъ нимъ жидовка.

— Ваше превосходительство,—заговорила она, рыдая:—вы изволили мнѣ сказать, что все заплатите, а мнѣ ничего не заплатили и даму эту увезли.

— Какъ не заплатили?—спросилъ Бѣгушевъ.

— Что вы говорите: «не заплатили»? Вамъ при мнѣ отдали пятьдесятъ рублей!..—уличилъ жидовку кучеръ.

— Развѣ пятьдесятъ рублей она мнѣ должна? Ты пуще это знаешь... Я пойду теперь къ губернатору, приведу къ нему

дѣтей моихъ и скажу: «возьмите ихъ у меня! мнѣ кормить ихъ нечѣмъ!.. меня ограбили!..»

При словахъ *къ губернатору* и *ограбили*, Бѣгушевъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Вонъ отсюда! — крикнулъ онъ такъ, что жидовка отъ страха присѣла на мѣстѣ.

— Вонъ!—крикнулъ еще громче Бѣгушевъ.

Жидовка благимъ матомъ побѣжала со двора.

Возвратясь въ комнаты, Бѣгушевъ тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ приказалъ лакеямъ, чтобы они не пускали къ нему графа Хвостикова, когда онъ вернется домой, и пусть бы онъ на глаза къ нему не показывался, пока онъ самъ не позоветъ его.

VII.

Графъ Хвостиковъ воротился домой, но очень поздно. Съ нимъ случилась ужасная непріятность: онъ подрался съ Янсутскимъ! Произошло это слѣдующимъ образомъ: Янсутскій проигрывалъ сряду всѣ партіи, такъ что графъ Хвостиковъ наконецъ усовѣстился и, объявивъ, что ему крайняя необходимость ѣхать въ одно мѣсто, просилъ Петра Евстигнеевича расплатиться съ нимъ.

— Сколько же вамъ слѣдуетъ?—спросилъ тотъ насмѣшливо.

— Сосчитать легко!.. Сколько мы партій сыграли?—спросилъ Хвостиковъ маркера.

— Тридцать шесть партій,—отвѣчалъ тотъ.

Янсутскій вынулъ бумажникъ и, точнѣйшимъ образомъ отсчитавъ восемнадцать рублей, подалъ ихъ графу, проговоря:

— По полтиннику за партію, будетъ съ васъ!

Хвостиковъ такимъ образомъ очутился совершенно въ такомъ же положеніи, въ какое поставлена была имъ самимъ поутру жидовка: еюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ.

— Но мы играли по три рубля партію... Я ужъ не говорю, что нѣкоторыя шли на контро,—скромно замѣтилъ онъ вначалѣ.

— А вы смѣете играть съ пьянымъ?.. Смѣете? Вы знаете, что васъ въ «титовку» за это посадятъ!— сказалъ Янсутскій и хотѣлъ-было уйти.

Графъ болѣе не выдержалъ.

— Подлецъ!—крикнулъ онъ ему.

Въ отвѣтъ на это Янсутскій ничего не сказалъ, а, быстро повернувшись назадъ, подошелъ къ графу и далъ ему пощечину. Тотъ, въ свою очередь, обезумѣлъ отъ гнѣва: съ замѣчатель-

ною для семидесятилѣтняго почти старика силою, онъ выхватилъ у близъ стоящаго маркера тяжеловѣсный кій, ударилъ имъ Янсутскаго по головѣ, сшибъ его этимъ ударомъ съ ногъ, затѣмъ сталъ пихать его ногами, плевать ему въ лицо. Вся злость, накопившаяся издавна въ душѣ графа противъ Янсутскаго, вылилась въ эту минуту. Маркеры и сбѣжавшіеся лакеи едва растащили ихъ, и Янсутскаго, какъ болѣе почетнаго посѣтителя и много тратившаго у нихъ денегъ, они отправили съ знакомымъ извозчикомъ домой, а графа, вздумавшаго-было доказывать, что онъ правъ, вывели не совсѣмъ вѣжливо и просили больше не посѣщать ихъ отеля. Дома графа, какъ мы знаемъ, тоже ожидало не совсѣмъ пріятное извѣстіе. Прокофій, всегда его терпѣть не могшій и почти вслухъ называвшій *пришлой собакой*, нарочно самъ ему отворилъ на этотъ разъ дверь и сказалъ, что Александръ Ивановичъ не приказалъ графу являться къ себѣ на глаза.

— Какъ не являться?—спросилъ тотъ, будучи удивленъ и встревоженъ такимъ приказаніемъ.

— Такъ: сидите тамъ у себя наверху! — дополнилъ Прокофій.

Графъ пожалъ плечами и, дѣлать нечего, покорился молча своей участи. Кромѣ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ въ нравственномъ смыслѣ сюрпризовъ, онъ чувствовалъ довольно сильную физическую боль въ лѣвой щекѣ отъ удара Янсутскаго и поламыванье въ плечахъ отъ толчковъ, которыми будто бы нечаянно при выпроваживаніи наградили его трактирные служителя.

Поутру, впрочемъ, Бѣгушевъ смиловался надъ графомъ и позвалъ его къ себѣ. Хвостиковъ очень этому обрадовался, и его смущало одно, что подъ лѣвымъ глазомъ у него выступилъ большой синякъ; тщетно затиралъ онъ его помадой, мѣломъ, пудрой: синякъ виднѣлся.

Бѣгушевъ встрѣтилъ графа сурово.

— Что вы, человѣкъ или камень безчувственный?—отрѣзалъ онъ ему прямо.

— До сихъ поръ былъ человѣкомъ,—отвѣчалъ Хвостиковъ уклончиво.

— То-то до сихъ поръ, а теперь перестали: у васъ дочь умираетъ, а вы гдѣ-то въ кабакѣ пьянствуете,—продолжалъ Бѣгушевъ.

Графъ сдѣлалъ видъ, что этими послѣдними словами очень обидѣлся.

— Я былъ не въ кабакѣ, а въ одномъ изъ лучшихъ отелей, гдѣ бываете и вы, и Елизавета Николаевна вовсе не опасно

больна: я говорилъ объ ея болѣзни съ докторами; они меня завѣрили, что она скоро должна поправиться.

— Вы не лжете это?—спросилъ его Бѣгушевъ.

— Можете думать, что я лгу или не лгу, это какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ графъ тѣмъ же обиженнымъ тономъ: онъ сообразилъ ужъ, изъ какой причины проистекало такое живое участіе Бѣгушева къ болѣзни Елизаветы Николаевны, и внутренно чрезвычайно этому обрадовался, ожидая, что если случится то, что̀ онъ предполагалъ, такъ онъ заставитъ своего патрона гораздо почтительнѣй съ нимъ обходиться.

— Это что̀ у васъ за украшеніе?—продолжалъ между тѣмъ Бѣгушевъ, замѣтившій у графа синякъ подъ глазомъ.

— На бильярдѣ игралъ и на̀кій нечаянно наткнулся!—придумалъ тотъ.

— Странная неосторожность!..—произнесъ, усмѣхаясь, Бѣгушевъ.—Но когда въ больницу пріѣзжаетъ главный докторъ?—присовокупилъ онъ.

— Въ двѣнадцать часовъ, я объ этомъ спрашивалъ даже,—солгалъ еще разъ графъ.

Бѣгушевъ посмотрѣлъ на часы свои и велѣлъ закладывать карету.

— Вы заѣдете къ Лизѣ?—спросилъ его графъ.

— Да!

— Она вамъ будетъ очень рада!..

Бѣгушевъ на это промолчалъ.

— А вамъ, Александръ Ивановичъ, такъ на меня сердиться грѣхъ; я слишкомъ несчастливъ и достоинъ сожалѣнія!—проговорилъ съ чувствомъ графъ.

— Что вы несчастливы, я согласенъ; но чтобы стоили сожалѣнія, это подъ сомнѣніемъ!—объяснилъ ему Бѣгушевъ.

— Сто̀ю!..—повторилъ графъ и величественной походкой ушелъ къ себѣ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ Бѣгушевъ пріѣхалъ въ ту больницу, гдѣ помѣщена была Елизавета Николаевна. Его повели по длинному коридору въ пріемную комнату. Первое, что̀ онъ встрѣтилъ, это фельдшеръ, который несъ тазъ съ кровавой водой и съ плавающимъ въ оной только-что, вѣроятно, отрѣзаннымъ пальцемъ человѣческимъ... Изъ нѣкоторыхъ палатъ, сквозь не совсѣмъ притворенныя двери, слышались стоны; воздухъ, какъ ни чисто содержалось зданіе, все-таки былъ больничный. Въ домовой церкви, входъ въ которую былъ изъ того же коридора, происходило заунывное отпѣваніе двухъ-трехъ покойниковъ... Бѣгушевъ давно не бывалъ въ госпиталяхъ, и все это ужасно его коробило: онъ далъ

себѣ слово, какъ только Мѣровой будетъ немного получше, перевезти ее въ свой домъ, что бы по этому поводу ни заговорили! Въ пріемной комнатѣ Бѣгушевъ заявилъ желаніе видѣть старшаго врача и подалъ при этомъ свою карточку. Кто былъ старшій врачъ, онъ не зналъ и разсчитывалъ на одно, что тотъ долженъ быть опытнѣй молодыхъ ординаторовъ. На приглашеніе его старшій врачъ скоро вошелъ. Оказалось, что это былъ Перехватовъ, на-дняхъ только возведенный въ эту должность. Онъ былъ въ форменномъ вицмундирѣ и съ Владимиромъ на шеѣ. Конечно, въ Москвѣ было немного такихъ заклятыхъ враговъ, какъ Бѣгушевъ и Перехватовъ, но при встрѣчѣ они нисколько не обнаружили того и даже начали разговаривать сначала почти дружелюбно.

— Извините, что я обезпокоилъ васъ, но я интересуюсь тутъ одной больной: Елизаветой Николаевной Мѣровой,—началъ первый Бѣгушевъ.

— Она принята, и ей уже оказана первая медицинская помощь, — отвѣчалъ Перехватовъ и изъ своей дорогой сигарочницы предложилъ Бѣгушеву сигару. Тотъ отказался и вмѣстѣ съ тѣмъ спросилъ доктора:

— Вы ее изслѣдовали?

— Конечно!.. Впрочемъ, вы нашимъ изслѣдованіямъ не вѣрите! — слегка кольнулъ его Перехватовъ.

— Не совсѣмъ вѣрно, хотя убѣжденъ, что скорое приближеніе смерти вы можете предугадать; что такое у Мѣровой, чахотка?

Перехватовъ пожалъ плечами.

— Пока можно только сказать, что сильное затемнѣніе дыханія, и сердце, кажется, не совсѣмъ въ порядкѣ.

— И что же, все это опасно?

— Нѣтъ, — протянулъ съ важностью Перехватовъ: — аневризмъ въ настоящее время, конечно, ужъ изъ ста человѣкъ у двухъ, у трехъ есть, а затемнѣніе дыханія часто бываетъ отъ простого катарра въ легкихъ.

— Кто ее, собственно, будетъ пользовать? — допытывался Бѣгушевъ.

— Ординаторъ палаты и спеціалистъ по груднымъ болѣзнямъ, — объяснилъ Перехватовъ.

«Слава Богу, что не ты!»—порадовался Бѣгушевъ.

— А вы по какимъ болѣзнямъ спеціалистъ? — спросилъ онъ.

— Я по нервнымъ и женскимъ болѣзнямъ, — отвѣчалъ Перехватовъ.

— Гм... гм!.. — произнесъ Бѣгушевъ не безъ значенія.

Перехватовъ подмѣтилъ это.

— Я никакъ не ожидалъ, что вы будете принимать такое живое участіе въ madame Мѣровой, — поставилъ онъ ему въ свою очередь шпильку.

— Ея отецъ у меня живетъ, — отвѣчалъ немного смутившійся Бѣгушевъ и, чтобы не остаться у доктора въ долгу, присовокупилъ: — а вашей супруги какъ здоровье?

— Она здорова! — сказалъ онъ притворно-равнодушнымъ тономъ и поспѣшилъ прибавить: — вы желаете видѣть больную?

— Прошу васъ разрѣшить мнѣ это! — проговорилъ Бѣгушевъ.

Перехватовъ самъ его повелъ къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

Бѣгушевъ глазъ съ него не спускалъ и очень хорошо видѣлъ, какъ Перехватовъ умышленно держалъ голову выше обыкновеннаго, какъ онъ наслаждался тѣмъ, что сторожа и фельдшера, при его проходѣ по коридору, вытягивались въ струнку, а сидѣлки робко прижимались къ стѣнѣ.

«Этакое пошлѣйшее ничтожество!» — шепталъ мысленно Бѣгушевъ.

— Madame Мѣрова помѣщается въ этой отдѣльной комнатѣ, — сказалъ наконецъ Перехватовъ, показывая на одну изъ дверей.

Бѣгушевъ вошелъ въ эту дверь. Докторъ не послѣдовалъ за нимъ.

— Ахъ, это вы, Александръ Ивановичъ! — произнесла Елизавета Николаевна какъ-то стыдливо.

Бѣгушеву она показалась посвѣжѣй, и въ лицѣ ея не было тупого отчаянія...

— Спали ночь? — сказалъ онъ, садясь около ея кровати.

— Спала отлично! — отвѣчала Мѣрова.

— А кушать хочется? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Не знаю! — произнесла Мѣрова.

— Но подумайте... Вамъ, можетъ-быть, въ воображеніи что-нибудь улыбнется, и я сейчасъ же пришлю вамъ.

Мѣрова подумала.

— Нѣтъ, ничего не хочу; вы лучше посидите у меня, это мнѣ лучше всякой пищи.

— Я буду сидѣть у васъ, сколько вы позволите!

— Вы знаете, сегодня ко мнѣ входилъ Перехватовъ, очень любезно и внимательно разспрашивалъ меня.

— Онъ тутъ старшимъ докторомъ, — объяснилъ ей Бѣгушевъ.

— Зачѣмъ же отецъ помѣстилъ меня къ нему: онъ, пожалуй, уморитъ меня!

— Васъ будетъ лѣчить не онъ, а другой.

— Ахъ, это старичокъ, который былъ у меня ужъ два раза; онъ добрый, должно-быть... Я спросила Перехватова о женѣ его, и онъ сказалъ, что Домна Осиповна попрежнему меня любитъ.

Бѣгушевъ на это промолчалъ.

— Какъ вы почувствуете себя хоть немного крѣпче, я перевезу васъ къ вашему отцу въ мой домъ.

Мѣрова нахмурилась.

— Мнѣ это страшно, Александръ Ивановичъ.

— Почему? — спросилъ онъ.

— Ахъ, потому что... Вы не знаете, что во мнѣ происходитъ... Вы никогда не понимали меня.

— Чего не понималъ? — повторилъ Бѣгушевъ, начинавшій приходить въ смущеніе.

— Того, что я давно васъ люблю! — воскликнула Мѣрова.

Бѣгушевъ поникъ головой.

— Люблю съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла васъ въ первый разъ въ театрѣ; но тогда вы любили Домну Осиповну, а я и не знаю хорошенько, что все это время дѣлала... Не сердитесь на меня, душенька, за мое признаніе... мнѣ недолго осталось жить на свѣтѣ.

«Что это, кокетство или правда?»—мелькнуло въ головѣ Бѣгушева, и сердце его, съ одной стороны, замирало въ восторгѣ, а съ другой, исполнилось страхомъ какихъ-то еще новыхъ страданій; но какъ бы то ни было, возвратить Елизавету Николаевну къ жизни стало пламеннымъ его желаніемъ.

— Вы не волнуйтесь; все устроится хорошо!.. Укрѣпитесь настолько, чтобы переѣхать ко мнѣ, а тамъ мы поѣдемъ съ вами въ теплый климатъ... солнце, море, спокойная жизнь...

Елизавета Николаевна слушала Бѣгушева съ жаднымъ вниманіемъ.

— Значитъ, вамъ жаль меня? — проговорила она.

— Болѣе чѣмъ жаль, и я устрою вашу судьбу прочно и серьезно, — сказалъ Бѣгушевъ.

Лицо Мѣровой окончательно просіяло.

— Да, да! — подтвердила она радостнымъ голосомъ: — я знаю, какой вы добрый!.. Ну, поцѣлуйте меня.

Бѣгушевъ поцѣловалъ ее. Она на этотъ разъ прилипла своими губами къ его губамъ и долго-долго тянула поцѣлуй, потомъ опустилась на подушки, глаза у ней почти совсѣмъ закатились подъ верхнія вѣки. Бѣгушеву она показалась въ эти минуты очаровательно хороша!

— Вотъ дайте мнѣ этихъ капель, что на столѣ стоятъ...

докторъ велѣлъ мнѣ ихъ принимать, когда я очень взволнуюсь.

Бѣгушевъ дрожащей рукой накапалъ въ рюмку показанное на сигнатуркѣ число капель и подалъ ихъ Мѣровой.

— Вы уѣзжайте, другъ мой, отъ меня, — начала она, жадно выпивъ капли. — Вы слишкомъ много принесли мнѣ счастья: я непремѣнно хочу выздоровѣть для себя и для васъ. Господи, хоть бы одинъ день еще прожить такого счастья...

Вошедшая сидѣлка прервала ихъ объясненіе.

— Прощайте, мнѣ сейчасъ мушку будутъ ставить! — продолжала Мѣрова замѣтно ослабнувшимъ голосомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ улыбаясь.

Бѣгушевъ сначала повиновался-было и вышелъ, но, будучи не изъ такихъ характеровъ, чтобы терпѣливо ждать чего-нибудь, онъ не могъ удержаться и снова возвратился къ Мѣровой.

— Елизавета Николаевна, есть у васъ силы сегодня же переѣхать въ мой домъ? Тамъ уходъ будетъ лучше за вами,— проговорилъ онъ съ поспѣшностью.

— Есть, — отвѣчала та и, махнувъ рукой стоявшей около нея сидѣлкѣ, сказала, что она не будетъ ставить мушки.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же распоряжусь, — подхватилъ Бѣгушевъ и, выйдя въ коридоръ, прямо встрѣтился съ проходящимъ важно Перехватовымъ.

— Я Мѣрову перевожу къ себѣ и желалъ бы пригласить навѣщать ее того доктора, который началъ ея лѣченіе, — сказалъ онъ ему.

— Tout de suite! — отвѣчалъ съ нѣсколько злой усмѣшкой Перехватовъ и затѣмъ громко и строго сказалъ слѣдовавшему за нимъ фельдшеру: — позвать сюда ординатора 6-й палаты.

Ординаторъ пришелъ. По его скромной и умной физіономіи Бѣгушевъ заключилъ, что онъ не шарлатанъ. Ординаторъ дѣйствительно былъ не шарлатанъ, а вымятый и опытный больничный врачъ, и между тѣмъ, несмотря на двадцатипятилѣтнюю службу, его не сдѣлали старшимъ врачомъ за то только, что онъ не имѣлъ той холопской представительности, которой награжденъ былъ отъ природы Перехватовъ.

— Г-нъ Бѣгушевъ, хорошій знакомый г-жи Мѣровой, желаетъ ее взять къ себѣ... Распорядитесь, чтобы она покойно и тепло одѣтой была перевезена! — приказалъ ему его юный начальникъ.

Ординаторъ, въ знакъ повиновенія, склонилъ передъ нимъ голову.

Перехватовъ съ прежнею важностью пошелъ далѣе.

— Я просилъ бы васъ сегодня же перевезти ко мнѣ г-жу Мѣрову въ домъ... Я пришлю за ней карету и теплую одежду, а также и васъ прошу пріѣзжать къ ней.

— Но ей только-что поставали мушку! — возразилъ докторъ.

— Она еще не ставила ея... Можете ли, докторъ, вы это сдѣлать и у меня продолжать пользовать г-жу Мѣрову?

— Я освобожусь изъ больницы не ранѣе четырехъ часовъ, а послѣ этого могу перевезти.

— Въ четыре часа поэтому я могу прислать за вами карету?

— Въ четыре! — разрѣшилъ ему докторъ.

Бѣгушевъ полетѣлъ изъ больницы на всѣхъ рысяхъ на Кузнецкій мостъ, гдѣ въ магазинѣ готоваго женскаго бѣлья и платьевъ накупилъ того и другого; зашелъ тутъ же въ англійскій магазинъ, отобралъ шерстяныхъ чулокъ, пледъ и кончилъ тѣмъ, что приторговалъ у Мичинера мѣховой женскій салопъ, строго наказавъ вездѣ, чтобы всѣ эти вещи немедленно были доставлены къ нему. Возвратясь домой, Бѣгушевъ свою лѣнивую и распущенную прислугу пришпорилъ и поднялъ на ноги; прежде всего онъ позвалъ Минодору и велѣлъ ей съ помощью мужа, лакеевъ и судомоекъ старательно прибрать отдѣленіе его покойной матери, какъ самое удобное для помѣщенія больной. Въ отдѣленіи этомъ онъ самъ осмотрѣлъ всѣ щелочки въ окнахъ, что не дуетъ ли гдѣ-нибудь, осмотрѣлъ всѣ вентиляторы, еще съ болѣзни старухи тамъ понадѣланные... Лакеи и Минодора сначала недоумѣвали, что такое баринъ затѣваетъ; наконецъ это объяснилось, когда Бѣгушевъ объявилъ Минодорѣ, что привезутъ больную, умирающую дочь графа Хвостикова, и что она должна быть при ней безотлучно.

Минодора хоть по наружности и приняла съ покорностью приказаніе Александра Ивановича, но была не очень довольна такимъ его распоряженіемъ и, придя въ дѣвичью, сказала мужу:

— У насъ скоро новая жилица будетъ!.. больная дочь графа!.. Баринъ приказываетъ мнѣ за ней ходить!

— За потаскушей-то этой, — замѣтилъ со злобою Прокофій.

— Кто знаетъ, потаскуша она или нѣтъ, — посмягчила приговоръ мужа Минодора.

— Какъ же не потаскуша: она вонъ жила съ этимъ инженеришкомъ, что къ намъ ѣздилъ... Въ Петербургѣ, говорятъ, съ Ефимомъ Ѳедоровичемъ Тюменевымъ путалась!.. — объяснялъ съ той же злобой Прокофій.

Маремьяша, слышавшая разговоръ этотъ, не преминула пойти и слово въ слово передать его госпожѣ своей.

— Какую дочь графа?.. — спросила Аделаида Ивановна, не знавшая даже о существованіи Мѣровой.

— Да такъ какую-то распутную! — отрѣзала Маремьяша.

— Ахъ, Маремьяша, какъ ты всегда гадко выражаешься!— почти прикрикнула на нее Аделаида Ивановна.

— Какъ же мнѣ еще выражаться? Вся прислуга здѣшняя говоритъ это, — отвѣтила Маремьяша грубымъ тономъ.

Вскорѣ начали привозить вещи, купленныя Бѣгушевымъ для Мѣровой. Минодора принимала ихъ и, несмотря на свою сдержанность, усмѣхалась и слегка покачивала головою, а Маремьяша просто пришла въ неистовство. Она опять вошла къ Аделаидѣ Ивановнѣ и гнѣвнымъ голосомъ выпечатала:

— Вы мнѣ говорить не приказываете, а Александръ Ивановичъ цѣлое приданое накупилъ...

— Кому приданое? — произнесла съ удивленіемъ Аделаида Ивановна, начинавшая уже ничего не понимать.

— Этой дочкѣ графа!.. Вамъ по пяти да по десяти рубликовъ выдаетъ, а на чужихъ ничего не жалѣетъ.

— Ну, пожалуйста, прекрати твои разсужденія!.. Я не хочу ихъ больше слушать!

Но Маремьяша, уйдя въ свою комнату, долго еще брюзжала.

Слухъ о переѣздѣ Елизаветы Николаевны въ домъ къ Александру Ивановичу дошелъ наконецъ и до графа, спавшаго крѣпчайшимъ сномъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ имъ наканунѣ хлопотъ и непріятностей. Извѣстіе это до того было неожиданно для него, что онъ сошелъ внизъ узнать, вслѣдствіе чего произошла такая перемѣна.

— Вы Лизу, я слышалъ, перевозите къ намъ? — спросилъ онъ Бѣгушева, встрѣтивъ того въ залѣ.

— Перевожу! — отвѣчалъ ему Бѣгушевъ коротко.

Графъ на нѣсколько мгновеній позамялся, придумывая, какъ бы выразить ему свою мысль, которая, собственно, состояла въ томъ, что если Бѣгушевъ предположилъ взять себѣ въ домъ Елизавету Николаевну, то долженъ былъ бы прежде всего посовѣтоваться съ нимъ, графомъ, но высказать это прямо онъ, конечно, не рѣшился и только бормоталъ:

— Вы по крайней мѣрѣ позвольте мнѣ разсказывать, что вы это дѣлаете для меня и по моей просьбѣ!

— Разсказывайте!.. Мнѣ рѣшительно все равно, — проговорилъ Бѣгушевъ и явно разсмѣялся.

Встрѣтивъ такіе сухіе и насмѣшливые отвѣты, графъ счелъ за лучшее плюнуть на все, пусть себѣ дѣлаютъ, какъ хотятъ, и удралъ изъ дому; но, имѣя синякъ подъ глазомъ, показаться въ какомъ-нибудь порядочномъ мѣстѣ онъ стыдился и прошелъ въ грязную и табачищемъ провонялую пивную, сталъ тамъ пить пиво и толковать съ нѣмецкими подмастерьями о политикѣ.

Больную докторъ привезъ въ каретѣ Бѣгушева часамъ къ пяти; она была уже одѣта въ посланное къ ней съ кучеромъ новое бѣлье и платье и старательно закутана въ купленный для нея салопъ. Докторъ на рукахъ внесъ ее въ комнату, уложилъ въ постель и, растолковавъ Минодорѣ, какъ она должна поставить мушку, обѣщался на другой день пріѣхать часовъ въ восемь утра. За всѣ эти труды доктора Бѣгушевъ заплатилъ ему сто рублей. Скромный ординаторъ смутился даже: такой высокой платы онъ ни отъ кого еще не получалъ.

Добрая Аделаида Ивановна, услыхавъ, что больная такъ слаба, что ходить не можетъ, исполнилась жалостью и за обѣдомъ же сказала брату:

— А ты еще доброе дѣло дѣлаешь: взялъ къ себѣ больную дочь графа?

— Да! — отвѣчалъ тотъ.

— Ахъ, какъ бы я желала познакомиться съ ней, — продолжала старушка: — и даже сегодня, если только это не обезпокоитъ ее, сходила бы къ ней.

— Можно и сегодня!.. Вѣроятно, она теперь отдохнула!..— разрѣшилъ ей Бѣгушевъ.

Аделаида Ивановна такъ спѣшила увидать поскорѣй Мѣрову, помимо чувства состраданія, и по любопытству взглянуть своимъ глазомъ, что̀ это за дама. Вставъ изъ-за стола, она немедленно отправилась къ больной, отрекомендовала себя сестрой Александра Ивановича и просила полюбить ее.

Добрый видъ старушки произвелъ пріятное впечатлѣніе на Мѣрову.

— Вы, не правда ли, не очень больны и, вѣрно, скоро выздоровѣете? Что̀ у васъ больше всего болитъ? — спрашивала ее Аделаида Ивановна ласковымъ-ласковымъ голосомъ.

— Грудь! — отвѣчала Мѣрова.

— А если грудь, такъ ничего,— воскликнула старушка:—я про себя вамъ скажу: у меня постоянно прежде болѣла грудь, а вотъ видите, до какихъ лѣтъ я дожила! — начисто уже выдумала Аделайда Ивановна; у нея никогда грудь не баливала: но все это она, разумѣется говорила, чтобы успокоить больную.

— Вы замужняя или дѣвица? — продолжала она занимать больную.

— Я вдова, — отвѣчала Мѣрова.

— Давно потеряли вашего супруга?

— Лѣтъ двѣнадцать!

— Не можетъ быть!.. Вы такъ еще молоды; конечно, вы съ нимъ недолго жили, и какая, я думаю, это была для васъ потеря!—То, что о Мѣровой говорила прислуга, Аделаида Ивановна съ перваго же взгляда на нее отвергла. — Но гдѣ же вы жили?.. Графъ ни разу не говорилъ мнѣ, что у него есть дочь, и такая еще прелестная!

Мѣрова, въ самомъ дѣлѣ, очень понравилась Аделаидѣ Ивановнѣ своей наружностью.

— Я жила передъ пріѣздомъ сюда въ Кіевѣ, на югѣ!— отвѣчала Мѣрова, все болѣе и болѣе краснѣя.

— А какъ пріѣхали сюда, такъ и расхворались, это очень понятно; я тоже, какъ ужъ мнѣ хорошо жить у брата, все равно, что въ царствѣ небесномъ, но прихварываю, то ноги пухнутъ, то голова кружится.

— Отъ любви, можетъ-быть!—пошутила Мѣрова.

Аделаида Ивановна засмѣялась самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Очень можетъ быть, очень! — говорила она.

Въ это время однако смѣтливая Минодора, замѣтивъ, что это бесѣдованіе смущаетъ и утомляетъ Мѣрову, подошла и шепнула Аделаидѣ Ивановнѣ, что больной пора ставить мушку.

— Непремѣнно, это необходимо!—согласилась она и, вставъ, сначала поцѣловала Мѣрову, а потомъ перекрестила.—Цѣлую васъ и кладу на вашу грудь крестное знаменіе съ такимъ же чувствомъ, какъ бы дѣлала это мать ваша,—проговорила она и вышла.

Мѣрова, по уходѣ ея, залилась слезами: она съ дѣтства не встрѣчала такого ухода и такой ласки, какъ нашла это въ домѣ Бѣгушева.

VIII.

Тучи громадныхъ событій скоплялись на Востокѣ: славянскій вопросъ все болѣе и болѣе начиналъ заинтересовывать общество; газеты кричали, перебранивались между собой: однѣ, которымъ и въ мирное время было хорошо, желали мира, другія, которыя или совсѣмъ погасали, или начинали погасать, желали войны; телеграммы изоврались и изолгались до послѣдней степени; въ комитеты славянскіе сыпались сотни тысячъ; сборщицы въ кружку съ краснымъ крестомъ появились на

всѣхъ сборищахъ, торжищахъ и улицахъ; бѣдныхъ добровольцевъ, какъ барановъ на убой, отправляли цѣлыми вагонами въ Сербію; портретъ генерала Черняева виднѣлся во всѣхъ почти лавочкахъ. Всѣ эти явленія, конечно, вліяли и на выведенныхъ мною лицъ, изъ которыхъ, впрочемъ, главный герой мой Бѣгушевъ какъ бы совершенно этимъ не интересовался и упорно отмалчивался на всѣ вопросы, которые дѣлали ему многіе, такъ какъ знали, что нѣкогда онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всѣ славянскія земли. Зато графъ Хвостиковъ и Долговъ, снова сблизившіеся, очень много говорили и, ѣздя неустанно во всѣ дома, куда только ихъ пускали, старались всюду внушать благородныя и гуманныя чувствованія. За такіе ихъ подвиги одна газета пригласила ихъ къ сотрудничеству, открывъ имъ цѣлую рубрику, гдѣ бы они могли излагать свои мысли. Долговъ, разумѣется, по своей непривычкѣ писать, не изложилъ печатно ни одной мысли; но графъ Хвостиковъ началъ наполнять своимъ писаніемъ каждый номеръ, по преимуществу склоняя общество къ пожертвованіямъ и довольно прозрачно намекая, что эти пожертвованія могутъ быть производимы и черезъ его особу; пожертвованій однако къ нему нисколько не стекалось, а потому графъ рѣшился лично на кого можно воздѣйствовать, и къ первой обратился Аделаидѣ Ивановнѣ, у которой онъ узналъ, что нѣтъ денегъ; но она, по его соображеніямъ, могла бы пожертвовать какими-нибудь цѣнными вещами; къ несчастью, при объясненіи оказалось, что у ней изъ цѣнныхъ вещей остались только дорогія ей по воспоминаніямъ. Бѣгушеву графъ не смѣлъ и заикнуться о пожертвованіи, предчувствуя, что тотъ новую, изобрѣтенную графомъ дѣятельность съ первыхъ же словъ обзоветъ не очень лестнымъ именемъ. Такимъ образомъ опять оставалась одна только Домна Осиповна, подающая нѣкоторую надежду, къ которой графъ нарочно и пріѣхалъ поутру, чтобъ застать ее безъ мужа. Принятъ онъ на этотъ разъ былъ очень скоро и, увидавъ Домну Осиповну, чуть не вскрикнулъ отъ удивленія: до такой степени она похудѣла и постарѣла за это непродолжительное время; сѣлила и румяна только-что не сыпались съ ея лица.

— А я къ вамъ,—начала она безъ прежней своей важности: — писать ужъ хотѣла, чтобы узнать о здоровьѣ Лизы... Она, какъ мнѣ передавали, тоже у Бѣгушева обитаетъ.

— У насъ, у насъ! — поспѣшно отвѣчалъ графъ.

— Я бы пріѣхала навѣстить ее; но г. Бѣгушевъ, можетъ-быть, не велитъ меня принять,—продолжала Домна Осиповна.

— Нѣтъ, нѣтъ! У нея совсѣмъ особое отдѣленіе... Але-

ксандръ Ивановичъ отдалъ ей комнаты покойной матери своей, — бухнулъ, не остерегшись, графъ.

— Комнаты матери?!. — повторила съ удареніемъ Домна Осиповна: — и что же, Лиза въ постели лежитъ? — присовокупила она.

— Иногда; но больше сидитъ и вмѣстѣ съ нами увлекается великимъ движеніемъ, охватившимъ всѣ классы общества!..— ввернулъ графъ газетную фразу, чтобы сильнѣй повоздѣйствовать на Домну Осиповну: — къ вамъ я тоже пріѣхалъ съ кружечкой, хоть и сердитъ на васъ, что вы не хотѣли поддержать газету, которая какъ бы теперь была полезна!.. Впрочемъ, Богъ васъ проститъ за это; пожертвуйте по крайней мѣрѣ теперь нашимъ соплеменникамъ, сколько можете!..

И графъ развернулъ передъ Домной Осиповной свой пустой бумажникъ, чтобы пріять въ него посильную дань. Но Домна Осиповна вмѣсто дани сдѣлала ему ручкой и, немного склонивъ голову, проговорила озлобленнѣйшимъ голосомъ:

— Благодарю васъ покорно!.. Очень вамъ благодарна!.. Я ужъ много жертвовала!

Домна Осиповна точно что черезъ разныхъ вліятельныхъ лицъ много пережертвовала, надѣясь въ нихъ найти помощь по своимъ дѣламъ. Но помощи этой она до сихъ поръ не ощущала, что ее очень сердило и огорчало.

— Мнѣ теперь не до чужихъ нуждъ, у меня своихъ много!..—объяснила она графу.

— Стало-быть, правда, что я вамъ говорилъ со словъ Янсутскаго? — спросилъ тотъ по наружности какъ бы съ участіемъ, а про себя думалъ: «такъ тебѣ, скрягѣ, и надо!».

— Конечно, вздоръ!.. Онъ самъ все это и выдумалъ,—воскликнула Домна Осиповна:—тутъ его нѣсколько времени тому назадъ избили въ трактирѣ, — присовокупила она.

— Скажите,—произнесъ графъ, какъ бы удивленный тѣмъ, что слышитъ.

— Объ этомъ напечатано было въ газетахъ... Я сама читала!.. Янсутскій названъ по имени, а о господинѣ, который билъ его, сказано только, что онъ очень храбрый и силы необыкновенной!

— Скажите!—повторилъ еще разъ графъ, какъ бы приходившій все болѣе и болѣе въ удивленіе, хотя отъ него именно и пущено было это извѣстіе въ газеты.

— Я, признаться, ужасно порадовалась, что его поколотили, ужасно!..—заключила Домна Осиповна.

— А гдѣ же теперь Янсутскій? — спросилъ графъ.

— Онъ послѣ этого сразу въ Сибирь ускакалъ... Скупаетъ

тамъ векселя покойнаго дѣда по десяти, по двадцати копеекъ за рубль и сюда пишетъ, что какъ только вернется, такъ посадитъ меня въ тюрьму, дуракъ этакій!.. того не понимаетъ, что я его нисколько не боюсь...

Домна Осиповна въ послѣднихъ словахъ своихъ сказала неправду: она очень боялась угрожающаго ей дѣла, тѣмъ болѣе, что Янсутскій всюду разсказывалъ, что предполагаемый имъ процессъ онъ поведетъ вдвоемъ съ Гроховымъ.

Графъ собрался уходить.

Домна Осиповна при прощаньи еще разъ повторила, что она непремѣнно пріѣдетъ навѣстить Елизавету Николаевну. Графъ ничего ей на это не отвѣтилъ и, сухо откланявшись, отправился домой съ твердымъ намѣреніемъ напечатать самаго ядовитаго свойства статейку о черствыхъ и корыстолюбивыхъ людяхъ, къ несчастью, до сихъ поръ существующихъ въ нашемъ обществѣ, особенно между купечествомъ. Къ досадѣ на Домну Осиповну за отказъ ея въ пожертвованіи, у Хвостикова присоединилась и мысль о настойчивомъ желаніи Перехватовой посѣтить непремѣнно его дочь. «Ужъ не думаетъ ли она отбить Бѣгушева у Лизы?» — спрашивалъ онъ себя. Въ томъ, что Елизавета Николаевна, хоть и больная, находится въ близкихъ отношеніяхъ съ Александромъ Ивановичемъ, графъ не сомнѣвался. Всѣ эти злыя и безпокойныя мысли сразу, впрочемъ, выскочили изъ его головы, когда онъ встрѣтилъ ѣхавшаго къ нему быстро Долгова, который еще съ пролетокъ кричалъ, что имъ сегодня непремѣнно надобно ѣхать обѣдать въ Англійскій клубъ, куда пріѣдетъ генералъ Траховъ, аки бы привезшій серьезнѣйшее извѣстіе изъ Петербурга.

Подозрѣніе графа касательно задней мысли Домны Осиповны было отчасти справедливо: она въ самомъ дѣлѣ хотѣла видѣть не Мѣрову, но Бѣгушева, котораго Домна Осиповна ревновала къ Елизаветѣ Николаевнѣ. Да, читатель, ревновала!.. До послѣдняго времени Домна Осиповна ни отъ кого не слыхала, чтобы Бѣгушевъ, разставшись съ ней, полюбилъ какую-нибудь другую женщину, такъ что она, къ великой усладѣ своего самолюбія, начинала думать, что онъ всю жизнь будетъ страдать по ней; а тутъ вдругъ Бѣгушевъ беретъ къ себѣ Мѣрову, зачѣмъ?.. для чего?.. Чтобы онъ дѣлалъ это безкорыстно, Домна Осиповна, какъ и графъ Хвостиковъ, не думала и при этомъ совершенно не вѣрила въ нравственность своей подруги... Съ такого рода мыслями и чувствованіями пріѣхала она въ хорошо ей когда-то знакомый домъ, гдѣ она провела столько блаженныхъ минутъ. Готовая расплакаться при этомъ воспоминаніи, Домна Осиповна съ замирающимъ

сердцемъ отъ страха, что не примутъ ея, послала своего ливрейнаго лакея узнать: можетъ ли она видѣть Елизавету Николаевну Мѣрову. Встрѣть сего посланнаго Прокофій, тотъ бы прямо ему объявилъ, что барыню ихнюю баринъ его никогда не велѣлъ къ себѣ пускать, но въ передней въ это время былъ не онъ, а одинъ изъ молодыхъ служителей, который, увидавъ подъѣхавшую карету, не дожидаясь даже звонка, отворилъ дверь и, услыхавъ, что пріѣхала Домна Осиповна навѣстить госпожу Мѣрову, пошелъ и сказалъ о томъ Миодорѣ, а та передала объ этомъ посѣщеніи Елизаветѣ Николаевнѣ, которая испугалась и встревожилась и послала спросить Александра Ивановича, что позволитъ ли онъ ей принять Домну Осиповну.

Бѣгушевъ нѣкоторое время думалъ.

— Отчего жъ не принять? Пусть примутъ, — отвѣчалъ онъ потомъ не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

Домну Осиповну привели наконецъ въ комнату пріятельницы; гостья и хозяйка сначала обнялись, расцѣловались и потомъ обѣ расплакались: кто изъ нихъ несчастнѣе былъ въ эти минуты — нищая ли Мѣрова, истерзанная болѣзнью, или Домна Осиповна, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющая перья изъ своего величія,—сказать трудно; еще за годъ передъ тѣмъ Домна Осиповна полагала, что она послѣ долгой борьбы вступила въ садъ, исполненный однихъ только цвѣтъ въ радости, а ей пришлось наскочить на тернія, болѣе колючія, чѣмъ когда-либо случалось проходить.

— Какъ ты попала сюда? — первое, что̀ спросила Домна Осиповна пріятельницу.

— Александръ Ивановичъ нашелъ меня совсѣмъ нищую и перевезъ къ себѣ, — отвѣчала та.

Спросить Елизавету Николаевну, гдѣ она была и что̀ дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ скрылась изъ Петербурга, Домна Осиповна считала излишнимъ, такъ какъ догадывалась, какого рода жизнь вела ея пріятельница.

— И тебѣ не грѣхъ было не написать мнѣ о своемъ положеніи, а одолжаться у почти незнакомаго тебѣ человѣка?— замѣтила она ей.

Мѣрова вспыхнула.

— У Александра Ивановича отецъ мой живетъ; ты же, я слышала, вышла замужъ, а потому не зависишь отъ себя!..— проговорила она.

— Я никогда ни отъ перваго ни отъ второго мужа не была въ такой зависимости, потому что, если имъ дать волю, такъ они возьмутъ ихъ двѣ, три!..

Домна Осиповна такъ рѣзко отозвалась о мужьяхъ, потому что у ней передъ самымъ отъѣздомъ вышла сильная перебранка съ супругомъ, по причинамъ нѣсколько отдаленнымъ. Перехватовъ, какъ только разнесся слухъ о возможности для Домны Осиповны банкротства, утратилъ къ ней всякую внимательность, нѣжность и угодливость. Домна Осиповна, конечно, отгадала истинную причину его холодности и окончательно убѣдилась, что въ душѣ онъ *подлецъ;* Бѣгушевъ показался ей сравнительно съ нимъ полубогомъ по благородству своихъ чувствъ; онъ бѣсился на нее, когда она наживала деньги, и никогда бы, конечно, не кинулъ ея при какой-нибудь денежной бѣдѣ. Все это она до поры до времени таила и не высказывала мужу, но когда онъ услыхалъ, что Домна Осиповна хочетъ посѣтить Мѣрову, вскипятился и сказалъ ей повелительнымъ голосомъ:

— Вамъ не слѣдуетъ туда ѣздить!

Домна Осиповна сначала посмотрѣла ему въ лицо, мгновенно утратившее весь свой румянецъ, и тоже произнесла не очень нѣжно:

— Почему же не слѣдуетъ?

— Потому что г-нъ Бѣгушевъ, у котораго живетъ Мѣрова, вашъ старый поклонникъ! — отвѣтилъ ей мужъ.

— Что жъ изъ того, что онъ старый мой поклонникъ; женясь на мнѣ, вы знали это! — возразила Домна Осиповна.

— Мало ли что было прежде, но теперь возобновлять это знакомство неприлично, — проговорилъ Перехватовъ.

Тутъ ужъ болѣе Домна Осиповна не выдержала.

— А вамъ прилично цѣлые дни не бывать дома и объѣзжать подъ видомъ практики вашихъ бывшихъ обожательницъ и пріискивать, можетъ-быть, еще новыхъ?

Что мужъ дѣлаетъ это, Домна Осиповна твердо была въ томъ убѣждена.

— Между нами одна разница, — продолжала она съ дрожащими губами и раздувшимися ноздрями: — вы съ вашихъ обожательницъ берете деньги за визиты, а я къ Бѣгушеву ѣду даромъ, и не къ нему даже, а къ моей больной подругѣ!

Намекъ этотъ былъ очень оскорбителенъ для Перехватова, тѣмъ болѣе, что прямо на него онъ и возразить ничего не могъ, такъ какъ съ самой Домны Осиповны побиралъ порядочныя деньги за свои любовно-врачебныя посѣщенія.

— Васъ надобно освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ: у васъ тутъ немного тронулось отъ вашихъ истерикъ и капризовъ! — проговорилъ онъ, показывая себѣ на лобъ.

— Я знаю, что вы этого желаете и добьетесь, вѣроятно,

потому что все употребляете, чтобы я умерла или помѣшалась, — подхватила Домна Осиповна.

Далѣе супруги отъ напора гнѣва не въ состояніи были говорить, и вскорѣ докторъ уѣхалъ въ больницу свою, а Домна Осиповна поѣхала къ Мѣровой съ великимъ желаніемъ встрѣтиться съ Бѣгушевымъ.

— Александръ Ивановичъ заходитъ къ тебѣ иногда? — спросила она Елизавету Николаевну.

Мѣрова при этомъ вопросѣ нахмурилась.

— Рѣдко! — отвѣтила она нехотя, но вдругъ, какъ бы въ опроверженіе того, вошелъ Бѣгушевъ; при появленіи его, лицо Домны Осиповны просіяло, а у Мѣровой оно приняло свойственное ему выраженіе отчаянія.

У Бѣгушева все это не свернулось съ глазу. Домна Осиповна, впрочемъ, своею набѣленною и старающеюся улыбаться физіономіею показалась ему гадка. Онъ ей наскоро и молча поклонился и обратился ласково къ больной.

— Какъ вы себя чувствуете? — сказалъ онъ.

— Очень нехорошо! — отвѣчала та, закидывая свои маленькія ручки на голову.

— Но графъ вчера былъ у меня и сказалъ, что ты вовсе не такъ серьезно больна, какъ я тебя нашла! — вмѣшалась въ разговоръ Домна Осиповна.

— Графъ, можетъ-быть, думаетъ, что я не серьезно больна, но я больна и даже желаю еще больнѣе быть, чтобъ умереть скорѣе! — произнесла Мѣрова.

— Но ты забываешь окружающихъ тебя!.. Какое горе, я думаю, для нихъ твоя болѣзнь!.. — язвила Домна Осиповна.

— Ахъ, окружающимъ меня все равно это! Еще порадуются, когда я умру!.. — воскликнула Елизавета Николаевна, насколько у ней достало голоса.

Бѣгушевъ очень хорошо понималъ, что обѣ эти госпожи прохаживались на его счетъ, но Мѣровой онъ еще прощалъ, а Домнѣ Осиповнѣ—нѣтъ, и рѣшился ее отдѣлать.

— Елизавету Николаевну волнуютъ наши разговоры, а это ей вреднѣе всего, — сказалъ онъ съ рѣзкостью.

Домна Осиповна даже сквозь бѣлила покраснѣла.

— Извините, я не знала, что мои слова могли почему-либо взволновать Лизу! Вы позволите мнѣ по крайней мѣрѣ закурить пахитоску? — проговорила она.

— Больная сама не куритъ, и при ней тоже не велѣно курить, — отказалъ ей и въ томъ Бѣгушевъ.

Домна Осиповна видѣла, что онъ съ умысломъ говорилъ ей

дерзости, и на зло ему, а также и Мѣровой, рѣшилась продолжать свой визитъ.

— Александръ Ивановичъ до сихъ поръ еще, кажется, сердится на меня, хотя я въ разлукѣ моей съ нимъ нисколько не виновата!.. — отнеслась она къ Елизаветѣ Николаевнѣ, у которой опять появилось отчаяніе въ лицѣ.

Наглость и безстыдство Домны Осиповны поразили Бѣгушева.

— О какой это разлукѣ вы вспоминаете, о которой я давно и забылъ... — проговорилъ онъ презрительно-насмѣшливымъ тономъ.

— Вы забыли?.. Это хорошо и можетъ послужить урокомъ для другихъ женщинъ, какъ васъ понимать! — не унималась Домна Осиповна.

Бѣгушевъ насильственно разсмѣялся.

— Если вамъ нечего другого дѣлать, такъ хоть всѣхъ въ мірѣ женщинъ поучайте, какъ меня понимать! — проговорилъ онъ, вставая, и, сказавъ Мѣровой, что онъ потомъ зайдетъ къ ней, ушелъ, не поклонившись Домнѣ Осиповнѣ.

Та осталась рѣшительно разсвирѣпѣлой тигрицей.

— Я тебѣ еще прежде говорила и писала, что это за человѣкъ! Побереги себя хоть передъ смертью въ отношеніи его! — говорила она, забывъ всякое приличіе.

— Отъ чего мнѣ себя беречь? — возразила ей Елизавета Николаевна слабымъ голосомъ.

— Знаю я, chère amie, знаю! Меня нельзя обмануть, и вотъ къ тебѣ моя просьба теперь: когда онъ броситъ тебя, то напиши мнѣ; я возьму тебя къ себѣ! — произнесла она взволнованнымъ голосомъ и, поцѣловавъ больную, уѣхала.

Злобѣ и страданіямъ въ душѣ Домны Осиповны предѣловъ не было: она пріѣхала почти увѣренная, что помирится съ Бѣгушевымъ и что даже будетъ предостерегать его отъ Мѣровой, но вышло, какъ мы видѣли, совершенно наоборотъ.

Бѣгушевъ возвратился къ Мѣровой сейчасъ же, какъ только уѣхала Домна Осиповна. Елизавета Николаевна лежала въ своей постели мрачнѣе ночи.

— Что за штуки эта негодяйка выкидываетъ!—сказалъ онъ.

— Она не негодяйка, — отвѣчала Елизавета Николаевна:— она знаетъ только, что вы ее еще любите!

— Господи помилуй! — сказалъ, усмѣхаясь и пожимая плечами, Бѣгушевъ.

— Какъ же не любите... — продолжала Мѣрова, совершенно не обратившая вниманія на его восклицаніе: — какъ только услыхалъ, что она пріѣхала, сейчасъ же велѣлъ ее принять и самъ явился.

Чтобы успокоить Мѣрову, Бѣгушевъ сознался, что въ самомъ дѣлѣ глупо было съ его стороны войти къ ней въ комнату, когда была тамъ Домна Осиповна, но что сдѣлано было это чисто по необдуманности, а не по какому-нибудь чувству. «Не мальчишка же я...» — заключилъ онъ.

— Вы хуже чѣмъ мальчишка, — перебила его уже со слезами на глазахъ больная: — вы старый волокита... Домна Осиповна хорошо васъ знаетъ... Но я вамъ не позволю этого дѣлать, вы не смѣйте меня дурачить и обманывать.

— Прежде всего вы не волнуйтесь, это для васъ очень вредно!.. — продолжалъ ее успокаивать Бѣгушевъ.

— Нѣтъ, я хочу волноваться, я буду нарочно волноваться, чтобы мнѣ не оставаться въ живыхъ! — говорила Мѣрова и стукнула ручкой по кровати.

Бѣгушевъ не выдержалъ и тоже вспылилъ.

— Въ такомъ случаѣ плачьте, сколько вамъ угодно!.. — сказалъ онъ и, вставъ, хотѣлъ-было уйти, но Елизавета Николаевна схватила его за полу сюртука.

— А, вы ужъ и бѣжать!.. Ахъ, да, обрадовались; но я васъ убью, если вы уйдете, слышите!.. — почти кричала она.

Бѣгушевъ при этомъ невольно вспомнилъ разсказы Тюменева про ея порывистый нравъ, превосходящій даже характеръ Домны Осиповны.

— Цѣлуйте меня!.. Цѣлуйте... — бормотала между тѣмъ Елизавета Николаевна.

Бѣгушевъ съ удовольствіемъ исполнилъ ея желаніе и наклонился къ ней. Она обвила его шею своими худенькими ручками и начала цѣловать безъ конца.

— Я тебѣ еще не принадлежала, но теперь хочу принадлежать, — прошептала она.

Бѣгушевъ потерялъ наконецъ голову. Мѣрова въ своемъ увлеченіи казалась ему очаровательною: глаза ея блистали, все тѣло пылало въ жару.

Пріѣхавшій въ восемь часовъ докторъ, и раздавшійся затѣмъ звонокъ прервалъ ихъ свиданіе. Бѣгушевъ поспѣшилъ уйти отъ Елизаветы Николаевны. Докторъ, войдя къ ней, замѣтилъ, что она была въ тревожномъ состояніи, и первое, что началъ выслушивать ея грудь; выраженіе лица его сдѣлалось недовольнымъ.

— Вамъ больше всего надобно беречь ваше сердце, а вы его-то и не бережете, — сказалъ онъ укоризненнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ничего!.. Мнѣ сегодня гораздо лучше!..—отвѣчала безумица веселымъ тономъ.

Докторъ сомнительно покачалъ головой, далъ ей двойную

дозу капель дигиталисъ и, уѣзжая, убѣдительно просилъ не волноваться и не тревожиться ничѣмъ.

Бѣгушевъ, возвратясь въ свой кабинетъ, засталъ тамъ Хвостикова и Трахова.

— Это какими судьбами? — воскликнулъ онъ, обращаясь къ генералу и дружески пожимая его руку.

— Пріѣхалъ совсѣмъ съ женой въ Москву.

— А гдѣ же его сіятельство вы подцѣпили? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Въ клубѣ встрѣтились, и можете себѣ представить, вдругъ тамъ кто-то выдумалъ, что я привезъ изъ Петербурга по современной политикѣ важную новость, а я никого даже не видалъ передъ отъѣздомъ оттуда,—говорилъ генералъ съ гримасой.

— Передавая московскія вѣсти, я обыкновенно прибавляю, съ позволенія сказать: это я слышалъ въ Москвѣ! — сострилъ графъ Хвостиковъ.

— Именно! — подхватилъ генералъ Траховъ, видимо, бывшій въ весьма дурномъ расположеніи духа, что̀ съ нимъ почти всегда случалось, когда онъ былъ не въ очень дальнемъ разстояніи отъ супруги своей.

— Вы главное скажите Александру Ивановичу,—напомнилъ Трахову графъ.

— Главное, — продолжалъ тотъ невеселымъ голосомъ: — что въ воскресенье у насъ будетъ une petite soirée litteraire... будутъ читать драму жены... Я профанъ въ этомъ дѣлѣ, хоть и очень люблю театръ...

— Драма будетъ ко времени... ко времени... — подхватилъ опять Хвостиковъ.

— Можетъ-быть, — согласился генералъ и отнесся къ Бѣгушеву: — Жена умоляетъ васъ, cousin, пріѣхать къ намъ и прослушать ея твореніе. Вы хоть и пикируетесь съ ней всегда немножко, но она васъ безконечно уважаетъ.

Бѣгушевъ молчалъ.

— Пріѣдете? — повторилъ генералъ: — а въ противномъ случаѣ она меня со свѣта сгонитъ.

Бѣгушевъ колебался еще нѣсколько мгновеній: драма кузины заранѣе ему представлялась чѣмъ-то безконечно бездарнымъ, мертвящимъ; но, будучи исполненъ собственнаго счастья, онъ обѣщался быть.

— Mercі, тысячу разъ mercі... — произнесъ генералъ: — но теперь вотъ еще задача! Жена желаетъ, чтобы драму читала актриса Чуйкина... Она гдѣ-то слышала ее, какъ она декламировала поэму Глинки «Капля»... vous connaissez cet ouvrage?..

— Слыхалъ о немъ, — отвѣчалъ Бѣгушевъ.

— On dit, что это высокое произведеніе!.. Quant à moi, pardon, je ne le comprends pas... Я случайно прочелъ эту поэму, найдя ее въ библіотекѣ покойнаго тестя, который былъ, вы, вѣроятно, слыхали, заклятый масонъ, носилъ званіе великаго провинціальнаго мастера и ужасно дорожилъ всѣми подобными писаніями.

— Но отчего же Татьяна Васильевна сама не хочетъ намъ прочесть свою драму? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Ссылается на голосъ... говоритъ, что голосъ у ней слабъ, а она желаетъ, чтобы каждое слово изъ ея пьесы всѣ слышали... авторское, знаете, самолюбіе, но трудность тутъ та, что подай ей непремѣнно Чуйкину, которую, конечно, я видалъ, и она всегда мнѣ напоминала парижскую кухарочку, а въ то же время, по слухамъ, очень горда и вдругъ на приглашеніе мое скажетъ: «же не ве па, же не пе па, же не манжъ па де ля рѣпа».

— По-моему, вотъ какой тутъ самый практическій путь!..— отозвался графъ Хвостиковъ: — Чуйкина живетъ съ Офонькинымъ, который ее никуда безъ себя не пускаетъ... Единственное средство ѣхать вамъ, генералъ, къ Офонькину и пригласить его вмѣстѣ съ Чуйкиной.

Генерала покоробило.

— C'est impossible!..—воскликнулъ-было онъ сначала.

— Иначе она не поѣдетъ! — повторилъ графъ настойчиво.

— Но когда же ѣхать?—спросилъ генералъ.

— Сейчасъ... Я хоть и врагъ Офонькина, но съ вами поѣду!—отвѣчалъ графъ.

Генералъ вопросительно взглянулъ на Бѣгушева.

— Какъ вы, cousin, думаете: можно? — сказалъ онъ тому.

— Это дѣло вашего вкуса,—отвѣчалъ ему Бѣгушевъ.

— Mon Dieu, какой тутъ мой вкусъ!.. Я только жертва и мученикъ моей жены!—воскликнулъ генералъ плачевнымъ голосомъ.

— Но подобное приглашеніе, полагаю, не понравится и Татьянѣ Васильевнѣ... Она такъ щепетильна и строга въ этомъ отношеніи!—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Для драмы своей она готова итти на все... Человѣка, кажется, убить способна!—замѣтилъ генералъ.

— Ничего, поѣдемте!—ободрилъ его Хвостиковъ.

Генералъ пожалъ плечами и согласился.

Когда они пріѣхали къ Офонькину, то застали его сбирающимся уѣхать изъ дому и отправиться именно къ Чуйкиной; онъ былъ уже въ передней и держалъ въ рукахъ завернутый

въ бумагу толстый кусокъ шелковой матеріи, которую и везъ ей въ подарокъ.

Увидѣвъ знакомую ему фигуру графа Хвостикова, Офонькинъ сдѣлалъ недовольную мину, но, взглянувъ на его сопутника въ генеральскихъ погонахъ, онъ вдругъ почувствовалъ страхъ. Офонькинъ подумалъ, что Траховъ какой-нибудь жандармъ и пріѣхалъ брать его за то, что онъ на-дняхъ очень развольнодумничался въ клубѣ и высказалъ пропасть либеральныхъ мыслей.

— Прошу покорнѣйше сюда,—сказалъ онъ, сразу попятясь назадъ и сбрасывая проворно свое пальто, а затѣмъ пригласилъ гостей садиться; ему продолжало мниться, что генералъ пріѣхалъ къ нему по доносу Хвостикова, отъ котораго Офонькинъ всякой гадости ожидалъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ.

— Очень многимъ и очень малымъ,—отвѣчалъ развязнѣйшимъ тономъ графъ:—вы хорошій знакомый madame Чуйкиной, а супруга генерала написала превосходную пьесу, которую и проситъ madame Чуйкину, со свойственнымъ ей искусствомъ, прочесть у ней на вечерѣ, имѣющемъ быть въ воскресенье; генералъ вмѣстѣ съ тѣмъ приглашаетъ и васъ посѣтить ихъ домъ.

Генералъ, бывшій сначала очень смущенъ и не могшій равнодушно видѣть толстаго и черномазаго шиворотка Офонькина, наконецъ пріосанился немного и проговорилъ:

— Вы насъ очень обяжете вашимъ посѣщеніемъ.

Офонькинъ думалъ-было отказаться, но, замѣтивъ на Траховѣ генеральскій погонъ, счелъ за лучшее не сказать ничего рѣшительнаго.

— Я передамъ ваше желаніе madame Чуйкиной и, какой получу отъ нея отвѣтъ, васъ увѣдомлю,—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ вы категорически скажите намъ, можете ли вы и madame Чуйкина пріѣхать читать,—настаивалъ графъ.

— И я васъ прошу объ этомъ, — повторилъ за нимъ генералъ.

— Вы знаете, какой огромный талантъ у madame Чуйкиной, ей стыдно закапывать его, пьеса скоро будетъ поставлена на сцену, автору она доставитъ славу, а madame Чуйкиной прибавитъ еще новую вѣтвь къ ея лавровому вѣнку!..— расписывалъ Хвостиковъ.

— Madame Чуйкина, вѣроятно, согласится и пріѣдетъ!— изъяснилъ наконецъ Офонькинъ, видимо, подкупленный похвалами графа.

— Мы будемъ очень рады ея посѣщенію, — произнесъ ге-

нералъ; у него уже потъ со лба выступилъ отъ всѣхъ этихъ объясненій и хлопотъ.

— Пріѣдетъ!—повторилъ еще разъ Офонькинъ и при прощаньи уже съ важностью и то слегка только мотнулъ головой своимъ гостямъ.

Траховъ во всю жизнь не бывалъ въ такомъ унизительномъ положеніи, въ какомъ очутился въ настоящій вечеръ по милости супруги!

IX.

Независимо отъ присылки мужа, Татьяна Васильевна написала Бѣгушеву письмо, въ которомъ умоляла его пріѣхать къ ней и, чтобы заманить гурмана-кузена, прибавляла въ постскриптумѣ, что именно для него будетъ приготовленъ ужинъ самаго изысканнаго свойства. Бѣгушевъ понималъ, что не ѣхать къ Траховымъ значило разссориться съ ними на всю жизнь, а ему этого не хотѣлось; такъ какъ, при всемъ отвращеніи къ Татьянѣ Васильевнѣ, генерала онъ, по старой привычкѣ, искренно любилъ. Принявъ это въ соображеніе, онъ велѣлъ имъ сказать черезъ присланнаго къ нему съ письмомъ лакея, что будетъ непремѣнно.

Вечеромъ, часовъ въ девять, графъ вошелъ къ дочери, что̀ весьма рѣдко съ нимъ случалось. У Елизаветы Николаевны въ это время сидѣлъ Бѣгушевъ.

— Вы поѣдете къ Траховымъ?—спросилъ онъ его.

— Поѣду!—отвѣчалъ ему тотъ съ досадой.

— Пора!—сказалъ графъ:—я распорядился, чтобы карета была готова.

— Куда вы ѣдете? — проговорила Елизавета Николаевна недовольнымъ голосомъ.

Бѣгушевъ обыкновенно просиживалъ у ней цѣлые дни.

— На одинъ родственный вечеръ,—объяснилъ онъ ей.

— Это васъ папа все подговариваетъ: ему всегда куда-нибудь только да изъ дому уѣхать!—продолжала съ тѣмъ же недовольствомъ Мѣрова.

— Почему же я?.. Нельзя же Александру Ивановичу не выѣзжать никуда!—возразилъ графъ.

— Я скажу сестрѣ, чтобы она безъ насъ посидѣла съ вами,—проговорилъ Бѣгушевъ.

— Хорошо!.. Аделаида Ивановна такая добрая... Мы съ ней гранъ-пасьянсъ будемъ раскладывать!

— Отлично это! — одобрилъ Бѣгушевъ и зашелъ къ сестрѣ, которой сказавъ, что онъ ѣдетъ къ Траховымъ,

просилъ ее, чтобы она провела вечеръ съ Елизаветой Николаевной.

— Непремѣнно!.. Очень рада тому!—полувоскликнула Аделаида Ивановна, сама до одурѣнія скучавшая въ своей комнатѣ.

Бѣгушевъ, выйдя отъ сестры, прямо отправился садиться въ экипажъ. Графъ Хвостиковъ послѣдовалъ за нимъ и, видя, что Бѣгушевъ былъ въ пальто, не удержался и спросилъ:

— Александръ Ивановичъ, вы не во фракѣ развѣ поѣдете?

— Вотъ еще что̀ выдумали... Поѣду я на дурацкое священнодѣйствіе Татьяны Васильевны во фракѣ.

— Но ловко ли это будетъ? — осмѣлился замѣтить графъ.

— Отвяжитесь, пожалуйста!—обрѣзалъ его Бѣгушевъ.

Когда они подъѣхали къ квартирѣ Траховыхъ и вошли, то генералъ стоялъ уже на лѣстницѣ. Съ самаго утра Татьяна Васильевна брюзжала на него за то, что будто бы онъ не постарался и не хотѣлъ устроить ей литературный вечеръ, и что, вѣроятно, никто къ нимъ не пріѣдетъ. Тщетно генералъ увѣрялъ ее, что всѣ будутъ; но вотъ однако наступилъ уже десятый часъ, а прибыли пока только Бѣгушевъ и графъ Хвостиковъ.

— Представьте себѣ: этой кухарочки парижской, Чуйкиной все еще нѣтъ!—сказалъ онъ имъ встревоженнымъ голосомъ.

— Явится!.. Невозможно, чтобы не пріѣхала, — успокоилъ его графъ.

Татьяна Васильевна встрѣтила Бѣгушева и Хвостикова съ доброй улыбкой.

— Благодарю васъ, благодарю!—говорила она, пожимая у того и у другого руку и вмѣстѣ съ тѣмъ благоухая аптекарскими травами.

— А ужинъ будетъ?—спросилъ ее злившійся въ душѣ Бѣгушевъ.

— Будетъ!.. будетъ!.. Ужасный вы человѣкъ, кузенъ!.. — воскликнула Татьяна Васильевна.

Вскорѣ пріѣхалъ еще гость, господинъ съ заломленной назадъ головой, въ синемъ пенсне и очень нахально вошедшій въ гостиную.

— Господинъ Кликушинъ... театральный критикъ!.. — проговорилъ генералъ, обращая эти слова болѣе къ Бѣгушеву.

Тотъ молча и издали поклонился критику, который отвѣтилъ ему столь же сухо.

— А вы, конечно, знакомы?—поспѣшила прибавить Татьяна Васильевна графу.

— Давно!—отвѣчалъ тотъ.

— Давно!—подтвердилъ и критикъ, дружески мотнувъ головой графу.

Вслѣдъ затѣмъ влетѣлъ какъ бы съ цѣпи сорвавшійся Долговъ.

— Опоздалъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала ему Татьяна Васильевна и, отведя его въ сторону, начала ему что-то такое толковать шопотомъ о пьесѣ своей. Долговъ слушалъ ее съ полнѣйшимъ вниманіемъ; а между тѣмъ пріѣхалъ новый гость, старенькій-старенькій старичокъ.

— Вы видите, являюсь къ моей ученицѣ; вы мой выводокъ: ваше первое произведеніе было напечатано въ моемъ сборникѣ,—прошамкалъ онъ, подходя къ Татьянѣ Васильевнѣ.

— У васъ, конечно!.. Еще бы мнѣ не помнить этого; но то что же!.. То были фантазіи молодой дѣвушки!.. Теперешній же мой трудъ, напротивъ, вы не повѣрите, чего онъ мнѣ стоилъ!.. — объясняла она ему.

— Я думаю, я думаю!.. — шамкалъ старичокъ.

— Мнѣ удивительно, какъ я не ослѣпла!.. — продолжала Татьяна Васильевна:—три года я училась и читала; сколько мнѣ денегъ стоило скопить нужный историческій матеріалъ...

Генералъ при этомъ слегка отдулся; онъ тоже помнилъ, чего и ему стоилъ этотъ матеріалъ: Татьяна Васильевна безпощаднымъ образомъ гоняла его по книжнымъ магазинамъ и къ всевозможнымъ букинистамъ разыскивать и покупать старыя, замаранныя и какимъ-то погребомъ отзывающіяся книги, которыя везя домой, генералъ обыкновенно думалъ: «есть ли что хуже на свѣтѣ этихъ bas bleux!.. лучше ихъ всякая кокотка, всякая горничная, прачка!»

— Я непохожа на нынѣшнихъ писателей, — продолжала объяснять Татьяна Васильевна старичку: — они любятъ описывать только то, что видятъ на улицѣ, или какую-нибудь гадкую любовь...

— Нынѣшніе писатели описываютъ то, что и въ домахъ видятъ!.. — остановилъ ее критикъ, принявшій нѣсколько на свой счетъ фразу Татьяны Васильевны о томъ, что нынѣшніе писатели изображаютъ однѣ уличныя сцены.

— А я противъ того мнѣнія Татьяны Васильевны, — подхватилъ Бѣгушевъ: — что почему она называетъ любовь гадкою? Во всѣ времена всѣ великіе писатели считали любовь за одно изъ самыхъ поэтическихъ, самыхъ активныхъ и пріятныхъ чувствъ человѣческихъ. Противъ любви только тѣ женщины, которыхъ никогда никто не любилъ.

Генералъ готовъ былъ расцѣловать кузена за эту мысль, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смутился немного: намекъ былъ слишкомъ ясенъ!

— А сколько я писалъ прежде о любви, — зашамкалъ старичокъ:—разъ я въ одномъ изъ моихъ стихотвореній, описывая даму, говорю, что ея черные глаза загорѣлись во лбу, какъ два угля, и мой пріятель мнѣ печатно возражаетъ, что глаза не во лбу, а подъ лбомъ, и что когда они горятъ, такъ должны быть красные, а не черные!.. Кто изъ насъ правъ,— спрашиваю?

На этотъ вопросъ старичка никто не отвѣтилъ кромѣ Бѣгушева.

— Вы правѣе вашего противника! — сказалъ онъ ему: — но въ нашемъ спорѣ, полагаю, что я правъ; зачѣмъ же Татьяна Васильевна такъ унижаетъ любовь?

— Не я унижаю, а вы, вы, мужчины; но успокойтесь; и въ моей пьесѣ будетъ любовь и даже незаконная, — ублажала она ужаснаго кузена.

Раздавшееся шушуканье въ передней заставило генерала вскочить и уйти туда. На этотъ разъ оказалось, что пріѣхали актриса Чуйкина и Офонькинъ. Чуйкина сначала спустила съ себя бархатную, на бѣломъ барашкѣ, тальму; затѣмъ сняла съ своего рта сорти-респираторъ, который она постоянно носила, полагая, что скверный московскій климатъ испортитъ ея божественный голосъ. Офонькинъ въ это время освободилъ себя отъ тысячной ильковой шубы и внимательно посмотрѣлъ, какъ вѣшалъ ее на гвоздикъ принимавшій платье лакей.

Генералъ торжественно ввелъ этихъ двухъ гостей въ свой салонъ.

— Я думала, что вы и не пріѣдете, — сказала Татьяна Васильевна актрисѣ.

— Нѣтъ, отчего?—отвѣчала та обязательнымъ тономъ.

Татьяна Васильевна указала Чуйкиной на мѣсто рядомъ съ собой на диванѣ. Та сѣла. Татьяна Васильевна даже Офонькину, хоть онъ былъ еврей и развратникъ, подала руку и проговорила:

— Вы у насъ такой замѣчательный дѣятель!

Всѣ размѣстились наконецъ.

Бѣгушевъ нѣсколько времени смотрѣлъ на актрису: онъ никогда не видалъ ея на сценѣ; но по одутловатой, румяной и тривіальной ея физіономіи заключилъ, что врядъ ли у нея могъ быть настоящій талантъ.

— Мы можемъ начать чтеніе,—сказала Татьяна Васильевна актрисѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пододвинула ей свою драму, переписанную щегольскимъ, писарскимъ почеркомъ.

Чуйкина взяла рукопись, бѣгло и почти не глядя перелистовала ее и сказала:

— Всю драму я должна читать?

— Всю!.. Вы знаете, какъ я люблю ваше чтеніе, — произнесла Татьяна Васильевна заискивающимъ голосомъ.

— Драма: «Смерть Ольги»,—прочитала актриса заглавіе.

— Нашей знаменитой Ольги, жены князя Игоря! — поспѣшила объяснить ей Татьяна Васильевна.

— Я знаю!—отвѣтила актриса и соврала: ни о какой исторической Ольгѣ она не слыхивала. Далѣе читала:

«Ночь, крѣпостныя ворота.

Привратникъ.

«Стой, кто идетъ?

Молодой оруженосецъ.

«Идутъ свои.

Привратникъ.

«Княгиня не велѣла никого впускать.

Оруженосецъ.

«Врешь, я болѣе преданный слуга княгинѣ, чѣмъ ты.

«*Между ними начинается борьба; оруженосецъ убиваетъ привратника и проходитъ въ крѣпость*».

— Я не могу этого читать: тутъ все мужскія роли! — объявила актриса.

— Вы хоть сцену Ольги прочтите!—почти простонала испугавшаяся Татьяна Васильевна и, развернувъ тетрадь, показала то явленіе, которое происходило между Ольгой и молодымъ оруженосцемъ.

Ольга *(стоявшая на колѣняхъ передъ божницей)*.

«Вотъ такъ, какъ эти слезы, исходитъ изъ меня и жизнь моя!

Оруженосецъ.

«Княгиня, дайте мнѣ упасть передъ вами на колѣни и на коврѣ вашу слезу облобызать».

— Хорошо! — отозвался Долговъ.

— Прочитано отлично! — замѣтилъ критикъ.

Старичокъ отъ восторга разводилъ только руками и утиралъ катящіяся изъ глазъ его слезы.

— Теперь далѣе, далѣе, — торопила свою исполнительницу Татьяна Васильевна.

— Далѣе я не могу читать: опять все идутъ мужскія роли,— отозвалась актриса.

— Отчего же не читать и за мужчинъ! — замѣтилъ ей Офонькинъ.

— Оттого, что я не мужчина! — отвѣтила ему Чуйкина.

Офонькинъ слегка пожалъ плечами. Онъ зналъ, что возлюбленная его была недалека и капризна; но чтобы до такой степени простиралась ея глупость, не подозрѣвалъ даже: не хотѣть читать при такомъ обществѣ и при такихъ похвалахъ!..

— Но какъ же тутъ быть?—спросила Татьяна Васильевна, почти въ отчаяніи взглядывая на мужа.

— Позвольте, я буду читать!—воскликнулъ Долговъ.

— Ахъ, пожалуйста! — провопіяла Татьяна Васильевна.

Долговъ, взявъ тетрадь, началъ читать громко, но впечатлѣніе отъ его чтенія было странное: онъ напиралъ только на тѣ слова, гдѣ была буква *р*: «Оружіе, друзья, берите, поднимемъ весь народъ!.. и въ рьяный бой мы рьяно устремимся!»— кричалъ онъ на весь домъ. Женскія же роли произносилъ какимъ-то тихо-сладкимъ и неестественнымъ голосомъ. Наконецъ, дочитавъ второй актъ, почувствовалъ, что чтеніе его было очень неискусное, и, по своей откровенности, самъ сознался въ томъ:—«Нѣтъ, я скверно читаю!»

Татьяна Васильевна грустно потупила глаза.

Бѣгушева начинало уже все это забавлять.

— Да вы дайте читать вашему прежнему учителю, — посовѣтовалъ онъ ей, показывая на старичка.

— Готовъ, готовъ! — сказалъ тотъ.

Татьяна Васильевна, не мѣняя грустнаго выраженія лица, пододвинула къ нему свою тетрадь.

Старикъ зашамкалъ:

«Теремъ князя. Вдали слышится пѣніе: «Ахъ, подружки, отчего же нейдете вы въ лѣса!.. Тамъ грибовъ и ягодъ много!.. Наберите мнѣ цвѣтовъ душистыхъ!..»

— Кузина, позвольте мнѣ замѣтить, что эти стихи очень напоминаютъ Аскольдову могилу: «Ахъ, подруженьки, какъ грустно!..» — проговорилъ Бѣгушевъ.

— Напоминать хорошее всегда не мѣшаетъ!—отвѣтила она ему рѣзко и просила старичка продолжать.

Тотъ продолжалъ, но только вдругъ на одномъ очень поэтическомъ, по мнѣнію Татьяны Васильевны, монологѣ началъ кашлять, чихать, и въ заключеніе до того закашлялся, что заставилъ дамъ покраснѣть и потупиться, а мужчинъ усмѣхнуться, и вмѣстѣ съ ними самъ добродушно разсмѣялся.

— Старъ, чувствую это! — проговорилъ онъ.

— И мы тоже чувствуемъ! — подхватилъ Бѣгушевъ.

— Кузенъ!—прикрикнула на него, по обыкновенію, Татьяна Васильевна.

— Позвольте мнѣ читать! — предложилъ себя графъ Хвостиковъ.

Татьяна Васильевна разрѣшила ему.

Графъ, вслѣдствіе разнообразныхъ способностей, присущихъ ему, дочиталъ драму толково и ясно.

Татьяна Васильевна нѣсколько мгновеній поджидала услышать мнѣніе своихъ слушателей; но всѣ они молчали.

— Какъ же вамъ, господа, понравилась моя драма?—спросила наконецъ она, поставивъ на карту свое авторское самолюбіе.

— Драма превосходна! — сказалъ Бѣгушевъ, но, по выраженію его лица, ясно было видно, какого рода была эта похвала, такъ что Татьяна Васильевна даже замѣтила это.

— Неправду говорите, я вамъ не вѣрю,—отнеслась она къ нему, махнувъ рукой.

— И по-моему, драма превосходная!—подхватилъ старичокъ негромко, боясь еще разъ раскашляться.

Долговъ тщетно пріискивалъ въ головѣ своей, что бы такое сказать въ одобреніе драмы, но не находилъ того; конечно, тутъ былъ народъ и старая Русь, но все это было какъ-то слабо связано.

— Въ драмѣ есть единство,—заговорилъ критикъ, заламывая еще болѣе назадъ свою голову:—единство времени, мѣста и дѣйствія,—дообъяснилъ онъ.

Долговъ, видимо, хотѣлъ-было возразить ему, но его перебилъ старичокъ восклицаніемъ своимъ:

— Тутъ все есть!

— Все!—не опровергнулъ и графъ Хвостиковъ.

Критикъ тоже противъ этого ничего не высказалъ.

Въ сущности графъ Хвостиковъ, встрѣтившись наканунѣ въ театрѣ съ генераломъ, и посовѣтовалъ ему пригласить бывшаго тоже тамъ критика на чтеніе; сему же послѣднему шепнулъ, что это приглашаютъ его въ одинъ очень аристократическій домъ.

— А что именно будутъ читать? — спросилъ равнодушно критикъ, но втайнѣ обрадованный такимъ почетомъ.

— Драму хозяйки дома, и, разумѣется, какъ дамское произведеніе, по законамъ вѣжливости, надо будетъ расхвалить!— предупредилъ его Хвостиковъ.

— Можно!—согласился критикъ.

— Тѣмъ болѣе, что за это можно будетъ и вознагражденіе получить!—добавилъ графъ.

— И то недурно!—отозвался критикъ.

Все это они, какъ мы видѣли, и сдѣлали отчасти. Актрисѣ между тѣмъ становилось невыносимо скучно посреди всего этого общества и главнымъ образомъ оттого, что курить было нельзя, а она обыкновенно цѣлые дни не выпускала папироски изо рта.

— Чтеніе окончилось, и мы можемъ уѣхать?—сказала она, не вытерпѣвъ болѣе, Офонькину.

Тотъ, помня золотой аксельбантъ генерала, отвѣтилъ ей суровымъ взглядомъ. Актриса поняла его и не повторила болѣе своего желанія и, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, она начала разговаривать съ критикомъ, хоть и зла была на него до невѣроятности, такъ какъ онъ недавно обругалъ въ газетѣ ея бенефисъ за пьесу и за исполненіе.

Татьяна Васильевна, въ свою очередь, грустно размышляла: «Итакъ, вотъ ты, поэзія, на судъ какихъ людей попадаешь!»—но тутъ же къ утѣшенію себѣ она припомнила слова своего отца-масона, который часто говаривалъ ей:—«Духъ нашъ посреди земной жизни замкнутъ, оскорбляемъ и безславимъ!.. Терпи и помни, что имъ только однимъ и живетъ міръ! Всѣмъ нужно страдать и стремиться воздвигнуть новый храмъ на развалинахъ стараго!»

— Ваше высокопревосходительство, я ѣсть хочу!—сказалъ Бѣгушевъ генералу опять-таки съ единственной цѣлью побѣсить кузину.

— Сейчасъ! — отвѣтилъ тотъ протяжно и взглядывая въ то же время на жену.

— Поди, узнай, готово ли тамъ? — позволила ему Татьяна Васильевна.

Генералъ съ удовольствіемъ пошелъ въ столовую и возвратясь оттуда, просилъ гостей пожаловать къ ужину.

Всѣ начали подниматься за исключеніемъ актрисы, которая оставалась на своемъ мѣстѣ, такъ что Татьяна Васильевна должна была лично къ ней одной обратиться и проговорить:

— Прошу васъ!

Актриса съ замѣтной гримасой встала и нехотя пошла за хозяйкой, которая, какъ ни раздосадована была всѣми этими ломаньями Чуйкиной, посадила ее опять рядомъ съ собой, а по другую сторону Татьяны Васильевны помѣстился графъ Хвостиковъ и сталъ ее просить позволить ему взять пьесу съ собой, чтобы еще разъ ее прочесть и сдѣлать о ней заранѣе рекламу.

— И чтобы въ этой рекламѣ раскритиковать и унизить мое дѣтище, — проговорила грустнымъ голосомъ Татьяна Васильевна.

— Увидите! — воскликнулъ Хвостиковъ и отнесся скороговоркой къ критику: — экземпляръ пьесы мы будемъ имѣть!

Тотъ глубокомысленно кивнулъ головой и залпомъ выпилъ полъ-стакана портвейна, поближе къ которому онъ не безъ умыслу, кажется, и усѣлся.

Офонькинъ, оглядѣвшій убранство стола и стоявшихъ у стѣнъ нѣсколькихъ ливрейныхъ лакеевъ, остался замѣтно доволенъ этимъ наружнымъ видомъ и протянулъ-было уже руку къ ближайшему стулу къ хозяину; но генералъ очень ловко и быстро успѣлъ этотъ стулъ поотодвинуть и указать на него Бѣгушеву, на который тотъ и опустился. Офонькинъ такимъ образомъ очутился между старичкомъ и Долговымъ и сталъ на обоихъ смотрѣть презрительно.

— А вы будете играть въ моей пьесѣ?—спросила Татьяна Васильевна актрису.

— Мы все играемъ! — проговорила та.

Что̀ оставалось дѣлать послѣ подобнаго отвѣта! Татьяна Васильевна рѣшилась не произносить съ актрисой болѣе ни слова.

Долговъ, по поводу пьесы Татьяны Васильевны, началъ разсуждать о народѣ русскомъ и столько навыдумалъ на этотъ народъ въ ту и другую сторону, что ему Офонькинъ даже замѣтилъ: «это не такъ, этого не бываетъ». У Долгова была удивительная способность нигдѣ ничего не видѣть настоящаго и витать гдѣ-то между небомъ и землею.

Ужинъ, по внутреннему своему содержанію, оказался еще лучше, чѣмъ было по наружному убранству. Откуда и черезъ посредство кого генералъ его устроилъ, этому надо было удивляться, а въ награду себѣ онъ только взглядомъ спрашивалъ Бѣгушева, который ему благодарно улыбался. У генерала можно было отнять всѣ человѣческія достоинства, но ѣсть онъ умѣлъ!

Долговъ, начавшій вмѣстѣ съ другими, безъ всякаго, впрочемъ, пониманія, глотать ужинныя блага, стремился поспорить съ критикомъ касательно греческой трагедіи и объ ея трехъ единствахъ. Будучи не въ состояніи себя сдерживать, онъ ни съ того ни съ сего возвѣстилъ:

— Греческая трагедія, подъ давленіемъ своей пластической религіи, узка, сжата!

Критикъ, выпившій уже цѣлую бутылку портвейна, откинулся гордо на задокъ стула.

— Какъ?.. — сказалъ онъ.

— Узка! — повторилъ Долговъ: — Шекспиръ выше греческихъ трагиковъ.

— Чѣмъ? — спрашивалъ лаконически критикъ.

— Шекспиръ всеобъемлющъ, — лупилъ, не слушая своего оппонента, Долговъ:—какъ Богъ творилъ міръ, такъ и Шекспиръ писалъ; у него всѣ внутреннія силы нашей планеты введены въ объектъ: у него есть короли—власть!.. У него есть тѣни, вѣдьмы — фатумъ!.. У него есть народъ — сила!

— Гдѣ народъ у Шекспира?—разсчиталъ-было подшибить его критикъ.

— Въ могильщикахъ, въ «Коріоланѣ» и цѣлая масса въ его хроникахъ!..

— Кто народъ въ хроникахъ? — допытывалъ его строго критикъ.

— Всѣ кумушки, Фальстафъ и народнѣйшій король Генрихъ Пятый! — отпарировалъ его Долговъ.

Татьяна Васильевна молча ихъ слушала и была грустна: она полагала, что этимъ двумъ спорящимъ лицамъ въ настоящій вечеръ слѣдовало бы говорить объ ея пьесѣ, а не о Шекспирѣ.

Долговъ бы, конечно, нескоро пересталъ спорить, но разговоръ снова и совершенно неожиданно перешелъ на другое; мы, русскіе, какъ извѣстно, въ нашихъ бесѣдахъ и даже засѣданіяхъ не любимъ говорить въ порядкѣ и доводить разговоръ до конца, а больше какъ-то галдимъ и перескакиваемъ обыкновенно съ предмета на предметъ; никто почти никогда никого не слушаетъ и каждый спѣшитъ высказать только то, что у него на умишкѣ есть! Самъ хозяинъ, которому очень ужъ наскучилъ эстетическій разговоръ, разсказалъ Бѣгушеву вечернюю телеграмму объ одной изъ послѣднихъ кровавыхъ стычекъ на войнѣ. По поводу этой телеграммы съ заломленной головой критикъ началъ разбирать и обвинять нѣкоторыя наши стратегическія движенія. Бѣгушевъ, прислушавшись къ его словамъ и вдругъ весь вспыхнувъ, почти крикнулъ ему:

— Какъ вы позволяете себѣ такъ рѣшительно судить?

— Судить, я полагаю, всякій можетъ!—возразилъ критикъ.

— Нѣтъ, не всякій, а теперь и никто, я думаю: передъ вами схватились не машины, сопровождаемыя людьми, какъ это было въ франко-прусскую войну, а два тигра-народа, сопровождаемые машинами. Не говоря уже о васъ и другихъ разговаривателяхъ, весь міръ долженъ смотрѣть съ благоговѣйнымъ удивленіемъ на эту войну. Это не люди дерутся, а какіе-то олимпійцы, полубоги!

— Превосходно! Превосходно! — закричалъ добродушный Долговъ.

Генералъ Траховъ поникъ въ вострогѣ головою; Хвостиковъ

одобрительно улыбался; у Татьяны Васильевны слезы капали изъ глазъ. Критикъ былъ очень опѣшенъ.

— Если вы отрицаете право разсуждать, такъ и вы не имѣете его! — произнесъ онъ.

Бѣгушевъ отвѣтилъ ему презрительнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, Александръ Ивановичъ можетъ разсуждать. Я съ нимъ сослуживецъ и знаю его храбрость,—замѣтилъ генералъ.

Актриса при этомъ взмахнула глазами на мрачную и все-таки величавую фигуру Бѣгушева.

Критикъ, подумавъ, что Бѣгушевъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, чортъ знаетъ какой храбрецъ и нахалъ, счелъ за лучшее не продолжать спора и въ утѣшеніе себѣ выпилъ стаканъ вина.

— Турнамъ англичане очень помогаютъ!— сказалъ вполголоса Офонькинъ сидѣвшему около него старичку.

— А намъ Богъ поможетъ, — отозвался тотъ.

— Меня въ этой войнѣ одно радуетъ,— продолжалъ Бѣгушевъ:—что пусть хоть на время рыцарь проснется, а мѣщанинъ позатихнетъ!

— Такъ, вѣрно!—подхватилъ Траховъ.

— Вѣрно!—согласился и графъ Хвостиковъ.

«Вѣрно!..» — хотѣлъ-было, кажется, сказать и Долговъ, но однако удержался, вспомнивъ, что мѣщане все-таки ближе къ народу, чѣмъ рыцари, и предположилъ сейчасъ же доказать это своимъ слушателямъ.

Но въ это время одинъ изъ лакеевъ что-то такое тихо сказалъ Бѣгушеву, а потомъ и графу Хвостикову. Оба они съ безпокойствомъ встали съ своихъ мѣстъ и вышли въ переднюю. Тамъ ихъ дожидался Прокофій.

— Аделаида Ивановна меня прислали сказать, что госпожа Мѣрова умерла, — проговорилъ онъ своимъ монотоннымъ голосомъ.

Бѣгушевъ поблѣднѣлъ, а графъ Хвостиковъ выпучилъ глаза и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Ты врешь!.. Не можетъ быть! — едва имѣлъ силы сказать Бѣгушевъ.

— Все кончено! — воскликнулъ, опуская голову, графъ.

— Умерла! — повторилъ Прокофій какъ бы съ нѣкоторымъ даже чувствомъ.

— А докторъ былъ ли позванъ? — спрашивалъ Бѣгушевъ.

— Меня Аделаида Ивановна послали за вами, а своего этого старичонку Дормидоныча за докторомъ,—отвѣчалъ Прокофій, оттѣнивъ слова: «старичонку Дормидоныча», величайшимъ презрѣніемъ.

Генералъ, проворно вышедшій вслѣдъ за гостями своими въ переднюю и совершенно не знавшій, что Мѣрова живетъ въ домѣ у Бѣгушева, недоумѣвалъ, по какому случаю Прокофій тутъ очутился, и почему Аделаида Ивановна его прислала.

Графъ Хвостиковъ, Бѣгушевъ, а также и Прокофій, немедля же уѣхали, такъ что генералъ не успѣлъ ничего отъ нихъ хорошенько и узнать.

— Что̀ такое случилось? — спросила Татьяна Васильевна, когда онъ возвратился въ столовую.

— Дочь графа одночасно умерла!—объявилъ генералъ, садясь на свое мѣсто, и ничего не могъ больше ѣсть: передъ нимъ живо рисовалось пикантное личико Мѣровой.

— Царство небесное!— произнесла, крестясь, Татьяна Васильевна.

— Она такъ еще молода была,—замѣтилъ Офонькинъ, котораго тоже нѣсколько поразило это извѣстіе.

— Всѣмъ смертнымъ умирать придется!—выразился равнодушно Долговъ: онъ понималъ страшное значеніе смерти только въ книгахъ и на сценѣ, а въ жизни нѣтъ.

— Всѣмъ, всѣмъ, — пробормоталъ старичокъ.

— Но зачѣмъ Бѣгушева тоже вызвали? — пожелала знать Татьяна Васильевна.

— Вѣроятно, какъ пріятеля графа, — объяснилъ генералъ.

Вскорѣ затѣмъ актриса и Офонькинъ попросили позволенія встать изъ-за стола и уѣхать. Хозяева ихъ не удерживали. Старичокъ тоже поднялся вслѣдъ за ними.

— А драма хороша, хороша! — шамкалъ онъ.

Татьяна Васильевна послѣ того ушла къ себѣ, но Долговъ и критикъ еще часа два спорили между собою и въ концѣ концовъ разругались, что̀ при всѣхъ почти дебатахъ постоянно случалось съ Долговымъ, несмотря на его добрый характеръ. Бѣдный генералъ, сколько ни усталъ отъ дневныхъ хлопотъ, сколь ни былъ томимъ желаніемъ спать, считалъ себя обязаннымъ сидѣть и слушать ихъ. Какъ же послѣ этого онъ не имѣлъ права считать жену свою хуже всѣхъ въ мірѣ женщинъ! Мало, что она сама, но даже гости ея мучили его!

Бѣгушевъ и графъ Хвостиковъ, ѣхавшіе что̀ есть духу домой, всю дорогу молчали. Въ залѣ ихъ встрѣтилъ докторъ.

— Умерла? — спросилъ его Бѣгушевъ.

— Да, разрывомъ сердца, — отвѣчалъ тотъ.

Бѣгушевъ первый вошелъ въ комнату умершей. Точно живой лежалъ маленькій трупъ Елизаветы Николаевны. Бѣгушевъ взялъ ея руку; но та уже начала холодѣть. Графъ упалъ на колѣни передъ трупомъ.

У постели Мѣровой сидѣла Аделаида Ивановна и, закрывъ лицо руками, потихоньку плакала. Въ углу комнаты стояли Минодора и Маремьяша.

— Какъ она умерла? Не разсердили ли вы ея чѣмъ-нибудь? — спросилъ ихъ почти грозно Бѣгушевъ.

— Чѣмъ намъ ихъ сердить? Мы и въ комнату къ нимъ даже не входили,—отвѣтили въ одинъ голосъ Минодора и Маремьяша.

— Онѣ совсѣмъ и не входили, — подтвердила Аделаида Ивановна: — сначала Лиза была очень покойна... такъ внимательно глядѣла, какъ я раскладывала пасьянсъ; но часовъ съ одиннадцати начала все меня разспрашивать: «Александръ Ивановичъ скоро пріѣдетъ?.. Скоро?» Я ее успокаиваю, говорю, что ты уѣхалъ въ одинъ родственный намъ домъ, высоко-аристократическій, и что тебѣ нельзя оттуда уѣхать, когда вздумается... Она убѣдилась и стала даже указывать мнѣ карты, которыя я забывала перекладывать... Только я и не замѣтила, какъ это было, вижу, что она приложила платокъ къ лицу и, comprenez, кровью харкнула... Со мной сдѣлался почти обморокъ... Я не могу, какъ ты знаешь, видѣть крови и знаю одно, что позвонила...

Быстро брызнувшія слезы изъ глазъ старушки прервали ея разсказъ.

— А мы послѣ вбѣгаемъ,—докончила уже Маремьяша:—видимъ, что Елизавета Николаевна лежитъ, закрывши глаза, на постелькѣ, изъ ротику у нихъ кровь идетъ, и харабрецъ этотъ ходитъ въ грудкѣ... Я ее перекрестила три раза, и кровушка унялась.

Бѣгушевъ сѣлъ на одинъ изъ стульевъ.

«На повѣрку выходитъ, что это я помогъ путямъ природы!» — мучительно подумалъ онъ, а потомъ, обратясь къ Минодорѣ, сказалъ, чтобы она вышла къ доктору и попросила его еще разъ завтра пріѣхать; графа Хвостикова и Аделаиду Ивановну онъ услалъ въ свои комнаты: старушка поплелась, ведомая подъ руку Минодорой.

Графъ сдѣлалъ видъ, что тоже отъ горести едва итти можетъ.

Бѣгушевъ такимъ образомъ остался одинъ около трупа.

Единственная свѣча тускло горѣла на комодѣ; около нея стояли склянки съ недоконченными лѣкарствами; на столикѣ еще сохранился разложенный пасьянсъ; гдѣ-то подъ поломъ шеберстѣли мыши или что-нибудь другое. Бѣгушеву сдѣлалось не то что страшно, но какъ-то жутко.

— Лиза, Лиза, неужели ты умерла?—шепнулъ онъ и ущипнулъ ея лицо, грудь, но Елизавета Николаевна оставалась неподвижною.

Бѣгушевъ махнулъ рукой и ушелъ въ свою комнату, гдѣ почти упалъ на диванъ.

— Еще одна смерть около меня, — говорилъ онъ самъ съ собою: — а можетъ-быть, даже и жертва моя. Точно упасъ я смертоносный: все, что̀ приближается ко мнѣ, или умираетъ, или погибаетъ.

На утро, взглянувъ въ окно, Бѣгушевъ увидѣлъ у воротъ своихъ человѣкъ двадцать мужчинъ въ поддевкахъ, въ шубенкахъ, съ которыми Прокофій перебранивался. Бѣгушевъ догадался, что это были набѣжавшіе, какъ вороны на трупъ, гробовщики, и отвернулъ глаза отъ окна.

Въ залѣ тѣмъ временемъ обряжали и клали покойницу на столъ. Часовъ въ двѣнадцать пріѣхалъ докторъ. Бѣгушевъ вышелъ къ нему.

— Испытайте, умерла ли она?—сказалъ онъ.

Докторъ вскрылъ покойницѣ жилу, но кровь не пошла.

— Умерла!—проговорилъ онъ и, побывъ еще немного, распрощался съ Бѣгушевымъ.

Тотъ воротился въ свою комнату.

Вскорѣ пришли священники, засвѣтили свѣчи и начали служить панихиду. Бѣгушевъ, никогда не могшій переносить поповское пѣніе, ушелъ совсѣмъ изъ дому.

Въ церковь на похороны онъ, впрочемъ, пришелъ и былъ по-наружному спокоенъ: онъ не хотѣлъ передъ посторонними обнаруживать, что Елизавета Николаевна была ему близка. Будетъ, ужъ довольно ее безславили изъ-за другихъ!

X.

Надъ Домной Осиповной тоже разразились бѣды немалыя. Янсутскій успѣлъ схлопотать, чтобы по дѣламъ умершихъ Олуховыхъ учредился въ Сибири конкурсъ, и самъ, будучи выбранъ предсѣдателемъ сего конкурса, увѣдомилъ о томъ Домну Осиповну офиціальнымъ письмомъ, прося ее вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить ему, что приняла ли она наслѣдство послѣ мужа или нѣтъ. Домна Осиповна, потрясенная страхомъ, сначала обратилась за совѣтомъ къ мужу, но тотъ, объявивъ, что въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, уѣхалъ на практику. Домна Осиповна, почти не сознающая, что̀ она дѣлаетъ, отправилась въ контору къ Грохову, чтобы умолить его принять на себя ходатайство противъ Янсутскаго. Въ конторѣ ей первоначально сказали, что Григорій Мартыновичъ очень боленъ и никого не принимаетъ, кромѣ своихъ старыхъ кліентовъ. Домна Осиповна объяснила, что она тоже старая его кліентка,

госпожа Перехватова, бывшая Олухова. Услышавъ послѣднюю фамилію, ее сейчасъ же пустили къ Грохову, который, съ отекшимъ лицомъ и съ ногами, окутанными въ пледъ, лежалъ на кушеткѣ.

— Гроховъ, вы были всегда такъ добры ко мнѣ, и я пріѣхала просить вашей помощи!..—проговорила Домна Осиповна, опускаясь отъ волненія и усталости на стулъ; слезы текли по ея щекамъ и дѣлали борозды на бѣлилахъ.

— Сколько имѣю силъ, готовъ служить,—отвѣчалъ тотъ глухимъ и не совсѣмъ пріязненнымъ голосомъ.

— Вы, кажется, больны очень; что̀ такое съ вами?—спрашивала Домна Осиповна.

— У меня водянка!—проговорилъ Гроховъ, и лицо его при этомъ исказилось ужасной гримасой.

— Господи, что̀ же это такое? — воскликнула Домна Осиповна и затѣмъ, глядя съ участіемъ на Грохова, продолжала:— вы слышали: Янсутскій хочетъ меня совсѣмъ разорить?

— Слышалъ!

— И въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ разорить меня?

— Можетъ.

Холодная дрожь пробѣжала по всѣмъ нервамъ Домны Осиповны.

— Но, Григорій Мартыновичъ, возьмите съ меня какія хотите деньги, но не дайте мнѣ погибнуть! Я всегда вамъ платила честно.

Гроховъ слушалъ Домну Осиповну съ нахмуренными бровями.

— Я не могу по этому дѣлу быть вашимъ ходатаемъ: я повѣренный отъ конкурса,—сказалъ онъ.

— Откажитесь отъ нихъ!.. Они скорѣе васъ обманутъ, чѣмъ я!..

На лицѣ Грохова пробѣжало что-то въ родѣ усмѣшки.

— Разъ взявшись, этого ужъ нельзя дѣлать!.. иначе подъ судъ попадешь!..—возразилъ онъ.

— Значитъ, вы совершенно съ ними въ участіи?

— Я не участникъ въ дѣлѣ, а только ходатай по нему, и не лично даже буду вести его, а мой помощникъ по передовѣрію отъ меня,—едва имѣлъ силы договорить Гроховъ и застоналъ отъ невыносимѣйшей, повидимому, боли.

— По крайней мѣрѣ посовѣтуйте, что̀ я должна дѣлать? Намъ обоимъ осталось жить недолго! Сжальтесь, хоть во имя этого, надо мной!—продолжала молить Домна Осиповна.

— Ну, какъ вамъ недолго... Мнѣ такъ точно, что недолго!..—пробормоталъ онъ, не переставая стонать.

— Нѣтъ, — вы должны жить для спасенія несчастныхъ женщинъ!

При этихъ словахъ Домны Осиповны Гроховъ опять какъ будто бы усмѣхнулся: онъ никакъ себя не воображалъ заступникомъ и спасителемъ женщинъ; но какъ бы то ни было, къ Домнѣ Осиповнѣ почувствовалъ нѣкоторую жалость, припомня, сколько денегъ онъ перебралъ съ нея.

— По-моему, вамъ всего лучше помириться съ Янсутскимъ.

— Какимъ образомъ я могу съ нимъ помириться? — спросила Домна Осиповна.

— Дать ему или тамъ конкурсу отступного, чтобы они васъ не касались, — свелъ на любимый свой способъ устраивать дѣла Гроховъ.

— Но Янсутскій Богъ знаетъ что̀ съ меня потребуетъ!— произнесла Домна Осиповна. Цѣлый адъ былъ вдвинутъ ей въ душу этимъ совѣтомъ Грохова:—«Что̀ же это такое, собирать, копить, отказывать себѣ во многомъ, все это затѣмъ, чтобы отдать свои средства чортъ знаетъ кому и за что!..»—думалось ей.—По закону они ничего не могутъ получить съ меня. Я изъ наслѣдства мужа ни копейки не прожила! Гдѣ же справедливость послѣ этого?—воскликнула она.

— Да вы не отказались отъ наслѣдства, а приняли его,— возразилъ Гроховъ.—Конечно...—хотѣлъ-было онъ далѣе продолжать, вспомнивъ и другія статьи закона по этому предмету, но пріостановился изъ боязни Янсутскаго, зная, какой тотъ пройдоха, и очень возможно, что, провѣдавъ о совѣтахъ, которые бы Гроховъ далъ противной сторонѣ, онъ и его, пожалуй; притянетъ къ суду. — Обратитесь къ какому-нибудь другому адвокату, а я умираю; мнѣ не до дѣлъ! — заключилъ онъ и повернулся къ стѣнѣ.

— Но къ кому?—выпытывала у него Домна Осиповна.

— Не знаю!— не направилъ ея даже и въ этомъ Гроховъ.

Домна Осиповна поняла, что онъ совершенно ей безполезенъ, а такъ какъ энергіи ея, когда что̀ касалось до дѣлъ, предѣловъ не было, то она и поѣхала въ судъ, прямо въ комнату присяжныхъ повѣренныхъ, гдѣ даютъ, какъ она слыхала, совѣты по дѣламъ. Въ судѣ повели ее въ эту комнату... Нервный холодъ съ ней продолжался, руки и ноги дрожали; а голова была какъ бы въ огнѣ, и въ мозгу что-то такое клокотало и шумѣло. Въ комнатѣ присяжныхъ сидѣло нѣсколько незанятыхъ адвокатовъ и тѣхъ, коихъ была очередь давать совѣты. Всѣ они курили безпощаднымъ образомъ.

— Вамъ угодно что-нибудь? — спросилъ Домну Осиповну одинъ изъ дежурящихъ адвокатовъ, и очень еще молодой человѣкъ.

— Я хочу посовѣтоваться,—сказала она.

Адвокатъ предложилъ ей стулъ около себя. Двое изъ незанятыхъ адвокатовъ, увидя все еще красивое и въ настоящій моментъ весьма одушевленное лицо Домны Осиповны, переглянулись между собою и оба подумали: «Штучка недурная — эта барыня».

Домна Осиповна начала-было разсказывать свое дѣло; но у ней все перепуталось въ головѣ.

— Madame! вы слишкомъ взволнованы; позвольте, я сегодня пріѣду къ вамъ,—проговорилъ слушающій ее адвокатъ.

— Пріѣзжайте!—отвѣчала Домна Осиповна.

— Вашъ адресъ?

Домна Осиповна подала ему свою карточку и ушла.

— Кто это такая?—спросилъ одинъ изъ адвокатовъ, которому понравилась наружность Домны Осиповны.

— Перехватова! — прочиталъ адвокатъ, принявшій отъ Домны Осиповны карточку.

— Это жена, можетъ-быть, доктора Перехватова?—п любопытствовалъ тотъ же адвокатъ.

— Она самая, а прежде бывшая жена Олухова,—объяснилъ довольно мрачный на видъ адвокатъ, сидѣвшій въ сторонѣ и читавшій газету.

— Олухова? — переспросили многіе изъ адвокатовъ съ небольшимъ волненіемъ въ голосѣ.

Они всѣ почти слышали о начинающемся милліонномъ процессѣ Олуховыхъ.

Адвокатъ, взявшій на себя обязанность пріѣхать къ Домнѣ Осиповнѣ, потеръ себѣ какъ бы отъ холода руки; но, въ сущности, отъ самодовольства, разсчитывая захватить это дѣло себѣ.

Возвратясь домой, Домна Осиповна ждала мужа, который однако не возвращался. Съ разсвирѣпѣлымъ видомъ начала она ходить по своимъ богатымъ апартаментамъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утишить терзающіе ее страхъ и гнѣвъ...

Раздался звонокъ. Домна Осиповна думала, что пріѣхалъ мужъ, но оказалось, что это было городское письмо, которое лакей и несъ, по обыкновенію, въ кабинетъ къ доктору.

— Дай мнѣ письмо!—крикнула ему Домна Осиповна.

Лакей подалъ ей.

Домна Осиповна сначала понюхала письмо: оно пахнуло духами. Домна Осиповна разорвала пакетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самое письмо, которое и начала-было читать.

«Cher Перехватовъ!—писалось въ немъ:—я жду васъ къ себѣ и больна скукою о васъ!..»

Домна Осиповна не стала болѣе читать и бросила письмо на полъ; она сама нѣкогда въ родѣ этого посылала письма

къ Перехватову. Въ головѣ ея между тѣмъ зародился новый планъ: ѣхать къ Бѣгушеву. Онъ ей сталъ казаться единственнымъ спасителемъ, и она готова была, на зло мужу, войти во всевозможные компромиссы со своимъ старымъ обожателемъ.

Бѣгушевъ еще изъ окна увидѣлъ, что Домна Осиповна подъѣзжаетъ къ крыльцу на дрянномъ извозчикѣ, но быстро, и, когда она позвонила, онъ крикнулъ стоявшему предъ нимъ съ бутылкою краснаго вина молодому лакею:

— Поставь это здѣсь и прими!

Лакей побѣжалъ.

Бѣгушевъ залпомъ выпилъ стаканъ краснаго, которое онъ въ послѣднее время почти постоянно тянулъ. Въ этомъ маленькомъ опьянѣніи ему какъ-то легче было существовать!

Молодой лакей принялъ Домну Осиповну.

Она прямо прошла въ диванную къ Александру Ивановичу.

— Здравствуйте, мой добрый, старый другъ! — проговорила она.

Бѣгушевъ только отвѣтилъ ей первоначально:

— Здравствуйте!

— Бѣгушевъ, — продолжала Домна Осиповна:—я пріѣхала васъ просить о томъ же, о чемъ просила васъ, можетъ-быть, и Мѣрова: спасите меня отъ голодной смерти!

— Васъ?.. отъ голодной смерти?

— Да, Янсутскій хочетъ уничтожить все мое состояніе, а вы знаете, что онъ способенъ это сдѣлать.

— Какимъ же образомъ и чѣмъ Янсутскій можетъ уничтожить ваше состояніе, наконецъ вашъ мужъ — такой практическій человѣкъ, что не допуститъ, вѣроятно, сдѣлать его это!..—говорилъ Бѣгушевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всматриваясь въ лицо Домны Осиповны, которое имѣло странное выраженіе, особенно глаза: они были неподвижны и вмѣстѣ съ тѣмъ блестѣли; прежняго бархатнаго тона въ нихъ и слѣда не оставалось.

— Мужъ мой дуракъ и подлецъ,—хватила Домна Осиповна откровенно:—вы одни только понимаете, можете, если только захотите, пособить мнѣ!.. Любви между нами не можетъ быть: вы, конечно, меня не любите больше, да и я васъ не люблю; впрочемъ, я ужъ и никого не люблю!..

И Домна Осиповна взяла себя за голову.

— Если вы пріѣхали ко мнѣ изъ боязни за ваше существованіе, то вотъ вамъ мое слово: я буду ѣздить къ вамъ и наблюдать, чтобы чего не случилось съ вами, — проговорилъ Бѣгушевъ, у котораго явилась снова мысль прійти на помощь къ этой разбитой женщинѣ.

— Нѣтъ, Бѣгушевъ, нѣтъ,—воскликнула Домна Осиповна:— вамъ ко мнѣ ѣздить нельзя!.. Насъ съ вами раздѣляетъ столько враговъ... но постойте, гдѣ же они и какіе?.. мужъ, который мнѣ измѣнилъ и бросилъ меня, состояніе мое, котораго у меня нѣтъ!.. Я сказала это вздоръ, что нѣтъ,—продолжала она: — состояніе есть и большое!.. его только надо «припрятать». Научите, куда я могу уѣхать за границу, чтобы туда увезти мое состояніе; можно это?

— Не знаю-съ, я никогда не упражнялся въ этомъ и скорѣй бы бросилъ свое состояніе, чѣмъ бы сталъ прятать его.

— Я не могу, Бѣгушевъ, этого сдѣлать, — опять громко воскликнула Домна Осиповна: — мнѣ мое состояніе слишкомъ дорого досталось... Оно теперь мое и мнѣ должно принадлежать!.. Посмотрю я, какъ его отнимутъ отъ меня... посмотрю!..

И Домна Осиповна засмѣялась непріятнымъ, озлобленнымъ смѣхомъ.

— И вы, Бѣгушевъ, тоже наблюдайте за этимъ, — продолжала она:—нельзя же цѣлый вѣкъ прикидываться такимъ простачкомъ въ этихъ дѣлахъ.

— Какъ же я буду наблюдать, когда вы запрещаете мнѣ даже бывать у васъ?—сказалъ Бѣгушевъ, начинавшій не понимать, что̀ такое говоритъ Домна Осиповна.

— Я у васъ буду бывать, это все равно!.. Ѣздила же я прежде къ вамъ, — проговорила она рѣзко:—дня черезъ два, значитъ, я буду у васъ... велите меня принимать въ каждый часъ, когда бы я ни пріѣзжала къ вамъ!.. — заключила она повелительнымъ голосомъ и распрощалась съ Бѣгушевымъ.

Прокофій съ мрачнымъ видомъ провожалъ ее. Въ передней Домна Осиповна торопливо и судорожно вытащила кошелекъ, достала изъ него двадцатипятирублевую бумажку и подала ее Прокофію. Тотъ, взглянувъ на деньги, проговорилъ:

— Это зачѣмъ?

— Тебѣ,—отвѣчала Домна Осиповна.

Прокофій возвратилъ ей бумажку назадъ.

— Мнѣ не надо! — сказалъ онъ.

— Ты долженъ взять!.. Ты не смѣешь этого дѣлать!.. — крикнула на него Домна Осиповна.

— Не возьму-съ! — отвѣчалъ Прокофій и отворилъ передъ ней дверь.

Домна Осиповна, садясь на пролетку, швырнула держимую ею въ рукахъ бумажку на землю и велѣла извозчику проворнѣй ѣхать домой. Одинъ изъ игравшихъ съ дѣтками Прокофія мальчиковъ (сынъ дворника сосѣдняго), увидавъ брошен-

ную бумажку и уразумѣвъ, вѣроятно, что̀ это такое, подхватилъ ее и благимъ матомъ удралъ домой.

Когда Домна Осиповна возвратилась къ себѣ, мужъ все еще не пріѣзжалъ; но зато ея дожидался молодой адвокатъ. Она увела его въ гостинную и снова начала ему разсказывать свое дѣло; но въ словахъ ея очень мало было связнаго, а затѣмъ она принялась ему показывать множество бумагъ, опредѣляющихъ ея права. Адвокатъ хоть и зналъ по опыту, какъ бо̀льшая часть дамъ лукаво, но безтолково разсказываетъ свои процессы, однако такой чепухи еще не слыхивалъ; между тѣмъ, какъ мы знаемъ, Домна Осиповна умѣла прежде говорить о своихъ дѣлахъ ясно и отчетливо. Убѣдившись, что съ госпожою Перехватовою до большого толку не договоришься, онъ просилъ ее отдать ему бумаги, которыя разсмотрѣвъ дома, обѣщался сказать ей, что̀ можно и нужно сдѣлать. Домна Осиповна объявила, что бумагъ своихъ она ни за что не отдастъ ему, потому что онъ, пожалуй, ихъ потеряетъ или продастъ ея врагамъ.

Адвокатъ обидѣлся и уѣхалъ: она показалась ему пьяною!

Къ Бѣгушеву Домна Осиповна, хоть и прошла почти недѣля, не ѣхала; онъ ее поджидалъ каждый день и не выходилъ даже изъ дому: его очень поразилъ ея безпокойный и странный видъ, который, впрочемъ, онъ отнесъ къ ея нервному разстройству; наконецъ онъ получилъ отъ нея письмо; надпись адреса на конвертѣ ему невольно кинулась въ глаза: она написана была кривыми строками и совершенно дрожащей рукой. «Я пишу къ вамъ, Бѣгушевъ, — увѣдомляла его Домна Осиповна: — за минуту передъ тѣмъ, какъ хотятъ посадить меня въ долговую тюрьму, и это все устроилъ мнѣ мужъ мой... У меня была полиція, и мужъ умоляетъ меня, чтобы я слушалась его и была спокойна; его-то мнѣ слушаться!.. Будетъ ужъ, слушалась его довольно прежде... Бѣгушевъ, что̀ вы такое: честный человѣкъ или подлецъ?.. Я гордилась вашей любовью, Бѣгушевъ, но другихъ я считала ниже себя... «Я любила его жарче дня и огня, какъ другія», а потомъ не помню... «Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ!». Все это, Бѣгушевъ, я вамъ часто пѣла, и вы хвалили меня!»

Домна Осиповна во всю жизнь свою ни Бѣгушеву и никому въ мірѣ не пропѣла ни одной ноты. Далѣе и разобрать было невозможно, что̀ она писала: въ словахъ то недоставало нѣсколькихъ буквъ, то они сливались между собой, и только чаще всего мелькала фамилія Янсутскаго, написанная отчетливо. Видимо, что у Домны Осиповны что-то посерьезнѣй простого нервнаго разстройства. Бѣгушевъ и рѣшился раз-

узнать объ этомъ поподробнѣе; для этой цѣли онъ велѣлъ позвать къ нему Маремьяшу, которую считалъ на развѣдки ловчѣе остальной своей прислуги.

— Послушай, Маремьяша, — сказалъ онъ, когда та явилась: — сходи ты къ одной госпожѣ Перехватовой... живетъ она на Никитской, въ собственномъ домѣ...

Говоря это, Бѣгушевъ держалъ лицо потупленнымъ внизъ.

— Знаю я этотъ домъ... видала его! — подхватила смѣтливая Маремьяша.

— И разспроси ты тамъ, — продолжалъ Бѣгушевъ все болѣе и болѣе сконфуженнымъ голосомъ: — что эта госпожа не больна ли и не уѣхала ли куда-нибудь?

Маремьяша, втайнѣ понимавшая, сколько дѣлалъ благодѣяній Александръ Ивановичъ для ея барыни, вслѣдствіе этого безконечно боявшаяся Александра Ивановича, приняла съ восторгами это приказаніе и, очень невдолгѣ исполнивъ его, возвратилась.

— Домна Осиповна, — начала она докладывать Бѣгушеву: — не знаю, правда ли это или нѣтъ, изволили въ разсудкѣ тронуться; все рвутъ, мечутъ съ себя... супругъ ихъ, докторъ, сказывала прислуга, бился-бился съ нею и созвалъ докторовъ, губернатора, полицеймейстеровъ, и ее почесть что силой увезли въ сумасшедшій домъ.

— Развѣ у себя онъ не могъ ее пользовать, негодяй этакій! — воскликнулъ Бѣгушевъ.

— Прислуга ихъ тоже удивляются тому, — отвѣчала Маремьяша: — «что жъ, говорятъ, мы при чемъ теперь остались, жалованья не уплачено никому за мѣсяцъ, самъ господинъ докторъ переѣхалъ на другую квартиру и взялъ только мебель себѣ!»... Въ домѣ все раскидано, разбросано,—страсть взглянуть.

– Хорошо, спасибо тебѣ! — остановилъ Бѣгушевъ Маремьяшу.

Та ушла, не совсѣмъ довольная, что Александръ Ивановичъ не далъ ей ни копейки за исполненное порученіе.

«Новый щелчокъ отъ судьбы: какъ только Домна Осиповна пріѣхала ко мнѣ, такъ сейчасъ же съ ума спятила»,—обвинилъ онъ, по обыкновенію, себя.

Вслѣдъ затѣмъ Бѣгушевъ началъ ѣздить по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и написалъ письмо къ Тюменеву, въ которомъ говорилъ ему, что онъ желаетъ поступить въ дѣйствующую армію на Кавказъ, и чтобы Тюменевъ схлопоталъ ему это въ Петербургѣ. Тотъ спросилъ Бѣгушева на его письмо телеграммой: «Зачѣмъ ты это дѣлаешь?» — «Затѣмъ, —

отвѣчалъ ему тоже телеграммой Бѣгушевъ: — что тамъ я могу хоть немножко быть полезенъ, а въ другомъ мѣстѣ нѣтъ». Графъ Хвостиковъ, которому Бѣгушевъ, конечно, ни слова не говорилъ объ этомъ, сталъ подмѣчать и подозрѣвать, что Бѣгушевъ что-то такое замышляетъ, и что ему оставаться долѣе у него ненадежно. Впрочемъ, на этотъ случай графъ заранѣе себя до нѣкоторой степени обезпечилъ, такъ какъ немедля же послѣ чтенія пьесы Татьяны Васильевны онъ написалъ и напечаталъ хвалебнѣйшую статью о семъ имѣющемъ скоро появиться въ свѣтѣ произведеніи и подписался подъ этой рекламой полной своей фамиліей. Номеръ газеты, гдѣ она была напечатана, графъ самъ привезъ къ Татьянѣ Васильевнѣ и торжественно сказалъ ей:—«Вы видите, я не обманулъ васъ!»

Когда Татьяна Васильевна читала статью, слезы капали изъ ея некрасивыхъ глазъ.

— Прочти, что̀ обо мнѣ написано! — сказала она растроганнымъ голосомъ мужу, передавая ему газету.

Тотъ прочиталъ.

— Это очень лестно и пріятно! — проговорилъ генералъ:— и вы авторъ этой статьи? — отнесся онъ къ Хвостикову

— Я!.. Но будетъ еще статья того критика Кликушина, который былъ у васъ; вѣроятно, и Долговъ напишетъ разборъ... онъ мнѣ даже говорилъ о планѣ своего отзыва.

— Какой же онъ будетъ? Разскажите мнѣ! — пристала къ нему Татьяна Васильевна.

Хвостиковъ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе. Долговъ дѣйствительно говорилъ ему, что онъ намѣренъ писать о драмѣ вообще и драмѣ русской въ особенности, желая въ статьѣ своей доказать, но что̀ такое доказать—графъ совершенно не понялъ. Онъ былъ не склоненъ къ черезчуръ отвлеченному мышленію, а Долговъ въ этой бесѣдѣ занесся въ самыя высшія философско-историческія и философско-эстетическія сферы.

— Что̀, собственно, фантазировалъ Долговъ, — передать трудно; для этого надобно имѣть его талантъ и силу его воображенія, — вывернулся онъ передъ Татьяной Васильевной

Она грустно потупила голову.

— Мнѣ очень бы пріятно было, если бы Долговъ написалъ что-нибудь о моей пьесѣ: онъ съ такимъ возвышеннымъ умомъ и такимъ горячимъ сердцемъ, — проговорила она.

— Долговъ, — продолжалъ съ глубокомысленнымъ видомъ графъ: — какъ самъ про себя говоритъ, человѣкъ народа, демократъ, чувствующій вѣяніе минуты... (Долговъ дѣйстви-

тельно это неоднократно говорилъ Хвостикову, поэтому тотъ и запомнилъ его слова буквально). А Бѣгушевъ, напримѣръ, при всемъ его умѣ, совершенно не имѣетъ этого чутья, — заключилъ графъ.

Послѣднюю мысль онъ тоже слышалъ отъ Долгова.

— Бѣгушевъ эгоистъ, циникъ, чувственникъ! — рѣшила Татьяна Васильевна, сердившаяся на кузена за его насмѣшливыя выходки на ея литературномъ вечерѣ.

— Бѣгушевъ, напротивъ, человѣкъ отличный, гораздо лучше всѣхъ насъ, — отозвался вдругъ генералъ съ необычною ему смѣлостью: ему наконецъ сдѣлалось досадно, что Татьяна Васильевна и какой-нибудь Хвостиковъ смѣютъ такъ третировать Бѣгушева.

— Онъ потому тебѣ нравится, что на тебя похожъ! — возразила ему рѣзко та.

Генералъ ей на это ничего не отвѣтилъ, а всталъ и ушелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

На другой день Траховы уѣхали въ Петербургъ, куда графъ Хвостиковъ и Долговъ написали Татьянѣ Васильевнѣ письма, въ которыхъ каждый изъ нихъ, описывая свое страшное денежное положеніе, просилъ ее дать имъ мѣста.

Татьяна Васильевна, получивъ такое воззваніе отъ своихъ друзей и единомышленниковъ, каковыми она уже считала Долгова и графа Хвостикова, принялась горячо хлопотать объ ихъ судьбѣ. Она при этомъ прежде всего припомнила, какъ ея отецъ-масонъ радѣлъ къ положенію низшихъ *каменщиковъ*. Средства ея, впрочемъ, для сей цѣли ограничивались тѣмъ, что она начала толковать и долбить мужу, что онъ непремѣнно этимъ двумъ человѣкамъ долженъ дать мѣста, на томъ основаніи, что въ настоящее время они гораздо болѣе нужны, чѣмъ онъ самъ. Генералъ хотѣлъ-было сказать женѣ, что теперь нужны военные люди, а не статскіе; но, зная, что Татьяну Васильевну не урезонишь, ничего не сказалъ ей и, не спавъ три ночи сряду, чего съ нимъ никогда не случалось, придумалъ наконецъ возобновить для графа упраздненное-было прежде мѣсто его; а Долгову, какъ человѣку народа, вѣроятно, хорошо знающему сельское хозяйство, логически соображалъ генералъ, поручить управлять ихъ огромнымъ имѣніемъ въ Симбирской губерніи. Татьяна Васильевна нашла этотъ планъ недурнымъ и написала своимъ просителямъ, что имъ будутъ мѣста. Графъ, не откладывая времени, собрался въ Петербургъ и вознамѣрился прямо пріѣхать къ Траховымъ и даже остановиться у нихъ, надѣясь, что тѣ не откажутъ ему на время, по крайней мѣрѣ, въ гостепріимствѣ.

Наканунѣ отъѣзда своего онъ зашелъ къ Бѣгушеву.

— Александръ Ивановичъ, вы были такимъ благодѣтелемъ мнѣ... Я понимаю, что вся моя жизнь должна была бы остаться на служеніе вамъ, но теперь совершаются такія крупныя дѣла, что я долженъ переѣхать въ Петербургъ по приглашенію Трахова.

— На службу къ нему? — спросилъ Бѣгушевъ.

— Да, — отвѣчалъ горделиво Хвостиковъ.

Бѣгушевъ, конечно, догадался, что̀, какъ и почему это такъ устроилось, и сказалъ только графу:—«Съ Богомъ!».

— Именно съ Богомъ! — повторилъ графъ съ чувствомъ и на слѣдующій день въ каретѣ Бѣгушева уѣхалъ на желѣзную дорогу.

Долговъ тоже зашелъ къ Бѣгушеву ради объявленія, что онъ уѣзжаетъ въ имѣніе Траховыхъ управляющимъ.

— Какой же вы управляющій, когда вы и съ своими дѣлами такъ плохо владѣете, — сказалъ ему прямо Бѣгушевъ.

— У нихъ старостъ на это много, но я увижу тутъ народъ! — возразилъ Долговъ.

— Увидятъ этотъ народъ, только ужъ не вы!

— Кто жъ его увидитъ?.. Вы, что ли?

— Можетъ-быть, и я! — отвѣчалъ протяжно Бѣгушевъ.

— Не знаю, какъ вы будете видѣть и наблюдать этотъ народъ, сидя на диванѣ!.. — сказалъ онъ и мрачно задумался. — Вообще, скажите мнѣ, Бѣгушевъ, вы меня нисколько не любите и не уважаете? — присовокупилъ онъ.

Бѣгушевъ, немного сконфуженный такимъ прямымъ вопросомъ, отвѣчалъ, слегка подумавъ:

— Напротивъ, очень люблю и уважаю

Послѣднее слово онъ какъ бы проглотилъ.

— За что?

— Вы не мѣщанинъ и не торгашъ.

— Благодарю, благодарю!.. — воскликнулъ Долговъ съ расцвѣтшимъ отъ удовольствія лицомъ и тутъ же старому товарищу подъ секретомъ повѣдалъ, что, помимо своей управительской дѣятельности, онъ везетъ въ Петербургъ нѣсколько публицистическихъ статей своихъ для печати, которыя, какъ онъ надѣется, въ настоящихъ событіяхъ разъяснятъ многое.

Бѣгушевъ усмѣхнулся про себя, будучи твердо увѣренъ, что у Долгова никакихъ нѣтъ статей, и что ему рѣшительно нечего печатать, и что въ Петербургъ онъ привезетъ лишь себя и присущую ему невообразимую способность разговаривать.

Покуда все это происходило, Прокофій, подобн барину

своему, тоже обнаруживалъ усиленную и нѣсколько безпокойную дѣятельность; во-первыхъ, онъ съ тѣхъ поръ, какъ началась война, сталъ читать газеты не про себя, но вслухъ всей прислугѣ, собиравшейся каждый вечеръ въ просторной дѣвичьей пить чай за общимъ столомъ. Болѣе прочихъ, по случаю прочитанныхъ извѣстій, разговаривали и воздыхали Маремьяша и старикъ Дормидонычъ. Прокофій на всѣ высказываемыя ими мнѣнія и соображенія обнаруживалъ явное презрѣніе и даже нѣкоторую злобу; съ своей же стороны онъ произносилъ только при названіи какого-нибудь города по преимуществу въ славянскихъ земляхъ: «Мы были тамъ съ бариномъ!».

— А какъ тамъ живутъ, лучше или хуже нашего? — спросилъ однажды поваръ.

— Ну да, есть гдѣ-нибудь такое житье, какъ тебѣ, борову,— оборвалъ его, повидимому, ни за что ни про что Прокофій.

Поваръ на это лишь разсмѣялся. Кстати объ его наружности: несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, сей великій мастеръ повареннаго искусства былъ еще молодчина и чрезвычайно походилъ на Виктора-Эммануила: такіе же волнистые усы, такая же курчавая голова; пить онъ могъ сколько угодно, совершенно не пьянѣя. Врядъ ли у него въ послѣдніе годы не завелось кой-чего съ Минодорой. Замѣчалъ ли это Прокофій—неизвѣстно, но только день ото дня онъ дѣлался все болѣе и болѣе строгъ съ поваромъ, а тотъ какъ бы больше все отшучивался отъ него.

Десятаго сентября, въ именины Минодоры, обычное засѣданіе вышло нѣсколько бурнѣе. На столѣ, кромѣ самовара, были наставлены: водка, ромъ, селедка, изюмъ, яблоки и орѣхи. Поваромъ былъ приготовленъ вкуснѣйшій пирогъ и зажарена четверть телятины. Минодора, расфранченная, стройная и весьма миловидная, разливала чай. Въ числѣ гостей у нея былъ также и старикъ Дормидонычъ, о внѣшнемъ видѣ котораго я тоже теперь хочу сказать. Видали ли вы картину Перова «Первый чинъ»? Въ картинѣ этой на сына дьячка, тупоглазаго малаго, старикъ портной примѣриваетъ вицмундиръ. Портной этотъ какъ будто бы писанъ былъ съ Дормидоныча, который тоже былъ портной, сильно нюхалъ табакъ и страстно любилъ выпить. Шить, впрочемъ, онъ уже ничего не могъ, по случаю слабости зрѣнія и дрожанія въ рукахъ; единственное его занятіе было, что онъ вязалъ шерстяные чулки, которые и продавалъ у Иверскихъ воротъ, а при этомъ выпрашивалъ и подаянье, которое прямо и проносилъ въ кабакъ; касательно табаку его обезпечивалъ Александръ Ивановичъ, велѣвшій,

по ходатайству Минодоры, каждый мѣсяцъ выдавать Дормидонычу по два рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Въ настоящій вечеръ Дормидонычъ, стремясь воспользоваться возможностью насосаться на даровщину, тянулъ стаканъ за стаканомъ пуншъ. Маремьяша, разодѣтая еще лучше Минодоры, блистала даже небольшими брильянтиками въ серьгахъ и брошкѣ. Два молодые лакея прислушивались къ звонку Александра Ивановича, и когда тотъ раздавался, они поочередно убѣгали къ нему и, исполнивъ приказаніе барина, возвращались къ трапезѣ и тоже позанялись пуншемъ. Прокофій, ничего почти не пившій, былъ мрачнѣй, чѣмъ когда-либо, и по временамъ взглядывалъ то на жену, то на старшаго сынишку, котораго онъ любилъ, кажется, больше другихъ дѣтей.

Посреди всеобщаго молчанія вдругъ заговорилъ Дормидонычъ, обращаясь къ Прокофію:

— А гробъ Господень вы видѣли тамъ?

— Гдѣ?

— Гдѣ вы были, какъ намъ разсказывали.

— Дуракъ!—обругалъ его Прокофій, вѣроятно, за нетвердое знакомство съ географіей.

— Хоть бы Богъ привелъ съѣздить на Аѳонскія горы,— сказала Маремьяша:—когда мы съ Аделаидой Ивановной жили еще въ деревнѣ, къ намъ заѣзжалъ одинъ греческій монахъ и разсказывалъ, какъ тамъ въ монастыряхъ-то хорошо!

Прокофій при этомъ злобно взглянулъ на Маремьяшу. Онъ былъ съ бариномъ и на Аѳонѣ; но изъ этого путешествія помнилъ то лишь обстоятельство, что у нихъ въ сихъ святыхъ бы, кажется, мѣстахъ украли чемоданъ.

— А ты вынималъ жеребій? — обратился онъ затѣмъ къ одному изъ молодыхъ лакеевъ.

— Вынималъ-съ!—отвѣчалъ тотъ.

Прокофію давно уже вся его собратія говорила *вы* и даже иногда съ прибавленіемъ: *съ*.

— Вѣдь притянутъ теперь тебя,—продолжалъ Прокофій.

— Говорятъ-съ!—отвѣчалъ лакей.

— И прямо тебѣ турка пулю въ лобъ всадитъ... благо лобъ-то широкій,—пошутилъ надъ нимъ поваръ.

— Что жъ, на то и война!—произнесъ вѣтрено молодой лакей.

— Какъ бы и тебѣ стали цѣлиться въ брюхо, такъ не промахнулись бы!—оборвалъ еще разъ повара Прокофій.

— Это вѣрно,—согласился тотъ и ударилъ себя по животу.

Минодора на это чуть замѣтно усмѣхнулась, а Маремьяша стыдливо опустила глаза въ землю.

— Теперь надо молить Царицу небесную, чтобы она по-

могла нашимъ воинамъ завоевать славянъ...—начала-было она выпечатывать.

— А зачѣмъ они намъ?—остановилъ ее озлобленнымъ голосомъ Прокофій:—видалъ я ихъ много; шлялись они къ намъ въ Парижѣ... Баринъ имъ и денегъ давалъ, поилъ и кормилъ ихъ!..

Прокофій тутъ перемѣшалъ: къ Бѣгушеву ходили не одни славяне, а и эмигранты поляки, жиды и даже обнищавшіе французскіе рабочіе.

— Наталья Сергѣевна на что ужъ была добрая, — продолжалъ онъ съ искаженнымъ отъ злости лицомъ:—и та мнѣ приказывала, чтобы я не пускалъ всѣхъ этихъ шляющихъ, болтающихъ, моли Бога объ насъ!.. Христарадникъ народъ, какъ и у насъ вонъ!.. — заключилъ Прокофій и при этомъ почти прямо указалъ глазами на Дормидоныча.

Чувства милосердія и состраданія къ слабымъ у Прокофія совершенно не было!

— Христарадники, братъ, люди Божьи!.. имъ помоги, все равно, что Христу помогъ!.. — осмѣлился-было возразить ему ужъ совсѣмъ пьяненькій Дормидонычъ.

— Это все равно, что тебѣ, что Христу помочь!.. Ахъ, ты шваль этакая!—воскликнулъ Прокофій.

Дормидонычъ поникнулъ окончательно головой.

— Что ты все бранишься и кидаешься на всѣхъ!—заступилась наконецъ за старика Минодора.

— Ты сама такая же шваль!—окрысился на нее Прокофій, а потомъ, поцѣловавъ сынишку въ голову, ушелъ въ свою комнату.

— Какой дерзкій мужчина!—сказала Маремьяша, разведя руками.

— Да, вотъ и поживи съ нимъ!—не утерпѣла и высказалась Минодора.

— Удивляюсь! — проговорила Маремьяша и начала поглощать изюмъ.

Минодора между тѣмъ серьезно задумалась: она никогда еще не помнила Прокофія въ такомъ раздраженномъ состояніи.

Оставшаяся компанія принялась, подъ руководствомъ повара, умѣло разрѣзавшаго пирогъ и телятину, ѣсть и пить. Минодора, когда все это покончилось, вошла къ себѣ въ комнату, гдѣ она увидѣла, что Прокофій лежалъ на постели, но не спалъ.

— Для чего ты всѣ эти чемоданы и пальты покупаешь?—спросила она.

Прокофій дѣйствительно въ это утро купилъ три новыхъ чемодана и два резиновыя непромокаемыя пальто.

— Мы ѣдемъ съ барономъ!—отвѣчалъ онъ ей.

— Куда?

— На войну! На Кавказъ.

— Да ты-то ѣдешь для чего?.. У тебя дѣти!

— Ну да, промѣняю я всѣхъ васъ на барина! — проговорилъ Прокофій и отвернулся къ стѣнѣ.

Въ этой фразѣ онъ сказалъ не все: кромѣ того, что онъ дѣйствительно привязанъ былъ къ Александру Ивановичу, но ему хотѣлось поразмыкать и свое горе, которое онъ, по самолюбію своему, таилъ упорно отъ всѣхъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ перечнѣ убитыхъ на Кавказѣ было напечатано имя полковника Бѣгушева: Тюменевъ, вмѣстѣ съ Траховымъ, хлопоча объ опредѣленіи Александра Ивановича въ военную службу, постарались, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, былъ принятъ хоть сколько-нибудь въ приличномъ чинѣ.

Одинъ изъ раненыхъ генераловъ, возвратившійся съ Кавказа и лично знавшій Бѣгушева, разсказывалъ потомъ Трахову, что Александръ Ивановичъ солдатъ и офицеровъ своего отряда осыпалъ деньгами, а самъ въ каждомъ маленькомъ дѣлѣ обнаруживалъ какую-то тигровую злость, но для себя, какъ всѣ это видѣли, явно искалъ смерти.

— Говорятъ, что онъ пить много сталъ въ послѣднее время?—спросилъ генерала потихоньку Траховъ.

— Пилъ!—не отвергнулъ тотъ:—да и какъ тамъ не пить, люди же, а не звѣри, ничего не понимающіе.

— Такъ!—подтвердилъ, въ свою очередь, Траховъ и спросилъ еще новую бутылку шампанскаго.

Что касается до судьбы остальныхъ моихъ лицъ, то Тюменевъ, назначенный по духовному завѣщанію душеприказчикомъ Бѣгушева, прежде всего отказался отъ пріема дома въ наслѣдство отъ Александра Ивановича, да, по правдѣ сказать, ему и не для чего это было: онъ страдалъ такимъ колоссальнымъ гемороемъ, какому самые опытные врачи примѣра не видывали и объясняли это тѣмъ, что онъ свою болѣзнь на службѣ насидѣлъ!

Прокофій, явившійся черезъ мѣсяцъ послѣ смерти барина въ Петербургъ къ Тюменеву, передалъ ему чемоданъ Александра Ивановича, въ которомъ оказалось тысячъ пять денегъ, а въ одномъ изъ уголковъ, тщательно завернутые, лежали три женскіе портрета: Натальи Сергѣевны, Домны Осиповны и маленькая карточка Мѣровой. Тюменевъ, взглянувъ на эти

портреты, проговорилъ, качая головой: «Романтикъ, романтикъ! Какимъ родился, такимъ и умеръ». Карточка Мѣровой, впрочемъ, нѣсколько удивила Ефима Ѳедоровича. Онъ слышалъ, конечно, что Мѣрова передъ смертью жила у Бѣгушева, но объяснялъ это чисто канюченьемъ графа, не знавшаго, какъ и чѣмъ кормить дочь... Добрую старушку Аделаиду Ивановну, какъ только она получила извѣстіе о смерти брата, постигнулъ параличъ, и она лежала безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка въ своемъ историческо-семейномъ отдѣленіи. Всѣми дѣлами по доставшемуся имѣнію стала заправлять, конечно, Маремьяша и отчасти Прокофій, первымъ распоряженіемъ котораго было прогнать повара, при чемъ Прокофій говорилъ: «Ему и при баринѣ нечего было дѣлать, а теперь что же? Развѣ съ жиру только лопаться!» На все это ни Аделаида Ивановна, ни Маремьяша, ни Минодора ни слова ему не возражали. Очень ужъ рѣшительно говорилъ это Прокофій. Долговъ такъ-таки и не ѣхалъ въ Петербургъ для принятія управительской должности, а продолжалъ ѣздить по Москвѣ въ гости и разговаривать. Графъ Хвостиковъ, продолжавшій жить у Траховыхъ, вдругъ за однимъ завтракомъ у нихъ упалъ со стула и умеръ мгновенно, какъ и дочь его, вѣроятно, отъ аневризма. Татьяна Васильевна принялась-было усиленно хлопотать въ Обществѣ Краснаго Креста и при этомъ прежде всего предложила комитету сего Общества схлопотать постановку на сцену ея патріотической пьесы, а также напечатать ее въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ, и все, что отъ этого выручится, она предоставляла въ пользу Краснаго Креста. Комитетъ однако не принялъ сего великодушнаго дара. Татьяна Васильевна обидѣлась, не стала болѣе участвовать въ дѣятельности Общества и услаждала себя только тѣмъ, что читала журналы духовнаго содержанія и готовила себя къ смерти. Мой милый генералъ Траховъ тоже готовилъ себя къ смерти. Его какъ-то сразу подцѣпила подагра. Ему предписали діэту съѣстную и винную. Онъ болѣзнь выносилъ довольно равнодушно; но, по случаю діэты, былъ мраченъ какъ теленокъ, отнятый отъ соска матери... мысленно онъ все порывался уѣхать на войну, но понималъ, что двинуться даже не могъ. Гроховъ померъ и оставилъ своему родному брату, дьякону какой-то приходской церкви, восемьсотъ тысячъ рублей серебромъ въ наслѣдство. Глашѣ онъ не завѣщалъ ни копейки, которая, впрочемъ, бросила его, какъ только онъ сдѣлался очень боленъ.

«Но кто же, кто счастливъ изъ выведенныхъ вами лицъ?» — можетъ-быть, спроситъ читатель. По-моему, пока только одни

Янсутскіе, Офонькины, Перехватовы и вообще tutti quanti, а что̀ тамъ-то, тамъ-то, на далекомъ югѣ происходитъ?.. Когда я пишу эти послѣднія слова, морозъ и огонь овладѣваетъ попеременно всѣмъ существомъ моимъ, и что̀ тутъ сказать: бейтесь и умирайте, рыцари, проливайте вашу кровь, начиная уже съ царственной и кончая послѣднимъ барабанщикомъ. Исторія, конечно, пойметъ и оцѣнитъ ваши подвиги, и мое одно при этомъ пламенное желаніе, чтобы она также поняла и оцѣнила разныхъ газетныхъ пустослововъ, торгашей и подстрекателей!

1877.

Оглавленіе

III ТОМА.

стр.

Комикъ. Разсказъ 3
М-г Батмановъ. Очерки весьма непріятной зимы 73
Фанфаронъ. Еще разсказъ исправника 159
Виновата ли она? Записки 213
Старая барыня. Разсказъ 288
Мѣщане. Романъ въ трехъ частяхъ 320

University of
Connecticut
Libraries

39153029406859